This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

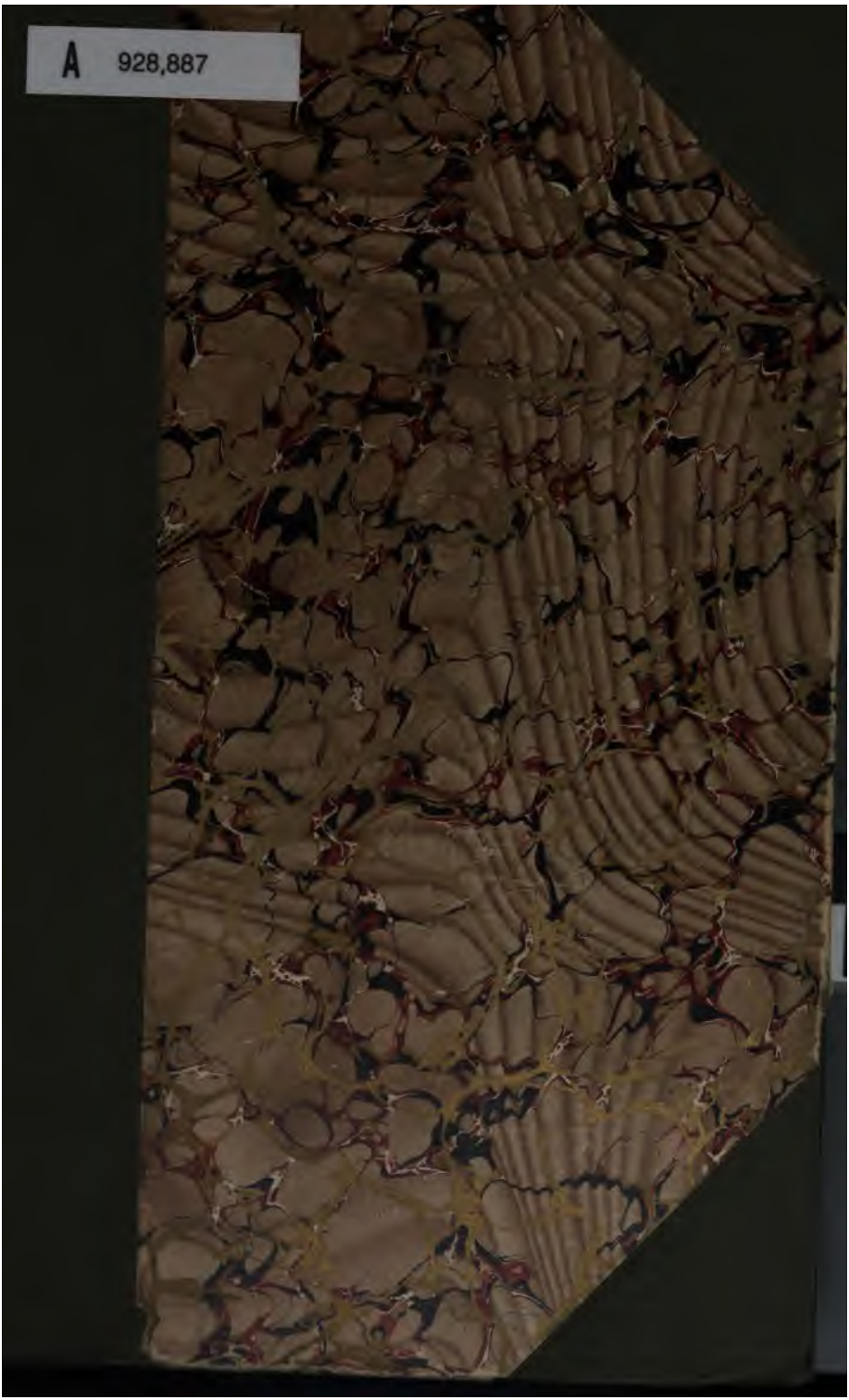
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

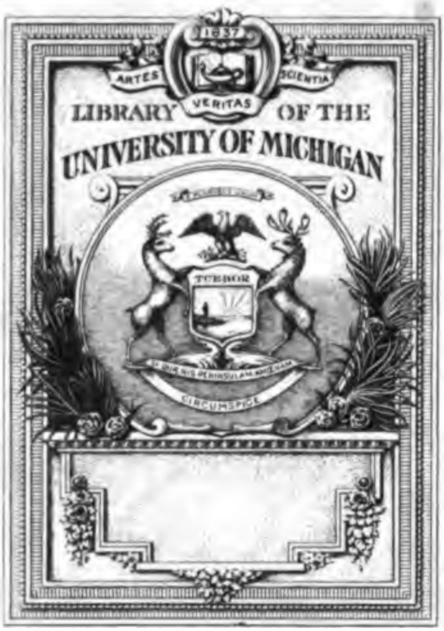
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 928,887




1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

341.18
S644
1904

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ШЕСТОЙ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

Артистич. заведеніе А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ЛѢСЪ РУБЯТЪ,

ЩЕПКИ ЛЕТЯТЪ.

РОМАНЪ

въ 2-хъ частяхъ.

comp. philology
Monolit
1-8-24
5581

Часть первая.

КНИГА I.

I.

Драма въ подвалѣ.

Поздняя осень.

Надъ Петербургомъ, развиваясь, какъ клубы дыма, и заслоняя послѣдніе клочки неба, медленно тянутся тяжелыя свинцовыя тучи-великаны. Въ воздухѣ сыро и пасмурно. Порою начинаетъ моросить дождь, иногда перепадаютъ мокрые хлопья снѣгу. Недавно выкрашенные за̀-ново дома покрылись пятнами отъ сырости и выглядятъ уныло. На улицахъ лежитъ непроходимая грязь и стоятъ широкія лужи воды. Рѣзкій вѣтеръ дуетъ съ моря, ни на минуту не умолкая. Онъ зловѣще и пронзительно воетъ въ трубахъ домовъ, въ снастяхъ кораблей, въ обнаженныхъ деревьяхъ садовъ и кладбищъ. Нева, мутная и почернѣвшая, угрюмо шумитъ и бѣшено бьется въ берега, какъ будто силясь изломать въ куски свои гранитныя оковы и затопить возникшій изъ болота городъ. Вода поднялась очень высоко, и рѣка кажется еще шире, еще страшнѣе. Въ отдаленіи тяжело и глухо проносятся въ воздухѣ одинокіе звуки пушечныхъ выстрѣловъ — это напоминаніе для подвальныхъ жителей, что противъ нихъ поднимается страшный врагъ—наводненіе, готовое затопить ихъ послѣдніе жалкіе пожитки. На улицахъ почти пусто, всѣ, кто могъ, забились по своимъ, можетъ-быть, и неудобнымъ, но теплымъ угламъ.

Но на Невѣ идетъ усиленная работа.

Плотовщики, содержатели ваннъ и десятки перевозчиковъ спѣшатъ привязать плоты и купальни; солдаты и рабочіе таскаютъ доски, укрѣпляютъ канаты, приготовляясь развести мосты; запоздалые барочники разгружаютъ послѣдніе остатки дровъ и сѣна; мѣстами еще виднѣются чухонскія лайбы и иностранныя суда, спѣшащія отплыть къ Кронштадту; на пароходахъ снуютъ кочегары и матросы, идетъ чистка и осмотръ машинъ; на бердовскихъ тоняхъ рыбаки складываютъ мережи, таскаютъ сачки, бадьи, выбрасываютъ гнилую мелкую рыбу. Въ воздухѣ раздаются удары топоровъ, всплескиванья воды подъ веслами и канатами, слышатся крики: «отдай канатъ!» «отчалива-ай!» «куда тебя несетъ, лѣ-ѣшій, подъ машину!» Эти слова, вылетающія сквозь приложенныя ко рту въ видѣ рупора руки, звучатъ какъ-то глухо и дико. Руки рабочаго народа походятъ по цвѣту на кровь: онѣ начинаютъ коченѣть, а съ грубыхъ лицъ между тѣмъ катится обильный потъ, смѣшанный съ грязью и копотью, оставляющій на щекахъ и на лбахъ тружениковъ какія-то сѣрыя, черныя и коричневыя полосы, зигзаги и пятна.

Чѣмъ ближе къ устью рѣки, тѣмъ больше народу виднѣется на ней, тѣмъ менѣе сдержанности, тѣмъ болѣе торопливости въ движеніяхъ и въ рѣчахъ рабочихъ. Закоптѣлые фабричные и оборванные кочегары съ черными лицами, мужики въ неуклюжихъ овчинныхъ тулупахъ, голландцы въ своихъ плотно прилегающихъ къ тѣлу штанахъ и курткахъ, все это, иззябшее, промокшее до костей, снуетъ, торопится, шумитъ, переругивается здѣсь между собою на различныхъ нарѣчіяхъ, на различныхъ языкахъ, и между тѣмъ вся эта возня, весь этотъ гамъ, вся эта брань переводятся немногими всѣмъ и каждому понятными словами: «мы хотимъ ѣсть и зимою!»

Повидимому, эта масса тѣсно сплотилась въ одной спѣшной дружной работѣ, но именно въ эту минуту она болѣе всего разъединена между собою и ни въ комъ изъ ея членовъ нѣтъ мѣста ни общему любопытству, заставляющему двухъ мужиковъ мирно бесѣдовать, доѣдетъ или не доѣдетъ колесо чичиковской брички до Казани, ни общему состраданію, собирающему цѣлую толпу народа поохать надъ утопающимъ ближнимъ. И любопытство, и состраданіе, и всѣ другія чувства поглотились теперь одною мыслью о хлѣбѣ,—о хлѣбѣ для себя и только для себя. Въ такія минуты легче всего незамѣтно погибнуть въ глазахъ сотни людей.

Вотъ почему никто не интересовался жалкою барочною лодченкой, плохо сколоченною, плохо высмоленною, то тамъ, то тутъ пропускавшей воду; она пробиралась со взморья, тяжело ныряя по сердитымъ волнамъ и ежеминутно гото, вясь скрыться подъ ними. Въ ней на гнилыхъ доскахъ-замѣнявшихъ скамьи, сидѣли два человѣка. Одному было лѣтъ пятьдесятъ, другому едва ли минуло девять. На первомъ былъ надѣтъ совершенно вытертый, бутылочнаго цвѣта сюртукъ съ заплатанными локтями, съ ободранными обшлагами, съ двумя костяными пуговицами на правой сторонѣ и одною мѣдною пуговицею на лѣвой. Костяшки размѣстились очень далеко одна отъ другой—одна у тальи, другая у ворота—и потому, хотя сюртукъ былъ застегнутъ, между пуговицами было большое отверстіе, въ которое, какъ въ разинутую пасть, забирался вѣтеръ, обдувая холодомъ все тѣло владѣльца этого наряда. Около шеи старика былъ обмотанъ грязный клѣтчатый бумажный платокъ, на ногахъ были разорванные, порыжѣвшіе сапоги съ полуотвалившимися заплатами; въ голинища сапогъ были засунуты бахромы рваныхъ панталонъ. Замасленная фуражка сдвинулась на затылокъ старика; изъ-подъ нея выбивались клочья сѣдыхъ волосъ, и угрюмо смотрѣло давно небритое, обросшее сѣрою щетиной лицо съ воспаленными глазами, синевато-багровымъ носомъ и синевато-багровыми щеками. Можетъ-быть, это были слѣды долголѣтняго пьянства; можетъ-быть, это были слѣды долголѣтнихъ пребываній на морозѣ. Трудно было опредѣлить по физіономіи, былъ ли этотъ человѣкъ добръ или золъ, уменъ или глупъ, хитеръ или простодушенъ. Жизнь стерла съ этого лица слѣды какихъ бы то ни было человѣческихъ чувствъ: на немъ осталось и какъ бы замерло только одно выраженіе суровой одичалости, не переходившее ни въ злую улыбку, ни въ пламенный гнѣвъ. Подобное выраженіе встрѣчается у жалкихъ, забитыхъ трусовъ, близкихъ къ кретинизму, и у холодныхъ злодѣевъ, дошедшихъ до звѣрства. Во всякомъ случаѣ, оно является плодомъ страшно тяжелаго прошлаго; такъ выглядятъ старые арестанты изъ «благородныхъ» послѣ долголѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ. Нельзя сказать, чтобы спутникъ старика составлялъ съ нимъ рѣзкій контрастъ, потому что его трудно было разсмотрѣть. Онъ былъ одѣтъ не лучше старика, но теплѣе. Чья-то заботливая рука надѣла на него ситцевую женскую кофту на ватѣ и повязала ему уши какой-то толстой тряпицей не-

опредѣленнаго цвѣта и неизвѣстной матеріи. Опоясанный веревкою, обвязанный тряпицею, въ нахлобученной на уши теплой шапкѣ, ребенокъ съ перваго взгляда болѣе походилъ на узелъ грязной ветоши, чѣмъ на человѣка, и могъ быть принятъ скорѣе за дѣвочку, чѣмъ за мальчика, если бы попристальнѣе вглядѣться въ его маленькое посинѣвшее отъ холода лицо, выглядывавшее не то оторопѣлыми, не то унылыми синими глазами на все окружающее. Между старикомъ и мальчикомъ лежала цѣлая груда мокрыхъ досокъ, дровъ и щепокъ. Лодка очень низко сидѣла въ водѣ, и волны уже не разъ обдавали своими брызгами и сюртукъ старика, и кофту мальчика. Спутники давно уже не говорили ни слова и ѣхали въ гробовомъ молчаніи среди шума волнъ и криковъ народа, работавшаго на обоихъ берегахъ.

— Чего зазѣвался? Не видишь?—сиплымъ и глухимъ голосомъ пробормоталъ, наконецъ, старикъ, мотнувъ головою по направленію къ водѣ.

Мальчикъ засуетился, поднялъ со дна лодки нѣчто въ родѣ обломка багра, привязаннаго къ веревкѣ, и, намѣтивъ во что-то, бросилъ багоръ въ воду. Черезъ мгновенье онъ уже тащилъ за веревку полѣно, въ которое вонзился острый конецъ желѣза. Лодка закачалась сильнѣе.

— Совсѣмъ до краевъ вода!—испуганно пробормоталъ мальчуганъ, разставивъ ноги и, повидимому, стараясь удержать этимъ движеніемъ раскачавшуюся лодку.

— Не потонешь!—сквозь зубы отвѣтилъ старикъ.—Зимою сами станете выть: «хоодно, мамка, дьовецъ подьожи въ печку!» Знаемъ мы васъ! Теперь потонуть трусишь, а потомъ замерзнуть побоишься.

Старикъ говорилъ ровно, монотонно, не повышая, не понижая голоса. Мальчикъ молчалъ. Они опять ѣхали среди полнѣйшаго безмолвія. Вѣтеръ продолжалъ дуть. Началъ накрапывать дождь. Путники проѣхали еще нѣсколько саженъ въ безплодныхъ поискахъ за скудною добычей. Наконецъ, старикъ совершенно выбился изъ силъ и на минуту пересталъ грести. Лодку начало поворачивать поперекъ рѣки и быстро понесло назадъ по теченью.

— Ахъ, дуй-те горой! И передохнуть нельзя,—угрюмо промолвилъ старикъ и снова принялся за весла. — И что это за шельма твоя мать!—пробормоталъ онъ, обращаясь къ мальчику.—Нѣтъ того, чтобы на сюртукѣ пуговицы пересадить; словно въ зѣвъ какой вѣтеръ дуетъ, а мѣдяшка

на лѣвомъ боку безъ пути болтается. Катька, небось, нашла куфту тебя одѣть, а для отца пальца о палецъ не ударитъ. Окаянные, право, окаянные! Нѣтъ, баста! Въ послѣдній разъ на васъ работаю. Поколѣвайте, какъ знаете!

Мальчикъ не то испуганно, не то уныло смотрѣлъ на старика, слушая эти рѣчи. А волны все съ большею и большею злобой бились о лодку. Старикъ началъ крѣпче забирать лѣвымъ весломъ, понемногу сворачивая въ Пряжку.

— Пріѣдемъ, сбѣгай за матерью, вели таскать дрова; да сторожи ихъ, не то растащутъ,—приказалъ старикъ. — Сами не поѣдутъ на работу, а стащить каждый норовитъ. Подлецъ народъ!

— А ты куда пойдешь?—тихо спросилъ мальчуганъ.

— Молоко сперва оботри, да потомъ и спрашивай. Ишь не обсохло еще!—отвѣтилъ старикъ и, плюнувъ на ладонь, принялся грести съ новымъ усердіемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ тяжелая лодка дотянулась до берега. Здѣсь не было ни набережной, ни мостовой, ни фонарей, ни будокъ. На откосахъ берега еще виднѣлись потемнѣвшіе остатки тощей травы. Здѣсь лежало множество почти негодныхъ опрокинутыхъ лодокъ. По берегу, состоявшему изъ черной вязкой грязи не то земли, не то осаждавшейся отъ заводовъ копоти, валялись кирпичи, булыжники, каменный уголь, только не было тутъ ни одной щепочки, ни одного куска дерева,—все это, какъ кладъ, какъ сокровище, было давно выловлено, давно подобрано изъ грязи окрестными жителями. Гдѣ они жили — это было трудно опредѣлить сразу, такъ какъ по берегу тянулись почти одни безконечные сломанные заборы, среди которыхъ то тутъ, то тамъ выглядывало нѣчто въ родѣ собачьихъ конуръ, украшенныхъ вмѣсто круглыхъ дыръ квадратными отверстіями, заклеенными бумагой, тряпками и отчасти стеклами. Нѣсколько неуклюжихъ каменныхъ домовъ попали сюда какъ бы случайно, стояли какъ-то бокомъ, словно сторонились другъ отъ друга. Все, и земля, и небо, и зданія, было темно, теперь же даже черно отъ дождя и наступившихъ сумерекъ.

Мальчуганъ побѣжалъ, шлепая по грязи, домой. Старикъ остался близъ лодки, неподвижно остановившись на берегу.

Онъ походилъ въ эту минуту на мертвеца съ застыв-

шимъ выраженіемъ суровой одичалости; это лицо хранило теперь слѣды полнѣйшей апатіи, полнѣйшаго отвращенія къ жизни; можно было безошибочно сказать, что этому человѣку теперь все равно, куда идти: на разбой, въ тюрьму, въ воду или въ кабакъ. Если бы люди увидали этого человѣка въ настоящую минуту и сжалились бы надъ нимъ, то они, вѣроятно, отправили бы его въ больницу, въ теплую комнату, на мягкую постель.

Но здѣсь не было сострадательныхъ людей: здѣсь жили только нищіе.

Минутъ черезъ пять мальчикъ снова воротился къ лодкѣ.

— Что мать-то?—послышался глухой вопросъ; въ звукахъ этого голоса теперь слышалась уже не суровость, а какая-то болѣзненность, надорванность; такимъ тономъ просятъ Христа ради «стакашикъ» спившіеся съ кругу, дошедшіе до бѣлой горячки люди.

— Идетъ!—послышался тихій отвѣтъ.

— Ну, жди ее здѣсь.

Старикъ поплелся по грязи. Это былъ сгорбленный, отощавшій, изнуренный и ревматизмомъ, и геморроемъ, и припадками бѣлой горячки, и чахоткой человѣкъ. Онъ плелся медленно, невѣрными шагами, согнувъ колѣни. Только теперь, смотря на эту полумертвую фигуру, можно было удивиться, что у этого человѣка еще доставало силы изъ-за ничтожной груды дровъ и щепокъ объѣздить все устье Невы въ эту бурную погоду, въ этотъ холодъ, въ этотъ дождь. Но что прикажете дѣлать, если наступаетъ зима, если не на что купить дровъ, если можно поколѣть отъ холода въ подвалѣ, въ конурѣ, съ полувыбитыми стеклами, со щелями въ каждомъ углу? Мальчикъ уныло смотрѣлъ на удаляющагося старика, онъ не смѣлъ его остановить, не смѣлъ спросить, куда онъ идетъ, за чѣмъ идетъ. Сумерки и туманъ между тѣмъ дѣлались все гуще и гуще, заслоняя все окружающее, и небо, и землю, и дома, и людей. Черезъ нѣсколько мгновеній мальчикъ сталъ видѣть только какую-то смутную, медленно и беззвучно двигавшуюся, расплывавшуюся въ туманѣ черную массу безъ всякихъ очертаній; еще черезъ нѣсколько секундъ эта масса совершенно слилась съ окружавшимъ ее туманомъ и исчезла, какъ бы растаяла среди болотныхъ испареній безъ всякаго слѣда, безъ всякаго звука.

Постоявъ еще нѣсколько времени въ безмолвномъ и

грустномъ раздумьи, мальчикъ сталъ подпрыгивать около лодки и похлапывать руками отъ холода.

Проводивъ отца, онъ поджидалъ мать.

Наконецъ, въ туманѣ показалась какая-то странная фигура. Она была одѣта въ ситцевыя тряпки. Это не было ни платье, ни платокъ, ни кацавейка; это были тряпки отъ всѣхъ этихъ предметовъ. Фигура была блѣдна, высока, худа, какъ скелетъ, и только около тальи поражала ея необыкновенная толщина. Она была бы смѣшна, если бы даже самый черствый человѣкъ могъ разсмѣяться надъ безобразіемъ, одѣтымъ въ подобные лохмотья, имѣвшимъ такое испитое, выцвѣтшее, мертвенное лицо.

— Самъ-то гдѣ?—лаконически и глухо спросила она у мальчика, черезъ силу нагибаясь къ кучѣ щепокъ и дровъ.

— Ушелъ,—такъ же односложно отвѣтилъ мальчикъ.

— Куда это? Въ кабакъ не могъ уйти. Денегъ ни гроша.

— Вчера тоже денегъ не было, а напился,—замѣтилъ мальчуганъ, подбирая дрова.

— Напился, напился!—тоскливо вздохнула женщина и хотѣла собрать въ подолъ щепки, чтобы отнести ихъ въ свою конуру.

— Ты постой, я снесу. Ты здѣсь постой,—проговорилъ сквозь зубы мальчикъ; его слова были грубо-односложны, но ими выражалась заботливая нѣжность.

— Ничего, я подсоблю.

— Гдѣ тебѣ!

Мальчуганъ поднялъ охапку мокрыхъ дровъ и щепокъ и потащился по грязи. Женщина опустилась на скамью лодки и въ совершенномъ изнеможеніи склонила голову на ладонь правой руки, подпертой лѣвою. Прошло довольно много времени, женщина не выходила изъ своего раздумья. Наконецъ, около нея послышался голосъ мальчика:

— Что же ты сидишь? Пойдемъ домой; я перетаскалъ дрова.

Женщина очнулась.

— И куда это онъ ушелъ?—проговорила она, какъ будто продолжая вслухъ свои размышленія.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ.

— Вотъ жизнь-то, каждый мужикъ лучше живетъ!—проговорила женщина, тяжело поднимаясь съ мѣста и черезъ силу тащась за мальчуганомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ спутники добрели до дома. Это былъ деревянный, длинный, ветхій домъ съ вросшими въ землю окнами, покрытыми десяткомъ заплатъ изъ синей сахарной бумаги и тряпокъ. Двѣ ступени внизъ вели въ сѣни. Онѣ походили на мрачное подземелье. Когда шелъ дождь, вода лилась по этимъ прогнившимъ ступенямъ. За темными сѣнями была темная кухня, съ лавкою въ углу, на которой ворочалось какое-то несчастное существо, издававшее хриплые стоны. Эта лавка была жилищемъ старой нищей, платившей полтину въ мѣсяцъ за пару досокъ для спанья. Огонь, разведенный на очагѣ въ кухнѣ, озарялъ какимъ-то фантастическимъ свѣтомъ и темные углы, и ухваты, и кочерги, и возившуюся на своихъ доскахъ старуху. Въ этой картинѣ было что-то зловѣщее. За кухней была комната или, лучше сказать, чуланъ, едва освѣщаемый двумя окнами, наполовину скрывавшимися подъ землей. Днемъ изъ оконъ виднѣлся только черный, во время дождей, и сѣрый, во время засухи, берегъ рѣчки и ноги прохожихъ. Осенью и весною окна забрызгивались грязью, лѣтомъ на нихъ насаживался густой слой пыли, зимой они совсѣмъ заносились снѣгомъ, и по утрамъ приходилось отчищать этотъ снѣгъ, чтобы въ конуру проникли хотя слабые лучи дня. Въ сырую погоду въ окна проникала вода, стекавшая по веревкамъ въ привѣшанные глиняные кувшины изъ-подъ сельтерской воды, подобранные на улицѣ. Среди хлама некрашенныхъ табуретовъ, скамеекъ, стола и постели, въ конурѣ копошились двое ребятишекъ и сидѣла за шитьемъ дѣвушка лѣтъ девятнадцати, съ блѣднымъ лицомъ, поражавшимъ контрастомъ матовой бѣлизны кожи и вьющихся черныхъ волосъ, тонкихъ черныхъ бровей и большихъ черныхъ глазъ. Дѣвушка не была красавицей, но это было одно изъ тѣхъ немногихъ лицъ, которыя бросаются въ глаза, даже среди самыхъ избранныхъ красавицъ. Она походила и на ребенка, съ большими, умными глазами, только-что начавшаго поправляться послѣ тяжкой болѣзни, и на взрослое, вполнѣ развившееся существо, у котораго уже развивается страстность. Въ ея глазахъ были и недоумѣніе, и тоска, и страсть; но чѣмъ полнѣе отражалась въ нихъ внутренняя жизнь, тѣмъ печальнѣе поражала блѣдность лица; здѣсь духъ былъ, повидимому, вполнѣ жизненъ, кипѣлъ жаждою жизни, а тѣло изнемогало, таяло подъ бременемъ этой жизни. При появленіи мальчика въ конурѣ, дѣвушка оставила шитье.

— Озябъ?—спросила она, пристально всматриваясь въ его лицо: ея большіе глаза были близоруки.

Онъ вздрогнулъ и сталъ снимать свою кацавейку.

— Промокъ,—проговорилъ онъ.

— Сейчасъ чаю заварю,—сказала она и пошла въ кухню.

Черезъ минуту на очагѣ, треща и выбрасывая искры, огонь запылалъ еще сильнѣе подъ чернымъ, таганомъ, на которомъ стоялъ такой же черный чайникъ. Передъ печкой сидѣла на табуретѣ дѣвушка. Ея лицо ярко освѣщалось красноватымъ пламенемъ и поражало теперь еще болѣе какою-то особенною, прихотливою красотой. Теперь ея черные большіе глаза были какъ-то безжизненно, дремотно устремлены на огонь, зато ея лицо разгорѣлось и казалось совсѣмъ пламеннымъ при отблескѣ огня. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, въ которыя дѣвушка невольно отдавалась горькому раздумью о прошломъ, о настоящемъ, о будущемъ и всюду видѣла одинъ только мракъ, непроглядный мракъ. Въ эти минуты болѣе всего подтачивалось ея здоровье, блѣднѣло ея лицо. Она боялась этихъ минутъ, она старалась скрыться отъ своей собственной мысли за работою, за разговоромъ съ дѣтьми, съ матерью, со старухой-нищей. Но бывали случаи, когда не было силъ скрыться отъ своей мысли, когда тяжело было вымолвить слово, когда горе подступало къ самому горлу. Бывало, отецъ придетъ разбитый, пьяный, въ бѣлой горячкѣ, похожій на бѣглеца изъ сумасшедшаго дома, и бредитъ чертями, видитъ ихъ на головѣ жены, въ кружкѣ воды, за спиной дѣтей; дѣти дрожатъ, плачутъ и забиваются въ холодныя сѣни, подъ доски нищей, подъ печку,—и дѣвушка, блѣдная, какъ полотно, перестаетъ шить, не можетъ шить; она смотритъ съ ужасомъ на пьянаго отца, на рыдающую мать, и въ ея головѣ неотступно, безотвязно, все сильнѣе и сильнѣе возникаютъ вопросы: «Когда же этому будетъ конецъ? Гдѣ же исходъ! Или такъ и погибать до могилы?» И сколько такихъ дней, сколько такихъ вопросовъ пережила она. И еще одинъ подобный день пришлось ей пережить сегодня: отецъ съ утра увезъ ея брата, ея любимаго брата, на поиски за дровами; хмурое утро превратилось въ бурный день; она слышала выстрѣлы, слышала вой вѣтра; она десятки разъ выходила на берегъ рѣки посмотрѣть, не ѣдетъ ли братъ; онъ не ѣхалъ, а вѣтеръ все крѣпчалъ и крѣпчалъ. «Не утонулъ ли онъ? не погибъ ли?»—думалось ей, и работа падала изъ рукъ. Наконецъ, онъ пріѣхалъ иззябшій, промокшій, усталый.

Тревоги должны были, повидимому, кончиться, но въ головѣ возникли опять мучительныя думы: «Когда же это кончится? Долго ли онъ будетъ мучиться? До чего онъ домается въ этой каторгѣ?»

Она сидѣла неподвижно, какъ статуя, и даже не слыхала, какъ около нея появились и старшій братъ, и двое маленькихъ ребятишекъ, дѣвочка и мальчикъ пяти и шести лѣтъ. Мальчикъ ухватился за подолъ старшей сестры и любопытными глазенками смотрѣлъ на веселое пламя; дѣвочка вскарабкалась на колѣни сестры и, какъ мышенокъ, выглядывала изъ-подъ безсознательно-обнявшей ее руки дѣвушки. Старшій братъ, успѣвшій освободиться отъ своей кофты наушниковъ и шапки, въ одной рубашкѣ и заплатанныхъ панталонахъ стоялъ у самаго очага и грѣлъ руки, почти касаясь ими огня. Теперь онъ уже смотрѣлъ не такъ испуганно, не такъ дико, какъ во время путешествія по Невѣ; не походилъ ни на кучу тряпья, ни на дѣвочку. Его лицо было оригинально: сильно закругленный подбородокъ, большой лобъ, ясные синіе глаза, безпорядочно вьющіеся, падающіе на лобъ темные волосы, тонкія, подвижныя ноздри правильнаго носа, крупныя, правильно очерченныя губы, все обличало и умъ, и силу и, можетъ-быть, слишкомъ раннее развитіе мальчугана.

— Отецъ опять ушелъ,—пробормоталъ онъ въ полголоса, грѣя свои руки.

— Слышала,—машинально отвѣтила дѣвушка.

Оба замолчали.

— Завтра опять поѣдете за дровами?—спросила она черезъ минуту.

— Нѣтъ; въ послѣдній разъ, говоритъ, на васъ, окаянные, работаю,—отвѣтилъ мальчикъ.

Наступило опять тяжелое молчаніе.

— Мать въ больницу хочетъ идти, — проговорила дѣвушка.—Тамъ лучше будетъ.

— Извѣстно, лучше. Что сегодня не ушла? Опять пьяный бить ее станетъ. Измаялась совсѣмъ.

— Съ чего напьется-то?

Въ эту минуту въ углу кухни снова завозилась старая нищая. Въ затишьѣ послышался ея хриплый, отрывистый голосъ.

— Не безъ добрыхъ людей, не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ, касатики!.. И подадутъ грошикъ, другой... Такимъ-то чиновникамъ-то и пятакъ иной разъ сунутъ... О-охъ, это не то, что нашей сестрѣ, и гроша не дадутъ...

Братъ и сестра молча слушали эти слова, прерываемыя глухимъ кашлемъ и вздохами.

— Да ты нешто видѣла, какъ отецъ милостыню просилъ?—грубо спросилъ мальчикъ, полуобернувъ голову къ старухѣ.

— Видѣла, родной, видѣла...—нараспѣвъ произнесла старуха.—Вѣдь не воровствомъ же ему жить... Къ милосердію ближнихъ прибѣгаетъ...

Мальчикъ снова повернулъ лицо къ огню и уже не слушалъ старуху. Дѣвушка еще апатичнѣе, еще дремотнѣе смотрѣла на пламя.

— И съ чего это онъ драться сталъ съ третьяго дня?—задумчиво прошептала она, качая головой.

— Видно, жизь, голубка, не сладка стала,—вздохнула старуха на своей постели.

— Не веселѣе жилось и прежде,—отозвалась дѣвушка.

Чайникъ начиналъ между тѣмъ шумѣть, и нѣсколько брызговъ, попавшихъ на горящія щепки, возвѣстили, что кипятокъ готовъ. Дѣвушка бережно опустила на полъ ребенка и поднялась съ табурета за чаемъ.

— Тепленькаго-то, тепленькаго-то и мнѣ, старушкѣ Божіей, дайте...—жалобно простонала нищая, поднимаясь на постели.—Цѣлый день не ѣла сегодня... Разнемоглась, выйти силушки не было,—слышался стонъ изъ угла.

Мальчикъ при помощи спущеннаго рукава рубашки снялъ чайникъ съ тагана и понесъ его въ комнату. Черезъ минуту въ чайникъ была всыпана щепотка чаю, на столѣ появились кружки съ отбитыми ручками. Хозяйка дома лежала на постели и тяжело, черезъ силу поднялась къ чаю. Въ конурѣ послышалось тяжелое шарканье и шлепанье мягкихъ башмаковъ, и у стола появилась вся закутанная въ лохмотья, похожая на расползающійся студень, старуха, съ сѣдыми всклокоченными волосами, съ руками, похожими на когти хищной птицы. Всѣ усѣлись пить чай. На дворѣ выла вьюга, въ комнату врывались тонкія, пронзительныя струи вѣтра и задували пламя единственнаго сальнаго огарка, поставленнаго въ помадную банку, наполненную пескомъ. Въ этомъ жильѣ давно уже не было ни подсвѣчниковъ, ни бутылокъ для вставки свѣчей,—все это было продано. Чай былъ допитъ въ полнѣйшемъ безмолвіи. Дѣвушка уложила дѣтей, старуха побрела въ свой уголъ, хозяйка снова легла на постель, не снимая платья; наконецъ, потушили и сальный огарокъ. Впотьмахъ укладывались

спать послѣдніе члены семьи, старшіе братъ и сестра. Они спали вмѣстѣ съ дѣтьми въ углу, на полу.

— Отецъ-то все не идетъ,—шепталъ въ темнотѣ мальчикъ на ухо сестрѣ.

Она не отвѣчала. Черезъ минуту она спросила:

— Что ты дрожишь? Лихорадка сдѣлалась?

— Да, зябну!

— На, прикройся еще.

Въ тишинѣ послышалось шуршанье какой-то тряпки, передаваемой дѣвушкою брату. Плотно прижавшись другъ къ другу, всѣ четверо младшихъ членовъ семьи уснули крѣпкимъ сномъ. Не спала только ихъ мать.

Она чутко прислушивалась къ каждому шороху на улицѣ, къ каждому крику изрѣдка проходившихъ фабричныхъ. Она ждала мужа. Мучила ли ее жалость, что онъ гдѣ-нибудь погибнетъ, томилъ ли ее страхъ, что онъ придетъ и снова изобьетъ ее, какъ онъ избилъ ее наканунѣ? Она уже давно перестала сознавать, чего она желаетъ: смерти ли мужа или прекращенія его пьянства. Въ ея запуганномъ, изстрадавшемся умѣ было только одно желаніе—желаніе какого бы то ни было конца этой жизни. Но кто же былъ виноватъ, что ея жизнь сложилась такъ страшно: она ли загубила своего мужа или онъ загубилъ ее? Я думаю, что они сами были виноваты менѣе всего.

Канцелярскій служитель Александръ Захаровичъ Прилежаевъ женился на мѣщанкѣ Марьѣ Дмитріевнѣ Завитаевой, когда ему было двадцать три года, а ей семнадцать лѣтъ. Онъ получалъ девять рублей жалованья; у нея не было ничего. Они бились, какъ рыба объ ледъ, она шила, онъ занимался частной перепиской, и покуда не было дѣтей, они кое-какъ сводили концы съ концами. Но вотъ у нихъ пошли дѣти; родины, крестины, похороны, все это стоило денегъ, стоило здоровья Марьѣ Дмитріевнѣ, а, главное, все это отрывало ее отъ частной работы и заставляло погрузиться вполнѣ въ роль хозяйки, кормилицы, няньки. Приходилось жить исключительно на деньги мужа, то-есть на девять рублей жалованья и рубля на четыре его частныхъ заработковъ. На это нельзя было жить, особенно, когда семья состояла уже не изъ двухъ, а изъ четырехъ членовъ, потомъ изъ пяти, потомъ изъ шести. Плохая конура, плохая пища, сырость, холодъ, ежегодныя родины, частыя похороны, все это подточило здоровье жены, все это сбило съ толку мужа и, наконецъ, начало его выгонять

все чаще и чаще въ трактиръ, въ пріятельскую компанію, потомъ въ кабакъ.

— Дѣти! Что дѣти?—говорилъ онъ за косушкой водки.— Сердце они мое надорвали, сердце мое! Губители они мои!— вотъ они что!

И онъ былъ правъ или, по крайней мѣрѣ, не виноватъ въ томъ, что не могъ не потерять разсудка и самообладанія при видѣ грязнаго угла, голодной семьи, больныхъ и плачущихъ дѣтей. Когда жена изрѣдка, переполнясь горемъ, упрекала его за пьянство, онъ отвѣчалъ ей:

— Молчи! Я не ваше пропиваю, я вамъ все сполна отдаю, какъ батракъ, на васъ работаю! Меня пріятели угощаютъ.

— Батюшка, да вѣдь начальство можетъ замѣтить, повредить на службѣ можетъ...

— Дура, дура! Кто меня на службѣ пьянымъ видѣлъ? А? Кто? Повредить можетъ! Лучше мнѣ было, что ли, когда не пилъ? Повышали, отличали отъ другихъ, что ли? Все ту же лямку тянулъ! Ну, и прахъ ихъ побери! Я кланяться не стану, я подлецомъ не буду, это ужъ пускай братъ мой любезный лбомъ да взятками путь себѣ пробиваетъ.

Александръ Захаровичъ постоянно гордился своею честностью. И дѣйствительно, это была честность суроваго, малоразвитаго, одичавшаго среди невзгодъ человѣка. Онъ работалъ, какъ волъ, онъ никому не кланялся, онъ не бралъ взятокъ, онъ не пропивалъ ни гроша ни изъ своего жалованья, ни изъ своихъ частныхъ заработковъ. Какимъ-то страшнымъ логическимъ путемъ онъ дошелъ до того убѣжденія, что онъ сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы успѣть по службѣ и обезпечить семью; но на службѣ не любили его угрюмаго лица, его суроваго тона и почти не повышали, не давая ему возможности обезпечить семью; и онъ пилъ съ горя по первому приглашенію пріятелей, на каждой пирушкѣ, въ каждой трактирной компаніи. Онъ даже не любилъ тратить много времени на пьянство; любилъ поздно вечеромъ быстро осушить косушку, шатаясь дойти до дому и завалиться спать. Пріятели были готовы угощать его, но нельзя сказать, чтобы они не радовались, когда онъ скрывался за дверью съ ихъ попоекъ; онъ всюду вносилъ съ собою какой-то могильный элементъ угрюмаго, молчащаго отчаянія. Казалось, этотъ человѣкъ ничего не ждалъ отъ жизни и покончилъ съ нею всѣ свои счеты: онъ работалъ для семьи и пилъ для себя, для того, чтобы скорѣе заснуть мертвымъ сномъ.

— Пьяный, что мертвый! — говорилъ онъ.

Если бы у него не было семьи, онъ, вѣроятно, не сталъ бы пить, а повѣсился бы гдѣ-нибудь въ темномъ чуланѣ. Жизнь для него была каторгой. Но онъ жилъ. Въ этомъ, можетъ-быть, выражалась, конечно, очень своеобразно, высокая, самоотверженная любовь къ своей семьѣ.

«Но зачѣмъ же онъ женился, не имѣя средствъ?—спросите вы:—зачѣмъ вышла замужъ она, не имѣя никакого имущества?» Потому что въ молодые годы люди неизбѣжно должны или жениться, или предаваться разврату. За что вы стоите: за женитьбу или за развратъ? Вѣроятно, вы стоите за то, за что стоитъ законъ, и боретесь противъ того, что преслѣдуетъ законъ. Значитъ, женитьба этихъ людей была не только терпимымъ, но даже честнымъ, высоконравственнымъ поступкомъ, какъ исходъ изъ неизбѣжнаго для молодыхъ созданій разврата. Но прямымъ послѣдствіемъ этого честнаго, высоконравственнаго поступка и яснымъ доказательствомъ неразвращенности, нравственной чистоты этихъ людей, явились дѣти. Ихъ надо поить, кормить, одѣвать, воспитать, за ними нуженъ уходъ. Все это требуетъ рукъ и денегъ. У этихъ бѣдняковъ, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, при всемъ ихъ трудѣ съ утра до поздней ночи, ежемѣсячные доходы не превышали пятнадцати рублей. На эти деньги можно имѣть только сырой и холодный уголъ, только нездоровую и скудную пищу, только оборванное и грязное платье. Нужно было или умирать медленною смертью, или увеличить свои доходы какимъ бы то ни было путемъ. Но путь былъ одинъ для увеличенія средствъ: можно было, не имѣя никакого образованія, добиваться повышенія только подлостью, униженіемъ передъ начальствомъ, или, имѣя маленькое жалованье, добывать деньги воровствомъ, взятками. Стоите ли вы за униженіе, за подличанье, за низкопоклонство, за воровство, за взяточничество, или нѣтъ? Вѣроятно, вы стоите за то, что поощряютъ законы нравственности и общества, то-есть за честность. Значитъ, эти бѣдняки за то, что они предпочли законный бракъ беззаконному разврату, должны были гибнуть медленною смертью. «Но зачѣмъ же онъ пилъ?»—спросите вы. А спрашивали ли вы, зачѣмъ пьютъ тѣ люди, которые могутъ напиваться дорогими винами, знали ли вы, что этихъ винъ привозится столько, что каждый, имѣющій средства ихъ пить, долженъ быть пьянъ, по крайней мѣрѣ, сто разъ въ годъ. Вы этого не предполагали, вы съ отвращеніемъ

смотрите только на этого угрюмаго бѣдняка, идущаго изъ кабака. А, между тѣмъ, онъ и только онъ одинъ можетъ оправдать свое пьянство тѣмъ, чѣмъ онъ и оправдывалъ его, говоря, что ему, отцу голодной и холодной семьи, «тошно смотрѣть на свѣтъ». Опьянѣніе было его временною могилой, временною смертью. Неужели же вы настолько черствы, чтобы отнять у человѣка за всю его честность, за всѣ его страданія, право на смерть, на могилу? Дайте ему возможность полюбить жизнь или, со стыдомъ за свое безсиліе, оставьте ему скорбное право этой смерти!

А онъ все не шелъ.

Проходила ночь, мучительная, тяжелая ночь, послѣ не менѣе мучительнаго дня. Наканунѣ Марья Дмитріевна была прибита мужемъ. Это было во второй разъ въ ея жизни, во второй разъ въ теченіе двухъ дней. Наканунѣ она провела весь день въ слезахъ и тревогѣ за сына, уѣхавшаго на лодкѣ за дровами въ сырую, холодную и бурную погоду. Теперь она не смыкала глазъ, поджидая мужа, не зная, что съ нимъ случилось. Наставало блѣдное, пасмурное утро. Его свѣтъ проскользнулъ блѣдными лучами въ заплатанныя окна конуры, и она казалась теперь еще грустнѣе, еще страшнѣе. Грязь и тряпье, скрывавшіяся ночью во мракѣ, теперь отовсюду бросались въ глаза. На ободранной постели въ дырявыхъ лохмотьяхъ лежала сама Марья Дмитріевна, больная, исхудалая, съ заплаканными глазами. Въ углу, на полу покоились, свернувшись клубкомъ, двое ребятишекъ, прикрытые рваными кацавейками; рядомъ съ ними лежала черноволосая блѣдная дѣвушка, ея рука обвила плечо мальчугана, положившаго къ ней на грудь свою усталую головенку. Онъ былъ укутанъ разною ветошью, въ числѣ которой было и платье дѣвушки, жалкое ситцевое платье, едва ли способное хотя немного согрѣть мальчугана. Марья Дмитріевна все сильнѣе и сильнѣе чувствовала боль, невыносимую, страшную боль будущей матери новаго ребенка. Дѣти спали еще крѣпкимъ сномъ, когда начали все слышнѣе и слышнѣе раздаваться ея стоны.

— Охъ, худо мнѣ, худо! Конецъ приходитъ!—стонала она.

Дѣвушка проснулась. Несмотря на всю осторожность, съ которой она хотѣла приподнять голову брата, чтобы положить ее на подушку,—онъ проснулся.

— Матери худо!—прошептала она и начала одѣваться.

Мальчикъ тоже всталъ.

— Сбѣгай въ часть за бабкою!—тихо промолвила дѣвушка.

— Пьяный, что мертвый! — говорилъ онъ.

Если бы у него не было семьи, онъ, вѣроятно, не сталъ бы пить, а повѣсился бы гдѣ-нибудь въ темномъ чуланѣ. Жизнь для него была каторгой. Но онъ жилъ. Въ этомъ, можетъ-быть, выражалась, конечно, очень своеобразно, высокая, самоотверженная любовь къ своей семьѣ.

«Но зачѣмъ же онъ женился, не имѣя средствъ?—спросите вы:—зачѣмъ вышла замужъ она, не имѣя никакого имущества?» Потому что въ молодые годы люди неизбѣжно должны или жениться, или предаваться разврату. За что вы стоите: за женитьбу или за развратъ? Вѣроятно, вы стоите за то, за что стоитъ законъ, и боретесь противъ того, что преслѣдуетъ законъ. Значитъ, женитьба этихъ людей была не только терпимымъ, но даже честнымъ, высоконравственнымъ поступкомъ, какъ исходъ изъ неизбѣжнаго для молодыхъ созданій разврата. Но прямымъ послѣдствіемъ этого честнаго, высоконравственнаго поступка и яснымъ доказательствомъ неразвращенности, нравственной чистоты этихъ людей, явились дѣти. Ихъ надо поить, кормить, одѣвать, воспитать, за ними нуженъ уходъ. Все это требуетъ рукъ и денегъ. У этихъ бѣдняковъ, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, при всемъ ихъ трудѣ съ утра до поздней ночи, ежемѣсячные доходы не превышали пятнадцати рублей. На эти деньги можно имѣть только сырой и холодный уголъ, только нездоровую и скудную пищу, только оборванное и грязное платье. Нужно было или умирать медленною смертью, или увеличить свои доходы какимъ бы то ни было путемъ. Но путь былъ одинъ для увеличенія средствъ: можно было, не имѣя никакого образованія, добиваться повышенія только подлостью, униженіемъ передъ начальствомъ, или, имѣя маленькое жалованье, добывать деньги воровствомъ, взятками. Стоите ли вы за униженіе, за подличанье, за низкопоклонство, за воровство, за взяточничество, или нѣтъ? Вѣроятно, вы стоите за то, что поощряютъ законы нравственности и общества, то-есть за честность. Значитъ, эти бѣдняки за то, что они предпочли законный бракъ беззаконному разврату, должны были гибнуть медленною смертью. «Но зачѣмъ же онъ пилъ?»—спросите вы. А спрашивали ли вы, зачѣмъ пьютъ тѣ люди, которые могутъ напиваться дорогими винами, знали ли вы, что этихъ винъ привозится столько, что каждый, имѣющій средства ихъ пить, долженъ быть пьянъ, по крайней мѣрѣ, сто разъ въ годъ. Вы этого не предполагали, вы съ отвращеніемъ

смотрите только на этого угрюмаго бѣдняка, идущаго изъ кабака. А, между тѣмъ, онъ и только онъ одинъ можетъ оправдать свое пьянство тѣмъ, чѣмъ онъ и оправдывалъ его, говоря, что ему, отцу голодной и холодной семьи, «тошно смотрѣть на свѣтъ». Опьянѣніе было его временною могилой, временною смертью. Неужели же вы настолько черствы, чтобы отнять у человѣка за всю его честность, за всѣ его страданія, право на смерть, на могилу? Дайте ему возможность полюбить жизнь или, со стыдомъ за свое безсиліе, оставьте ему скорбное право этой смерти!

А онъ все не шелъ.

Проходила ночь, мучительная, тяжелая ночь, послѣ не менѣе мучительнаго дня. Наканунѣ Марья Дмитріевна была прибита мужемъ. Это было во второй разъ въ ея жизни, во второй разъ въ теченіе двухъ дней. Наканунѣ она провела весь день въ слезахъ и тревогѣ за сына, уѣхавшаго на лодкѣ за дровами въ сырую, холодную и бурную погоду. Теперь она не смыкала глазъ, поджидая мужа, не зная, что съ нимъ случилось. Наставало блѣдное, пасмурное утро. Его свѣтъ проскользнулъ блѣдными лучами въ заплатанныя окна конуры, и она казалась теперь еще грустнѣе, еще страшнѣе. Грязь и тряпье, скрывавшіяся ночью во мракѣ, теперь отовсюду бросались въ глаза. На ободранной постели въ дырявыхъ лохмотьяхъ лежала сама Марья Дмитріевна, больная, исхудалая, съ заплаканными глазами. Въ углу, на полу покоились, свернувшись клубкомъ, двое ребятишекъ, прикрытые рваными кацавейками; рядомъ съ ними лежала черноволосая блѣдная дѣвушка, ея рука обвила плечо мальчугана, положившаго къ ней на грудь свою усталую головенку. Онъ былъ укутанъ разною ветошью, въ числѣ которой было и платье дѣвушки, жалкое ситцевое платье, едва ли способное хотя немного согрѣть мальчугана. Марья Дмитріевна все сильнѣе и сильнѣе чувствовала боль, невыносимую, страшную боль будущей матери новаго ребенка. Дѣти спали еще крѣпкимъ сномъ, когда начали все слышнѣе и слышнѣе раздаваться ея стоны.

— Охъ, худо мнѣ, худо! Конецъ приходитъ!—стонала она.

Дѣвушка проснулась. Несмотря на всю осторожность, съ которой она хотѣла приподнять голову брата, чтобы положить ее на подушку,—онъ проснулся.

— Матери худо!—прошептала она и начала одѣваться.

Мальчикъ тоже всталъ.

— Сбѣгай въ часть за бабкою!—тихо промолвила дѣвушка.

Мальчикъ наскоро одѣлся и ушелъ изъ конуры.

Прошелъ почти часъ. Около больной возились дѣвушка и старая нищая. Въ конурѣ слышались вздохи и стоны. Наконецъ, въ кухнѣ скрипнула дверь. Дѣвушка поспѣшно вышла туда. Передъ нею стоялъ братъ.

— Бабки нѣтъ, уѣхала съ вечера къ больной,—сказалъ онъ.

— И не надо теперь,—отвѣтила дѣвушка.—Ты побудь здѣсь. Не ходи туда.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ испугомъ и только теперь замѣтилъ, что она была страшно встревожена. Онъ молча хотѣлъ сѣсть на скамью.

— Разведи огонь, чаемъ надо мать и дѣтей напоить,—сказала сестра, скрываясь за дверью.

Онъ принялся за работу. Черезъ нѣсколько минутъ въ кухнѣ сверкалъ огонь. Къ старшему брату вышли дѣти.

— У насъ блатецъ умелъ,—таинственно прошепталъ маленькій братъ.

— Какой братецъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ старшій братъ.

— Маенькой такой, на стонкѣ лежитъ,—отвѣтилъ ребенокъ.

Мальчикъ смутно понялъ, въ чемъ дѣло. Черезъ полчаса онъ вошелъ въ комнату. Блѣдная и худая мать въ полудремотѣ лежала на постели. На столѣ, закутанный въ тряпку, лежалъ трупъ новорожденнаго ребенка...

А отецъ семейства все не шелъ.

Тяжелый, полный тревогъ прошелъ день. Появлялась на минуту въ конурѣ и бабка, появлялся и священникъ, пришелъ какой-то сосѣдъ изъ фабричныхъ, завернувшій въ тряпку маленькій трупъ, положившій его въ какой-то ящикъ и унесшій тѣло подъ мышкой на кладбище. Настала и ночь, опять такая же мрачная, такая же безсонная для больной женщины. Такъ прошло три дня. На четвертый больная женщина поднялась съ постели. Еще черезъ нѣсколько дней она могла выйти изъ дома, чтобы пуститься на поиски за мужемъ среди этой массы улицъ, площадей, домовъ, экипажей, людей всѣхъ званій, всѣхъ состояній,—на поиски изъ квартала въ кварталъ, изъ части въ часть, изъ больницы въ больницу.

— Я съ тобой пойду,—проговорилъ старшій сынъ, видя, что мать собирается идти.

— Куда ты. Устанешь. Холодно, голубчикъ,—тихо замѣтила мать.

Она въ эти дни стала еще слабѣе, еще тише, покорнѣе.

— Свалишься еще гдѣ-нибудь одна,—промолвилъ онъ.

Мать вздохнула.

— Конечно, лучше идите съ нимъ,—посовѣтовала старшая дочь.—Все-таки, посмотритъ. Только ты одѣнься потеплѣе,— обратилась она къ брату.

Онъ сталъ быстро одѣваться въ свою кофту. Старшая сестра повязывала ему уши. Нѣсколько минутъ спустя, мать и сынъ тащились по грязи.

Они походили на нищихъ. Встрѣчные люди глядѣли на нихъ съ любопытствомъ и состраданіемъ; какая-то бариня начала шарить въ своемъ карманѣ при видѣ ихъ и, кажется, удивилась, когда они прошли мимо, не протянувъ руки. Каждый мужикъ, каждый мелкій торговецъ выглядѣлъ счастливѣе, довольнѣе, богаче ихъ.

Они заходили всюду, гдѣ можно было надѣяться узнать о близкомъ человѣкѣ... Здѣсь находились пьяныя, покрытыя кровью и грязью созданія, поднятыя въ безчувственномъ состояніи; тамъ были исхудалые люди въ бѣлой горячкѣ, вынутые изъ петли; въ третьемъ мѣстѣ попадались вполнѣ трезвые несчастливцы, выловленные на горе, на несчастіе себѣ изъ воды: далѣе лежали безъ чувствъ полураздавленные экипажами отцы и матери семействъ, дочери и сыновья, кормильцы семьи. Но мужа бѣдной женщины не было нигдѣ.

Наконецъ, передъ нею была клиника; длинные коридоры; занятые, отрывисто отвѣчающіе люди; грубые, неразговорчивые солдаты; сѣренькое зданіе съ трупнымъ запахомъ, анатомическій театръ. Марья Дмитріевна толковала что-то о привезенномъ сюда человѣкѣ, «худенькомъ такомъ изъ себя, съ небритымъ подбородкомъ, съ сѣденькими волосиками»; она толковала что-то о какомъ-то «сюртучкѣ съ двумя костяными пуговками на правой сторонкѣ и съ одною мѣдною пуговкой на лѣвой сторонкѣ»; она разсказывала все это какъ-то смутно, сбивчиво, тоскливо, разсказывала всѣмъ проходящимъ, всѣмъ встрѣчнымъ, поминутно кланяясь въ поясъ и какъ-то безсмысленно повторяя:

— Не оставьте, отцы родные! Не оставьте!

Она почти не слыхала отвѣтовъ, почти не понимала словъ. Наконецъ, ее поразилъ грубый голосъ сторожа:

— Что-жъ ждешь-то, тетка?

Она точно проснулась отъ долгаго сна и испуганно оглядѣлась кругомъ. Казалось, ее поразила мысль, что ей нечего больше ждать.

— Батюшка, тѣло-то гдѣ же, тѣло-то?—забормотала она глухо, не плача, не падая въ обморокъ.

— Говорятъ тебѣ, испотрошили.

— Какъ же, гдѣ же я его найду? Вѣдь мужъ мнѣ онъ, мужъ, изъ чиновниковъ,—шептала она безсмысленно.

— Гдѣ? Нигдѣ не найдешь...

Марья Дмитріевна присѣла на землю и какъ будто замерла. Сынъ, понуривъ голову, уныло стоялъ подлѣ нея и не трогался съ мѣста.

II.

Темное пятно въ свѣтлой жизни статскаго совѣтника Боголюбова.

Смерть Александра Захаровича была для Прилежаевыхъ тѣмъ громовымъ ударомъ, при которомъ обыкновенно начинаетъ креститься русскій человѣкъ. Матеріальное положеніе семьи должно было теперь ухудшиться еще болѣе и угрожало въ близкомъ будущемъ голодною смертью. Марья Дмитріевна не могла не заглянуть мысленно въ это будущее, когда ей приходилось жить своимъ умомъ, быть старшею въ домѣ. Она ясно поняла всю страшную сущность этого будущаго и увидала необходимость спастись теперь или никогда. Откладывать попеченіе о завтрашнемъ днѣ въ долгій ящикъ не было возможности: голодъ стоялъ у дверей. Нужно было хлопотать о пенсіи, объ опредѣленіи дѣтей, объ устройствѣ своей судьбы, но прежде всего нужно было хлопотать о насущномъ хлѣбѣ. Заработать этотъ хлѣбъ въ настоящую минуту не было возможности, такъ какъ и до пріисканія работы, и во время работы, до полученія за нее денегъ, нужно же было ѣсть. Приходилось идти за помощью ближнихъ. Нечего говорить, какъ тяжело, какъ больно непривычному человѣку идти за милостынею; но Марью Дмитріевну мучили и другія чувства: чувство страха передъ тѣми, къ кому она шла, чувство опасенія, что ей откажутъ, что ее выгонятъ. И безъ того больная, слабая, забитая судьбою, она выглядѣла еще болѣе жалкою въ то время, когда, ежеминутно крестясь, она невѣрными шагами поднималась по широкой лѣстницѣ одного изъ большихъ каменныхъ домовъ, стоявшаго въ одной изъ многолюдныхъ улицъ Петербурга.

Во второмъ этажѣ этого дома помѣщалась квартира статскаго совѣтника Данилы Захаровича Боголюбова.

Гремѣли ли на улицѣ колеса экипажей, уносящихъ аристократію въ театръ на первое представленіе новой оперы,

надѣлавшей шуму въ Парижѣ, или въ собраніе на блестящій обѣдъ въ честь какого-нибудь минутнаго героя общественной жизни, или на шумное засѣданіе новаго комитета для обсужденія вопроса, не слѣдуетъ ли ввести въ образованіе санскритскій языкъ; валялась ли въ ногахъ у домохозяина и исполнительной власти какая-нибудь бѣдная мать шестерыхъ дѣтей, жилица пятаго этажа большого дома, не заплатившая въ срокъ за квартиру и съ ужасомъ смотрѣвшая на опись своего имущества; жаловались ли жилицы подваловъ на буйство своихъ спившихся съ кругу мужей,— однимъ словомъ, раздувало ли общество съ серьезнымъ видомъ мыльные пузыри безплодной дѣятельности, изнемогали ли отдѣльныя личности подъ бременемъ нешуточнаго горя,— квартира Боголюбова оставалась тихою и спокойною, не интересовалась ничѣмъ, жила своею собственною жизнью, стояла, какъ отдѣльное государство, храня вооруженный нейтралитетъ среди общественныхъ событій и частныхъ сценъ. Въ качествѣ нейтральнаго государства, квартира получала газеты собственно для справокъ о томъ, не грозятъ ли ей какія-нибудь опасности со стороны ея сосѣдей, не уничтожаютъ ли статскихъ совѣтниковъ, не налагаютъ ли какого-нибудь особеннаго налога на жильцовъ вторыхъ этажей, не даютъ ли какого-нибудь высшаго назначенія одному изъ начальниковъ отдѣленія—конкурентовъ хозяина этой квартиры. Интересовались въ этой квартирѣ и другими газетными свѣдѣніями, не имѣвшими никакого отношенія къ нейтральному государству, читали о количествѣ самоубійствъ и несчастій, о спектакляхъ и обѣдахъ, о непріязненныхъ или дружественныхъ отношеніяхъ кабинетовъ Франціи и Англіи, о возстаніи голодныхъ рабочихъ въ Манчестерѣ, но всѣ эти извѣстія читались собственно для улучшенія пищеваренія, для назидательныхъ размышленій о томъ, что среди этого хаоса страстей и глупостей, глухого рева бурнаго житейскаго моря и беззаботнаго шелеста пестренькихъ флюгеровъ, вертящихся на видныхъ мѣстахъ общественныхъ кораблей, невозмутимо мирно, математически правильно сложилась и идетъ изо дня въ день, изъ года въ годъ жизнь въ крошечномъ нейтральномъ государствѣ этой квартиры.

Квартира была отдѣлана богато и даже роскошно. Но наблюдателю сразу должно было броситься въ глаза излишнее обиліе бронзы и полнѣйшее отсутствіе оригинальныхъ картинъ, статуй и тому подобныхъ художественныхъ произведеній. Это обстоятельство заставляло думать, что

обитатели этой квартиры принадлежатъ или къ купечеству, сидящему на своихъ кованныхъ сундукахъ и знающему цѣну только тому, что̀ можно продать на вѣсъ, или къ тому разряду людей, которые медленно, по грязи, сквозь огонь и воду доползли до нѣсколькихъ тысячъ годового дохода и тоже мѣтятъ въ генералы. Люди послѣдняго разряда обыкновенно накупаютъ сначала бронзовыхъ подсвѣчниковъ и лампъ, потомъ вѣшаютъ въ своей залѣ люстру съ разными побрякушками, отдѣлываютъ какую-нибудь одну комнату не для себя собственно, а болѣе для вида, для гостей; черезъ нѣсколько времени они сознаютъ возможность украсить еще одну или двѣ комнаты; наконецъ, доходятъ до блаженной минуты—до отдѣлки своей квартиры, съ бѣлой залою, до отдѣлки всѣхъ комнатъ, даже дѣтской, и, самодовольно осматривая свое жилище, съ восхитительною небрежностью замѣчаютъ вскользь своимъ домочадцамъ: «надо бы въ гостиной обить мебель бархатомъ». На языкѣ подобныхъ Наполеоновъ семейной жизни это значитъ: «надо увѣнчать зданіе!» Въ такихъ квартирахъ взглядъ насмѣшливаго и въ то же время незлобиваго наблюдателя человѣческой комедіи легко подмѣтитъ слѣды разныхъ формацій, разныхъ наслоеній, не вяжущіеся между собою точно такъ же, какъ не вяжутся между собою обстоятельства тѣхъ эпохъ, когда дѣлались эти наслоенія. Въ одну углу стоятъ массивные жирандоли съ хрустальными побрякушками, сильно напоминающіе и трактиръ, желающій преобразиться въ гостиницу или даже въ отель, и толстую фигуру русскаго купца, пускающаго пыль въ глаза и желающаго показать, что «молъ и мы живемъ, какъ баре»; въ другомъ углу виднѣется дорогой столъ изъ розоваго дерева съ отдѣлкой изъ бронзы и фарфора, напоминающій древнюю безпутную, прихотливую, потонувшую въ роскоши Францію временъ послѣднихъ Людовиковъ. Какая пропасть, какая борьба, какія надежды отдѣляютъ эти жирандоли отъ этого столика? Не лежитъ ли между ними цѣлая драма или цѣлая комедія человѣческой жизни въ ея стремленіяхъ къ обстановкѣ, къ устройству своего нейтральнаго уголка по образцу лучшихъ сосѣднихъ владѣній? И какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и самодовольствомъ дышитъ лицо человѣка, когда онъ достигнетъ желанной обстановки! Не думайте, что эти жирандоли, столики, мягкіе диваны стоятъ для него мрачными памятниками его кровавыхъ усилій, его безсонныхъ ночей, его униженій и нравственной ломки; что въ этихъ блестящихъ хрустали-

кахъ люстры онъ видитъ застывшія слезы вдовицы, просившей его когда-то защищать ее въ тяжбѣ съ богатымъ врагомъ; что въ этихъ неуклюжихъ, бронзовыхъ, покрытыхъ позолотой подсвѣчникахъ онъ ясно разсматриваетъ толстую фигуру нахальнаго откупщика, нагло говорившаго ему: «это что-съ: совѣсть! за деньги все можно обдѣлать». Нѣтъ, всѣ эти блестящія игрушки стали для него непроницаемыми ширмами, за которыми скрылось все пережитое, все выстраданное, которыми, какъ каменною броней, защитилась его душа отъ всякихъ непрошенныхъ упрековъ и нападеній совѣсти.

Именно до этого окончательнаго устройства дѣлъ въ своемъ нейтральномъ государствѣ дошелъ статскій совѣтникъ и членъ разныхъ благотворительныхъ комитетовъ Данила Захаровичъ Боголюбовъ, въ ту пору, когда мы застаемъ его въ богато убранной столовой, окруженнаго его семьей. Его жена, полная и красивая женщина, лѣтъ тридцати, съ немного лѣнивымъ и томнымъ выраженіе на лицѣ, разливаетъ чай. Около нея сидитъ дѣвочка лѣтъ шести, прелестный живой ребенокъ съ быстрыми глазенками, съ головой, украшенною безчисленными папильотками изъ газетной бумаги, издающими, какъ и ея сильно накрахмаленное платье, какіе-то своеобразные звуки при каждомъ движеніи дѣвочки. Это дочь Боголюбовой, Лидія. Напротивъ помѣщается на дѣтскомъ высокомъ креслѣ мальчикъ лѣтъ трехъ съ пухленькимъ тѣльцемъ, одѣтымъ въ кружева и прошивки. Это младшій сынъ Боголюбовыхъ, Аркадій. Около него читаетъ книгу юноша двѣнадцати лѣтъ, стройный, высокій, голубоглазый блондинъ съ немного женственнымъ лицомъ, изящно одѣтый, къ лицу причесанный, повидимому, мягкій, предупредительный и сильно впечатлительный человѣчекъ. Это старшій сынъ Боголюбовыхъ, Леонидъ. Имена этихъ дѣтей такъ романичны, и Боголюбова въ восторгѣ, что ея мужъ согласился дать дѣтямъ именно эти имена, любимыя ею уже во дни ея дѣвической жизни, когда она среди вѣчнаго бездѣлья зачитывалась всевозможными французскими и русскими романами. Немного въ сторонѣ отъ прочихъ членовъ семьи, какъ предсѣдатель въ совѣтѣ, сидитъ глава нейтральнаго государства, Данила Захаровичъ Боголюбовъ, плотный и видный, немного слонообразный мужчина, съ сильною просѣдью въ коротко подстриженныхъ волосахъ, съ строгимъ выраженіемъ на полномъ, гладко выбритомъ лицѣ, съ глубокомысленно сдвинутыми густыми бровями, съ боль-

шимъ орденомъ на шеѣ. Покойно помѣстившись въ большомъ мягкомъ креслѣ, онъ читаетъ газету и изрѣдка сообщаетъ своимъ подданнымъ новыя свѣдѣнія, могущія интересовать ихъ, или свои соображенія, могущія послужить имъ въ пользу.

— Бѣльскій въ камеръ-юнкера махнулъ,—произноситъ онъ сквозь зубы, не отрывая глазъ отъ газетнаго листа.—Повезло. И то сказать, въ правовѣдѣніи курсъ кончилъ!

— Ахъ, теперь еще болѣе носъ вздернутъ!—замѣтила томно хозяйка.—И безъ того земли подъ собою не слышали...

— Ну, какъ ни вздергивай носъ, а безъ нашего брата не обойдется, дѣла-то мы дѣлаемъ,—твердо и съ сознаніемъ собственнаго достоинства произнесъ хозяинъ и отпилъ чай.

Наступило молчаніе. Хозяинъ продолжалъ читать. Хозяйка задумчиво выводила ложечкой по подносу какіе-то узоры изъ пролитаго чаю.

— Холера опять изъ Турціи идетъ. Народъ только пугаютъ,—проговорилъ сквозь зубы хозяинъ.—Мало ли какія болѣзни бываютъ, не высчитывать же всѣхъ. При мнительности чортъ знаетъ что станешь думать.

— А что, приключеній никакихъ нѣтъ?—спросила жена, очнувшись отъ своего лѣниваго раздумья.

Хозяинъ мелькомъ окинулъ глазами страницу.

— Мальчишка какой-то застрѣлился,—отвѣтилъ онъ, пробѣгая глазами строки.—Женщина потонула, бросившись съ моста въ Неву... Нашли въ безчувственномъ состояніи человѣка на Выборгскомъ трактѣ, умеръ по дорогѣ въ клинику, знаковъ насилія на тѣлѣ не оказалось...

— Ахъ, это все отъ пьянства, все отъ пьянства!—съ отвращеніемъ проговорила хозяйка.—Вотъ такъ-то вашъ почтенный братецъ когда-нибудь умретъ гдѣ нибудь подъ заборомъ. Я до сихъ поръ не могу забыть послѣдней встрѣчи съ нимъ. Ободранный, пьяный, встрѣтился на Невскомъ и еще осмѣлился назвать меня сестрицей. Я со стыда сгорѣла. Кругомъ люди, извозчики, а онъ называетъ меня сестрицей!

Хозяинъ хранилъ упорное молчаніе и, повидимому, весь углубился въ чтеніе газеты. Онъ не любилъ, когда говорили о его братѣ.

— Право, теперь на улицу страшно выйти,—продолжала хозяйка.—Это уже третій разъ онъ меня скандализируетъ. И помяни ты мое слово, когда-нибудь онъ насъ еще осра-

мить какъ-нибудь въ нашей собственной квартирѣ или просто обворуетъ.

— Глупости, братъ никогда воромъ не былъ,—недовольнымъ тономъ пробормоталъ хозяинъ, еще сильнѣе углубляясь въ чтеніе газеты.

— Не былъ, такъ будетъ. Пьянство до всего доводитъ,— возразила хозяйка. — Этому надо положить какой-нибудь конецъ.

— Э, матушка, что ты говоришь! — совсѣмъ раздражительно произнесъ мужъ, отхлебывая чай.—Ну, какъ я положу этому конецъ? Вѣдь не можемъ же мы запретить ему ходить по улицамъ?

— Выслать его надо изъ города. Такіе люди опасны.

— Глупа ты и больше ничего!

— Вы прелестно выражаетесь! И еще при дѣтяхъ! — съ ѣдкой ироніей замѣтила жена.—Выслать нельзя какого-нибудь одного пьяницу, когда столькихъ высылаютъ. Это мило!

На нѣсколько минутъ воцарилось полнѣйшее молчаніе. Наконецъ, хозяйка заговорила снова:

— Я, право, была бы рада, чтобы ты самъ встрѣтилъ его. Тогда я посмотрѣла бы, что ты запѣлъ бы. Вѣдь я говорю тебѣ, что я просто со стыда не знала, куда дѣваться, смотря на его лицо, на его одежду. Да еще вдобавокъ этотъ-то, нашъ фанфаронъ, растерялся, стоитъ передъ нимъ, какъ ракъ красный, и шаритъ въ своемъ карманѣ. Я ему и глазами мигаю, и за рукавъ его дергаю, чтобы онъ скорѣе шелъ, а онъ стоитъ и роется въ портмоне. Слышу говоритъ: «извините, дядюшка, вотъ все, что могу». Каково тебѣ покажется: дядюшка! На Невскомъ проспектѣ публично говоритъ: дядюшка! И это при мнѣ-то! Хорошъ дядюшка! Просто скандалъ, скандалъ!

Хозяинъ нахмурилъ брови.

— Что-жъ тутъ дурного?—сквозь зубы пробормоталъ онъ.

— Какъ что дурного?—горячо заговорила жена.—Мать скандализировать, по-вашему, не дурно? Якшаться съ пьяницами не дурно? Это прелестно! А все отчего происходитъ? Оттого, что учиться не учится, а добродѣтели свои выказывать хочетъ. Вѣроятно, по стопамъ дядюшки желаетъ идти. Волю взялъ!

Отецъ оставилъ газету и обратилъ строгіе глаза на старшаго сына. Его задѣли за больное мѣсто, онъ былъ раздраженъ толками о братѣ, ему нужно было излить свой гнѣвъ. Сынъ еще ближе, еще пристальнѣе приникъ къ

книгѣ и, казалось, не дышалъ, чуя приближеніе бури. Онъ, повидимому, не слышалъ ни разсказа матери, ни замѣчанія отца; только яркій румянецъ, внезапно разлившійся по его лицу, какъ-то странно противорѣчилъ его безмятежному занятію чтеніемъ.

— Ты это что̀ читаешь?—строго спросилъ отецъ, не называя сына по имени.

Мальчикъ быстро поднялъ голову отъ книги и молча устремилъ глаза на отца, его лицо пылало, глаза ярко блестѣли.

— Я тебя спрашиваю, что̀ ты читаешь?

— Бѣлинскаго,—отвѣтилъ чуть слышно мальчикъ.

— Учебная книга?—отрывисто спросилъ отецъ.

— Критическая статья.

— Я тебя спрашиваю: учебная книга, или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Дуракъ!—отецъ пожалъ широкими плечами.—Его велѣли взять изъ гимназіи за лѣнь. Его хотятъ отдать въ новое училище, а онъ критическую статью читаетъ! Да ты понимаешь ли, что̀ ты читаешь? А?

Сынъ смотрѣлъ прямо на отца широко открытыми глазами; они были влажны, хотя изъ нихъ и не катились слезы.

— Отвѣчай же: понимаешь ли ты, что̀ ты читаешь? — отчетливо повторилъ отецъ.

— Понимаю,—тихо, но твердо отвѣтилъ сынъ.

— Понимаешь? Что̀ же ты понимаешь?—спросилъ отецъ уже нѣсколько ироническимъ тономъ.

— Все понимаю, что̀ читаю,—отвѣтилъ сынъ тѣмъ нерѣшительнымъ тономъ, какимъ отвѣчаютъ на неопредѣленные вопросы.

— У дурака дурацкіе и отвѣты!—произнесъ отецъ.—Ты ничего не понимаешь, ты не долженъ ничего понимать, ты не смѣешь ничего понимать изъ этихъ книгъ! Твое дѣло—учебники, твое дѣло—прилежанье. Ты видѣлъ своего дядю? А?

Мальчикъ молчалъ.

— Оселъ! Тебя спрашиваютъ: видѣлъ ли ты своего дядю?

— Видѣлъ,—отвѣтилъ мальчикъ, не спуская глазъ съ отца.

— Да чего ты глаза-то на меня таращишь? Что у меня узоры на лицѣ, что ли?—разсердился отецъ, предъ которымъ потупляли глаза всѣ люди, подпадавшіе его гнѣву.

Но сынъ все-таки не потупилъ глазъ, не отвернулъ лица. Казалось, онъ смотрѣлъ на своего противника не столько для того, чтобы быть готовымъ отскочить или защищаться

въ случаѣ окончательнаго нападенія, сколько для того, чтобы яснѣе понять весь сумбуръ неожиданныхъ обвиненій, или для того, чтобы смутить своимъ открытымъ, прямымъ взглядомъ безъ причины раздражившагося отца. Мальчикъ давно уже привыкъ къ этимъ безсмысленнымъ бурямъ и зналъ ихъ исходъ. Отвернувшись въ сторону, отецъ продолжалъ внушительнымъ тономъ:

— Ну, если ты видѣлъ дядю, такъ ты знаешь, до чего онъ дошелъ: до пьянства, до нищеты, до голода, до позора. И дошелъ онъ до всего этого потому, что былъ такимъ же лѣнтяемъ, какъ и ты. Ему нужно было учиться, а онъ чтеніемъ занимался; ему нужно было послушаніе оказывать передъ высшими, а онъ съ ними въ пренія вступалъ. Ну, и живетъ теперь нищимъ. Я не допущу, чтобы и мой сынъ когда-нибудь ходилъ нищимъ по городу съ протянутою рукой. Я лучше тебя изъ своихъ рукъ задушу...

— Ахъ, Данила Захаровичъ, что ты говоришь! — воскликнула хозяйка, не выносившая подобныхъ человѣкоубійственныхъ плановъ мужа.

— Да, лучше изъ своихъ рукъ убью, живого закопаю въ могилу, чѣмъ увижу его нищимъ, пьяницей, бездѣльникомъ! Мнѣ легче будетъ его смерть, чѣмъ его позоръ! — торжественно закончилъ Данила Захаровичъ, ударивъ широкой ладонью по столу, такъ что зазвенѣли чашки и зашуршали папильотки и юбки шестилѣтней дѣвочки, прижавшейся отъ испуга къ спинкѣ стула.

Съ минуту длилось тяжелое молчаніе.

— Ты видишь, какъ мы живемъ, — уже спокойнѣе продолжалъ Данила Захаровичъ. — Ты вѣдь не сидишь голодомъ, не ходишь безъ штановъ и безъ сапогъ, тебѣ не отказываютъ ни въ чемъ? А? отвѣчай.

— Нѣтъ,—отчетливо отвѣтилъ сынъ.

— Ну, а почему тебѣ не отказываютъ, почему у тебя все есть? Потому что я не былъ лѣнтяемъ, потому что я ночей не спалъ за работой, потому что я горбъ гнулъ надъ бумагами, потому что я не убивалъ времени не только на чтеніе разныхъ Бѣлинскихъ, а даже на лишніе часы сна. Ты видишь, меня уважаютъ, ко мнѣ идутъ съ просьбами, ко мнѣ обращаются за помощью. Я состою членомъ благотворительнаго комитета, я вытаскиваю изъ грязи несчастныхъ. Я могу дѣлать добро ближнимъ. За меня молятся тѣ, кого я изъ нищеты вытащилъ. Это потому, что я не сидѣлъ, сложа руки.

Данила Захаровичъ говорилъ уже почти спокойно, безъ раздраженія, безъ желчи, онъ просто дѣлалъ строгое отцовское внушеніе сыну, которому желалъ всего лучшаго въ жизни. Съ каждою новою фразой, съ каждымъ новымъ воспоминаніемъ о своихъ увѣнчавшихся успѣхомъ усиліяхъ, о своемъ значеніи, дающемъ возможность благодѣтельствовать даже постороннимъ, Данила Захаровичъ становился все мягче и мягче. Такъ, среди мелкихъ будничныхъ непріятностей, утихаетъ и дѣлается добродушнымъ старый морякъ вспомнивъ, послѣ сколькихъ лишеній, бурь и невзгодъ успѣлъ онъ добраться до своего мирнаго уголка, до своей семьи, до своего благосостоянія. Данила Захаровичъ даже добродушно усмѣхнулся, видя, что его сынъ все еще не спускаетъ съ него глазъ.

— Захлопни-ка лучше свои критическія статьи, да принимайся за латынь, — уже полушутливо произнесъ онъ. — Поучишься теперь, послѣ веселѣе будетъ. Теперь ты вонъ дядюшкѣ, безъ моего позволенія, милостыню подаешь изъ денегъ, которыя упали тебѣ самому съ неба отъ меня. А ты выучись, свой грошъ заработай, да тогда и подавай помощь дядюшкамъ и тетушкамъ, и всѣмъ, кому вздумаешь, чтобы они благодарили и благословляли тебя. А то вы всѣ изъ готовенькаго, изъ чужого только умѣете щедрость показывать. Вотъ, поди, еще щедрѣе станешь между графчиками въ пансіонѣ Добровольскаго, особенно когда крестная пріѣдетъ, да крестнику сунетъ десятокъ рублишекъ на карманные расходы. Баловни!

Боголюбовъ совсѣмъ повеселѣлъ и разнѣжился, какъ это всегда бывало съ нимъ, когда ему удавалось громогласно разсказать, какимъ путемъ онъ дошелъ до благосостоянія и до возможности помогать ближнимъ.

— Кстати о крестной-то вспомнили, — промолвилъ онъ, принимая серьезное и озабоченное выраженіе и подвигая къ женѣ пустой стаканъ. — Обойщики кончили отдѣлку ея комнаты?

— Нѣтъ, сегодня кончатъ,—отвѣтила жена.

— Закопались, закопались!—проговорилъ Боголюбовъ.— Надо торопиться. Не сегодня, такъ завтра Варвара Ивановна пріѣдетъ въ Петербургъ. Надо, чтобы ей было удобно у насъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, и жить съ нами останется. Давно-давно я ея не видалъ. Надо обласкать старуху. Мы ее успокоимъ, она насъ не забудетъ.

Боголюбовъ умолкъ и задумался, вѣроятно, о старой род-

ственницѣ, пріѣзда которой ожидали въ семьѣ съ часу на часъ, ожидали съ нетерпѣніемъ и отчасти со страхомъ, какъ обыкновенно ожидаютъ пріѣзда вліятельныхъ, знатныхъ или очень богатыхъ родственниковъ.

Въ столовой настало затишье, изрѣдка прерываемое болтовней и шуршаньемъ папильотокъ и юбокъ шестилѣтней дѣвочки, обращавшейся къ матери съ различными вопросами. Мать отвѣчала нехотя, иногда лаконически замѣчала дочери: «Ты все пристаешь, надо сидѣть смирно», и продолжала задумчиво рисовать узоры на подносѣ. Она была въ сладкомъ поэтическомъ настроеніи утренней полудремоты. Боголюбовъ молча прихлебывалъ чай и тоже о чемъ-то думалъ. Его лицо приняло свое обычное выраженіе строгости и озабоченности государственнаго дѣятеля.

Казалось, этотъ человѣкъ постоянно стремился всѣми силами внушить каждому встрѣчному, что онъ, Данила Захаровичъ Боголюбовъ, глава дома и начальникъ отдѣленія, что у него хлопотъ и обязанностей по горло, что безъ его зоркаго глаза, безъ его указаній, выговоровъ и наставленій остановится и погибнетъ и канцелярія, и семья. Въ сущности, можетъ-быть, онъ былъ и добръ, и недальновиденъ, но обстоятельства жизни заставили его казаться и строгимъ, и зоркимъ. Давнымъ-давно, съ тѣхъ поръ, какъ ему было дано впервые мѣсто столоначальника, онъ привыкъ говорить директору департамента:

— Тутъ, ваше превосходительство, нужна строгость, чтобы дѣла не лежали безъ дѣйствія. Зоркій глазъ важнѣе всего, когда надо услѣдить за подчиненными.

— И я то же говорю, братецъ, да, и я то же самое говорю, — глубокомысленно произносилъ директоръ. — Строгость и зоркость — это главное въ начальникѣ, если онъ хочетъ, чтобы подчиненные были рачительны. Рачительность въ подчиненномъ — это долгъ! Да, рачительность!

И Боголюбовъ очень хорошо зналъ, что директоръ, говоря съ высшимъ начальствомъ, постоянно замѣчалъ:

— О, я вполнѣ надѣюсь на одиннадцатый столъ, тамъ у меня сидитъ строгій и зоркій чиновникъ; отъ его глазъ ничего не ускользнетъ, при немъ всѣ будутъ рачительно исполнять свои обязанности.

И вотъ за строгость и зоркость Боголюбову давались чины, кресты и видныя мѣста. Чѣмъ болѣе наградъ получалось имъ, чѣмъ чаще ему приходилось говорить о благодѣтельныхъ качествахъ начальника, тѣмъ глубже и глубже

врѣзывалось въ его лицо выраженіе строгости и зоркости; иногда оно даже доходило до комизма, когда Боголюбовъ смотрѣлъ строго и зорко, слушая какой-нибудь разсказъ высшихъ лицъ о балетѣ. Но если подобное выраженіе лица было необходимо на службѣ, то еще болѣе необходимо было оно дома.

Его жена, Павла Абрамовна, вышедшая изъ достаточной купеческой семьи, воспитывавшаяся въ пансіонѣ для «благородныхъ дѣвицъ», была менѣе всего способна къ роли хозяйки дома. Сначала она любила балы съ офицерами, любила балетъ съ красивыми декораціями, любила наряды съ безчисленными фалбалами, бахромами, бантами, любила романы съ несчастными любовниками и еще болѣе любила, облекшись въ атласъ и кружева, лежать въ своемъ будуарѣ и плакать въ тишинѣ о своей несчастной долѣ, несчастной потому, что Данила Захаровичъ «статскій», что ей теперь приходится, ради беременности, сидѣть дома во время баловъ, что молодыхъ «офицеровъ» у нихъ не бываетъ въ домѣ, а все «противные старики» въ карты играютъ. Наплакавшись до-сыта, она засыпала и спала мирнымъ и безмятежнымъ сномъ, до тѣхъ поръ, покуда не являлся Данила Захаровичъ и не дѣлалъ ей строгаго выговора за спанье днемъ въ одеждѣ. Вслѣдствіе своей дальновидности, Данила Захаровичъ соображалъ, что, вѣроятно, при такой вѣчно спящей хозяйкѣ балуется и воруетъ прислуга, что обѣдъ не можетъ быть хорошо приготовленъ, и потому, безъ дальнѣйшихъ справокъ, строго и внушительно выговаривалъ людямъ за ихъ воровство, за дурное кушанье, хотя онъ и не былъ настолько зорокъ, чтобы указать, кто и что укралъ, не былъ настолько избалованъ пищею, чтобы сказать, какое кушанье испорчено.

Мало-по-малу, Павла Абрамовна начала свыкаться со своею жизнью, она начала полнѣть, и это послужило главною причиною того, что она разлюбила балы, балеты и наряды: ей тяжело было подняться съ мѣста, и она начала жить одними романами. Она привыкла къ зоркости и строгости мужа, и потому при каждомъ удобномъ случаѣ всѣ мелочныя дрязги съ прислугой и дѣтьми, всѣ промахи прислуги и дѣтей передавала на усмотрѣніе Данилѣ Захаровичу, чтобы онъ сдѣлалъ должное распоряженіе. И онъ такъ привыкъ къ своей роли, что ежедневно дѣлалъ внушенія и распеканія. Такъ шла жизнь Боголюбовыхъ совершенно тихо и мирно: супруги размежевались полюбовно,

мужъ не мѣшалъ женѣ читать романы и спать, она не мѣшала ему цѣлое утро просиживать въ должности, ѣздить въ клубъ для составленія партіи съ вліятельными людьми, принимать по пятницамъ этихъ вліятельныхъ людей у себя. Жена жаловалась мужу на прислугу, мужъ распекалъ прислугу. Жена ежегодно приносила по одному ребенку, мужъ зарабатывалъ деньги на новорожденнаго члена семьи.

— Господи, какъ время-то летитъ, вотъ уже мы двѣнадцать лѣтъ, какъ женаты!—восклицали супруги по утру въ годовщину своей свадьбы, нѣжничая другъ съ другомъ по этому экстренному поводу.

— А вѣдь мы, матушка, тринадцать лѣтъ съ тобой отмахали въ супружествѣ! — удивлялся Данила Захаровичъ на слѣдующій годъ, опять пускаясь на нѣжности и поцѣлуи.

И долго-долго предстояло имъ удивляться быстрому полету времени. Оно шло, ничѣмъ не отмѣченное, сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня. Утромъ строгость и зоркость въ должности, въ обѣдъ строгость и зоркость дома, вечеромъ строгость и зоркость въ клубѣ, — это для мужа. Утромъ полудремотное слушаніе новостей отъ мужа и новыя мечты, вечеромъ полудремотное чтеніе романовъ или слушаніе новостей отъ знакомыхъ,—это для жены. Праздники, лѣтніе переѣзды на дачу, собранія по пятницамъ, впечатлѣнія отъ балетовъ и романовъ, родины и похороны дѣтей, доклады въ должности, — все это было вылито въ однѣ и тѣ же формы, все это какъ будто совершилось вчера или за пятнадцать лѣтъ, все это какъ будто происходило внѣ времени. Вотъ выносятъ бѣлый глазетовый гробикъ изъ квартиры Боголюбовыхъ, мать тихо всхлипываетъ, припавъ рыхлымъ тѣломъ въ поэтической позѣ на плечо мужа; мужъ смотритъ строго и зорко, придерживая правою рукой спину жены, и шепчетъ ей: «не плачь, не плачь, Полина, тебѣ это вредно, ты знаешь!» Онъ многозначительно смотритъ на нее, и она понимаетъ, что онъ намекаетъ на ея положеніе: она скоро снова будетъ матерью. Но кого это хоронили: Аполлона, Валентина, Евгенія? Чьего рожденія ожидали: Евгеніи, Аполлинаріи, Людмилы? Право, трудно опредѣлить: всѣ эти названія исходящихъ и входящихъ бумагъ и дѣтей такъ однообразны, такъ часто повторяются въ жизни. И все это вмѣстѣ взятое называлось жизнью. Если бы хотя однажды Павла Абрамовна и Данила Захаровичъ нашли минуту свободную для размышленій о своемъ существованіи, если бы ихъ натолкнуло что-нибудь на по-

добныя размышленія, то они, вѣроятно, сами изумились бы, какъ они могли вынести эту прозаическую прозу жизни. Но люди, отдавшись мелочнымъ заботамъ дня и теченію случайно сложившихся обстоятельствъ, менѣе всего склонны къ анализу своей собственной жизни, къ вопросамъ: да для чего я это дѣлаю, нравится ли мнѣ это дѣло, стоитъ ли изъ-за него убивать всю жизнь? Отнестись критически къ своей дѣятельности, взглянуть на свою жизнь такъ, какъ мы смотримъ на чужую жизнь, все это можетъ сдѣлать только недюжинная, только сильно развитая личность. Большинство же людей слагаетъ свою жизнь подъ вліяніемъ ежедневно повторяющихся мелочныхъ условій и нисколько не думаетъ устранять эти условія, противодѣйствовать имъ: попадется на его дорогѣ какое-нибудь бревно, оно прокладываетъ около него дорожку, не замѣчая, что гораздо лучше разъ и навсегда своротить бревно и не ѣздить въ теченіе десятковъ лѣтъ окольными путями. Но большинство даже не способно и понять, что оно ѣздитъ окольнымъ путемъ, ему даже было бы странно, если бы ему вдругъ пришлось ѣхать другою, прямою дорогой. Это явленіе совершенно ускользаетъ отъ глазъ наблюдателей, и вотъ почему такъ часто являются недоразумѣнія: иногда мы говоримъ, что такая-то женщина вполнѣ честна по натурѣ, и что только однажды она увлеклась, сдѣлала непонятную ошибку, вступивъ въ любовную связь при мужѣ; иногда мы говоримъ, что такой-то человѣкъ радикалъ по убѣжденіямъ и что только разъ онъ изъ чувства минутнаго страха спѣлъ гимнъ врагу своего направленія. Но если бы мы поближе вглядѣлись въ жизнь этихъ людей, если бы мы поняли, какъ мало сопротивленія оказываютъ люди случайно сложившимся условіямъ жизни, то, можетъ-быть, мы увидали бы, что эта женщина была постоянно развратницей въ душѣ, что она только поддавалась въ теченіе долгихъ лѣтъ условіямъ своей жизни, мало способствовавшимъ разврату, что искренно, самостоятельно поступила она именно только тогда, когда свѣтъ увидалъ въ ея дѣйствіи несвойственную ея натурѣ ошибку, промахъ; мы увидали бы, можетъ-быть, что и мнимый радикалъ былъ просто врагомъ радикализма, но увлекался общимъ радикальнымъ направленіемъ близкихъ къ нему, поддерживавшихъ его существованіе людей, что онъ сообразовался только съ внѣшними условіями своей жизни и явился самимъ собою именно въ ту минуту, когда сказалъ, что радикализмъ нужно вырвать съ корнемъ. Зная

очень хорошо все то, мы не станемъ утверждать, что строгій и зоркій Боголюбовъ и его вѣрная жена, преданные только своему углу, своей лѣни, своему затишью, были именно такими людьми по натурѣ, какими они казались. Мы только говоримъ о томъ, чѣмъ они казались въ данную минуту.

Боголюбовъ уже допилъ третій стаканъ чаю и готовился идти въ должность, когда въ комнату вошла горничная и доложила, что барина желаетъ видѣть какая-то женщина.

— Кто такая?—торопливо спросилъ Боголюбовъ и мелькомъ замѣтилъ женѣ:—не Варвара ли Ивановна?

— Не знаю-съ. Говоритъ: родственница,—отвѣтила горничная.

Мужъ и жена переглянулись и взволновались. Жена стала быстро оправлять свой нарядъ.

— Немолодая барыня? — спросилъ хозяинъ, торопливо вставая и поправляя орденъ на шеѣ.

Горничная усмѣхнулась.

— Нѣтъ-съ, не барыня, такъ какая-то...

Боголюбовъ сердито пожалъ плечами и опять сѣлъ въ свое кресло.

— Ума не приложу, кто такая!

— Ужъ не его ли жена?—презрительно вымолвила Боголюбова?

— Посмотримъ, проси!—рѣшилъ хозяинъ дома.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла блѣдная и худая женщина. Это была Марья Дмитріевна. За нею, выглядывая изподлобья, шелъ ея старшій сынишка Антонъ. Онъ, видимо, дичился среди непривычной для него роскоши. И мать, и сынъ были одѣты въ свое обыкновенное рубище, имъ не на что было шить траурную одежду. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они остановились посреди комнаты. Марья Дмитріевна едва держалась на ногахъ. Хозяинъ и хозяйка многозначительно переглянулись между собою, на ихъ лицахъ промелькнуло выраженіе презрѣнія и негодованія.

— Я вѣдь говорила, что этимъ кончится! — прошептала хозяйка, по своему обыкновенію, подливая масла въ огонь.

— Мама, это кто?—громко спросила шестилѣтняя дѣвочка, вставъ съ своего мѣста и протянувъ свое личико къ самому уху матери.

Мать погрозила ей пальцемъ и шепнула:

— Не надо соваться съ разспросами!

Хозяинъ нахмурилъ брови и всталъ, откладывая на столъ взятую имъ для чего-то газету.

— Что вамъ угодно отъ насъ? — строго спросилъ онъ, останавливаясь передъ посѣтительницей. — Мало того, что вашъ мужъ осмѣливается останавливать мою жену и моего сына на улицѣ, такъ еще вы осмѣливаетесь позорить меня въ моемъ собственномъ домѣ, говоря прислугѣ, что вы мнѣ родня.

— Мама, папа ихъ бранитъ? — снова послышался громкій вопросъ дѣвочки, сказанный на ухо матери.

— Молчи!—шепнула мать и толкнула отъ себя дочь.

Марья Дмитріевна стояла, понуривъ голову; она не могла говорить, задыхалась отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Я положу этому конецъ,—продолжалъ хозяинъ, сильно возвысивъ голосъ. — Я буду хлопотать, чтобы выслали и васъ, и вашего мужа.

— Умеръ онъ, умеръ онъ, батюшка!—воскликнула Марья Дмитріевна и залилась слезами.

— Мама, о чемъ она плачетъ? Кто умеръ?—опять заговорила дѣвочка.

— Не твое дѣло! Я тебя сейчасъ выведу отсюда! Слышишь?—совсѣмъ сердито произнесла мать.

Дѣвочка надула губенки и усѣлась на свое мѣсто, шурша папильотками и юбками.

Боголюбовъ измѣнился въ лицѣ, въ его глазахъ выразились и испугъ, и недоумѣніе. Онъ машинально потеръ свой лобъ рукою и прошелся по комнатѣ.

— Сегодня?—лаконически спросилъ онъ, снова останавливаясь передъ просителями.—На похороны просите?

— Что хоронить-то? Нечего хоронить!—простонала Марья Дмитріевна.

— Какъ нечего? Что вы такое говорите? — нахмурилъ брови Боголюбовъ.

— Нечего, хоронить нечего!—послышался новый отвѣтъ.

— Ничего не понимаю, ровно ничего!—пожалъ плечами хозяинъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на рыдающую женщину и на ея сына.

Хозяйка и ея дѣти тоже смотрѣли любопытными глазами на странныя фигуры посѣтителей и внимательно слушали еще болѣе странные отвѣты бѣдной родственницы.

— Объясните вы мнѣ толкомъ... Да перестаньте плакать, слезами теперь не помочь... Это сынъ вашъ, что ли? — началъ хозяинъ.

— Сынъ, сынъ, Антоша,—всхлипывая, отвѣтила Марья Дмитріевна.

Хозяинъ обратился къ мальчугану, понуро стоявшему около матери.

— Ну, разскажи хоть ты... Когда умеръ отецъ?

— Пятаго числа, — отвѣтилъ мальчикъ, не поднимая глазъ.

— Ахъ, это на третій день послѣ того, какъ онъ насъ остановилъ! — воскликнула хозяйка, обращаясь къ своему старшему сыну.

— Ударомъ?—спросилъ хозяинъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Что же, вы хоронили его?

— Нѣтъ.

— Такъ кто же?

— Никто.

На лицѣ хозяина снова выразилось недоумѣніе.

— Такъ какъ же?—безсознательно спросилъ онъ.

— Испотрошили его.

— Гдѣ?

— Въ клиникѣ.

— Ну, ну, а тѣло-то, тѣло-то гдѣ?

— Тѣла нѣтъ, испотрошили...

Хозяинъ большими шагами заходилъ по комнатѣ.

— Нѣ-ѣтъ, э-то ужа-сно!—нараспѣвъ произнесла хозяйка и закрыла глаза лѣвою рукою, какъ будто передъ нею пронесся образъ испотрошеннаго трупа.

Боголюбовъ продолжалъ ходить по комнатѣ. Онъ не жалѣлъ брата, они давно не видали другъ друга, давно разошлись, но его какъ-то странно поразили всѣ эти новости. Еще за нѣсколько минутъ онъ сердился на этого человѣка, еще за нѣсколько минутъ онъ готовъ былъ хлопотать о высылкѣ этого человѣка изъ города, а теперь не только не стало этого человѣка на свѣтѣ, но даже нѣтъ его могилы, нѣтъ праха отъ его тѣла, нѣтъ слѣда отъ его жизни. Впрочемъ, нѣтъ! слѣдъ отъ его жизни остался—вотъ онъ стоитъ, воплотившійся въ образѣ двухъ живыхъ, голодныхъ, изнуренныхъ и оборванныхъ созданій. Они просятъ помощи, просятъ хлѣба. Выгнать ихъ? Но вѣдь это жена и сынъ того самаго милаго буяна Саши, съ которымъ вмѣстѣ росъ, вмѣстѣ игралъ, вмѣстѣ плакалъ и радовался самъ онъ, Данила Захаровичъ Боголюбовъ, въ дни далекаго, далекаго дѣтства. Какъ давно были эти дни и какъ ярко они воскресли теперь передъ глазами Боголюбова! Вотъ онъ и Саша вмѣстѣ играютъ въ бабки, вмѣстѣ ловятъ рыбу на баркахъ,

среди бурлаковъ, вотъ они вмѣстѣ бѣгутъ въ кабакъ за косушкою для своего отца, бѣгутъ на берегъ за щепками для матери, вотъ они поступаютъ въ бурсу. Какъ странно имъ, что они изъ Костровыхъ вдругъ превращаются, по волѣ преосвященнаго Филофея, одинъ въ Прилежаева, другой въ Боголюбова. Эта перемѣна фамилій дѣлаетъ ихъ сразу какъ будто чужими. Какъ часто, какъ безпощадно сѣкутъ въ бурсѣ дикаря и грубіяна Сашу, какъ постепенно все больше и больше отстаетъ Саша отъ брата; наконецъ, они разстаются совсѣмъ. Сашу выгоняютъ за неспособность, а его братъ, получившій прозвище «ласковаго теленка», уже переходитъ въ академію... Уже болѣе смутны, болѣе чужды Боголюбову остальныя, проносящіяся въ его головѣ картины встрѣчи съ братомъ, мелкимъ чиновникомъ, картины обоюдныхъ упрековъ, картины окончательнаго разрыва. Въ сердцѣ Боголюбова чувствовалась какая-то тупая, ноющая боль. На минуту ему показалось, что онъ не статскій совѣтникъ, не начальникъ отдѣленія, а просто младшій, любимый, балованный, выросшій на волѣ сынъ дьякона Захара Кострова, Данилка, тихо плачущій, лежа на одной постели со старшимъ братомъ, плачущій о томъ, что ихъ завтра отдадутъ въ ученіе. И среди этихъ воспоминаній въ умѣ Боголюбова возникло что-то въ родѣ упрековъ совѣсти, безотчетныхъ, безпредметныхъ, смутныхъ, похожихъ просто на какое-то недовольство собою. Но за что же ему упрекать себя? Развѣ онъ былъ виноватъ, что братъ плохо учился, что братъ былъ грубъ, что братъ не умѣлъ покоряться, не умѣлъ подслуживаться, что братъ пилъ съ горя, что братъ остался за штатомъ? Нѣтъ, нѣтъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ передъ братомъ! Напротивъ того, самъ его братъ былъ для него, Данилы Захаровича Боголюбова, причиною вѣчныхъ непріятностей, пятномъ въ его свѣтломъ существованіи. Откуда же это смутное недовольство собою, эта непрошенная мысль: «Эхъ, если бы начать жить съ начала!» Чѣмъ дальше ходилъ Боголюбовъ, безмолвно отдаваясь своимъ размышленіямъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе возрастало непріятное настроеніе духа. Ему нужно было высказаться, нужно было громко оправдать себя, хотя его никто не обвинялъ, никто не считалъ въ чемъ-нибудь виноватымъ. Онъ остановился передъ бѣдною родственницей.

— Что же вы думаете дѣлать?—спросилъ онъ.

— Сама не знаю! Хоть бери дѣтей, да въ воду!—въ отчаяніи проговорила она.

— Ну, полноте, полноте!.. Никто какъ Богъ!—вздохнулъ Боголюбовъ.—Да вы сядьте... Что же вы стоите?

Боголюбовъ повелъ глазами по комнатѣ, какъ бы отыскивая стулъ. Въ это время совершенно незамѣтно сошелъ съ своего мѣста старшій сынъ Данилы Захаровича и тихо подвинулъ стулъ Марьѣ Дмитріевнѣ. Она совершенно растерялась и стала безсвязно благодарить мальчика; онъ, весь красный, какъ піонъ, неловко поклонился и отошелъ къ окну, ставъ спиною къ дѣйствующимъ лицамъ сцены.

— Ахъ, братъ, братъ! Сколько горя, сколько горя надѣлалъ!—въ раздумьи бормоталъ Боголюбовъ, ходя по комнатѣ.

— И какъ это все неожиданно, точно сонъ какой, точно романъ какой-то,—мечтательно произнесла хозяйка, сентиментально качая головой.

— Надо пристроить дѣтей, самимъ идти на мѣсто,—придумывалъ Боголюбовъ выходъ для родственниковъ изъ тяжелаго положенія.

— Куда я ихъ пристрою? Куда я пойду? Не возьмутъ ни ихъ, ни меня,—вздохнула Марья Дмитріевна.—И куда я могу идти? Въ кухарки? Кто возьметъ меня съ дѣтьми? Кто возьметъ чиновницу? Вѣдь я теперь не мѣщанка! Некуда идти, некуда!

Боголюбовъ все ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Я самъ не богатъ,—въ раздумьи бормоталъ онъ.—У меня семья, мнѣ надо поднять на ноги эту мелюзгу. Многаго для васъ я не могу сдѣлать...

— Хлѣба, хлѣба насущнаго у васъ пришла просить!—заплакала Марья Дмитріевна.—Вздохнуть, осмотрѣться мнѣ надо. Я какъ въ лѣсу, все чужое... Я города пять лѣтъ не видала, хоть и жила въ немъ...

Боголюбовъ тяжело вздохнулъ.

— Ахъ, братъ, братъ! Много онъ горя принесъ мнѣ съ вами! Вы знаете, я ни въ чемъ не виноватъ передъ нимъ. Онъ не умѣлъ служить, онъ женился на васъ, когда ни у васъ, ни у него гроша за душой не было: потомъ онъ сталъ пить, остался за штатомъ, нищенствовалъ. Видитъ Богъ, я готовъ былъ помочь ему, я давалъ ему совѣты, но онъ же оскорбилъ меня, глубоко оскорбилъ... Я знаю, онъ мѣшалъ меня съ грязью, онъ чернилъ меня вездѣ за то, что я не таскался по-міру, за то, что меня повышали, а не гнали со службы. Но Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ! Мнѣ тяжело. Я боялся, когда встрѣчалъ кого-нибудь изъ нищихъ, похожаго

на него. Я боялся, когда кого-нибудь уводили съ улицы въ пьяномъ видѣ въ полицію. Онъ былъ постоянно моимъ мучителемъ, пятномъ на нашей фамиліи... Да, онъ былъ пятномъ въ моей жизни!..

Боголюбовъ смолкъ; у него стало легче на душѣ, когда онъ громко высказалъ свои мысли. Онъ почувствовалъ, что онъ не только прощаетъ виновнаго брата, но что даже въ его сердцѣ все сильнѣе и сильнѣе слышится теплое родственное чувство, заставляющее заплатить добромъ за зло.

— Я давно отрекся отъ брата, — заговорилъ снова хозяинъ.—Я не думалъ, что въ этой жизни мнѣ еще придется сдѣлать что-нибудь для него или для его семьи; я его прощаю за все, я не помяну его лихомъ... Эхъ, Саша, Саша, жить бы намъ вмѣстѣ, идти бы по одной дорогѣ!

Боголюбовъ тихо провелъ широкою рукой по влажнымъ глазамъ.

— Что можно, то я сдѣлаю для васъ!—продолжалъ онъ черезъ минуту.—Деньгами я много не могу помочь сразу, кое-что дамъ на первое время, потомъ похлопочемъ какъ-нибудь о вспомоществованіи; одеженка дѣтямъ, вѣроятно, найдется у жены... Паша,—нѣсколько заискивающимъ тономъ обратился онъ къ женѣ:—ты поищи.

— Тамъ есть гимназическое платье Леонида, оно теперь ему не нужно,—проговорила Павла Абрамовна:—можно будетъ отобрать.

— Ну да, ну да!—необычайно мягко и ласково проговорилъ Данила Захаровичъ.—Вотъ отъ дѣвочекъ что-нибудь возьмемъ... У васъ вѣдь есть и дѣвочка?—дружески обратился онъ къ Маріѣ Дмитріевнѣ.

— Одна есть маленькая, другая девятнадцати лѣтъ.

— Ну, для маленькой найдется кое-что...

— Да и для большой я дамъ свое платье, — замѣтила Павла Абрамовна.

— Ну, спасибо!—промолвилъ Данила Захаровичъ и поцѣловалъ жену въ лобъ.—Всѣ дадимъ кое-что, пріодѣнемъ, накормимъ первое время. Знаете: съ міру по ниткѣ—голому рубашка. Потомъ опредѣлимъ дѣтей куда-нибудь въ училища. Вы подайте просьбу объ опредѣленіи дѣтей графинѣ Дарьѣ Федоровнѣ Бѣлокопытовой. Я вамъ дамъ ея адресъ. Это мы устроимъ. Останетесь однѣ, легче будетъ работу пріискать. Глядишь, дѣтки подрастутъ, выучутся, поступятъ на службу,—ну, тогда и заживете лучше, будете отдыхать подъ старость. Все уладится, все уладится! Богъ не безъ милости!

Чѣмъ ласковѣе становился Боголюбовъ, чѣмъ мягче звучалъ его голосъ, чѣмъ болѣе надеждъ на спасеніе подавалъ онъ, тѣмъ ближе подступали къ глазамъ забитой судьбою женщины слезы, тѣмъ сильнѣе сознавала она въ простотѣ душевной доброту этого человѣка, оскорбленнаго ея мужемъ и позабывшаго зло. При послѣднихъ его словахъ, она безсознательно поднялась со стула и упала къ его ногамъ.

— Благодѣтель, родной!.. Не оставьте... не оставьте сиротъ!.. Вамъ Богъ... Богъ заплатитъ за все... вамъ и дѣтямъ вашимъ!—рыдала она.

Ея сынъ остался стоять за стуломъ съ понуренною головой, опустивъ глаза внизъ. Дѣти Боголюбова, за исключеніемъ старшаго сына, попрежнему стоявшаго у окна спиной къ дѣйствующимъ лицамъ, съ любопытствомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на эту сцену. Маленькая дѣвочка, въ папильоткахъ, сидѣвшая около матери, не угомонилась и снова обратилась съ вопросомъ:

— Мама! она Богу молится?

Мать снова погрозила ей пальцемъ и неодобрительно покачала головой.

— Она милостынку проситъ?—продолжала разспрашивать неугомонная дѣвочка.—Ты ей дашь?

Боголюбовъ между тѣмъ старался поднять бѣдную родственницу.

— Не надо, не надо унижаться!—бормоталъ онъ въ необычайномъ смущеніи.—Я все сдѣлаю, что могу, что могу!

Марья Дмитріевна тяжело поднялась съ полу. Боголюбовъ обратился къ женѣ:

— Поищи же, Паша, что-нибудь изъ платья.

Хозяйка томно поднялась съ своего мѣста, взяла на руки меньшого ребенка и скрылась за дверью столовой. Вслѣдъ за матерью пошла и шестилѣтняя дѣвочка. Боголюбовъ попросилъ Марью Дмитріевну подождать и направился въ свой кабинетъ. Въ столовой остались одни бѣдные родственники и Леонидъ. Мать и сынъ хранили молчаніе, потупивъ головы, какъ бы ожидая рѣшенія своей участи. Леонидъ въ замѣшательствѣ какъ-то сбоку поглядывалъ на нихъ и переминался на одномъ мѣстѣ, поминутно шаря въ своемъ карманѣ. Его лицо разгоралось все болѣе и болѣе. Наконецъ, онъ нерѣшительно и неловко на цыпочкахъ пошелъ по направленію къ бѣднымъ посѣтителямъ. Обойдя Марью Дмитріевну, онъ тихонько дернулъ за рукавъ Антона. Тотъ вздрогнулъ и обернулся.

— На, это тебѣ!—пробормоталъ Леонидъ, едва слышнымъ голосомъ и неуклюже старался что-то всунуть въ руку оборванному мальчугану.

— Мнѣ не надо, — медленно, какъ бы спросонья отвѣтилъ тотъ, отстраняя руку.

— Да возьми! — приставалъ Леонидъ, весь раскраснѣвшійся отъ застѣнчивости и волненія.

Марья Дмитріевна очнулась отъ раздумья и обернулась къ дѣтямъ. Она увидала, что ея сынъ не беретъ предлагаемыхъ ему денегъ.

— Вы его извините, батюшка. Онъ у меня дикій,—тихо заговорила она.—Онъ людей не видалъ, отъ посторонняго человѣка пряника не приметъ. Какъ въ деревнѣ росъ.

Но ни Антонъ, ни Леонидъ не обращали на нее никакого вниманія. Они стояли другъ противъ друга, Антонъ съ потупленною головой, съ глазами, смотрѣвшими исподлобья, Леонидъ съ протянутой рукой, съ краснымъ лицомъ, покрывшимся каплями пота.

— Что же ты?—тихо приставалъ Леонидъ.

— Нищій я, что ли?—хмуро отвѣтилъ Антонъ.

Леонидъ почти плакалъ.

— Послушай, вѣдь мы братья,—растолковывалъ онъ бѣдному маленькому дикарю.

— Какіе братья? — спрашивалъ тотъ, не понимая дѣтскимъ умомъ своихъ родственныхъ отношеній съ этимъ богатымъ мальчикомъ.

— Да, братья! Наши отцы были братья и мы братья. Ты возьми, голубчикъ. Ты мнѣ послѣ отдашь. Теперь у меня есть деньги.

На глазахъ Леонида сверкнули слезы. Онъ наклонился къ маленькому дикарю и горячо обнялъ его. Антонъ совсѣмъ растерялся и безмолвно, съ неловкостью крестьянскаго мальчика, взялъ деньги.

— Я, пожалуй, возьму... Только мнѣ не надо,—еще разъ пробормоталъ онъ въ смущеніи.—Я матери отдамъ...

— Отдавай, кому хочешь. Это твои деньги,—весело и добродушно проговорилъ юный Боголюбовъ.

— Пошли вамъ Господи всякаго счастья въ жизни!— промолвила Марья Дмитріевна.

Мальчикъ сконфуженно пожалъ ея руку, торопливо обнялъ еще разъ маленькаго дикаря и пошелъ, пробормотавъ своему новому родственнику:

— Ты приходи ко мнѣ.

Минуты ожиданія проходили одна за другой въ полнѣйшей тишинѣ, нарушаемой только вздохами Марьи Дмитріевны; наконецъ, въ столовой появились хозяинъ и хозяйка дома. Боголюбовъ несъ три десяти-рублевыя бумажки и адресъ графини Бѣлокопытовой; его жена несла нѣсколько обносковъ дѣтскаго и своего платья и бѣлья.

— Вотъ вамъ отъ всѣхъ насъ,—проговорилъ хозяинъ.— Оставьте свой адресъ; когда буду въ состояніи, пришлю что-нибудь. Сами не ходите понапрасно. Отъ васъ сюда далеко. Дѣтей надо отдать въ пріюты куда-нибудь. Напишите прошеніе графинѣ и подайте его лично послѣзавтра, такъ часу въ четвертомъ или въ третьемъ. Только не говорите, что вы меня знаете. Надо, чтобы она не знала, что мы родня. Подайте просьбу о вспомоществованіи къ митрополиту, все что-нибудь выйдетъ...

Въ эту минуту въ комнатѣ появилась шестилѣтняя дѣвочка, ускользнувшая вслѣдъ за матерью изъ столовой. Она тащила въ рукахъ куклу и приблизилась къ бѣднымъ родственникамъ.

— Маленькой дѣвочкѣ снеси,—тихо пробормотала она, протягивая Антону куклу.

— Ангелочекъ добрый!—замѣтила Марья Дмитріевна, отирая глаза.—Дайте ручку поцѣловать. Что же ты, Антоша, не поблагодаришь; поклонись барышнѣ, поцѣлуй...

Мальчикъ опомнился, наклонился, поднялъ дѣвочку на руки и звучно поцѣловалъ ее въ губы.

— Ахъ, глупый, глупый!—покачала головой мать.—Вы его извините, онъ совсѣмъ у меня, какъ есть, мужикъ необразованный. Чѣмъ бы ручку поцѣловать у барышни, а онъ ее въ губы лѣзетъ цѣловать...

— Ничего, ничего!—промолвилъ Боголюбовъ съ добродушною улыбкой.—Теперь идите съ Богомъ!

Бѣдная женщина, изливаясь въ благодарностяхъ, завязавъ узелъ, приказавъ сыну поцѣловать ручки у дяденьки и тетеньки, поплелась изъ богатаго жилища.

Хозяева вздохнули свободнѣе, когда кончилось это тягостное свиданіе.

— Догулялъ!—проговорила Боголюбова.—Шутка ли, пятерыхъ безъ куска хлѣба оставилъ! Теперь будетъ намъ еще возни съ этою семейкой.

— Ну, какая возня! Выйдетъ лишній рубль, два, вотъ и все,— задумчиво промолвилъ Боголюбовъ.—Не обѣднѣемъ,

матушка. На сиротъ Богъ посылаетъ. Дѣтей пристрою какъ-нибудь въ пріюты.

— Пристроишь, а каковы еще дѣти выйдутъ. Вѣдь это какой-то волченокъ,—замѣтила жена.—Ни одного раза никому въ глаза прямо не взглянулъ, а туда же лѣзетъ цѣловаться въ губы. Вѣрно, въ отца пойдетъ.

— Ну, матушка, трудно сказать, кто въ кого пойдетъ! Нашъ-то вонъ, Леонидъ Даниловичъ, пошелъ, кажется, ни въ отца, ни въ мать... На Невскомъ, при народѣ, щедрость показываетъ, отдавая дядюшкѣ послѣднія деньги, а тутъ, когда всѣ, даже Лидя, отдавали, что могли, голодной семьѣ,— онъ повернулся спиною къ бѣднякамъ и поскорѣе улизнулъ, чтобы кто-нибудь не взялъ у него гроша для этихъ несчастныхъ.

— Ужъ ты всегда на Леонида готовъ нападать!—вступилась мать, еще такъ недавно навлекшая на сына грозу.

— Да вѣдь больно, больно, что съ этихъ поръ отъ своего сына ждать нечего. Лѣнтяй, барчонокъ, бѣлоручка, хвастунишка... Ты вонъ про чужихъ толкуешь, еще не зная ихъ, а лучше бы о своемъ подумала.

Боголюбовъ былъ не въ духѣ.

— Я такъ и знала, что ужъ эти нищіе принесутъ намъ неудовольствіе.

Боголюбовъ молча ушелъ въ свой кабинетъ, хлопнувъ дверью. Впервые въ жизни, оказавъ благодѣяніе своимъ ближнимъ, онъ не чувствовалъ полнаго удовольствія, не ощущалъ слѣпаго настроенія духа и какъ будто былъ недоволенъ собою. Походивъ по своему кабинету, онъ взглянулъ на часы и началъ собираться въ должность.

— Что-жъ, не могу же я всего отдать. У меня у самого семья, своя семья!—пробормоталъ онъ вслухъ и, со вздохомъ взявъ портфель подъ мышку, вышелъ изъ своей квартиры тихими и мѣрными шагами, какъ онъ обыкновенно ходилъ на службу, храня строгій и внушительный видъ.

III.

Просящіе помощи.

Марья Дмитріевна вздохнула немного свободнѣе, получивъ пособіе отъ Боголюбова. Кое-какіе грошовые долги были отданы; Антону было куплено теплое пальто на толкучемъ рынкѣ, смѣнившее его жалкую женскую кофту; Катерина Александровна перешила себѣ платье, подаренное теткой, и могла выйти изъ дому по своимъ дѣламъ, не обращая на себя

вниманія прохожихъ своими лохмотьями. Но эти мелкія улучшенія не могли окончательно успокоить семью; у нея оставалось впереди еще много хлопотъ и заботъ: нужно было хлопотать о пенсіи, объ опредѣленіи дѣтей, о наймѣ новаго угла. Марья Дмитріевна, все еще слабая и больная, ежедневно уходила изъ дому въ сопровожденіи Антона, своего неизмѣннаго тѣлохранителя, толкалась по присутственнымъ мѣстамъ, по переднимъ благотворительныхъ лицъ, по пріемнымъ филантропическихъ комитетовъ. Среди этихъ скитаній Антонъ впервые знакомился съ тою жизнью и обществомъ, среди которыхъ ему придется проходить свой жизненный путь. Трудно сказать, что чувствовалъ въ эти дни мальчуганъ; онъ молча, какъ будто безучастно смотрѣлъ на все; впечатлѣнія отъ тѣхъ или другихъ сценъ и встрѣчъ были, повидимому, мимолетны и забывались черезъ минуту. Но это были тѣ капли, которыя пробиваютъ камень: никакой глазъ не подсмотритъ, насколько продолбила камень та или другая отдѣльная капля, но попробуйте оставить этотъ камень на нѣсколько лѣтъ подъ вліяніемъ этихъ падающихъ на него капель, и васъ поразитъ измѣненіе этой, когда-то гладкой и ровной поверхности камня. То же бываетъ съ человѣкомъ: когда-то онъ впервые услыхалъ о некрасивыхъ продѣлкахъ господина, выглядѣвшаго очень честнымъ,—этотъ слухъ смутилъ его на время, потомъ, повидимому, совершенно исчезъ изъ его памяти; послѣ онъ былъ обманутъ другомъ, въ котораго онъ глубоко и искренно вѣрилъ,—это событіе глубоко огорчило его, но и оно забылось, какъ забывается все, забылось, повидимому, навсегда; завтра онъ узнаетъ, что личность, которой онъ поклонялся съ чистою любовью въ годы свѣтлой молодости, была черствымъ развратникомъ, шулеромъ, воромъ,—это открытіе потрясетъ его душу, и, можетъ-быть, въ его памяти вдругъ нежданно-негаданно возникнутъ, какъ живыя, казавшіяся забытыми воспоминанія о тѣхъ людяхъ, съ которыхъ онъ когда-то сорвалъ маску честности, и въ немъ надломится вѣра въ людей. Вы скажете, что эта вѣра сломилась внезапно. Нѣтъ, она подтачивалась незамѣтно, постепенно, и когда ея существованіе держалось на волоскѣ,—довольно было одного новаго явленія, чтобы этотъ волосокъ оборвался. Такъ въ душѣ нашего маленькаго героя покуда впечатлѣнія проходили только мимолетно, и было еще неизвѣстно, что подрывалось, что подтачивалось въ этой душѣ.

На третій день послѣ посѣщенія къ Боголюбову Марья

Дмитріевна снова плелась съ своимъ сыномъ черезъ городъ. Было около трехъ часовъ пополудни. Дотащившись до одного изъ богатыхъ домовъ въ Сергіевской улицѣ, около котораго стояло нѣсколько экипажей, Марья Дмитріевна вошла въ ворота и скрылась во дворѣ.

Этотъ домъ принадлежалъ графу Дмитрію Васильевичу Бѣлокопытову. Въ то время, когда въ него вошла Марья Дмитріевна, окна бель-этажа были ярко освѣщены десятками огней. Это былъ день рожденія хозяина дома. Широкая роскошная лѣстница парадная подъѣзда, убранная тропическими растеніями, озарялась мягкимъ свѣтомъ лампъ съ бѣлыми матовыми шарами. Лампы поддерживались чугунными статуями, изображавшими негровъ и индѣйцевъ съ угрюмыми лицами, какъ лица рабовъ, обреченныхъ вѣчно стоять въ одной и той же позѣ и держать лампы. Внизу лѣстницы стоялъ швейцаръ въ пестрой ливрейной одеждѣ съ тяжелою булавой въ рукѣ, очень походившій на жалкаго балаганнаго актера, одѣтаго въ костюмъ фантастическаго генерала и старающагося придать своему лицу суровое выраженіе, что, по мнѣнію балаганнаго актера, должно быть непремѣннымъ атрибутомъ высокаго званія. Тутъ же на дубовыхъ стульяхъ съ высокими рѣзными спинками помѣщалось нѣсколько лакеевъ съ шубами и бархатными салопами въ рукахъ. Пестрота ихъ одеждъ была невообразимая: здѣсь были гороховые, красные, темно-голубые, однимъ словомъ, всѣ тѣ цвѣта, изъ какихъ не принято шить сюртуковъ и шубъ для мужчинъ, не имѣющихъ несчастія быть лакеями. Одни изъ лакеевъ дремали, другіе шопотомъ толковали про «нашихъ», сообщая другъ другу такія вещи, о которыхъ толкуютъ только лакеи и не грезится намъ съ тобою, мой другъ, читатель. И блѣдный свѣтъ лампъ, и невозмутимая тишина, заспанныя лица лакеевъ придавали этой картинѣ видъ соннаго сказочнаго царства, безучастно смотрящаго на эти роскошныя пальмы и на этихъ чугунныхъ негровъ и индѣйцевъ, безучастно отражающагося по нѣскольку разъ въ этихъ широкихъ зеркалахъ. Непривычный зритель удивился бы съ перваго раза и ширинѣ этой картины, и безчисленному множеству цвѣтовъ, людей и статуй, поддавшись обману зеркалъ. Ему показалось бы, что это царство сна тянется на необозримое пространство и вмѣщаетъ въ себѣ столько народа, что его не пересчитаешь и въ годъ. Только поприсмотрѣвшись къ этому царству сна, можно было убѣдиться, что оно далеко не такъ обширно и не вмѣщаетъ въ

себѣ стольких людей, какъ это кажется при первомъ взглядѣ на него; только послѣ внимательнаго наблюденія можно было сказать, что и ему есть конецъ, какъ и всему на свѣтѣ.

Повидимому, совершенный контрастъ съ этою безжизненною картиной представляли роскошныя залы и гостиныя, гдѣ помѣщались десятки пожилыхъ и молодыхъ мужчинъ и женщинъ. Здѣсь были лучшіе искусственные зубы, лучшіе фальшивые локоны и косы, лучшіе корсеты на ватѣ, лучшія румяна и бѣлила, лучшіе парики и накладки. Здѣсь были старыя барыни съ подтянутыми морщинами и сѣдыми локонами на облѣзлыхъ головахъ и молодыя женщины, исчезавшія въ волнахъ кружевъ, лентъ, шелка и газа, подобно манекенамъ, стоящимъ на окнахъ куаферовъ и модистокъ. Здѣсь были серьезные и холодные старики во фракахъ, старавшіеся держаться твердо на разбитыхъ подагрою ногахъ, и молодежь, старавшаяся блеснуть разными позолоченными и посеребренными украшеніями мундировъ. Все это ходило, сидѣло, тихо разговаривало, громко спорило, четко произносило остроумныя фразы и беззаботно смѣялось. Особенное оживленіе охватило всѣхъ, когда кончились офиціальные визиты, когда кончился обѣдъ и остались одни близкіе съ хозяевами люди. Гости сидѣли отдѣльными группами. Толки шли самые разнообразные. Политика и внутреннія дѣла Россіи, балы и театры, планы путешествій на воды и филантропическія затѣи, все это давало неисчерпаемый источникъ для серьезныхъ споровъ, для смѣха, для остроумія. Впрочемъ, преобладающей темой разговоровъ была филантропія, такъ какъ хозяйка дома посвящала главнымъ образомъ всю свою жизнь именно этому роду дѣятельности.

— Я вотирую за балъ съ аллегри,—говорила одна маленькая блондинка съ безпечнымъ херувимскимъ личикомъ.

— А ваша кузина, вѣроятно, подастъ голосъ за маскарадъ,—тихо отвѣтилъ ей, красиво перегибаясь черезъ ручку кресла, стройный гвардейскій офицеръ съ обольстительными черными усиками.

— Отчего это именно за маскарадъ?—невольно удивилось херувимское личико.

— Кузина очень эффектна, когда ея лицо подъ маской,— пояснилъ офицеръ.

— Вы не можете не злословить?

Офицеръ пожалъ плечами, какъ будто выражая этимъ: что прикажете дѣлать, если у меня остроуміе бьетъ черезъ край?

— Скучны всѣ эти балы съ аллегри,—говорилъ на про-

тивоположномъ концѣ комнаты другой гвардеецъ, лѣтъ двадцати-пяти, лѣниво зѣвая,—это былъ сынъ хозяевъ дома, Алексѣй Дмитріевичъ Бѣлокопытовъ.—Право, мы и веселиться-то не умѣемъ. Я скоро совсѣмъ перестану ѣздить на балы.

— А на пикникѣ сегодня будешь?—спросилъ его кто-то.

— Конечно.

— Закончить бальную дѣятельность хочешь?

— А, ба! вѣдь это же не балъ, а пикникъ, и притомъ безъ всякой аллегри въ пользу бѣдныхъ.

— Ну, аллегри-то будетъ и тамъ, Аделаиду будемъ разыгрывать.

Собесѣдники разсмѣялись и начали говорить тише.

— Неужели мы не устроимъ ни одного спектакля?—спрашивала одна барыня съ рѣзкими и подвижными чертами лица, приближавшаяся по лѣтамъ къ возрасту бальзаковскихъ героинь и только-что пріѣхавшая откуда-то съ водъ, гдѣ украла и проиграла фамильные брильянты своего мужа.

Ей никто не отвѣтилъ.

— Я всегда говорилъ, что Софья Николаевна Бѣлоусова ошиблась въ своемъ призваніи, — шепталъ неугомонный острякъ съ черненькими усиками, снова наклоняясь къ херувимскому личику.—Ей нужно бы быть актрисой, а она сдѣлалась сестрой милосердія больного мужа.

— Это, по крайней мѣрѣ, даетъ ей возможность постоянно жить за границей.

— Да она и актрисой могла бы жить за границей, но тогда она собирала бы тамъ деньги, а теперь ей приходится тамъ оставлять все.

Херувимское личико улыбнулось.

За столомъ, около одного изъ небольшихъ диванов, сгруппировалось менѣе легкомысленное и болѣе солидное общество. Здѣсь шли разговоры совсѣмъ въ другомъ родѣ. Тутъ лежало нѣсколько довольно засаленныхъ листовъ бумаги разнаго формата, исписанныхъ то писарскимъ, то неумѣлымъ дѣтскимъ или женскимъ почерками. Одинъ изъ присутствующихъ, въ которомъ, по зоркому и строгому выраженію его лица, не трудно было узнать Данилу Захаровича Боголюбова, медленно пересматривалъ эти листы бумаги и откладывалъ ихъ въ разныя стороны.

— Все больше объ опредѣленіи дѣтей,—проговорилъ онъ, перебирая листы.

— Какъ всегда осенью, — промолвила со вздохомъ крошечная пухленькая старушка, съ гладко причесанными сѣдыми волосами, сидѣвшая на диванѣ.

Это была княгиня Марина Осиповна Гиреева, одна изъ дѣятельницъ по части благотворительности.

— О вспомоществованіи тоже много просьбъ, — продолжалъ Боголюбовъ.

— Вы разсмотрите ихъ, Данила Захаровичъ,—промолвила пухленькая старушка. — Надо будетъ переслать нѣкоторыя въ человѣколюбивое общество.

— Теперь вездѣ такъ мало суммъ...

— Слѣдуетъ помочь, кому необходимѣе.

Старушка задумчиво начала перебирать просьбы о вспомоществованіи.

— Двадцать просьбъ, — проговорила она почти шопотомъ. — Это удивительно, что у васъ всегда бываетъ ихъ такая масса. Я и трехъ въ мѣсяцъ не получаю. У васъ есть какой-нибудь особенный магнитъ,—добродушно улыбнулась она, обращаясь къ одной изъ сидѣвшихъ у стола дамъ.

Женщина, къ которой обратилась пухленькая старушка, не успѣла еще произнести ни одного слова, какъ изъ сосѣдняго угла послышался рѣзкій, раздраженный голосъ мужчины,—этотъ мужчина былъ ея мужъ.

— Дѣло объясняется очень просто, — ироническимъ тономъ заговорилъ онъ, перерывая свой серьезный споръ съ какимъ-то старикомъ: — моя Дарья Федоровна изволитъ ѣздить по городу и скликать всѣхъ нищихъ, всѣхъ оборванцевъ, всѣхъ тунеядцевъ: «милые, ко мнѣ идите; я вамъ, милые, послѣднее платье отдамъ; вы, милые, можете сидѣть сложа руки, пока я жива». Конечно, милые и пользуются удобнымъ случаемъ пожить на чужой счетъ. Я увѣренъ, что у насъ даже сегодня, даже теперь гдѣ-нибудь въ домѣ спрятано до полсотни этихъ «милыхъ». Не хотите ли на нихъ полюбоваться?

Пухленькая старушка и жена раздраженнаго господина сдѣлали видъ, что онѣ не слышатъ его рѣчей и продолжали говорить, сильно понизивъ голосъ.

— Это оттого, что я сама принимаю просьбы,—отвѣтила жена раздраженнаго господина. — По почтѣ и черезъ прислугу переданныя просьбы могутъ пропасть.

— Но вы этимъ утомляете, убиваете себя, мой другъ,— промолвила съ участіемъ пухленькая старушка.—Признаюсь

откровенно, я не вынесла бы и мѣсяца ежедневныхъ встрѣчъ съ этими людьми, а я постарше, почерствѣе, чѣмъ вы.

Старушка говорила ласковымъ, искреннимъ тономъ. Въ отвѣтъ ей послышался только вздохъ.

— Здѣсь есть просьба одной вдовы, Прилежаевой, обремененной четверыми дѣтьми,— произнесъ Боголюбовъ, просматривая просьбы. — Проситъ объ опредѣленіи дѣтей. Кажется, это очень, очень бѣдная семья...

— Прилежаева, Прилежаева,—проговорила Гиреева, какъ бы вспоминая что-то. — Я знала одну Прилежаеву, милую, черноглазую дѣвочку...

— Надо похлопотать, надо похлопотать,—быстро заговорила та женщина, съ которою нѣсколько минутъ тому назадъ бесѣдовала Гиреева.—Надо все сдѣлать, что возможно. Я ее видѣла: она очень бѣдна и слаба. Вы подумайте, куда можно пристроить дѣтей.

— Постараюсь. Ваша воля—для меня законъ!—отвѣтилъ Боголюбовъ, придавая еще болѣе строгое и озабоченное выраженіе своему лицу.

— Я пойду, тамъ меня еще ждутъ,—шопотомъ произнесла собесѣдница Гиреева, наклоняясь къ самому уху послѣдней и тихонько пожимая ей руку.

Она поднялась съ мѣста. Это была худенькая, низенькая женщина съ мутными, какъ-то странно блуждавшими взглядами. Казалось, она старалась припомнить какую-то позабытую мысль или отыскать какой-то потерянный предметъ. Ее до этой минуты было трудно замѣтить среди нарядныхъ, говорливыхъ, одушевленныхъ виномъ гостей, хотя она имѣла полное право на вниманіе уже просто потому, что она была хозяйкой дома. Но были и другія причины, которыя могли бы заставить наблюдателя остановить свой взглядъ на ней. Она очень рѣзко отличалась отъ всей этой пестрой и веселой толпы своимъ туалетомъ: онъ былъ не только простъ, но даже страненъ и смѣшонъ своею неуклюжестью и небрежностью. Темное шелковое платье съ гладкимъ лифомъ сидѣло на ней, какъ мѣшокъ, и болталось, какъ на вѣшалкѣ, точно оно было сшито для нея въ тѣ годы, когда она еще дышала цвѣтущимъ здоровьемъ и была свѣжа и полна. Гладкій воротничокъ изъ тонкаго батиста былъ надѣтъ на бокъ, такіе же нарукавнички были надѣты неровно, — на одной рукѣ нарукавничекъ выбился изъ-подъ гладкаго рукава чуть не на четыре пальца, на другой рукѣ нарукавничекъ былъ едва замѣтенъ. Жидкіе волосы этой женщины

были причесаны просто, гладко, но словно поссорились между собою и разсыпались съ одной стороны на столько, что сквозь нихъ была видна блѣдная сухая кожа, точно это были высохшіе «мертвые» волосы, не соединенные между собою даже помадой. Ея желтое, покрытое мелкими морщинами, лицо было крайне озабочено и выражало какое-то напряженное, но безплодное усиліе обдумать что-то, разсудить что-то. Она, немного сгорбившись, торопливо и неуклюже переплетая ногами, прошла черезъ гостиную и, на ходу улыбаясь то тому, то другому изъ присутствующихъ какою-то жалкою, похожею на мучительную гримасу улыбкой, скрылась въ другихъ комнатахъ.

— Дарья Федоровна, кажется, понеслась съ оливковымъ листомъ въ ковчегъ спасающихся отъ потопа?—насмѣшливо спросилъ у пухленькой старушки хозяинъ дома.

Старушка сдѣлала видъ, что она ничего не слышитъ, и очень усердно и горячо продолжала толковать съ Боголюбовымъ.

— Эти бѣдные, право, сдѣлались для меня чѣмъ-то въ родѣ bête noire, — промолвилъ своему товарищу Алексѣй Дмитріевичъ. — Если бы, кажется, вино пили для пользы бѣдныхъ,—я записался бы въ общество трезвости; если бы люди оставались холостяками для пользы бѣдныхъ, — я завтра же женился бы на первой попавшейся навстрѣчу старухѣ.

— Ну, это ужъ слишкомъ.—засмѣялся его собесѣдникъ.

— Да пойми же ты, что это становится невыносимымъ,— горячо заговорилъ молодой Бѣлокопытовъ: — встрѣчаешься съ матерью утромъ—она убивается о бѣдныхъ и отравляетъ чай; садишься за столъ—у матери заплаканные глаза отъ встрѣчи съ бѣдными, и кусокъ не идетъ въ горло; хочешь пройти къ ней въ комнату послѣ обѣда — встрѣчаешь на пути баррикаду изъ десятка калѣкъ и убогихъ. Знаешь ли ты, почему я разошелся съ Амаліей? Она какъ-то оскорбилась какою-то выходкой съ моей стороны. «Я, говоритъ, дочь бѣдныхъ родителей, я бѣдная, но...» Дальше я ужъ и не слушалъ, схватилъ фуражку и больше не видался съ ней.

Собесѣдникъ расхохотался.

А Дарья Федоровна, между тѣмъ, торопливо шла по освѣщеннымъ комнатамъ, перегнувшись туловищемъ впередъ и поминутно путаясь въ болтавшемся на ней, подобно тряпкѣ, шелковомъ платьѣ. Отъ всего ея существа вѣяло чѣмъ-то достойнымъ улыбки и сожалѣнія, смѣха и слезъ. Графиня

откровенно, я не вынесла бы и мѣсяца ежедневныхъ встрѣчъ съ этими людьми, а я постарше, почерствѣе, чѣмъ вы.

Старушка говорила ласковымъ, искреннимъ тономъ. Въ отвѣтъ ей послышался только вздохъ.

— Здѣсь есть просьба одной вдовы, Прилежаевой, обремененной четверыми дѣтьми,— произнесъ Боголюбовъ, просматривая просьбы. — Проситъ объ опредѣленіи дѣтей. Кажется, это очень, очень бѣдная семья...

— Прилежаева, Прилежаева,—проговорила Гиреева, какъ бы вспоминая что-то. — Я знала одну Прилежаеву, милую, черноглазую дѣвочку...

— Надо похлопотать, надо похлопотать,—быстро заговорила та женщина, съ которою нѣсколько минутъ тому назадъ бесѣдовала Гиреева.—Надо все сдѣлать, что возможно. Я ее видѣла: она очень бѣдна и слаба. Вы подумайте, куда можно пристроить дѣтей.

— Постараюсь. Ваша воля—для меня законъ!—отвѣтилъ Боголюбовъ, придавая еще болѣе строгое и озабоченное выраженіе своему лицу.

— Я пойду, тамъ меня еще ждутъ,—шопотомъ произнесла собесѣдница Гиреева, наклоняясь къ самому уху послѣдней и тихонько пожимая ей руку.

Она поднялась съ мѣста. Это была худенькая, низенькая женщина съ мутными, какъ-то странно блуждавшими взглядами. Казалось, она старалась припомнить какую-то позабытую мысль или отыскать какой-то потерянный предметъ. Ее до этой минуты было трудно замѣтить среди нарядныхъ, говорливыхъ, одушевленныхъ виномъ гостей, хотя она имѣла полное право на вниманіе уже просто потому, что она была хозяйкой дома. Но были и другія причины, которыя могли бы заставить наблюдателя остановить свой взглядъ на ней. Она очень рѣзко отличалась отъ всей этой пестрой и веселой толпы своимъ туалетомъ: онъ былъ не только простъ, но даже страненъ и смѣшонъ своею неуклюжестью и небрежностью. Темное шелковое платье съ гладкимъ лифомъ сидѣло на ней, какъ мѣшокъ, и болталось, какъ на вѣшалкѣ, точно оно было сшито для нея въ тѣ годы, когда она еще дышала цвѣтущимъ здоровьемъ и была свѣжа и полна. Гладкій воротничокъ изъ тонкаго батиста былъ надѣтъ на бокъ, такіе же нарукавнички были надѣты неровно, — на одной рукѣ нарукавничекъ выбился изъ-подъ гладкаго рукава чуть не на четыре пальца, на другой рукѣ нарукавничекъ былъ едва замѣтенъ. Жидкіе волосы этой женщины

были причесаны просто, гладко, но словно поссорились между собою и разсыпались съ одной стороны на столько, что сквозь нихъ была видна блѣдная сухая кожа, точно это были высохшіе «мертвые» волосы, не соединенные между собою даже помадой. Ея желтое, покрытое мелкими морщинами, лицо было крайне озабочено и выражало какое-то напряженное, но безплодное усиліе обдумать что-то, разсудить что-то. Она, немного сгорбившись, торопливо и неуклюже переплетая ногами, прошла черезъ гостиную и, на ходу улыбаясь то тому, то другому изъ присутствующихъ какою-то жалкою, похожею на мучительную гримасу улыбкой, скрылась въ другихъ комнатахъ.

— Дарья Федоровна, кажется, понеслась съ оливковымъ листомъ въ ковчегъ спасающихся отъ потопа?—насмѣшливо спросилъ у пухленькой старушки хозяинъ дома.

Старушка сдѣлала видъ, что она ничего не слышитъ, и очень усердно и горячо продолжала толковать съ Боголюбовымъ.

— Эти бѣдные, право, сдѣлались для меня чѣмъ-то въ родѣ bête noire, — промолвилъ своему товарищу Алексѣй Дмитріевичъ. — Если бы, кажется, вино пили для пользы бѣдныхъ,—я записался бы въ общество трезвости; если бы люди оставались холостяками для пользы бѣдныхъ, — я завтра же женился бы на первой попавшейся навстрѣчу старухѣ.

— Ну, это ужъ слишкомъ.—засмѣялся его собесѣдникъ.

— Да пойми же ты, что это становится невыносимымъ,— горячо заговорилъ молодой Бѣлокопытовъ: — встрѣчаешься съ матерью утромъ—она убивается о бѣдныхъ и отравляетъ чай; садишься за столъ—у матери заплаканные глаза отъ встрѣчи съ бѣдными, и кусокъ не идетъ въ горло; хочешь пройти къ ней въ комнату послѣ обѣда — встрѣчаешь на пути баррикаду изъ десятка калѣкъ и убогихъ. Знаешь ли ты, почему я разошелся съ Амаліей? Она какъ-то оскорбилась какою-то выходкой съ моей стороны. «Я, говоритъ, дочь бѣдныхъ родителей, я бѣдная, но...» Дальше я ужъ и не слушалъ, схватилъ фуражку и больше не видался съ ней.

Собесѣдникъ расхохотался.

А Дарья Федоровна, между тѣмъ, торопливо шла по освѣщеннымъ комнатамъ, перегнувшись туловищемъ впередъ и поминутно путаясь въ болтавшемся на ней, подобно тряпкѣ, шелковомъ платьѣ. Отъ всего ея существа вѣяло чѣмъ-то достойнымъ улыбки и сожалѣнія, смѣха и слезъ. Графиня

Бѣлокопытова дѣйствительно была замѣчательною личностью по своей судьбѣ, по своему характеру.

Ея отецъ, Федоръ Павловичъ Маевскій, слылъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Петербургѣ и нѣкогда занималъ очень видное мѣсто въ свѣтѣ. Она была его единственною наслѣдницей. Конечно, при такомъ положеніи она должна была играть одну изъ первыхъ ролей въ такъ-называемомъ свѣтѣ. Но старикъ Маевскій вмѣстѣ съ своимъ братомъ когда-то сильно прокутился въ Парижѣ. Братъ его пустилъ себѣ пулю въ лобъ, а Федоръ Павловичъ былъ спасенъ отъ нищеты и, можетъ-быть, тоже отъ самоубійства, только случайно полученнымъ наслѣдствомъ. Эти событія такъ сильно подѣйствовали на него, что изъ отъявленнаго мота онъ сдѣлался скрягою. Онъ перешелъ въ гражданскую службу, онъ носилъ потертые мундиры, онъ ходилъ пѣшкомъ, его дворня походила на стаю нищихъ, его обѣды были похожи на жалкіе обѣды бѣдняка. Онъ бралъ съ крестьянъ невообразимые оброки, сѣкъ ихъ безпощадно за недоимку, велъ торговыя дѣла, давалъ деньги подъ большіе залоги и за большіе проценты. Про него носились слухи, что, управляя въ былыя времена однимъ изъ благотворительныхъ учрежденій, онъ не только распекалъ по-русски просителей, но даже пряталъ въ свой собственный карманъ назначенныя имъ пособія. Въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращался, его имя сдѣлалось нарицательнымъ; сказать: «это второй Федоръ Павловичъ Маевскій» значило то же, что сказать: «это скряга». Онъ не только проклялъ сына за то, что тотъ, не получая ни гроша отъ отца, надѣлалъ на двѣ тысячи долговъ, не только допустилъ этого сына до тюрьмы и до самоубійства, не только уморилъ жену вѣчными и дикими сценами за каждый издержанный ею грошъ, но даже не позаботился о томъ, чтобы дать своей дочери порядочное образованіе. Какая-то кающаяся Магдалина изъ легитимистокъ, съ сильною наклонностью къ ханжеству, лишенная всѣхъ средствъ даже и при помощи румянъ и бѣлилъ для добыванія денегъ, согласилась занять за скудную плату мѣсто гувернатки при дочери Маевскаго. Французскій языкъ, легитимизмъ, ханжество, выражавшееся въ вѣчномъ вымаливаніи грѣховъ у разгнѣваннаго Бога и въ раздачѣ грошей нищей братіи, обязанной за эту плату молиться о прощеніи грѣховъ благодѣтелей,—вотъ все, чѣмъ набивалась дѣтская голова Маевской подъ руководствомъ m-lle de Beauregard. Эта головка и отъ природы была не особенно сильно надѣлена умомъ,

подъ вліяніемъ же деспота-отца, ханжи-гувернантки и вѣчнаго одиночества въ ней все окончательно перепуталось и сбилось. Маленькая дѣвочка уже представляла себѣ Бога не иначе, какъ разгнѣваннымъ Богомъ; она молилась не иначе, какъ со слезами, молилась только о прощеніи ея собственныхъ и вообще людскихъ грѣховъ; она любила и жалѣла бѣдныхъ людей, но не видала никакой возможности помочь имъ иначе, какъ раздачею грошей; иногда въ ней проявлялось даже что-то суровое и безпощадное, когда она, слыша чьи-нибудь жалобы, говорила: «Христосъ съ вами, Христосъ съ вами, развѣ можно такъ грѣшить! Онъ страдалъ не менѣе васъ. Онъ сына своего отдалъ на распятіе, а вы ропщете!»

Некрасивая собой, запуганная отцомъ, неловкая, плохо воспитанная, плохо одѣтая, семнадцатилѣтняя Дарья Федоровна съ перваго дня своего вступленія въ свѣтъ сдѣлалась мишенью для шутокъ, оселкомъ для остротъ, развлеченіемъ отъ скуки. Что-то черствое, что-то безсердечное таилось въ этихъ отношеніяхъ свѣта къ молодой дѣвушкѣ, и эти отношенія были тѣмъ болѣе гнусны и отвратительны, что источникомъ ихъ была все-таки зависть: эта «дурнушка» должна была, въ концѣ концовъ, сдѣлаться обладательницей одного изъ самыхъ крупныхъ имѣній. Черезъ годъ послѣ перваго выѣзда въ свѣтъ она уже готова была отказаться отъ свѣта, готова была идти въ монастырь, когда внезапно на нее обратилъ вниманіе одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей тогдашняго высшаго круга, графъ Дмитрій Васильевичъ Бѣлокопытовъ. Не много нужно было ласковыхъ словъ, не много нужно было горячихъ увѣреній, чтобы запуганное, загнанное существо, не видавшее ни одной привѣтливой улыбки, отвѣтило любовью на любовь. Мѣсяца черезъ два Дарья Федоровна была влюблена въ Бѣлокопытова, или, вѣрнѣе сказать, благоговѣла передъ нимъ. Бѣлокопытовъ рѣшился просить ея руки, и, конечно, получилъ отказъ: старикъ Маевскій никакъ не могъ выпустить изъ рукъ имѣніе своей покойной жены, которое, согласно завѣщанію, должно было перейти къ дочери, при замужествѣ послѣдней. Дарья Федоровна не вынесла удара и слегла. Послѣ долгой и тяжелой болѣзни она почти перестала выѣзжать въ свѣтъ, но не перестала любить Бѣлокопытова. Прошло около года мучительной одинокой жизни въ домѣ отца, вѣчно упрекавшаго дочь за то, что она хотѣла его ограбить, хотѣла подорвать его денежныя дѣла, хотѣла промотать вмѣстѣ съ

«морзавцомъ»—иначе Маевскій не называлъ Бѣлокопытова—наслѣдственное имѣніе. Но Бѣлокопытовъ, несмотря на неудачу, не отказался отъ своего плана; повидимому, этотъ планъ былъ тою послѣднею картой, отъ которой зависѣло быть или не быть. Съ свойственною всѣмъ любителямъ азартныхъ игръ ловкостью, Бѣлокопытовъ началъ незамѣтно распускать подъ рукою слухи, что Маевскій помѣшанный, что онъ хочетъ уморить дочь, что это чистѣйшее убійство, совершаемое въ глазахъ всего свѣта. Исторія о сынѣ Маевскаго, о самоубійствѣ несчастнаго юноши, слухи о продѣлкахъ старика въ благотворительномъ заведеніи, все поднялось Бѣлокопытовымъ со дна прошедшаго, и общественное мнѣніе было единодушно вооружено противъ деспота-отца. Маевскій сдѣлался сказкой города, въ толкахъ о немъ уже слышались болѣе серьезныя ноты, чѣмъ въ простыхъ сплетняхъ: «надо принять мѣры», «подобныхъ вещей нельзя допускать», «мы живемъ не во времена варварства», носилось въ салонахъ. Чѣмъ бы кончилось все это волненіе, поднятое искуснымъ агитаторомъ, — неизвѣстно; извѣстно только то, что однажды, среди самыхъ оживленныхъ толковъ о Маевскомъ, въ гостиной княгини Марины Осиповны Гиреевой появился Бѣлокопытовъ, приходившійся ей дальнимъ родственникомъ и жившій въ ея домѣ, и объявилъ, что онъ только-что получилъ извѣстіе о смерти Маевскаго. Это извѣстіе поразило всѣхъ своею неожиданностью, поразило тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ какой-то новый посѣтитель и объявилъ, что Маевскій живъ. Общество окончательно растерялось, а какой-то острякъ даже замѣтилъ при этомъ, что Маевскій возродился и проживетъ еще шестьдесятъ лѣтъ. Дѣйствительно, въ этомъ происшествіи было что-то странное, требовавшее разъясненія, и потому былъ отправленъ лакей въ домъ Маевскаго узнать о всемъ случившемся.

— Изволили-съ умереть, только помѣшали имъ, такъ они-съ и ожили,—доложилъ возвратившійся посланный.

Послѣдовало всеобщее изумленіе, начались разспросы. Оказалось, что дѣйствительно въ теченіе часа всѣ считали Федора Павловича мертвымъ и уже на радостяхъ поспѣшили обмыть и положить его на столъ, какъ вдругъ онъ тихо вздохнулъ и открылъ глаза, и вотъ уже въ теченіе четырехъ часовъ продолжаетъ отъ времени до времени дышать, хотя и не двигается, и не спускаетъ глазъ съ одной и той же точки. Въ обществѣ поднялись новые толки. Но толки уже

шли не въ одномъ какомъ-нибудь домѣ княгини Гиреевой, а дошли до разныхъ захолустьевъ. Нѣсколько бѣдняковъ, когда-то обиженныхъ Маевскимъ и ожидавшихъ его смерти, пробрались въ его домъ посмотрѣть, «какъ Богъ смерти не даетъ Кащею!» Эта была возмутительная и въ то же время грустная сцена. Дарья Федоровна, суевѣрная и трусливая, заперлась въ своей комнатѣ; прислуга, ненавидѣвшая барина, оставила его на столѣ и черезъ черную лѣстницу впускала разныхъ черносалопницъ посмотрѣть «на наказаніе Божіе». Черносалопницы уже разсказывали, «что онѣ своими ушами слышали, какъ хрипитъ и стонетъ кровопивецъ, и своими глазами видѣли, какъ его живого ѣдятъ черви». Только появленіе Бѣлокопытова и доктора положило конецъ этому показыванію живого трупа. Докторъ объявилъ, что переносить Маевскаго на постель невозможно, что надо ждать исхода. Исходъ былъ одинъ—смерть, послѣдовавшая черезъ нѣсколько часовъ. Эти событія такъ сильно повліяли на Дарью Федоровну, что она была готова раздать все имѣніе нищимъ, опять собиралась уйти въ монастырь и хотѣла отказаться отъ замужества. Бѣлокопытову пришлось сильно хлопотать и убѣждать ее, чтобы не выпустить изъ рукъ выгодной партіи. Наконецъ, дѣло было обдѣлано и долги Бѣлокопытова были заплачены деньгами Маевскаго. Бѣлокопытовъ вздохнулъ свободно — гора свалилась съ плечъ. Любовь и нѣжность графа продолжались ровно до того времени, когда въ его руки была отдана Дарьею Федоровною значительная часть ея имѣнія. Мужъ началъ относиться къ женѣ очень безцеремонно, называлъ ее при прислугѣ дурою, ханжою; говорилъ при ней о своихъ любовныхъ связяхъ; жилъ на отдѣльной половинѣ; устраивалъ въ своихъ комнатахъ «холостые» вечера. Дарья Федоровна, привыкшая считать всякое горе наказаніемъ за свои грѣхи, за грѣхи отцовъ, не употребляла никакихъ средствъ для борьбы съ мужемъ, для завоеванія себѣ его уваженія или независимаго, почетнаго мѣста въ домѣ. Она безмолвно выносила свое тяжелое положеніе и все сильнѣе и сильнѣе, все съ большимъ страхомъ передъ разгнѣваннымъ Богомъ молилась и старалась помогать нищимъ, голоднымъ, чтобы и они присоединили свои молитвы къ ея молитвамъ. Она даже не замѣчала, что она все глубже и глубже раскапываетъ своими собственными руками ту пропасть, которая раздѣляетъ ее съ мужемъ и которая, быть-можетъ, могла бы сгладиться при извѣстномъ умѣньи держать себя съ му-

жемъ со стороны жены, и при неизбѣжной усталости, долженствовавшей явиться въ мужѣ среди вѣчныхъ кутежей. Но Дарья Федоровна не обладала умѣньемъ понимать земные интересы и была предана всецѣло небеснымъ помысламъ. Поуставшій среди оргій мужъ дѣйствительно попробовалъ раза два сойтись съ женою поближе, но отъ нея «несло, по его выраженію, ладаномъ, деревяннымъ и постнымъ масломъ»; «ея устами говорили, по его же выраженію, сонмища черносалонницъ, полчища монаховъ и цѣлый кагалъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ затворниковъ, схимниковъ и юродивыхъ нашего любезнаго отечества». Дарья Федоровна, нагнавъ тоску на мужа своими рѣчами, упустила удобную минуту для сближенія съ нимъ и окончательно оттолкнула его отъ себя. Уставшій отъ оргій и ищущій болѣе спокойныхъ наслажденій, онъ завелся постоянною любовницею, разбитною, ловкою и веселою, но крайне алчною до денегъ нѣмкою. Матильда Францовна Герингъ взяла его въ свои руки и высасывала изъ него послѣднія его деньги, пристраивая чрезъ него на теплыя мѣста своихъ соотечественниковъ и болѣе молодыхъ поклонниковъ. Уже черезъ годъ или черезъ два послѣ замужества, Дарья Федоровна была извѣстна въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ столицы подъ именемъ «блаженненькой» и подъ именемъ «матушки-благодѣтельницы», еще черезъ нѣсколько лѣтъ люди ея круга, особенно члены разныхъ благотворительныхъ комитетовъ, зная ея тяжелую жизнь, видя ея безропотность, слыша о ея популярности среди бѣдныхъ, стали смотрѣть на нее не то съ удивленіемъ, не то съ благоговѣніемъ. Не благоговѣли передъ нею только ея мужъ и ея подраставшій сынъ. Послѣдній, подобно отцу, отшатнулся отъ матери уже съ дѣтскихъ лѣтъ, когда ему приходилось простаивать всенощныя, заутрени, раннія и поздніе обѣдни, во время которыхъ мать ежеминутно дергала его за рукавъ, напоминая ему, что нужно креститься и класть земные поклоны. Первое вступленіе въ кружокъ товарищей показало мальчику, что есть болѣе привольная, болѣе свободная, болѣе интересная жизнь, и онъ ринулся въ эту жизнь съ головою, отдался ей съ тѣмъ жаромъ, съ которымъ отдается человѣкъ свободѣ послѣ выхода изъ тюрьмы. Отецъ и сынъ уже успѣли промотать все, что было передано имъ Дарьею Федоровной. Но они уже успѣли не только промотать свои деньги, а даже надѣлали долговъ вездѣ, не отказываясь выдавать крупный вексель за небольшую сумму денегъ, за-

нятую ими у ростовщика, и не гнушаясь прихватить сто рублей у своего повара, у своего камердинера, у полкового вахмистра или унтеръ-офицера, пользовавшихся въ видѣ процентовъ различными поблажками. Вступивъ на этотъ путь, отецъ и сынъ незамѣтно очутились въ рукахъ разныхъ темныхъ личностей и должны были потакать ихъ продѣлкамъ, опредѣлять на мѣста ихъ protégés. Они, вѣроятно, сами ужаснулись бы глубинѣ той пропасти, въ которую они снизошли, если бы у нихъ оставалось время на подобную провѣрку своей жизни. Дарья Федоровна между тѣмъ видѣла, что ея благосостояніе виситъ на волоскѣ, что оно чисто призрачное, что при сведеніи концовъ съ концами въ итогѣ получится нуль, и начинала дрожать надъ каждою копейкой, считать количество сожженныхъ свѣчей, съѣденныхъ цыплятъ, истребленныхъ дровъ, начала отдавать штопать и чинить старое бѣлье, передѣлывать и выворачивать свои платья, носить чищенныя перчатки, дробить свои подаянія до микроскопическихъ частей. Ея несчастный, непрактическій слабый умъ не могъ сообразить, что никакія грошовыя сбереженія не могутъ пополнить брошенныхъ на вѣтеръ тысячъ.

Она оставалась все тою же несчастною, искалѣченною женщиной, но уже не попрежнему смотрѣли на нее ближніе люди: прислуга, обожавшая щедрыхъ графовъ Бѣлокопытовыхъ, начала ненавидѣть ее, какъ скрягу. «Видно кровь-то отцовская заговорила»,—толковали про графиню въ людской. Черносалопницы и бѣдняки, хотя шли къ ней попрежнему, зная ея вліяніе на разныхъ благотворительницъ, но уже ругали ее за ея мелкія, иногда просто оскорбительныя подачки. Она же молча переносила все. Въ этой выносливости было что-то похожее на фанатизмъ: только фанатикъ можетъ такъ твердо и неуклонно, несмотря на всѣ мученія свѣта, несмотря на всѣ враждебныя отношенія, оставаться вѣрнымъ себѣ.

И въ эту минуту, когда застаетъ ее нашъ разсказъ, она попрежнему твердо продолжала свой образъ жизни, хотя ей уже измѣняли физическія силы. Минуя рядъ освѣщенныхъ залъ, загасивъ ради экономіи по дорогѣ нѣсколько свѣчей въ канделябрахъ, она отворила дверь небольшой комнаты, тускло освѣщенной одною свѣчой, стоявшей на окнѣ. Эта комната была оклеена дешевенькими темными обоями; около всѣхъ четырехъ стѣнъ стояли невзрачные, темные стулья; надъ спинками стульевъ были видны почти черныя круглыя

пятна, казавшіяся, при тусклом освѣщеніи, головами сидящихъ на стульяхъ невидимыхъ призраковъ. При появленіи Дарьи Федоровны въ дверяхъ, въ комнатѣ что-то завозилось, зашуршало, закопошилось, и около темныхъ стѣнъ поднялись какія-то причудливыя разнообразныя тѣни. Это были странныя созданія, стоявшія безмолвно, понуривъ головы. Ихъ то худыя, то опухшія, блѣдныя, иногда зеленовато-желтыя, порою синевато-багровыя лица выглядѣли тупо, нагло, угрюмо или болѣзненно. Въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ замѣчалась жалкая забитость, въ другихъ проглядывала рабская хитрость. Тутъ былъ какой-то отставной штабсъ-капитанъ съ деревянною ногой, съ всклокоченными сѣдыми волосами, съ толстымъ, синевато-краснымъ, испещреннымъ черными крапинками носомъ; воинъ былъ одѣтъ въ потертый, лоснившійся мундиръ; тутъ стояла еще довольно молодая женщина въ оборванномъ платьѣ съ ребенкомъ на рукахъ, котораго она кормила грудью; тутъ помѣщалась дряхлая полуслѣпая старуха въ темномъ капорѣ и тепломъ салопѣ; тутъ были люди всевозможныхъ возрастовъ и сословій, но всѣ одинаково оборванные, одинаково голодные, — голодные вслѣдствіе своей неумѣлости, вслѣдствіе лѣни, вслѣдствіе пьянства. Единственная свѣча тускло озаряла это отребье человѣчества, и казалось, что это сидитъ рядъ мертвецовъ, ожидающихъ своей очереди на мѣсто въ могилѣ. Какъ только отворилась дверь, всѣ они закопошились, поднялись и выстроились около стѣны: это было войско Дарьи Федоровны. Торопливыми шагами, перегнувшись туловищемъ впередъ, блуждая тусклыми взглядами и улыбаясь своею безсмысленною, не то привѣтливою, не то конвульсивною улыбкой, похожею на гримасу, прошла предъ ними хозяйка дома.

— Сейчасъ, сейчасъ, милые! Сейчасъ, сейчасъ, родные!— бормотала она на ходу и черезъ минуту скрылась въ другую дверь.

Въ комнатѣ раздался одинъ общій вздохъ, снова послышалось шуршанье лохмотьевъ, снова началось движеніе этого тряпья, и черезъ мгновеніе тяжело заскрипѣли стулья подъ тяжестью опустившихся на нихъ людей.

— Охъ, Господи, Владыко, Царю Небесный!—вздохнула одна изъ тѣней подпольнаго міра: это была Марья Дмитріевна; около нея сидѣлъ безмолвно Антонъ. — Нутро все изныло.

— Что говорить, что говорить!—прошамкала въ отвѣтъ

ей старуха въ ваточномъ капорѣ.—Шутка ли сказать, съ третьяго часу дежуримъ. Испарилась совсѣмъ...

— Сейчасъ видно, что женщина командуетъ! По-военному бы: разъ, два, налѣво кругомъ—маршъ!—промолвилъ штабсъ-капитанъ, постукивая деревяшкой о полъ.

— И погода-то какая, а мнѣ еще на Пряжку тащиться,— проговорила Марья Дмитріевна со вздохомъ.

— Всѣмъ, мать моя, не близко, всѣмъ не близко,—пробормотала старуха въ капорѣ. — Видно, ты еще впервые тутъ дежуришь. А я-то кажинный мѣсяцъ эту муку-мученскую терплю. Вотъ еще погоди, завтра велитъ придти.

— Это все женская привычка-съ, доложу вамъ,—произнесъ штабсъ-капитанъ.—За разъ женщина ничего не можетъ сдѣлать. Вы взгляните, какъ женщина какую-нибудь этакую вещь въ лавкѣ покупаетъ: зайдетъ она въ десять лавокъ, въ каждой весь товаръ перероетъ, все вверхъ дномъ перевернетъ и ужъ только потомъ скажетъ: позвольте мнѣ образчикъ, я къ вамъ на-дняхъ зайду! Выправки нѣтъ, и опять же женщина сама не знаетъ, чего ей нужно. Ну, возьмите нашего брата: нужно мнѣ черное сукно на панталоны, съ позволенія сказать, и на сюртукъ, я и иду за чернымъ сукномъ, а женщинѣ и ленточка для бантика нужна, и какая-нибудь этакая шляпочка, и чепчикъ, и юбочка, и разныя этакія финтифлюшки невозможнаго цвѣта, ну, а въ карманѣ не очень густо, на все не хватитъ, надо что-нибудь одно выбрать, — вотъ она и суется, и мечется. И хочется, и ко...

Философскія разсужденія штабсъ-капитана оборвались на полусловѣ, такъ какъ въ комнату снова отворились двери и въ нихъ появилась фигура хозяйки дома. За нею съ недовольнымъ лицомъ шла горничная, нагруженная какими-то тряпками.

— Сейчасъ, милые, сейчасъ!—торопливо заговорила хозяйка. — Вы штабсъ-капитанъ Флегонтъ Матвѣевичъ Прохоровъ?—спросила она, обращаясь къ отставному философу.

— Онъ самый-съ, имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству!—отрапортовалъ штабсъ-капитанъ, молодцомъ вытягиваясь передъ графиней.

— Вспомоществованія просите?

— Точно такъ-съ, имѣлъ честь докла...

— Передала, передала вашу просьбу,—быстро перебила его графиня.—Навѣдайтесь, обѣщали похлопотать. Вы бы въ богадѣльню просились...

— Имѣю семью-съ, ваше сіятельство. Привязанъ въ нѣкоторомъ родѣ узами родственныхъ отношеній къ грѣшному міру сему. Не могу...

— Такъ, такъ!—снова перебила его графиня.—Такъ навѣдайтесь. Вотъ вамъ покуда. Дай, Танюша, — поспѣшно обратилась хозяйка къ горничной.—Вотъ тутъ чай на два раза, вотъ сахаръ, это на булку десять копеекъ. Вотъ бѣлье...

Графиня, поспѣшно передавъ штабсъ-капитану деньги и небольшой бумажный свертокъ съ спитымъ чаемъ и четырьмя кусками сахару, взяла изъ рукъ горничной рубашку, растянула ее противъ свѣчи и стала разсматривать.

— Танюша, ты не то отобрала, не то отобрала!—быстро заговорила Дарья Федоровна.—Это для передѣлки Алексѣю Дмитріевичу отложено. Давай другую.

Горничная порывисто передала барынѣ другую рубашку. Бѣлокопытова снова стала разсматривать полотно, растянувъ его противъ свѣчи.

Вотъ вамъ; это пригодится; это тонкое полотно,—заговорила она, передавая рубашку штабсъ-капитану.—Вотъ двѣ пары шерстяныхъ чулокъ.

— Имѣю одну ногу, какъ докладывалъ вашему сіятельству,—развязно началъ штабсъ-капитанъ.

— Ну, все равно, все равно; я тороплюсь, тороплюсь! Навѣдайтесь на-дняхъ.

— Ваше сіятельство, окажите милость, день назначьте. Живу далеко и имѣю одну ногу, тоже...

— Ахъ, не могу, никакъ не могу дня назначить,—перебила графиня штабсъ-капитана. — Не отъ меня зависитъ. Навѣдайтесь!

— Удрученъ годами, ваше сіятельство, имѣю одну только ногу...

— Ну, здѣсь отдохнете, въ теплѣ посидите. Дня не могу назначить,—отрывисто говорила графиня, уже подошедшая къ старухѣ въ капорѣ.

— Нельзя ли письменно извѣстить?—совершенно хладнокровно приставалъ неугомонный философъ.

— Не могу, не могу! — какимъ-то мучительнымъ тономъ отозвалась графиня, торопливо говоря старухѣ.—Вотъ чай, вотъ сахаръ, вотъ на хлѣбъ. Приходи на будущій мѣсяцъ.

— Матушка, ваше сіятельство, вспомоществованія проту,—заговорила старуха, кланяясь въ поясъ.

— Не могу, не могу ничего сдѣлать! Къ митрополиту подай прошеніе.

Графиня быстро перешла къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Вы Прилежаева? — спросила она и, не дожидаясь отвѣта, заговорила скороговоркой:—дѣтей просили опредѣлить? Будутъ приняты. Старшаго мальчика, надѣюсь, въ школу бѣдныхъ сиротъ, младшаго и дѣвочку въ пріютъ графовъ Бѣлокопытовыхъ. За нихъ похлопочетъ и добрѣйшій Данила Захаровичъ Боголюбовъ. Навѣдайтесь! Покуда возьмите это. Чайку напейтесь. Малютка, спать хочешь?— потрепала графиня по щекѣ понуро стоявшаго Антона и перекрестила его.—Христосъ съ тобой, Христосъ съ тобой! Вотъ бѣлье для дѣтокъ. Это отъ моего сына. Навѣдайтесь.

Хозяйка дома быстро перешла къ слѣдующей просительницѣ, до сихъ поръ ни однимъ словомъ не заявившей о своемъ присутствіи въ комнатѣ. Это была высокая, худая женщина, лѣтъ сорока, съ рѣзкими чертами лица, съ черными, нѣсколько посѣдѣвшими, безпорядочно сбившимися на лобъ волосами. Что-то лихорадочное и раздраженное было въ выраженіи ея черныхъ глазъ и въ стиснутыхъ сухихъ губахъ. Она все время сидѣла молча, не отвѣчала ни на одинъ вопросъ своимъ собесѣдникамъ и только отъ времени до времени откидывала со лба сбившіеся волосы. Голяки, собравшіеся въ этой комнатѣ, посматривали на нее какъ-то подозрительно, какъ смотрятъ на сумасшедшихъ. Старушонка въ капорѣ даже успѣла шопотомъ замѣтить Марьѣ Дмитріевнѣ, что у этой странной женщины «на чердакѣ, должно-быть, неладно». Это замѣчаніе заставило Антона попристальнѣе взглянуть на молчаливую просительницу, и ея мертвенно-блѣдное лицо, воспаленные глаза, всклокоченные, черные волосы съ просѣдью какъ-то непріятно подѣйствовали на него, почти испугали его и сильно врѣзались въ его память.

— Вы титулярная совѣтница Постовская? — спросила графиня.

— Я,—сухо отвѣтила просительница, глядя на Бѣлокопытову сверху внизъ.

— Вы должны къ митрополиту подать.

— Подавала уже.

— Ну, и что же?

— Отказали. Пенсію получаю...

— Ахъ, такъ вы пенсію получаете...

— Два рубля въ мѣсяцъ.

— Что дѣлать, что дѣлать! У другихъ и того нѣтъ. Роптать грѣшно. Вотъ вамъ чай, вотъ...

— Да я не милостыню пришла просить,—грубо перебила графиню просительница, не протягивая руки за подачкой.— Я прошусь въ богадѣльню...

— Ахъ, нельзя, нельзя, у васъ пенсія, вы чиновница...

— Ну, въ тюрьму, въ острогъ посадите, — съ тою же рѣзкостью перебила хозяйку просительница. — Мнѣ все равно, куда. Все равно, только бы не умереть на улицѣ, подъ заборомъ. Понимаете: не хочу на улицѣ валяться. У меня угла нѣтъ, у меня хлѣба нѣтъ.

— Вы же пенсію получаете, мой другъ! — воскликнула Дарья Федоровна.—Ну, наймите себѣ уголокъ, работайте...

— Чѣмъ?—съ горечью и иронiей спросила просительница и тяжело приподняла свои руки.

Это были страшныя руки, худыя, жилистыя, костлявыя, съ распухшими оконечностями пальцевъ.

— Отсохли, отмерзли, проклятыя!—съ безконечною злобой въ голосѣ произнесла несчастная женщина; въ ея глазахъ сверкнуло что-то похожее на бѣшенство. — Работать! Я ихъ поднять не могу, а она говоритъ: работать! Она говоритъ: работать!—воскликнула Постовская, тяжело дыша отъ раздраженія.

— Ихъ полѣчить надо, ступайте въ больницу, — продолжала давать свои совѣты Бѣлокопытова, не замѣчая, что она говоритъ съ сумасшедшею.

— Что вы мнѣ говорите!—крикнула просительница, ближе подступая къ графинѣ. — Въ больницу не принимаютъ съ такими болѣзнями. Я съ этою болѣзнью могу десятки лѣтъ пролежать. Я уже три года съ нею живу.

— Что-жъ дѣлать, что дѣлать!—въ замѣшательствѣ проговорила графиня. — Я буду хлопотать, но бѣдныхъ такъ много, такъ много! Навѣдайтесь!

— А теперь? — воскликнула просительница. — Куда я пойду теперь? Меня съ квартиры сегодня выгнали. Говорятъ, я сумасшедшая! Говорятъ, что меня и за деньги держать не станутъ. У меня ѣсть нечего. Что же, мнѣ на улицѣ околѣвать? Велите меня хоть въ полицію отправить...

— Что вы, что вы, Христосъ съ вами! Христосъ съ вами! Вотъ вамъ покуда чай, сахаръ, на булку.

Графиня быстро протянула просительницѣ деньги и свертокъ съ чаемъ и сахаромъ. Лицо Постовской все исказилось какимъ-то судорожнымъ выраженіемъ горя, иронiи и злобы. Она съ трудомъ протянула лѣвую руку, взяла поданный ей свертокъ и, скомкавъ его рукою, швырнула въ Бѣлокопытову.

— Вотъ тебѣ! — сквозь зубы проговорила она и быстро повернулась спиной къ окончательно растерявшейся хозяйкѣ дома...

— Господи, прости строптивыхъ и позабывшихъ Тебя! Господи, отпусти имъ грѣхи ихъ, — не знаютъ, что творятъ! — перекрестилась Дарья Федоровна, обращая испуганные глаза къ висѣвшему въ углу образу.

Жалкая комната начала пустѣть. Кряхтя и охая, тащились эти живые мертвецы по черной, не освѣщенной лѣстницѣ, ощупывая руками перила и стѣны, чтобы не упасть. Гулко раздавались въ затишьѣ звуки, производимые штабсъ-капитанскимъ костылемъ и его деревянною ногой; печально шлепали стоптанные башмаки Марьи Дмитріевны, неслышно шебаршили, сплетенные изъ сукна башмаки старушонки въ капорѣ. На небольшомъ, квадратномъ дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ стѣнами дома и похожемъ на мрачный колодецъ, было черно, какъ въ могилѣ. Снѣгъ, валившій хлопьями, тотчасъ же таялъ и превращался въ липкую грязь. Порывистый вѣтеръ вылъ въ воздухѣ.

— Господи Владыко, погода-то какая ненастная; какъ дотащимся!—вздохнула Марья Дмитріевна.—Измучился ты, голубчикъ Антошенька!

— Что-жъ, не дотащимся—костямъ покой будетъ,—пробормотала старуха въ капорѣ.

— Выпить бы теперь съ холоду. Чего-нибудь этакого бальзамнаго, желудочнаго! Жаль компаніи нѣтъ, все дамы,— развязно произнесъ штабсъ-капитанъ, съ очень важнымъ видомъ поднимая воротникъ своей оборванной шинели.

— Вишь, грѣховодникъ, о чемъ думаетъ!—прошамкала старуха.

— Дьяволы, дьяволы окаянные! Не будь вамъ ни дна, ни покрышки!—вдругъ зазвучало надъ ихъ ушами.

Они обернулись. За ними стояла какая-то высокая женская фигура. Несмотря на темноту, Антонъ сразу узналъ въ ней молчаливую просительницу, пробудившую въ его душѣ нѣчто въ родѣ безотчетнаго страха.

— Отсохни моя нога, если я къ вамъ когда-нибудь черезъ порогъ переступлю!—продолжала сумасшедшая женщина.—Чай спитой даетъ, два куска сахару даетъ! Подавись ими, окаянная, спрячь ихъ для дѣтей и для внучатъ своихъ, чтобы они промочили пересохшее горло, когда промотаютъ твои проклятыя деньги! Подъ заборомъ околѣю, какъ собака издохну, а къ тебѣ не пойду!

Какъ-то дико и страшно звучали въ воздухѣ эти проклятія сумасшедшей. Марья Дмитріевна вздрогнула, Антонъ невольно прижался къ ней.

— Не бойся, голубчикъ, не бойся! — шептала ему мать, боязливо отстраняясь отъ Постовской.

— Видно, нужды, родимая, не видала! — хладнокровно промолвила старуха.

— Не видала? Я не видала?—рѣзко воскликнула высокая женщина, наклоняясь къ самому лицу старушонки. — Дура! дура! я годъ бьюсь, какъ рыба объ ледъ, годъ! Не ходила къ нимъ, не обивала ихъ пороговъ. Дураки надоумили, подавала прошеніе — ничего не получила. Пенсію получаю. Пенсію! Три дня теперь не ѣла. Къ ней пришла— спитой чай вынесла, гривенникъ предлагаетъ! Что мнѣ гривенникъ! Что мнѣ гривенникъ! Дура! дура! Что я съ нимъ стану дѣлать? Завтра сыта буду, лишній день проживу? Что мнѣ лишній день? Я ей въ рожу его кинула. Въ воду — вотъ и конецъ!

— Полно, мать, что судьбу-то гнѣвить! — проговорила старушонка, безмятежно продолжая бесѣду съ безумною.

— Чѣмъ гнѣвлю? Что она мнѣ дала?—съ яростью заговорила Постовская.—Дѣтей отняла, мужа отняла, руки параличомъ разбила... Чѣмъ гнѣвлю? Если мѣста нѣтъ ни въ монастырѣ, ни въ богадѣльнѣ, ни въ острогѣ, ни у добрыхъ людей—иди въ воду!

Женщина грубо раздвинула стоявшихъ на крыльцѣ бѣдняковъ.

— Чего ждете?— насмѣшливо проговорила она.—Дураки, снѣгу боитесь? Ждите, вотъ онъ для васъ сейчасъ остановится!

Въ ея голосѣ, въ ея фигурѣ было что-то дикое, что-то бѣшеное. Она быстро зашагала по двору къ воротамъ. Антона била лихорадка. Марья Дмитріевна глубоко вздыхала и крестилась.

— Совсѣмъ помѣшанная, совсѣмъ помѣшанная!—шептала она какъ бы про себя.

— Видно, что женщина: ничего не боится, — произнесъ штабсъ-капитанъ съ свойственною ему склонностью къ философствованію.—Шутка ли, подаяніе благодѣтельницѣ въ лицо бросила! А все оттого, что надъ женщинами начальства нѣтъ. Съ нихъ и присяги не требуютъ. Баба вездѣ сама командирша. Вотъ и моя благовѣрная супруга, когда развоюется, бывало...

— Пойдемъ, Антоша, видно погоды не переждешь, голубчикъ,—вздохнула Марья Дмитріевна, не слушая отставного философа.—Извозчика, что ли, прихватимъ. Далеко тащиться-то, да и поздно ужъ. Чай наши-то заждались, всѣ глаза проглядѣли.

Прилежаевы тихо потащились по грязи со двора барскаго дома. Антонъ былъ молчаливъ и испуганъ: передъ нимъ носилось мертвенно-блѣдное лицо съ сверкающими черными глазами.

Между тѣмъ послѣдняя просительница оставила убогую комнату богатаго дома; графиня велѣла горничной взять свѣчу, на минуту прошла въ свою просто убранную и безпорядочно выглядѣвшую спальню, стала на колѣни передъ кіотомъ съ образами и сдѣлала нѣсколько земныхъ поклоновъ, крестясь широкимъ крестомъ, занося руку на темя, на оконечности плечъ и ниже груди.

— Благодарю тебя, Господи! Благодарю тебя, Создатель мой. Сподобилъ, сподобилъ!—безсвязно бормотала она и, торопливо поднявшись съ колѣней, поспѣшила въ ярко освѣщенныя комнаты.

Тамъ уже поднимались съ мѣстъ нѣкоторые изъ гостей.

— Замѣшкалась... Извините...—отрывисто говорила хозяйка, неуклюже улыбаясь своею похожей на гримасу улыбкой.—Столько бѣдныхъ, столько голодныхъ... Всѣхъ переспросила. Отпустила. Хоть обогрѣлись немножко въ теплѣ... Вы не забудьте, Марина Осиповна,—обратилась графиня къ пухленькой старушкѣ.—Насчетъ чаю вспомните... Вѣдь это имъ такое благодѣяніе. Вы все говорите, что это не важно. Но вы подумайте, что они какую-нибудь траву грушевую пьютъ, а тутъ хорошій чай...

— Хорошо, хорошо!—крѣпко пожала ей руку Гиреева.— Но вы себя не бережете. Вы такъ блѣдны, утомлены!

— Ничего, ничего... Онъ больше насъ страдалъ, больше терпѣлъ!—вздохнула хозяйка и съ горячею вѣрой и испуганно обратила свои блуждающіе глаза къ углу, гдѣ, подъ самымъ потолкомъ, блестѣлъ золотымъ вѣнчикомъ едва замѣтный образъ Христа.

Гости начали разъѣзжаться.

— Старенькаго, старенькаго чего-нибудь,—шептала хозяйка, пожимая чью-то руку.—Теперь зима, холодъ. Это все для нихъ благо! Похлопочите же о дѣтяхъ, о малюткахъ бѣдной Прилежаевой,—ласково говорила хозяйка, прощаясь съ Боголюбовымъ.—Васъ Богъ наградитъ въ вашихъ дѣтяхъ.

— Непремѣнно, непремѣнно, ваше сіятельство. Сочту священной обязанностью!—говорилъ Боголюбовъ, благоговѣйно наклоняясь къ рукѣ хозяйки.

Гиреева между тѣмъ прощалась съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ.

— Береги ее. Она такъ слаба, такъ изнуряетъ себя,— шептала ему старуха на прощаньи, указывая на его мать.— Ей нужно отдохнуть. На ней лица нѣтъ.

— Что-жъ мы можемъ? -небрежно пожалъ онъ плечами.—Это какая-то манія...

— Что ты, что ты!—съ упрекомъ произнесла старая барыня. Твоя мать святая женщина, святая! Она забыла себя, забыла все ради ближнихъ.

— Всѣхъ, ma tante, нельзя ни одѣть, ни накормить, а себя разорить можно,—раздражительно развелъ руками Алексѣй Дмитріевичъ.

Гиреева съ упрекомъ покачала головой и пошла въ сопровожденіи своей молоденькой племянницы, дѣвушки съ херувимскимъ личикомъ, по направленію къ парадной лѣстницѣ.

— Несчастная, несчастная женщина!—тихо говорила старуха, спускаясь съ лѣстницы.—Ты видѣла, какъ она истомлена? Какъ воскъ таетъ, какъ воскъ! А сынокъ! а мужъ доматываютъ ея послѣднія деньги и еще смѣютъ говорить, что она ихъ разоряетъ! И вѣдь говорила я ей, что Дмитрій негодяй, что ей не замужъ нужно было идти, а жить на пользу ближнихъ...

Залы въ домѣ Бѣлокопытовыхъ начинали пустѣть; у подъѣзда слышались крики лакеевъ, шумъ отъѣзжающихъ экипажей, быстрые звуки голосовъ:

— Вы завтра въ оперѣ?

Ты ѣдешь на пикникъ?

— Я заѣду за тобой.

Хозяйка дома между тѣмъ ходила по комнатамъ и осматривала свѣчи.

— Завтра не ставь новыхъ; эти еще могутъ прогорѣть,— говорила она лакею.—Ты заперъ фрукты? Дюшесъ надо обернуть бумагою.

Лакей хмуро слушалъ распоряженія и отвѣчалъ односложнымъ: «слушаю-съ».

— Попроси ко мнѣ Дмитрія Васильевича,—приказала, наконецъ, графиня, сдѣлавъ необходимыя распоряженія.

— Графъ уже изволили уѣхать,—отвѣтилъ лакей.

— Какъ уѣхалъ? Развѣ былъ заложенъ экипажъ?

— Точно такъ.

— Куда же?

— Не изволили сказывать,—усмѣхнулся едва замѣтною нахальною улыбкой лакей.

Графиня растерянно посмотрѣла куда-то въ сторону и тихо проговорила:

— Ну, такъ Алексѣя Дмитріевича попроси...

— Сейчасъ справлюсь. Они тоже изволили приказывать подавать сани,—отвѣтилъ лакей.

Въ эту минуту мимо отворенныхъ дверей мелькнула фигура Алексѣя Дмитріевича.

— Алексѣй!—позвала его мать.

— Извините, меня ждутъ!—послышался отвѣтъ сына.

— Ты мнѣ нуженъ на нѣсколько минуть,—проговорила мать; но сынъ, не слушая ея словъ, быстро спустился съ лѣстницы и исчезъ.

По губамъ лакея опять скользнула усмѣшка.

Графиня сдѣлала нѣсколько торопливыхъ шаговъ по направленію къ парадной лѣстницѣ, потомъ вдругъ повернулась назадъ и скороговоркой рѣзко сказала лакею:

— Гаси свѣчи!

Она торопливо направилась въ свою спальню. Ея лицо было болѣе обыкновеннаго желто и измучено. Она вошла въ свою спальню, зажгла восковую свѣчу, прилѣпила ее къ полу и стала на колѣни. Ея желтое лицо выглядѣло болѣзненно, глаза уже не блуждали теперь, но сосредоточенно смотрѣли на образа, сверкавшіе въ углу золотомъ, брильянтами и изумрудами. Въ этихъ глазахъ было выраженіе испуга, недоумѣнія и какой-то напряженной, неразрѣшимой думы.

— Господи, спаси насъ!—шептали ея блѣдныя уста.— Не попусти насъ погибнуть!.. Отврати гнѣвъ свой!.. Господи, прости забывшихъ Тебя!

Она плакала и била себя въ грудь. Казалось, ея мозгъ испытывалъ страшнѣйшую пытку. Измученная и безпомощная, она схватилась за молитвенникъ, какъ утопающій за соломинку, и торопливо начала читать подъ рядъ всѣ молитвы, чтобы отдѣлаться отъ мучительныхъ думъ и опасеній за будущее. Шли минуты, часы, она все еще читала молитвы, дѣлаясь все спокойнѣе и спокойнѣе. Ея глаза уже слипались, она уже не стояла, а сидѣла на колѣняхъ, и въ ея головѣ иногда слабо мелькала мысль: «Господи, прости

лѣнивую рабу Твою». Наконецъ, восковая свѣча затрещала и, на минуту вспыхнувъ, погасла. Графиня въ послѣдній разъ распростерлась на полу и потомъ съ большимъ усиліемъ встала. Она была похожа на выходца изъ могилы: въ ея лицѣ было не одно утомленіе, во что-то страдальческое.

— Танюша!—едва слышно позвала она горничную.

Никто не откликался.

— Танюша!—еще разъ повторила она.

Отвѣта не было.

Графиня тихо, шатаясь, прошла въ сосѣднюю комнату: тамъ, сидя на стулѣ, спала горничная.

— Спитъ!—прошептала графиня.—Спитъ! Господи прости ихъ согрѣшенія! Милосердый, прости насъ, забывшихъ Тебя!

Она тихо вошла обратно въ свою спальню и, кое-какъ раздѣвшись, сунулась на свою неловкую одинокую постель. Ея дыханія почти не было слышно; ея тѣло, худое, изнуренное, слабое тѣло, лежало неловко почти поперекъ кровати и было неподвижно; въ комнатѣ царствовала глубокая тишина; все было въ безпорядкѣ, какъ-будто здѣсь только-что умеръ человѣкъ, и его ближніе еще не узнали объ его смерти; только тусклый свѣтъ лампады озарялъ эти разбросанные предметы, озарялъ постель и это почти бездыханное тѣло.

IV.

Катерина Александровна Прилежаева.

Стоялъ ясный, морозный зимній день. Подъ яркими лучами солнца снѣгъ сверкалъ, какъ серебро. По улицамъ торопливо сновалъ народъ, неслись экипажи, поднимая снѣжную пыль. Господа, раскраснѣвшіеся отъ мороза, кутались въ шубы, шагали быстрѣе, порою потирали себѣ носы, щеки и уши. Думы о тепломъ углѣ, о веселомъ огонькѣ въ печкѣ или въ каминѣ, о сытномъ обѣдѣ съ добрымъ стаканомъ вина, вѣроятно, мелькали не въ одной головѣ, вызывая на лица свѣтлыя улыбки. Но плохо приходилось тѣмъ, у кого не было ни шубъ, ни теплаго угла, ни стакана вина, ни сытнаго обѣда, однимъ словомъ, ничего, что могло бы согрѣть и оживить иззябшее тѣло.

Именно въ такомъ положеніи находилась Катерина Александровна Прилежаева, когда она, усталая и иззябшая, тащилась изъ своего захолустья на Литейную. Она уже не впервые переходила въ послѣдніе дни изъ одного конца го-

рода въ другой, стучалась или звонила у тѣхъ или другихъ незнакомыхъ дверей, получала неутѣшительные отвѣты и снова, съ поникшею головой, пускалась въ путь. Она не обращала вниманія ни на погоду, ни на свой нарядъ, ни на прохожихъ и шла по улицамъ, погрузившись въ свои тяжелыя думы. Ея лицо было серьезно; въ немъ выражалась упорная сосредоточенность мысли, энергическая настойчивость. Казалось, дѣвушка, наперекоръ судьбѣ, наперекоръ всѣмъ неудачамъ, рѣшилась исполнить какой-то планъ и добиться побѣды или пасть окончательно въ неравномъ бою. Она, повидимому, забыла и голодъ, и холодъ, и шла отъ одного дома къ другому, изъ одной улицы въ другую, не зная, гдѣ и когда кончатся ея скитанія. Иногда ее можно было принять за помѣшанную, когда она, спускаясь съ лѣстницы какого-нибудь дома, вынимала изъ кармана смятую бумажку, исписанную мелкимъ, но твердымъ почеркомъ, и вслухъ бормотала:

— Теперь ближе будетъ пройти на Знаменскую, потомъ пройду на Загородный проспектъ.

Прохожіе не безъ удивленія поглядывали на эту, плохо одѣтую, молодую личность, такъ громко разговаривающую съ самою собой. Еще болѣе удивлялись нѣкоторые изъ нихъ, когда дѣвушка, поднявъ глаза отъ исписаннаго лоскутка бумажки, спрашивала перваго встрѣчнаго, гдѣ находится та или другая улица. Она предлагала эти вопросы такимъ тономъ, какъ-будто говорила не съ незнакомыми людьми, а съ самою собой, съ своею измѣнившею памятью. Но какими бы удивленными глазами ни смотрѣли на нее прохожіе, ей не было до этого никакого дѣла. Въ послѣднее время она столько пережила, столько передумала, такъ твердо рѣшилась дѣйствовать по-своему, что никакія постороннія ея цѣлямъ явленія, никакія мелкія столкновенія съ людьми не могли ни развлечь, ни смутить ее.

Со смертью ея отца, какъ мы говорили, должна была прекратиться та жизнь въ сторонѣ отъ остального свѣта, которою жила семья Прилежаевыхъ до сихъ поръ. Всѣ взрослые члены семьи почувствовали, что надо какъ-нибудь иначе устроить свое существованіе и позаботиться о будущемъ. Уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль съ утра и иногда до поздняго вечера ходила Марья Дмитріевна со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ Антономъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, прося о пенсіи, о вспомоществованіи, обивая пороги домовъ разныхъ благотворительныхъ и влія-

тельныхъ лицъ. Тяжелыя впечатлѣнія ложились въ эти дни камнемъ на душу Антона. Маленькій дикарь, не видавшій ничего, кромѣ своего роднаго захолустья, вдругъ очутился въ шумныхъ улицахъ, среди торопливо снующихъ людей, среди гремящихъ экипажей. Онъ, какъ совершенно вѣрно замѣтила его мать, стыдливо и дико смотрѣвшій на предлагаемый ему посторонними человѣкомъ пряникъ, вдругъ увидалъ, что его мать плачетъ, кланяется въ ноги какимъ-то незнакомымъ людямъ, выпрашивая помощь, что эти люди или грубо относятся къ ней, или сострадательно даютъ ей гривенники, лохмотья старой одежды, снятой чай, что въ числѣ этихъ черствыхъ, упрекающихъ за что-то его мать, грубыхъ людей, есть его близкіе родные, живущіе счастливо и богато: что, наконецъ, одинъ изъ этихъ родныхъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, стройный, красивый, цвѣтущій, протянулъ ему, Антону, свою руку, назвалъ его братомъ, далъ ему денегъ. Антонъ не понималъ ни ненависти этихъ людей, ни внезапно пробудившейся любви этого мальчика. Онъ одинаково дико смотрѣлъ и на брань этихъ людей, и на ласки этого барченка.

Съ недоумѣніемъ, иногда съ откровенною дѣтскою злобой, порою съ задушевными, горькими слезами передавалъ Антонъ въ ночномъ затишьѣ свои впечатлѣнія любимой сестрѣ, и у нея сжималось сердце, ныла грудь. Катерина Александровна съ давнихъ поръ привыкла жить жизнью своего брата, радоваться его радостями, печалиться его печалями. Онъ былъ съ самой колыбели единственною отрадой Катерины Александровны. Она долго росла одиноко въ своей семьѣ, когда, наконецъ, родился Антонъ; онъ былъ живою игрушкой, вѣчнымъ собесѣдникомъ маленькой Кати; черезъ годъ послѣ его рожденія она поступила въ одну изъ «патріотическихъ» школъ; но и тамъ, среди чужихъ людей, среди ученья, среди шитья, ея мысли постоянно неслись къ маленькому дорогому существу. Зато какою радостью, какою любовью свѣтились синіе глазенки мальчика, когда вечеромъ наканунѣ праздниковъ въ подвалѣ появлялась Катя! На своемъ дѣтскомъ языкѣ, едва начавъ лепетать, онъ уже передавалъ любимой сестрѣ всѣ свои мелкія радости и крупныя огорченія. Какимъ восторгомъ исполнилось все его маленькое существо, когда Катя, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ школѣ, совсѣмъ возвратилась домой! Она научилась немногому въ школѣ, — тамъ учили шить, читать, писать, считать и пѣть. Кое-какія отрывки изъ географіи и

исторіи запали въ голову молодой дѣвушки, кое-какія понятія о литературѣ мелькомъ дошли до нея. Но малюткѣ-брату казалось, что сестра его удивительно умная, удивительно ученая. И какъ же было не думать этого ребенку, когда сестра его умѣла пѣть такія чудесныя пѣсни,—когда она разсказывала, что на свѣтѣ есть теплыя, теплыя земли, гдѣ живутъ не русскіе люди, ходящіе безъ одежды, живущіе безъ домовъ, не знающіе ни голоду, ни холоду, поющіе пѣсни и пляшущіе около зажженныхъ костровъ,—когда она наизусть читала брату: «птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда, хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда», или: «вчера я растворилъ темницу воздушной плѣнницы моей,—я рощамъ возвратилъ пѣвицу; я возвратилъ свободу ей». И многое, многое еще знала Катя и про цыганъ, весело кочующихъ гдѣ-то шумною толпой, водящихъ съ пѣснями медвѣдя, живущихъ не въ городѣ, не въ подвалахъ, а среди широкихъ, широкихъ полей, и про Мѣднаго Всадника, выстроившаго Петербургъ на берегу пустынныхъ волнъ, гдѣ прежде былъ пріютъ убогаго чухонца. Антонъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Катя знаетъ и еще болѣе, но только не говоритъ всего, и, можетъ-быть, онъ былъ правъ; можетъ-быть, Катя дѣйствительно знала гораздо болѣе того, что она разсказывала брату, о Татьянѣ Пушкина, о Тамарѣ Лермонтова и другихъ героиняхъ прошлаго.

Братъ и сестра жили душа въ душу, и потому глубокою болью отзывались теперь въ сердцѣ Кати всѣ тяжелыя впечатлѣнія, вынесенныя Антономъ изъ его первыхъ столкновеній съ обществомъ. Она чуть не плакала, когда Антонъ разсказывалъ ей о своей встрѣчѣ съ двоюроднымъ братомъ.

— Я стою ни живъ, ни мертвъ, послѣ того, какъ самъ-то накричалъ, и не вижу, что онъ ко мнѣ подъѣзжаетъ,—передавалъ Антонъ дѣтски безсвязно событія этой встрѣчи.—Козломъ подошелъ, да и дергаетъ меня за рукавъ,—гляжу: онъ денегъ мнѣ суетъ въ руку. А я не нищій. Мнѣ деньги на что? Въ школу куда-нибудь упекутъ... Ты, говоритъ, мнѣ братъ. А какой же я ему братъ? Я его и не знаю. Развѣ такіе братья-то бываютъ? На немъ сюртукъ новый, а на мнѣ вонъ кофта твоя была! Пальта-то тогда еще не было...

Катерина Александровна чувствовала, что нужно спасти брата, сдѣлать его умнымъ и богатымъ. «Неужели такъ ему и погибать, какъ отецъ погибалъ?—думалось ей.—Вѣдь живутъ же другіе и весело, и счастливо. Неужели онъ хуже

всѣхъ? И за что онъ муку эту терпѣть всю жизнь будетъ? Ужъ если гибнуть, такъ гибнуть сразу! И отчего это не всѣмъ одинаковое несчастье? За грѣхи родителей, что ли, дѣтей Богъ наказываетъ? Да развѣ онъ станетъ невинныхъ за виновныхъ наказывать? Или это для испытанія нашего посылается, для спасенія души? Да вѣдь и тѣ, которые счастливы, не всѣ же будутъ мучиться въ той жизни; вѣдь и они будутъ тамъ блаженствовать: ихъ грѣхи панихидами отмолятъ. За что же одни должны мучиться здѣсь, чтобы блаженствовать тамъ, а другіе блаженствуютъ и здѣсь, и тамъ? Развѣ Богу не всѣ равны люди? Да что я объ этомъ думаю! Надо подумать, какъ спасти его, какъ его счастливымъ сдѣлать. Будетъ онъ счастливъ,—онъ и Мишу, и Дашу, и мать не оставитъ. Бѣдные они, слабенькіе; силъ у нихъ нѣтъ!..» И Катерина Александровна строила планы, разсчитывала, соображала. Во всѣхъ ея думахъ на первомъ планѣ стоялъ братъ, стояло его счастіе. Казалось, что этимъ счастьемъ обуславливается все ея существованіе, что безъ брата, безъ мысли о необходимости спасти его, она и не задумалась бы ни на минуту о себѣ самой и разомъ покончила бы свои собственныя муки, нашла бы исходъ. Повидимому, это было самоотреченіе, но это было только повидимому: Катерина Александровна очень хорошо знала себя, знала, что она не успокоится ни въ какомъ хорошемъ положеніи, покуда она не будетъ знать, что ея мать, ея сестра, ея братья точно такъ же успокоились, какъ и она. Она помнила, какъ, бывало, въ школѣ за каждымъ обѣдомъ, за каждымъ кускомъ хлѣба ее мучила мысль о томъ, что, можетъ-быть, у ея семьи въ эту минуту нѣтъ ѣды, что, можетъ-быть, мать и Антонъ плачутъ и не знаютъ, что дѣлать. Теперь, привязавшись къ семьѣ еще болѣе, она, вѣроятно, еще сильнѣе чувствовала бы несчастія этой семьи даже при самыхъ счастливыхъ условіяхъ своей собственной жизни. Для помощи семьѣ, то-есть для успокоенія себя, она не находила другого средства, какъ спасеніе брата: «поднимется онъ на ноги, всѣмъ будетъ хорошо; вдвоемъ мы сумѣемъ зашибить грошъ».

Катерина Александровна шла къ своей цѣли безъ особенной боязни. Въ ней уже съ дѣтскихъ лѣтъ развилась энергія и умѣнье властвовать надъ людьми, по крайней мѣрѣ, надъ тѣми, которые до сихъ поръ окружали ее. Она не помнила того времени, когда она не была бы старшею въ домѣ. Уже семилѣтнимъ ребенкомъ она умѣла утѣшать слабую, заби-

тую Марью Дмитріевну и не падала духомъ. Конечно, это была дѣтская храбрость: каждый, наблюдавшій дѣтскую жизнь, знаетъ, что дѣти первые смѣльчаки: они безъ страха идутъ по тонкой льдинѣ, когда мы чуть не падаемъ въ обморокъ за нихъ; они отважно снуютъ между экипажами около самыхъ ногъ лошадей, когда мы не смѣемъ двинуться черезъ улицу; они не сторонятся и отмахиваются при встрѣчѣ съ бѣшеною собакой, когда мы бѣжимъ безъ памяти отъ страшнаго звѣря. Непониманіе всего ужаса предстоящей опасности нерѣдко дѣлаетъ человѣка храбрымъ, тогда какъ пуганная ворона и куста боится. Эта самая храбрость дала сначала маленькой Катѣ возможность утѣшать слабую мать въ каждомъ горѣ. Эта же храбрость научила Катю обѣгать всѣ окрестныя лавки во время безденежья съ просьбой отпустить хлѣба въ долгъ, и, когда бѣготня и хлопоты увѣнчивались успѣхомъ, дѣвочка говорила матери:

— Ну что? Вотъ видишь: я хлѣба-то достала. А ты все сидишь, да плачешь. Хлѣбъ-то не придетъ самъ.

Говоря это, Катя уже начинала смутно сознавать, что дѣйствительно хлѣбъ не придетъ самъ, что, сидя на мѣстѣ, сытымъ не будешь. Мало-по-малу, ея дѣтская храбрость начинала закаляться еще болѣе и дѣлаться сознательною смѣлостью въ столкновеніяхъ съ пьянымъ отцомъ. Марья Дмитріевна встрѣчала пьянаго мужа слезами, слабыми упреками и жалкими словами. Это только еще болѣе сердило его и вызывало брань.

— Покою нѣтъ! Въ своей семьѣ покою нѣтъ!—кричалъ онъ пьянымъ голосомъ.

— А ты ея не слушай. Ты спать ложись! Ишь глаза-то слипаются. Умаялся!—говорила Катя, смѣло таща отца за рукавъ отъ плачущей матери.—Я тебѣ постель приготовила.

— Дочь, только одна дочь понимаетъ Александра Прилежаева!—театральнымъ тономъ произносилъ пьяный отецъ, сваливаясь на постель.

Только на одну Катю не наводили страха сцены бѣлой горячки, когда отецъ искалъ повсюду чертей. Она привыкла къ этимъ сценамъ и очень хладнокровно поддакивала отцу и дѣлала видъ, что ловитъ мнимыхъ демоновъ, стараясь въ то же время поскорѣе уложить его спать. Въ семьѣ давно уже никто не помнилъ, чтобы Катерина Александровна когда-нибудь плакала. Въ самыя тяжелыя минуты она

всѣхъ? И за что онъ муку эту терпѣть всю жизнь будетъ? Ужъ если гибнуть, такъ гибнуть сразу! И отчего это не всѣмъ одинаковое несчастье? За грѣхи родителей, что ли, дѣтей Богъ наказываетъ? Да развѣ онъ станетъ невинныхъ за виновныхъ наказывать? Или это для испытанія нашего посылается, для спасенія души? Да вѣдь и тѣ, которые счастливы, не всѣ же будутъ мучиться въ той жизни; вѣдь и они будутъ тамъ блаженствовать: ихъ грѣхи панихидами отмолятъ. За что же одни должны мучиться здѣсь, чтобы блаженствовать тамъ, а другіе блаженствуютъ и здѣсь, и тамъ? Развѣ Богу не всѣ равны люди? Да что я объ этомъ думаю! Надо подумать, какъ спасти его, какъ его счастливымъ сдѣлать. Будетъ онъ счастливъ,—онъ и Мишу, и Дашу, и мать не оставитъ. Бѣдные они, слабенькіе; силъ у нихъ нѣтъ!..» И Катерина Александровна строила планы, разсчитывала, соображала. Во всѣхъ ея думахъ на первомъ планѣ стоялъ братъ, стояло его счастіе. Казалось, что этимъ счастьемъ обуславливается все ея существованіе, что безъ брата, безъ мысли о необходимости спасти его, она и не задумалась бы ни на минуту о себѣ самой и разомъ покончила бы свои собственныя муки, нашла бы исходъ. Повидимому, это было самоотреченіе, но это было только повидимому: Катерина Александровна очень хорошо знала себя, знала, что она не успокоится ни въ какомъ хорошемъ положеніи, покуда она не будетъ знать, что ея мать, ея сестра, ея братья точно такъ же успокоились, какъ и она. Она помнила, какъ, бывало, въ школѣ за каждымъ обѣдомъ, за каждымъ кускомъ хлѣба ее мучила мысль о томъ, что, можетъ-быть, у ея семьи въ эту минуту нѣтъ ѣды, что, можетъ-быть, мать и Антонъ плачутъ и не знаютъ, что дѣлать. Теперь, привязавшись къ семьѣ еще болѣе, она, вѣроятно, еще сильнѣе чувствовала бы несчастія этой семьи даже при самыхъ счастливыхъ условіяхъ своей собственной жизни. Для помощи семьѣ, то-есть для успокоенія себя, она не находила другого средства, какъ спасеніе брата: «поднимется онъ на ноги, всѣмъ будетъ хорошо; вдвоемъ мы сумѣемъ зашибить грошъ».

Катерина Александровна шла къ своей цѣли безъ особенной боязни. Въ ней уже съ дѣтскихъ лѣтъ развилась энергія и умѣнье властвовать надъ людьми, по крайней мѣрѣ, надъ тѣми, которые до сихъ поръ окружали ее. Она не помнила того времени, когда она не была бы старшею въ домѣ. Уже семилѣтнимъ ребенкомъ она умѣла утѣшать слабую, заби-

тую Марью Дмитріевну и не падала духомъ. Конечно, это была дѣтская храбрость: каждый, наблюдавшій дѣтскую жизнь, знаетъ, что дѣти первые смѣльчаки: они безъ страха идутъ по тонкой льдинѣ, когда мы чуть не падаемъ въ обморокъ за нихъ; они отважно снуютъ между экипажами около самыхъ ногъ лошадей, когда мы не смѣемъ двинуться черезъ улицу; они не сторонятся и отмахиваются при встрѣчѣ съ бѣшеною собакой, когда мы бѣжимъ безъ памяти отъ страшнаго звѣря. Непониманіе всего ужаса предстоящей опасности нерѣдко дѣлаетъ человѣка храбрымъ, тогда какъ пуганная ворона и куста боится. Эта самая храбрость дала сначала маленькой Катѣ возможность утѣшать слабую мать въ каждомъ горѣ. Эта же храбрость научила Катю обѣгать всѣ окрестныя лавки во время безденежья съ просьбой отпустить хлѣба въ долгъ, и, когда бѣготня и хлопоты увѣнчивались успѣхомъ, дѣвочка говорила матери:

— Ну что? Вотъ видишь: я хлѣба-то достала. А ты все сидишь, да плачешь. Хлѣбъ-то не придетъ самъ.

Говоря это, Катя уже начинала смутно сознавать, что дѣйствительно хлѣбъ не придетъ самъ, что, сидя на мѣстѣ, сытымъ не будешь. Мало-по-малу, ея дѣтская храбрость начинала закаляться еще болѣе и дѣлаться сознательною смѣлостью въ столкновеніяхъ съ пьянымъ отцомъ. Марья Дмитріевна встрѣчала пьянаго мужа слезами, слабыми упреками и жалкими словами. Это только еще болѣе сердило его и вызывало брань.

— Покою нѣтъ! Въ своей семьѣ покою нѣтъ!—кричалъ онъ пьянымъ голосомъ.

— А ты ея не слушай. Ты спать ложись! Ишь глаза-то слипаются. Умаялся!—говорила Катя, смѣло таща отца за рукавъ отъ плачущей матери.—Я тебѣ постель приготовила.

— Дочь, только одна дочь понимаетъ Александра Прилежаева!—театральнымъ тономъ произносилъ пьяный отецъ, сваливаясь на постель.

Только на одну Катю не наводили страха сцены бѣлой горячки, когда отецъ искалъ повсюду чертей. Она привыкла къ этимъ сценамъ и очень хладнокровно поддакивала отцу и дѣлала видъ, что ловитъ мнимыхъ демоновъ, стараясь въ то же время поскорѣе уложить его спать. Въ семьѣ давно уже никто не помнилъ, чтобы Катерина Александровна когда-нибудь плакала. Въ самыя тяжелыя минуты она

только нахмуривала брови, сжимала губы и дѣлалась грубою, если кто нибудь тревожилъ ее разспросами и нарушалъ ея молчаливое раздумье. Дѣйствительно, въ эти минуты она предавалась раздумью, какъ помочь горю. «Мать уже сама ничего не придумаетъ: всѣ мысли-то слезами зальетъ», постоянно думала въ эти минуты Катерина Александровна. Нерѣдко ей удавалось что-нибудь придумать для устраненія той или другой бѣды, и тогда она торжествовала, дѣлалась веселою, шутливо говорила матери: «много ли выплакала?»

- Ужъ что про тебя и говорить: ты у насъ умная,— ласково говорила мать. Ты не то, что я! Меня вѣтеръ съ ногъ свалитъ. Обдумать я ничего не могу. Жизнь-то тяжелая мысли всѣ повышибла.

Мать и дочь нѣжно, горячо любили другъ друга. Мать во всемъ безусловно подчинялась дочери; дочь употребляла всю свою власть на то, чтобы успокоить мать, и относилась къ матери какъ-то покровительственно, какъ къ большому ребенку. Семья жила бы совершенно мирно, если бы въ нее не вносились бури главою дома. Но этотъ человѣкъ не только вносилъ въ домъ бурныя сцены, но и начиналъ мѣшать разнымъ планамъ Катерины Александровны. Она въ послѣдній годъ начала подумывать о поступленіи на мѣсто; но какъ оставить братьевъ и сестру на рукахъ слабой матери и буйнаго отца? Она очень ясно сознавала, что только ея энергіею держится порядокъ въ домѣ, что отецъ, подававшійся прежде ея дѣтскимъ увѣщаніямъ, теперь просто боится ее и утихаетъ при ней; что мать только вслѣдствіе ея выразительныхъ взглядовъ и жестовъ не вступаетъ въ пренія съ пьянымъ мужемъ и не раздражаетъ его еще болѣе; что, наконецъ, Антонъ можетъ учиться грамотѣ только при ней, такъ какъ отецъ не станетъ съ нимъ заниматься,— въ школу его не на что отдать, а мать безграмотна. Катерина Александровна начала дѣлаться угрюмѣе и раздражительнѣе, она рѣже смѣялась и шутила съ матерью. Въ ея умѣ впервые зароились вопросы, которыхъ она совершенно не могла осилить и которыхъ она боялась, какъ чего-то преступнаго, чего-то безчеловѣчнаго. Дѣйствительно, эти думы были такого рода, что могли испугать хоть кого. Дочь думала о томъ, что у нея, у ея семьи лежитъ поперекъ дороги одинъ человѣкъ, что при его жизни невозможно семьѣ выбиться изъ нужды, что для счастья семьи онъ долженъ умереть. Но этотъ человѣкъ былъ ея отецъ. Эти думы были тѣмъ страшнѣе для Катерины Александровны, что она

понимала отца лучше, чѣмъ кто-нибудь изъ знавшихъ его. Она знала, какъ онъ страдалъ, почему онъ пилъ. Она слышала не разъ и его исповѣди, когда онъ бывалъ подъ хмелькомъ; она видѣла и его слезы, когда ему приходилось слишкомъ тяжело жить на свѣтѣ. Въ эти минуты онъ трогалъ ее до глубины души, казался ей достойнымъ слезъ и теплаго участія. И все-таки она сознавала теперь, что онъ загородилъ дорогу своей семьѣ, что только его смерть развяжетъ руки ей. Иногда въ ея головѣ вдругъ рождался мучительный вопросъ: «когда же это кончится?» Она блѣднѣла и хваталась за голову, понимая, что ея вопросъ переводится простыми, но тѣмъ не менѣе страшными словами: «когда же умретъ мой отецъ?» Въ ея обращеніи съ отцомъ стала проявляться какая-то нервная неровность: она то была очень ласкова съ отцомъ, то дѣлалась съ нимъ очень рѣзкою, грубою. Однажды онъ особенно сильно бушевалъ въ домѣ въ припадкѣ бѣлой горячки и потомъ пропалъ изъ дома на два дня. Измученная вознею съ нимъ, Катерина Александровна не вытерпѣла и замѣтила матери:

— Хоть бы ужъ умеръ онъ, руки бы развязалъ!

Марья Дмитріевна взволновалась.

— Что ты, что ты, Катя!—въ испугѣ проговорила она.— Да какъ тебѣ не грѣхъ говорить то это! Шутка ли, отцу смерти желаешь! Грѣхъ тебѣ, грѣхъ!

— А ихъ губить не грѣхъ? Ихъ вѣкъ заѣдать не грѣхъ?— воскликнула Катерина Александровна, указывая на дѣтей.— Что онъ изъ нихъ сдѣлаетъ? Пьяницъ, воровъ, мошенниковъ, каторжниковъ! Ихъ въ ученье на казенный счетъ при живомъ отцѣ не примутъ. Они неучами вырастутъ, а если и выучатся чему, такъ развѣ только грамотѣ. Куда они съ нею пойдутъ? Лакеями, что ли, будутъ служить? Да кто въ лакеи-то возьметъ дѣтей чиновника? А примѣръ-то здѣсь какой...

— Полно, Катя!—тихо заговорила Марья Дмитріевна.— Ты бы его-то пожалѣла. Вѣдь ты посмотри на него. На немъ самомъ лица нѣтъ, остовъ одинъ остался. Развѣ онъ отъ радости пьетъ? развѣ онъ въ жизни-то хоть денекъ счастливый видѣлъ?

Катерина Александровна бросила на мать мучительный взглядъ; у нея сжалось сердце: она ясно видѣла, что мать ея не понимаетъ.

— Да развѣ я его не люблю? Развѣ я его не жалѣю?— воскликнула она страстнымъ голосомъ и стиснула свои

руки. — Поймите вы, что я люблю и жалѣю его больше, чѣмъ вы. Вы вонъ укоряете его, вы плачете при немъ, а у меня за него сердце исходитъ кровью! Я готова у ногъ его на колѣняхъ ползать, чтобы онъ пить пересталъ; я жизнь, жизнь свою готова отдать, чтобы онъ счастливъ былъ. А вы говорите, что я его не жалѣю!

Катерина Александровна какъ-то безнадежно махнула рукой, облокотилась на столъ и сжала свою голову. Она не плакала, но была близка къ обмороку. Впервые поняла она, что можетъ наступить и такая минута, когда она и мать окончательно перестанутъ понимать другъ друга и пойдутъ, можетъ-быть, въ разныя стороны въ своихъ стремленіяхъ или, вѣрнѣе сказать, мать останется на мѣстѣ и будетъ мѣшать дочери привести въ исполненіе планы насчетъ будущности дѣтей. Катерина Александровна уже давно рѣшилась, въ случаѣ необходимости, просто вырвать дѣтей у отца, теперь же ей начало казаться, что на сторону отца, при подобной мѣрѣ, встанетъ и мать и не отпуститъ дѣтей. Молодой дѣвушкѣ становилось невыносимо тяжело; она уже отчаивалась въ счастливомъ исходѣ ихъ семейной жизни, когда судьба разомъ и совершенно неожиданно разрубила гордіевъ узелъ. Катерина Александровна горячо принялась за дѣло.

Подобно матери и брату, она успѣла въ эти дни исколесить весь городъ. Она искала себѣ мѣста швеи, горничной, няни. Но прежде, чѣмъ отправиться въ поиски случайныхъ мѣстъ у частныхъ лицъ, она рѣшилась обратиться съ просьбой о казенномъ мѣстѣ къ одной вліятельной особѣ, посѣщавшей въ качествѣ попечительницы ту школу, гдѣ воспитывалась Катерина Александровна. Эта особа оставила въ Катеринѣ Александровнѣ самыя отрадныя воспоминанія. Дѣвушка отчетливо помнила эту низенькую, пухленькую старушку съ сѣдыми, гладко-причесанными волосами, съ добродушно улыбавшимся лицомъ, покрытымъ старческимъ румянцемъ; она помнила эту мягкую руку, гладившую ее по головѣ, и этотъ привѣтливый, кроткій голосъ, лишенный крикливыхъ или сиплыхъ нотъ, спрашивавшій у дѣвочки:

— Ну что, черненькіе глазки, хорошо ли идетъ работа?

Черненькіе глазки теперь смотрѣли съ надеждой, когда Катерина Александровна подходила къ старинному барскому дому княгини Маріи Осиповны Гиреевой. Пухленькая старушка была именно эта уже отчасти знакомая намъ особа.

V.

Лицомъ къ лицу съ ближними.

Катерина Александровна отворила тяжелую дверь парадная подъѣзда и очутилась въ обширныхъ сѣняхъ передъ широкой лѣстницей. Около одного изъ оконъ, бывшихъ по обѣ стороны дверей, у ясеневаго стола сидѣлъ съ газетою въ рукахъ высокій, худощавый старикъ въ долгополомъ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ. Услышавъ шумъ отворившихся дверей, онъ неторопливо повернулъ голову, приподнялъ брови и черезъ очки посмотрѣлъ на посѣтительницу.

— Куда?—лаконически спросилъ онъ.

Могу ли я видѣть княгиню?—произнесла Прилежаева.

— А вамъ зачѣмъ?—снова спросилъ старикъ.

— Я воспитывалась въ школѣ подъ вѣдѣніемъ княгини и ищу мѣста,—проговорила въ замѣшательствѣ Катерина Александровна, на которую пристально смотрѣлъ черезъ очки старикъ.

Спокойно выслушавъ ея отвѣтъ, онъ неторопливо отложилъ газету на столъ, сдвинулъ очки на лобъ и поднялся съ мѣста. Глядя на него, можно было подумать, что у этого человѣка четыре глаза, такъ какъ его настоящіе глаза были отъ старости почти такими же безцвѣтными, какъ его очки, блестѣвшіе на темномъ лбу.

— Вотъ что я вамъ скажу, моя милая,—наставительно началъ старикъ, подходя къ Катеринѣ Александровнѣ и положивъ ей на плечо свою костлявую руку.—Если вы хотите черезъ ея сіятельство княгиню Марину Осиповну достать мѣсто, то напишите вы... Писать-то умѣете!

— Умѣю.

— Ну да,—успокоился старикъ, разрѣшивъ возникшее въ его головѣ сомнѣніе. — Такъ возьмите вы, сударыня моя, напишите просьбу и пришлите ее по городской почтѣ или сами передайте ее въ домовую контору дворецкому нашему, Константину Ивановичу Воронову. Потомъ, когда онъ приметъ это самое ваше прошеніе, вы спросите его, когда онъ велитъ придти за справкою. Ея сіятельство княгиня Марина Осиповна ангелъ, а не женщина, она все сдѣлаетъ, что возможно, коли просьба попадетъ къ ней въ руки...

— Я знаю, что она добрая, но...

— Вы знаете! — усмѣхнулся старикъ добродушно-насмѣшливою улыбкой и неторопливо вынулъ табакерку. — Весь

городъ это знаетъ! — внушительно произнесъ онъ, пощелкивая пальцемъ по табакеркѣ. — Да, весь городъ!

— Но это такъ долго придется ждать отвѣта. Мнѣ бы хотѣлось лично видѣть княгиню, — промолвила Катерина Александровна.

— Мало ли бы чего! — покачалъ головою старикъ, поднося къ носу открытую табакерку и понюхивая табакъ такъ, какъ, вѣроятно, нюхалъ его въ старые годы самъ покойный князь Гиреевъ. — Если бы ея сіятельству княгинѣ Маринѣ Осиповнѣ принимать всѣхъ лично, то у нея и времени бы свободнаго не осталось, да и здоровья-то не хватило бы. Тоже вѣдь всякій народъ съ просьбами ходитъ, иной совсѣмъ безъ пути идетъ безпокоить ея сіятельство княгиню Марину Осиповну. Гдѣ же бы ей самой со всѣми объясняться? Константинъ Ивановичъ нашъ ужъ на что здоровый мужикъ, а и онъ иногда изъ силъ выбьется съ этими просителями. Вѣдь иногда просто ума помраченіе о чемъ люди просятъ; недавно одна барыня приходила просить ея сіятельство княгиню Марину Осиповну о разводѣ. Да развѣ ея сіятельство княгиня Марина Осиповна митрополитъ? Вы только то разсудите...

Катерина Александровна поняла, что старикъ никогда не кончитъ своихъ разсказовъ, и потому поспѣшила поблагодарить его и уйти. Но отдѣлаться отъ скучавшаго въ одиночествѣ швейцара было не такъ легко: онъ снова началъ объяснять ей, какъ написать просьбу, куда подать и когда придти за справкою. Вырвавшись изъ общества добродушнаго тѣлохранителя княгини Гиреевой, Катерина Александровна пошла домой, написала просьбу и на слѣдующій день снова отправилась въ домъ Марины Осиповны, въ домовую контору.

Домовая контора помѣщалась на дворѣ гиреевскаго дома при квартирѣ Константина Ивановича Воронова, бывшаго дворового княгини, испробовавшаго на своей спинѣ не одну сотню ударовъ розгами, служившаго казачкомъ, лакеемъ, камердинеромъ и потомъ получившаго званіе дворецкаго и вольную. Увидавъ на дверяхъ одного изъ надворныхъ подъѣздовъ надпись на мѣдной доскѣ, гласившую, что тутъ находится контора, Катерина Александровна переступила порогъ этихъ дверей, поднялась по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ снова увидала мѣдную доску съ тою же надписью, и вошла въ двери. Передъ нею была просторная комната, заставленная шкапами и столами. На

столахъ и въ шкапахъ были кипы дѣловыхъ бумагъ; въ углу комнаты стояло множество пробныхъ головъ сахару, присланныхъ съ заводовъ княгини. Прежде чѣмъ успѣла оглядѣться Катерина Александровна, изъ-за груды бумагъ, лежавшихъ на одномъ изъ столовъ, послышался грубый вопросъ:

— Куда вы?

— Я просьбу къ княгинѣ, — начала Катерина Александровна.

— Чего-жъ таскаетесь въ контору? — еще болѣе грубо перебилъ ее сердитый голосъ.—Не знаете развѣ, что въ моей квартирѣ принимаютъ просьбы. Ступайте. Напротивъ дверь.

Катерину Александровну немного смутилъ этотъ пріемъ. Она вышла изъ конторы и вошла въ другую дверь, на которой была мѣдная доска съ написью: «Константинъ Ивановичъ Вороновъ». Квартира начиналась темною передней, изъ которой вела дверь въ небольшую гостиную, убранную старомодною мебелью, литографированными картинами и портретами князей Гиреевыхъ; картины и портреты были обдѣланы въ темныя гладкія рамы изъ краснаго дерева съ потемнѣвшими бронзовыми звѣздами на углахъ. Здѣсь Катерина Александровна встрѣтила множество народу, сидѣвшаго въ ожиданіи Воронова. Большая часть изъ этихъ личностей были старики и старухи въ поношенныхъ одеждахъ, съ сонными лицами, не выражавшими ничего, кромѣ тупого привычнаго терпѣнія. Катерина Александровна обвела глазами присутствующихъ, она не думала встрѣтить здѣсь кого-нибудь, кто былъ бы хоть сколько-нибудь знакомъ ей; но ей нужно было отыскать свободное мѣсто, что было не очень легко сдѣлать, такъ какъ при ея близорукости ей казалось, что въ комнатѣ нѣтъ ни одного свободнаго стула. Прежде чѣмъ она успѣла оглядѣть всю комнату, изъ противоположнаго угла послышался чей-то любезный и предупредительный басъ:

— Вамъ, сударыня, мѣсто нужно? Не угодно ли воспользоваться, здѣсь есть пустой стулъ и мѣстоположеніе пріятное у окна.

— Благодарю, — промолвила молодая Прилежаева и направилась къ окну.

— Теперь единственная роза помѣстится подлѣ цвѣтовъ,—любезно произнесъ тотъ же басъ и, въ восторгѣ отъ своей галантерейной фразы, притопнулъ ногою.

Этотъ звукъ былъ настолько рѣзокъ, что Катерина Александровна взглянула на полъ и увидала деревянную ногу своего любезнаго сосѣда. Она невольно улыбнулась и взглянула на его лицо: синевато-багровый носъ съ черными крапинками разогналъ ея послѣднія сомнѣнія насчетъ сосѣда,— она узнала въ немъ штабсъ-капитана, о которомъ съ такимъ смѣхомъ разсказывалъ ей братъ.

— Простите невольное любопытство отставному служакѣ, — развязно началъ штабсъ-капитанъ Прохоровъ. — Какая случайность, какія превратности судьбы могли занести васъ, прекрасная роза, въ воронье гнѣздо?

— Въ воронье гнѣздо? — удивилась Катерина Александровна.

Штабсъ-капитанъ лукаво усмѣхнулся.

— Я хотѣлъ сказать: въ гнѣздо Воронова, — любезно произнесъ онъ болѣе ясную остроту.

Катерина Александровна снова улыбнулась.

— Я пришла просить княгиню о мѣстѣ.

— О мѣстѣ? Вы пришли просить о мѣстѣ въ какомъ-нибудь пріютѣ, за какимъ-нибудь чернымъ столомъ классной комнаты! Несправедливость фортуны, гоненія рока!— горячо возразилъ штабсъ-капитанъ. — Знаете ли вы, сударыня, что если бы фортуна была справедлива, если бы у нея не было повязки на глазахъ, то не вамъ бы пришлось просить о мѣстѣ, а люди должны бы были придти къ вамъ и на колѣняхъ просить васъ осчастливить ихъ и занять подобающее вамъ мѣсто. Это мѣсто — простите солдатскую откровенность стараго инвалида — это мѣсто подъ вѣнцомъ подлѣ какого-нибудь изъ первыхъ вельможъ и первыхъ красавцевъ имперіи!

Штабсъ-капитанъ окончательно воодушевился и стучалъ и деревянною ногою, и костылемъ. Катерина Александровна была отчасти рада его болтовнѣ, такъ какъ эта болтовня успѣла нѣсколько разогнать скверное впечатлѣніе, произведенное на дѣвушку пріемомъ Воронова.

Штабсъ-капитанъ еще продолжалъ ораторствовать, когда въ комнату быстро вбѣжалъ приземистый, коренастый старикъ съ обстриженными подъ гребенку сѣдыми волосами и съ рысьими перебѣгавшими съ предмета на предметъ глазами, сверкавшими очень недружелюбно изъ-подъ густыхъ бровей.

— Экъ васъ натащилось! Продохнуть нельзя! — проговорилъ онъ грубымъ голосомъ, въ которомъ Катерина

Александровна тотчасъ узнала голосъ, слышанный ею въ конторѣ.

Она встревожилась. Это не ускользнуло отъ вниманія штабсъ-капитана, и онъ, ловко наклонясь къ ея уху, любезно шепнулъ ей:

— Воронье карканье не всегда передъ дождемъ.

Въ головѣ молодой дѣвушки при этой шуткѣ промелькнула мысль о томъ, что, и въ самомъ дѣлѣ, не съѣстъ же ее Вороновъ, и она улыбнулась, очень ласково взглянувъ на отставного философа.

Вороновъ между тѣмъ отбиралъ просьбы и ругался съ просителями, изъ которыхъ, впрочемъ, большая часть вовсе не имѣла никакихъ просьбъ и пришла за полученіемъ пенсій, выдававшихся ежемѣсячно княгинею и задерживавшихся Вороновымъ иногда на десять, иногда на пятнадцать дней, порою же на цѣлые мѣсяцы и даже совсѣмъ: онъ отдавалъ деньги въ ростъ и потому эти пенсіи нужны были ему для оборотовъ. Накричавшись вдоволь на разныхъ стариковъ и старухъ, Константинъ Ивановичъ подошелъ къ штабсъ-капитану.

— А вы, ваше высокоблагородіе, опять здѣсь,—прошипѣлъ онъ ироническимъ тономъ, которымъ старался прикрыть кипѣвшую въ немъ злобу.—Зачѣмъ изволили пожаловать?

— Все за тѣмъ же, все за тѣмъ же, почтеннѣйшій, — развязно произнесъ философъ, не поднимаясь съ мѣста передъ Вороновымъ и закинувъ конецъ деревяжки на сапогъ своей единственной ноги.—За деньгами.

— Да давно ли вы получили пенсію?

— Недавно, недавно, ровно мѣсяцъ тому назадъ,—шутливо произнесъ штабсъ-капитанъ.

— Помилуйте, вы, кажется, недѣли двѣ тому назадъ были.

— Ахъ вы шутникъ, шутникъ! — проговорилъ штабсъ-капитанъ. — Вѣдь у меня книжка, почтеннѣйшій, книжка. Мнѣ нельзя изъ году одиннадцать мѣсяцевъ сдѣлать.

Штабсъ-капитанъ неторопливо вынулъ изъ кармана своего потертаго сюртука засаленную книжку, передалъ ее Воронову, подбоченился и насмѣшливо уставилъ свои глаза на дворецкаго.

— Читать умѣете, почтеннѣйшій, значитъ, видите,—промолвилъ онъ.

— Забылъ, забылъ! Тутъ память потеряешь, какъ съ утра до вечера съ вами возишься, — проговорилъ сквозь

зубы Вороновъ и пошелъ къ столу вписывать въ книжку число, когда выдана пенсія.

Вороновъ не кричалъ на штабсъ-капитана и, повидимому, немного побаивался его.

— Что-жъ, помѣняемся мѣстами, почтеннѣйшій, — промолвилъ штабсъ-капитанъ. Я, пожалуй, не разсержусь.

Вороновъ ничего не отвѣтилъ на это предложеніе и молча передалъ штабсъ-капитану книжку и три рубля. Штабсъ-капитанъ развернулъ книгу и, зажмуривъ лѣвый глазъ, сталъ разсматривать правымъ, что записано въ книжкѣ.

— Ну, а какъ дѣлишки? — промолвилъ онъ, засовывая книжку въ карманъ. Дѣтишкамъ на молочишко въ нынѣшній мѣсяцъ осталось?

Вороновъ молча бросилъ на него свирѣпый взглядъ и обратился къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Подъ Варной, батюшка, были!—проговорилъ штабсъ-капитанъ, спокойно встрѣтивъ молніеносный взглядъ Воронова.

— Что вамъ?—спросилъ Константинъ Ивановичъ у Катерины Александровны.

Она объяснила и подала просьбу.

— Придите черезъ мѣсяцъ,—сухо отвѣтилъ онъ.

— Черезъ мѣсяцъ! — воскликнула Катерина Александровна.

— Ну да. Глухи вы, что ли? — грубо проговорилъ Вороновъ.

— Нельзя ли пораньше...

— Что вы думаете, что у княгини только и заботы, что о васъ...

— Но мѣсто мнѣ необходимо теперь. Нельзя ли...

— Да вы ужъ не думаете ли, что княгиня такъ сейчасъ и дастъ вамъ мѣсто? Мѣста-то у нея не въ карманѣ сидятъ, — проговорилъ Вороновъ и повернулся спиною къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Да вы-съ, сударыня, у него толку не добьетесь, — спокойно проговорилъ штабсъ-капитанъ. — Онъ въ военной службѣ не бывалъ и не знаетъ, что значатъ военныя дѣйствія. У него все черезъ мѣсяцъ. А вы лучше обратитесь къ графинѣ Бѣлокопытовой и черезъ нее добейтесь аудіенціи у княгини.

Катерина Александровна взглянула на штабсъ-капитана и совершенно не понимала, для чего онъ такъ усиленно моргаетъ ей глазами и киваетъ головой на Воронова.

— Вы можете обжаловать рѣшеніе почтеннѣйшаго Константина Ивановича,—продолжалъ штабсъ-капитанъ, поднимаясь съ мѣста.—А теперь пойдемте, намъ по пути.

— Ей! какъ васъ, — крикнулъ Вороновъ, обращаясь къ Катеринѣ Александровнѣ. — Если вы непремѣнно хотите скорѣе знать рѣшеніе княгини, то заходите черезъ недѣлю.

— Охота вамъ, почтеннѣйшій, такъ безпокоить себя, — добродушно замѣтилъ штабсъ-капитанъ.

— Вы, ваше высокоблагородіе, шли бы своею дорогой и не вмѣшивались бы въ чужія дѣла,—прошипѣлъ Вороновъ.

— И, батюшка, съ той поры, какъ мы поганыхъ турокъ колотили, въ привычку вошло въ чужія дѣла мѣшаться, — отвѣтилъ штабсъ-капитанъ.—Честь имѣю кланяться.

Спустившись съ лѣстницы, Катерина Александровна съ искреннею благодарностью пожала шаршавую руку штабсъ-капитана. Онъ ловко приподнялъ фуражку и сдѣлалъ какое-то движеніе деревяжкой, какъ будто желая расшаркаться передъ своею собесѣдницей.

— Главное: не унывать! — произнесъ онъ. — Вѣдь это хамы и трусы. У насъ кто кого перекричалъ, тотъ и правъ; это, знаете, съ позволенія сказать, какъ у шулеровъ: кто кого въ игрѣ пересмотрѣлъ, тотъ и выигралъ. Вамъ куда? осмѣлюсь спросить.

— Далеко. На Пряжку, — отвѣтила Катерина Александровна.

— А! у меня тамъ есть одни короткіе знакомые, — промолвилъ штабсъ-капитанъ.—Вдовушка одна, такая славная бабенка, съ сынишкой живетъ. Надо будетъ какъ-нибудь на-дняхъ завернуть къ нимъ.

Катерина Александровна промолчала, не находя ничего страннаго въ томъ, что у штабсъ-капитана есть знакомая вдовушка, живущая со своимъ сыномъ на Пряжкѣ; но каково же было ея изумленіе, когда штабсъ-капитанъ началъ ей разсказывать исторію вдовушки, оказавшуюся ни болѣе, ни менѣе, какъ исторіею матери самой Катерины Александровны.

— Да это, значитъ, вы говорите про мою мать, — улыбнулась Катерина Александровна, выслушавъ исторію своей семьи, сильно разукрашенную пылкимъ воображеніемъ философа.

— Неужели? Очень радъ, очень радъ познакомиться! — промолвилъ воинъ, нисколько не смущаясь, что онъ назвался короткимъ знакомымъ матери своей собесѣдницы.

Сказавъ еще нѣсколько любезныхъ фразъ и спросивъ подробный адресъ Прилежаевыхъ, штабсъ-капитанъ разстался съ Катериной Александровной на углу Невскаго проспекта. Онъ жилъ за Невскимъ монастыремъ, «такъ какъ тамъ, около Невы, какъ онъ говорилъ, и воздухъ лучше, и все-таки, есть въ нѣкоторомъ родѣ природа».

Возвращаясь домой и раздумывая о томъ, что ей пришлось видѣть въ это утро, молодая дѣвушка не могла не сознаться, что случайная встрѣча съ штабсъ-капитаномъ не только разсѣяла въ ней гяжелое впечатлѣніе, произведенное Вороновымъ, но и помогла ей въ томъ отношеніи, что Вороновъ мѣсячный срокъ ожиданія смѣнилъ на семидневный. Молодую дѣвушку даже заинтересовалъ этотъ безпечный инвалидъ, этотъ философствующій нищій, и она не могла понять, почему она сразу, подобно своему брату, почувствовала къ нему симпатію, тогда какъ она вообще не любила нищихъ и считала послѣднимъ дѣломъ протягиваніе руки. Въ ней была не только простая нелюбовь къ попрошайству, но она чувствовала, что она сама скорѣе согласилась бы украсть, чѣмъ попросить Христа ради. Ей было тяжело и горько, что ея мать должна была кланяться дядѣ, что ея мать приняла спитой чай отъ графини. Но, несмотря на все это, она, все-таки, не могла смотрѣть на штабсъ-капитана такъ, какъ она смотрѣла на старуху, живущую у нихъ въ кухнѣ. Почему? Этого она не могла объяснить себѣ.

Прошла недѣля. Катерина Александровна снова отправилась въ домовую контору княгини Гиреевой. Прождавъ часъ въ пріемной комнатѣ Воронова, молодая дѣвушка, наконецъ, удостоилась свиданія съ дворецкимъ. Онъ подошелъ къ ней и объявилъ, что нужно подождать еще недѣлю. Константинъ Ивановичъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по своему обыкновенію: онъ рѣшился пригласить просительницу явиться къ нему черезъ недѣлю, чтобы потомъ снова сдѣлать то же предложеніе и продолжать подобный образъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока просительница не устанетъ ходить къ нему или не предложитъ ему вознагражденіе за его хлопоты. Вознагражденія обыкновенно принимались имъ черезъ жену, которая съ участіемъ разспрашивала просителей объ ихъ участи. Катерина Александровна увидала, что изъ ея хожденій къ дворецкому княгини выйдетъ очень мало толку и рѣшилась навѣдаться къ нему еще разъ, а покуда похлопотать снова о частномъ

мѣстѣ. У нея были захвачены съ собою адреса тѣхъ лицъ, которыя требовали черезъ газеты прислугу, и она отправилась на поиски. Она уже не въ первый разъ рѣшалась на подобные поиски и выносила изъ нихъ очень безотрадныя впечатлѣнія. Но, несмотря на это, она, все-таки, надѣялась чего-нибудь добиться. Отыскавъ домъ, означенный въ одной изъ публикацій, Прилежаева позвонила у дверей, на которыхъ красовалась визитная карточка съ надписью: «Николай Егоровичъ Шершневъ». Передъ нею не скоро отворилась дверь.

— Могу ли видѣть госпожу Шершневу? — спросила Катерина Александровна у растрепанной толстой служанки, отворившей дверь.

— Вы вѣрно мѣсто ищете?—спросила служанка.

— Да.

— Ну, идите вонъ прямо: барыня у себя въ спальной.

— Какъ же такъ? Вы лучше доложите,—нерѣшительно промолвила Прилежаева.

— Чего докладывать! У насъ нѣшто какъ у людей? У насъ безъ докладу претъ всякій сбродъ,—небрежно отвѣтила служанка, повидимому, очень мало уважавшая своихъ господъ.

Катерина Александровна сняла салопъ и тихо пошла по указанію служанки. Передъ нею была отворенная дверь въ спальню Шершневой. Эта комната была отдѣлана свѣтлыми обоями и обставлена мебелью, обтянутою розовымъ лощенымъ коленкоромъ, покрытымъ вязаными кружевами. На окнахъ стояли цвѣты, когда-то очень дорогіе, но теперь сильно повысохшіе. Между цвѣтами распѣвала канарейка въ роскошной, но запачканной клѣткѣ. Чѣмъ-то крайне молодымъ вѣяло отъ этой спальни; казалось, она была отдѣлана для новобрачныхъ. Но въ то же время въ этой мило отдѣланной комнатѣ царствовалъ невообразимый хаосъ: на украшенной кружевомъ и кисеею кровати лежали крошечныя, затѣйливо отдѣланныя ботинки и спала болонка; на мягкомъ розовомъ креслѣ, походившемъ на раковину, лежало свѣтлозеленое шелковое платье, на полу валялись двѣ игрушки, на одной изъ свѣчей висѣла легкая наколка изъ блондъ и цвѣтовъ; на розовомъ диванѣ лежали черные панталоны и фракъ. Казалось, что эта комната только что оставлена проспувшимися послѣ бала хозяевами и ожидаетъ, когда ее приберетъ не очень рачительная прислуга. Но было уже около второго часа, и потому этотъ

безпорядокъ еще сильнѣе бросался въ глаза и заставлялъ думать, что хозяйка дома встаетъ очень поздно. Катерина Александровна еще съ порога замѣтила хозяйку этой квартиры. Шершнева была очень молода, почти походила на дѣвочку; она сидѣла у большого туалетнаго зеркала, украшеннаго кисеей. Передъ нею на столѣ были разбросаны браслеты и стояла открытая коробка съ конфетами. Молодая женщина сидѣла въ легкой блузѣ, закрывъ платкомъ глаза. Она, повидимому, плакала. Смущенная Катерина Александровна хотѣла-было уйти, когда Шершнева быстро отерла глаза, бросила въ сторону батистовый платокъ, топнула съ дѣтскою досадой ножкой и засмѣялась, взглянувъ на себя въ зеркало. Она, какъ будто разговаривая съ своимъ отраженіемъ, сдѣлала такую дѣтски-капризную, смѣшную гримасу, что Катерина Александровна не могла удержаться отъ улыбки. Шершнева только въ эту минуту увидала въ зеркало, что она не одна въ своей спальнѣ. Взявъ изъ коробки конфету и положивъ ее въ ротъ, она обернулась къ посѣтительницѣ и вопросительно посмотрѣла на нее.

— Вы публиковали о горничной,—начала Катерина Александровна.

— Ха-ха-ха! — захохотала дѣтскимъ, задушевнымъ смѣхомъ Шершнева. — Это все Nicolas напуталъ. Публикуетъ: нужна горничная, а намъ нужна няня. Ха-ха-ха! Какъ онъ еще не написалъ, что намъ гувернантку нужно или компаньонку.

Катерина Александровна совсѣмъ растерялась отъ этого шаловливаго смѣха.

— Но я могу занять и мѣсто няни,—начала она черезъ минуту.

— Вы? Дитя? Васъ самихъ еще нужно нянчить, милочка!—весело и добродушно улыбнулась Шершнева, желая въ то же время принять видъ серьезной женщины, а не шаловливой институтки, три съ половиной года тому назадъ вставшей со школьной скамьи для того, чтобы отправиться подъ вѣнецъ.

— Я не такъ молода, какъ вы думаете,—промолвила Катерина Александровна.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! Только въ ня-ни я васъ не возь-му,—протяжно произнесла Шершнева, качая головой.

— Я привыкла къ уходу за дѣтьми. Въ моей семьѣ у меня было трое дѣтей на рукахъ.

— Нѣ-ѣтъ, такую хорошенькую нельзя въ няни взять,— задумчиво продолжала Шершнева.

— Кто станетъ смотрѣть на мое лицо!

— Ахъ, Боже мой, всѣ, всѣ! Мой Nicolas первый на васъ засмотрится! — наивно воскликнула Шершнева и надула губки.—Вы думаете, онъ теперь въ должности? Нѣтъ, онъ по Невскому ходитъ и смотритъ на хорошенькихъ. Вотъ видите,—указала Шершнева на какіе-то клочки разорванной бумаги, валявшейся на полу:—это у него все были портреты всѣхъ хорошенькихъ актрисъ. Я взяла, подобрала сегодня ключъ къ его столу, отыскала ихъ и—вотъ!

Шершнева съ комическимъ трагизмомъ указала на груду бумажныхъ лоскутковъ. Катерина Александровна едва удерживалась отъ улыбки, хотя ей было тяжело сознавать, что, повидимому, и здѣсь ее ждетъ неудача.

— Вы видѣли, я плакала, когда вы вошли,—продолжала Шершнева жалующимся тономъ обиженнаго ребенка.—А въ мои годы даромъ не плачутъ! Я очень, очень несчастлива! Я васъ не могу взять къ себѣ, потому что Nicolas станетъ еще меньше любить меня!

— Повѣрьте, что я сумѣю держать себя скромно,—замѣтила Катерина Александровна.

— Ахъ, милочка, я нисколько не сомнѣваюсь!—горячо отвѣтила Шершнева. — Но что же вы станете дѣлать съ мужчинами, если они не могутъ пропустить безъ вниманія такихъ черненькихъ глазъ, какъ ваши.

— Да развѣ я виновата, что у меня такіе глаза!—воскликнула Катерина Александровна.

— Не думаете ли вы, что я въ этомъ случаѣ виновата!— снова надула губки Шершнева.

Въ эту минуту изъ-за дивана послышался дѣтскій лепетъ:

— Мама бяка, бяка!

— Сама бяка, сама бяка! — съ дѣтскою горячностью отвѣтила Шершнева. — Скверная дѣвчонка, скверная дѣвчонка, опять начала.

Изъ-за дивана выдѣзла крошечная дѣвочка съ пухленькимъ личикомъ и, приблизившись къ Шершневой, начала хлопать ее ручонкой по платью.

— Бяка, бяка, тьфу!—плевалась дѣвочка.

— Скверная, скверная!—раздражительно кричала Шершнева, хлопая рукой по рукѣ ребенка. — И на тебя тьфу! Пошла прочь, пошла въ кухню, къ Александрѣ.

Дѣвочка, накричавшись до-сыта, упала на полъ и начала колотить по полу руками и ногами.

— Лежи, лежи! злая, злючка! -дразнила ее Шершнева.

Катерина Александровна съ нѣмымъ изумленіемъ глядѣла на эту сцену.

— Это просто невыносимая дѣвчонка,—раздражительно говорила Шершнева.—Мнѣ съ нею покоя нѣтъ!

— Если бы вы взяли меня, то повѣрьте, что я справилась бы съ ней,—замѣтила Катерина Александровна.

— Нѣтъ, нѣтъ, васъ я не возьму,—проговорила Шершнева.

— Если бы вы знали, какъ я нуждаюсь въ мѣстѣ,— сказала Катерина Александровна.

— Вы, милочка, вѣрно, очень, очень бѣдны?—спросила ласковымъ тономъ Шершнева.

— Да.

— Ну, вотъ я поищу вамъ мѣсто. Оставьте свой адресъ.

Катерина Александровна оставила свой адресъ и пошла. Она еще не переступила порога этой комнаты, когда за нею послышался голосъ молодой женщины.

— Послушайте! — начала Шершнева какимъ-то заискивающимъ тономъ. — Скажите мнѣ откровенно, васъ Nicolas подослалъ? Вы его знаете?

Катерина Александровна вспыхнула.

— Какъ вамъ не стыдно! сказала она.

— Не сердитесь, не сердитесь!—заговорила Шершнева.— Но вы такая хорошенькая, а отъ Nicolas всего можно ждать.

Катерина Александровна уже не слушала ее и вышла въ переднюю.

— Ну что, опредѣлились?- спросила ее толстая служанка.

— Нѣтъ, — сухо отвѣтила Катерина Александровна, надѣвая салопъ.

— И слава Богу!—произнесла служанка.—У этихъ вертопраховъ и жить-то никто не станетъ. Сама хороша, а онъ еще лучше. Кругомъ должны, а по баламъ, да по тіятрамъ скачутъ, какъ сороки. прости Господи...

Катерина Александровна, не слушая болтовни служанки, вышла на улицу. Она пошла по направленію къ Милліонной, по новому адресу. Ей недолго пришлось искать домъ и квартиру генеральши Оболенской, напечатавшей въ газетахъ, что ей нужна горничная. Домъ былъ великъ, Оболенская жила широко, и въ Милліонной каждый лавочникъ

могъ указать на жилище этой госпожи, тридцати-пятилѣтней вдовы стараго генерала. Позвонивъ у дверей, Катерина Александровна была встрѣчена лакеемъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Онъ окинулъ глазами одежду Катерины Александровны и спросилъ, чего ей надо. Она объяснила и попросила доложить барынѣ. Черезъ минуту ее попросили войти въ комнату. Пройдя по мягкимъ коврамъ, среди полумрака двухъ большихъ комнатъ, съ тяжелыми и темными драпри, Катерина Александровна очутилась въ отдѣланномъ малиновымъ шелкомъ будуарѣ, гдѣ царствовалъ красноватый полусвѣтъ, очень эффектно освѣщавшій фигуру немолодой женщины и въ то же время не дававшій возможности разсмотрѣть подробно рѣзкія черты, можетъ-быть, давно отцвѣтшаго лица. Женщина, съ книгою на колѣняхъ, въ волнахъ кружевъ и шелку, лежала на мягкой кушеткѣ. Это была Оболенская, скучающая барыня, убившая свою молодость со старымъ мужемъ и стремящаяся теперь найти человѣка, который рѣшился бы убить свою молодость со старою женой. Оболенская почти не пошевелилась на своей кушеткѣ. Она сощурила глаза, медленно поднесла къ нимъ лорнетъ и осмотрѣла съ ногъ до головы посѣтительницу. Черезъ минуту она сухо проговорила:

— Извините, милая, мнѣ нужна горничная изъ порядочнаго дома.

Оболенская опустила лорнетъ и придвинула ближе развернутую книгу. Катерина Александровна поблѣднѣла болѣе обыкновеннаго. Ее обдало какимъ-то холодомъ отъ этого пріема.

— Мой отецъ былъ чиновникъ, — въ смущеніи проговорила она.

— Вы меня не поняли,—лѣниво и небрежно проговорила Оболенская, не поднимая глазъ отъ книги.—Мнѣ нужна горничная, жившая въ порядочномъ домѣ.

Барыня подняла свои глаза и еще разъ съ пренебреженіемъ осмотрѣла нарядъ Катерины Александровны. Послѣдняя только теперь поняла, что ея платье дѣйствительно могло сразу обличить, что она еще не успѣла обворовать никакихъ порядочныхъ господъ.

— Но я, повѣрьте мнѣ, я могу все...—начала она.

— Я вамъ вѣрю, но вы понимаете, что мнѣ такая горничная, какъ вы, совсѣмъ не нужна,—перебила ее барыня замѣтно раздраженнымъ голосомъ. — Я даже не понимаю, какъ васъ впустили сюда.

Катерина Александровна поняла, что если Оболенская раскаивается, что прислуга впустила такую невзрачно одѣтую посѣтительницу, то легко можетъ случиться, что прислугѣ будетъ отданъ приказъ выгнать непрошенную гостью. Прилежаева неслышно вышла изъ кабинета.

— Что, не взяли?—спросилъ у нея молодой лакей.

— Нѣтъ!

— Эхъ, жаль! — промолвилъ онъ. — Я такъ и думалъ, глядя на ваше платье, да ужъ впустилъ наудалую, думалъ, сова-то не разсмотритъ въ темнотѣ... А все бы повеселѣй было съ вами, хорошенькая барышня.

Онъ подмигнулъ Катеринѣ Александровнѣ своими масляными глазами. Она ничего не отвѣтила и задумчиво вышла изъ дома. Она шла, потупивъ голову, тихими шагами. Завернувъ еще въ одинъ домъ, не заставъ тамъ хозяевъ, она пошла домой по направленію къ Большому театру.

— Такъ прекрасны и такъ печальны!—раздался позади ея молодой голосъ.

Она не оборачивалась, она почти не слыхала этого восклицанія. Ея мысль была занята вопросомъ, что дѣлать, какъ выйти изъ тяжелаго положенія. Чѣмъ болѣе думала Катерина Александровна, тѣмъ менѣе оставалось у нея надежды на полученіе частнаго мѣста безъ рекомендаціи. Она уже успѣла побывать послѣ смерти отца не у однихъ Шершневыхъ и Оболенской, она стучалась и въ другія жилища. Неудачи слѣдовали одна за другою, и каждый разъ Катерину Александровну поражали тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ ее не брали на мѣсто. Шершнева боялась ея красоты, Оболенская смотрѣла съ презрѣніемъ на ея нарядъ, купчиха Микулина испугалась, что она изъ благородныхъ, и замѣтила прямо, что ее и обругать будетъ нельзя; чиновница Макарова объявила, что ей старушку няню нужно, которая и дѣтское бѣлье стирала бы, и полы подмыла бы, и помогла бы кухаркѣ постряпать, и повязала бы вечеромъ чулочки для дѣтей; иногда причины, по которымъ получался отказъ, были еще нелѣпѣе, еще смѣшнѣе.

Молодая дѣвушка задавала себѣ вопросы: можетъ ли быть вѣрнымъ служеніе у подобныхъ господъ, не будетъ ли это зависѣть отъ самыхъ нелѣпыхъ капризовъ, отъ чисто-случайныхъ, безсмысленныхъ выходокъ этихъ людей, не будетъ ли оно простою станціей, послѣ минутнаго отдыха на которой придется снова нуждаться и искать такихъ же

невѣрныхъ мѣстъ; но если это такъ, то можно ли на такомъ шаткомъ основаніи осуществить свои планы воспитанія Антона, на которое потребуется и много денегъ и, можетъ-быть, много лѣтъ.

— Послушайте, что же вы молчите? Къ чему такая суровость, прелестная незнакомка! — снова раздался надъ ухомъ молодой дѣвушки все тотъ же неотвязчивый молодой голосъ.

Катерина Александровна попрежнему не обратила на него вниманія и продолжала думать. Она видѣла невозможность ожидать чего-нибудь вѣрнаго отъ частныхъ мѣстъ и рѣшилась во что бы то ни стало искать казеннаго мѣста. Въ ея головѣ созрѣлъ какой-то новый планъ. «Никакіе Вороновы не запугаютъ меня, — думалось ей. — Чего бы ни стоило, а ужъ я добьюсь встрѣчи съ княгинею».

— Такъ вы такъ-таки и не хотите говорить со мною?— настойчиво продолжалъ молодой голосъ.

Катерина Александровна подняла голову и взглянула на лицо своего спутника.

Это былъ молоденькій, красивый, стройный прапорщикъ, съ едва пробившимся чернымъ пушкомъ надъ верхнею губой и на щекахъ. Его прелестное, пухленькое личико походило на женское лицо, или на лицо шаловливаго мальчугана, только-что оставившаго классную скамью и желавшаго казаться уже хлыщемъ и фатомъ, чтобы его не звали красной дѣвушкой и милымъ мальчуганомъ.

Катерина Александровна весело улыбнулась.

— Я привыкла ходить безъ лакеевъ,—промолвила она.— Если вамъ хочется принять на себя эту должность—идите. Но намъ придется идти очень далеко.

Дѣвушка замолчала и пошла своей дорогой. Она была не только покойна, но даже чувствовала приливъ веселости, какъ это всегда бывало съ нею, когда ей удавалось окончательно рѣшиться на что-нибудь. Уличный шалопай между тѣмъ не отставалъ и начиналъ переходить изъ любезнаго тона въ нахальный.

— Вы не только лакеемъ хотите быть, но желаете и съ полиціей имѣть дѣло?—промолвила Катерина Александровна, снова взглянувъ на непрошеннаго спутника.—Я могу, если угодно, позвать перваго попавшагося городового.

— Дура! — пробормоталъ прапорщикъ, увидавъ, что Катерина Александровна тѣмъ же спокойнымъ и ровнымъ шагомъ переходитъ къ будкѣ.

Молодая дѣвушка осталась одна и, пройдя еще нѣсколько улицъ, добралась до дома.

— Гдѣ ты запоздала,— промолвилъ Антонъ, встрѣчая ее на улицѣ. Я ужъ хотѣлъ идти отыскивать тебя. А мы тоже сегодня находились съ матерью. Кланялись-кланялись, завтра, говорятъ, покланяйтесь...

Сестра нагнулась къ брату и поцѣловала его.

— Погоди, все скоро кончится, все кончится, — проговорила она.

Братъ посмотрѣлъ на нее и удивился, что его Катя такъ весела.

— Да ты нѣшто мѣсто достала?—спросилъ онъ.

— Кажется! завтра узнаешь,—успокоила она брата.

На слѣдующій день она снова шла къ дому княгини Гиреевой. Подойдя къ парадному подъѣзду, она стала ходить у дома. Погода была довольно ясная, хотя и холодная. Но Катерина Александровна, повидимому, рѣшилась не обращать вниманія на холодъ. Она уже разъ десять прошлась мимо дома, когда, наконецъ, ее замѣтилъ старый тѣлохранитель княгини. Онъ началъ слѣдить за нею изъ окна. Молодая дѣвушка не переставала мелькать передъ его окномъ. Старикъ покачалъ головою и неторопливо вышелъ на подъѣздъ.

— Что вы, голубушка, тутъ прохаживаетесь?— спросилъ онъ у Катерины Александровны, когда она поровнялась съ нимъ.

— Княгиню жду,— отвѣтила она.

— Что же, развѣ ея сіятельство, княгиня Марина Осиповна, назначила вамъ, чтобы вы ее здѣсь ждали? — спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, не назначала, — послышался отвѣтъ. — Но до нея иначе не добраться. Вотъ я и рѣшилась ждать ее здѣсь.

— А если она не поѣдетъ никуда сегодня?

— Завтра приду.

— Ну, а если васъ гнать станутъ.

— Посмотримъ, авось и не прогонятъ.

— Гм! вотъ какъ! промолвилъ старикъ.—А холодно! Ишь, солнце-то нынче свѣтитъ, а не грѣетъ. Вы пойдите-ка на подъѣздъ.

Катерина Александровна вошла въ теплыя сѣни. Старикъ вынулъ табакерку и пощелкалъ по ней пальцами.

— Такъ-такъ вы и рѣшились ждать ея сіятельство княгиню Марину Осиповну на улицѣ? — глубокомысленно произнесъ онъ, поднося открытую табакерку къ носу.

— Да.

— Это вы на-дняхъ заходили сюда?

— Я.

— Ну что же: просьбу подавали?

— Подавала, только отвѣта нѣтъ, да, кажется, и не будетъ; Вороновъ у васъ никого не допускаетъ къ княгинѣ.

— Не велѣно значитъ, — со вздохомъ качнулъ головою старикъ.

— Неужели княгиня не желаетъ помочь тѣмъ, кому она можетъ помочь?

— Ея сіятельство княгиня Марина Осиповна—ангелъ,— внушительно произнесъ швейцаръ.—А принимать посѣтителей она сама не можетъ, потому что ихъ, какъ собакъ нерѣзанныхъ, а она одна. Вотъ и заведенъ такой порядокъ, чтобы въ домовую контору просьбы подавались.

— А Вороновъ о нихъ и не докладываетъ!

— Это его дѣло! — какъ-то уклончиво произнесъ швейцаръ.—Ея сіятельство княгиня Марина Осиповна—ангелъ.

— Ну, такъ вотъ вы и дайте мнѣ возможность ее видѣть,—попросила Катерина Александровна.

— Ни-ни! Не могу, — замоталъ головою старикъ. — Не приказано! Сверху не приказано!

— Ну, такъ я буду ждать ее на улицѣ,—рѣшила Катерина Александровна, направляясь къ двери.

— Слушайте, — тихо заговорилъ онъ.— Очень мнѣ васъ жаль стало, понапрасну вы будете здѣсь пороги обивать. Поѣдетъ ея сіятельство княгиня Марина Осиповна, выйдутъ съ нею два лакея и отгонятъ васъ отъ кареты. И я помогу имъ, а она скажетъ вамъ на ходу: «Обратитесь въ домовую контору». Такъ ничего и не выйдетъ.

Старикъ пристально посмотрѣлъ на нее и молча, съ какою-то таинственною миной остановилъ ее за рукавъ салопа.

— Стойте!..

Онъ неторопливо подошелъ къ дверямъ, замкнулъ ихъ на ключъ и, возвратясь къ Катеринѣ Александровнѣ, провелъ ее въ низенькую дверь подъ лѣстницей. Они очутились въ маленькой комнаткѣ съ небольшимъ окномъ, это была чистенькая, крошечная конура старика.

Старикъ сталъ нюхать табакъ. Катерина Александровна начала терять всякую надежду. Ея собесѣдникъ всталъ, выглянулъ изъ дверей своей конурки, осмотрѣлъ сѣни и потомъ снова возвратился на свое мѣсто.

— А если вы хотите чего-нибудь добиться, и если только вы меня не выдадите, такъ я вамъ скажу, что дѣлать.

Молодая дѣвушка дала честное слово старику, что она не выдастъ его.

— Вы воспитывались подъ вѣдѣніемъ ея сіятельства княгини Марины Осиповны,—заговорилъ онъ.—Такъ, можетъ, вы знаете камеръ-юнферу нашу, Глафиру Васильевну. Она къ вамъ въ школу ѣздила.

Прилежаева отвѣтила утвердительно.

— Чего-жъ вы къ ней-то не шли? Думали-то чего?

— Изъ памяти она вышла.

— То-то изъ памяти она вышла!—повторилъ старикъ.— А ее надо помнить: какъ она что скажетъ, такъ тому и быть. Ея сіятельство княгиня Марина Осиповна ангелъ. Ну, такъ вотъ идите вы къ нашей камеръ-юнферѣ Глафирѣ Васильевнѣ и просите ее. Да смотрите, ни гу-гу о томъ, что я это вамъ совѣтъ далъ.

Старикъ всталъ, снова осмотрѣлъ сѣни и тайкомъ выпустилъ Катерину Александровну на улицу.

Черезъ пять минутъ дѣвушка уже сидѣла въ комнатѣ худенькой, высокой старушки въ темномъ шелковомъ платьѣ, въ тюлевомъ чепцѣ. Старушка ласково хлопала Катерину Александровну по плечу и поила ее кофеемъ. Эта старушка была Глафира Васильевна, бывшая крѣпостная, выросшая вмѣстѣ съ княгиней и оставшаяся навсегда въ дѣвушкахъ только потому, что княгиня не хотѣла ее отпустить отъ себя и говорила, что безъ Глафиры она, княгиня, не можетъ жить. Глафира Васильевна, какъ бы въ вознагражденіе за жертву, принесенную ею барынѣ, пользовалась сильнымъ вліяніемъ на Гирееву. Она, усадивъ Прилежаеву, поминутно выбѣгала изъ своей комнаты въ комнаты только-что проснувшейся княгини и каждый разъ говорила Катеринѣ Александровнѣ:

— Погодите, погодите! Сейчасъ вернусь! Ахъ, бѣдная, бѣдная!

Катерина Александровна разсказывала старушкѣ свою исторію. Наконецъ, исторія была досказана. Глафира Васильевна допила кофе.

— Ну, повернитесь-ка передо мною,—обратилась она къ Прилежаевой и начала оправлять ея платье. — Такъ хорошо! Теперь ступайте къ княгинѣ.

— Какъ же безъ доклада? — удивилась Катерина Александровна.

— Какъ безъ доклада? Да я ужъ ей и исторію-то вашу всю разсказала, она ужъ съ четверть часа ждетъ, когда вы кофей допьете.

Катерина Александровна не могла придти въ себя отъ изумленія. Миновавъ небольшую гардеробную и раздвинувъ двойныя тяжелые занавѣсы, отдѣлявшіе вмѣсто дверей эту комнату отъ слѣдующей комнаты, Катерина Александровна очутилась въ уютной, убранной цвѣтами спальнѣ княгини. Княгиня сидѣла на маленькомъ диванчикѣ и быстро поднялась съ мѣста, увидѣвъ Катерину Александровну.

— Черненькіе глазки, милые черненькіе глазки! — заговорила она и, взявъ своими пухленькими руками голову молодой дѣвушки, поцѣловала ее въ лобъ. — И не стыдно забыть меня! Столько горя перенести и не обратиться ко мнѣ!

— Я боялась...—начала Прилежаева.

— Меня-то, меня-то боялась?—быстро перебила ее княгиня, качая своею сѣдою головой.

— Боялась безпокоить васъ.

— Да кого же вамъ и безпокоить, какъ не меня. Я должна быть матерью тѣхъ дѣтей, которыя воспитывались у меня.

— Я подавала вамъ просьбу...

— Когда?

— Недѣлю тому назадъ.

— Глафира, Глафира!—позвала княгиня.

— Я здѣсь! — отозвалась изъ гардеробной Глафира Васильевна.

— Къ намъ опять письмо не дошло. Каково это тебѣ покажется?

— Что-жъ тутъ удивительнаго!—отозвалась Глафира Васильевна, гремя ключами.

— Она ничему не удивляется!—добродушно махнула рукой княгиня. — Какъ же вы, мой другъ, послали просьбу, хорошо ли написали адресъ?

— Я сама ее передала господину Воронову.

— Глафира, Глафира!—позвала княгиня.—Ты слышишь, она сама Воронову отдала просьбу. Это онъ опять позабылъ передать.

— Ну, да, позабылъ!—сердито отозвалась Глафира Васильевна и хлопнула дверцами шкапа.

— Сердится!—тихо проговорила княгиня.

— Онъ вамъ и никогда ни одной просьбы не передастъ,—послышался голосъ Глафиры Васильевны.

— А я его выгоню, вотъ и все!- отвѣтила княгиня.

— Вы выгоните! съ упрекомъ отозвалась Глафира Васильевна.

— Ну, теперь пойдетъ ворчать!--добродушно промолвила княгиня.-- Вѣдь онъ мой крестовый братъ,- обратилась она къ молодой дѣвушкѣ.—Онъ пятьдесятъ лѣтъ намъ служитъ. Сколько онъ тоже вынесъ на своемъ вѣку!—вздохнула старушка и задумалась.

Прошло около двухъ часовъ съ той минуты, когда Прилежаева вошла въ комнату Глафиры Васильевны, а между тѣмъ въ эти два часа судьба дѣвушки уже совершенно перемѣнилась. Она уже имѣла вѣрную надежду получить мѣсто помощницы въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ; она уже могла не заботиться о своей одеждѣ, такъ какъ у нея въ рукахъ былъ цѣлый узелъ довольно дорогихъ нарядовъ; она уже могла не бояться голодной смерти, такъ какъ въ ея карманѣ было пятьдесятъ рублей денегъ, и ей было дано позволеніе обращаться со всѣми просьбами къ княгинѣ.

— Только въ контору не ходите,—говорила ей Глафира Васильевна.- Тамъ вѣдь псы наши, да тѣлохранители стерегутъ княгиню. Она, видите, добра, такъ къ ней на шею и насѣли разные родственники. Вотъ, слышите, заливаются въ ея спальнѣ,—это племянники, племянницы, сиротки. У самихъ тысячи, сами въ пажескомъ корпусѣ воспитываются, въ гвардіи служатъ, а у тетушки на шеѣ сидятъ. Они съ Вороновымъ, съ холопами стакнулись, каменную стѣну около княгини выстроили, чтобы она бѣднымъ гроша не могла дать лишняго. И на меня зубы точатъ, ну, да это еще углемъ въ трубѣ писано, кто кого пересилитъ. Небось, когда она больна, такъ ночей-то я не сплю, а они по баламъ рыскаютъ.

Еще долго говорила Глафира Васильевна въ этомъ тонѣ, и только къ тремъ часамъ удалось Катеринѣ Александровнѣ уѣхать домой съ радостною вѣстью, съ веселымъ лицомъ. Молодая дѣвушка пріѣхала домой и очень удивилась, заставъ въ своей конурѣ неожиданнаго гостя, покуривавшаго съ очень важнымъ видомъ грошовую сигару, и о чемъ-то ораторствовавшаго такимъ тономъ, какимъ говорятъ только въ самомъ избранномъ кругу. Около гостя стояли, разинувъ рты, маленькія дѣти и сидѣлъ Антонъ, облокотясь обѣими руками на столъ и внимательно вслушиваясь въ то, что говорилъ гость. Этотъ гость былъ штабсъ-капитанъ Прохоровъ. Завидѣвъ Катерину Александровну, онъ ловко раскланялся и проговорилъ:

— Можно ли поздравить съ успѣхомъ? Пришелъ освѣдомиться о результатахъ нашихъ военныхъ дѣйствій противъ хищной птицы.

— Все кончилось счастливо, очень счастливо! — промолвила Катерина Александровна съ улыбкой, пожимая шершавую руку философа.

— Очень радъ, очень радъ, — произнесъ онъ, потрясая ея руку.

Катерина Александровна начала по порядку разсказывать свои похожденія. Она настолько смѣшно передала свои столкновенія съ Шершневой, съ Оболенской, съ швейцаромъ Гиреевой, что Антонъ и штабсъ-капитанъ хохотали отъ всей души, а Марья Дмитріевна только вздыхала и изрѣдка утирала навертывавшіяся на ея глаза слезы. Когда же Катерина Александровна начала разсказывать, какъ швейцаръ заперъ ее въ свою каморку, чтобы дать ей благой совѣтъ, какъ встрѣтила ее Глафира Васильевна, какъ приняла Гиреева,—Марья Дмитріевна окончательно расчувствовалась и расплакалась, поминутно крестясь и благословляя «добрыхъ людей».

— Я рада одному, что матери теперь не придется больше ходить по разнымъ переднимъ и канючить о помощи,—закончила Катерина Александровна.—Я бы, кажется, ни на минуту не задумалась и отказалась бы отъ подарковъ княгини, если бы эти подарки не были такъ необходимы теперь. Они дадутъ намъ возможность не просить болѣе ничего.

— Ну, прелестнѣйшая Катерина Александровна,—началъ своимъ философскимъ тономъ штабсъ-капитанъ:—при всемъ моемъ уваженіи къ прекрасному полу, я не могу согласиться съ вами. Отчего же и не просить у тѣхъ, кто можетъ дать?

— Да что-жъ за радость унижаться?—возразила молодая дѣвушка.

— Какое же тутъ униженіе! У одного есть, у другого нѣтъ, ну, послѣдній и идетъ къ первому и говоритъ: подѣлись-ка, братецъ ты мой, со мною. Это просто круговая порука между своими.

Штабсъ-капитанъ затянулся сигарою, пустилъ клубъ дыма и началъ развивать свою философію.

— Вотъ-съ, возьмите вы хоть, напримѣръ, меня, — началъ онъ дидактическимъ тономъ. — Я военный человѣкъ. Я сражался. За что я сражался? Солдатъ защищалъ свой

домъ, свою деревню, гдѣ жили его отецъ и мать, его сестры и братья. У меня не было ни кола, ни двора, ни родныхъ. Но я сражался, сражался потому, что я былъ дворянинъ, и защищалъ свое отечество, то-есть богатыхъ коммерсантовъ, чтобы они могли спокойно продолжать свою торговлю, моихъ собратьевъ-дворянъ, чтобы они могли спокойно улучшать свои имѣнія. я защищалъ спокойствіе всѣхъ тѣхъ, которые не были на войнѣ. И говорю вамъ, какъ честный инвалидъ, я никогда не думалъ, что я имъ оказываю милость. Я исполнялъ свой долгъ. Но я не успѣлъ дослужиться до полной пенсіи, не успѣлъ обезпечить себѣ кусокъ хлѣба на старые годы. Благодарное отечество за мои услуги опредѣлило моихъ дѣтей въ корпуса; но все же оно не могло дать мнѣ столько хлѣба, сколько мнѣ было нужно. Конечно, я ни на минуту не задумался и пошелъ къ тѣмъ, кого я защищалъ, объявилъ, что такъ и такъ, проливалъ кровь, теперь не имѣю пропитанія, прошу подѣлиться, чѣмъ можете. Чего же мнѣ краснѣть? Мы просто оказывали другъ другу взаимныя услуги, и ужъ если считаться услугами, такъ я съ гордостью могу сказать, что я оказалъ услугу первый.

Штабсъ-капитанъ снова затянулся сигарой и пустилъ клубъ дыма, вполнѣ довольный своею философіею. Катерина Александровна улыбалась, слушая эти странныя рѣчи. Она не возражала штабсъ-капитану и только шутливо замѣтила:

— Вы, можетъ-быть, и правы, капитанъ, но мы-то съ матушкой въ военной службѣ не служили и крови за благодѣтелей не проливали.

— Прелестнѣйшая Катерина Александровна, я только-что хотѣлъ перейти къ обсужденію этого вопроса,—произнесъ штабсъ-капитанъ.

Марья Дмитріевна, исчезавшая на время изъ комнаты, возвратилась теперь къ собесѣдникамъ и подала на столъ кофе, булки и сухари. Всѣ придвинулись къ столу и заранѣе наслаждались возможностью напиться кофе, то-есть попировать такъ, какъ семья давно уже не пировала. Штабсъ-капитанъ вынулъ вторую грошовую сигару и вѣжливо попросилъ позволенія закурить ее; позволеніе, конечно, дали, хотя конура Прилежаевыхъ уже вся переполнилась табачнымъ дымомъ. За столомъ присутствовала и старая нищая, съ которою очень развязно раскланялся старый служака.

— Вы совершенно справедливо изволили замѣтить,—на-

чалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь къ Катеринѣ Александровнѣ: — что вы и ваша матушка не проливали крови за своихъ благодѣтелей и не оказывали имъ услугъ, за которыя вы имѣли бы право пользоваться ихъ благодѣяніями. Но положимъ, что у вашей матушки нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, никакой работы. Что она станетъ дѣлать? Воровать или...

— Что это вы, батюшка, Флегонтъ Матвѣевичъ, да развѣ я воровка какая! — обидчиво воскликнула Марья Дмитріевна.—Да избави меня Богъ! Я...

— Почтеннѣйшая Марья Дмитріевна,—быстро перебилъ ее штабсъ-капитанъ.—Вѣдь это мы отвлеченно, отвлеченно обсуждаемъ вопросъ. Тутъ ни вы, ни кто-нибудь другой, а вообще, понимаете, вообще бѣдный человѣкъ служитъ, такъ сказать, предметомъ нашей бесѣды. Итакъ, говорю я, бѣдный человѣкъ, не имѣя почему-либо ни средствъ, ни работы, долженъ воровать или умереть съ голоду, или даже рѣшиться на самоубійство. Теперь-съ, что же дѣлаетъ онъ, если онъ не воруетъ, не умираетъ съ голоду, не убиваетъ себя, а обращается къ благодѣтелямъ? Онъ даетъ благодѣтелямъ, такъ сказать, одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ случаевъ не только избавить его отъ грѣха и гибели, но и спасти ихъ собственныя души, оказать услугу и отечеству, и себѣ, и Богу.

Катерина Александровна улыбнулась.

— Нѣтъ-съ, вы не смотрите такъ легко на этотъ предметъ, прелестнѣйшая Катерина Александровна,—возразилъ съ горячностью штабсъ-капитанъ, замѣтивъ улыбку молодой дѣвушки. — Это вопросъ серьезный. Бѣднякъ долженъ гордиться, именно гордиться тѣмъ, что онъ не смалодушествовалъ, а пошелъ къ своимъ ближнимъ и за какіе-нибудь три рубля далъ имъ возможность совершить великое дѣло спасенія человѣка отъ грѣха, избавленія отечества отъ преступника, возвращенія въ лоно Божіе чистой души.

Марья Дмитріевна прослезилась, а старуха-нищая прошамкала:

— Извѣстно, молитвами нашими живутъ благодѣтели.

— И теперь вотъ если благодѣтели дадутъ, напримѣръ, средства вашей уважаемой матушкѣ воспитать дѣтей,—продолжалъ философъ: — какая это будетъ достойная умиленія картина! Достойная мать не гибнетъ съ голоду, она воспитуетъ дѣтей наилучшимъ образомъ, она приготовляетъ будущихъ честныхъ гражданъ отечеству. Они дѣлаются вои-

нами, докторами, судьями. Они охраняютъ интересы своихъ богатыхъ собратьевъ. А кто эти собратья? Это дѣти тѣхъ, которые подали руку помощи ихъ матери. И эти люди, и мать этихъ дѣтей давно уже на небесахъ и смотрятъ съ любовью на новыя поколѣнія, поднятыя ихъ взаимными усиліями!

Штабсъ-капитанъ торжественно затянулся сигарой и, развалившись на ветхомъ стулѣ, началъ самодовольно пить кофе.

— Это, Катя, истинная правда!— вздохнула Марья Дмитріевна.—И гдѣ это вы, батюшка, такъ говорить научились?

— Житейскій опытъ, странствованія по бѣлому свѣту!— промолвилъ штабсъ-капитанъ и весело обратился къ дѣтямъ съ какою-то шуткою.

— Жаль только, капитанъ, что богатые-то совершенно иначе смотрятъ на насъ,—усмѣхнулась Катерина Александровна.

— Помилуйте, прелестнѣйшая Катерина Александровна, что намъ за дѣло, какъ на насъ смотрятъ другіе,—воскликнулъ философъ.—Вотъ посмотрѣли бы вы, какъ турки на насъ смотрѣли: по вашему мнѣнію, пожалуй, намъ и бить бы ихъ не слѣдовало?

Вечеръ прошелъ быстро и незамѣтно. Семья была счастлива и съ надеждой смотрѣла на будущее. Прощаясь съ штабсъ-капитаномъ, всѣ, и даже Антонъ, просили старика не забывать ихъ.

VI.

Послѣдній вечеръ въ родномъ углу.

Начинало смеркаться. На улицѣ снѣгъ валилъ хлопьями, покрывая все своимъ бѣлымъ саваномъ. Въ квартирѣ Прилежаевыхъ уже давно горѣла сальная свѣча. Катерина Александровна торопливо дошивала себѣ новое платье; ея маленькіе братишка и сестра копошились въ углу, играя какими-то тряпками. Ихъ по обыкновенію почти не было слышно. Они сидѣли смирно и серьезно шептались, какъ взрослые, боящіеся помѣшать своимъ занятымъ работою ближнимъ. Въ этой сдержанности было что-то болѣзненное, въ этой серьезности было что-то старческое. Въ комнатѣ царствовала убійственная тишина. Отъ времени до времени дѣвушка вставала, оставляя работу и направляясь въ кухню поправить дрова на очагѣ и посмотрѣть на чайникъ, давно уже бурлившій кипѣвшею водою.

— Что, касатка, мать-то съ братишкой все не идутъ?— сиплымъ голосомъ спрашивала нищая, лежавшая на кухнѣ.

— Да, запоздали гдѣ-то,—задумчиво отвѣчала дѣвушка.

— Видно опять у благодѣтельницы своей дежурятъ.

— Должно быть. И что она ихъ держитъ до поздней ночи!

— Блаженненькая она, какъ есть блаженненькая,—вздохнула нищая.—А добрая, добрая, нечего Господа Бога гнѣвить. Вотъ, если на улицѣ какую-нибудь старушку Божію съ узломъ встрѣтитъ, остановитъ, разспроситъ, въ свою коляску посадитъ, по пути довезетъ. Все, говоритъ, отдохнешь немного... Не гнушается бѣднымъ человѣкомъ...

— Она вонъ и чай спитой даетъ, все, говоритъ, будетъ чего напиться по утру,—замѣтила дѣвушка, и въ ея словахъ прозвучала иронія.

— Какъ же, какъ же, всегда дастъ, съ пустыми руками никого не отпуститъ,—добродушно проговорила старуха, не замѣчая ироническаго тона дѣвушки.—Вотъ и вамъ тоже благодѣянія оказываетъ.

— А что вы-то къ ней не ходите, если она такая добрая?—уже совсѣмъ сердито промолвила Катерина Александровна.

— Далеко, родная, далеко, — простонала старуха. — Ноженьки не таскаютъ... Я больше по своему приходу... Благодѣтели здѣшніе грошикъ, другой даютъ на хлѣбецъ старушкѣ; все купечество больше...

— Видно эти грошики-то выгоднѣе собирать, чѣмъ спитымъ чаемъ угощаться,—замѣтила дѣвушка.

— И, мать моя, намъ нельзя разбирать, что даютъ. Грошикъ дадутъ, и за то благодареніе Богу. Чайку щепоточку сунутъ, и то милость Господня. Мы, какъ птицы небесныя, не сѣемъ, не жнемъ и по зернушку собирать должны и за кажинное зернушко должны славословить Господа. И на что мы, нищіе-то, нужны бы были, если бы мы не славословили Господа? Молода ты, горя-горькаго мало ты видѣла, а доживешь до моихъ годовъ—будешь знать, что всякое даяніе благо. Чайку тебѣ сунутъ — это твой грошикъ сберегутъ, хлѣба тебѣ въ суму положатъ, это твою копейку на черный день отложатъ. А черныхъ-то дней, черныхъ-то дней, мать моя, у тебя еще непочатой уголъ... Ты вотъ говоришь, деньги, видно, выгоднѣе собирать. Охъ, мать моя касатка, много ли бы денегъ-то ты собрала, кабы тебѣ пришлось и хлѣбушка купить, и за уголъ деньги отдать. Тоже вѣдь даромъ никто не станетъ держать... Вотъ полтину вамъ за

доску плачу, а полтину-то не легко по грошику собрать. Узнаешь, касатка, все узнаешь, какъ старость уму-разуму научитъ.

Молодая дѣвушка уже совершенно безмолвно стояла у огня и слушала эту прерывавшуюся отъ кашля, сиплымъ голосомъ произносимую рѣчь, выходившую изъ темнаго угла, какъ изъ пропасти. Что-то зловѣщее было въ этихъ пророческихъ словахъ, въ этихъ удушливыхъ сиплыхъ звукахъ, въ этой печальной обстановкѣ. Темная конура, едва виднѣвшаяся угрюмая фигура нищей, сидѣвшей среди лохмотьевъ на постели, стройная фигура блѣдной дѣвушки съ большими черными глазами, съ вьющимися черными волосами, озаренная яркимъ огнемъ—все это было достойно кисти художника. Огонь ярко и рѣзко озарялъ молодое лицо, а слова старухи дѣлали все мрачнѣе, и мрачнѣе его выраженіе. «Доживешь до моихъ годовъ, будешь и щепоткой спитого чая дорожить», звучало въ ушахъ дѣвушки. Но неужели и впереди, въ этомъ длинномъ рядѣ дней, мѣсяцевъ и лѣтъ, десятковъ лѣтъ будетъ все та же нищета, все то же горе? Неужели не настанетъ свѣтлыхъ дней, не настанетъ полной перемѣны? Первыя столкновенія дѣвушки и ея семьи съ обществомъ не обѣщали ничего особенно отраднаго, не пробуждали никакихъ особенно свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Эти столкновенія ясно показали молодому существу, что у общества придется завоевать каждый шагъ, каждый грошъ, каждую пядь земли, завоевать въ тяжкой и упорной борьбѣ съ глупостью, съ черствостью, съ враждою. Хватитъ ли силъ на эту борьбу безъ всякой поддержки, безъ всякой надежды на побѣду? На эти вопросы у Катерины Александровны не было отвѣтовъ, но она сознавала теперь только одно то, что она будетъ бороться за себя, за сестру, за братьевъ,—бороться до послѣдней капли крови. Въ послѣдніе дни она какъ будто выросла, возмужала; въ ней вполнѣ укрѣпилось сознаніе, что она не можетъ дольше выносить эту жизнь, какъ выносила ее Марья Дмитріевна, что ей легче въ могилу лечь, чѣмъ безропотно сознаться въ безысходности положенія и покориться своей волѣ. Смерть отца дала еще большій толчокъ ея недюжинному уму, и теперь этотъ умъ работалъ, не зная покоя. Удастся ли ему успокоиться, достигнувъ желанной цѣли, или придется ему вѣчно волноваться, мучиться, терзаться и быстро догорѣть среди неисполненныхъ желаній, среди неудавшихся плановъ, среди осмѣянныхъ жизнью свѣтлыхъ грёзъ.

Дѣвушка вдругъ вздрогнула: ей послышался какой-то шумъ, стукъ дверей, и черезъ минуту передъ нею стояли двѣ знакомыя, покрытыя снѣгомъ, иззябшія фигуры матери и брата.

— Занесло, родные, снѣжкомъ занесло?— пробормотала старуха.—Касатка-то наша ждала, не дождалася...

— Умаялась,—тихо проговорила Марья Дмитріевна.

Антонъ быстро раздѣлся и подошелъ къ сестрѣ погрѣться у огня.

— Усталъ?—спросила сестра.

— Иззябъ,—отвѣчалъ братъ.—Мы вѣдь пріѣхали.

— Чаемъ сейчасъ напою. Гдѣ были?

— У Бѣлокопытихи! Измаяла, окаянная! — лаконически отвѣтилъ мальчуганъ.—Конецъ! Не стану больше по городу шляться, пороги обивать.

— Не станешь?—вопросительно взглянула на него сестра.

— Въ школу бѣдныхъ сиротъ упрячутъ,—отвѣтилъ онъ.

— Скоро?

— Завтра.

Сестра вздохнула и быстро завозилась около чайника, стараясь скрыть слезы. Черезъ пять минутъ все общество собралось около стола за чаемъ.

— Ну, дѣтки, послѣдній разъ родительскаго чайку вечеромъ напьетесь,—проговорила Марья Дмитріевна, наливая кружки и чашки.—Въ послѣдній...

Она смолкла, глотая слезы и не поднимая глазъ. Всѣ какъ-то особенно притихли. Въ сердцѣ каждаго присутствующаго слова матери отдались тупою, давящею болью. Повидимому, никто и ничего не терялъ, покидая этотъ смрадный подвалъ, гдѣ были пережиты годы голода, холода и брани пьянаго отца, гдѣ слышались стоны больныхъ дѣтей, видѣлись трупы умиравшихъ братьевъ и сестеръ, появлялось блѣдное, изнуренное до нѣмой безропотности лицо матери, раздавались сиплые оханья и стоны старухи нищей. Каждому предстояла, повидимому, лучшая участь: старшаго брата завтра хотятъ свести въ «школу бѣдныхъ сиротъ», меньшихъ брата и сестру отдадутъ въ пріюты, старшая сестра черезъ два дня уходитъ на мѣсто, помощницею въ пріютъ, мать переѣзжаетъ въ болѣе чистый уголъ... О чемъ же эта грусть? Но о чемъ тоскуетъ, о чемъ вспоминаетъ съ замираніемъ въ сердцѣ эмигрирующій бѣднякъ? Не о томъ ли строѣ жизни, къ которому онъ привыкъ! не о тѣхъ ли людяхъ, съ которыми онъ уладился, размежевался? При-

выкать къ новой обстановкѣ, мѣнять извѣстное на неизвѣстное, сживаться съ незнакомыми людьми—это такъ тяжело. Я не знаю такого новаго положенія, переходя къ которому не вздрогнулъ бы человѣкъ, не поддался бы хоть на минуту той мысли, что не лучше ли остановиться и жить старою жизнью! Но если бы поглубже взглянуть на дѣло, то будущее нашихъ героевъ не могло казаться имъ и лучшимъ. Голодные, они жили въ своемъ углу, жили, вмѣстѣ страдая, жалѣя другъ друга, и пользовались тою свободой, которою можетъ пользоваться человѣкъ въ своемъ углу. Теперь имъ приходилось ломать свои характеры, свои привычки, свое настроеніе духа сообразно съ уставами, приказаніями и цѣлями другихъ людей. Теперь ихъ могутъ заставить говорить и молчать по волѣ другихъ, ихъ могутъ кормить и поить, когда это захочется другимъ: можетъ-быть, никто не захочетъ слушать, и во всякомъ случаѣ никто не заинтересуется ихъ личными впечатлѣніями. Здѣсь страшный сонъ, видѣнный кѣмъ-нибудь изъ нихъ ночью, вызывалъ сочувствіе всѣхъ,— тамъ опасная болѣзнь, серьезныя тревоги за участь родныхъ не вызовутъ никакого участія. Здѣсь рѣдкіе, но теплые поцѣлуи матери, братьевъ, сестеръ,—тамъ сухія приказанія начальства. Даже старуха нищая сидѣла печально,—она оставалась въ томъ же углу, переходила, какъ необходимая принадлежность этого угла, въ наслѣдство новымъ жильцамъ,— но она не знала, каковы будутъ эти люди, напоятъ ли они ее чаемъ, дадутъ ли ей порою кусокъ хлѣба, не станутъ ли ругаться, не обокрадутъ ли — потому что нѣтъ такого человѣка, котораго не могъ бы обокрасть его ближній.

Но сильнѣе всѣхъ чувствовалась разлука съ роднымъ гнѣздомъ Антономъ. Онъ не только разставался съ любимой сестрой, но покидалъ дорогія ему мѣста и образъ жизни, съ которымъ онъ успѣлъ сродниться. Антонъ росъ страннымъ ребенкомъ. Его мать говорила, что онъ похожъ на деревенскаго мальчика. Это было отчасти правдой. Онъ былъ дикъ при встрѣчахъ съ чужими людьми, особенно съ господами; онъ никогда не рѣшался принять какой-нибудь пряникъ, предлагаемый ему какимъ-нибудь добродушнымъ встрѣчнымъ въ лавкѣ; онъ не умѣлъ толково отвѣчать на вопросы незнакомыхъ людей и былъ, повидимому, очень неразвитымъ созданьицемъ, смотрѣвшимъ хмуро и исподлобья на постороннихъ людей. Эти люди называли его букой. Но онъ не былъ ни глупъ, ни угрюмъ, ни неразвитъ, когда онъ находился въ своей сферѣ. Онъ былъ даже нѣжнымъ, весе-

лымъ, смѣшливымъ ребенкомъ, когда ему приходилось жить своею обыкновенною жизнью, къ которой онъ привыкъ чуть не съ колыбели. Мы видѣли, что онъ жилъ въ сыромъ и грязномъ подвалѣ, что онъ нерѣдко голодалъ, что его отецъ былъ грубъ и пилъ до бѣлой горячки, но мы сказали бы неправду, если бы стали утверждать, что во мракѣ этой жизни ребенокъ не сумѣлъ бы создать свой свѣтлый своеобразный мірокъ. Лѣтъ пяти или шести Антонъ уже началъ сопровождать свою мать лѣтомъ на рѣчку, гдѣ бѣдная женщина обыкновенно полоскала бѣлье. Откосъ берега, покрытый травою, опрокинутыя на берегу лодки, утки, кувыркающіяся въ мелкой рѣчонкѣ, въ поискахъ за червями, куры, забирающіяся подъ лодки, и какъ бы окаменѣвшій въ глубокомысленномъ раздумьи пѣтухъ, стоящій на берегу,— все это интересовало ребенка. Еще болѣе радовало его, когда онъ могъ поднять выше колѣнъ рваныя панталоны и ходить вмѣстѣ съ дѣтьми сосѣдей около берега въ водѣ, шаловливо брызгал ею во всѣ стороны или отыскивая въ вязкой землѣ букашекъ. Цѣлые дни проводились мальчуганомъ на этомъ берегу въ теченіе всего лѣта. Наступала зима—мальчуганъ катался на рогожѣ съ обледенѣвшаго откоса, скользилъ по расчищенному льду, воображая, что онъ катается на конькахъ. По цѣлымъ часамъ стаивалъ онъ въ праздничные дни передъ какой-нибудь кучкой разгулявшихся фабричныхъ и, заложивъ за спину ручонки, съ разинутымъ ртомъ слушалъ и ихъ удалыя пѣсни, и развеселые звуки гармоники, иногда внезапно переходившіе въ какіе-то мучительные, медленные не то стоны, не то вздохи. Такіе же точно переходы замѣчались и въ самомъ весельи этого люда,— оно иногда начиналось безшабашно удалымъ смѣхомъ и беззаботными шутками, потомъ гулякамъ какъ будто становилось еще тяжелѣе отъ этого смѣха, отъ этихъ шутокъ, и они все чаще заглядывали въ ближайшій кабачокъ; наконецъ, въ сумеркахъ уже слышались крупная брань, проклятія, плачъ и женскій визгъ. Съ каждымъ годомъ все шире и шире дѣлалась область наблюденій Антона. Скоро онъ узналъ, какъ весело смотрѣть на рыбную ловлю на бердовскихъ тоняхъ и самъ смастерилъ себѣ удочку, съ которою, забравшись куда-нибудь на судно, на плотъ, на барку, просиживалъ цѣлые часы, добывая иногда къ ужину изрядное количество мелкой рыбы. Познакомился онъ и съ «голубятнею». Подъ этимъ именемъ былъ извѣстенъ окрестнымъ жителямъ одинъ каменный домъ, выходившій фасадомъ на

рѣчку. Его можно было узнать издали, такъ какъ онъ сплошь, отъ крыши до мостовой, по карнизамъ и окнамъ, былъ покрытъ голубями. Ни днемъ, ни ночью они не слетали съ него; никогда не было на немъ ни одного мѣстечка, свободнаго отъ нихъ. Издали онъ казался почти чернымъ. Ежедневно изъ года въ годъ, зимой и лѣтомъ, хозяинъ дома кормилъ своихъ пернатыхъ гостей, знавшихъ его такъ же хорошо, какъ знали его окрестные жители. Но не голуби привлекали здѣсь вниманіе Антона. У этого дома собирались и другія «птицы»,— это были оборванныя, грязныя дѣти съ рогожеными мѣшками и палками съ желѣзными крючьями на плечахъ. Блѣднолицыя, иногда голодныя, злыя, дерзкія и наглыя, перекликаясь между собою, высыпали они изъ воротъ «голубятни» и расходились въ разныя стороны, въ далекое странствованіе по заднимъ дворамъ и помойнымъ ямамъ города. Каждый изъ нихъ уже успѣлъ быть заподозрѣннымъ въ воровствѣ, каждый изъ нихъ уже испыталъ, какъ тяжелы кулаки дворниковъ, каждый изъ нихъ уже зналъ, какъ выглядятъ арестантскіе покои при полиціи. Нѣкоторые изъ нихъ были уже дѣйствительными ловкими ворами, другіе уже умѣли тянуть сивуху, третьи давно уже искусились въ развратѣ. Часто видѣлъ Антонъ, какъ они возвращались по вечерамъ къ «голубятнѣ», усталые, сгорбленные подъ тяжестью вонючихъ мѣшковъ. Его поражала зеленоватая блѣдность ихъ лицъ, поражалъ запахъ, царившій около голубятни, поражали ожесточенныя драки и отборная брань этихъ исхудалыхъ дѣтей, когда они выходили изъ этого дома, на которомъ уже давно дремали, словно приросшіе къ стѣнѣ, жирные голуби. Быть-можетъ, онъ не разъ сравнивалъ этихъ воркующихъ сытыхъ голубей съ этою озлобленною голодною толпой; быть-можетъ, у него не разъ сжималось дѣтское сердце, когда эти блѣдныя дѣти медленно тащились въ далекій путь для отыскиванія въ помойныхъ ямахъ, въ грязи, тряпокъ, за которыя имъ дадутъ жалкій кусокъ хлѣба, тащились въ то время, когда голуби съ веселымъ мелодическимъ шумомъ большими стаями слетались вокругъ насыпаннаго имъ корма. Черезъ долгіе годы Антонъ самъ не могъ дать себѣ отчета, задумывался ли онъ въ дѣтствѣ надъ этимъ контрастомъ: но онъ сознавался, что жизнь «голубятни», видѣнная имъ ежедневно въ годы дѣтства, играла не послѣднюю роль въ направленіи его развитія. Особенно ясно врѣзались въ память Антона слова, сказанныя его отцомъ, когда однажды отецъ и сынъ проходили

мимо «голубятни». Поровнявшись съ «голубятнею», Александръ Захаровичъ мотнулъ головой и пробормоталъ:

— Ишь, птицъ людьми кормятъ!

Антонъ не понялъ тогда словъ отца, но онъ невольно вздрогнулъ, когда масса голубей, испуганная ими, съ шумомъ приподнялась съ земли и закружилась черною сѣтью надъ ихъ головами. Его дѣтскому воображенію представилось, что онъ никакъ бы не справился съ этою стаей птицъ, если бы онѣ напали на него. Подъ вліяніемъ невольнаго страха онъ побѣжалъ впередъ.

— Что, испугался, что отдамъ имъ на съѣденіе? — послышался ему вслѣдъ вопросъ отца.—Небось, еще не годишься, въ тѣло не вошелъ.

Эти слова отца, его безнадежно холодный тонъ навсегда остались въ памяти Антона. А сколько подобныхъ фразъ уцѣлѣло въ памяти Катерины Александровны!

Мальчикъ началъ довольно рано работать. Ловля рыбы, приносившая очень незначительную пользу, считалась имъ просто забавой. Но у него былъ и болѣе серьезный трудъ. На восьмомъ году жизни онъ не только помогалъ матери таскать корзины съ бѣльемъ, но и началъ ѣздить съ отцомъ на взморье, на ловлю дровъ, помогалъ отцу пилить небольшія доски. Рано утромъ, забравъ съ собою хлѣба и луку, иногда огурцовъ, если огурцы были уже дешевы, отецъ и сынъ отправлялись въ путь. Пробираясь среди кораблей, пароходовъ и лайбъ, они направлялись къ островамъ и забирали въ свою лодку каждую щепочку, каждое полѣно, каждый кусокъ березовой коры. Нерѣдко попадала ихъ лодчонка на мель, иногда наталкивалась на мертвыя тѣла, раздутыя и посинѣвшія, тихо плывшія по теченію; порою заставали ихъ буря и дождь, но, несмотря на страхъ и опасности, Антонъ любилъ эти поѣздки. Любилъ ихъ и за то чувство приволья, которое разливалось во всемъ его существѣ, когда они пристава̀ли гдѣ-нибудь около пустыннаго зеленаго острова, гдѣ совершалась ими ихъ скудная трапеза, гдѣ отецъ ложился отдохнуть, гдѣ мальчикъ бродилъ по малорослому лѣсу, отыскивая ягоды или грибы, или сидѣлъ на берегу и любовался широкою гладью яснаго и тихаго залива, облитаго яркими лучами солнца. Любилъ онъ, освободившись отъ своихъ лохмотьевъ, купаться въ этой прозрачной водѣ, бросать рикошетомъ камушки, считая, сколько разъ прыгнутъ они по водѣ, рыться въ пескѣ, отыскивая отполированные водою древесные угли и обломки

кирпичей, представлявшіе иногда такіе красивые черные и красноватые шарики или плоскіе овалы. Любилъ онъ эти поѣздки и за то, что его отецъ дѣлался здѣсь добрѣе, сообщительнѣе, человѣчнѣе и подъ внѣшнею грубостью сказывалась и любящая душа, и природная честность этого человѣка. Во время этихъ поѣздокъ Антонъ успѣлъ даже узнать отчасти исторію своего отца и хотя не понялъ ее, но она запала въ его память и потомъ черезъ долгіе годы воскресла снова во всѣхъ подробностяхъ.

И вся эта жизнь, голодная, холодная, но свободная жизнь прошла безвозвратно. Нельзя сказать, чтобы Антонъ не любилъ и прежде отца, — онъ просто не любилъ пьянства отца; онъ боялся, когда отецъ бывалъ пьянъ, — теперь же, при разлукѣ съ роднымъ домомъ, въ сердцѣ ребенка вдругъ проснулась страстная болѣзненная любовь къ отцу. Онъ скорбно думалъ: «эхъ, если бы отецъ-то былъ живъ, не пришлось бы намъ идти по-міру». Его дѣтскому воображенію представлялось, что они покидаютъ родное гнѣздо именно затѣмъ, чтобы идти по-міру.

— Вотъ теперь по разнымъ угламъ разойдемся, — прервала тишину Марья Дмитріевна.—И гдѣ предѣлъ, предѣлъ-то гдѣ Господь положитъ? Вотъ, Митревна, думаю я теперь, подрастутъ дѣтки, куда ихъ судьба занесетъ — Богъ вѣсть; можетъ, на край свѣта уйдутъ. И придется мнѣ, какъ тебѣ, одной гдѣ-нибудь въ углу вѣкъ доживать. Тяжело это, больно, голубушка!

Старуха вздохнула.

— Не говори лучше, Марья Дмитріевна, знаю, мать моя, все знаю,— глухо пробормотала она, качая всклокоченной головой.— И я не безъ дѣтей вѣкъ прожила, сама ихъ поила, сама грудью кормила... И отнялъ Господь всѣхъ, и всѣ ушли, и одна осталась... Сынъ въ Сибирь пошелъ... при мнѣ и клеймили за разбой... Молодецъ былъ, въ гвардіи бы служить, а не въ каторжной работѣ молодость загубить... Дочь въ больницѣ умерла... Сперва въ каретахъ ѣздила... потомъ въ больницѣ умерла... Одна, мать моя, всѣмъ дорога...

Опять какъ-то глухо, какъ-то пророчески звучали слова полубезумной сѣдой старухи въ мертвомъ затишьѣ среди опечаленной семьи. Старуха говорила о своихъ страшныхъ несчастіяхъ, о гибели своихъ когда-то любимыхъ дѣтей съ тою ледяною холодностью, съ тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ которыми говоритъ иногда старый инвалидъ объ

отнятыхъ у него за десятки лѣтъ тому назадъ рукѣ и ногѣ. Въ этой холодности, въ этомъ спокойствіи есть что-то роковое, леденящее кровь слушателя. Дѣйствительно, сколько страданій, сколько потерь нужно перенести, чтобы говорить съ невозмутимымъ хладнокровіемъ объ оторванномъ у нашего собственнаго тѣла кускѣ мяса, о вырванныхъ изъ нашихъ объятій любимыхъ существахъ? Еще страшнѣе становится слушателю, когда старый инвалидъ, разсказывая свою исторію, хладнокровно пророчитъ такой же исходъ новобранцу, только-что идущему въ битву, черпающему силы къ борьбѣ въ однѣхъ надеждахъ на побѣду.

— За собой, касатка, смотри, за собой смотри, — еще глуше заговорила старуха, обращая къ Катеринѣ Александровнѣ свое морщинистое, сѣро-желтое лицо.—Ишь, очи-то у тебя черныя, волосы кудрявые, какъ ночь, темные: ночью-то грѣха бы не было!.. За собой смотри!

Всѣ молчали. Катерина Александровна смотрѣла хмуро. Она не любила старую нищую и не возражала ей только потому, что не хотѣла ссориться съ ней въ послѣдній вечеръ.

— И паренекъ-то твой, вотъ какъ мой Ваня, огонь,— продолжала старуха, указывая Марьѣ Дмитріевнѣ на Антона.— Какъ разъ погасятъ, какъ разъ погасятъ!

— Полно, Дмитріевна, мои дѣти скромныя,—начала Марья Дмитріевна.—Богъ помилуетъ ихъ; Онъ ихъ заступникъ...

— У всѣхъ одинъ заступникъ; у всѣхъ одинъ заступникъ, мать моя, да не всѣмъ одно счастіе! — глухо проговорила старуха.—Иль ты думаешь, мать моя, что у другихъ-то дѣти такъ съ ножомъ въ рукахъ и изъ утробы матери на свѣтъ Божій вышли? Нѣ-ѣтъ, нѣ-ѣтъ, голубушка ты моя: всѣ ангелами Христовыми въ колыбели-то были... Съ Ванито моего, какъ онъ махонькимъ былъ, богомазъ одинъ на Васильевскомъ острову цѣлителя Пантелеймона списывалъ. Похожъ, видишь, Ванюша на батюшку Пантелеймона былъ... Я потомъ и свѣчку ставила сама за Ванюшу этому самому образу... Не помогло, мать моя,—ничего не помогло...

Женщины опять смолкли. Катерина Александровна и Антонъ не вмѣшивались въ разговоръ, хотя по выраженію ихъ лицъ было видно, что онъ задѣвалъ ихъ за живое и пробуждалъ въ нихъ непріятныя чувства. Чай былъ допитъ какъ-то тоскливо, почти съ боязнью.

— Все ли приготовила ты ребятишкамъ?—спросила мать у старшей дочери.

— Что же приготовлять? Въ казенную одежду одѣнутъ,— коротко отвѣтила старшая дочь.

— И то правда, и то правда, въ казенную,—вздохнула мать.—Ну, дѣтки, ложитесь. Рано вставать надо завтра.

Мать начала крестить и цѣловать дѣтей; казалось, она хотѣла въ этотъ вечеръ обласкать и благословить ихъ на всю жизнь, за все то время, когда они не увидятъ ея ласкъ, не примутъ ея благословеній. Скоро въ подвалѣ настало полное затишье и мракъ. Свѣча была погашена. Всѣ улеглись. Давно уже спала старуха нищая; давно отмолилась хозяйка, стоявшая на колѣняхъ передъ темнымъ образомъ; давно крѣпко спали маленькія дѣти. Но не спали старшіе братъ и сестра. Они по обыкновенію лежали вмѣстѣ у стѣны, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

— Ты ходи ко мнѣ,—протяжно шепталъ братъ задушевнымъ ласковымъ голосомъ сестрѣ, обвивая ее рукой.

— Буду, буду ходить, — торопливо шептала она, цѣлуя его.—Ты не бойся... Тебѣ худо не будетъ...

На его лицо упали горячія слезы. Онъ еще крѣпче обнялъ сестру и поцѣловалъ ее въ губы.

— Что же ты плачешь? Полно. Не плачь,—снова шепталъ онъ протяжнымъ голосомъ.

— Я тебѣ все, все отдамъ,— тихо говорила она.—Ты вырастешь умнымъ, ученымъ...

Братъ притаилъ дыханіе и внимательно слушалъ сестру, не понимая ея странныхъ для него рѣчей. Онъ не могъ себѣ представить, что отдастъ ему она, ничего не имѣющая, такая же нищая, какъ онъ.

— Ты не будешь такимъ, какъ отецъ,—продолжала она страстнымъ, глубоко убѣжденнымъ топомъ.—Не будешь такимъ, какъ сынъ этой колдуньи... Ты не пойдешь въ Сибирь; ты не умрешь на улицѣ... Я тебѣ все отдамъ, все, все...

Она на минуту замолкла: ей показалось, что ея братъ уснулъ. Ей не пришла бы въ голову эта мысль, если бы она могла видѣть его широко открытые глаза, какъ будто силившіеся разсмотрѣть что-то въ этой непроглядной тьмѣ.

— Ты спишь?

— Нѣ-ѣтъ,—послышался медленный, въ раздумьи произнесенный отвѣтъ.

— Я все думала,—продолжала сестра: — долго думала... Теперь я знаю, что дѣлать... Учиться тебѣ надо, умнымъ быть надо, чтобы не умереть съ голоду.... Въ училище тебя надо отдать...

— Я завтра и по-ойду въ шко...

— Не то, не то ты говоришь, — живо перебила его сестра.—Эта школа что! Это нищихъ учатъ! Надо тому учиться, чему богатыхъ учатъ. Я тебя въ гимназію отдамъ. Въ этой школѣ ты недолго пробудешь.

Брата такъ поразили эти неожиданныя слова, что онъ поднялся и сѣлъ на постели, стараясь всмотрѣться въ сестру. Но кругомъ царила тьма, и не было ничего видно. Онъ снова опустилъ голову къ самому лицу сестры.

— Да, въ гимназію!—продолжала она.—Пусть тебя научатъ всему, всему, что знаютъ они, что знаютъ ребятишки дяди... Да! чѣмъ они лучше тебя? За что тебѣ гибнуть, хорошій мой!

Сестра покрыла горячими поцѣлуями лицо мальчугана.

— А гдѣ же ты денегъ возьмешь?—спросилъ онъ въ раздумьи.—Вѣдь денегъ-то, поди, много надо.

— Гдѣ?—переспросила сестра.—Не знаю еще, не знаю, но дай подумать, дай осмотрѣться. Все отдамъ, что достану, все, а ты не погибнешь! Только люби меня, не забывай никогда, никогда, какая бы я ни была, гдѣ бы я ни была. Будь всегда со мною, чтобы мнѣ не жить, какъ мать прожила весь вѣкъ, брошенная, чтобы мнѣ не ходить по-міру, какъ эта старая колдунья ходитъ!

Братъ впотьмахъ нашелъ руку сестры и впервые поцѣловалъ ее съ какимъ-то чувствомъ благоговѣнія. По тону сестры онъ понималъ, что она хочетъ сдѣлать что-то такое, что сдѣлаетъ его богатымъ и бариномъ, но что̀ именно и какъ она сдѣлаетъ—этого онъ не понималъ вовсе.

— Вотъ тебѣ крестъ,—проговорилъ онъ тѣмъ убѣдительнымъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ простыя дѣти, несправедливо въ чемъ-нибудь заподозрѣнныя, и перекрестился, сидя на постели: — я тебя не забуду, и мать не забуду, и иҳъ не забуду,—указалъ онъ на младшихъ дѣтей, забывая, что сестра не видитъ его жеста.

— И соберемся мы всѣ вмѣстѣ, всѣ соберемся, и мать старуха будетъ съ нами, и дружны мы будемъ, и счастливы, и нц къ кому мы за милостыней не пойдемъ, а ты будешь вмѣсто отца въ семьѣ!—говорила сестра, увлекаясь картиной, которая, быть-можетъ, уже не разъ представлялась ея воображенію въ послѣдніе дни, во время ея страстныхъ стремленій завоевать счастье, завоевать во что бы то ни стало. — Я долго думала, всѣ эти дни думала, какъ намъ жить, что намъ дѣлать, чтобы никому не кланяться,—про-

должала она.— Но мнѣ лучше не жить, лучше свѣта не видѣть, чѣмъ эту каторгу терпѣть, которую мать наша, отецъ нашъ, мы сами до сихъ поръ терпѣли. Что мнѣ въ жизни, если въ ней одно горе, да одинъ позоръ, если тебя никто и за человѣка не считаетъ, наругается надъ тобой?.. Помнишь, отецъ говорилъ: вы меня связали, безъ васъ давно бы порѣшилъ съ собой. Вѣдь это онъ оттого говорилъ, что и онъ не умѣлъ терпѣть, какъ вонъ мать терпитъ... И что терпѣть, если надежды нѣтъ?.. Ужъ лучше одинъ конецъ! Отецъ-то у насъ умный былъ...

Еще долго, долго слышался страстный шопотъ двухъ молодыхъ существъ, прерываемый то слезами, то поцѣлуями, и когда они уснули, они были вполнѣ спокойны, вполнѣ счастливы. Имъ казалось, что будущее такъ свѣтло, такъ отрадно.

Они, какъ бойцы, шли въ міръ на завоеваніе счастья.

Быть-можетъ, это были несбыточныя, дѣтски незрѣлыя, безумныя мечты, но за эти мечты отнынѣ долженъ былъ начаться тяжелый, неотступный, напряженный бой; это были тѣ капли, которыя, ударяя въ одно и то же мѣсто, пробиваютъ камень. Цѣль жизни была найдена, и чѣмъ бы ни кончилась борьба—все равно: герои умираютъ спокойно даже тогда, когда побѣда остается за ихъ коварными врагами, и посаженный въ клѣтку левъ все-таки прекраснѣе, болѣе достоинъ удивленія, чѣмъ его оборванный, полупьяный вожакъ, праздно добывающій хлѣбъ показываньемъ толпѣ зѣвакъ измученнаго каленымъ желѣзомъ, плѣннаго царя лѣсовъ.

И на что жизнь, если въ ней одни муки, позоръ и неволя?

КНИГА II.

I.

Дѣтскій пріютъ графовъ Бѣлокопытовыхъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра города мѣстностей, гдѣ гнѣздится небогатый людъ, гдѣ рѣдко слышится шумъ экипажей, гдѣ вечеромъ тускло свѣтятъ масляные фонари, стояло довольно большое зданіе самой невзрачной архитектуры, лишенное всякихъ украшеній, похожее на выкрашенный желтою краской ящикъ съ десятками оконъ. Двери подъѣзда этого дома были постоянно заперты и иногда не открывались въ теченіе цѣлаго дня, какъ будто въ этомъ домѣ давнымъ-давно умерли всѣ его обитатели, и никто посторонній не рѣшается и не считаетъ нужнымъ заглянуть, что дѣлается за этими желтыми голыми стѣнами. Впрочемъ, если бы кто-нибудь посторонній и вздумалъ постучаться въ эти двери не въ урочный часъ, не въ опредѣленный день, то ему навстрѣчу появилась бы грубая фигура стараго отставного солдата, облеченнаго въ званіе швейцара, и сухо отвѣтила бы: «сегодня нѣтъ пріема». Прежде чѣмъ посѣтитель успѣлъ бы что-нибудь возразить, передъ нимъ снова захлопнулась бы дверь, и загадочный домъ снова стоялъ бы, какъ могильный склепъ, пугая своими закрашенными до половины бѣлою краской окнами, какъ глазами, у которыхъ зрачки покрыты бѣльмами.

Не веселѣе выглядѣлъ домъ внутри. Большія комнаты и длинные коридоры со сводами были выкрашены голубовато-сѣрою краской; нижняя часть стѣнъ, покрытая масляною краской, выглядѣла почти черной. Здѣсь слишкомъ жидкая краска, положенная на сѣрыя стѣны, уже во время крашенія расползлась пятнами, окаймленными сотнею бурыхъ зиг-

заговъ, змѣекъ и ручейковъ, дѣлавшихъ эту часть стѣнъ похожею на фантастическія темныя географическія карты или на исписанное гіероглифами пространство. Стѣны коридоровъ и большей части комнатъ были лишены всякихъ украшеній и убивали своимъ однообразіемъ, своимъ мутно-голубымъ колоритомъ, похожимъ на цвѣтъ вечерняго осенняго неба. Въ крайнихъ комнатахъ дома помѣщались два ряда желѣзныхъ кроватей, покрытыхъ грубыми шерстяными одѣялами. Между кроватями стояло по небольшому шкапику и табурету неуклюжей формы: и шкапики, и табуреты, и кровати были выкрашены темно-зеленою краской. Эта смѣсь сѣраго и темно-зеленаго цвѣтовъ придавала картинѣ холодный колоритъ, усиливавшійся еще болѣе при помощи замазанныхъ пожелтѣвшею бѣлою краской оконъ. Вглядѣвшись пристальнѣе въ эти окна, вы увидали бы, что чьи-то руки усиленно и настойчиво постарались процарапать тонкій слой краски, плотно приставшей къ стекламъ. Какъ трудно было достигнуть какихъ-нибудь благопріятныхъ результатовъ въ этихъ усиліяхъ,—было уже видно изъ того, что царапины появлялись въ сотнѣ различныхъ мѣстъ и почти нигдѣ не были сдѣланы настолько удачно, чтобы сквозь нихъ можно было дѣйствительно разсмотрѣть что-нибудь. Только въ трехъ, въ четырехъ мѣстахъ настойчивыя руки, повидимому, добились желанной цѣли и отскоблили довольно большіе куски краски: но слѣды ихъ работы были тотчасъ же уничтожены: замазаны новымъ слоемъ краски. Въ этихъ проскобленныхъ мѣстахъ, въ этихъ пятнахъ была цѣлая потрясающая исторія тщетныхъ усилій со стороны неизвѣстныхъ и темныхъ человѣческихъ личностей, стремившихся взглянуть на жизнь своихъ ближнихъ, на живой міръ; надъ этими проскобленными мѣстами и пятнами можно было такъ же серьезно задуматься, какъ надъ какимъ-нибудь подземнымъ ходомъ, прорытымъ безъ помощи инструментовъ, прорытымъ въ безсонныя ночи, прорытымъ однимъ арестантомъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ живнимъ одною мыслью о свободѣ, о бѣгствѣ изъ острога.

Еще мрачнѣе выглядѣла одна небольшая комната. Въ ней вмѣсто кроватей стояли черные матовые столы и черныя скамьи, походившіе на половинки тѣхъ катафалковъ, которые приносятся гробовщиками въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ. Сходство съ катафалками и напоминаніе о смерти могли тѣмъ скорѣе броситься въ глаза, что именно въ этой комнатѣ стѣны были увѣшаны десятками картинъ, походив-

шихъ на образа преддверія бѣдной сельской церкви. Эти картины, покрытыя пожелтѣвшимъ лакомъ, изображали «потопъ», «изгнаніе Адама и Евы изъ рая», «смерть Авессалома», «казни Египта», «распятіе Христа» и тому подобныя мрачныя событія священной исторіи. Передъ скамейками стоялъ черный же квадратный столъ, какъ будто приготовленный для панихиды. Въ этой комнатѣ царствовалъ особенно холодный воздухъ; ее почти не топили.

Рядомъ съ нею была большая зала съ большимъ столомъ посрединѣ и съ табуретами около стѣнъ; рядомъ съ этою залой была другая зала съ нѣсколькими узкими столами, со скамейками вокругъ нихъ и съ гравированными портретами какихъ-то важныхъ и надутыхъ личностей, грозно смотрѣвшихъ со стѣнъ. И вездѣ, куда бы мы ни взглянули, царствовали все тѣ же сѣрые, черные и темно-зеленые цвѣта, убійственно однообразные, убійственно холодные.

Но здѣсь жили люди, даже очень много людей.

Тсс! вотъ идутъ они. Подобранные въ сырыхъ подвалахъ, на темныхъ чердакахъ, среди кабачныхъ оргій, брошенные пьяными отцами и голодными матерями, выросшіе среди грязи и разврата темныхъ угловъ, уже знающіе всѣ мерзости и тайны трущобной жизни, надѣленные съ дѣтства задатками будущихъ страшныхъ недуговъ—чахотки, золотухи, ревматизма, готовящіеся въ будущемъ встрѣтить нужду, непосильный трудъ, грубое обхожденіе, быть-можетъ, преждевременную смерть въ больницѣ или каторжную жизнь въ домахъ терпимости,—эти люди-дѣти, пробужденные оглушительнымъ звонкомъ колокольчика, идутъ по мрачному, холодному коридору въ мрачную залу. Зимнее темное утро еще не пропустило въ комнаты ни одного дневного луча; тьма, унылая, сѣрая тьма еще охватываетъ міръ; въ комнатахъ еще теплятся тусклыя масляныя лампы. Гдѣ это мы: въ острогѣ, въ тюрьмѣ, въ монастырѣ, въ исправительномъ домѣ?

— Нѣтъ! Мы въ благотворительномъ заведеніи.

Какой-то остовъ женщины съ отцвѣтшимъ и исхудалымъ лицомъ землистаго цвѣта, съ гладкопричесанными жидкими волосами, въ синемъ шерстяномъ платьѣ, открываетъ шествіе. За нею идутъ попарно подобранныя подъ ростъ дѣти, начиная съ едва видныхъ отъ земли пятилѣтнихъ дѣвочекъ и кончая взрослыми шестнадцатилѣтними дѣвушками. У всѣхъ у нихъ одинаково причесаны волосы; на всѣхъ надѣты узенькія холстинковыя платья голубовато сѣраго цвѣта съ коротень-

кими рукавами и вырѣзными гладкими лифами, на всѣхъ надѣты узенькіе холщевые длинные нарукавники и такія же пелеринки. Онѣ идутъ попарно, стуча грубыми башмаками, и представляютъ странную картину. Это какая-то коллекція дѣтей всѣхъ возрастовъ, до крайности похожихъ другъ на друга. Ихъ трудно узнать въ лицо, такъ какъ почти всѣ лица выглядятъ одинаково тупо, одинаково скучно; всѣ они большею частью блѣдны, почти прозрачны. За ними идетъ толстая краснощекая женщина въ синемъ шерстяномъ платьѣ, очень похожая на грепадера въ юбкѣ или на зажирѣвшую торговку съ толкучаго рынка. Чѣмъ-то нахальнымъ и грубымъ вѣетъ отъ ея самодовольной, красной и лоснящейся физіономіи; повидимому, у нея не существуетъ нервовъ, и вся она состоитъ изъ жира и мяса. Дѣвочки сходятъ въ залу съ узенькими столами и становятся лицомъ къ переднему углу. Въ комнатѣ раздается чей-то дѣтскій голосъ, и вслѣдъ за нимъ поднимаются другіе голоса. «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ» оглашаетъ комнату, и среди однообразныхъ тоненькихъ голосовъ звучитъ особенно сильно одинъ контральто, силящійся перейти въ нѣчто въ родѣ мужского баса.

— Зачѣмъ ты, Скворцова, такъ басишь!—произноситъ худенькая женщина, обращаясь къ высокой дѣвушкѣ съ черными глазами и румяными щеками.

Скворцова бросаетъ насмѣшливый взглядъ на худенькую женщину и молчитъ.

Всѣ, дрожа отъ холода, садятся пить чай изъ глиняныхъ кружекъ и жадно накидываются на куски чернаго хлѣба. Въ комнатѣ слышится говоръ: едва можно разслышать, что въ одномъ концѣ говорятъ:

— Отдай мнѣ свой хлѣбъ. Я тебѣ завтра отдамъ свой, вотъ те Христосъ! Сегодня страсть какъ ѣсть захотѣлось.

— Да, а ты думаешь, я не хочу ѣсть!

— Скаредъ! Жидоморка!

Въ другомъ концѣ гораздо явственнѣе слышится разговоръ, переходящій въ ссору:

— Это ты мой хлѣбъ украла?—говоритъ одинъ голосъ.

— Чего мнѣ воровать? у меня свой кусокъ былъ.

— Неправда. Ты и свой, и мой съѣла!

— Тише! — кричитъ худенькая женщина въ синемъ платьѣ.

— Марья Николаевна! Скворцова мой хлѣбъ украла!—слышится пискливая жалоба.

— Я и не думала воровать! Суслова вретъ,—отзывается контральто.

— Да, да, украла! Ты быка съѣшь!—кричитъ Суслова.

— А ты семь коровъ съѣла, а все толще не сдѣлалась!—отзывается контральто.

— Вы обѣ станете на колѣни во время занятій,—произноситъ худенькая женщина въ синемъ платьѣ.

— За что же я стану стоять на колѣняхъ? Я не брала ея хлѣба! Вы рады ко мнѣ придираться, — отозвался контральто.

— Ты, Скворцова, безъ свиданія съ родными останешься на двѣ недѣли.

— Нѣтъ-съ, я буду жаловаться Аннѣ Васильевнѣ! Вы все на большихъ нападаете,—снова отозвался контральто.

Женщина, которую Скворцова называла Марьей Николаевной, быстро измѣнилась въ лицѣ. Оно приняло странное выраженіе гнѣва и въ то же время мучительной горечи. На пожелтѣвшихъ щекахъ выступили багровыя, зловѣщія пятна. Она быстро встала съ своего мѣста, подошла къ Скворцовой и, дрожа всѣмъ тѣломъ, нервно сдернула ее съ табурета.

— На колѣни! Сейчасъ на колѣни! Стой до прихода Анны Васильевны!—задыхающимся голосомъ произнесла она.—Ты жаловаться хочешь, жаловаться! Ты думаешь, что мнѣ за тебя, за дѣвчонку, за нищую, дадутъ выговоръ! Вы всѣ думаете, что мы ваши горничныя, что мы ваши служанки! Вы на голову намъ сѣсть хотите! Подлыя!

Марья Николаевна, не помня себя, схватила за ухо Скворцову и пригнула ее чуть не къ самому полу.

— Здѣсь, здѣсь, у моихъ ногъ, настоишься, наползаешься, прежде чѣмъ мнѣ дадутъ изъ-за тебя выговоръ!—проговорила она, едва сдерживая подступавшія къ ея горлу слезы.

Она невѣрною походкой удалилась на свое мѣсто, но уже не могла пить поданный ей чай.

— Вы бы воды выпили,—хладнокровно замѣтила съ другого конца стола толстая женщина, одѣтая въ такое же платье, какъ и Марья Николаевна.—Вамъ вредно сердиться!

Марья Николаевна Постникова промолчала. Она отъ всей души ненавидѣла это толстое созданіе, занимавшее, подобно ей, мѣсто пріютской помощницы. Толстое созданіе—Ольга Никифоровна Зубова—въ свою очередь, тоже не любила «ледащую» Марью Николаевну, не любила, впрочемъ, только потому, что она никого ни любила, кромѣ своей собственной особы.

— Старая дѣвка, заѣвшись, что я молода! злобно ворчала между тѣмъ Скворцова. — Ты думаешь, я не пожалуюсь? Еще какъ пожалуюсь-то! Распекутъ еще, голубушка; опять истерика сдѣлается! Женихи не сватаются, такъ и бѣсишься, что въ дѣвкахъ приходится сидѣть.

Дѣти между тѣмъ допили чай и встали. Въ комнатѣ снова раздалось заунывное нѣніе молитвы. Только теперь уже не слышалось контральто Скворцовой. Она сердито молчала и не молилась. Черезъ минуту всѣ перешли въ залу съ большимъ круглымъ столомъ. Здѣсь начиналась раздача работъ. Дѣти, кромѣ шитья на заказъ, должны были, какъ гласилъ пріютскій уставъ, «заниматься постройкой своей одежды». Работами распоряжалась Зубова. Всѣ размѣстились по табуретамъ. Сидѣть на этихъ табуретахъ безъ спинокъ было крайне неловко: дѣвочки невольно горбились, и въ комнатѣ поминутно раздавались возгласы двухъ помощницъ: «какъ вы сидите!» Утренняя тьма между тѣмъ начинала разсѣиваться; бѣлый, мутный день вступалъ уже въ свои права и налагалъ на все свой болѣзненный отпечатокъ. Лампы были потушены. Всѣ маленькія и большія дѣвочки казались теперь еще блѣдненькѣе, болѣзненнѣе: онѣ шили и вязали, вязали и шили. Зубова раздавала работу и показывала, какъ и что дѣлать. Не шили только Скворцова и Суслова. Онѣ стояли на колѣняхъ.

— Ступайте шить! — промолвила имъ нѣсколько успокоившаяся Марья Николаевна.

Суслова поспѣшно вскочила съ колѣней и пошла за работой, но Скворцова не тронулась съ мѣста.

— Я тебѣ говорю: иди шить! — промолвила Марья Николаевна, уже снова начинавшая раздражаться.

— Вы велѣли стоять на колѣняхъ до прихода Анны Васильевны, — отозвалась Скворцова.

— А теперь я велю тебѣ шить!—приказала Марья Николаевна.

— Ужъ я лучше подожду Анну Васильевну. Пусть посмотритъ, какъ я стою на колѣняхъ.

— Такъ ты не хочешь слушать меня? Такъ ты не хочешь?—снова вспылила Марья Николаевна, и опять на ея желтомъ лицѣ появились багровыя пятна и мучительное выраженіе.

Постникова подбѣжала къ Скворцовой и, повидимому, была готова прибить дѣвушку.

— Что это вы, Марья Николаевна, на весь домъ кри-

чите? Точно на базарѣ!—послышался лѣнивый голосъ, звучавшій тономъ пренебреженія.

Въ комнатѣ начался шумъ: дѣвочки раскланивались съ начальницей, видимо, радуясь возможности хоть на мгновенье выйти изъ своей неподвижности. Марья Николаевна съежилась, понурила голову и потупила глаза передъ высокою, полною сѣдоволосою женщиной въ роскошномъ чепцѣ и шелковомъ платьѣ.

На первый взглядъ лицо старухи казалось очень добродушнымъ и, только всматриваясь въ него, наблюдатель могъ замѣтить въ опущенныхъ углахъ губъ выраженіе брезгливости, презрѣнія и недовольства, да въ глазахъ замѣчалось что-то убійственно-холодное.

— Скворцова, ты на колѣняхъ?—промолвила старуха.—Это за что?

— Не знаю-съ, Анна Васильевна, — скромно отвѣтила Скворцова, невинно потупляя лукавые глаза.

— Какъ же не знаешь? Вѣдь за что-нибудь поставили тебя?—брюзгливо проговорила Анна Васильевна.

— Она отняла хлѣбъ у Сусловой; та пожаловалась,—въ замѣшательствѣ начала объяснять Марья Николаевна.

— Вы сами видѣли?—пренебрежительно спросила Анна Васильевна.

— Не видала, но...—начала Марья Николаевна.

— Что же, Скворцова сама созналась?

Прежде чѣмъ Марья Николаевна успѣла отвѣтить на этотъ вопросъ, Скворцова проговорила:

— Марья Николаевна объ этомъ не спрашивали-съ, а прямо велѣли мнѣ стать на колѣни и заставили въ ноги имъ кланяться, когда я сказала, что вы не позволяете ставить большихъ на колѣни! Марья Николаевна не любитъ выпускныхъ.

— Она мнѣ нагрубила,—начала Марья Николаевна.

— Да развѣ можно не грубить вамъ, если дѣти составили о васъ такое мнѣніе?—съ пренебреженіемъ произнесла Анна Васильевна.

— Марьѣ Николаевнѣ полѣчиться бы надобно,—вмѣшалась Зубова.—Она, бѣдненькая, нездорова все.

— Здѣсь не больница и не богадѣльня!—съ раздражительностью произнесла Анна Васильевна.—Если вы чувствуете себя дурно, если васъ все волнуетъ, то кто мѣшаетъ вамъ оставить мѣсто? Вы знаете, — здѣсь насильно людей не держатъ.

Анна Васильевна велѣла Скворцовой встать и, съ пренебреженіемъ взглянувъ на Марью Николаевну, отошла къ другимъ воспитанницамъ посмотрѣть ихъ работы; около нея вертѣлась и юлила толстая Ольга Никифоровна, тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ передававшая начальницѣ разныя мелкія сплетни.

Прошло около получаса, когда въ комнатѣ появился какой-то приземистый и довольно коренастый господинъ съ большимъ орденомъ на шеѣ, съ гладко выбритымъ лицомъ, съ коротко остриженными волосами, тщательно приглаженными на вискахъ впередъ въ видѣ шоръ, и съ оловянными глазами. Что-то сухое, деревянное и черствое было во всей фигурѣ этого господина. Это былъ докторъ Федоръ Федоровичъ Гроховъ, обрусѣвшій нѣмецъ, членъ благотворительныхъ обществъ и казначей пріюта.

Анна Васильевна встрѣтила его съ заискивающею улыбкой, на которую не послѣдовало никакого отвѣта. Густыя брови обрусѣвшаго нѣмца хмурились попрежнему угрюмо и сердито.

— Есть больныя?— обратился онъ къ Зубовой на ломаномъ русскомъ языкѣ; Гроховъ презиралъ этотъ языкъ «татаръ» и потому въ теченіе сорока-лѣтней жизни въ Россіи не выучился говорить по-русски.

— Маленькая Иванова нездорова,—отвѣтила Зубова.

Доктору представили маленькую блѣдную дѣвочку. Онъ посмотрѣлъ на нее своими безстрастными, оловянными глазами и сквозь зубы промолвилъ:

— Языкъ.

Дѣвочка съ испугомъ и недоумѣніемъ взглянула на доктора; ей еще впервые приходилось лѣчиться.

— Покажи свой языкъ,—пояснила Зубова.

Дѣвочка повиновалась не безъ нѣкотораго смущенія. Докторъ взялъ ея руку, вынулъ часы и какъ бы замеръ въ этомъ положеніи. Черезъ минуту онъ приложилъ руку къ головѣ дѣвочки и грубо потыкалъ ее указательнымъ пальцемъ въ животъ.

— Лѣнивій лихорадка,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.— Ставитъ горшишникъ на затилокъ. Покрѣпше. Пусть покусаэтъ.

Онъ медленно перевелъ свои глаза на Зубову и снова спросилъ:

— Еще есть больній?

— Нѣтъ, больше нѣтъ,—отвѣтила Зубова.

Докторъ мелкими, но твердыми шагами, не сгибая тол-

стыхъ, коротенькихъ ногъ, пошелъ по комнатѣ. Его провожала Анна Васильевна.

— У васъ опять передершка,—сухо замѣтилъ онъ начальницѣ.—Этакъ нельзе, этакъ нельзе!

— Я, докторъ, рѣшительно не могу содержать дѣтей на отпускаемыя деньги, — заискивающимъ и извиняющимся тономъ отвѣтила Анна Васильевна. — Теперь все такъ дорого.

— Надо давайтъ то, что дешево,—произнесъ докторъ.— Ихъ нельзе пріучайтъ къ роскошь. Это нишіе, это слюжанки, ихъ нельзе кормитъ, какъ господъ. Я богаче ихъ, но я всѣ ѣмъ, всѣ ѣмъ. Ви дровъ много тратите, ви ихъ такъ въ печь бросайтъ, безъ счету.

— Вы знаете, докторъ, какъ холоденъ и сыръ этотъ домъ,—оправдывалась Анна Васильевна.

— Холодъ здоровъ для дѣтей. Это только русскій мушикъ въ банѣ привикъ, на пешкѣ любитъ валяться лѣнивый свинья. Ви дольшни пріучайтъ ихъ къ порядошной жизни, шеловѣками сдѣлайтъ... Но я еще не смотрѣлъ вашъ отшетъ подробно. Потомъ у васъ въ кухнѣ, я слишаль, онѣ не шистятъ посюды, онѣ не стирайтъ въ прашешной, онѣ поли не моютъ.

— Докторъ, онѣ слабы и, кромѣ того, черная работа огрубляетъ руки: имъ будетъ трудно шить тонкое бѣлье.

— Глюпости! Моя мать и моя шена всѣ сами дѣлаютъ, всѣ! Это у васъ, русскихъ, кашдая бариня стидится работать на кухнѣ. Это негодяйство, это лѣнь! Ви дольшни заставляйтъ дѣвшонокъ всѣ дѣлать. Ви не барышень воспитуетъ. Имъ палька нужна. Русскій шеловѣкъ безъ палька шить не можетъ. Это скотъ, грязній скотъ.

Докторъ сухо протянулъ два пальца Аннѣ Васильевнѣ и, не кланяясь, вышелъ въ переднюю.

Анна Васильевна возвратилась въ свои комнаты въ тревожномъ состояніи духа. Она уже предчувствовала, какая буря разразится надъ нею, когда Гроховъ вполнѣ просмотритъ ея отчетъ и увидитъ, что она передержала сто рублей въ годъ. Ей придется добавить эти сто рублей изъ своего жалованья или лишиться мѣста, послѣдняго источника, поддерживавшаго послѣдніе дни ея когда-то бурнаго существованія.

Въ рабочей комнатѣ продолжались между тѣмъ занятія; скука царила здѣсь невообразимая. Зѣвота и сонъ одолѣвали всѣхъ. Наконецъ, раздался звонокъ, и насталъ желан-

ный часъ обѣда. Кислыя щи и поджаренный на горькомъ маслѣ картофель были двумя блюдами, составлявшими на этотъ разъ обѣдъ. Только Ольга Никифоровна и Марья Николаевна, хотя и обѣдали съ дѣтьми, но наслаждались болѣе изысканными и болѣе здоровыми блюдами, такъ какъ эти личности были помощницами, а не нищими, не будущими служанками, и потому ихъ не нужно было пріучать къ нездоровой пищѣ. Послѣ обѣда былъ часъ свободнаго времени, потомъ для взрослыхъ воспитанницъ наступалъ классъ русскаго языка. Тотчасъ же по выходѣ изъ-за стола въ комнатахъ начался невообразимый гамъ. Всѣ дѣти бросились, толкая другъ друга, въ кухню съ небольшими кофейниками варить свой собственный никорный кофе. Брань, толкотня, хохотъ смѣшались вмѣстѣ и не давали возможности разобрать, кто о чемъ говорилъ. У нѣкоторыхъ дѣвочекъ появлялись цѣлыя груды булокъ, колбасы, ветчины. Всѣ спѣшили насытиться, насладиться болѣе питательною ѣдой, чѣмъ казенныя щи. Пить свой кофе, ѣсть свои булки и колбасы, все это было запрещено высшимъ начальствомъ. Но Анна Васильевна понимала, что дѣти могли бы умереть съ голоду на одной казенной пищѣ и потому разрѣшила имъ варить ихъ собственный кофе и ѣсть купленные ими съѣстные припасы. Только черезъ часъ, мало-по-малу, утихъ весь этотъ гамъ, и старшія воспитанницы пошли въ холодный классъ ожидать учителя.

Учитель русскаго языка, Антонъ Антоновичъ Рождественскій, былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, очень некрасивый собой, постоянно небогато одѣтый и неловкій, какъ большинство людей, вышедшихъ изъ семинаріи. Несмотря на это, его «обожали» всѣ воспитанницы. Онъ былъ единственнымъ молодымъ мужчиной, появлявшимся въ этомъ монастырѣ два раза въ недѣлю, за что ему выдавалось восемьдесятъ рублей въ годъ. Кромѣ Рождественскаго сюда имѣли доступъ изъ мужчинъ необъятно толстый, красноносый дьяконъ Зубцовъ — учитель пѣнія, отецъ Іона, дряхлый и глухой священникъ, — учитель закона Божія, зоркій и строгій Боголюбовъ — дѣлопроизводитель пріюта, неподвижный и грубый докторъ Гроховъ и, наконецъ, Иванъ Демченко, пьющій и дерзкій отставной солдатъ, исполнявшій обязанности швейцара. Немудрено, что взрослыя воспитанницы, давно уже проскабливавшія краску на окнахъ, давно уже задыхавшіяся отъ скуки за безсмѣннымъ шитьемъ и вязаньемъ, радовались, когда два раза въ недѣлю наставалъ

урокъ русскаго языка и къ нимъ появлялся «душка» Рождественскій. Уже между ними не разъ слышалось:

— Душка, уступи мнѣ Рождественскаго: я тебѣ на будущей недѣлѣ всѣ свои булки отдамъ.

— Да, такъ я и соглашусь! а у меня-то кто останется? Іона, что ли?

Сильнѣе всѣхъ волновалась передъ появленіемъ Рождественскаго Скворцова. Въ этой крѣпкой и неподатливой натурѣ долгіе годы затворнической жизни, ежедневныя придирки, сидѣнья за шитьемъ, ѣда щей, картофеля и каши не могли убить ни здоровья, ни страстности, ни настойчивости характера. Напротивъ того, ея страстность только разгоралась все сильнѣе и сильнѣе среди скучныхъ занятій, невольно наводившихъ ея мысль на болѣе отрадные предметы; ея настойчивость и рѣзкость укрѣплялись все болѣе и болѣе при каждомъ новомъ притѣсненіи. Теперь, ожидая Рождественскаго, Скворцова вся горѣла, какъ въ огнѣ. Ея щеки пылали яркимъ румянцемъ; ея глаза то подергивались какъ бы туманомъ, то ярко свѣтились и сверкали. Заслышавъ шаги Рождественскаго, она проскользнула въ коридоръ и въ полутьмѣ быстро сунула что-то въ руку учителю. Онъ испуганно отшатнулся въ сторону, взглянулъ на дѣвушку, потомъ на сунутую ему бумажку и поспѣшно опустилъ руку въ карманъ. Все это совершилось такъ быстро, что не было замѣчено даже Марьею Николаевною, тоже торопливо вышедшею въ коридоръ навстрѣчу къ учителю. Она встрѣтила его съ томною улыбкой и мягкимъ голосомъ спросила о здоровьи.

— Ничего-съ! — неуклюже раскланялся Рождественскій.

— А я вотъ все нервами страдаю,—проговорила Марья Николаевна, закатывая глаза.

— Да-съ! — некстати отвѣтилъ Рождественскій и въ совершенномъ замѣшательствѣ спросилъ: — ученицы въ классѣ-съ?

— Въ классѣ... онѣ всегда ждутъ васъ съ такимъ нетерпѣніемъ, вы...

— Сейчасъ, сейчасъ иду-съ,—произнесъ Рождественскій, полагая, что помощница торопитъ его идти въ классъ.

Марья Николаевна вздохнула глубокимъ вздохомъ, и въ ея головѣ промелькнула мысль: «Какъ онъ скроменъ. Божественный!»

При входѣ Рождественскаго въ классѣ поднялся шумъ.

Дѣвочки лѣзли къ нему съ вопросами, съ просьбами, съ тетрадями. Учитель находился буквально въ осадномъ положеніи, отъ котораго его не могло спасти даже вмѣшательство Марьи Николаевны, кричавшей дѣвочкамъ:

— Садитесь по мѣстамъ! Тише, тише!

Это былъ гласъ, вопіющій въ пустынѣ; дѣвочки перестали шумѣть только тогда, когда учитель принялся за диктовку. Онъ диктовалъ очень плохо, путался на каждомъ словѣ и, повидимому, думалъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ говорилъ. Бѣдняга былъ совершенно смущенъ полученною имъ запиской отъ Скворцовой. Это была уже не первая записочка, сунутая ему въ руку смѣлою дѣвушкой, но, тѣмъ не менѣе, онъ волновался, не зная, чѣмъ кончится вся эта переписка. Сначала онъ не хотѣлъ открывать эту исторію начальницѣ, не желая навлекать непріятностей на влюбившуюся въ него дѣвушку. Теперь же онъ уже не могъ этого сдѣлать, такъ какъ буря разразилась бы и надъ нимъ и, можетъ-быть, повлекла бы за собою его отставку изъ пріютовъ Бѣлокопытовыхъ. Не бояться подобнаго конца этой исторіи Рождественскій не могъ, потому что кромѣ ста шестидесяти рублей въ годъ, получаемыхъ изъ двухъ пріютовъ, у него не было никакихъ опредѣленныхъ доходовъ и были только случайные заработки. Но разыграться исторія должна была скоро: содержаніе записочекъ дѣлалось все рѣшительнѣе. Рождественскому хотѣлось теперь поскорѣе вырваться изъ класса. Продиктовавъ нѣсколько строчекъ стиховъ, отобравъ тетради и спросивъ уроки, онъ, несмотря на сентиментальные вопросы и нѣжные взгляды Марьи Николаевны, торопливо ушелъ изъ класса, какъ только прошелъ урочный часъ. За этимъ часомъ слѣдовалъ чай и отдыхъ. Въ большой рабочей залѣ дѣвочки играли и отдыхали отъ дневныхъ трудовъ. Эта большая комната, довольно слабо освѣщенная большою лампой, выглядѣла въ эти вечерніе часы не очень весело. Въ средѣ дѣтей не было никакого оживленія; старшія воспитанницы собрались отдѣльными группами и о чемъ-то шептались; младшія неслышно играли; обѣ помощницы сидѣли за своей собственною работою въ какой-то полудремотѣ и, ужъ, конечно, не думали о томъ, что по уставу онѣ должны «занимать играми маленькихъ воспитанницъ». Въ комнатѣ начинало, по обыкновенію, дѣлаться все холоднѣе и холоднѣе. Всѣ кутались въ зеленые байковые платки и, повидимому, нетерпѣливо ждали только ужина и сна. Сонъ былъ здѣсь единственнымъ бла-

гомъ для людей, единственною цѣлью, къ которой стремились эти люди, вставая утромъ съ постели.

Еще ужинъ не былъ поданъ, когда въ залу вошла просто одѣтая, блѣдная дѣвушка съ черными вьющимися волосами. При ея появленіи въ комнатѣ, къ ней бросилась навстрѣчу маленькая, худенькая дѣвочка. Онѣ обнялись и горячо поцѣловались. Это были двѣ сестры Прилежаевы. Катерина Александровна, поцѣловавъ сестру, поздоровалась съ помощницами.

— Котикъ, а я безъ васъ такъ соскучилась! — воскликнула Марья Николаевна, цѣлуя старшую Прилежаеву и оттопыривая свои поблекшія губы.

— Что такъ рано изъ гостей воротились?—спросила съ гримасой Ольга Никифоровна.

— Я не въ гостяхъ была; ходила домой, къ матери, — замѣтила Катерина Александровна, садясь около Марьи Николаевны.

Зубова окинула глазами ея нарядъ.

— А это платье совсѣмъ не идетъ къ вамъ, милѣйшая Катерина Александровна, — проговорила она. — Вамъ бы нужно лифъ попышнѣе дѣлать: у васъ плечи узенькія.

— Я не забочусь о томъ, идетъ или не идетъ ко мнѣ мое платье: было бы чисто, — холодно отвѣтила Катерина Александровна.

Она почти не поднимала глазъ, устремленныхъ съ любовью на маленькую Дашу, сильно похудѣвшую и окончательно притихшую въ пріютѣ.

— Что-жъ, вѣдь однимъ лицомъ нельзя удивить! — продолжала Зубова.

— Мнѣ некого удивлять, — промолвила Катерина Александровна, задумчиво лаская свою сестренку.

— Какая скромница! какая скромница!—громко засмѣялась Ольга Никифоровна, придавая добродушное выраженіе куску мяса, носившему названіе лица.

Ольга Никифоровна отошла отъ Катерины Александровны и Марьи Николаевны.

—Успѣла уже обидѣть васъ, кисанька! Змѣя, просто змѣя! Не огорчайтесь, пупенька, — шопотомъ промолвила Марья Николаевна, горячо сжимая руку Катерины Александровны.

— Меня трудно огорчить, — спокойно сказала Катерина Александровна. — Послѣ того горя, которое я видѣла, я, право, и не чувствую всѣхъ этихъ мелкихъ царапинъ.

— Вы ангелъ, божественная!— воскликнула Марья Николаевна и чмокнула Катерину Александровну въ щеку.— У-у, кисенокъ!

Катерина Александровна разсѣяннымъ взглядомъ посмотрѣла на дѣтей и молча продолжала ласкать свою сестренку, которая прижалась къ ней, какъ маленькая птичка подъ крыло матери.

— Здорова ли ты, моя голубка!— тихо спросила Катерина Александровна.— Ты такая блѣдная.

— Я здорова, сестрица!—какъ-то уныло отвѣтила Даша.

— Ты скажи мнѣ, если у тебя что-нибудь болитъ, если тебѣ скучно...

— У меня ничего не болитъ, сестрица,—съ убійственною, недѣтскою покорностью отвѣтила Даша.

Катерина Александровна тяжело вздохнула и задумалась.

— Вы, цыпочка, не можете себѣ представить, что здѣсь за жизнь идетъ!— шептала, между тѣмъ, Марья Николаевна.—Это адъ, это адъ! Здѣсь всѣ притѣсняютъ, давятъ другъ друга. Я, кажется, не смотрѣла бы ни на кого: такъ противны мнѣ эти люди. У меня силъ не хватаетъ терпѣть эту жизнь!

— Развѣ вы думаете выйти въ отставку? Какъ же придумали жить?— съ оживленіемъ спросила Катерина Александровна, полагая, что Марья Николаевна додумалась до какихъ-нибудь новыхъ средствъ къ жизни.

— Нѣтъ! Чѣмъ же я стану жить? Вѣдь у меня ничего нѣтъ... Но здѣсь, котикъ, я умру, непремѣнно умру!

По лицу Катерины Александровны пробѣжала грустная и въ то же время насмѣшливая улыбка.

— Вотъ вы какая, милочка, вы смѣетесь, когда я страдаю!— упрекнула ее Марья Николаевна.

— Я не тому смѣюсь,— замѣтила Катерина Александровна.—Но вы такъ смѣшно сказали, что вы *здѣсь* умрете, какъ будто въ другомъ мѣстѣ вы не умерли бы.

— Попочка, я не то хотѣла сказать. Я хотѣла сказать, что я умру здѣсь прежде времени. Здѣсь вѣдь адъ, адъ!

— Гдѣ же лучше?— спросила Катерина Александровна, и на ея лицѣ снова отразилось выраженіе любопытства.

— Гдѣ?— растерянно переспросила Марья Николаевна.— Развѣ вы, киса, думаете, что вездѣ такъ же дурно жить?

Катерина Александровна нетерпѣливо пожала плечами.

— Я этого не думаю. Я сдѣлала этотъ вопросъ, чтобы узнать, куда бы вы хотѣли попасть, чтобы быть счастливою...

— Я, милочка, и сама не знаю, — наивно произнесла Марья Николаевна.—Я вѣдь совсѣмъ не знаю жизни... Ахъ, кисанька, сегодня былъ у насъ Рождественскій: какой онъ котикъ! Бука такой, оттопырилъ губы и исподлобья глядитъ, бяшка! У-у!

Катерина Александровна снова улыбнулась, но въ ея улыбкѣ промелькнуло легкое выраженіе презрѣнія.

Въ эту минуту позвонили къ ужину. Раздалось пѣніе дѣвочекъ, началась ѣда гречневой каши съ прогорклымъ масломъ и съ чернымъ хлѣбомъ, потомъ снова пѣніе и отходъ ко сну. Нѣжно поцѣловавъ свою сестру и холодно подставивъ свою щеку подъ страстные поцѣлуи Марьи Николаевны, Катерина Александровна пошла спать.

Въ домѣ водворилась полнѣйшая тишина: живые мертвецы размѣстились по своимъ постелямъ-могиламъ. Богъ знаетъ, какіе сны снились Зубовой, Марьѣ Николаевнѣ, Скворцовой, блѣдной маленькой Ивановой, поѣвшей и щей, и картофелю, и каши, несмотря на лихорадочное состояніе и головную боль. Но какъ бы ни были страшны и несбыточны ихъ сны,—эти ночныя грезы были, все-таки, менѣе призрачны, менѣе безсмысленны, менѣе дики, чѣмъ ихъ жизнь днемъ.

Домъ погрузился во мракъ и выглядѣлъ еще угрюмѣе, чѣмъ днемъ. Только въ четырехъ окнахъ на половинѣ Анны Васильевны горѣли яркіе огни. Здѣсь собралось веселое общество праздныхъ стариковъ и старухъ, и шла игра въ карты, за которою почти постоянно проводила вечера Анна Васильевна.

— Maman, а ты и не сказала мнѣ, что въ твоемъ вертоградѣ появилась новая гурія,—говорилъ Аннѣ Васильевнѣ господинъ съ довольно большими черными усами, наглыми масляными глазами и разбитными манерами.

Это былъ тридцатилѣтній сынъ Анны Васильевны, Александръ Ивановичъ Зоринъ.

— А ты уже успѣлъ разсмотрѣть? — засмѣялась Анна Васильевна, шутливо качая головой.

— Какъ же не разсмотрѣть? — воскликнулъ Александръ Ивановичъ. — Удивительно огненные глаза, черные, какъ ночь, волосы, поэтическая блѣдность лица...

— Пожалуйста, не входи въ подробности; я вѣдь знаю, до чего ты способенъ дойти. Пожалуйста, поменьше смотри на моихъ помощницъ,—игриво замѣтила Анна Васильевна, слегка ударивъ сына картами по лицу.—Я вѣдь тебя знаю!.. Все такой же шалунъ, какъ и прежде,—обратилась она къ

одному изъ партнеровъ, сѣдому старику съ воинственною физіономіей и Георгіемъ въ петлицѣ.

— Ну, ты ужъ и испугалась! — непріятнымъ смѣхомъ засмѣялся Александръ Ивановичъ.—А въ самомъ дѣлѣ, кто сія одалиска?

— Нищая какая-то. По протекціи гиреевской горничной заняла мѣсто помощницы,—съ пренебреженіемъ произнесла Анна Васильевна.—Успѣла уже сдѣлаться предметомъ обожанія этой старой дѣвы Постниковой.

— Ты все знаешь!—засмѣялся сынъ.

— Нельзя же не справляться, что дѣлается въ средѣ этихъ дѣвчонокъ.

— Тебѣ бы полкомъ командовать,—промолвилъ съ наглою ироніей Александръ Ивановичъ.

— Командовали, командовали, батюшка,—засмѣялся густымъ басомъ сѣдой господинъ.

— И все твой вѣрный плацъ-адъютантъ, Ольга Никифоровна, рапортуетъ?—продолжалъ ироническимъ тономъ Александръ Ивановичъ.

— Я ей очень благодарна, что она передастъ мнѣ, что дѣлается тамъ,—сухо промолвила Анна Васильевна и обратилась къ одной изъ игравшихъ съ нею дамъ.—Вы не можете себѣ представить, что это за вертепъ... У меня постоянно голова разболится, когда я тамъ пробуду хоть часъ.

— Ну, признайся, что ты никогда не пробовала тамъ пробыть часу,—засмѣялся сынъ, поддразнивая мать.

— Ахъ, Боже мой, не сидѣть же мнѣ цѣлый день между этими солдатками и будущими прачками.

— Уступи мнѣ свое мѣсто и, клянусь тебѣ гробами всѣхъ моихъ отцовъ, я никогда, ни на минуту не отлучусь отъ нихъ,—драматическимъ тономъ произнесъ сынъ.

— Ты все дуришь!—покачала головой мать, погрозивъ пальцемъ.

— Вы опасный человѣкъ!—смѣялась барыня, игравшая въ карты и очень радовавшаяся, что ей удалось во время разговора приписать сотню фишъ въ своихъ записяхъ за партнерами.

— Почему же опасный?—небрежно спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Ну, да, ну, да, ужъ сами знаете, почему.

— Ей-Богу не могу и представить, почему я опасенъ и даже для васъ,—пожалъ плечами Зоринъ.

— Потому что говоришь подъ руку! Я ремизъ вотъ

изъ-за тебя поставила, — сердито произнесла Анна Васильевна, чувствуя, что ея сынъ сейчасъ начнетъ грубить.

Еще долго шли въ ея гостиной подобные интересные разговоры. Но и на половинѣ дѣтей не всѣ спали. Тамъ не спала Катерина Александровна. Она, лежа на своей постели, прислушиваясь къ храпѣнію и бреду дѣтей, размышляла о своей судьбѣ и о судьбѣ своей семьи. Не очень веселы были ея духы.

II.

„Передайте сосѣду“ — старая игра въ ея примѣненіи къ управленію.

Уже прошло около двухъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ Катерина Александровна впервые переступила порогъ этого невеселаго дома, съ тѣхъ поръ, какъ впервые уснула въ общей спальнѣ подъ звуки дѣтскаго храпѣнья. Но только теперь она могла дать себѣ ясный отчетъ о той средѣ, о тѣхъ личностяхъ, среди которыхъ ей приходилось жить. Въ предшествовавшіе дни она ко всему присматривалась, прислушивалась, собирала обо всемъ свѣдѣнія,—теперь ей было вполнѣ ясно, какой мірокъ окружаетъ ее. Выводъ былъ не очень веселый, хотя въ то же время склонный къ юмору умъ дѣвушки и увидалъ, что все окружающее ее крайне нелѣпо, смѣшно и комично.

Пріютъ графовъ Бѣлокопытовыхъ былъ одною изъ сотенъ тяжелыхъ обузъ, оставленныхъ въ наслѣдство графу Дмитрію Васильевичу Бѣлокопытову и его родственникамъ однимъ изъ его предковъ. Этотъ предокъ когда-то получилъ въ теченіе пяти или шести лѣтъ до пятнадцати тысячъ душъ крестьянъ въ видѣ подарка. Онъ не могъ проживать всѣхъ получаемыхъ имъ оброковъ съ крестьянъ, несмотря на то, что онъ содержалъ сотню дворовыхъ людей, десятки музыкантовъ, множество любовницъ, цѣлыя своры собакъ, давалъ балы и обѣды на цѣлую губернію. Вслѣдствіе этого онъ задумалъ потѣшить себя новыми затѣями, настроилъ изъ крестьянскихъ денегъ богадѣленъ, пріютовъ, завелъ пансіонеровъ-бѣдняковъ и, дѣлая духовное завѣщаніе, поставилъ наслѣдникамъ въ обязанность продолжать начатыя имъ филантропическія затѣи. Шли годы, въ средѣ пансіонеровъ, въ богадѣльнѣ и въ пріютахъ попрежнему звучали молитвы за благодѣтелей, но сами благодѣтели были уже не тѣ и не такъ смотрѣли на своихъ прихлебателей, какъ ихъ предшественники. Дѣло въ томъ, что имѣніе дробилось, проку-

чивалось по частямъ; потомкамъ привередливаго богача дѣлалось все труднѣе и труднѣе поддерживать учрежденіе предка и выдавать, согласно завѣщанію послѣдняго, ежемѣсячныя пенсіи. Такія личности, какъ графъ Дмитрій Васильевичъ Бѣлокопытовъ и его сынъ, не только не гордились тѣмъ, что въ основной капиталъ разныхъ филантропическихъ учрежденій положены ихъ фамиліей десятки тысячъ, но просто раздражались, вспоминая, что на эти десятки тысячъ было бы еще возможно устроить порядочную оргію, подарить пару рысаковъ любовницѣ и, можетъ-быть, уплатить кое-какіе мелкіе долги разнымъ вахмистрамъ, унтеръ-офицерамъ, камердинерамъ и тому подобнымъ людямъ, очень безцеремонно требовавшимъ отдачи своихъ денегъ или прикрытія своихъ грабительскихъ продѣлокъ. Графъ Дмитрій Васильевичъ, принужденный выжимать изъ своихъ крестьянъ послѣдніе соки и все-таки не имѣвшій возможности свести концы съ концами, настолько ненавидѣлъ всѣ благотворительныя учрежденія, носившія его фамилію, что никогда не пользовался своимъ правомъ засѣдать вмѣстѣ съ своими родственниками въ комитетахъ, управлявшихъ дѣлами этихъ учрежденій. Большинство его родственниковъ мужчинъ смотрѣли на дѣло не лучше, и потому дѣлами учрежденій управляли главнымъ образомъ женщины—Дарья Федоровна Бѣлокопытова, Марина Осиповна Гиреева и тому подобныя личности.

Но у всѣхъ этихъ барынь было чрезвычайно мало свободнаго времени; онѣ должны были дѣлать и принимать визиты, ѣздить на офиціальные балы и обѣды, такъ какъ пропустить какой-нибудь балъ или обѣдъ было невозможно, не возбуждая толковъ о своихъ отношеніяхъ къ тѣмъ лицамъ, на чьемъ балу или обѣдѣ они вздумали бы не появиться; имъ приходилось проводить утренніе часы за разсматриваніемъ модныхъ матерій, привезенныхъ изъ англійскаго магазина, за примѣркою платьевъ, доставленныхъ отъ модистокъ, за просматриваньемъ счетовъ, принесенныхъ ихъ управляющими, и устройствомъ своихъ чисто семейныхъ дѣлъ. Эти барыни въ то же время занимались общественною дѣятельностью, засѣдали въ разныхъ филантропическихъ комитетахъ, посѣщали богадѣльни, пріюты и тюрьмы. Въ тюрьмѣ между арестантами Гиреева даже успѣла сдѣлаться популярною настолько, что однажды у нея тамъ вытащили на память изъ кармана кошелекъ и отрѣзали золотые часы. Кромѣ того, княгиня Гиреева, имѣвшая близкихъ родствен-

никовъ въ дипломатическомъ мірѣ, принимала живое и дѣятельное участіе въ судьбахъ Европы, переписывалась съ Гизо и Монталамберомъ и очень ревностно занималась вопросомъ о сближеніи англиканской церкви съ православною, видя возможность этимъ путемъ тѣсно связать Россію съ Америкой. Графиня Бѣлокопытова, хотя и была младенчески несвѣдуща въ политическихъ вопросахъ, но такъ же, какъ и Гиреева, заботилась о дѣлахъ православія; она вела дѣятельную переписку съ нѣсколькими архіереями, вводившими православіе между евреями, поляками, кавказскими народами и инородцами Сибири. Отказавъ себѣ въ самомъ необходимомъ, она пожертвовала для раздачи киргизамъ тысячу посеребренныхъ крестиковъ, нѣсколько тысячъ картинокъ духовнаго содержанія и сшила сто воздуховъ изъ собранныхъ ею у знакомыхъ поношенныхъ шелковыхъ платьевъ. Все это отнимало у Гиреевой и Бѣлокопытовой возможность управлять своими собственными благотворительными учрежденіями. Кромѣ того, эти женщины были отлично образованы, но почти безграмотны: Гиреева, хотя и переписывалась о судьбахъ Европы съ Гизо и Монталамберомъ, хотя и знала первыя четыре правила ариѳметики, но очень плохо умѣла писать по-русски и дѣлала довольно крупныя грамматическія ошибки. Дарья Федоровна, хотя и вела душеспасительную переписку съ разными архіереями, хотя и писала правильно по-русски съ тѣхъ поръ, какъ отбросила окончательно буквы *ѣ*, *э* и *ъ*, но зато она не знала даже первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики и приходила въ полнѣйшее смущеніе, когда ей нужно было свести самые несложные счеты. Особенно пугали ее дроби, и она никакъ не могла понять, какимъ образомъ $^1/_8$ можетъ быть меньше $^1/_7$.

Вслѣдствіе всего этого благотворительницы устроили цѣлую администрацію, цѣлый департаментъ управленія своими филантропическими учрежденіями. Здѣсь были попечители, казначеи, правители дѣлъ, секретари, писцы, взятые изъ того слоя общества, въ которомъ болѣе всего грамотныхъ людей, къ которому принадлежали дѣйствительный статскій совѣтникъ Боголюбовъ и докторъ Гроховъ, люди, дошедшіе отъ нищеты до благосостоянія при помощи труда, дѣйствительныхъ знаній и умѣнья удить рыбу въ мутной водѣ. Боголюбовъ и Гроховъ вертѣли дѣлами, представляли попечительницамъ невообразимо сложные отчеты съ точными указаніями на какія-нибудь израсходованныя $^2/_9$ частей копейки,

и попечительницы оставались вполнѣ спокойны, не умѣя провѣрять счетовъ и оставляя за собою только право посѣщать въ высокоторжественные или свободные дни свои пріюты и богадѣльни, опредѣлять туда дѣтей, стариковъ, помощницъ и начальницъ.

Но, доставляя отчеты барынямъ, Боголюбовы и Гроховы никогда не забывали, что для нихъ гораздо больше значенія имѣютъ опредѣлившіе ихъ на мѣста мужья и родственники этихъ барынь, чѣмъ сами барыни, и потому стремились сообразоваться въ своемъ управленіи дѣлами съ цѣлями мужской половины фамилій Бѣлокопытовыхъ и Гиреевыхъ. Стремленія же мужчинъ сводились къ одному: соблюсти формальную сторону и тратить какъ можно меньше денегъ на дѣло. Вслѣдствіе этого вся дѣятельность Боголюбовыхъ и Гроховыхъ направилась на то, чтобы въ уставахъ благотворительныхъ учрежденій появлялось какъ можно больше громкихъ и жалкихъ словъ для утѣшенія барынь и какъ можно меньше статей расходовъ для успокоенія мужчинъ. Такъ, въ уставѣ пріюта говорилось, что дѣтямъ должна даваться сытная и здоровая пища, по полуфунту говядины и по полутора фунта хлѣба въ день, два раза чай съ хлѣбомъ, ужинъ изъ одного блюда и тому подобное, а въ смѣтѣ значилось, что на воспитанницу отпускается только девять копеекъ въ сутки. Барыни восхищались словами о сытной и здоровой пищѣ, о полуфунтѣ говядины въ день и, вслѣдствіе отсутствія ариѳметическихъ знаній, никакъ не понимали, что на девять копеекъ нельзя приготовить обѣда, ужина и чая, если бы даже за говядину платилось только десять копеекъ за фунтъ. Мужчины пропускали безъ вниманія громкія фразы и выражали свое удовольствіе за то, что бюджетъ доведенъ до minimum'а. Въ бюджетѣ дѣйствительно появлялись очень интересныя статьи; такъ, напримѣръ, для 50 воспитанницъ на канцелярскія принадлежности, учебныя пособія и медикаменты отпускалось только 60 руб. въ годъ, на мыло и прачечныя потребности 50 руб. въ годъ; на одежу, обувь и бѣлье по 13 руб. на воспитанницу; на ѣду служителей по семь копеекъ въ день. Однимъ словомъ, Боголюбовы и Гроховы довели бюджетъ до того, что призрѣваемые умерли бы съ голода, если бы они не ѣли своей пищи, не пили своего кофе, не насыщались бы гдѣ-нибудь внѣ пріюта въ праздники. Конечно, администраторы не забыли себя и довольно щедро назначали суммы на ремонтъ зданія, на разъѣзды себѣ. Такъ, напримѣръ, за разъѣзды

Боголюбовъ получалъ до 350 рублей въ годъ и посѣщалъ пріютъ не болѣе какъ разъ въ мѣсяцъ! Мужская ловина фамилій Бѣлокопытовыхъ и Гиреевыхъ такимъ образомъ была вполнѣ довольна и всѣми силами старалась выводить въ люди Боголюбовыхъ и Гроховыхъ, платя этимъ дешевымъ способомъ за ихъ усердіе. Барыни тоже были въ восторгѣ и прославляли Боголюбовыхъ и Гроховыхъ за самоотверженныя заботы о бѣдныхъ, за служеніе на пользу бѣдныхъ людей безъ жалованья. Боголюбовы и Гроховы съ достоинствомъ несли званіе «друзей бѣдныхъ», съ благодарностью принимали то чинъ, то доходное мѣсто или награду отъ казны и благодушно предоставляли начальницамъ филантропическихъ учрежденій сводить концы съ концами изъ выдаваемыхъ по смѣтѣ суммъ.

Если Боголюбовымъ и Гроховымъ не легко было составлять уставы, удовлетворяя и барынь, и мужчинъ, то начальницамъ богадѣленъ и пріютовъ предстояла не менѣе трудная задача накормить на 9 копеекъ каждаго изъ призрѣваемыхъ. Однако, отъ кандидатокъ въ начальницы не было отбою. Это было, повидимому, странно. Но дѣло въ томъ, что кандидатки въ начальницы, какъ женщины, совершенно не умѣли разсчитать заранѣе, выгодно ли будетъ ихъ мѣсто; кромѣ того, онѣ знали, что старые уставы, составленные предкомъ Бѣлокопытовыхъ, назначали еще меньше денегъ на ѣду и что, несмотря на это, первыя правительницы не только сводили концы съ концами, но даже и наживались. «Если онѣ наживались, значитъ, и мы можемъ нажиться», разсуждали онѣ, не понимая того, что бюджеты старыхъ уставовъ были простою формальностью: въ пріюты и въ богадѣльни въ старые годы неслась и везлась провизія изъ деревень стараго Бѣлокопытова, и этой провизіи было столько, что призрѣваемые не могли ее истребить, и начальницы просто торговали ею. Мука, крупа, гуси, куры, медъ, сушеные грибы, все это было предметами торговли, и начальницы уподоблялись помѣщицамъ, собиравшимъ оброкъ со своихъ деревень. Теперь же провизіи, привозимой крестьянами Бѣлокопытовыхъ, не хватало и для самихъ господъ, такъ какъ они всѣ оброки перевели на деньги. Въ пріюты и богадѣльни не перепадало ничего. Учредитель этихъ благотворительныхъ заведеній постоянно присылалъ въ нихъ экстренныя суммы, теперь же Бѣлокопытовы старались всѣми силами только объ ограниченіи средствъ этихъ учрежденій и даже выставили кружки для сбора подаяній у прохожихъ; но прохожіе

шли своимъ путемъ, а кружки такъ и стояли пустыми. Только какой-то негоціантъ, жившій рядомъ съ пріютомъ и потерявшій счетъ деньгамъ, ежегодно, при полученіи изъ-за границы транспорта съ фруктами, присылалъ въ пріютъ ящикъ апельсиновъ. Но что значатъ апельсины тамъ, гдѣ недостаетъ хлѣба. При такомъ положеніи дѣлъ новымъ начальницамъ благотворительныхъ заведеній нечего было и думать о наживѣ. Приходилось, при поступленіи на мѣсто, заботиться только объ одномъ: чтобы не попасть въ долговое отдѣленіе.

Начальницы опредѣлялись на мѣста, какъ мы сказали, черезъ барынь, но очень хорошо знали, что имъ нужно болѣе всего дорожить благорасположеніемъ Боголюбовыхъ и Гроховыхъ, такъ какъ послѣдніе могли въ своихъ отчетахъ по волѣ и скрывать, и выставлять на видъ передержанныя суммы, утраченное бѣлье, разбитую посуду и тому подобное. Если начальницы успѣвали заслужить расположеніе Боголюбовыхъ и Гроховыхъ, то онѣ могли спокойно спать, такъ какъ не только не всплывали наружу никакіе изъ ихъ промаховъ, но даже плохое содержаніе дѣтей не могло броситься въ глаза барынямъ, при посѣщеніи ими своихъ филантропическихъ учрежденій. Боголюбовы и Гроховы, выпытавъ у барынь, когда онѣ посѣтятъ то или другое изъ этихъ учрежденій, давали знать излюбленнымъ начальницамъ о томъ, что нужно въ теченіе такихъ-то и такихъ-то дней быть наготовѣ и держать все въ чистотѣ и порядкѣ. Бѣлокопытовы и Гиреевы пріѣзжали, находили чистое бѣлье на постеляхъ, чистую одежду на дѣвочкахъ или призрѣваемыхъ старцахъ, чистыя щи и свѣжее масло,—и успокаивались, выразивъ свое удовольствіе начальницамъ.

Начальницы, по большей части, выбирались изъ вдовъ полковниковъ и подполковниковъ, изъ женщинъ, воспитывавшихся въ институтахъ, прожившихъ въ довольствѣ половину жизни, игравшихъ роль важныхъ барынь и вслѣдствіе того не сумѣвшихъ скопить гроша на черный день. Богадѣльня или пріютъ, ввѣренные ихъ надзору, должны были сдѣлаться въ сущности филантропическими пристанищами и для нихъ самихъ. Но—увы!—теперь въ этихъ учрежденіяхъ шло все наоборотъ, и вмѣсто теплаго мѣстечка женщины попадали въ ловушку, доводившую ихъ до окончательнаго разоренія. Именно въ такомъ положеніи находилась и Анна Васильевна Зорина.

Ея мужъ былъ когда-то адъютантомъ покойнаго князя

Гиреева; она была ловкою полковою дамой. Въ ея домѣ молодежь высшаго круга не находила ни холодной сдержанности аристократическихъ салоновъ, ни буржуазнаго скопидомства чиновнической среды, ни мужицкой неразвитости купеческаго круга. Здѣсь можно было подъ конецъ веселой пирушки разстегнуть нижнюю пуговицу у мундира и завести интрижку на пару дней съ хозяйкой; здѣсь можно было напиться и насытиться, не отравляя себя рублевымъ лафитомъ и начиненными капустой гусями; здѣсь можно было говорить на чистомъ французскомъ языкѣ, говорить о литературѣ, объ общественной жизни, о театрахъ и балахъ, а не о бѣлой арапіи и не о небесныхъ знаменіяхъ. Хозяева жили сегодняшнимъ днемъ, никогда не вспоминая о томъ прошломъ, когда у нихъ, быть-можетъ, не было хлѣба, и не думая о будущемъ, когда имъ, быть-можетъ, придется ходить съ протянутою рукой. Мужъ и жена не стѣсняли другъ друга и не спрашивали, почему онъ бросаетъ нѣжные взгляды на жену ротнаго командира, а она слишкомъ часто принимаетъ къ себѣ новоиспеченнаго прапорщика. Шли годы; у Анны Васильевны уже было нѣсколько взрослыхъ дѣтей, имѣвшихъ поразительное сходство съ офицерствомъ того полка, гдѣ служилъ ея мужъ; у нея было еще болѣе сѣдыхъ волосъ и морщинъ, и при этомъ совершенно не было денегъ. Ея мужъ умеръ, дослужившись до чина подполковника, умеръ скоропостижно въ день ревизіи; говорятъ, что при ревизіи оказался большой недочетъ во ввѣренныхъ ему суммахъ, но полкъ не задумался ни на минуту и заплатилъ за Зорина недостающія деньги: это было вполнѣ благородно, такъ какъ нужно же было отплатить товарищу за его пиры и за любезность его жены. Но Анна Васильевна все-таки была безъ средствъ къ жизни и должна была кормить не только себя, но и своего старшаго сына. Этотъ сынъ былъ enfant terrible Анны Васильевны. Онъ воспитывался въ корпусѣ, когда его семья вела еще разгульную жизнь; онъ рано сдѣлался сердцеѣдомъ и любимцемъ полковыхъ дамъ; мать восхищалась баловнемъ, вспоминая свою молодость; иногда она журила его за кутежи, но онъ цѣловалъ ручку милой maman, напоминалъ ей имена какихъ-то прапорщиковъ; maman трепала его по щекѣ, произносила «шалунъ, шалунъ», и миръ заключался снова; все шло отлично до того рокового дня, когда Зоринъ-père окончилъ смертію свою жизнь. Въ этотъ день Зоринъ-fils остался безъ всякой поддержки и значительно потерялъ цѣну въ глазахъ своихъ

кутящихъ собратьевъ. Ему пришлось кутить на чужой счетъ: этого, какъ честный дворянинъ, онъ не могъ дѣлать, по крайней мѣрѣ, покуда съ непривычки. Не раздумывая о томъ, что привыкнуть можно ко всему, даже и къ кутежамъ на чужой счетъ, онъ вышелъ въ отставку и переселился къ своей матери. Жить на ея счетъ не значило жить на чужой счетъ: съ родными церемоніи и счеты обыкновенно отбрасываются въ сторону. Отставной полковой пѣтухъ и отставная полковая барыня — на что они годятся? Въ надзиратели и въ надзирательницы за чьей-нибудь нравственностью, самое лучшее. По крайней мѣрѣ, такъ думаютъ у насъ.

Именно подобное назначеніе и было дано Аннѣ Васильевнѣ; Гиреева дала ей мѣсто начальницы въ пріютѣ Бѣлокопытовыхъ. Мать и сынъ зажили мирно: мать окружила себя тѣснымъ кружкомъ отставныхъ и необѣдневшихъ полковыхъ кутилъ и барынь и жила воспоминаніями за пульками преферанса; сынъ, будируя на несправедливую судьбу, ѣдко подсмѣивался надо всѣмъ и всѣми, лѣниво позѣвывалъ въ обществѣ стариковъ, говорилъ либеральныя фразы о безплодной дѣятельности у насъ, въ Россіи, и дѣлалъ глазки горничнымъ, сознавая, что для нихъ онъ еще сохранилъ въ себѣ достаточную дозу обаятельной прелести и что здѣсь его дѣятельность, навѣрное, принесетъ плоды.

А управленіе пріютомъ?

— Ахъ, эти дѣвчонки мнѣ такъ надоѣли!—говорила Анна Васильевна.—Это какія-то дѣти вертеповъ и омутовъ. Я просто теряю съ ними голову. И что же я могу подѣлать съ ними? Я даже накормить ихъ не могу. Ихъ надо накормить на какія-нибудь девять копескъ. Вѣдь этихъ денегъ намъ съ Александромъ на булки не хватило бы... Ну, и пришлось опять сдѣлать передержку!..

Вслѣдствіе этого Анна Васильевна, не желая подъ конецъ жизни разстраивать своихъ нервовъ и портить своего характера, предоставила надзоръ за дѣтьми помощницамъ и заботилась только о томъ, чтобы дѣтямъ позволяли пить свой кофе, ѣсть свои булки и чтобы въ праздники отпускались къ родителямъ всѣ воспитанницы, хотя по уставу отпускать дѣтей къ родителямъ позволялось только въ томъ случаѣ, если родители этихъ дѣтей извѣстны начальницѣ за порядочныхъ людей. Хозяйственная часть всецѣло передалась въ руки кухарки, горничной и швейцара, такъ какъ эти люди умѣли лучше Анны Васильевны купить тухлую

говядину, горькое масло, сырыя еловыя дрова и тому подобные дешевые предметы, дававшіе возможность соблюсти экономію, свести концы съ концами. Анна Васильевна—надо ей отдать справедливость—еще могла волноваться, видя, какою отравой кормятъ дѣтей; но прислуга давно уже потеряла эту способность; вслѣдствіе этого Анна Васильевна не выходила въ кухню и столовую въ то время, когда избранные ею отравители спокойно дѣлали свое дѣло. Иногда отравляемые возмущались; иногда они слишкомъ безцеремонно вырывали другъ у друга куски хлѣба; порою, проскользнувъ передъ ужиномъ въ столовую, похищали весь поданный картофель, не оставивъ своимъ менѣе ловкимъ ближнимъ ничего,—въ эти минуты все трудное дѣло усмиренія бунтующихъ взваливалось на помощницъ.

Но что же могли сдѣлать помощницы?

Знаете ли вы, что значитъ помощница?

Это—нуль, носящій какое-нибудь женское имя.

Я не встрѣчалъ въ жизни ни одного болѣе жалкаго созданія, чѣмъ классныя дамы, помощницы и тому подобныя дѣвственницы закрытыхъ учебныхъ заведеній. Монахиня выноситъ свою затворническую жизнь, убиваетъ свою плоть во имя убѣжденія; бѣднякъ терпитъ свою нужду, вѣчно питая надежду на лучшее будущее. Ни того, ни другого нѣтъ у этихъ жалкихъ существъ для возбужденія ихъ энергіи. Эти женщины поступаютъ на свои мѣста не потому, что онѣ любятъ дѣтей, не потому, что онѣ любятъ дѣло воспитанія, но потому, что у нихъ нѣтъ куска хлѣба, нѣтъ возможности и умѣнья заработать этотъ кусокъ хлѣба какимъ-нибудь инымъ способомъ. По большей части эти дѣвушки поступаютъ на свои мѣста въ томъ возрастѣ, когда женщина теряетъ надежду на замужество. Онѣ, уже при поступленіи на свои мѣста, носятъ въ себѣ порядочный запасъ разочарованій, желчи, разстройства нервовъ, и всѣ эти задатки начинаютъ здѣсь развиваться все сильнѣе и сильнѣе И днемъ, и ночью эти женщины не принадлежатъ себѣ. Ежеминутно имъ приходится усмирять дѣтей, смотрящихъ на нихъ непріязненно. Ежеминутно онѣ должны опасаться выговоровъ начальницы, въ глазахъ которой классная дама или помощница отвѣчаетъ и за свои ошибки, и за продѣлки дѣтей. Даже въ такъ-называемый свободный день классная дама не принадлежитъ себѣ: въ ея комнаткѣ, помѣщенной между дортуарами, почти не могутъ быть приняты гости, не только мужчины, но даже и женщины, такъ какъ на-

чальница станетъ косо смотрѣть на ту изъ своихъ помощницъ, у которой часто бываютъ собранія. Здѣсь ярче всего проглядываетъ различіе взглядовъ общества на мужчину и женщину. Гувернеръ можетъ быть женатымъ человѣкомъ,—классная дама или помощница не можетъ быть замужнею; гувернеръ можетъ въ своей квартирѣ принимать не только мужчинъ, но и женщинъ: онъ можетъ устраивать въ ней не только обѣды, но и оргіи,—классная дама или помощница не только не имѣетъ права принимать мужчинъ у себя, но даже не имѣетъ квартиры: ей отводится комната около спальни дѣтей; по большей части даже ея кровать помѣщается не въ ея комнатѣ, а въ спальнѣ дѣтей, такъ что она не имѣетъ возможности даже въ ночномъ затишьѣ остаться безъ свидѣтелей. Классная дама или помощница окружена шпіонами; за ней слѣдятъ дѣти, большинство которыхъ, ненавидя ее и не имѣя никакихъ жизненныхъ вопросовъ, пристращается къ сплетнѣ; за нею слѣдитъ прислуга, желающая выслужиться передъ начальницей; за нею слѣдятъ ея подруги, или завидующія ей, если она моложе ихъ, или ненавидящія ее, если она старше ихъ; за ней слѣдитъ начальница, стремящаяся поддерживать въ своемъ учебномъ заведеніи чистѣйшую нравственность. Среди этой сплошной сѣти шпіоновъ и враговъ, несчастная женщина не имѣетъ даже отрадной надежды, что ея положеніе есть только переходная ступень къ лучшей жизни. Нѣтъ, классная дама или помощница знаетъ, что ея положеніе не можетъ измѣниться къ лучшему никогда, что оно будетъ длиться до гробовой доски, что если оно и смѣнится, то смѣнится мѣстомъ въ какой-нибудь богадѣльнѣ. О замужествѣ ей ничего и думать: она—старая дѣва. А что же можетъ быть въ глазахъ пошлаго свѣта смѣшнѣе, чѣмъ старая дѣва! Холостякъ—это человѣкъ, который не хотѣлъ выбрать жены, который дорожилъ болѣе всего волей, который отличался очень вкусомъ и потому не нашелъ равной себѣ женщины. Онъ можетъ гордиться тѣмъ, что онъ остался холостъ. Старая дѣва—это созданіе, отъ котораго отворачивались всѣ мужчины, которому никто не хотѣлъ предложить своего сердца, съ которымъ никто не хотѣлъ связать своей судьбы,—это залежавшій товаръ. Она или стыдится своего положенія, или негодуетъ на весь свѣтъ, въ которомъ она является какимъ-то пятымъ колесомъ, ненужною спицей. Еще сильнѣе отчуждается старая дѣва отъ всего живого, попадая въ воспитательное заведеніе. Среди замкнутой отъ остального свѣта

жизни, среди рокового сознанія, что ихъ жизнь не измѣнится, эти созданія лишаются всякаго пониманія дѣйствительныхъ интересовъ, дѣлаются крайними идеалистками, привязываются—такъ какъ въ нихъ еще жива неудовлетворенная потребность любви—къ какому-нибудь одному существу платоническою любовью; въ ихъ характерѣ появляется что-то дѣтское, что-то идіотичное, что-то напоминающее разжиженіе мозга. Кто долго вращался въ этомъ мірѣ, кто знакомъ съ его внутреннею закулисною жизнью коротко и близко, тотъ знаетъ, что въ домашнемъ языкѣ этихъ женщинъ появляются даже такія слова, которыхъ вы не встрѣтите нигдѣ: «пупенька», «киса», «кисочка», «котикъ», «бяшка», «бяка», «цыпа», «цыпенька», «цыпулька» и тому подобные претящіе эпитеты даются другъ другу этими женщинами, иногда давно уже пережившими свои роковыя тридцать лѣтъ. Даже ихъ обоюдные поцѣлуи—хотя это замѣчаніе и покажется смѣшнымъ—звучатъ совершенно иначе, чѣмъ поцѣлуи простыхъ смертныхъ,—въ нихъ есть что-то приторное, что-то тошнотворное:—это медленные, сочные поцѣлуи; эти женщины скорѣе лижутся, чѣмъ цѣлуются. Пробыть въ ихъ интимномъ кругу нѣсколько времени невыносимо, отвратительно... Впрочемъ, это заповѣдный для общества міръ, и только случай можетъ дать простому смертному возможность проникнуть въ этотъ міръ весталокъ.

Долгія наблюденія непремѣнно заставятъ наблюдателя раздѣлить этихъ женщинъ на четыре разряда: къ первому разряду принадлежатъ забитыя, безмолвныя, отупѣвшія созданія съ вѣчными нервными болями, флюсами, слезами, страдающія малокровіемъ и кого-нибудь обожающія,—это овцы, идущія на закланіе; ко второму принадлежатъ желчныя личности, ѣдко смѣющіяся, иногда злобно остроумныя, вѣчно огрызающіяся, сухія и нѣсколько желтыя; къ третьему разряду принадлежатъ толстыя, полнокровныя, заплывшія жиромъ женщины, словно лишенныя нервовъ, вѣчно сплетничающія, роющія другимъ яму, имѣющія видъ не то базарныхъ торговокъ, не то оставившихъ свое ремесло и сколотившихъ гроши содержанокъ; къ четвертому разряду причисляются женщины, поступившія на подобныя мѣста только для того, чтобы пріискать поскорѣй другое положеніе; эти люди сидятъ здѣсь, какъ на станціи, какъ въ клѣткѣ, ожидая, когда передъ ними распахнется дверь ихъ временной тюрьмы. Да не обманетъ судьба ихъ надеждъ!

Въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ были двѣ помощ-

ницы до вступленія въ него Катерины Александровны. Одна изъ нихъ была Марья Николаевна Постникова, забитое и больное существо, вѣчно дрожавшее за свою участь, вѣчно обожавшее кого-нибудь, вѣчно переходившее отъ слезъ къ поцѣлуямъ, отъ страха къ безпредметнымъ надеждамъ. Другая помощница была Ольга Никифоровна Зубова,—нѣчто въ родѣ куска мяса. Она могла бы ужиться во всякомъ положеніи, торговать на Сѣнной вареными картофелемъ или гнилыми апельсинами, содержать домъ терпимости, быть смотрительницей въ тюрьмѣ, состоять сидѣлкой при больномъ, исполнять должность палача. Ѣда примирила бы ее со всякимъ положеніемъ, и во всякомъ положеніи она занималась бы только однимъ—шпіонствомъ. Шпіонство, по ея внутреннему убѣжденію, было единственнымъ средствомъ стать выше всѣхъ равныхъ съ нею. Шпіонствомъ она держала всѣхъ равныхъ себѣ и низшихъ въ страхѣ; шпіонствомъ она выслуживалась передъ высшими. Она шпіонствовала съ любовью, съ веселымъ лицомъ, съ юморомъ. Предметовъ для шпіонства у нея было неограниченное число; рѣзкая фраза, сказанная про высшихъ лицъ, и слишкомъ кокетливый нарядъ, невинный поцѣлуй двухъ дѣвушекъ и записочка, переданная учителю, невнимательно положенный крестъ во время молитвы и слишкомъ громкій смѣхъ двухъ шепчущихся личностей,—все это принималось къ свѣдѣнію и передавалось кому слѣдуетъ.

Къ этимъ двумъ личностямъ присоединилась и Катерина Александровна въ качествѣ третьей помощницы. Тотчасъ же по вступленіи въ этотъ міръ она подверглась обожанію Марьи Николаевны и мелкимъ нападеніямъ Ольги Никифоровны, старавшейся открыть какую-нибудь слабую сторону въ новенькой помощницѣ.

Катерина Александровна не привыкла къ дружбѣ и была очень сильно занята своими планами, а потому не могла отвѣчать ни на страстные поцѣлуи Марьи Николаевны, ни на придирки Ольги Никифоровны. Она держала себя холодно, неприступно и всматривалась въ окружающую ее жизнь. Въ ту безсонную ночь, когда мы застаемъ ее въ пріютѣ, она уже вполнѣ сознавала, что это мѣсто въ пріютѣ, эта постель въ общей спальнѣ будутъ только станціей, временнымъ помѣщеніемъ для нея. Она видѣла, что не Гиреева, не Боголюбовъ, не начальница, не помощницы ведутъ здѣсь хозяйственныя дѣла, а въ сущности швейцаръ, кухарка, прачка и вообще прислуга. Они распоряжаются закупкой

провизіи; они изобрѣтаютъ дешевые обѣды; они же берегутъ бѣлье, посуду и тому подобное, или способствуютъ уничтоженію этихъ предметовъ. Но кромѣ хозяйственной части эти люди захватили въ свои руки право наблюденія за нравственностью живущихъ въ пріютѣ: они наблюдаютъ и за дѣтьми, и за помощницами и передаютъ прислугѣ Боголюбова, Грохова, Гиреевой обо всемъ происходящемъ въ домѣ. При помощи сплетенъ этихъ личностей Гиреева, Бѣлокопытова, Гроховъ, Боголюбовъ и сама Анна Васильевна узнаютъ все, что случается въ пріютѣ. Подвергнуться опалѣ этихъ лицъ—значитъ навлечь на себя непріятности со стороны властей. Катерина Александровна поняла, что ея дѣятельность должна ограничиться однѣми полицейскими обязанностями, что она не могла принести никакой пользы воспитанницамъ, такъ какъ не отъ нея зависѣло измѣнить ихъ пищу или дать имъ лучшее образованіе, или внести разнообразіе въ ихъ жизнь. Она видѣла, что и ей самой никогда не освоиться съ поцѣлуями и слезами Марьи Николаевны, съ ехидною злобой Ольги Никифоровны или съ холоднымъ пренебреженіемъ Анны Васильевны. Она начала задумываться о томъ, что предпринять, какъ выйти изъ этого мірка пошлости и глупости. Покуда въ ея головѣ еще не было никакого опредѣленнаго плана объ исходѣ, но она уже начинала убѣждать себя въ томъ, что она вырвется отсюда при первой возможности, и въ ея отношеніяхъ ко всѣмъ непріятностямъ новаго положенія начало проглядывать невозмутимое спокойствіе. Такъ обыкновенно встрѣчаютъ люди жизненныя невзгоды, когда они твердо убѣждены, что эти невзгоды пройдутъ. Въ ея взглядѣ на все происходившее кругомъ явился оттѣнокъ юмора. Она съ улыбкой слушала колкости Зубовой и слезливыя изліянія Шостниковой; она безъ раздраженія выносила презрительные взгляды Анны Васильевны и даже не оскорбилась, какъ сынъ Анны Васильевны назвалъ ее «милочкой». Молодая дѣвушка еще не знала, какъ тяжело будетъ ей сохранять хладнокровіе и спокойствіе, когда непріятности и обиды будутъ длиться не день, не два, а цѣлые мѣсяцы и, можетъ-быть, года. Но покуда она еще не падала духомъ. Ея поведеніе отчасти озадачивало окружающихъ, и они уже начинали смотрѣть на Катерину Александровну подозрительными глазами, стараясь узнать, не имѣетъ ли она какихъ-нибудь слишкомъ близкихъ и важныхъ благодѣтелей, связь съ которыми даетъ ей возможность не бояться никого. Всѣ знали что ее опре-

дѣлила на мѣсто графиня Гиреева, всѣ видѣли, что однажды къ ней на минуту заѣхала Глафира Васильевна, и потому предположеніямъ не было конца.

— Она тамъ съ прислугой княгини, кажется, знакома,— замѣтила какъ-то Анна Васильевна Зубовой, дѣлая пренебрежительную гримасу.

Зубова поняла, что нужно сейчасъ же навести справки.

— Вы, милая Катерина Александровна, давно знакомы съ Глафирой Васильевной?—спросила какъ бы мелькомъ Зубова, дѣлая самое невинное лицо.—Вѣрно, мамаша ваша дружна была съ ней?

— Нѣтъ, матушка не была дружна съ ней,—отвѣтила Катерина Александровна.

— Такъ это вашего покойнаго батюшки знакомство?

— Отецъ ея не зналъ...

— Неужели! А она такъ любитъ васъ, такъ любитъ; вѣрно, вы выросли подъ ея тепленькимъ крылышкомъ?

Катерина Александровна улыбнулась.

— Я росла въ своей семьѣ,—отвѣтила она.

Зубова начинала сердиться.

— Странно что-то. Не знакомы, никогда не видали друга друга, а между тѣмъ она справляться о васъ, какъ о дочери, пріѣзжала!

Катерина Александровна ничего не отвѣтила.

— Вы ужъ очень скрытныя,—некстати проворчала Зубова.

— Это вамъ такъ кажется,—засмѣялась Катерина Александровна.—Мнѣ нечего разсказывать, потому я и молчу.

Вечеромъ Марья Николаевна таинственно шептала Катеринѣ Александровнѣ:

— Кисочка, у васъ, вѣрно, есть какая-нибудь тайна.

— Тайна?—удивилась Катерина Александровна.

— Ну да. Утромъ вы такъ ловко увернулись отъ отвѣтовъ этой противной Зубовой. Я сейчасъ же поняла, что вы не хотите, чтобы знали о вашихъ отношеніяхъ къ княгинѣ.

— Марья Николаевна, вы ничего не поняли,—промолвила Катерина Александровна.—Мои отношенія къ княгинѣ ограничиваются тѣмъ, что я воспитывалась въ ея школѣ, потомъ попросила у нея мѣста и была опредѣлена сюда.

Марья Николаевна надула свои блѣдныя губы.

— Отъ меня-то, кажется, не для чего скрывать,—воскликнула она. — Вы холодная, холодная! Я васъ такъ люблю, такъ обожаю...

— За что же, Марья Николаевна? Вы такъ мало меня знаете.

— Неприступная! — нахмурилась Марья Николаевна и сдѣлала дѣтски-обиженное лицо.

Въ тотъ же вечеръ Зубова говорила Аннѣ Васильевнѣ:

— Прилежаева-то не черезъ служанку княгини попала къ намъ въ помощницы. Ее, кажется, знаетъ сама княгиня. Это просто къ намъ шпіона подослали.

— Ну и пускай подсылаютъ!—раздражительно промолвила Зорина.—Мнѣ нечего бояться. Я съ княгиней сама знакома; мы домами знакомы!

— Да я вѣдь знаю, Анна Васильевна. Не станетъ же княгиня васъ ровнять съ какой-нибудь дѣвчонкой,—простодушно замѣтила Зубова.—Конечно, можетъ-быть, эта дѣвчонка и станетъ сплетничать на васъ, да не повѣритъ же ей княгиня.

— Что сплетничать-то?—раздражалась снова Зорина.

— Конечно, нечего!—успокоила ее Зубова.—Разумѣется, можно выдумать что-нибудь, да вѣдь это все пустяки. Если она и станетъ разсказывать, что у васъ живетъ добрѣйшій Александръ Ивановичъ, то вѣдь это будетъ пустая сплетня. Княгиня сама можетъ убѣдиться, что онъ не у васъ прописанъ, что онъ только въ гости къ вамъ ходитъ.

— Что же вы думаете, что ужъ и сыну запретятъ ходить къ матери!—воскликнула Анна Васильевна.

— Какъ можно, какъ можно! Это ни съ чѣмъ не сообразно! — распиналась Ольга Никифоровна.—Разумѣется, эта дѣвчонка не постыдится утверждать, что онъ у васъ безвыходно живетъ, что онъ только для виду прописанъ на другой квартирѣ.

— Да она развѣ объ этомъ что-нибудь говорила?

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорила. Но все же, знаете, ужъ сейчасъ видно, что она подъ насъ подкопаться хочетъ.

— Ну, мы еще посмотримъ, кто кого выживетъ отсюда. Я не люблю, чтобы за мною слѣдили!—твердо промолвила Зорина.

— Конечно, конечно, у васъ связи-то покрѣпче!—успокоила ее Зубова.

Обѣ женщины обманывали другъ друга. Зубова намекала на незаконное житье Александра Ивановича у матери для того, чтобы дать понять Аннѣ Васильевнѣ, что и она, Зубова, видитъ очень хорошо грѣшки начальницы и только по своей преданности молчитъ о нихъ. Анна Васильевна гордо замѣтила, что никто не можетъ запретить сыну бывать у матери, но въ глубинѣ души начала сильно трево-

житься, вполнѣ сознавая, что не сегодня, такъ завтра до Гиреевой и до Бѣлокопытовой могутъ дойти слухи о пребываніи мужчины въ женскомъ пріютѣ, и что, пожалуй, не только ея Александру придется оставить свою мать, но и самой матери трудно будетъ усидѣть на мѣстѣ.

Катерина Александровна, конечно, и не подозрѣвала, что ее считаютъ шпіономъ княгини, что ея боятся, но она ясно видѣла, что съ ней обращаются какъ-то странно. Она не понимала, почему къ ней пристаютъ съ разспросами Зубова и Постникова, почему Зорина говоритъ при ней особенно многозначительнымъ тономъ о своей силѣ, о томъ, что подъ нее трудно подкопаться, что ее уже пробовали сжить съ мѣста нѣкоторые люди, но сами слетали съ мѣстъ прежде нея. Если бы Катерина Александровна знала всѣ тайныя причины этихъ сценъ, то ей показались бы еще смѣшнѣе всѣ эти жалкія, пошлыя и глупыя личности.

Смотря на нихъ, молодая дѣвушка сознавала одно то, что она не уживется съ ними, что ей тяжело между ними, и вслѣдствіе этого сознанія стремилась вырваться изъ ихъ среды хотя на время, въ свободные дни, вырваться въ свой уголокъ, къ матери. Этотъ бѣдный уголокъ начиналъ дѣлаться ей особенно дорогимъ, особенно милымъ, и молодая дѣвушка употребила всѣ свои усилія, чтобы въ немъ дышалось легко и свободно всѣмъ, кто заходилъ въ него отдохнуть, а въ особенности маленькой Дашѣ, начинавшей не на шутку безпокоить старшую сестру своею блѣдностью и недѣтскою серьезностью.

III.

Затишье.

Марья Дмитріевна нанимала небольшую квартиру во второмъ этажѣ деревяннаго дома, противъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Этотъ домъ уцѣлѣлъ до сихъ поръ. Въ квартиру вели довольно крутая лѣстница и галлерея. Помѣщеніе состояло изъ трехъ комнатъ, кухни и темной передней. Двѣ комнаты выходили окнами на улицу; окна третьей комнаты и кухни выходили на галлерею. Марья Дмитріевна не могла оставить за собою все это помѣщеніе и потому отдавала двѣ комнаты жилицамъ, оставивъ себѣ третью. Эта комната была въ два окна, довольно свѣтлая.

При взглядѣ на эту комнату можно было сейчасъ же замѣтить, что чья-то заботливая женская рука трудилась надъ ея убранствомъ. Дешевенькая, подержанная мебель была

чиста и подновлена; на подоконникахъ красовались горшки съ дешевыми гераніями и бѣлыми китайскими розами; на окнахъ висѣли простенькія, но чистыя занавѣси изъ кисеи; на столѣ была разостлана бѣлая вязанная салфетка. Все это было бѣдно, крайне просто, но какое праздничное чувство разлилось въ душѣ Катерины Александровны, когда она окончательно обставила этотъ уголокъ.

— Ну, мама, теперь и ты будешь жить, какъ люди!— говорила она, цѣлуя свою слабую, безпомощную мать.

— Пошли тебѣ Господь силы, Катюша!—промолвила въ отвѣтъ Марья Дмитріевна.—Тяжело тебѣ будетъ насъ содержать.

— И, мама, что за тяжело? Всѣ работать будемъ...

— Будемъ, будемъ, Катюша,— вздохнула Марья Дмитріевна.—Что-то Господь пошлетъ въ награду.

И дѣйствительно, мать и дочь принялись усердно за работу. Онѣ и прежде не сидѣли сложа руки, но теперь работа спорилась лучше. Катерина Александровна была спокойнѣе, зная, что у нея есть обезпеченное жалованье, двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ. Изъ этихъ денегъ она отдавала половину матери, половину оставляла себѣ на мелкіе расходы или откладывала для того, чтобы скопить кое-какіе гроши на образованіе брата. Въ свободные дни она занималась шитьемъ бѣлья дома или въ пріютѣ и заработанныя деньги тоже дѣлила на двѣ части, отдавая одну часть матери и оставляя другую у себя. Ея лицо въ эти дни дышало спокойствіемъ, энергіею и веселостью. Она была убѣждена, что, такъ или иначе, несмотря на всѣ непріятности, испытываемыя въ пріютѣ, она дойдетъ до своей цѣли, спасетъ свою семью, выведетъ на хорошую дорогу этихъ слабыхъ людей. Молодость дѣлала свое дѣло и гнала всѣ черныя предчувствія, всѣ мрачныя думы. Не съ такою твердою вѣрой въ свѣтлое будущее, но тѣмъ не менѣе спокойно принялась за свое дѣло и Марья Дмитріевна. Она впервые почувствовала, что послѣ долгихъ лѣтъ страданій и она стала жить, какъ люди, не въ собачьей конурѣ, не въ подземномъ погребѣ. Ей нечего было безпокоиться о платѣ за квартиру, такъ какъ на это доставало ея небольшой пенсіи и платимыхъ ея жилицами денегъ за двѣ комнаты. Ей оставалось работать, чтобы добыть на кусокъ хлѣба. Деньги, даваемыя Катериною Александровною, шли на мелкіе расходы и, главнымъ образомъ, на воскресные обѣды, когда въ квартирѣ Марьи Дмитріевны собирались младшіе члены

семьи. Мать отказывала себѣ во всемъ, чтобы получше накормить дѣтей въ праздникъ. Она тоже засѣла за шитье бѣлья.

Въ полнѣйшей тишинѣ, въ невозмутимомъ безмолвіи шила она по цѣлымъ днямъ, предоставивъ своимъ жилицамъ почти въ полное владѣніе кухню, гдѣ былъ едва замѣтенъ суповой горшокъ самой квартирной хозяйки. Жилицы не могли достаточно нахвалиться своей хозяйкой, ея спокойствіемъ, ея кротостью. Вообще Марья Дмитріевна принадлежала къ числу тѣхъ запуганныхъ людей, которые, своими отношеніями къ ближнимъ, какъ бы говорятъ: «Моя изба съ краю, ничего не знаю; лишь бы меня не тронули, а ужъ я никого не задѣну». Она заботилась только о томъ, чтобы ей не мѣшали сидѣть въ ея тепломъ углу.

Кому случалось заниматься въ одиночествѣ съ утра до ночи ручнымъ шитьемъ, тотъ знаетъ, какъ постепенно разыгрывается среди этого занятія воображеніе человѣка, какъ сильно начинаетъ работать мысль. Одинокая швея шьетъ, а воображеніе рисуетъ передъ нею одну за другою картины прошлаго, воскрешаетъ давно исчезнувшія лица, давно промелькнувшія сцены, уноситъ ее въ далекій, далекій міръ, гдѣ солнце свѣтитъ ярче, гдѣ люди—уже полузабытые люди—смотрятъ ласковѣе, гдѣ самое горе—уже давно пережитое горе — имѣетъ какую-то необъяснимую прелесть. Стоитъ въ эти минуты пригрѣть теплымъ лучамъ солнца бѣдную труженицу, стоитъ гдѣ-нибудь въ отдаленіи заиграть тоскливой шарманкѣ или зачирикать какой-нибудь птицѣ,— и эти картины станутъ еще ярче, еще поэтичнѣе. И вдругъ кто-нибудь хлопнетъ дверью въ сосѣдней комнатѣ, кто-нибудь крикнетъ на улицѣ,— работница приходитъ въ себя, съ недоумѣніемъ осматривается кругомъ: все пусто, все тихо и только лучи солнца, прорвавшись сквозь тусклыя стекла окна, играютъ на полу, на стульяхъ и столахъ. Еще минута—и швея снова шьетъ, шьетъ, а ея мысль уже занята вопросами: «отчего это жизнь сложилась такъ, что въ ней радости нѣтъ? Не будетъ ли лучше въ будущемъ? Не приближается ли это будущее?» Мысль снова работаетъ, снова носится далеко отъ жалкой каморки, гдѣ проходятъ рабочіе часы. Порой воображеніе разыгрывается такъ сильно, такъ горячо охватитъ душу, что съ языка невольно льется пѣсня, тихая, мурлыкающая пѣсня швеи, составившаяся изъ отдѣльныхъ строфъ, выхваченная изъ разныхъ поэтовъ, порой сложившаяся въ головѣ самой работницы. Въ этихъ

мечтахъ и думахъ есть много прелести, много поэзіи; только онѣ спасаютъ работницу отъ одуряющей скуки и отупѣнія, неизбѣжныхъ при однообразіи труда. Эти мечты знавала когда-то и Марья Дмитріевна, и теперь онѣ снова охватили ее. Сколько разъ уносилась она теперь къ той порѣ, когда она была дѣвочкой, когда она, сиротка, росла, пригрѣвшись подъ крыломъ доброй богомольной старухи-тетки, среди подругъ, такихъ же, какъ она сама, небогатыхъ мѣщаночекъ небольшого уѣзднаго города. Низенькія комнаты, съ старинною тяжелою мебелью, ослѣпительно бѣлыя скатерти на столахъ, десятки теплящихся въ углахъ лампадъ, темные образа, пяльцы съ натянутымъ бархатомъ и вышиваемыми золотыми цвѣтами, небольшой садикъ, золотошвейная работа въ будни, стоянье у обѣдни утромъ въ праздники, дѣвичье веселье по вечерамъ въ воскресные дни, сидѣнье за воротами или игра въ горѣлки, гаданье въ Рождество, торжественная тишина великаго поста, говѣнье и исповѣдь съ крупными слезами за мелкіе, мелкіе грѣхи,— все это такъ же ярко воскресало въ памяти Прилежаевой, какъ тотъ теплый весенній день, когда она шла за гробомъ скоропостижно-умершей тетки, рыдая и не зная, куда приклонить голову,—когда она осталась на свѣжей насыпи могилы, забытая всѣми и не желающая идти къ ненавидѣвшимъ ее жаднымъ родственникамъ покойной тетки,—когда къ ней подошелъ молодой «приказный» Александръ Захаровичъ Прилежаевъ... Давно онъ засматривался на ея цвѣтущее, кроткое и милое лицо, давно хотѣлъ просить ея руки, но не смѣлъ, зная, что Маша слыветъ за богатую невѣсту, за единственную наслѣдницу старой тетки. Теперь это уже была не богатая наслѣдница, а такая же нищая, какъ онъ. Теперь онъ могъ смѣло жениться на ней... И вспоминались Марьѣ Дмитріевнѣ и первые дни любви и счастья, и рожденіе перваго ребенка... Все мрачнѣе и мрачнѣе становились воспоминанія: нищета, пьянство мужа, непосильный трудъ, безсонныя ночи... Кажется, этой тьмѣ и конца не будетъ; но вотъ слышится чей-то ласковый лепетъ, раздаются чьи-то дѣтскіе поцѣлуи, кто-то шепчетъ: «чего же ты плачешь, мамочка... я хлѣба достала!» Это говоритъ Катя; это она ласкается къ матери; это ея поцѣлуи осушаютъ слезы и вызываютъ улыбку бѣдной женщины. И все ярче и ярче обрисовывается образъ этого ангела-хранителя матери, этой няньки младшихъ дѣтей, этой властительницы семьи. «Спаси ее, Господи, охрани ее подъ щи-

томъ Своимъ!» шепчутъ блѣдныя губы Марьи Дмитріевны, и, очнувшись отъ думъ, озирается она кругомъ: въ комнатѣ пусто и тихо. Ея сердце сжимается: ей грустно, что съ нею нѣтъ дѣтей. «Что-то они дѣлаютъ? Когда-то они придутъ домой? Что у насъ сегодня? Пятница, кажется? Завтра, значитъ, придутъ вечеромъ. Къ чаю буду ждать. Да здоровы ли, не провинились ли—храни ихъ, Господи!—въ чемъ-нибудь? Въ воскресенье-то пирожокъ изготовлю. Антоша, батюшка мой, любитъ пирожки. Охъ, что-то изъ него, моего родного, выйдетъ. Добрый онъ у меня мальчуга. Пошли ему, Господи, счастья! Кабы выросъ, обучился всему, служить бы сталъ, всѣхъ бы насъ пригрѣлъ. Вздохнули бы мы. Даша-то вотъ только меня пугаетъ—блѣдная, печальная все такая. Не жилица она у меня. И то сказать: тяжело ей въ чужомъ мѣстѣ. Вонъ Миша—тотъ что! Бойцомъ такимъ сталъ: съ нимъ и не справишься!» И безконечною нитью тянутся снова думы Марьи Дмитріевны, думы о дѣтяхъ, объ ихъ будущемъ. Она живетъ не своею жизнью; она живетъ ихъ радостями и печалями, ихъ надеждами и ихъ опасеніями. Не будь ихъ, она, можетъ-быть, не стала бы работать, взяла бы посохъ въ руки, надѣла бы котомку за плечи и пошла бы, побираясь Христовымъ именемъ, куда-нибудь на богомолье, отмаливать свои грѣхи и грѣхи своего покойнаго мужа... А вотъ и суббота пришла. Марья Дмитріевна сидитъ и шьетъ, но шьетъ тревожно, часто поглядываетъ на часы. Время идетъ такъ медленно! Наконецъ-то бьетъ пять часовъ! Марья Дмитріевна оставляетъ работу, прячетъ ее въ комодъ и начинаетъ прибирать въ комнатѣ. Но въ комнатѣ и безъ того все прибрано, все въ порядкѣ. Марья Дмитріевна стираетъ пыль, но пыли почти нигдѣ нѣтъ; она хочетъ оправить салфетку, занавѣски, но все это оправлено, все выглядитъ по-праздничному; кажется, вся эта мебель, всѣ эти чистенькіе листья цвѣтовъ говорятъ бѣдной женщинѣ: «Мы ужъ давно готовы къ принятію твоихъ дѣтей; что же они не идутъ?» «Въ самомъ дѣлѣ, что же они не идутъ?»—мелькаетъ мысль въ головѣ Марьи Дмитріевны. Она поспѣшно накидываетъ на голову платокъ, надѣваетъ салопчишко и выходитъ.

— Куда это вы, Марья Дмитріевна?—спрашиваетъ одна изъ жилицъ, нанимающая комнату, выходящую окномъ на галлерею.

— За ворота: посмотрѣть хочу, не идутъ ли наши. Запоздали что-то,—отвѣчаетъ Марья Дмитріевна.

Она выходитъ за ворота и смотритъ въ ту сторону, откуда должны были придти дѣти. На улицѣ темно, фонари едва горятъ; все тихо, только въ ближней кузницѣ ярко сверкаетъ огонь и раздается стукъ молота. Вотъ кто-то идетъ около сосѣдняго дома,—Марья Дмитріевна спѣшитъ навстрѣчу. Нѣтъ, это не Катя! Опять ожиданіе. Опять кто-то двигается по тротуару.

— Катюша, это ты?—окликаетъ Марья Дмитріевна.

— Мама, здравствуй!—отзывается ласковый знакомый голосъ.

Марья Дмитріевна бросается къ дочерямъ, цѣлуетъ Катерину Александровну, цѣлуетъ Дашу.

— Ты, мама, шла куда-нибудь по дѣлу?—спрашиваетъ Катерина Александровна.

— Да, Катюша... въ лавочку шла,—лжетъ Марья Дмитріевна.—Только такъ, не очень нужно было... Я ворочусь... И завтра куплю, что надо.

— А то ты иди, если нужно.

— Нѣтъ, нѣтъ, Катюша! такъ... соли прихватить хотѣла,—защищается Марья Дмитріевна отъ предложенія идти въ лавку.

Она теперь никуда не пойдетъ, ни на минуту не оставитъ своихъ дѣтей. У нея наступаетъ такой великій праздникъ: воскресенье. Это не просто седьмой день въ недѣлѣ; нѣтъ, это воскресенье для матери ея дѣтей.

Путники входятъ въ квартиру.

— Какъ у васъ, мамочка, тепло!—тихо говоритъ Даша, видимо довольная теплomъ.

Даша все болѣе и болѣе начинаетъ походить лицомъ на мать; даже въ ея манерахъ, въ ея тихомъ голосѣ есть что-то общее съ матерью.

— Грѣйся, грѣйся, голубка, у своей мамы,—цѣлуетъ ее Марья Дмитріевна.—Вотъ тутъ куколки твои спрятаны. Играй, маточка. Я пойду самоварчикъ поставлю. Антоша сейчасъ придетъ съ Мишей. Озябли они, поди, въ уксусныхъ-то шинелишкахъ.

— Я, мамочка, буду чашки собирать съ сестрицей,—тихо произноситъ Даша.

— Ну, хозяйничай, хозяйничай, большая хозяйка! — смѣется мать и мелкими шажками бѣжитъ въ кухню.

Проходитъ минутъ двадцать. Марья Дмитріевна уже разъ пять успѣла взглянуть на «галдарейку», посмотрѣть, не

идутъ ли дѣти. Вдругъ на галлереѣ раздается шумный, шаловливый дѣтскій топотъ.

— Идутъ, идутъ наши воеводы! — восклицаетъ Марья Дмитріевна.

Черезъ минуту въ комнатѣ уже раздаются голоса Антона и Минни, слышится смѣхъ Катерины Александровны, шумитъ самоваръ на столѣ. Марья Дмитріевна забываетъ о своей чашкѣ съ чаемъ, забываетъ обо всемъ и только любуется дѣтьми, только подкладываетъ имъ ломти «ситнаго хлѣба» и подливаетъ чаю.

— Что, у васъ хорошо въ школѣ?—спрашиваетъ Катерина Александровна у Антона.

— Какое хорошо! — отвѣчаетъ онъ. — Кормятъ тухлятиной, всѣ ходятъ, какъ мухи осенью; учителя почти не бываютъ, только козлиную бороду и видимъ, да деремъ горло за пѣніемъ. А ужъ пуще всего одолѣлъ насъ этотъ тамбуръ. Пропадай онъ совсѣмъ!

— Какой тамбуръ? — спрашиваетъ Катерина Александровна.

— Вязанье такое есть, тамбуромъ называется,—поясняетъ Антонъ.

— Это, знаешь, такое — что ни клади, все провалится,— бойко смѣется Минна, очевидно повторяющій слышанную имъ остроту.

— Да развѣ вы вяжете?

— А нешто нѣтъ? Вяжемъ? Я тамбуромъ, а Минька чулочницей сталъ, чулки вяжетъ.

— Вотъ дурятъ-то!—говоритъ Катерина Александровна, пожимая плечами.

— Это, Катюша, какъ въ мое время у помѣщиковъ дворовыхъ людей пріучали чулки вязать, чтобы они не спали,— кротко замѣчаетъ Марья Дмитріевна.

— Ну, а такъ ничего, не притѣсняютъ? — спрашиваетъ Катерина Александровна у Антона.

— Нѣтъ, ничего! Только одолѣла меня наша помощница поцѣлуями. Жметъ, точно нутро выдавить хочетъ. Желтая, какъ воскъ, смотритъ, а туда же, какъ коза, скачетъ. Ужъ я когда-нибудь ей носъ откушу.

— Это Марья Николаевна вѣрно, — тихо соображаетъ Даша.

— Какая Марья Николаевна?—съ удивленіемъ спрашиваетъ Антонъ.

— Постникова: она у насъ тоже помощница.

Катерина Александровна смѣется и разсказываетъ, что

Марья Николаевна тоже такая, желтая, худая и постоянно всѣхъ цѣлуетъ и сжимаетъ въ объятіяхъ. Марья Дмитріевна тоже смѣется.

— Ахъ ты, глупушка, глупушка, что выдумала,—произноситъ она, цѣлуя Дашу.—Ты думаешь, что худая да желтая только и есть одна Марья Николаевна.

Чаепитіе продолжается довольно долго. Наконецъ Катерина Александровна подымается съ мѣста.

— Идешь ужъ, Катя?

— Пора!

— Завтра-то придешь?

— Приду, приду!

— И что это вамъ ночевать не позволяютъ дома?

— Дѣтей нельзя однихъ оставить въ спальнѣ.

— А ужъ какъ бы я тебя уложила, голубка,—говоритъ Марья Дмитріевна, словно пытаясь узнать, не соблазнится ли и не останется ли на ночь Катерина Александровна.

— Да, мама, я и сама съ охотой ночевала бы дома. Неудобно спать тамъ. Ну, да будемъ когда-нибудь и въ своемъ углу спать.

Катерина Александровна торопливо прощается съ семьей и уходитъ. Антонъ выбѣгаетъ проводить ее до воротъ. Еще съ часъ идутъ толки и разсказы въ квартирѣ Марьи Дмитріевны. Потомъ всѣ ложатся спать, и позже всѣхъ ложится сама Марья Дмитріевна. Поставивъ опару, она опускается на колѣни и тихо молится. «Не оставь, Господи, дѣтей Своихъ. Благослови сиротъ малыхъ!»—шепчетъ она. Благоговѣйно, любовно осѣняетъ она крестнымъ знаменіемъ своихъ дѣтей, спящихъ на одной постелѣ, и, налюбовавшись на нихъ, выходитъ изъ-за ширмъ и ложится на диванъ съ покойнымъ сердцемъ, съ просвѣтленнымъ лицомъ. Такъ сладко спитъ Марья Дмитріевна только разъ въ недѣлю. Для этихъ минутъ она готова перенести всѣ лишенія, всю скуку остальныхъ дней недѣли.

Рано поднимается она въ воскресенье; заглянувъ на дѣтей, она спѣшитъ въ кухню. Черезъ нѣсколько минутъ къ ней присоединяется и Антонъ. Онъ, по старой привычкѣ, помогаетъ матери класть дрова въ печку; онъ колетъ ей подтопки, ставитъ самоваръ.

— Вотъ работника себѣ новаго наняла,—шутитъ Марья Дмитріевна, обращаясь къ жилицамъ, появившимся съ кофейниками въ кухнѣ.

— Я думаю, жалованья много потребуетъ,—такъ же шутливо замѣчаетъ одна изъ жилицъ.

— Нѣтъ, покуда изъ хлѣбовъ держу, — смѣется Марья Дмитріевна.

Еще нѣсколько минутъ—и въ квартирѣ слышится топотъ шалуна Миши, около подола матери жмется молчаливая Даша.

— А, и старушка наша встала.—смѣются жилицы, встрѣчая Дашу.

Ее уже всѣ успѣли прозвать старушкой.

Утро летитъ быстро; приходитъ Катерина Александровна, садится за шитье; дѣти играютъ; въ двѣнадцать часовъ подаютъ обѣдъ.

— Что-то сегодня придутъ ли наши?—замѣчаетъ Марья Дмитріевна послѣ обѣда.

— Вѣрно придутъ, погода хорошая,—рѣшаетъ Катерина Александровна.

— А и далеко же они живутъ. И что за охота была подъ Невскій забраться. То ли бы дѣло, если бы сюда перебрались.

— Я думаю, они и переѣдутъ въ наши края: здѣсь воздухъ тоже чистый.

— Ужъ на что лучше! И жизнь тоже здѣсь. Въ будни-то, Катюша, иногда я просто засмотрюсь на юнкарей, какъ они играютъ у себя въ саду. Ну, тоже и рабочій народъ здѣсь цѣлый день мимо ходитъ къ Лихтенбергскому. Тутъ же и къ Митрофанію...

Но Марья Дмитріевна не оканчиваетъ своей похвальной рѣчи, заслышавъ шаги на галлереѣ и стукъ деревяжки.

— Ну, вотъ и наши! — произноситъ она и идетъ навстрѣчу гостямъ. Эти гости—Флегонтъ Матвѣевичъ Прохоровъ и два краснощекіе, неловкіе юноши съ добродушными лицами и открыто смотрящими глазами. Это сыновья Флегонта Матвѣевича, воспитывающіеся въ корпусѣ; одному пятнадцать, другому четырнадцать лѣтъ; одного Флегонтъ Матвѣевичъ зоветъ Александромъ Македонскимъ, другого—Иваномъ-воиномъ. Другихъ различій между ними почти нѣтъ, если не считать сильнымъ различіемъ то, что одинъ ростомъ въ два аршина пять вершковъ, а другой—въ два аршина пять съ половиною вершковъ. У обоихъ былъ отличный аппетитъ; у обоихъ были очень развиты мускулы; у обоихъ была способность садиться на стулья такимъ образомъ, что стулья трещали; у обоихъ былъ даръ громко и задушевно

смѣяться, быть въ гостяхъ, какъ дома, и въ то же время совершенно теряться, краснѣть до ушей, не понимать своихъ словъ, при появленіи незнакомаго лица и, въ особенности, при появленіи женщины или офицера. Глядя на этихъ юношей, не трудно было сразу опредѣлить, что изъ нихъ можетъ выйти. Это были непочатыя, цѣльныя и несложныя натуры. Если преобладающимъ вліяніемъ въ ихъ жизни будетъ грубая физическая сила, суровая дисциплина, затворническое прозябаніе среди казармъ—изъ нихъ выйдутъ грубые этапные начальники, чуждающіеся среды умственно развитыхъ личностей, свободно дышащіе только среди своихъ загрубѣлыхъ собратьевъ, дико сторонящіеся отъ всякой хотя нѣсколько развитой женщины и кончающіе женитьбой на какой-нибудь бабѣ, которая будетъ бѣгать имъ за водкой, будетъ не только выносить ихъ побои, но, при случаѣ, и сама станетъ укладывать ихъ спать послѣ попойки съ помощью своихъ здоровыхъ кулаковъ. Если же въ ихъ молодой жизни возьметъ верхъ смягчающее и грѣющее вліяніе добрыхъ и сочувствующихъ имъ личностей, изъ нихъ выйдутъ, можетъ-быть, неособенно геніальные, но честные работники; это будутъ добрые малые, которые хотя и не выдумаютъ пороху, но сумѣютъ приготовить не только этотъ порохъ, но и пушку, изобрѣтенную болѣе развитыми умственно, но менѣе ихъ способными къ физическому тяжелому труду, людьми; они не только осуществятъ идеи этихъ болѣе развитыхъ людей, но и подставятъ за нихъ грудь, лягутъ за нихъ костьми. Теперь это были еще взрослыя дѣти. Они съ перваго дня знакомства сошлись съ семьей Прилежаевыхъ и каждое воскресенье неизмѣнно тащили своего отца къ своимъ новымъ знакомымъ. Здѣсь они чувствовали себя вполнѣ свободными; ихъ забавляло, что Миша щеголяетъ въ ихъ тесакахъ; ихъ веселило, что Даша любитъ покачаться на ихъ широкихъ ногахъ; имъ было очень пріятно засѣсть со всею компаніей за игру въ дураки и мельники; имъ было такъ хорошо, когда Марья Дмитріевна угощала ихъ чаемъ и говорила имъ: «Да вы, батюшки, разстегните мундирчики: здѣсь все свои; Катюша не осудитъ». Послѣдняя фраза прибавлялась всегда, потому что и Иванъ-воинъ, и Александръ Македонскій, при предложеніи Марьи Дмитріевны разстегнуть мундирчики, краснѣли и бросали смущенные взгляды на Катерину Александровну. Только ея согласіе давало имъ смѣлость разстегнуть двѣ нижнія пуговицы у мундировъ, и при этомъ по лицу юношей разливалась яркая краска. Во-

обще ихъ отношенія къ Катеринѣ Александровнѣ были совершенно иными, чѣмъ ихъ отношенія къ другимъ членамъ прилежаевской семьи. Каждый разъ, отвѣчая на вопросы Катерины Александровны, юноши вскакивали съ мѣстъ, какъ бы желая предварительно распаркаться передъ нею. Довольно было молодой дѣвушкѣ поискать что-нибудь глазами, чтобы оба брата, толкая другъ друга и роняя стулья, бросились на поиски за понадобившеюся ей вещью. Но самый сильный восторгъ возбудила Катерина Александровна въ молодыхъ сердцахъ въ тотъ памятный имъ день, когда она однажды обратилась къ Антону и сказала ему:

— Подержи-ка мотокъ: я размотаю нитки.

— Позвольте-съ, я подержу, вскочилъ съ мѣста Александръ Македонскій.

— Ты не умѣешь, лучше я подержу, — перебилъ его Иванъ-воинъ.

Возникъ споръ.

— Ну, такъ держите оба,— засмѣялась Катерина Александровна.

Юноши подняли руки и находились въ совершенномъ блаженствѣ, когда маленькіе пальчики Катерины Александровны касались ихъ могучихъ рукъ, надѣвая на нихъ мотокъ нитокъ. Глядя на нихъ въ эту минуту, можно было подумать, что они присягаютъ вѣрой и правдой служить молодой дѣвушкѣ.

— Вы очень высоко держите нитки,— замѣтила Катерина Александровна.

— Позвольте-съ... Вы не разсердитесь? — пробормотали братья, переглянувшись между собою.

— За что?

— Мы на колѣни встанемъ...

— Вставайте... только устанете, — засмѣялась молодая дѣвушка.

— Ничего-съ, мы привыкли! съ увлеченіемъ воскликнули молодые люди и всплыхнули до ушей.

Въ комнатѣ раздался смѣхъ, но братья уже стояли на колѣняхъ передъ Катериной Александровной и ощущали такое блаженство, что не слыхали смѣха или не могли понять его значенія. Къ величайшему ихъ восторгу, нитки были спутаны, и Катеринѣ Александровнѣ поминутно приходилось касаться рукъ своихъ покорныхъ рабовъ.

— Вы не будете у насъ на балу?—умильно спросилъ

Александръ Македонскій, бросивъ многозначительный взглядъ на брата.

— Нѣтъ, гдѣ же мнѣ по баламъ ѣздить,—разсмѣялась Катерина Александровна.

— Жаль, право жаль!—вздохнулъ Иванъ-воинъ.

— Отчего же? Тамъ и безъ меня весело будетъ.

— Да-съ... Только вы...—началъ Александръ Македонскій и смолкъ, потупивъ свои добродушные сѣрые глаза.

— Что я?

— Вы первыя были бы тамъ,—прошепталъ сконфуженный кадетъ.

— Каковъ, каковъ!—воскликнулъ Флегонтъ Матвѣевичъ.— Отдерите-ка его за вихоръ, чтобы не любезничалъ.

— Руки заняты!—засмѣялась Катерина Александровна.

— Нѣтъ-съ, это вы потому не дерете, что вамъ меня жалко,—промолвилъ довольно храбро Александръ Македонскій.

— Ну, вотъ еще выдумали!

— Право, такъ-съ! Ну докажите, что не жалко,—еще смѣлѣе настаивалъ юноша.

— Не хочу!

— Нѣтъ, пожалуйста!

— Ахъ, вотъ привязались! Ну вотъ вамъ!

Катерина Александровна тихонько дернула Александра Македонскаго за вихоръ и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, онъ словилъ и горячо поцѣловалъ ея руку.

— Ахъ, Саша, что вы шалите: нитки всѣ спутали!— проговорила она ласковымъ тономъ.

Юноша торжествовалъ. Онъ не только впервые поцѣловалъ эту дорогую, милую руку, но впервые же слышалъ, что его назвала Сашей эта чудная, эта восхитительная дѣвушка.

— Вотъ-то счастливый ты!—говорилъ Иванъ-воинъ, когда оба юноши возвращались въ корпусъ.—Я бы, кажется, Богъ знаетъ, что далъ, чтобы поцѣловать ея руку.

Съ этого дня братья окончательно сдѣлались рабами Катерины Александровны и не только помогали ей разматывать нитки, подавали воду, держали ея шитье, чтобы ей ловчѣе было шить, но даже во время игры въ карты подсасовывали ей козырей и оставались за нее мельниками и дураками. Чѣмъ чаще видѣлись двѣ семьи, тѣмъ сильнѣе настаивали юноши, чтобы отецъ переѣхалъ куда-нибудь поближе къ Прилежаевымъ. Однажды Флегонтъ Матвѣевичъ замѣтилъ Марьѣ Дмитріевнѣ:

обще ихъ отношенія къ Катеринѣ Александровнѣ были совершенно иными, чѣмъ ихъ отношенія къ другимъ членамъ прилежаевской семьи. Каждый разъ, отвѣчая на вопросы Катерины Александровны, юноши вскакивали съ мѣстъ, какъ бы желая предварительно распарекаться передъ нею. Довольно было молодой дѣвушкѣ поискать что-нибудь глазами, чтобы оба брата, толкая другъ друга и роняя стулья, бросились на поиски за понадобившеюся ей вещью. Но самый сильный восторгъ возбудила Катерина Александровна въ молодыхъ сердцахъ въ тотъ памятный имъ день, когда она однажды обратилась къ Антону и сказала ему:

— Подержи-ка мотокъ: я размотаю нитки.

— Позвольте-съ, я подержу, — вскочилъ съ мѣста Александръ Македонскій.

— Ты не умѣешь, лучше я подержу, — перебилъ его Иванъ-воинъ.

Возникъ споръ.

— Ну, такъ держите оба,— засмѣялась Катерина Александровна.

Юноши подняли руки и находились въ совершенномъ блаженствѣ, когда маленькіе пальчики Катерины Александровны касались ихъ могучихъ рукъ, надѣвая на нихъ мотокъ нитокъ. Глядя на нихъ въ эту минуту, можно было подумать, что они присягаютъ вѣрой и правдой служить молодой дѣвушкѣ.

— Вы очень высоко держите нитки,— замѣтила Катерина Александровна.

— Позвольте-съ... Вы не разсердитесь? — пробормотали братья, переглянувшись между собою.

— За что?

— Мы на колѣни встанемъ...

— Вставайте... только устанете, — засмѣялась молодая дѣвушка.

— Ничего-съ, мы привыкли!—съ увлеченіемъ воскликнули молодые люди и вспыхнули до ушей.

Въ комнатѣ раздался смѣхъ, но братья уже стояли на колѣняхъ передъ Катериной Александровной и ощущали такое блаженство, что не слыхали смѣха или не могли понять его значенія. Къ величайшему ихъ восторгу, нитки были спутаны, и Катеринѣ Александровнѣ поминутно приходилось касаться рукъ своихъ покорныхъ рабовъ.

— Вы не будете у насъ на балу?—умильно спросилъ

Александръ Македонскій, бросивъ многозначительный взглядъ на брата.

— Нѣтъ, гдѣ же мнѣ по баламъ ѣздить,—разсмѣялась Катерина Александровна.

— Жаль, право жаль!—вздохнулъ Иванъ-воинъ.

— Отчего же? Тамъ и безъ меня весело будетъ.

— Да-съ... Только вы...—началъ Александръ Македонскій и смолкъ, потупивъ свои добродушные сѣрые глаза.

— Что я?

— Вы первыя были бы тамъ,—прошепталъ сконфуженный кадетъ.

— Каковъ, каковъ!—воскликнулъ Флегонтъ Матвѣевичъ.—Отдерите-ка его за вихоръ, чтобы не любезничалъ.

— Руки заняты!—засмѣялась Катерина Александровна.

— Нѣтъ-съ, это вы потому не дерете, что вамъ меня жалко,—промолвилъ довольно храбро Александръ Македонскій.

— Ну, вотъ еще выдумали!

— Право, такъ-съ! Ну докажите, что не жалко,—еще смѣлѣе настаивалъ юноша.

— Не хочу!

— Нѣтъ, пожалуйста!

— Ахъ, вотъ привязались! Ну вотъ вамъ!

Катерина Александровна тихонько дернула Александра Македонскаго за вихоръ и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, онъ словилъ и горячо поцѣловалъ ея руку.

— Ахъ, Саша, что вы шалите: нитки всѣ спутали!—проговорила она ласковымъ тономъ.

Юноша торжествовалъ. Онъ не только впервые поцѣловалъ эту дорогую, милую руку, но впервые же слышалъ, что его назвала Сашей эта чудная, эта восхитительная дѣвушка.

— Вотъ-то счастливый ты!—говорилъ Иванъ-воинъ, когда оба юноши возвращались въ корпусъ.—Я бы, кажется, Богъ знаетъ, что далъ, чтобы поцѣловать ея руку.

Съ этого дня братья окончательно сдѣлались рабами Катерины Александровны и не только помогали ей разматывать нитки, подавали воду, держали ея шитье, чтобы ей ловчѣе было шить, но даже во время игры въ карты подтасовывали ей козырей и оставались за нее мельниками и дураками. Чѣмъ чаще видѣлись двѣ семьи, тѣмъ сильнѣе настаивали юноши, чтобы отецъ переѣхалъ куда-нибудь поближе къ Прилежаевымъ. Однажды Флегонтъ Матвѣевичъ замѣтилъ Марьѣ Дмитріевнѣ:

— Знаете ли, почтеннѣйшая Марья Дмитріевна, какой у меня превосходный планъ созрѣлъ въ головѣ?

— Право, батюшка, не знаю.

— А вотъ, я вамъ сообщу. Мы бобыли, насъ дурно кормятъ. Положимъ, я кой-какъ недѣльку перебьюсь одинъ, поѣмъ разной дрызготни, но въ воскресный день хотѣлось бы чего-нибудь этакаго получше поѣсть. Ну, тоже и мои герои любятъ поѣсть по-геройски.

— Это такъ, батюшка. Ужъ когда же и купать, какъ не въ ихъ возрастѣ,—со вздохомъ произнесла Марья Дмитріевна.—Мы, старые люди, какъ-то такъ святымъ духомъ живемъ.

— Ну, такъ вотъ-съ, я и надумалъ. Возьмите-ка насъ на хлѣба на воскресные дни.

— И-и, батюшка, да чего же объ этомъ и говорить!— воскликнула Марья Дмитріевна.—Вѣдь наши двери для васъ, кажется, никогда не заперты.

— А! это другое дѣло! — возразилъ Флегонтъ Матвѣевичъ.—Въ гости ходить къ ближнему или объѣдать ближняго— двѣ вещи розныя. Мы не богачи какіе-нибудь, чтобы столъ держать для приходящихъ...

— Да, какъ же это, батюшка?

— А такъ же, добрѣйшая моя, Марья Дмитріевна, — перебилъ ее штабсъ-капитанъ.—Условимтесь насчетъ платы и конецъ весь.

— Да мнѣ, право, совѣстно!

Штабсъ-капитанъ началъ исчерпывать свои доказательства. Какъ извѣстно, доводы штабсъ-капитана были его тяжелой артиллеріей и запасъ его выстрѣловъ былъ неистощимъ. Онъ могъ осаждать и штурмовать непріятельскую крѣпость въ теченіе цѣлыхъ часовъ и, когда крѣпость сдавалась, воинъ продолжалъ еще пальбу, торжествуя побѣду и какъ бы желая показать, что онъ далеко еще не истребилъ всѣхъ своихъ зарядовъ. Такъ было и теперь. Несмотря на то, что Марья Дмитріевна совершенно невольно разыграла роль Коробочки, не понимающей, какъ можно брать съ знакомаго, съ гостя деньги за хлѣбъ-соль,—штабсъ-капитанъ все-таки вышелъ побѣдителемъ. Условившись въ цѣнѣ съ Марьей Дмитріевной и отирая со лба обильно катящійся потъ, онъ продолжалъ, уже ради собственной потѣхи, разсуждать на тему, что «иначе и быть не могло», что «это вполнѣ разумно и практично», что «дружба дружбой, а денежка счетъ любитъ».

Съ этой поры штабсъ-капитанъ сталъ забираться по воскреснымъ днямъ съ своими сыновьями съ утра къ Прилежаевымъ. Все тѣснѣе и тѣснѣе сближался небольшой кружокъ бѣдныхъ людей. Иногда въ воскресные вечера, по желанію Катерины Александровны, общество начало мѣнять карты на книгу: читались вслухъ романы; былъ прочтенъ «Юрій Милославскій», «Ледяной домъ»; Александръ Македонскій досталъ гдѣ-то Гоголя и прочелъ, чередуясь съ братомъ, «Мертвыя души». Чтенія не были скучны, такъ какъ въ это время штабсъ-капитанъ строилъ домики изъ картъ для Миши и Даши, иногда отпускалъ остроты и дѣлалъ замѣчанія по поводу читавшихся произведеній, которыя, какъ оказалось, были очень хорошо извѣстны ему, перечитавшему на своемъ вѣку множество книгъ, впрочемъ, больше «философскаго содержанія», какъ онъ выражался; Марья Дмитріевна во время литературныхъ занятій вязала чулокъ, вздыхала, иногда отирала слезы при чтеніи патетическихъ мѣстъ романовъ и вообще принимала такое участіе въ участи героевъ, что порою выказывала явное намѣреніе научить того или другого героя уму-разуму и, видя его окруженнымъ врагами, замѣчала: «да ужъ развязался бы онъ съ ними лучше; недаромъ говорится: отойди отъ зла и сотвори благо». Это, впрочемъ, не мѣшало Марьѣ Дмитріевнѣ выбѣгать въ кухню, распоряжаться по хозяйству и иногда шопотомъ вступать въ продолжительные разговоры съ штабсъ-капитаномъ. За чтеніемъ обыкновенно слѣдовалъ чай, смѣхъ и усиленный говоръ послѣ долгаго молчанія.

Дѣти Марьи Дмитріевны замѣтно росли, развивались, и въ ихъ характерахъ уже стали проглядывать своеобразныя черты. Нѣсколько мѣсяцевъ жизни въ кругу новыхъ людей не прошли безслѣдно надъ ними. Антонъ уже не былъ тѣмъ молчаливымъ дикаремъ, какимъ мы видѣли его въ первыя минуты нашего знакомства съ нимъ. Поступивъ въ «школу для бѣдныхъ сиротъ», гдѣ дѣла шли не лучше, чѣмъ въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ, онъ скоро почувствовалъ скуку. Вставать по звонку, сидѣть большую часть дня за вязаньемъ, гулять въ строю воспитанниковъ, пѣть духовныя пѣсни, защищаться отъ сорванцовъ-товарищей, подставлять свое лицо подъ поцѣлуи отжившей желтой помощницы, протягивать руку подъ удары линейкой, расточаемые другой помощницей, не смѣть сдѣлать ни одного шагу безъ дозволенія, — все это было невыносимо для мальчика, привыкшаго къ физическому труду и къ самостоятельной жизни

мощницъ, парапалъ на грифельной доскѣ буквы и цифры. Хорошенькій и добрый ребенокъ сдѣлался любимцемъ помощницъ и двухъ или трехъ изъ самыхъ старшихъ по возрасту мальчиковъ. Послѣдніе весьма быстро научили его различнымъ остротамъ, пошлымъ прибауткамъ, очень неприличнымъ фразамъ; все это произносилось мальчуганомъ безъ всякаго сознанія, но все-таки входило въ привычку и даже дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ предмета дѣтской гордости, такъ какъ каждая подобная фраза вызывала смѣхъ и одобреніе болѣе взрослыхъ его товарищей. Свободное время проходило среди никѣмъ неруководимыхъ игръ, безсмысленныхъ, нерѣдко грубыхъ и дикихъ, состоявшихъ изъ битья другъ друга твердымъ узломъ жгута, изъ ловкаго плеванья между сложенными кольцомъ большимъ и указательнымъ пальцемъ и тому подобныхъ дикихъ затѣй. Эти игры и заступничество взрослыхъ покровителей сдѣлали изъ Миши шалуна и забіяку. Даже самыя ласки помощницъ послужили ему во вредъ, и онъ, это маленькое созданьице, уже кокетничалъ по-своему, и въ минуту капризнаго настроенія говорилъ ласкавшимъ его помощницамъ: «а вотъ не хочу цѣловать васъ, не хочу». Въ семьѣ никто не замѣчалъ еще дурной перемѣны въ ребенкѣ: видѣли только, что ребенокъ сталъ бойчѣе. Но это скорѣе радовало, чѣмъ огорчало семью, и въ особенности Катерину Александровну, такъ какъ ее уже и безъ того тревожила кротость третьяго изъ младшихъ членовъ семейства — Даши. «Хозяйка», «старушка», «монашенка», — вотъ прозвища, данныя Дашѣ людьми, видѣвшими ее хоть разъ. Эта дѣвочка, слабенькая отъ природы, запуганная въ дѣтствѣ пьянствомъ отца, окончательно растерялась, попавъ въ цѣлую массу самаго разнообразнаго народа, въ среду буйствующихъ дѣвочекъ, подъ надзоръ воюющихъ помощницъ. Ее пугали большія комнаты; ее заставлялъ вздрагивать звонокъ; ея слабое тѣльце дрожало отъ холода и сырости; ея спина болѣла отъ сидѣнья на вытяжкѣ на табуретахъ и скамьяхъ, лишенныхъ спинокъ; ей не шла въ прокъ тяжелая, неудобоваримая пища,—картофель, капуста, каша и постное масло, обильно изливавшееся въ желудки дѣтей два раза въ недѣлю. А между тѣмъ, Даша не жаловалась, не плакала, не охала. Боялась ли она, что ея слезы огорчатъ ея сестру и мать, или полагала она, что за ея слезы ее накажутъ, выбранятъ, какъ это дѣлалъ иногда пьяный отецъ,—это неизвѣстно. Но какъ бы то ни было, она мол-

чала и таяла, какъ воскъ. Катерина Александровна часто спрашивала ее о здоровьѣ,—она со вздохомъ отвѣчала:

— Я здорова, сестрица!

Катерина Александровна обратилась къ Грохову и попросила его освидѣтельствовать Дашу, чтобы узнать, не больна ли она. Гроховъ нахмурился, но все-таки осмотрѣлъ дѣвочку.

— Это тяшелій ростъ!—проговорилъ онъ, кончивъ осмотръ.

— Вы думаете, что она здорова?

— Какъ ми зъ вами.

— Но не вредно ли ей постное?

— Напротивъ, постній масло ошень полезно сй. Ви болше давайтъ ей его. Дѣтей надо ко всему пріучайтъ.

Онъ кивнулъ головой Катеринѣ Александровнѣ и вышелъ. Но молодая дѣвушка не успокоилась и снова тревожно допрашивала дѣвочку о здоровьѣ.

— Я, право, здорова, сестрица, совсѣмъ здорова,—увѣряла маленькая Даша.

Приходилось вѣрить.

Только дома маленькая дѣвочка какъ будто оживала, особенно въ тѣ минуты, когда появлялся штабсъ-капитанъ съ сыновьями, когда Катерина Александровна сажала ее къ себѣ на руки, когда слабое дитя полудремотно улыбалось, слыша веселый говоръ и смѣхъ и пригрѣвшись у сестриной груди. Но какъ печальна была эта дѣтская улыбка! Такъ улыбаются тихо и безъ особенныхъ острыхъ страданій приближающіеся къ могилѣ люди. «Неужели она вырастетъ такою, какъ наша мать?»—думалось въ эти минуты Катеринѣ Александровнѣ, и ей становилось грустно за Дашу. Катерина Александровна уже сознавала, что мать вноситъ въ ихъ молодой кружокъ какой-то могильный элементъ. Она чувствовала, что лучше не жить, лучше умереть, чѣмъ жить такимъ забитымъ, придавленнымъ, вздыхающимъ даже въ минуты радости существомъ, какимъ сдѣлалась, вслѣдствіе тяжелой жизни, Марья Дмитріевна.

Такъ проходила жизнь Прилежаевыхъ, тѣсно связавшаяся съ жизнью Прохоровыхъ.

Но молодые Прохоровы, не довольствуясь тѣмъ, что проводили у Прилежаевыхъ воскресные дни, все сильнѣе и сильнѣе настаивали, чтобы отецъ перебрался куда-нибудь поближе къ этой семьѣ. Эта семья была первымъ знакомствомъ юныхъ кадетъ. Старикъ души не слышалъ въ своихъ дѣтяхъ, однако упорно отказывался отъ исполненія ихъ

желанія. Сначала предлогъ былъ одинъ и тотъ же—чистота воздуха подъ Невскимъ. Потомъ, когда было доказано, что у школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ воздухъ не хуже,— старикъ, повидимому, поддался дѣтямъ и сталъ говорить, что онъ, пожалуй, и переѣхалъ бы, но только не къ незнакомымъ людямъ, а въ квартиру самой Марьи Дмитріевны; послѣднее же было невозможно, такъ какъ Марьѣ Дмитріевнѣ нельзя было отказать, безъ всякой причины, той или другой изъ жилицъ. Онъ такъ пространно доказывалъ сыновьямъ всю нечестность подобнаго изгнанія бѣдныхъ жилицъ изъ квартиры, что молодые люди должны были поневолѣ согласиться, хотя на словахъ. На время старикъ былъ увѣренъ, что онъ отвоевалъ себѣ право жить подъ Невскимъ, и успокоился, когда совершенно неожиданно Марья Дмитріевна сообщила ему, что одна изъ жилицъ, нанимавшая комнату на улицу, поступаетъ въ богадѣльню.

— Ну, вотъ и прекрасно, и отлично! — воскликнули въ одинъ голосъ Александръ Македонскій и Иванъ-воинъ.

Старикъ, противъ всякаго ожиданія, нахмурился и почесалъ кончикъ носа.

— Слишкомъ скоро, слишкомъ скоро. По-военному,— пробормоталъ онъ.

— Что-жъ! чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — возразили сыновья.

— Ну, конечно, конечно!—пробормоталъ старикъ и, противъ своего обыкновенія, не сталъ философствовать и распространяться насчетъ близкой перемѣны образа жизни.

Молодые члены двухъ семействъ стали толковать о будущемъ прекрасномъ житьѣ и совершенно не обращали вниманія на задумчивость старика. Они не замѣтили и того, что онъ тихонько выбрался изъ комнаты, увидавъ, что Марья Дмитріевна вышла на галлерею.

— Что вы? — спросила она, замѣтивъ выходившаго къ ней штабсъ-капитана.

— Поговорить надо, добрѣйшая Марья Дмитріевна,— проговорилъ онъ необычайно тревожнымъ тономъ и тяжело вздохнулъ.—Приходится жить [illegible]ѣстѣ. Не ожидалъ, не приготовился!

— Что-жъ, батюшка, Флегонтъ Матвѣевичъ, если вы не хотите...—начала Марья Дмитріевна своимъ приниженнымъ тономъ.

— Не то, добрѣйшая моя, не то! — горячо произнесъ штабсъ-капитанъ, какъ бы боясь обидѣть свою добрую зна-

комую.—Хочу, очень хочу жить у васъ. Ваша семья стала для меня... Ну, да что тутъ толковать, — махнулъ онъ рукою. — Сошлись, по душѣ сошлись, вотъ и все. У меня вѣдь лѣтъ семь не было никого знакомыхъ. Все не хотѣлось какъ-то сходиться съ людьми.

Онъ пожалъ руку Марьи Дмитріевны своею широкою рукой.

— Но вотъ что,—началъ онъ снова и взглянулъ какъ-то въ сторону: — мы съ вами старые люди, всего видѣли на свѣтѣ, знаемъ, что у каждаго есть свои грѣшки, свои недостатки.

Онъ замолчалъ на минуту, видимо не умѣя объяснить того, что такъ сильно тревожило его въ эту минуту.

— Ну, скажите мнѣ, пожалуйста, — началъ онъ не безъ усилія:—стали-ль бы вы скрывать отъ своихъ дѣтей или нѣтъ, если бы у васъ былъ, — ну, положимъ, какой-нибудь этакій недостатокъ, грѣшокъ, что ли?

Марья Дмитріевна ровно ничего не понимала: а у нея, у этой бѣдной женщины, не было ни одного недостатка, который она хотѣла бы скрыть отъ дѣтей.

Штабсъ-капитанъ махнулъ рукою.

— Что же я говорю!—воскликнулъ онъ.—Какіе грѣшки, какіе недостатки могутъ быть у васъ! Впрочемъ, позвольте!.. Вы говорили, что у вашего мужа былъ грѣшокъ...

— Пилъ онъ, пилъ, голубчикъ мой! — вздохнула Марья Дмитріевна.—Съ горя, батюшка, съ горя-горькаго!

— Ну, извѣстно, кто же съ радости пьетъ!—грустно замѣтилъ философъ.—Такъ вотъ, говорю я, не старались ли вы скрыть этотъ грѣшокъ отъ этихъ дѣтей?

— Батюшка, да какая же мать не станетъ укрывать пьянаго отца отъ дѣтей!—воскликнула простодушная Марья Дмитріевна. — Да и самъ онъ, голубчикъ мой, совѣстился; бывало на цыпочкахъ крадется, какъ выпьетъ; шепчетъ: «дѣтей, Маша, спрячь, дѣтей спрячь!» Потомъ ужъ это онъ и скрывать не могъ: втянула водка-то; извѣстно, это зелье врагомъ человѣческимъ создано, и ужъ кто къ нему пристрастился, тому не спастись отъ дьявольскаго навожденья...

Штабсъ-капитанъ хмуро слушалъ свою собесѣдницу и потиралъ носъ. Ее удивило это молчаніе говорливаго старика; она взглянула на него, и какъ-то случайно ей бросился въ глаза его сизокрасный носъ, потираемый рукою. Въ ея головѣ вдругъ промелькнула мысль, что штабсъ-капитанъ пьетъ. Но она тотчасъ же вспомнила, что онъ

желанія. Сначала предлогъ былъ одинъ и тотъ же—чистота воздуха подъ Невскимъ. Потомъ, когда было доказано, что у школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ воздухъ не хуже,— старикъ, повидимому, поддался дѣтямъ и сталъ говорить, что онъ, пожалуй, и переѣхалъ бы, но только не къ незнакомымъ людямъ, а въ квартиру самой Марьи Дмитріевны; послѣднее же было невозможно, такъ какъ Марьѣ Дмитріевнѣ нельзя было отказать, безъ всякой причины, той или другой изъ жилицъ. Онъ такъ пространно доказывалъ сыновьямъ всю нечестность подобнаго изгнанія бѣдныхъ жилицъ изъ квартиры, что молодые люди должны были поневолѣ согласиться, хотя на словахъ. На время старикъ былъ увѣренъ, что онъ отвоевалъ себѣ право жить подъ Невскимъ, и успокоился, когда совершенно неожиданно Марья Дмитріевна сообщила ему, что одна изъ жилицъ, нанимавшая комнату на улицу, поступаетъ въ богадѣльню.

— Ну, вотъ и прекрасно, и отлично! — воскликнули въ одинъ голосъ Александръ Македонскій и Иванъ-воинъ.

Старикъ, противъ всякаго ожиданія, нахмурился и почесалъ кончикъ носа.

— Слишкомъ скоро, слишкомъ скоро. По-военному,— пробормоталъ онъ.

— Что-жъ! чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — возразили сыновья.

— Ну, конечно, конечно!—пробормоталъ старикъ и, противъ своего обыкновенія, не сталъ философствовать и распространяться насчетъ близкой перемѣны образа жизни.

Молодые члены двухъ семействъ стали толковать о будущемъ прекрасномъ житьѣ и совершенно не обращали вниманія на задумчивость старика. Они не замѣтили и того, что онъ тихонько выбрался изъ комнаты, увидавъ, что Марья Дмитріевна вышла на галлерею.

— Что вы? — спросила она, замѣтивъ выходившаго къ ней штабсъ-капитана.

— Поговорить надо, добрѣйшая Марья Дмитріевна,— проговорилъ онъ необычайно тревожнымъ тономъ и тяжело вздохнулъ.—Приходится жить [illegible]. Не ожидалъ, не приготовился!

— Что-жъ, батюшка, Флегонтъ Матвѣевичъ, если вы не хотите...—начала Марья Дмитріевна своимъ приниженнымъ тономъ.

— Не то, добрѣйшая моя, не то! — горячо произнесъ штабсъ-капитанъ, какъ бы боясь обидѣть свою добрую зна-

кому.—Хочу, очень хочу жить у васъ. Ваша семья стала для меня... Ну, да что тутъ толковать, — махнулъ онъ рукою. — Сошлись, по душѣ сошлись, вотъ и все. У меня нѣдь лѣтъ семь не было никого знакомыхъ. Все не хотѣлось какъ-то сходиться съ людьми.

Онъ пожалъ руку Марьи Дмитріевны своею широкою рукой.

— Но вотъ что,—началъ онъ снова и взглянулъ какъ-то въ сторону: — мы съ вами старые люди, всего видѣли на свѣтѣ, знаемъ, что у каждаго есть свои грѣшки, свои недостатки.

Онъ замолчалъ на минуту, видимо не умѣя объяснить того, что такъ сильно тревожило его въ эту минуту.

— Ну, скажите мнѣ, пожалуйста, — началъ онъ не безъ усилія:—стали-ль бы вы скрывать отъ своихъ дѣтей или нѣтъ, если бы у васъ былъ, — ну, положимъ, какой-нибудь этакій недостатокъ, грѣшокъ, что ли?

Марья Дмитріевна ровно ничего не понимала: а у нея, у этой бѣдной женщины, не было ни одного недостатка, который она хотѣла бы скрыть отъ дѣтей.

Штабсъ-капитанъ махнулъ рукою.

— Что же я говорю!—воскликнулъ онъ.—Какіе грѣшки, какіе недостатки могутъ быть у васъ! Впрочемъ, позвольте!.. Вы говорили, что у вашего мужа былъ грѣшокъ...

— Пилъ онъ, пилъ, голубчикъ мой! — вздохнула Марья Дмитріевна.—Съ горя, батюшка, съ горя-горькаго!

— Ну, извѣстно, кто же съ радости пьетъ!—грустно замѣтилъ философъ.—Такъ вотъ, говорю я, не старались ли вы скрыть этотъ грѣшокъ отъ этихъ дѣтей?

— Батюшка, да какая же мать не станетъ укрывать пьянаго отца отъ дѣтей!—воскликнула простодушная Марья Дмитріевна. — Да и самъ онъ, голубчикъ мой, совѣстился; бывало на цыпочкахъ крадется, какъ выпьетъ; шепчетъ: «дѣтей, Маша, спрячь, дѣтей спрячь!» Потомъ ужъ это онъ и скрывать не могъ: втянула водка-то; извѣстно, это зелье врагомъ человѣческимъ создано, и ужъ кто къ нему пристрастился, тому не спастись отъ дьявольскаго навожденья...

Штабсъ-капитанъ хмуро слушалъ свою собесѣдницу и потиралъ носъ. Ее удивило это молчаніе говорливаго старика; она взглянула на него, и какъ-то случайно ей бросился въ глаза его сизокрасный носъ, потираемый рукою. Въ ея головѣ вдругъ промелькнула мысль, что штабсъ-капитанъ пьетъ. Но она тотчасъ же вспомнила, что онъ

никогда не пилъ ни одной рюмки за обѣдомъ, хотя въ то же время ей пришла на умъ первая встрѣча съ штабсъ-капитаномъ, когда онъ говорилъ, стоя на дворѣ дома Бѣлокопытовыхъ, что недурно бы выпить чего-нибудь горячительнаго. Бѣдная женщина не то съ испугомъ, не то съ недовѣріемъ смотрѣла на своего будущаго жильца.

— Нѣтъ, это неправда! — вдругъ произнесъ онъ, не то отвѣчая на ея разсужденія о неотразимо-увлекающей силѣ вина, не то громко заканчивая цѣлый рядъ промелькнувшихъ въ его головѣ размышленій. — Такъ вотъ что, добрѣйшая моя, Марья Дмитріевна: вы должны понимать, что каждый порядочный и честный человѣкъ желаетъ скрыть отъ дѣтей свои недостатки, не только отъ своихъ дѣтей, но и отъ дѣтей вообще. У меня тоже есть грѣшки, есть странности, которыхъ я не желалъ бы выставлять на видъ ни передъ своими, ни передъ вашими дѣтьми.

— Да вы, батюшка, пьете? — совсѣмъ робко спросила Марья Дмитріевна.

— Какъ вамъ сказать? — задумчиво произнесъ штабсъ-капитанъ.— Я изъ военныхъ. Не бѣгалъ отъ врага, не убѣгу и отъ бутылки. Можетъ-быть, когда-нибудь случайно заверну домой въ болѣе веселомъ настроеніи... Но пьянымъ вы меня не увидите... Впрочемъ, я васъ попрошу не говорить дѣтямъ даже и о томъ, что вы когда-нибудь видѣли меня навеселѣ...

У Марьи Дмитріевны отлегло отъ сердца.

— Но главное дѣло не въ томъ, продолжалъ старикъ.— Я, изволите ли видѣть, иногда люблю отлучиться дня на три, на четыре къ знакомымъ, которыхъ не знаютъ дѣти. Это можетъ показаться вамъ страннымъ, такъ какъ я уѣзжаю неожиданно, случайно... Но вы не безпокойтесь: не пришелъ я ночевать, — значитъ, закатился къ друзьямъ... Оно, можетъ-быть, покажется страннымъ, что человѣкъ въ мои лѣта пропадаетъ изъ дома, — но вѣдь у каждаго свои странности. Прошу васъ объ одномъ: не говорите дѣтямъ, что я уѣзжаю иногда на время, и не думайте, что я погибъ, если меня не будетъ дома три-четыре дня.

— Да что-жъ тутъ, батюшка, предосудительнаго, если вы поѣдете погостить къ знакомымъ?—произнесла совсѣмъ успокоенная Марья Дмитріевна.

— Ну да, ну да: конечно, ничего предосудительнаго,—поспѣшно согласился Прохоровъ.—Но просто я не хотѣлъ бы, чтобы дѣти приставали ко мнѣ, куда и зачѣмъ я уѣзжаю,

почему не вожу ихъ съ собою... Это, знаете, старые пріятели; молодежь туда не стоитъ возить; ей тамъ дѣлать нечего... Такъ по рукамъ: изъ избы сора не выносить и другъ друга укрывать отъ высшаго начальства. Оно, я думаю, и теперь подозрѣваетъ насъ въ чемъ-нибудь, видя нашу отлучку.

Штабсъ-капитанъ снова повеселѣлъ и явился въ комнату съ шутками и прибаутками. Теперь и онъ уже раздѣлялъ мечты молодежи о будущей счастливой жизни и даже заходилъ гораздо дальше въ своихъ планахъ. Молодежь упустила изъ виду возможность напиться чаю у Митрофанія; она забыла о возможности покачаться на качеляхъ въ Екатерингофѣ; она совершенно не знала, какъ весело красить лоскутками яица передъ Святой и отличать, чья работа выйдетъ удачнѣе. Вообще штабсъ-капитанъ былъ очень опытный человѣкъ въ дѣлѣ дешевыхъ или, лучше сказать, ничего не стоящихъ удовольствій, именно тѣхъ удовольствій, безъ которыхъ была бы невыносима жизнь бѣдняковъ. Впрочемъ, онъ былъ опытенъ во всемъ. Штабсъ-капитанъ умѣлъ придавать крылья времени и дружить людей; въ этомъ красноносомъ полунищемъ было такъ много человѣчности, что, при первой встрѣчѣ съ нимъ, наблюдатель поражался одною характерною чертой старика: старикъ умѣлъ сразу сойтись и съ старымъ, и съ малымъ, и съ чиновнымъ, и незначительнымъ человѣкомъ. Это не было подлаживанье подъ чужой тонъ; нѣтъ, штабсъ-капитанъ говорилъ почти однимъ тономъ со всѣми, почти одинаково относился ко всѣмъ; онъ просто видѣлъ въ каждомъ встрѣчномъ человѣка и потому не старался ползать передъ нимъ, какъ передъ какимъ-то высшимъ созданіемъ и не думалъ пинать его ногой, какъ какое-нибудь негодное животное. Эта способность быть на своемъ мѣстѣ и своимъ въ каждомъ кружкѣ бросалась въ глаза даже недальновидной Марьѣ Дмитріевнѣ. Въ дни перваго сближенія съ штабсъ-капитаномъ она, удивляясь его краснорѣчію, спросила его, гдѣ онъ научился такъ хорошо говорить; теперь, познакомившись съ нимъ поближе и глядя, какъ онъ, окруженный дѣтьми, представляетъ изъ пальцевъ на тѣни зайчика и молящагося на колѣняхъ монаха, она невольно спросила его:

— И какъ это вы, Флегонтъ Матвѣевичъ, со всѣми-то обойтись умѣете?

— Опытъ, скитанья по-бѣлу свѣту всему научатъ, добрѣйшая Марья Дмитріевна,—отвѣтилъ отставной философъ.—

Людей я много видѣлъ, ну, и пришелъ къ тому убѣжденію, что всѣ они люди, — шутливо промолвилъ старикъ. — Вѣдь я, матушка, всю нашу Россію пѣшкомъ исходилъ съ полками, какъ вышелъ изъ корпуса. Приходилось иногда живать по цѣлымъ мѣсяцамъ въ деревнѣ, гдѣ, кромѣ мужиковъ, бабъ, ребятишекъ, солдатъ да меня, никого не было. Ну, вотъ тутъ и попробуй смотрѣть на людей съ высоты офицерскаго чина,— языкъ проглотишь. Поневолѣ и пойдешь къ мужику, какъ къ человѣку, — глядишь, и ничего... не скучно, и компанія есть,— и такъ же бесѣдуешь; такъ же по-человѣчески живешь, не идоломъ какимъ-нибудь, а своимъ человѣкомъ, знакомымъ, членомъ всей деревни. У меня однихъ крестниковъ да крестницъ, я думаю, съ сотню наберется по деревнямъ. А то, бывало, попадешь къ помѣщику на домъ. Самъ-то онъ заскорузлый; жена расплылась, какъ опара. Что тутъ дѣлать? Стараешься вникнуть въ ихъ жизнь, узнать, нѣтъ ли и въ нихъ кусочка живого, — глядишь: непремѣнно найдется. У жены когда-то сынъ любимецъ былъ, умершій въ корпусѣ; у мужа сохранились воспоминанія о тяжеломъ дѣтствѣ или забубенной молодости. Поскоблишь, поскоблишь грязь, а тамъ и заблестятъ эти кусочки-то, кусочки-то золота-человѣка. Вотъ помню я тоже случай. Былъ у меня вѣстовой въ ротѣ, — такъ себѣ, ничего солдатикъ. Только разъ и попуталъ его лукавый, проворовался онъ. Кто его знаетъ, съ чего проворовался: можетъ, на вино понадобилось, можетъ, въ самомъ дѣлѣ, деньги нужны были на дѣло, только, какъ бы тамъ ни было, а согрѣшилъ. Дѣло вышло неладное, гласное; скрыть было нельзя, а надо вамъ замѣтить, что полковой нашъ былъ звѣрь-человѣкъ. Перспектива-то, знаете, для солдатика была незавидная; порка-то поркой, — этого тогда ужъ и въ счетъ не ставили,—а могло дѣло-то разыграться и арестантскими. Ну-съ, жалко мнѣ было солдатика, а дѣлать нечего; нужно было довести до свѣдѣнія. Только, къ счастію этого солдатика, узнаю я, что у полкового сынишка при смерти болѣнь, и осѣнила меня этакая геніальная мысль. Иду я прямо къ командиру. Говорятъ, не принимаетъ. Говорю—по важному дѣлу. Вышелъ онъ, зеленый весь, звѣремъ смотритъ.—«Что еще?»—спрашиваетъ, и въ голосѣ, знаете, такое рычанье. Разсказываю.— «Запороть, бестію, надо!»—прохрипѣлъ командиръ.—У него жена недавно родила,—говорю я, а самъ смотрю прямо въ глаза полкового.—Ребенокъ умираетъ. Можетъ-быть, для него хотѣлъ... Полковой только глазами сверкнулъ и, повернув-

шись на каблукахъ, зашагалъ по комнатѣ. Я стою и жду, что будетъ. Прошло этакъ съ полчаса, наконецъ, полковой обратился ко мнѣ.—«Посадить его подъ арестъ, пусть молится, чтобы сынъ былъ живъ»,—проворчалъ онъ мнѣ.—У него дочь,—возразилъ я.—«О моемъ сынѣ пусть молится!»—отрывисто пояснилъ полковой и вышелъ въ кабинетъ.—Ну, думаю, попался теперь голубчикъ, и тотчасъ же толкнулся къ нашему доктору.—Отъ тебя, говорю, теперь зависитъ спасти Хоменку,—это солдатика-то такъ звали,—вылѣчи, во что бы то ни стало, сына полкового командира.—«Ну, братъ, говоритъ, это штука нехитрая: у него уже кризисъ давно прошелъ; не застудятъ—не умретъ». Полетѣлъ я къ Хоменкѣ, выругалъ его, какъ каналью, посадилъ подъ арестъ и строгона-строго велѣлъ говорить, если полковой спроситъ, что онъ для своей новорожденной дочери укралъ... А у него и дочери-то, кажется, не было, а сынъ былъ, да и тотъ въ это время здоровъ былъ... Такъ дѣло и обошлось: сынъ у полкового выздоровѣлъ; Хоменко просидѣлъ подъ арестомъ; потомъ полковой собственноручно ткнулъ его раза два въ зубы, обругалъ его непечатно, да тѣмъ и ограничился... Кусочекъ человѣка, добрѣйшая Марья Дмитріевна, въ каждомъ этакомъ заскорузломъ кускѣ мяса отыскать нужно,—вотъ и вся мудрость.

— Нѣтъ, Флегонтъ Матвѣичъ, это ужъ потому васъ такъ любятъ, что сердце у васъ доброе,—замѣтила Марья Дмитріевна.

— Да кто его знаетъ, доброе оно или злое,—промолвилъ философъ.—Просто человѣкъ, какъ человѣкъ. Люди всегда люди; можно—такъ сядутъ на брата, а нѣтъ—такъ на себѣ его повезутъ.

Катерина Александровна разсмѣялась штабсъ-капитанской шуткѣ и спросила:

— А вы, Флегонтъ Матвѣичъ, на другихъ ѣздите или сами возите?

— Гдѣ мнѣ, добрѣйшая Катерина Александровна!—отвѣтилъ старикъ.—Первое не по чину, второе не по лѣтамъ. Прежде бывало всего: и на себѣ возилъ, и на другихъ ѣздилъ. Ну, а теперь на другого не сяду, на себя не посажу, а рядомъ, хотите идти—идите: въ компаніи веселѣе. Какъ думаете, отцы-командиры, въ компаніи веселѣе?—шутливо обратился старикъ къ дѣтямъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, принялся возиться съ ними.

Дней черезъ пять онъ переѣхалъ въ квартиру Прилежае-

никогда не пилъ ни одной рюмки за обѣдомъ, хотя въ то же время ей пришла на умъ первая встрѣча съ штабсъ-капитаномъ, когда онъ говорилъ, стоя на дворѣ дома Бѣлокопытовыхъ, что недурно бы выпить чего-нибудь горячительнаго. Бѣдная женщина не то съ испугомъ, не то съ недовѣріемъ смотрѣла на своего будущаго жильца.

— Нѣтъ, это неправда! — вдругъ произнесъ онъ, не то отвѣчая на ея разсужденія о неотразимо-увлекающей силѣ вина, не то громко заканчивая цѣлый рядъ промелькнувшихъ въ его головѣ размышленій. Такъ вотъ что, добрѣйшая моя, Марья Дмитріевна: вы должны понимать, что каждый порядочный и честный человѣкъ желаетъ скрыть отъ дѣтей свои недостатки, не только отъ своихъ дѣтей, но и отъ дѣтей вообще. У меня тоже есть грѣшки, есть странности, которыхъ я не желалъ бы выставлять на видъ ни передъ своими, ни передъ вашими дѣтьми.

— Да вы, батюшка, пьете? — совсѣмъ робко спросила Марья Дмитріевна.

— Какъ вамъ сказать? — задумчиво произнесъ штабсъ-капитанъ.— Я изъ военныхъ. Не бѣгалъ отъ врага, не убѣгу и отъ бутылки. Можетъ-быть, когда-нибудь случайно заверну домой въ болѣе веселомъ настроеніи... Но пьянымъ вы меня не увидите... Впрочемъ, я васъ попрошу не говорить дѣтямъ даже и о томъ, что вы когда-нибудь видѣли меня навеселѣ...

У Марьи Дмитріевны отлегло отъ сердца.

— Но главное дѣло не въ томъ, продолжалъ старикъ.— Я, изволите ли видѣть, иногда люблю отлучиться дня на три, на четыре къ знакомымъ, которыхъ не знаютъ дѣти. Это можетъ показаться вамъ страннымъ, такъ какъ я уѣзжаю неожиданно, случайно... Но вы не безпокойтесь: не пришелъ я ночевать, — значитъ, закатился къ друзьямъ... Оно, можетъ-быть, покажется страннымъ, что человѣкъ въ мои лѣта пропадаетъ изъ дома, — но вѣдь у каждаго свои странности. Прошу васъ объ одномъ: не говорите дѣтямъ, что я уѣзжаю иногда на время, и не думайте, что я погибъ, если меня не будетъ дома три-четыре дня.

— Да что-жъ тутъ, батюшка, предосудительнаго, если вы поѣдете погостить къ знакомымъ?—произнесла совсѣмъ успокоенная Марья Дмитріевна.

— Ну да, ну да: конечно, ничего предосудительнаго,—поспѣшно согласился Прохоровъ.—Но просто я не хотѣлъ бы, чтобы дѣти приставали ко мнѣ, куда и зачѣмъ я уѣзжаю,

почему не вожу ихъ съ собою... Это, знаете, старые пріятели; молодежь туда не стоитъ возить; ей тамъ дѣлать нечего... Такъ по рукамъ: изъ избы сора не выносить и другъ друга укрывать отъ высшаго начальства. Оно, я думаю, и теперь подозрѣваетъ насъ въ чемъ-нибудь, видя нашу отлучку.

Штабсъ-капитанъ снова повеселѣлъ и явился въ комнату съ шутками и прибаутками. Теперь и онъ уже раздѣлялъ мечты молодежи о будущей счастливой жизни и даже заходилъ гораздо дальше въ своихъ планахъ. Молодежь упустила изъ виду возможность напиться чаю у Митрофанія; она забыла о возможности покачаться на качеляхъ въ Екатерингофѣ; она совершенно не знала, какъ весело красить лоскутками яица передъ Святой и отличать, чья работа выйдетъ удачнѣе. Вообще штабсъ-капитанъ былъ очень опытный человѣкъ въ дѣлѣ дешевыхъ или, лучше сказать, ничего не стоящихъ удовольствій, именно тѣхъ удовольствій, безъ которыхъ была бы невыносима жизнь бѣдняковъ. Впрочемъ, онъ былъ опытенъ во всемъ. Штабсъ-капитанъ умѣлъ придавать крылья времени и дружить людей; въ этомъ краснопосомъ полунищемъ было такъ много человѣчности, что, при первой встрѣчѣ съ нимъ, наблюдатель поражался одною характерною чертой старика: старикъ умѣлъ сразу сойтись и съ старымъ, и съ малымъ, и съ чиновнымъ, и незначительнымъ человѣкомъ. Это не было подлаживанье подъ чужой тонъ; нѣтъ, штабсъ-капитанъ говорилъ почти однимъ тономъ со всѣми, почти одинаково относился ко всѣмъ; онъ просто видѣлъ въ каждомъ встрѣчномъ человѣка и потому не старался ползать передъ нимъ, какъ передъ какимъ-то высшимъ созданіемъ и не думалъ пинать его ногой, какъ какое-нибудь негодное животное. Эта способность быть на своемъ мѣстѣ и своимъ въ каждомъ кружкѣ бросалась въ глаза даже недальновидной Маріѣ Дмитріевнѣ. Въ дни перваго сближенія съ штабсъ-капитаномъ она, удивляясь его краснорѣчію, спросила его, гдѣ онъ научился такъ хорошо говорить; теперь, познакомившись съ нимъ поближе и глядя, какъ онъ, окруженный дѣтьми, представляетъ изъ пальцевъ на тѣни зайчика и молящагося на колѣняхъ монаха, она невольно спросила его:

— И какъ это вы, Флегонтъ Матвѣевичъ, со всѣми-то обойтись умѣете?

— Опытъ, скитанья по-бѣлу свѣту всему научатъ, добрѣйшая Марья Дмитріевна,—отвѣтилъ отставной философъ.—

Людей я много видѣлъ, ну, и пришелъ къ тому убѣжденію, что всѣ они люди, шутливо промолвилъ старикъ.—Вѣдь я, матушка, всю нашу Россію пѣшкомъ исходилъ съ полками, какъ вышелъ изъ корпуса. Приходилось иногда живать по цѣлымъ мѣсяцамъ въ деревнѣ, гдѣ, кромѣ мужиковъ, бабъ, ребятишекъ, солдатъ да меня, никого не было. Ну, вотъ тутъ и попробуй смотрѣть на людей съ высоты офицерскаго чина,- языкъ проглотишь. Поневолѣ и пойдешь къ мужику, какъ къ человѣку, глядишь, и ничего... не скучно, и компанія есть,- и такъ же бесѣдуешь; такъ же по-человѣчески живешь, не идоломъ какимъ-нибудь, а своимъ человѣкомъ, знакомымъ, членомъ всей деревни. У меня однихъ крестниковъ да крестницъ, я думаю, съ сотню наберется по деревнямъ. А то, бывало, попадешь къ помѣщику на домъ. Самъ-то онъ заскорузлый; жена расплылась, какъ опара. Что тутъ дѣлать? Стараешься вникнуть въ ихъ жизнь, узнать, нѣтъ ли и въ нихъ кусочка живого,—глядишь: непремѣнно найдется. У жены когда-то сынъ любимецъ былъ, умершій въ корпусѣ; у мужа сохранились воспоминанія о тяжеломъ дѣтствѣ или забубенной молодости. Поскоблишь, поскоблишь грязь, а тамъ и заблестятъ эти кусочки-то, кусочки-то золота-человѣка. Вотъ помню я тоже случай. Былъ у меня вѣстовой въ ротѣ,—такъ себѣ, ничего солдатикъ. Только разъ и попуталъ его лукавый, проворовался онъ. Кто его знаетъ, съ чего проворовался: можетъ, на вино понадобилось, можетъ, въ самомъ дѣлѣ, деньги нужны были на дѣло, только, какъ бы тамъ ни было, а согрѣшилъ. Дѣло вышло неладное, гласное; скрыть было нельзя, а надо вамъ замѣтить, что полковой нашъ былъ звѣрь-человѣкъ. Перспектива-то, знаете, для солдатика была незавидная; порка-то поркой, этого тогда ужъ и въ счетъ не ставили,—а могло дѣло-то разыграться и арестантскими. Ну-съ, жалко мнѣ было солдатика, а дѣлать нечего; нужно было довести до свѣдѣнія. Только, къ счастію этого солдатика, узнаю я, что у полкового сынишка при смерти болезнь, и осѣнила меня этакая геніальная мысль. Иду я прямо къ командиру. Говорятъ, не принимаетъ. Говорю—по важному дѣлу. Вышелъ онъ, зеленый весь, звѣремъ смотритъ.—«Что еще?»—спрашиваетъ, и въ голосѣ, знаете, такое рычанье. Разсказываю.—«Запороть, бестію, надо!»—прохрипѣлъ командиръ.—У него жена недавно родила,—говорю я, а самъ смотрю прямо въ глаза полкового.—Ребенокъ умираетъ. Можетъ-быть, для него хотѣлъ... Полковой только глазами сверкнулъ и, повернув-

шись на каблукахъ, зашагалъ по комнатѣ. Я стою и жду, что будетъ. Прошло этакъ съ полчаса, наконецъ, полковой обратился ко мнѣ.—«Посадить его подъ арестъ, пусть молится, чтобы сынъ былъ живъ»,—проворчалъ онъ мнѣ.—У него дочь,—возразилъ я.—«О моемъ сынѣ пусть молится!»—отрывисто пояснилъ полковой и вышелъ въ кабинетъ.—Ну, думаю, попался теперь голубчикъ, и тотчасъ же толкнулся къ нашему доктору.—Отъ тебя, говорю, теперь зависитъ спасти Хоменку,—это солдатика-то такъ звали,—вылѣчи, во что бы то ни стало, сына полкового командира.—«Ну, братъ, говоритъ, это штука нехитрая: у него уже кризисъ давно прошелъ; не застудятъ—не умретъ». Полетѣлъ я къ Хоменкѣ, выругалъ его, какъ каналью, посадилъ подъ арестъ и строгона-строго велѣлъ говорить, если полковой спроситъ, что онъ для своей новорожденной дочери укралъ... А у него и дочери-то, кажется, не было, а сынъ былъ, да и тотъ въ это время здоровъ былъ... Такъ дѣло и обошлось: сынъ у полкового выздоровѣлъ; Хоменко просидѣлъ подъ арестомъ; потомъ полковой собственноручно ткнулъ его раза два въ зубы, обругалъ его непечатно, да тѣмъ и ограничился... Кусочекъ человѣка, добрѣйшая Марья Дмитріевна, въ каждомъ этакомъ заскорузломъ кускѣ мяса отыскать нужно,—вотъ и вся мудрость.

— Нѣтъ, Флегонтъ Матвѣичъ, это ужъ потому васъ такъ любятъ, что сердце у васъ доброе,—замѣтила Марья Дмитріевна.

— Да кто его знаетъ, доброе оно или злое,—промолвилъ философъ.—Просто человѣкъ, какъ человѣкъ. Люди всегда люди; можно—такъ сядутъ на брата, а нѣтъ—такъ на себѣ его повезутъ.

Катерина Александровна разсмѣялась штабсъ-капитанской шуткѣ и спросила:

— А вы, Флегонтъ Матвѣичъ, на другихъ ѣздите или сами возите?

— Гдѣ мнѣ, добрѣйшая Катерина Александровна!—отвѣтилъ старикъ.—Первое не по чину, второе не по лѣтамъ. Прежде бывало всего: и на себѣ возилъ, и на другихъ ѣздилъ. Ну, а теперь на другого не сяду, на себя не посажу, а рядомъ, хотите идти—идите: въ компаніи веселѣе. Какъ думаете, отцы-командиры, въ компаніи веселѣе?—шутливо обратился старикъ къ дѣтямъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, принялся возиться съ ними.

Дней черезъ пять онъ переѣхалъ въ квартиру Прилежае-

выхъ; я чуть-было не сказалъ: перешелъ, такъ какъ имущество Флегонта Матвѣевича можно было съ удобствомъ перенести въ одномъ чемоданѣ.

IV.

Непріятное событіе въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ.

Надъ Петербургомъ повѣяла весна. Солнце свѣтило ярко; снѣгъ быстро таялъ; на улицахъ началось болѣе усиленное движеніе. Въ нѣкоторыхъ домахъ уже выставлялись рамы и въ комнаты врывался веселый шумъ. Несмотря на грязь и большія лужи воды, разлившейся по улицамъ, солнечный свѣтъ и тепло звали на воздухъ изъ душныхъ комнатъ. Никогда въ теченіе цѣлаго года не чувствовалось дѣтьми такъ сильно стремленіе вырваться на свободу изъ мрачныхъ стѣнъ пріюта, какъ теперь. Дѣвочки за нѣсколько недѣль толковали объ отпускахъ домой на время Пасхи и ждали праздника съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ будто имъ придется смѣнить унылую пріютскую жизнь на шумную, полную развлеченій и довольства жизнь дома, какъ будто имъ не придется разбрестись по подваламъ и чердакамъ, гдѣ гнѣздились ихъ отцы и матери. Но какъ бы ни были жалки притоны этихъ бѣдныхъ отцовъ и матерей, какъ бы ни была печальна обстановка въ этихъ притонахъ, а дѣвочки все-таки имѣли основаніе радоваться отпускамъ домой; дѣло въ томъ, что дома ихъ ожидала воля. Тамъ рѣзкій звонъ колокольчика не прерветъ ихъ утреннихъ грёзъ: тамъ, можетъ-быть, не станутъ ихъ ругать за желаніе понѣжиться лишнихъ пять минутъ на постелѣ и даже будутъ рады, что дѣти лежатъ и не мѣшаютъ взрослымъ; тамъ не погонятъ ихъ гулять въ урочный часъ, несмотря на пасмурную погоду, и не удержатъ ихъ въ четырехъ стѣнахъ въ минуту солнечнаго блеска ради того, что эта минута назначена не для гулянья; тамъ не заставятъ ихъ сидѣть на вытяжкѣ и шить, шить до одурѣнья. Можетъ-быть, и тамъ они встрѣтятъ брань, принуждены будутъ работать, станутъ ѣсть такую же плохую и даже худшую пищу, но зато все это будутъ случайными непріятностями, а не безсмѣннымъ гнетомъ, возведеннымъ въ систему. Пріютскій гнетъ страшенъ именно потому, что онъ продолжается изо дня въ день, что онъ надавливаетъ одни и тѣ же наболѣвшія мѣста, что каждое его проявленіе извѣстно заранѣе и что противъ него нѣтъ никакой возможности ни бороться, ни защищаться. Въ этомъ состоитъ его главная разница съ семейнымъ гнетомъ, который

вообще въ нашихъ семьяхъ рѣдко возводится въ правильную систему, въ простыхъ же бѣдныхъ семьяхъ рѣшительно никогда не бываетъ систематичнымъ. Въ этихъ семьяхъ колотушки и ласки, порядочная и плохая пища, все зависитъ отъ внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ.

Чѣмъ больше было оживленія и толковъ среди воспитанницъ, готовившихся вырваться на время изъ своей тюрьмы, тѣмъ болѣе омрачались лица тѣхъ несчастныхъ молодыхъ созданій, у которыхъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ. Они знали по опыту, какъ скучны, какъ невыносимы праздники въ пріютѣ. Время въ праздности идетъ здѣсь еще медленнѣе; скука среди полуопустѣвшихъ залъ и спаленъ дѣлается еще ощутительнѣе; помощницы, принужденныя дежурить и томиться на своихъ мѣстахъ только ради небольшой кучки этихъ бездомныхъ сиротъ, дѣлаются еще придирчивѣе и злѣе и, считая по привычкѣ необходимымъ ничего не дѣлать въ праздники, развлекаютъ себя грызней съ воспитанницами. Зная по опыту всю непривѣтную сторону приближающихся праздниковъ, бездомныя дѣти ходили, какъ въ воду опущенныя, съ завистью смотрѣли на своихъ болѣе счастливыхъ подругъ. Но если близкое будущее тяжело вліяло на настроеніе маленькихъ дѣвочекъ, то тѣмъ сильнѣе оно дѣйствовало на настроеніе взрослыхъ. Сильнѣе развитое воображеніе рисовало въ болѣе яркихъ краскахъ темныя стороны предстоящаго положенія; сильнѣе работавшая мысль, пробуждающаяся страстность предъявляли болѣе требованій къ жизни и не могли примириться съ невеселымъ положеніемъ за одинъ какой-нибудь праздничный обѣдъ. Раздраженіе въ подобныхъ несчастныхъ созданіяхъ проявлялось очень замѣтно: они придирались сильнѣе къ подругамъ; онѣ больше грубили помощницамъ; онѣ иногда безотчетно плакали и начинали браниться, когда ихъ спрашивали, о чемъ онѣ плачутъ. Именно въ подобномъ состояніи находилась Скворцова. Въ ея движеніяхъ, въ ея поступкахъ, въ ея фигурѣ было что-то ненормальное, лихорадочное. Иногда она задумчиво сидѣла надъ работой и, повидимому, была совершенно спокойна; но стоило только прикоснуться къ ея плечу или громко кликнуть ее по имени, — и дѣвушка вся вспыхивала до ушей яркимъ румянцемъ, точно ее поймали не за работой, а на мѣстѣ преступленія. Иногда она, ни съ того ни съ сего, откидывала свои гладко причесанные волосы, проводила рукой по лбу, выпивала двѣ-три кружки воды. Была одна ночь, когда всѣ слышали бредъ дѣвушки;

другую ночь она проплакала напролетъ и встала утромъ съ распухшими глазами. Перемѣна въ ней была такъ сильна, что подруги начали приставать къ ней съ вопросами, что съ нею случилось.

— Отстаньте! Вамъ-то что?—грубо отталкивала она ихъ отъ себя.

— Да ты не больна?

— Ну да, въ чахоткѣ помру въ одинъ день съ Марьей Николаевной: въ одномъ гробу и хоронить будутъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ, единственною поддержкой для Скворцовой были мечты о близкомъ выходѣ изъ пріюта, изъ «проклятаго пріюта», какъ она называла его. Но и это утѣшеніе было случайно отнято у дѣвушки. Однажды пріютъ посѣтила графиня Бѣлоконытова. Посѣщеніе, по обыкновенію, произвело переполохъ: вездѣ на скорую руку было все прибрано; дѣвочкамъ поспѣшно перемѣнили пелерники и нарукавники; потомъ дѣтей выстроили, какъ солдатъ, передъ графиней, и она бѣглымъ шагомъ провезла имъ смотръ, на ходу обращаясь то къ той, то къ другой съ разными вопросами. Поравнявшись съ Скворцовой, графиня спросила ее:

— Ты выпускная?

— Да,—послышался отвѣтъ.

— Родные есть?

— Нѣтъ, она сирота, графиня,—вмѣшалась Анна Евсильевна въ разговоръ.

— Надо будетъ позаботиться о мѣстѣ, а до тѣхъ поръ пусть живетъ здѣсь: Христосъ съ ней, Христосъ съ ней!—рѣшила графиня.

— Какъ здѣсь? я на мѣсто пойду-съ!—воскликнула Скворцова, блѣдиѣя.

— Развѣ у тебя есть уже мѣсто, милая?

Скворцова опустила голову.

— Мы тебя такъ не броснмъ!—продолжала графиня.— Сперва надо пріискать хорошее мѣсто, справиться, куда ты поступаешь. До тѣхъ же поръ я оставлю тебя здѣсь. Живи, милая, живи! Богъ велѣлъ намъ заботиться о сиротахъ.

Скворцова хотѣла возражать, но графиня, подставивъ къ ея губамъ свою руку, пошла далѣе, не обращая на нее вниманія. Эта новость была громовымъ ударомъ для дѣвушки: она впервые поняла, что ее могутъ продержать въ пріютѣ еще годъ и два, и три... однимъ словомъ, столько, сколько вздумается графинѣ. Пріютъ былъ не срочною тюрьмой.

Когда графиня уѣхала, Марья Николаевна застала Скворцову въ классной комнатѣ въ слезахъ.

— Что это ты разнѣжничалась? — язвительно спросила Постникова.—Не обидѣлъ ли кто тебя?

— Это тѣхъ обидѣть можно, которые на ладанъ дышатъ,— грубо отвѣтила Скворцова, быстро отирая слезы.

— Дура!

— Что-жъ дѣлать, если никто умному ничему не училъ.

— Держала бы языкъ за зубами, такъ и была бы умной.

— Да вѣдь я, Марья Николаевна, не лошадь; это только ту бьютъ, а она все молчитъ да глазами хлопаетъ.

Марья Николаевна отошла.

— Дурища! сама дурища! — бормотала ей вслѣдъ Скворцова.—Туда же расфуфырится на праздникахъ, къ разной сволочи въ гости поѣдетъ хвостомъ вилять. Шкура! Шелковое платье тоже сшила! въ цѣпочкѣ ходитъ!

Дѣвушка снова закрыла лицо и опять расплакалась.

— Скворцова, что съ тобой?—раздался надъ нею ласковый голосъ, и по ея волосамъ скользнула чья-то маленькая рука.

Дѣвушка не отвѣчала ни слова и только прижала свое лицо къ тальѣ стоявшей передъ нею Катерины Александровны. Прилежаева не трогалась съ мѣста и какъ бы безсознательно продолжала ласкать бѣдную воспитанницу. Она по собственному опыту знала эти минуты безотчетнаго горя, когда мы радуемся присутствію сочувствующаго намъ человѣка и въ то же время желаемъ только одного, чтобы онъ насъ ни о чемъ не разспрашивалъ, ни въ чемъ не утѣшалъ. Прошло минутъ пять; наконецъ, Катерина Александровна почувствовала, что Скворцова поднимаетъ голову. Глаза двухъ дѣвушекъ встрѣтились. Лицо Скворцовой еще было покрыто слезами, но она уже улыбалась.

— Глупая я, совсѣмъ глупая! — проговорила она, качая головой. — Разревѣлась и сама не знаю, о чемъ. Вотъ и платье вамъ испортила своими слезами,—по-дѣтски перешла Скворцова къ другому предмету, увидавъ на платьѣ Катерины Александровны пятна отъ своихъ слезъ.

— Ну, новое велю купить, когда разбогатѣешь,—улыбнулась Катерина Александровна.

— А вы думаете, что я не купила бы? Да если-бъ я богата была, я такое, такое платье вамъ сдѣлала бы, что наши аспиды лопнули бы отъ злости.

— А ты и обрадовалась бы этому?

— Еще бы. Да я просто бѣжала бы отсюда, за версту обходила бы, чтобы ихъ не видѣть!

— Зачѣмъ же бѣжать? Ты и безъ того скоро выйдешь отсюда.

— Нѣтъ, вы этого не говорите! Вонъ стращаютъ, что будутъ держать, пока мѣста не сыщутъ мнѣ.

— Что же! прямо на мѣсто выйти хорошо.

— А лѣто-то! лѣто-то здѣсь жить? Что вы? Да я просто руки на себя наложу.

— Ну, полно. Лѣтомъ проживемъ какъ-нибудь. Отпускать будутъ въ гости.

— Да куда же?

— Ну, хоть ко мнѣ...

— Нѣтъ, не будетъ! Онѣ вѣдь меня извести хотятъ: завидно, что я молодая.

— Ты совсѣмъ дитя, Наташа.

— Нѣтъ, вы этого не говорите! Я вотъ, какъ исповѣдываться шла, такъ всю ночь о своихъ грѣхахъ плакала.

— Ну, и сдала ихъ всѣ?

Скворцова какъ-то странно взглянула на Катерину Александровну и отрицательно покачала головой. Въ эту минуту раздался звонокъ, призывавшій къ ужину. Скворцова быстро встала, схватила руку Катерины Александровны и поцѣловала ее. Молодая дѣвушка наклонилась и поцѣловала воспитанницу въ губы. Скворцова какъ будто забылась отъ этого поцѣлуя, сжала въ своихъ объятіяхъ Катерину Александровну и покрыла ей лицо безчисленными поцѣлуями.

— Голубушка, красавица моя, ненаглядная!—страстно шептала она.—Если бы вы знали, какъ я васъ люблю!

Скворцова еще разъ сжала въ объятіяхъ Прилежаеву и выбѣжала изъ комнаты. Все это было такъ неожиданно, такъ необыкновенно, что Катерина Александровна опомнилась не вдругъ. Она машинально поправила волосы, задумчиво провела рукой по лбу и тихо пошла въ столовую. Она понимала, что въ душѣ Скворцовой происходило что-то необычайное, что-то тяжелое, но что именно—этого Прилежаева не могла объяснить себѣ. Во всякомъ случаѣ она рѣшилась попытаться и разузнать тайны бѣдной дѣвушки.

Слѣдующій день былъ днемъ отпусковъ на Пасху. Въ пріютѣ все шло вверхъ дномъ. Всѣ суетились, бѣгали, шу-

мѣли; въ пріемной толпились бѣдныя матери дѣтей съ узелками принесенной одежды; дѣти стремглавъ носились на половину Анны Васильевны, отпрашивались въ отпускъ, переодѣвались изъ пріютскаго платья въ свое, снова являлись къ Аннѣ Васильевнѣ, торопливо, на ходу, цѣловались съ подругами, прощались съ помощницами и улетали изъ своей клѣтки съ такою быстротой, что ихъ престарѣлыя матери и тетки были не въ силахъ догонять своихъ дѣтей. Среди этой возни помощницы тоже утомились не на шутку, считая одежду, оставленную дѣтьми, осматривая отпускаемыхъ воспитанницъ и объясняясь съ ихъ родителями. Впервые въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ оставшіяся воспитанницы шли къ обѣду не попарно; впервые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ за столомъ не только не было недостатка въ пищѣ, но былъ даже остатокъ ея. Пріютъ на одинъ день принялъ оживленный видъ, и послѣ постояннаго казарменнаго порядка, было просто отрадно видѣть разбросанные по полу лоскутки, обрѣзки бумаги и тому подобные предметы, оставленные дѣтьми. Пріютскія комнаты походили на казематы, изъ которыхъ, послѣ долгаго заключенія, узники вырвались на свободу.

— Ну, кажется, сегодня можно будетъ и отдохнуть,—замѣтила Ольга Никифоровна, раскраснѣвшаяся, какъ вареный ракъ, и облитая крупнымъ потомъ. — Ноги совсѣмъ пригоптались.

— Я тоже устала,—томно промолвила Марья Николаевна.—Впрочемъ, сегодня и безъ насъ посидятъ дѣти.

— Кто-нибудь изъ старшихъ присмотритъ,—рѣшила Ольга Никифоровна.—Скворцова можетъ.

Ольга Никифоровна знала, какой эффектъ это произведетъ на Марью Николаевну.

— Ну, ужъ нашли на кого положиться!—ядовито воскликнула Марья Николаевна.

— Отчего же на нее и не положиться?—спросила Катерина Александровна. — Впрочемъ, и я не пойду отдыхать; значитъ, можете быть покойны.

Катерина Александровна радовалась, что ей представится случай поговорить съ Скворцовой, не боясь соглядатаевъ.

— Да, гдѣ же Скворцова-то? Я ея не вижу,—произнесла Ольга Никифоровна, обводя комнату глазами.

Всѣ осмотрѣлись.

— Вотъ видите: изъ-за стола безъ позволенія вышла,—ѣдко замѣтила Марья Николаевна.—Хороша помощница!

— Она не была-съ за столомъ,—отозвался чей-то голосъ изъ среды воспитанницъ.

— Сходите за ней кто-нибудь! -велѣла Ольга Никифоровна.

Три воспитанницы выскочили изъ-за стола. Дѣти считали за счастіе возможность пробѣжаться.

— Вернитесь! Ступай ты, Кононова! — приказала Зубова.

Двѣ воспитанницы съ постными физіономіями вернулись на мѣсто, а третья, подпрыгивая, побѣжала на поиски.

— Она, вѣрно, лежитъ въ спальнѣ: ей давно нездоровится,—промолвила Катерина Александровна.

— Помилуйте, у нея щенки лопнуть хотятъ,—отвѣтила Марья Николаевна.

— Ее съ утра-съ нѣтъ, -снова раздался чей-то голосъ съ конца стола.

— Какъ съ утра нѣтъ?

— Да-съ, она и чаю не пила съ нами.

Катерина Александровна поблѣднѣла, какъ полотно; въ ней пробудилось предчувствіе чего-то недобраго.

— Это мило! Да она просто бѣжала!—воскликнула Марья Николаевна. -Вѣрно, Новиковой подражать вздумала: та тоже, два года тому назадъ, убѣжала! Негодная, развращенная дѣвчонка! Нашла какого-нибудь...

— Ну, Марья Николаевна, я вамъ не позволю,—прерывающимся голосомъ произнесла Катерина Александровна и поднялась съ мѣста. -Здѣсь дѣти!

— Ахъ, что вы мнѣ говорите, будто онѣ не знаютъ, что она развратная.

— Говорю вамъ: молчите! -еще болѣе взволнованнымъ тономъ произнесла Катерина Александровна, не помня, что она говоритъ.—Она, можетъ-быть, руки на себя наложила, а вы смѣете ее ругать! Стыдитесь! Вы сами женщина; вы сами вонъ до какого цвѣта лица дожили въ этой каторгѣ.

— А, такъ вамъ мой цвѣтъ лица не нравится!—уже со слезами въ голосѣ забормотала Постникова язвительнымъ тономъ.

— Не о томъ я говорю, что онъ некрасивъ, а о томъ, что онъ не отъ сладкой жизни явился.

Въ эту минуту явилась Кононова и объявила, что Скворцовой нигдѣ нѣтъ, что ее никто не видалъ съ утра.

Катерина Александровна въ волненіи, почти шатаясь, пошла по направленію къ дверямъ.

— Надо дать знать Аннѣ Васильевнѣ,—рѣшила Зубова.— Вѣдь она и казенное платье, значитъ, унесла. Мало, что бѣжала, такъ еще обворовала.

— Я и иду къ Аннѣ Васильевнѣ,—отозвалась съ порога Прилежаева.

— Что за форсъ явился! — иронически произнесла ей вслѣдъ Зубова.

— Это за мою любовь плата, за мою любовь!—хныкала Постникова.

Катерина Александровна, блѣдная и взволнованная, вошла въ гостиную Анны Васильевны. Лицо молодой дѣвушки было настолько встревожено, что Зорина невольно обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Что съ вами?

— У насъ несчастіе: Скворцова пропала,—отвѣтила Катерина Александровна.

— Какъ пропала? Не можетъ быть! Да когда же?

— Ее съ утра никто не видалъ.

— Боже мой! Боже мой! Да что же это такое?—воскликнула Анна Васильевна.—Что я скажу Боголюбову? Вѣдь это уже третій случай! Онъ меня со свѣту сживетъ. Этого только недоставало! Это награда къ праздникамъ!

Зорина въ волненіи заходила по комнатѣ.

— Надо принять мѣры, Анна Васильевна; надо ее отыскать, спасти,—проговорила Катерина Александровна.

— Ахъ, что вы мнѣ о ней толкуете!—вспылила Анна Васильевна.—Есть мнѣ дѣло до этой негодницы! Низкая тварь, она губитъ меня. Я бы, кажется, ее изъ своихъ рукъ задушила! А я еще всегда заботилась о ней, принимала ея сторону. Это не даромъ; это ее настроили; это кто-нибудь подъ меня подкопаться хочетъ. Боже мой, и за что же это все на меня обрушивается въ этомъ вертепѣ, въ этомъ аду!

Анна Васильевна была внѣ себя отъ тревоги.

— Ну, что я скажу Боголюбову? Что?—взволнованно восклицала она.—Вѣдь, можетъ-быть, онъ уже все знаетъ; можетъ-быть, она прямо къ нему прошла, наговорила на меня... У насъ каждую кухарку слушать станутъ... Всѣмъ вѣрятъ... Надо ѣхать, ѣхать надо! Нѣтъ, я не дамъ погубить себя такъ: я прежде всѣхъ погублю... я... я...

Анна Васильевна въ изнеможеніи опустилась на кресло. Видно было, что, подъ вліяніемъ сильнаго страха, она сама не сознавала, что говорила. Въ душѣ эта отставная

полковая барыня была вовсе не злою, но чувство самосохраненія заставляло эту, уже близкую къ бѣдности, женщину дѣлаться безпощадною въ отношеніи тѣхъ, кто, какимъ бы то ни было образомъ, содѣйствовалъ уничтоженію ея послѣднихъ средствъ къ жизни.

— Не ѣдите, Анна Васильевна: лучше прежде отыскать ее... Можетъ-быть, все уладится! — произнесла Катерина Александровна. Позвольте мнѣ...

— Что вы толкуете? Да развѣ я могу не ѣхать? Развѣ эта исторія не будетъ завтра же извѣстна и Боголюбову, и графинѣ, и всему городу? Это все на меня обрушится... Развѣ вы думаете, что мнѣ пріятны эти объясненія?.. Вы, кажется, должны были понять мой характеръ, мое стремленіе избѣжать дрязгъ и ссоръ...

— Дѣло во всякомъ случаѣ принесетъ вамъ непріятности,—проговорила Прилежаева. Такъ лучше устроить его такъ, чтобы спасти ребенка, а потомъ смягчить поступокъ бѣдной дѣвочки.

— Ребенка!.. Дѣвочки!.. воскликнула Анна Васильевна съ негодованіемъ.—Знаю я ихъ: это развратницы, выкидыши вертеповъ! А вы называете ее ребенкомъ, дѣвочкой! Милая рекомендація для васъ самихъ!

Катерина Александровна на мгновеніе вспыхнула и потомъ поблѣднѣла сильнѣе прежняго.

— Анна Васильевна, Скворцова поступила въ пріютъ семи лѣтъ, съ усиліемъ проговорила она и сдвинула брови.

Ея лицо приняло злое и суровое выраженіе.

— Ну, такъ что же?—перебила ее съ нетерпѣніемъ Зорина, уже начавшая переодѣваться.

— Она жила съ тѣхъ поръ безвыходно подъ этою кровлей... Гдѣ же она могла развратиться?..

Зорина окинула глазами Прилежаеву.

— Такъ не думаете ли вы, что мы ее развратили?—гнѣвно крикнула она.

— Это подумаютъ Боголюбовъ, графиня и княгиня. Они подумаютъ, что вы не умѣли смотрѣть за пріютомъ, что вы...

— Прошу васъ, не дѣлайте мнѣ дерзостей!—топнула ногой Зорина.—Вы думаете, что я уже вишу на волоскѣ, что меня выгонятъ, что меня нечего бояться! Вы ошибаетесь; вы жестоко ошибаетесь! Я останусь начальницей и не только останусь, но и выгоню всѣхъ, которыя думали сжить меня!

— И прекрасно дѣлаете,—сдержанно отвѣчала Катерина Александровна.—Но теперь дѣло не въ томъ; теперь нужно спасти Скворцову и по возможности не разглашать дѣла.

— Ступайте! Вы сдѣлали свое дѣло! Теперь я поѣду къ Боголюбову,—рѣшила Зорина.

— Ради Бога, ради всего святого не ѣздите!—горячо воскликнула молодая дѣвушка и сжала съ мучительнымъ выраженіемъ свои руки.—Вы сами были матерью; у васъ были дочери: сжальтесь надъ этою сиротой... Вѣдь это дѣло дойдетъ до полиціи; о ней подадутъ объявку... На ней даже казенное платье... Позвольте прежде отыскать ее. Вы доброе дѣло сдѣлаете! Вамъ Богъ заплатитъ за это!..

Анна Васильевна съ несвойственными ей въ обыкновенныя минуты черствостью и подозрительностью взглянула на Катерину Александровну и иронически спросила ее:

— Да ужъ вы не за одно ли съ нею?

Эти слова заставили очнуться Прилежаеву и понять, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло.

— Въ моей жизни нѣтъ пятенъ, и за себя я не боюсь,— твердо проговорила она.

— Ахъ, Боже мой, какая святость!—съ ироніей воскликнула старуха.—Я это сказала потому, что вы вчера еще разнѣжничались что-то со Скворцовой.

Катерина Александровна широко открыла глаза: она до сихъ поръ и не подозрѣвала, что даже у пріютскихъ стѣнъ есть глаза.

— Я именно потому-то и хлопочу о Скворцовой, что не далѣе, какъ вчера, я застала ее въ слезахъ, въ такомъ состояніи, въ какомъ можетъ быть человѣкъ передъ самоубійствомъ,—произнесла Прилежаева.

— Трогательно!—иронически замѣтила старуха, надѣвая шляпку.—Чувствительныя кухарки... Впрочемъ, мнѣ надо ѣхать... Ступайте!

Катерина Александровна молча вышла изъ комнаты. Въ ея головѣ шумѣло; ей казалось, что она находится въ какомъ-то чаду; она не помнила, что она говорила; она не могла обсудить, какъ она будетъ дѣйствовать дальше. Въ такія минуты человѣкъ идетъ напроломъ, бьетъ, можетъ-быть, не въ то мѣсто, куда надо бить, но что же дѣлать, если внутреннее волненіе и быстрота совершающагося неожиданнаго событія не даютъ возможности для строгаго начертанія плана дѣйствій. Катерина Александровна быстро прошла въ залу и позвала одну изъ подругъ Скворцовой.

— Не знаешь ли ты, куда она ушла? тихо спросила Катерина Александровна у дѣвочки.

— Не знаю-съ! отвѣчала та, видимо прилагая всѣ усилія, чтобы прямо смотрѣть въ глаза Прилежаевой.

— Ты не бойся! Ни ей, ни тебѣ худо не будетъ, если ты скажешь...

— Я не знаю-съ,—быстро и отчетливо отвѣтила воспитанница, какъ отвѣчаютъ отпирающіеся отъ преступленія арестанты.

— Но какъ ты предполагаешь?—начала Прилежаева, ласково смотря на дѣвочку. Ты, можетъ-быть, своимъ предположеніемъ дашь возможность спасти ее...

— Я не знаю-съ! еще бойчѣе отвѣтила воспитанница.

Катерина Александровна потерянно отошла отъ нея и пробралась въ спальню дѣтей. Въ ея головѣ мелькнула новая мысль. Прилежаева вошла въ спальню: тамъ не было ни души; она подошла къ постели Скворцовой и отперла ея шкапъ. Тамъ было нѣсколько книгъ, нѣсколько ленточекъ и цвѣтныхъ лоскуточковъ. Катерина Александровна съ минуту оставалась въ нерѣшимости; потомъ торопливо начала осматривать каждую вещицу, перелистывать каждую книгу, каждую тетрадь. Осмотръ продолжался долго, но результатовъ не было никакихъ. Катерина Александровна уже начинала отчаиваться въ успѣхѣ, когда на полъ изъ одной тетради упалъ какой-то лоскутокъ бумаги: это былъ очень маленькій кусочекъ почтовой бумаги, на немъ стояли буквы: *лой Ник.* Катерина Александровна начала быстро рыться въ тетради, но въ ней не было больше ничего. Молодая дѣвушка снова начала вынимать изъ шкапа и перетряхать лоскутки, книги и тетради. Послѣ долгихъ усилій передъ Прилежаевой упало еще два лоскутка почтовой бумаги; одинъ изъ нихъ подходилъ къ нижней части найденнаго ею прежде клочка, но на этомъ лоскуткѣ не было ничего написано. Прошло еще минутъ пять въ тщетныхъ поискахъ, и у молодой дѣвушки очутилась въ рукахъ еще полоска бумаги съ буквами: *Ивано.* За этими буквами слѣдовало чернильное пятно. Катерина Александровна сидѣла надъ этими лоскутками и уже догадывалась, что они составляютъ первую строку недописаннаго письма, разорваннаго и брошеннаго, вѣроятно, вслѣдствіе упавшей на него чернильной капли. Прилежаева стала машинально перелистывать краткій катихизисъ, покрытый помѣтками и исписанный рукой Скворцовой. На одной изъ страницъ этой

ветхой книги молодой дѣвушкѣ бросилась въ глаза надпись: «милой Коля!». Катерина Александровна стала еще прилежнѣе искать въ книгѣ объясненія загадки, но его не находилось. Среди различныхъ замѣтокъ въ книгѣ поражали только постоянно встрѣчавшіяся большія заглавныя буквы: Н. И. Р., переплетенныя въ самые затѣйливые вензеля. Она поспѣшно уложила вещи въ шкапъ и, вся раскраснѣвшаяся, пошла въ рабочую комнату. Въ коридорѣ ей попалась одна изъ взрослыхъ воспитанницъ.

— Къ кому писала письма Скворцова? — неожиданно спросила Катерина Александровна.

— Къ Рождественскому-съ,—отвѣтила скороговоркой дѣвушка и вдругъ вся покраснѣла до ушей.—Я не знаю-съ; она ни къ кому не писала-съ... Ей-Богу-съ,—забормотала она.

— Мнѣ больше ничего не надо!—проговорила Катерина Александровна.

— Это я такъ... Вотъ вамъ Христосъ-съ!—клялась, чуть не плача, дѣвочка.

— Полно,—перебила ее Катерина Александровна.—Чего ты боишься? Развѣ я стану разсказывать?

Прилежаева торопливо вошла въ залу. Тамъ сидѣли Постникова и Зубова, окруженныя нѣсколькими изъ младшихъ воспитанницъ.

— А, адвокатъ Скворцовой идетъ!—засмѣялась Зубова своимъ грубымъ смѣхомъ.—Нечего сказать, за хорошаго человѣка заступаетесь. Вонъ послушали бы, что дѣти-то говорятъ: она записочки Рождественскому передавала. Вѣрно, къ нему и въ гости пошла.

Тайна, которую съ такимъ трудомъ старалась открыть Катерина Александровна, была уже извѣстна другимъ двумъ помощницамъ черезъ маленькихъ шпіоновъ.

Катерина Александровна ничего не отвѣтила Зубовой и прошла въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла изъ пріюта. Она дошла до перваго извозчика и, не торгуясь, какъ бы безсознательно сѣла на дрожки. Она все еще не могла придти въ себя. Она опомнилась и испугалась предпринятаго ею дѣла только тогда, когда ей удалось найти жалкую и темную переднюю квартиры, въ числѣ жильцовъ которой былъ Рождественскій. Катерину Александровну поразилъ тяжелый воздухъ этой передней: здѣсь пахло водкой, жженымъ кофе, постнымъ масломъ. Это была какая-то трущоба. Въ концѣ

— Не знаешь ли ты, куда она ушла?—тихо спрос Катерина Александровна у дѣвочки.

— Не знаю-съ!—отвѣчала та, видимо прилагая всѣ у лія, чтобы прямо смотрѣть въ глаза Прилежаевой.

— Ты не бойся! Ни ей, ни тебѣ худо не будетъ, е ты скажешь...

— Я не знаю-съ,—быстро и отчетливо отвѣтила вос танница, какъ отвѣчаютъ отпирающіеся отъ преступле арестанты.

— Но какъ ты предполагаешь?—начала Прилежае ласково смотря на дѣвочку.—Ты, можетъ-быть, сво предположеніемъ дашь возможность спасти ее...

— Я не знаю-съ!—еще бойчѣе отвѣтила воспитанни

Катерина Александровна нетерпѣливо отошла отъ не пробралась въ спальню дѣтей. Въ ея головѣ мелькнула вая мысль. Прилежаева вошла въ спальню: тамъ не бы ни души; она подошла къ постели Скворцовой и отпе ея шкапъ. Тамъ было нѣсколько книгъ, нѣсколько лев чекъ и цвѣтныхъ лоскуточковъ. Катерина Александро съ минуту оставалась въ нерѣшимости; потомъ торопл начала осматривать каждую вещицу, перелистывать каж книгу, каждую тетрадь. Осмотръ продолжался долго, но зультатовъ не было никакихъ. Катерина Александровна начинала отчаиваться въ успѣхѣ, когда на полъ изъ од тетради упалъ какой-то лоскутокъ бумаги: это былъ оч маленькій кусочекъ почтовой бумаги, на немъ сто буквы: *лой Ник.* Катерина Александровна начала быс рыться въ тетради, но въ ней не было больше ничего. молодая дѣвушка снова начала вынимать изъ шкапа и пе тряхать лоскутки, книги и тетради. Послѣ долгихъ уси передъ Прилежаевой упало еще два лоскутка почтовой маги; одинъ изъ нихъ подходилъ къ нижней части н деннаго ею прежде клочка, но на этомъ лоскуткѣ не бы ничего написано. Прошло еще минутъ пять въ тщетны поискахъ, и у молодой дѣвушки очутилась въ рукахъ е полоска бумаги съ буквами: *Ивано.* За этими буквами с довало чернильное пятно. Катерина Александровна сид надъ этими лоскутками и уже догадывалась, что они ставляютъ первую строку недописаннаго письма, разорв наго и брошеннаго, вѣроятно, вслѣдствіе упавшей на н чернильной капли. Прилежаева стала машинально пере стывать краткій катихизисъ, покрытый помѣтками и ис санный рукой Скворцовой. На одной изъ страницъ э

ветхой книги молодой дѣвушкѣ бросилась въ глаза надпись: «милой Коля!». Катерина Александровна стала еще прилежнѣе искать въ книгѣ объясненія загадки, но его не находилось. Среди различныхъ замѣтокъ въ книгѣ поражали только постоянно встрѣчавшіяся большія заглавныя буквы: Н. И. Р., переплетенныя въ самые затѣйливые вензеля. Она поспѣшно уложила вещи въ шкапъ и, вся раскраснѣвшаяся, пошла въ рабочую комнату. Въ коридорѣ ей попалась одна изъ взрослыхъ воспитанницъ.

— Къ кому писала письма Скворцова? — неожиданно спросила Катерина Александровна.

— Къ Рождественскому-съ,—отвѣтила скороговоркой дѣвушка и вдругъ вся покраснѣла до ушей.—Я не знаю-съ; она ни къ кому не писала-съ... Ей-Богу-съ,—забормотала она.

— Мнѣ больше ничего не надо!—проговорила Катерина Александровна.

— Это я такъ... Вотъ вамъ Христосъ-съ!—клялась, чуть не плача, дѣвочка.

— Полно,—перебила ее Катерина Александровна.—Чего ты боишься? Развѣ я стану разсказывать?

Прилежаева торопливо вошла въ залу. Тамъ сидѣли Постникова и Зубова, окруженныя нѣсколькими изъ младшихъ воспитанницъ.

— А, адвокатъ Скворцовой идетъ!—засмѣялась Зубова своимъ грубымъ смѣхомъ.—Нечего сказать, за хорошаго человѣка заступаетесь. Вонъ послушали бы, что дѣти-то говорятъ: она записочки Рождественскому передавала. Вѣрно, къ нему и въ гости пошла.

Тайна, которую съ такимъ трудомъ старалась открыть Катерина Александровна, была уже извѣстна другимъ двумъ помощницамъ черезъ маленькихъ шпіоновъ.

Катерина Александровна ничего не отвѣтила Зубовой и прошла въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла изъ пріюта. Она дошла до перваго извозчика и, не торгуясь, какъ бы безсознательно сѣла на дрожки. Она все еще не могла придти въ себя. Она опомнилась и испугалась предпринятаго ею дѣла только тогда, когда ей удалось найти жалкую и темную переднюю квартиры, въ числѣ жильцовъ которой былъ Рождественскій. Катерину Александровну поразилъ тяжелый воздухъ этой передней: здѣсь пахло водкой, жженымъ кс , постнымъ масломъ. Это была какая-то трущоба. Въ конц

— Не знаешь ли ты, куда она ушла?—тихо спросила Катерина Александровна у дѣвочки.

— Не знаю-съ!—отвѣчала та, видимо прилагая всѣ усилія, чтобы прямо смотрѣть въ глаза Прилежаевой.

— Ты не бойся! Ни ей, ни тебѣ худо не будетъ, если ты скажешь...

— Я не знаю-съ,—быстро и отчетливо отвѣтила воспитанница, какъ отвѣчаютъ отпирающіеся отъ преступленія арестанты.

— Но какъ ты предполагаешь?—начала Прилежаева, ласково смотря на дѣвочку.—Ты, можетъ-быть, своимъ предположеніемъ дашь возможность спасти ее...

— Я не знаю-съ! - еще бойчѣе отвѣтила воспитанница.

Катерина Александровна нетерпѣливо отошла отъ нея и пробралась въ спальню дѣтей. Въ ея головѣ мелькнула новая мысль. Прилежаева вошла въ спальню: тамъ не было ни души; она подошла къ постели Скворцовой и отперла ея шкапъ. Тамъ было нѣсколько книгъ, нѣсколько ленточекъ и цвѣтныхъ лоскуточковъ. Катерина Александровна съ минуту оставалась въ нерѣшимости; потомъ торопливо начала осматривать каждую вещицу, перелистывать каждую книгу, каждую тетрадь. Осмотръ продолжался долго, но результатовъ не было никакихъ. Катерина Александровна уже начинала отчаиваться въ успѣхѣ, когда на полъ изъ одной тетради упалъ какой-то лоскутокъ бумаги: это былъ очень маленькій кусочекъ почтовой бумаги, на немъ стояли буквы: *лой Ник.* Катерина Александровна начала быстро рыться въ тетради, но въ ней не было больше ничего. Молодая дѣвушка снова начала вынимать изъ шкапа и перетряхать лоскутки, книги и тетради. Послѣ долгихъ усилій передъ Прилежаевой упало еще два лоскутка почтовой бумаги; одинъ изъ нихъ подходилъ къ нижней части найденнаго ею прежде клочка, но на этомъ лоскуткѣ не было ничего написано. Прошло еще минутъ пять въ тщетныхъ поискахъ, и у молодой дѣвушки очутилась въ рукахъ еще полоска бумаги съ буквами: *Ивано.* За этими буквами слѣдовало чернильное пятно. Катерина Александровна сидѣла надъ этими лоскутками и уже догадывалась, что они составляютъ первую строку недописаннаго письма, разорваннаго и брошеннаго, вѣроятно, вслѣдствіе упавшей на него чернильной капли. Прилежаева стала машинально перелистывать краткій катихизисъ, покрытый помѣтками и исписанный рукой Скворцовой. На одной изъ страницъ этой

ветхой книги молодой дѣвушкѣ бросилась въ глаза надпись: «милой Коля!». Катерина Александровна стала еще прилежнѣе искать въ книгѣ объясненія загадки, но его не находилось. Среди различныхъ замѣтокъ въ книгѣ поражали только постоянно встрѣчавшіяся большія заглавныя буквы: Н. И. Р., переплетенныя въ самые затѣйливые вензеля. Она поспѣшно уложила вещи въ шкапъ и, вся раскраснѣвшаяся, пошла въ рабочую комнату. Въ коридорѣ ей попалась одна изъ взрослыхъ воспитанницъ.

— Къ кому писала письма Скворцова? — неожиданно спросила Катерина Александровна.

— Къ Рождественскому-съ,—отвѣтила скороговоркой дѣвушка и вдругъ вся покраснѣла до ушей.—Я не знаю-съ; она ни къ кому не писала-съ... Ей-Богу-съ,—забормотала она.

— Мнѣ больше ничего не надо!—проговорила Катерина Александровна.

— Это я такъ... Вотъ вамъ Христосъ-съ!—клялась, чуть не плача, дѣвочка.

— Полно,—перебила ее Катерина Александровна.—Чего ты боишься? Развѣ я стану разсказывать?

Прилежаева торопливо вошла въ залу. Тамъ сидѣли Постникова и Зубова, окруженныя нѣсколькими изъ младшихъ воспитанницъ.

— А, адвокатъ Скворцовой идетъ!—засмѣялась Зубова своимъ грубымъ смѣхомъ.—Нечего сказать, за хорошаго человѣка заступаетесь. Вонъ послушали бы, что дѣти-то говорятъ: она записочки Рождественскому передавала. Вѣрно, къ нему и въ гости пошла.

Тайна, которую съ такимъ трудомъ старалась открыть Катерина Александровна, была уже извѣстна другимъ двумъ помощницамъ черезъ маленькихъ шпіоновъ.

Катерина Александровна ничего не отвѣтила Зубовой и прошла въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла изъ пріюта. Она дошла до перваго извозчика и, не торгуясь, какъ бы безсознательно сѣла на дрожки. Она все еще не могла придти въ себя. Она опомнилась и испугалась предпринятаго ею дѣла только тогда, когда ей удалось найти жалкую и темную переднюю квартиры, въ числѣ жильцовъ которой былъ Рождественскій. Катерину Александровну поразилъ тяжелый воздухъ этой передней: здѣсь пахло водкой, жженымъ кофе, постнымъ масломъ. Это была какая-то трущоба. Въ концѣ

— Не знаешь ли ты, куда она ушла? тихо спросила Катерина Александровна у дѣвочки.

— Не знаю-съ!—отвѣчала та, видимо прилагая всѣ усилія, чтобы прямо смотрѣть въ глаза Прилежаевой.

— Ты не бойся! Ни ей, ни тебѣ худо не будетъ, если ты скажешь...

— Я не знаю-съ,— быстро и отчетливо отвѣтила воспитанница, какъ отвѣчаютъ отпирающіеся отъ преступленія арестанты.

— Но какъ ты предполагаешь?—начала Прилежаева, ласково смотря на дѣвочку. Ты, можетъ-быть, своимъ предположеніемъ дашь возможность спасти ее...

— Я не знаю-съ! еще бойчѣе отвѣтила воспитанница.

Катерина Александровна нетерпѣливо отошла отъ нея и пробралась въ спальню дѣтей. Въ ея головѣ мелькнула новая мысль. Прилежаева вошла въ спальню: тамъ не было ни души; она подошла къ постели Скворцовой и отперла ея шкапъ. Тамъ было нѣсколько книгъ, нѣсколько ленточекъ и цвѣтныхъ лоскуточковъ. Катерина Александровна съ минуту оставалась въ нерѣшимости; потомъ торопливо начала осматривать каждую вещицу, перелистывать каждую книгу, каждую тетрадь. Осмотръ продолжался долго, но результатовъ не было никакихъ. Катерина Александровна уже начинала отчаиваться въ успѣхѣ, когда на полъ изъ одной тетради упалъ какой-то лоскутокъ бумаги: это былъ очень маленькій кусочекъ почтовой бумаги, на немъ стояли буквы: *лой Ник.* Катерина Александровна начала быстро рыться въ тетради, но въ ней не было больше ничего. Молодая дѣвушка снова начала вынимать изъ шкапа и перетряхать лоскутки, книги и тетради. Послѣ долгихъ усилій передъ Прилежаевой упало еще два лоскутка почтовой бумаги; одинъ изъ нихъ подходилъ къ нижней части найденнаго ею прежде клочка, но на этомъ лоскуткѣ не было ничего написано. Прошло еще минутъ пять въ тщетныхъ поискахъ, и у молодой дѣвушки очутилась въ рукахъ еще полоска бумаги съ буквами: *Ивано.* За этими буквами слѣдовало чернильное пятно. Катерина Александровна сидѣла надъ этими лоскутками и уже догадывалась, что они составляютъ первую строку недописаннаго письма, разорваннаго и брошеннаго, вѣроятно, вслѣдствіе упавшей на него чернильной капли. Прилежаева стала машинально перелистывать краткій катихизисъ, покрытый помѣтками и исписанный рукой Скворцовой. На одной изъ страницъ этой

сѣтхой книги молодой дѣвушкѣ бросилась въ глаза надпись: «милой Коля!». Катерина Александровна стала еще прилежнѣе искать въ книгѣ объясненія загадки, но его не находилось. Среди различныхъ замѣтокъ въ книгѣ поражали только постоянно встрѣчавшіяся большія заглавныя буквы: Н. И. Р., переплетенныя въ самые затѣйливые вензеля. Она поспѣшно уложила вещи въ шкапъ и, вся раскраснѣвшаяся, пошла въ рабочую комнату. Въ коридорѣ ей попалась одна изъ взрослыхъ воспитанницъ.

— Къ кому писала письма Скворцова? — неожиданно спросила Катерина Александровна.

— Къ Рождественскому-съ,—отвѣтила скороговоркой дѣвушка и вдругъ вся покраснѣла до ушей.—Я не знаю-съ; она ни къ кому не писала-съ... Ей-Богу-съ,—забормотала она.

— Мнѣ больше ничего не надо!—проговорила Катерина Александровна.

— Это я такъ... Вотъ вамъ Христосъ-съ!—клялась, чуть не плача, дѣвочка.

— Полно,—перебила ее Катерина Александровна.—Чего ты боишься? Развѣ я стану разсказывать?

Прилежаева торопливо вошла въ залу. Тамъ сидѣли Постникова и Зубова, окруженныя нѣсколькими изъ младшихъ воспитанницъ.

— А, адвокатъ Скворцовой идетъ!—засмѣялась Зубова своимъ грубымъ смѣхомъ.—Нечего сказать, за хорошаго человѣка заступаетесь. Вонъ послушали бы, что дѣти-то говорятъ: она записочки Рождественскому передавала. Вѣрно, къ нему и въ гости пошла.

Тайна, которую съ такимъ трудомъ старалась открыть Катерина Александровна, была уже извѣстна другимъ двумъ помощницамъ черезъ маленькихъ шпіоновъ.

Катерина Александровна ничего не отвѣтила Зубовой и прошла въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла изъ пріюта. Она дошла до перваго извозчика и, не торгуясь, какъ бы безсознательно сѣла на дрожки. Она все еще не могла придти въ себя. Она опомнилась и испугалась предпринятаго ею дѣла только тогда, когда ей удалось найти жалкую и темную переднюю квартиры, въ числѣ жильцовъ которой былъ Рождественскій. Катерину Александровну поразилъ тяжелый воздухъ этой передней: здѣсь пахло водкой, жженымъ кофе, постнымъ масломъ. Это была какая-то трущоба. Въ концѣ

коридора слышались шумные мужскіе голоса, принадлежавшіе, повидимому, порядочно охмелѣвшимъ собесѣдникамъ. Спросивъ у какой-то чухонки, отворившей дверь, въ которой комнатѣ живетъ Рождественскій, Катерина Александровна ощупью пошла по темному коридору.

— Николай Ивановичъ, къ вамъ еще гостья,—крикнула чухонка.

Эти слова заставили Прилежаеву вздрогнуть. Она быстро отворила дверь и почти натолкнулась на хозяина комнаты, заслонившаго ей дорогу.

— Что вы-съ? Какъ вы сюда попали?—пробормоталъ онъ, неуклюже стоя передъ посѣтительницей.

— Я пріѣхала за Скворцовой,—рѣшительно проговорила Катерина Александровна, глядя прямо въ глаза совершенно растерявшемуся молодому человѣку.

Онъ былъ блѣденъ; его волосы были въ безпорядкѣ. По всему было замѣтно, что и для него прошелъ этотъ день недаромъ.

— За какою Скворцовой? Я не знаю-съ...—пробормоталъ онъ, окончательно растерявшись.

— Что вы мнѣ говорите, когда всѣ знаютъ, что она ушла къ вамъ!—перебила его Катерина Александровна.

— Какъ-съ? всѣ?—воскликнулъ онъ, отступая на шагъ.— Господи, что же это такое? Погубила, совсѣмъ погубила и меня, и себя. Я вѣдь говорилъ, говорилъ!—онъ схватился за голову.

— Какъ вамъ не стыдно было обольстить бѣднаго ребенка!—съ упрекомъ промолвила Прилежаева.

— Помилуйте! Я-съ... я тутъ не при чемъ,—заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ.—Что же я могъ сдѣлать?.. Я ее отсылалъ; я говорилъ... Не могъ же я силой... Боже мой, что же это со мною будетъ... Вѣдь вотъ не послушалась... Погубила...

Катерина Александровна съ невольнымъ отвращеніемъ смотрѣла на этого человѣка.

— Если бы вы знали, какъ я противился...—бормоталъ онъ.—Это она сама во всемъ виновата...

Въ эту минуту за ширмами послышались задушаемыя рыданія. Катерина Александровна быстро подошла къ ширмамъ. За ними, на смятой постели, уткнувъ голову въ подушку, сидѣла Скворцова. Ея тѣло конвульсивно вздрагивало отъ подавляемыхъ рыданій.

— Наташа, полно! Это я,—проговорила съ состра-

ніемъ и лаской Прилежаева.—Не бойся, никто не знаетъ, гдѣ ты...

— Я не пойду, не пойду... я умру здѣсь,—бормотала дѣвушка, судорожно выбиваясь изъ рукъ Катерины Александровны.

— Полно, бѣдная!—ласково шептала Прилежаева.—Поѣдемъ... Я скажу, что встрѣтила тебя на дорогѣ... У себя въ квартирѣ... Что-нибудь придумаемъ... Торопись: не то будетъ поздно.

— Слушайтесь же... Вамъ онѣ добра желаютъ... Не губите ни меня, ни себя,—бормоталъ Рождественскій.—Вотъ вашъ капоръ...

Катерина Александровна обернулась къ нему блѣднымъ лицомъ.

— Подите прочь!—тихо произнесла она.

— Войдите въ мое положеніе... Я готовъ бы ее оставить, если бы... Какъ же бѣжала...

— Подите прочь!—настойчиво произнесла еще разъ Прилежаева и обратилась къ Наташѣ.—Поѣдемъ же! Торопись. Надо скорѣе.

— Голубушка, родная! Лучше я руки на себя наложу!—рыдала дѣвушка.

— Полно, полно: все обойдется!—утѣшала ее Катерина Александровна.—Я не дамъ тебя въ обиду.

— Не хочу я жить, не хочу!.. Если бы вы знали!..—дѣвочка снова зарыдала еще сильнѣе.

Это была тяжелая, мучительная сцена. Катерина Александровна дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Я выйду изъ пріюта, я не хочу быть тамъ!—говорила Скворцова.

— Пойми ты, что тебя заставятъ вернуться, что у тебя ни паспорта нѣтъ, ни права выйти изъ пріюта. Тебя могутъ съ полиціей взять, могутъ за воровство наказать,—объясняла Катерина Александровна.

— Я не раба имъ, не крѣпостная!—кричала дѣвочка.

— Дитя, ты сама не знаешь, что говоришь,—съ горечью произнесла Катерина Александровна.—Они могутъ силой взять тебя...

Прошелъ цѣлый часъ. Катерина Александровна сдѣлала нечеловѣческія усилія, чтобы объяснить Наташѣ необходимость возвратиться въ пріютъ. Наконецъ, Скворцова, съ распухшими глазами, покрытымъ пятнами лицомъ, едва стоя на ногахъ, вышла изъ комнаты Рождественскаго.

— Ради Бога, не выдайте-съ меня!— проговорилъ онъ, обращаясь къ Прилежаевой.

— Позаботьтесь, чтобы васъ не выдали въ вашемъ домѣ,—сказала Катерина Александровна.

— Здѣсь только служанка знаетъ-съ...

— Ну, такъ и не велите ей говорить...

Она вышла съ Наташей на улицу. У воротъ стоялъ извозчикъ.

— Къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ,—сказала ему Катерина Александровна, садясь съ дѣвочкой на дрожки.

Обѣ молодыя дѣвушки ѣхали молча. Такъ же безмолвно поднялись онѣ на лѣстницу и вошли въ квартиру, гдѣ жила Марья Дмитріевна.

— Катюша, что съ тобою? На тебѣ лица нѣтъ!— воскликнула Марья Дмитріевна, всплеснувъ руками.

— Послѣ, мама, послѣ! Теперь приготовь чаю и дай умыться ей и мнѣ,— проговорила Катерина Александровна и вздохнула широкимъ вздохомъ, словно желая облегчить стѣсненную грудь.

Марья Дмитріевна совсѣмъ растерялась и не знала, за что взяться. Катерина Александровна тихо промолвила ей:

— Ты не бойся: со мною ничего не случилось: я просто устала, исполняя порученіе начальницы. У этой бѣдной дѣвочки несчастіе случилось.

— Господи, а я ужъ думала, не съ тобою ли что, храни Владыко, сдѣлалось,— проговорила Марья Дмитріевна съ облегченной грудью и болѣе спокойно принялась за дѣло.

Наташа, между тѣмъ, машинально умылась и стала приглаживать волосы. Она безмолвно и покорно повиновалась Катеринѣ Александровнѣ.

Штабсъ-капитанъ, заслышавъ голосъ Катерины Александровны, спросилъ: можно ли войти?

— Нѣтъ,—отозвалась Катерина Александровна.—Я зайду къ вамъ сама.

Она вошла въ комнату старика.

— Что это вы, милѣйшая Катерина Александровна, сами на себя не похожи? — спросилъ старикъ.

— Непріятности случились!—проговорила Катерина Александровна, опускаясь на стулъ.

— Съ вами?

— Нѣтъ.

Молодая дѣвушка тихо передала старику въ немногихъ словахъ всю исторію.

— Проклятіе! проклятіе! Совсѣмъ погубили!—пробормоталъ старикъ.—Теперь надо отстаивать, непремѣнно отстаивать.

— Разумѣется! Не знаю только, какъ сказать, гдѣ я ее встрѣтила?—задумалась Катерина Александровна.

— Ну, да скажите, что встрѣтили на улицѣ. Тутъ придумывать ничего нельзя. Станутъ наводить справки... Лишь бы отъ наказанія отстоять...

— Меня, право, въ жаръ бросаетъ, какъ подумаю, что съ нею будетъ!—вздрогнула Катерина Александровна.

— А вы не думайте! Впередъ тутъ ничего не придумаете. Надо дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами. Только не унывайте!

Старикъ еще нѣсколько минутъ ободрялъ Катерину Александровну; наконецъ, Марья Дмитріевна позвала ее къ чаю. Выпивъ наскоро чашку чаю, осмотрѣвъ костюмъ Наташи, Катерина Александровна поднялась съ мѣста и отправилась въ пріютъ. Ей хотѣлось, чтобы дорогѣ не было конца. Ее давила мысль о встрѣчѣ Наташи съ Постниковой, Зубовой, Анной Васильевной и дѣтьми. Впервые Катерина Александровна не просто не любила пріютъ, но ненавидѣла его, какъ каторгу, какъ вертепъ гибели. Какъ гадки казались ей эти обнаженныя желтыя стѣны съ сырыми темными пятнами! какъ страшны казались ей эти окна съ бѣлою краской—эти покрытые бѣлилами, ненавидящіе свѣта и жизни глаза!

Она вошла съ Наташей въ переднюю и прошла въ свою комнату какъ-то воровски.

— Сиди здѣсь покуда!—тихо сказала она Наташѣ и поцѣловала ее въ лобъ.

Черезъ минуту она была у Анны Васильевны.

— Анна Васильевна, я привезла Скворцову!—проговорила Прилежаева.

— А! у Рождественскаго изволили быть?—спросила Анна Васильевна, которой уже были переданы всѣ пріютскіе толки и сплетни.

— Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ было къ нему ѣздить!—промолвила Катерина Александровна.—Я просто поѣхала домой освѣжиться, напиться у матери чаю. Вдругъ... гляжу,—по дорогѣ идетъ Скворцова, вся въ слезахъ, совсѣмъ ослабѣвшая. Я ее окликнула. Она остановилась и мнѣ удалось взять ее съ собою. Я едва ее успокоила. Она, должно-быть, нездорова. Дѣти говорятъ, что она недавно всю ночь бредила. Разъ я сама слышала, какъ она плакала ночью...

Катерина Александровна говорила торопливо, безсвязно.

— Ахъ, да что вы мнѣ все это разсказываете?—перебила ее Зорина.—Посадите ее въ классную комнату, заприте тамъ, и пусть сидитъ на хлѣбѣ и водѣ, покуда придетъ распоряженіе отъ графини...

— Какъ? Развѣ она уже знаетъ?—воскликнула Катерина Александровна.

— Конечно. Боголюбовъ тотчасъ же поѣхалъ къ ней,—отвѣтила Анна Васильевна.—Ступайте. Распорядитесь.

Катерина Александровна молча вышла изъ комнаты. Ея сердце замирало отъ боли. Она не знала, не могла предугадать, что̀ ждетъ Скворцову, но хорошаго ожидать было нельзя. Катерина Александровна знала графиню Бѣлокопытову, знала, что за благочестивою внѣшностью, за мягкими фразами скрывались крайне черствое сердце и крайне узкій умъ, какіе могутъ быть только у женщины, не знающей дѣйствительной жизни. Въ пріютѣ всѣ дѣти боялись графини, какъ пугала. Они дрожали, когда она, сгорбившись и торопливо перебирая ногами, проходила передъ ними и скороговоркой бормотала: «Хорошо ли молитесь, милыя?» «Батюшку не обманываете ли?» «Богъ все видитъ, за все наказываетъ позабывшихъ Его». Что-то сухое и черствое слышалось въ словахъ графини, когда однажды, узнавъ о смерти одной изъ воспитанницъ, она сказала матери умершаго ребенка:

— Это счастье! умереть въ дѣтствѣ—милость Божія. Надо молиться, а не плакать, когда умираютъ дѣти.

Катерина Александровна слышала эти слова и понимала, что мать умершей думала не такъ, какъ графиня, смотря на исхудалый трупъ своего ребенка. Этой-то полусумасшедшей женщинѣ предстояло рѣшить участь Скворцовой. Наташа была посажена въ классъ; Катерина Александровна принесла ей подушку и чаю.

Бѣдная дѣвочка все еще находилась въ какомъ-то полузабытьѣ. Въ ней трудно было узнать ту строптивую и дерзкую Скворцову, которая еще наканунѣ готова была огрызаться со всѣми. Повидимому, ударъ, перенесенный ею, былъ слишкомъ силенъ и оглушилъ ее, какъ ударъ грома. Катерина Александровна, съ свойственною молодымъ существамъ деликатностью, не спрашивала у дѣвушки никакихъ подробностей. Тревожную, тяжелую ночь провела Катерина Александровна, ожидая, что за вѣсти получатся на другой день отъ графини.

Рано утромъ по пріюту разнеслась новость, гласившая, что Анну Васильевну приглашаетъ графиня къ себѣ. Въ десятомъ часу Зорина уѣхала. Катерина Александровна не могла спокойно посидѣть на мѣстѣ, ожидая ея возвращенія. Она десятки разъ подходила къ окну, прислушиваясь къ стуку экипажей, вздрагивала при звукахъ колокольчика въ передней.

Наконецъ, въ залѣ появилась Анна Васильевна. Старуха раскраснѣлась и въ ея движеніяхъ было что-то порывистое, раздражительное. Было сразу замѣтно, что она выдержала не совсѣмъ пріятную сцену.

— Не выпускайте Скворцову въ теченіе всѣхъ праздниковъ,—обратилась она на ходу къ Зубовой.—Дайте ей Евангеліе: пусть читаетъ.

Старуха уже хотѣла пройти на свою половину, когда Катерина Александровна спросила ее:

— На сколько времени назначенъ арестъ?

— До Ѳоминой недѣли, когда всѣ дѣти соберутся,— отвѣтила Зорина.—До нихъ не велѣно наказывать.

— Какъ, наказывать?

— Высѣкутъ ее при всѣхъ...

Катерина Александровна сдѣлала шагъ впередъ съ широко открытыми глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ и поспѣшила опереться о первый попавшійся предметъ.

— Что съ вами? Вамъ, кажется, дурно?—насмѣшливо спросила Зубова.

Катерина Александровна провела рукой по лбу.

— Нѣтъ, этого не будетъ! это варварство! она не крѣпостная!—рѣшительнымъ тономъ проговорила она.

Зорина, направившаяся къ дверямъ своей половины, обернулась къ Прилежаевой.

— Не вы ли не позволите?—спросила она съ удивленіемъ.—Неужели вы думаете, что я очень рада возможности высѣчь большую воспитанницу? Я, кажется, рѣже всѣхъ наказываю дѣтей. Если же Скворцову я велю высѣчь, то это ужъ, конечно, будетъ сдѣлано, потому что отстоять ее было нельзя.

Въ голосѣ Анны Васильевны было что-то горькое. Дѣйствительно, старуха не притѣсняла дѣтей, не притѣсняла ихъ уже просто потому, что не любила дрязгъ, плача и криковъ. Она бранила Скворцову, узнавъ о бѣгствѣ послѣдней, но если бы это бѣгство могло не отозваться дурно на ней самой, то она, вѣрно, и за него только пожурила бы

дѣвушку и тѣмъ покончила бы дѣло. Старая полковая барыня очень снисходительно смотрѣла на то, что она называла «шалостями»; она очень не любила наказаній и слезъ наказываемыхъ; она болѣе всего была склонна смотрѣть на все сквозь пальцы, если только поступки постороннихъ людей не грозили отнятіемъ у нея послѣдняго куска хлѣба, то-есть ея мѣста. Старуха круто повернулась къ дверямъ и вышла. Дѣло было въ Страстную Пятницу. Дѣти, подъ предводительствомъ помощницъ, пошли въ церковь. Въ пріютѣ осталась одна Скворцова и Катерина Александровна. Послѣдняя ходила въ грустномъ размышленіи по комнатѣ и еще не рѣшалась идти къ Скворцовой, чтобы подготовить ее понемногу къ печальнымъ новостямъ и ободрить надеждой на отмѣну тяжелаго наказанія, о которомъ, навѣрное, въ этотъ же день поспѣшатъ сообщить ей и Постникова, и Зубова.

Было около двухъ часовъ, когда къ пріюту подъѣхала карета. Катерина Александровна не обратила на нее никакого вниманія и все еще ходила по залѣ, когда передъ нею широко распахнулись швейцарскою рукой обѣ половинки дверей и въ комнату торопливыми шагами появилась графиня Бѣлокопытова. Она кивнула головой Катеринѣ Александровнѣ и на ходу проговорила:

— Здравствуйте, милая! Гдѣ Скворцова?

Катерина Александровна молча повела графиню по направленію къ классу. Ея сердце замирало отъ боли; молодой дѣвушкѣ казалось, что она ведетъ инквизитора въ темницу несчастнаго узника. По ея тѣлу пробѣжала дрожь, когда подъ ея рукой щелкнулъ замокъ дверей.

— Благодарю! — пробормотала графиня и прошла въ двери, притворивъ ихъ за собою.

Катерина Александровна какъ бы приросла къ мѣсту. Она совершенно безсознательно стояла у дверей и слушала.

— Здравствуй, милая, здравствуй! — послышался голосъ графини. — Такъ это ты рѣшилась на такое дѣло? И тебѣ не стыдно? Подумала ли ты, въ какіе дни ты это дѣлаешь? Куда ты хотѣла бѣжать? Зачѣмъ?

Наступила минута молчанія.

— Что же ты молчишь, милая? Ты плакать должна; ты каяться должна! — снова заговорилъ сухой, надтреснутый голосъ графини.—Господи, спаси позабывшихъ Тебя, умягчи сердца грѣшниковъ! Ты руки на себя наложить хотѣла? Да? А ты знаешь ли, кто наложилъ на себя руки на

Страстной недѣлѣ? Іуда, предатель! Читала въ Евангеліи?.. Да ты во всю жизнь не отмолишь этого грѣха; ты не смоешь его никакими слезами, только милосердіе Божіе одно можетъ спасти тебя. И съ чего это, съ чего тебѣ въ голову пришло?

Опять прошла минута безмолвія.

— Ты обута, одѣта, въ теплѣ, сыта,—заговорилъ сухой голосъ. — Ты съ улицы подобрана. Ты, можетъ-быть, замерзла бы гдѣ-нибудь, если бы тебя не подобрали; ты должна бы вѣчно благодарить Создателя, не оставившаго и тебя, ничтожную сироту, по своей неизреченной благости. А ты какъ отблагодарила Его? Ты своими грѣхами снова распинала Его; ты, какъ Іуда, хотѣла уничтожить свою жизнь, дарованную тебѣ Имъ, нашимъ Отцомъ Небеснымъ, или шла на дорогу разврата...

Опять воцарилось гробовое затишье.

Среди этой мертвенной тишины Катерина Александровна, вся обратившаяся въ слухъ, услышала едва замѣтный шорохъ. Она не могла двинуться съ мѣста и съ трудомъ повернула голову: къ ней приближалась на цыпочкахъ Анна Васильевна.

Молодая дѣвушка замахала ей рукой; Зорина кивнула головой, какъ будто отвѣчая ей, что она понимаетъ ея мысль, и тихо остановилась около нея.

— Я сейчасъ изъ храма Господня,—заговорилъ глухой голосъ. — Я удостоилась, грѣшная, лобызать Его раны. Я слезами омочила Его покрытыя кровью ноги. Я плакала надъ Его пречистымъ тѣломъ, плакала о тебѣ. И Онъ озарилъ меня мыслью, Онъ благословилъ меня идти къ тебѣ, вдохнуть въ твое сердце раскаяніе. Молись, и Онъ помилуетъ тебя! Передъ тобою теперь цѣлыхъ десять дней для оплакиванья твоего грѣха. Читай Его Евангеліе, читай объ Его мукахъ, принятыхъ Имъ на Себя для нашего спасенья, и твое сердце умягчится, на него снизойдетъ благодать свыше. Я рѣшилась наказать тебя, строго наказать. Но ты помни, милая, помни, что это наказаніе, эти тѣлесныя муки, снимутъ грѣхъ съ твоей души, избавятъ ее отъ тѣхъ мученій, которыя ждутъ тебя въ загробной жизни. Тебя не для того высѣкутъ...

— Высѣкутъ! — вдругъ раздался раздирающій крикъ въ классной комнатѣ и какъ-то дико, гдѣ-то далеко подъ сводомъ, отдался тяжелымъ стономъ.

Въ этомъ крикѣ былъ ужасъ, было негодованіе, была

рѣзкая болѣзненность. Казалось, что послѣ этого крика должна была надорваться человѣческая грудь, изъ которой онъ вылетѣлъ.

По тѣлу Катерины Александровны пробѣжала дрожь.

— Да развѣ тебѣ еще не говорили? — спросилъ сухой голосъ графини.—Тебя высѣкутъ передъ твоими подругами, чтобы не только ты искупила свой грѣхъ, но чтобы и онѣ знали, что...

— Никогда! Никогда! —послышались дикія, рѣзкія ноты.— Меня? Сѣчь? Передъ пріютомъ? Я выхожу вонъ; я не хочу здѣсь быть!

— Полно, полно, милая,—произнесъ глухой голосъ графини. Развѣ ты имѣешь право выдти отсюда? Ты вспомни, что я приняла на себя обязанность матери; я передъ лицомъ Бога рѣшилась воспитать твою душу; я приняла на себя отвѣтственность за твои поступки. Я не отступлюсь отъ сей тяжелой обязанности; я не отдамъ тебя врагу человѣчества и спасу тебя. Ты видишь: я слаба, я больна; мнѣ тяжело нести взятый мною на себя крестъ, но я несу, со смиреніемъ, съ покорностью несу. Я вамъ всѣмъ мать!

— У меня нѣтъ матери! — раздирающимъ воплемъ пронеслись звуки молодого голоса.- Я не дамъ себя сѣчь! Я выйду, выйду! Я не раба; я не крѣпостная вамъ досталась!

— Господи, просвѣти ея душу! тихо промолвилъ сухой голосъ.—Не крѣпостная, не раба, но взятая мною на воспитаніе дочь, заблудшаяся овца. Послушай...

— Пустите, пустите меня!

— Успокойся...

— Лучше убейте, лучше убейте меня! Я не хочу жить. Слышите, не хочу жить!

— Господи, обрати на нее взоръ Твой!.. Молись Ему!

— Не хочу, не хочу молиться! Что мнѣ молиться!

Въ классной комнатѣ зазвучали истерическія рыданія. Это были такіе звуки, отъ которыхъ могло задрожать самое черствое сердце.

— Плачь, плачь, бѣдное дитя! — слышался тамъ глухой шопотъ графини. — Благодарю Тебя, Господи! Благодарю! Сподобилъ! Сподобилъ!

Катерина Александровна не вынесла до конца этой сцены. Она безъ слезъ, безъ звука тяжело зашаталась. Около ея тальи обвивалась чья-то рука.

— Пойдемте, — тихо произнесла Анна Васильевна, поддерживая молодую дѣвушку.

Онѣ пошли на половину Зориной.

— Выпейте воды!—говорила старуха и дрожащей рукою поднесла Прилежаевой стаканъ.

Лицо старухи было смочено слезами. Она добродушно стояла около Прилежаевой и успокаивала ее. Наконецъ, молодая дѣвушка какъ будто пришла въ себя и горько заплакала.

— Вѣдь это хуже пытки; это невыносимо! Отъ этого можно съ ума сойти! — шептала она, рыдая. — Нѣтъ, я пойду туда; я покончу эту пытку! — вдругъ поднялась она съ мѣста.

— Полноте! Пройдите въ мою спальню, прилягте! Я крѣпче васъ; я пройду къ нимъ, — проговорила Анна Васильевна такимъ мягкимъ, такимъ ласковымъ голосомъ, что Катерина Александровна покорилась ей, какъ ребенокъ.

Анна Васильевна провела ее въ свою спальню и направилась къ классной комнатѣ, отирая на ходу слезы. Она рѣшительно отворила дверь въ классную комнату и въ остолбенѣніи остановилась на порогѣ: въ углу лежала безъ чувствъ Скворцова, а передъ образомъ на колѣняхъ вслухъ молилась Дарья Федоровна. Анна Васильевна поспѣшила спрыснуть водой и привести въ чувство дѣвушку. Заслышавъ шумъ, графиня тяжело поднялась съ колѣней и обратилась къ Аннѣ Васильевнѣ.

— Ничего, ничего: это просто обморокъ!.. Какое черствое сердце!.. Какая закоснѣлость души!.. Господи, просвѣти ее!.. Евангеліе ей дайте!.. Я еще зайду на-днихъ!.. Надо спасти ее... До свиданья!..

Графиня, вся пожелтѣвшая, утомленная, пошла изъ классной комнаты, съ трудомъ перебирая ногами и согнувшись еще болѣе, чѣмъ обыкновенно. Анна Васильевна не обратила никакого вниманія на графиню, словно забыла, что эта женщина хозяйка пріюта. Въ старухѣ пробудились всѣ добрыя человѣческія чувства, и ея мысль была устремлена только на то, какъ бы привести въ чувство, успокоить бѣдную дѣвочку и облегчить ея участь. И то сказать, Анна Васильевна не была какимъ-нибудь безгрѣшнымъ существомъ; она просто была отставной полковой маркитанткой. Скворцова не скоро пришла въ себя. При помощи возвратившихся изъ церкви дѣвочекъ Анна Васильевна перенесла Скворцову въ свои комнаты, уложила ее на диванъ и оставила на время одну. Въ своей спальнѣ она застала расхаживавшую взадъ и впередъ Катерину Александровну.

— Ну, кажется, успокоились немного? — спросила ласково Зорина. — А то ужъ я думала, что у меня совсѣмъ лазаретъ будетъ. Вотъ денекъ-то выдался!

— Ее непремѣнно надо спасти, — проговорила Катерина Александровна, какъ бы не слыша словъ Анны Васильевны. — Я поѣду къ княгинѣ.

— Ничего не выйдетъ!

— Какъ ничего! я настою! Я скорѣе мѣста лишусь, а ее спасу! тревожно говорила Прилежаева.

— Дай Богъ, чтобъ удалось! вздохнула Анна Васильевна. Но прежде всего надо совершенно успокоиться самимъ. Я и крѣпче васъ, а у меня голова разболѣлась. Оставайтесь пить чай у меня, радушно обратилась она къ Прилежаевой. Вмѣстѣ поволнуемся, вмѣстѣ и успокаиваться будемъ, — улыбнулась старуха. — Горячая вы голова! Я васъ только вчера, да сегодня вполнѣ поняла. Въ этомъ вертепѣ на всѣхъ подозрительно смотришь. Мнѣ ужъ успѣли и васъ, какъ шпіона, отрекомендовать.

Старуха начала хлопотать съ чаемъ и перебрасывалась съ Катериной Александровной отдѣльными фразами. Впервые онѣ бесѣдовали, какъ знакомыя, а не какъ начальница съ подчиненной.

— Что это, maman, у насъ за субъектъ лежитъ въ гостиной? — спросилъ у Анны Васильевны, появляясь въ комнатѣ и бросая фуражку, Александръ Ивановичъ.

— Больная одна, — неохотно отвѣтила мать.

— Очень миленькое созданье!

— Ну, пожалуйста, отложи эти наблюденія хоть сегодня, — сухо замѣтила мать. Мнѣ сегодня совсѣмъ не до нихъ.

— Мы сегодня, кажется, не въ духѣ?

Анна Васильевна обратилась къ Прилежаевой.

— Право, я завидую людямъ, которые могутъ жить, сложа руки, замѣтила она. Имъ все праздникъ.

— Эта-съ шпилька предназначена мнѣ, — пояснилъ ироническимъ тономъ Александръ Ивановичъ, обращаясь къ Катеринѣ Александровнѣ, присутствіе которой въ комнатѣ Анны Васильевны, кажется, не мало изумило его. — Maman иногда умѣетъ быть очень деликатной дамой.

— Да, я иногда даже умѣю заставлять людей молчать, когда они сами не умѣютъ краснѣть за свои слова, — отозвалась Зорина, уже совершенно рѣзкимъ тономъ.

— Тебя въ полку слишкомъ избаловали послушаніемъ! — желчно засмѣялся Александръ Ивановичъ.

Зорина тихо вздохнула и обратилась къ Катеринѣ Александровнѣ:

— Взгляните, что наша больная.

— Не желаютъ дѣлать васъ свидѣтельницей семейной драмы!—нагло засмѣялся Александръ Ивановичъ.

Катерина Александровна бросила на него какой-то странный взглядъ, какъ на сумасшедшаго, и вышла въ гостиную. Ей впервые сталь жаль Анну Васильевну. Наташа въ гостиной лежала въ полудремотѣ. Увидавъ Катерину Александровну, она сдѣлала усиліе, чтобы улыбнуться, и притянула къ себѣ ея руку. Прилежаева присѣла около нея на диванъ и тихо провела рукой по ея волосамъ.

— Мнѣ было очень худо?—спросила Скворцова, какъ бы не помня, что̀ съ нею было.

— Да, тебѣ дурно сдѣлалось...

— Катерина Александровна, это правда, что меня наказывать будутъ?—совсѣмъ боязливо и едва слышно спросила дѣвушка.

— Никто тебя не будетъ наказывать...

— А графиня?..

— Ты знаешь, что она сумасшедшая...

Скворцова пытливо смотрѣла на Катерину Александровну.

— А Анна Васильевна?—недовѣрчиво спросила она.

— Анна Васильевна сама перенесла тебя сюда. Она прислала тебя спросить, не хочешь ли ты чаю—или чего-нибудь.

— Добрая она,—какъ-то по-дѣтски проговорила Скворцова.—Она только горя... А я совсѣмъ гадкая, совсѣмъ гадкая... И зачѣмъ это онъ сдѣлалъ!..—она закрыла лицо руками.—Я его не люблю... Я ненавижу его,—тихо прошептала она.

— Полно, Наташа; не думай ни о чемъ,—ласково промолвила Катерина Александровна.—Тебѣ надо отдохнуть, поправиться!.. Не говори никому ничего...

— Я вамъ только! Вы какъ мать мнѣ, родная моя!—прошептала дѣвушка и припала губами къ рукѣ Катерины Александровны.

Въ эту минуту раздались въ гостиной сердитые мужскіе шаги и Александръ Ивановичъ, не обращая ни на кого вниманія, въ фуражкѣ на головѣ, прошелъ по комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ спальной вышла Анна Васильевна. Ея глаза были красны отъ слезъ, но она старалась скрыть свое волненіе и подошла къ двумъ дѣвушкамъ

съ ласковою улыбкой. Вся ея фигура въ эту минуту какъ-то принизилась и выглядѣла далеко не такъ величественно, какъ обыкновенно.

— Ну, что, наша путешественница? — шутливо проговорила она, потрепавъ Наташу по щекѣ.—Лучше?

— Благодарю васъ, теперь лучше! Извините меня, огорчила я васъ.—отозвалась Скворцова.

— Поправляйся, поправляйся! Сейчасъ пришлю тебѣ чаю! Это полезно.

Анна Васильевна удалилась съ Катериной Александровной въ спальню.

— Ее узнать нельзя; совсѣмъ другая стала, — замѣтила Зорина про Скворцову.

— Такое тяжелое горе хоть кого измѣнитъ.

— Ахъ, другъ мой, да какое же горе легко!—вздохнула Анна Васильевна. — Въ молодости только привычки нѣтъ скрывать то, что гложетъ сердце. Съ годами и къ этому привыкаешь. Тяжело, невыносимо жить, а ничего... живешь, смѣешься, точно, и въ самомъ дѣлѣ, на душѣ не кошки скребутъ, а одно веселье слышится.

Вечеръ прошелъ тихо въ задушевныхъ бесѣдахъ, въ разсказахъ о прошломъ.

Что-то глубоко грустное, недосказанное, но понятное безъ словъ, слышалось въ рѣчахъ обѣихъ собесѣдницъ. Несмотря на разницу лѣтъ, положеній и образованія, онѣ вдругъ тѣсно сблизились въ этотъ вечеръ. Онъ какъ-то освѣжительно повѣялъ на Катерину Александровну, какъ затишье послѣ бури. Она понимала, что въ этотъ день въ Аннѣ Васильевнѣ нашелся и ярко блеснулъ тотъ кусочекъ золота-человѣка, о которомъ говорилъ, котораго вездѣ искалъ штабсъ-капитанъ. Изъ словъ Анны Васильевны молодая дѣвушка узнала, что старуха занимаетъ мѣсто начальницы по необходимости, что она презираетъ помощницъ и знаетъ всѣ ихъ дурныя стороны, что она окружена шпіонами, которые не только сообщаютъ ей обо всѣхъ мелочахъ, но доносятъ и на нее.

— Вы здѣсь не уживетесь, — замѣтила, между прочимъ, старуха. — Чтобы ужиться здѣсь, нужно имѣть каменный лобъ и черствое сердце. Къ сожалѣнію, даже и я не могу поддерживать васъ, потому что на васъ начнутъ наушничать Боголюбову, и Грохову, и графинѣ.

Старуха еще долго распространялась о пріютѣ и сѣтовала на необходимость жить въ этой средѣ, членовъ кото-

рой въ былыя времена она не пустила бы на порогъ своего дома. Уходя отъ Анны Васильевны въ грустномъ, но мягкомъ, не лишенномъ сладости настроеніи, Катерина Александровна застала въ рабочей комнатѣ Зубову и Постникову. Обѣ старыя дѣвы о чемъ-то горячо разговаривали въ полголоса и тотчасъ смолкли, при появленіи Прилежаевой. До ея слуха долетѣли только слова: «сама графиня вѣдь!» Молодая дѣвушка поняла, что тутъ еще шли толки о событіи дня, которое своею таинственностью должно было заинтересовать и взволновать мелкія душонки двухъ дѣвственницъ. Катерина Александровна молча шла черезъ залу.

— Засидѣлись у Анны Васильевны. Мы уже думали, что вы и ночевать у нея будете,—проговорила Зубова.

Катерина Александровна не нашла, что отвѣтить, и молча вышла изъ комнаты.

— Ну, совсѣмъ носъ подняла! И что у нихъ тутъ случилось? Наташка тоже у Анны Васильевны!—говорила Зубова.

— Ужъ не на мое ли или не на ваше ли мѣсто готовятъ помощницу?—тревожно замѣтила Постникова.

— Что же мудренаго! Оно бы и кстати наградить за то, что начала гулять! Примѣръ хорошій. Будемъ живы, такъ еще и плоды увидимъ всей этой исторіи...

Въ полумракѣ раздался грубый смѣхъ Зубовой, долетѣвшій до слуха Катерины Александровны, и въ ея головѣ промелькнула мысль: а есть ли въ этихъ женщинахъ какая-нибудь частица золота-человѣка?

V.

Старая барыня и старая раба.

Рано утромъ, повидавшись съ Анной Васильевной и Наташей, которую снова перевели въ классную комнату, Катерина Александровна пошла домой. Ея лицо такъ сильно измѣнилось въ послѣдній день, что Марья Дмитріевна тревожно спросила дочь о здоровьи.

— Ничего, мама, я здорова,—отвѣтила Катерина Александровна.—Непріятности только у насъ случились тамъ со Скворцовой!

— Слышала я, слышала отъ Флегонта Матвѣевича,—вздохнула Марья Дмитріевна.—Да ты не принимай, голубушка моя, все къ сердцу, береги себя.

— Нельзя, мама, не волноваться, когда человѣка губятъ.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ штабсъ-капитанъ, услышавшій голосъ Катерины Александровны.

— Ну, что, добрѣйшая моя фея?—спросилъ онъ, пожимая руки молодой дѣвушки. Какъ дѣла?

- Плохи, Флегонтъ Матвѣевичъ, очень плохи,—отвѣтила Катерина Александровна.

Она въ короткихъ словахъ передала о случившемся. Марья Дмитріевна тяжело вздыхала во время разсказа и тихо шептала:

- - Изверги, изверги! Жалости въ нихъ нѣтъ! Бога они не боятся!

Флегонтъ Матвѣевичъ слушалъ молча и изрѣдка ерошилъ свои волосы подъ вліяніемъ внутренняго волненія.

- - Теперь надо попытаться съѣздить къ княгинѣ,—промолвила Катерина Александровна, окончивъ разсказъ:—и, во что бы то ни стало, нужно спасти дѣвочку.

- - Ахъ, Катюша, не повреди ты себѣ, - проговорила Марья Дмитріевна съ опасеніемъ.—Ты человѣкъ маленькій, недолго и себя погубить. Всѣхъ, маточка, не спасешь.

Ну, мама, если все о себѣ думать, такъ придется на все сквозь пальцы смотрѣть!

- Да что-жъ дѣлать-то, маточка моя? Поневолѣ будешь сквозь пальцы смотрѣть, когда и самимъ не сладко живется. Что чужую крышу крыть, когда и сквозь свою каплетъ?

- Я такъ не могу жить.

— Въ отца ты пошла, въ отца! Вонъ онъ такъ же все сначала кипятился. А что подѣлалъ? До чего дошелъ?

- Хорошо, что подлецомъ не сдѣлался.

- - Такъ-то оно такъ, да вѣдь и радости-то не много принесла его честность. Вонъ Данила-то Захаровичъ шелъ себѣ своею дорогой, ни во что не мѣшаясь, такъ теперь и человѣкомъ сталъ. А отецъ-то твой... Ну, да что и говорить; сама знаешь, до чего довелъ, до чего насъ, горемычныхъ, довелъ...

Катерина Александровна нахмурила брови. Ее задѣли за живое слова матери; ей было больно, что мать такъ безучастно смотритъ на чужое горе.

- - Мама, у васъ у самихъ дочь въ томъ же пріютѣ. Что бы вы сказали, если бы съ ней случилось то же самое и если бы никто не вступился за нее?—спросила молодая дѣвушка.

— Что ты! Что ты! Христосъ съ тобой!—воскликнула Марья Дмитріевна и обняла маленькую Дашу, стоявшую

около нея.—Да развѣ это можетъ съ нею случиться! Что ты!

Бѣдная женщина совершенно растерялась и прижимала къ себѣ свое дитя, какъ будто боясь, что эту малютку тотчасъ вырвутъ изъ ея объятій и повезутъ сѣчь.

— Вотъ вы одной мысли о наказаніи Даши боитесь, а каково же смотрѣть, когда не только хотятъ наказать, но и губятъ взрослую дѣвушку?—промолвила Катерина Александровна.

— Да вѣдь непріятности можно нажить себѣ,—слабо возразила Марья Дмитріевна.

— Эхъ, почтеннѣйшая Марья Дмитріевна, безъ непріятностей прожить трудно,—вмѣшался въ разговоръ Флегонтъ Матвѣевичъ.—Извѣстно,—гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Или такъ и живи, спустя рукава и путайся въ трущобѣ, или если ужъ захотѣлъ, чтобы дышалось вольнѣе, чтобы простору было больше, такъ и не охай о томъ, что труда много, что мелкихъ непріятностей куча... Нѣтъ, это вы благое дѣло начали, Катерина Александровна. Бояться вамъ нечего: вынесете непріятность, потомъ весело станетъ; а будете сидѣть, не шевеля пальца о палецъ,—сами послѣ каяться будете.

— Такъ-то это, батюшка, такъ... Да вѣдь мѣста она лишиться можетъ,—вздохнула Марья Дмитріевна.

— Не лишится. Ну, а если лишится, такъ что же? Перебьемся какъ-нибудь, общими силами перебьемся, а все-таки никто не скажетъ, что передъ нами человѣкъ тонулъ, а мы спокойно смотрѣли на него да чайкомъ прохлаждались.

— Хорошо вамъ, батюшка, говорить!—съ упрекомъ промолвила Марья Дмитріевна.—Мы съ вами вѣкъ доживаемъ, а у Катюши еще жизнь-то впереди. Не весело будетъ, если съ сумой придется ходить подъ старость.

— И-и, почтеннѣйшая Марья Дмитріевна, что вы говорите!—протяжно произнесъ Флегонтъ Матвѣевичъ.—Вы взгляните на меня: я хоть съ сумой не хожу, а живу тоже только тѣмъ, что дадутъ изъ милости богатые люди. А между тѣмъ и сплю я спокойно, и прямо въ глаза всѣмъ смотрю, и головы не гну ни передъ кѣмъ. Нищимъ могутъ назвать, подлецомъ—не смѣютъ. Придется подъ заборомъ съ голоду умереть, повѣрьте, что и тогда, если кто покраснѣетъ, если кто-нибудь долженъ будетъ покраснѣть, то ужъ вѣрно не я...

Въ голосѣ Флегонта Матвѣевича звучали серьезныя ноты, не слышавшіяся въ обыкновенныхъ разговорахъ отставного философа.

— А вамъ сладко, батюшка?—спросила Марья Дмитріевна, начинавшая сердиться, что штабсъ-капитанъ «подбиваетъ» ея Катю на опасное дѣло.

Флегонтъ Матвѣевичъ сдвинулъ брови.

— Какъ вамъ сказать?—задумчиво промолвилъ онъ.— Не сладко, а все же съ богатымъ подлецомъ теперь мѣстами не помѣняюсь...

— Ну, батюшка, тоже, я думаю, не разъ сердце-то кровью обливалось, да кошки на немъ скребли, когда богатый-то подлецъ въ каретѣ по городу катался, а вы у его подъѣзда, на своей деревяжкѣ, отъ холоду подпрыгивали, поджидая его,—проговорила необычайно-задорнымъ тономъ Марья Дмитріевна, не на шутку сердясь на старика.

— Бывало и это,—грустно отвѣтилъ Флегонтъ Матвѣевичъ.— Бывало и то, что себя ругалъ за свою честность, ругалъ за неумѣнье гнуть спину... Всего бывало, добрѣйшая Марья Дмитріевна: вѣдь и я тоже не плѣшивымъ, да сѣдымъ родился. Съ непривычки-то, да когда еще кровь горяча,—куда какъ трудно гордиться своею честностью, прикрытою лохмотьями, да презирать подлость, разукрашенную золотомъ...

— Мой-то вотъ покойный Александръ Захаровичъ съ этого-то и пить, батюшка, началъ,—не безъ ѣдкости замѣтила Марья Дмитріевна. — Вотъ она, сладость-то въ этомъ какая...

— Что-жъ, и я...—началъ Флегонтъ Матвѣевичъ и вдругъ замолчалъ.—Ну, Катерина Александровна, кажется, не испугается нужды,—произнесъ онъ послѣ минутнаго молчанія:— и каяться не будетъ. А если поступить иначе, а съ дѣвочкой-то что-нибудь дурное случится, такъ, пожалуй, Катерина Александровна всю жизнь себя упрекать станетъ. Вы помните ли, милѣйшая Марья Дмитріевна, какіе у насъ теперь дни?

— Не басурманка, батюшка, не басурманка я: нечего и спрашивать,—необычайно сердитымъ тономъ отвѣтила Марья Дмитріевна.

— Ну, такъ вы и должны знать, что въ эти-то самые дни ради того, что Пилатъ умылъ руки,— Христа распяли.

Флегонтъ Матвѣичъ смолкъ. Марья Дмитріевна какъ-то растерянно развела руками и понурила голову.

— Да, впрочемъ, что это мы на похоронный ладъ поемъ: нищета да голодъ, гибель да смерть!—съ поддѣльною веселостью промолвилъ Флегонтъ Матвѣевичъ.—А, можетъ-быть,

впереди-то ничего, кромѣ счастья да радости, и не будетъ? А мы ужъ и панихиду по себѣ служимъ! Эхъ, это все вы, Марья Дмитріевна, напугали насъ...

— Пуганная ворона, батюшка, и куста боится, — вздохнула Марья Дмитріевна, и на ея глазахъ навернулись слезы.

— Ну, вотъ вздумали къ кому себя приравнивать? ужъ хоть бы съ насѣдкой сравнили, а то на вотъ—ворона! Неподходящее дѣло!—шутилъ штабсъ-капитанъ, хотя съ его лица не сходило выраженіе грусти и задумчивости.

— Шутки у васъ все, батюшка, и не поймешь, какъ это вы на все смотрите,—пробормотала Марья Дмитріевна.

— На душѣ спокойно, такъ отчего-жъ и не пошутить,— отвѣтилъ старикъ.

Марья Дмитріевна, задумчиво качая головой, пошла съ Дашей хлопотать насчетъ кофе; Катерина Александровна осталась съ штабсъ-капитаномъ. Они говорили въ полголоса. Старикъ ободрялъ молодую дѣвушку. Впервые въ его рѣчахъ, всегда добродушныхъ и спокойныхъ, слышалось въ этотъ день раздраженіе и проглядывала желчность. Слушая его, Катерина Александровна невольно припомнила свое отдаленное дѣтство и первые уроки отца, первыя бесѣды съ нимъ. Тогда еще Александръ Захаровичъ не пилъ такъ сильно, какъ впослѣдствіи, и былъ въ состояніи давать наставленія дочери. Онъ смотрѣлъ на многія людскія отношенія почти такъ же, какъ штабсъ-капитанъ, и тоже нерѣдко говорилъ, что лучше быть честнымъ нищимъ, чѣмъ богатымъ подлецомъ. Не ускользнуло отъ вниманія молодой дѣвушки и то, что штабсъ-капитанъ высказывалъ свои мысли спокойно и твердо, тогда какъ ея отецъ обыкновенно придавалъ своимъ рѣчамъ какой-то театральный, трагическій характеръ. Она, конечно, не могла понять причины этого различія въ выраженіи убѣжденій. Она не знала, что ея отецъ еще въ юности, познакомившись по книгамъ съ извѣстными убѣжденіями, шедшими въ разрѣзъ со всѣмъ совершавшимся вокругъ него, вообразилъ себя славнымъ героемъ, идущимъ на борьбу съ міромъ, и сначала любилъ пощеголять своими еще не вошедшими въ плоть и кровь убѣжденіями; потомъ же, когда пришлось на дѣлѣ отстаивать эти убѣжденія, когда пришлось отстаивать ихъ въ мелкой, жалкой средѣ канцелярскаго міра, а не въ какой-нибудь полной шума и славы борьбѣ, Прилежаевъ, хотя и не отрекся отъ своей роли, но не могъ вынести хладнокровно тѣхъ насмѣшекъ и того пре-

зрѣнія, съ которыми относились къ нему, къ мелкой мошкѣ, его сильные враги, считавшіе его даже и не врагомъ, а просто плохимъ подчиненнымъ. Онъ запилъ съ горя, сдѣлался угрюмымъ и молчаливымъ, и только подъ пьяную руку передъ своею семи-восьмилѣтнею дочерью тономъ покойнаго Каратыгина декламировалъ объ участи честнаго человѣка и, снова воображая себя героемъ, грозилъ своимъ врагамъ, пророчилъ честнымъ людямъ побѣду и говорилъ, что лучше ѣсть черствый хлѣбъ, но быть честнымъ человѣкомъ, чѣмъ ѣздить въ каретахъ и быть подлецомъ. Совсѣмъ инымъ путемъ дошелъ почти до тѣхъ же убѣжденій штабсъ-капитанъ. Выпущенный изъ корпуса съ небольшимъ запасомъ знаній и не выработавшій никакихъ твердыхъ убѣжденій, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ на нее. Путемъ различныхъ столкновеній, ошибокъ и непріятностей добродушный и честный здоровякъ-офицеръ дошелъ до того убѣжденія, что все пройдетъ, непріятности и невзгоды, радости и наслажденія; но не пройдетъ въ человѣкѣ только сознаніе, что въ томъ или другомъ случаѣ онъ поступилъ дурно или хорошо. «И враги, и друзья умрутъ,—рѣшилъ онъ въ своемъ умѣ,—но не умретъ наша совѣсть, пока не умремъ или не сойдемъ съ ума мы сами. Значитъ, нужно заботиться только о ея спокойствіи. Богатство и чины—дѣло наживное, случайное; значитъ, они случайно и погибнуть могутъ. Спокойствіе же совѣсти случайно не погибаетъ; этого утѣшенія никто не отниметъ; значитъ, прежде всего и слѣдуетъ заботиться о немъ». Эти убѣжденія вырабатывались медленно: прежде, чѣмъ они созрѣли, штабсъ-капитанъ успѣлъ увидать гибель гнавшихъ его начальниковъ, паденіе перегонявшихъ его по службѣ товарищей,—успѣлъ пережить вражду разошедшихся съ нимъ по недоразумѣніямъ людей, которые, послѣ долгихъ лѣтъ, хладнокровнѣе взглянувъ на прошлое, сознали свои ошибки и снова подали ему руку; онъ самъ успѣлъ поддаться множеству увлеченій, которыя прошли и оставили въ его душѣ неизгладимые слѣды печальныхъ воспоминаній. Чѣмъ дольше онъ жилъ, тѣмъ спокойнѣе, тѣмъ безстрастнѣе смотрѣлъ онъ на свои личныя огорченія, на непріятности, доставляемыя ближними, и все съ большею увѣренностью говорилъ: «Перемелется рожь,—мука будетъ». Только изрѣдка нападала на него тоска, невыносимая, давящая тоска, и онъ отлучался изъ дома дня на три, на четыре. Куда? этого никто не зналъ. Смотря на него теперь,

Катерина Александровна вспомнила, что и ея отецъ остался такимъ же честнымъ, но не вынесъ нужды и спился отъ горя, и ей показалось, что штабсъ-капитанъ въ этомъ отношеніи стоялъ гораздо выше ея отца, бодро вынося свое тяжелое положеніе. Кончивъ бесѣду со старикомъ и напившись кофе, молодая дѣвушка отправилась къ княгинѣ Гиреевой въ болѣе спокойномъ настроеніи, чѣмъ можно было ожидать. Она рѣшилась, во что бы то ни стало, не отступать отъ своей цѣли и добиться побѣды. По обыкновенію, радушно и покровительственно встрѣтила ее Глафира Васильевна, ласково попрекнувшая молодую дѣвушку, что та такъ рѣдко бываетъ у нихъ. Прилежаева тотчасъ же объявила старухѣ, что она и теперь пришла недаромъ, что у нея есть просьба къ княгинѣ.

— Что, что такое? Сдѣлаемъ все, что можно,—скороговоркой проговорила Глафира Васильевна. — Мы теперь не при деньгахъ: племянники пьянствуютъ безъ просыпу, изволили долговъ надѣлать; такъ мы расплачиваемся за нихъ, но и по этой части кое-что найдется.

Глафира Васильевна всегда говорила: *мы*, когда дѣло шло о княгинѣ.

— Я не объ этомъ хочу просить,—промолвила Катерина Александровна.—Дѣло посерьезнѣе.

Она передала исторію Скворцовой и рѣшеніе графини.

— Да вѣдь она у насъ полоумная, совсѣмъ полоумная. Она бы прежде своего сына на Конногвардейской улицѣ выпорола!—раздражительно заговорила Глафира Васильевна.— Ну, нечего сказать: хороши благодѣтели! крѣпостныхъ себѣ понадѣлали! Ай да молодцы! А наша-то, наша-то... миндальничаетъ со своими объѣдалами и не знаетъ, что въ пріютѣ дѣлается. Подождите!

Глафира Васильевна понеслась своею утиною походкой въ кабинетъ княгини. Черезъ минуту Катерина Александровна услыхала довольно крупный разговоръ.

— Нѣтъ, вы послушайте, что тамъ-то дѣлается, вы послушайте!—раздался голосъ Глафиры Васильевны, и черезъ минуту она просунулась въ дверь и позвала Прилежаеву.

Катерина Александровна прошла черезъ гардеробную комнату, раздвинула тяжелыя портьеры и очутилась лицомъ къ лицу съ княгиней.

— Здравствуйте, черненькіе глазки!—ласково промолвила старуха и поцѣловала въ лобъ Прилежаеву.—Вы привезли какія-то дурныя вѣсти. Я ничего не поняла изъ словъ этой

сумасшедшей, — съ улыбкой указала княгиня на Глафиру Васильевну.

— Ну, кто еще сумасшедшій-то, это бабушка надвое сказала! — проворчала Глафира Васильевна.

— Садитесь, — указала княгиня Катеринѣ Александровнѣ на кресло и опустилась на кушетку, сохраняя свой мягкій, благодушный видъ. — Ну, послушаемъ, что у васъ за исторія разыгралась.

Катерина Александровна сѣла и начала разсказывать. Когда она дошла до того мѣста исторіи, гдѣ приходилось сказать, какъ она нашла Скворцову, она невольно остановилась. Въ ея головѣ мелькнула мысль: говорить или нѣтъ о Рождественскомъ? Съ одной стороны ея пугало то обстоятельство, что какъ-нибудь ложь можетъ открыться, и тогда княгиня станетъ относиться къ ней самой, къ Катеринѣ Александровнѣ, недовѣрчиво; съ другой — Катерина Александровна чувствовала необходимость добиться изгнанія Рождественскаго изъ пріюта. Послѣ минутнаго колебанія она рѣшилась говорить все.

— Княгиня, я говорю съ вами, какъ говорила бы съ своею матерью, съ матерью тѣхъ дѣвочекъ, объ одной изъ которыхъ я пришла просить васъ, — въ волненіи произнесла Катерина Александровна. — Я увѣрена, что все, что я скажу вамъ, останется между нами...

— Ну, конечно, конечно, дитя, — съ добродушною улыбкой промолвила княгиня, на которую уже повліялъ довольно сильно разсказъ Прилежаевой о тревожномъ состояніи Скворцовой, предшествовавшемъ ея бѣгству.

Катерина Александровна продолжала разсказывать всѣ подробности событія.

— Ну, пріютъ устроили! — ворчала между тѣмъ Глафира Васильевна, стоявшая около портьеры. — Это ужъ не первая бѣгаетъ!

— Не мѣшай, пожалуйста! — замѣчала ей княгиня.

Наконецъ, дѣло дошло до рѣшенія графини, до ея пріѣзда.

— Тьфу! сумасшедшая! — не выдержала Глафира Васильевна.

— Глафира, ты забываешься! — проговорила княгиня.

Она молча дослушала разсказъ и опустила голову на руку.

— Что же дѣлать, что дѣлать теперь? — тревожно проговорила она. — Зачѣмъ вы раньше не извѣстили меня? Да вы, дитя, не плачьте?.. Я не могу видѣть слезъ... Вѣдь

Дарья Федоровна отчасти права... Эта такой серьезный поступокъ... Что же вы подѣлаете безъ наказанія? Примѣръ нуженъ, а то вѣдь и всѣ дѣти...

— Ну, одолжили!—не выдержала Глафира Васильевна.

— Глафира, я тебя прошу не мѣшаться не въ свое дѣло!—раздражительно проговорила княгиня, видимо находившаяся въ крайне затруднительномъ положеніи: ея добродушіе съ одной стороны, а съ другой — ея убѣжденіе въ необходимости наказанія за проступокъ подняли въ ея душѣ необычайную тревогу.

— Нѣтъ-съ, ужъ извините! да тутъ каждый человѣкъ вмѣшается! — заговорила Глафира Васильевна. — Погубили дѣвочку, да ее же пороть будутъ для примѣра. Да вы бы лучше ее не брали. А то берутъ людей, чтобы ихъ потомъ стегать для примѣра!

— Да что же это, въ самомъ дѣлѣ, такое!—горячо произнесла княгиня съ несвойственнымъ ей раздраженіемъ.— Тутъ люди о серьезномъ дѣлѣ толкуютъ, а она со своими дурацкими замѣчаніями лѣзетъ.

— Ну, да ужъ гдѣ намъ умными быть!—рѣзко произнесла Глафира Васильевна. — Вотъ графиня — это другое дѣло: отлично распоряжается. И вы-то...

— Я тебѣ говорю: молчи! Ты ужъ совсѣмъ командовать мною вздумала,—перебила ее княгиня, начинавшая терять терпѣніе.—Ты и пріютомъ управлять не хочешь ли? Ступай и не изволь являться сюда! Волю взяла!

Княгиня прошлась въ волненіи по комнатѣ и нѣсколько сухо обратилась къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Очень жаль, дитя, что я тутъ ничего не могу сдѣлать! Дарья Федоровна святая женщина. Если она что дѣлаетъ, то, повѣрьте, что это дѣлается во имя чистой христіанской любви къ ближнимъ, и спорить съ нею не намъ съ вами. Не наказывать дѣтей за ихъ проступки, это значитъ потакать ихъ новымъ шалостямъ. Если бы ваша protégée не была сиротою, то ее можно бы отдать къ роднымъ, теперь же было бы еще хуже, если бы Дарья Федоровна вытолкнула ее на улицу. Вы еще молоды, и потому вы утрируете послѣдствія этого наказанія. Но, вѣрьте мнѣ,—дѣло не такъ страшно. Скворцову накажутъ; она поплачетъ, погорюетъ и, Богъ дастъ, исправится. Насчетъ же Рождественскаго я приму мѣры; конечно, я не выдамъ ни васъ, ни его...

— Ну, вотъ вамъ и шемякинъ судъ!—воскликнула Глафира Васильевна.

— Ты все-таки еще здѣсь? — топнула ногой княгиня, дѣлавшая видъ, что она не замѣчаетъ своей домоправительницы.

— Не ажитируйтесь! не ажитируйтесь! Вредно вамъ это! Уйду! — проговорила Глафира Васильевна.—И давно надо было уйти, а то еще и меня на старости лѣтъ для примѣра выдерутъ. Драли же сперва, какъ молода была...

Глафира Васильевна широко раскрыла портьеру и вышла изъ кабинета.

— Волю взяла! — проговорила княгиня. — Этотъ народъ удивительно способенъ забываться! Добрая дѣвушка, а взбалмошна такъ, что съ нею терпѣнья не хватитъ... Пользуется тѣмъ, что росла со мною, что я привыкла къ ней...

Катерина Александровна, уже поднявшаяся съ своего мѣста, находилась въ лихорадочномъ состояніи.

— Княгиня, неужели вы ничего не сдѣлаете для спасенія этой дѣвочки? — спросила она едва слышно у Гиреевой, тревожно ходившей по кабинету.

— Я вамъ сказала, что тутъ нечего дѣлать, — холодно отвѣтила княгиня. — Ее нужно наказать; нельзя же потакать подобнымъ поступкамъ. Вы сейчасъ видѣли примѣръ, до чего доходятъ эти люди, когда имъ потакаешь...

— Она и безъ того наказана, жестоко наказана! — проговорила Катерина Александровна.—Подумайте, что бы вы сказали, если бы вашу взрослую дочь стали наказывать при всѣхъ ея...

— Да вы забываетесь, моя милая! вдругъ остановилась княгиня передъ молодою дѣвушкой и смѣряла ее съ ногъ до головы глазами. Кого вы сравниваете? Что могло бы быть общаго между моею дочерью и этою дѣвчонкой? Ступайте!

Въ глазахъ княгини блеснулъ какой-то недобрый огонекъ. Эта маленькая старушка казалась теперь выше своего роста; это всегда добродушное лицо дышало теперь безчувственною холодностью. Но Катерина Александровна не трогалась съ мѣста. Она, какъ человѣкъ, дѣйствующій не по расчету, а подъ вліяніемъ сильнаго чувства, забыла все и помнила только одно, что теперь или никогда нужно спасти Скворцову.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, ей выйти изъ пріюта,— проговорила она.—Я возьму ее къ себѣ.

Княгиня уже совсѣмъ надменно и свысока взглянула на Прилежаеву.

— Во-первыхъ, ее не выпустятъ, — рѣзко и отчетливо

заговорила она:—а во-вторыхъ, если бы ее и выпустили къ вамъ, то вамъ пришлось бы оставить вмѣстѣ съ нею пріютъ.

— О, я вполнѣ согласна на это! — обрадовалась Прилежаева, забывъ всѣ послѣдствія своего безсознательно высказаннаго рѣшенія.

— Вы просто нездоровы!—проговорила княгиня, пожимая плечами.—Идите и, пожалуйста, избавьте меня отъ подобныхъ сценъ! Вы дерзкая и сумасбродная дѣвочка и больше ничего. Идите!

Княгиня отвернулась и пошла изъ кабинета въ другую комнату.

Катерина Александровна едва удерживалась отъ слезъ, едва удерживалась на ногахъ; она видѣла, что ея хлопоты здѣсь не кончились ничѣмъ. Что-то въ родѣ ненависти и отвращенія къ княгинѣ закралось въ ея сердце. У нея осталась теперь одна очень слабая надежда на Боголюбова, къ которому она и рѣшилась идти отъ княгини. Утомленная и измученная, съ поникшею головой вошла она въ комнату Глафиры Васильевны.

— Сейчасъ завтракъ подадутъ! — сердито проговорила Глафира Васильевна, тревожно расхаживавшая по своей комнатѣ.

— Мнѣ надо идти...

— Ну, вотъ еще! Подождите!

— Чего ждать? Я буду хлопотать у Боголюбова.

— Не нужно: и здѣсь гнѣвъ положатъ на милость,—рѣшила Глафира Васильевна.

Катерина Александровна вопросительно посмотрѣла на нее.

— Неужели вы такъ думаете? Княгиня рѣшительно отказала...

— Э, вѣдь мы эту канитель изъ года въ годъ слишкомъ тридцать лѣтъ тянемъ, — сердито махнула рукой Глафира Васильевна.

Въ это время въ комнату вошелъ лакей и принесъ завтракъ. Въ ту же минуту изъ комнаты княгини раздался звонокъ.

— Скажи, Петръ, Надеждѣ, что княгиня зоветъ. Я нездорова,—проговорила Глафира Васильевна.

Лакей вышелъ.

— Пусть повозится съ камеръюнгферой молодой барышни,—произнесла Глафира Васильевна, принимаясь за завтракъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла щегольски

одѣтая дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ и черномъ шелковомъ передникѣ.

— Мнѣ некогда. Глафира Васильевна, — скороговоркой проговорила она.—Княжнѣ надо приготовить платье.

— Ну, мать моя, у меня и есть время, да охоты нѣтъ. Дѣлайтесь тамъ, какъ знаете. Тоже въ шестьдесятъ лѣтъ притопчешь ноги-то, — небрежно отвѣтила старуха, продолжая завтракать.

— Мнѣ тоже не разорваться!

— А я вотъ, матушка, разрывалась на своемъ вѣку!

— Я такъ княжнѣ и скажу, если платье не будетъ готово, что вы...

— Да ты не таранти здѣсь, а ступай дѣлать дѣло,— строго произнесла Глафира Васильевна, нахмуривъ брови.

Она обращалась съ прислугой чисто по-барски и не терпѣла возраженій.

Нарядная горничная хлопнула дверью и вышла.

— Вѣрно, старухѣ-то труднѣе служить, чѣмъ княжнѣ,— желчно усмѣхнулась Глафира Васильевна.—Вѣдь вы не повѣрите, какихъ-какихъ претензій у насъ нѣтъ. Утренніе чепцы у насъ по днямъ распредѣлены. Во вторникъ не смѣй подать того чепца, который въ среду надѣвается. Десять паръ карманныхъ часовъ у насъ хранятся, — все память чья-нибудь, — ну, и заводи ихъ каждый день и вывѣряй ихъ и, коли спросятъ, «помнишь, Глафира, когда эти часы мнѣ подарили?» такъ ты сейчасъ и разсказывай, что вотъ когда мы то-то дѣлали, когда у насъ тотъ-то и тотъ-то ребенокъ родился или умеръ, такъ эти часы намъ и достались, какъ подарокъ, отъ отца ребенка или, какъ воспоминаніе, отъ покойнаго князька. А мыться мы станемъ, такъ тутъ надо умѣть воду подать, мыло принять, полотенце растянуть, все это такъ, какъ дѣлалось изо дня въ день въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ. Пусть послужатъ, пусть послужатъ другіе!.. Что-жъ... я стара стала, не умѣю служить, волю взяла!

Глафира Васильевна все сильнѣе и сильнѣе возвышала тонъ. Въ немъ слышалось что-то глубоко желчное и глубоко грустное. Старуха, какъ это нерѣдко съ ней случалось, переживала въ минуту разлада съ княгиней все свое прошлое, сознавала все перенесенное и возмущалась своимъ положеніемъ. Въ ея душѣ въ эти минуты страннымъ образомъ смѣшивались вмѣстѣ и любовь, рабская любовь къ княгинѣ, и горькая ненависть къ своему рабскому положенію. Слушая ея рѣчи, можно было подумать, что она жаждетъ всѣми

силами души только вырваться изъ этого дома, но въ то же время ея слезы ясно говорили, что она боится именно того, что ей придется, наконецъ, покинуть этотъ домъ, что ей найдутъ преемницу. Повидимому, она вполнѣ сознавала, что она необходима княгинѣ, какъ воздухъ, и въ то же время чувство рабы подсказывало ей, что, можетъ-быть, обойдутся и безъ нея. Это ее пугало: она не перенесла бы своего горя, если бы княгиня обошлась безъ нея.

— И точно волю взяла,—заговорила она съ горечью:— получила вольную и сижу въ этой комнатѣ пятнадцать лѣтъ: изъ своей комнаты въ кабинетъ сорокъ разъ въ сутки сную; къ обѣднѣ не смѣю выйти, ночью не смѣю совсѣмъ раздѣться, къ роднымъ разъ въ годъ съѣздить не могу на три, на четыре часа. Развѣ это не воля!.. Зазналась старая дура, холопка! Жаль, что на конюшню нельзя отправить, какъ разъ отправили, когда старому барину ночью оплеуху дала...

Глафира Васильевна опустила голову на обѣ руки и тихо заплакала.

— Теперь что имъ Глафира? старая ненужная тряпка!..— говорила она дрожащимъ голосомъ. — А было время, когда эта Глафира, какъ старый князь-отецъ къ ней ночью забрался, могла бы не только вольную купить, а всѣмъ домомъ ворочать, тысячи нажить. У этихъ ногъ Глафира князя-то видѣла; эти руки князь-то цѣловалъ. Когда сѣкли-то Глафиру по его приказу, такъ онъ, бѣшеный, волосы на себѣ рвалъ. А кто «намъ» замужъ помогъ выйти за Гиреева? Все та же Глафира. Забыли, видно, чѣмъ она за согласье-то старику сумасшедшему заплатила. Вещички тамъ хранимъ на память о покойныхъ дѣтяхъ; Глафира вспоминай съ «нами» объ этихъ дѣтяхъ, а того и знать не хотятъ, что никогда бы, можетъ-быть, и не любоваться «намъ» этими дѣтьми, кабы Глафира не купила согласія на свадьбу... Богъ съ ними, пора на покой; заѣздили...

Старуха, повидимому, не обращала никакого вниманія на слушательницу и говорила сама съ собой, говорила о томъ, что постоянно ныло и болѣло въ ея душѣ. Катерина Александровна, вполнѣ сочувствуя горю старухи, чувствовала себя неловко, тѣмъ болѣе, что она сама послужила невольной причиной этого горя.

— Княгиня проситъ васъ къ себѣ,—доложилъ появившійся въ комнатѣ лакей.

Глафирѣ Васильевнѣ вся прислуга говорила: «вы».

— Скажи княгинѣ, что Глафира Васильевна, молъ, ѣдетъ

— Ну, ну, полноте! Еще бы для такого праздника не сдѣлать! — промолвила старая княжеская домоправительница. А вотъ это вамъ на красное яйцо отъ княгини.

Катерина Александровна почувствовала, что Глафира Васильевна суетъ ей въ руку деньги, и вся покраснѣла.

— Мнѣ не надо,— съ замѣшательствомъ отказывалась она.—Зачѣмъ это?..

— Ну, ну, полноте! Деньги всѣмъ нужны. Чего вы совѣститесь? Не вы возьмете, такъ наши соколики на шампанскомъ пропьютъ...

— Да я...

— И не говорите — поссорюсь! — рѣшительно возразила Глафира Васильевна.

Приходилось взять. У молодой дѣвушки сжалось сердце. Она видѣла необходимость не ссориться съ Глафирой Васильевной и въ то же время не могла помириться съ ея логикой и брать деньги княгини потому только, что ихъ все равно пропьютъ на шампанскомъ. Она сознавала, что эти подачки ставятъ ее въ положеніе княжеской прихлебательницы.

Это обстоятельство отчасти испортило хорошее настроеніе Катерины Александровны, вызванное радостною вѣстью о прощеніи Скворцовой. Она заѣхала въ пріютъ, обрадовала Скворцову, поговорила съ Анной Васильевной и, дружески пожавъ ей руку, отправилась домой.

— Ура!—кричалъ штабсъ-капитанъ, встрѣчая ее и угадывая по ея лицу о результатахъ поѣздки.—Это первая побѣда! Ну, что, Марья Дмитріевна,—небось теперь и самимъ весело? А еще трусили.

Марья Дмитріевна отерла глаза.

— Да вѣдь я мать, мать, батюшка! — прошептала она, цѣлуя Катерину Александровну. — Она помощница наша, кормилица наша.

VI.

Мелкія чувства его превосходительства.

Его превосходительство Данила Захаровичъ Боголюбовъ только-что кончилъ офиціальный визитъ къ княгинѣ Маринѣ Осиповнѣ Гиреевой и садился на дрожки. Торжественность праздника, полученная къ Пасхѣ звѣзда, благосклонныя рѣчи ея сіятельства, почтительныя поздравленія прислуги, раскланивавшейся за рубли его превосходительства, все это должно было привести душу его превосходительства въ то настроеніе, при которомъ люди, какъ говорится, земли подъ

собой не слышатъ. Но было совсѣмъ не такъ. Подъ новою звѣздой сердце его превосходительства било тревогу и волновалось тѣми самыми мелкими чувствами, которыми оно волновалось въ давно прошедшіе годы, когда его превосходительство былъ еще мальчуганомъ-бурсакомъ и боялся быть пойманнымъ за сдѣланную имъ шалость. Дѣло въ томъ, что среди разговоровъ ея сіятельство коснулась совершенно неожиданно для своего собесѣдника одного очень щекотливаго вопроса.

— Кстати, вы знакомы съ новою помощницей въ пріютѣ графини?—спросила княгиня, заговоривъ о пріютскихъ событіяхъ.

— То-есть, какъ вамъ сказать, ваше сіятельство, я видѣлъ ее,—въ смущеніи отвѣтилъ Боголюбовъ и устремилъ на княгиню зоркій взглядъ, желая угадать, не знаетъ ли она объ его отношеніяхъ къ Прилежаевымъ.

Но, къ несчастью, на добродушномъ лицѣ старухи не было написано ни мелкими, ни крупными буквами, знаетъ она или не знаетъ тайну своего собесѣдника.

— Удивительно милая дѣвушка,—продолжала княгиня.— Золотое сердце, прямая душа и совсѣмъ недюжинный умъ. Да, если бы образованіе было у бѣдняжки, не то бы изъ нея вышло. Вотъ кому я отъ всей души желаю счастья. Хоть бы женишокъ ей нашелся. Право, я взялась бы за роль свахи. Вотъ поищите у себя въ департаментѣ; вмѣстѣ и сватать будемъ.

Княгиня добродушно разсмѣялась, и Данила Захаровичъ счелъ долгомъ тоже разсмѣяться, хотя его смѣхъ вышелъ какимъ-то жалкимъ. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, поспѣшилъ откланяться. Но слова княгини клиномъ засѣли ему въ голову. «Ну, а что, какъ она знаетъ, что я родной дядя этой дѣвушкѣ?—думалъ онъ.—Что будутъ говорить, какъ посмотрятъ на то, что я не помогаю этой семьѣ? Вѣдь не станешь разсказывать имъ всей подноготной, всѣхъ своихъ семейныхъ дѣлъ. Надо будетъ все это какъ-нибудь устроить, обдѣлать». Въ головѣ Данилы Захаровича возникали различные планы, какъ онъ поможетъ семьѣ, какъ онъ введетъ въ свой домъ Прилежаевыхъ. Послѣ долгихъ размышленій, онъ даже находилъ, что ему нечего совѣститься своей прислуги, которая видѣла раза два Марью Дмитріевну въ самомъ жалкомъ видѣ и, вѣроятно, станетъ теперь въ душѣ не особенно уважительно относиться къ своимъ господамъ, узнавъ, что эта оборванка, эта черносалопница находится

— Ну, ну, полноте! Еще бы для такого праздника не сдѣлать! — промолвила старая княжеская домоправительница. А вотъ это вамъ на красное яйцо отъ княгини.

Катерина Александровна почувствовала, что Глафира Васильевна суетъ ей въ руку деньги, и вся покраснѣла.

— Мнѣ не надо,—съ замѣшательствомъ отказывалась она.—Зачѣмъ это?..

— Ну, ну, полноте! Деньги всѣмъ нужны. Чего вы совѣститесь? Не вы возьмете, такъ наши соколики на шампанскомъ пропьютъ...

— Да я...

— И не говорите — поссорюсь! — рѣшительно возразила Глафира Васильевна.

Приходилось взять. У молодой дѣвушки сжалось сердце. Она видѣла необходимость не ссориться съ Глафирой Васильевной и въ то же время не могла помириться съ ея логикой и брать деньги княгини потому только, что ихъ все равно пропьютъ на шампанскомъ. Она сознавала, что эти подачки ставятъ ее въ положеніе княжеской прихлебательницы.

Это обстоятельство отчасти испортило хорошее настроеніе Катерины Александровны, вызванное радостною вѣстью о прощеніи Скворцовой. Она заѣхала въ пріютъ, обрадовала Скворцову, поговорила съ Анной Васильевной и, дружески пожавъ ей руку, отправилась домой.

— Ура!—кричалъ штабсъ-капитанъ, встрѣчая ее и угадывая по ея лицу о результатахъ поѣздки.—Это первая побѣда! Ну, что, Марья Дмитріевна,—небось теперь и самимъ весело? А еще трусили.

Марья Дмитріевна отерла глаза.

— Да вѣдь я мать, мать, батюшка! — прошептала она, цѣлуя Катерину Александровну. — Она помощница наша, кормилица наша.

VI.

Мелкія чувства его превосходительства.

Его превосходительство Данила Захаровичъ Боголюбовъ только-что кончилъ офиціальный визитъ къ княгинѣ Маринѣ Осиповнѣ Гиреевой и садился на дрожки. Торжественность праздника, полученная къ Пасхѣ звѣзда, благосклонныя рѣчи ея сіятельства, почтительныя поздравленія прислуги, раскланивавшейся за рубли его превосходительства, все это должно было привести душу его превосходительства въ то настроеніе, при которомъ люди, какъ говорится, земли подъ

собой не слышатъ. Но было совсѣмъ не такъ. Подъ новою звѣздой сердце его превосходительства било тревогу и волновалось тѣми самыми мелкими чувствами, которыми оно волновалось въ давно прошедшіе годы, когда его превосходительство былъ еще мальчуганомъ-бурсакомъ и боялся быть пойманнымъ за сдѣланную имъ шалость. Дѣло въ томъ, что среди разговоровъ ея сіятельство коснулась совершенно неожиданно для своего собесѣдника одного очень щекотливаго вопроса.

— Кстати, вы знакомы съ новою помощницей въ пріютѣ графини?—спросила княгиня, заговоривъ о пріютскихъ событіяхъ.

— То-есть, какъ вамъ сказать, ваше сіятельство, я видѣлъ ее,—въ смущеніи отвѣтилъ Боголюбовъ и устремилъ на княгиню зоркій взглядъ, желая угадать, не знаетъ ли она объ его отношеніяхъ къ Прилежаевымъ.

Но, къ несчастью, на добродушномъ лицѣ старухи не было написано ни мелкими, ни крупными буквами, знаетъ она или не знаетъ тайну своего собесѣдника.

— Удивительно милая дѣвушка,—продолжала княгиня.— Золотое сердце, прямая душа и совсѣмъ недюжинный умъ. Да, если бы образованіе было у бѣдняжки, не то бы изъ нея вышло. Вотъ кому я отъ всей души желаю счастья. Хоть бы женишокъ ей нашелся. Право, я взялась бы за роль свахи. Вотъ поищите у себя въ департаментѣ; вмѣстѣ и сватать будемъ.

Княгиня добродушно разсмѣялась, и Данила Захаровичъ счелъ долгомъ тоже разсмѣяться, хотя его смѣхъ вышелъ какимъ-то жалкимъ. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, поспѣшилъ откланяться. Но слова княгини клиномъ засѣли ему въ голову. «Ну, а что, какъ она знаетъ, что я родной дядя этой дѣвушкѣ?—думалъ онъ.—Что будутъ говорить, какъ посмотрятъ на то, что я не помогаю этой семьѣ? Вѣдь не станешь разсказывать имъ всей подноготной, всѣхъ своихъ семейныхъ дѣлъ. Надо будетъ все это какъ-нибудь устроить, обдѣлать». Въ головѣ Данилы Захаровича возникали различные планы, какъ онъ поможетъ семьѣ, какъ онъ введетъ въ свой домъ Прилежаевыхъ. Послѣ долгихъ размышленій, онъ даже находилъ, что ему нечего совѣститься своей прислуги, которая видѣла раза два Марью Дмитріевну въ самомъ жалкомъ видѣ и, вѣроятно, станетъ теперь въ душѣ не особенно уважительно относиться къ своимъ господамъ, узнавъ, что эта оборванка, эта черносалопница находится

— Ну, ну, полноте! Еще бы для такого праздника не сдѣлать! — промолвила старая княжеская домоправительница. А вотъ это вамъ на красное яйцо отъ княгини.

Катерина Александровна почувствовала, что Глафира Васильевна суетъ ей въ руку деньги, и вся покраснѣла.

— Мнѣ не надо,—съ замѣшательствомъ отказывалась она.—Зачѣмъ это?..

— Ну, ну, полноте! Деньги всѣмъ нужны. Чего вы совѣститесь? Не вы возьмете, такъ наши соколики на шампанскомъ пропьютъ...

— Да я...

— И не говорите — поссорюсь! — рѣшительно возразила Глафира Васильевна.

Приходилось взять. У молодой дѣвушки сжалось сердце. Она видѣла необходимость не ссориться съ Глафирой Васильевной и въ то же время не могла помириться съ ея логикой и брать деньги княгини потому только, что ихъ все равно пропьютъ на шампанскомъ. Она сознавала, что эти подачки ставятъ ее въ положеніе княжеской прихлебательницы.

Это обстоятельство отчасти испортило хорошее настроеніе Катерины Александровны, вызванное радостною вѣстью о прощеніи Скворцовой. Она заѣхала въ пріютъ, обрадовала Скворцову, поговорила съ Анной Васильевной и, дружески пожавъ ей руку, отправилась домой.

— Ура!—кричалъ штабсъ-капитанъ, встрѣчая ее и угадывая по ея лицу о результатахъ поѣздки.—Это первая побѣда! Ну, что, Марья Дмитріевна,—небось теперь и самимъ весело? А еще трусили.

Марья Дмитріевна отерла глаза.

— Да вѣдь я мать, мать, батюшка! — прошептала она, цѣлуя Катерину Александровну. — Она помощница наша, кормилица наша.

VI.

Мелкія чувства его превосходительства.

Его превосходительство Данила Захаровичъ Боголюбовъ только-что кончилъ офиціальный визитъ къ княгинѣ Маринѣ Осиповнѣ Гиреевой и садился на дрожки. Торжественность праздника, полученная къ Пасхѣ звѣзда, благосклонныя рѣчи ея сіятельства, почтительныя поздравленія прислуги, раскланивавшейся за рубли его превосходительства, все это должно было привести душу его превосходительства въ то настроеніе, при которомъ люди, какъ говорится, земли подъ

собой не слышатъ. Но было совсѣмъ не такъ. Подъ новою звѣздой сердце его превосходительства било тревогу и волновалось тѣми самыми мелкими чувствами, которыми оно волновалось въ давно прошедшіе годы, когда его превосходительство былъ еще мальчуганомъ-бурсакомъ и боялся быть пойманнымъ за сдѣланную имъ шалость. Дѣло въ томъ, что среди разговоровъ ея сіятельство коснулась совершенно неожиданно для своего собесѣдника одного очень щекотливаго вопроса.

— Кстати, вы знакомы съ новою помощницей въ пріютѣ графини?—спросила княгиня, заговоривъ о пріютскихъ событіяхъ.

— То-есть, какъ вамъ сказать, ваше сіятельство, я видѣлъ ее,—въ смущеніи отвѣтилъ Боголюбовъ и устремилъ на княгиню зоркій взглядъ, желая угадать, не знаетъ ли она объ его отношеніяхъ къ Прилежаевымъ.

Но, къ несчастью, на добродушномъ лицѣ старухи не было написано ни мелкими, ни крупными буквами, знаетъ она или не знаетъ тайну своего собесѣдника.

— Удивительно милая дѣвушка,—продолжала княгиня.— Золотое сердце, прямая душа и совсѣмъ недюжинный умъ. Да, если бы образованіе было у бѣдняжки, не то бы изъ нея вышло. Вотъ кому я отъ всей души желаю счастья. Хоть бы женишокъ ей нашелся. Право, я взялась бы за роль свахи. Вотъ поищите у себя въ департаментѣ; вмѣстѣ и сватать будемъ.

Княгиня добродушно разсмѣялась, и Данила Захаровичъ счелъ долгомъ тоже разсмѣяться, хотя его смѣхъ вышелъ какимъ-то жалкимъ. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, поспѣшилъ откланяться. Но слова княгини клиномъ засѣли ему въ голову. «Ну, а что, какъ она знаетъ, что я родной дядя этой дѣвушкѣ?—думалъ онъ.—Что будутъ говорить, какъ посмотрятъ на то, что я не помогаю этой семьѣ? Вѣдь не станешь разсказывать имъ всей подноготной, всѣхъ своихъ семейныхъ дѣлъ. Надо будетъ все это какъ-нибудь устроить, обдѣлать». Въ головѣ Данилы Захаровича возникали различные планы, какъ онъ поможетъ семьѣ, какъ онъ введетъ въ свой домъ Прилежаевыхъ. Послѣ долгихъ размышленій, онъ даже находилъ, что ему нечего совѣститься своей прислуги, которая видѣла раза два Марью Дмитріевну въ самомъ жалкомъ видѣ и, вѣроятно, станетъ теперь въ душѣ не особенно уважительно относиться къ своимъ господамъ, узнавъ, что эта оборванка, эта черносалопница находится

— Ну, ну, полноте! Еще бы для такого праздника не сдѣлать! — промолвила старая княжеская домоправительница. — А вотъ это вамъ на красное яйцо отъ княгини.

Катерина Александровна почувствовала, что Глафира Васильевна суетъ ей въ руку деньги, и вся покраснѣла.

— Мнѣ не надо,— съ замѣшательствомъ отказывалась она.—Зачѣмъ это?..

— Ну, ну, полноте! Деньги всѣмъ нужны. Чего вы совѣститесь? Не вы возьмете, такъ наши соколики на шампанскомъ пропьютъ...

— Да я...

— И не говорите — поссорюсь! — рѣшительно возразила Глафира Васильевна.

Приходилось взять. У молодой дѣвушки сжалось сердце. Она видѣла необходимость не ссориться съ Глафирой Васильевной и въ то же время не могла помириться съ ея логикой и брать деньги княгини потому только, что ихъ все равно пропьютъ на шампанскомъ. Она сознавала, что эти подачки ставятъ ее въ положеніе княжеской прихлебательницы.

Это обстоятельство отчасти испортило хорошее настроеніе Катерины Александровны, вызванное радостною вѣстью о прощеніи Скворцовой. Она заѣхала въ пріютъ, обрадовала Скворцову, поговорила съ Анной Васильевной и, дружески пожавъ ей руку, отправилась домой.

— Ура!—кричалъ штабсъ-капитанъ, встрѣчая ее и угадывая по ея лицу о результатахъ поѣздки.—Это первая побѣда! Ну, что, Марья Дмитріевна,—небось теперь и самимъ весело? А еще трусили.

Марья Дмитріевна отерла глаза.

— Да вѣдь я мать, мать, батюшка! — прошептала она, цѣлуя Катерину Александровну. — Она помощница наша, кормилица наша.

VI.

Мелкія чувства его превосходительства.

Его превосходительство Данила Захаровичъ Боголюбовъ только-что кончилъ офиціальный визитъ къ княгинѣ Маринѣ Осиповнѣ Гиреевой и садился на дрожки. Торжественность праздника, полученная къ Пасхѣ звѣзда, благосклонныя рѣчи ея сіятельства, почтительныя поздравленія прислуги, раскланивавшейся за рубли его превосходительства, все это должно было привести душу его превосходительства въ то настроеніе, при которомъ люди, какъ говорится, земли подъ

собой не слышатъ. Но было совсѣмъ не такъ. Подъ новою звѣздой сердце его превосходительства било тревогу и волновалось тѣми самыми мелкими чувствами, которыми оно волновалось въ давно прошедшіе годы, когда его превосходительство былъ еще мальчуганомъ-бурсакомъ и боялся быть пойманнымъ за сдѣланную имъ шалость. Дѣло въ томъ, что среди разговоровъ ея сіятельство коснулась совершенно неожиданно для своего собесѣдника одного очень щекотливаго вопроса.

— Кстати, вы знакомы съ новою помощницей въ пріютѣ графини?—спросила княгиня, заговоривъ о пріютскихъ событіяхъ.

— То-есть, какъ вамъ сказать, ваше сіятельство, я видѣлъ ее,—въ смущеніи отвѣтилъ Боголюбовъ и устремилъ на княгиню зоркій взглядъ, желая угадать, не знаетъ ли она объ его отношеніяхъ къ Прилежаевымъ.

Но, къ несчастью, на добродушномъ лицѣ старухи не было написано ни мелкими, ни крупными буквами, знаетъ она или не знаетъ тайну своего собесѣдника.

— Удивительно милая дѣвушка,—продолжала княгиня.— Золотое сердце, прямая душа и совсѣмъ недюжинный умъ. Да, если бы образованіе было у бѣдняжки, не то бы изъ нея вышло. Вотъ кому я отъ всей души желаю счастья. Хоть бы женишокъ ей нашелся. Право, я взялась бы за роль свахи. Вотъ поищите у себя въ департаментѣ; вмѣстѣ и сватать будемъ.

Княгиня добродушно разсмѣялась, и Данила Захаровичъ счелъ долгомъ тоже разсмѣяться, хотя его смѣхъ вышелъ какимъ-то жалкимъ. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, поспѣшилъ откланяться. Но слова княгини клиномъ засѣли ему въ голову. «Ну, а что, какъ она знаетъ, что я родной дядя этой дѣвушкѣ?—думалъ онъ.—Что будутъ говорить, какъ посмотрятъ на то, что я не помогаю этой семьѣ? Вѣдь не станешь разсказывать имъ всей подноготной, всѣхъ своихъ семейныхъ дѣлъ. Надо будетъ все это какъ-нибудь устроить, обдѣлать». Въ головѣ Даниды Захаровича возникали различные планы, какъ онъ поможетъ семьѣ, какъ онъ введетъ въ свой домъ Прилежаевыхъ. Послѣ долгихъ размышленій, онъ даже находилъ, что ему нечего совѣститься своей прислуги, которая видѣла раза два Марью Дмитріевну въ самомъ жалкомъ видѣ и, вѣроятно, станетъ теперь въ душѣ не особенно уважительно относиться къ своимъ господамъ, узнавъ, что эта оборванка, эта черносалопница находится

въ самыхъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ господами. До сихъ поръ отъ прислуги скрывались эти родственныя отношенія. Марья Дмитріевна была извѣстна подъ именемъ бѣдной «кумы»; скрывалось отъ прислуги и то, что самъ Боголюбовъ былъ когда-то далеко не такимъ богатымъ бариномъ, былъ даже вовсе не бариномъ, а жалкимъ чиновникомъ, перебивавшимся со дня на день. Это дѣлалось зоркимъ Даніломъ Захаровичемъ для того, чтобы «люди» относились къ нему уважительнѣе и не смѣли бы говорить, что и онъ былъ не лучше ихъ. Теперь, въ виду могущихъ возникнуть непріятностей между нимъ и княгиней, онъ готовъ былъ утратить долю своего значенія въ глазахъ прислуги и принять въ свой домъ Прилежаевыхъ, какъ родныхъ. Но его смущала главнымъ образомъ не прислуга: прислугу можно было заставить молчать; прислугу можно было выгнать; но въ его домѣ было еще одно существо, которое нельзя было заставить молчать или выгнать, это существо была Павла Абрамовна. Павла Абрамовна, какъ «женщина образованная», какъ «женщина хорошаго тона», смотрѣла съ презрѣніемъ «на этихъ оборванцевъ», «на этихъ нищихъ», «на этихъ *милыхъ* родственниковъ». Безплодно придумывая средства, какъ бы убѣдить жену въ необходимости сближенія съ Прилежаевыми, Данила Захаровичъ мысленно воскликнулъ: «э, да что тутъ думать! Развѣ я не господинъ въ своемъ домѣ?» И вдругъ словно какой-то бѣсъ насмѣшливо шепнулъ ему на ухо: «да, конечно, не господинъ». Эта мысль такъ сильно задѣла за живое Данилу Захаровича, что онъ громко проговорилъ:

— Ну, такъ я имъ покажу!

Кучеръ, услыхавшій эти слова, невольно обернулся къ его превосходительству, но его превосходительство строго нахмурило брови и проговорило:

— Чего зѣваешь по сторонамъ? Тутъ народъ: того и гляди задавишь кого-нибудь, а онъ въ стороны смотритъ!

Но спокойствіе не возвращалось къ его превосходительству даже и послѣ того, какъ гнѣвъ былъ сорванъ на кучерѣ. Уже не разъ, особенно въ послѣднее время, Данилу Захаровича поражали подобныя мысли о ничтожествѣ его значенія въ домѣ, и теперь въ его головѣ чрезвычайно ярко прошли нѣкоторыя изъ мелкихъ будничныхъ сценъ въ его семьѣ. Данила Захаровичъ съ свойственными ему зоркостью и строгостью управлялъ домашнимъ государствомъ, какъ и слѣдуетъ главѣ жены, которая да боится своего мужа. Павла

Абрамовна, согласно съ супружескими законами, не выходила изъ повиновенія у мужа. Подобныя отношенія даже давали право Данилѣ Захаровичу довольно мѣтко подсмѣиваться надъ тѣми мужьями-колпаками, которыхъ жены держатъ подъ своимъ башмакомъ. Эта благодушная вѣра въ силу своего самодержавія въ семьѣ, эта увѣренность, что «у меня всѣ моего взгляда боятся», «по одной половицѣ пройдутъ, если велю», «пикнуть не посмѣютъ, если чего захочу»,—всѣ эти свѣтлыя иллюзіи были нарушены въ тотъ памятный день, когда Боголюбовы узнали о смерти Прилежаева и встрѣтились съ Варварой Ивановной, которую поджидали съ такимъ нетерпѣніемъ. Варвара Ивановна, вдова двоюроднаго дяди Боголюбова, одного изъ благочинныхъ Москвы, была очень богата, бездѣтна и потому представлялась очень лакомымъ кускомъ для всѣхъ ея знакомыхъ, друзей, свойственниковъ и родственниковъ. Многое-множество рукъ тянулось за этимъ кускомъ, но рука Боголюбова оказалась ловчѣе всѣхъ другихъ рукъ и, наконецъ, этотъ лакомый кусокъ уже находился въ домѣ его превосходительства. Въ ожиданіи пріѣзда Варвары Ивановны, въ семьѣ шли разсужденія о ласковомъ пріемѣ, который нужно оказать родственницѣ, шли предположенія объ ея щедрости, дѣлались соображенія о духовномъ завѣщаніи, и даже самъ Данила Захаровичъ расшалился до того, что картавымъ голосомъ говорилъ, «бодая» своего еще ничего не понимающаго сына: «Ахъ ти, фуфлига! знаешь-ли ти, кто тебя няньчить-то будетъ? Твоя бабуська, Вальваля Ивановна!» Наконецъ, бабушка Варвара Ивановна, сморщенная, какъ печеное яблоко, съ темнымъ, какъ старый пергаментъ, лицомъ, закутанная въ какія-то ветхія шали, капоры и косынки, пріѣхала къ своимъ «ненаглядным» родственникамъ. Ея костюмъ немного «шокировалъ» Павлу Абрамовну, но приходилось помириться съ этою «странностью» старухи. Добрые родственники, не видавшіе другъ друга почти никогда, прослезились, обнялись, начали со вздохами разспросы о покойномъ дядюшкѣ, объ его смерти. Варвара Ивановна, шамкая и охая, сообщила, какъ «отецъ благочинный на одрѣ безъ языка лежалъ», какъ «ему, батюшкѣ, Богъ ни смерти, ни живота не давалъ въ теченіе полугода», какъ «его, родного, десять разъ пріобщали и семь разъ къ нему Иверскую поднимали», какъ «сжалился Господь и успокоилъ его душеньку въ лонѣ Авраама», какъ, «наконецъ, осталась она, Варвара Ивановна, сирота горемычная, безъ пріюту

на бѣломъ свѣтѣ». Добрые родственники выразили свое глубокое сочувствіе къ горю шестидесятилѣтней сироты и объявили, что ихъ домъ къ ея услугамъ.

— Спасибо вамъ, спасибо, отцы родные! По-міру пришлось бы идти, — вздохнула Варвара Ивановна и отерла сухіе глаза.

— Ну, по-міру-то не пошли бы, за свои деньги пріютъ нашли бы; ласки родственной—вотъ чего не найти за деньги!—съ чувствомъ произнесъ Боголюбовъ.

— Да какія деньги-то у меня, голубчикъ ты мой!—какъ-то испуганно произнесла старуха.—Жили мы съ отцомъ благочинными вольными даяніями благочестивыхъ людей и теперь приходится подаяніемъ жить. Не оставь ты меня, отецъ родной! На тебя вся моя надежда!

— Помилуйте! Что вы, тетушка! Располагайте моимъ домомъ, какъ своимъ, торопливо произнесъ Боголюбовъ, немного нахмуривъ брови, и черезъ минуту довольно осторожно спросилъ: — Но неужели дядя ничего не успѣлъ скопить вамъ на старость?

— Батюшка, да изъ чего же?—прошамкала старуха.—Вольными подаяніями благочестивыхъ людей жили, яко нищіе. Вотъ какъ передъ истиннымъ Христомъ...

Старуха подняла свои тусклые глаза и стала осматривать углы комнаты.

— А гдѣ же, батюшка, образа-то у васъ?—прошамкала она.

— Тамъ, въ спальняхъ, тетушка,—отвѣтилъ Боголюбовъ и подумалъ: —«А вѣдь старуха-то вретъ, что у нея ничего нѣтъ. Знаемъ мы ихъ».

— А здѣсь-то нешто сарай у васъ, голубчикъ?

— И тутъ, тетушка, есть образъ.

Боголюбовъ указалъ на маленькій образокъ, едва виднѣвшійся подъ потолкомъ.

— Да что-жъ, батюшка, ты въ экую-то большую комнату образа-то побольше развѣ не могъ повѣсить? И лампадочки-то приткнуть нельзя; виситъ онъ у васъ, какъ сироточка, въ уголъ заброшенная.

Старуха вздохнула и покачала головой, снова отеревъ сухіе глаза своими костлявыми пальцами.

Съ этого дня для Павлы Абрамовны начались безсмѣнныя пытки. Старуха охала и вздыхала о маленькомъ образкѣ и отсутствіи лампадъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ столовой повѣсили большой образъ и затеплили лампаду; по-

томъ начались вздохи о скоромной пищѣ въ пятницы и среды, вслѣдствіе чего пришлось готовить въ эти дни рыбу на скоромномъ маслѣ, выдавая ее за постное блюдо; затѣмъ домъ Боголюбовыхъ сдѣлался мѣстомъ сходокъ для какихъ-то невѣдомыхъ до сихъ поръ поповичей и поповскихъ вдовъ, родственниковъ и родственницъ старухи, вносившихъ съ собою въ семью какой-то погребальный тонъ и смущавшихъ хозяйку своими манерами, нарядами и рѣчами; далѣе старуха вздыхала о томъ, что «нѣмчура», подготовлявшій Леонида въ пансіонъ Добровольскаго, сидитъ весь вечеръ и «стрекочетъ» съ Павлой Абрамовной «на птичьемъ языкѣ»... Павла Абрамовна стала хмуриться не на шутку. Ей житья не было, какъ она говорила, отъ этой «вѣдьмы». Между женщинами начались сцены: Павла Абрамовна «шпиговала» старуху; старуха «донимала» ее вздохами и возведеніемъ очей къ небу. Данила Захаровичъ въ это время сдѣлался козлищемъ очищенія: старуха говорила ему, что онъ «не по закону живетъ»; жена ежедневно рѣшительнымъ тономъ заявляла, что она не желаетъ видѣть въ своемъ домѣ эту старую каргу.

— Пойми ты, что она необходима намъ,—строго и внушительно говорилъ Данила Захаровичъ.—Наши дѣла въ такомъ положеніи, что мы должны держать тетку у себя до ея смерти.

— Да когда она умретъ, это еще вопросъ!

— А все же нужно ждать.

— Ну, я не намѣрена.

— А я этого хочу! это необходимо по моимъ соображеніямъ.

— Какое мнѣ дѣло до твоихъ соображеній?

— Я знаю, что тебѣ ни до чего нѣтъ дѣла, а она все-таки будетъ жить у насъ!

— Ну, ужъ нѣтъ! Я выживу эту нищую.

— Не нищую, а старую скрягу, скопившую тысячи. Ты думаешь, они не награбили?

— Это еще бабушка надвое сказала! Впрочемъ, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до ея денегъ.

— Будетъ, матушка, дѣло, когда увидишь, что мы не по карману жили.

— Это не я ли такъ жила?—восклицала Павла Абрамовна.—Я въ четырехъ стѣнахъ сидѣла. Я молодость свою загубила. Я не безприданницей вышла за тебя; меня и не такой бы взялъ за себя! А ты что принесъ въ домъ? Те-

перь-то ты получаешь три тысячи, а было время, что на мои деньги жилъ, разорялъ меня...

— Прошу тебя кончить этотъ разговоръ,— строго замѣчалъ Данила Захаровичъ.— Ты дура и больше ничего!

— Прекрасно, прекрасно! Вы, какъ крѣпостную, меня третируете! рыдала Павла Абрамовна.

Мужъ сердито уходилъ отъ обиженной жены, а обиженная жена начинала сцену съ Варварой Ивановной. Эти сцены дошли до того, что Варвара Ивановна, охая и вздыхая, объявила о своемъ рѣшеніи переѣхать къ какимъ-то «добрымъ людямъ». Боголюбовъ метался въ отчаяніи: онъ уговаривалъ старуху, онъ бѣгалъ къ женѣ, приказывая ей упрашивать старуху остаться. Но старуха только вздыхала и охала, а Павла Абрамовна переходила отъ одного истерическаго припадка къ другому, не имѣя вслѣдствіе этого силъ войти въ переговоры со старухой.

Жаль мнѣ тебя, батюшка, жаль!—охала старуха.—Ужъ это послѣднее дѣло, когда мужъ не глава въ домѣ, когда имъ баба командуетъ!

— Я докажу, тетушка, что я хозяинъ у себя!—кричалъ Данила Захарович.

— Гдѣ ужъ, батюшка, спустя лѣто по малину ходить!— вздыхала Варвара Ивановна.— Ты вотъ за нѣмцемъ-то смотри! Кто его знаетъ, о чемъ онъ лепечетъ съ твоею сударыней-то по вечерамъ.

— Да вы подождите, тетушка: я объяснюсь съ ней!— волновался Данила Захаровичъ и бѣжалъ къ женѣ; жена лежала въ истерикѣ и потому ничего не могла слышать изъ того, что говорилъ ей мужъ.

— Старый дуракъ! старый дуракъ!—ругалъ себя Боголюбовъ, когда уѣхала тетка.— Съ бабами не могъ справиться! И что эта старая скряга толковала про Карла Карловича? Тоже дура къ сплетнямъ привыкла! Только домъ весь вверхъ дномъ перевернула! Конечно, жена отчасти права; съ этакой дурой подлой нелегко возиться. Ишь, всю квартиру въ молельню обратила: такъ и несетъ вездѣ деревяннымъ масломъ! И я-то хорошъ,— къ себѣ пригласилъ! Надо было нанять ей отдѣльную квартирку. Да кто же ее зналъ, что она уродъ этакой. И дядя хорошъ! Зналъ, что племянникъ есть, а духовной не сдѣлалъ, не отказалъ ничего...

Данила Захаровичъ строилъ планы, какъ бы снова сойтись со старухой теткой. Но надо замѣтить, что, создавая эти планы, Данила Захаровичъ ни разу не вспомнилъ, что у ста-

рухи есть еще родственники, съ которыми, быть-можетъ, было бы не худо познакомить ее. Впрочемъ, можетъ-быть, Боголюбовъ и помнилъ это, но сообразилъ, что Прилежаевы слишкомъ бѣдны для того, чтобы имъ давать въ руки такой лакомый кусокъ, какъ Варвара Ивановна: пожалуй, еще приберутъ его совсѣмъ къ рукамъ и даже объѣдковъ не оставятъ для самого Данилы Захаровича. Онъ отчасти оправдывалъ уже жену за ея отношенія къ теткѣ, и только легкое облако неудовольствія оставалось въ его душѣ черезъ нѣсколько дней, когда Павла Абрамовна замѣтила ему, что Карлъ Карловичъ Габлицъ, учитель Леонида, не надѣется приготовить мальчика въ школу.

— Какъ не надѣется? Чего же онъ раньше думалъ?— нахмурился Данила Захаровичъ.

— Да вѣдь онъ уже нѣсколько разъ говорилъ, что трудно приготовить Леонида, давая три урока въ недѣлю.

— Ну, матушка, больше я платить не стану!

— Да отчего же не взять его въ гувернеры? Кусокъ хлѣба расчета не сдѣлаетъ, а комната свободная есть.

Данила Захаровичъ зорко и строго посмотрѣлъ на жену: въ его умѣ шевельнулись воспоминанія о словахъ тетки.

— Я не намѣренъ впускать въ свой домъ жильцами всякихъ сапожниковъ,—сердито проговорилъ онъ.

— Какъ это мило! Зачѣмъ же было и брать его въ учителя, если онъ сапожникъ?—иронически усмѣхнулась Павла Абрамовна.

— Ну, ужъ это мое дѣло.

— Ахъ, Боже мой, дѣлай, какъ знаешь, и избавь меня отъ сценъ!—воскликнула Павла Абрамовна оскорбленнымъ тономъ.—Я вѣдь въ домѣ ничего не значу и потому не имѣю права заботиться даже о сынѣ. Пусть не выдержитъ экзамена; пусть останется неучемъ, какъ твой милый братецъ, — мнѣ все равно. Я предупреждала, и моя совѣсть чиста.

Павла Абрамовна заплакала.

— Да что у тебя нынче за тонъ! Ты забита, ты унижена, ты ничего не значишь!—вспылилъ Данила Захаровичъ, хотя въ душѣ онъ и одобрялъ смиреніе жены.—Дѣло не въ томъ, чтобы Леонидъ неучемъ остался. Но взять въ домъ чужого человѣка — не шутка; на подобный шагъ нельзя вдругъ рѣшиться.

— Ахъ, да и не рѣшайся совсѣмъ! Ужъ испытала я, что значитъ чужой человѣкъ въ домѣ. За себя я буду очень

рада, если у насъ не будетъ никакихъ гувернеровъ и гувернантокъ!

— Ну, матушка, ради тебя не стану же я оставлять дѣтей безъ образованія.

Павла Абрамовна встала и направилась въ другую комнату.

— Да ты говорила объ этомъ съ Карломъ Карловичемъ?— спросилъ Данила Захаровичъ.

— Какъ же я стану говорить, когда я не знаю, желаешь ли ты этого,—отвѣтила Павла Абрамовна.

— Ну да,—серьезно задумался Данила Захаровичъ.—Ты его попроси завернуть ко мнѣ въ кабинетъ, когда кончитъ урокъ.

Прошло дней пять или шесть, и Карлъ Карловичъ былъ уже гувернеромъ въ домѣ Боголюбова. Это былъ юный, похожій на застѣнчивую дѣвушку нѣмецъ съ полными и розовыми щеками, съ мягкими черными волосами, съ ямками на щекахъ, съ мягкою улыбочкой и дѣтски-невинными карими глазами. Предупредительность, веселость среди веселаго кружка, печальная мина среди опечаленныхъ собесѣдниковъ, способность краснѣть при каждой двусмысленной фразѣ, почтительность въ отношеніи къ старикамъ и заслуженнымъ лицамъ и благодарность за каждый ласковый взглядъ, за каждую ничтожную услугу, все это привлекало къ юному Габлицу сердца людей. Еще въ гимназіи онъ получилъ названіе «красной дѣвушки» и «сдобной булки». Но въ университетѣ уже первокурсники стали какъ-то подозрительно смотрѣть на него, когда онъ краснѣлъ при каждой нѣсколько скоромной фразѣ, тогда какъ его глазки подергивались словно масломъ. Еще подозрительнѣе смотрѣли на него, когда онъ неожиданно попалъ въ домъ профессоровъ и разныхъ аристократиковъ-студентовъ, когда онъ, сынъ разорившагося булочника, сталъ щеголять въ дорогой одеждѣ и появляться въ первыхъ рядахъ креселъ въ балетѣ. Но хотя на него и смотрѣли подозрительными глазами, однако онъ, какъ вполнѣ чистый и невинный человѣкъ, не замѣчалъ этихъ взглядовъ и радушно, крѣпко пожималъ руки тѣхъ, у кого шевелились въ головѣ самыя грязныя подозрѣнія на его счетъ. Въ домъ Боголюбова онъ попалъ по рекомендаціи одного изъ студентовъ, родственника Гиреевой. Боголюбовъ, послѣ намековъ тетки, сталъ пристальнѣе вглядываться въ Габлица, но зоркіе глаза Данилы Захаровича встрѣчали только прямодушный, дѣтски-чистый взглядъ честнаго бурша и невольно принимали мягкое

выраженіе покровительственной улыбки. Данила Захаровичъ даже повеселѣлъ, когда было окончательно рѣшено, что Габлицъ переѣдетъ къ нимъ въ домъ. Имѣть при себѣ подобное чистое и мягкое существо въ качествѣ наставника дѣтей и постояннаго собесѣдника—это не малое счастье. Можетъ-быть, это благодушное настроеніе продолжалось бы долго, если бы Данила Захаровича не вздумалъ посѣщать свою тетку. Старуха, помѣстившаяся у «добрыхъ людей», не переставала пилить племянника и нашептывать ему про жену. Она, рѣшившись «доѣхать» жену племянника, опять указывала ему на необходимость смотрѣть за женой и нѣмцемъ и добилась того, что зоркій и строгій Данила Захаровичъ обратилъ все свое вниманіе на юнаго нѣмца. Въ отношеніяхъ Павлы Абрамовны и Карла Карловича, повидимому, не было ничего особеннаго; посторонній человѣкъ не могъ бы найти въ нихъ ничего подозрительнаго, но, вглядываясь въ эти отношенія ежедневно, можно было уловить въ нихъ кое-что, ускользавшее отъ случайнаго наблюдателя. Во-первыхъ, Данила Захаровичъ сталъ замѣчать, что Павла Абрамовна каждый день выбираетъ для Карла Карловича лучшій кусокъ за обѣдомъ.

— Что это ты, матушка, ухаживаешь за нимъ и подсовываешь ему все лучшее за столомъ?—строго замѣтилъ Боголюбовъ женѣ.

— Да вѣдь онъ чужой человѣкъ, и если не предложишь ему хорошаго куска, такъ онъ изъ совѣстливости возьметъ какую-нибудь кость, — отвѣчала Павла Абрамовна. — Ты знаешь, какой онъ застѣнчивый.

— Ну, а все-таки ухаживать нечего!

— Извини, я не знала, что тебѣ непріятно, когда я стараюсь сдѣлать пріятнымъ нашъ домъ постороннимъ людямъ. Ты, вѣроятно, хочешь, чтобы мы все лучшее обирали сами, а постороннимъ оставляли объѣдки. Это будетъ очень прилично.

Павла Абрамовна говорила такимъ ироническимъ тономъ, что зоркій Данила Захаровичъ понялъ, какъ нелѣпа была его выходка.

Потомъ онъ началъ тревожно замѣчать, что послѣ обѣда Карлъ Карловичъ очень крѣпко цѣлуетъ руку его жены.

— Что это, матушка, онъ у тебя руки лижетъ?—строго спросилъ Боголюбовъ.

— Что за выраженія!—воскликнула Павла Абрамовна.— И когда ты видѣлъ, чтобы онъ цѣловалъ мои руки?

— Какъ когда? Да онъ постоянно цѣлуетъ твою руку послѣ обѣда...

— Ха-ха-ха! Такъ не у тебя же ему цѣловать руку! Кажется, ты долженъ понимать, что если онъ пожимаетъ твою руку, благодаря за обѣдъ, то можетъ поцѣловать мою.

— Ну, можно и безъ поцѣлуевъ...

— Ахъ, да, я и забыла, что я нуль въ домѣ! Ты ужъ лучше бы ему самому сказалъ, чтобы онъ совсѣмъ не благодарилъ меня, какъ не благодаритъ нашу прислугу, такъ какъ я и прислуга въ этомъ домѣ одно и то же.

— Вѣчно какую-нибудь чепуху выдумаешь!

— Да развѣ я могу что-нибудь умное сказать? Вѣдь я дура въ твоихъ глазахъ! Вѣдь хуже и ничтожнѣе меня никого нѣтъ! Господи, когда кончатся эти пытки! И за что это все обрушивается на меня! Откажи, пожалуйста, и Габлицу, и всѣмъ, кому хочешь, только оставь меня въ покоѣ.

Данила Захаровичъ хлопнулъ дверью, скрываясь отъ трагической сцены. Но въ душѣ его не было спокойно: съ одной стороны онъ прозрѣвалъ что-то странное въ отношеніяхъ жены и Габлица, съ другой онъ уже не имѣлъ возможности освободиться отъ Габлица. Во-первыхъ, придраться, въ сущности, было не къ чему; во-вторыхъ, нужно было кончить подготовленіе къ экзамену сына; въ-третьихъ, Габлицъ былъ пріятелемъ юныхъ родственниковъ Гиреевой и эти родственники были даже раза два у Боголюбова вслѣдствіе переѣзда Габлица въ его домъ. Что скажутъ они, если круто поссориться изъ-за пустыхъ подозрѣній съ ихъ пріятелемъ? Но и примириться вполнѣ со своимъ положеніемъ было трудно; Данила Захаровичъ тревожно размышлялъ о своей участи вообще и о словахъ тетки, говорившей, что Павла Абрамовна держитъ его въ рукахъ. Дѣйствительно, онъ началъ прозрѣвать, что Павла Абрамовна если и не держитъ его въ рукахъ, то, все-таки, многое дѣлаетъ по-своему. Онъ распекаетъ въ домѣ прислугу и дѣтей. Но въ какихъ случаяхъ распекаетъ? Только въ тѣхъ, когда его вооружитъ Павла Абрамовна. Она, оставаясь постоянно дома, представляетъ мужу тѣ или другія происшествія изъ семейной жизни въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ ей вздумается. Онъ, сидя въ должности и не зная, что дѣлается дома, поневолѣ смотритъ на всѣ домашнія дѣла глазами жены. Отъ этихъ размышленій онъ перешелъ къ воспоминаніямъ о ссорѣ съ теткой, о принятіи Карла Карловича въ гувернеры, и вездѣ ему стала

представляться руководящая власть жены. Подобная исторія повторяется не въ одной семейной жизни...

Эти же самыя мысли въ высшей степени тревожили его, когда онъ ѣхалъ домой отъ княгини Гиреевой и размышлялъ о сближеніи съ Прилежаевыми. Онъ ясно сознавалъ, что его жена не допуститъ этого сближенія. «Да что же я, тряпка, что ли? Прикажу, и будутъ ихъ принимать!» разсуждалъ онъ мысленно, но въ этихъ разсужденіяхъ уже не было увѣренности. Глава семьи чувствовалъ, что ему трудно растолковать женѣ всю необходимость сближенія съ Прилежаевыми. Онъ, впрочемъ, не сознавалъ, что самъ былъ причиной того, что Павла Абрамовна не понимала его соображеній. Онъ до сихъ поръ, какъ глава дома, самодержавно управлявшій семьей, не считалъ нужнымъ сообщать женѣ о своихъ «дѣлахъ»; вслѣдствіе этого она не имѣла возможности понять, насколько нужно ея мужу держать въ рукахъ скрягу-тетку, насколько нужно было ему принимать въ домъ разныхъ старичковъ, насколько нужно было ему сблизиться съ Прилежаевыми, чтобы не выставить себя въ дурномъ свѣтѣ въ глазахъ княгини Гиреевой. Вообще, всѣ великія и глубокія соображенія зоркаго мужа, смотрѣвшаго въ корень вещей, были совершенно непонятны и чужды его женѣ. Конечно, винить за это слѣдовало только его, а никакъ не ее; этого никакъ не могъ понять зоркій Данило Захаровичъ, обвинявшій мысленно жену за то, что «она, какъ и всѣ женщины, только о тряпочкахъ, о бирюлькахъ думаетъ, только дрязгами кухонными занимается, а не разсудитъ того, что не этими тряпками да дрязгами нужно пробить путь къ жизни, сдѣлать карьеру и найти лазейку для спасенія въ критическую минуту какой-нибудь ревизіи». Предчувствіе не обмануло Данилу Захаровича: первое его слово о сближеніи съ Прилежаевыми вызвало въ домѣ бурю. Трудно было разобрать, что говорили разгорячившіеся супруги; слышно было только, что они кричали: «пойми ты, что это необходимо», «пойми ты, что это невозможно», «да что ты носишься со своимъ званіемъ; тоже не больше, какъ дочь торгаша», «ну, да и ты вѣдь тоже не изъ графовъ вышелъ». Въ концѣ этой сцены слышался истерическій плачъ и хлопанье дверями, шумные шаги по комнатѣ, крики на дѣтей и на прислугу; потомъ послышались слова Данилы Захаровича: «къ чаю не ждать меня»; потомъ раздался слабый голосъ Павлы Абрамовны: «попросите ко мнѣ Карла Карловича».

Совершенно неожиданно на третій день праздниковъ въ

квартиру Прилежаевыхъ заѣхалъ Боголюбовъ. Это событіе было настолько внезапно, что Марья Дмитріевна растерялась окончательно и перепачкала мукой руку его превосходительства, забывъ впопыхахъ вытереть свои руки, только-что трудившіяся надъ приготовленіемъ тѣста. Его превосходительство благосклонно улыбнулось, еще благосклоннѣе потрепало по щекамъ Дашу, Мишу и Антона и даже изволило спросить дѣтей:

— Ну, какъ веселитесь на праздникахъ, фуфлыги?

Потомъ его превосходительство соблаговолили сѣсть на диванъ, вслѣдствіе чего Марья Дмитріевна поспѣшила смахнуть съ дивана пыль, которой, впрочемъ, на диванѣ не было, и спросила: «чѣмъ угостить такого дорогого гостя». Гость снисходительно замѣтилъ: «что за угощенія!» и спросилъ:

— А гдѣ же ваша старшая дочь?

— Въ пріютѣ, батюшка, въ пріютѣ. Дежурная сегодня,— отвѣтила со вздохомъ Марья Дмитріевна:—и первый день провела, голубка, на службѣ. А ужъ какъ она жалѣть-то будетъ, что не имѣла счастія васъ у себя видѣть.

— Мнѣ самому жаль, очень жаль, что не могъ повидаться съ нею,—произнесло его превосходительство.—Собирался все заѣхать къ вамъ, да дѣла, дѣла... Тоже подневольный человѣкъ... Своей семьи почти не вижу.

— Ужъ извѣстно, батюшка, ваше дѣло не то, что наше: государствомъ ворочаете.

— Ну, не государствомъ, — снисходительно улыбнулось его превосходительство:—а все-таки есть надъ чѣмъ поработать... Да, да, досадно, что она дежурная. Она у васъ, кажется, славная дѣвушка.

— Да, батюшка, я хоть и мать, мнѣ и не подъ стать бы хвалить ее, а правды не могу утаить,—примѣрная дѣвушка: не я одна говорю.

— Да, да, слышалъ. Сама ея сіятельство княгиня Марина Осиповна изволила съ похвалой отзываться: это, говоритъ, алмазъ безъ всякой отдѣлки! Ну, а эта мелюзга... что вы съ ней думаете дѣлать? Въ прокъ посолить хотите?— снисходительно пошутило его превосходительство.

— Что же, батюшка, дѣлать?—растерянно развела руками Марья Дмитріевна.—Вотъ въ пріютахъ покуда учатся.

— Ну да, ну да, это покуда! Съ однимъ пріютскимъ воспитаніемъ далеко не уйдешь. Надо о дальнѣйшемъ подумать...

— Это у меня Катюша обо всемъ печется,—смиренно произнесла Марья Дмитріевна.—Я, батюшка, человѣкъ темный. Они даромъ что малы, а и теперь ученѣе меня. Катюша что-то все о емназіи говоритъ,—вотъ Антошу, какется, отдать хочетъ.

— Да, но средства, средства надо отыскать,—глубокомысленно сообразило его превосходительство.—Я радъ бы помочь, но у меня семья... Вотъ теперь гувернера пришлось взять... Все расходы... И радъ бы помочь, да силъ нѣтъ...

— За меня сестра сама платить будетъ,—проговорилъ Антонъ, все время молча слушавшій рѣчи его превосходительства.

— А ты бы справился, есть ли у сестры средства на это,—внушительно замѣтило его превосходительство, сдвинувъ брови.

— Вѣрно, уже есть, если она хочетъ платить, — рѣзко отвѣтилъ мальчикъ.

Его превосходительство окинуло глазами юнаго смѣльчака и обратилось къ Марьѣ Дмитріевнѣ съ вопросомъ:

— Это тотъ самый, что съ вами у насъ былъ?

— Тотъ самый, батюшка, — Антоша, — робко отвѣтила Марья Дмитріевна и сдѣлала какіе-то телеграфическіе знаки Антону, но онъ, вѣроятно, не понялъ ихъ и не спѣшилъ ни обдернуться, ни подойти къ ручкѣ къ дядюшкѣ.

— Онъ тогда такимъ дикаремъ смотрѣлъ,—хмуро замѣтило его превосходительство.—Въ школѣ-то, вѣрно, разнузцался...

— Онъ, батюшка, у меня работничекъ,—произнесла Марья Дмитріевна, отстаивая провинившагося сына.—И дрова колетъ, и посуду чиститъ... Любимчикъ Катюши; ужъ чуть что у нея тамъ случится,—ему первому разскажетъ; какъ два голубя живутъ.

— А ты это цѣни! Твоя сестра умная дѣвушка. Вотъ не далѣе, какъ третьяго дня, княгиня Марина Осиповна удивлялась ея сердцу и здравому уму. Ты беречь долженъ сестру!

Антонъ прямо смотрѣлъ на его превосходительство, и по его губамъ скользила усмѣшка, точно онъ хотѣлъ сказать: «да что ты мнѣ сказки-то разсказываешь, нешто я сестрого хуже тебя знаю». Его превосходительство, видимо, путалось и уже думало только о томъ, какъ бы скорѣе окончить визитъ. Боголюбовъ, съ свойственною ему проницательностью, ожидалъ очень чувствительной сцены при своемъ появленіи

у Прилежаевыхъ. Ему почему-то казалось, что вся семья бросится навстрѣчу къ дорогому дядюшкѣ, что начнутся цѣлованія рукъ, что Катерина Александровна скажетъ: «у меня одна надежда на васъ», что Марья Дмитріевна прослезится, и онъ осушитъ эти слезы, сказавъ: «хорошо, хорошо: что могу, то сдѣлаю». Но, къ величайшему своему удивленію, онъ ошибся въ своихъ вѣрныхъ расчетахъ. Катерины Александровны не было дома и, какъ можно было заключить изъ разговоровъ, она вовсе не думала прибѣгать къ помощи его превосходительства по дѣлу опредѣленія брата въ гимназію. Марья Дмитріевна хотя и обрадовалась его пріѣзду, но не плакала, и была, повидимому, довольна своею участью и не опасалась за будущее; дѣти дичились его, какъ незнакомаго человѣка, а Антонъ даже непочтительно вмѣшался въ разговоръ дяди съ матерью. Его превосходительство было недовольно своимъ первымъ визитомъ къ бѣднымъ родственникамъ. Сунувъ въ руку Марьѣ Дмитріевнѣ десятирублевую бумажку, Данила Захаровичъ уѣхалъ и далъ слово навѣстить родныхъ еще разъ.

— Я васъ не приглашаю къ себѣ,—промолвилъ онъ на прощанье.

— И, батюшка! ужъ гдѣ намъ, чернымъ людямъ, безпокоить васъ, нашего благодѣтеля, — съ низкими поклонами произнесла Марья Дмитріевна.

— Почему же нѣтъ? Я буду очень радъ,—пробормоталъ Данила Захаровичъ, нахмуривъ брови отъ неожиданнаго оборота разговора. — Но я только потому замѣтилъ, что не приглашаю васъ, что вамъ, я думаю, некогда ходить по гостямъ.

— Ужъ какіе мы гости! — снова приниженно воскликнула Марья Дмитріевна.

— Но все же, если что-нибудь понадобится, обращайтесь ко мнѣ,— продолжалъ Данила Захаровичъ. — Я всегда готовъ помочь. Я еще буду у васъ. Хочу повидаться съ племянницей. Надо о дѣтяхъ подумать.

Данила Захаровичъ ушелъ, провожаемый Марьей Дмитріевной до самаго двора.

На слѣдующій день Катерина Александровна была встрѣчена въ своей квартирѣ словами матери:

— А знаешь ли, кто у насъ былъ вчера? Угадай-ка!

Катерина Александровна не старалась отгадывать, такъ какъ у нихъ не было ни одного человѣка въ мірѣ, приходъ котораго могъ бы особенно обрадовать ихъ.

— Не знаю, мама! — отвѣтила молодая дѣвушка, цѣлуя дѣтей.

— Нѣтъ, ты угадай.

— Право, не угадаю!

— Дядя, Данила Захаровичъ!—воскликнула Марья Дмитріевна.

— Что онъ позабылъ здѣсь что-нибудь, или такъ, отъ жиру бѣситься началъ?—усмѣхнулась Катерина Александровна.—То такъ писалъ ко мнѣ, чтобы я никогда не упоминала въ пріютѣ, что мы родня, — не поклонился при встрѣчѣ въ пріютѣ, а то такъ съ визитомъ пріѣхалъ...

Марья Дмитріевна какъ-то растерянно посмотрѣла на дочь и подумала: «вѣрно, тамъ у нея что-нибудь вышло, что не въ духѣ она».

— Не приглашалъ ли къ себѣ на обѣдъ? — иронически промолвила молодая дѣвушка.

— Ну, Катюша, ужъ гдѣ намъ! — начала Марья Дмитріевна.

— Нѣтъ, онъ даже не велѣлъ приходить къ нему,—перебилъ ее Антонъ. — Я, говоритъ, васъ не приглашаю... Звѣзда, Катя, у него на боку.

Катерина Александровна молча принялась разбирать свою работу. Ея лицо выглядѣло хмуро. Она, видимо, была недовольна посѣщеніемъ дяди. Въ ея головѣ вертѣлись вопросы: зачѣмъ онъ былъ? что ему надо? Не хочетъ ли онъ благодѣтельствовать имъ рублевыми подачками? Не придется ли принимать эти подачки и унижаться передъ нимъ или поссориться съ нимъ, отказавшись отъ подаяній?

— Гиреиха говорила ему про тебя, — шопотомъ передавалъ Антонъ новости сестрѣ.—Умной тебя называла. Онъ говоритъ: я похлопочу о васъ. Мнѣ наказывалъ любить тебя. Пѣтухомъ индѣйскимъ такимъ сидѣлъ. Матери потомъ что-то сунулъ...

— Ну, я такъ и думала! — проговорила Катерина Александровна, опуская работу.

Ей было очень тяжело, что ея семьѣ помогаетъ тотъ самый человѣкъ, котораго ея отецъ называлъ подлецомъ и воромъ, тотъ самый дядя, который, при ея вступленіи въ пріютъ, прежде всего похлопоталъ о томъ, чтобы она не проговорилась о своемъ родствѣ съ нимъ. Она въ душѣ сердилась на мать за то, что та не отказалась отъ его денегъ, въ которыхъ не было особенно сильной нужды. Молодое, вспыльчивое сердце сильно билось въ груди, и Кате-

рина Александровна чувствовала, что при первомъ словѣ матери въ защиту дяди она не выдержитъ и выскажетъ все, что волнуетъ ее. Это слово не заставило себя ждать; когда дѣти ушли погулять, Марья Дмитріевна подсѣла къ дочери и шопотомъ заговорила съ нею.

— Десять рублей привезъ, благодѣтель...

Этой фразы было довольно для того, чтобы Катерина Александровна вспыхнула, какъ порохъ.

— Какъ вамъ не стыдно брать отъ него! — проговорила она. — Онъ насъ знать не хотѣлъ; онъ на насъ, какъ на нищихъ, смотритъ, а вы берете! Развѣ у васъ чего-нибудь недостаетъ?

— Что это ты, Катюша! да развѣ деньги бываютъ лишними? — робко заговорила Марья Дмитріевна.

— Этихъ денегъ намъ не нужно!—рѣзко произнесла Катерина Александровна. Если вамъ все равно, какъ добывать деньги, такъ почему же вы на улицу не идете съ сумой? почему не ворусте?

— Что ты! что ты!..

— Это хуже, чѣмъ украсть! Его отецъ ненавидѣлъ,—онъ насъ презираетъ, а вы отъ него берете! Вы бы хоть меня пожалѣли. Для чего я работаю, бьюсь съ утра до ночи? Не для того ли, чтобы вы по міру не ходили? Вѣдь не будь у меня ни васъ, ни братьевъ, ни сестры,—я могла бы половину недѣли сложа руки сидѣть... Я хочу, чтобы вы не нуждались; вы и не нуждаетесь, а все-таки христарадничаете...

Марья Дмитріевна поникла головой.

— Ну, Катюша, не ожидала, чтобы ты меня когда-нибудь попрекнула своею работой, — заговорила мать со слезами.

— Я васъ не работой попрекаю; я готова вдвое больше работать; но я попрекаю васъ за то, что вы милостыню берете отъ тѣхъ, что на порогъ насъ не принималъ, кто гналъ моего отца...

— Спасибо, спасибо, дочка!—продолжала плакать Марья Дмитріевна, ничего не слушая и не понимая. — Мать все, что ни сдѣлаетъ, глупо выходитъ! Ее поѣдомъ ѣдятъ...

— Кто это васъ ѣстъ поѣдомъ? Ужъ не я ли? — съ горечью воскликнула Катерина Александровна.—Грѣхъ вамъ, грѣхъ говорить это!

Молодая дѣвушка поднялась съ мѣста и отошла отъ матери. Ея лицо поблѣднѣло; ее била лихорадка. Ей еще въ первый разъ пришлось договориться съ матерью до такого

полнаго непониманія другъ друга; мелкіе раздоры, происходившіе между ними прежде, оканчивались довольно скоро; теперь же ей сдѣлалось просто страшно. Она вспомнила, что зачатки подобныхъ сценъ уже не разъ проскальзывали въ ихъ семейной жизни; теперь же вполнѣ обнаружилось, что въ будущемъ придется перенести еще множество подобныхъ столкновеній. Это было тѣмъ тяжелѣе для Катерины Александровны, что она считала своимъ единственнымъ неотъемлемымъ благомъ семейный миръ. Ей вспомнилось и недавнее столкновеніе съ матерью по поводу хлопотъ о Скворцовой, и молодая дѣвушка поняла, что при всѣхъ подобныхъ случаяхъ мать встанетъ противъ нея. Прошло около получаса; наконецъ, послышались по галлереѣ шаги, и въ комнату съ шумомъ ввалилась вся компанія дѣтей подъ предводительствомъ штабсъ-капитана. Онъ взглянулъ на Марью Дмитріевну и Катерину Александровну и удивился, увидавъ ихъ печальныя лица.

— Что съ вами, милѣйшая Катерина Александровна?— спросилъ онъ тревожнымъ тономъ.

— Голова что-то разболѣлась, — отвѣтила молодая дѣвушка.

— Да и вы, милѣйшая Марья Дмитріевна, какъ будто нездоровы? — промолвилъ старикъ, глядя на Марью Дмитріевну.—Ужъ не угарно ли здѣсь?—старикъ потянулъ носомъ воздухъ.

— Что намъ, батюшка, дѣлается!—уныло отвѣтила Марья Дмитріевна.—На насъ и смерти-то нѣтъ! Чужой вѣкъ заѣдаемъ, а все живемъ...

Штабсъ-капитанъ нахмурился.

— Мама, вы ужъ лучше не начинайте снова,—проговорила Катерина Александровна, измѣняясь въ лицѣ.

— Гдѣ ужъ мнѣ начинать! Извѣстно, я молчать должна!— вздохнула Марья Дмитріевна.

Этотъ тонъ рѣзалъ по сердцу Катерину Александровну. Но она не сказала ни слова и поспѣшила начать съ штабсъ-капитаномъ другой разговоръ. Вечеръ прошелъ тяжело и грустно. Улучивъ удобную минуту, штабсъ-капитанъ спросилъ у Катерины Александровны:

— У васъ вышли непріятности съ матушкой?

— Да,—отвѣтила она.

— Изъ-за чего?

— Не понимаемъ одна другую.

Штабсъ-капитанъ вздохнулъ.

Попробовали бы объясниться вполнѣ.

— То-то и худо, что чѣмъ болѣе объяснялись, тѣмъ больше не понимали другъ друга.

Старикъ задумчиво покачалъ головой, но не могъ продолжать разговора, такъ какъ въ комнату вошла Марья Дмитріевна. Оба кадета тоже замѣтили грустное настроеніе своей любимицы и наперерывъ старались угодить ей и развеселить ее. Она не могла не замѣтить ихъ усилій и была очень благодарна имъ въ душѣ за то, что они не давали ей времени впасть въ тяжелое раздумье.

VII.

Тяжелые дни.

Катерина Александровна еще не опомнилась отъ первой крупной размолвки съ матерью, какъ наступили болѣе крупныя и еще болѣе непріятныя событія. Нельзя сказать, чтобы эти событія были внезапными, они подготовлялись въ теченіе долгаго времени, но все-таки они были страшно тяжелы и обрушились на голову Катерины Александровны совершенно неожиданно для нея.

Наставалъ май, ледъ на Невѣ давно уже прошелъ, деревья начинали зеленѣть, въ пріютѣ дѣти готовились къ лѣтнимъ вакаціямъ, взрослыя дѣвочки приготовлялись къ выпуску. Оживленіе и надежды ворвались и въ эту тюрьму. Не радовалась веснѣ и яркому солнцу только Даша. Возвратившись послѣ Пасхи въ пріютъ, больное дитя еще сильнѣе почувствовало все отравляющее вліяніе сырого и холоднаго воздуха въ пріютѣ, неудобоваримость пріютской пищи, невыносимость сидѣнья на вытяжкѣ. Одна быстрая перемѣна постной пищи на скоромную, на самую тяжелую скоромную пищу гибельно дѣйствуетъ даже на здоровыхъ людей, а для больного ребенка эта перемѣна является чистою отравой. Даша же страдала не отъ одной этой перемѣны, а вообще отъ всѣхъ условій пріютской жизни. Она уже не просто худѣла, но не могла стоять на ногахъ. Ея кожа сдѣлалась синевато-блѣдною, словно прозрачною. На ея руки было страшно взглянуть, — это были тонкія кости, обтянутыя кожей. Дѣвочка тихо покашливала. Катерина Александровна испугалась не на шутку и тотчасъ же объяснилась съ Гроховымъ.

— Это худосочій, пищеваренія неисправно,—сухо проговорилъ онъ.

— Что же вы думаете, что ее надо взять домой или въ

нашу больницу отправить? — спросила Катерина Александровна.

Гроховъ глубокомысленно нахмурился.

— Это не помошетъ,—процѣдилъ онъ сквозь зубы равнодушнымъ тономъ.

— Какъ не поможетъ? Что же дѣлать?—воскликнула молодая дѣвушка.

— На всэ воля Бошія!—вздохнулъ докторъ, тупо глядя на нее своими оловянными глазами.

— Да, но что же дѣлать?—тревожно приставала она.

— Теперь невозмошно помогайтъ.

— Какъ?—вырвалось восклицаніе изъ груди Прилежаевой.

— Ну да, она неизлѣшима...

— Что же вы не сказали раньше? Вѣдь я спрашивала васъ? Я просила васъ сказать мнѣ, не больна ли она, не нужно ли ее лѣчить?

— Ну да, ну да, — нетерпѣливо перебилъ ее Гроховъ.

— Вы меня успокоили!.. Вы меня обманули...

— Зашѣмъ же было безпокоить! Ей помошь было нельзе,— безстрастно возразилъ эскулапъ. — У насъ въ больницѣ только дешевое лѣкарство, дешевая пища, — этимъ нельзе поправляйтъ здоровье. Ви тоше небогатій, а тутъ нушны большія средства. Помошь было нельзе никакъ!

— Да вѣдь это безчеловѣчно, что вы меня не предупредили! Я бы все, все сдѣлала, чтобы спасти ее, — говорила Катерина Александровна, чуть не рыдая.

— Но вѣдь ви небогатій, ви ее не могли отправляйтъ на югъ... Въ этомъ слюшаѣ бѣднимъ дѣтямъ нельзе помогайтъ.

— Такъ, значитъ, они такъ и должны гибнуть?

— Что-шъ дѣлайтъ! Это лишній бреме,—холодно пожалъ плечами тупой нѣмецъ, безучастно смотря на плачущую дѣвушку своими неподвижными глазами. — Вамъ ше легше удетъ!

— Дай Богъ, чтобы вы... чтобы вы сами испытали... — заговорила Катерина Александровна и не кончила начатой фразы, заливаясь слезами.

Гроховъ нахмурилъ брови и съ негодованіемъ отошелъ отъ Прилежаевой.

На слѣдующій день она взяла Дашу домой и пригласила другого доктора. Докторъ объявилъ, что дѣвочка едва ли поправится; разстройство организма было полное. Перемѣна климата, самыя лучшія гигіеническія условія, пожалуй, еще

могли бы на время поправить то, что было испорчено сначала подвальной жизнью, потомъ пріютомъ. Обыкновенныя лѣкарства были вполнѣ недостаточны. «Денегъ нужно, денегъ нужно!» вотъ все, что понимала Катерина Александровна теперь, а денегъ, необходимыхъ на подобное дорогое лѣченье, не было и не могло быть. Катерина Александровна въ отчаяніи умоляла доктора спасти ея сестру, сдѣлать все, что возможно. Доктору было, видимо, тяжело смотрѣть на это горе.

— Я сдѣлаю, что могу, — проговорилъ онъ. — Но я не Богъ. Ручаться ни за что нельзя.

Во время хлопотъ съ больною, Катерину Александровну пригласили къ княгинѣ Гиреевой. Она удивилась этому неожиданному приглашенію и не могла придумать, зачѣмъ ее приглашаютъ къ княгинѣ.

— А я, черненькіе глазки, васъ по дѣлу звала къ себѣ,— ласково встрѣтила ее княгиня.—Я васъ замужъ подумываю выдать.

Катерину Александровну поразило это неожиданное вступленіе.

— Гдѣ мнѣ думать о замужествѣ, княгиня! — сухо проговорила она.

— Отчего же не думать?— улыбнулась старуха.—Вы молоды, хороши собою, добры,—вы можете быть хорошею женой. Кстати, у меня и женихъ есть...

Катерина Александровна широко открыла глаза.

— Все нашъ добрѣйшій Даніла Захаровичъ хлопочетъ,— ласково промолвила княгиня.

При этихъ словахъ по лицу дѣвушки разлился яркій румянецъ. Ей было больно и обидно, что ея ненавистный дядя и тутъ вмѣшался въ дѣло.

— У него есть одинъ помощникъ... столоначальника, кажется, молодой еще человѣкъ...

— Княгиня, онъ меня не знаетъ: какъ же можно толковать объ его женитьбѣ на мнѣ...

— Ахъ, дитя, дитя! Мы все устроимъ: онъ васъ увидитъ. Конечно, вы ему понравитесь. Вы не можете не понравиться!.. Эта партія дастъ вамъ возможность не биться изъ-за куска хлѣба... Онъ, правда, ничего не имѣетъ, кромѣ жалованья. Но вѣдь онъ служитъ подъ начальствомъ нашего добраго Даніилы Захаровича и моего двоюроднаго брата. Мы общими силами выведемъ его въ люди... Еще

превосходительной будете!—пошутила княгиня, ласково потрепавъ Катерину Александровну.

Молодая дѣвушка едва сдерживала свое негодованіе.

— Я увѣрена, что онъ не захочетъ жениться на незнакомой,—начала она, не сознавая, что говоритъ.

— Ахъ, дитя! Повѣрьте, что никто отъ своего счастья не убѣжитъ,—съ увѣренностью произнесла старуха.— Мы сваты хорошіе, — засмѣялась она. — Онъ будетъ радъ, что его станутъ отличать по службѣ.

— Вѣроятно, его отличали бы и безъ того, если онъ порядочный человѣкъ...

— Ну, да; впрочемъ, это не идетъ къ дѣлу!.. А вотъ вы мнѣ скажите, когда вы готовы повидаться съ нимъ.

— Княгиня,—въ волненіи заговорила Катерина Александровна: — у меня умираетъ сестра, и покуда мнѣ не до жениховъ, не до надеждъ на счастіе... Я теперь отдала бы все, чтобы только спасти ее.

— Не упускайте и своего счастія... Я на-дняхъ уѣзжаю въ деревню, и потому хорошо бы теперь устроить все это...

— Послѣ, послѣ, княгиня!—прошептала Катерина Александровна.—Благодарю васъ. Но теперь я слишкомъ сильно взстроена... Вы меня извините...

— Полноте, дитя,—съ участіемъ проговорила старуха, замѣтивъ на глазахъ Катерины Александровны слезы. — Ваша сестра еще малютка: дѣти часто хвораютъ; это къ росту: авось поправится...

— Нѣтъ, княгиня, ей не поправиться!..

Катерина Александровна закрыла лицо и разрыдалась. Она плакала въ эту минуту не о сестрѣ; она плакала о себѣ, о томъ, что ее уже считаютъ вещью, что ею торгуютъ, что ея судьбой распоряжаются безъ ея воли. Она встала и начала прощаться съ княгиней.

— Вы добрая сестра; вы примѣрная дочь,—проговорила старуха на прощаньи, цѣлуя молодую дѣвушку:—и я буду въ восторгѣ, устроивъ вашу судьбу, потому что вы будете примѣрною женой, и любящею матерью!

Катерина Александровна вышла въ комнату Глафиры Васильевны.

— Что это вы плачете?—спросила княжеская домоправительница.—А я надѣялась, что вы, какъ солнышко ясное, выйдете отъ княгини, узнавъ объ ея планѣ.

— Что мнѣ до ея плановъ, когда у насъ въ домѣ скоро

покойникъ будетъ! Моя сестра умираетъ,—проговорила Катерина Александровна.

— Ну, она младенецъ еще! Тоже, можетъ-быть, не сладкая жизнь была бы,— со вздохомъ произнесла Глафира Васильевна. — Кто раньше умеръ, тотъ и счастливъ. Сами знаете, не сладка наша жизнь!.. Не надо ли ей чего?.. При деньгахъ ли вы?..

— Благодарю васъ: мнѣ ничего теперь не надо...

— Вы не скрывайтесь. Вы знаете, что мы готовы помочь. Княгиня васъ, какъ родную, полюбила... Вы знаете, она старуха хоть и взбалмошная, а добрая...

Катерина Александровна не слушала разсужденій Глафиры Васильевны и поспѣшила выйти изъ княжескихъ палатъ. Ей было невыносимо тяжело. Какія-то смутныя, гнетущія думы роились въ ея головѣ. Ей казалось, что ее закрѣпостили, что ей трудно теперь вырваться на свободу. И по какому праву эти люди распоряжались ею? Она просила у нихъ одного,—мѣста себѣ. Они насильно навязали ей нѣсколько рублей; если бы она отказалась отъ этихъ денегъ, они разсердились бы на нее. Она взяла эти деньги, и они подумали, что они уже могутъ распоряжаться ея судьбой. Теперь приходилось дать отпоръ имъ, и за этотъ отказъ они, быть-можетъ, станутъ мстить ей, лишатъ ее мѣста,- этого вѣрнаго куска хлѣба. Даже если они не будутъ мстить, то все-таки они перестанутъ оказывать ей покровительство, а между тѣмъ, держаться на мѣстѣ можно только при помощи покровительства или при помощи подкапыванья подъ другихъ, какъ держатся на своихъ мѣстахъ Зубова и Постникова. Катерина Александровна сознавала, что для нея во всякомъ случаѣ настаютъ тяжелые дни, и хуже всего было то, что ей приходилось немедленно составить планъ дѣйствій. До сихъ поръ событія ея жизни слагались какъ будто сами собою: теперь приходилось обдумывать, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Чтобы зрѣло обдумать это — нужно было имѣть хотя кое-какое знакомство съ жизнью, а этого знакомства еще не было у Катерины Александровны. Она пришла домой отъ княгини разстроенная и смущенная.

— Ну, что, Катюша?—спросила Марья Дмитріевна у нея.—Зачѣмъ княгиня призывала?

— Женихa нашли!—ироническимъ тономъ и съ горечью отвѣтила Катерина Александровна.

— Пошли имъ, Господи, здоровья! Все о насъ, бѣдныхъ,

заботятся!—вздохнула съ умиленіемъ Марья Дмитріевна. — Да хорошій ли человѣкъ-то?

— Какое мнѣ дѣло, хорошій онъ или нѣтъ!—сухо отвѣтила дочь, предчувствуя, что она снова разойдется съ матерью во взглядахъ на это дѣло.

— Да какъ же, Катюша? Вѣдь тебѣ съ нимъ жить,—проговорила Марья Дмитріевна. — Обвѣнчаться недолго, а потомъ ужъ и не развѣнчаешься.

— Намъ теперь не о свадьбѣ думать надо, а вотъ о ней,—указала Катерина Александровна на лежавшую въ забытьи за ширмами Дашу.

— Ужъ что, маточка, думать!—заплакала мать. — Не жилица она на бѣломъ свѣтѣ... Христова невѣста!.. Господи, и за что ты меня наказуешь?..

Марья Дмитріевна какъ-то беззвучно, безпомощно и приниженно плакала, опустивъ голову на грудь и сложивъ на колѣняхъ руки. Катерина Александровна вышла изъ душной, пропитанной запахомъ лѣкарства комнаты на галлерею, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и задумчиво стала смотрѣть на разстилавшійся за заборомъ двора плацъ. Не весело было у нея на душѣ. Минутъ черезъ пять къ ней вышелъ штабсъ-капитанъ.

— Что вы, милѣйшая Катерина Александровна, все тоскуете?—ласково заговорилъ онъ. — Слезами да вздохами горю не поможете!

— Да что же дѣлать, Флегонтъ Матвѣевичъ, если горе выше головы выросло,—проговорила Катерина Александровна, проводя рукой по щекамъ, покрытымъ слезами. — Все это такъ неожиданно, такъ случайно дѣлается.

Штабсъ-капитанъ нахмурилъ брови.

— Вы этого не говорите,—задумчиво произнесъ онъ, качая головой. — Это не случайно дѣлается... То-то и худо, что горе у насъ постоянно по пятамъ идетъ, а случайностью въ жизни бываетъ только радость. Въ томъ-то вся и штука, чтобы было наоборотъ, чтобы радости и счастье были постоянными нашими спутниками, а горе было бы только случайностью...

Старикъ смолкъ на минуту и облокотился рядомъ съ Катериной Александровной на подоконникъ галлереи.

— Вотъ есть страны, гдѣ солнце постоянно свѣтитъ, гдѣ рѣже ненастье бываетъ, гдѣ ночные морозы не губятъ того, что распустилось за день, гдѣ дурные дни только случайность, а хорошіе обыкновенное явленіе,—въ раздумьи заго-

вѣрилъ онъ. Тамъ лучше жить человѣку, чѣмъ у насъ, гдѣ такой ясный да теплый денекъ, какъ нынче, только рѣдкій гость, а зимніе морозы, дождливое лѣто, весеннее да осеннее ненастье—постоянные спутники нашей жизни...

Катерина Александровна молчала: она не то внимательно слушала старика, не то передумывала свои собственныя думы подъ мѣрное теченіе его рѣчи.

— Взгляните-ка на свою жизнь,—неторопливо говорилъ старикъ, что-то обдумывая. Не умри вашъ отецъ,—и жили бы вы до сихъ поръ въ подвалѣ, никто не помогъ бы вамъ, не позаботился бы о васъ, можетъ-быть, даже дѣтей не взяли бы въ пріюты, гдѣ отдается предпочтеніе сиротамъ... Положимъ даже, что вы поступили бы на мѣсто, ваши деньги пропивалъ бы отецъ, или вамъ пришлось бы совсѣмъ бросить семью. Только его смерть случайно заставила людей обратить на васъ вниманіе и удѣлить вамъ хоть грошъ... И какъ часто, милѣйшая Катерина Александровна, повторяются подобные случаи: гибнетъ семья, голодаетъ, живетъ въ холодѣ и въ сырости,—никто и не думаетъ о ней; такъ идутъ для нея долгіе, безразсвѣтные дни, — вдругъ отецъ или мать семьи не вынесутъ гнета нужды, утопятся или удавятся,—и все общество заволнуется. черезъ газеты сборы дѣлаютъ для семьи, люди тащатъ ей гроши, старое тряпье, и изъ этихъ нитокъ съ міра пьется голому рубашка. А развѣ до этой минуты легче было семьѣ? Развѣ до этой минуты она не состояла изъ большаго числа горемыкъ?.. Эхъ, что и говорить! Кому это не извѣстно: малый ребенокъ это пойметъ!.. Да, да, горе у насъ не случайно, случайно только счастье.

Штабсъ-капитанъ опять смолкъ и задумался, слегка барабаня пальцами по подоконнику.

— Да вотъ возьмемъ для примѣра хоть исторію вашей Скворцовой,—продолжалъ онъ черезъ минуту.—До чего могъ довести ее бѣлокопытовскій пріютъ? До могилы, до разврата... Вѣдь вы хорошо знаете теперь пріютскую жизнь: дѣти болѣютъ и мрутъ въ пріютѣ, какъ мухи; другія выходятъ на мѣста горничными и развращаются; третьи не выносятъ пріютской жизни и бѣгутъ, ихъ ловятъ и жестоко наказываютъ, сѣкутъ взрослыхъ при всѣхъ воспитанницахъ, сразу убиваютъ дѣвичью стыдливость палачи. Скворцова бѣжала—ей грозило законное наказаніе. Все это не случайности; все это обыденныя явленія вашей пріютской жизни. Вѣдь тамъ и бѣгство не рѣдкость, и порки при всѣхъ

воспитанницахъ не диво. У этихъ изверговъ жалости не ищите. Бѣлокопытовы губятъ дѣтей среди бѣлаго дня, нагло именуя себя человѣколюбивыми людьми. Но вы заступились за Скворцову, и чисто случайно ваши отношенія къ княгинѣ помогли вамъ спасти ее отъ розогъ... Ну, а дальше что? Спасете ли вы ее отъ будущей нищеты, или отъ разврата, или отъ горькой жизни горничной у мелкихъ господъ?.. Вотъ и ваша Дашурочка умираетъ теперь, а развѣ это что-нибудь неожиданное, случайное? Вѣдь вы, я думаю, сами, милѣйшая Катерина Александровна, уже давно предчувствовали, что она стоитъ одною ногой въ гробу...

Лицо Катерины Александровны дѣлалось все серьезнѣе и серьезнѣе; рѣчи штабсъ-капитана уясняли ей многое, что до сихъ поръ только смутно бродило въ ея умѣ. Она уже не просто слушала его, но и сама мысленно дополняла его примѣры неслучайности горя и случайности счастья. Наконецъ, она какъ будто что-то вспомнила и обернула лицо къ старику.

— Но, Флегонтъ Матвѣевичъ, у меня есть и не обыденное, а случайное горе,—проговорила она.—Совершенно неожиданно княгиня распорядилась моею судьбой и сватаетъ мнѣ жениха. Послушать ее я не могу; не послушать—значитъ нажить себѣ непріятности.

— Что же тутъ неожиданнаго?—спросилъ старикъ.—Или вы думали, что вамъ даромъ даютъ деньги? Или вы думали, что вамъ даромъ протежируютъ? Нѣтъ, милѣйшая Катерина Александровна, этими деньгами, этими протекціями люди дѣлаютъ бѣдняковъ своими крѣпостными, своими шутами, своими шпіонами, своими приживалками, своими молельщиками. Возьмете вы деньги и захотите быть вполнѣ свободною, вздумаете запретить благодѣтелямъ врываться въ вашу домашнюю жизнь, въ вашъ уголъ—васъ назовутъ неблагодарною и вышвырнутъ вонъ. Я видѣлъ, милѣйшая Катерина Александровна, на своемъ вѣку и такихъ благодѣтельницъ, которыя не только сами пріѣзжали осматривать квартиры своихъ приживалокъ, но возили туда своихъ знакомыхъ; показывали конуры своихъ облагодѣтельствованныхъ нищихъ, какъ логовища дикихъ звѣрей; распоряжались въ этихъ конурахъ; приказывали убрать въ каморкахъ то или другое тряпье; приказывали выкинуть съ окна какой-нибудь горшокъ съ бальзаминомъ, чтобы онъ не заслонялъ доступъ свѣту въ конуру, хотя, можетъ-быть, бѣдняку былъ гораздо дороже этотъ бальзаминъ, чѣмъ нѣсколько лишнихъ лучей свѣта...

Катерина Александровна съ упрекомъ взглянула на старика.

— И вы, вы сами совѣтовали мнѣ не отказываться отъ помощи ближнихъ!—съ горечью воскликнула она.

— Я и теперь совѣтую вамъ выжать все, что можно, изъ нихъ,—спокойно отвѣтилъ штабсъ-капитанъ: — а потомъ,—потомъ вы можете плюнуть на нихъ, если они этого стоятъ... Послушайте, милѣйшая Катерина Александровна,— мягко проговорилъ онъ, съ отеческою лаской положивъ ей на плечо руку: — наша жизнь сложилась такъ дурно, что бываютъ минуты, когда приходится человѣку или утонуть, или взяться за доску, которую случайно подаетъ ему съ берега благодѣтельный человѣкъ... Въ такія минуты я всегда посовѣтую взяться за доску... Да, впрочемъ, тутъ и совѣтовать нечего: каждый дорожитъ своею жизнью и не только за доску схватится, но если нужно, то купитъ свое спасеніе убійствомъ ближняго... Я дольше васъ жилъ на свѣтѣ, и мнѣ не разъ приходилось хвататься за подобныя доски; потому я знаю, какъ тяжело сознавать, что ты, ни въ чемъ неповинный, можетъ-быть, даже принесшій услуги ближнимъ, имѣющій законное право на безтревожную жизнь, ничѣмъ не застрахованъ отъ гибели, брошенъ въ море на жертву волнамъ, безъ спасительной лодки, безъ всякой защиты... Это сознаніе тяжело вамъ, но повѣрьте, что оно еще тяжелѣе тому, кто и передумалъ многое, и перечиталъ немало, и видѣлъ на своемъ вѣку виды и, вдобавокъ ко всему, щеголяетъ на одной ногѣ не ради собственнаго удовольствія, а ради того, что и онъ когда-то честно и смѣло служилъ на пользу общую. Но все же жить хочется и поневолѣ берешься за доску, протянутую ближнимъ... Я вотъ иногда пьянствую, какъ вспомню все это...

Штабсъ-капитанъ проговорилъ эти слова какъ-то глухо и, нахмуривъ брови, умолкъ на минуту. Катерина Александровна съ изумленіемъ и участіемъ взглянула на старика. Ее поразило неожиданное открытіе, и снова ей вспомнился ея отецъ. У нея сжалось сердце. Она впервые сознавала, что и какъ переживалъ этотъ, повидимому, невозмутимо спокойный, вѣчно добрый философъ.

— Но этого мало, — спокойнѣе продолжалъ старикъ черезъ минуту. — Мало того, что мы брошены въ море безъ кормила, безъ весла, мало того, что мы вѣчно должны хвататься за доски благодѣтелей,—я долженъ вамъ сказать, что эти благодѣтели не что иное, какъ ростовщики, дающіе свой

грошъ за большіе проценты: они хотятъ за свой грошъ купить вашу волю и въ то же время пріобрѣсти себѣ уголъ въ царствѣ небесномъ. Не рубль на рубль они берутъ, а душу человѣка и вѣчное спасеніе за рубль выторговать думаютъ. Стала бы вамъ помогать графиня Бѣлокопытова,—она начала бы справляться, теплится ли у васъ лампада, ходите ли вы къ заутрени и къ ранней обѣднѣ, ведете ли вы отшельническую жизнь, ѣдите ли постное по средамъ и пятницамъ. Помогла бы вамъ какая-нибудь любящая сплетни барыня, вы были бы обязаны передавать ей все, что дѣлается въ пріютѣ, что дѣлается въ вашей семьѣ, что дѣлается между знакомыми вамъ бѣдняками, вы были бы должны собирать вѣсти отвсюду и приносить ихъ къ ней. Помогла бы вамъ скучающая барыня, вы были бы должны веселить ее чѣмъ-нибудь, являться къ ней съ вѣчною улыбкой. Ваша благодѣтельница—добродушная княгиня Гиреева; она хочетъ окончательно устроить вашу участь и потому сватаетъ вамъ жениха. Ей нѣтъ дѣла, что вы, можетъ-быть, уже любите кого-нибудь,—она знаетъ только то, что предлагаемая ею партія выгодна, что она не допуститъ васъ до гибели, если вы повинуетесь ей, и потому выдаетъ васъ замужъ, какъ выдавали своихъ дворовыхъ. «Вѣдь дворовые были обезпечены, были сыты, обуты и одѣты, значитъ, были и счастливы,—думаетъ она:—ну, и Прилежаева будетъ обезпечена, сыта, обуда и одѣта, а значитъ, будетъ и счастлива». Она вѣдь права, она купила васъ своими рублями.

Въ ровномъ голосѣ штабсъ-капитана звучала едва уловимая горькая иронія.

— Что же дѣлать, что дѣлать? — воскликнула Катерина Александровна.

— Сдѣлать ненужными доски благодѣтелей,—проговорилъ штабсъ-капитанъ.—Сдѣлать, по крайней мѣрѣ, то, чтобы эти доски были нужны какъ можно рѣже.

— Я васъ не понимаю,—промолвила молодая дѣвушка.

— Вы же сами начали это дѣлать, стремитесь это сдѣлать, — произнесъ старикъ. — Вы хотите дать образованіе дѣтямъ, то-есть дать имъ одинъ изъ болѣе вѣрныхъ способовъ зарабатывать кусокъ хлѣба. Вы сами по себѣ знаете, что безъ образованія не очень-то широкій путь открыть человѣку... За какое дѣло можете вы взяться? Въ горничныя, въ няньки идти, швеей быть, въ пріютѣ служить—вотъ и все. Не можете вы ни школы открыть, ни въ гувернантки идти, ни акушеркой быть.

Катерина Александровна вздохнула.

— Знаете ли вы, Флегонтъ Матвѣевичъ, что я теперь начинаю бояться, что и всѣ мои мечты объ образованіи дѣтей такъ и останутся мечтами,—проговорила она.—Я думала поднять ихъ на свои деньги; я копила-копила, а теперь у меня уже почти ничего нѣтъ: все уходитъ на лѣченіе Даши... Мнѣ страшно становится, какъ подумаю, что начну опять я копить, а тамъ вдругъ сама заболѣю или мать сляжетъ и все снова уйдетъ на лѣкарства...

Штабъ-капитанъ задумался.

— Не такъ вы начали,—проговорилъ онъ. Вы начали дѣло, какъ дитя, не знающее жизни. Нужно было прямо хлопотать объ отдачѣ дѣтей въ казенныя заведенія. Антона въ гимназію пристроить, Мишу, ну хоть въ Гатчинское училище отдать, Дашу въ Николаевскій институтъ... Самимъ вамъ не вытянуть ихъ на свѣтъ Божій. Да если бы и вытянули, такъ потомъ пришлось бы на ихъ шеѣ сидѣть. Вамъ надо для себя копейку сберечь, хоть кое-какъ добыть болѣе вѣрный кусокъ хлѣба. На пескѣ строить зданіе не приходится. Вотъ и я тоже хотѣлъ бы своихъ воиновъ подъ своимъ крыломъ воспитывать, а все-таки отдалъ на казенные хлѣба. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ: сегодня живы, завтра умремъ; тогда дѣти-то что станутъ дѣлать?

Собесѣдники смолкли, Катеринѣ Александровнѣ было очень тяжело; она сознавала, что до сихъ поръ она дѣйствительно увлекалась несбыточными и дѣтскими мечтами. Въ то же время ей было невыносимо сознавать, что ей придется снова кланяться и просить благодѣтелей похлопотать объ ея семьѣ.

— Покланяйтесь-ка еще,— промолвилъ старикъ, какъ бы угадывая ея мысли.—Авось это будетъ въ послѣдній разъ. Дашѣ уже не поправиться; нужно только обезпечить участь Антона и Миши.

— Такъ это я такъ и убила попусту всѣ эти мѣсяцы!— воскликнула съ горечью Катерина Александровна. — Почти годъ даромъ убила! Вмѣсто пользы дѣлала только вредъ. Можетъ-быть, и Даша была бы жива, если бы я сразу начала хлопотать объ опредѣленіи ея въ институтъ.

— До всего, милѣйшая Катерина Александровна, опытомъ доходятъ...

— Хороши и они, эти благодѣтели!—желчно произнесла молодая дѣвушка. — Сунули дѣтей въ пріюты, когда дѣти имѣли право на поступленіе въ казенныя училища! Вѣдь

я не знала, что ихъ могутъ принять въ казенныя школы, а они-то знали...

Штабсъ-капитанъ махнулъ рукой.

— Не о нихъ теперь толковать надо!—промолвилъ онъ.— Хлопочите, покуда на васъ еще не разгнѣвалась Гиреева и покуда можно запрячь дядюшку. Послѣ и онъ не поддастся.

Между старикомъ и молодою дѣвушкой завязался разговоръ о томъ, какъ надо дѣйствовать, чтобы поскорѣе опредѣлить дѣтей. Штабсъ-капитанъ предложилъ свои услуги въ качествѣ учителя для приготовленія Антона въ гимназію. Съ этого дня для Катерины Александровны начиналось трудное время: ей пришлось снова безпокоить княгиню и впервые увидаться съ дядей безъ свидѣтелей, въ его домѣ, какъ родственницѣ. Рядомъ съ хлопотами объ опредѣленіи дѣтей шли горькія впечатлѣнія отъ усиливавшейся болѣзни Даши, отъ плача матери. Наконецъ, уже въ концѣ мая, болѣзнь Даши кончилась: дѣвочка больше не страдала; ея худенькое тѣло не дрожало отъ холода; въ ея глазахъ не блестѣли слезы отъ боли; она спокойно и мирно лежала въ бѣломъ гробикѣ и не слышала воплей безутѣшной Марьи Дмитріевны...

Уныло и тихо было въ маленькой квартиркѣ Прилежаевыхъ послѣ похоронъ Даши. Штабсъ-капитанъ только-что проводилъ въ лагери своихъ сыновей; Антонъ молчаливо зубрилъ грамматику, ариѳметику и священную исторію; Марья Дмитріевна беззвучно плакала или уходила къ Митрофанію посидѣть на могилѣ дочери; даже Миша какъ-то притихъ, словно боялся чего-то. Въ одинъ изъ такихъ печальныхъ дней Катерина Александровна сообщила матери, что хлопоты объ опредѣленіи Миши идутъ къ концу.

— Не отдамъ я его, моего голубчика, не отдамъ на чужую сторону!—зарыдала Марья Дмитріевна, соглашавшаяся прежде пристроить Мишу въ Гатчинское училище. — Одну Богъ отнялъ, а ужъ другого своими руками не выдамъ! Пусть растетъ около меня, пусть не гибнетъ безъ материнской ласки!

— Мама, да вѣдь онъ здѣсь неучемъ останется,—ласково промолвила Катерина Александровна.

— Богъ съ нимъ, съ образованіемъ! — раздражительно воскликнула Марья Дмитріевна.—И мы, и отцы наши безъ этой учености прожили и за себя передъ людьми не краснѣли. Мнѣ мое дитя дорого! Ты не мать —ты не понимаешь этого!

Катерина Александровна вздохнула.

— Знаете ли вы, Флегонтъ Матвѣевичъ, что я теперь начинаю бояться, что и всѣ мои мечты объ образованіи дѣтей такъ и останутся мечтами,—проговорила она.—Я думала поднять ихъ на свои деньги; я копила-копила, а теперь у меня уже почти ничего нѣтъ: все уходитъ на лѣченіе Дани... Мнѣ страшно становится, какъ подумаю, что начну опять я копить, а тамъ вдругъ сама заболѣю или мать сляжетъ и все снова уйдетъ на лѣкарства...

Штабъ-капитанъ задумался.

— Не такъ вы начали,—проговорилъ онъ. Вы начали дѣло, какъ дитя, не знающее жизни. Нужно было прямо хлопотать объ отдачѣ дѣтей въ казенныя заведенія. Антона въ гимназію пристроить, Мишу, ну хоть въ Гатчинское училище отдать, Дашу въ Николаевскій институтъ... Самимъ вамъ не вытянуть ихъ на свѣтъ Божій. Да если бы и вытянули, такъ потомъ пришлось бы на ихъ шеѣ сидѣть. Вамъ надо для себя копейку сберечь, хоть кое-какъ добыть болѣе вѣрный кусокъ хлѣба. На пескѣ строить зданіе не приходится. Вотъ и я тоже хотѣлъ бы своихъ воиновъ подъ своимъ крыломъ воспитывать, а все-таки отдалъ на казенные хлѣба. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ: сегодня живы, завтра умремъ; тогда дѣти-то что станутъ дѣлать?

Собесѣдники смолкли, Катеринѣ Александровнѣ было очень тяжело; она сознавала, что до сихъ поръ она дѣйствительно увлекалась несбыточными и дѣтскими мечтами. Въ то же время ей было невыносимо сознавать, что ей придется снова кланяться и просить благодѣтелей похлопотать объ ея семьѣ.

— Покланяйтесь-ка еще,— промолвилъ старикъ, какъ бы угадывая ея мысли.—Авось это будетъ въ послѣдній разъ. Дашѣ уже не поправиться; нужно только обезпечить участь Антона и Миши.

— Такъ это я такъ и убила попусту всѣ эти мѣсяцы!— воскликнула съ горечью Катерина Александровна. — Почти годъ даромъ убила! Вмѣсто пользы дѣлала только вредъ. Можетъ-быть, и Даша была бы жива, если бы я сразу начала хлопотать объ опредѣленіи ея въ институтъ.

— До всего, милѣйшая Катерина Александровна, опытомъ доходятъ...

— Хороши и они, эти благодѣтели!—желчно произнесла молодая дѣвушка. — Сунули дѣтей въ пріюты, когда дѣти имѣли право на поступленіе въ казенныя училища! Вѣдь

я не знала, что ихъ могутъ принять въ казенныя школы, а они-то знали...

Штабсъ-капитанъ махнулъ рукой.

— Не о нихъ теперь толковать надо!—промолвилъ онъ.— Хлопочите, покуда на васъ еще не разгнѣвалась Гиреева и покуда можно запрячь дядюшку. Послѣ и онъ не поддастся.

Между старикомъ и молодою дѣвушкой завязался разговоръ о томъ, какъ надо дѣйствовать, чтобы поскорѣе опредѣлить дѣтей. Штабсъ-капитанъ предложилъ свои услуги въ качествѣ учителя для приготовленія Антона въ гимназію. Съ этого дня для Катерины Александровны начиналось трудное время: ей пришлось снова безпокоить княгиню и впервые увидаться съ дядей безъ свидѣтелей, въ его домѣ, какъ родственницѣ. Рядомъ съ хлопотами объ опредѣленіи дѣтей шли горькія впечатлѣнія отъ усиливавшейся болѣзни Даши, отъ плача матери. Наконецъ, уже въ концѣ мая, болѣзнь Даши кончилась: дѣвочка больше не страдала; ея худенькое тѣло не дрожало отъ холода; въ ея глазахъ не блестѣли слезы отъ боли; она спокойно и мирно лежала въ бѣломъ гробикѣ и не слышала воплей безутѣшной Марьи Дмитріевны...

Уныло и тихо было въ маленькой квартиркѣ Прилежаевыхъ послѣ похоронъ Даши. Штабсъ-капитанъ только-что проводилъ въ лагери своихъ сыновей; Антонъ молчаливо зубрилъ грамматику, ариѳметику и священную исторію; Марья Дмитріевна беззвучно плакала или уходила къ Митрофанію посидѣть на могилѣ дочери; даже Миша какъ-то притихъ, словно боялся чего-то. Въ одинъ изъ такихъ печальныхъ дней Катерина Александровна сообщила матери, что хлопоты объ опредѣленіи Миши идутъ къ концу.

— Не отдамъ я его, моего голубчика, не отдамъ на чужую сторону!—зарыдала Марья Дмитріевна, соглашавшаяся прежде пристроить Мишу въ Гатчинское училище. — Одну Богъ отнялъ, а ужъ другого своими руками не выдамъ! Пусть растетъ около меня, пусть не гибнетъ безъ материнской ласки!

— Мама, да вѣдь онъ здѣсь неучемъ останется,—ласково промолвила Катерина Александровна.

— Богъ съ нимъ, съ образованіемъ! — раздражительно воскликнула Марья Дмитріевна.—И мы, и отцы наши безъ этой учености прожили и за себя передъ людьми не краснѣли. Мнѣ мое дитя дорого! Ты не мать —ты не понимаешь этого!

Катерина Александровна вздохнула.

— Знаете ли вы, Флегонтъ Матвѣевичъ, что я теперь начинаю бояться, что и всѣ мои мечты объ образованіи дѣтей такъ и останутся мечтами,—проговорила она.—Я думала поднять ихъ на свои деньги; я копила-копила, а теперь у меня уже почти ничего нѣтъ: все уходитъ на лѣченіе Даши... Мнѣ страшно становится, какъ подумаю, что начну опять я копить, а тамъ вдругъ сама заболѣю или мать слягетъ и все снова уйдетъ на лѣкарства...

Штабъ-капитанъ задумался.

— Не такъ вы начали,—проговорилъ онъ. Вы начали дѣло, какъ дитя, не знающее жизни. Нужно было прямо хлопотать объ отдачѣ дѣтей въ казенныя заведенія. Антона въ гимназію пристроить, Мишу, ну хоть въ Гатчинское училище отдать, Дашу въ Николаевскій институтъ... Самимъ вамъ не вытянуть ихъ на свѣтъ Божій. Да если бы и вытянули, такъ потомъ пришлось бы на ихъ шеѣ сидѣть. Вамъ надо для себя копейку сберечь, хоть кое-какъ добыть болѣе вѣрный кусокъ хлѣба. На пескѣ строить зданіе не приходится. Вотъ и я тоже хотѣлъ бы своихъ воиновъ подъ своимъ крыломъ воспитывать, а все-таки отдалъ на казенные хлѣба. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ: сегодня живы, завтра умремъ; тогда дѣти-то что станутъ дѣлать?

Собесѣдники смолкли, Катеринѣ Александровнѣ было очень тяжело; она сознавала, что до сихъ поръ она дѣйствительно увлекалась несбыточными и дѣтскими мечтами. Въ то же время ей было невыносимо сознавать, что ей придется снова кланяться и просить благодѣтелей похлопотать объ ея семьѣ.

— Покланяйтесь-ка еще,— промолвилъ старикъ, какъ бы угадывая ея мысли.—Авось это будетъ въ послѣдній разъ. Дашѣ уже не поправиться; нужно только обезпечить участь Антона и Миши.

— Такъ это я такъ и убила попусту всѣ эти мѣсяцы!— воскликнула съ горечью Катерина Александровна. — Почти годъ даромъ убила! Вмѣсто пользы дѣлала только вредъ. Можетъ-быть, и Даша была бы жива, если бы я сразу начала хлопотать объ опредѣленіи ея въ институтъ.

— До всего, милѣйшая Катерина Александровна, опытомъ доходятъ...

— Хороши и они, эти благодѣтели!—желчно произнесла молодая дѣвушка. — Сунули дѣтей въ пріюты, когда дѣти имѣли право на поступленіе въ казенныя училища! Вѣдь

л не знала, что ихъ могутъ принять въ казенныя школы, а они-то знали...

Штабсъ-капитанъ махнулъ рукой.

— Не о нихъ теперь толковать надо!—промолвилъ онъ.— Хлопочите, покуда на васъ еще не разгнѣвалась Гиреева и покуда можно запрячь дядюшку. Послѣ и онъ не поддастся.

Между старикомъ и молодою дѣвушкой завязался разговоръ о томъ, какъ надо дѣйствовать, чтобы поскорѣе опредѣлить дѣтей. Штабсъ-капитанъ предложилъ свои услуги въ качествѣ учителя для приготовленія Антона въ гимназію. Съ этого дня для Катерины Александровны начиналось трудное время: ей пришлось сново безпокоить княгиню и впервые увидаться съ дядей безъ свидѣтелей, въ его домѣ, какъ родственницѣ. Рядомъ съ хлопотами объ опредѣленіи дѣтей шли горькія впечатлѣнія отъ усиливавшейся болѣзни Даши, отъ плача матери. Наконецъ, уже въ концѣ мая, болѣзнь Даши кончилась: дѣвочка больше не страдала; ея худенькое тѣло не дрожало отъ холода; въ ея глазахъ не блестѣли слезы отъ боли; она спокойно и мирно лежала въ бѣломъ гробикѣ и не слышала воплей безутѣшной Марьи Дмитріевны...

Уныло и тихо было въ маленькой квартиркѣ Прилежаевыхъ послѣ похоронъ Даши. Штабсъ-капитанъ только-что проводилъ въ лагери своихъ сыновей; Антонъ молчаливо зубрилъ грамматику, ариѳметику и священную исторію; Марья Дмитріевна беззвучно плакала или уходила къ Митрофанію посидѣть на могилѣ дочери; даже Миша какъ-то притихъ, словно боялся чего-то. Въ одинъ изъ такихъ печальныхъ дней Катерина Александровна сообщила матери, что хлопоты объ опредѣленіи Миши идутъ къ концу.

— Не отдамъ я его, моего голубчика, не отдамъ на чужую сторону!—зарыдала Марья Дмитріевна, соглашавшаяся прежде пристроить Мишу въ Гатчинское училище. — Одну Богъ отнялъ, а ужъ другого своими руками не выдамъ! Пусть растетъ около меня, пусть не гибнетъ безъ материнской ласки!

— Мама, да вѣдь онъ здѣсь неучемъ останется,—ласково промолвила Катерина Александровна.

— Богъ съ нимъ, съ образованіемъ! — раздражительно воскликнула Марья Дмитріевна.—И мы, и отцы наши безъ этой учености прожили и за себя передъ людьми не краснѣли. Мнѣ мое дитя дорого! Ты не мать —ты не понимаешь этого!

— Мама, я для него же стараюсь...

Ну, матушка, не знаемъ мы, гдѣ найдемъ, гдѣ потеряемъ. Да у меня все сердце выболитъ за него, вся душа изстрадается... Всѣ разойдутся,—одна я останусь, какъ сирота какая...

— Надо о немъ, а не о себѣ думать...

— И не говори ты мнѣ!.. Ты меня не жалѣешь; ты все по-своему дѣлаешь!.. Тебѣ легко братьевъ бросить, а мнѣ они—дѣти!

Катерина Александровна опустила голову. Она не знала, что дѣлать. Оставить Мишу на произволъ судьбы, оставить его около матери неучемъ—это было невыносимо; воспитывать же его на свои средства было невозможно, такъ какъ этихъ средствъ было недостаточно и для одной одежды Антона, котораго можно было опредѣлить въ гимназію даровымъ вольноприходящимъ воспитанникомъ. Между матерью и дочерью снова начались тяжелыя сцены взаимнаго непониманія, не приводящія ни къ какимъ благимъ результатамъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась вся эта семейная будничная драма, если бы въ одинъ прекрасный день не пріѣхалъ къ Прилежаевымъ Данила Захаровичъ Боголюбовъ съ извѣстіемъ, что Мишу нужно вести на баллотировку.

— Батюшка, да я не желаю его отпускать отъ себя! — смиреннымъ тономъ произнесла Марья Дмитріевна, усаживая дорогого гостя.—Я вѣдь мать, мнѣ...

— Глупости, глупости!—нахмурилъ брови Боголюбовъ.— Не расти же ему дуракомъ! Поскучаете, а потомъ веселѣе станетъ, какъ онъ важнымъ бариномъ сдѣлается.

— Ужъ гдѣ, батюшка, важнымъ бариномъ ему быть! — вздохнула Марья Дмитріевна.—Далъ бы Богъ глаза матери закрыть и то счастье... Нѣтъ, ужъ вы не взыщите, а я его не отдамъ...

— Ну, этими вещами не играютъ!—внушительно произнесъ Данила Захаровичъ.—Вы его отдадите, и конецъ весь! Или вы хотите, чтобы онъ вышелъ такимъ же, какимъ былъ его отецъ?

— Батюшка, да вѣдь я мать, мать, — не могу я отдать своими руками свое родное дѣтище, — заплакала Марья Дмитріевна.

— Ну, что же вы думаете, что вы его на съѣденіе, что ли, отдаете?—строго спросилъ Боголюбовъ.—Какъ мать, вы должны бы были заботиться только о его счастьи.

— Ужъ какое счастье въ чужихъ людяхъ жить, матери не видѣть!

Еще долго плакала Марья Дмитріевна, смотрѣвшая на отдачу сына въ отдаленное училище точно такъ же, какъ смотрятъ простые люди на помѣщеніе своихъ родныхъ въ больницу. Ей казалось, что она отдаетъ сына на вѣрную гибель. Наконецъ, было рѣшено, что она поведетъ Мишу на баллотировку въ воспитательный домъ. Боголюбовъ не любилъ шутить и умѣлъ командовать. Вздыхая и поминутно отирая слезы, отправилась Марья Дмитріевна съ Мишей на Большую Мѣщанскую, въ то зданіе, гдѣ помѣщается ломбардъ. Тамъ, въ большой залѣ, во второмъ этажѣ, уже было множество народу. Плохо одѣтыя женщины, старики въ потертыхъ мундирахъ, дѣти всѣхъ возрастовъ, все это сновало, толпилось и шепталось въ залѣ. Каждый съ сердечнымъ замираніемъ ожидалъ, чѣмъ рѣшится судьба того или другого ребенка. Одни молились въ душѣ, чтобы ихъ дѣти были приняты; другіе, почувствовавъ близость разлуки съ дѣтьми, желали только того, чтобы ихъ дѣтей забаллотировали. Посреди залы громко выкликались фамиліи дѣтей. Наконецъ, произнеслась фамилія Прилежаева. У Марьи Дмитріевны замерло сердце. «Господи, не попусти, не накажи меня, грѣшную!»—шептали ея уста. Прошла томительная минута.

— Не попалъ!—раздался около Марьи Дмитріевны голосъ Миши.

— Слава тебѣ, Господи! Родной мой, родной!—воскликнула она, крѣпко прижимая къ груди своего сына. — Пойдемъ, батюшка, пойдемъ скорѣе домой,—говорила она, какъ бы боясь, чтобы его не отняли у нея.

Съ сіяющимъ лицомъ возвратилась она домой и объявила, что Миша не принятъ.

— Еще хоть годикъ поживетъ у меня, ненаглядный, хоть годикъ!—говорила она, обнимая и цѣлуя сына.

Катерина Александровна не безучастно смотрѣла на радость матери; она хотя и не особенно радовалась тому, что братъ не попалъ въ училище, но въ то же время ее и не очень сильно огорчалъ результатъ баллотировки, такъ какъ она уже знала, что Миша зачисленъ кандидатомъ и черезъ годъ или черезъ два года все-таки попадетъ въ училище. Главный вопросъ для нея состоялъ въ томъ, примутъ ли ея брата въ училище, а не въ томъ, когда именно его увезутъ изъ дома. Онъ еще былъ малъ и потому было можно

жать его опредѣленія, не боясь, что онъ «выйдетъ изъ лѣтъ», какъ выражаются о поступающихъ въ казенныя воспитательныя заведенія дѣтяхъ.

Для Катерины Александровны, послѣ душевныхъ бурь и волненій, наступали лѣтніе дни затишья; она вся должна была погрузиться въ хлопоты по службѣ, которыя оставляли очень немного времени для размышленій, для вопросовъ и сомнѣній. Пріютъ принималъ лѣтомъ болѣе оживленный видъ, чѣмъ зимой: въ немъ шли передѣлки и крашенье комнатъ и половъ; дѣти подъ руководствомъ помощницъ занимались «постройкой» бѣлья и одежды, Зорина и помощницы хлопотали надъ счетомъ и разсматриваніемъ разныхъ принадлежностей дѣтской одежды и столоваго бѣлья, сортировали эти предметы по степени ихъ годности и негодности, назначали одежду выросшихъ воспитанницъ младшимъ дѣтямъ, для выросшихъ же воспитанницъ шили новое платье. Ежедневно приходилось наблюдать за перемѣщеніемъ кроватей воспитанницъ изъ передѣлывавшейся спальни въ столовую, за перенесеніемъ столовъ изъ перекрашиваемой рабочей комнаты въ классную. Пыль, известка, масляная краска, все это наполняло комнаты и заставляло особенно наблюдать за дѣтьми, чтобы они не портили себѣ одежды; говоръ свободныхъ отъ зимнихъ занятій дѣтей, шумъ колесъ и крики торговцевъ, доносившіеся съ улицы въ отворенныя окна, своеобразное, монотонное пѣніе штукатуровъ и маляровъ въ коридорахъ, въ комнатахъ и около наружныхъ стѣнъ, все это вносило необычайное оживленіе въ стѣны пріюта. Нарой Анна Васильевна, чувствовавшая скуку по случаю отъѣзда на дачи ея обычныхъ партнеровъ, приглашала къ себѣ на чай Катерину Александровну, и дѣвушкѣ было отрадно провести съ работой вечерокъ въ свѣтлой и мило убранной спальнѣ начальницы за мирными бесѣдами съ неглупою и опытною женщиной. Единственнымъ темнымъ облакомъ въ эти дни жизни Катерины Александровны было опасеніе за участь Скворцовой, пробудившееся во время выпуска кончившихъ курсъ ученія воспитанницъ. По обыкновенію, въ это время въ пріютъ являлись разныя барыни, искавшія горничныхъ, и въ числѣ ихъ пріѣхала какая-то статская совѣтница Булычева, не то нѣмка, не то еврейка, лѣтъ сорока пяти, въ свѣтломъ шелковомъ платьѣ, въ бѣлой съ перьями шляпкѣ. Она объявила, мягкимъ голосомъ и поминутно улыбаясь, что ей нужна горничная. Ей представили трехъ воспитанницъ,

искавшихъ мѣста. Она съ улыбочкой поговорила съ каждою изъ нихъ, потрепала по щечкамъ, назвала «милочками» и, наконецъ, остановилась на Скворцовой.

— О, я намѣрена похитить у васъ этотъ бутончикъ,— шутливо обратилась она къ Зориной, дружески коснувшись до ея плеча рукой.

Зорину немного смутилъ этотъ фамильярный тонъ, напоминавшій развязность вышедшей въ люди кухарки, и она нахмурила брови.

— Вы, кажется, и прошлаго года взяли у насъ одну воспитанницу къ себѣ въ домъ, — сухо замѣтила старуха.

— О, она вышла замужъ, ma шеръ матамъ, — развязно произнесла веселая дама. — Я удивительно счастлива или несчастлива, назовите какъ хотите—но мои дѣвушки такъ скоро выходятъ замужъ... Рука легкій!

— Я, право, не могу вамъ дать сегодня рѣшительнаго отвѣта, — сказала Зорина и попросила развязную даму оставить ея адресъ.

Когда веселая дама уѣхала, Зорина дала совѣтъ Скворцовой не брать предлагаемое ей мѣсто. Тотъ же самый совѣтъ дала дѣвочкѣ и Катерина Александровна. И Зориной, и Прилежаевой казались подозрительными въ этой женщинѣ развязность манеръ, черезчуръ черныя и слишкомъ правильныя брови, чрезмѣрно-яркій румянецъ на щекахъ, излишняя любезность съ воспитанницами и щедрое предложеніе большого жалованья рядомъ съ очень ограниченными требованіями.

— Смотри, Скворцова, не лучше ли подождать другого мѣста,—посовѣтовала Зорина.

— Вамъ она, вѣрно, тоже не нравится? — спросила Катерина Александровна.

— Да,—отвѣтила старуха.—У нея манеры... нѣмки изъ Риги... что-то слишкомъ беззастѣнчивое и наглое... ты подумай, Скворцова.

— Мнѣ, Анна Васильевна, хотѣлось бы поскорѣй выйти отсюда,—промолвила Скворцова. — Вы знаете, каково мнѣ здѣсь жить... проходу нѣтъ...

— Ну, потерпи немного!

Старуха задумчиво пошла съ Катериной Александровной въ свои комнаты и съ грустью намеками объяснила молодой дѣвушкѣ, что она охотно взяла бы на время Скворцову въ свои комнаты, но что и тутъ бѣдной дѣвушкѣ нельзя быть, такъ какъ Александръ Ивановичъ очень «вѣтреный» человѣкъ.

ждать его опредѣленія, не боясь, что онъ «выйдетъ изъ лѣтъ», какъ выражаются о поступающихъ въ казенныя воспитательныя заведенія дѣтяхъ.

Для Катерины Александровны, послѣ душевныхъ бурь и волненій, наступали лѣтніе дни затишья; она вся должна была погрузиться въ хлопоты по службѣ, которыя оставляли очень немного времени для размышленій, для вопросовъ и сомнѣній. Пріютъ принималъ лѣтомъ болѣе оживленный видъ, чѣмъ зимой: въ немъ шли передѣлки и крашенье комнатъ и половъ; дѣти подъ руководствомъ помощницъ занимались «постройкой» бѣлья и одежды, Зорина и помощницы хлопотали надъ счетомъ и разсматриваніемъ разныхъ принадлежностей дѣтской одежды и столоваго бѣлья, сортировали эти предметы по степени ихъ годности и негодности, назначали одежду выросшихъ воспитанницъ младшимъ дѣтямъ, для выросшихъ же воспитанницъ шили новое платье. Ежедневно приходилось наблюдать за перемѣщеніемъ кроватей воспитанницъ изъ передѣлывавшейся спальни въ столовую, за перенесеніемъ столовъ изъ перекрашиваемой рабочей комнаты въ классную. Пыль, известка, масляная краска, все это наполняло комнаты и заставляло особенно наблюдать за дѣтьми, чтобы они не портили себѣ одежды; говоръ свободныхъ отъ зимнихъ занятій дѣтей, шумъ колесъ и крики торговцевъ, доносившіеся съ улицы въ отворенныя окна, своеобразное, монотонное пѣніе штукатуровъ и маляровъ въ коридорахъ, въ комнатахъ и около наружныхъ стѣнъ, все это вносило необычайное оживленіе въ стѣны пріюта. Порой Анна Васильевна, чувствовавшая скуку по случаю отъѣзда на дачи ея обычныхъ партнеровъ, приглашала къ себѣ на чай Катерину Александровну, и гѣвушкѣ было отрадно провести съ работой вечерокъ въ свѣтлой и мило убранной спальнѣ начальницы за мирными бесѣдами съ неглупою и опытною женщиной. Единственнымъ темнымъ облакомъ въ эти дни жизни Катерины Александровны было опасеніе за участь Скворцовой, пробудившееся во время выпуска кончившихъ курсъ ученія воспитанницъ. По обыкновенію, въ это время въ пріютъ являлись разныя барыни, искавшія горничныхъ, и въ числѣ ихъ пріѣхала какая-то статская совѣтница Булычева, не то нѣмка, не то еврейка, лѣтъ сорока пяти, въ свѣтломъ шелковомъ платьѣ, въ бѣлой съ перьями шляпкѣ. Она объявила, мягкимъ голосомъ и поминутно улыбаясь, что ей нужна горничная. Ей представили трехъ воспитанницъ,

искавшихъ мѣста. Она съ улыбочкой поговорила съ каждою изъ нихъ, потрепала по щечкамъ, назвала «милочками» и, наконецъ, остановилась на Скворцовой.

— О, я намѣрена похитить у васъ этотъ бутончикъ,— шутливо обратилась она къ Зориной, дружески коснувшись до ея плеча рукой.

Зорину немного смутилъ этотъ фамильярный тонъ, напоминавшій развязность вышедшей въ люди кухарки, и она нахмурила брови.

— Вы, кажется, и прошлаго года взяли у насъ одну воспитанницу къ себѣ въ домъ, — сухо замѣтила старуха.

— О, она вышла замужъ, ма шеръ матамъ, — развязно произнесла веселая дама. — Я удивительно счастлива или несчастлива, назовите какъ хотите—но мои дѣвушки такъ скоро выходятъ замужъ... Рука легкій!

— Я, право, не могу вамъ дать сегодня рѣшительнаго отвѣта, — сказала Зорина и попросила развязную даму оставить ея адресъ.

Когда веселая дама уѣхала, Зорина дала совѣтъ Скворцовой не брать предлагаемое ей мѣсто. Тотъ же самый совѣтъ дала дѣвочкѣ и Катерина Александровна. И Зориной, и Прилежаевой казались подозрительными въ этой женщинѣ развязность манеръ, черезчуръ черныя и слишкомъ правильныя брови, чрезмѣрно-яркій румянецъ на щекахъ, излишняя любезность съ воспитанницами и щедрое предложеніе большого жалованья рядомъ съ очень ограниченными требованіями.

— Смотри, Скворцова, не лучше ли подождать другого мѣста,—посовѣтовала Зорина.

— Вамъ она, вѣрно, тоже не нравится? — спросила Катерина Александровна.

— Да,—отвѣтила старуха.—У нея манеры... нѣмки изъ Риги... что-то слишкомъ беззастѣнчивое и наглое... ты подумай, Скворцова.

— Мнѣ, Анна Васильевна, хотѣлось бы поскорѣй выйти отсюда,—промолвила Скворцова. — Вы знаете, каково мнѣ здѣсь жить... проходу нѣтъ...

— Ну, потерпи немного!

Старуха задумчиво пошла съ Катериной Александровной въ свои комнаты и съ грустью намеками объяснила молодой дѣвушкѣ, что она охотно взяла бы на время Скворцову въ свои комнаты, но что и тутъ бѣдной дѣвушкѣ нельзя быть, такъ какъ Александръ Ивановичъ очень «вѣтреный» человѣкъ.

— Я, впрочемъ, удержу ее въ пріютѣ до лучшаго мѣста,— рѣшила Зорина.

У Катерины Александровны сжималось сердце; она чувствовала, что она легко могла бы помочь Скворцовой, взявъ ее къ себѣ въ домъ, гдѣ дѣвушка кое-какъ прокормила бы себя въ первое время работой, но въ то же время какой-то голосъ тайно предсказывалъ ей, что этотъ планъ не осуществится. Дня черезъ четыре въ пріютъ, по обыкновенію, заѣхалъ Гроховъ справиться о больныхъ. Съ свойственною ему грубостью онъ спросилъ, при встрѣчѣ съ Скворцовой:

— А ти еще здѣсь?

— Да, она еще не нашла мѣста,—отвѣтила за нее Анна Васильевна.

— Ее нанималъ кто-то...

Да, но я боюсь отпустить ее на это мѣсто,—объяснила Зорина, чувствуя, что Грохову уже все передано:—это какая-то подозрительная особа...

— Слюшанкѣ нэтъ никакого дѣла до того, какой ея барина,—сухо произнесъ Гроховъ.—Тутъ нешего разбирайтъ. Нушно освободить пріютъ отъ этой дѣвшонки. Она сама подозрительный шеловѣкъ... Пріютъ не богадѣленъ. Даромъ всѣхъ нельзе кормить. Прошу васъ сдѣлать распоряшеній. Мы ошенъ, ошенъ недоволенъ зъ вами!

Зорина какъ-то съежилась и дала обѣщаніе обдѣлать дѣло. Когда Гроховъ удалился, старуха начала съ горечью жаловаться Катеринѣ Александровнѣ на своихъ шпіоновъ и на необходимость отпустить Скворцову въ услуженіе къ подозрительной статской совѣтницѣ. Катерина Александровна встревожилась: молодое еще неуставшее и неприглядѣвшееся къ жизни сердце забилось сильнѣе. Молодая дѣвушка не могла хлопотать за Скворцову у княгини, такъ какъ Гиреева уже уѣхала въ деревню на лѣто; оставалась одна слабая надежда на помѣщеніе Скворцовой у Марьи Дмитріевны. Катерина Александровна рѣшилась переговорить съ матерью.

— Что это ты, Катюша, выдумала. Мы сами едва перебиваемся,—возразила Марья Дмитріевна.

— Она, мама, будетъ работать, — замѣтила Катерина Александровна.

— Какая работа лѣтомъ? У насъ у самихъ работы теперь нѣтъ, а гдѣ же еще для нея достать! Да и Богъ съ ними, съ чужими людьми! Дай Богъ самимъ перебиться!

— Да вѣдь она погибнуть можетъ! намъ Богъ пошлетъ на ея долю,—уговаривала Катерина Александровна.

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ и не говори! Не стану я чужой крыши крыть, когда сквозь свою каплетъ. Всѣхъ голодныхъ, да холодныхъ не соберешь къ себѣ и не накормишь, когда и сами голодны. Молода ты, такъ тебѣ и кажется, что всѣхъ пригрѣть можно; а я пожила,—такъ знаю, что и самимъ-то не выбиться изъ нужды.

Катерина Александровна вспылила и снова наговорила матери рѣзкихъ словъ. Но на этотъ разъ борьба окончилась не побѣдой. Марья Дмитріевна плакала, жаловалась на дочь, но непоколебимо стояла на своемъ и кончила свою рѣчь словами:

— Что-жъ, выбирай, кто тебѣ дороже,—я или она. Возьмешь ее въ домъ,—я уйду. Конечно, ты вольна меня выгнать; я на твоей шеѣ сижу... Ну, перебьюсь какъ-нибудь; Христовымъ именемъ побираться буду, у добрыхъ людей уголъ найду...

— Не найдете! — рѣзко произнесла Катерина Александровна.—Если всѣ добрые люди похожи на васъ, такъ не найдете себѣ угла такъ же, какъ и Наташа.

Молодая дѣвушка вышла изъ комнаты и съ горькими слезами присѣла на галлереѣ.

— Не плачь, Катя,—тихо прошепталъ Антонъ, ласкаясь къ ней.—Ты подожди; вырасту я,—деньги будутъ; мы всѣмъ помогать будемъ...

— Милый мой, а сколько людей до тѣхъ поръ погибнетъ передъ глазами!—проговорила Катерина Александровна.

— Матери тоже не сладко, — черезъ минуту замѣтилъ Антонъ.—Она вонъ работаетъ, работаетъ, а взглянешь на нее—у нея слезы по щекамъ текутъ...

— Знаю, знаю, голубчикъ, — вздохнула Катерина Александровна и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

Въ этотъ день словно что-то оборвалось въ груди Катерины Александровны. Она сознавала вполнѣ, что она не можетъ ничего сдѣлать для ближнихъ, что ей волей-неволей нужно смотрѣть сквозь пальцы на ихъ гибель. «Нельзя чужую крышу крыть, когда сквозь свою каплетъ», звучало въ ея ушахъ, и она сознавала, что это правда, но такая правда, съ которой никогда не помирится молодая, живая душа. Катеринѣ Александровнѣ казалось, что въ эту минуту она рѣшилась бы на всякое униженіе, согласилась бы продать себя, если бы этою цѣной можно было спасти Наташу. Такое настроеніе охватываетъ человѣка, когда онъ, можетъ-быть, не имѣя силъ или не умѣя плавать, бросается въ воду для спасенія погибающаго...

За этимъ днемъ снова пошли для Катерины Александровны дни хлопотливой работы въ пріютѣ и какого-то соннаго, вялаго затишья дома. Антонъ учился, кололъ дрова, сбиралъ щепки; Миша по цѣлымъ днямъ игралъ въ саду школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ съ уличными знакомыми; Марья Дмитріевна шила, стряпала, цѣловала дѣтей, ходила на кладбище; Катерина Александровна тоже не отрывалась отъ работы; даже штабсъ-капитанъ выглядѣлъ какъ-то хмуро: его дѣти были въ лагерѣ; на другой день послѣ ихъ отъѣзда онъ ушелъ изъ дома и пропадалъ въ теченіе недѣли, возвратившись совсѣмъ больнымъ. Въ день послѣдней ссоры Катерины Александровны съ матерью старикъ немного подгулялъ, поговорилъ очень крупно съ Марьей Дмитріевной, вступившись за ея дочь, и назвалъ Марью Дмитріевну «безчувственной», а потомъ снова пропалъ дней на пять, послѣ которыхъ его лицо выглядѣло опухшимъ и измятымъ.

— Охъ, ужъ видно, къ хорошимъ знакомымъ ѣздитъ, что рожу-то послѣ каждой поѣздки во всѣ стороны раздуваетъ,— сердито замѣтила Марья Дмитріевна про старика, противъ котораго въ послѣднее время у нея закралось въ сердце непріязненное чувство.

— Ну, не намъ судить его: вѣдь нашъ-то отецъ изъ кабака не выходилъ,—вскользь промолвила Катерина Александровна.

— Что это ты кости-то отца шевелишь въ могилѣ,— упрекнула Марья Дмитріевна.

— Я это къ тому сказала, чтобы вы людей-то не судили, когда мы сами не лучше ихъ...

Въ комнатѣ наступила тишина. Эта давящая, мучительная тишина наставала теперь нерѣдко въ квартирѣ Прилежаевыхъ. Члены семьи, наконецъ, договорились до того, что уже боялись сказать еще лишнее слово, зная, что за этимъ словомъ можетъ послѣдовать новый раскатъ бури. Вольнѣе дышалось всѣмъ только тогда, когда семья изрѣдка уходила съ штабсъ-капитаномъ къ Митрофанію и здѣсь, усѣвшись гдѣ-нибудь въ тѣни, вела тихую, грустную бесѣду о житейскихъ дѣлахъ... Тутъ, на кладбищѣ, на могилахъ отжившихъ поколѣній, изъ устъ отжившаго философа, искалѣченнаго инвалида жизни, услышалъ Антонъ не одну серьезную мысль, не одну горькую истину, незамѣтно запавшія въ молодую, впечатлительную душу.

Часть вторая.

КНИГА III.

I.

Ощупью.

Въ жизни, какъ въ морѣ, нерѣдко случаются внезапныя бури, смущающія ея будничный покой. Мы приходимъ въ замѣшательство, спѣшимъ отстоять себя, бросаемся изъ угла въ уголъ, сталкиваемся съ ближними, воюемъ за свое существованіе, теряемъ разсудокъ... Но вотъ, мало-по-малу, буря стихаетъ, ея слѣды исчезаютъ, мы успокаиваемся и хладнокровнѣе осматриваемся кругомъ. Кое-что изъ нашей прежней обстановки погибло, кое-что надорвалось и въ насъ самихъ; но наступившая тишина все-таки даетъ намъ возможность плыть дальше и съ обломанными мачтами, и съ попорченнымъ рулемъ, и съ ослабѣвшими силами,—и мы снова пускаемся въ путь. Такое затишье настало въ семьѣ Прилежаевыхъ, когда замолкли послѣдніе раскаты бури, начавшейся съ того памятнаго осенняго дня, когда погибъ Александръ Захаровичъ. Иногда Каторина Александровна мысленно оглядывалась на это недавнее прошлое, и ее изумляло разнообразіе пережитыхъ въ это время событій, цѣплявшихся одно за другое, сплетавшихся въ одинъ пестрый и прихотливый узоръ. Еще годъ тому назадъ ея семья прозябала гдѣ-то въ подвалѣ, невѣдомая никому и не знавшая никого, кромѣ какого-нибудь сосѣдняго лавочника или мелкаго чиновника, отдававшаго ей въ стирку свое бѣлье, и вдругъ передъ этою семьей прошли Боголюбовы, Гроховы, Гиреевы, Бѣлокопытовы, Прохоровы, Зорины, Скворцова и еще де-

За этимъ днемъ снова пошли для Катерины Александровны дни хлопотливой работы въ пріютѣ и какого-то соннаго, вялаго затишья дома. Антонъ учился, кололъ дрова, сбиралъ щенки; Миша по цѣлымъ днямъ игралъ въ саду школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ съ уличными знакомыми; Марья Дмитріевна шила, стряпала, цѣловала дѣтей, ходила на кладбище; Катерина Александровна тоже не отрывалась отъ работы; даже штабсъ-капитанъ выглядѣлъ какъ-то хмуро: его дѣти были въ лагерѣ; на другой день послѣ ихъ отъѣзда онъ ушелъ изъ дома и пропадалъ въ теченіе недѣли, возвратившись совсѣмъ больнымъ. Въ день послѣдней ссоры Катерины Александровны съ матерью старикъ немного подгулялъ, поговорилъ очень крупно съ Марьей Дмитріевной, вступившись за ея дочь, и назвалъ Марью Дмитріевну «безчувственной», а потомъ снова пропалъ дней на пять, послѣ которыхъ его лицо выглядѣло опухшимъ и измятымъ.

— Охъ, ужъ видно, къ хорошимъ знакомымъ ѣздитъ, что рожу-то послѣ каждой поѣздки во всѣ стороны раздуваетъ,— сердито замѣтила Марья Дмитріевна про старика, противъ котораго въ послѣднее время у нея закралось въ сердце непріязненное чувство.

— Ну, не намъ судить его: вѣдь нашъ-то отецъ изъ кабака не выходилъ,—вскользь промолвила Катерина Александровна.

— Что это ты кости-то отца шевелишь въ могилѣ,— упрекнула Марья Дмитріевна.

— Я это къ тому сказала, чтобы вы людей-то не судили, когда мы сами не лучше ихъ...

Въ комнатѣ наступила тишина. Эта давящая, мучительная тишина наставала теперь нерѣдко въ квартирѣ Прилежаевыхъ. Члены семьи, наконецъ, договорились до того, что уже боялись сказать еще лишнее слово, зная, что за этимъ словомъ можетъ послѣдовать новый раскатъ бури. Вольнѣе дышалось всѣмъ только тогда, когда семья изрѣдка уходила съ штабсъ-капитаномъ къ Митрофанію и здѣсь, усѣвшись гдѣ-нибудь въ тѣни, вела тихую, грустную бесѣду о житейскихъ дѣлахъ... Тутъ, на кладбищѣ, на могилахъ отжившихъ поколѣній, изъ устъ отжившаго философа, искалѣченнаго инвалида жизни, услышалъ Антонъ не одну серьезную мысль, не одну горькую истину, незамѣтно запавшія въ молодую, впечатлительную душу.

Часть вторая.

КНИГА III.

I.

Ощупью.

Въ жизни, какъ въ морѣ, нерѣдко случаются внезапныя бури, смущающія ея будничный покой. Мы приходимъ въ замѣшательство, спѣшимъ отстоять себя, бросаемся изъ угла въ уголъ, сталкиваемся съ ближними, воюемъ за свое существованіе, теряемъ разсудокъ... Но вотъ, мало-по-малу, буря стихаетъ, ея слѣды исчезаютъ, мы успокаиваемся и хладнокровнѣе осматриваемся кругомъ. Кое-что изъ нашей прежней обстановки погибло, кое-что надорвалось и въ насъ самихъ; но наступившая тишина все-таки даетъ намъ возможность плыть дальше и съ обломанными мачтами, и съ попорченнымъ рулемъ, и съ ослабѣвшими силами,—и мы снова пускаемся въ путь. Такое затишье настало въ семьѣ Прилежаевыхъ, когда замолкли послѣдніе раскаты бури, начавшейся съ того памятнаго осенняго дня, когда погибъ Александръ Захаровичъ. Иногда Катерина Александровна мысленно оглядывалась на это недавнее прошлое, и ее изумляло разнообразіе пережитыхъ въ это время событій, цѣплявшихся одно за другое, сплетавшихся въ одинъ пестрый и прихотливый узоръ. Еще годъ тому назадъ ея семья прозябала гдѣ-то въ подвалѣ, невѣдомая никому и не знавшая никого, кромѣ какого-нибудь сосѣдняго лавочника или мелкаго чиновника, отдававшаго ей въ стирку свое бѣлье, и вдругъ передъ этою семьей прошли Боголюбовы, Гроховы, Гиреевы, Бѣлокопытовы, Прохоровы, Зорины, Скворцова и еще де-

За этимъ днемъ снова пошли для Катерины Александровны дни хлопотливой работы въ пріютѣ и какого-то соннаго, вялаго затишья дома. Антонъ учился, кололъ дрова, сбиралъ щепки; Миша по цѣлымъ днямъ игралъ въ саду школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ съ уличными знакомыми; Марья Дмитріевна шила, стряпала, цѣловала дѣтей, ходила на кладбище; Катерина Александровна тоже не отрывалась отъ работы; даже штабсъ-капитанъ выглядѣлъ какъ-то хмуро: его дѣти были въ лагерѣ; на другой день послѣ ихъ отъѣзда онъ ушелъ изъ дома и пропадалъ въ теченіе недѣли, возвратившись совсѣмъ больнымъ. Въ день послѣдней ссоры Катерины Александровны съ матерью старикъ немного подгулялъ, поговорилъ очень крупно съ Марьей Дмитріевной, вступившись за ея дочь, и назвалъ Марью Дмитріевну «безчувственной», а потомъ снова пропалъ дней на пять, послѣ которыхъ его лицо выглядѣло опухшимъ и измятымъ.

— Охъ, ужъ видно, къ хорошимъ знакомымъ ѣздитъ, что рожу-то послѣ каждой поѣздки во всѣ стороны раздуваетъ,— сердито замѣтила Марья Дмитріевна про старика, противъ котораго въ послѣднее время у нея закралось въ сердце непріязненное чувство.

— Ну, не намъ судить его: вѣдь нашъ-то отецъ изъ кабака не выходилъ,—вскользь промолвила Катерина Александровна.

— Что это ты кости-то отца шевелишь въ могилѣ,— упрекнула Марья Дмитріевна.

— Я это къ тому сказала, чтобы вы людей-то не судили, когда мы сами не лучше ихъ...

Въ комнатѣ наступила тишина. Эта давящая, мучительная тишина наставала теперь нерѣдко въ квартирѣ Прилежаевыхъ. Члены семьи, наконецъ, договорились до того, что уже боялись сказать еще лишнее слово, зная, что за этимъ словомъ можетъ послѣдовать новый раскатъ бури. Вольнѣе дышалось всѣмъ только тогда, когда семья изрѣдка уходила съ штабсъ-капитаномъ къ Митрофанію и здѣсь, усѣвшись гдѣ-нибудь въ тѣни, вела тихую, грустную бесѣду о житейскихъ дѣлахъ... Тутъ, на кладбищѣ, на могилахъ отжившихъ поколѣній, изъ устъ отжившаго философа, искалѣченнаго инвалида жизни, услышалъ Антонъ не одну серьезную мысль, не одну горькую истину, незамѣтно запавшія въ молодую, впечатлительную душу.

Часть вторая.

КНИГА III.

I.

Ощупью.

Въ жизни, какъ въ морѣ, нерѣдко случаются внезапныя бури, смущающія ея будничный покой. Мы приходимъ въ замѣшательство, спѣшимъ отстоять себя, бросаемся изъ угла въ уголъ, сталкиваемся съ ближними, воюемъ за свое существованіе, теряемъ разсудокъ... Но вотъ, мало-по-малу, буря стихаетъ, ея слѣды исчезаютъ, мы успокаиваемся и хладнокровнѣе осматриваемся кругомъ. Кое-что изъ нашей прежней обстановки погибло, кое-что надорвалось и въ насъ самихъ; но наступившая тишина все-таки даетъ намъ возможность плыть дальше и съ обломанными мачтами, и съ попорченнымъ рулемъ, и съ ослабѣвшими силами,—и мы снова пускаемся въ путь. Такое затишье настало въ семьѣ Прилежаевыхъ, когда замолкли послѣдніе раскаты бури, начавшейся съ того памятнаго осенняго дня, когда погибъ Александръ Захаровичъ. Иногда Катерина Александровна мысленно оглядывалась на это недавнее прошлое, и ее изумляло разнообразіе пережитыхъ въ это время событій, цѣплявшихся одно за другое, слетавшихся въ одинъ пестрый и прихотливый узоръ. Еще годъ тому назадъ ея семья прозябала гдѣ-то въ подвалѣ, невѣдомая никому и не знавшая никого, кромѣ какого-нибудь сосѣдняго лавочника или мелкаго чиновника, отдававшаго ей въ стирку свое бѣлье, и вдругъ передъ этою семьей прошли Боголюбовы, Гроховы, Гиреевы, Бѣлокопытовы, Прохоровы, Зорины, Скворцова и еще де-

За этимъ днемъ снова пошли для Катерины Александровны дни хлопотливой работы въ пріютѣ и какого-то сонnаго, вялаго затишья дома. Антонъ учился, кололъ дрова, сбиралъ щепки; Миша по цѣлымъ днямъ игралъ въ саду школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ съ уличными знакомыми; Марья Дмитріевна шила, стряпала, цѣловала дѣтей, ходила на кладбище; Катерина Александровна тоже не отрывалась отъ работы; даже штабсъ-капитанъ выглядѣлъ какъ-то хмуро: его дѣти были въ лагерѣ; на другой день послѣ ихъ отъѣзда онъ ушелъ изъ дома и пропадалъ въ теченіе недѣли, возвратившись совсѣмъ больнымъ. Въ день послѣдней ссоры Катерины Александровны съ матерью старикъ немного подгулялъ, поговорилъ очень крупно съ Марьей Дмитріевной, вступившись за ея дочь, и назвалъ Марью Дмитріевну «безчувственной», а потомъ снова пропалъ дней на пять, послѣ которыхъ его лицо выглядѣло опухшимъ и измятымъ.

— Охъ, ужъ видно, къ хорошимъ знакомымъ ѣздитъ, что рожу-то послѣ каждой поѣздки во всѣ стороны раздуваетъ,— сердито замѣтила Марья Дмитріевна про старика, противъ котораго въ послѣднее время у нея закралось въ сердце непріязненное чувство.

— Ну, не намъ судить его: вѣдь нашъ-то отецъ изъ кабака не выходилъ,—вскользь промолвила Катерина Александровна.

— Что это ты кости-то отца шевелишь въ могилѣ,— упрекнула Марья Дмитріевна.

— Я это къ тому сказала, чтобы вы людей-то не судили, когда мы сами не лучше ихъ...

Въ комнатѣ наступила тишина. Эта давящая, мучительная тишина наставала теперь нерѣдко въ квартирѣ Прилежаевыхъ. Члены семьи, наконецъ, договорились до того, что уже боялись сказать еще лишнее слово, зная, что за этимъ словомъ можетъ послѣдовать новый раскатъ бури. Вольнѣе дышалось всѣмъ только тогда, когда семья изрѣдка уходила съ штабсъ-капитаномъ къ Митрофанію и здѣсь, усѣвшись гдѣ-нибудь въ тѣни, вела тихую, грустную бесѣду о житейскихъ дѣлахъ... Тутъ, на кладбищѣ, на могилахъ отжившихъ поколѣній, изъ устъ отжившаго философа, искалѣченнаго инвалида жизни, услышалъ Антонъ не одну серьезную мысль, не одну горькую истину, незамѣтно запавшія въ молодую, впечатлительную душу.

Часть вторая.

КНИГА III.

I.

Ощупью.

Въ жизни, какъ въ морѣ, нерѣдко случаются внезапныя бури, смущающія ея будничный покой. Мы приходимъ въ замѣшательство, спѣшимъ отстоять себя, бросаемся изъ угла въ уголъ, сталкиваемся съ ближними, воюемъ за свое существованіе, теряемъ разсудокъ... Но вотъ, мало-по-малу, буря стихаетъ, ея слѣды исчезаютъ, мы успокаиваемся и хладнокровнѣе осматриваемся кругомъ. Кое-что изъ нашей прежней обстановки погибло, кое-что надорвалось и въ насъ самихъ; но наступившая тишина все-таки даетъ намъ возможность плыть дальше и съ обломанными мачтами, и съ попорченнымъ рулемъ, и съ ослабѣвшими силами,—и мы снова пускаемся въ путь. Такое затишье настало въ семьѣ Прилежаевыхъ, когда замолкли послѣдніе раскаты бури, начавшейся съ того памятнаго осенняго дня, когда погибъ Александръ Захаровичъ. Иногда Катерина Александровна мысленно оглядывалась на это недавнее прошлое, и ее изумляло разнообразіе пережитыхъ въ это время событій, цѣплявшихся одно за другое, сплетавшихся въ одинъ пестрый и прихотливый узоръ. Еще годъ тому назадъ ея семья прозябала гдѣ-то въ подвалѣ, невѣдомая никому и не знавшая никого, кромѣ какого-нибудь сосѣдняго лавочника или мелкаго чиновника, отдававшаго ей въ стирку свое бѣлье, и вдругъ передъ этою семьей прошли Боголюбовы, Гроховы, Гиреевы, Бѣлокопытовы, Прохоровы, Зорины, Скворцова и еще де-

За этимъ днемъ снова пошли для Катерины Александровны дни хлопотливой работы въ пріютѣ и какого-то соннаго, вялаго затишья дома. Антонъ учился, кололъ дрова, сбиралъ щепки; Миша по цѣлымъ днямъ игралъ въ саду школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ съ уличными знакомыми; Марья Дмитріевна шила, стряпала, цѣловала дѣтей, ходила на кладбище; Катерина Александровна тоже не отрывалась отъ работы; даже штабсъ-капитанъ выглядѣлъ какъ-то хмуро: его дѣти были въ лагерѣ; на другой день послѣ ихъ отъѣзда онъ ушелъ изъ дома и пропадалъ въ теченіе недѣли, возвратившись совсѣмъ больнымъ. Въ день послѣдней ссоры Катерины Александровны съ матерью старикъ немного подгулялъ, поговорилъ очень крупно съ Марьей Дмитріевной, вступившись за ея дочь, и назвалъ Марью Дмитріевну «безчувственной», а потомъ снова пропалъ дней на пять, послѣ которыхъ его лицо выглядѣло опухшимъ и измятымъ.

— Охъ, ужъ видно, къ хорошимъ знакомымъ ѣздитъ, что рожу-то послѣ каждой поѣздки во всѣ стороны раздуваетъ,— сердито замѣтила Марья Дмитріевна про старика, противъ котораго въ послѣднее время у нея закралось въ сердце непріязненное чувство.

— Ну, не намъ судить его: вѣдь нашъ-то отецъ изъ кабака не выходилъ,—вскользь промолвила Катерина Александровна.

— Что это ты кости-то отца шевелишь въ могилѣ,— упрекнула Марья Дмитріевна.

— Я это къ тому сказала, чтобы вы людей-то не судили, когда мы сами не лучше ихъ...

Въ комнатѣ наступила тишина. Эта давящая, мучительная тишина наставала теперь нерѣдко въ квартирѣ Прилежаевыхъ. Члены семьи, наконецъ, договорились до того, что уже боялись сказать еще лишнее слово, зная, что за этимъ словомъ можетъ послѣдовать новый раскатъ бури. Вольнѣе дышалось всѣмъ только тогда, когда семья изрѣдка уходила съ штабсъ-капитаномъ къ Митрофанію и здѣсь, усѣвшись гдѣ-нибудь въ тѣни, вела тихую, грустную бесѣду о житейскихъ дѣлахъ... Тутъ, на кладбищѣ, на могилахъ отжившихъ поколѣній, изъ устъ отжившаго философа, искалѣченнаго инвалида жизни, услышалъ Антонъ не одну серьезную мысль, не одну горькую истину, незамѣтно запавшія въ молодую, впечатлительную душу.

Часть вторая.

КНИГА III.

I.

Ощупью.

Въ жизни, какъ въ морѣ, нерѣдко случаются внезапныя бури, смущающія ея будничный покой. Мы приходимъ въ замѣшательство, спѣшимъ отстоять себя, бросаемся изъ угла въ уголъ, сталкиваемся съ ближними, воюемъ за свое существованіе, теряемъ разсудокъ... Но вотъ, мало-по-малу, буря стихаетъ, ея слѣды исчезаютъ, мы успокаиваемся и хладнокровнѣе осматриваемся кругомъ. Кое-что изъ нашей прежней обстановки погибло, кое-что надорвалось и въ насъ самихъ; но наступившая тишина все-таки даетъ намъ возможность плыть дальше и съ обломанными мачтами, и съ попорченнымъ рулемъ, и съ ослабѣвшими силами,—и мы снова пускаемся въ путь. Такое затишье настало въ семьѣ Прилежаевыхъ, когда замолкли послѣдніе раскаты бури, начавшейся съ того памятнаго осенняго дня, когда погибъ Александръ Захаровичъ. Иногда Катерина Александровна мысленно оглядывалась на это недавнее прошлое, и ее изумляло разнообразіе пережитыхъ въ это время событій, цѣплявшихся одно за другое, сплетавшихся въ одинъ пестрый и прихотливый узоръ. Еще годъ тому назадъ ея семья прозябала гдѣ-то въ подвалѣ, невѣдомая никому и не знавшая никого, кромѣ какого-нибудь сосѣдняго лавочника или мелкаго чиновника, отдававшаго ей въ стирку свое бѣлье, и вдругъ передъ этою семьей прошли Боголюбовы, Гроховы, Гиреевы, Бѣлокопытовы, Прохоровы, Зорины, Скворцова и еще де-

сятки самыхъ разнохарактерныхъ личностей, изъ которыхъ каждая влила свою каплю меду или дегтю въ жизнь этой семьи. Какія неожиданныя сближенія возникли въ эти дни: какой-то полунищій Прохоровъ сдѣлался другомъ, спутникомъ Катерины Александровны и Антона; изъ-за какой-то Скворцовой пришлось договориться Катеринѣ Александровнѣ до сильнаго разлада съ матерью... Чѣмъ больше задумывалась Катерина Александровна надъ недавними событіями, тѣмъ яснѣе становилось ей, что не она управляла этими событіями, а они управляли ею. Они, подобно волнамъ потока, несли ее за собою, наталкивали на песчаныя мели, наносили на острые камни и влекли все далѣе и далѣе, а она ни разу не попробовала выбраться изъ потока куда-нибудь на берегъ, но старалась только какъ-нибудь расчистить этотъ потокъ, чтобы потомъ имѣть возможность плыть впередъ безъ препятствій. Но—дальше въ море, больше горя—едва успѣвала она выбросить изъ потока задѣвшій ее камень, какъ теченіемъ уносило ее еще дальше и наталкивало на новыя препятствія. Утомленная этою борьбой, молодая дѣвушка впервые не стала хлопотать надъ уничтоженіемъ попавшагося ей на пути камня, а просто отстранилась отъ него и вышла на берегъ именно въ ту минуту, когда Марья Дмитріевна рѣшительно отказалась принять въ свой домъ Скворцову. Катеринѣ Александровнѣ въ эту минуту стало вполнѣ ясно, что тутъ нельзя ничего подѣлать, такъ какъ приходилось или пожертвовать матерью, или Скворцовой. Молодой дѣвушкѣ было тяжело и больно согласиться съ матерью, что нельзя крыть чужую крышу, когда сквозь свою каплетъ. Но, между тѣмъ, приходилось поступить именно такъ. Впервые въ этомъ молодомъ созданіи началась та роковая борьба чувства и разсудка, которая такъ часто губитъ молодыя существа. Чувство говорило: «иди и спасай ближнихъ»; разсудокъ подсказалъ: «едва ли ты спасешь ихъ, сама же непремѣнно погибнешь». Мучительное чувство сжимало сердце, пробуждало упреки совѣсти за черствость, за холодность, а разсудокъ подыскивалъ оправданія, говорилъ, что, живя на кладбищѣ, всѣхъ покойниковъ не оплачешь, что надо прежде всего позаботиться о себѣ, завоевать ту силу, при которой возможна борьба. Катеринѣ Александровнѣ не нужно было быть героиней для того, чтобы бороться изо всѣхъ силъ ради спасенія Скворцовой, но ей нужно было выдержать страшную душевную борьбу для того, чтобы не вмѣшиваться въ подобныя исторіи

въ будущемъ и смотрѣть сквозь пальцы на подобныя событія, твердо рѣшившись преслѣдовать только одну цѣль— свое собственное спасеніе. Горячность и доброта являются почти постоянными качествами молодого здороваго существа; напротивъ того, сдержанность и разсудочная холодность, эти атрибуты долголѣтней опытности, усваиваются въ молодые годы съ величайшимъ трудомъ и почти всегда влекутъ за собою или полнѣйшую нравственную ломку, или чисто физическое разстройство.

Когда Катерина Александровна впервые сдѣлала уступку матери и отказалась взять къ себѣ Скворцову, ей стало невыносимо тяжело и больно. Она не обвиняла мать; она сознавала, что мать права, но именно это-то сознаніе болѣе всего заставило ее упасть духомъ. Этотъ случай какъ будто явился роковымъ приговоромъ судьбы, гласившимъ, что отнынѣ Катерина Александровна должна холодно глядѣть на погибающихъ и думать только о томъ, какъ бы не погибнуть самой. Но гдѣ же найти запасъ такого хладнокровія, такой черствости, чтобы имѣть возможность идти мимо утопающаго и думать: «тони, братъ: мнѣ нужно прежде о себѣ позаботиться!» Какъ пріучить себя холодно смотрѣть, какъ давятъ человѣка и говоритъ: «ну, что-жъ... пусть его давятъ: вѣдь и меня тоже давятъ; такъ мнѣ нужно прежде свое горло освободить». Поступать такъ было тѣмъ труднѣе, что молодость, вѣчно смѣлая и надѣющаяся ради своей неопытности и вѣры на свои силы, утѣшала себя тѣмъ, что «все можно уладить какъ-нибудь», «авось, удастся и другихъ спасти, и самой выйти побѣдительницей изъ борьбы», «волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить». Эти неопредѣленныя, не подкрѣпленныя никакими практическими соображеніями надежды на *авось*, на *какъ-нибудь* могли быть разбиты только безпощадными доводами опытности; но подобной опытности не было и не могло быть у Катерины Александровны. Молодой дѣвушкѣ приходилось увлекаться, наэлектризовываться своими свѣтлыми надеждами, а потомъ, мало-по-малу, вырывать ихъ съ болью изъ своей головы подъ вліяніемъ убѣжденій болѣе опытныхъ людей или подъ вліяніемъ горькой дѣятельности. Участь Катерины Александровны походила на участь слишкомъ рано вынесеннаго на воздухъ нѣжнаго растенія. Оно приготовляетъ почку за почкой, но ночные заморозки и холодные утренники губятъ эти почки. Оно собираетъ новыя силы и снова приготовляетъ почки, а тѣ же внѣшніе вра губятъ ихъ, какъ и прежде. Наконецъ, силы растенія у

начинаютъ истощаться, и его враги губятъ уже не однѣ его почки, но и его самого: оно хиреетъ и начинаетъ увядать. Такъ идетъ эта борьба между внѣшними обстоятельствами и естественными проявленіями жизненной силы и, смотря на это бѣдное созданьице, вы невольно задумываетесь надъ тѣмъ, перенесетъ ли оно это тяжелое для него время, дождется ли теплыхъ, живительныхъ дней лѣта, или грѣющіе лучи лѣтняго солнца озарятъ окончательно засохшій стебель?..

Лѣтніе свободные дни Катерина Александровна проводила почти постоянно въ обществѣ братьевъ и штабсъ-капитана. Она присутствовала на урокахъ Антона, смотрѣла, какъ штабсъ-капитанъ повѣрялъ ошибки въ тетрадяхъ мальчика, слушала, какъ онъ объяснялъ мальчугану ариѳметику, какъ переводилъ съ ученикомъ легкія французскія и нѣмецкія фразы. Иногда она со вздохомъ замѣчала, разсматривая какую-нибудь тетрадь:

— А я до сихъ поръ и не знала, что слово «звѣзда» пишется черезъ *ъ!* А тоже маленькихъ дѣтей учу! Хорошо они будутъ знать грамоту!

Порой она слушала, какъ штабсъ-капитанъ диктовалъ Антону несложную задачу, и съ нетерпѣніемъ ждала, какъ рѣшитъ ее братишка.

— Вотъ какой ты молодецъ,—говорила она, когда задача выходила удачно,—а я и сообразить бы не могла, какъ ее сдѣлать.

— Ну, подумали бы—сдѣлали бы!—замѣчалъ штабсъ-капитанъ.

— Ужъ какъ ни думай, а не сдѣлаешь того, чего не знаешь,—вздыхала Катерина Александровна.

— Погоди, я тебя научу,—ободрялъ ее Антонъ.

Катерина Александровна впадала въ раздумье.

— Удивляюсь я, какъ это люди сами подготовляютъ гибель для своихъ ближнихъ,—задумчиво произнесла она, какъ бы про себя, присутствуя однажды на урокѣ брата.

— Вы это о чемъ, моя милѣйшая фея?—спросилъ штабсъ-капитанъ.

— Да вотъ хоть бы о своей судьбѣ,—отвѣчала Катерина Александровна.—Училась я въ школѣ, гдѣ не научали ничему, ни грамотѣ, ни ариѳметикѣ, ни исторіи—ничему. Къ чему же насъ готовили? Горничными быть или швеями? Но вѣдь они знали, что въ горничныя трудно попасть благородной дочери чиновника, а шитьемъ жить нельзя, особенно если не обучалась въ магазинѣ. Работая у себя дома, не

найдешь много работы: кто станетъ отдавать нищей хорошую работу; а въ магазинъ не возьмутъ—тамъ свои ученицы, свои мастерицы изъ простыхъ... Для чего же, значитъ, тратили они деньги на нашу школу? Для чего морили насъ нѣсколько лѣтъ? Для того, чтобы мы погибли?

— Ну, вѣдь они не изверги какіе-нибудь!—промолвилъ штабсъ-капитанъ.—Просто отъ бездѣлья устроили школу, не разсуждая, для чего она нужна и какая въ ней польза... Впрочемъ, если бы и разсуждать стали, такъ лучше не вышло бы. Вѣдь вы вонъ ни по-французски не говорите, ни географіи не знаете, ни исторіи не обучались, а спроси васъ, что вамъ нужно, чтобы заработать хлѣбъ—вы скажете. А они всѣ науки изучатъ, а все-таки не поймутъ вотъ хоть бы того, что, научившись шить бѣлье въ ихъ школѣ, вы все-таки, будете безъ хлѣба... И если скажутъ имъ, что вы сидите безъ хлѣба, такъ они замѣтятъ: «вѣрно лѣнива, оттого и безъ хлѣба сидитъ, со здоровыми руками отъ голоду не умираютъ; работы на всѣхъ хватитъ». Вотъ вы тутъ и объясните имъ, что въ городѣ есть тысячи магазиновъ, то-есть школъ, гдѣ обучаютъ спеціально шитью, и что нерасчетливо при такомъ множествѣ спеціальныхъ швейныхъ школъ устраивать еще школы, гдѣ ничему не научатъ, кромѣ шитья, да и то далеко не такъ хорошо, какъ въ магазинахъ... Они не умѣютъ даже сообразить, какой сумбуръ вышелъ бы, если бы, напримѣръ, всѣхъ мальчиковъ стали обучать портняжному искусству. Вѣдь портныхъ вышло бы больше, чѣмъ заказчиковъ...

Штабсъ-капитанъ еще долго распространялся въ этомъ же духѣ, а въ головѣ Катерины Александровны уже давно бродили новыя мысли, новые планы. Эти мысли, эти планы десятки разъ воскресали въ ея головѣ; иногда она стыдливо краснѣла, поддаваясь имъ; порой она печально рѣшала, что это «однѣ мечты»; подчасъ ей казалось, что слишкомъ поздно пришли ей въ голову эти мысли и представилась возможность для ихъ исполненія.

— А что, если бы я начала учиться?—тихо произнесла она, глядя куда-то въ сторону и краснѣя, какъ человѣкъ, подозрѣвающій, что онъ высказываетъ ребяческую мысль.

— Ну что же, и учились бы!—шутливо отвѣтилъ штабсъ-капитанъ.

— Я не шучу, Флегонтъ Матвѣевичъ,—уже болѣе смѣло промолвила Катерина Александровна.

начинаютъ истощаться, и его враги губятъ уже не однѣ его почки, но и его самого: оно хирѣетъ и начинаетъ увядать. Такъ идетъ эта борьба между внѣшними обстоятельствами и естественными проявленіями жизненной силы и, смотря на это бѣдное созданьице, вы невольно задумываетесь надъ тѣмъ, перенесетъ ли оно это тяжелое для него время, дождется ли теплыхъ, живительныхъ дней лѣта, или грѣющіе лучи лѣтняго солнца озарятъ окончательно засохшій стебель?..

Лѣтніе свободные дни Катерина Александровна проводила почти постоянно въ обществѣ братьевъ и штабсъ-капитана. Она присутствовала на урокахъ Антона, смотрѣла, какъ штабсъ-капитанъ повѣрялъ ошибки въ тетрадяхъ мальчика, слушала, какъ онъ объяснялъ мальчугану ариѳметику, какъ переводилъ съ ученикомъ легкія французскія и нѣмецкія фразы. Иногда она со вздохомъ замѣчала, разсматривая какую-нибудь тетрадь:

— А я до сихъ поръ и не знала, что слово «звѣзда» пишется черезъ *ъ!* А тоже маленькихъ дѣтей учу! Хорошо они будутъ знать грамоту!

Порой она слушала, какъ штабсъ-капитанъ диктовалъ Антону несложную задачу, и съ нетерпѣніемъ ждала, какъ рѣшитъ ее братишка.

— Вотъ какой ты молодецъ,—говорила она, когда задача выходила удачно,—а я и сообразить бы не могла, какъ ее сдѣлать.

— Ну, подумали бы—сдѣлали бы!—замѣчалъ штабсъ-капитанъ.

— Ужъ какъ ни думай, а не сдѣлаешь того, чего не знаешь,—вздыхала Катерина Александровна.

— Погоди, я тебя научу,—ободрялъ ее Антонъ.

Катерина Александровна впадала въ раздумье.

— Удивляюсь я, какъ это люди сами подготовляютъ гибель для своихъ ближнихъ,—задумчиво произнесла она, какъ бы про себя, присутствуя однажды на урокѣ брата.

— Вы это о чемъ, моя милѣйшая фея?—спросилъ штабсъ-капитанъ.

— Да вотъ хоть бы о своей судьбѣ,—отвѣчала Катерина Александровна.—Училась я въ школѣ, гдѣ не научали ничему, ни грамотѣ, ни ариѳметикѣ, ни исторіи—ничему. Къ чему же насъ готовили? Горничными быть или швеями? Но вѣдь они знали, что въ горничныя трудно попасть благородной дочери чиновника, а шитьемъ жить нельзя, особенно если не обучалась въ магазинѣ. Работая у себя дома, не

найдешь много работы: кто станетъ отдавать нищей хорошую работу; а въ магазинъ не возьмутъ—тамъ свои ученицы, свои мастерицы изъ простыхъ... Для чего же, значитъ, тратили они деньги на нашу школу? Для чего морили насъ нѣсколько лѣтъ? Для того, чтобы мы погибли?

— Ну, вѣдь они не изверги какіе-нибудь!—промолвилъ штабсъ-капитанъ.—Просто отъ бездѣлья устроили школу, не разсуждая, для чего она нужна и какая въ ней польза... Впрочемъ, если бы и разсуждать стали, такъ лучше не вышло бы. Вѣдь вы вонъ ни по-французски не говорите, ни географіи не знаете, ни исторіи не обучались, а спроси васъ, что вамъ нужно, чтобы заработать хлѣбъ—вы скажете. А они всѣ науки изучатъ, а все-таки не поймутъ вотъ хоть бы того, что, научившись шить бѣлье въ ихъ школѣ, вы все-таки будете безъ хлѣба... И если скажутъ имъ, что вы сидите безъ хлѣба, такъ они замѣтятъ: «вѣрно лѣнива, оттого и безъ хлѣба сидитъ, со здоровыми руками отъ голоду не умираютъ; работы на всѣхъ хватитъ». Вотъ вы тутъ и объясните имъ, что въ городѣ есть тысячи магазиновъ, то-есть школъ, гдѣ обучаютъ спеціально шитью, и что нерасчетливо при такомъ множествѣ спеціальныхъ швейныхъ школъ устраивать еще школы, гдѣ ничему не научатъ, кромѣ шитья, да и то далеко не такъ хорошо, какъ въ магазинахъ... Они не умѣютъ даже сообразить, какой сумбуръ вышелъ бы, если бы, напримѣръ, всѣхъ мальчиковъ стали обучать портняжному искусству. Вѣдь портныхъ вышло бы больше, чѣмъ заказчиковъ...

Штабсъ-капитанъ еще долго распространялся въ этомъ же духѣ, а въ головѣ Катерины Александровны уже давно бродили новыя мысли, новые планы. Эти мысли, эти планы десятки разъ воскресали въ ея головѣ; иногда она стыдливо краснѣла, поддаваясь имъ; порой она печально рѣшала, что это «однѣ мечты»; подчасъ ей казалось, что слишкомъ поздно пришли ей въ голову эти мысли и представилась возможность для ихъ исполненія.

— А что, если бы я начала учиться?—тихо произнесла она, глядя куда-то въ сторону и краснѣя, какъ человѣкъ, подозрѣвающій, что онъ высказываетъ ребяческую мысль.

— Ну что же, и учились бы!—шутливо отвѣтилъ штабсъ-капитанъ.

— Я не шучу, Флегонтъ Матвѣевичъ,—уже болѣе смѣло промолвила Катерина Александровна.

— И я не шучу, Катерина Александровна,— отвѣтилъ старикъ.

— Нѣтъ, вы шутите! улыбнулась она.—Я спрашиваю, выйдетъ ли изъ этого что-нибудь, не поздно ли начинать..

— Учиться никогда не поздно!—серьезно отвѣчалъ старикъ прописною истиной.—Выйдетъ ли что-нибудь изъ этого—это покажетъ время. А вотъ вы-то скажите, откуда вы время возьмете на ученье?

— О, объ этомъ нечего думать! Захочу—найду время.

— Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало? Помолитесь Козьмѣ и Даміану, да и за книжку,—пошутилъ старикъ.—Учителей будетъ много. Я буду инспекторомъ, мои воины репетиторами, а гимназическіе учителя станутъ давать вамъ безплатные уроки...

— Гимназическіе учителя!—изумилась Катерина Александровна.

— Ну да, они объяснять будутъ не прямо вамъ, а станутъ черезъ Антона задавать уроки.

Катерина Александровна усмѣхнулась.

— Этакъ семь лѣтъ придется учиться!

— А вы въ годикъ думали? Скоро-то бываетъ не споро.

Этотъ, повидимому, шутливый разговоръ имѣлъ для Катерины Александровны очень серьезное значеніе. Она уже давно рвалась хотя немного образовать себя. Она еще несознавала, какую матеріальную пользу извлечетъ она изъ ученья, но ее привлекало къ ученью уже одно желаніе не быть «глупою», какъ она говорила о себѣ; ей было «интересно узнать то, что знаютъ другіе». Правда, иногда молодость рисовала въ ея воображеніи заманчивыя картины будущаго; ей казалось, что она «научится всѣмъ наукамъ» и сдѣлается умною, какъ всѣ «образованныя», что потомъ она можетъ выйти изъ пріюта и «сдѣлаться учительницею», что, наконецъ, «ей не стыдно будетъ передъ людьми за свою необразованность». Эти молодыя грезы вызывали на ея щеки яркій румянецъ и волновали ея кровь до тѣхъ поръ, покуда ихъ не отравлялъ какой-нибудь мелкій непріятный фактъ ея будничной жизни, навѣвавшій сомнѣнія въ успѣхѣ, въ осуществимости всѣхъ этихъ грезъ. Тогда ей думалось: «ужъ гдѣ намъ, голоднымъ, сдѣлаться учеными! Хорошо и то, если и такъ поучусь чему-нибудь, чтобы дѣтей въ пріютѣ учить. Умнымъ тотъ можетъ быть, кто съ дѣтства учился, а мнѣ ужъ двадцать лѣтъ скоро будетъ».

Несмотря на ничтожность цѣли, которой думала достиг-

путь молодая дѣвушка,—она не отказывалась отъ своег плана и уже прежде поступленія Антона въ гимназію при нялась за ученье. Какъ человѣкъ, никогда не выѣзжавшi изъ своего родного города и не учившійся географіи, н можетъ ясно представить себѣ объема земли, такъ Катерина Александровна, едва знавшая русскую грамоту и кое-какіе отрывки исторіи и географіи, не могла вообразить, какъ великъ, какъ безконеченъ тотъ путь, на который она вступала. Это отчасти послужило къ ея счастью, такъ какъ въ противномъ случаѣ она испугалась бы трудности принимаемаго на себя подвига и, можетъ-быть отказалась бы отъ своего плана. Теперь же она смѣло пошла на избранный путь. Это была смѣлость неопытности. Ея уроки шли довольно оригинально. Она, сидя за шитьемъ, внимательно слушала, какъ Антонъ читалъ ей первыя ариѳметическія понятія и правила, какъ онъ передавалъ ей первые параграфы грамматики или говорилъ, какъ называется по-французски и по-нѣмецки отецъ, мать, сынъ, дочь и т. д. Ложась въ постель, не принимаясь нѣсколько времени послѣ обѣда за работу, сидя за утреннимъ чаемъ, молодая дѣвушка не оставляла учебниковъ. Она дорожила ими, какъ дитя новою игрушкой. Каждый человѣкъ, которому, по волѣ случая, приходилось начинать ученье не въ годы дѣтства, а на шестнадцатомъ или на девятнадцатомъ году жизни, знаетъ, какъ дорогъ и какъ сладокъ каждый новый шагъ, сдѣланный по этому пути. Затвердивъ какое-нибудь грамматическое правило, разрѣшивъ какую-нибудь ариѳметическую задачу, уже мечтаешь, что ты Богъ знаетъ какъ далеко ушелъ впередъ и что остается очень немного шаговъ для достиженія цѣли, то-есть до изученія всей той м рости, которая доступна людямъ. Ни одинъ ребенокъ м можетъ такъ сильно радоваться своимъ успѣхамъ въ ученьи какъ взрослый человѣкъ; взрослый въ этомъ случаѣ станов вится болѣе ребенкомъ, чѣмъ самъ ребенокъ. А первы рудности ученья? Ребенокъ иногда падаетъ духомъ, встрѣ ая ихъ на своемъ пути, или съ дѣтскимъ легкомысліемъ ходитъ ихъ, не преодолѣвъ ихъ и не помышляя о томъ, о эти трудности явятся передъ нимъ когда-нибудь снова послужатъ тормозами при усвоеніи высшихъ положеній уки. Взрослаго же эти трудности только сильнѣе побуютъ къ борьбѣ; онѣ какъ бы дразнятъ его самолюбіе; не можетъ успокоиться, не побѣдивъ ихъ; онъ хва-ся именно за нихъ, какъ за самую суть знанія. Только

— И я не шучу. Катерина Александровна.—отвѣтилъ старикъ.

— Нѣтъ, вы шутите! улыбнулась она.—Я спрашиваю, выйдетъ ли изъ этого что-нибудь, не поздно ли начинать..

— Учиться никогда не поздно!—серьезно отвѣчалъ старикъ прописною истиной.—Выйдетъ ли что-нибудь изъ этого—это покажетъ время. А вотъ вы-то скажите, откуда вы время возьмете на ученье?

— О, объ этомъ нечего думать! Захочу—найду время.

— Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало? Помолитесь Козьмѣ и Даміану, да и за книжку,—пошутилъ старикъ.—Учителей будетъ много. Я буду инспекторомъ, мои вопны репетиторами, а гимназическіе учителя станутъ давать вамъ безплатные уроки...

— Гимназическіе учителя!—изумилась Катерина Александровна.

— Ну да. они объяснять будутъ не прямо вамъ, а станутъ черезъ Антона задавать уроки.

Катерина Александровна усмѣхнулась.

— Этакъ семь лѣтъ придется учиться!

— А вы въ годикъ думали? Скоро-то бываетъ не споро.

Этотъ, повидимому, шутливый разговоръ имѣлъ для Катерины Александровны очень серьезное значеніе. Она уже давно рвалась хотя немного образовать себя. Она еще не сознавала, какую матеріальную пользу извлечетъ она изъ ученья, но ее привлекало къ ученью уже одно желаніе не быть «глупою», какъ она говорила о себѣ; ей было «интересно узнать то, что знаютъ другіе». Правда, иногда молодость рисовала въ ея воображеніи заманчивыя картины будущаго; ей казалось, что она «научится всѣмъ наукамъ» и сдѣлается умною, какъ всѣ «образованныя», что потомъ она можетъ выйти изъ пріюта и «сдѣлаться учительницею», что, наконецъ, «ей не стыдно будетъ передъ людьми за свою необразованность». Эти молодыя грезы вызывали на ея щеки яркій румянецъ и волновали ея кровь до тѣхъ поръ, покуда ихъ не отравлялъ какой-нибудь мелкій непріятный фактъ ея будничной жизни, навѣвавшій сомнѣнія въ успѣхѣ, въ осуществимости всѣхъ этихъ грезъ. Тогда ей думалось: «ужъ гдѣ намъ, голоднымъ, сдѣлаться учеными! Хорошо и то, если и такъ поучусь чему-нибудь, чтобы дѣтей въ пріютѣ учить. Умнымъ тотъ можетъ быть, кто съ дѣтства учился, а мнѣ ужъ двадцать лѣтъ скоро будетъ».

Несмотря на ничтожность цѣли, которой думала достиг-

нуть молодая дѣвушка,—она не отказывалась отъ своего плана и уже прежде поступленія Антона въ гимназію приплясь за ученье. Какъ человѣкъ, никогда не выѣзжавшій изъ своего родного города и не учившійся географіи, не можетъ ясно представить себѣ объема земли, такъ Катерина Александровна, едва знавшая русскую грамоту и кое-какіе отрывки исторіи и географіи, не могла вообразить, какъ великъ, какъ безконеченъ тотъ путь, на который она вступала. Это отчасти послужило къ ея счастью, такъ какъ въ противномъ случаѣ она испугалась бы трудности принимаемаго на себя подвига и, можетъ-быть отказалась бы отъ своего плана. Теперь же она смѣло пошла на избранный путь. Это была смѣлость неопытности. Ея уроки шли довольно оригинально. Она, сидя за шитьемъ, внимательно слушала, какъ Антонъ читалъ ей первыя ариѳметическія понятія и правила, какъ онъ передавалъ ей первые параграфы грамматики или говорилъ, какъ называется по-французски и по-нѣмецки отецъ, мать, сынъ, дочь и т. д. Ложась въ постель, не принимаясь нѣсколько времени послѣ обѣда за работу, сидя за утреннимъ чаемъ, молодая дѣвушка не оставляла учебниковъ. Она дорожила ими, какъ дитя новою игрушкой. Каждый человѣкъ, которому, по волѣ случая, приходилось начинать ученье не въ годы дѣтства, а на шестнадцатомъ или на девятнадцатомъ году жизни, знаетъ, какъ дорогъ и какъ сладокъ каждый новый шагъ, сдѣланный по этому пути. Затвердивъ какое-нибудь грамматическое правило, разрѣшивъ какую-нибудь ариѳметическую задачу, уже мечтаешь, что ты Богъ знаетъ какъ далеко ушелъ впередъ и что остается очень немного шаговъ для достиженія цѣли, то-есть до изученія всей той мудрости, которая доступна людямъ. Ни одинъ ребенокъ не можетъ такъ сильно радоваться своимъ успѣхамъ въ ученьи, какъ взрослый человѣкъ; взрослый въ этомъ случаѣ становится болѣе ребенкомъ, чѣмъ самъ ребенокъ. А первыя трудности ученья? Ребенокъ иногда падаетъ духомъ, встрѣчая ихъ на своемъ пути, или съ дѣтскимъ легкомысліемъ обходитъ ихъ, не преодолѣвъ ихъ и не помышляя о томъ, что эти трудности явятся передъ нимъ когда-нибудь снова и послужатъ тормозами при усвоеніи высшихъ положеній науки. Взрослаго же эти трудности только сильнѣе побуждаютъ къ борьбѣ; онѣ какъ бы дразнятъ его самолюбіе; онъ не можетъ успокоиться, не побѣдивъ ихъ; онъ хватается именно за нихъ, какъ за самую суть знанія. Только

тотъ пойметъ всѣ эти молодые восторги по поводу побѣжденныхъ трудностей ученія, кто самъ прошелъ эту скорбную школу самоучки. Если бы въ эти дни на Катерину Александровну посмотрѣлъ посторонній человѣкъ,—не простодушная Марья Дмитріевна, не любящій Антонъ, не добрякъ Прохоровъ, а совершенно чужой человѣкъ,—то онъ навѣрное улыбнулся бы насмѣшливою и даже презрительною улыбкой, слыша, какъ эта дѣвушка, молодая, страстная и полная жизни, горячо толкуетъ о грамматикѣ, объ ариѳметикѣ и тому подобныхъ предметахъ, точно въ этихъ сухихъ предметахъ для нея заключаются всѣ ея стремленія, вся суть жизни. Онъ улыбнулся бы еще насмѣшливѣе, услышавъ, что она самодовольно говоритъ:

— А я очень способна къ ариѳметикѣ: я теперь вполнѣ знаю первыя четыре правила; мнѣ они совсѣмъ ясны! Я навѣрное выучу всю ариѳметику! У насъ въ школѣ, бывало, ничего не объясняли; ставишь, бывало, какія-то цифры, а зачѣмъ—и сама не знаешь. А теперь вотъ я все это понимаю!

Эти слова сочлись бы за самохвальство и даже за глупость; вѣдь хвалить себя вообще считается глупымъ, а хвалить себя за то, за что не считаетъ возможнымъ хвалить себя даже ребенокъ,—еще глупѣе. Но какъ бы ни взглянули на это дѣло посторонніе люди, а Катерина Александровна все-таки увлекалась именно этими сухими предметами и хвалила себя за эти мелкіе, ничтожные успѣхи. Она была такою же самоучкою, какъ и всѣ самоучки.

Но, отдавшись всецѣло своимъ новымъ стремленіямъ, восхищаясь своими успѣхами, она не замѣчала главнаго: она не вполнѣ понимала, что именно эти занятія спасли ее отъ того тревожнаго состоянія, которое пробудилось въ ней послѣ послѣдней исторіи съ Наташей. Она была весела, бодра; она сдѣлалась спокойнѣе, легче смотрѣла на мелкія пріютскія непріятности, точно она за эти дни поднялась на недосягаемую высоту надъ этимъ болотомъ, гдѣ копошились разные гады въ родѣ Зубовой и Постниковой. Ихъ сплетни, ихъ колкости, дѣлавшіяся все болѣе и болѣе сильными вслѣдствіе ея сближенія съ Зориной, казались ей крайне мелкими и не отняли ни одной минуты у ея занятій, не помѣшали ей при рѣшеніи какой-нибудь задачи. Тѣ свѣтлые планы, которые она называла прежде мечтами, снова зароились въ ея головѣ, и она уже не старалась гнать ихъ отъ себя, не стыдилась ихъ, какъ глупыхъ сновидѣній, но лелѣяла ихъ,

развивала, старалась сдѣлать ихъ все болѣе и болѣе осуществимыми.

Лѣто неслось быстро, прошли вакаціи въ пріютѣ, наступилъ экзаменъ для Антона въ гимназіи, возвратились и кадеты изъ лагеря. Оба сына Флегонта Матвѣевича были на нѣсколько дней отпущены домой. Они уже давно ожидали этихъ торжественныхъ дней, чтобы отдохнуть отъ лѣтнихъ маршировокъ, ученій и маневровъ, чтобы снова побыть подъ крыломъ своего заботливаго отца, чтобы наглядѣться на свою любимицу, Катерину Александровну. Встрѣча молодыхъ людей съ Катериной Александровной была самая дружеская, искренняя. Молодые люди, несмотря на свою неопытность, несмотря на свою недальновидность, подмѣтили что-то новое въ Прилежаевой. Она, казалось, расцвѣла и похорошѣла еще болѣе за послѣднее время. Ея черные глаза сверкали жизнью; на ея щекахъ вспыхивалъ горячій румянецъ.

— Ну, какъ вы лѣто проводили?— спрашивали ее братья, пожимая и цѣлуя ей руки.

— Ничего, хорошо! — весело отвѣчала Катерина Александровна.—Я вотъ учиться начала. Не однимъ же вамъ быть учеными!

— Чему же вы учиться будете?—съ любопытствомъ спросилъ Александръ Прохоровъ; онъ выглядѣлъ необычайно степенно и серьезно.

— Да всему. Развѣ я знаю, какія науки есть? Чему брата будутъ учить, тому и я буду учиться.

— Это хорошее дѣло вы надумали,—серьезно замѣтилъ онъ.

— Соскучитесь!—засмѣялся братъ Иванъ.

— Отчего соскучусь? Вы же учитесь?

— Ну, такъ развѣ мы по своей охотѣ учимся! Я, кажется, на тысячу кусочковъ разорву всякія тактики и фортификаціи, когда выйду въ офицеры.

— Да развѣ Катерина Александровна будетъ этому учиться?—замѣтилъ Александръ Прохоровъ, пожимая плечами.

— А что это за наука: тактика? — полюбопытствовала Катерина Александровна.

Иванъ Прохоровъ залпомъ произнесъ вызубренное опредѣленіе тактики.

— А фори...—начала Катерина Александровна и засмѣялась. — Вотъ я даже и назвать не умѣю этой науки. Сейчасъ же забыла, какъ вы сказали.

— Фортификація,—подсказалъ братъ Александръ.

— Ну да, форти-фи-кація,—съ усиліемъ повторила Катерина Александровна.

Иванъ Прохоровъ отчетливо произнесъ опредѣленіе науки.

— Ну, я дѣйствительно тоже не стала бы учить такихъ наукъ. Да мнѣ онѣ и не нужны. Я вѣдь воевать не пойду.

— Да, вамъ хорошо. А вотъ намъ, кажется, придется идти прямо подъ пули,—замѣтилъ старшій Прохоровъ.

Катерина Александровна вздрогнула.

— Ну-у!—какъ-то недовѣрчиво произнесла она.

— Право! Говорятъ, что будущею весной даже усиленный выпускъ будетъ ради войны.

Штабсъ-капитанъ нахмурилъ брови.

— Мало ли что болтаютъ ваши мальчишки!—пробормоталъ онъ.—До весны еще далеко: можетъ-быть, все до тѣхъ поръ кончится. Изъ-за пустяка началось, пустякомъ и кончится!.. Выдумали тоже мальчишки... Усиленный выпускъ... подъ пули...

Старикъ взволновался...

— Что-жъ тутъ невѣроятнаго? Все можетъ быть. Пошли въ военные, такъ отъ войны не приходится отказываться,—замѣтилъ младшій Прохоровъ.—Мы не бабы!

— Да развѣ я тебѣ говорю, что отказываться надо?—произнесъ старикъ.—Только глупости у васъ болтаютъ кадетишки: какіе вы служаки, когда еще ничего не знаете. Что толку-то было бы въ васъ, хоть бы десять усиленныхъ выпусковъ сдѣлали? Вы думаете, что войску такіе комары нужны? По-вашему, пожалуй, и грудные младенцы войску нужны? И какіе бы вы были офицеры? Со школьной скамьи, съ плацъ-парада, не зная ни солдатъ, ни службы, не привыкнувъ къ дальнимъ походамъ, къ лишеніямъ военной жизни, вы только путались бы между ногъ у солдатъ, сбивали бы ихъ съ толку, да падали бы, какъ мухи осенью... А туда же толкуете: усиленный выпускъ, подъ пули... Прежде разсуждать научились бы...

Старикъ не на шутку разсердился на слова сыновей.

— Да вѣдь это не мы, папа, выдумали. Товарищи толкуютъ,—замѣтилъ старшій сынъ.

— Ну, и пусть ихъ толкуютъ, типунъ бы имъ на языкъ, а вы не повторяйте!—промолвилъ штабсъ-капитанъ.—Вы думаете, это такъ легко слышать отцу: подъ пули!

— Да вѣдь ты, отецъ, я думаю очень хорошо зналъ, что для одной мирной маршировки отдаешь насъ въ военную

службу,—серьезно и нѣсколько рѣзко замѣтилъ старшій сынъ Прохорова.

— Да зналъ и теперь знаю, что вы отданы въ военную службу и для того, чтобы маршировать, и для того, чтобы воевать. Но ни я, ни кто-нибудь другой, кромѣ какихъ-нибудь молокососовъ, вѣтрогоновъ, болвановъ, не станетъ утверждать, что я васъ отдалъ или что васъ взяли для того, чтобы подставить подъ пули. Для этого и деревяжки можно взять, для этого и картонныя куклы годятся...

Штабсъ-капитанъ зашагалъ по комнатѣ. Въ выраженіи его лица было что-то болѣзненное, онъ какъ будто осунулся. Сыновья съ удивленіемъ глядѣли на его тревогу. Въ сердцѣ старшаго сына Флегонта Матвѣевича шевельнулось глубокое, честное чувство уваженія и любви къ отцу, не той безотчетной любви, которою обыкновенно любятъ дѣти добрыхъ отцовъ, а той разумной любви, которую мы чувствуемъ и къ постороннимъ честнымъ и добрымъ людямъ.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Катерина Александровна впала въ тяжелое раздумье, ей было жаль старика, волновавшагося отъ первой вѣсти о томъ, что ему придется, быть-можетъ, проститься съ сыновьями.

— Вашъ отецъ очень огорчился,—замѣтила она старшему сыну штабсъ-капитана, когда старикъ вышелъ изъ комнаты.

— Да вѣдь и намъ не легко было бы бросить его,—отвѣтилъ задумчиво старшій Прохоровъ.—Но дѣлать нечего, мы должны кончить курсъ нынче. Я охотно поучился бы еще или отказался бы отъ военной службы ради отца. Ему пора бы успокоиться; ему нужна поддержка, а изъ жалованья армейскаго офицера немного можно удѣлить... Да и самая разлука съ нами будетъ тяжела для него...

— Это неизбѣжно! Не разстанемся черезъ годъ,—придется разстаться черезъ два,—замѣтилъ младшій братъ.— Теперь, по крайней мѣрѣ, отличиться можно. Не заржавѣемъ въ глуши; можетъ-быть, сразу шагнемъ далеко впередъ.

— А, можетъ-быть, уйдемъ такъ далеко, что и вернуться будетъ нельзя,—проговорилъ старшій.—Нѣтъ, я охотно бы остался здѣсь... Вотъ если бы въ доктора можно идти...

— Это онъ труситъ, Катерина Александровна,—засмѣялся младшій братъ. — Его всѣ товарищи трусомъ прозвали въ нынѣшнее лѣто...

Катерина Александровна посмотрѣла на Александра Прохорова вопросительнымъ взглядомъ. Ее удивили слова Ивана Прохорова.

— Фортификація,—подсказалъ братъ Александръ.

— Ну да, форти-фи-кація,—съ усиліемъ повторила Катерина Александровна.

Иванъ Прохоровъ отчетливо произнесъ опредѣленіе науки.

— Ну, я дѣйствительно тоже не стала бы учить такихъ наукъ. Да мнѣ онѣ и не нужны. Я вѣдь воевать не пойду.

— Да, вамъ хорошо. А вотъ намъ, кажется, придется идти прямо подъ пули,—замѣтилъ старшій Прохоровъ.

Катерина Александровна вздрогнула.

— Ну-у!—какъ-то недовѣрчиво произнесла она.

— Право! Говорятъ, что будущею весной даже усиленный выпускъ будетъ ради войны.

Штабсъ-капитанъ нахмурилъ брови.

— Мало ли что болтаютъ ваши мальчишки!—пробормоталъ онъ.—До весны еще далеко: можетъ-быть, все до тѣхъ поръ кончится. Изъ-за пустяка началось, пустякомъ и кончится!.. Выдумали тоже мальчишки... Усиленный выпускъ... подъ пули...

Старикъ взволновался...

— Что-жъ тутъ невѣроятнаго? Все можетъ быть. Пошли въ военные, такъ отъ войны не приходится отказываться,—замѣтилъ младшій Прохоровъ.—Мы не бабы!

— Да развѣ я тебѣ говорю, что отказываться надо?—произнесъ старикъ.—Только глупости у васъ болтаютъ кадетишки: какіе вы служаки, когда еще ничего не знаете. Что толку-то было бы въ васъ, хоть бы десять усиленныхъ выпусковъ сдѣлали? Вы думаете, что войску такіе комары нужны? По-вашему, пожалуй, и грудные младенцы войску нужны? И какіе бы вы были офицеры? Со школьной скамьи, съ плацъ-парада, не зная ни солдатъ, ни службы, не привыкнувъ къ дальнимъ походамъ, къ лишеніямъ военной жизни, вы только путались бы между ногъ у солдатъ, сбивали бы ихъ съ толку, да падали бы, какъ мухи осенью... А туда же толкусте: усиленный выпускъ, подъ пули... Прежде разсуждать научились бы...

Старикъ не на шутку разсердился на слова сыновей.

— Да вѣдь это не мы, папа, выдумали. Товарищи толкуютъ,—замѣтилъ старшій сынъ.

— Ну, и пусть ихъ толкуютъ, типунъ бы имъ на языкъ, а вы не повторяйте!—промолвилъ штабсъ-капитанъ.—Вы думаете, это такъ легко слышать отцу: подъ пули!

— Да вѣдь ты, отецъ, я думаю очень хорошо зналъ, что не для одной мирной маршировки отдаешь насъ въ военную

службу,—серьезно и нѣсколько рѣзко замѣтилъ старшій сынъ Прохорова.

— Да зналъ и теперь знаю, что вы отданы въ военную службу и для того, чтобы маршировать, и для того, чтобы воевать. Но ни я, ни кто-нибудь другой, кромѣ какихъ-нибудь молокососовъ, вѣтрогоновъ, болванов, не станетъ утверждать, что я васъ отдалъ или что васъ взяли для того, чтобы подставить подъ пули. Для этого и деревяжки можно взять, для этого и картонныя куклы годятся...

Штабсъ-капитанъ зашагалъ по комнатѣ. Въ выраженіи его лица было что-то болѣзненное, онъ какъ будто осунулся. Сыновья съ удивленіемъ глядѣли на его тревогу. Въ сердцѣ старшаго сына Флегонта Матвѣевича шевельнулось глубокое, честное чувство уваженія и любви къ отцу, не той безотчетной любви, которою обыкновенно любятъ дѣти добрыхъ отцовъ, а той разумной любви, которую мы чувствуемъ и къ постороннимъ честнымъ и добрымъ людямъ.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Катерина Александровна впала въ тяжелое раздумье, ей было жаль старика, волновавшагося отъ первой вѣсти о томъ, что ему придется, быть-можетъ, проститься съ сыновьями.

— Вашъ отецъ очень огорчился,—замѣтила она старшему сыну штабсъ-капитана, когда старикъ вышелъ изъ комнаты.

— Да вѣдь и намъ не легко было бы бросить его,—отвѣтилъ задумчиво старшій Прохоровъ.—Но дѣлать нечего, мы должны кончить курсъ нынче. Я охотно поучился бы еще или отказался бы отъ военной службы ради отца. Ему пора бы успокоиться; ему нужна поддержка, а изъ жалованья армейскаго офицера немного можно удѣлить... Да и самая разлука съ нами будетъ тяжела для него...

— Это неизбѣжно! Не разстанемся черезъ годъ,—придется разстаться черезъ два,—замѣтилъ младшій братъ.— Теперь, по крайней мѣрѣ, отличиться можно. Не заржавѣемъ въ глуши; можетъ-быть, сразу шагнемъ далеко впередъ.

— А, можетъ-быть, уйдемъ такъ далеко, что и вернуться будетъ нельзя,—проговорилъ старшій.—Нѣтъ, я охотно бы остался здѣсь... Вотъ если бы въ доктора можно идти...

— Это онъ труситъ, Катерина Александровна,—засмѣялся младшій братъ. — Его всѣ товарищи трусомъ прозвали въ нынѣшнее лѣто...

Катерина Александровна посмотрѣла на Александра Прохорова вопросительнымъ взглядомъ. Ее удивили слова Ивана Прохорова.

— Фортификація,—подсказалъ братъ Александръ.

— Ну да, форти-фи-кація,—съ усиліемъ повторила Катерина Александровна.

Иванъ Прохоровъ отчетливо произнесъ опредѣленіе науки.

— Ну, я дѣйствительно тоже не стала бы учить такихъ наукъ. Да мнѣ онѣ и не нужны. Я вѣдь воевать не пойду.

— Да, вамъ хорошо. А вотъ намъ, кажется, придется идти прямо подъ пули,—замѣтилъ старшій Прохоровъ.

Катерина Александровна вздрогнула.

— Ну-у!—какъ-то недовѣрчиво произнесла она.

— Право! Говорятъ, что будущею весной даже усиленный выпускъ будетъ ради войны.

Штабсъ-капитанъ нахмурилъ брови.

— Мало ли что болтаютъ ваши мальчишки!—пробормоталъ онъ.—До весны еще далеко: можетъ-быть, все до тѣхъ поръ кончится. Изъ-за пустяка началось, пустякомъ и кончится!.. Выдумали тоже мальчишки... Усиленный выпускъ... подъ пули...

Старикъ взволновался...

— Что-жъ тутъ невѣроятнаго? Все можетъ быть. Пошли въ военные, такъ отъ войны не приходится отказываться,—замѣтилъ младшій Прохоровъ.—Мы не бабы!

— Да развѣ я тебѣ говорю, что отказываться надо?—произнесъ старикъ.—Только глупости у васъ болтаютъ кадетишки: какіе вы служаки, когда еще ничего не знаете. Что толку-то было бы въ васъ, хоть бы десять усиленныхъ выпусковъ сдѣлали? Вы думаете, что войску такіе комары нужны? По-вашему, пожалуй, и грудные младенцы войску нужны? И какіе бы вы были офицеры? Со школьной скамьи, съ плацъ-парада, не зная ни солдатъ, ни службы, не привыкнувъ къ дальнимъ походамъ, къ лишеніямъ военной жизни, вы только путались бы между ногъ у солдатъ, сбивали бы ихъ съ толку, да падали бы, какъ мухи осенью... А туда же толкуете: усиленный выпускъ, подъ пули... Прежде разсуждать научились бы...

Старикъ не на шутку разсердился на слова сыновей.

— Да вѣдь это не мы, папа, выдумали. Товарищи толкуютъ,—замѣтилъ старшій сынъ.

— Ну, и пусть ихъ толкуютъ, типунъ бы имъ на языкъ, а вы не повторяйте!—промолвилъ штабсъ-капитанъ.—Вы думаете, это такъ легко слышать отцу: подъ пули!

— Да вѣдь ты, отецъ, я думаю очень хорошо зналъ, что не для одной мирной маршировки отдаешь насъ въ военную

службу,—серьезно и нѣсколько рѣзко замѣтилъ старшій сынъ Прохорова.

— Да зналъ и теперь знаю, что вы отданы въ военную службу и для того, чтобы маршировать, и для того, чтобы воевать. Но ни я, ни кто-нибудь другой, кромѣ какихъ-нибудь молокососовъ, вѣтрогоновъ, болвановъ, не станетъ утверждать, что я васъ отдалъ или что васъ взяли для того, чтобы подставить подъ пули. Для этого и деревяжки можно взять, для этого и картонныя куклы годятся...

Штабсъ-капитанъ зашагалъ по комнатѣ. Въ выраженіи его лица было что-то болѣзненное, онъ какъ будто осунулся. Сыновья съ удивленіемъ глядѣли на его тревогу. Въ сердцѣ старшаго сына Флегонта Матвѣевича шевельнулось глубокое, честное чувство уваженія и любви къ отцу, не той безотчетной любви, которою обыкновенно любятъ дѣти добрыхъ отцовъ, а той разумной любви, которую мы чувствуемъ и къ постороннимъ честнымъ и добрымъ людямъ.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Катерина Александровна впала въ тяжелое раздумье, ей было жаль старика, волновавшагося отъ первой вѣсти о томъ, что ему придется, быть-можетъ, проститься съ сыновьями.

— Вашъ отецъ очень огорчился,—замѣтила она старшему сыну штабсъ-капитана, когда старикъ вышелъ изъ комнаты.

— Да вѣдь и намъ не легко было бы бросить его,—отвѣтилъ задумчиво старшій Прохоровъ.—Но дѣлать нечего, мы должны кончить курсъ нынче. Я охотно поучился бы еще или отказался бы отъ военной службы ради отца. Ему пора бы успокоиться; ему нужна поддержка, а изъ жалованья армейскаго офицера немного можно удѣлить... Да и самая разлука съ нами будетъ тяжела для него...

— Это неизбѣжно! Не разстанемся черезъ годъ,—придется разстаться черезъ два,—замѣтилъ младшій братъ.— Теперь, по крайней мѣрѣ, отличиться можно. Не заржавѣемъ въ глуши; можетъ-быть, сразу шагнемъ далеко впередъ.

— А, можетъ-быть, уйдемъ такъ далеко, что и вернуться будетъ нельзя,—проговорилъ старшій.—Нѣтъ, я охотно бы остался здѣсь... Вотъ если бы въ доктора можно идти...

— Это онъ труситъ, Катерина Александровна,—засмѣялся младшій братъ. — Его всѣ товарищи трусомъ прозвали въ нынѣшнее лѣто...

Катерина Александровна посмотрѣла на Александра Прохорова вопросительнымъ взглядомъ. Ее удивили слова Ивана Прохорова.

— Развѣ вы точно трусите? — какъ-то несмѣло спросила она.

— Да. трушу,—хладнокровно отвѣтилъ онъ.

— Ему бы только штафиркой быть! — шумно засмѣялся братъ Иванъ.—Онъ, я думаю, цѣлый вѣкъ будетъ ругаться, да охать, если ему на войнѣ оторвутъ руку или ногу.

— Еще бы! — невозмутимо отвѣтилъ братъ Александръ.

Катерина Александровна смотрѣла на здоровяка-кадета съ возрастающимъ удивленіемъ. До сихъ поръ она считала его такъ же, какъ и его брата, силачомъ, смѣльчакомъ, «головорѣзомъ», какъ называлъ его Флегонтъ Матвѣевичъ; теперь же ей было странно слышать его хладнокровное признаніе въ трусости и малодушіи.

— А я васъ такимъ храбрецомъ считала, — проговорила она, обращаясь къ старшему Прохорову.

— Да я вѣдь и не говорю, что я трусъ, — отвѣтилъ онъ.—Это вонъ они, мальчоночки, выдумали. Имъ, видите ли, поскорѣй мундирчики офицерскіе надѣть хочется да подраться тоже желательно; вотъ они и шумятъ о войнѣ. Ваня уже практикуется, расписываясь прапорщикомъ Прохоровымъ. Мальчуганъ еще! У насъ нынче въ лагеряхъ только и разговоровъ было, что о войнѣ; на всѣ лады обсудили, кто до какого чина дойдетъ...

— Ну да, а онъ, старичокъ, только о томъ и печалится, что у него ручку или ножку оторвать могутъ, — замѣтилъ братъ Иванъ съ нѣтушинымъ задоромъ.

Александръ Прохоровъ выглядѣлъ попрежнему добродушно и спокойно и, ничего не возражая брату, обратился къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Просто дрожь пробираетъ, какъ подумаешь, что, можетъ-быть, въ первый же годъ службы придется остаться калѣкой, подобно отцу, — задушевнымъ тономъ заговорилъ онъ.—Ни на какое дѣло не способенъ; ничего не знаешь кромѣ военныхъ наукъ, — и вдругъ останешься безъ руки или безъ ноги и безъ куска хлѣба. Право, я пулю бы пустилъ себѣ въ лобъ, если бы это случилось.

— Струсишь! — вызывающимъ смѣхомъ засмѣялся братъ Иванъ.

Александръ Прохоровъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на замѣчаніе брата и продолжалъ тѣмъ же откровеннымъ, спокойнымъ тономъ:

— Я, право, не знаю, какъ перенесъ отецъ свое положеніе...

Отецъ не былъ такимъ трусомъ, какъ ты, — рѣзко вставилъ свое слово братъ Иванъ.

— Онъ мнѣ съ Ваней никогда не говорилъ, но я знаю, что ему приходилось выносить тысячи униженій изъ-за каждаго куска хлѣба... До нынѣшняго лѣта я очень рѣдко думалъ объ этомъ... А вотъ теперь всѣ эти толки о войнѣ заставили призадуматься серьезно. Видно, своя рубашка къ тѣлу ближе. Покуда онъ терпѣлъ, намъ и горя мало было, а теперь, какъ увидѣлъ я, что и самому, можетъ-быть, придется такъ жить, то просто духъ захватило. Терпѣлъ, терпѣлъ онъ, и вдругъ придется еще не только за себя страдать, а и кормить калѣку сына... Нѣтъ, ужъ до этого я не доведу дѣла. Лучше пусть онъ поплачетъ одинъ разъ о томъ, что я умеръ, чѣмъ медленно будетъ страдать, глядя на негоднаго ни на что дармоѣда...

Въ словахъ Александра Прохорова звучали совершенно новыя ноты; это уже былъ не прежній мальчикъ, беззаботно ухаживавшій за Катериной Александровной, это уже былъ не прежній добродушный толстякъ-кадетъ, повидимому, нисколько не заботившійся о будущемъ. Во всемъ складѣ его ума произошла замѣтная перемѣна. Юношескіе толки о начинавшейся войнѣ впервые заставили его серьезно взглянуть въ будущее. Его братъ и нѣкоторые юные товарищи исполнились воинственнаго пыла и толковали объ отличіяхъ и побѣдахъ; но среди этихъ страстныхъ толковъ нѣкоторымъ юношамъ приходила иногда въ голову и мысль о ранахъ, о лишеніяхъ, которыя придется вынести въ военное время. Эта мысль остановила на себѣ вниманіе и Александра Прохорова, и у него невольно возникли вопросы: что будетъ, если онъ, подобно своему отцу, на первыхъ же порахъ останется безъ ноги или безъ руки? За что нужно будетъ приняться въ этомъ случаѣ, куда идти, какимъ образомъ добывать хлѣбъ? Юноша перебиралъ всѣ роды извѣстной ему дѣятельности и пришелъ къ заключенію, что онъ не способенъ ни къ какому роду занятій, что у него нѣтъ никакой подготовки, никакихъ знаній, кромѣ запаса свѣдѣній по части военнаго искусства. Тогдашнее корпусное образованіе, дѣйствительно, не походило на образованіе современныхъ намъ военныхъ гимназій и не давало почти никакого общаго образованія, сосредотачиваясь исключительно на спеціальныхъ военныхъ наукахъ. До сихъ поръ недостатокъ знаній не замѣчался Александромъ Прохоровымъ; теперь же онъ ярко билъ въ глаза юношѣ и вызывалъ горькое

сознаніе того печальнаго положенія, въ которомъ придется ему остаться, если не будетъ возможности продолжать военную службу. Юноша, съ свойственными ему откровенностью и прямотою, высказалъ товарищамъ свои тревожныя мысли и вызвалъ безконечные споры. Большинство горячихъ мальчугановъ назвало Прохорова трусомъ и глумилось надъ тѣмъ, что онъ готовится къ войнѣ съ мыслью о ранахъ, а не съ мыслью о побѣдахъ.

— Идетъ сражаться, а думаетъ только о томъ, какъ его самого поколотятъ!—кричали они со смѣхомъ.

— О чемъ же больше и думать?—серьезно возражалъ Александръ Прохоровъ.—О томъ, что я поколочу другихъ, нечего думать, такъ какъ въ этомъ будетъ вся моя цѣль. Приготовиться же нужно только къ тому, что надо будетъ дѣлать, если не удастся поколотить другихъ.

— Ну, братъ, тебѣ не военнымъ бы быть, а штафиркой,— кричали задорные герои.

— То-то и худо, что ни вы, ни я не можемъ служить въ гражданской службѣ,—спокойно замѣчалъ Александръ Прохоровъ.—Въ гражданской службѣ одними носками ничего не возьмешь; тамъ нужно, чтобы и въ головѣ что-нибудь было.

— Еще бы? Чтобы быть хапугой, нужно также умѣнье?

— Да вѣдь для того, чтобы грабить, не нужно быть непремѣнно статскимъ.

— Ишь, какъ своихъ-то отстаиваетъ! Ахъ ты, философъ!

Но среди этихъ расхрабрившихся птенцовъ нашлись немногіе, которые перешли на сторону Александра Прохорова и вмѣстѣ съ нимъ обсуждали интересовавшіе ихъ вопросы. Въ нѣсколько недѣль они передумали гораздо больше, чѣмъ въ нѣсколько лѣтъ предшествовавшей корпусной жизни. И не мудрено: событія общественной жизни впервые задѣли ихъ существенные личные интересы. Въ ихъ умахъ уже бродило не одно довольно смутное чувство неудовольствія на мелкія будничныя непріятности, но явилось отчетливое и рѣзкое негодованіе на весь складъ ихъ жизни, на все ея направленіе. Юношество раздѣлилось на кружки, спорило, шумѣло, волновалось, а нѣсколько юныхъ практиковъ уже кропали тайкомъ воинственные стишки. Особенно удачнымъ должно было выйти одно стихотвореніе, начинавшееся слѣдующею картиной:

Заря пылаетъ на востокѣ,
День разгоняетъ мракъ глубокій.

И скоро, скоро крестъ святой
Надломитъ рогъ луны златой.

Среди этихъ волненій, споровъ и тревогъ молодежь шла ощупью къ уясненію тѣхъ или другихъ идей. Литература молчала или тоже пзрѣдка толковала о томъ, что

...Скоро, скоро крестъ святой
Надломитъ рогъ луны златой,

и далѣе этого не заходила. Тщетно сталъ бы искать въ ней тогда какой-нибудь Александръ Прохоровъ указанія на то, что ему дѣлать, если крестъ святой не сломитъ рога златой луны.

Но если она не отвѣчала на его вопросы, вызванные не одними его личными интересами, но интересами сотенъ людей, стоявшихъ въ такомъ же ожиданіи развязки, какъ и онъ,—то еще менѣе склонности замѣчалось въ обществѣ къ разрѣшенію такихъ смутныхъ для самой спрашивавшей вопросовъ, какъ вопросы Катерины Александровны, задавшейся мыслью: какъ ей выбиться изъ нужды, какъ дойти до лучшаго положенія? Общество предлагало ей шить, служить въ пріютѣ, выйти замужъ, не спрашивая ее, можетъ ли она прожить шитьемъ, можетъ ли она считать мѣсто вѣрнымъ въ пріютѣ, хочетъ ли она идти замужъ. Такимъ образомъ, и тутъ приходилось идти ощупью, не зная, куда приведетъ избранный путь, и достанетъ ли силъ идти по этому пути безъ указаній, безъ поддержки.

II.

Тревожные вопросы.

Общественныя событія, повидимому, очень отдаленныя отъ маленькаго міра нашихъ героевъ, не прошли для него даромъ и внесли нѣчто новое въ его однообразную жизнь. Вѣсти о войнѣ волновали и его, какъ онѣ волновали весь Петербургъ и всю Россію.

Флегонтъ Матвѣевичъ въ послѣднее время сталъ пристально слѣдить за газетами и интересовался извѣстіями о военныхъ событіяхъ. Такъ какъ въ то время еще не существовало розничной продажи отдѣльныхъ нумеровъ газетъ, то старый воинъ довольно аккуратно два раза въ недѣлю относилъ свою дань ближайшему трактиру за право выпить стаканъ «брандахлысту», какъ называлъ штабсъ-капитанъ трактирный чай, и за возможность почитать «вѣдомости». Старикъ такъ часто и такъ пространно разсуждалъ о военныхъ дѣйствіяхъ, что, наконецъ, въ скромной квартирѣ

Прилежаевыхъ чаще всего стали слышаться имена разныхъ героевъ и главнокомандующихъ, какъ будто эти люди были здѣсь своими людьми. Нѣкоторые изъ нихъ стали не только любимцами, но даже предметами гордости семейнаго кружка; другіе же, напротивъ того, вызывали очень строгіе замѣчанія и выговоры со стороны отставного служаки, который какъ-то выразился про одного сплоховавшаго генерала: «Ну, осрамилъ! На весь міръ осрамилъ насъ!»

Впрочемъ, въ разсужденіяхъ стараго инвалида о войнѣ не было ничего необыкновеннаго, тѣмъ болѣе, что его интересовала война даже не просто какъ бывшаго военнаго, но и какъ отца будущихъ офицеровъ. Гораздо болѣе страннымъ могло показаться то обстоятельство, что война заинтересовала и такую живущую своими узенькими интересами, миролюбивую личность, какъ Марья Дмитріевна. Однако, случилось именно такъ. Марья Дмитріевна вся погрузилась въ глубокія соображенія о томъ, «кто кого поколотитъ», «возьмутъ ли французъ и англичанинъ Петербургъ или опять въ Москву пойдутъ съ двунадесятью языками», «разобьютъ ли поганаго турка» и «утруть ли носъ австріяку за то, что онъ намъ гадитъ подвохами». Марья Дмитріевна выказала даже необыкновенное жестокосердіе, говоря, что, кажется, «если бы ей этотъ самый французъ попался, такъ она бы ему, голоштанному, своими руками глаза выцарапала, а этому туркѣ поганому по волоску, по волоску всю бороду выщипала бы». Политическія соображенія Марьи Дмитріевны вообще оказались довольно своеобразными и получали свое направленіе большею частью изъ мелочной лавочки. Мелочная лавка, помѣщавшаяся подъ квартирой Прилежаевыхъ, сдѣлалась клубомъ для политиковъ подваловъ, чердаковъ, угловъ и «комнатъ съ мебелью». Здѣсь находились великіе знатоки исторіи, утверждавшіе, что Бонапартъ, видно, отогрѣлся послѣ того, какъ его заморозили въ Москвѣ; нѣкоторые утверждали, что это онъ злобу хочетъ сорвать за то, что его на островѣ царицы Елены съ двѣнадцатаго года на цѣпурѣ держали. Здѣсь находились такіе мудрые географы, которые трусили, что враги уже въ Черное море пришли и, значитъ, близко къ Москвѣ подходятъ. Опасенія этихъ мудрецовъ встрѣчались съ ироніей барскими лакеями и офицерскими денщиками, доподлинно знавшими, что теперь уже не старый Бонапартъ колобродитъ, а молодой, и что Черное море отъ Москвы далеко, а подходитъ къ Кіеву. Свѣдѣнія нѣкоторыхъ заходили такъ далеко, что они утвер-

ждали, будто бы Бонапартъ въ амбицію вломился за то, что нашъ царь съ нимъ породниться не захотѣлъ, а написалъ ему: «Ты, любезный другъ, управляйся, какъ знаешь, со своими голоштанными французами, а въ мои хрестьянскія дѣла не мѣшайся». Впрочемъ, несмотря на болѣе или менѣе высокую степень образованія и различіе «политическихъ убѣжденій», всѣ ораторы сходились въ одномъ томъ, что «мы всѣхъ шапками забросаемъ» и что «французъ жидокъ». Марья Дмитріевна съ свойственнымъ ей смиреніемъ выслушивала всѣхъ и вздыхала, чуя что-то недоброе. Возвращаясь домой, она сообщала слышанное Флегонту Матвѣевичу и кротко выслушивала его безконечныя замѣчанія.

— А къ намъ-то, батюшка, думаете, не придутъ?—боязливо спрашивала она каждый разъ, наслушавшись разсужденій стараго воина.

— Гдѣ же придти! Теперь зима скоро,—успокаивалъ ее герой.

— Да, а вонъ они въ Черномъ морѣ высадились. Шутка ли! Пройдутъ въ Бѣлое, а тутъ и пустынь Валаамская недалеко...

— Экъ вы хватили, почтеннѣйшая, Марья Дмитріевна!— Къ намъ не придутъ теперь. Вотъ что будущее лѣто скажетъ... Впрочемъ, можетъ-быть, война до весны кончится...

— Охъ, въ разоръ разорятъ, если придутъ,—вздыхала Марья Дмитріевна.—Вотъ говорятъ, что и служащихъ всѣхъ въ Москву переведутъ... Что же я безъ Катюши-то стану дѣлать?

— Ну, это все бабьи толки!

— Не попусти, Господи,—вздыхала Марья Дмитріевна, поднимая глаза къ образу и осѣняясь крестнымъ знаменіемъ.

Война сдѣлалась настолько интересною для нея, что она иногда безъ всякой видимой надобности разъ пять заходила въ лавочный клубъ «отвести душу» и послушать, «что люди-то говорятъ». Флегонтъ Матвѣевичъ крѣпился нѣкоторое время и не посѣщалъ клуба—такъ иногда завернетъ туда за «сигарками» или папиросами, перекинется двумя, тремя небрежными фразами съ мѣстными политиками и уйдетъ домой. Но, наконецъ, и онъ не выдержалъ. Марья Дмитріевна раза три принесла изъ клуба какія-то новости, еще ненапечатанныя въ газетахъ и слышанныя ею отъ денщиковъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Она, конечно, не умѣла передать этихъ извѣстій съ точностью

спеціалиста въ военныхъ дѣлахъ и, какъ диллетантка, перепутала все слышанное. Это заставило Флегонта Матвѣевича самолично спуститься въ клубъ и навести справки о новостяхъ. Съ этого дня онъ сталъ все чаще и чаще посѣщать клубъ и даже былъ единодушно избранъ безъ всякой баллотировки предсѣдателемъ этого клуба, какъ человѣкъ, опытный въ военномъ дѣлѣ, какъ воинъ, дравшійся съ туркою, какъ образованный баринъ. Засѣданія происходили въ клубѣ обыкновенно въ то время, когда въ клубѣ получалась газета. Надо замѣтить, что клубъ былъ не очень богатъ и потому получалъ только полицейскую газету, изъ которой, конечно, о войнѣ трудно было что-нибудь узнать; но члены клуба очень часто приносили въ него нумера другихъ газетъ, взятые украдкой съ барскихъ столовъ. Конечно, члены могли бы прочесть эти нумера дома, но, къ счастью клуба, большинство изъ этихъ членовъ было или совсѣмъ безграмотно или читало такъ медленно, что могло прочесть нумеръ газеты не менѣе какъ въ недѣлю, и то только въ томъ случаѣ, если не требовалось пониманія прочитаннаго. Вслѣдствіе этихъ уважительныхъ причинъ члены клуба несли газетные нумера въ клубъ, гдѣ кто-нибудь изъ ихъ среды, сильный въ грамотѣ, читалъ новости вслухъ. Довольно долго клубъ находился въ мучительномъ положеніи, и даже можно было сомнѣваться въ продолженіи его существованія. Дѣло въ томъ, что грамотнѣе всѣхъ былъ одинъ двѣнадцатилѣтній «казачокъ» статскаго генерала Киселева. Но казачокъ этотъ не всегда присутствовалъ въ клубѣ и пребывалъ въ немъ недолго, жалуясь, что дома генералъ деретъ его за вихры за долгое пребываніе въ клубѣ; кромѣ того онъ совершенно не умѣлъ отыскивать необходимыя новости и начиналъ чтеніе съ заголовка газеты, съ объявленія объ ея цѣнѣ, о томъ, что она выходитъ ежедневно за исключеніемъ дней слѣдующихъ за ста двадцатью воскресными и праздничными днями, о мѣстѣ подписки на нее, о платѣ за напечатаніе въ ней объявленій. Иные члены клуба, прослушавъ два, три раза одно и то же, теряли терпѣніе, махали рукой и уходили изъ клуба. «Заладили, молъ, одно и то же, да ничего больше и не пишутъ». Но если одни негодовали на писателей за то, что они пишутъ все одно и то же, то другіе потеряли уваженіе къ самому юному предсѣдателю клуба и во всемъ обвиняли его. Кто-то изъ недовольныхъ даже замѣтилъ ему:

— Ишь, смотришь въ книгу, а видишь фигу!

— Читай самъ, если я не умѣю,—обидчиво огрызнулся юный предсѣдатель.

— Эко диво! Да кабы я читать-то умѣлъ, такъ ужъ почище тебя прочиталъ бы!—презрительно возразилъ недовольный членъ.

Появленіе штабсъ-капитана въ клубѣ было великимъ событіемъ. Онъ сразу завоевалъ уваженіе и полное довѣріе всѣхъ членовъ; ему даже не смѣли говорить «ты» и постоянно величали его «вашимъ благородіемъ», такъ что въ немъ сейчасъ можно было узнать важное лицо. Чтобы не пребывать постоянно на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, штабсъ-капитанъ согласился устроить домашнимъ способомъ телеграфъ: изъ спальной лавочника, находившейся подъ комнатой штабсъ-капитана, стучали въ потолокъ кочергой, штабсъ-капитанъ стучалъ въ полъ деревяжкой, временно исполнявшей должность его ноги. Стукъ кочерги означалъ: «газету принесли»; стукъ деревяжки означалъ: «сейчасъ явлюсь». Штабсъ-капитанъ спускался въ клубъ, читалъ вслухъ газету, пояснялъ, ораторствовалъ и руководилъ преніями клубистовъ. Кромѣ газетныхъ новостей, въ клубъ заносились новости закулисныя, не подлежащія сомнѣнію извѣстія, слышанныя денщиками полковника и генерала, достовѣрные слухи о какомъ-то филинѣ, «не передъ добромъ» залетѣвшемъ на какую-то крышу, о какомъ-то таинственномъ старцѣ, явившемся кому-то съ какимъ-то пророчествомъ, о какомъ-то орлѣ, преслѣдовавшемъ какую-то голубку, о какомъ-то небесномъ видѣніи, представлявшемъ тьму темъ идущихъ въ облакахъ воиновъ,—однимъ словомъ, достовѣрнымъ и знаменательнымъ разсказамъ не было конца въ клубѣ. Предсѣдатель клуба въ нѣсколько недѣль сдѣлался самою популярною личностью околотка, и даже содержатель клуба, т. е. лавочникъ Трофимовъ, сталъ приглашать предсѣдателя къ себѣ на пирогъ.

— Много вами довольны, ваше благородіе, — говорилъ онъ.—Не побрезгайте нашимъ угощеніемъ.

Дѣйствительно, Трофимовъ могъ быть доволенъ предсѣдателемъ, такъ какъ число клубистовъ значительно прибавилось въ лавкѣ послѣ появленія въ ней штабсъ-капитана. Зато сосѣдній трактиръ окончательно лишился одного посѣтителя и продавалъ въ теченіе каждой недѣли чаю на два стакана меньше прежняго. Рыжевато-сѣрая шинель штабсъ-капитана, его фуражка съ пятнами табачнаго цвѣта, съ потрескавшимся козырькомъ и потемнѣвшею кокардой, его

деревянная нога, его сизо-красный носъ сдѣлались чѣмъ-то роднымъ для всѣхъ окрестныхъ жителей, знавшихъ, что подъ этими ветхими доспѣхами хранится неизсякаемый источникъ военной премудрости и ораторскаго краснорѣчія. Даже Марья Дмитріевна,—скромная Марья Дмитріевна озарилась лучами славы своего жильца и сдѣлалась извѣстной подъ именемъ «хозяюшки капитана». Почти незнакомые ей люди раскланивались съ нею и справлялись о здоровьѣ капитана.

Война, какъ мы уже сказали, сильно возбудила толки и въ средѣ кадетъ: эти толки еще болѣе усилились при началѣ учебнаго года. Они уже происходили не между одними кадетами; въ нихъ принимали участіе и дежурные офицеры, и учителя. Общественныя событія, волновавшія въ равной степени всѣ слои общества, начиная съ какихъ-нибудь клубистовъ изъ мелочной лавочки Трофимова и кончая важными членами гиреевскихъ и бѣлоколытовскихъ салоновъ, засѣвшими за щипанье корпіи и изготовленіе бинтовъ,—эти общественныя событія послужили какъ къ сближенію разныхъ сословій, такъ и къ сближенію отдѣльныхъ личностей, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Если штабсъ-капитанъ снизошелъ до мелочной лавочки, то не было ничего удивительнаго, что какой-нибудь батальонный командиръ Фитилькинъ снисходилъ до кружковъ выпускныхъ кадетъ и, трепля по плечу какого-нибудь браваго юношу, густымъ басомъ говорилъ:

— Готовься, готовься, братъ, къ бранному полю!

Прежнія натянутыя и угловатыя отношенія между кадетами и начальствомъ стали быстро получать интимный характеръ, обыкновенно царствующій между членами одной семьи. Въ обращеніи офицеровъ съ выпускными кадетами было даже что-то заискивающее, что-то слишкомъ снисходительное. Такъ обыкновенно относятся старшіе члены семьи къ послѣднимъ проказамъ юноши, идущаго въ трудный походъ, готовящагося къ мучительной разлукѣ съ роднымъ гнѣздомъ, обреченнаго, быть-можетъ, на смерть. Такъ относятся тюремщики къ арестантамъ, наканунѣ ихъ казни. Учителя тоже стали снисходительнѣе къ старшимъ воспитанникамъ, а учитель артиллеріи, ставя однажды *семь* ничего не знающему ученику, шутливо замѣтилъ:

— Ну, ужъ такъ и быть, семерку вамъ поставлю. Лѣтомъ подъ свистъ ядеръ поймете все, чего изъ лекцій не поняли.

Въ средѣ самихъ учителей уже начали въ это время лѣе рѣзко выступать впередъ не совсѣмъ безцвѣтныя, не

совсѣмъ безсловесныя личности. Событія дня, вызвавшія толки объ общественныхъ вопросахъ, показали каждому, что у него есть какіе-то другіе интересы, кромѣ его семейныхъ именинныхъ пироговъ и жениныхъ объятій, кромѣ входящихъ и исходящихъ бумагъ, кромѣ разъ навсегда установленныхъ формъ и программъ, кромѣ отбыванія службы и сведенія итоговъ въ его приходо-расходныхъ книгахъ. Подъ вліяніемъ событій началъ вырисовываться, если можно такъ выразиться, гражданскій характеръ отдѣльныхъ личностей: одинъ говорилъ, что мы всѣ шапками закидаемъ, — это былъ гражданинъ-патріотъ; другой толковалъ, что мы во всемъ отстали отъ Европы, — это былъ гражданинъ-западникъ; третій многословно толковалъ, что русскій народъ великъ смиреніемъ и глубокою вѣрою, которая поможетъ ему одержать верхъ надъ гнилымъ Западомъ и даже въ тяжелую годину испытанія не дойти до того растлѣнія нравовъ, до котораго дошелъ Западъ, — это былъ гражданинъ-славянофилъ. Всѣ эти черты гражданскаго характера уже начинали все ярче и ярче обрисовываться среди толковъ объ общественныхъ событіяхъ, хотя еще и не могли достаточно рѣзко отразиться въ литературѣ. Но среди разныхъ гражданскихъ характеровъ всѣхъ этихъ помѣщиковъ, чиновниковъ и образованныхъ пролетаріевъ чаще всего появлялся характеръ недовольнаго и потому либеральничающаго гражданина. Недовольный либералъ первой половины пятидесятыхъ годовъ,—годовъ, слѣдовавшихъ за временемъ глубокаго сна,—имѣлъ совершенно особый характеръ. Тогдашній либералъ былъ недоволенъ всѣмъ, хотя иногда казалось, что онъ ничѣмъ не недоволенъ. Дѣло въ томъ, что онъ своимъ образомъ жизни ничѣмъ не отличался отъ самыхъ крайнихъ ретроградовъ и не смущалъ ихъ какими-нибудь противными помѣщичьимъ, чиновническимъ и вообще свѣтскимъ традиціямъ выходками. Кромѣ того, онъ былъ крайне сдержанъ даже въ рѣчахъ и совершенно чуждъ той экспансивности, которою отличались либералы конца пятидесятыхъ годовъ. Онъ больше хмурился, чѣмъ жаловался; онъ чаще говорилъ съ насмѣшливымъ пожиманіемъ плечами, съ горькою улыбочкой: «помилуйте, у насъ все такъ отлично идетъ!» чѣмъ рѣшался обличить не только квартальнаго надзирателя, но просто какого-нибудь будочника. Патріоты и ретограды недаромъ говорили про него, что онъ просто сердитъ на дождь и на свое дурное пищевареніе. Нѣкоторые шутники изъ нихъ

деревянная нога, его сизо-красный носъ сдѣлались чѣмъ-то роднымъ для всѣхъ окрестныхъ жителей, знавшихъ, что подъ этими ветхими доспѣхами хранится неизсякаемый источникъ военной премудрости и ораторскаго краснорѣчія. Даже Марья Дмитріевна,—скромная Марья Дмитріевна озарилась лучами славы своего жильца и сдѣлалась извѣстной подъ именемъ «хозяюшки капитана». Почти незнакомые ей люди раскланивались съ нею и справлялись о здоровьѣ капитана.

Война, какъ мы уже сказали, сильно возбудила толки и въ средѣ кадетъ: эти толки еще болѣе усилились при началѣ учебнаго года. Они уже происходили не между одними кадетами; въ нихъ принимали участіе и дежурные офицеры, и учителя. Общественныя событія, волновавшія въ равной степени всѣ слои общества, начиная съ какихъ-нибудь клубистовъ изъ мелочной лавочки Трофимова и кончая важными членами гиреевскихъ и бѣлокопытовскихъ салоновъ, засѣвшими за щипанье корпіи и изготовленіе бинтовъ,—эти общественныя событія послужили какъ къ сближенію разныхъ сословій, такъ и къ сближенію отдѣльныхъ личностей, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Если штабсъ-капитанъ снизошелъ до мелочной лавочки, то не было ничего удивительнаго, что какой-нибудь батальонный командиръ Фитилькинъ снисходилъ до кружковъ выпускныхъ кадетъ и, трепля по плечу какого-нибудь браваго юношу, густымъ басомъ говорилъ:

— Готовься, готовься, братъ, къ бранному полю!

Прежнія натянутыя и угловатыя отношенія между кадетами и начальствомъ стали быстро получать интимный характеръ, обыкновенно царствующій между членами одной семьи. Въ обращеніи офицеровъ съ выпускными кадетами было даже что-то заискивающее, что-то слишкомъ снисходительное. Такъ обыкновенно относятся старшіе члены семьи къ послѣднимъ проказамъ юноши, идущаго въ трудный походъ, готовящагося къ мучительной разлукѣ съ роднымъ гнѣздомъ, обреченнаго, быть-можетъ, на смерть. Такъ относятся тюремщики къ арестантамъ, наканунѣ ихъ казни. Учителя тоже стали снисходительнѣе къ старшимъ воспитанникамъ, а учитель артиллеріи, ставя однажды *семь* ничего не знающему ученику, шутливо замѣтилъ:

— Ну, ужъ такъ и быть, семерку вамъ поставлю. Лѣтомъ подъ свистъ ядеръ поймете все, чего изъ лекцій не поняли.

Въ средѣ самихъ учителей уже начали въ это время болѣе рѣзко выступать впередъ не совсѣмъ безцвѣтныя, не

совсѣмъ безсловесныя личности. Событія дня, вызвавшія толки объ общественныхъ вопросахъ, показали каждому, что у него есть какіе-то другіе интересы, кромѣ его семейныхъ именинныхъ пироговъ и женинныхъ объятій, кромѣ входящихъ и исходящихъ бумагъ, кромѣ разъ навсегда установленныхъ формъ и программъ, кромѣ отбыванія службы и сведенія итоговъ въ его приходо-расходныхъ книгахъ. Подъ вліяніемъ событій началъ вырисовываться, если можно такъ выразиться, гражданскій характеръ отдѣльныхъ личностей: одинъ говорилъ, что мы всѣ шапками закидаемъ, — это былъ гражданинъ-патріотъ; другой толковалъ, что мы во всемъ отстали отъ Европы, — это былъ гражданинъ-западникъ; третій многословно толковалъ, что русскій народъ великъ смиреніемъ и глубокою вѣрою, которая поможетъ ему одержать верхъ надъ гнилымъ Западомъ и даже въ тяжелую годину испытанія не дойти до того растлѣнія нравовъ, до котораго дошелъ Западъ, — это былъ гражданинъ-славянофилъ. Всѣ эти черты гражданскаго характера уже начинали все ярче и ярче обрисовываться среди толковъ объ общественныхъ событіяхъ, хотя еще и не могли достаточно рѣзко отразиться въ литературѣ. Но среди разныхъ гражданскихъ характеровъ всѣхъ этихъ помѣщиковъ, чиновниковъ и образованныхъ пролетаріевъ чаще всего появлялся характеръ недовольнаго и потому либеральничающаго гражданина. Недовольный либералъ первой половины пятидесятыхъ годовъ,—годовъ, слѣдовавшихъ за временемъ глубокаго сна,—имѣлъ совершенно особый характеръ. Тогдашній либералъ былъ недоволенъ всѣмъ, хотя иногда казалось, что онъ ничѣмъ не недоволенъ. Дѣло въ томъ, что онъ своимъ образомъ жизни ничѣмъ не отличался отъ самыхъ крайнихъ ретроградовъ и не смущалъ ихъ какими-нибудь противными помѣщичьимъ, чиновническимъ и вообще свѣтскимъ традиціямъ выходками. Кромѣ того, онъ былъ крайне сдержанъ даже въ рѣчахъ и совершенно чуждъ той экспансивности, которою отличались либералы конца пятидесятыхъ годовъ. Онъ больше хмурился, чѣмъ жаловался; онъ чаще говорилъ съ насмѣшливымъ пожиманіемъ плечами, съ горькою улыбочкой: «помилуйте, у насъ все такъ отлично идетъ!» чѣмъ рѣшался обличить не только квартальнаго надзирателя, но просто какого-нибудь будочника. Патріоты и ретограды недаромъ говорили про него, что онъ просто сердитъ на дождь и на свое дурное пищевареніе. Нѣкоторые шутники изъ нихъ

деревянная нога, его сизо-красный носъ сдѣлались чѣмъ-то роднымъ для всѣхъ окрестныхъ жителей, знавшихъ, что подъ этими ветхими доспѣхами хранится неизсякаемый источникъ военной премудрости и ораторскаго краснорѣчія. Даже Марья Дмитріевна,—скромная Марья Дмитріевна озарилась лучами славы своего жильца и сдѣлалась извѣстной подъ именемъ «хозяюшки капитана». Почти незнакомые ей люди раскланивались съ нею и справлялись о здоровьѣ капитана.

Война, какъ мы уже сказали, сильно возбудила толки и въ средѣ кадетъ: эти толки еще болѣе усилились при началѣ учебнаго года. Они уже происходили не между одними кадетами; въ нихъ принимали участіе и дежурные офицеры, и учителя. Общественныя событія, волновавшія въ равной степени всѣ слои общества, начиная съ какихъ-нибудь клубистовъ изъ мелочной лавочки Трофимова и кончая важными членами гиреевскихъ и бѣлокопытовскихъ салоновъ, засѣвшими за щипанье корпіи и изготовленіе бинтовъ,—эти общественныя событія послужили какъ къ сближенію разныхъ сословій, такъ и къ сближенію отдѣльныхъ личностей, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Если штабсъ-капитанъ снизошелъ до мелочной лавочки, то не было ничего удивительнаго, что какой-нибудь батальонный командиръ Фитилькинъ снисходилъ до кружковъ выпускныхъ кадетъ и, трепля по плечу какого-нибудь браваго юношу, густымъ басомъ говорилъ:

— Готовься, готовься, братъ, къ бранному полю!

Прежнія натянутыя и угловатыя отношенія между кадетами и начальствомъ стали быстро получать интимный характеръ, обыкновенно царствующій между членами одной семьи. Въ обращеніи офицеровъ съ выпускными кадетами было даже что-то заискивающее, что-то слишкомъ снисходительное. Такъ обыкновенно относятся старшіе члены семьи къ послѣднимъ проказамъ юноши, идущаго въ трудный походъ, готовящагося къ мучительной разлукѣ съ роднымъ гнѣздомъ, обреченнаго, быть-можетъ, на смерть. Такъ относятся тюремщики къ арестантамъ, наканунѣ ихъ казни. Учителя тоже стали снисходительнѣе къ старшимъ воспитанникамъ, а учитель артиллеріи, ставя однажды *семь* ничего не знающему ученику, шутливо замѣтилъ:

— Ну, ужъ такъ и быть, семерку вамъ поставлю. Лѣтомъ подъ свистъ ядеръ поймете все, чего изъ лекцій не поняли.

Въ средѣ самихъ учителей уже начали въ это время болѣе рѣзко выступать впередъ не совсѣмъ безцвѣтныя, не

совсѣмъ безсловесныя личности. Событія дня, вызвавшія толки объ общественныхъ вопросахъ, показали каждому, что у него есть какіе-то другіе интересы, кромѣ его семейныхъ именинныхъ пироговъ и жениныхъ объятій, кромѣ входящихъ и исходящихъ бумагъ, кромѣ разъ навсегда установленныхъ формъ и программъ, кромѣ отбыванія службы и сведенія итоговъ въ его приходо-расходныхъ книгахъ. Подъ вліяніемъ событій началъ вырисовываться, если можно такъ выразиться, гражданскій характеръ отдѣльныхъ личностей: одинъ говорилъ, что мы всѣ шапками закидаемъ, — это былъ гражданинъ-патріотъ; другой толковалъ, что мы во всемъ отстали отъ Европы, — это былъ гражданинъ-западникъ; третій многословно толковалъ, что русскій народъ великъ смиреніемъ и глубокою вѣрою, которая поможетъ ему одержать верхъ надъ гнилымъ Западомъ и даже въ тяжелую годину испытанія не дойти до того растлѣнія нравовъ, до котораго дошелъ Западъ, — это былъ гражданинъ-славянофилъ. Всѣ эти черты гражданскаго характера уже начинали все ярче и ярче обрисовываться среди толковъ объ общественныхъ событіяхъ, хотя еще и не могли достаточно рѣзко отразиться въ литературѣ. Но среди разныхъ гражданскихъ характеровъ всѣхъ этихъ помѣщиковъ, чиновниковъ и образованныхъ пролетаріевъ чаще всего появлялся характеръ недовольнаго и потому либеральничающаго гражданина. Недовольный либералъ первой половины пятидесятыхъ годовъ,—годовъ, слѣдовавшихъ за временемъ глубокаго сна,—имѣлъ совершенно особый характеръ. Тогдашній либералъ былъ недоволенъ всѣмъ, хотя иногда казалось, что онъ ничѣмъ не недоволенъ. Дѣло въ томъ, что онъ своимъ образомъ жизни ничѣмъ не отличался отъ самыхъ крайнихъ ретроградовъ и не смущалъ ихъ какими-нибудь противными помѣщичьимъ, чиновническимъ и вообще свѣтскимъ традиціямъ выходками. Кромѣ того, онъ былъ крайне сдержанъ даже въ рѣчахъ и совершенно чуждъ той экспансивности, которою отличались либералы конца пятидесятыхъ годовъ. Онъ больше хмурился, чѣмъ жаловался; онъ чаще говорилъ съ насмѣшливымъ пожиманіемъ плечами, съ горькою улыбочкой: «помилуйте, у насъ все такъ отлично идетъ!» чѣмъ рѣшался обличить не только квартальнаго надзирателя, но просто какого-нибудь будочника. Патріоты и ретограды недаромъ говорили про него, что онъ просто сердитъ на дождь и на свое дурное пищевареніе. Нѣкоторые шутники изъ нихъ

деревянная нога, его сизо-красный носъ сдѣлались чѣмъ-то роднымъ для всѣхъ окрестныхъ жителей, знавшихъ, что подъ этими ветхими доспѣхами хранится неизсякаемый источникъ военной премудрости и ораторскаго краснорѣчія. Даже Марья Дмитріевна,—скромная Марья Дмитріевна озарилась лучами славы своего жильца и сдѣлалась извѣстной подъ именемъ «хозяюшки капитана». Почти незнакомые ей люди раскланивались съ нею и справлялись о здоровьѣ капитана.

Война, какъ мы уже сказали, сильно возбудила толки и въ средѣ кадетъ: эти толки еще болѣе усилились при началѣ учебнаго года. Они уже происходили не между одними кадетами; въ нихъ принимали участіе и дежурные офицеры, и учителя. Общественныя событія, волновавшія въ равной степени всѣ слои общества, начиная съ какихъ-нибудь клубистовъ изъ мелочной лавочки Трофимова и кончая важными членами гиреевскихъ и бѣлокопытовскихъ салоновъ, засѣвшими за щипанье корпіи и изготовленіе бинтовъ,—эти общественныя событія послужили какъ къ сближенію разныхъ сословій, такъ и къ сближенію отдѣльныхъ личностей, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Если штабсъ-капитанъ снизошелъ до мелочной лавочки, то не было ничего удивительнаго, что какой-нибудь батальонный командиръ Фитилькинъ снисходилъ до кружковъ выпускныхъ кадетъ и, трепля по плечу какого-нибудь браваго юношу, густымъ басомъ говорилъ:

— Готовься, готовься, братъ, къ бранному полю!

Прежнія натянутыя и угловатыя отношенія между кадетами и начальствомъ стали быстро получать интимный характеръ, обыкновенно царствующій между членами одной семьи. Въ обращеніи офицеровъ съ выпускными кадетами было даже что-то заискивающее, что-то слишкомъ снисходительное. Такъ обыкновенно относятся старшіе члены семьи къ послѣднимъ проказамъ юноши, идущаго въ трудный походъ, готовящагося къ мучительной разлукѣ съ роднымъ гнѣздомъ, обреченнаго, быть-можетъ, на смерть. Такъ относятся тюремщики къ арестантамъ, наканунѣ ихъ казни. Учителя тоже стали снисходительнѣе къ старшимъ воспитанникамъ, а учитель артиллеріи, ставя однажды *семь* ничего не знающему ученику, шутливо замѣтилъ:

— Ну, ужъ такъ и быть, семерку вамъ поставлю. Лѣтомъ подъ свистъ ядеръ поймете все, чего изъ лекцій не поняли.

Въ средѣ самихъ учителей уже начали въ это время болѣе рѣзко выступать впередъ не совсѣмъ безцвѣтныя, не

совсѣмъ безсловесныя личности. Событія дня, вызвавшія толки объ общественныхъ вопросахъ, показали каждому, что у него есть какіе-то другіе интересы, кромѣ его семейныхъ именинныхъ пироговъ и жениныхъ объятій, кромѣ входящихъ и исходящихъ бумагъ, кромѣ разъ навсегда установленныхъ формъ и программъ, кромѣ отбыванія службы и сведенія итоговъ въ его приходо-расходныхъ книгахъ. Подъ вліяніемъ событій началъ вырисовываться, если можно такъ выразиться, гражданскій характеръ отдѣльныхъ личностей: одинъ говорилъ, что мы всѣ шапками закидаемъ, — это былъ гражданинъ-патріотъ; другой толковалъ, что мы во всемъ отстали отъ Европы, — это былъ гражданинъ-западникъ; третій многословно толковалъ, что русскій народъ великъ смиреніемъ и глубокою вѣрою, которая поможетъ ему одержать верхъ надъ гнилымъ Западомъ и даже въ тяжелую годину испытанія не дойти до того растлѣнія нравовъ, до котораго дошелъ Западъ, — это былъ гражданинъ-славянофилъ. Всѣ эти черты гражданскаго характера уже начинали все ярче и ярче обрисовываться среди толковъ объ общественныхъ событіяхъ, хотя еще и не могли достаточно рѣзко отразиться въ литературѣ. Но среди разныхъ гражданскихъ характеровъ всѣхъ этихъ помѣщиковъ, чиновниковъ и образованныхъ пролетаріевъ чаще всего появлялся характеръ недовольнаго и потому либеральничающаго гражданина. Недовольный либералъ первой половины пятидесятыхъ годовъ,—годовъ, слѣдовавшихъ за временемъ глубокаго сна,—имѣлъ совершенно особый характеръ. Тогдашній либералъ былъ недоволенъ всѣмъ, хотя иногда казалось, что онъ ничѣмъ не недоволенъ. Дѣло въ томъ, что онъ своимъ образомъ жизни ничѣмъ не отличался отъ самыхъ крайнихъ ретроградовъ и не смущалъ ихъ какими-нибудь противными помѣщичьимъ, чиновническимъ и вообще свѣтскимъ традиціямъ выходками. Кромѣ того, онъ былъ крайне сдержанъ даже въ рѣчахъ и совершенно чуждъ той экспансивности, которою отличались либералы конца пятидесятыхъ годовъ. Онъ больше хмурился, чѣмъ жаловался; онъ чаще говорилъ съ насмѣшливымъ пожиманіемъ плечами, съ горькою улыбочкой: «помилуйте, у насъ все такъ отлично идетъ!» чѣмъ рѣшался обличить не только квартальнаго надзирателя, но просто какого-нибудь будочника. Патріоты и ретограды недаромъ говорили про него, что онъ просто сердитъ на дождь и на свое дурное пищевареніе. Нѣкоторые шутники изъ нихъ

даже говорили, что стоитъ одного изъ подобныхъ либераловъ переселить изъ дождливаго и способствующаго желудочнымъ катарамъ Петербурга въ какое-нибудь другое, болѣе благорастворенное мѣсто, и онъ тотчасъ же превратится въ гражданина-маниловца, т. е. полюбить болѣе всего супружескія наслажденія, халатъ, надѣтый на нижнее бѣлье, сельскую идиллію съ тысячью душъ оброчныхъ крестьянъ и, pour la bonne bouche, послѣ сладкаго сна, подъ разнѣживающими лучами солнца, вдали отъ взоровъ супруги, гдѣ-нибудь въ кустахъ на берегу родной рѣчонки, легкія шалости съ молоденькими крѣпостными пейзанками. Мы думаемъ, что ретрограды и патріоты были правы только отчасти, что характеръ либерала былъ болѣе прочнаго закала, что недовольство его было не такъ безпредметно, что Петербургъ если былъ причиною этого недовольства, то никакъ не вслѣдствіе одного климата. Подобные либералы стали встрѣчаться и между корпусными учителями. Въ числѣ ихъ особенно выдавались учитель математики Левашовъ и учитель химіи Мѣдниковъ. Первый изъ нихъ, дюжій артиллеристъ съ рыжими большими усами, съ здоровымъ голосомъ, съ размашистыми манерами, былъ знатокомъ физико-математическихъ наукъ и владѣлъ обширнымъ запасомъ знаній по самымъ разнообразнымъ предметамъ. При первомъ взглядѣ на него въ немъ можно было узнать барина въ полномъ смыслѣ этого слова; его развязность и ловкость говорили объ его привычкѣ вращаться въ дамскомъ кругу; его разговоръ блестѣлъ остроуміемъ, напоминавшимъ остроуміе салонныхъ ораторовъ; онъ пересыпалъ свою рѣчь ссылками на различныхъ писателей, и эти ссылки обличали, что онъ знакомъ такъ же хорошо съ романами Дюма, какъ съ произведеніями Декарта, съ повѣстями Бокаччіо, какъ съ твореніями Лейбница. Онъ былъ страстнымъ поклонникомъ энциклопедистовъ и преклонялся передъ женщинами, приписывая имъ громадную долю вліянія на историческія событія. Иногда, слушая его, можно было подумать, что онъ не пропустилъ ни одной среды, не пообѣдавъ у сдержанной и холодной эгоистки мадамъ Жофренъ, что онъ ежедневно заходилъ между пятью и девятью часами къ небогатой, но радушной мадемуазель Леспинасъ, чтобы отдохнуть отъ всякихъ стѣсненій въ домашнемъ кругу энциклопедистовъ, что онъ познакомился съ мадамъ Роланъ еще тогда, когда она, вполнѣ неизвѣстная, съ оружіемъ въ рукѣ, шла 30-го мая 1790 года съ толпою ліон-

цевъ въ храму Согласія, и потомъ не разлучался съ нею вплоть до той минуты, когда покрытая славой повелительница Жиронды стояла въ бѣлой одеждѣ, съ распущенными черными волосами, на подмосткахъ эшафота и говорила своему спутнику, Ламаршу: «идите первымъ, у васъ не хватитъ духа видѣть мою казнь». Преподавая геометрію, Левашовъ разсыпалъ цѣлый рядъ бѣглыхъ замѣчаній о жизни и идеяхъ Эвклида, Пиѳагора, Платона, Кеплера, Декарта, Паскаля, Ньютона, Лейбница, Лагранжа, Монжа и тому подобныхъ личностей. Эти замѣчанія дѣлались à propos, повидимому, небрежно, но они не могли не заронить въ головы молодежи массы нѣкоторыхъ свѣдѣній, которыхъ эта молодежь не могла почерпнуть въ сухихъ лекціяхъ исторіи.

— Говоря о начертательной геометріи, мы не можемъ не отдать должной справедливости Монжу,—говорилъ своимъ шумнымъ голосомъ Левашовъ.—Вы, вѣроятно, не слыхали еще этого имени на цѣломудренныхъ лекціяхъ исторіи. Монжъ былъ сынъ бѣднаго купца и воспитывался въ ліонской коллегіи. На девятнадцатомъ году онъ уже былъ профессоромъ математики и потомъ физики. Это было въ то время, когда во Франціи душили всякую мысль, когда даже ученые трактаты сжигались рукою палача. Люди, преданные знанію, стремящіеся къ истинѣ, не выносятъ подобнаго гнета. Конечно, силою можно заставить Галилея стоять два дня на колѣняхъ въ застѣнкахъ инквизиціи, но нельзя заставить его отречься отъ той истины, за которую онъ стоитъ. Монжъ не выдержалъ гнета и присталъ, какъ большинство его собратьевъ по развитію, къ революціонной партіи. Съ 10-го августа 1790 года онъ уже былъ морскимъ министромъ и подписалъ смертный приговоръ старому порядку...

Такимъ образомъ, лекціи математики были иллюстрированы историческими эскизами, и иллюстраціи занимали юношей гораздо болѣе, чѣмъ самый текстъ.

Точно то же случилось съ лекціями Мѣдникова. Мѣдниковъ былъ угрюмый, черноволосый, нѣсколько желчный господинъ. Про него сложились въ корпусѣ цѣлыя легенды. Одни разсказывали, что онъ былъ до того разсѣянъ, что однажды ошибся этажомъ, вошелъ въ чужую квартиру, снялъ сюртукъ и жилетъ и сталъ кричать, что ему не подаютъ обѣдать. Другіе выдавали за достовѣрный фактъ, что онъ дѣлаетъ опыты вліянія кислотъ на человѣческую

даже говорили, что стоитъ одного изъ подобныхъ либераловъ переселить изъ дождливаго и способствующаго желудочнымъ катарамъ Петербурга въ какое-нибудь другое, болѣе благорастворенное мѣсто, и онъ тотчасъ же превратится въ гражданина-маниловца, т. е. полюбитъ болѣе всего супружескія наслажденія, халатъ, надѣтый на нижнее бѣлье, сельскую идиллію съ тысячью душъ оброчныхъ крестьянъ и, pour la bonne bouche, послѣ сладкаго сна, подъ разнѣживающими лучами солнца, вдали отъ взоровъ супруги, гдѣ-нибудь въ кустахъ на берегу родной рѣчонки, легкія шалости съ молоденькими крѣпостными пейзанками. Мы думаемъ, что ретограды и патріоты были правы только отчасти, что характеръ либерала былъ болѣе прочнаго закала, что недовольство его было не такъ безпредметно, что Петербургъ если былъ причиною этого недовольства, то никакъ не вслѣдствіе одного климата. Подобные либералы стали встрѣчаться и между корпусными учителями. Въ числѣ ихъ особенно выдавались учитель математики Левашовъ и учитель химіи Мѣдниковъ. Первый изъ нихъ, дюжій артиллеристъ съ рыжими большими усами, съ здоровымъ голосомъ, съ размашистыми манерами, былъ знатокомъ физико-математическихъ наукъ и владѣлъ обширнымъ запасомъ знаній по самымъ разнообразнымъ предметамъ. При первомъ взглядѣ на него въ немъ можно было узнать барина въ полномъ смыслѣ этого слова; его развязность и ловкость говорили объ его привычкѣ вращаться въ дамскомъ кругу; его разговоръ блестѣлъ остроуміемъ, напоминавшимъ остроуміе салонныхъ ораторовъ; онъ пересыпалъ свою рѣчь ссылками на различныхъ писателей, и эти ссылки обличали, что онъ знакомъ такъ же хорошо съ романами Дюма, какъ съ произведеніями Декарта, съ повѣстями Бокаччіо, какъ съ твореніями Лейбница. Онъ былъ страстнымъ поклонникомъ энциклопедистовъ и преклонялся передъ женщинами, приписывая имъ громадную долю вліянія на историческія событія. Иногда, слушая его, можно было подумать, что онъ не пропустилъ ни одной среды, не пообѣдавъ у сдержанной и холодной эгоистки мадамъ Жофренъ, что онъ ежедневно заходилъ между пятью и девятью часами къ небогатой, но радушной мадемуазель Леспинасъ, чтобы отдохнуть отъ всякихъ стѣсненій въ домашнемъ кругу энциклопедистовъ, что онъ познакомился съ мадамъ Роланъ еще тогда, когда она, вполнѣ неизвѣстная, съ оружіемъ въ рукѣ, шла 30-го мая 1790 года съ толпою ліон-

цевъ въ храму Согласія, и потомъ не разлучался съ нею вплоть до той минуты, когда покрытая славой повелительница Жиронды стояла въ бѣлой одеждѣ, съ распущенными черными волосами, на подмосткахъ эшафота и говорила своему спутнику, Ламаршу: «идите первымъ, у васъ не хватитъ духа видѣть мою казнь». Преподавая геометрію, Левашовъ разсыпалъ цѣлый рядъ бѣглыхъ замѣчаній о жизни и идеяхъ Эвклида, Пиѳагора, Платона, Кеплера, Декарта, Паскаля, Ньютона, Лейбница, Лагранжа, Монжа и тому подобныхъ личностей. Эти замѣчанія дѣлались à propos, повидимому, небрежно, но они не могли не заронить въ головы молодежи массы нѣкоторыхъ свѣдѣній, которыхъ эта молодежь не могла почерпнуть въ сухихъ лекціяхъ исторіи.

— Говоря о начертательной геометріи, мы не можемъ не отдать должной справедливости Монжу,—говорилъ своимъ шумнымъ голосомъ Левашовъ.—Вы, вѣроятно, не слыхали еще этого имени на цѣломудренныхъ лекціяхъ исторіи. Монжъ былъ сынъ бѣднаго купца и воспитывался въ ліонской коллегіи. На девятнадцатомъ году онъ уже былъ профессоромъ математики и потомъ физики. Это было въ то время, когда во Франціи душили всякую мысль, когда даже ученые трактаты сжигались рукою палача. Люди, преданные знанію, стремящіеся къ истинѣ, не выносятъ подобнаго гнета. Конечно, силою можно заставить Галилея стоять два дня на колѣняхъ въ застѣнкахъ инквизиціи, но нельзя заставить его отречься отъ той истины, за которую онъ стоитъ. Монжъ не выдержалъ гнета и присталъ, какъ большинство его собратьевъ по развитію, къ революціонной партіи. Съ 10-го августа 1790 года онъ уже былъ морскимъ министромъ и подписалъ смертный приговоръ старому порядку...

Такимъ образомъ, лекціи математики были иллюстрированы историческими эскизами, и иллюстраціи занимали юношей гораздо болѣе, чѣмъ самый текстъ.

Точно то же случилось съ лекціями Мѣдникова. Мѣдниковъ былъ угрюмый, черноволосый, нѣсколько желчный господинъ. Про него сложились въ корпусѣ цѣлыя легенды. Одни разсказывали, что онъ былъ до того разсѣянъ, что однажды ошибся этажомъ, вошелъ въ чужую квартиру, снялъ сюртукъ и жилетъ и сталъ кричать, что ему не подаютъ обѣдать. Другіе выдавали за достовѣрный фактъ, что онъ дѣлаетъ опыты вліянія кислотъ на человѣческую

на рукахъ своего стараго слуги, равнодушно выносящаго эти пытки. Третьи утверждали, что Мѣдниковъ любитъ выпить въ компаніи, но, не имѣя знакомыхъ, пьетъ обыкновенно въ компаніи того же стараго слуги и дворика. Появиться на урокъ съ нечесанной головой, въ вымачканномъ платьѣ, забыть дома носовой платокъ или галстукъ, — все это было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ для Мѣдникова. На его лицѣ рѣдко появлялась улыбка. Говорилъ онъ грубо; рѣзко обрывалъ каждаго, кто плохо отвѣчалъ урокъ. Но баллы ставилъ онъ хорошіе — не ставилъ ниже 7, хотя рѣдко ставилъ 12. Лекціи онъ читалъ въ лабораторіи своимъ сиповатымъ, отрывистымъ тономъ и постоянно хмурился, когда вокругъ него раздавались взрывы хохота. А между тѣмъ удерживаться отъ смѣха не всегда было возможно. Дѣло въ томъ, что объясненія Мѣдникова постоянно сопровождались самыми курьезными сравненіями и примѣрами.

— Мы постоянно выдѣляемъ угольную кислоту, — отрывисто говорилъ Мѣдниковъ, сильно напирая на букву о. — Это воздухъ портитъ. Вентиляторы нужно устраивать для того, чтобы это наше произведеніе насъ же самихъ не убило. Ну, гдѣ экономовъ нѣтъ, тамъ вентиляторы и устроены.

Въ лабораторіи раздавался смѣхъ, а Мѣдниковъ хладнокровно продолжалъ лекцію.

— Азотъ необходимъ для питанія, и потому слѣдуетъ ѣсть свѣжее мясо, — замѣчалъ онъ въ другой разъ. — Протухлое тоже пользу приноситъ, только не тѣмъ, кто его ѣстъ, а тѣмъ, кому поручено его закупать.

Подобнымъ намекамъ не было конца. Къ Мѣдникову и Левашову присоединилась еще третья личность — учитель русской словесности Старцевъ. Жиденькій, заботливо выбритый, гладко причесанный, плотно обтянутый въ форменный вицъ-мундирчикъ съ болтающимися фалдочками, вѣчно улыбающійся не то сладкою, не то ехидною улыбкой, Старцевъ составлялъ рѣзкую противоположность с размашистымъ колоссомъ Левашовымъ и съ косматымъ медвѣдемъ Мѣдниковымъ. Но, несмотря на противополо ность личныхъ характеровъ, эти люди были братья своему гражданскому характеру и потому сблизились мез собою: рыбакъ рыбака видитъ въ плесѣ издалека. Всѣ были недовольные, всѣ они съ ироніею относились къ ществовавшему порядку дѣлъ, всѣ они были безукориз но-честные люди; зная все это, нисколько не удивил

встрѣтивъ эти три совершенно различныя физіономіи снятыми на одномъ портретѣ въ кружкѣ кадетъ. Эта группа, изъ которой были исключены всѣ остальные учителя и начальство, долженствовала имѣть значеніе протеста. Подобные протесты были въ духѣ либерализма того времени. Кадеты любили этихъ трехъ человѣкъ. Ихъ либерализмъ теперь, быть-можетъ, покажется или смѣшнымъ, или жалкимъ, такъ какъ онъ ограничивался одними ѣдкими насмѣшками, колкими замѣчаніями, прозрачными анекдотами, тонкими намеками и не давалъ слушателямъ ничего, кромѣ какихъ-то кончиковъ и хвостиковъ тѣхъ идей, которыя считались въ то время идеями не для публики. Юношамъ было трудно составить себѣ какое-нибудь цѣльное понятіе объ этихъ идеяхъ изъ этого фейерверка фразъ; имъ было трудно найти прямой путь къ истинѣ среди этихъ зигзаговъ и путаницы отрывочныхъ указаній. Но этотъ либерализмъ, все-таки, задѣлъ юношество за живое и, какъ струя свѣжаго воздуха, сильнѣе взволновалъ молодую кровь, — какъ сильна была потребность свѣжаго воздуха, видно было уже изъ того, что юношество сильно обрадовалось и этой слабой струйкѣ. Старцевъ, конечно, долженъ былъ играть первую роль. Юноши, очень мало интересовавшіеся до той поры литературою, теперь взялись за газеты и за разные воинственные стишки, появлявшіеся въ отдѣльныхъ книжечкахъ или на отдѣльныхъ листикахъ. Отъ чтенія газетъ молодежь очень скоро перешла къ чтенію журналовъ и книжки «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», очень рѣдко появлявшіяся здѣсь, быстро смѣнили книжки «Журнала для военно-учебныхъ заведеній». Въ этихъ книгахъ, конечно, перечитывалось все, что даже не имѣло ничего общаго съ военными извѣстіями. Юношество, знавшее до сихъ поръ по лекціямъ русской словесности русскихъ писателей только до Пушкина, читавшее и списывавшее преимущественно непечатныя произведенія Пушкина, Лермонтова, Полежаева и Баркова, теперь знакомилось съ именами Тургенева, Авдѣева, Л. Толстого, Григоровича, Писемскаго и другихъ дѣятелей послѣ гоголевскаго періода русской литературы. Одно какое-нибудь изъ произведеній этихъ писателей заставляло молодежь обращаться къ учителю русской словесности съ вопросами, не написалъ ли тотъ или другой полюбившійся ей писатель и еще чего-нибудь, и она иногда не безъ удивленія узнавала, что заинтересовавшій ее писатель успѣлъ

уже написать многіе томы и завоевалъ себѣ видное мѣсто въ литературѣ. Мало-по-малу, лекціи русской словесности приняли новый характеръ. Учитель задавалъ и спрашивалъ уроки о Державинѣ и Фонвизинѣ, а толковалъ о «Запискахъ охотника» и «Обыкновенной исторіи».

Еще недавно этотъ господинъ, уже съ годъ преподававшій въ корпусѣ, слылъ за «насмѣшника» и не очень нравился кадетамъ своею язвительною улыбочкой, своими шуточками надъ юными воинами, своими замѣчаніями о томъ, что они только рапортуютъ уроки, не заботясь о смыслѣ того, что учатъ. Еще недавно у Владиміра Ивановича Старцева было только два-три любимчика, которые брали у него тайкомъ книги для прочтенія, — теперь же онъ не могъ удовлетворить всѣхъ требованій и долженъ былъ замѣчать юношамъ, чтобы они осторожнѣе читали, такъ какъ постороннія книги могутъ помѣшать серьезнымъ занятіямъ. Говоря это, онъ улыбался своею двусмысленною усмѣшкой и—удивительное дѣло! — теперь эта усмѣшка сдѣлалась особенно по душѣ нѣкоторымъ ученикамъ. Они уже видѣли въ ней особенный смыслъ.

— Какъ же это вы не приготовились,—замѣчалъ онъ въ классѣ кому-нибудь изъ воспитанниковъ, усмѣхаясь своими тонкими губами.—Произведенія такого великаго поэта, какъ Державинъ, слѣдуетъ изучать. У васъ все, я думаю, повѣстушки разныя на умѣ, а вы лучше вникнете въ смыслъ оды на возвращеніе полковъ гвардіи:

Безсмертной, громкой чада славы,
Которы за Россію кровь
Толь храбро лили у Полтавы,
Какъ и подъ Кульмомъ нынѣ вновь!
Такъ! вамъ, герои хвалъ достойны,
Петра и Александра войны,
Побѣдна рать царя,
Ура! ура! ура!

— Или вотъ проникнитесь чувствами, выраженными въ одѣ на коварство французскаго возмущенія и въ честь князя Пожарскаго:

Доколь владычество и славу,
Коварство, будешь присвоять:
Вѣсы, кадило, мечъ, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?
. . . . . .
Для властолюбія, богатства,
Для пагубныхъ своихъ страстей,
Не разъ, преодолѣвъ препятства.

Достигло цѣли ты своей;
Не разъ ты честность очернило,
Не разъ ты святость порицало
И высило чрезъ нихъ свой рогъ.
. . . . . .

Правда, языкъ немного устарѣлъ, но мысли новы и свѣжи. Теперь въ этомъ духѣ тоже пишутся отличные стишки.

Старцевъ цитировалъ стихотворенія, написанныя по поводу войны, сохраняя невозмутимо спокойный видъ и все ту же мягкую вкрадчивую улыбочку. Впечатлѣніе выходило странное: юноши, подобно Ивану Прохорову, увлекавшіеся войной и военными одами, хмурились, а союзники Александра Прохорова разражались неудержимымъ хохотомъ.

— А вѣдь, знаете ли, кто написалъ эти стишки?—спросилъ однажды Старцевъ, прочитавъ одно стихотвореніе, оканчивавшееся припѣвомъ: ура, ура, ура! — Одна институтка. Вотъ такую жену заполучить невыгодно! Загоняетъ, спартанка!

Дальше этихъ шуточекъ Старцевъ не шелъ. Прямо и рѣзко онъ ничего не высказывалъ и только двусмысленно подсмѣивался надъ чѣмъ-то. Юноши начали прозрѣвать въ этомъ кое-что серьезное и называли Старцева «человѣкомъ себѣ на умѣ», «ехиднымъ», «продувнымъ». Каждому его намеку придавалось особенное, иногда преувеличенное значеніе и надъ этими намеками долго ломались молодыя головы, какъ надъ разрѣшеніемъ трудныхъ задачъ. Даже то, что прежде выставлялось, какъ недостатокъ учителя, теперь было признано за достоинство. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, кадеты, видя, какъ Старцевъ мягко улыбается и низко раскланивается съ начальствомъ, говорили: «Ишь, штафирка сейчасъ и хвостъ поджалъ». Теперь же товарищи въ этихъ же случаяхъ подталкивали другъ друга локтями и шептали: «гляди, гляди, нашъ-то какъ извивается! Усмѣшечка-то какая! просто бѣсъ!» А бѣсъ все продолжалъ шутить.

— Вы, господа, о постороннемъ-то не толкуйте,—говорилъ онъ сладенькимъ голосомъ.—Какое вамъ дѣло до разныхъ этихъ описаній быта мужиковъ, въ избахъ которыхъ вамъ и безъ того надоѣстъ стоять съ полкомъ; какое вамъ дѣло до разсказовъ о взяточничествѣ и крючкотворствѣ людей, которые, можетъ-быть, набьютъ вамъ оскомину, рѣшая ваши тяжебныя и тому подобныя дѣла. Вы должны серьезнымъ дѣломъ заниматься, изучать классическія красоты классическихъ произведеній, вы должны вникать въ великія мысли,

уже написать многіе томы и завоевалъ себѣ видное мѣсто въ литературѣ. Мало-по-малу, лекціи русской словесности приняли новый характеръ. Учитель задавалъ и спрашивалъ уроки о Державинѣ и Фонвизинѣ, а толковалъ о «Запискахъ охотника» и «Обыкновенной исторіи».

Еще недавно этотъ господинъ, уже съ годъ преподававшій въ корпусѣ, слылъ за «насмѣшника» и не очень нравился кадетамъ своею язвительною улыбочкой, своими шуточками надъ юными воинами, своими замѣчаніями о томъ, что они только рапортуютъ уроки, не заботясь о смыслѣ того, что учатъ. Еще недавно у Владиміра Ивановича Старцева было только два-три любимчика, которые брали у него тайкомъ книги для прочтенія, — теперь же онъ не могъ удовлетворить всѣхъ требованій и долженъ былъ замѣчать юношамъ, чтобы они осторожнѣе читали, такъ какъ постороннія книги могутъ помѣшать серьезнымъ занятіямъ. Говоря это, онъ улыбался своею двусмысленною усмѣшкой и—удивительное дѣло! — теперь эта усмѣшка сдѣлалась особенно по душѣ нѣкоторымъ ученикамъ. Они уже видѣли въ ней особенный смыслъ.

— Какъ же это вы не приготовились,—замѣчалъ онъ въ классѣ кому-нибудь изъ воспитанниковъ, усмѣхаясь своими тонкими губами.—Произведенія такого великаго поэта, какъ Державинъ, слѣдуетъ изучать. У васъ все, я думаю, повѣстушки разныя на умѣ, а вы лучше вникнете въ смыслъ оды на возвращеніе полковъ гвардіи:

Безсмертной, громкой чада славы,
Которы за Россію кровь
Толь храбро лили у Полтавы,
Какъ и подъ Кульмомъ нынѣ вновь!
Такъ! вамъ, герои хвалъ достойны,
Петра и Александра войны,
Побѣдна рать царя,
Ура! ура! ура!

— Или вотъ проникнитесь чувствами, выраженными въ одѣ на коварство французскаго возмущенія и въ честь князя Пожарскаго:

Доколь владычество и славу,
Коварство, будешь присвоять:
Вѣсы, кадило, мечъ, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?
. . . . . .
Для властолюбія, богатства,
Для пагубныхъ своихъ страстей,
Не разъ, преодолѣвъ препятства.

Достигло цѣли ты своей;
Не разъ ты честность очернило,
Не разъ ты святость порицало
И высило чрезъ нихъ свой рогъ.
. . . . . .

Правда, языкъ немного устарѣлъ, но мысли новы и свѣжи. Теперь въ этомъ духѣ тоже пишутся отличные стишки.

Старцевъ цитировалъ стихотворенія, написанныя по поводу войны, сохраняя невозмутимо спокойный видъ и все ту же мягкую вкрадчивую улыбочку. Впечатлѣніе выходило странное: юноши, подобно Ивану Прохорову, увлекавшіеся войной и военными одами, хмурились, а союзники Александра Прохорова разражались неудержимымъ хохотомъ.

— А вѣдь, знаете ли, кто написалъ эти стишки?—спросилъ однажды Старцевъ, прочитавъ одно стихотвореніе, оканчивавшееся припѣвомъ: ура, ура, ура! — Одна институтка. Вотъ такую жену заполучить невыгодно! Загоняетъ, спартанка!

Дальше этихъ шуточекъ Старцевъ не шелъ. Прямо и рѣзко онъ ничего не высказывалъ и только двусмысленно подсмѣивался надъ чѣмъ-то. Юноши начали прозрѣвать въ этомъ кое-что серьезное и называли Старцева «человѣкомъ себѣ на умѣ», «ехиднымъ», «продувнымъ». Каждому его намеку придавалось особенное, иногда преувеличенное значеніе и надъ этими намеками долго ломались молодыя головы, какъ надъ разрѣшеніемъ трудныхъ задачъ. Даже то, что прежде выставлялось, какъ недостатокъ учителя, теперь было признано за достоинство. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, кадеты, видя, какъ Старцевъ мягко улыбается и низко раскланивается съ начальствомъ, говорили: «Ишь, штафирка сейчасъ и хвостъ поджалъ». Теперь же товарищи въ этихъ же случаяхъ подталкивали другъ друга локтями и шептали: «гляди, гляди, нашъ-то какъ извивается! Усмѣшечка-то какая! просто бѣсъ!» А бѣсъ все продолжалъ шутить.

— Вы, господа, о постороннемъ-то не толкуйте,—говорилъ онъ сладенькимъ голосомъ.—Какое вамъ дѣло до разныхъ этихъ описаній быта мужиковъ, въ избахъ которыхъ вамъ и безъ того надоѣстъ стоять съ полкомъ; какое вамъ дѣло до разсказовъ о взяточничествѣ и крючкотворствѣ людей, которые, можетъ-быть, набьютъ вамъ оскомину, рѣшая ваши тяжебныя и тому подобныя дѣла. Вы должны серьезнымъ дѣломъ заниматься, изучать классическія красоты классическихъ произведеній, вы должны вникать въ великія мысли,

уже написать многіе томы и завоевалъ себѣ видное мѣсто въ литературѣ. Мало-по-малу, лекціи русской словесности приняли новый характеръ. Учитель задавалъ и спрашивалъ уроки о Державинѣ и Фонвизинѣ, а толковалъ о «Запискахъ охотника» и «Обыкновенной исторіи».

Еще недавно этотъ господинъ, уже съ годъ преподававшій въ корпусѣ, слылъ за «насмѣшника» и не очень нравился кадетамъ своею язвительною улыбочкой, своими шуточками надъ юными воинами, своими замѣчаніями о томъ, что они только рапортуютъ уроки, не заботясь о смыслѣ того, что учатъ. Еще недавно у Владиміра Ивановича Старцева было только два-три любимчика, которые брали у него тайкомъ книги для прочтенія, — теперь же онъ не могъ удовлетворить всѣхъ требованій и долженъ былъ замѣчать юношамъ, чтобы они осторожнѣе читали, такъ какъ постороннія книги могутъ помѣшать серьезнымъ занятіямъ. Говоря это, онъ улыбался своею двусмысленною усмѣшкой и—удивительное дѣло! — теперь эта усмѣшка сдѣлалась особенно по душѣ нѣкоторымъ ученикамъ. Они уже видѣли въ ней особенный смыслъ.

— Какъ же это вы не приготовились,—замѣчалъ онъ въ классѣ кому-нибудь изъ воспитанниковъ, усмѣхаясь своими тонкими губами.—Произведенія такого великаго поэта, какъ Державинъ, слѣдуетъ изучать. У васъ все, я думаю, пѣвстушки разныя на умѣ, а вы лучше вникнете въ смыслъ оды на возвращеніе полковъ гвардіи:

Безсмертной, громкой чада славы,
Которы за Россію кровь
Толь храбро лили у Полтавы,
Какъ и подъ Кульмомъ нынѣ вновь!
Такъ! вамъ, герои хвалъ достойны,
Петра и Александра войны,
Побѣдна рать царя,
Ура! ура! ура!

— Или вотъ проникнитесь чувствами, выраженными въ одѣ на коварство французскаго возмущенія и въ честь князя Пожарскаго:

Доколь владычество и славу,
Коварство, будешь присвоять:
Вѣсы, кадило, мечъ, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?
. . . . . .
Для властолюбія, богатства,
Для пагубныхъ своихъ страстей,
Не разъ, преодолѣвъ препятства.

Достигло цѣли ты своей;
Не разъ ты честность очерняло,
Не разъ ты святость порицало
И высило чрезъ нихъ свой рогъ.
. . . . . .

Правда, языкъ немного устарѣлъ, но мысли новы и свѣжи. Теперь въ этомъ духѣ тоже пишутся отличные стишки.

Старцевъ цитировалъ стихотворенія, написанныя по поводу войны, сохраняя невозмутимо спокойный видъ и все ту же мягкую вкрадчивую улыбочку. Впечатлѣніе выходило странное: юноши, подобно Ивану Прохорову, увлекавшіеся войной и военными одами, хмурились, а союзники Александра Прохорова разражались неудержимымъ хохотомъ.

— А вѣдь, знаете ли, кто написалъ эти стишки?—спросилъ однажды Старцевъ, прочитавъ одно стихотвореніе, оканчивавшееся припѣвомъ: ура, ура, ура! — Одна институтка. Вотъ такую жену заполучить невыгодно! Загоняетъ, спартанка!

Дальше этихъ шуточекъ Старцевъ не шелъ. Прямо и рѣзко онъ ничего не высказывалъ и только двусмысленно подсмѣивался надъ чѣмъ-то. Юноши начали прозрѣвать въ этомъ кое-что серьезное и называли Старцева «человѣкомъ себѣ на умѣ», «ехиднымъ», «продувнымъ». Каждому его намеку придавалось особенное, иногда преувеличенное значеніе и надъ этими намеками долго ломались молодыя головы, какъ надъ разрѣшеніемъ трудныхъ задачъ. Даже то, что прежде выставлялось, какъ недостатокъ учителя, теперь было признано за достоинство. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, кадеты, видя, какъ Старцевъ мягко улыбается и низко раскланивается съ начальствомъ, говорили: «Ишь, штафирка сейчасъ и хвостъ поджалъ». Теперь же товарищи въ этихъ же случаяхъ подталкивали другъ друга локтями и шептали: «гляди, гляди, нашъ-то какъ извивается! Усмѣшечка-то какая! просто бѣсъ!» А бѣсъ все продолжалъ шутить.

— Вы, господа, о постороннемъ-то не толкуйте,—говорилъ онъ сладенькимъ голосомъ.—Какое вамъ дѣло до разныхъ этихъ описаній быта мужиковъ, въ избахъ которыхъ вамъ и безъ того надоѣстъ стоять съ полкомъ; какое вамъ дѣло до разсказовъ о взяточничествѣ и крючкотворствѣ людей, которые, можетъ-быть, набьютъ вамъ оскомину, рѣшая ваши тяжебныя и тому подобныя дѣла. Вы должны серьезнымъ дѣломъ заниматься, изучать классическія красоты классическихъ произведеній, вы должны вникать въ великія мысли,

уже написать многіе томы и завоевалъ себѣ видное мѣсто въ литературѣ. Мало-по-малу, лекціи русской словесности приняли новый характеръ. Учитель задавалъ и спрашивалъ уроки о Державинѣ и Фонвизинѣ, а толковалъ о «Запискахъ охотника» и «Обыкновенной исторіи».

Еще недавно этотъ господинъ, уже съ годъ преподававшій въ корпусѣ, слылъ за «насмѣшника» и не очень нравился кадетамъ своею язвительною улыбочкой, своими шуточками надъ юными воинами, своими замѣчаніями о томъ, что они только рапортуютъ уроки, не заботясь о смыслѣ того, что учатъ. Еще недавно у Владиміра Ивановича Старцева было только два-три любимчика, которые брали у него тайкомъ книги для прочтенія, — теперь же онъ не могъ удовлетворить всѣхъ требованій и долженъ былъ замѣчать юношамъ, чтобы они осторожнѣе читали, такъ какъ постороннія книги могутъ помѣшать серьезнымъ занятіямъ. Говоря это, онъ улыбался своею двусмысленною усмѣшкой и—удивительное дѣло! — теперь эта усмѣшка сдѣлалась особенно по душѣ нѣкоторымъ ученикамъ. Они уже видѣли въ ней особенный смыслъ.

— Какъ же это вы не приготовились,—замѣчалъ онъ въ классѣ кому-нибудь изъ воспитанниковъ, усмѣхаясь своими тонкими губами.—Произведенія такого великаго поэта, какъ Державинъ, слѣдуетъ изучать. У васъ все, я думаю, по-вѣстушки разныя на умѣ, а вы лучше вникнете въ смыслъ оды на возвращеніе полковъ гвардіи:

Безсмертной, громкой чада славы,
Которы за Россію кровь
Толь храбро лили у Полтавы,
Какъ и подъ Кульмомъ нынѣ вновь!
Такъ! вамъ, герои хвалъ достойны,
Петра и Александра войны,
Побѣдна рать царя,
Ура! ура! ура!

— Или вотъ проникнитесь чувствами, выраженными въ одѣ на коварство французскаго возмущенія и въ честь князя Пожарскаго:

Доколь владычество и славу,
Коварство, будешь присвоять:
Вѣсы, кадило, мечъ, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?
. . . . . .
Для властолюбія, богатства,
Для пагубныхъ своихъ страстей,
Не разъ, преодолѣвъ препятства.

Достигло цѣли ты своей;
Не разъ ты честность очерняло,
Не разъ ты святость порицало
И высило чрезъ нихъ свой рогъ.
. . . . . .

Правда, языкъ немного устарѣлъ, но мысли новы и свѣжи. Теперь въ этомъ духѣ тоже пишутся отличные стишки.

Старцевъ цитировалъ стихотворенія, написанныя по поводу войны, сохраняя невозмутимо спокойный видъ и все ту же мягкую вкрадчивую улыбочку. Впечатлѣніе выходило странное: юноши, подобно Ивану Прохорову, увлекавшіеся войной и военными одами, хмурились, а союзники Александра Прохорова разражались неудержимымъ хохотомъ.

— А вѣдь, знаете ли, кто написалъ эти стишки?—спросилъ однажды Старцевъ, прочитавъ одно стихотвореніе, оканчивавшееся припѣвомъ: ура, ура, ура! — Одна институтка. Вотъ такую жену заполучить невыгодно! Загоняетъ, спартанка!

Дальше этихъ шуточекъ Старцевъ не шелъ. Прямо и рѣзко онъ ничего не высказывалъ и только двусмысленно подсмѣивался надъ чѣмъ-то. Юноши начали прозрѣвать въ этомъ кое-что серьезное и называли Старцева «человѣкомъ себѣ на умѣ», «ехиднымъ», «продувнымъ». Каждому его намеку придавалось особенное, иногда преувеличенное значеніе и надъ этими намеками долго ломались молодыя головы, какъ надъ разрѣшеніемъ трудныхъ задачъ. Даже то, что прежде выставлялось, какъ недостатокъ учителя, теперь было признано за достоинство. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, кадеты, видя, какъ Старцевъ мягко улыбается и низко раскланивается съ начальствомъ, говорили: «Ишь, штафирка сейчасъ и хвостъ поджалъ». Теперь же товарищи въ этихъ же случаяхъ подталкивали другъ друга локтями и шептали: «гляди, гляди, нашъ-то какъ извивается! Усмѣшечка-то какая! просто бѣсъ!» А бѣсъ все продолжалъ шутить.

— Вы, господа, о постороннемъ-то не толкуйте,—говорилъ онъ сладенькимъ голосомъ.—Какое вамъ дѣло до разныхъ этихъ описаній быта мужиковъ, въ избахъ которыхъ вамъ и безъ того надоѣстъ стоять съ полкомъ; какое вамъ дѣло до разсказовъ о взяточничествѣ и крючкотворствѣ людей, которые, можетъ-быть, набьютъ вамъ оскомину, рѣшая ваши тяжебныя и тому подобныя дѣла. Вы должны серьезнымъ дѣломъ заниматься, изучать классическія красоты классическихъ произведеній, вы должны вникать въ великія мысли,

высказанныя въ одѣ «Богъ», въ «Посланіи къ Фелицѣ». Вотъ это для васъ важно,—безъ этого на экзаменѣ нуль получите. Конечно, въ жизни это не пригодится, ну, да жизнь въ программу русской словесности не входитъ.

Старцевъ опять говорилъ невозмутимо и серьезно, а въ головахъ юношей роились какіе-то вопросы. Александръ Прохоровъ рѣшился однажды предложить одинъ изъ такихъ вопросовъ Старцеву.

— Вы спрашиваете, отчего у насъ такъ мало пишутъ о военныхъ,—произнесъ Старцевъ, выслушавъ Прохорова.— Да вѣдь вы, батюшка, сами военнымъ будете, такъ для чего же вамъ еще писать о военныхъ?

Александръ Прохоровъ съ удивленіемъ взглянулъ на учителя; его нѣсколько коробила манера Старцева отвѣчать на вопросы намеками.

— Вѣдь вотъ разскажи вамъ впередъ, что въ театрѣ будутъ играть,—продолжалъ съ улыбочкой Старцевъ:—вы, можетъ-быть, и не пойдете въ театръ; а такъ какъ вы не знаете, что тамъ изображаютъ, то, можетъ-быть, и полюбопытствуете, пойдете и отдадите свой кровный четвертакъ, чтобы посмотрѣть пьесу.

— А, можетъ-быть, пьеса и не стоитъ четвертака?

— Можетъ-быть, можетъ-быть.

Александръ Прохоровъ нахмурился.

— Вы все загадками говорите, Владиміръ Ивановичъ!

— Не слѣдовало бы совсѣмъ говорить съ вами. Разговоры въ программу не входятъ.

Александръ Прохоровъ заинтересовался странною личностью учителя и выискалъ первый удобный случай, чтобы познакомиться съ нимъ покороче. Дома Старцевъ оказался болѣе сообщительнымъ человѣкомъ, говорилъ уже не все загадками, а прямѣе, хотя и не измѣнялъ тона и съ серьезнымъ видомъ произносилъ двусмысленныя шутки. Онъ прямо сказалъ Прохорову, что лекціи нужно учить только для экзамена, что сила русской литературы теперь не въ Державиныхъ и не въ Фонвизиныхъ, что слѣдуетъ читать и не повѣстушки, а приняться за критики Бѣлинскаго. Онъ, къ величайшему удивленію Прохорова, шутливо сказалъ, что война, можетъ-быть, кончится скверно, и что это будетъ, можетъ-быть, не скверно. Когда Прохоровъ попросилъ разъяснить эти загадочныя слова, Старцевъ спросилъ:

— До которыхъ поръ русскій мужикъ не перекрестится?

— Покуда громъ не грянетъ...

— Ну, эта война и будетъ громомъ, послѣ котораго мы перекрестимся.

Александръ Прохоровъ съ увлеченіемъ сталъ читать статьи Бѣлинскаго, но съ первыхъ же страницъ его остановило нѣсколько темныхъ для него мѣстъ. Отчасти незнакомыя слова, отчасти темныя мысли были причиною того, что чтеніе туго подвигалось впередъ. Юноша прибѣгнулъ къ помощи Старцева. Старцевъ поверхностно объяснилъ кое-что и замѣтилъ ему:

— Началó трудно; потомъ вчитаетесь.

Прохоровъ покорился своей участи и сталъ вчитываться. Это было не легкое дѣло, потребовавшее не мало времени. Однако, онъ не унывалъ и вѣрилъ покуда, что рекомендованное ему умнымъ учителемъ чтеніе принесетъ ему большую пользу.

Привыкнувъ дѣлиться всѣми радостями, невзгодами и надеждами съ Катериной Александровной, Александръ Прохоровъ подѣлился съ нею и книгами, взятыми у Старцева.

Въ одно изъ воскресеній онъ сталъ читать ей одну изъ статей Бѣлинскаго. Катерина Александровна слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Прошло съ полчаса. Вдругъ дѣвушка положила руку на книгу и прервала чтеца.

— Не читайте дальше, Саша. Я ровно ничего не понимаю,—промолвила она со вздохомъ.—Я совсѣмъ глупая...

Прохоровъ сконфузился отъ этого неожиданнаго признанія.

— Нѣтъ... Что вы выдумали!—заговорилъ онъ.—Это не потому, что вы... не умны... Я тоже не сразу понялъ... Мнѣ ужъ самъ Владиміръ Ивановичъ долженъ былъ объяснить... Тутъ слова непонятныя, а когда ихъ поймете, то все станетъ ясно... Это прежде, говоритъ онъ, всѣ такъ писали, когда нѣмецкая философія была въ ходу...

— Ну, вотъ вы говорите: философія. А я и не знаю, что такое философія,—смѣясь, замѣтила Катерина Александровна.

Александръ Прохоровъ смѣшался и молчалъ.

— Да вы вѣрно и сами не знаете, что такое философія?—спросила Катерина Александровна, подмѣтивъ его смущеніе.

— Не то, чтобы совсѣмъ не зналъ, а объяснить хорошо не умѣю вамъ,—отвѣтилъ Прохоровъ, растерявшись окончательно и краснѣя до ушей.

— Ну, вотъ видите ли. Гдѣ же мнѣ знать это, если и вы не знаете,—произнесла Катерина Александровна.—Нѣтъ, ужъ я лучше поучусь сперва, а эти книги потомъ читать буду.

Александръ Прохоровъ задумался.

— Это вы правду говорите,—промолвилъ онъ черезъ минуту въ раздумьи.—Намъ еще много учиться нужно... Это очень хорошія статьи, Владиміръ Ивановичъ ихъ очень хвалилъ, только...

Онъ замолчалъ, какъ будто не находя словъ для выраженія своей мысли. Его размышленія были прерваны внезапнымъ смѣхомъ Катерины Александровны.

— Что вы смѣетесь? — спросилъ изумленный Прохоровъ.

— Да мнѣ... ха-ха-ха!.. Петрушка Гоголя вспомнился... Вы не сердитесь на меня, Саша... ха-ха-ха, — смѣялась Катерина Александровна.—Вотъ мы... ха-ха-ха... мы тоже читаемъ, а не понимаемъ, что читаемъ...

Катерина Александровна заливалась задушевнымъ смѣхомъ: Александръ Прохоровъ опечалился.

— Вотъ вы смѣетесь надо мной,—съ укоромъ произнесъ онъ.—А развѣ это смѣшно, что насъ ничему не учили?

— Ай, Саша, какой вы смѣшной! Чему же вы обидѣлись? Развѣ я васъ виню?—говорила Катерина Александровна, сдерживая свой смѣхъ.—Мнѣ смѣшно на вашего Старцева, что онъ вамъ такія книги даетъ...

— Владиміръ Ивановичъ очень не глупый человѣкъ,—слабо вступился Прохоровъ за учителя.

— Такъ зачѣмъ же онъ не спросилъ, поймете ли вы то, что онъ даетъ вамъ читать!

— Онъ не виноватъ, что я не понимаю...

— Все же лучше далъ бы что-нибудь другое... А то какая польза, что вы будете съ этими книгами возиться.

Александръ Прохоровъ уныло закрылъ книгу. Онъ былъ недоволенъ чѣмъ-то: разговоръ съ Катериною Александровной только уяснилъ ему вполнѣ все то, что уже смутно бродило въ его головѣ. Дня черезъ два, снова принявшись въ свободное время за чтеніе Бѣлинскаго и опять не вполнѣ понимая статью, Прохоровъ крѣпко задумался. Онъ оставилъ книгу и долго ходилъ по корпусному коридору, усиленно размышляя о чемъ-то. На слѣдующій день онъ подошелъ къ Старцеву.

— А я, Владиміръ Ивановичъ, пришелъ къ вамъ съ просьбою. Дайте мнѣ что-нибудь другое почитать. Бѣлинскій мнѣ не подъ силу.

— Ну, такъ читайте романчики; это кушанье, знаете, для слабыхъ умственныхъ желудковъ,—усмѣхнулся Старцевъ

своею насмѣшливою улыбочкой.—Время убьете, по крайней мѣрѣ...

— Мнѣ хочется не время убить, а чѣмъ-нибудь полезнымъ заняться,—сухо отвѣтилъ Прохоровъ.

— А шагистика-то? Развѣ это не полезно?

— У васъ все шуточки, Владиміръ Ивановичъ, — промолвилъ Прохоровъ рѣзко откровеннымъ «кадетскимъ» тономъ. — Я не насчетъ шагистики прошу у васъ мнѣнія и совѣта, а насчетъ книгъ. О шагистикѣ я ужъ лучше съ тѣми буду говорить, кто это дѣло знаетъ...

— Да, это наука головоломная; не всякій тоже способенъ быть въ ней спеціалистомъ,—замѣтилъ съ улыбочкой Старцевъ.—Вотъ тоже гимнастика...

— Ну, гимнастикой-то не трудно заниматься, — грубо оборвалъ Старцева Прохоровъ:—по крайней мѣрѣ, гимнастикой языка всѣ на перебой занимаются... Вы о книгахъ-то мнѣ все еще ничего не сказали...

Старцева какъ-то передернуло, по его лицу пробѣжала на мгновеніе тѣнь неудовольствія, потомъ оно снова засіяло мягкою улыбочкой...

— Да какихъ же вамъ полезныхъ книгъ дать, если и Бѣлинскаго вы не понимаете?—промолвилъ онъ.—Его барышни-съ читаютъ.

— Ну, барышни и «сонники» читаютъ! — пробормоталъ Александръ Прохоровъ.

— Оригинальное сравненіе! — съ ироніей промолвилъ Старцевъ.

— Мнѣ бы хотѣлось,—продолжалъ Прохоровъ, не обращая вниманія на замѣчаніе Старцева: — заняться такими книгами, которыя были бы для меня понятнѣе Бѣлинскаго. Барышни, можетъ-быть, читаютъ и его сочиненія и сонники для процесса чтенія, а у меня другая цѣль... Мнѣ хотѣлось бы сначала прочитать что-нибудь хорошее по русской исторіи...

— Вотъ Устрялова знаете?—сощурилъ глаза Старцевъ.—Поучительное чтеніе! Тоже Державинъ въ своемъ родѣ.

Лицо Прохорова сдѣлалось совсѣмъ хмурымъ; онъ начиналъ терять терпѣніе.

— А по иностранной исторіи?—спросилъ онъ.

— Смарагдова почитайте... Это тоже одо-писатель.

— Все-то вы смѣетесь...

— Не плакать же мнѣ...

— А лучшихъ книгъ по исторіи нѣтъ?

— Не отпечатаны еще.

— Неужели же по исторіи такъ-таки и нѣтъ ничего хорошаго?

— Какъ не быть! Только не на русскомъ, а на нѣмецкомъ и на французскомъ языкахъ есть...

— Что же?

Старцевъ назвалъ нѣсколько историческихъ сочиненій.

— Ну, да это, батюшка, не про васъ писано, — заключилъ онъ.—Если по-русски плохо понимаете, такъ на иностранныхъ языкахъ поймете еще меньше.

— Да вы, кажется, не поняли меня,—проговорилъ Прохоровъ и усмѣхнулся такою улыбкой, которая была обиднѣе улыбочекъ Старцева.—Я не смысла данныхъ мнѣ вами книгъ не понимаю, до него я заставилъ бы себя добраться, я цѣли этого чтенія не понимаю.

Старцевъ взглянулъ на Прохорова не то съ презрѣніемъ, не то съ неудовольствіемъ и отошелъ прочь.

— А изъ Прохорова славный бурбонъ выйдетъ,—прогоговорилъ онъ, заговоривъ съ кѣмъ-то изъ воспитанниковъ.— Тупъ, угловатъ и нахаленъ,—далеко пойдетъ!

Прохоровъ, между тѣмъ, оставшись одинъ, сталъ ходить изъ угла въ уголъ по коридору. Въ его головѣ на минуту промелькнули вопросы о томъ, что за человѣкъ Старцевъ. «Э, размазня съ перцемъ!»—почти вслухъ проговорилъ Прохоровъ и быстро перешелъ къ размышленіямъ о томъ, какъ подготовиться къ серьезному чтенію, за какія книги приняться и на чемъ сосредоточиться. Ему казалось, что для него нужнѣе и полезнѣе всего будетъ исторія, такъ какъ она можетъ дать вѣрный взглядъ на общественную жизнь народовъ и на устройство тѣхъ или другихъ государствъ. Онъ сознавалъ, что для него пропадаетъ большая часть намековъ Левашова именно потому, что онъ не знаетъ исторіи или знаетъ ее въ такомъ видѣ, который хуже незнанія. Прохоровъ проходилъ довольно долго и, наконецъ, повидимому, рѣшился избрать извѣстный путь. Дня черезъ два онъ передалъ Старцеву всѣ остававшіяся у него книги «Отечественныхъ Записокъ».

— Что же, такъ и не будете больше читать, господинъ будущій офицеръ?—спросилъ Старцевъ.

— Такъ и не буду,—лаконически отвѣтилъ Прохоровъ.

— Конечно, военному человѣку нужно о выправкѣ думать, съ тяжелою головой маршировать неудобно.

— Вы точно про чемоданъ говорите, про голову-то, —

усмѣхнулся Прохоровъ.—Я прежде думалъ, что голова тяжелѣетъ отъ пьянства, а вы вонъ говорите, что она и отъ чтенія тяжелѣетъ. Впрочемъ, вы это по опыту должны знать.

— О, да вы нынче совсѣмъ по-армейски острите!—сердитымъ тономъ, но съ улыбочкой замѣтилъ Старцевъ. — Впрочемъ, праздnаго времени много — можно или въ потолокъ плевать, или остроуміе изощрять.

— Я ни того, ни другого не могу дѣлать, — отвѣтилъ Прохоровъ.—Я вотъ занялся изученіемъ французскаго языка.

— А-а! даже не просто ученіемъ, а изученіемъ! Вѣрно, въ плѣнъ думаете попасть, чтобы даромъ путешествовать?

— Нѣтъ, французскія книги думаю читать...

— Вотъ-съ какъ!

— Жаль, что вы мнѣ прежде не посовѣтовали сдѣлать это, — замѣтилъ Прохоровъ: — а то я столько времени даромъ убилъ: читалъ критическіе отзывы и философскія разсужденія объ историческихъ явленіяхъ, а самихъ историческихъ явленій не зналъ... Это вѣдь все равно, что слѣпому лекцію о цвѣтахъ посовѣтовать слушать!

Старцевъ хмуро взглянулъ на Прохорова: съ одной стороны, ему было досадно, что этотъ нахалъ смѣетъ свое сужденіе имѣть, съ другой стороны, онъ считалъ своимъ долгомъ допускать молодежь до свободнаго выраженія ея мнѣній. Въ Старцевѣ какъ будто сидѣли два совершенно враждебныя одно другому существа: учительствующій чиновникъ и либеральничающій гражданинъ.

— Такъ вы серьезно хотите теперь заняться исторіей?— спросилъ онъ.—Я не могу дать вамъ...

— Нѣтъ,—перебилъ его съ улыбкой Прохоровъ:—я хочу теперь серьезно заняться французскимъ языкомъ, и въ этомъ случаѣ мнѣ болѣе другихъ будетъ полезенъ Адольфъ Адольфовичъ Пуаре...

— Желаю успѣха! Только *вамъ* не легко будетъ изучать исторію,—ироническимъ тономъ замѣтилъ Старцевъ, сдѣлавъ сильное удареніе на словѣ *вамъ*.

— А вы еще такъ недавно думали, что я могу основательно научиться чему-нибудь даже по критическимъ статейкамъ,—отвѣтилъ Прохоровъ, впадая въ тонъ Старцева.— Нашему брату, бурбону, дай Богъ и по прямому пути добраться къ цѣли, а ужъ не то, что по разнымъ лабиринтамъ подходить къ ней.

Старцевъ въ глубинѣ души окончательно почувствовалъ

отвращеніе къ нахальному мальчишкѣ и вслѣдствіе этого сталъ дѣлать всѣ усилія, чтобы быть съ нимъ предупредительнѣе.

— Да-съ, это новая молодежь растетъ,—говаривалъ онъ въ кругу Мѣдникова и Левашова. — Надо дать ей свободу развиться въ томъ направленіи, въ какомъ она хочетъ развиться. Посмотримъ, что будетъ!

Въ тонѣ его послѣдней фразы слышалось сомнѣніе въ томъ, что изъ этой молодежи что-нибудь выйдетъ.

— Но что бы ни вышло, — добавилъ онъ: — а насъ не упрекнутъ, что мы тормозили развитіе молодыхъ силъ или ломали его направленіе. Довольно и безъ насъ ломающаго элемента!

Въ сношеніяхъ съ Прохоровымъ онъ сталъ предупредительно вѣжливымъ, хотя въ этой вѣжливости проглядывало что-то ироническое: такъ снисходительно относятся очень сильные люди къ своимъ безсильнымъ собратьямъ, когда тѣ пробуютъ показать свою силу. Когда Прохоровъ плохо отвѣчалъ на урокахъ, Старцевъ замѣчалъ:

— Э, батюшка, какъ это вы такого пустяка не въ состояніи вызубрить и объяснить. Это вѣдь ребенокъ пойметъ! Вѣдь тутъ и дѣло-то идетъ о томъ періодѣ литературы, который можно назвать младенческимъ. Тогда не Богъ знаетъ какія премудрости проповѣдывались въ ней. Это не то, что въ наше время. Тогда были въ обращеніи двѣ-три жиденькія идейки—вотъ и все. Не особенно мудрено понять! Садитесь.

Потомъ Старцевъ ставилъ Прохорову баллъ.

— Я, впрочемъ, ставлю вамъ десять,—замѣчалъ онъ.— Мнѣ жаль повредить вамъ изъ-за такой мелочи. Только вы приналягте, постарайтесь все это понять или хоть вызубрить ко времени экзаменовъ.

Прохоровъ молча выслушивалъ всѣ эти ехидныя рѣчи и хладнокровно садился на мѣсто. Онъ смотрѣлъ на Старцева и относился къ нему теперь очень просто: разъ порѣшивъ, что Старцевъ «*размазня съ перцемъ*», Прохоровъ холодно выслушивалъ всѣ замѣчанія, всѣ шутки, всѣ намеки Владиміра Ивановича, пропуская ихъ мимо ушей, какъ шумъ какой-нибудь трещотки или флюгарки. Болѣе внимательно выслушивалъ Александръ Прохоровъ замѣчанія Мѣдникова и Левашова, но и къ нимъ онъ уже началъ относиться критически и рѣдко смѣялся надъ ихъ остротами. Эти отношенія были скоро подмѣчены кружкомъ, въ кото-

ромъ вращался Александръ Прохоровъ, и юнопши напали на своего собрата, отстаивая своихъ любимцевъ.

— Да развѣ я вамъ мѣшаю слушать ихъ балясы,—отвѣчалъ онъ.—Мнѣ только кажется, что Левашовъ сдѣлалъ бы лучше, если бы вмѣсто своихъ историческихъ анекдотовъ посвящалъ все время объясненію математики и физики; да и Мѣдникову не худо бы не тратить времени на либеральныя замѣчанія, чтобы можно было дѣлать побольше опытовъ. Это все развлекаетъ только.

— Ну, братъ, ты просто формалистъ! Хочешь только, чтобы никто изъ программы ни на шагъ не выходилъ, — кричали друзья.

— Пусть выходятъ, если это пользу принесетъ, — спокойно возражалъ Александръ Прохоровъ.—А баклуши бить во время уроковъ не приходится. Лучше ужъ немногое знать, да знать основательно, а то въ головѣ сумбуръ какой-то дѣлается: одинъ неизвѣстно за что шпильку ставитъ старому французскому правительству, другой темный намекъ дѣлаетъ на нашего эконома, третій тонко глумится надъ Державинымъ, а меня распекаетъ, что я послѣ того вяло отвѣчаю объ этомъ же Державинѣ...

— Такъ что же ему, по-твоему, слѣдуетъ хвалить Державина?—сердились друзья.

— Да пусть лучше хвалитъ. А то глумится надъ тѣмъ, что преподаетъ, да потомъ самъ же и упрекаетъ за то, что другіе не считаютъ нужнымъ тратить времени на изученіе ерунды. По-моему, только тотъ человѣкъ и хорошъ, который идетъ прямо по какой бы то ни было дорогѣ.

— Такъ, по-твоему, Фитилькинъ, пожалуй, лучше Старцева?—допрашивали друзья, говорившіе, что, по понятіямъ Фитилькина, весь міръ состоитъ изъ плацъ-парадовъ, поддерживается церемоніальными маршами и стремится къ выправкѣ носковъ.

— Да, лучше, — смѣло утверждалъ Прохоровъ. — Онъ усвоилъ извѣстныя понятія и стоитъ за нихъ, а Старцевъ— ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга.

Пренія и споры стали съ каждымъ днемъ дѣлаться все серьезнѣе и серьезнѣе. Въ этихъ спорахъ начала выясняться все сильнѣе и сильнѣе главная отличительная черта характера Александра Прохорова. Онъ не зналъ середины: онъ прямо называлъ людей или подлецами или честными, или глупыми или умными. Человѣкъ «такъ-себѣ», человѣкъ «ни то, ни се», человѣкъ «золотой середины» для него не су-

ществовалъ. Это рѣзкое разграниченіе людей на двѣ половины, бывшее слѣдствіемъ молодости, неопытности и страстнаго стремленія къ правдѣ, не могло не привести къ различнымъ столкновеніямъ и сдѣлало то, что въ сношеніяхъ съ юношею всѣми чувствовался какой-то острый уголъ, не допускавшій до тѣснаго сближенія съ этимъ человѣкомъ. Совершенно незамѣтно для самого себя Александръ Прохоровъ сталъ оставаться одинокимъ: уже давно онъ разошелся съ друзьями брата Ивана; теперь же его стали покидать и его собственные друзья. Начнутъ они спорить съ нимъ о Старцевѣ, о Мѣдниковѣ, о Левашовѣ, о статьяхъ, рекомендованныхъ Старцевымъ, и мало-по-малу станутъ расходиться, говоря спорщику: «ну, да вѣдь съ тобою не сговоришь». И самъ Александръ Прохоровъ порою сталъ уклоняться отъ своего кружка: желаніе поскорѣй изучить французскій языкъ, неохота безплодно спорить, стремленіе сосредоточиться и обсудить тѣ вопросы, которые пробуждались въ головѣ вслѣдствіе ежедневныхъ столкновеній, все это увлекало его куда-нибудь въ уединенный уголокъ.

— Ты ужъ не собираешься ли на Аѳонъ, чтобы избавиться отъ военной службы?—смѣялись надъ нимъ друзья брата Ивана, прозвавшіе Александра Прохорова сначала трусомъ, а теперь пустынникомъ.

— Какъ же, думаю!—усмѣхался Александръ Прохоровъ.— Теперь вотъ учусь панихиды служить, чтобы умѣть васъ отпѣть, когда васъ перебьютъ.

— Ну, поклонникъ офиціальныхъ программокъ и формализма, много ли интереснаго вычиталъ изъ французскаго лексикона?— спрашивали его съ пропіей его собственные недавніе друзья, прозвавшіе его «филистеромъ»,—замѣтимъ кстати, что они очень полюбили это новое, услышанное отъ Старцева, слово, котораго они совершенно не понимали.

— Да что же можетъ быть интереснаго въ лексиконѣ,— съ улыбкой замѣчалъ Александръ Прохоровъ:—тутъ такъ же, какъ и въ вашихъ спорахъ, только слова, слова и слова.

Но съ каждымъ днемъ удаляясь все болѣе и болѣе отъ своихъ товарищей, Александръ Прохоровъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ одному существу — Катеринѣ Александровнѣ. Его прямая и добродушная натура страдала въ тѣхъ непріязненныхъ и натянутыхъ отношеній, въ которыя онъ сталъ къ своимъ товарищамъ, и требовала удо-

влетворенія своихъ инстинктивныхъ стремленій. Ему хотѣлось откровенно поговорить съ кѣмъ-нибудь, ему хотѣлось услышать искреннее слово одобренія или порицанія, высказанное безъ всякой задней мысли. Братъ Иванъ, хотя и жилъ съ нимъ дружно, но расходился съ нимъ во взглядахъ, и потому между ними не могло быть полной откровенности. Отецъ, хотя и былъ другомъ своихъ сыновей, но, по привычкѣ, онъ невольно принималъ стариковскій дидактическій тонъ въ разговорахъ съ ними. Только одна Катерина Александровна соединяла въ себѣ все, чего жаждалъ Александръ Прохоровъ. Она была молода, относилась къ нему просто, чувствовала къ нему искреннюю дружбу, никогда не стѣснялась прямо высказать ему правду. Въ ея участіи было такъ много теплоты, въ ея смѣхѣ было такъ много заразительной веселости, въ ея выговорахъ было такъ много безобидной искренности, что Александръ Прохоровъ отдался всею душой своей молодой подругѣ. Ему ни разу не пришло въ голову, что онъ влюбленъ въ нее; нѣтъ, онъ относился къ ней, какъ къ другу-юношѣ, въ этой простотѣ отношеній не было ничего удивительнаго: Александръ Прохоровъ первый разъ сошелся съ дѣвушкою, сошелся въ то время, когда онь, къ своему счастію, еще не былъ зараженъ никакими грязными взглядами на женщину и еще не находился ни разу ни въ какихъ двусмысленныхъ отношеніяхъ къ ней. Онъ переживалъ пору того свѣтлаго юношескаго идеализма, когда мы беззавѣтно можемъ любить друга, безъ зависти къ его превосходству, безъ стремленія господствовать надъ нимъ, безъ поползновенія держать на случай камушекъ за пазухой, и когда мы можемъ дружиться съ дѣвушкой безъ клубничныхъ поползновеньицъ, безъ эротическихъ представленій въ своемъ воображеніи ея прелестей, безъ фривольныхъ заигрываній съ нею. Это не долгая пора въ жизни нашего юношества, да и на короткій-то срокъ она является въ жизни только избраннаго, здороваго и духомъ, и тѣломъ меньшинства.

Такою здоровою натурой былъ Александръ Прохоровъ, переживавшій теперь во всей полнотѣ поэтическую пору юности.

III.

«Мальбругъ въ походъ поѣхалъ»...

Покуда штабсъ-капитанъ и Марья Дмитріевна разрѣшали политическіе вопросы въ лавочномъ клубѣ, покуда Александръ

ществовалъ. Это рѣзкое разграниченіе людей на двѣ половины, бывшее слѣдствіемъ молодости, неопытности и страстнаго стремленія къ правдѣ, не могло не привести къ различнымъ столкновеніямъ и сдѣлало то, что въ сношеніяхъ съ юношею всѣми чувствовался какой-то острый уголъ, не допускавшій до тѣснаго сближенія съ этимъ человѣкомъ. Совершенно незамѣтно для самого себя Александръ Прохоровъ сталъ оставаться одинокимъ: уже давно онъ разошелся съ друзьями брата Ивана; теперь же его стали покидать и его собственные друзья. Начнутъ они спорить съ нимъ о Старцевѣ, о Мѣдниковѣ, о Левашовѣ, о статьяхъ, рекомендованныхъ Старцевымъ, и мало-по-малу станутъ расходиться, говоря спорщику: «ну, да вѣдь съ тобою не сговоришь». И самъ Александръ Прохоровъ порою сталъ уклоняться отъ своего кружка: желаніе поскорѣй изучить французскій языкъ, неохота безплодно спорить, стремленіе сосредоточиться и обсудить тѣ вопросы, которые пробуждались въ головѣ вслѣдствіе ежедневныхъ столкновеній, все это увлекало его куда-нибудь въ уединенный уголокъ.

— Ты ужъ не сбираешься ли на Аѳонъ, чтобы избавиться отъ военной службы?—смѣялись надъ нимъ друзья брата Ивана, прозвавшіе Александра Прохорова сначала трусомъ, а теперь пустынникомъ.

— Какъ же, думаю!—усмѣхался Александръ Прохоровъ.— Теперь вотъ учусь панихиды служить, чтобы умѣть васъ отпѣть, когда васъ перебьютъ.

— Ну, поклонникъ офиціальныхъ программокъ и формализма, много ли интереснаго вычиталъ изъ французскаго лексикона?—спрашивали его съ иронією его собственные недавніе друзья, прозвавшіе его «филистеромъ»,—замѣтимъ кстати, что они очень полюбили это новое, услышанное отъ Старцева, слово, котораго они совершенно не понимали.

— Да что же можетъ быть интереснаго въ лексиконѣ,— съ улыбкой замѣчалъ Александръ Прохоровъ:—тутъ такъ же, какъ и въ вашихъ спорахъ, только слова, слова и слова.

Но съ каждымъ днемъ удаляясь все болѣе и болѣе отъ своихъ товарищей, Александръ Прохоровъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ одному существу — Катеринѣ Александровнѣ. Его прямая и добродушная натура страдала отъ тѣхъ непріязненныхъ и натянутыхъ отношеній, въ которыя онъ сталъ къ своимъ товарищамъ, и требовала удо-

влетворенія своихъ инстинктивныхъ стремленій. Ему хотѣлось откровенно поговорить съ кѣмъ-нибудь, ему хотѣлось услышать искреннее слово одобренія или порицанія, высказанное безъ всякой задней мысли. Братъ Иванъ, хотя и жилъ съ нимъ дружно, но расходился съ нимъ во взглядахъ, и потому между ними не могло быть полной откровенности. Отецъ, хотя и былъ другомъ своихъ сыновей, но, по привычкѣ, онъ невольно принималъ стариковскій дидактическій тонъ въ разговорахъ съ ними. Только одна Катерина Александровна соединяла въ себѣ все, чего жаждалъ Александръ Прохоровъ. Она была молода, относилась къ нему просто, чувствовала къ нему искреннюю дружбу, никогда не стѣснялась прямо высказать ему правду. Въ ея участіи было такъ много теплоты, въ ея смѣхѣ было такъ много заразительной веселости, въ ея выговорахъ было такъ много безобидной искренности, что Александръ Прохоровъ отдался всею душой своей молодой подругѣ. Ему ни разу не пришло въ голову, что онъ влюбленъ въ нее; нѣтъ, онъ относился къ ней, какъ къ другу-юношѣ, въ этой простотѣ отношеній не было ничего удивительнаго: Александръ Прохоровъ первый разъ сошелся съ дѣвушкою, сошелся въ то время, когда онъ, къ своему счастію, еще не былъ зараженъ никакими грязными взглядами на женщину и еще не находился ни разу ни въ какихъ двусмысленныхъ отношеніяхъ къ ней. Онъ переживалъ пору того свѣтлаго юношескаго идеализма, когда мы беззавѣтно можемъ любить друга, безъ зависти къ его превосходству, безъ стремленія господствовать надъ нимъ, безъ поползновенія держать на случай камушекъ за пазухой, и когда мы можемъ дружиться съ дѣвушкой безъ клубничныхъ поползновеньицъ, безъ эротическихъ представленій въ своемъ воображеніи ея прелестей, безъ фривольныхъ заигрываній съ нею. Это не долгая пора въ жизни нашего юношества, да и на короткій-то срокъ она является въ жизни только избраннаго, здороваго и духомъ, и тѣломъ меньшинства.

Такою здоровою натурой былъ Александръ Прохоровъ, переживавшій теперь во всей полнотѣ поэтическую пору юности.

III.

«Мальбругъ въ походъ поѣхалъ»...

Покуда штабсъ-капитанъ и Марья Дмитріевна разрѣшали политическіе вопросы въ лавочномъ клубѣ, покуда Александръ

ществовалъ. Это рѣзкое разграниченіе людей на двѣ половины, бывшее слѣдствіемъ молодости, неопытности и страстнаго стремленія къ правдѣ, не могло не привести къ различнымъ столкновеніямъ и сдѣлало то, что въ сношеніяхъ съ юношею всѣми чувствовался какой-то острый уголъ, не допускавшій до тѣснаго сближенія съ этимъ человѣкомъ. Совершенно незамѣтно для самого себя Александръ Прохоровъ сталъ оставаться одинокимъ: уже давно онъ разошелся съ друзьями брата Ивана; теперь же его стали покидать и его собственные друзья. Начнутъ они спорить съ нимъ о Старцевѣ, о Мѣдниковѣ, о Левашовѣ, о статьяхъ, рекомендованныхъ Старцевымъ, и мало-по-малу станутъ расходиться, говоря спорщику: «ну, да вѣдь съ тобою не сговоришь». И самъ Александръ Прохоровъ порою сталъ уклоняться отъ своего кружка: желаніе поскорѣй изучить французскій языкъ, неохота безплодно спорить, стремленіе сосредоточиться и обсудить тѣ вопросы, которые пробуждались въ головѣ вслѣдствіе ежедневныхъ столкновеній, все это увлекало его куда-нибудь въ уединенный уголокъ.

— Ты ужъ не сбираешься ли на Аѳонъ, чтобы избавиться отъ военной службы?—смѣялись надъ нимъ друзья брата Ивана, прозвавшіе Александра Прохорова сначала трусомъ, а теперь пустынникомъ.

— Какъ же, думаю!—усмѣхался Александръ Прохоровъ.— Теперь вотъ учусь панихиды служить, чтобы умѣть васъ отпѣть, когда васъ перебьютъ.

— Ну, поклонникъ офиціальныхъ программокъ и формализма, много ли интереснаго вычиталъ изъ французскаго лексикона?— спрашивали его съ иронією его собственные недавніе друзья, прозвавшіе его «филистеромъ»,—замѣтимъ кстати, что они очень полюбили это новое, услышанное отъ Старцева, слово, котораго они совершенно не понимали.

— Да что же можетъ быть интереснаго въ лексиконѣ,— съ улыбкой замѣчалъ Александръ Прохоровъ:—тутъ такъ же, какъ и въ вашихъ спорахъ, только слова, слова и слова.

Но съ каждымъ днемъ удаляясь все болѣе и болѣе отъ своихъ товарищей, Александръ Прохоровъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ одному существу — Катеринѣ Александровнѣ. Его прямая и добродушная натура страдала отъ тѣхъ непріязненныхъ и натянутыхъ отношеній, въ которыя онъ сталъ къ своимъ товарищамъ, и требовала удо-

влетворенія своихъ инстинктивныхъ стремленій. Ему хотѣлось откровенно поговорить съ кѣмъ-нибудь, ему хотѣлось услышать искреннее слово одобренія или порицанія, высказанное безъ всякой задней мысли. Братъ Иванъ, хотя и жилъ съ нимъ дружно, но расходился съ нимъ во взглядахъ, и потому между ними не могло быть полной откровенности. Отецъ, хотя и былъ другомъ своихъ сыновей, но, по привычкѣ, онъ невольно принималъ стариковскій дидактическій тонъ въ разговорахъ съ ними. Только одна Катерина Александровна соединяла въ себѣ все, чего жаждалъ Александръ Прохоровъ. Она была молода, относилась къ нему просто, чувствовала къ нему искреннюю дружбу, никогда не стѣснялась прямо высказать ему правду. Въ ея участіи было такъ много теплоты, въ ея смѣхѣ было такъ много заразительной веселости, въ ея выговорахъ было такъ много безобидной искренности, что Александръ Прохоровъ отдался всею душой своей молодой подругѣ. Ему ни разу не пришло въ голову, что онъ влюбленъ въ нее; нѣтъ, онъ относился къ ней, какъ къ другу-юношѣ, въ этой простотѣ отношеній не было ничего удивительнаго: Александръ Прохоровъ первый разъ сошелся съ дѣвушкою, сошелся въ то время, когда онъ, къ своему счастію, еще не былъ зараженъ никакими грязными взглядами на женщину и еще не находился ни разу ни въ какихъ двусмысленныхъ отношеніяхъ къ ней. Онъ переживалъ пору того свѣтлаго юношескаго идеализма, когда мы беззавѣтно можемъ любить друга, безъ зависти къ его превосходству, безъ стремленія господствовать надъ нимъ, безъ поползновенія держать на случай камушекъ за пазухой, и когда мы можемъ дружиться съ дѣвушкой безъ клубничныхъ поползновеньицъ, безъ эротическихъ представленій въ своемъ воображеніи ея прелестей, безъ фривольныхъ заигрываній съ нею. Это не долгая пора въ жизни нашего юношества, да и на короткій-то срокъ она является въ жизни только избраннаго, здороваго и духомъ, и тѣломъ меньшинства.

Такою здоровою натурой былъ Александръ Прохоровъ, переживавшій теперь во всей полнотѣ поэтическую пору юности.

III.

«Мальбругъ въ походъ поѣхалъ»...

Покуда штабсъ-капитанъ и Марья Дмитріевна разрѣшали политическіе вопросы въ лавочномъ клубѣ, покуда Александръ

Захаровичъ крѣпился. Онъ даже позабылъ, какой опасности подвергаетъ онъ свое семейное счастіе, оставляя свою жену подъ одною кровлей съ Карломъ Карловичемъ. Но долгъ прежде всего. Данила Захаровичъ рѣшился свято исполнить этотъ долгъ и, какъ достойный гражда[illegible] мужественно отдавалъ себя на жертву обществен[illegible] женію.

— Что дѣлать, что дѣлать! Долгъ службы [illegible] начительно бормоталъ онъ.—Береги дѣтей! [illegible] Для васъ, для васъ тружусь!—лаконическ[illegible] домочадцамъ, цѣлуя ихъ на платфо[illegible] лѣзной дороги.

Домочадцы рыдали. Даже Карлъ Ка[illegible] и на его масляныхъ глазахъ блеск[illegible] оберъ-кондукторъ далъ свистокъ, дом[illegible] ками, Данила Захаровичъ приподнял[illegible] нулся и—Мальбругъ въ походъ поѣх[illegible]

— Ахъ, у меня ноги подкашива[illegible] Абрамовна и томно оперлась на ру[illegible] Карла Карловича.

— Берегите себя, ваше здоровье [illegible] Карлъ Карловичъ.

— Ахъ, кому оно дорого!—отчаива[illegible]

— Какъ вамъ не [illegible]хъ говорить [illegible] Карловичъ, подсаж[illegible]у Абрам[illegible]

Далеко за полноч[illegible] Карл[illegible] неутѣшную жену, ко[illegible]

— Ахъ, эта рокова[illegible] счастіе,—вздыхала Пав[illegible] оставляетъ насъ безъ за[illegible]

— Другъ мой, развѣ [illegible] Карлъ Карловичъ, припа[illegible]

— Но вы... вы тоже, м[illegible] говорила она.—Вотъ Леони[illegible] вы уйдете...

— О, прикажите мнѣ, и я [illegible] у вашихъ ногъ!..

Карлъ Карловичъ опустилс[illegible] на колѣни.

— Другъ мой, вѣрный мой [illegible] его шею.

А Данила Захаровичъ между т[illegible] ображалъ, какіе плоды принесетъ е[illegible]

Военныя событія почти не коснул[illegible]

Прохоровъ и Катерина Александровна шли ощупью къ какой-то еще смутной для нихъ самихъ цѣли, въ кружкахъ знакомыхъ намъ личностей, какъ и во всемъ русскомъ обществѣ, происходили разныя событія, разные толки, тоже вызванные отчасти войною. У княгини Гиреевой уѣхали на войну два племянника, за которыхъ ей пришлось заплатить порядочныя суммы по предъявленнымъ ко взысканію векселямъ; въ деревни посылалось письмо за письмомъ съ требованіями, чтобы управляющіе немедленно, какими бы то ни было способами, собрали деньги съ крестьянъ. Кромѣ волненія по поводу хлопотъ о деньгахъ, добродушная старуха испытывала всю тягость разлуки съ этими хотя и безпутными, но во всѣхъ отношеніяхъ дорогими ей родственниками, и стала не на шутку прихварывать. Это обстоятельство заставило собраться въ ея домъ всевозможныхъ родственницъ, желавшихъ развлечь старуху и завоевать себѣ уголки въ ея духовномъ завѣщаніи. Весь этотъ нѣжный родственный кружокъ погрузился въ толки о политическихъ событіяхъ, въ чтеніе газетныхъ извѣстій, въ щипаніе корпіи, приготовленіе бинтовъ. Здѣсь изгнанъ былъ французскій языкъ и царствовалъ русскій; даже платья нѣкоторыхъ изъ молодыхъ родственницъ Гиреевой получили новый покрой и носили названіе «патріотокъ» и русскихъ сарафановъ, хотя ихъ сходство съ русскими сарафанами было болѣе отдаленное, чѣмъ сходство лубочныхъ портретовъ съ ихъ оригиналами. Среди этихъ тревогъ и волненій княгиня совершенно забыла о своемъ проектѣ выдать Катерину Александровну замужъ, и такъ какъ послѣдняя не напоминала о себѣ, то этотъ проектъ и не появлялся на свѣтъ Божій.

Еще менѣе думалъ объ этомъ проектѣ Боголюбовъ. Война коснулась и его интересовъ. Уже съ самаго начала войны онъ былъ въ постоянныхъ хлопотахъ, и хотя еще хмурился, что ему пришлось упустить изъ рукъ богатую тетку, но, мало-по-малу, сталъ забывать даже и объ этой утратѣ: его дѣла, висѣвшія на волоскѣ и извѣстныя только ему, стали поправляться съ каждымъ днемъ. Въ заботахъ о нихъ онъ даже не обращалъ вниманія на все возраставшую дружбу жены и Карла Карловича. Наконецъ, онъ дождался давно желанной поры и отправился въ командировку на югъ, по порученію комиссаріата. Конечно, разставаніе Павлы Абрамовны съ супругомъ не обошлось безъ истерическихъ рыданій, безъ закатыванія глазъ къ небесамъ. Самъ же Данила

Захаровичъ крѣпился. Онъ даже позабылъ, какой опасности подвергаетъ онъ свое семейное счастіе, оставляя свою жену подъ одною кровлей съ Карломъ Карловичемъ. Но долгъ прежде всего. Данила Захаровичъ рѣшился свято исполнить этотъ долгъ и, какъ достойный гражданинъ, мужественно отдавалъ себя на жертву общественному служенію.

— Что дѣлать, что дѣлать! Долгъ службы!—многозначительно бормоталъ онъ.—Береги дѣтей! Слушайте маты! Для васъ, для васъ тружусь!—лаконически обращался онъ къ домочадцамъ, цѣлуя ихъ на платформѣ николаевской желѣзной дороги.

Домочадцы рыдали. Даже Карлъ Карловичъ не выдержалъ, и на его масляныхъ глазахъ блеснули слезы. Наконецъ, оберъ-кондукторъ далъ свистокъ, домочадцы замахали платками, Данила Захаровичъ приподнялъ фуражку, поѣздъ тронулся и—Мальбругъ въ походъ поѣхалъ...

— Ахъ, у меня ноги подкашиваются! — рыдала Павла Абрамовна и томно оперлась на руку предупредительнаго Карла Карловича.

— Берегите себя, ваше здоровье такъ дорого,—шепталъ Карлъ Карловичъ.

— Ахъ, кому оно дорого!—отчаивалась Павла Абрамовна.

— Какъ вамъ не грѣхъ говорить это!—упрекалъ Карлъ Карловичъ, подсаживая Павлу Абрамовну въ карету.

Далеко за полночь пришлось Карлу Карловичу утѣшать неутѣшную жену, когда они возвратились домой.

— Ахъ, эта роковая война положительно губитъ семейное счастіе,—вздыхала Павла Абрамовна:—разлучаетъ всѣхъ, оставляетъ насъ безъ защиты.

— Другъ мой, развѣ я не съ вами,—тихо прошепталъ Карлъ Карловичъ, припавъ къ рукѣ Павлы Абрамовны.

— Но вы... вы тоже, можетъ-быть, бросите меня,—проговорила она.—Вотъ Леонидъ поступитъ къ Добровольскому... вы уйдете...

— О, прикажите мнѣ, и я останусь навсегда здѣсь у васъ, у вашихъ ногъ!..

Карлъ Карловичъ опустился передъ Павлой Абрамовной на колѣни.

— Другъ мой, вѣрный мой другъ!—обвила она руками его шею.

А Данила Захаровичъ между тѣмъ ѣхалъ и глубоко соображалъ, какіе плоды принесетъ ему военное время.

Военныя событія почти не коснулись только пріюта... Это

Прохоровъ и Катерина Александровна шли ощупью, к кой-то еще смутной для нихъ самихъ цѣли, въ круж знакомыхъ намъ личностей, какъ и во всемъ русс обществѣ, происходили разныя событія, разные толки, вызванные отчасти войною. У княгини Гиреевой уѣ на войну два племянника, за которыхъ ей пришлось за тить порядочныя суммы по предъявленнымъ ко взыск векселямъ; въ деревни посылалось письмо за письмомъ требованіями, чтобы управляющіе немедленно, какими то ни было способами, собрали деньги съ крестьянъ. К волненія по поводу хлопотъ о деньгахъ, добродушная руха испытывала всю тягость разлуки съ этими хот безпутными, но во всѣхъ отношеніяхъ дорогими ей ственниками, и стала не на шутку прихварывать. обстоятельство заставило собраться въ ея домъ всевоз ныхъ родственницъ, желавшихъ развлечь старуху и з вать себѣ уголки въ ея духовномъ завѣщаніи. Весь з нѣжный родственный кружокъ погрузился въ толки о тическихъ событіяхъ, въ чтеніе газетныхъ извѣстій щипаніе корпіи, приготовленіе бинтовъ. Здѣсь изгнанъ французскій языкъ и царствовалъ русскій; даже пл нѣкоторыхъ изъ молодыхъ родственницъ Гиреевой полу новый покрой и носили названіе «патріотокъ» и русс сарафановъ, хотя ихъ сходство съ русскими сарафа было болѣе отдаленное, чѣмъ сходство лубочныхъ по товъ съ ихъ оригиналами. Среди этихъ тревогъ и воли княгиня совершенно забыла о своемъ проектѣ выдать терину Александровну замужъ, и такъ какъ послѣдня напоминала о себѣ, то этотъ проектъ и не появлялся свѣтъ Божій.

Еще менѣе думалъ объ этомъ проектѣ Боголюбовъ. В коснулась и его интересовъ. Уже съ самаго начала в онъ былъ въ постоянныхъ хлопотахъ, и хотя еще хмур что ему пришлось упустить изъ рукъ богатую тетку, мало-по-малу, сталъ забывать даже и объ этой утратѣ дѣла, висѣвшія на волоскѣ и извѣстныя только ему, с поправляться съ каждымъ днемъ. Въ заботахъ о нихъ даже не обращалъ вниманія на все возраставшую др жены и Карла Карловича. Наконецъ, онъ дождался д желанной поры и отправился въ командировку на югъ порученію комиссаріата. Конечно, разставаніе Павлы А мовны съ супругомъ не обошлось безъ истерическихъ даній, безъ закатыванія глазъ къ небесамъ. Самъ же Да

Захаровичъ крѣпился. Онъ даже позабылъ, какой опасности подвергаетъ онъ свое семейное счастіе, оставляя свою жену подъ одною кровлей съ Карломъ Карловичемъ. Но долгъ прежде всего. Данила Захаровичъ рѣшился свято исполнить этотъ долгъ и, какъ достойный гражданинъ, мужественно отдавалъ себя на жертву общественному служенію.

— Что дѣлать, что дѣлать! Долгъ службы!—многозначительно бормоталъ онъ.—Береги дѣтей! Слушайте мать! Для васъ, для васъ тружусь!—лаконически обращался онъ къ домочадцамъ, цѣлуя ихъ на платформѣ николаевской желѣзной дороги.

Домочадцы рыдали. Даже Карлъ Карловичъ не выдержалъ, и на его масляныхъ глазахъ блеснули слезы. Наконецъ, оберъ-кондукторъ далъ свистокъ, домочадцы замахали платками, Данила Захаровичъ приподнялъ фуражку, поѣздъ тронулся и—Мальбругъ въ походъ поѣхалъ...

— Ахъ, у меня ноги подкашиваются! — рыдала Павла Абрамовна и томно оперлась на руку предупредительнаго Карла Карловича.

— Берегите себя, ваше здоровье такъ дорого,—шепталъ Карлъ Карловичъ.

— Ахъ, кому оно дорого!—отчаивалась Павла Абрамовна.

— Какъ вамъ не грѣхъ говорить это!—упрекалъ Карлъ Карловичъ, подсаживая Павлу Абрамовну въ карету.

Далеко за полночь пришлось Карлу Карловичу утѣшать неутѣшную жену, когда они возвратились домой.

— Ахъ, эта роковая война положительно губитъ семейное счастіе,—вздыхала Павла Абрамовна:—разлучаетъ всѣхъ, оставляетъ насъ безъ защиты.

— Другъ мой, развѣ я не съ вами,—тихо прошепталъ Карлъ Карловичъ, припавъ къ рукѣ Павлы Абрамовны.

— Но вы... вы тоже, можетъ-быть, бросите меня,—проговорила она.—Вотъ Леонидъ поступитъ къ Добровольскому... вы уйдете...

— О, прикажите мнѣ, и я останусь навсегда здѣсь у васъ, у вашихъ ногъ!..

Карлъ Карловичъ опустился передъ Павлой Абрамовной на колѣни.

— Другъ мой, вѣрный мой другъ!—обвила она руками его шею.

А Данила Захаровичъ между тѣмъ ѣхалъ и глубоко соображалъ, какіе плоды принесетъ ему военное время...

Военныя событія почти не коснулись только пріюта... Это

Прохоровъ и Катерина Александровна шли ощупью къ какой-то еще смутной для нихъ самихъ цѣли, въ кружкахъ знакомыхъ намъ личностей, какъ и во всемъ русскомъ обществѣ, происходили разныя событія, разные толки, тоже вызванные отчасти войною. У княгини Гиреевой уѣхали на войну два племянника, за которыхъ ей пришлось заплатить порядочныя суммы по предъявленнымъ ко взысканію векселямъ; въ деревни посылалось письмо за письмомъ съ требованіями, чтобы управляющіе немедленно, какими бы то ни было способами, собрали деньги съ крестьянъ. Кромѣ волненія по поводу хлопоть о деньгахъ, добродушная старуха испытывала всю тягость разлуки съ этими хотя и безпутными, но во всѣхъ отношеніяхъ дорогими ей родственниками, и стала не на шутку прихварывать. Это обстоятельство заставило собраться въ ея домъ всевозможныхъ родственницъ, желавшихъ развлечь старуху и завоевать себѣ уголки въ ея духовномъ завѣщаніи. Весь этотъ нѣжный родственный кружокъ погрузился въ толки о политическихъ событіяхъ, въ чтеніе газетныхъ извѣстій, въ щипаніе корпіи, приготовленіе бинтовъ. Здѣсь изгнанъ былъ французскій языкъ и царствовалъ русскій; даже платья нѣкоторыхъ изъ молодыхъ родственницъ Гиреевой получили новый покрой и носили названіе «патріотокъ» и русскихъ сарафановъ, хотя ихъ сходство съ русскими сарафанами было болѣе отдаленное, чѣмъ сходство лубочныхъ портретовъ съ ихъ оригиналами. Среди этихъ тревогъ и волненій княгини совершенно забыла о своемъ проектѣ выдать Катерину Александровну замужъ, и такъ какъ послѣдняя не напоминала о себѣ, то этотъ проектъ и не появлялся на свѣтъ Божій.

Еще менѣе думалъ объ этомъ проектѣ Боголюбовъ. Война коснулась и его интересовъ. Уже съ самаго начала войны онъ былъ въ постоянныхъ хлопотахъ, и хотя еще хмурился, что ему пришлось упустить изъ рукъ богатую тетку, но, мало-по-малу, сталъ забывать даже и объ этой утратѣ: его дѣла, висѣвшія на волоскѣ и извѣстныя только ему, стали поправляться съ каждымъ днемъ. Въ заботахъ о нихъ онъ даже не обращалъ вниманія на все возраставшую дружбу жены и Карла Карловича. Наконецъ, онъ дождался давно желанной поры и отправился въ командировку на югъ, по порученію комиссаріата. Конечно, разставаніе Павлы Абрамовны съ супругомъ не обошлось безъ истерическихъ рыданій, безъ закатыванія глазъ къ небесамъ. Самъ же Данила

Захаровичъ крѣпился. Онъ даже позабылъ, какой опасности подвергаетъ онъ свое семейное счастіе, оставляя свою жену подъ одною кровлей съ Карломъ Карловичемъ. Но долгъ прежде всего. Данила Захаровичъ рѣшился свято исполнить этотъ долгъ и, какъ достойный гражданинъ, мужественно отдавалъ себя на жертву общественному служенію.

— Что дѣлать, что дѣлать! Долгъ службы!—многозначительно бормоталъ онъ.—Береги дѣтей! Слушайте мать! Для васъ, для васъ тружусь!—лаконически обращался онъ къ домочадцамъ, цѣлуя ихъ на платформѣ николаевской желѣзной дороги.

Домочадцы рыдали. Даже Карлъ Карловичъ не выдержалъ, и на его масляныхъ глазахъ блеснули слезы. Наконецъ, оберъ-кондукторъ далъ свистокъ, домочадцы замахали платками, Данила Захаровичъ приподнялъ фуражку, поѣздъ тронулся и—Мальбругъ въ походъ поѣхалъ...

— Ахъ, у меня ноги подкашиваются!—рыдала Павла Абрамовна и томно оперлась на руку предупредительнаго Карла Карловича.

— Берегите себя, ваше здоровье такъ дорого,—шепталъ Карлъ Карловичъ.

— Ахъ, кому оно дорого!—отчаивалась Павла Абрамовна.

— Какъ вамъ не грѣхъ говорить это!—упрекалъ Карлъ Карловичъ, подсаживая Павлу Абрамовну въ карету.

Далеко за полночь пришлось Карлу Карловичу утѣшать неутѣшную жену, когда они возвратились домой.

— Ахъ, эта роковая война положительно губитъ семейное счастіе,—вздыхала Павла Абрамовна:—разлучаетъ всѣхъ, оставляетъ насъ безъ защиты.

— Другъ мой, развѣ я не съ вами,—тихо прошепталъ Карлъ Карловичъ, припавъ къ рукѣ Павлы Абрамовны.

— Но вы... вы тоже, можетъ-быть, бросите меня,—проговорила она.—Вотъ Леонидъ поступитъ къ Добровольскому... вы уйдете...

— О, прикажите мнѣ, и я останусь навсегда здѣсь у васъ, у вашихъ ногъ!..

Карлъ Карловичъ опустился передъ Павлой Абрамовной на колѣни.

— Другъ мой, вѣрный мой другъ!—обвила она руками его шею.

А Данила Захаровичъ между тѣмъ ѣхалъ и глубоко соображалъ, какіе плоды принесетъ ему военное время...

Военныя событія почти не коснулись только пріюта... Это

болото благотворительности попрежнему невозмутимо продолжало свое грязное существованіе. Жидкія щи изъ сѣрой капусты, скверная каша съ прогорклымъ масломъ, сѣченіе воспитанницъ, сплетни помощницъ, наушничество каждой на всѣхъ и всѣхъ на каждую, все это шло неизмѣннымъ, разъ навсегда заведеннымъ порядкомъ. Только характеръ работъ измѣнился; теперь дѣвочки шили халаты, готовили бинты и работали съ утра до поздней ночи всю эту срочную работу, отправлявшуюся черезъ комиссаріатъ на поля битвъ. Кромѣ этихъ признаковъ военнаго времени, можно было замѣтить вліяніе войны въ пріютѣ на настроеніи Зубовой и Постниковой. Зубова сдѣлалась воинственнѣе и, ругая воспитанницъ, говорила имъ:

— Я бы васъ всѣхъ подъ пушки послала! Ужъ право, жаль, что женщинъ въ солдаты не отдаютъ, а то не сносить бы вамъ своихъ головъ.

Сентиментальная Марья Николаевна хотя и не сдѣлалась воинственнѣе, но почувствовала особенную нѣжность къ военнымъ и, при видѣ проходившихъ по улицѣ офицеровъ, подпрыгивая и хлопая въ ладоши, говорила, какъ-то особенно оттопыривая поблекшія губки:

— Ахъ, амы какіе, амочки!

— Что это вы въ какой телячій восторгъ приходите отъ каждаго офицера!—ѣдко замѣтила ей Зубова.

— Да какъ же,—печально надувала губки Марья Николаевна, - они, кисаньки, за насъ пойдутъ на смерть.

— Ну да, такъ за васъ именно и пойдутъ! — желчно возражала Зубова.—И то сказать: не все же имъ гранить мостовую.

— У васъ, душа моя, сердца нѣтъ, сердца нѣтъ!—возмущалась Марья Николаевна.

Впрочемъ, наплывъ сентиментальности не мѣшалъ Постниковой попрежнему драть за уши, ставить на колѣни воспитанницъ и дуться на Катерину Александровну. Прилежаева продолжала стоять въ сторонѣ отъ обѣихъ дѣвственницъ и служила мишенью для ихъ злобныхъ выходокъ. Онѣ всѣми силами старались теперь дѣлать ей колкости и вооружить противъ нея Зорину. Подсмотрѣвъ какъ-то, что Катерина Александровна читаетъ французскую грамматику, Зубова спросила молодую дѣвушку:

— Вы ужъ не приготовляетесь ли къ тому, что французы возьмутъ Петербургъ?

— Изъ чего это вы заключили?—удивилась Прилежаева.

— Да вотъ вы по-французски учитесь.

— А-а!—улыбнулась Катерина Александровна и не сочла нужнымъ объяснять, для чего она учится по-французски.

Черезъ нѣсколько дней пріютскіе шпіоны подмѣтили, что Катерина Александровна занимается ариѳметикой.

— Вотъ наша Катерина Александровна скоро наслѣдство надѣется получить,—замѣтила Зубова.

Катерина Александровна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Неужели?—съ любопытствомъ спросила Постникова, уже завидуя въ душѣ Прилежаевой.

— Какъ же! Она ужъ начала ариѳметикѣ учиться, чтобы вѣрнѣе сосчитать, сколько денегъ ей достанется,—сострила Зубова, расхохотавшись своимъ грубымъ смѣхомъ.

— Ахъ, шутница, право, шутница!—засмѣялась Постникова.

Катерина Александровна не сказала ни слова. Это взбѣсило Зубову: она поняла, что ея насмѣшки и шпильки не задѣваютъ за живое ея врага.

— Этой дурѣ все, какъ объ стѣну горохъ,—злобно проговорила она, когда Катерина Александровна вышла изъ комнаты.

— На недосягаемой высотѣ стоитъ!—ироническимъ тономъ произнесла Постникова.

— Ну, зато и въ грязь знатно шлепнется,—саркастически захохотала Зубова.—Въ какого-то мальчишку тоже врѣзалась...

— Что вы? Вотъ мило, вотъ мило! Да не можетъ быть?

— Ей-Богу! Ѣду это я на-дняхъ мимо ихъ дома къ Митрофанію, а она съ нимъ воркуетъ у окна, головки склонили другъ къ другу, точно цѣловаться хотятъ... Потомъ встрѣтила ихъ на улицѣ вмѣстѣ... Такъ въ глаза ему и смотритъ, такъ и смотритъ...

— Кто же онъ?

— Кадетишка еще! Ну, да вѣдь плоды-то одни и тѣ же и отъ кадета, что отъ офицера.

— Шутница, шутница!

— Да, вотъ она гуляетъ, а слава-то пойдетъ не про нее одну, а про всѣхъ помощницъ... Вотъ тутъ и служи съ такими шлюхами... И удивляюсь я Аннѣ Васильевнѣ, что она съ нею нѣжничаетъ...

Грязные слухи, конечно, не ускользнули отъ слуха Анны Васильевны, но старуха вообще старалась смотрѣть сквозь

пальцы на «шалости», то-есть на извѣстную долю вѣтрености помощницъ; въ настоящее же время, если бы она и хотѣла вникнуть во что-нибудь, то ей было бы очень трудно это сдѣлать: она была всецѣло поглощена своими личными дѣлами.

Александръ Ивановичъ Зоринъ уже давно скучалъ въ бездѣйствіи въ «кельѣ игуменьи женскаго монастыря», какъ онъ называлъ комнаты своей матери. Ему уже давно хотѣлось развернуться и хотя отчасти вспомнить и воскресить свое прошлое житье-бытье. Война послужила ему предлогомъ для того, чтобы поразнообразить свою жизнь и снова войти въ тотъ кругъ, изъ котораго онъ такъ рано вышелъ.

— Я, кажется, толстѣть начинаю,—разсуждалъ онъ.— Это просто скверно! Надо поразмяться...

Чтобы поразмяться, онъ подалъ прошеніе о принятіи его на службу. Онъ рѣшился служить, и для этого нужны были деньги или, вѣрнѣе сказать, ему нужны были деньги и онъ рѣшился служить. Пришлось выжать изъ своего кошелька все, что было возможно,—кошелекъ же Александра Ивановича, по его собственному остроумному выраженію, была его мать. Анна Васильевна была рада освободиться отъ сына; когда-то она горячо любила его, теперь же она съ нетерпѣніемъ ждала, когда онъ окончательно опредѣлится на службу; въ ней даже не шевельнулось материнское чувство боязни за участь сына, шедшаго на войну. Но радость радостью, а деньги деньгами: она могла радоваться его опредѣленію въ полкъ, но не могла дать ему многаго на обмундировку, тогда какъ онъ желалъ добыть отъ своего «кошелька» не только на обмундировку, но и на кутежи съ пріятелями по случаю опредѣленія на службу. Между матерью и сыномъ начались дикія сцены споровъ, обоюдныхъ упрековъ, циническихъ напоминаній о старыхъ грѣхахъ.

— Вы на разныхъ прапорщиковъ промотали отцовское состояніе, вы обмундировывали новоиспеченныхъ офицеровъ, а отцу пришлось казну грабить, пришлось нищими насъ оставить,—кричалъ сынъ.

— Стыдись! Не ты ли проигрывалъ по триста рублей въ вечеръ? Не ты ли бросалъ сотни рублей подъ ноги разнымъ тварямъ,—кричала мать.

— А съ кого же я бралъ примѣръ? Съ васъ и съ любимыхъ вашихъ прапорщиковъ. Съ кѣмъ я игралъ? Не съ ними ли? И кого вы называете тварями? Тѣхъ женщинъ, по слѣдамъ которыхъ шли вы сами,—бушевалъ сынъ.

— Вонъ изъ моего дома! — слышались гнѣвныя слова матери.

— Ну, это я сдѣлаю послѣ, а теперь мнѣ нужны деньги,— рѣшительно возражалъ сынъ.—И какая же вы мать, когда вы не можете, не хотите помочь сыну выйти на честную дорогу труда? Когда я ѣлъ вашъ хлѣбъ, вы попрекали меня каждымъ кускомъ; когда я хочу самъ добывать кровью этотъ кусокъ хлѣба, вы заграждаете мнѣ путь.

— Да пойми ты, что у меня нѣтъ, нѣтъ денегъ.

— А! у васъ денегъ нѣтъ! — иронически восклицалъ сынъ.—А чтобы въ шелковыхъ платьяхъ франтить—на это есть деньги, а чтобы браслетки носить—на это находятся средства? У васъ серебро есть, у васъ жалованье и пенсія есть,—заложите, продайте все это. Или вы думаете, что я вамъ не отдамъ? Полноте! Вы сами знаете, что у меня поперекъ въ горлѣ стоитъ каждый кусокъ, купленный на ваши деньги. Если я прошу у васъ, такъ это потому, что вы должны мнѣ помочь. Вы изволили произвести меня на свѣтъ, вы воспитали меня среди тунеядства и разврата, вы промотали состояніе и пустили меня по-міру. Я не милости у васъ прошу: я требую своего. Вы обокрали меня и нравственно, и матеріально, и я требую возвращенія мнѣ моей собственности.

— Господи! Господи! до чего я дожила! — рыдала старуха.

— Полноте ныть! Вы также плакали передъ каждымъ прапорщикомъ, когда онъ бросалъ васъ! Я знаю цѣну этихъ слезъ!

— Бери, бери все, только уѣзжай навсегда.

— О, я знаю, что вы были бы рады, если бы я не только что уѣхалъ, но и умеръ бы. Я единственный свидѣтель вашего прошлаго; я тотъ позорный столбъ, къ которому приговорила васъ судьба!

— Пощади, пощади меня ради моихъ сѣдыхъ волосъ!— рыдала старуха, склоняя свою голову.—Бери серебро, продай мое жалованье, все, все продай, но пощади меня!

Александръ Ивановичъ шумно ходилъ по комнатѣ и ждалъ, когда мать передастъ ему серебро, когда она ему дастъ довѣренность на полученіе ея жалованья и пенсіи: какъ истинно честный человѣкъ, онъ не хотѣлъ грабить свою жертву, но ждалъ, когда она своими руками отдастъ ему все свое убогое имущество. Серебро было заложено, жалованье и пенсія на полгода были проданы какому-то тор-

говцу, поставлявшему на пріютъ дрова и занимавшемуся въ то же время ростовщичествомъ. Этотъ услужливый и изворотливый человѣкъ пріобрѣлъ отъ Анны Васильевны довѣренность на полученіе ея жалованья и пенсіи въ теченіе шести мѣсяцевъ; конечно, эта услуга обошлась не дешево, и за каждый рубль было выдано только по шестидесяти копеекъ, впрочемъ, услужливый человѣкъ рисковалъ своими деньгами и потому не могъ же не взять за рискъ приличнаго вознагражденія. Наконецъ, Александръ Ивановичъ обдѣлалъ свои дѣла и могъ спокойно отправиться въ полкъ, чтобы принести на алтарь отечества свои услуги, можетъ-быть, свою кровь и даже самую жизнь. Безъ слезъ, замиранія въ сердцѣ прощалась Анна Васильевна съ своимъ когда-то любимымъ сыномъ. Почти съ пренебреженіемъ и ненавистью прикоснулся онъ къ ея губамъ и, насвистывая какую-то арію, вышелъ изъ дому. Мать не провожала его на крыльцо, не смотрѣла въ окно, какъ онъ садился въ экипажъ, не склонилась передъ образомъ съ молитвой за него, но тяжело опустилась на диванъ и склонила на руки свою сѣдую голову; долго сидѣла она, не трогаясь съ мѣста, покуда укладывали чемоданы сына; потомъ, когда загремѣли колеса отъѣзжавшей коляски, поднялась и глубоко вздохнула всею грудью, какъ будто съ этой груди свалился тяжелый гнетъ; принизившаяся старуха снова выпрямилась и подняла голову: ея позорный столбъ исчезъ... На долго ли? «Господи, если бы онъ остался тамъ!» — тихо прошептала она и вдругъ вздрогнула: въ ея головѣ промелькнула мысль, что остаться тамъ значитъ быть убитымъ...

Иныя сцены, иныя впечатлѣнія занимали въ это же время семейства Прилежаевыхъ и Прохоровыхъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ продолжали они ожидать, не кончится ли война до весны, а дни летѣли за днями, не принося извѣстій объ окончаніи роковыхъ событій.

— Господи, какъ время-то летитъ! — удивлялась иногда Марья Дмитріевна: — вотъ ужъ и Рождество близко.

— Да, да,—хмуро соглашался штабсъ-капитанъ:—Рождество близко, а о мирѣ все еще ни слуху, ни духу... Не увидимъ, какъ и весна подкатитъ.

— Ну, батюшка, вотъ, можетъ-быть, еще къ новому-то году и выйдетъ милостивый манифестъ,—успокаивала Марья Дмитріевна.

— Какой манифестъ?— спрашивалъ штабсъ-капитанъ.

— А о замиреніи-то...

— Эхъ, вы! — безнадежно махалъ рукою штабсъ-капитанъ.

— Да что-жъ, батюшка, вѣдь на все воля Божія. Можетъ, и смилуется.

— Ждите, ждите, — вздыхалъ старикъ.—Пока вы ждать будете, весна на дворъ прикатитъ.

— И съ чего это нынѣшній годъ-то такой короткій,— задумывалась Марья Дмитріевна. — Вѣдь, слава Создателю, не первый годъ живу на свѣтѣ, а такого короткаго года еще не видала...

Время, дѣйствительно, летитъ необыкновенно быстро въ семьѣ Прилежаевыхъ среди напряженныхъ ожиданій и усиленной работы. Антонъ ходитъ въ гимназію; Катерина Александровна попрежнему дежуритъ въ пріютѣ, шьетъ и учится; братья Прохоровы подготовляются къ выпуску и съ различными чувствами считаютъ дни, остающіеся до полученія чиновъ; Марья Дмитріевна попрежнему вздыхаетъ, справляется, близко ли подошли враги къ Петербургу, шьетъ безъ устали солдатское бѣлье и хлопочетъ за приготовленіемъ обѣдовъ; штабсъ-капитанъ почитываетъ газеты и ораторствуетъ въ клубѣ, все, повидимому, обстоитъ благополучно, и новый день не приноситъ новыхъ событій. Но среди этого затишья каждый изъ нашихъ героевъ уже начиналъ чувствовать, что все ближе и ближе приходитъ то время, когда эти новыя событія встревожатъ мирное теченіе ихъ жизни. Сильнѣе всѣхъ сознавалъ неотразимость близкой перемѣны въ жизни Александръ Прохоровъ. Онъ уже тосковалъ не объ одной приближавшейся разлукѣ съ отцомъ,—онъ, съ замираніемъ въ сердцѣ, помышлялъ и о разлукѣ съ Катериной Александровной. Эта дѣвушка, какъ мы сказали, сдѣлалась его лучшимъ другомъ, самымъ дорогимъ для него существомъ. Совершенно незамѣтно для самихъ молодыхъ людей между ними установились отношенія любящихъ другъ друга младшаго брата и старшей сестры. Эта дружба была чиста, Александръ Прохоровъ относился къ Катеринѣ Александровнѣ съ какимъ-то благоговѣніемъ, Катерина Александровна смотрѣла на него покровительственно, какъ на милаго мальчика. Они, быть-можетъ, изумились бы, если бы кто-нибудь подсказалъ имъ, что они влюблены другъ въ друга, такъ какъ Катерина Александровна видѣла въ Александрѣ Прохоровѣ почти ребенка и ужъ никакъ не молодого человѣка, да и самъ Александръ Прохоровъ смотрѣлъ на себя, какъ на неопытнаго школьника въ сравненіи

съ этою молодою дѣвушкой, уже нѣсколько лѣтъ управлявшею домомъ и зарабатывавшей кусокъ хлѣба для всей семьи. Имъ ни разу не пришло въ голову, что разница ихъ лѣтъ совсѣмъ не такъ велика, какъ казалось съ перваго взгляда. Это различіе отношеній другъ къ другу проглядывало даже въ томъ, какъ молодые люди называли одинъ другого. Она звала его Сашей, онъ называлъ ее Катериной Александровной; она иногда говорила ему *ты*, онъ никогда не сказалъ ей иначе, какъ *вы*. Даже перевѣсъ знаній, бывшій на сторонѣ молодого человѣка, не сгладилъ этого различія въ отношеніяхъ, хотя въ послѣднее время Александръ Прохоровъ и игралъ порою роль учителя Катерины Александровны; но въ эти минуты скорѣе она управляла учителемъ, чѣмъ онъ ею. Чѣмъ болѣе сокращалось время, оставшееся до выхода изъ корпуса, тѣмъ тѣснѣе сближались молодые люди.

— Катерина Александровна, вы пишите ко мнѣ, когда я уѣду,—говорилъ Александръ.

— Вы-то только пишите, а я ужъ не залѣнюсь, — отвѣчала она.—Вы свѣтъ увидите, въ кружокъ новыхъ товарищей попадете, такъ вамъ немудрено будетъ не найти времени для писемъ... Вы хоть нѣсколько строкъ присылайте...

— Какъ бы хорошо и мирно мы жили, если бы я могъ остаться здѣсь,—говорилъ онъ въ другой разъ.—Вы учились бы, я служилъ бы и подготовился бы къ университету, кончилъ бы тамъ курсъ, и вы къ тому времени выдержали бы экзаменъ, и тогда намъ было бы нечего бояться нужды...

— Что мечтать о томъ, чего не можетъ быть,—вздыхала она. — Дай Богъ, чтобы только всѣ мы живы остались, а тамъ что будетъ, то будетъ...

Иногда онъ читалъ о военныхъ событіяхъ; она молча слушала чтеніе, опустивъ голову.

— Катерина Александровна, что съ вами? — тревожно спрашивалъ Александръ, видя слезы на ея поблѣднѣвшихъ щекахъ.

— Мнѣ тяжело, Саша, какъ я подумаю, сколько тамъ убитыхъ, сколько женъ, матерей и сестеръ осиротѣло... Господи, отчего это люди не могутъ жить безъ войны, не убивая другъ друга!.. Сколько горя, сколько слезъ льется теперь во всѣхъ концахъ Россіи... Я, кажется, не перенесла бы, если бы моего брата убили... я сама пошла бы туда... пошла бы облегчить участь хоть одного раненаго. Вотъ мужчины счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи, они докто-

рами могутъ быть, могутъ хотя кого-нибудь спасти... Я, Саша, все буду бояться за васъ, когда вы уѣдете,—ласково клала она свою руку на его плечо.

— Вы сестрою мнѣ сдѣлались, я васъ послѣ отца больше всѣхъ на свѣтѣ люблю,—шепталъ онъ и припадалъ губами къ ея рукѣ. — Берегите отца, утѣшьте его, если что случится...

— Что вы, что вы, Саша! Зачѣмъ предполагать дурное!— тревожно говорила она.

Порою къ нимъ присоединялся штабсъ-капитанъ, Марья Дмитріевна и Антонъ. Въ ихъ кружкѣ шли тихія и грустныя рѣчи о будущемъ. Штабсъ-капитанъ угрюмо хмурилъ брови и шагалъ по комнатѣ. Онъ сталъ неузнаваемъ, его лицо похудѣло, обвисло. Его рѣчи сдѣлались немногословны, иногда онъ просиживалъ молча по цѣлымъ часамъ. По временамъ онъ стискивалъ зубы, когда Марья Дмитріевна начинала почти причитать надъ молодыми людьми, готовившимися къ войнѣ.

— Скоро, скоро, дорогіе мои, проводимъ мы васъ въ путь,—вздыхала она.—Какъ красное солнышко, закатитесь вы, и Богъ знаетъ, когда вернетесь къ намъ, старикамъ...

— Генералами пріѣдемъ!—шумно смѣялся братъ Иванъ.

— Охъ, батюшка, не до поживы, а были бы живы!— вздыхала старуха.

— Ну, мама, что впередъ тосковать!—вмѣшалась въ разговоръ Катерина Александровна.

— И то тоску нагнали!—бормоталъ штабсъ-капитанъ.— Авось, все кончится до той поры... Будемъ живы—увидимъ... Да, я вотъ счастливѣе ихъ былъ,—задумчиво шепталъ онъ.— Бобылемъ былъ... Ни отца ни матери не было... никто не заплакалъ бы, еслибъ...

Онъ не договорилъ начатой фразы, а по его обвислымъ грубымъ щекамъ катились крупныя слезы.

— Ну, полно, отецъ! — ласково говорилъ Александръ.— Неужели нѣтъ другихъ разговоровъ? Еще и живы будемъ, и счастливы... Ты не волнуйся, у тебя вонъ вмѣсто дочери останется покуда наша Катерина Александровна, а тамъ и мы пріѣдемъ...

Александръ, обнявъ одною рукой старика, тихо ходилъ съ нимъ по комнатѣ и утѣшалъ его, какъ слабую женщину. Въ эти минуты въ мягкомъ, задушевно говорившемъ юношѣ трудно было узнать того рѣзкаго кадета, который возмущалъ Старцева своею мужиковатою грубостью.

съ этою молодою дѣвушкой, уже нѣсколько лѣтъ управлявшею домомъ и зарабатывавшей кусокъ хлѣба для всей семьи. Имъ ни разу не пришло въ голову, что разница ихъ лѣтъ совсѣмъ не такъ велика, какъ казалось съ перваго взгляда. Это различіе отношеній другъ къ другу проглядывало даже въ томъ, какъ молодые люди называли одинъ другого. Она звала его Сашей, онъ называлъ ее Катериной Александровной; она иногда говорила ему *ты*, онъ никогда не сказалъ ей иначе, какъ *вы*. Даже перевѣсъ знаній, бывшій на сторонѣ молодого человѣка, не сгладилъ этого различія въ отношеніяхъ, хотя въ послѣднее время Александръ Прохоровъ и игралъ порою роль учителя Катерины Александровны; но въ эти минуты скорѣе она управляла учителемъ, чѣмъ онъ ею. Чѣмъ болѣе сокращалось время, оставшееся до выхода изъ корпуса, тѣмъ тѣснѣе сближались молодые люди.

— Катерина Александровна, вы пишите ко мнѣ, когда я уѣду,—говорилъ Александръ.

— Вы-то только пишите, а я ужъ не залѣнюсь, — отвѣчала она.—Вы свѣтъ увидите, въ кружокъ новыхъ товарищей попадете, такъ вамъ немудрено будетъ не найти времени для писемъ... Вы хоть нѣсколько строкъ присылайте...

— Какъ бы хорошо и мирно мы жили, если бы я могъ остаться здѣсь,—говорилъ онъ въ другой разъ.—Вы учились бы, я служилъ бы и подготовился бы къ университету, кончилъ бы тамъ курсъ, и вы къ тому времени выдержали бы экзаменъ, и тогда намъ было бы нечего бояться нужды...

— Что мечтать о томъ, чего не можетъ быть,—вздыхала она. — Дай Богъ, чтобы только всѣ мы живы остались, а тамъ что будетъ, то будетъ...

Иногда онъ читалъ о военныхъ событіяхъ; она молча слушала чтеніе, опустивъ голову.

— Катерина Александровна, что съ вами? — тревожно спрашивалъ Александръ, видя слезы на ея поблѣднѣвшихъ щекахъ.

— Мнѣ тяжело, Саша, какъ я подумаю, сколько тамъ убитыхъ, сколько женъ, матерей и сестеръ осиротѣло... Господи, отчего это люди не могутъ жить безъ войны, не убивая другъ друга!.. Сколько горя, сколько слезъ льется теперь во всѣхъ концахъ Россіи... Я, кажется, не перенесла бы, если бы моего брата убили... я сама пошла бы туда... пошла бы облегчить участь хоть одного раненаго. Вотъ мужчины счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи, они докто-

раны могутъ быть, могутъ хотя кого-нибудь спасти... Я, Саша, все буду бояться за васъ, когда вы уѣдете,—ласково клала она свою руку на его плечо.

— Вы сестрою мнѣ сдѣлались, я васъ послѣ отца больше всѣхъ на свѣтѣ люблю,—шепталъ онъ и припадалъ губами къ ея рукѣ. — Берегите отца, утѣшьте его, если что случится...

— Что вы, что вы, Саша! Зачѣмъ предполагать дурное!— тревожно говорила она.

Порою къ нимъ присоединялся штабсъ-капитанъ, Марья Дмитріевна и Антонъ. Въ ихъ кружкѣ шли тихія и грустныя рѣчи о будущемъ. Штабсъ-капитанъ угрюмо хмурилъ брови и шагалъ по комнатѣ. Онъ сталъ неузнаваемъ, его лицо похудѣло, обвисло. Его рѣчи сдѣлались немногословны, иногда онъ просиживалъ молча по цѣлымъ часамъ. По временамъ онъ стискивалъ зубы, когда Марья Дмитріевна начинала почти причитать надъ молодыми людьми, готовившимися къ войнѣ.

— Скоро, скоро, дорогіе мои, проводимъ мы васъ въ путь,—вздыхала она.—Какъ красное солнышко, закатитесь вы, и Богъ знаетъ, когда вернетесь къ намъ, старикамъ...

— Генералами пріѣдемъ!—шумно смѣялся братъ Иванъ.

— Охъ, батюшка, не до поживы, а были бы живы!— вздыхала старуха.

— Ну, мама, что впередъ тосковать!—вмѣшалась въ разговоръ Катерина Александровна.

— И то тоску нагнали!—бормоталъ штабсъ-капитанъ.— Авось, все кончится до той поры... Будемъ живы—увидимъ... Да, я вотъ счастливѣе ихъ былъ,—задумчиво шепталъ онъ.— Бобылемъ былъ... Ни отца ни матери не было... никто не заплакалъ бы, еслибъ...

Онъ не договорилъ начатой фразы, а по его обвислымъ грубымъ щекамъ катились крупныя слезы.

— Ну, полно, отецъ! — ласково говорилъ Александръ.— Неужели нѣтъ другихъ разговоровъ? Еще и живы будемъ, и счастливы... Ты не волнуйся, у тебя вонъ вмѣсто дочери останется покуда наша Катерина Александровна, а тамъ и мы пріѣдемъ...

Александръ, обнявъ одною рукой старика, тихо ходилъ съ нимъ по комнатѣ и утѣшалъ его, какъ слабую женщину. Въ эти минуты въ мягкомъ, задушевно говорившемъ юношѣ трудно было узнать того рѣзкаго кадета, который возмущалъ Старцева своею мужиковатою грубостью.

Безмолвнымъ, но не безучастнымъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ мелкихъ сценъ являлся Антонъ. Тихо склонивъ голову на плечо матери или сестры, онъ задумчиво слѣдилъ за дѣйствующими лицами, всматривался въ выраженіе ихъ физіономій, вслушивался въ звуки ихъ голосовъ. Отъ его большихъ, умныхъ глазъ не ускользала ни тихая грусть сестры, ни слезливая мина матери, ни мужественная печаль Александра Прохорова, ни крупныя слезы стараго инвалида, ни беззаботная, удалая веселость и безпечность Ивана Прохорова. Въ дѣтской головѣ мальчика мелькали мысли о томъ, что старому штабсъ-капитану, должно-быть, очень тяжело, что Александръ Прохоровъ очень, очень любитъ отца, что Иванъ Прохоровъ совсѣмъ мальчишка, что самъ онъ, Антонъ, горько, горько заплакалъ бы, если бы ему пришлось оставить мать и сестру. Въ эти минуты онъ началъ отдавать себѣ полный отчетъ въ своихъ чувствахъ къ своей семьѣ; онъ понялъ, что онъ горячо, всею душой любитъ эту семью. Въ эти минуты онъ сталъ сознательно уважать штабсъ-капитана, какъ добраго отца, и Александра Прохорова, какъ добраго сына. Иногда онъ думалъ: «у меня былъ тоже добрый отецъ!» и ему вспоминалось, какъ его отецъ тѣшился его играми на пустынныхъ островахъ во время поѣздокъ за щеками, какъ его отецъ говорилъ ему заботливымъ голосомъ, смотря на его купанье въ заливѣ: «не заходи далеко, тамъ глубоко, оступиться можешь». Теперь онъ какъ будто слышалъ снова не только эти слова, но тотъ тонъ, которымъ они говорились, и въ этомъ тонѣ ему слышалась любовь. «И я вѣдь любилъ, очень любилъ отца, я бы тоже горевалъ, если бы мнѣ пришлось идти отъ него на войну»,—думалъ мальчикъ, и передъ его глазами возставалъ образъ сгорбленнаго, больного старика, исчезающаго безслѣдно среди тумана осенняго вечера... Голубые глаза мальчугана подергивались слезами, и онъ крѣпче прижимался къ матери или къ сестрѣ. Иногда въ эти минуты Александръ, обнявъ Антона, тихо говорилъ ему:

— Ты тоже пиши мнѣ обо всемъ, объ отцѣ, о себѣ... о сестрѣ пиши. Они, можетъ-быть, скроютъ что-нибудь, а ты откровенно пиши все, хотя бы и не радостныя вѣсти... Мы мужчины съ тобой, мы должны смотрѣть прямо въ глаза всякому горю...

— Я буду писать! Что мнѣ скрывать, — серьезно отвѣчалъ мальчуганъ и въ душѣ гордился, что онъ будетъ пе-

реписываться съ своимъ взрослымъ другомъ, что этотъ взрослый другъ полагается на него.

А дни летѣли и летѣли впередъ.

IV.

Продолженіе предыдущей.

Наступала весна, тяжелая, грустная, полная тревожныхъ ожиданій весна; казалось, что для всѣхъ рѣшался вопросъ: быть или не быть. Всѣ какъ будто находились въ томительномъ недоумѣніи и спрашивали: что будетъ теперь? Отвѣта еще не было, и покуда во всемъ и на всѣхъ преобладалъ черный цвѣтъ: одни носили трауръ по убитымъ родственникамъ, другіе по умершемъ государѣ, третьи облачились въ черное ради моды. Въ самомъ пріютѣ Бѣлокопытовыхъ вмѣсто голубыхъ и красненькихъ гарусныхъ кисточекъ на головахъ дѣвочекъ появились кисточки изъ черной шерсти; кромѣ того, графиня Бѣлокопытова, рыдая и поминутно сморкаясь, обратилась къ воспитанницамъ съ рѣчью о тяжеломъ времени, которое настало. «Благодѣтеля, благодѣтеля нашего мы похоронили!»—говорила она и раздала собственноручно по черному ситцевому платочку на каждыхъ двухъ воспитанницъ, которымъ велѣно было разрѣзать эти платочки на косыночки и носить ихъ на шеѣ. Въ магазинахъ недоставало черныхъ матерій, и вещи этого цвѣта поднялись въ цѣнѣ до невообразимой степени; въ февралѣ самый простой крепъ стоилъ вчетверо дороже, чѣмъ въ январѣ. Даже мелочи, даже бездѣлушки женскаго туалета напоминали о войнѣ, браслеты съ замками въ видѣ пушекъ; черныя цѣпи и черные кресты, булавки съ мертвыми головками, брелоки въ видѣ ядеръ, все это говорило: memento mori. Шутихи моднаго свѣта нашли возможность играть даже въ общественную печаль и обшивали бѣлымъ кружевомъ черныя платья. Въ городѣ царствовала тишина: на улицахъ не слышалось привычныхъ звуковъ шарманокъ, въ домахъ не раздавалось звуковъ фортепіано, нигдѣ не давалось баловъ, театры были закрыты. Случайныя обстоятельства прекратили, наконецъ, разные пиры безсмысленныхъ кутилъ и заставили городъ принять тотъ серьезный видъ, который шелъ болѣе къ порѣ общественныхъ бѣдствій, чѣмъ шумъ пьяныхъ обѣдовъ и вакхическихъ баловъ. Теперь все затихло. Что это было: слезы ли передъ радостью или предчувствіе грядущихъ бѣдъ?

Въ эту скорбную пору въ корпусѣ шли экзамены, то-есть

Безмолвнымъ, но не безучастнымъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ мелкихъ сценъ являлся Антонъ. Тихо склонивъ голову на плечо матери или сестры, онъ задумчиво слѣдилъ за дѣйствующими лицами, всматривался въ выраженіе ихъ физіономій, вслушивался въ звуки ихъ голосовъ. Отъ его большихъ, умныхъ глазъ не ускользала ни тихая грусть сестры, ни слезливая мина матери, ни мужественная печаль Александра Прохорова, ни крупныя слезы стараго инвалида, ни беззаботная, удалая веселость и безпечность Ивана Прохорова. Въ дѣтской головѣ мальчика мелькали мысли о томъ, что старому штабсъ-капитану, должно-быть, очень тяжело, что Александръ Прохоровъ очень, очень любитъ отца, что Иванъ Прохоровъ совсѣмъ мальчишка, что самъ онъ, Антонъ, горько, горько заплакалъ бы, если бы ему пришлось оставить мать и сестру. Въ эти минуты онъ началъ отдавать себѣ полный отчетъ въ своихъ чувствахъ къ своей семьѣ; онъ понялъ, что онъ горячо, всею душой любитъ эту семью. Въ эти минуты онъ сталъ сознательно уважать штабсъ-капитана, какъ добраго отца, и Александра Прохорова, какъ добраго сына. Иногда онъ думалъ: «у меня былъ тоже добрый отецъ!» и ему вспоминалось, какъ его отецъ тѣшился его играми на пустынныхъ островахъ во время поѣздокъ за щепками, какъ его отецъ говорилъ ему заботливымъ голосомъ, смотря на его купанье въ заливѣ: «не заходи далеко, тамъ глубоко, оступиться можешь». Теперь онъ какъ будто слышалъ снова не только эти слова, но тотъ тонъ, которымъ они говорились, и въ этомъ тонѣ ему слышалась любовь. «И я вѣдь любилъ, очень любилъ отца, я бы тоже горевалъ, если бы мнѣ пришлось идти отъ него на войну»,—думалъ мальчикъ, и передъ его глазами возставалъ образъ сгорбленнаго, больного старика, исчезающаго безслѣдно среди тумана осенняго вечера... Голубые глаза мальчугана подергивались слезами, и онъ крѣпче прижимался къ матери или къ сестрѣ. Иногда въ эти минуты Александръ, обнявъ Антона, тихо говорилъ ему:

— Ты тоже пиши мнѣ обо всемъ, объ отцѣ, о себѣ... о сестрѣ пиши. Они, можетъ-быть, скроютъ что-нибудь, а ты откровенно пиши все, хотя бы и не радостныя вѣсти... Мы мужчины съ тобой, мы должны смотрѣть прямо въ глаза всякому горю...

— Я буду писать! Что мнѣ скрывать, — серьезно отвѣчалъ мальчуганъ и въ душѣ гордился, что онъ будетъ пе-

реписываться съ своимъ взрослымъ другомъ, что этотъ взрослый другъ полагается на него.

А дни летѣли и летѣли впередъ.

IV.

Продолженіе предыдущей.

Наступала весна, тяжелая, грустная, полная тревожныхъ ожиданій весна; казалось, что для всѣхъ рѣшался вопросъ: быть или не быть. Всѣ какъ будто находились въ томительномъ недоумѣніи и спрашивали: что будетъ теперь? Отвѣта еще не было, и покуда во всемъ и на всѣхъ преобладалъ черный цвѣтъ: одни носили трауръ по убитымъ родственникамъ, другіе по умершемъ государѣ, третьи облачились въ черное ради моды. Въ самомъ пріютѣ Бѣлокопытовыхъ вмѣсто голубыхъ и красненькихъ гарусныхъ кисточекъ на головахъ дѣвочекъ появились кисточки изъ черной шерсти; кромѣ того, графиня Бѣлокопытова, рыдая и поминутно сморкаясь, обратилась къ воспитанницамъ съ рѣчью о тяжеломъ времени, которое настало. «Благодѣтеля, благодѣтеля нашего мы похоронили!»—говорила она и раздала собственноручно по черному ситцевому платочку на каждыхъ двухъ воспитанницъ, которымъ велѣно было разрѣзать эти платочки на косыночки и носить ихъ на шеѣ. Въ магазинахъ недоставало черныхъ матерій, и вещи этого цвѣта поднялись въ цѣнѣ до невообразимой степени; въ февралѣ самый простой крепъ стоилъ вчетверо дороже, чѣмъ въ январѣ. Даже мелочи, даже бездѣлушки женскаго туалета напоминали о войнѣ, браслеты съ замками въ видѣ пушекъ; черныя цѣпи и черные кресты, булавки съ мертвыми головками, брелоки въ видѣ ядеръ, все это говорило: memento mori. Шутихи моднаго свѣта нашли возможность играть даже въ общественную печаль и обшивали бѣлымъ кружевомъ черныя платья. Въ городѣ царствовала тишина: на улицахъ не слышалось привычныхъ звуковъ шарманокъ, въ домахъ не раздавалось звуковъ фортепіано, нигдѣ не давалось баловъ, театры были закрыты. Случайныя обстоятельства прекратили, наконецъ, разные пиры безсмысленныхъ кутилъ и заставили городъ принять тотъ серьезный видъ, который шелъ болѣе къ порѣ общественныхъ бѣдствій, чѣмъ шумъ пьяныхъ обѣдовъ и вакхическихъ баловъ. Теперь все затихло. Что это было: слезы ли передъ радостью или предчувствіе грядущихъ бѣдъ?

Въ эту скорбную пору въ корпусѣ шли экзамены, то-есть

наступило тревожное и дѣятельное время. Одни воспитанники платили сторожамъ гривенники, чтобы ихъ будили въ четыре часа; другіе тайкомъ не спали до трехъ часовъ; третьи забивались въ какой-нибудь отдаленный уголъ съ своими тетрадями и лекціями; всѣ «зубрили» все пройденное и дрожали за свою участь, боясь «провалиться». Въ корпусѣ, несмотря на необходимость, несмотря на желаніе приготовиться къ экзаменамъ, не позволялось заниматься дольше указаннаго срока, точно каждый юношескій мозгъ обязанъ былъ усвоить все необходимое въ отмѣренный для всѣхъ промежутокъ времени. На молодыхъ лицахъ были видны слѣды утомленія и усталости. Александръ Прохоровъ тоже замѣтно поблѣднѣлъ и похудѣлъ, иногда даже его глаза были припухшими и красными. Перемѣна въ его лицѣ была такъ сильна, что ее не могли не замѣтить даже посторонніе люди.

— Что это вы, батюшка, кажется, совсѣмъ заучились,— замѣтилъ ему при встрѣчѣ Старцевъ, считавшій своимъ долгомъ любезничать съ «новымъ поколѣніемъ».

— Нельзя же не приготовляться къ экзаменамъ,—уклончиво отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Э, да вы не налегайте очень, — посовѣтовалъ Старцевъ. — Теперь не такое время, чтобы заниматься разными формальностями и строгостями. Теперь люди нужны; вонъ изъ академіи медиковъ почти безъ экзаменовъ выпускаютъ.

— Я не намѣренъ получать хорошіе баллы Христа ради,— отвѣтилъ Александръ Прохоровъ: — и дуракомъ стоять на экзаменахъ не привыкъ.

— Да вѣдь результатъ-то будетъ одинъ и тотъ же, — усмѣхнулся Старцевъ.— Или, изъ чувства гражданской гордости, хотите свято исполнить свой кадетскій долгъ?

— Просто краснѣть не хочу, какъ краснѣлъ прежде, когда вы упрекали меня за непониманіе всей глубины великихъ произведеній любимаго вашего Державина, — съ усмѣшкой отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Э, батюшка, другія времена—другіе нравы! — похлопалъ Старцевъ по плечу Прохорова. — Для Россіи наступаетъ великое время.

— Люди тѣ же, Владиміръ Ивановичъ, — промолвилъ Александръ Прохоровъ.

Старцевъ пожалъ плечами и отошелъ прочь.

Дня черезъ два начался первый экзаменъ. Слова Старцева оправдались: экзаменаторы, занятые другими сообра-

женіями, заваленные дѣломъ, были снисходительнѣе обыкновеннаго и торопились кончить офиціальную часть выпусковъ. Учителя довольно безцеремонно и добродушно облегчали отвѣты, поясняли темно высказанное воспитанниками, подсказывали въ затруднительныхъ случаяхъ забытое экзаменующимся. У всѣхъ были на умѣ гораздо болѣе важные заботы и расчеты, чѣмъ дурной или хорошій отвѣтъ того или другого ученика. Послѣ перваго же экзамена большая часть выпускныхъ воспитанниковъ оживилась и наполовину оставила лекціи. Въ тотъ же день вечеромъ въ пустой мертвецкой, то-есть въ комнатѣ, куда относились умиравшіе въ лазаретѣ воспитанники, былъ устроенъ пиръ и на большомъ столѣ появились разныя яства и чай. Надежда на успѣхъ оживила даже и тѣхъ, которые дрожали за свою участь и не мечтали даже о выходѣ въ «гарнизонъ». Подобныя пиршества нерѣдко тайкомъ устраивались кадетами, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь, и строго преслѣдовались начальствомъ. Но на этотъ разъ батальонный командиръ Фитилькинъ сдѣлалъ видъ, что онъ ничего не подозрѣваетъ о пирѣ, и въ теченіе всего вечера ни разу не заглянулъ на лазаретную половину. Кто-то изъ офицеровъ попробовалъ замѣтить ему о происходившемъ, но онъ махнулъ рукой.

— Недолго-съ, недолго-съ теперь,—проговорилъ онъ отрывисто.—Выйдутъ, развяжутъ руки; нечего поднимать исторіи; не такая-съ пора.

Дѣйствительно, пора была не такая, чтобы обращать вниманіе на мелочи.

Александръ Прохоровъ не принималъ никакого участія въ пирушкѣ, и его лицо не оживилось радостью, глаза не заблестѣли весельемъ, когда онъ убѣдился на дѣлѣ, что экзамены оказались менѣе строгими, чѣмъ ожидали воспитанники. Повидимому, причина его блѣдности и задумчивости была болѣе глубокою, чѣмъ страхъ передъ дурнымъ балломъ. Онъ сдавалъ одинъ экзаменъ за другимъ самымъ блестящимъ образомъ, получалъ лучшіе баллы, шелъ первымъ, а его лицо все не прояснялось. Печать глубокаго раздумья и серьезной грусти глубоко врѣзалась въ каждую черту его физіономіи, и это еще такъ недавно казавшееся дѣтскимъ и беззаботнымъ лицо приняло такое осмысленное выраженіе, такъ возмужало, что имъ нельзя было не залюбоваться. Это былъ уже не мальчикъ, не пухленькій херувимчикъ съ розовенькими щечками и глупенькими боль-

шими глазами. Это былъ умный, вполнѣ развившійся юноша, вступавшій въ жизнь съ полнымъ сознаніемъ того, что̀ его ожидаетъ впереди. Во всѣхъ его движеніяхъ пропала кадетская угловатость и суетливость; его фразы сдѣлались сжатыми, точно онъ скупился изливать передъ другими всѣ дорогія для него чувства и мысли, которыя роились въ его головѣ. Онъ уже не такъ волновался, говоря о предстоящей ему службѣ въ дѣйствующей арміи, хотя онъ еще глубже чувствовалъ всю тяжесть разлуки съ отцомъ и всю печальную сторону той участи, которая, быть-можетъ, выпадетъ ему на долю въ первомъ же сраженіи. Повидимому, онъ уже обдумалъ, какъ и что онъ сдѣлаетъ въ томъ или другомъ случаѣ и уже не боялся, по крайней мѣрѣ, лично за себя. Какъ-то мелькомъ, въ разговорѣ съ Катериной Александровной, онъ замѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что каждый человѣкъ долженъ взять за руководство одну великую идею: или со щитомъ, или на щитѣ. Всякій другой путь ведетъ только къ заблужденіямъ, къ мелкимъ тревогамъ, къ жизни разныхъ Адуевыхъ.

— Я васъ не понимаю, Саша, — сказала Катерина Александровна.—Вы говорите: каждый человѣкъ... Но вѣдь это только тѣ могутъ сдѣлать, которые на войнѣ. Они могутъ или побѣдить, или умереть, а какъ же мы-то: мы ни съ кѣмъ не воюемъ...

— Какъ же не воюете? — возразилъ Александръ Прохоровъ. — Вы тоже вонъ воюете съ Зубовой, съ Постниковой...

— Ну, Саша, ихъ не побѣдишь. Однѣ уйдутъ, другія такія же явятся.

— Да тутъ дѣло не въ людяхъ, а въ томъ, чтобы добиться своего, своей цѣли достигнуть... Мнѣ кажется, каждый человѣкъ долженъ задаться извѣстною цѣлью и или умереть, или достигнуть ее, побѣдивъ всѣхъ враговъ, мѣшающихъ достиженію этой цѣли.

— Ну, Саша, вы совсѣмъ къ войнѣ приготовились,—улыбнулась молодая дѣвушка. — Можно ли такъ хладнокровно говорить объ этомъ? Вы идете убивать людей и говорите про это такъ, какъ будто дѣло идетъ о какихъ-нибудь комарахъ...

— Отчего же и не такъ?—спросилъ Александръ Прохоровъ. — Вѣдь вы убиваете же комара, если онъ васъ ужалитъ? А онъ тоже, я думаю, хотѣлъ бы жить и питаться вашею кровью.

Катерина Александровна какъ-то боязливо взглянула на своего молодого друга.

— Я думаю, Катерина Александровна, вы охотно изгнали бы изъ пріюта Зубову и Постникову, если бы могли?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Еще бы не изгнать такихъ злыхъ женщинъ; онѣ всѣхъ дѣтей поѣдомъ ѣдятъ,— горячо отвѣчала молодая дѣвушка.

— А какъ вы думаете, чѣмъ бы онѣ стали жить, если бы къ нимъ всѣ такъ отнеслись, какъ вы? — спросилъ Александръ Прохоровъ, пристально взглянувъ на нее.

Она молчала.

— Имъ пришлось бы идти по-міру; но, можетъ-быть, ни вы, ни другія женщины, смотрящія на нихъ такъ же, какъ вы, не подали бы имъ ни гроша, такъ какъ эти гроши нужны для болѣе близкихъ вамъ людей. Зубовой и Постниковой, по вашей милости, пришлось бы умереть съ голоду. А вѣдь это уже не комары.

Катерина Александровна задумалась.

— Саша, вы, значитъ, очень охотно идете воевать?—съ непонятнымъ для ней самой волненіемъ спросила она черезъ минуту.

— Я, какъ и всѣ, желаю, чтобы поскорѣй кончилась война и чтобы люди не рѣзали другъ друга,—спокойно отвѣтилъ онъ.

Впервые, во время этого разговора, Катерина Александровна смутно почувствовала, что ея другъ уже не мальчикъ, что она сама вдругъ сдѣлалась какъ будто моложе его. Она хотя и не совсѣмъ ясно, но все-таки сознавала, что онъ впервые высказывалъ ей мысли, не просто вычитанныя имъ изъ книги или слышанныя отъ учителей, а свои собственныя, созрѣвшія въ его головѣ, и въ то же время она поняла, что она никогда не додумывалась до этихъ мыслей, никогда не отдавала себѣ отчета, къ чему собственно она стремится къ борьбѣ съ такими личностями, какъ Зубова и Постникова. «Саша знаетъ больше меня, оттого онъ и умный»,—мелькнуло въ ея головѣ.

— Учитесь, Катерина Александровна,—промолвилъ Александръ Прохоровъ, какъ бы угадывая ея мысли. — Изберите образованіе своею цѣлью и идите къ ней, во что бы то ни стало. Безъ образованія ничего не подѣлаете. Я самъ сознаю, что я теперь никуда не гожусь кромѣ военной службы и что придется много работать, чтобы стать человѣкомъ. Вы тоже дальше пріюта безъ образованія не пойдете.

— Я это знаю, Саша, — вздохнула Катерина Александровна. — Я и учусь, да многому ли можно выучиться при посторонней работѣ?

— Погодите, кончится война, я помогу вамъ...

— Вы?

— Ну да. Чему же вы удивляетесь? Самъ буду учиться и помогу вамъ. Безъ помощи ничего не сдѣлаете; у васъ вонъ семья на хлѣбахъ. А вы тоже мнѣ помогите: не оставляйте покуда отца, берегите его. Онъ слабъ, ему нужна поддержка, нужна ласка...

Александръ Прохоровъ задумался.

— Запиваетъ онъ иногда, — проговорилъ онъ печально.

— Развѣ вы знаете?—изумилась Катерина Александровна.

— Еще бы! Когда мы жили еще подъ Невскимъ, я зналъ это, хотя онъ и скрывалъ это отъ насъ... Знаете ли, я прежде осуждалъ его въ душѣ, я гнушался имъ, я краснѣлъ, когда онъ появлялся въ корпусѣ, и мальчишки смѣялись надъ его носомъ...

Катерина Александровна смотрѣла на Александра Прохорова съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Я, можетъ-быть, и продолжалъ бы такъ относиться къ нему, если бы ни одинъ случай,—продолжалъ Александръ Прохоровъ. — Это было два года тому назадъ, во время осеннихъ отпусковъ, не задолго до знакомства съ вами. Пріятели зазвали меня къ себѣ на пирушку. Мнѣ тогда только еще недавно минуло пятнадцать лѣтъ. Мои пріятели были гораздо старше меня, но любили меня, называли своимъ другомъ, ухаживали за мною и просто няньчились со мною, какъ съ ребенкомъ. Я былъ пухленькимъ, здоровымъ, розовымъ и веселымъ мальчуганомъ. Отчасти я гордился тѣмъ, что меня чуть не на рукахъ носятъ, отчасти я привязался къ нимъ изъ потребности чьей-нибудь ласки, чьего-нибудь привѣтнаго слова. Именно въ эту пору я менѣе всего дорожилъ ласками отца, къ которому я нѣсколько охладѣлъ, узнавъ о томъ, что онъ пьетъ, и стыдясь его бѣдной одежды, его неказистой физіономіи, его циническаго нахальства — такъ подъ вліяніемъ друзей началъ я въ ту пору называть его манеру развязно заговаривать со всѣми, его невниманіе къ своему костюму, его веселость подъ нищенскими лохмотьями. Веселая пирушка, на которой я былъ, спеціально устроилась для меня. Меня угощали, поили; шутки и смѣхъ лились вмѣстѣ съ виномъ. Я пилъ впервые, не замѣчая, какъ пустѣлъ и снова наполнялся мой стаканъ.

Среди этого безшабашнаго разгула, когда я былъ совершенно пьянъ, одинъ изъ моихъ друзей, хозяинъ квартиры, гдѣ мы были, вздумалъ продѣлать со мной одну изъ возмутительнѣйшихъ штукъ. Хотя я едва стоялъ на ногахъ, но все же во мнѣ осталось настолько смысла, чтобы придти въ негодованіе и подняться съ мѣста. Я началъ ругаться и сказалъ, что я иду домой. Надо мной стали смѣяться, говоря, что я не въ состояніи пройти по комнатѣ. Я ругался и утверждалъ противное. «Ну, чортъ съ нимъ, пусть идетъ, если хочетъ», — крикнулъ кто-то, и меня перестали удерживать. Я не въ состояніи былъ застегнуть свой разстегнутый мундиръ, я кое-какъ накинулъ шинель и пошелъ. Друзья мои знали, что я никогда не имѣлъ денегъ, что я живу очень далеко, что ночью я могу попасть въ полицію и угодить въ кантонистское училище, въ юнкера, могу быть выгнаннымъ изъ корпуса. Но никто не тронулся съ мѣста, никто не проводилъ меня и не нанялъ мнѣ извозчика. Ночь была темная, ненастная. Какъ я шелъ, какъ я добрелъ до дому, я теперь и самъ не знаю. Должно-быть, я нѣсколько разъ падалъ въ грязь, потому что мое платье было все перепачкано. Вѣроятно, я спасся отъ глазъ полицейскихъ только потому, что мнѣ пришлось идти по пустыннымъ улицамъ Ямской и около Конной площади, гдѣ пьяные люди не возбуждаютъ особеннаго вниманія. Но какъ бы то ни было, это путешествіе, совершонное въ нѣсколько часовъ, останется навсегда въ моей памяти; оно стоило долголѣтняго путешествія блуднаго сына, вернувшагося послѣ долгихъ разочарованій и потерь къ порогу родного дома. Съ трудомъ добравшись до квартиры, я вошелъ въ комнату отца и тяжело опустился на первый попавшійся стулъ. Я уже былъ не столько пьянъ, сколько измученъ ходьбою и инстинктивнымъ страхомъ. Отецъ еще не спалъ. Взглянувъ на меня, онъ сразу понялъ все. «Неужели они одного тебя отпустили?»—тревожно спросилъ онъ. «Одного»,—угрюмо и безсвязно отвѣтилъ я. «Негодяи», — проворчалъ отецъ и хлопотливо сталъ раздѣвать меня. Я сидѣлъ неподвижно въ полудремотѣ и далъ ему полную волю распоряжаться моею особой. Онъ раздѣлъ меня, снялъ съ меня сапоги, снялъ чулки, вытеръ мои ноги, одѣлъ меня въ сухое бѣлье и, какъ ребенка, уложилъ въ постель. Ни одного упрека, ни одного вздоха не долетѣло до меня. У меня началась икота, отецъ молча и заботливо принесъ мнѣ воды, укуталъ меня въ тепло одѣяло и сѣлъ около постели. Я уснулъ тяжелымъ сномъ.

— Я воображаю, какъ тяжело было ему, — промолвила Катерина Александровна:—онъ въ васъ души не слышитъ...

— Когда я открылъ глаза, было уже позднее утро. Отецъ сидѣлъ у моей постели, опустивъ на грудь голову. Какъ только онъ замѣтилъ, что я проснулся, онъ принялъ веселый видъ и торопливо заговорилъ. «Сейчасъ чайку приготовлю. Ты не вставай, Саша. Вѣдь дома не въ корпусѣ, можно и понѣжиться, не для чего съ пѣтухами подниматься. Ты въ постели чайку напейся, это, знаешь, иногда хорошо. Надо же и посибаритничать!» Онъ суетился и шутилъ, но это были не его обыкновенныя суетливость и веселость, это была маска, которою онъ хотѣлъ прикрыть отъ меня свои настоящія чувства. Я хотѣлъ-было встать, но моя голова была тяжела, я чувствовалъ, что мое тѣло какъ будто разбито. Со стыдомъ въ душѣ я долженъ былъ остаться въ постели и видѣть, какъ мнѣ услуживалъ отецъ. Мнѣ было бы легче вынести въ эти минуты цѣлую бурю брани и упрековъ, чѣмъ видѣть его ласку, его хлопоты, его услужливость. Онъ наказывалъ меня своею добротой.

— Но теперь, Саша, вы не обвиняете его за это? — спросила Катерина Александровна.

— Я и тогда не обвинялъ его; я просто стыдился его и чувствовалъ, что никакія наказанія не могли бы подѣйствовать на меня такъ, какъ подѣйствовала его ласка, — отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Почти весь день пролежалъ я въ постели. Отецъ читалъ мнѣ вслухъ какую-то книгу, развлекалъ меня разсказами о мѣстныхъ новостяхъ, шутилъ и острилъ, какъ будто не случилось ничего особеннаго, какъ будто я не лежу съ похмелья въ постели. О прошедшей ночи не было и помину. Я былъ окончательно подавленъ, униженъ. Я не слышалъ, что онъ читалъ, я не понималъ, что онъ разсказывалъ. Въ моей головѣ впервые зароились вопросы: дѣйствительно ли друзья мнѣ эти люди, которые няньчатся со мною; имѣлъ ли я право промѣнять на нихъ своего отца и стыдиться его; не является ли онъ моимъ единственнымъ другомъ, видящимъ въ моемъ счастьи все свое счастье, живущимъ моею жизнью? Мнѣ вспомнилась возмутительная сцена, происходившая на глазахъ всѣхъ моихъ друзей; мнѣ вспомнилась вся ихъ безсердечная черствость, высказавшаяся ясно въ ту минуту, когда они отвернулись отъ меня за то, что я не подчинился грязной выходкѣ ихъ патрона; мнѣ вспомнилась встрѣча съ отцомъ... Для меня все сдѣлалось яснымъ. А въ душѣ поднялись

между тѣмъ упреки за то, что я, напившійся вчера мальчишка, такъ часто обвинялъ въ душѣ за рѣдкіе случаи пьянства своего отца; упреки за то, что я, взлелѣянный и вскормленный на послѣдніе гроши отца, стыдился его лохмотьевъ; упреки за то, что, въ отплату за всѣ его жертвы, за всѣ его лишенія, я не только не отвѣчалъ ласками на его ласки, но старался даже избѣжать этихъ ласкъ, этого «миндальничанья», этого «сахарничанья», какъ выражались мои друзья, миндальничавшіе и сахарничавшіе со мною. Мнѣ болѣзненно, мучительно хотѣлось попросить прощенья у отца, хотѣлось покаяться передъ нимъ во всемъ, но не хватало духу.

Александръ Прохоровъ на нѣсколько минутъ остановился. Катерина Александровна, опустивъ голову на руку, сидѣла въ безмолвномъ раздумьи. Какимъ-то тепломъ и свѣтомъ повѣялъ на нее этотъ разсказъ, какое-то новое чувство къ Александру Прохорову незамѣтно закралось въ ея душу. Если бы этотъ человѣкъ въ эту минуту вздумалъ обнять и прижать ее къ своему сердцу—она беззавѣтно отдалась бы ему, она прижалась бы къ этой теплой и честной молодой груди, какъ ребенокъ прижимается къ груди матери. Теперь Александръ Прохоровъ уже вполнѣ казался ей не мальчикомъ, не младшимъ братомъ, но сильнымъ и твердымъ мужчиной; онъ какъ будто выросъ въ ея глазахъ въ эти минуты.

— Но подобныя физическія потрясенія и нравственные переломы не всегда легко сходятъ съ рукъ,—продолжалъ Александръ Прохоровъ.—Къ вечеру у меня сдѣлался жаръ и начался бредъ. Я захворалъ не на шутку. Отецъ совершенно растерялся; онъ почти не отходилъ отъ меня; онъ продалъ послѣднія крохи, чтобы добыть деньги на лѣкарство; онъ кланялся въ пріемныхъ благотворителей, чтобы вырвать копейку для меня. Какъ онъ пережилъ это время, какъ онъ не сошелъ съ ума, не запилъ съ горя, это можно объяснить только силою любви, которая, мнѣ кажется, можетъ сдѣлать труса героемъ, слабаго человѣка—мужественнымъ бойцомъ. И никто, рѣшительно никто во все время моей болѣзни не справился, живъ ли я, не случилось ли чего-нибудь со мною, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь. И то сказать—здоровый я могъ интересовать друзей, больной—я сдѣлался имъ не нуженъ. Я, пожалуй, извинилъ бы ихъ, если бы они были дѣти, но они были гораздо старше меня; они понимали свои отношенія ко мнѣ и лгали о своемъ безкорыстномъ расположеніи ко мнѣ сознательно. Когда я

поднялся съ постели—я былъ уже здоровъ не только физически, но и нравственно. Я уже не помышлялъ даже объ извиненіяхъ передъ отцомъ, какъ помышлялъ объ этомъ въ началѣ болѣзни; я просто искренно и горячо отдался своей любви къ нему, и я знаю, что эта горячая любовь лучше всякихъ извиненій могла загладить прошлое и заслужить его прощеніе, если только онъ когда-нибудь сердился на меня.

Молодой человѣкъ умолкъ. Выраженіе его лица было оживлено, его сѣрые глаза блестѣли, щеки слегка зарумянились, и въ то же время какимъ-то свѣтлымъ и мягкимъ спокойствіемъ вѣяло отъ всей его фигуры. Взглянувъ на его физіономію, можно было не ошибаясь сказать, что въ его душѣ тепло, что въ его головѣ нѣтъ ни одного грязнаго помысла, что въ его рѣчахъ нѣтъ ни слова лжи и лукавства. Въ эту минуту его можно было назвать красавцемъ.

— Берегите же отца, моя добрая,—проговорилъ онъ и поцѣловалъ ея руку.

— Не бойтесь, я его не оставлю,—искренно промолвила Катерина Александровна.—Что бы ни случилось, я не разстанусь съ нимъ.

Онъ не выпускалъ ея руки и тихо сказалъ:

— Теперь я совершенно спокоенъ. Онъ васъ любитъ, какъ дочь, и ваша ласка поддержитъ его...

Настало минутное молчаніе.

— Какъ тихо, какъ хорошо сегодня,—сказалъ онъ.—Кажется, давно уже не было такого яснаго вечера... Когда-нибудь мы, можетъ-быть, будемъ вспоминать, какъ намъ хорошо жилось въ этотъ вечеръ.

— Да, Саша, я его не забуду,—тихо прошептала она.

Онъ пожалъ ей руку. Въ это время въ комнату вошелъ Антонъ. Александръ Прохоровъ быстро всталъ и подошелъ къ мальчику.

— Наработался, голубчикъ?—спросилъ онъ и, притянувъ къ себѣ мальчугана, покрылъ его лицо горячими, страстными поцѣлуями.

Онъ снова сѣлъ къ окну противъ Катерины Александровны и, обнявъ одною рукою Антона, усадилъ его къ себѣ на колѣни.

— Вотъ такъ хорошо,—говорилъ онъ, лаская мальчугана.—Теперь мы всѣ трое проведемъ послѣдній вечеръ старой жизни.

— Развѣ ты уже завтра уѣзжаешь?—спросилъ Антонъ.

— Нѣтъ, но теперь начнутся хлопоты, и едва ли намъ удастся остаться снова втроемъ,—отвѣтилъ Прохоровъ.

Всѣ опять умолкли. У каждаго роились какія-то смутныя думы; имъ не хотѣлось говорить; имъ просто хотѣлось молча посидѣть вмѣстѣ въ тѣсномъ кружкѣ. Они не слышали, какъ заглянула въ комнату Марья Дмитріевна, какъ она начала возиться съ самоваромъ, какъ возвратился изъ гостинаго двора штабсъ-капитанъ съ своимъ младшимъ сыномъ.

— Что присмирѣли, птахи?—весело проговорилъ онъ, появляясь въ свою комнату.—Опять затосковались?

— Нѣтъ, отецъ, мы, напротивъ того, отбросили всякую тоску и наслаждались затишьемъ,—проговорилъ Александръ Прохоровъ.—Вечеръ чудесный.

— Да, да, теплынь стоитъ,—сказалъ штабсъ-капитанъ и подсѣлъ къ кружку.—А маленькое дитятко на ручки забралось,—пошутилъ онъ, трепля по плечу Антона.

— Да, вотъ такъ ты меня въ его годы иногда усаживалъ къ себѣ на колѣни,—съ ласковою улыбкой промолвилъ Александръ Прохоровъ.

Старикъ улыбнулся.

— Да, тоже баловень былъ,—шутливо замѣтилъ онъ.

Всѣмъ было какъ-то особенно хорошо.

— Самоваръ готовъ,—сказала Марья Дмитріевна, появляясь въ комнату.

— Ну, сегодня мы здѣсь напьемся,—сказала Катерина Александровна.—Не правда ли, Флегонтъ Матвѣевичъ, здѣсь лучше?

— Да, да, у меня въ гостяхъ,—обрадовался старикъ и торопливо сталъ открывать ломберный столъ.

— Посмотри же, что мы закупили съ отцомъ,—сказалъ младшій Прохоровъ брату.

— Чего же смотрѣть?—отвѣтилъ тотъ.—Все, вѣроятно, отлично.

— Тряпочки, тряпочки разныя,—проговорилъ Флегонтъ Матвѣевичъ, махнувъ рукой.—Успѣемъ еще заняться ими. Теперь главное гостей угостить,—шутилъ онъ.

Вечеръ шелъ живо и весело,—это былъ дѣйствительно послѣдній вечеръ, которымъ оба семейства безтревожно и празднично закончили свою дружескую жизнь вмѣстѣ. Въ слѣдующіе дни начались хлопоты, бѣготня, заботы о мелочахъ, необходимыхъ для двухъ уѣзжающихъ въ полкъ братьевъ; всѣ суетились, бѣгали и сходились вмѣстѣ какъ-то урывками, на минуту.

Наконецъ, насталъ день отъѣзда. Всѣ старались быть бодрыми, хотя у всѣхъ щемило сердце; всѣ старались улыбаться, хотя у всѣхъ были красны глаза. Марья Дмитріевна бѣгала болѣе всѣхъ и все заботилась, не забыли ли чего уложить. Равнодушнѣе всѣхъ относились къ укладкѣ вещей Александръ Прохоровъ и Катерина Александровна. Наконецъ, все было уложено, все было переговорено, всѣ усѣлись...

— Ну, прощай, отецъ!—произнесъ Александръ Прохоровъ и обнялъ старика.

Тотъ такъ и замеръ на груди сына. Сынъ безмолвно прижалъ свои губы къ его сѣдой головѣ. Когда старикъ поднялъ голову и крѣпко поцѣловалъ сына въ губы—грудь на пальто Александра Прохорова была вся смочена слезами.

— Прощай! Береги брата, брата береги!—съ усиліемъ пробормоталъ старикъ, отрываясь отъ старшаго сына, и обнялъ младшаго.

Прощаясь съ нимъ, онъ не могъ удержаться отъ рыданій и цѣловалъ, и крестилъ его, какъ ребенка.

Марья Дмитріевна, Миша, Антонъ, всѣ горячо и со слезами обнимали уѣзжающихъ. Наконецъ, Александръ Прохоровъ подошелъ къ Катеринѣ Александровнѣ. Онъ протянулъ ей руку и притянулъ ее къ себѣ, обвивъ ея талію лѣвой рукою. Они какъ будто замерли въ долгомъ, горячемъ поцѣлуѣ. Александръ Прохоровъ забылъ всѣхъ и все; онъ цѣловалъ глаза и руки молодой дѣвушки; онъ не могъ наглядѣться на нее.

— Никто какъ Богъ, никто какъ Богъ,—задушевно проговорилъ штабсъ-капитанъ, подходя къ нимъ:—увидитесь... всѣ увидимся.

Старику, повидимому, все стало ясно. Онъ взялъ Катерину Александровну и обнялъ ее одною рукой.

— Мы съ нею будемъ поджидать тебя,—ласково промолвилъ онъ старшему сыну.

Тотъ сжалъ руки отца и тихо наклонился къ Антону.

— Пиши, милый,—проговорилъ онъ почти шопотомъ, едва удерживая душившія его слезы.

— Ужъ ты не бойся, буду писать,—отвѣтилъ мальчикъ.

— И объ отцѣ, и о ней также,—тихо добавилъ Александръ Прохоровъ.

— Хорошо!

Всѣ вышли изъ квартиры. Никто не хотѣлъ отпустить дорогихъ уѣзжающихъ, не проводивъ ихъ.

Когда семья Прилежаевыхъ и штабсъ-капитанъ возвратились домой и усѣлись вечеромъ за чай, имъ показалась какъ-то пустынна и безлюдна ихъ квартира, точно они осиротѣли. Тихо лились ихъ рѣчи.

— Гдѣ-то теперь наши?—говорилъ штабсъ-капитанъ.

— А долго ли имъ, голубчикамъ, ѣхать-то придется?— спрашивала Марья Дмитріевна.

— Я думаю, и они теперь насъ вспоминаютъ,—замѣтила Катерина Александровна, стараясь угадать, что думаетъ, о чемъ говоритъ тотъ, котораго она такъ горячо любила.

— Погоди, узнаемъ все, онъ мнѣ обо всемъ напишетъ,— успокоилъ ее Антонъ, не безъ гордости упомянувшій о своей будущей перепискѣ съ юнымъ офицеромъ.

Далеко за полночь шли эти толки, никто не думалъ о снѣ; казалось, что всѣ старались сплотиться тѣснѣе и боялись разойтись по своимъ угламъ, чтобы не остаться совершенно одинокими.

Молчаливѣе и задумчивѣе всѣхъ была Катерина Александровна; порой ей казалось, что, если бы Александръ Прохоровъ могъ взять ее съ собою, она бросила бы всѣхъ и все и ушла бы за нимъ.

Она уже не сомнѣвалась, что она его любила, любила больше матери, больше брата, больше всего на свѣтѣ.

V.

Начало конца.

Опять настало лѣто, опять начались передѣлки въ пріютѣ, наступила пора «постройки» одежды. Среди хлопотъ и волненій особенно озабоченною выглядѣла Зорина; она часто совѣщалась съ Зубовой, и послѣдняя приняла какой-то зловѣще-торжествующій видъ. Катерину Александровну старуха Зорина перестала приглашать къ себѣ и какъ-то старалась избѣгать ее. Изъ разныхъ намековъ и колкостей Зубовой молодая дѣвушка поняла, что Зубова сильно интригуетъ противъ нея. Она вообще привыкла равнодушно относиться къ пріютскимъ сплетнямъ и интригамъ, и ее удивляло только то, что Зорина, ненавидѣвшая Зубову, повидимому, поддалась послѣдней. Привыкнувъ давно къ разнымъ случайностямъ, Прилежаева не старалась ломать голову надъ разрѣшеніемъ вопроса, почему произошла перемѣна въ обращеніи Зориной съ нею и съ Зубовой. Катерину Александровну занимали теперь болѣе близкія ея сердцу и болѣе свѣтлыя мечты и думы. Она думала о *немъ*, думала, какъ онъ вер-

нется, какъ они вмѣстѣ будутъ работать, какъ онъ можетъ ей выбиться изъ тяжелаго и необезпеченнаго положенія въ пріютѣ. Несмотря на тревоги за его участь, несмотря на постоянное волненіе при каждомъ извѣстіи съ поля военныхъ дѣйствій, молодая дѣвушка была счастлива, и свѣтлое чувство рѣдко покидало ее. Она какъ будто расцвѣла въ это время, сдѣлалась еще прекраснѣе; ея лицо дышало жизнью и энергіею. Она любила. Эта любовь охватывала и оживляла все ея существо. Но порою рядомъ съ свѣтлыми мечтами пробуждались въ ней и мрачныя предчувствія. Она старалась разогнать ихъ, усиленнѣе работала, перечитывала письма, полученныя отъ *него*, избѣгала одиночества и окружала себя дѣтьми, развлекавшими ее своею болтовней. Въ эти минуты наблюдатель могъ бы легко замѣтить, что у этой, повидимому, веселой и безпечной дѣвушки нервы находятся не въ порядкѣ, что ея душа не спокойна и напряженно ждетъ чего-то. При такомъ настроеніи, всѣ дрязги будничной жизни казались ей слишкомъ мелкими, слишкомъ ничтожными.

— Милочка, посмотрите вы, пожалуйста, на нашу «красавицу»,—желчно говорила Постникова Зубовой:—она земли подъ собой не слышитъ.

— Какъ же, офицершей скоро сдѣлается,—смѣялась Зубова.—Вѣдь ея кадетъ-то въ полкъ вышелъ, мнѣ наша прачка говорила.

— Да что это, душа моя, она вѣдь вѣрно завивается. Вы взгляните, какой завитокъ у нея на лбу.

— Какъ же, нельзя не пококетничать!—хохотала Зубова.—Можетъ-быть, другого еще подцѣпить на случай хочетъ.

Объ дѣвственницы возмущались и красотой, и кокетствомъ, и «развратомъ» Катерины Александровны. А она продолжала не обращать на нихъ вниманія. Впервые пришлось ей снова столкнуться съ ними при сдачѣ постельнаго и дѣтскаго бѣлья. Пересчитывая бѣлье, Катерина Александровна замѣтила Зубовой, что бѣлье еще не все, такъ какъ недостаетъ всего по одной смѣнѣ.

— Ну, ужъ это не ваше дѣло,—возразила Зубова насмѣшливымъ тономъ.

— Кромѣ того, вы старое бѣлье смѣшали съ новымъ,—промолвила Катерина Александровна.

— Значитъ, такъ надо, васъ вѣдь не спросятъ. Это мое и Анны Васильевны дѣло.

— Я не думаю, чтобы Анна Васильевна стала отдавать дѣтямъ лохмотья вмѣсто новаго бѣлья.

— А вы спросите ее,—разсмѣялась Зубова.

— Конечно, спрошу.

Прилежаева отправилась къ Зориной и объяснила ей, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, что вы мѣшаетесь не въ свои дѣла,—раздражилась старуха.—Нельзя же все новое шить дѣтямъ.

— Но мы должны же сдѣлать законное число перемѣнъ бѣлья.

— Мы, мы!—сердито повторила старуха.—Кто это мы? Ужъ не вы ли? Кажется, бѣлье лежитъ на моей отвѣтственности и на отвѣтственности Зубовой.

— Я думаю, мы всѣ должны заботиться о дѣтяхъ.

— Ну, предоставьте это мнѣ, какъ начальницѣ. И вообще я попрошу васъ не мѣшаться въ мои дѣла. Вы слишкомъ своевольничаете.

Катерина Александровна пожала плечами и вышла. Она поняла, что тутъ просто-на-просто совершается кража. Приходилось или молчать и оставить дѣтей ходить въ дырявыхъ рубашкахъ и юбкахъ, или донести на начальницу. Всевозможные подкопы и интриги были не въ характерѣ Катерины Александровны; ей самой пришлось испытать много непріятностей отъ шпіоновъ, и потому она чувствовала отвращеніе ко всякаго рода доносамъ. Но ее, все-таки, сильно волновала совершаемая въ ея глазахъ кража. Она стала пристальнѣе вглядываться во все и съ удивленіемъ замѣтила, что положеніе пріюта въ послѣднее время значительно ухудшилось. Воспитанницамъ не смѣняли бѣлья по двѣ недѣли, пища сдѣлалась еще хуже, чѣмъ прежде, иногда отъ нея просто тошнило. Кромѣ того, Зубова, сдѣлавшаяся первымъ министромъ Зориной, воевала въ пріютѣ на каждомъ шагу. Зорина, за каждую шалость воспитанницъ нападавшая прежде на помощницъ, теперь, напротивъ того, смотрѣла сквозь пальцы, какъ помощницы притѣсняли воспитанницъ. Уже въ самомъ началѣ лѣта Зубова собственноручно высѣкла одну маленькую дѣвочку; потомъ былъ еще одинъ подобный случай; наконецъ, въ одинъ прекрасный лѣтній день, по распоряженію Зубовой, долженъ былъ собраться весь пріютъ для присутствованія при экзекуціи, которую хотѣли совершить надъ взрослою воспитанницей Поповой. Катерина Александровна, еще не забывшая исторію Скворцовой, не выдержала и отправилась къ Зориной.

— Что это, Анна Васильевна, у насъ дѣлается?—проговорила она въ сильномъ волненіи.—Пріютъ обратился въ какой-то съѣзжій дворъ, гдѣ только порютъ людей.

— Пожалуйста, выражайтесь поосторожнѣе,—замѣтила старуха, разсерженная рѣзкимъ тономъ Прилежаевой.—Если сѣкутъ дѣвчонокъ, значитъ, онѣ стоятъ того...

— Совсѣмъ не значитъ. Попову сѣкутъ за то, что она сказала вчера, что въ пріютѣ всякой дрянью изъ помойныхъ ямъ кормятъ. Но вѣдь дѣйствительно обѣдъ былъ отвратительный.

— Ахъ, Боже мой, не трюфелями же кормить изъ девять копеекъ!

— Но и не гнилой капустой. Прежде вы сами...

— Да, пожалуйста, не разсуждайте! Эта мерзавка всѣхъ всполошила вчера. Бунтоваться вздумали туда же.

— Еще бы не бунтоваться, если ихъ отравляютъ!

— Идите вонъ!

— Я этого такъ не оставлю! Пріютъ не притонъ для воровъ...

— Да вы... да вы... знаете ли, съ кѣмъ вы говорите!—воскликнула Зорина.—Я васъ уничтожу, я завтра же вышвырну васъ отсюда.

— Ну, посмотримъ! Если дѣло дойдетъ до этого, то я не остановлюсь ни передъ чѣмъ.

Зорина поблѣднѣла.

— Что же: ужъ не донесешь ли станете?—саркастически спросила она.

— Я буду только платить тою же монетой, которою платятъ мнѣ,—сухо отвѣтила Прилежаева.—Но прежде чѣмъ я выйду отсюда, вы должны отмѣнить наказаніе Поповой.

— Этого не будетъ!

— Анна Васильевна, вы подумайте,—серьезно произнесла Прилежаева.—У меня въ рукахъ есть доказательства, которыя заставятъ серьезно взглянуть на дѣло... Я вамъ говорю, что я не остановлюсь ни передъ чѣмъ... Вы знаете, я въ прошломъ году не испугалась самой графини, а васъ-то ужъ, конечно, я не побоюсь...

— Ну, княгиня увезла съ собой вашу покровительницу-горничную...

— Вы ошибаетесь, что мнѣ нужно чье-нибудь покровительство; за меня въ настоящемъ случаѣ будутъ говорить мои доказательства.

— Ну, мы посмотримъ, кто выиграетъ... Одно могу сказать вамъ, что вы здѣсь не останетесь болѣе...

Катерина Александровна вышла. Черезъ нѣсколько минутъ Зорина потребовала къ себѣ Зубову. Прошло около часу, Зубова не являлась съ совѣщанія; въ пріютѣ царствовала гробовая тишина, всѣ ждали чего-то недобраго, видя встревоженное лицо Катерины Александровны и зная, что черезъ часъ должно начаться сѣченье. Наконецъ, въ классъ явилась Зубова; она была красна, какъ вареный ракъ, и на ея лбу выступилъ потъ.

— Тебя прощаетъ Анна Васильевна,—проговорила она, обращаясь къ Поповой.—Ступай въ классъ и сиди тамъ на хлѣбѣ и на водѣ до вечера,—толкнула она воспитанницу въ спину.

У Катерины Александровны какъ гора свалилась съ плечъ.

— У насъ нынче новое занятіе нашли себѣ нѣкоторые люди: доносы писать вздумали,—злобно прошипѣла Зубова, обращаясь къ Постниковой.

— Фи, мерзость какая!—ужаснулась Постникова.

— Это совсѣмъ не новое занятіе,—промолвила Катерина Александровна.—У насъ только этимъ, да кражею и занимаются.

— Ахъ, я боюсь съ вами говорить!—насмѣшливо воскликнула Зубова.

— А я нисколько не боюсь, но не хочу говорить съ вами, и попрошу васъ не только не говорить со мною, но даже не говорить и обо мнѣ,—сухо произнесла Прилежаева.

— Ну, вѣдь и про царя говорятъ!

— А про меня я, все-таки, попрошу васъ не говорить.

Катерина Александровна вышла.

— Подлая, подлая! Мерзавка!—разлилась Зубова въ ругательствахъ.—Доносить вздумала, доносить!

— Неужели же ее испугаются!—воскликнула Марья Николаевна.

— Да попробуйте не испугаться, когда по горло въ долги вошли и не можемъ даже бѣлья пополнить.

— Можно сказать, что оно не готово еще...

— А вы развѣ не знаете, что на старомъ бѣльѣ вытравлены клейма и на мѣсто ихъ наложены новыя? Развѣ трудно доказать? Вѣдь она не посовѣстится, подлая тварь, прачекъ въ свидѣтельницы позоветъ...

— Ну, душа моя, имъ стоитъ по рублю подарить, и онѣ противъ нея же пойдутъ.

— По рублю! Да одной Анисьѣ Анна Васильевна двадцать пять рублей должна! Что же для Анисьи рубль-то значитъ? Нѣтъ, мерзавка знала, какое время выбрать, чтобы запугать нашу-то... Мнѣ, конечно, чего бояться, я суха выйду, мнѣ приказывали такъ дѣлать—я и дѣлала.

— Ахъ, какая низкая, низкая она! И какъ можно было этого ожидать? А я такъ ее любила!

— Ну, да вы ужъ всѣхъ обожаете!

— Нѣтъ, вы не говорите!.. Я, просто, не знаю, какъ можно было такъ маскироваться... У нея просто ничего святого нѣтъ...

— Чего святого! Безбожница просто!

Обѣ дѣвственницы не знали, что выдумать про Катерину Александровну и ругали ее взапуски. А время ежегодной ревизіи между тѣмъ было уже на носу. Зубова, Постникова и Зорина ежедневно совѣщались между собою, какъ бы устроить дѣло. Наконецъ, Зубова придумала средство удалить Катерину Александровну. Она посовѣтовала Зориной дать помощницамъ недѣльные отпуски и сначала отпустить Катерину Александровну, чтобы она провела время ревизіи внѣ пріюта. Зорина обрадовалась этому плану. Несчастная старуха въ сущности очень сильно страдала въ это время. До сихъ поръ она кое-какъ сводила концы съ концами и иногда изъ собственнаго жалованья и пенсіи дополняла передержки противъ смѣты по пріюту. Теперь же у нея не было ни жалованья, ни пенсіи и были неоплатные долги. Ея гордость сильнѣе всего страдала при мысли, что ее, Зорину, сочтутъ воровкою, что ее позорно изгонять изъ пріюта, если откроютъ все, что она старалась скрыть. Кромѣ того, ей самой было гадко, что она поневолѣ попалась въ грязныя руки такихъ ненавистныхъ ей женщинъ, какъ Зубова и Постникова, и что она отдалилась отъ Прилежаевой, которую въ душѣ она, все-таки, считала вполнѣ честною и хорошею дѣвушкой. Планъ Зубовой подалъ ей кое-какую надежду спастись отъ позора, хотя онъ и не примирилъ ее съ собственною совѣстью. Оставалось только объявить объ отпускахъ. Но какъ это сдѣлать? Она была не въ силахъ лично переговорить съ Прилежаевой; Постникова съ институтскимъ жеманствомъ и брезгливостью отказывалась отъ переговоровъ съ этой «низкой, низкой женщиной»; пришлось прибѣгнуть къ помощи ничѣмъ не брезгающей Зубовой. Она взялась уладить дѣло и въ тотъ же день заговорила за ужиномъ:

— А намъ нынче, Марья Николаевна, добрая Анна Васильевна даетъ недѣльные отпуски!

— Ахъ, добрая, добрая! Вотъ это мило!—по-дѣтски зарадовалась Марья Николаевна, хлопая въ ладоши.

— Сначала Катерина Александровна получитъ отпускъ съ нынѣшней субботы, потомъ вы, а тамъ и я отдохну.

Катерина Александровна удивилась этому необычайному извѣстію и обрадовалась въ душѣ возможности отдохнуть. Но черезъ минуту ее поразили особенная веселость и добродушіе Зубовой. Въ ея умѣ зародилось какое-то подозрѣніе. «Отчего же это меня первую хотятъ отпустить? Ужъ не новыя ли интриги затѣваютъ онѣ? Можетъ-быть, скажутъ, что я небрежно служу и все гуляю? Не лучше ли сначала предложить имъ взять отпуски?»

— Я желала бы послѣ всѣхъ воспользоваться отпускомъ,— проговорила она.

— Ну нѣтъ, этого нельзя, вы моложе всѣхъ, вамъ первымъ и даютъ отпускъ,—отвѣтила Зубова.

— Ну, это пустая причина; можно начать со старшихъ, то-есть съ васъ.

— Да понимаете, что мнѣ нельзя; я должна здѣсь быть при ревизіи,—запальчиво возразила Зубова.

Катерину Александровну озарила новая мысль; она яснѣе поняла, въ чемъ дѣло. «Такъ и есть,—промелькнуло въ ея головѣ.—Отпускаютъ меня, чтобы нажаловаться на меня ревизорамъ во время моего отсутствія».

— Ну, такъ, значитъ, мнѣ не придется воспользоваться отпускомъ,—равнодушно сказала она.—Отпускъ былъ бы для меня пріятенъ только въ концѣ лѣта, а не теперь.

— Ну, да ужъ если даютъ отпускъ, такъ нужно его брать,—рѣзко произнесла Зубова.—Добрая Анна Васильевна хлопочетъ о насъ, а ужъ намъ не приходится огорчать ее.

— Я очень ей благодарна и не думаю, чтобы она огорчилась тѣмъ, что я не уѣду отсюда.

— Вы все хотите по-своему дѣлать!

— Вѣдь и вы не пляшете подъ чужую дудку,—холодно отвѣтила Прилежаева.

Зубова пришла въ ярость.

— Васъ заставить бы нужно взять отпускъ,—заговорила она, выходя изъ себя.—Вы все наперекоръ хотите дѣлать... Вамъ бы совсѣмъ слѣдовало выйти отсюда...

— Такъ вамъ, значитъ, очень нужно, чтобы я удалилась на двѣ недѣли ревизіи?—нервно засмѣялась Катерина Але-

ксандровна, вставая изъ-за стола.—Ну, такъ знайте, что я именно потому и не беру отпуска, что въ это время будетъ ревизія.

Зубова побагровѣла отъ злости.

— А, такъ вотъ оно что!—прошипѣла она.—Опять за старое хотите приняться. Посмотримъ!

— Да, да, посмотримъ,—улыбнулась Катерина Александровна.

Черезъ пять минутъ Зориной передали все. Она упала духомъ. Въ первую минуту она готова была позвать Катерину Александровну и объясниться откровенно, но самолюбіе одержало верхъ надъ минутною рѣшимостью, и старуха, принявъ холодный видъ, промолвила Зубовой:

— Ну что-жъ, пусть остается, если хочетъ...

— Но вѣдь она донесетъ на васъ, — возразила Зубова.

— Что-жъ дѣлать? Пусть доноситъ!—махнула рукой старуха.—Скорѣй бы все это кончилось!.. Надоѣлъ мнѣ этотъ омутъ!..

Прошло дней пять, Зорина ѣздила повсюду занимать деньги, но всѣ попытки оказались тщетными. Она и безъ того была должна всѣмъ и за все. Насталъ день ревизіи. Въ пріютѣ появились угрюмый, озабоченный своими биржевыми спекуляціями, Гроховъ, престарѣлый, едва передвигающій ноги, генералъ Свищовъ со звѣздою на груди и юный, суетливый помощникъ Боголюбова, Ермолинскій, служившій гдѣ-то чиновникомъ по особымъ порученіямъ и числившійся съ недавняго времени секретаремъ благотворительныхъ заведеній Бѣлокопытовыхъ. Въ пріютѣ все было тихо и торжественно. Помощницы скромно потупляли глаза, Зорина приняла важный официальный видъ. На столахъ и на постеляхъ виднѣлись связки бѣлья. Начался пересмотръ и счетъ вещей. У Катерины Александровны замирало сердце, точно для нея рѣшался вопросъ жизни. Она была съ воспитанницами въ рабочей комнатѣ и не знала, что дѣлалось въ спальнѣ, гдѣ собрались ревизоры.

— Здѣсь недостаетъ одной смѣны,—хмуро проговорилъ Гроховъ, разсѣянно разсматривая бѣлье.

— Да еще не успѣли построить,—отвѣтила Зорина.

— Нато било торопиться. Вѣдь ви знайтъ, что въ это время будетъ ревизовка,—внушительно отвѣтилъ эскулапъ.

— Дѣтей мало осталось въ пріютѣ, всѣ въ отпуску, не поспѣваютъ шить,—оправдалась Зорина.—Впрочемъ, работа-

уже роздана, вотъ и еще кусокъ холста, приготовленнаго для бѣлья...

Она показала на тощій кусокъ нераскроеннаго холста. Во все время этого разговора, престарѣлый господинъ со звѣздою на груди апатично и безучастно стоялъ у стола и только похлапывалъ глазами, ожидая, скоро ли кончится осмотръ всѣхъ принадлежностей дѣтскаго бѣлья и настанетъ минута отъѣзда. Юный вертлявый помощникъ Боголюбова, между тѣмъ, углубился въ разсматриваніе какой-то простыни и поворачивалъ ее во всѣ стороны, смотрѣлъ на свѣтъ, подносилъ къ самымъ глазамъ и возился съ нею, какъ съ какою-нибудь антикварскою рѣдкостью. Онъ былъ новымъ лицомъ въ администраціи благотворительныхъ заведеній и еще не успѣлъ ничѣмъ отличиться. Наконецъ, онъ взялъ простыню въ видѣ портфеля подъ мышку и быстро бочкомъ направился съ нею къ господину со звѣздою.

— Ваше превосходительство, — послышался его тихій голосъ.

— Гмъ,—кашлянулъ господинъ со звѣздой, словно очнувшись отъ тяжелой дремоты, и заморгалъ усиленнѣе глазами.

— Посмотрите, ваше превосходительство,—шепталъ молодой человѣкъ.

— Гмъ, гмъ,—два раза кашлянуло его превосходительство и попробовало, не моргая, вперить свои глаза въ простыню.

— Пятно, ваше превосходительство,—шепталъ молодой человѣкъ, извиваясь съ простынею въ рукахъ передъ его превосходительствомъ.

— Угу,—пробормотало его превосходительство и сочло нужнымъ нахмурить брови и поднести къ глазамъ лорнетъ.

— Это знакъ, ваше превосходительство,—проговорилъ молодой человѣкъ и что-то быстро зашепталъ на ухо его превосходительству.

— Зна-акъ,—повторилъ, наконецъ, генералъ, какъ-будто до его слуха только теперь долетѣло первое слово предупредительнаго молодого чиновника по особымъ порученіямъ.

— Холстъ ветхій... очевидно, старое... подлогъ... Нельзя допустить... грабежъ,—шепталъ молодой человѣкъ, растягивая передъ носомъ его превосходительства роковую простыню.

— Н-да... грабежъ,—апатично повторилъ генералъ Свищовъ и вдругъ усиленно заморгалъ глазами и выпрямился.—Какъ же это?—заговорилъ онъ густымъ басомъ и принимая грозный, внушительный видъ.—Грабежъ... этого нельзя допустить... это очевидно... Я не могу этого допустить... А?—громко спросилъ онъ вдругъ, обернувшись къ безмолвно стоявшему сзади него молодому человѣку съ простыней, точно спрашивая, что говорить дальше.

— Его превосходительство находятъ, что эта простыня старая, на ней уничтожено клеймо и положено новое,—вкрадчиво и вѣжливо заговорилъ молодой человѣкъ, нѣсколько бокомъ выдвигаясь впередъ.—Его превосходительство и я, мы думаемъ, что нужно внимательнѣе пересмотрѣть каждую простыню, можетъ-быть, это не единичный фактъ.

— Гмъ... да... можетъ-быть, это не единичный...—отрывисто пробасилъ генералъ.—Не единичный... А?—снова обратился онъ къ молодому человѣку, тупо глядя ему въ глаза.

Зорина тихо взялась за спинку кровати, чувствуя, что ей измѣняютъ ноги. Для нея было все потеряно.

Зубова кусала себѣ губы, Постникова стыдливо опустила глаза. Генералъ, убѣжденный, что онъ распекъ кого слѣдуетъ, снова задремалъ, устремивъ взоры куда-то вдаль и моргая отяжелѣвшими вѣками.

— Пойдемте, ваше превосходительство,—вѣжливо обратился къ генералу молодой человѣкъ.

— А, да!.. Фу!.. кончили,—пробормоталъ старецъ, глубоко вздыхая послѣ непомѣрныхъ трудовъ по ревизіи.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, мы еще только начинаемъ,—съ тонкою и безобидною улыбочкой проговорилъ молодой ревизоръ.—Бѣлье нужно подробно осмотрѣть.

— Да... бѣлье...—пробормоталъ генералъ и вдругъ оживился.—А знаете, это нужно бы дамамъ поручить,—проговорилъ онъ на ухо юному ревизору.—Бѣлье, разныя этакія тайныя принадлежности... Хоть и дѣти, а все-таки женскій полъ... Нескромно немножко...

Старческое лицо генерала осклабилось сладкою полудѣтскою улыбкой, и въ его тусклыхъ глазахъ блеснулъ слабый огонекъ.

— Что дѣлать, ваше превосходительство, долгъ службы!—пожалъ плечами молодой человѣкъ.

— А, да!.. Долгъ службы!—многозначительно подняло его превосходительство кверху указательный палецъ и, шаркая ногами, потащилось за юнымъ чиновникомъ.

Одна роковая простыня натолкнула ищейку-ревизора на всѣ остальныя упущенія. Юный чиновникъ чуть не лазалъ подъ кровати въ пылу ревизорскаго рвенія. Онъ переворачивалъ каждый платокъ, каждую юбку, съ его лица катился обильный потъ. Самою блаженною минутой въ этотъ день была для него та минута, когда онъ нашелъ недосмотры въ связкахъ бѣлья, уже осмотрѣнныхъ Гроховымъ.

— Помилуйте, да вы совершенно поверхностно осматривали все это,—обратился онъ къ Грохову.

Докторъ тупо заморгалъ глазами.

— Я увѣренъ, ваше превосходительство, что и въ прошлые годы многое было не досмотрѣно,—обратился юный дѣлецъ къ генералу Свищову.—Вотъ-съ эти простыни, эти юбочки...

— А, юбочки,—машинально пробормоталъ генералъ.—Ну, покажите мнѣ юбочки...

Молодой ревизоръ предупредительно исполнилъ желаніе генерала. Старикъ какъ-то особенно повертѣлъ передъ собою поданную юбку и для чего-то опустилъ ее такъ, что ея поясъ пришелся какъ разъ у края его жилета.

— Коротки,—лаконически замѣтилъ генералъ, заглядывая сверху на закрывавшую его немного пониже колѣнъ юбку.

— Это вѣдь дѣтская,—замѣтилъ юный ревизоръ.

— А, да, дѣтская!

Вѣроятно, ревизія никогда не кончилась бы, если бы юный ревизоръ не рѣшился оставить генерала Свищова. Онъ, повидимому, мысленно махнулъ рукой на старика и сталъ распоряжаться вполнѣ самостоятельно. Онъ проюркнулъ въ рабочую комнату, гдѣ были собраны воспитанницы, и тонко сталъ разспрашивать, довольны ли онѣ пищей.

Дѣти молчали.

— Что же? Довольны?—спросилъ юный ревизоръ.

Молчаніе продолжалось. Дѣвочки толкали одна другую въ бока и жались, какъ стадо испуганныхъ овецъ. Вдругъ изъ толпы дѣтей выступила впередъ одна дѣвочка и бойко проговорила:

— Мы не довольны.

— Да, не довольны, не довольны! — на перебой заговорили разные голоса.

— Говори же, что не довольны,—слышался чей-то громкій шопотъ.—Что же ты молчишь?—раздавалось въ другомъ концѣ.

— Намъ гнилой картофель даютъ... Масло горькое... Щи, какъ помои...

Въ эту минуту въ рабочую комнату вошли Гроховъ и старый генералъ, сопровождаемые властями пріюта.

— И дѣти не довольны пищею, ваше превосходительство,— поспѣшно обратился къ генералу юный чиновникъ. — Скажите хоть вы, что вамъ даютъ,—обратился онъ къ бойкой дѣвочкѣ, заявившей прежде другихъ неудовольствіе.

Это была Попова, которую недавно хотѣли сѣчь за бунтъ.

— Къ сожалѣнію, вы выбираете такую воспитанницу, которая не довольна мною за то, что я ее недавно наказала за дурное поведеніе,—вмѣшалась Зорина. — Я сама могу вамъ сказать, что пища дѣтей, конечно, не походитъ на ту пищу, которую привыкли ѣсть мы съ вами. Но вѣдь на девять копеекъ нельзя покупать дичи.

— А, тутъ дѣло-съ не о дичи идетъ,—скороговоркой заговорилъ юный ревизоръ. — Если нельзя кормить на эти деньги, зачѣмъ же вы брались?.. Вы знали-съ, что вамъ придется не на рубль, а на девять копеекъ кормить...

— Говорите его превосходительству, чѣмъ вы не довольны,—обратился онъ къ Поповой.

— Да, да, говорите, милочка!—пробормотало его превосходительство, захвативъ тремя пальцами подбородокъ Поповой и впиваясь въ ея смуглое личико своими заблестѣвшими глазами.

Попова раскраснѣлась и сбивчиво начала говорить. Когда дѣло дошло до того, какъ ее хотѣли наказать за жалобу на дурную пищу, Зубова не выдержала и вмѣшалась въ разговоръ.

— Ее, ваше превосходительство, совсѣмъ не за то хотѣли наказать. Она, къ сожалѣнію, очень дурно себя ведетъ,—начала она задыхающимся голосомъ.

— Это неправда! — рѣзко прозвучалъ голосъ Катерины Александровны.

Всѣ обратили на нее глаза. Генералъ, съ несвойственною въ его лѣта живостью, поднялъ дрожащею рукой къ глазамъ лорнетъ и вперилъ взоры въ молодую дѣвушку.

— Ее хотѣли сѣчь именно за то, что она пожаловалась на дурную пищу. Она ведетъ себя отлично,—горячо продолжала Катерина Александровна, не обращая вниманія на лорнирующаго генерала.—Ее хотѣли сѣчь при всѣхъ.

— Какъ при всѣхъ?.. И при мужчинахъ?—широко открылъ засверкавшіе глаза генералъ.

— Нѣтъ, при дѣтяхъ...

— А, ну да, ну да!—пробормоталъ старецъ.—Но это неприлично... неприлично...

— Такъ вы тоже сознаете, что въ пріютѣ дурно кормятъ?— спросилъ юный ревизоръ у Катерины Александровны, щуря глаза.

— Я сознаю, что здѣсь все дурно,—отвѣтила она.—Хотя трудно сдѣлать, чтобы здѣсь что-нибудь было хорошо при тѣхъ средствахъ, которыя отпускаются на пріютъ.

— Однако, вы изволили молчать о томъ, что все идетъ здѣсь дурно,—колко замѣтилъ юный ревизоръ, рѣшившійся не спускать никому и сразу выдвинуть себя въ глазахъ высшихъ лицъ.

— Напротивъ того, я все уже объясняла нѣсколько разъ княгинѣ Гиреевой.

— Ну, видите, видите, объяснили,—заступническимъ тономъ проговорилъ генералъ.

— И ваши жалобы на начальницу остались безъ послѣдствій?—спросилъ юный ревизоръ.

— Я жаловалась не на начальницу,—сухо отвѣтила Катерина Александровна.—Начальница ничѣмъ не виновата, а я просто въ разговорахъ съ княгиней говорила, что пріютъ не можетъ содержаться на свои скудныя средства.

Юнаго чиновника поразилъ холодный тонъ молодой дѣвушки.

— Вы знакомы съ княгиней?

— Да, я бываю у нея, — уклончиво отвѣтила Катерина Александровна.

— Очень жаль, что вы дѣйствовали помимо управленія, помимо насъ,—внушительно замѣтилъ юный ревизоръ, считающій долгомъ вѣжливо распечь всѣхъ и за все.—Вы должны были знать, что у васъ есть ближайшее начальство. Тутъ нужно не подпольныя интриги заводить, а прямо исполнять свои обязанности... Вы должны были объяснить все намъ...

— Съ вами я не говорила, такъ какъ вы только вчера, кажется, вступили въ управленіе, но я уже нѣсколько разъ говорила обо всемъ этомъ съ моимъ дядею,—отвѣтила Катерина Александровна, увидавъ необходимость осадить расходившагося юношу. — И это все-таки не повело ни къ чему.

— Съ какимъ дядею?—нахмурился юный чиновникъ.

— Съ Даніломъ Захаровичемъ.

Ермолинскій широко открылъ глаза и не вдругъ нашелся, что отвѣтить. У него внезапно пропала охота распекать Прилежаеву.

— Вы, вы племянница нашего милаго Даніилы Захаро-

вича,—скороговоркой заговорилъ генералъ по-французски.— Очень радъ, очень радъ!.. Какъ это онъ не познакомилъ... Ахъ, грѣховодникъ!

Старикъ оживился и крѣпко сжалъ руку Катерины Александровны.

— Надѣюсь, надѣюсь, что мы будемъ знакомы... Ахъ, грѣховодникъ, грѣховодникъ!.. Пряталъ отъ меня, пряталъ!

Генералъ совершенно расцвѣлъ и позабылъ про ревизію, про пріютъ, про оказавшіяся оплошности. Зубова, Постникова и Зорина съ различными чувствами, но съ одинаковымъ изумленіемъ смотрѣли на Катерину Александровну. Юный чиновникъ и Гроховъ снова занялись продолженіемъ ревизіи, но Свищовъ уже не могъ оторваться отъ Прилежаевой. Онъ разсыпался въ французскихъ фразахъ и любезностяхъ.

— Я, генералъ, очень плохо понимаю французскій языкъ,— замѣтила Катерина Александровна.

— О, ваша русская рѣчь лучше всѣхъ языковъ въ мірѣ!— воскликнулъ старый волокита.—И какъ это нашъ старый грѣховодникъ забылъ васъ показать намъ!

Свищовъ, повидимому, былъ очень важнымъ лицомъ и смотрѣлъ на Данилу Захаровича покровительственно.

— Я почти не бываю у дяди,—замѣтила Катерина Александровна.

— Ну да, ну да, вѣроятно, тетушка боится, что вы ее затмите... Между нами, она вѣдь совсѣмъ не хороша. Вульгарное что-то, знаете, во всемъ... во всемъ... знаете...

Генералъ повертѣлъ въ воздухѣ рукою, желая яснѣе высказать, въ чемъ заключается вульгарность Павлы Абрамовы.

— Но зачѣмъ же вы здѣсь? Развѣ здѣсь ваше мѣсто?— началъ онъ.

— Что-жъ дѣлать, если лучшаго мѣста не могу занять!— отвѣтила Катерина Александровна.

— Ну-у!—усмѣхнулся генералъ.—Не говорите, не говорите этого!

— Ваше превосходительство, мы кончили,—почтительно объявилъ Ермолинскій.

— Хорошо, хорошо!.. Такъ ужъ будто и нельзя найти лучшаго мѣста?—нѣжно промолвилъ Свищовъ Катеринѣ Александровнѣ, щуря масляные глаза и въ волненіи играя лорнетомъ.

— Нельзя,—пожала плечами Катерина Александровна.

— А можетъ-быть, и можно.

— Вы ѣдете, ваше превосходительство? — нетерпѣливо спросилъ юный ревизоръ.

— А, да, да!—очнулся генералъ отъ сладкихъ ощущеній.—Нечего дѣлать, надо ѣхать... Надѣюсь, что будемъ знакомы?—обратился онъ къ Катеринѣ Александровнѣ.—А я распеку стараго грѣховодника, распеку, когда пріѣдетъ... Цвѣтокъ, цвѣтокъ, а онъ скрываетъ, прячетъ! И отъ кого же? Отъ меня?

Генералъ сжалъ руку Катерины Александровны, подержалъ ее въ своихъ дрожащихъ рукахъ и съ сіяющимъ лицомъ вышелъ изъ пріюта. Онъ былъ доволенъ ревизіею.

— Я этого никакъ не ожидалъ, — говорилъ ему юный чиновникъ, сидя въ его каретѣ.

— И я, и я! Мы сошлись съ вами. Это удивительно, просто удивительно!—говорилъ генералъ.

— Не удивительно, а возмутительно, ваше превосходительство!

— Ну да, возмутительно, если хотите! Зналъ, подъ рукой имѣлъ и ни слова, ни намека... Да я просто сердитъ, сердитъ на него...

— На кого это, ваше превосходительство?

— Да на кого же, какъ не на Боголюбова...

— Вы развѣ думаете, что онъ все зналъ?

— Да, какъ же, батюшка, не зналъ?.. Кому же и знать, какъ не ему... Она его родная, слышите, родная племянница, а вы сомнѣваетесь въ томъ, что онъ ее зналъ?

Юный чиновникъ съ удивленіемъ вытаращилъ глаза.

— Мы, кажется, о различныхъ предметахъ говоримъ,— почтительно возразилъ онъ.—Я насчетъ упущеній. Я очень не доволенъ сегодняшнимъ днемъ...

— Ну, нѣтъ-съ, этого я не могу сказать. Я доволенъ этимъ случаемъ,—заспорилъ генералъ.—Очень доволенъ!

— Конечно, имъ можно будетъ воспользоваться.

— А! вотъ это вѣрно! Это удачно сказано! Именно воспользоваться!—обрадовался генералъ. — Не правда ли, это восхитительное явленіе, это что-то... что-то... неземное... А?

Юный чиновникъ захлопалъ въ недоумѣніи глазами и мысленно послалъ къ чорту своего спутника.

— А вѣдь признайтесь, у васъ серчишко тоже не на мѣстѣ!—снисходительно пошутилъ генералъ. — Только, батинька, нѣтъ!.. Гуляйте подальше!.. Я первый открылъ...

— То-есть, какъ же, ваше превосходительство?—опечалился Ермолинскій.

— Да, да, да!.. Я первый—мнѣ и лавры побѣды..

— Но я хотѣлъ отъ себя составить докладъ обо всѣхъ упущеніяхъ,—несмѣло произнесъ начинающій дѣлецъ.

— Объ упущеніяхъ? Да, да, составьте! Объ упущеніяхъ? Да, составьте! —поощрилъ генералъ.—Вы удивительно способны къ этого рода дѣятельности. Я первый, я первый засвидѣтельствую. Соображеніе это у васъ... помните... знакъ, на простынѣ знакъ? А, это геніальная черта!.. Всѣ смотримъ, никто ничего не замѣчаетъ, а вы: знакъ!.. Удивительно!.. Я вамъ очень, очень благодаренъ.

Этотъ интересный разговоръ продолжался довольно долго и, выходя изъ кареты, юный чиновникъ былъ увѣренъ, что онъ склонилъ генерала не присваивать себѣ его заслугъ, а генералъ былъ убѣжденъ, что онъ своимъ обѣщаніемъ протежировать возникающему дѣльцу, подкупилъ его въ свою пользу и заставилъ отречься отъ видовъ на юную обольстительницу.

Въ пріютѣ началось смятеніе. Всѣ чуяли что-то недоброе. Анна Васильевна затворилась въ своихъ комнатахъ; дѣти не то боялись, не то радовались, ожидая, что смѣнятъ начальницу; двѣ старыя дѣвственницы, сидя у окна, перешептывались между собою. Не спокойна была и Катерина Александровна: она понимала, что открытыя плутни могутъ кончиться изгнаніемъ изъ пріюта Зориной, но не радовалась этой перемѣнѣ, зная очень хорошо, что лучше въ пріютѣ не будетъ, что улучшеніе участи дѣтей зависитъ не столько отъ личности той или другой начальницы, сколько отъ самаго устройства пріюта. Дѣйствительно, какова бы ни была начальница, въ пріютѣ все-таки будутъ учить только шитью, будутъ кормить только дрянью изъ девяти копеекъ, будутъ сѣчь дѣтей, такъ какъ именно этого требуютъ попечители пріюта, смотрящіе съ презрѣніемъ на «этихъ испорченныхъ дѣвчонокъ». Сидя въ раздумьи за своею работою, Катерина Александровна внезапно была поражена восклицаніемъ Зубовой:

— Смотрите, смотрите, Марья Николаевна, въ коляскѣ ѣдетъ!

— Ахъ, срамница! И шагомъ, шагомъ ѣдетъ, чтобы мы видѣли,—всплеснула руками Марья Николаевна.—Отлично, отлично! Нечего сказать, по хорошей дорожкѣ пошла! Молодчика подхватила...

Катерина Александровна взглянула въ окно и замерла: передъ домомъ ѣхала коляска, въ ней сидѣлъ какой-то небрежно развалившійся юноша рядомъ съ роскошно одѣтой

дѣвушкой; въ этой дѣвушкѣ не трудно было узнать Скворцову. Она что-то разсказывала своему спутнику, со смѣхомъ указывая на пріютъ. Онъ лѣниво улыбался.

— Что же вы не кланяетесь? Это ваша протеже,—обратилась Зубова къ Катеринѣ Александровнѣ.—Вотъ теперь всѣхъ насъ погонятъ отсюда, такъ попросите у нея пристанища: хорошія знакомыя!

Катерина Александровна не отвѣтила ни слова; у нея болѣзненно сжималось сердце. Она поняла участь Скворцовой.

— Распутница, стыда нѣтъ! Туда же шляпку съ перьями надѣла... Наглость-то какая!.. Другая бы на ея мѣстѣ за версту объѣзжала нашъ домъ, чтобы не знали люди, до чего на себя довела,—ораторствовала Зубова.—А вы-то, вы-то а нее заступались. Теперь самимъ краснѣть нужно...

— Она при мнѣ недолго была здѣсь, и если кто довелъ е до этого, такъ ужъ вѣрно не я, а тѣ, которыя воспитали ее съ дѣтства,—тихо отвѣтила Катерина Александровна, два сдерживая свое волненіе.

— Скажите, пожалуйста! Ужъ это вы не на насъ ли намекаете?—воскликнула Зубова.—Да какъ вы смѣете?

— Оставьте меня въ покоѣ!—нервно промолвила Катерина Александровна.—Я вамъ высказала свое мнѣніе потому, что вы высказали свое. Кто изъ насъ доводитъ воспитанницъ до разврата—это, кажется, ясно. Я отношусь къ нимъ хорошо и ласково, а вы унижаете и срамите ихъ, убивая въ нихъ и стыдъ, и мягкость. Вы думаете, что наставница, воспитательница должна быть палачомъ, шпіономъ и полицейскимъ сыщикомъ; я думаю, что она должна быть матерью...

— Ну, я любовниковъ не заводила и потому матерью не могу быть; можетъ-быть, другія надѣются скоро дѣтей имѣть, такъ и приготовляются разыгрывать роль матерей.

Катерина Александровна судорожно передернула плечами. Говорить съ этими личностями не было никакой возможности. Она пропустила мимо ушей всѣ дальнѣйшія колкости и ругательства Зубовой и сидѣла молча. Ей было невыносимо грустно. У нея сильно разстроились нервы; грудь давило, какъ въ тискахъ. Въ такія минуты обыкновенно все представляется въ черномъ цвѣтѣ, припоминаются всѣ невзгоды, пугаютъ всѣ предстоящія событія. Думы молодой дѣвушки становились все мрачнѣе и мрачнѣе. Ей начинало казаться, что и ее ждетъ невеселая участь, что и съ *нимъ*, можетъ-

быть, случилось какое-нибудь несчастіе, что и ея мать, можетъ-быть, не перенесетъ предстоящую разлуку съ Мишей, уѣзжавшимъ въ училище, что и штабсъ-капитанъ, можетъ-быть, запьетъ, если изъ дѣйствующей арміи получится какое-нибудь дурное извѣстіе о сынѣ, — однимъ словомъ, все, что занимало ея умъ, представлялось ей теперь въ черномъ цвѣтѣ и вызывало опасенія... Сотни разъ старалась она отогнать эти тяжелыя мысли, но онѣ не покидали ея и роились въ головѣ помимо ея воли. Ей хотѣлось плакать, хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими тревожными, болѣзненными чувствами, но она была одна или хуже, чѣмъ одна: вокругъ нея говорила и сновала толпа людей, которымъ не было до нея никакого дѣла: если бы она заплакала, ее осмѣяли бы; если бы она вздумала разсказать имъ хоть одну свою мысль, они выдумали бы цѣлую грязную исторію про ея отношенія къ Прохорову.

А на дворѣ стоялъ невыносимо жаркій іюльскій день; солнце раскалило стѣны домовъ; надъ городомъ висѣло какое-то сѣрое тяжелое небо; дымъ, выходя изъ трубъ, медленно разстилался надъ домами; пыль, казалось, стояла въ воздухѣ. Что-то давящее, удушливое было во всемъ этомъ. Открытыя половинки оконъ во всѣхъ домахъ, во всѣхъ этажахъ невольно напоминали цѣлыя массы истомленныхъ зноемъ людей, которые простерли на улицы свои руки и кричатъ: «воздуху, воздуху!» А воздуху нѣтъ. Но вотъ, наконецъ, повѣялъ вѣтерокъ, поднялась и закрутилась пыль, небо быстро начало темнѣть, и сплошная, неясная, сѣрая масса, тяготѣвшая надъ городомъ, сплотилась въ угрюмыя, темныя тучи. На улицахъ послышалось пугливое щебетаніе птицъ; прохожіе прибавили шагу, и гдѣ-то въ отдаленіи одна изъ тучъ озарилась яркимъ зигзагомъ молніи; въ воздухѣ пронесся ударъ грома.

— Господи! гроза, кажется, начинается, — послышался въ притихнувшей комнатѣ испуганный голосъ Зубовой, боязливо осѣнявшей себя крестнымъ знаменіемъ.

Въ это мгновеніе порывомъ вѣтра съ шумомъ захлопнуло одно окно — и на улицѣ, какъ изъ ведра, полилъ ливень и раскатился ударъ грома. Въ комнатѣ вдругъ сдѣлалось свѣжо.

— Закрывайте окна! Закрывайте окна! — кричали помощницы.

Въ залѣ начался шумъ.

Катерина Александровна, блѣдная и взволнованная, под-

нялась съ мѣста, прошла въ классную комнату, почти машинально заперла за собою на ключъ двери и опустилась на стулъ передъ открытымъ окномъ. Она склонила на руки голову и зарыдала. Она не сознавала даже, о чемъ она плачетъ, чего она боится, что̀ ее взволновало. Ревизія? Встрѣча съ Скворцовой? Боязнь за мать, готовящуюся къ разлукѣ съ сыномъ? Страхъ за Александра Прохорова? Можетъ-быть, слова Зубовой? Можетъ-быть, гроза? Она этого не понимала, она не спрашивала себя объ этомъ, — она плакала, потому что слезы уже давно душили ее, потому что, несмотря на кажущееся спокойствіе, на кажущуюся веселость, она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе волновалась и тревожилась, и довольно было самаго ничтожнаго случая, чтобы это мучительное состояніе безмолвной внутренней тревоги закончилось слезами.

Слѣдующій день она провела дома; тамъ штабсъ-капитанъ безпокоился, что давно нѣтъ писемъ отъ молодыхъ воиновъ. Марья Дмитріевна охала, что нужно скоро везти Мишу въ училище. Молодой дѣвушкѣ невольно приходилось выслушивать всѣ эти чужія тревоги, хотя у нея было довольно и своихъ волненій и заботъ.

— А вѣдь ты, Катя, нездорова,—замѣтилъ ей Антонъ.

— Нѣтъ, милый, я здорова,—отвѣтила она.

— Лжешь-то зачѣмъ?—покачалъ онъ головой.—Ты берси себя: не то я пожалуюсь Сашѣ...

— Ради Бога, ради Бога, не безпокой его!—живо воскликнула Катерина Александровна.—Ему и безъ того не легко. Его нужно беречь, не смущать пустяками. Господи, когда же это кончится, когда кончится!

Катерина Александровна сжала руками свою ныпающую голову. Антонъ угрюмо смотрѣлъ въ сторону; онъ чисто по-дѣтски сердился на войну, приносившую столько горя и тревогъ любимымъ имъ личностямъ. На его дѣтскую, впечатлительную душу сильно дѣйствовало то нехорошее, унылое настроеніе, которое воцарилось въ его семьѣ и какъ будто вѣяло въ воздухѣ. Это настроеніе тяготило и Катерину Александровну. Не находя спокойствія въ пріютѣ, она не находила его и дома. Вѣсти съ поля военныхъ дѣйствій дѣлались все болѣе и болѣе неутѣшительными и заставляли ждать какой-то катастрофы, грозы, которая закончила бы всѣ мучительныя событія, какъ гроза, бывшая наканунѣ, закончила нѣсколько томительныхъ дней невыносимаго, удушливаго зноя. Но дни шли, а катастрофы все не было...

быть, случилось какое-нибудь несчастіе, что и ея мать, можетъ-быть, не перенесетъ предстоящую разлуку съ Мишей, уѣзжавшимъ въ училище, что и штабсъ-капитанъ, можетъ-быть, заноетъ, если изъ дѣйствующей арміи получится какое-нибудь дурное извѣстіе о сынѣ, — однимъ словомъ, все, что занимало ея умъ, представлялось ей теперь въ черномъ цвѣтѣ и вызывало опасенія... Сотни разъ старалась она отогнать эти тяжелыя мысли, но онѣ не покидали ея и роились въ головѣ помимо ея воли. Ей хотѣлось плакать, хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими тревожными, болѣзненными чувствами, но она была одна или хуже, чѣмъ одна: вокругъ нея говорила и сновала толпа людей, которымъ не было до нея никакого дѣла: если бы она заплакала, ее осмѣяли бы; если бы она вздумала разсказать имъ хоть одну свою мысль, они выдумали бы цѣлую грязную исторію про ея отношенія къ Прохорову.

А на дворѣ стоялъ невыносимо жаркій іюльскій день; солнце раскалило стѣны домовъ; надъ городомъ висѣло какое-то сѣрое тяжелое небо; дымъ, выходя изъ трубъ, медленно разстилался надъ домами; пыль, казалось, стояла въ воздухѣ. Что-то давящее, удушливое было во всемъ этомъ. Открытыя половинки оконъ во всѣхъ домахъ, во всѣхъ этажахъ невольно напоминали цѣлыя массы истомленныхъ зноемъ людей, которые простерли на улицы свои руки и кричатъ: «воздуху, воздуху!» А воздуху нѣтъ. Но вотъ, наконецъ, повѣялъ вѣтерокъ, поднялась и закрутилась пыль, небо быстро начало темнѣть, и сплошная, неясная, сѣрая масса, тяготѣвшая надъ городомъ, сплотилась въ угрюмыя, темныя тучи. На улицахъ послышалось пугливое щебетаніе птицъ; прохожіе прибавили шагу, и гдѣ-то въ отдаленіи одна изъ тучъ озарилась яркимъ зигзагомъ молніи; въ воздухѣ пронесся ударъ грома.

— Господи! гроза, кажется, начинается, — послышался въ притихнувшей комнатѣ испуганный голосъ Зубовой, боязливо осѣнявшей себя крестнымъ знаменіемъ.

Въ это мгновеніе порывомъ вѣтра съ шумомъ захлопнуло одно окно — и на улицѣ, какъ изъ ведра, полилъ ливень и раскатился ударъ грома. Въ комнатѣ вдругъ сдѣлалось свѣжо.

— Закрывайте окна! Закрывайте окна! — кричали помощницы.

Въ залѣ начался шумъ.

Катерина Александровна, блѣдная и взволнованная, под-

нялась съ мѣста, прошла въ классную комнату, почти машинально заперла за собою на ключъ двери и опустилась на стулъ передъ открытымъ окномъ. Она склонила на руки голову и зарыдала. Она не сознавала даже, о чемъ она плачетъ, чего она боится, что̀ ее взволновало. Ревизія? Встрѣча съ Скворцовой? Боязнь за мать, готовящуюся къ разлукѣ съ сыномъ? Страхъ за Александра Прохорова? Можетъ-быть, слова Зубовой? Можетъ-быть, гроза? Она этого не понимала, она не спрашивала себя объ этомъ, — она плакала, потому что слезы уже давно душили ее, потому что, несмотря на кажущееся спокойствіе, на кажущуюся веселость, она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе волновалась и тревожилась, и довольно было самаго ничтожнаго случая, чтобы это мучительное состояніе безмолвной внутренней тревоги закончилось слезами.

Слѣдующій день она провела дома; тамъ штабсъ-капитанъ безпокоился, что давно нѣтъ писемъ отъ молодыхъ воиновъ. Марья Дмитріевна охала, что нужно скоро везти Мишу въ училище. Молодой дѣвушкѣ невольно приходилось выслушивать всѣ эти чужія тревоги, хотя у нея было довольно и своихъ волненій и заботъ.

— А вѣдь ты, Катя, нездорова,—замѣтилъ ей Антонъ.

— Нѣтъ, милый, я здорова,—отвѣтила она.

— Лжешь-то зачѣмъ?—покачалъ онъ головой.—Ты береги себя: не то я пожалуюсь Сашѣ...

— Ради Бога, ради Бога, не безпокой его! — живо воскликнула Катерина Александровна. — Ему и безъ того не легко. Его нужно беречь, не смущать пустяками. Господи, когда же это кончится, когда кончится!

Катерина Александровна сжала руками свою ныпающую голову. Антонъ угрюмо смотрѣлъ въ сторону; онъ чисто по-дѣтски сердился на войну, приносившую столько горя и тревогъ любимымъ имъ личностямъ. На его дѣтскую, впечатлительную душу сильно дѣйствовало то нехорошее, унылое настроеніе, которое воцарилось въ его семьѣ и какъ будто вѣяло въ воздухѣ. Это настроеніе тяготило и Катерину Александровну. Не находя спокойствія въ пріютѣ, она не находила его и дома. Вѣсти съ поля военныхъ дѣйствій дѣлались все болѣе и болѣе неутѣшительными и заставляли ждать какой-то катастрофы, грозы, которая закончила бы всѣ мучительныя событія, какъ гроза, бывшая наканунѣ, закончила нѣсколько томительныхъ дней невыносимаго, удушливаго зноя. Но дни шли, а катастрофы все не было...

Вотъ въ пріютѣ появились снова высшія начальствующія лица: Зорина получила отставку и была оставлена только на мѣсяцъ или на полтора до пріисканія новой начальницы; на ея половину засновали какія-то темныя личности, кредиторы; тамъ слышались ихъ грубые голоса и молящій голосъ старухи; началась продажа ея мебели и разныхъ бездѣлушекъ. Въ пріютѣ было какое-то междуцарствіе: старая начальница еще была тутъ, но на нее уже не обращали вниманія; ея министры еще правили дѣтьми, но въ душѣ уже трепетали и за свою участь.

Княгиня Гиреева, тотчасъ по возвращеніи изъ деревни, узнала о пріютской исторіи и послала за Катериной Александровной. Катерина Александровна очень обрадовалась ь этому случаю и рѣшилась обратиться къ княгинѣ съ просьбою дать ей мѣсто учительницы въ пріютѣ. Она сознавала, что безъ этого ея роль въ пріютѣ будетъ постоянно пассивною и что она можетъ сдѣлать на пользу дѣтей хоть что-нибудь только тогда, когда ей дадутъ право учить ихъ. Молодая дѣвушка изумилась при видѣ печальной Глафиры Васильевны, утратившей долю своей живости и болтливости. Еще сильнѣе удивилась она, увидавъ Гирееву: Гиреева лежала на кушеткѣ, обставленная разными скляночками и примочками; она постарѣла на десять лѣтъ и выглядѣла уныло.

— Очень рада видѣть васъ, черненькіе глазки, — тихо проговорила она, ласково кивая головой Прилежаевой. — Вотъ все хвораю... Слышали вы: внука моего и племянника убили... какъ я это перенесла... чѣмъ-то все это кончится...

Катерина Александровна вздохнула.

— Да, о чемъ я хотѣла поговорить съ вами? — потерла старуха свой лобъ.— Память совсѣмъ измѣнила... Эти удары... Ахъ, да!.. У васъ тоже передряги какія-то въ пріютѣ... Начальницу смѣняютъ... Все это безъ меня сдѣлалось.

— Очень жаль, княгиня, — замѣтила Катерина Александровна.— Начальница ничѣмъ не виновата. На тѣ средства, которыя отпускаются на пріютъ, трудно что-нибудь сдѣлать... Нищіе тратятъ больше на своихъ дѣтей...

— Что дѣлать, что дѣлать! Пріютъ и безъ того дорого стоитъ... Вы разскажите мнѣ, что это за исторія... Я читала отчетъ Ермолинскаго, но вы сами мнѣ разскажите... Я не понимаю теперь, что читаю... Совсѣмъ убита...

Катерина Александровна передала старухѣ все, что знала.

— Теперь, княгиня, по крайней мѣрѣ, нужно бы позаботиться, чтобы будущая начальница лучше вела дѣла, чтобы она не позволяла оставлять дѣтей безъ присмотра и безъ образованія...

— То-есть, какъ это безъ присмотра и безъ образованія? — переспросила старуха. — Вы яснѣе мнѣ говорите... подробнѣе растолкуйте...

— Нужно, чтобы помощницы болѣе заботились о развитіи дѣтей. У насъ все ученье ограничивается двумя-тремя уроками въ недѣлю. Я съ охотой занялась бы съ дѣтьми русскимъ языкомъ и ариѳметикой... Учитель приноситъ мало пользы...

Княгиня тоскливо смотрѣла куда-то вдаль. Ее, видимо, очень мало занималъ разговоръ съ Катериной Александровной. Вообще въ послѣднее время ее не занимало ничто.

— Я была бы очень благодарна вамъ, княгиня, если бы вы позволяли мнѣ въ опредѣленные часы заниматься съ дѣтьми,—продолжала Катерина Александровна.

— Да, да, занимайтесь!—разсѣянно отвѣтила старуха.

— Но тутъ моего желанія мало, нужно, чтобы на насъ офиціально возложили обязанность учить дѣтей... Пусть сдѣлаютъ запросъ, кто изъ помощницъ согласится давать уроки дѣтямъ... Иначе начальница не позволитъ и скажетъ, что я отнимаю у дѣтей время, въ которое они должны шить... Ихъ грамотѣ учить надо; ихъ нужно хоть чему-нибудь научить... Съ однимъ умѣньемъ шить нельзя уйти далеко...

— Да, да, я скажу Дарьѣ Федоровнѣ,—проговорила княгиня.—Вы за что возьметесь?

— За русскій языкъ и за ариѳметику...

— Скажите, мой дружокъ, Глафирѣ, чтобы она напомнила мнѣ... Память у меня слаба стала... Вотъ вы мнѣ говорили, а у меня въ головѣ все смутно, смутно... Ахъ, Мишель, Мишель!.. Да, дитя, до какой поры мы дожили: старики хоронятъ молодежь, цвѣтъ молодежи... и для чего, для чего все это началось?.. Кто выигралъ?..

Старуха опустила голову и впала въ полудремоту. Катерина Александровна тихонько вышла.

— Ну, что?—уныло спросила Глафира Васильевна.

— Она, кажется, уснула!—отвѣтила Катерина Александровна.

— Теперь всегда такъ: велитъ то того, то другого позвать, а сама и заснетъ... Вѣдь вотъ и изъ деревни въ

Москву, къ Троицѣ-Сергію уѣхали, оттуда опять въ деревню, потомъ сюда прискакали: мѣста нигдѣ найти не можемъ... это не передъ добромъ... Передъ смертью такъ человѣкъ мечется... Измучили ее, совсѣмъ измучили: пока живы были—она покоя не знала; умерли—еще хуже стало... И то сказать, свои были! Ну, ужъ времячко! Всѣ горюютъ, всѣ ждутъ чего-то... А чего ждать?..

Катеринѣ Александровнѣ стало тяжело. Она поспѣшила перемѣнить разговоръ и начала объяснять Глафирѣ Васильевнѣ свое желаніе занять мѣсто учительницы въ пріютѣ.

— Это пустякъ! — возразила Глафира Васильевна, выслушавъ ее.—Тутъ и просить нечего. Пришлютъ бумагу, и конецъ весь. Надо сказать, чтобъ жалованья прибавили.

— Ну, изъ чего же станутъ прибавлять?..

— Э, найдутся деньги! Не даромъ же работать... А знаете ли, если-бъ я была на ихъ мѣстѣ, такъ я взяла бы и закрыла бы этотъ самый пріютъ: вѣдь онъ вотъ у нихъ гдѣ сидитъ.

Глафира Васильевна указала на затылокъ.

Поговоривъ нѣсколько минутъ съ княжескою домоправительницей, Катерина Александровна отправилась домой. Она радовалась тому, что, повидимому, ей удастся вступить въ болѣе дѣятельную роль въ пріютѣ; но эта радость была не настолько сильна, чтобы заглушить въ душѣ дѣвушки тѣ тяжелыя впечатлѣнія и чувства, которыя волновали ее въ послѣднее время и которыя пробудились еще сильнѣе при видѣ скорби старой княгини. Въ эту пору общественныя событія отравляли каждую радость. Это было въ августѣ. Катерина Александровна задумчиво шла по улицамъ и не торопилась домой, желая подольше подышать свѣжимъ воздухомъ. Ее теперь не манило домой: она знала, что и тамъ она услышитъ тѣ же вздохи, тѣ же печальныя рѣчи.

Вдругъ около нея послышался голосъ штабсъ-капитана.

— А я къ вамъ навстрѣчу шелъ, — проговорилъ онъ.— Слышали?

— Что такое? — спросила Катерина Александровна, съ испугомъ глядя на тревожное лицо старика.

— Севастополь взятъ! — проговорилъ старикъ въ волненіи.

Катерина Александровна поблѣднѣла. Они прошли шаговъ сто, не говоря ни слова, хотя у каждаго была потребность высказать другъ другу свои опасенія.

— Подробностей нѣтъ? — спросила Катерина Александровна.
— Ничего неизвѣстно,—хмуро отвѣтилъ старикъ.
Они снова пошли молча.
— Легъ бы теперь въ могилу и пролежалъ бы такъ, его не зная, ничего не слыша, до ихъ пріѣзда, — пошелся безнадежный голосъ старика.
— Не падайте духомъ,—произнесла Катерина Александровна, захлебываясь отъ слезъ.
Они дошли до воротъ.
— Дождались горя, Катюша, дождались,—слезливо проѣсла Марья Дмитріевна, стоявшая у воротъ съ двумя ми лавочными знакомыми.
— Что случилось? — съ испугомъ почти вскрикнула Катина Александровна.
— Севастополь-то сдался,—вздохнула Марья Дмитріевна.
— А, да!—свободнѣе вздохнула Катерина Александровна, ь будто ожидавшая услышать отъ матери болѣе страшдля нея вѣсть.
— Гдѣ-то теперь наши голубчики? Въ плѣну, можетъь...
— Полноте, мама! Нужно молчать и ждать...
Катерина Александровна медленно поднялась въ сопроденіи своей семьи на лѣстницу и вошла въ комнату. семьѣ воцарилась мертвая, мучительная тишина.
— Нѣтъ, пойду я... Не могу я сидѣть! — поднялся съта штабсъ-капитанъ, махнувъ рукой.
Въ его лицѣ было какое-то мучительно-безнадежное выженіе: казалось, что этотъ человѣкъ готовъ затопить свои елыя чувства, хоть въ винѣ, чтобы забыться и уснуть,— уть до лучшей поры.
— Ну, полноте! Лягте, — ласково промолвила Катерина ксандровна и положила руку на плечо старика. — Не ите никуда... Зачѣмъ вамъ идти? Развѣ будетъ легче?.. аньтесь ради нихъ!..
Старикъ закрылъ лицо руками и заплакалъ, какъ ребокъ.
— Господи, Господи, пощади ихъ!

VI.

Новыя событія.

Олегонтъ Матвѣевичъ не ушелъ размыкать свое горе за кой вина, онъ остался дома по просьбѣ Катерины Але-

Москву, къ Троицѣ-Сергію уѣхали, оттуда опять въ деревню, потомъ сюда прискакали: мѣста нигдѣ найти не можемъ... это не передъ добромъ... Передъ смертью такъ человѣкъ мечется... Измучили ее, совсѣмъ измучили: пока живы были—она покоя не знала; умерли—еще хуже стало... И то сказать, свои были! Ну, ужъ времячко! Всѣ горюютъ, всѣ ждутъ чего-то... А чего ждать?..

Катеринѣ Александровнѣ стало тяжело. Она поспѣшила перемѣнить разговоръ и начала объяснять Глафирѣ Васильевнѣ свое желаніе занять мѣсто учительницы въ пріютѣ.

— Это пустякъ! — возразила Глафира Васильевна, выслушавъ ее.—Тутъ и просить нечего. Пришлютъ бумагу, и конецъ весь. Надо сказать, чтобъ жалованья прибавили.

— Ну, изъ чего же станутъ прибавлять?..

— Э, найдутся деньги! Не даромъ же работать... А знаете ли, если-бъ я была на ихъ мѣстѣ, такъ я взяла бы и закрыла бы этотъ самый пріютъ: вѣдь онъ вотъ у нихъ гдѣ сидитъ.

Глафира Васильевна указала на затылокъ.

Поговоривъ нѣсколько минутъ съ княжескою домоправительницей, Катерина Александровна отправилась домой. Она радовалась тому, что, повидимому, ей удастся вступить въ болѣе дѣятельную роль въ пріютѣ; но эта радость была не настолько сильна, чтобы заглушить въ душѣ дѣвушки тѣ тяжелыя впечатлѣнія и чувства, которыя волновали ее въ послѣднее время и которыя пробудились еще сильнѣе при видѣ скорби старой княгини. Въ эту пору общественныя событія отравляли каждую радость. Это былъ въ августѣ. Катерина Александровна задумчиво шла по улицамъ и не торопилась домой, желая подольше подышать свѣжимъ воздухомъ. Ее теперь не манило домой: она знала что и тамъ она услышитъ тѣ же вздохи, тѣ же печальныя рѣчи.

Вдругъ около нея послышался голосъ штабсъ-капитана.

— А я къ вамъ навстрѣчу шелъ, — проговорилъ онъ.— Слышали?

— Что такое? — спросила Катерина Александровна, съ испугомъ глядя на тревожное лицо старика.

— Севастополь взятъ! — проговорилъ старикъ въ волненіи.

Катерина Александровна поблѣднѣла. Они прошли шаговъ сто, не говоря ни слова, хотя у каждаго была потребность высказать другъ другу свои опасенія.

— Подробностей нѣтъ? — спросила Катерина Александровна.

— Ничего неизвѣстно,—хмуро отвѣтилъ старикъ.

Они снова пошли молча.

— Легъ бы теперь въ могилу и пролежалъ бы такъ, ничего не зная, ничего не слыша, до ихъ пріѣзда, — послышался безнадежный голосъ старика.

— Не падайте духомъ,—произнесла Катерина Александровна, захлебываясь отъ слезъ.

Они дошли до воротъ.

— Дождались горя, Катюша, дождались,—слезливо произнесла Марья Дмитріевна, стоявшая у воротъ съ двумя-тремя лавочными знакомыми.

— Что случилось? — съ испугомъ почти вскрикнула Катерина Александровна.

— Севастополь-то сдался,—вздохнула Марья Дмитріевна.

— А, да!—свободнѣе вздохнула Катерина Александровна, какъ будто ожидавшая услышать отъ матери болѣе страшную для нея вѣсть.

— Гдѣ-то теперь наши голубчики? Въ плѣну, можетъ-быть...

— Полноте, мама! Нужно молчать и ждать...

Катерина Александровна медленно поднялась въ сопровожденіи своей семьи на лѣстницу и вошла въ комнату. Въ семьѣ воцарилась мертвая, мучительная тишина.

— Нѣтъ, пойду я... Не могу я сидѣть! — поднялся съ мѣста штабсъ-капитанъ, махнувъ рукой.

Въ его лицѣ было какое-то мучительно-безнадежное выраженіе: казалось, что этотъ человѣкъ готовъ затопить свои тяжелыя чувства, хоть въ винѣ, чтобы забыться и уснуть,— уснуть до лучшей поры.

— Ну, полноте! Ляжте, — ласково промолвила Катерина Александровна и положила руку на плечо старика. — Не ходите никуда... Зачѣмъ вамъ идти? Развѣ будетъ легче?.. Останьтесь ради нихъ!..

Старикъ закрылъ лицо руками и заплакалъ, какъ ребенокъ.

— Господи, Господи, пощади ихъ!

VI.

Новыя событія.

Флегонтъ Матвѣевичъ не ушелъ размыкать свое горе за чаркой вина, онъ остался дома по просьбѣ Катерины Але-

ксандровны, но легче ему не стало. Его тянуло изъ дома, ему хотѣлось забыться, заснуть. Онъ бродилъ, какъ тѣнь, изъ угла въ уголъ, не находя нигдѣ мѣста. Страхъ за тѣхъ, чья жизнь была для него дороже его собственной жизни, томилъ старика. Онъ считалъ дни и часы, ожидая извѣстій; онъ дрожащими руками развертывалъ газетные листы и искалъ въ нихъ испуганными, измѣнявшими ему глазами дорогихъ ему именъ. На него было тяжело смотрѣть. Не менѣе тревожно было состояніе Катерины Александровны: она ходила въ какой-то тягостной полудремотѣ въ эти роковые дни ожиданія, хотя и старалась утѣшать старика, старалась казаться бодрою. Въ ея головѣ пробуждались вопросы, за что люди губятъ другъ друга, неужели народамъ мало мѣста, что они идутъ войной одинъ на другого, за что они воюютъ, могутъ ли они желать войны, почему они должны, противъ своего желанія, покидать родные дома, родные очаги и жертвовать всѣми благами по чужой волѣ. Въ молодой душѣ начало закипать чувство негодованія, чувство злобы. Тщетно искала теперь эта дѣвушка успокоенія: кругомъ нея были только сумрачныя и печальныя лица. Марья Дмитріевна, менѣе дочери и штабсъ-капитана тревожившаяся объ участи молодыхъ воиновъ, тоже тосковала по сынѣ, котораго пришлось, наконецъ, отправить въ училище.

— Вотъ и я простилась съ своимъ голубчикомъ, также сиротой осталась, — причитала она. — Куда пошлютъ, что велятъ дѣлать, то и будетъ: подневольнымъ сталъ человѣкомъ. И спи, и ѣшь, и гуляй, когда другіе велятъ, а не тогда, когда самому хочется... Ужъ въ бѣдности мы жили, голодали, да командовать нами никто не могъ, а тутъ и сытъ будетъ, да волюшки не найдетъ...

Эти рѣчи тяжелымъ гнетомъ давили сердце Катерины Александровны. Она была отчасти согласна съ матерью. Она сама уже испытала, что значитъ неволя, что значитъ жизнь, сложившаяся по чужой волѣ, по чужому уставу. Порою, въ тѣ недолгія минуты, когда въ ея головѣ снова воскресали надежды на будущее, — ей казалось, что нужно устроить свою жизнь именно такъ, чтобы ничья чужая воля не могла сказать: иди туда, поступай такъ, дѣлай то-то, — чтобы только свой умъ и своя воля рѣшали, куда идти, какъ поступать и что дѣлать.

«И кто имѣетъ право командовать нашею волей?—думалось молодой дѣвушкѣ. — Если приказываешь, такъ нужно

и заботиться о тѣхъ, кому приказываешь, кто страдаетъ по нашей волѣ. А развѣ о насъ кто-нибудь заботится?»

Среди этихъ волненій и думъ проходили дни за днями— газеты не приносили извѣстій о дорогихъ личностяхъ, почта не приносила писемъ о нихъ. Ожиданіе дѣлалось все болѣе и болѣе напряженнымъ. Въ семьѣ шли безконечные толки и предположенія насчетъ молодыхъ воиновъ. Спрашивалось: почему они не пишутъ? Не взяты ли они въ плѣнъ? Не ранены ли? Или, быть-можетъ, письма не доходятъ, затерялись на почтѣ? Однажды, въ минуту этихъ толковъ, изъ лавочнаго клуба послышался стукъ въ комнатѣ штабсъ-капитана. Всѣ уже давно привыкли къ этому условному сигналу, но въ послѣднее время онъ постоянно заставлялъ всѣхъ вздрагивать въ испугѣ.

— Газету принесли, — промолвила Катерина Александровна, подавляя невольное волненіе.

— Не могу я, маточка, идти, силъ нѣтъ. Пусть Антонъ за нею сходитъ,—промолвилъ штабсъ-капитанъ:

— Антоша, батюшка, въ сараѣ дрова колетъ, — отозвалась изъ кухни Марья Дмитріевна. — Я сама сейчасъ сбѣгаю.

— Ну, ужъ побезпокойтесь, замѣните мою старость...

— Сейчасъ, сейчасъ. Мнѣ кстати и мучки прихватить надо.

Марья Дмитріевна вышла изъ квартиры; штабсъ-капитанъ поднялся съ мѣста, прошелся по комнатѣ и снова сѣлъ къ столу.

— Да вы не волнуйтесь! Авось все обойдется счастливо, — замѣтила Катерина Александровна, видя тревогу старика.

— Не могу, не могу, маточка, — вздохнулъ старикъ. — Вотъ такъ-то каждый день духъ захватываетъ, когда получается газета... Вѣдь это, можетъ-быть, мой смертный приговоръ несутъ... Все, и радость, и счастіе, и жизнь, и надежды, все для меня только въ нихъ... Безъ нихъ давно лежалъ бы я въ могилѣ, умеръ бы гдѣ-нибудь подъ заборомъ, у дверей кабака... Моя жизнь не дорога: оторвали ногу, отняли возможность жить своимъ трудомъ, оставили нищимъ, — вотъ вся моя жизнь. Что же мнѣ было дорожить ею? Для нихъ я жилъ, для ихъ счастья гнулъ я старую военную спину, для нихъ таскался по передпимъ тѣхъ, кого не уважалъ, кого ненавидѣлъ... Вы вотъ видѣли меня балагуромъ, веселымъ нищимъ, такъ и думали, что

мнѣ легко живется, что я не понимаю своего положенія... Нѣтъ, маточка, нѣтъ, въ этомъ сердцѣ кошки скребли, въ этой головѣ проклятья шевелились...

Старикъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Все перенесъ, все перенесъ,—заговорилъ онъ снова.— Перенесъ для нихъ, для ихъ счастья... Хотѣлось, чтобы они были честнѣе, лучше другихъ, чтобы имъ досталась на долю лучшая судьба... А теперь, можетъ-быть... И за что? За что?

Старикъ опустилъ голову. Катерина Александровна задумчиво молчала. Прошло нѣсколько минутъ.

— Эхъ, что это Марья Дмитріевна не идетъ!—воскликнулъ Флегонтъ Матвѣевичъ.— Съ мучкой со своей замѣшкалась...

Прошла еще минута.

— А знаете,—снова заговорилъ старикъ: — я бы радъ теперь совсѣмъ не видать этихъ проклятыхъ газетныхъ листовъ, не видать ихъ до тѣхъ поръ, покуда не получится писемъ отъ *нихъ*...

Въ это мгновеніе послышались шаги Марьи Дмитріевны.

— Давайте, давайте газету, матушка!—крикнулъ штабсъ-капитанъ.—Ну, что новаго, что новаго?

Онъ трепещущими руками торопливо сталъ развертывать газетный листъ. Всѣ смолкли и ожидали новостей. Марья Дмитріевна присѣла на диванъ со сверткомъ муки въ рукахъ и въ платкѣ, накинутомъ на голову. Катерина Александровна стояла у стола. Старикъ пробѣгалъ слабыми глазами страницу.

— Ничего новаго,—говорилъ онъ, просматривая военныя извѣстія.—Повидимому, тише стало...

Онъ уже готовился сложить листъ, когда его глаза обратились на первую страницу листа. Его руки дрогнули, глаза остановились, газетный листъ заколебался и медленно опустился на столъ. Вслѣдъ за листомъ опустилась и голова штабсъ-капитана.

— Убитъ! — невнятно прошепталъ онъ, теряя сознаніе.

— Саша!?—вырвался изъ груди Катерины Александровны пронзительный крикъ, и она схватилась рукою за столъ.

Однимъ быстрымъ движеніемъ она рванула къ себѣ газету и впилась въ нее глазами. Буквы и строки, казалось, прыгали передъ нею, она искала большой буквы П. Наконецъ, ей бросилось въ глаза лаконическое извѣстіе: «убитый подпоручикъ Прохоровъ 2-й исключается изъ списковъ». Она читала и перечитывала эту строку, и мало-по-малу ея

грудь начинала дышать свободнѣе. Изъ ея похолодѣвшихъ рукъ выпала газета.

«Не онъ!»—радостно мелькало въ ея головѣ, а изъ глазъ катились крупныя, неудержимыя слезы.

Марья Дмитріевна между тѣмъ совалась изъ угла въ уголъ, не зная, что дѣлать. Наконецъ, она бросилась на галлерею и крикнула, выглянувъ на дворъ:

— Антоша, голубчикъ Антоша, Флегонтъ Матвѣевичъ умираетъ! Иди сюда!

Антонъ быстро выбѣжалъ изъ сарая, вбѣжалъ въ комнату и притащилъ воды. Съ помощью матери и нѣсколько оправившейся Катерины Александровны онъ уложилъ старика на диванъ и поспѣшилъ за докторомъ. Старикъ лежалъ безъ чувствъ.

— Да кто убитъ-то, Катюша, кто?—допрашивала Марья Дмитріевна дочь, суясь изъ угла въ уголъ.

— Ваня, несчастный Ваня!—тихо и сквозь слезы отвѣтила Катерина Александровна.

Антонъ между тѣмъ возвратился съ докторомъ. У штабсъ-капитана сдѣлался параличъ. Докторъ сомнѣвался, что старикъ встанетъ съ постели. Семья Прилежаевыхъ не отходила отъ Прохорова; тяжелое предчувствіе чего-то недобраго смѣнилось теперь не менѣе тяжелою дѣйствительностью. Ни у кого почти не было денегъ, а онѣ были теперь нужнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— На что мы лѣчить-то его, бѣднаго, будемъ?—плакала Марья Дмитріевна.—И на свою семью не хватаетъ, а тутъ еще онъ, горемычный, у насъ на рукахъ остался... Въ больницу бы его, что ли, пристроить...

— Что вы! — воскликнула Катерина Александровна. — Пусть лежитъ здѣсь, въ своей семьѣ... Не весело лежать въ больницѣ...

— Знаю, Катюша, знаю! Да гдѣ денегъ-то взять,—охала Марья Дмитріевна.

— Для него я добуду денегъ, — рѣшила Катерина Александровна.

Въ выраженіи ея лица, въ ея голосѣ появилась какая-то особенная энергія — это была энергія озлобленія. Молодая дѣвушка негодовала на войну, на людей, начавшихъ эту войну, на тѣхъ, которые холодно смотрятъ на гибнущихъ братьевъ—на всѣхъ, кто безпечно и весело разъѣзжаетъ въ экипажахъ мимо тѣхъ угловъ и подваловъ, гдѣ гнѣздится нищета со своимъ безысходнымъ горемъ. Впервые это чув-

ство злобы и негодованія охватило ее всецѣло, и въ этомъ чувствѣ было что-то безпощадное, жестокое. Въ памяти молодой дѣвушки навсегда сохранилось воспоминаніе о той минутѣ, когда ей показалось, что у нея отняли его, ея Сашу, — о той минутѣ, когда она поняла, что значитъ потерять навѣкъ любимаго человѣка. Въ эту минуту въ ея душѣ впервые шевельнулись проклятія всему окружающему, которыя и теперь волновали ея кровь. Она необычайно мужественно, безъ всякаго раздумья, отправилась къ княгинѣ Гиреевой и объявила старухѣ, что въ квартирѣ ея матери лежитъ человѣкъ, у котораго убили сына.

— Онъ и самъ искалѣченъ на войнѣ, теперь у него убили сына, а между тѣмъ у него нѣтъ куска хлѣба,—говорила она съ хмурымъ выраженіемъ лица.—Каждая цѣпная собака, сторожившая домъ, пользуется подъ старость лучшимъ положеніемъ, а тутъ человѣкъ умираетъ съ голоду, хотя онъ честно служилъ всю жизнь.

— Я похлопочу, — отозвалась болѣзненнымъ голосомъ княгиня, примачивая голову какимъ-то спиртомъ. — Пусть Глафира напомнитъ... память у меня ослабѣла. Надо въ богадѣльню его...

— Помилуйте, княгиня! — воскликнула съ негодованіемъ Катерина Александровна.—Тутъ идетъ рѣчь не о богадѣльнѣ. Развѣ тамъ станутъ ходить за нимъ? Я думаю, за то, что человѣкъ жертвовалъ своею жизнью и жизнью своихъ дѣтей, ему можно дать болѣе спокойный уголъ, чѣмъ постель въ богадѣльнѣ. Я прошу васъ о деньгахъ для старика... У васъ есть связи...

— Да, я постараюсь... похлопочу,—проговорила Гиреева.— Вотъ покуда...

Она дала Катеринѣ Александровнѣ двадцать пять рублей. Отъ княгини Катерина Александровна отправилась къ генералу Свищову. Она не замѣтила двусмысленной улыбки генеральскаго лакея при входѣ въ кабинетъ старика и очень смѣло, очень бойко объяснилась со старымъ волокитой насчетъ штабсъ-капитана. Александръ Николаевичъ Свищовъ совершенно растаялъ, видя предъ собою, въ своемъ кабинетѣ, это оживленное, бойкое и рѣзко говорящее молодое существо; онъ разсыпался передъ молодою дѣвушкой въ любезностяхъ, пожималъ ей руки и даже сказалъ ей: «приказывайте, ваша воля будетъ для меня закономъ».

Ей были гадки эти заигрыванія, но она смѣло и безъ смущенія шла къ своей цѣли. Въ этой дѣвушкѣ было трудно

узнать прежнюю робкую и застѣнчивую Катерину Александровну.

Заручившись деньгами и обѣщаніями Свищова, она вернулась домой съ веселымъ лицомъ.

— Ну, что, Катюша?—робко спросила Марья Дмитріевна.

— Ничего, все хорошо... Надо купить кровать, перину и подушки для Флегонта Матвѣевича. У него все жесткое. Довольно ему на диванѣ валяться. Ему надо теперь поудобнѣе лежать.

— Дали, значитъ, благодѣтели?

— Еще бы! Съ лихой собаки хоть шерсти клокъ,—отвѣтила Катерина Александровна. — Доктора надо получше пригласить. Нашъ частный—коновалъ какой-то для бѣдныхъ...

Катерина Александровна быстро и дѣятельно принялась за устройство комнаты штабсъ-капитана.

— Въ богадѣльню хотѣли упрятать!—съ раздраженіемъ говорила она за вечернимъ чаемъ. — Самихъ бы въ сумасшедшій домъ засадить! Потеряютъ сами какого-нибудь шалопая, такъ потомъ цѣлый вѣкъ носятся со своимъ горемъ, докторами себя окружатъ, на воды ѣздятъ, а тутъ человѣкъ, умирающій съ голоду, пожертвовавшій всѣмъ, лишился своей единственной опоры — въ богадѣльню его! Нѣтъ, увидимъ, удастся ли имъ его въ богадѣльню упрятать! Я все сдѣлаю, а по-моему будетъ...

— Охъ, Катюша, не слягъ ты у меня сама! Хлопочешь ты все, да тревожишься, — съ опасеніемъ замѣтила Марья Дмитріевна. — Вонъ лицо-то какъ горитъ у тебя...

— А вы много добыли безъ хлопотъ-то, сидя дома? — рѣзко спросила Катерина Александровна.—Нѣтъ, къ нимъ стучаться надо, имъ надоѣдать нужно, пороги у нихъ обить нужно, — тогда только что-нибудь и сдѣлаешь... Вы подумайте, что сталось бы со старикомъ, если бы не хлопотать за него? Умеръ бы съ голоду, умеръ бы, какъ собака. А за что? Преступникъ онъ, что ли? Негодяй какой-нибудь? А сколько такихъ-то найдется въ разныхъ подвалахъ, на разныхъ чердакахъ...

— Что и говорить, голубка! Да ты себя-то береги!

— Молода еще, вынесу!

Прошло два дня. Къ дому, гдѣ жили Прилежаевы, подъѣхала карета. Изъ нея вышелъ генералъ Свищовъ. Катерина Александровна была дома и встрѣтила старика.

— А я заѣзжалъ въ пріютъ, думалъ васъ найти тамъ,— заговорилъ онъ, пожимая ей руку.—Я къ вамъ съ радост-

ною вѣстью... Не хотѣлъ никому поручить... Самъ хотѣлъ васъ обрадовать, видѣть вашу улыбку... Вашему старику назначено триста рублей.

— Благодарю васъ, — проговорила обрадованная Катерина Александровна, пожимая руку Свищова. — Я думаю, у него въ теченіе всей жизни не было въ рукахъ такой суммы...

— Ну, это малость, — небрежно произнесъ Свищовъ. — Теперь, знаете, наши финансы хромаютъ. Для такой милой просительницы я радъ бы гораздо, гораздо болѣе сдѣлать...

— Грустно, что онъ даже не можетъ поблагодарить васъ. Если бы я знала васъ прежде, то, вѣроятно, вы раньше помогли бы ему. А то служилъ, служилъ человѣкъ, а вспомнили о немъ только передъ смертью.

— Что дѣлать, что дѣлать!—пожалъ плечами Свищовъ.— Въ свѣтѣ не ищите справедливости. Люди забывчивы... Все дѣло случая. Если бы мы не встрѣтились, то, можетъ-быть, ему и теперь не дали бы ничего... Но какъ вы далеко живете!.. Вы, кажется, — извините за нескромность — и сами нуждаетесь?

— Какъ вамъ сказать?—улыбнулась Катерина Александровна. — Мы не богаты, но нуждаться — я не нуждаюсь. На мои потребности мнѣ хватаетъ моихъ денегъ... Большаго мнѣ не нужно...

— А не говорите такъ, не говорите!—загорячился Свищовъ. — Вы молоды, вамъ надо болѣе удобствъ... болѣе, знаете, этого...—Свищовъ повертѣлъ рукою въ воздухѣ, не находя словъ для выраженія своей мысли.—Какъ это вашъ дядя не позаботится о васъ...

— Я не просила ни у него, ни у какого другого. Я живу работой и хочу жить работой, а не подаяніями.

— Но все же эта обстановка...

— Не будемте говорить о ней... Впрочемъ,—улыбнулась Катерина Александровна:—къ вамъ у меня есть еще просьба. Мнѣ хотѣлось бы получить мѣсто наставницы въ пріютѣ. Я уже говорила объ этомъ княгинѣ Гирсевой, но она такъ больна, что едва ли сдѣлаетъ что-нибудь... Вотъ вы, Александръ Николаевичъ, принимаете во мнѣ горячее участіе,— сдѣлайте, чтобы меня назначили учительницей въ пріютѣ.

— А, да, это можно... да, это можно... Я все готовъ, все готовъ для васъ сдѣлать!

— У васъ доброе сердце!

Катерина Александровна протянула генералу руку, онъ

ее радостно пожалъ своими старческими руками и просіялъ.

— Постарайтесь улучшить положеніе пріюта... Вѣдь тамъ все идетъ такъ дурно, потому что никто туда не заглядываетъ... Заѣзжайте почаще...

— Да, да... О, теперь я буду заѣзжать... это необходимо... Я сознаю, что это необходимо...

— Только тогда можно будетъ откровенно переговорить съ вами, высказать нужды дѣтей... я была бы очень, очень рада видѣть васъ часто...

Свищовъ сіялъ.

— Я всякую недѣлю буду ѣздить, — заговорилъ онъ. — Наблюденіе — это, знаете, необходимо... Вы мнѣ говорите все откровенно!.. Вы ко мнѣ заѣзжайте... да, да, непремѣнно заѣзжайте...

— Зачѣмъ же безпокоить васъ...

— Да развѣ вы можете безпокоить меня? Я буду радъ, очень радъ сдѣлать для васъ все... И какъ это вашъ дядя не сказалъ мнѣ о васъ!..

Катерина Александровна еще разъ пожала руку старика, и онъ совершенно неожиданно напечатлѣлъ поцѣлуй на эту руку. Катерина Александровна незамѣтно усмѣхнулась, провожая старика, съ трудомъ переставлявшаго вышедшія изъ повиновенія ноги.

— Какой добрѣйшій человѣкъ, чисто ангельская душа!— воскликнула Марья Дмитріевна по отъѣздѣ генерала.

— Да, эту старую обезьяну можно приручить,—насмѣшливо сказала Катерина Александровна, подавляя свое волненіе.

— Ай, Катюша, какъ тебѣ не грѣхъ такъ отзываться о немъ,—упрекнула мать.

— А знаете, мама, если бы я теперь захотѣла, я могла бы въ каретахъ ѣздить.

— Ну-у, что ты, Катюша!—изумилась Марья Дмитріевна.

— А вы думаете, нѣтъ? Вы думаете, что этотъ ходячій трупъ пожалѣлъ бы чего-нибудь для меня?.. Поглядите, вонъ я какая хорошенькая!.. Да, онъ купилъ бы меня на вѣсъ золота, у ногъ бы моихъ ползалъ за то, что обезчестилъ бы меня, за то, что купилъ бы меня... Вонъ по одному моему слову триста рублей выхлопоталъ человѣку, которому не давали ни гроша. Вонъ Скворцову купили и меня такъ же купили бы... Всѣ они такіе. Какъ вы его назвали? Добрѣйшимъ человѣкомъ, ангельскою душою? Да, да, добрѣйшій человѣкъ, ангельская душа!

Катерина Александровна нервно засмѣялась.

— Ахъ, какая вы неопытная, мама! — воскликнула она съ горечью. — Сдѣлали ли эти добрѣйшіе люди что-нибудь для васъ?.. Для меня они сдѣлаютъ, потому что молода я, потому что на мое лицо они заглядываются... Дай Богъ, чтобы эти добрѣйшіе люди не смѣли на порогъ къ намъ являться...

— Да вѣдь ты же сама, Катюша, пригласила его, — растерянно проговорила Марья Дмитріевна.

— И буду приглашать, — твердо произнесла Катерина Александровна. — Онъ нуженъ намъ... Прямой дорогой ни до чего не дойдешь... Пусть ѣздитъ, пусть хлопочетъ...

Марья Дмитріевна струсила.

— Охъ, Катя, не загуби ты себя...

— Что? — рѣзко отозвалась Катерина Александровна и взглянула на мать такими глазами, что та умолкла и тихо вышла изъ комнаты.

«Но что же не пишетъ онъ? Почему онъ не поспѣшилъ предупредить семью о смерти брата? Очевидно, что и онъ боленъ, раненъ или находится въ плѣну. Боже мой, когда же кончатся эти муки неизвѣстности, эти муки ожиданія?»

Эти мысли ежедневно томили молодую дѣвушку. Чтобы разсѣять ихъ, она усиленно работала, хлопотала около старика, не давала себѣ отдыха, старалась въ трудѣ забыть свое горе, старалась утомить себя настолько, чтобы засыпать поскорѣе и въ ночномъ затишьѣ не томиться мрачными думами. Однажды газеты принесли извѣстіе о полученіи чина и ордена Александромъ Прохоровымъ. «Живъ!» — радостно воскликнула Катерина Александровна и нѣсколько успокоилась. Ея работа пошла еще быстрѣе. Дни неслись стрѣлою. Наконецъ, въ эту хлопотливую и тревожную пору Катерина Александровна была обрадована письмомъ отъ Александра Прохорова. Съ сильнымъ волненіемъ распечатала она это давно ожидаемое письмо.

«Горькимъ извѣстіемъ долженъ я начать свое письмо,— писалъ Александръ.—Болѣе всего меня пугаетъ мысль, что это извѣстіе уже дойдетъ до отца прежде, чѣмъ получится тобою мое письмо. Ваня убитъ, убитъ при моихъ глазахъ. Бѣдный мальчикъ, какъ онъ былъ храбръ, какъ онъ былъ хорошъ въ послѣднее время! Перенося всѣ невзгоды бивуачной жизни, онъ съ какою-то наивною стыдливостью заботился только обо мнѣ, говоря, что я только изъ-за него вышелъ въ дѣйствующую армію, что я не испыты-

валъ бы всѣхъ непріятностей военнаго положенія, если бы не онъ. Дитя! Я никакъ не могъ убѣдить его, что и безъ него я не могъ бы отказаться отъ вступленія въ дѣйствующую армію. Съ каждымъ днемъ онъ становился мнѣ все дороже и дороже, и вдругъ этого мальчика не стало! Трудно описать тебѣ весь ужасъ этой минуты, всѣ чувства, охватившія меня въ это мгновеніе. Я видѣлъ, какъ зашатался, какъ упалъ на землю мой братъ, и не могъ сдѣлать шагу для спасенія его. Мнѣ приходилось самому отбиваться отъ толпы враговъ. Впервые въ моемъ сердцѣ пробудилась какая-то дикая, яростная злоба, я дрался чисто по-звѣрски, съ ожесточеніемъ, я хотѣлъ пробиться къ нему. Я понялъ въ эту минуту чувство мести, которое можетъ заставить насъ безпощадно терзать всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ въ рядахъ убійцъ близкаго намъ существа. И теперь, когда въ моей памяти ослабѣло первое горькое впечатлѣніе, когда этотъ роковой день значительно отдалился отъ меня и представляется мнѣ какъ бы подернутый туманомъ,—я еще ощущаю это чувство мести, я понимаю эту огульную ненависть ко всѣмъ близкимъ, ко всѣмъ единомышленникамъ того врага, который былъ причиною нашего горя. Порою мнѣ снится братъ; эти дѣтски откровенные, большіе синіе глаза смотрятъ на меня такъ грустно, такъ задушевно, и я вижу въ нихъ крупныя слезы. Мнѣ становится больно и обидно за эту загубленную жизнь. Какимъ прекраснымъ человѣкомъ могъ бы быть этотъ отважный мальчикъ! Мнѣ мучительно больно, что я не имѣлъ даже силъ предупредить отца, подготовить его къ тяжелой вѣсти. Я пролежалъ въ лазаретѣ и только теперь началъ поправляться. Не бойся, мой другъ, за меня. Теперь я почти здоровъ, я могу писать, могу читать, скоро я выйду изъ лазарета и снова дохну свѣжимъ воздухомъ. Грустная драма приходитъ къ концу, и благо тѣмъ, кому судьба дала силы, кому случай помогъ пережить эту драму. Но слѣды ея останутся надолго, они уцѣлѣютъ на насъ и отзовутся на дѣтяхъ нашихъ. Мы были свидѣтелями міровыхъ событій, за которыми послѣдуетъ расчетъ со всѣмъ старымъ. Этотъ расчетъ необходимъ, неизбѣженъ. Всѣ чувствуютъ, что нужно освѣжить воздухъ. Мы прошли чрезъ эти полуразрушенныя, убогія деревни; мы видѣли этотъ крѣпостной, забитый, бѣдный, лишенный права жаловаться народъ; мы присутствовали при этомъ грабежѣ взяточниковъ, не совѣстившихся воровать даже самые не-

обходимые жизненные припасы, лазаретныя принадлежности; мы стрѣляли изъ этихъ никуда негодныхъ пушекъ, изъ этихъ заржавѣвшихъ ружей; мы слышали слова этихъ самодуровъ-мудрецовъ, которые по прихоти распоряжались всѣмъ и хвалились тѣмъ, что они уничтожили бы свою собственную фуражку, если бы она знала, что они предпримутъ завтра. Крѣпостничество, самодурство, взяточничество, грубость и тупоуміе, все это прошло передъ нами въ одной ужасной картинѣ. Тяжелымъ гнетомъ легли на душу такіе факты, какъ разсказъ о томъ, что въ одной изъ прибрежныхъ дачъ все осталось цѣло и въ порядкѣ послѣ посѣщенія французовъ, а послѣ посѣщенія русскихъ въ ней было изрублено даже фортепіано, и на стѣнахъ появились циничныя надписи на родномъ языкѣ. У насъ иногда недоставало корпіи, недоставало провіанта, а у враговъ была проведена желѣзная дорога!.. Нѣтъ, намъ нужно воевать не съ французами, не съ англичанами, намъ нужно воевать съ отжившими порядками, съ отжившими традиціями, въ противномъ случаѣ, насъ будутъ бить всѣ другіе народы, будутъ бить и найдутъ въ числѣ своихъ союзниковъ всѣхъ тѣхъ, которые носятъ имя русскихъ и грабятъ русскую казну, русскій народъ, русское правительство. У насъ здѣсь считался мѣсяцъ за годъ—да, это справедливо, мы здѣсь уяснили себѣ въ мѣсяцы то, чего не уяснили бы, быть-можетъ, въ цѣлые годы, вращаясь на полированныхъ паркетахъ пышныхъ залъ, маршируя на утрамбованныхъ равнинахъ плацъ-парадовъ, пожимая обтянутыя лайкой руки воровъ и грабителей. Во время болѣзни я прочелъ «Съ того берега». Да, я понялъ это отчаянье, эту роковую скорбь, этотъ душевный вопль, смутившій Европу. Эту книгу могъ написать только русскій. Какъ страстно, какъ нетерпѣливо жду я конца этихъ тяжелыхъ дней, какъ стремлюсь я въ Петербургъ, къ ученью, къ университету. Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, намъ нужно учиться, учиться и учиться. Наука—это именно то оружіе, котораго недоставало у насъ, и мы, чувствуя свое безсиліе, сознавая свою безоружность,—съ одной стороны, заглушивъ голосъ совѣсти, дѣлались мелкими плутами, мелкими воришками, мелкими міроѣдами и взяточниками, а съ другой, сохранивъ въ себѣ искру честности, становились злобствующими тунеядцами, разочарованными гамлетиками, честными бездѣльниками. Теперь мы должны взять свое оружіе и приняться за дѣло. И я, и ты, мой другъ, мы

всѣ шли ощупью къ знанію, теперь мы пойдемъ къ нему прямо, въ немъ будетъ наша жизнь. Принесемъ для него всѣ жертвы, но завоюемъ его. Впрочемъ, что я говорю о жертвахъ? Развѣ для того, чтобы идти по дорогѣ къ знанію, нужны жертвы? Что намъ придется дѣлать? Отказаться отъ удовольствій? Но мы къ нимъ и безъ того не привыкли, а теперь мнѣ кажутся гнусными эти удовольствія, потому что я знаю, какою цѣной иногда покупаются они, потому что я знаю, какіе стоны раздаются вдали отъ нашихъ залъ и гостиныхъ. Намъ придется не обращать вниманія на свое платье, быть-можетъ, ходить въ плохой одеждѣ, чтобы имѣть возможность больше тратить на книги, на уроки. Но развѣ бѣдная одежда хуже украденныхъ у ближняго, добытыхъ его потомъ роскошныхъ нарядовъ? Развѣ мы не будемъ имѣть права съ презрѣніемъ глядѣть на тѣхъ, кто одѣтъ лучше насъ на воровскія деньги? Да, мы пойдемъ безъ сожалѣнія и стыда мимо театровъ и собраній, мимо разнаряженныхъ куколъ и будемъ знать, чего такъ часто стоятъ эти пиры во время чумы, эта арлекинада, — мы пойдемъ въ своемъ плохомъ платьѣ, пойдемъ въ храмъ науки—и не на насъ укажутъ пальцами и осмѣютъ честные люди... Будь, мой другъ, бодрѣе, не унывай. Скоро настанетъ день, когда ты пойдешь въ путь уже не одна, а опираясь на мою руку. Эта рука тверда. Въ моей груди теперь живутъ рядомъ и ненависть, и любовь; ненависть къ тому, противъ чего намъ придется бороться, любовь къ тѣмъ, кто станетъ въ наши ряды. Дай Богъ, чтобы этихъ людей, которыхъ ищетъ наше правительство, являлось все больше и больше. Ты прошла ту тяжелую школу, изъ которой выходятъ люди, не боящіеся никакихъ новыхъ мученій и бѣдъ; ты первая не побоишься стать рядомъ съ нами, потому-то я и люблю тебя такъ горячо, такъ страстно. Было время, когда я смотрѣлъ на тебя съ благоговѣніемъ мальчика, видящаго передъ собою добрую фею, царицу и владычицу семьи; ты управляла всѣмъ домомъ, ты работала на всѣхъ, ты подталкивала къ труду другихъ, и все это дѣлалось съ свойственною тебѣ простотой, съ твоею обычною веселостью, почти съ безпечностью. Въ эти дни,—ты ихъ вѣрно помнишь,—я, стоя на колѣняхъ, помогалъ тебѣ разматывать нитки, гордился тѣмъ, что держу край твоей работы, радовался возможности принести стаканъ воды тебѣ, утомившейся владычицѣ семьи; въ эти дни я былъ твоимъ па-

жомъ. Теперь ты встрѣтишь во мнѣ друга-помощника. Я прошелъ черезъ то горнило, въ которомъ закаляются люди, я пріобрѣлъ тотъ горькій опытъ, котораго мнѣ недоставало въ моей теплично-казарменной жизни. Ты не гонялась за жалкими удовольствіями и ничтожнымъ блескомъ, потому что выросла въ той средѣ, гдѣ дорожатъ только кускомъ насущнаго хлѣба, теплымъ угломъ и заработанною копейкою; я тоже не погонюсь теперь за удовольствіями и мишурою свѣта, потому что я узналъ, какою цѣной покупается весь этотъ мишурный блескъ, этотъ источникъ зависти для глупцовъ и мерзавцевъ. Скорѣй бы прошло время нашей разлуки, скорѣй бы прошло время моей невольной праздности. Новаго я уже ничего не увижу здѣсь: каждая мерзость, каждая пошлость будетъ только повтореніемъ того, что понято и обсуждено прежде. Жму горячо твою руку, еще разъ прошу береги отца. Обними Мишу, Марью Дмитріевну, пожелай имъ всего хорошаго. Антону пишу отдѣльно.

Твой Александръ».

Катерина Александровна читала и перечитывала это письмо. Эти строки ярко воскресили передъ нею любимый образъ; ей показалось, что Александръ Прохоровъ сталъ выше ростомъ и загорѣлъ. Она даже разсмѣялась при этой мысли и подумала: «съ чего это я взяла, что онъ непремѣнно выросъ и загорѣлъ». Ее не удивило, что Александръ писалъ ей: *ты*, но ее странно поразило совпаденіе ея чувствъ съ его чувствами. Она такъ же была озлоблена, такъ же чувствовала потребность поскорѣй пробить себѣ какую-то новую дорогу, вступить въ борьбу съ ненавистными ей личностями и порядками. Она сознавала, что у нея слишкомъ мало силы для пересозданія того маленькаго міра, въ которомъ ей приходилось вести мелкую борьбу, она чувствовала, что ей возможно только при помощи хитрости, при помощи обмана завоевать себѣ черезъ разныхъ Свищовыхъ и Гиреевыхъ болѣе прочное, болѣе значительное положеніе, чѣмъ ея настоящая роль въ пріютѣ. Отъ ея вниманія не ускользнуло и то обстоятельство, что ея завоеванія могутъ на первыхъ же порахъ кончиться ничѣмъ, если, напримѣръ, Свищовъ предъявитъ требованія на награду за свою протекцію. Но, несмотря на это, она рѣшилась идти по избранной дорогѣ до послѣдней возможности и сдѣлать хоть что-нибудь. Перечитывая письмо своего друга, она поняла, что онъ говоритъ о болѣе широ-

кой борьбѣ, о болѣе многочисленныхъ врагахъ, и ей представился вопросъ: гдѣ же найти силы для этой борьбы отдѣльному человѣку, если у нея не хватаетъ силъ и для мелкой борьбы, выпавшей ей на долю? Какимъ путемъ поведется эта борьба? Много ли людей примутъ въ ней участіе? Будутъ ли эти люди болѣе сильные, чѣмъ она, чѣмъ ея другъ? На эти вопросы покуда не являлось отвѣта. Она не знала, какія реформы уже готовились для Россіи.

«Что будетъ, то будетъ»,—рѣшила она и дала себѣ слово продолжать покуда начатое ею дѣло: хлопотать о мѣстѣ наставницы и учиться. Со всею энергіей, свойственною молодымъ, здоровымъ натурамъ, продолжала она дѣло самообразованія. Требовало оно и безсонныхъ ночей, и сильнаго умственнаго напряженія, но Катерина Александровна не унывала. Она не отставала отъ Антона, выучивая его уроки, хотя ей и приходилось въ одинъ день дѣлать то, что дѣлалось имъ въ два дня. Въ пріютѣ между тѣмъ насталъ торжественный день: тамъ вступила новая начальница и вскорѣ пріѣхало все высшее начальство подъ предводительствомъ графини Бѣлокопытовой и Свищова. Графиня, по своему обыкновенію, обошла бѣглымъ шагомъ ряды воспитанницъ, подставляя имъ свою руку и цѣлуя ихъ на ходу въ лобъ; Свищовъ отыскалъ глазами Катерину Александровну и дружески кивнулъ ей головой.

— Вы, кажется, согласны принять мѣсто учительницы?— спросила графиня, поровнявшись съ Катериной Александровной.

— Да, я очень рада принять на себя эту обязанность,— отвѣтила Катерина Александровна.

— Это, это необходимо, — произнесъ Свищовъ. — Надо непремѣнно... реорганизовать... Знаете, эти упущенія, эти злоупотребленія...

— Ахъ да, Александръ Николаевичъ, — перебила его графиня.—Хорошо, что вы напомнили! Прежде всего нужно осмотрѣть мѣсто. Я рѣшилась; правда, это мнѣ будетъ трудно, но я рѣшилась! Помоги мнѣ, Господи!

Графиня вздохнула.

— Мы должны, должны приносить эти жертвы,—прошептала она и обратилась къ Катеринѣ Александровнѣ: — Проводите насъ въ садъ.

Катерина Александровна мелькомъ взглянула на Свищова. Онъ пожалъ плечами и какъ-то особенно повертѣлъ

пальцемъ около лба. Все общество тронулось по направленію къ саду.

— Здѣсь, кажется, довольно мѣста? — спросила графиня, обращаясь къ пріютскому архитектору.

— Немного тѣсно будетъ, — отвѣтилъ онъ. — Садъ придется почти весь уничтожить.

— Ну да, ну да,—нетерпѣливо отвѣтила графиня.—Оставить только клумбочку, помните, какъ вы говорили. Это будетъ такъ хорошо... Благолѣпіе...

— Но какъ же безъ сада, — нерѣшительно возразилъ архитекторъ.

— На что намъ сады? Не они намъ нужны. Намъ вертограды Господни нужны, а не эти земные сады... Спаси насъ грѣшныхъ, Господи!

Графиня, по обыкновенію, громко бесѣдуя съ Богомъ, перекрестилась и быстро зашагала въ пріютскія комнаты.

— Генералъ, вы говорили о прибавкѣ на пищу? — тихо спросила Катерина Александровна.

— Копейку прибавили на человѣка въ день, — такъ же тихо отвѣтилъ Свищовъ. — Что дѣлать, что дѣлать, мы не въ своемъ умѣ...

Онъ опять повертѣлъ пальцами около лба и, присоединившись къ графинѣ, сказалъ ей что-то на ухо.

— Ахъ, да! — обернулась она къ Катеринѣ Александровнѣ: — вамъ прибавляется восемь рублей жалованія за уроки.

Катерина Александровна молча поклонилась.

— Пожалуйста, только русскій языкъ, законъ Божій больше ничего, никакихъ астрономій не надо! — отрывисто проговорила графиня. — Закладка когда? — обернулась она къ архитектору.

— Я думаю, весной,—отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ! Я слаба, я могу умереть,—отрывисто произнесла она. — Безъ меня ничего не сдѣлаютъ... Заложите теперь, строить начнете весной... Въ будущее воскресенье закладка... Ну, прощайте, дѣти. Богъ дастъ, черезъ годъ у васъ будетъ своя церковь... Господи, пошли намъ силы... сподоби насъ...

Сгорбившись и переплетая ногами, графиня, въ сопровожденіи своей свиты, направилась къ экипажу. Катерина Александровна съ поникшею головой осталась въ толпѣ дѣтей и грустно смотрѣла въ окно на небольшой садикъ.

— Душечка, Катерина Александровна, вы всѣхъ насъ

учить будете? — приставали къ ней воспитанницы, живъ ее.

— Нѣтъ, только младшихъ, — отвѣтила она, встрях головой и какъ бы отгоняя печальныя думы.

— Отчего же не насъ? — заговорили старшія воспи ницы. — Учите и насъ. У новаго учителя ничего не мешь, такой бука. Вы лучше скажите, чтобы вамъ по лили и насъ учить...

— Погодите, погодите, все сдѣлается, — промолвила Катерина Александровна.

— А садъ-то нашъ вырубать будутъ, — печально зам тила одна изъ дѣвочекъ, глядя въ окно.

— Да, жаль,—вздохнула Катерина Александровна.

Въ эту минуту въ комнату вошли Зубова и Постникова

— Поздравляю васъ, Катерина Александровна,—прого ворила Зубова.—Прибавку жалованья получили.

— Вы меня лучше съ тѣмъ поздравьте, что я дѣтей учить буду,—усмѣхнулась Катерина Александровна.

— Ахъ! вы вѣрно такъ богаты, что ни за что считаете деньги,—ядовито произнесла Зубова.

— Нѣтъ, деньги мнѣ очень дороги, но мѣсто учительницы еще дороже: онѣ радуютъ только меня, а данное мнѣ право учить дѣтей обрадовало, какъ видите, и меня, и всѣхъ дѣтей. А я цѣню выше всего именно то, что приноситъ радость и пользу не только мнѣ, но и другимъ.

VII.

Катерина Александровна идетъ къ своей цѣли.

Новая начальница, Софья Андреевна Вуичъ, сдѣлала обѣдъ, чтобы познакомиться покороче съ помощницами. На этотъ обѣдъ были приглашены родственники и знакомые начальницы, и онъ долженъ былъ принять не официальный, а чисто семейный характеръ.

Софья Андреевна была, подобно Зориной, вдовой какого-о гвардейца. Она получила институтское образованіе, была за границею, любила читать французскіе романы, осхищалась произведеніями Жоржъ-Занда, курила пахи-сы и толковала, выпуская струйки дыма, о женской мансипаціи». Высокая ростомъ, стройная, еще сохранив-ія остатки свѣжести и даже красоты, эта тридцатипяти-тняя женщина, казалось, была создана для гостиной, для тской болтовни. Съ нею можно было проболтать въ сніе цѣлаго вечера о самыхъ высокихъ, о самыхъ со-

временныхъ предметахъ, не скучая и не замѣчая, что эта женщина схватила только кончики и отрывочки всѣхъ этихъ вопросовъ, что они для нея имѣютъ теперь такое же значеніе, какое прежде, въ годы ея молодости, имѣли для нея открытыя плечи, обнаженныя руки, распущенные локоны,—т.-е. значеніе приманки. Ее рекомендовалъ на мѣсто Свищовъ, повидимому, поддавшійся обаянію ея прелестей съ свойственною ему податливостью любвеобильнаго сердца. Графиня Бѣлокопытова взглянула подозрительными глазами на неувядшую красоту, на бойкость, на щеголеватость этой женщины и уже готова была отказать ей въ просьбѣ о поступленіи на мѣсто начальницы и опредѣлить въ пріютъ старуху, но Свищовъ, всегда оживлявшійся, когда дѣло шло о защитѣ хорошенькой женщины, отстоялъ свою кандидатку, настроилъ княгиню Гирееву на свой ладъ, подзадорилъ графа Бѣлокопытова, однимъ словомъ, произвелъ такую агитацію, вслѣдствіе которой въ общемъ собраніи комитета благотворительныхъ учрежденій графовъ Бѣлокопытовыхъ большинство членовъ согласилось съ его мнѣніемъ. Онъ даже произнесъ нѣчто въ родѣ рѣчи. Въ это время рѣчи уже начинали произноситься всѣми.

— Многоуважаемая Дарья Федоровна,—говорилъ онъ въ засѣданіи комитета:—полагаетъ, что Софья Андреевна Вуичъ слишкомъ молода для такой обязанности, какъ обязанность начальницы пріюта... Но это... это, можно сказать, находка. Да, именно, находка!.. У насъ была уже пожилая начальница, и что же вышло? Спрашиваю васъ, господа: что вышло?.. Упущенія, злоупотребленія, безпорядки, распущенность дѣтей... Помилуйте, могло ли иначе быть?.. Она была стара, слаба: она не могла усмотрѣть за всѣмъ, у нея не было этой... этой расторопности... да, да, именно расторопности... А между тѣмъ дѣвочки—это огоньки, огоньки!.. Нужны глаза, да и глаза за ними, нужны крѣпкія руки, чтобы удержать ихъ въ уздѣ...

— Ахъ, ихъ нравственность въ ужасномъ положеніи!—вздохнула Дарья Федоровна и обратилась къ Богу:—Господи, сохрани ихъ!..

— Совершенно справедливо, совершенно справедливо! Нравственность въ ужасномъ положеніи!—оживился Свищовъ.—Но отчего? Оттого, что слѣпые глаза не могли услѣдить за нею, дряблыя... да, именно дряблыя руки не могли сдержать ихъ... Конечно, Софьѣ Андреевнѣ можно отказать въ ея просьбѣ, можно найти другую... какую-нибудь ста-

руху, но въ такомъ случаѣ, говорю вамъ, мы снова оставимъ пріютъ при старыхъ порядкахъ... Намъ нужно обновить его... прогрессировать... Этого требуетъ духъ времени...

— Я рѣшилась церковь построить,—произнесла графиня.—Пусть ежедневно, ежечасно видъ храма Божія напоминаетъ дѣтямъ объ ихъ Отцѣ Небесномъ...

— Ну, матушка, теперь не изъ чего намъ храмовъ строить,—произнесъ съ раздраженіемъ мужа Дарьи Федоровны.—Это опять новыя выдумки.

— Я ни у кого не прошу, я изъ своихъ суммъ строю церковь,—отвѣтила Дарья Федоровна.—Это не касается комитета...

— Но это *меня* касается! *Я* не желалъ бы этого, — горячо и строго промолвилъ графъ, сильно напирая на слова *меня* и *я*.

Свищовъ поспѣшилъ прервать начинающуюся ссору супруговъ.

— Мы, однако, уклонились,—началъ онъ:—уклонились отъ вопроса о начальницѣ.

— Да, но вы понимаете, что вопросъ о постройкѣ храма очень важенъ,—загорячился графъ Бѣлокопытовъ.

— Позвольте собрать голоса,—произнесъ съ секретарскою вѣжливостью и скромностью Ермолинскій, приподнимаясь на четверть отъ стула и выставляя туловище впередъ.

Свищовъ бросилъ ему одобрительный взглядъ.

— Кажется, почтенный Александръ Николаевичъ достаточно сильно разъяснилъ вопросъ,—скромно и мягко продолжалъ Ермолинскій, выдвинувъ еще немного свое туловище надъ столомъ,—и господа члены комитета могутъ приступить къ рѣшенію вопроса, тѣмъ болѣе, что комитету придется нынче разсмотрѣть еще множество поступившихъ на имя предсѣдательницы просьбъ.

— Да, да, этотъ вопросъ нужно рѣшить,—заговорили члены, испуганные множествомъ просьбъ, ожидающихъ рѣшенія и готовящихся затянуть и безъ того скучное собраніе.

Началась подача голосовъ; оказалось, что за Софью Андреевну были всѣ, за исключеніемъ предсѣдательницы и самого Ермолинскаго.

— Мы съ вами проиграли,—вздохнула Дарья Федоровна, печально кивнувъ головою секретарю.—Если что случится, Ты видишь, Господи, я противилась... противилась!..—оправдывалась она передъ Богомъ.

Секретарь грустно пожалъ плечами, какъ будто скорбя,

временныхъ предметахъ, не скучая и не замѣчая, что эта женщина схватила только кончики и отрывочки всѣхъ этихъ вопросовъ, что они для нея имѣютъ теперь такое же значеніе, какое прежде, въ годы ея молодости, имѣли для нея открытыя плечи, обнаженныя руки, распущенные локоны,—т.-е. значеніе приманки. Ее рекомендовалъ на мѣсто Свищовъ, повидимому, поддавшійся обаянію ея прелестей съ свойственною ему податливостью любвеобильнаго сердца. Графиня Бѣлокопытова взглянула подозрительными глазами на неувядшую красоту, на бойкость, на щеголеватость этой женщины и уже готова была отказать ей въ просьбѣ о поступленіи на мѣсто начальницы и опредѣлить въ пріютъ старуху, но Свищовъ, всегда оживлявшійся, когда дѣло шло о защитѣ хорошенькой женщины, отстоялъ свою кандидатку, настроилъ княгиню Гирееву на свой ладъ, подзадорилъ графа Бѣлокопытова, однимъ словомъ, произвелъ такую агитацію, вслѣдствіе которой въ общемъ собраніи комитета благотворительныхъ учрежденій графовъ Бѣлокопытовыхъ большинство членовъ согласилось съ его мнѣніемъ. Онъ даже произнесъ нѣчто въ родѣ рѣчи. Въ это время рѣчи уже начинали произноситься всѣми.

— Многоуважаемая Дарья Федоровна,—говорилъ онъ въ засѣданіи комитета:—полагаетъ, что Софья Андреевна Вуичъ слишкомъ молода для такой обязанности, какъ обязанность начальницы пріюта... Но это... это, можно сказать, находка. Да, именно, находка!.. У насъ была уже пожилая начальница, и что же вышло? Спрашиваю васъ, господа: что вышло?.. Упущенія, злоупотребленія, безпорядки, распущенность дѣтей... Помилуйте, могло ли иначе быть?.. Она была стара, слаба: она не могла усмотрѣть за всѣмъ, у нея не было этой... этой расторопности... да, да, именно расторопности... А между тѣмъ дѣвочки—это огоньки, огоньки!.. Нужны глаза, да и глаза за ними, нужны крѣпкія руки, чтобы удержать ихъ въ уздѣ...

— Ахъ, ихъ нравственность въ ужасномъ положеніи!—вздохнула Дарья Федоровна и обратилась къ Богу:—Господи, сохрани ихъ!..

— Совершенно справедливо, совершенно справедливо! Нравственность въ ужасномъ положеніи!—оживился Свищовъ.—Но отчего? Оттого, что слѣпые глаза не могли углѣдить за нею, дряблыя... да, именно дряблыя руки не могли сдержать ихъ... Конечно, Софьѣ Андреевнѣ можно отказать въ ея просьбѣ, можно найти другую... какую-нибудь ста-

руху, но въ такомъ случаѣ, говорю вамъ, мы снова оставимъ пріютъ при старыхъ порядкахъ... Намъ нужно обновить его... прогрессировать... Этого требуетъ духъ времени...

— Я рѣшилась церковь построить,—произнесла графиня.—Пусть ежедневно, ежечасно видъ храма Божія напоминаетъ дѣтямъ объ ихъ Отцѣ Небесномъ...

— Ну, матушка, теперь не изъ чего намъ храмовъ строить,—произнесъ съ раздраженіемъ мужа Дарьи Федоровны.—Это опять новыя выдумки.

— Я ни у кого не прошу, я изъ своихъ суммъ строю церковь,—отвѣтила Дарья Федоровна.—Это не касается комитета...

— Но это *меня* касается! *Я* не желалъ бы этого, — горячо и строго промолвилъ графъ, сильно напирая на слова *меня* и *я*.

Свищовъ поспѣшилъ прервать начинающуюся ссору супруговъ.

— Мы, однако, уклонились,—началъ онъ:—уклонились отъ вопроса о начальницѣ.

— Да, но вы понимаете, что вопросъ о постройкѣ храма очень важенъ,—загорячился графъ Бѣлокопытовъ.

— Позвольте собрать голоса,—произнесъ съ секретарскою вѣжливостью и скромностью Ермолинскій, приподнимаясь на четверть отъ стула и выставляя туловище впередъ.

Свищовъ бросилъ ему одобрительный взглядъ.

— Кажется, почтенный Александръ Николаевичъ достаточно сильно разъяснилъ вопросъ,—скромно и мягко продолжалъ Ермолинскій, выдвинувъ еще немного свое туловище надъ столомъ,—и господа члены комитета могутъ приступить къ рѣшенію вопроса, тѣмъ болѣе, что комитету придется нынче разсмотрѣть еще множество поступившихъ на имя предсѣдательницы просьбъ.

— Да, да, этотъ вопросъ нужно рѣшить,—заговорили члены, испуганные множествомъ просьбъ, ожидающихъ рѣшенія и готовящихся затянуть и безъ того скучное собраніе.

Началась подача голосовъ; оказалось, что за Софью Андреевну были всѣ, за исключеніемъ предсѣдательницы и самого Ермолинскаго.

— Мы съ вами проиграли,—вздохнула Дарья Федоровна, печально кивнувъ головою секретарю.—Если что случится, Ты видишь, Господи, я противилась... противилась!..—оправдывалась она передъ Богомъ.

Секретарь грустно пожалъ плечами, какъ будто скорбя,

что ему не удалось осуществить желаніе предсѣдательницы. Софья Андреевна была назначена начальницей.

— А вы молодецъ, молодецъ!—проговорилъ послѣ засѣданія Свищовъ, сжимая руку Ермолинскаго.

— Извините, я долженъ былъ подать голосъ заодно съ графиней...—смиренно оправдывался Ермолинскій.—Неловко какъ-то было, что она одна...

— Ну, конечно, конечно... Я понялъ... Я сейчасъ понялъ... Отчего не потѣшить старуху,—одобрительно промолвилъ Свищовъ.

Ермолинскій съ чувствомъ сжалъ протянутую ему руку Свищова.

— Благодарю васъ, что хоть вы меня поддерживаете,—печально произнесла графиня, прощаясь съ Ермолинскимъ.—Я одна, одна противъ всѣхъ...

Онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и вздохнулъ.

Такимъ образомъ попала на мѣсто начальницы пріюта Софья Андреевна Вунчъ. Въ первый же день вступленія въ свою должность она, какъ бы случайно, сказала горничной, что сейчасъ пойдетъ въ рабочую комнату знакомиться съ дѣтьми.

Горничная поспѣшила предупредить кого слѣдуетъ.

Помощницы поспѣшили выстроить воспитанницъ въ ряды, командуя, чтобы дѣти стояли смирно. Послѣ четверти часа ожиданія послышалась легкая поступь новой начальницы; Постникова поспѣшила отпереть дверь.

— Ахъ, зачѣмъ вы безпокоитесь, у меня руки есть,—замѣтила съ разбитною улыбкой Софья Андреевна и обратилась къ дѣтямъ:—здравствуйте, малютки...

Дѣти разомъ проговорили: «Здравствуйте!»

— Что это онѣ у васъ въ военную службу приготовляются? Точно солдаты выстроены,—засмѣялась Софья Андреевна.—Зачѣмъ? Дѣтямъ нужна свобода... Подите ко мнѣ, поздороваемтесь по-человѣчески.

Дѣти бросились къ начальницѣ и подобострастно стали ловить ея руки или прикладываться къ ея плечу.

— Ради Бога, ради Бога!—безъ цѣлованія рукъ, торопливо и весело произнесла она.—Развѣ вы крѣпостныя, что цѣлуете рукава моего платья? Не надо! Какъ твоя фамилія, кубышка?—засмѣялась начальница, захвативъ пальцами розовыя щечки одной воспитанницы.

Та сказала свою фамилію. Начальница поцѣловала ее въ лобъ. Дѣвочки засмѣялись, что ихъ подругу назвали «кубышкой».

— Но большинство изъ нихъ такъ бѣдно,—произнесла Софья Андреевна.—Имъ воздуху больше нужно, моціону, нужно здоровую пищу...

— Да, пища здѣсь очень плоха,—замѣтила Катерина Александровна.—Впрочемъ, на дѣтей такъ мало отпускается денегъ, что трудно что-нибудь сдѣлать...

— Надо изобрѣсти средства,—рѣшительно отвѣтила начальница, взглянувъ на Катерину Александровну пристальнымъ взглядомъ.—Ваша фамилія Прилежаева?

— Да. Развѣ вы меня знаете?

— Мнѣ говорили о васъ,—отвѣтила Софья Андреевна и протянула Катеринѣ Александровнѣ свою изнѣженную ручку.—Мы все повернемъ здѣсь по-новому. Это какія-то казармы...

— Почти тюрьма,—улыбнулась Катерина Александровна.

— Еще бы: назначали столѣтнихъ старухъ въ начальницы и хотѣли, чтобы дѣло шло впередъ... Намъ теперь молодежь нужна... Впрочемъ, я надѣюсь поговорить обо всемъ подробно на-дняхъ, въ дружескомъ кружкѣ.

Начальница кивнула головой присутствующимъ и скрылась въ свои комнаты.

Она произвела довольно благопріятное впечатлѣніе на дѣтей и подала кое-какія надежды Катеринѣ Александровнѣ. Зубова и Постникова назвали ее «франтихой» и рѣшили, что она «поскачетъ, поскачетъ да и присядетъ».

— Анна Васильевна такою же была,—замѣтила Постникова.

— Новая метла всегда чисто мететъ,—засмѣялась Зубова.

Въ торжественный день закладки храма у Софьи Андреевны былъ тотъ обѣдъ, на которомъ она хотѣла короче познакомиться съ помощницами. Когда кончилось молебствіе, когда былъ положенъ первый камень будущей церкви въ срубленномъ саду, когда уѣхали всѣ попечители пріюта,—начальница пригласила помощницъ на свою половину. Въ числѣ гостей Софьи Андреевны было нѣсколько ея молодыхъ кузинъ и кузеновъ, племянниковъ и племянницъ; вообще все общество было молодое и веселое. Катерина Александровна съ любопытствомъ всматривалась въ гостей и прислушивалась къ ихъ рѣчамъ. Толки шли о печальныхъ результатахъ войны; о разныхъ злоупотребленіяхъ; о то что общество ожидаетъ чего-то новаго; рядомъ съ э слышались рѣчи о своихъ семейныхъ дѣлахъ, о какихъ-извѣстныхъ только собесѣдникамъ личностяхъ. Одни то вали о происшедшей уже перемѣнѣ нѣкоторыхъ высши начальствующихъ лицъ; другіе обсуждали вопросъ о вос

что ему не удалось осуществить желаніе предсѣдательницы. Софья Андреевна была назначена начальницей.

— А вы молодецъ, молодецъ!—проговорилъ послѣ засѣданія Свищовъ, сжимая руку Ермолинскаго.

— Извините, я долженъ былъ подать голосъ заодно съ графиней...—смиренно оправдывался Ермолинскій.—Неловко какъ-то было, что она одна...

— Ну, конечно, конечно... Я понялъ... Я сейчасъ понялъ... Отчего не потѣшить старуху,—одобрительно промолвилъ Свищовъ.

Ермолинскій съ чувствомъ сжалъ протянутую ему руку Свищова.

— Благодарю васъ, что хоть вы меня поддерживаете,— печально произнесла графиня, прощаясь съ Ермолинскимъ.— Я одна, одна противъ всѣхъ...

Онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и вздохнулъ.

Такимъ образомъ попала на мѣсто начальницы пріюта Софья Андреевна Вунчъ. Въ первый же день вступленія въ свою должность она, какъ бы случайно, сказала горничной, что сейчасъ пойдетъ въ рабочую комнату знакомиться съ дѣтьми.

Горничная поспѣшила предупредить кого слѣдуетъ.

Помощницы поспѣшили выстроить воспитанницъ въ ряды, командуя, чтобы дѣти стояли смирно. Послѣ четверти часа ожиданія послышалась легкая поступь новой начальницы; Постникова поспѣшила отпереть дверь.

— Ахъ, зачѣмъ вы безпокоитесь, у меня руки есть,— замѣтила съ разбитною улыбкой Софья Андреевна и обратилась къ дѣтямъ:—здравствуйте, малютки...

Дѣти разомъ проговорили: «Здравствуйте!»

— Что это онѣ у васъ въ военную службу приготовляются? Точно солдаты выстроены,—засмѣялась Софья Андреевна.—Зачѣмъ? Дѣтямъ нужна свобода... Подите ко мнѣ, поздороваемтесь по-человѣчески.

Дѣти бросились къ начальницѣ и подобострастно стали ловить ея руки или прикладываться къ ея плечу.

— Ради Бога, ради Бога!—безъ цѣлованія рукъ, торопливо и весело произнесла она.—Развѣ вы крѣпостныя, что цѣлуете рукава моего платья? Не надо! Какъ твоя фамилія, кубышка?—засмѣялась начальница, захвативъ пальцами розовыя щечки одной воспитанницы.

Та сказала свою фамилію. Начальница поцѣловала ее въ лобъ. Дѣвочки засмѣялись, что ихъ подругу назвали «кубышкой».

— Но большинство изъ нихъ такъ бѣдно,—произнесла Софья Андреевна.—Имъ воздуху больше нужно, моціону, нужно здоровую пищу...

— Да, пища здѣсь очень плоха,—замѣтила Катерина Александровна.—Впрочемъ, на дѣтей такъ мало отпускается денегъ, что трудно что-нибудь сдѣлать...

— Надо изобрѣсти средства,—рѣшительно отвѣтила начальница, взглянувъ на Катерину Александровну пристальнымъ взглядомъ.—Ваша фамилія Прилежаева?

— Да. Развѣ вы меня знаете?

— Мнѣ говорили о васъ,—отвѣтила Софья Андреевна и протянула Катеринѣ Александровнѣ свою изнѣженную ручку.—Мы все повернемъ здѣсь по-новому. Это какія-то казармы...

— Почти тюрьма,—улыбнулась Катерина Александровна.

— Еще бы: назначали столѣтнихъ старухъ въ начальницы и хотѣли, чтобы дѣло шло впередъ... Намъ теперь молодежь нужна... Впрочемъ, я надѣюсь поговорить обо всемъ подробно на-дняхъ, въ дружескомъ кружкѣ.

Начальница кивнула головой присутствующимъ и скрылась въ свои комнаты.

Она произвела довольно благопріятное впечатлѣніе на дѣтей и подала кое-какія надежды Катеринѣ Александровнѣ. Зубова и Постникова назвали ее «франтихой» и рѣшили, что она «поскачетъ, поскачетъ да и присядетъ».

— Анна Васильевна такою же была,—замѣтила Постникова.

— Новая метла всегда чисто мететъ,—засмѣялась Зубова.

Въ торжественный день закладки храма у Софьи Андреевны былъ тотъ обѣдъ, на которомъ она хотѣла короче познакомиться съ помощницами. Когда кончилось молебствіе, когда былъ положенъ первый камень будущей церкви въ срубленномъ саду, когда уѣхали всѣ попечители пріюта,—начальница пригласила помощницъ на свою половину. Въ числѣ гостей Софьи Андреевны было нѣсколько ея молодыхъ кузинъ и кузеновъ, племянниковъ и племянницъ; вообще все общество было молодое и веселое. Катерина Александровна съ любопытствомъ всматривалась въ гостей и прислушивалась къ ихъ рѣчамъ. Толки шли о печальныхъ результатахъ войны; о разныхъ злоупотребленіяхъ; о томъ, что общество ожидаетъ чего-то новаго; рядомъ съ этимъ слышались рѣчи о своихъ семейныхъ дѣлахъ, о какихъ-то извѣстныхъ только собесѣдникамъ личностяхъ. Одни толковали о происшедшей уже перемѣнѣ нѣкоторыхъ высшихъ начальствующихъ лицъ; другіе обсуждали вопросъ о воспи-

таніи; третьи вспоминали свои школьные годы; четвертые просто жаловались на отсутствіе удовольствій, на скуку и тоску. Направленіе разговора было безхарактерно и неуловимо, какъ это всегда бываетъ, когда въ обществѣ есть еще незнакомыя личности, и когда оно дѣлится на отдѣльные кружки, не имѣющіе никакихъ общихъ интересовъ, никакихъ опредѣленныхъ стремленій и цѣлей. Наконецъ, общество дождалось обѣда и соединилось въ одну группу.

— Я сегодня хочу отпировать послѣдній день свободы,— проговорила Софья Андреевна.

— И перейти къ великой административной дѣятельности,—шутливо замѣтилъ одинъ изъ ея кузеновъ.

— А вы не смѣйтесь! Задача дѣйствительно не легкая. Здѣсь нужно перестроить все,—отвѣтила Софья Андреевна.

— И потому на первыхъ порахъ вы приступаете къ постройкѣ храма,—опять замѣтилъ тотъ же шутливый голосъ.

— Развѣ это я?—воскликнула Софья Андреевна, пожимая плечами.—А какъ жаль мнѣ этого садика,—обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ.—Онъ, кажется, былъ такой миленькій. И для дѣтей это полезно.

— Къ сожалѣнію, имъ почти не пользовались дѣти,— отвѣчала съ улыбкой Катерина Александровна.—Онъ былъ просто однимъ украшеніемъ. Они продолжали шить въ душныхъ комнатахъ, хотя въ саду было и свѣжѣе, и лучше.

— Идіотизмъ!—пожала плечами Софья Андреевна.

— Не самый крупный,—насмѣшливо усмѣхнулась Катерина Александровна.—У насъ, напримѣръ, учили до сихъ поръ дѣтей такъ, что они, при выходѣ изъ пріюта, не умѣли правильно написать двухъ строкъ и не знали порядочно первыхъ правилъ ариѳметики... Зато они отлично пѣли херувимскую.

Въ комнатѣ послышался смѣхъ.

— Это, вѣроятно, для смягченія нравовъ,—засмѣялась Софья Андреевна.

— Но чтобы нравы не смягчились черезъ мѣру, взрослыхъ воспитанницъ сѣкли публично,—окончила Катерина Александровна тѣмъ же тономъ.

По лицамъ присутствующихъ пробѣжали непріятныя гримасы.

— Здѣсь что ни шагъ, то противорѣчіе и нелѣпость. Дѣтей учатъ настолько, чтобы они ничему не научились. Заботятся о смягченіи нравовъ, и обращаются съ дѣтьми хуже, чѣмъ съ прислугой. Хотятъ приготовить ихъ къ ра-

ботѣ и учатъ только шитью бѣлья, то-есть самой невыгодной работѣ, хотя также легко было бы научить дѣтей шить платья, что гораздо прибыльнѣе. Спасаютъ дѣтей отъ нищеты и кормятъ ихъ хуже, чѣмъ кормятъ нищихъ,—проговорила Катерина Александровна.

— Ну, кузенъ,—обратилась Софья Андреевна къ молодому человѣку, дѣлавшему шутливыя замѣчанія въ началѣ разговора:—будете вы утверждать, что мнѣ нечего дѣлать, что на мнѣ не лежитъ множества тяжелыхъ обязанностей?

— Ихъ, впрочемъ, облегчатъ ваши помощницы,—улыбнулся кузенъ.

— Да, да, на васъ я полагаюсь, какъ на каменную гору,—весело обратилась Софья Андреевна къ помощницамъ.

— Это нашъ долгъ,—упорно вставила свое слово Постникова, потупивъ глазки.

— Только бы свыше не помѣшали,—замѣтила Катерина Александровна.

— А хитрость? Это женская сила.

— Это сила рабовъ, кузина,—замѣтилъ кузенъ.

— А мы развѣ не рабыни?

За столомъ посыпались перекрестныя остроты и шутки. Къ Катеринѣ Александровнѣ обратилась сидѣвшая рядомъ съ ней дѣвушка съ бойкими глазами и вздернутомъ носикомъ.

— Вы думаете, что можно что-нибудь сдѣлать?—спросила она.

— Конечно, можно,—отвѣтила Катерина Александровна.— Вотъ я сдѣлала хоть то, что буду учить дѣтей сама.

— Но вы однѣ не успѣете научить ихъ всему.

— Тѣмъ болѣе, что я сама знаю очень немного,—досказала Катерина Александровны.

Молоденькая дѣвушка взглянула на нее съ удивленіемъ: ее поразила простота этого признанія.

— Ну, мы всѣ, конечно, не много знаемъ,—замѣтила она, какъ бы поясняя мысль Катерины Александровны.

— А я менѣе другихъ, — сказала Катерина Александровна.—Я сама еще учусь, учусь урывками, безъ учителей... Впрочемъ, я знаю настолько, что могу учить этихъ дѣтей... Мнѣ кажется, что прежде всего нужно бы обновить весь составъ пріютскихъ властей; нужно ввести учительницъ и кромѣ того нанять модистку, чтобы дѣти научились шить платья... На это нужны средства—и вотъ здѣсь-то будетъ камень преткновенія для Софьи Андреевны.

Обѣдъ кончился, всѣ встали.

— Софи,—обратилась бойкая дѣвушка къ Софьѣ Андреевнѣ:—mademoiselle Прилежаева думаетъ, что ты не сдѣлаешь ничего не по своей волѣ, а по недостатку средствъ.

— Кстати, поговоримъ объ этомъ,—произнесла Софья Андреевна, закуривая пахитосу и увлекая дѣвушекъ въ уголъ гостиной на маленькій диванъ.—Вы мнѣ уже замѣтили объ этомъ при нашемъ первомъ свиданіи,—обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ.—Нужно изобрѣсти средства.

Катерина Александровна посмотрѣла на нее недоумѣвающими глазами.

— Дѣти дѣлаютъ заказную работу?—спросила Софья Андреевна.

— Да.

— Эти деньги всѣ сдаются въ комитетъ?

— Да.

— Ну, вотъ мы и нашли первый источникъ.

Катерина Александровна улыбнулась.

— То-есть вы хотите сказать, что не слѣдуетъ всего сдавать въ комитетъ?

— Конечно!.. Богъ мой, развѣ мы упитанныхъ тельцовъ должны еще болѣе откармливать? Нужно давать имъ какъ можно меньше и оставлять для дѣтей какъ можно больше.

— И вы думаете, что это не сдѣлается извѣстнымъ на другой же день комитету?—горячо спросила Катерина Александровна.—Здѣсь у стѣнъ уши, здѣсь у каждой замочной скважины глаза! Вы думаете, что завтра уже не будетъ извѣстно, что говорила я за столомъ, что отвѣчали вы, какъ размѣстились мы теперь за кофе, какъ вы шептались со мною?

Лицо Катерины Александровны разгорѣлось и воодушевилось.

— Здѣсь все гадко, начиная съ комитета и кончая судомойкой...

— Ну, и долой ихъ всѣхъ,—рѣшила Софья Андреевна.

— Членовъ-то комитета?

— Нѣтъ, я о судомойкахъ говорю... Неопасные враги не страшны!.. Мы только пріютъ обновимъ...

Катерина Александровна разсмѣялась.

— Значитъ, и мнѣ придется выйти,—съ улыбкой замѣтила она.

— Фи!—сдѣлала гримаску Софья Андреевна и покачала головой.—Я людей узнаю съ первой встрѣчи. Мы, женщины, по недостатку опытности, по недостатку серьезныхъ

знаній, должны вѣрить первымъ впечатлѣніямъ. Съ вами я какъ будто вѣкъ жила... Скажите, пожалуйста, этотъ скелетъ всегда такъ взбиваетъ свои три волоса?—засмѣялась Софья Андреевна, указавъ глазами на Марью Николаевну.

— Она еще переживаетъ годы сентиментальности,—разсмѣялась Катерина Александровна.

— Софи, ты не находишь сходства въ этой толстой съ старою ключницей бабушки?—спросила бойкая дѣвушка, указывая ни Зубову.

— Я, душа моя, чуть-чуть не спросила ее: какъ ты сюда попала, Авдотья?—разсмѣялась Софья Андреевна. — Нѣтъ, нѣтъ, мы все это очистимъ, — серьезно проговорила она и вдругъ обратилась къ Катеринѣ Александровнѣ съ совершенно неожиданнымъ вопросомъ:—Кажется, Александръ Николаевичъ Свищовъ засматривается на ваши глазки?

Катерина Александровна вспыхнула до ушей и растерялась.

— Право, не знаю, засматривается ли онъ на мои глаза,— проговорила она въ смущеніи.—Но я ему очень благодарна за то, что онъ доставилъ мнѣ мѣсто учительницы...

— Ну, даромъ онъ не сталъ бы хлопотать,—рѣшительно произнесла Софья Андреевна.

Катерина Александровна окончательно растерялась. У нея захватило дыханіе.

— Кажется, я ничѣмъ не могла заплатить за его хлопоты,—начала она въ волненіи.—Я...

— Что это вы? — весело воскликнула Софья Андреевна, замѣтивъ смущеніе молодой дѣвушки.—Я и не думала, что вы чѣмъ-нибудь заплатили за его хлопоты. Но онъ-то хлопоталъ ради вашихъ глазъ... Еще разъ говорю, что даромъ онъ ничего не сдѣлаетъ и никогда не похлопочетъ, — ну, хоть бы объ этомъ скелетѣ,—Софья Андреевна указала глазами на Постникову.—Его нужно въ рукахъ держать.

— Къ сожалѣнію, я не стану играть въ эту опасную игру,—холодно замѣтила Катерина Александровна.

— Опасную? Съ нимъ-то? Богъ мой, какое вы дитя! — воскликнула Софья Андреевна.—Вѣдь онъ и за мною ухаживаетъ, ухаживаетъ за каждою не совсѣмъ дурною лицомъ женщиною. Это одинъ изъ рыцарей хорошенькихъ женщинъ.

Катерину Александровну смущалъ тонъ рѣчей Софьи Андреевны. Молодая дѣвушка не привыкла еще къ подобнымъ разговорамъ, и въ ней былъ еще большой запасъ

того чувства, которое называется женщинами, подобными Софьѣ Андреевнѣ, «мѣщанскою чопорностью», «мѣщанскимъ жеманствомъ». Катерина Александровна поспѣшила перемѣнить разговоръ и перешла къ толкамъ о необходимости научить дѣтей шить платья, о возможности устроить при пріютѣ кухню, изъ которой отпускалось бы на сторону за деньги кушанье.

— Дѣтей готовятъ въ горничныя, въ кухарки, въ жены небогатыхъ мужчинъ, но въ то же время ихъ учатъ только шитью бѣлья и заставляютъ дежурить на кухнѣ, гдѣ приготовляютъ только горохъ, кашу и щи, — горячо говорила она.—Этого слишкомъ мало. Горничная должна умѣть шить платья, кухарка должна умѣть готовить кушанье. Наконецъ, въ небогатомъ семейномъ быту безъ этихъ знаній нельзя обойтись...

— Да, да, это все надо обсудить,—отвѣтила Софья Андреевна, вставая и присоединяясь къ остальнымъ гостямъ; черезъ минуту въ комнатѣ слышался ея звонкій смѣхъ.

— Кузенъ, не правда ли, что въ эту маленькую мѣщаночку можно влюбиться? — приставала она къ своему кузену, тихонько указывая на Катерину Александровну.

— А вы ужъ ей и кличку дали?—пошутилъ кузенъ.

— Не могу! Мнѣ какъ-то противно называть людей общими, ничего не характеризующими именами...

— Какъ ничего не характеризующими? Вонъ ваше имя, напримѣръ, означаетъ: мудрость,—засмѣялся кузенъ.

— Ну, скажите, пожалуйста, какая же я мудрость?—засмѣялась Софья Андреевна.—Постное выраженіе лица, чепецъ на головѣ, очки на носу, табакерка въ рукахъ,—вотъ аттрибуты мудрости... Я просто баловень судьбы.

— Ну, кузина, вы, повидимому, плохо знаете греческую миѳологію. Богиня мудрости не носила чепца,—шутилъ кузенъ.

— Ну, положимъ. А признайтесь: у нея было постное выраженіе лица? Да?..

— Софи точно мотылекъ, — замѣтила молоденькая кузина Софьи Андреевны.

На Катерину Александровну Софья Андреевна произвела хорошее, хотя немного странное впечатлѣніе. Необыкновенная бойкость, подвижность, умѣнье легко и быстро перескакивать въ разговорахъ отъ предмета къ предмету, нѣкоторая фривольность рѣчей, безпрестанное куренье пахитосъ, слѣды какого-то ребячества въ тридцать слишкомъ лѣтъ,

все это было совершенно ново для Катерины Александровны. До сихъ поръ она не встрѣчала подобнаго типа. И не мудрено. Ей не приходилось вращаться въ тѣхъ сферахъ, гдѣ можно было встрѣтить множество подобныхъ женщинъ. Эти женщины, получившія чисто французское образованіе, прожившія въ довольствѣ, никогда не знавшія, что значитъ зарабатывать кусокъ хлѣба, вертѣвшіяся въ высшемъ кругу, порхавшія по баламъ и отъ нечего дѣлать почитывавшія всѣ новые романы и даже серьезныя статьи въ «Revue des deux mondes», были солью нашего, такъ-называемаго, образованнаго общества. Свобода обращенія, бойкость, умѣнье болтать, даже нѣкоторое стремленіе къ независимости—хотя въ отношеніи любви—все это дѣлало ихъ любимицами тѣхъ образованныхъ мужчинъ, которые бредили Франціей и жаловались на азіатскую сонливость и на неподвижность ума русскихъ женщинъ.

Иногда двусмысленныя рѣчи Софьи Андреевны заставляли «милую мѣщаночку» Прилежаеву краснѣть; но прежде чѣмъ съ ея лица сбѣгала краска стыдливости, Софья Андреевна уже перескакивала къ серьезному предмету и не давала времени своей собесѣдницѣ одуматься. Во весь этотъ день и при первомъ знакомствѣ съ пріютомъ Софья Андреевна ни разу не приняла на себя вида строгой, безконтрольной начальницы, не выглядѣла такою неприступною и нетерпящею возраженій правительницей пріюта, какъ это дѣлала Анна Васильевна; но все-таки въ ея рѣчахъ, въ ея обхожденіи сразу можно было подмѣтить что-то говорившее, что она сумѣетъ, пожалуй, получше Анны Васильевны прибрать все къ рукамъ; у нея были тѣ мягкія кошачьи лапки, которыя, играя, умѣютъ придушить мышенка. Катерина Александровна смотрѣла на эти кошачьи лапки безъ страха, сразу понявъ, что онѣ задушатъ не ее, что онѣ будутъ бороться не съ дѣтьми, а съ Зубовой, Постниковой, Бѣлокопытовой и тому подобными личностями. Катерина Александровна съ нетерпѣніемъ ждала первыхъ дней этой борьбы. Они не заставили себя ждать. На слѣдующій же день Софья Андреевна явилась въ столовую комнату и съ удивленіемъ спросила у помощницъ:

— Отчего это на столахъ нѣтъ скатертей?

— У насъ клеенки употребляются,—отвѣтила Зубова.— А то дѣти неряшливы, пачкаютъ скатерти.

— Такъ вы думаете, что ихъ нужно дѣлать еще болѣе неряшливыми, пріучая пить и ѣсть безъ скатертей? — за-

смѣялась Софья Андреевна.—Теперь они привыкнутъ пить и ѣсть на клеенкѣ, спокойно разливая по ней чай, а потомъ, когда имъ придется въ жизни ѣсть и пить за столами, накрытыми скатертями, они окажутся неряхами.

— Это вѣдь не отъ насъ распоряженіе,—ѣдко замѣтила Зубова.- Это попечители пріюта такъ желаютъ.

— Ахъ, Богъ мой! Попечители не педагоги, а мы не машины!—воскликнула Софья Андреевна.—Вы практически узнаете здѣсь нужды дѣтей и должны заявлять, что требуетъ измѣненія... Что это?—обернулась Софья Андреевна въ уголъ, замѣтивъ стоявшую на колѣняхъ воспитанницу.

— Она не хотѣла вставать, она нагрубила мнѣ,—вмѣшалась въ разговоръ Постникова, на лицѣ которой выступили пятна.

— Не хо-тѣ-ла вста-вать?—медленно повторила Софья Андреевна.—Отчего это?

— У меня...—начала изъ угла дѣвочка.

— Она притворяется,—быстро перебила ее Постникова.—Она увѣряетъ, что у нея голова болитъ... Эта дѣвчонка...

— Что же, вы посмотрѣли ей языкъ и пощупали голову и пульсъ?—спросила Софья Андреевна.

— Я не докторъ.—обидчиво возразила Постникова, точно ее оскорбили, предположивъ въ ней медицинскія познанія.

— Ахъ! мы должны быть и докторами, и духовниками, и всѣмъ, чѣмъ угодно, для дѣтей,—отвѣтила Софья Андреевна.—Это такъ легко: пощупать пульсъ, узнать, нѣтъ ли жару, посмотрѣть языкъ... По крайней мѣрѣ, велѣли ли вы поставить ей горчичникъ къ затылку?

Постникова недоумѣвающими глазами посмотрѣла на Софью Андреевну и неясно отвѣтила:

— Нѣ-ѣ-тъ!

— Ну, вы дѣйствительно не докторъ!—иронически засмѣялась Софья Андреевна.—Сколько бы времени она ни стояла на колѣняхъ, головная боль у ней не пройдетъ, а если бы вы поставили ей горчичникъ къ затылку и напоили бы ее чаемъ, то, вѣроятно, она перестала бы жаловаться на головную боль...

— Да эта дѣвчонка лжетъ...

— Почему же вы знаете, если вы не убѣдились въ этомъ? А если и лжетъ, то горчичникъ былъ бы не лѣкарствомъ, а наказаніемъ, и, конечно, болѣе благоразумнымъ, чѣмъ стояніе на колѣняхъ... Кстати! Прошу васъ, не называйте дѣтей дѣвчонками. Это унижаетъ не только ихъ, но и насъ.

Мы имъ служимъ, и если онѣ дѣвчонки, то, значитъ, мы еще хуже...

Весь этотъ разговоръ происходилъ шопотомъ; Софья Андреевна говорила ласковымъ мягкимъ тономъ, но Постникова стояла передъ нею, какъ передъ самою строгою начальницей. Никогда крики Анны Васильевны не поражали такъ старую дѣвственницу, какъ эти ласковыя наставленія. Въ десятомъ часу того же дня Софья Андреевна уже осматривала бѣлье, зашла въ кухню осмотрѣть посуду, пересмотрѣла провизію и терпѣливо выслушала всѣ сплетни прислуги.

— Надо будетъ всю прислугу перемѣнить, — произнесла она, входя въ рабочую комнату, гдѣ уже сидѣли за работой помощницы и дѣти. — Я не терплю сплетенъ, а здѣсь, кажется, каждый считаетъ своею обязанностью сплетничать и подсматривать за другими. Дѣти, помните и вы, что лучше сознаться въ самой крупной своей ошибкѣ, чѣмъ разсказать хоть про самую мелкую шалость другихъ. Кто будетъ сознаваться, тѣхъ буду прощать; кто будетъ про другихъ говорить, тѣхъ буду наказывать. У меня судъ короткій — исключать изъ пріюта буду, потому что, если человѣкъ жалуется на другихъ, значитъ, онъ недоволенъ ими, ну, значитъ, его и надо удалить отъ нихъ: не выгонять же многихъ изъ-за одного.

Софья Андреевна приласкала двухъ-трехъ дѣвочекъ и прошла въ классъ, гдѣ начался первый урокъ Катерины Александровны. Дѣти хотѣли встать, но Софья Андреевна сказала имъ: «сидите, сидите!» и присѣла на одно изъ пустыхъ мѣстъ. Черезъ четверть часа урокъ долженъ былъ кончиться, и Софья Андреевна, повидимому, ждала именно его окончанія. Когда послышался звонокъ, призывавшій къ обѣду, Софья Андреевна остановила Катерину Александровну.

— Мнѣ нужно будетъ поговорить съ вами,—промолвила она.—Скажите мнѣ откровенно, есть ли въ пріютѣ хоть одинъ хорошій человѣкъ?

— Вы о дѣтяхъ спрашиваете?—спросила Катерина Александровна.

— Нѣтъ, о прислугѣ, о служащихъ...

— Ни одного,—рѣзко отвѣтила Катерина Александровна.

Софья Андреевна поднялась съ мѣста.

— Значитъ, стѣсняться нечего,—произнесла она.—Знаете ли, какое впечатлѣніе произвелъ на меня сегодняшній осмотръ всего?—спросила она серьезно.

— Очень дурное...

— Да, мнѣ показалось, что я стою среди помойной ямы, въ которую силою согнали несчастныхъ дѣтей и заставляютъ ихъ купаться въ этой грязи... Я ничего еще не говорила, но меня ужаснула грязь кухни, грязь посуды, грязь кухоннаго бѣлья... И что имъ готовятъ? Я видѣла, сколько гороху положили въ котелъ, я видѣла этотъ кисель, которымъ ихъ будутъ кормить сегодня... А капуста — это рубленное солдатское сукно, а не капуста... И ради экономіи имъ даютъ два раза въ недѣлю постное. Морятъ людей ради экономіи!.. Всѣхъ вонъ, всѣхъ, покуда не поздно...

Софья Андреевна пожала руку Катерины Александровны и пошла въ столовую, перемѣнивъ разговоръ. Въ столовой новая начальница попробовала кушанья и посмотрѣла поданныя дѣтямъ тарелки. Кушанья оказались скверными, посуда грязною. Софья Андреевна приказала позвать прислугу и напустилась на нее. Катерина Александровна впервые увидала передъ собою Софью Андреевну въ такомъ раздраженіи.

— Какъ вы служите? — горячилась она. — Вы думаете, что если эти дѣти не богаты, то имъ можно подавать грязныя тарелки? Да знаете ли вы, что вы получаете жалованье только ради этихъ дѣтей, что не будь ихъ, такъ и васъ не было бы здѣсь? Не они для васъ сюда собраны, а вы наняты въ услуженіе для нихъ. Вы не мои слуги, а слуги этихъ дѣтей. Они ваши господа. Мы всѣ наняты для нихъ.

Софья Андреевна выслала прислугу и обратилась къ помощницамъ.

— Я васъ попрошу каждый разъ говорить мнѣ, когда гдѣ-нибудь найдется хотя одна грязная тарелка. Дѣти не могутъ быть здоровыми, если ихъ кормятъ не кушаньемъ, а грязью... Вѣдь вотъ отъ этой тарелки воняетъ... Попробуйте поѣсть съ нея... Не угодно ли?

Софья Андреевна строптиво поднесла грязную тарелку къ лицу Постниковой, такъ что та немного отодвинулась назадъ.

— Вамъ противно, а имъ не противно? — горячо произнесла начальница. — А кто же долженъ смотрѣть за этимъ? За что мы жалованье беремъ? Если бы я одна могла усмотрѣть за всѣмъ, то мнѣ были бы не нужны помощницы, но если помощницы ничего не дѣлаютъ, то онѣ мнѣ не нужны. Кто не хочетъ служить, тотъ можетъ идти на всѣ четыре стороны. Мнѣ лишнихъ украшеній въ пріютѣ не нужно.

Софья Андреевна удалилась изъ столовой. По ея лицу выступили красныя пятна. Она взволновалась не на шутку и горячилась черезчуръ. Видно было, что распекать людей и браниться было не въ ея характерѣ. Она въ эти минуты теряла свой обычный тактъ и свою свѣтскую сдержанность.

— Я говорила, что новая метла будетъ чисто мести,— проворчала сквозь зубы Ольга Никифоровна послѣ обѣда.

— Я не могу, не могу выносить такихъ обидъ,—захныкала Постникова.—Я не служанка дѣтей, я не имъ служу...

— А кому же? — разсмѣялась Катерина Александровна, стоявшая недалеко отъ помощницъ.—Неужели вы и теперь не догадались, что вы дѣтямъ служите?

Постникова молча отвернулась въ сторону.

— Ахъ, наша офицерша дружбу свела съ этой табачницей?—злобно проговорила Зубова про Катерину Александровну, отходя съ Постниковой.— Повѣрьте, что не надолго. Сами слетятъ прежде другихъ...

Но Софья Андреевна была не изъ такихъ, которыхъ легко сжить. Подъ бозпечною и веселою внѣшностью въ ней таилось много настойчивости и даже деспотизма! Когда-то она, въ качествѣ избалованной красавицы-дѣвочки, командовала своею бабушкою и ея крѣпостными людьми; потомъ, въ роли обожаемой подругами за красоту дѣвушки, она командовала своими сверстницами; наконецъ, она взяла въ свои руки влюбленнаго мужа и командовала имъ. Правда, что люди, находившіеся подъ ея командою, большею частью и не жаловались на деспотизмъ этого хорошенькаго, веселаго и беззаботнаго существа, но тѣмъ не менѣе они не могли освободиться отъ власти этихъ маленькихъ рукъ, своевольно управлявшихъ всѣми и всѣмъ окружающимъ. «Хитрость — наша сила», «мы, женщины, должны или всѣхъ въ рукахъ держать, или нами самими будутъ командовать», «если бы я замѣтила въ самомъ дорогомъ мнѣ человѣкѣ стремленіе взять надо мною верхъ, я разошлась бы съ нимъ», — это были любимыя фразы Софьи Андреевны. Когда ей говорили, что съ любимыми людьми совсѣмъ не такъ легко разставаться, какъ она думаетъ,—она возражала:

— Нужно всѣхъ любить шутя, а свою свободу любить серьезно... Впрочемъ, надо мною никто не пробовалъ взять верхъ,—смѣялась она.

И дѣйствительно, трудно было взять верхъ надъ этимъ ускользающимъ отъ всякой узды существомъ и еще труднѣе

было избѣжать ея разнообразныхъ сѣтей. Тонкое кокетство, женственная мягкость, серьезность мыслящаго существа, шаловливость избалованнаго ребенка, непоколебимая настойчивость, маска безпомощной рабы-женщины, все это пускалось при случаѣ въ ходъ, пускалось какъ бы безсознательно, по чутью, по тому инстинкту, который помогаетъ необразованному дикарю обмануть образованнаго европейца. Одни называли ее «кошачьею натурой», другіе говорили, что это «женщина-мотылекъ», третьи называли ее «эмансипированною барыней»; — послѣднюю кличку она сама оставляла за собою и любила говорить: «мы, эмансипированныя женщины».

Она очень ловко и быстро прибрала къ рукамъ пріютъ, смѣнила всю прислугу, опредѣливъ на ея мѣста людей изъ «бабушкиной дворни», и начала осаждать Свищова проектами преобразованій въ пріютѣ. Образцовая кухня, наемъ куафера для обученія воспитанницъ чесать голову, наемъ модистки для ученія дѣтей шитью платьевъ, уничтоженіе уроковъ пѣнія, всѣ эти проекты нововведеній сыпались, какъ снѣгъ, на головы Свищова и Ермолинскаго. Но комитетъ благотворительныхъ заведеній сдался не сразу и сначала согласился только на наемъ модистки.

— Какъ бы только этихъ дѣвственницъ намъ сбыть съ рукъ,—говорила Софья Андреевна Катеринѣ Александровнѣ про двухъ помощницъ.—При нихъ ничего нельзя сдѣлать для улучшенія пріюта.

И она стала хлопотать о томъ, чтобы всѣ помощницы давали уроки дѣтямъ, обходясь безъ помощи учителя. Свищову удалось провести эту реформу въ собраніи комитета. Комитетъ разрѣшилъ отставить учителя и возложить на помощницъ обязанность учить дѣтей. Софья Андреевна тотчасъ же доложила комитету, что двѣ находящіяся въ пріютѣ помощницы почти безграмотны и потому ихъ нужно смѣнить, «тѣмъ болѣе, что онѣ не имѣютъ никакихъ педагогическихъ способностей и ведутъ дѣтей въ бездну безнравственности, дѣлаютъ грубыми ихъ молодыя сердца и вселяютъ въ нихъ пагубное раздраженіе и непокорность». Послѣднія фразы докладной записки, предназначавшіяся исключительно для графини Бѣлоконытовой, показались до того удачными Софьѣ Андреевнѣ, что она съ громкимъ хохотомъ читала и перечитывала ихъ въ кружкѣ своихъ кузеновъ, кузинъ и Катерины Александровны.

— Каковъ мой вѣрноподданническій докладъ ея сіятель-

ству?—хохотала она, держа въ рукахъ дымящуюся пахитосу.—«Вселяютъ въ нихъ пагубное раздраженіе и непокорность!» Краснорѣчиво и убѣдительно! Зубова и Постникова—пропагандистки бунта!.. Если бы Александръ Николаевичъ не былъ такъ тупъ, онъ вѣрно прыснулъ бы отъ смѣха при чтеніи этихъ строкъ въ комитетѣ...

— Однако, вы круто повернули дѣло,—замѣтилъ ей тотъ кузенъ, который подшучивалъ надъ нею за обѣдомъ.—Вы просто безбожный деспотъ.

— Напротивъ того. Чего женщина хочетъ, того Богъ хочетъ,—отвѣтила она французскою пословицей.—Вы видите, что мои желанія святы.

— Но вѣдь и онѣ хотѣли бы остаться,—замѣтилъ кузенъ.

— Да развѣ это женщины?—засмѣялась она.—Попробуйте предложить имъ руку и сердце.

Послѣднія строки докладной записки дѣйствительно произвели на членовъ комитета сильное вліяніе, тѣмъ болѣе, что Софья Андреевна объявила въ своей запискѣ, что помощницы сознательно прикрывали всѣ упущенія, открытыя ревизіонною комиссіей и вызвавшія удаленіе прежней начальницы. Однако, Софья Андреевна гораздо усиленнѣе составляла проекты нововведеній, чѣмъ дѣйствовалъ комитетъ. Только къ марту мѣсяцу ей удалось «очистить» пріютъ и ввести въ него двухъ новыхъ помощницъ-учительницъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ, Аделаида Николаевна Сочнева, была кузина Софьи Андреевны, познакомившаяся съ Катериной Александровной еще на первомъ обѣдѣ Софьи Андрсевны; другая, Марья Петровна Иванова, была изъ числа знакомыхъ Софьи Андреевны.

— Ну, теперь я покойна, теперь мы въ своей семьѣ,— говорила Софья Андреевна послѣ изгнанія Постниковой и Зубовой.—Соглядатаевъ больше нѣтъ. Теперь нужно изобрѣтать средства.

Изобрѣсти средства было очень трудно, покуда дѣти еще не научились шить и покуда комитетъ не разрѣшилъ основаніе образцовой кухни. Но Софья Андреевна рѣшилась дѣйствовать помимо комитета и открыла кухню безъ его разрѣшенія на свои средства. Хотя доходъ съ этой кухни былъ не особенно великъ, но все-таки при помощи его можно было хотя немного улучшить пищу дѣтей. У Софьи Андреевны кромѣ того вертѣлся въ головѣ планъ образцовой прачечной для стирки и глаженья тонкаго бѣлья.

Среди этой неусидчивой дѣятельности Катерина Алексан-

дровна играла далеко не послѣднюю роль и помогала Софьѣ Андреевнѣ во всемъ. Онѣ какъ-будто вѣкъ жили вмѣстѣ, несмотря на то, что Катеринѣ Александровнѣ на первыхъ порахъ казалось неловко въ шумномъ и веселомъ кружкѣ, который постоянно вертѣлся около Софьи Андреевны и который сама Софья Андреевна называла своимъ «хвостомъ» На половинѣ начальницы теперь завелись вечера, на которые собиралась молодежь,—нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, нѣсколько офицеровъ и студентовъ. Тамъ слышались вѣчные споры, раздавался смѣхъ, сыпались шутки, порой высказывались довольно смѣлыя мысли и желанія. Прислушиваясь къ шуму этихъ рѣчей, было трудно уловить какой-нибудь опредѣленный характеръ этого кружка; серьезная мысль уживалась здѣсь рядомъ съ свѣтскою пустотой; толки объ общественныхъ событіяхъ шли рядомъ съ мелкими разсказцами про семейныя интриги; критическія замѣтки на литературныя произведенія смѣнялись вопросами о балахъ и модахъ. Это былъ кружокъ либеральной молодежи, вышедшей изъ школы разныхъ Леваповыхъ, Мѣдниковыхъ, Старцевыхъ и тому подобныхъ отживавшихъ свое время недовольныхъ гражданъ. Трудно сказать, чего хотѣли эти люди: оперы, баловъ, каретъ и пикниковъ или крестьянской и судебной реформъ, разрѣшенія женскаго вопроса и преобразованія по части воспитанія и образованія,—но можно было навѣрное сказать, что они не желали возвращенія, напримѣръ, ко временамъ аракчеевщины, или введенія домостроевыхъ правилъ въ семейную жизнь, или второго пришествія временъ Магницкаго. На всѣхъ этихъ людяхъ лежала печать барства: они были бѣлоручки, они не могли бы приняться за черный трудъ, они схватили только верхушки образованія, они не могли бы отказаться отъ свѣтскихъ удовольствій, отъ блестящихъ нарядовъ, они были довольны, что у нихъ есть наслѣдственное и благопріобрѣтенное имущество; но въ то же время имъ уже успѣли опротивѣть семейныя дрязги, разбитыя скулы крѣпостныхъ, деспотизмъ старшихъ; они стыдились взяточничества, они бранили неполноту образованія, они почитывали книжки, искали въ книжкахъ чего-то. Еще года два застоя въ обществѣ, еще года два старыхъ порядковъ, и эти люди точно такъ же помирились бы съ прежними порядками, какъ помирились ихъ предшественники, тоже на двадцатомъ году жизни волновавшіеся по-своему, какими-то смутными стремленьями, какими-то внутренними dahin, dahin,—въ эту «свѣтлую даль»,

которая, въ концѣ концовъ, могла оказаться на дѣлѣ или маниловскою семейною жизнью, или теплымъ мѣстечкомъ при откупахъ, или праздношатаніемъ на водахъ за границей. Но теперь была не такая пора: представлялся случай осуществить эту «свѣтлую даль» у себя, внести ее во всѣ изгибы частной и общественной жизни. Однако, покуда стремленія къ лучшему еще не получили опредѣленнаго характера, даже въ самой литературѣ, гдѣ сосредотачивается выраженіе этихъ стремленій, не было высказано ничего особенно яснаго, особенно тенденціознаго; въ ней отрицалась чичиковщина, осмѣивались Коробочки, Маниловы, Плюшкины, описывался жалкій бытъ мужика въ «Запискахъ охотника» и слышалось сильное вѣяніе жоржъ-зандизма. Послѣдній, эманципировавшій женщинъ со стороны чувства, усваивался молодыми барынями и барышнями не столько при помощи русской литературы, сколько при помощи французскихъ романовъ. Болѣе широкіе по задачѣ романы Жоржъ-Занда не имѣли доступа къ русской публикѣ. Присматриваясь къ кружку Софьи Андреевны, можно было сразу уловить вліяніе этой ложно понятой жоржъ-зандовской эманципаціи въ довольно свободныхъ отношеніяхъ молодежи, въ нѣкоторой бойкости барышень, въ куреніи пахитосъ и папиросъ не ради удовольствія, какъ курили у насъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ совсѣмъ неэманципированныя провинціалки, курили не папиросы, а просто трубки,—но ради желанія показать, что «и мы имѣемъ право курить, какъ мужчины». Катерина Александровна сразу выдалась въ этомъ кружкѣ своимъ характеромъ и своими стремленіями. Она равнодушно молчала, когда шли толки о балахъ и театрахъ, о поэзіи и концертахъ: всего этого не существовало въ ея голодномъ прошломъ, и она не чувствовала никакой притягательной силы во всемъ этомъ. Наговорившись до-сыта объ этихъ предметахъ, собесѣдники замѣчали ея холодное и равнодушное молчаніе и старались заговаривать съ ней; но разговаривать съ ней, значило говорить объ образованіи вообще и объ образованіи бѣдныхъ дѣвушекъ въ особенности. Касаясь этой темы, она дѣлалась краснорѣчивою, свѣдущею, разумною. Она сама еще не выбилась изъ тьмы невѣжества, она знала, какъ трудно необразованной дѣвушкѣ добыть кусокъ хлѣба; она поняла, что дѣлаютъ разные попечители голодныхъ сиротъ, она могла опредѣлить значеніе женскаго труда, состоящаго въ умѣньи шить бѣлье. Говоря обо всемъ этомъ, она дѣлалась краснорѣчивою, иногда страст-

ною; порою въ ея рѣчахъ слышалось негодованіе, подчасъ онѣ сверкали остроуміемъ. Она краснѣла, когда Софья Андреевна дѣлала фривольные двусмысленные намеки, но она нисколько не стѣснялась рѣзко и громко произносить слово «развратъ», горячо описывая, до чего довели, напримѣръ, Скворцову, сначала бѣжавшую къ учителю, потомъ попавшую, повидимому, «на содержаніе» къ какому-то молодому богачу. Ея собесѣдницы, говоря о женскомъ незнаніи, о женской необразованности, старались дѣлать видъ, что сами-то онѣ обладаютъ знаніями, и вкривь и вкось судили о серьезныхъ вещахъ; она тоже говорила о женской неразвитости и первымъ примѣромъ ставила себя, говоря, что она только въ послѣднее время научилась правильно писать. Эта откровенность смущала барышень, и онѣ удивлялись, какъ можно такъ спокойно при всѣхъ сознаваться въ своемъ невѣжествѣ. Еще болѣе рѣзко высказались тѣ характерныя черты, которыми она отличалась отъ прочихъ членовъ кружка Софьи Андреевны, въ одномъ изъ разговоровъ объ участи помощницъ, классныхъ дамъ и тому подобныхъ личностей.

— Въ сущности, вѣдь это ужасно,— замѣтила подвижная Аделаида Николаевна: — весь вѣкъ возиться съ чужими дѣтьми...

— Это просто невозможно,— отвѣтила Катерина Александровна.— Помощницею или классною дамой можно быть только въ молодости, когда наши ноги бѣгаютъ такъ же хорошо, какъ дѣтскія, когда можно одной усмотрѣть за десятками дѣтей. Съ разбитыми ногами, съ подслѣповатыми глазами, съ постоянными недугами, съ ослабѣвшею памятью невозможно идти впереди дѣтей.

— Это правда, это правда,—согласилась Аделаида Николаевна.— Вотъ почему меня и ужасаетъ вообще участь помощницъ и классныхъ дамъ. Имъ приходится учить, учить дѣтей, возиться съ ними долгіе годы, а потомъ остаться безъ куска хлѣба, если не удастся выйти замужъ, или если нѣтъ капитала. Я думаю, эта мысль не разъ безпокоила и васъ.

— Да, я думала объ этомъ,—отвѣтила Катерина Александровна.—Мнѣ вѣдь могла встрѣтиться необходимость выйти изъ пріюта за непокорность гораздо раньше, чѣмъ наступитъ моя старость... Я для того и учусь, чтобы не быть пойманною врасплохъ.

— Что же, вы хотите учительницей быть? Вѣдь это...

— Это то же самое, что быть помощницей или классной дамой,—досказала Катерина Александровна.—Я думаю сдѣлаться акушеркой. При моемъ умѣньи шить и вышивать, при возможности давать два, три урока дѣтямъ, трудъ акушерки будетъ мнѣ большимъ подспорьемъ. Не удастся одно,—удастся другое; не удастся другое,—удастся третье. Мнѣ кажется, что бѣдный человѣкъ тогда только будетъ застрахованъ отъ нужды, когда онъ будетъ въ состояніи взяться за каждый трудъ... Вотъ у меня братъ растетъ, онъ въ гимназіи учится, отлично учится, но меня радуютъ не столько его успѣхи въ наукахъ, сколько его привычка дѣлать все безъ помощи другихъ: онъ рубитъ дрова, онъ умѣетъ починить сломавшійся стулъ, онъ въ послѣднее время сталъ учиться сапоги шить и уже умѣетъ подкидывать подметки. Къ лѣту я непремѣнно подарю ему верстакъ, пусть столярничаетъ.

— Ну, вамъ-то, душа моя, нечего думать о будущемъ,—промолвила Софья Андреевна.—Вы замужъ выйдете; съ такими черненькими глазками не сидятъ долго въ дѣвушкахъ.

— Да вѣдь придется выйти замужъ за бѣдняка, такъ легче не станетъ,—отвѣтила Катерина Александровна.

— Почему же непремѣнно за бѣдняка? Можетъ-быть, и богатый женихъ найдется...

Катерина Александровна разсмѣялась.

— Да о чемъ же мы съ нимъ говорить будемъ?—весело промолвила она.

— Какъ о чемъ?—изумилась Софья Андреевна.

— Онъ мнѣ будетъ говорить о музыкѣ и объ иностранныхъ литературахъ, о балахъ и театрахъ, а я буду только глазами хлопать; я ему буду говорить о своемъ прошломъ, о прошломъ своей семьи, а онъ будетъ зѣвать отъ скуки... Совсѣмъ не поймемъ другъ друга...

— Такъ вы, значитъ, не признаете такъ-называемыхъ неровныхъ браковъ?—горячо воскликнула Софья Андреевна.—Вы думаете, что мы, женщины образованнаго общества, не имѣемъ права влюбиться въ плебея, что наши братья не имѣютъ права очароваться простой дочерью природы? Это отсталость, душа моя! это проповѣдовали наши бабушки.

— Я съ ними не была знакома,—съ улыбкой отвѣтила Катерина Александровна.—Я говорю только за себя и про себя. Я, можетъ-быть, и влюбилась бы въ богача, въ аристократа, но замужъ бы вышла только за того, кто ѣлъ тѣ же щи и ту же кашу, которыми питалась я. А то вѣдь вкусы были бы разные съ мужемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это все предразсудки!—горячилась Софья Андреевна.—Любовь не знаетъ сословныхъ и имущественныхъ различій!

— Можетъ-быть, согласилась Катерина Александровна.— А я все-таки не могу понять, о чемъ вы говорили бы въ теченіе всей своей жизни съ мужемъ, если бы влюбились и вышли замужъ за нашего дворника. Право, вы соскучились бы съ нимъ на другой же день, а онъ соскучился бы съ вами наканунѣ. Да вотъ, напримѣръ, я: я такъ привыкла къ своему простому супу и куску говядины, что мнѣ пришлось бы держать отдѣльный столъ, если бы я вышла замужъ за барина, привыкшаго ѣсть...

Катерина Александровна расхохоталась веселымъ смѣхомъ.

— Ну, вотъ, я не знаю даже и названія тѣхъ блюдъ, которыя привыкъ ѣсть мой аристократическій женихъ,— промолвила она.

Собесѣдники засмѣялись.

— О, да вы серьезно обдумали этотъ вопросъ,—замѣтилъ кузенъ Софьи Андреевны.—Это не даромъ. Вѣроятно, вамъ уже представлялась необходимость рѣшить его.

Катерина Александровна пожала плечами.

— Не представлялась и не представится,—отвѣтила она.

— Ну, за будущее не ручайтесь!

— Я могу за него ручаться, потому что оно мнѣ извѣстно,— отвѣтила она, слегка покраснѣвъ, и поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Эти споры, эти толки, несмотря на всю свою банальность и поверхностность, заставляли умъ молодой дѣвушки работать и дѣлали ее все болѣе и болѣе бойкою. Нерѣдко она выходила побѣдительницею изъ споровъ, нерѣдко она замѣчала, что большинство окружавшихъ ее людей, стоявшихъ выше ея по образованію, далеко уступаетъ ей въ здравомъ смыслѣ, въ знаніи жизни, въ опредѣленности стремленій. Это сознаніе не только льстило ея самолюбію, но и придавало ей энергію, заставляло ее усиленнѣе и отчетливѣе опредѣлять всѣ свои стремленія и цѣли. Она теперь уже ясно видѣла, что ея задача заключается въ принесеніи возможно большей пользы воспитанницамъ пріюта и въ самообразованіи, при помощи котораго она можетъ обезпечить свою будущность. Весною она передала свои планы въ одномъ изъ писемъ Александру Прохорову. Эти планы привели его въ восторгъ.

«Я зналъ, что ты выбьешься на прямую дорогу, моя

умная,—отвѣчалъ отъ ей.—Я радъ, что ты безъ моей помощи, безъ моихъ совѣтовъ выработала эти планы. Ты можешь гордиться теперь уже однимъ тѣмъ, что ты самостоятельно додумалась до того, до чего не додумывается большинство нашихъ барышень, окруженныхъ учителями и книгами, богатыхъ свободнымъ временемъ и деньгами. Тебя тревожитъ только то, что тебѣ придется долго копить деньги для того, чтобы имѣть возможность прослушать курсъ акушерства. Но въ этомъ случаѣ ты не должна забывать обо мнѣ. Я скоро приду къ тебѣ на помощь, и ты, не кланяясь никому, не занимая ни у кого, пойдешь къ осуществленію своихъ плановъ. Я думаю поступить въ академію и моихъ средствъ достанетъ тогда для всѣхъ насъ. Широко жить мы не привыкли, а голодать не придется».

Катерина Александровна весело и съ свѣтлыми надеждами смотрѣла на будущее.

VIII.

Измѣненія въ судьбѣ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа.

Покуда Софья Андреевна осаждала комитетъ своими проектами, онъ самъ началъ принимать довольно странное направленіе. Все чаще и чаще слышались въ немъ среди людей, одѣтыхъ въ бархатъ и украшенныхъ брильянтами, толки о недостаткѣ средствъ, все чаще и чаще графъ Дмитрій Васильевичъ высказывалъ членамъ, что у него на шеѣ сидятъ всѣ эти благотворительныя затѣи, что теперь не такія времена, чтобы бросать тысячи на нищихъ. Но помимо этихъ разсужденій въ комитетѣ, у графа происходили долгія интимныя совѣщанія съ сыномъ о филантропическихъ затѣяхъ Дарьи Федоровны.

— Мы разорены, мы перебиваемся только при помощи займовъ, а она все больше и больше тратитъ на всѣхъ этихъ нищихъ,—говорилъ однажды отецъ, сидя со своимъ сыномъ по-утру въ кабинетѣ.—Этому надо положить конецъ. Мы стоимъ надъ пропастью. Ты знаешь, Алексѣй, что тебя ждетъ нищета.

— Ну, я-то женюсь,—отвѣтилъ Александръ Дмитріевичъ.—Но твое положеніе, кажется, непоправимо.

— Непоправимо! непоправимо!—загорячился отецъ.—Что ты мнѣ объ этомъ говоришь? Нужно, чтобы оно было поправимо; нужно остановить во-время мать... Ты слышалъ насчетъ постройки церкви?

— Слышалъ,—пожалъ плечами сынъ.

— Что же это будетъ? При пріютѣ выстроятъ церковь, потомъ, пожалуй, при богадѣльнѣ вздумаютъ строить; далѣе, какой-нибудь новый монастырь рѣшатся основать... Ты вспомни, что все это изъ нашихъ денегъ. Мы занимаемъ, мы бьемся съ гроша на грошъ, а она строитъ храмы... Она просто сумасшедшая!..

Сынъ пристально взглянулъ на отца испытующимъ взглядомъ.

— Скажи, пожалуйста, отецъ,—началъ онъ, небрежно играя одноглазкою:—неужели ты это замѣтилъ только теперь? Неужели тебѣ никогда не приходила эта разумная идея прежде.

Дмитрій Васильевичъ нѣсколько смутился и вопросительно взглянулъ на сына.

— Какая идея?

— Идея о томъ, что ее слѣдуетъ признать сумасшедшей,—холодно промолвилъ сынъ.

Дмитрій Васильевичъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Онъ съ нѣкотораго времени уже и самъ думалъ о томъ, что не худо бы наложить опеку на Дарью Федоровну, но его смущало теперь хладнокровіе, съ которымъ сынъ говорилъ о сумасшествіи матери.

— Признаюсь тебѣ откровенно,—началъ Алексѣй Дмитріевичъ, откидывая кудрявую голову на спинку кресла и протянувъ ноги: -меня давно удивляло, что ты смотришь на все сквозь пальцы и бездѣйствуешь. Я не хотѣлъ начинать этого разговора; собственно мое положеніе еще не такъ дурно: я молодъ, здоровъ, говорятъ, недуренъ собою...

Алексѣй Дмитріевичъ усмѣхнулся и мелькомъ бросилъ взглядъ на зеркало, гдѣ отражалось его нѣжно-розовое, выхоленное и замѣчательно правильное лицо.

— Я могу жениться и женюсь,—продолжалъ онъ.

— Уже рѣшился?—сквозь зубы спросилъ отецъ.

— Да... Денисова убили кстати,—усмѣхнулся сынъ.

— Но вѣдь она годится тебѣ въ матери,—замѣтилъ отецъ.

— Я о лѣтахъ не справлялся,—холодно отвѣтилъ сынъ:—я справлялся о деньгахъ... Теперь не время сентиментальничать...

— У нея, кажется, дѣти?

— У нихъ имѣніе отдѣльное... Впрочемъ, я буду опекуномъ...

Дмитрій Васильевичъ зорко взглянулъ на сына; хорошенькое личико послѣдняго было попрежнему невозмутимо спокойно.

— Но мы уклонились отъ главнаго вопроса,—лѣниво началъ сынъ.—Я говорю, что я не вмѣшивался въ семейныя дѣла, потому что за себя мнѣ нечего было опасаться, учить же другихъ и въ особенности тебя не въ моемъ характерѣ. Chacun chez soi, chacun pour soi. Но теперь, когда ты самъ началъ разговоръ, я не могу не замѣтить, что меня изумляла твоя безпечность: передъ тобою бросалось на вѣтеръ твое послѣднее состояніе, передъ тобою проходили цѣлыя стаи грабителей-нищихъ, уносившія по лоскутку твое имущество; ты долженъ былъ входить въ долги, а между тѣмъ ты молчалъ...

— Ты очень хорошо знаешь, что я не молчалъ,—угрюмо отвѣтилъ Дмитрій Васильевичъ. — Я говорилъ, говорилъ иногда слишкомъ рѣзко, но ты, я думаю, знаешь, какъ тяжелы эти семейныя сцены. Я бѣжалъ отъ нихъ...

Сынъ усмѣхнулся.

— Бѣжать отъ враговъ—не значитъ выиграть дѣло,—замѣтилъ онъ.—Впрочемъ, если ты считаешь этотъ образъ дѣйствій вполнѣ хорошимъ и выгоднымъ, то, конечно, не я стану оспаривать тебя...

Алексѣй Дмитріевичъ потянулся, зѣвнулъ, взглянулъ на часы и, повидимому, хотѣлъ встать, чтобы выйти изъ кабинета. Дмитрій Васильевичъ торопливо произнесъ:

— Постой!

Алексѣй Дмитріевичъ принялъ снова прежнюю удобную позу.

— Мы еще не рѣшили,—началъ отецъ.

— Чего?—спросилъ сынъ.

— Мы... то-есть ты не досказалъ своей мысли.

— Я, кажется, ее досказалъ... Мнѣ кажется, что она сумасшедшая, то-есть не моя мысль сумасшедшая, а мать,—пошутилъ Алексѣй Дмитріевичъ.

— Она была всегда такою,—началъ Дмитрій Васильевичъ.

— Сумасшедшею? О, да!—окончилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Вѣдь это только всѣ наши смотрѣли на нее съ какимъ-то фарисейскимъ благоговѣніемъ. Впрочемъ, они не умѣютъ не лгать. Пора бы хоть тебѣ начать дѣйствовать прямо. Вѣдь ты еще не старъ, ты еще крѣпокъ и здоровъ,—можетъ-быть, тебѣ еще пригодится лишній десятокъ тысячъ. Спасай его, покуда можно.

Алексѣй Дмитріевичъ всталъ, еще разъ потянулся и протянулъ руку отцу.

— А вѣдь ты замѣтно упалъ духомъ, постарѣлъ,—проговорилъ онъ тономъ участія.

— Какія глупости,—пожалъ плечами Дмитрій Васильевичъ.

— Нѣтъ, не глупости! Ты не задумывался въ былыя времена, когда хотѣлъ объявить о сумасшествіи Маевскаго...

— Маевскій былъ мнѣ чужой, а она мнѣ жена,—внушительно произнесъ Дмитрій Васильевичъ.

Алексѣй Дмитріевичъ вопросительно посмотрѣлъ на отца.

— Ну, это такъ давно было,—усмѣхнулся онъ.—Ты могъ объ этомъ и забыть. У тебя послѣ того было уже столько женъ...

Дмитрій Васильевичъ нахмурился.

— Ты циникъ,—рѣзко проговорилъ онъ.

— У меня есть характеръ и убѣжденія; я этого не скрываю,—пожалъ плечами Алексѣй Дмитріевичъ:—а это въ нашемъ кругу привыкли называть цинизмомъ. Думать и молчать, дѣлать и скрывать—это нравственность; думать и говорить то, что думаешь, дѣлать и не скрывать своихъ дѣйствій—это цинизмъ. Я выбралъ послѣднее,—вотъ и все.

Онъ тихо вышелъ изъ кабинета, напѣвая какую-то французскую пѣсенку. Въ тотъ же день, вечеромъ, въ кругу своихъ знакомыхъ, собравшихся въ бѣлокопытовскихъ гостиныхъ, Алексѣй Дмитріевичъ очень горячо распространялся о филантропіи.

— Это одна изъ страшныхъ язвъ, противъ которыхъ мы должны бороться,—говорилъ онъ.—Древній міръ погибъ именно потому, что онъ состоялъ изъ кліентовъ и патроновъ. Нищіе думали, что они имѣютъ право жить безъ труда и кормиться на счетъ богатыхъ; богачи воображали, что ихъ имущество неистощимо, и что они дѣлаютъ благое дѣло, кормя тунеядцевъ. Съ одной стороны, не было производительности, съ другой, происходило истребленіе произведеннаго: очевидно, что, въ концѣ концовъ, должно было произойти полное разрушеніе всего накопленнаго, всего произведеннаго.

— Ты говоришь, какъ вѣтреный мальчикъ, не знающій, сколько бѣдныхъ голодаетъ,—со вздохомъ произнесла Дарья Федоровна.—Обогрѣть, одѣть, накормить ихъ нужно...

— Вы, maman, очень чувствительны, но народами управлять нужно не чувствами, а здравымъ смысломъ. Я знаю,

можетъ-быть, лучше васъ, какъ много на свѣтѣ бѣдныхъ, но я знаю и то, что если вы отдадите имъ все, то бѣдныхъ будетъ завтра столько же, сколько ихъ было вчера, только къ ихъ числу прибавитесь еще вы. Чувства—вещь очень хорошая, но для домашняго обихода, а не для общественной дѣятельности. Вы помогаете бѣднымъ и думаете, что вы приносите имъ пользу, а между тѣмъ, вы, въ сущности, губите ихъ, пріучаете къ тунеядству, къ пьянству, къ разврату. Общественную дѣятельность, заботы о бѣдныхъ нужно оставить государству и намъ, мужчинамъ, знающимъ механизмъ государственнаго устройства.

— Мы должны, должны заботиться о нашихъ братьяхъ,— вздохнула Дарья Федоровна.

— Должны? Каждый долженъ заботиться о себѣ. Прежде всего мы должны обезпечить себя и не раздавать того, что у насъ есть, чтобы послѣ наши дѣти, наши внучата не нуждались въ чужой помощи. О бѣдныхъ же должно заботиться государство, правительство. Мы не должны мѣшать ему, распложая тунеядство.

— Господи, какое у тебя жесткое сердце!—упрекнула Дарья Федоровна сына.

— Сердце у всѣхъ одинаково жестко и одинаково мягко,— усмѣхнулся Алексѣй Дмитріевичъ.—Дѣло не въ немъ. Дѣло въ умственномъ развитіи, въ трезвыхъ взглядахъ. Я желаю истиннаго блага и достоинства человѣчеству; вы желаете сдѣлать изъ человѣчества толпу слабыхъ и погибшихъ созданій, не имѣющихъ силы идти безъ чужой помощи. Я откровенно говорю, что я не отступилъ бы ни передъ чѣмъ, чтобы уничтожить частную филантропію.

— Вотъ мило! И сами состоите членомъ нашихъ благотворительныхъ учрежденій,—замѣтила одна изъ дамъ.

— Поневолѣ! Нельзя же уничтожить эти учрежденія, если они завѣщаны предками. Но ужъ, конечно, я буду всегда бороться противъ расширенія этихъ учрежденій и противъ всякихъ подачекъ попрошайкамъ. Я увѣренъ, что и многіе согласны со мною, но нерѣшительность, безхарактерность мѣшаетъ имъ сознаться откровенно, что имъ надоѣло отрывать отъ себя гроши и бросать ихъ безъ пользы.

— Нѣтъ, вы не говорите этого,—замѣтилъ какой-то старичокъ.—Я къ Свѣтлому Христову Воскресенью всегда радъ дать бѣдняку... Разговѣется... Радость у него въ семьѣ...

— А къ вечеру драка, послѣ того какъ на ваши три рубля онъ купитъ водки...

— Ну, зачѣмъ же такъ думать, зачѣмъ такъ думать!— покачалъ головой старичокъ.—Можетъ-быть, и не на вино пойдутъ деньги...

— А! тутъ не должно быть никакихъ *можетъ-быть*! Нужно говорить прямо: *да* или *нѣтъ*. Я утверждаю, что часть, большая часть денегъ, полученныхъ отъ благотворителей, идетъ въ кабаки, и вы мнѣ не докажете противнаго. У меня факты, цифры, точныя свѣдѣнія, а у васъ ваше *можетъ-быть*.

Старичокъ сострадательно покачалъ головой и скромно прошепталъ:

— Мы по заповѣдямъ Божіимъ живемъ, а не по модным наукамъ... Мы старые христіане, а не новые люди.

— И хороши иногда благодѣтели,—иронически продолжалъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Одинъ влѣзъ по уши въ долги, не имѣетъ средствъ отдать деньги за взятыя у честныхъ тружениковъ вещи, обманываетъ довѣріе своихъ кредиторовъ, разоряетъ семью, а помогаетъ бѣднымъ. Другой крадетъ у казны, беретъ взятки, а помогаетъ бѣднымъ. Да вотъ, напримѣръ, нашъ почтеннѣйшій Данила Захаровичъ Боголюбовъ...

— Что съ тобою?—строго произнесъ Дмитрій Васильевичъ.

— Что?—усмѣхнулся Алексѣй Дмитріевичъ.—Развѣ вы еще не знаете? Этотъ почтенный членъ нашего комитета, этотъ любвеобильный помощникъ страждущихъ и голодныхъ оказался—воромъ.

Все общество взволновалось. Графиня начала торопливо креститься.

— Да, воромъ,—повторилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—И у кого воровалъ? У нашего войска, переносившаго такіе тяжелые дни,—у раненыхъ, нуждавшихся въ помощи. Воровалъ провіантъ, корпію, бинты. Это позоръ, позоръ для тѣхъ, кто пожималъ руку этого казнокрада.

Алексѣй Дмитріевичъ иронически смотрѣлъ на своихъ собесѣдниковъ.

— Да этого не можетъ быть,—выразилъ кто-то сомнѣніе.

— Помилуйте, сегодня получены въ министерствѣ достовѣрныя извѣстія. Правительство напало на слѣдъ.

— Это ужасно!

— Господи, наставь на путь истинный совращенныхъ демономъ,—прошептала Дарья Федоровна.

— Теперь молитвы не помогутъ. Теперь строгій судъ ну-

женъ! примѣрное наказаніе нужно!—рѣзко произнесъ Алексѣй Дмитріевичъ.

Въ обществѣ начались толки и предположенія. Алексѣй Дмитріевичъ сообщилъ все, что зналъ объ открытыхъ злоупотребленіяхъ.

— Нѣтъ, теперь новые люди нужны для новыхъ порядковъ,—закончилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Теперь нужно повернуть круто, или мы свалимся въ бездну. Я знаю, что многіе боятся крутыхъ мѣръ, но они увидятъ, что правы тѣ, которые стоятъ теперь за крутыя мѣры.

— Молодость, молодость, горячность!—пробормоталъ старичокъ, отстаивавшій подачку нищимъ грошей на праздники.—Люди не щепки, что ихъ бросать можно.

— Вотъ отецъ тоже воображаетъ, что люди не щепки,—отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Онъ тоже высказалъ мнѣ еще сегодня утромъ подобную же мысль.

Дмитрій Васильевичъ нахмурилъ брови, вспомнивъ, о чемъ они говорили утромъ.

— А мнѣ кажется, что съ людьми, въ крайнемъ случаѣ, надо поступать, какъ со щепками,—продолжалъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Если мы хотимъ вырубить старый лѣсъ злоупотребленій, то мы не должны заботиться о представителяхъ этихъ злоупотребленій. Пусть они летятъ, какъ щепки. Я знаю, что вотъ, напримѣръ, отецъ готовъ назвать подобныя идеи цинизмомъ... Ты, кажется, такъ назвалъ ихъ утромъ?—небрежно обратился онъ къ отцу.—Но я все-таки стою за необходимость крутыхъ мѣръ. Нужно спасать себя. Впрочемъ, кому хочется гибнуть, тотъ гибни.

Дмитрій Васильевичъ очень хорошо понималъ, что камни летѣли въ его огородъ, что гибель пророчилась ему за непринятіе крутыхъ мѣръ. Несмотря на жестокость его характера, несмотря на его нелюбовь къ женѣ, несмотря на сознаніе того, что недурно бы взять подъ опеку Дарью Федоровну, его бѣсила рѣзкость и беззастѣнчивая откровенность сына. Дмитрій Васильевичъ въ душѣ, быть-можетъ, желалъ достигнуть совершенно тѣхъ же цѣлей, которыхъ хотѣлъ достигнуть его сынъ, но въ старикѣ шевелилось что-то въ родѣ стыда; онъ готовъ былъ дѣйствовать, но дѣйствовать подъ сурдинкой, тайкомъ. Алексѣй Дмитріевичъ очень хорошо зналъ своего отца и свою среду со всѣми ея приличіями и обычаями, и потому онъ очень ясно видѣлъ, что отецъ думаетъ одинаково съ нимъ, хотя и желаетъ

дѣйствовать иначе. Все дѣло было въ томъ, что отецъ сросся со своею средой и прежде всего думалъ о томъ, «что скажетъ свѣтъ»,—сынъ же еще не успѣлъ по молодости лѣтъ прирасти къ своей средѣ и прежде всего говорилъ: «было бы мнѣ хорошо, а на толки я плюю!» Въ то же время Алексѣй Дмитріевичъ сознавалъ, что нерѣшительныя мѣры не поведутъ ни къ чему, что надо работать смѣлѣе и, главное, скорѣе.

— Мнѣ кажется, что именно теперь настала пора дѣйствовать,—продолжалъ онъ:—теперь или никогда. Дѣла до того запутаны, до того плохи, что еще шагъ, еще недѣля, мѣсяцъ—и все погибнетъ или, по крайней мѣрѣ, запутается до того, что уже нельзя будетъ распутать. Если бы люди, смотрящіе на дѣло иначе, потрудились попристальнѣе вглядѣться во все, то они убѣдились бы, что я правъ.

— Новаторомъ какимъ-то сдѣлался,—прошепталъ старичокъ своему сосѣду.—Заграничныхъ изданій вѣрно начитался... Вотъ и дай волю подобной молодежи!.. Господи, Господи!

Дмитрій Васильевичъ одинъ понималъ, что сынъ говоритъ не для общества, а исключительно для него самого, и сознавалъ все болѣе и болѣе, что его дѣла дѣйствительно плохи и требуютъ немедленнаго исправленія. Далеко за полночь проходилъ онъ по своему кабинету и даже не поѣхалъ къ Матильдѣ Францовнѣ Герингъ. Нѣсколько разъ останавливаясь передъ окномъ, барабанилъ онъ по стеклу, какъ бы желая заглушить свои думы. Подъ утро, ложась въ постель, онъ рѣшился дѣйствовать прямо.

— Сумасшедшая, сумасшедшая, легко сказать,—мысленно говорилъ онъ, засыпая.—Но когда же она не была такою, когда поступала иначе?.. Что-жъ? можетъ-быть, это у нихъ въ крови, наслѣдственное... Всѣ знали, что старикъ Маевскій былъ не въ своемъ умѣ... Всѣ помнятъ... Марина Осиповна помнитъ... Да, наслѣдственное... Что же раньше думалъ, чего глядѣлъ? Половина состоянія ушла изъ рукъ... А Алексѣй далеко пойдетъ... дальше меня... Кутила, волокита, игрокъ, а какая выдержка... Характеръ, говоритъ... Да-а, ха-ра-ктеръ...

Дмитрій Васильевичъ забылся тѣмъ тяжелымъ сномъ, который прерывается отъ каждаго звука. Онъ видѣлъ страшные сны. Вотъ Дарья Федоровна, слабая, едва дышащая, съ потускнѣвшимъ взглядомъ упала безъ силъ къ его ногамъ и ловитъ со слезами его руки, торопливо бормоча:

«на бѣдныхъ, ради Христа, на бѣдныхъ... грошикъ каждый имъ дорогъ... Господи, умягчи сердца позабывшихъ Тебя!» Она словила его руку, и онъ чувствуетъ, что эта рука холодѣетъ, мертвѣетъ въ мертвенно холодной, закостенѣвшей рукѣ Дарьи Федоровны. Онъ глядитъ на Дарью Федоровну и видитъ, что это уже не живое существо, а бездушный желтый трупъ, сжавшій въ предсмертныхъ мукахъ его руку. Ему становится страшно больно — онъ просыпается и видитъ, что его рука свѣсилась съ постели и затекла. Онъ поворачивается на лѣвый бокъ и снова засыпаетъ. Вдругъ къ нему въ кабинетъ совершенно неожиданно входитъ Матильда Герингъ.

— Какъ ты сюда пришла? Ночью? — восклицаетъ онъ въ волненіи.

— Да ты пропалъ совсѣмъ: тебя нигдѣ не встрѣтишь! Я съ пикника... Ужъ ты не измѣнилъ ли? — говоритъ она и слегка касается вѣеромъ его лица. — Смотри у меня! Я ревнива!

— У меня дѣла...—начинаетъ онъ.

— У тебя? дѣла?—восклицаетъ она въ удивленіи и хохочетъ звонкимъ смѣхомъ.—По клубу? По балету?

— Полно, полно!—говоритъ онъ хмуро.—Ты видишь, я измученъ, я похудѣлъ. Мнѣ тяжелы эти хлопоты, я не привыкъ къ нимъ, мнѣ гадка эта возня.

— Да, ужъ ты не хочешь ли спасать отечество?—хохочетъ Матильда Герингъ. — О, старый шутникъ, старый шутникъ!

— Да, хорошо тебѣ шутить, а мнѣ надо поправить дѣла, нужно устроить такъ, чтобы жена не мѣшала мнѣ...

Матильда вдругъ дѣлается серьезною и говоритъ ему шопотомъ, внятнымъ, отчетливымъ шопотомъ:

— Убей ее!

Онъ дрожитъ и быстро зажимаетъ ей ротъ.

— Ты съ ума сошла!—въ ужасѣ говоритъ онъ.

— А, такъ ты ее любишь, такъ ты ей жертвуешь мною, ты хочешь, чтобы я погибла въ нищетѣ, забытая...

Матильда падаетъ въ истерикѣ на грудь Дмитрія Васильевича, и ему такъ тяжело, тяжело; онъ едва дышитъ, кажется, сердце готово лопнуть отъ прилива крови. Онъ собирается съ силами и старается крикнуть: «Человѣкъ!.. Владиміръ!.. Кто тамъ?» Онъ снова просыпается и быстро поворачивается на спину: передъ нимъ стоитъ его старый камердинеръ и докладываетъ, что пора вставать.

«да, я отвыкъ отъ хлопотъ, обрюзгъ, — думалъ Дмитрій Васильевичъ, одѣваясь.—Алексѣй правъ, что я старѣю...»

Онъ одѣлся и рано выѣхалъ изъ дому. На лѣстницѣ онъ встрѣтился съ сыномъ, возвращавшимся откуда-то домой.

— А ты уже всталъ?—удивился Алексѣй Дмитріевичъ.— А я еще не ложился!.. Куда?

— По дѣламъ...

— Значитъ, рѣшился?

— Ну, объ этомъ послѣ. Ты, кажется, еще не спалъ...

— Ты знаешь, что я умѣю говорить о дѣлѣ даже въ объятіяхъ женщины.

Дмитрій Васильевичъ молча сошелъ съ лѣстницы и направился къ одному изъ дѣльцовъ, съ давнихъ поръ обдѣлывавшему всѣ его интимныя дѣла, начиная съ покупки лошадей для Матильды и кончая займами подъ векселя.

Въ это же время происходили волненія совершенно иного рода въ семьѣ Боголюбова.

Павла Абрамовна провела очень весело и пріятно почти годъ, наслаждаясь преданностью Карла Карловича. Юноша катался какъ сыръ въ маслѣ и за это позволилъ себя любить. Онъ даже немного потолстѣлъ; его глазки сдѣлались еще болѣе масляными; его улыбочка расплывалась еще шире по его херувимскому личику. Всѣ мысли Павлы Абрамовны были направлены къ одной цѣли — къ ублаготворенію предупредительнаго юноши.

У него появились шелковый халатъ и бархатная ермолка съ золотою кистью; онъ спалъ до полудня; вечеромъ онъ собиралъ кружокъ молодежи, которую кормила и угощала Павла Абрамовна. Праздные шалопаи чувствовали себя какъ дома у радушной и веселой хозяйки. Она привыкла къ этимъ пирушкамъ, курила папиросы, звонко смѣялась, допускала разныя вольности и, мало-по-малу, совершенно превратилась въ даму вольнаго поведенія. Въ ней трудно было узнать прежнюю сентиментальную и вздыхающую «купеческую дочь», получившую образованіе въ «благородномъ пансіонѣ»; еще труднѣе было узнать въ ней сонливую и лѣнивую супругу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Боголюбова, вѣчно томившуюся отъ скуки и бездѣлья. Это былъ, повидимому, другой человѣкъ, но въ сущности только теперь Павла Абрамовна попала въ свою сферу и беззавѣтно отдалась своимъ влеченіямъ. Теперь она уже не мечтала объ «офицерахъ», не зачитывалась романами Поль-де-Кока, не жаловалась на то, что въ ея домѣ появляются только,

«старые старики», не зѣвала отъ бездѣлья и не сердилась на возню съ дѣтьми. Въ ея беззаботной веселости, въ откровенности ея недвусмысленнаго поведенія сказалась вся животность ея натуры. Семья отца научила ее праздности и показала ей всю сладость широкихъ, беззастѣнчивыхъ русскихъ кутежей съ цыганками и цыганами; благородный пансіонъ научилъ ее только танцамъ, французскому языку, закатыванію глазъ и перепискѣ съ разными офицерами; двоюродныя сестрицы и молоденькія купеческія вдовы сообщили ей разные сальные секреты изъ своей сердечной жизни; вотъ все, что вліяло на эту личность, мечтавшую только о наслажденіяхъ и видѣвшую наслажденія только въ одной игрѣ въ любовь. Долго неудовлетворенныя стремленія проснулись въ ней теперь со всею своею силой и заставили ее забыть все. Забыть все было тѣмъ легче, что, напримѣръ, понятія о приличіяхъ для Павлы Абрамовны не существовало: «были бы деньги, такъ уважать насъ будутъ; къ намъ же придутъ съ поклономъ»,—говорила она;— сознаніе о честныхъ супружескихъ отношеніяхъ было у Павлы Абрамовны также очень своеобразное; «вольно же ему было жениться на мнѣ, когда я его не любила»,—говорила она про мужа, за котораго, впрочемъ, вышла безъ всякихъ возраженій по первому приказанію отца; дѣти— про нихъ она давно говорила, что они ей надоѣли, что они у нея на шеѣ сидятъ, что изъ-за нихъ она въ четырехъ стѣнахъ весь вѣкъ просидѣла. Трудно было бы встрѣтить хотя одну француженку-кокотку, которая бы смотрѣла такъ же беззастѣнчиво, такъ же нагло, такъ же нахально на всѣхъ окружающихъ, сидя рядомъ съ любовникомъ. Это не было бравадою, это не было бросаніемъ перчатки въ глаза всему обществу, это былъ просто безсознательный животный развратъ. Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ въ домѣ все пошло вверхъ дномъ. Прислуга не стѣснялась и вела себя не лучше барыни, дѣти были забыты и жили безъ всякаго присмотра. Двое младшихъ дѣтей не понимали всего происходившаго въ домѣ и, можетъ-быть, даже радовались, что на нихъ никто не кричитъ, когда они сидятъ въ дѣтской. Но Леонидъ, уже вступившій вольноприходящимъ ученикомъ въ пансіонъ Добровольскаго, началъ хмуриться не на шутку. Карлъ Карловичъ не хотѣлъ съ нимъ заниматься приготовленіемъ уроковъ, грубо обращался съ нимъ и иногда выводилъ его изъ терпѣнія своею наглостью. Мальчикъ началъ замѣтно худѣть и блѣднѣть. Его хорошенькое личико

стало необычайно серьезно и угрюмо. Глупая горячность отца и еще болѣе глупыя придирки матери давно уже научили этого ребенка быть скрытнымъ и сдержаннымъ; въ то же время полная свобода, наставшая для него въ промежутки времени между періодически повторяющимися взрывами брани, давали ему возможность дѣлать что угодно. Онъ пристрастился къ книгамъ, такъ какъ мать не позволяла ему заводить товарищей, говоря, что «ей и свои ребята надоѣли». Выборомъ книгъ, конечно, не руководилъ никто: мальчикъ читалъ и старую «Библіотеку для чтенія», и старыя «Отечественныя Записки», и романы Диккенса, и романы Лажечникова. Но нѣсколько рѣзкихъ рецензій Сенковскаго и Бѣлинскаго, подвернувшихся ему подъ руку, особенно пришлись по вкусу мальчугану: ему понравился этотъ способъ «критиковать» поступки людей, онъ увлекся тѣмъ, что критики такъ ловко умѣютъ подмѣтить чужіе недостатки. Съ этой поры онъ сталъ всюду искать критическихъ замѣтокъ и, перечитавъ ихъ многое множество, началъ самъ вдумываться въ прочитанные романы. Большинство изъ этихъ романовъ ему не нравилось, и, мало-по-малу, его любимыми книгами сдѣлались романы Диккенса. Онъ здѣсь видѣлъ ту же «критику», какъ онъ выражался самъ. Было ли это исканіе критическаго отношенія къ людямъ и ихъ поступкамъ прямымъ слѣдствіемъ личнаго недовольства поступками своихъ ближнихъ — не знаю, но, вѣроятно, это недовольство играло значительную роль въ развитіи вкусовъ ребенка. Но одно недовольство ближними, одна злоба на нихъ не могутъ завладѣть всецѣло молодою натурой, — это еще мягкое и доброе существо не можетъ такъ рано извѣриться въ людей, такъ возненавидѣть ихъ, чтобы не вѣрить въ существованіе лучшихъ личностей. Эта вѣра въ лучшихъ людей или, вѣрнѣе сказать, это инстинктивное стремленіе къ лучшимъ людямъ было также одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ Леонидъ полюбилъ Диккенса. Онъ плакалъ надъ этими романами, гдѣ страдаютъ дѣти, плакалъ такъ, какъ будто тутъ описывалось его собственное дѣтство. Онъ любилъ добрыхъ героевъ романиста тою любовью, которою можно любить только самыхъ близкихъ намъ людей. Иногда долгое время послѣ чтенія любимыхъ романовъ мальчуганъ находился какъ бы въ чаду и раздумывалъ о томъ, что будетъ дальше съ героями, почему имъ пришлось столько страдать, почему нельзя людямъ быть вполнѣ счастливыми... Думы станови-

лись все шире и шире, а спросить отвѣта на «проклятые вопросы» было не у кого: отецъ «оборветъ», мать «придерется». Мальчику приходилось добираться до иныхъ истинъ такимъ же труднымъ путемъ, какимъ шелъ къ нимъ первый человѣкъ, открывшій ихъ. Постоянное одиночество, постоянное чтеніе книгъ значительно развили молодое воображеніе и пріучили мальчика мечтать. Иногда онъ представлялъ себя героемъ, которому сама судьба назначила спасти себя и своихъ брата и сестру. Порой онъ думалъ, что онъ убѣжитъ съ ними, подобно Давиду Копперфильду, изъ дома отца и матери. Но куда бѣжать? Не къ этой ли злой, глупой бабкѣ, которая нисколько не походила на тетку Копперфильда? Нѣтъ, у нея будетъ еще хуже. Ему вспоминались добрыя лица Марьи Дмитріевны, Антона и Катерины Александровны. Но эти люди очень бѣдны, они не примутъ его, у нихъ у самихъ недостаетъ хлѣба. Куда же бѣжать? Или нужно жить здѣсь и терпѣть?

Послѣ отъѣзда отца мальчику стало еще тяжелѣе, хотя свобода его сдѣлалась еще полнѣе: мать не обращала на него вниманія и не вмѣшивалась въ его дѣла, — онъ могъ спать, могъ лѣниться, могъ ходить куда угодно. Но онъ уже началъ понимать, какую роль играетъ въ домѣ его отца Габлицъ, его начало возмущать дерзкое обращеніе этого человѣка. Въ душѣ мальчика шевелилось какое-то чувство обиды, — обиды за отца, въ домѣ котораго распоряжается «чужой человѣкъ». «Отецъ работаетъ, трудится для насъ, а его дѣтьми, его деньгами распоряжается этотъ нахалъ»,—думалось Леониду, и въ немъ пробуждалась злоба къ Габлицу, къ матери. Онъ сталъ рѣзокъ и дерзокъ съ матерью и съ Габлицомъ.

Въ началѣ весны случилось совершенно неожиданное событіе, заставившее Леонида высказаться вполнѣ. Его маленькій братишка простудился и захворалъ. Павла Абрамовна отнеслась къ этой болѣзни очень равнодушно и велѣла нянькѣ позвать доктора, если ребенку станетъ хуже, а сама уѣхала куда-то съ Карломъ Карловичемъ на весь вечеръ. Ребенку стало дѣйствительно хуже, Леонидъ сходилъ за докторомъ и весь вечеръ провозился съ ребенкомъ. Посторонній человѣкъ изумился бы, видя этого мальчугана, серьезно сидящаго у постели больного малютки и наблюдающаго по часамъ, когда нужно давать больному лѣкарство. Но Леонидъ принялъ на себя эту роль съ полнымъ сознаніемъ всей ея важности. Онъ впервые видѣлъ, что его

мечты о роли спасителя брата и сестры начинаютъ осуществлятся, что онъ одинъ остается естественнымъ защитникомъ этихъ малютокъ.

— Ты долго будешь сидѣть у насъ? — спрашивала его сестренка.

— Да, я всю ночь здѣсь останусь. Ты не шуми. Видишь, братъ боленъ. Ложись спать,—шопотомъ отвѣтилъ ей Леонидъ. — Няня, вы постлали ей постель? — обратился онъ къ нянькѣ съ серьезнымъ видомъ заботливаго семьянина.

— Постлана,—отвѣтила нянька.

— Ну, ложись же, — обратился мальчикъ къ сестрѣ и отвелъ ее къ постели, поцѣловавъ ее въ лобъ.

— А вы-то развѣ не пойдете спать? — спросила нянька, смотря съ удивленіемъ на Леонида, усѣвшагося снова къ постели больного.

— Нѣтъ. Вы можете идти. Я просижу у него ночь.

— Заснете!

— Ну, ужъ я-то не засну! Отворите только двери, когда пріѣдетъ докторъ.

— Да развѣ онъ еще пріѣдетъ?

— Еще бы. Братъ очень боленъ.

— Хоть бы маменька пріѣхала поскорѣй.

— Что же ей здѣсь дѣлать? Довольно и того, что я здѣсь.

Леонидъ раскрылъ книгу и сталъ читать. Нянька, качая головой, вышла изъ дѣтской. Среди этой тишины, въ полумракѣ большой комнаты, было какъ-то странно видѣть этихъ брошенныхъ матерью дѣтей. Что-то глубоко грустное было въ этой картинѣ. Воображеніе Леонида работало, и онъ не могъ читать. Отложивъ книгу, онъ предался своимъ завѣтнымъ думамъ. Ему было и сладко, и грустно сознаніе, что онъ занялъ теперь мѣсто защитника дорогихъ ему дѣтей. Порой онъ прислушивался къ дыханію больного ребенка, порой подходилъ къ постели сестренки и любовался ея хорошенькимъ личикомъ.

— Спитъ дитя!—тихо прошепталъ онъ и наклонился поцѣловать ручонку сестры.—Совсѣмъ брошенныя... Если бы зналъ отецъ! Онъ насъ все-таки любитъ...

Въ эту минуту послышался рѣзкій звонокъ, и черезъ минуту въ дѣтскую шумно вошла Павла Абрамовна.

— Ты здѣсь?—съ удивленіемъ спросила она и направилась къ постели больного.

— Не подходите съ холода,—рѣзко произнесъ Леонидъ, загородивъ ей дорогу.

— Дуракъ! Кого ты учить вздумалъ,—сердито воскликнула она и толкнула его съ дороги.—Цыпочка, что съ тобой? Гдѣ пипи у моего сыночка?—сладко закартавила она, наклоняясь къ кроваткѣ больного ребенка.

— Онъ забылся, зачѣмъ вы его будите? Какъ вамъ не стыдно? Ѣздите Богъ знаетъ гдѣ, а потомъ тревожите больныхъ!—грубо заговорилъ Леонидъ, раскраснѣвшись до ушей.

— Да ты что это? Съ ума сошелъ, мальчишка!—гнѣвно крикнула Павла Абрамовна. — Шарль, велите не грубить этому негодяю, — обратилась она къ Габлицу, вошедшему въ дѣтскую.

Больной ребенокъ, между тѣмъ, пробужденный внезапнымъ шумомъ, началъ стонать.

Габлицъ былъ, повидимому, въ очень веселомъ настроеніи духа и ощущалъ нѣкоторое неповиновеніе въ ногахъ. Онъ подошелъ къ Павлѣ Абрамовнѣ, все еще стоящей надъ дѣтскою кроваткой и старавшейся успокоить встревоженнаго больного ребенка.

— Что случилось, ma chère Pauline? — спросилъ онъ съ глупою улыбочкой.

— Грубитъ! Учитъ меня! За уши бы отодрать надо!—отвѣтила она.

— А! Пожалуйте-ка сюда, милостивый государь, на расправу,—произнесъ Габлицъ и протянулъ руку, чтобы взять за ухо Леонида.

— Убирайтесь вонъ! — пробормоталъ Леонидъ. — Ваша комната не здѣсь... Вы въ комнатѣ моихъ брата и сестры... Идите!

— Ого, какой пѣтухъ!—глупо засмѣялся Габлицъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого спускать нельзя! — гнѣвно произнесла Павла Абрамовна, поднимаясь отъ кроватки Аркадія.— Иди сюда, сейчасъ иди сюда, мерзавецъ!

— Матушка, братъ боленъ, а вы кричите!—тихо произнесъ Леонидъ почти со слезами въ голосѣ.

— Говорю тебѣ: иди сейчасъ къ Карлу Карловичу. Я хочу, чтобы онъ наказалъ тебя!

Карлъ Карловичъ сдѣлалъ шагъ къ Леониду.

— Если ты меня только тронешь, такъ я тебѣ шею сломлю,—проговорилъ Леонидъ и толкнулъ его отъ себя.

Въ эту минуту послышался звонокъ, и въ комнату вошелъ докторъ. Его появленіе прервало тяжелую сцену, которая могла кончиться довольно печально. Павла Абрамовна сдѣлала печальную мину и слезливо начала разспрашивать

доктора о положеніи больного Аркадія. Докторъ сказалъ что болѣзнь очень опасна.

— О, я не отойду отъ него, не отойду! Бѣдный Аркаша!— восклицала Павла Абрамовна, изображая убитую горемъ мать.—Ступай спать,—приказала она Леониду.

— Зачѣмъ же? Я просижу у брата,—отвѣтилъ онъ.

— Если тебѣ велятъ, то ты долженъ слушаться! Иди! Докторъ, побудьте немного здѣсь, мнѣ самой такъ дурно... Вы не можете себѣ представить, какъ трудно справиться одной съ дѣтьми!..

Докторъ присѣлъ. Леониду пришлось уйти. Онъ не спалъ всю ночь и плакалъ отъ горя, видя, что его первая попытка быть защитникомъ брата кончилась ничѣмъ. На слѣдующій день, по возвращеніи изъ пансіона Добровольскаго, онъ засталъ весь домъ въ смятеніи. Маленькій Аркадій лежалъ уже на столѣ. Леонидъ бросился къ тѣлу малютки и залился слезами. Плача у этого маленькаго трупа, онъ мысленно давалъ страстные обѣты спасти хотя сестру и передать отцу все, что дѣлалось дома.

Съ этого дня онъ пересталъ обращать вниманіе на мать и Габлица, онъ сидѣлъ или за уроками, или въ дѣтской съ сестрою. Дни шли за днями, а отецъ все не ѣхалъ. Наконецъ, получилось извѣстіе, что его «везутъ». Въ домъ явились какія-то неизвѣстныя личности, чтобы наложить арестъ на имущество Боголюбова. Павла Абрамовна была внѣ себя.

— Онъ погубилъ меня! Онъ меня нищею сдѣлалъ! Онъ разорилъ меня! — кричала она.—Теперь еще васъ кормить надо,—обращалась она къ дѣтямъ.—Я развода буду требовать! Недостаетъ еще, чтобы его разжаловали въ солдаты! Развѣ я для этого шла за него замужъ? Быть солдаткою— никогда, никогда! Воръ, грабитель!

Ея брани, ея слезамъ, ея истерикамъ не было конца. Она давала тычки и толчки дѣтямъ, корила ихъ за дармоѣдство и немного успокоилась только тогда, когда явилась ея мать и предложила ей переѣхать къ нимъ въ домъ и «плюнуть на этого, прости Господи»... Матушка Павлы Абрамовны прибавила такое словцо, которое едва ли есть въ лексиконахъ. Павла Абрамовна съ дѣтьми перебралась въ отдѣльный флигель просторныхъ родительскихъ хоромъ и повеселѣла, хотя и говорила съ негодованіемъ про дѣтей: «вотъ связали по рукамъ и по ногамъ! Въ наслѣдство отъ милаго муженька остались! Что я теперь? Хуже вдовы!»

Она даже не подумала о томъ, что ей все-таки не худо бы заглянуть къ мужу, сидѣвшему за рѣшетчатыми окнами. Леонидъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ сценъ, и его сердце ныло за отца. Онъ разузналъ, гдѣ содержится отецъ, и пошелъ къ нему. Встрѣча Данилы Захаровича съ сыномъ была необычайно нѣжная и скорбная.

— А мать такъ и бросила меня, такъ и забыла,—говорилъ Боголюбовъ, цѣлуя сына. — Ну, Богъ ей судья... Она столько же виновата, какъ и я... Приведи ко мнѣ сестру... Авось отпустятъ...

— Да какъ же отпустить, — проговорилъ Леонидъ. — Развѣ за нами смотрятъ? Мы тоже брошены, какъ собачонки... Кормятъ насъ, одѣваютъ, вотъ и все... Тебѣ скучно здѣсь?

— Больно мнѣ, тяжело сидѣть здѣсь, — проговорилъ Данила Захаровичъ со вздохомъ. — Я не виноватъ, я покрывалъ только другихъ, я не могъ не повиноваться...

Данила Захаровичъ былъ неузнаваемъ для тѣхъ, кто не зналъ его въ юности, кто зналъ его только зоркимъ и строгимъ начальникомъ и главой семейства. Но въ сущности онъ теперь сбросилъ только свою маску и явился тѣмъ, чѣмъ онъ былъ съ колыбели—ласковымъ теленкомъ. Да, онъ родился для того, чтобы быть ласковымъ теленкомъ. Жалкая обстановка его дѣтства и слабое здоровье въ первые годы жизни пріучили его быть ласковымъ теленкомъ; онъ рано понялъ, что подобный теленокъ двухъ матокъ сосетъ, и сталъ подлаживаться ко всѣмъ кормильцамъ и поильцамъ. Возмужавъ и поступивъ на службу, онъ, не обладавшій никакими талантами и знаніями, видѣлъ, что отъ чиновниковъ требуется рачительность, строгость и зоркость, что съ этими качествами можно далеко уйти, даже и не имѣя никакихъ другихъ способностей, и сталъ дѣлать видъ, что онъ обладаетъ именно этими качествами. При помощи ихъ, онъ началъ сколачивать копейку, не задавая себѣ вопросовъ, всегда ли честно пріобрѣтается эта копейка, честно ли быть простымъ безсмысленнымъ эхомъ начальства, идетъ ли, наконецъ, къ нему принятая имъ на себя роль строгаго и зоркаго начальника, роль, для которой въ немъ не было способностей, такъ какъ его могъ провести за носъ и обмануть каждый. Онъ получалъ чины, и это служило для него достаточнымъ доказательствомъ того, что все обстоитъ благополучно.

Теперь, подобно всѣмъ выскочкамъ, подъ первымъ ударомъ судьбы, онъ вдругъ съежился, упалъ духомъ и пла-

чевно жаловался на свою судьбу. Теперь онъ чувствовалъ, что ему уже нечего хвалиться своими зоркостью и строгостью, а что лучше опять явиться ласковымъ теленкомъ и вымаливать себѣ у людей прощеніе. «По невѣдѣнію согрѣшилъ», вертѣлось на его языкѣ; «снисхожденія прошу», поминутно приходило ему въ голову, когда онъ помышлялъ о допросѣ. Начальство повышающее, начальство благосклонное, начальство, дающее чины и ордена, представлялось ему теперь начальствомъ карающимъ, безпощаднымъ и имѣющимъ власть отнимать и чины, и ордена, и онъ готовъ былъ ползать на колѣняхъ передъ этимъ начальствомъ. Онъ даже не ропталъ на Павлу Абрамовну и готовъ былъ только слезно молить ее, чтобы она не покидала его, такъ какъ силой теперь онъ ничего не могъ съ нею сдѣлать. Человѣкъ-трянка сказался вполнѣ.

Леонидъ не узнавалъ характера своего отца. Отецъ казался ему такимъ жалкимъ, такимъ слабымъ, такимъ безпомощнымъ.

— Хотя бы кто-нибудь посѣтилъ,—говорилъ Данила Захаровичъ.—Одинъ сижу, думы такія черныя лѣзутъ въ голову... И сны такіе снятся нехорошіе... Хлопотать бы надо, а не черезъ кого просьбу или письмо переслать...

— Хочешь, я попрошу къ тебѣ Катерину Александровну зайти?—спросилъ Леонидъ.

— Хорошо, Леня, хорошо,—обрадовался старикъ.—Вѣдь все же мы родные... Дядя я ей... Можетъ-быть, и придетъ... Она тамъ знаетъ Бѣлокопытовыхъ, Гиреева... Пусть попроситъ ихъ... Они сильные люди... Связи у нихъ...

Леонидъ обѣщалъ сходить къ Катеринѣ Александровнѣ и на слѣдующій же день исполнилъ свое обѣщаніе. Молодую дѣвушку удивило его появленіе и еще болѣе удивила принесенная имъ новость. Леонидъ съ недѣтскою серьезностью разсказалъ двоюродной сестрѣ всю печальную исторію своей семьи и положенія отца. Его откровенный и простой разсказъ подкупилъ молодую дѣвушку въ пользу мальчика. Она увидала, что и здѣсь, подъ этою хорошенькою курточкой, подъ этою нарядною одеждой, мучительно бьется уже порядочно настрадавшееся сердце. Она, никогда не искавшая встрѣчъ съ дядею прежде, теперь поспѣшила къ нему,— поспѣшила не столько ради него самого, сколько ради его сына. Дорогой Леонидъ снова коснулся своего положенія въ семьѣ и разсказалъ со всѣмъ жаромъ юнаго мечтателя о своихъ прежнихъ планахъ бѣжать изъ дому и о сообра-

женіяхъ, удержавшихъ его отъ бѣгства къ Прилежаевымъ.

— Вамъ не потому нельзя было бѣжать къ намъ, что мы бѣдны, а потому, что васъ вернули бы домой,—улыбнулась Катерина Александровна и ласково взглянула на него.— Наша бѣдность не могла бы помѣшать намъ принять васъ.

— Вы бы приняли насъ?—живо спросилъ Леонидъ.

— Конечно.

— Ну, значитъ, я буду спокоенъ. Если отца сошлютъ, если онъ не возьметъ насъ съ собою, я попрошу его отдать къ вамъ меня и сестру.

— Погодите; все еще, можетъ-быть, обойдется благополучно,—утѣшала его Катерина Александровна.—Главное, не думайте ни о чемъ постороннемъ и учитесь... Вамъ надо ловить время и учиться, покуда мать еще платитъ за васъ...

— Да, а чему научится въ ея домѣ сестра?—серьезно спросилъ Леонидъ.—Я вѣдь не маленькій, я все понимаю...

Катеринѣ Александровнѣ стало тяжело и больно за этого юношу, такъ рано понявшаго всю позорную исторію матери.

Они дошли до мѣста заключенія Данилы Захаровича и были встрѣчены старикомъ чуть не со слезами. Онъ поцѣловалъ Катерину Александровну, напомнивъ ей о своемъ близкомъ родствѣ съ нею; заговорилъ о христіанскомъ долгѣ посѣщать заключенныхъ; вдругъ началъ каяться въ томъ, что холодно относился къ ней прежде; заговорилъ о гордынѣ, помрачающей умъ человѣка въ богатствѣ,—все это дѣлало его въ глазахъ молодой дѣвушки еще болѣе жалкимъ. «Вотъ всѣ они такіе, эти гордые богачи,—подумалось ей.—Или стоятъ на недосягаемой высотѣ, или падаютъ въ самую грязь, къ ногамъ своихъ ближнихъ». Она обѣщала дядѣ написать за него письмо къ Гиреевой и лично повидаться съ нею и со Свищовымъ.

— Всѣ забыли, всѣ забыли,—жаловался старикъ.—Имъ стыдно пріѣхать сюда... Имъ гадко смотрѣть на меня... А я не виноватъ, я маленькій человѣкъ, я исполнялъ волю другихъ.

Катерина Александровна вздохнула свободнѣе, когда вышла изъ душной, маленькой комнатки Данилы Захаровича. Она не безъ смущенія принялась хлопотать за него и посѣтила княгиню Гирееву и Свищова. Княгиня больше охала и жалѣла, чѣмъ толковала о дѣлѣ; Свищовъ же раз-

сыпался въ любезностяхъ «передъ такою милою проситель-ницей», заявилъ, что онъ и безъ того помнитъ «старика», помнитъ, что дѣти «старика» его крестники, и утѣшилъ молодую дѣвушку надеждою, что все кончится пустяками во вниманіе прошлыхъ заслугъ и долговременной службы.

— Ну, посидитъ, посидитъ немного!—говорилъ Свищовъ шутливымъ тономъ. — Это старику полезно... душеспаси-тельно... Я еще вотъ его распеку за васъ, когда встрѣтимся...

Свищовъ перешелъ къ любезностямъ и игривымъ сло-вамъ; Катеринѣ Александровнѣ оставалось только удалиться.

IX.

Продолженіе предыдущей.

Въ Петербургѣ, живущемъ новостями дня, по окончаніи войны начались толки не о битвахъ, а о другихъ событіяхъ, о различныхъ перемѣнахъ въ правительственныхъ сферахъ, о различныхъ приготовленіяхъ къ чему-то и о крупныхъ событіяхъ изъ частной жизни болѣе или менѣе видныхъ людей. Исторія Боголюбова и его товарищей облетала всѣ гостиныя и залы, возбуждала негодованіе и предположенія насчетъ ея развязки. Не менѣе этой исторіи интересовало нѣкоторые кружки извѣстіе о томъ, что надъ графиней Бѣ-локопытовой назначаютъ опеку, и что молодой графъ Бѣло-копытовъ женится на вдовѣ убитаго генерала Денисова, ко-торая имѣетъ четверыхъ дѣтей и старше своего жениха лѣтъ на пятнадцать.

Одни разсказывали про графиню самыя ужасныя вещи, доказывавшія вполнѣ ея сумасшествіе, и удивлялись, что ей столько лѣтъ позволяли куралесить и мотать имѣніе. Другіе увѣряли, что самъ Дмитрій Васильевичъ мотъ и кутила, что онъ не только содержитъ Матильду Герингъ, но и кормитъ трехъ танцовщицъ, проигрываетъ тысячи и влѣзъ по уши въ долги. Одни жалѣли дѣтей Денисовой, которыхъ будетъ опекать и разорять Алексѣй Дмитріевичъ, уже поставившій въ условіе женитьбы на Денисовой уплату его двадцати-пятитысячнаго долга. Другіе утверждали, что онъ обманется, что она объявитъ о неплатежѣ его долговъ и приберетъ его къ рукамъ. Гдѣ была ложь, гдѣ была правда — трудно сказать: быть-можетъ, правы были и тѣ, и другіе вѣстов-щики блестящихъ салоновъ. Эти вѣсти дошли и до Софьи Андреевны и ея кружка и возбуждали различныя сообра-женія насчетъ будущности пріюта, гдѣ покуда шла постройка

церкви и все еще оставалось попрежнему. Но признаки того, что дѣло Дмитрія Васильевича съ женою окончится въ его пользу, были очевидны. Во время экзаменовъ, впервые назначенныхъ въ пріютѣ, графиня не появилась въ пріютъ, а ея мѣсто заступилъ ея мужъ. Онъ остался вполнѣ доволенъ отвѣтами дѣвочекъ и серьезно завелъ рѣчь съ Софьей Андреевной насчетъ ея проектовъ.

— Мы не можемъ тратить лишняго на пріютъ, — говорилъ онъ. — Средства пріюта скудны и нужно заботиться скорѣе о сокращеніи расходовъ, чѣмъ объ увеличеніи ихъ.

— Я думаю, графъ, вы могли бы увеличить эти средства помимо выдачъ изъ комитета,—отвѣтила Софья Андреевна.

— Какъ это?

— У насъ дѣти работаютъ, можно бы сдѣлать выставку ихъ работъ съ платой за входъ. Можно устроить маскарадъ въ пользу пріюта или балъ. Лотерея помогла бы... Нужно побольше предпріимчивости...

— Да, это надо обдумать,—задумался Дмитрій Васильевичъ.—А это прекрасная мысль... Это не то, что кружка у дверей, гдѣ ежегодно набирается десять рублей.

— Нынче добровольныхъ жертвователей мало, надо брать силою,—засмѣялась Софья Андреевна.

— Вы правы! Общество нужно принудить содѣйствовать намъ,—отвѣтилъ Дмитрій Васильевичъ.—Не обязана же одна фамилія нести на себѣ всю эту обузу.

— И для чего, если можно сдѣлать иначе?..

— Я очень, очень доволенъ вами, — пожалъ ей графъ руку.—Графиня насадила вездѣ старухъ,—немудрено, что дѣло пришло въ упадокъ, не шло впередъ. Теперь не такое время! Нужно дѣйствовать, теперь нужны молодыя, свѣжія силы.

— Вотъ потому-то я и подобрала въ свои помощницы молодежь,—кокетливо улыбнулась Софья Андреевна.

— Да, да, прелестный цвѣтникъ...

— Я надѣюсь, что вы хоть изрѣдка взглянете на него...

— О, непремѣнно... Я васъ попрошу лично являться въ нашъ комитетъ. Тамъ вы хотя отчасти образумите разное старье своими практическими совѣтами.

Дмитрій Васильевичъ уѣхалъ изъ пріюта въ самомъ отрадномъ настроеніи. «Эта барыня молодецъ,—думалось ему.—Изворотливая!» Софья Андреевна была также довольна и видѣла съ прозорливостью пожившей обольстительницы мужскихъ сердецъ, что графъ не ускользнетъ отъ ея рукъ въ

дѣлѣ управленія пріютомъ. Среди всѣхъ этихъ новыхъ тревогъ и событій новаго времени явился въ Петербургъ Александръ Прохоровъ.

У него замерло сердце, когда онъ снова увидалъ давно знакомый двухъэтажный домикъ противъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, когда онъ поднялся по этой крутой деревянной лѣстницѣ на галлерею, когда онъ вошелъ въ эти низенькія, чистенькія комнатки, гдѣ впервые пробудилась въ немъ его чистая любовь. Марья Дмитріевна по обыкновенію сначала растерялась при такомъ экстренномъ событіи, а потомъ облобызала молодого человѣка, какъ сына, и захохотала; Антонъ горячо поцѣловалъ своего друга; Флегонтъ Матвѣевичъ, уже переходившій, хотя и съ трудомъ, отъ стула къ стулу или изъ комнаты въ комнату и произносившій едва внятно нѣсколько словъ, также обрадовался сыну, улыбнулся какою-то полудѣтскою улыбкой, смотря на молодое похудѣвшее и загорѣлое лицо, и, какъ ребенокъ, указалъ на орденъ сына.

— Крестъ! — по-дѣтски усмѣхаясь, невнятно произнесъ онъ и опустилъ на грудь голову.

Онъ былъ похожъ на больного ребенка, постоянно былъ задумчивъ, и только изрѣдка къ нему возвращалось сознаніе. Въ эти свѣтлыя минуты онъ что-то говорилъ, — говорилъ много и торопливо, но, къ несчастью, почти никто, за исключеніемъ Антона, не понималъ его словъ. Когда старикъ замѣчалъ, что его не понимаютъ, онъ сердился и нетерпѣливо стучалъ въ полъ костылемъ, не разлучавшимся теперь съ нимъ. Окружающіе привыкли къ этому, и потому старались внимательно слушать его попрежнему длинныя, многословныя рѣчи, соглашались съ нимъ, поддакивали ему,— и онъ самодовольно улыбался и въ эти минуты снова напоминалъ прежняго добродушнаго говоруна Флегонта Матвѣевича. Онъ произвелъ грустное впечатлѣніе на сына. Посидѣвъ съ отцомъ, Александръ Прохоровъ началъ терять терпѣніе: онъ ждалъ, что вотъ-вотъ появится Катерина Александровна, но она не появлялась. Наконецъ, онъ не выдержалъ и спросилъ у Марьи Дмитріевны, хлопотавшей за самоваромъ, гдѣ ея дочь. Старикъ встрепенулся и быстро заговорилъ что-то. Сынъ его не понялъ.

— Она дежурная, батюшка,—отвѣтила Марья Дмитріевна, суясь къ шкапу и комоду и хватая не то, что нужно.

— Какъ досадно!—невольно воскликнулъ Александръ.

Старикъ улыбнулся и опять забормоталъ что-то. Собесѣд-

ники могли разобрать только, что старикъ говоритъ объ Антонѣ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, куда же онъ исчезъ?—обернулся Александръ.

Старикъ опять усмѣхнулся и забормоталъ.

— Ужъ не за ней ли онъ пошелъ!—воскликнула Марья Дмитріевна.—Да не можетъ быть... А вотъ и мнѣ его нужно: въ булочную нужно... Неужто къ ней побѣжалъ?..

Старикъ весело закивалъ головой.

— Я... я... я... у... у... чилъ,—залпомъ произнесъ онъ и засмѣялся.

Александръ былъ тронутъ до слезъ и горячо обнялъ отца. Тотъ, видимо, находился въ томъ блаженномъ состояніи, въ которомъ находятся дѣти, когда имъ удастся неожиданно изумить старшихъ своею находчивостью и умомъ.

— То-то я все видѣла, что нашъ Флегонтъ Матвѣевичъ съ Антошей шепчутся,—сообразила Марья Дмитріевна.—Они вѣдь, батюшка, совсѣмъ друзьями стали. Тайны у нихъ разныя, разговоры длинные такіе заведутъ, что и не переслушаешь... Антоша-то его понимаетъ,—шепнула она Александру Флегонтовичу.—Мы и не разберемъ, а Антоша все понимаетъ.

Александръ Прохоровъ не слушалъ болтовни Марьи Дмитріевны и нетерпѣливо ждалъ прихода Катерины Александровны. Уже стемнѣло, когда послышались торопливые шаги Антона. Александръ вскочилъ и выбѣжалъ въ переднюю.

— Саша!—послышался слабый крикъ.

— Милая!—слышался мужской голосъ.

И затѣмъ все стихло. Потомъ послышалось, что кто-то плачетъ.

— О чемъ же? вѣдь я здѣсь, съ тобою?—шепталъ мужской голосъ.

Катерина Александровна и Александръ тихо вошли въ комнату Марьи Дмитріевны и сѣли. Они, казалось, забыли весь міръ и помнили только одно, что они вмѣстѣ, вмѣстѣ—навсегда.

Съ этого дня вся семья повеселѣла, какъ будто ожила. Впервые всѣ ея члены чувствовали себя вполнѣ счастливыми, и только Марья Дмитріевна порою вздыхала, что одинъ ея ненаглядный Миша, пріѣхавшій къ ней, скоро опять уѣдетъ въ другой городъ по окончаніи вакацій. Александръ Прохоровъ хлопоталъ о переводѣ на службу въ Петербургъ. При помощи Левашова, радушно встрѣтившаго

своего прежняго ученика, эти хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Затѣмъ начались заботы о наймѣ лучшей и болѣе удобной квартиры. Не безъ сожалѣнія покидала семья свой старый уголъ, гдѣ переживались и радости, и горе, гдѣ каждый уголокъ будилъ различныя воспоминанія. Софья Андреевна, замѣтивъ по сіяющему лицу Катерины Александровны, что съ послѣднею случилось что-то необыкновенное, допросила ее о случившемся. Молодая дѣвушка не сочла нужнымъ скрывать свою радость и сказала, что къ ней пріѣхалъ ея лучшій другъ, ея женихъ.

— Вы познакомьте насъ съ нимъ, — попросила Софья Андреевна.

— Онъ будетъ очень радъ познакомиться съ вами,—отвѣтила Катерина Александровна.—У него почти нѣтъ никого знакомыхъ, васъ же онъ знаетъ по моимъ разсказамъ.

— Но, право, жаль, что онъ пріѣхалъ,—ласково произнесла Софья Андреевна. — Я вѣдь большая эгоистка, и мнѣ досадно, что онъ похититъ васъ у меня.

— Похититъ? — разсмѣялась Катерина Александровна.— Зачѣмъ? Я останусь здѣсь попрежнему.

— Но вѣдь замужнія не могутъ быть помощницами.

— Я не тороплюсь свадьбой.

— Какъ? Не торопитесь свадьбой? — изумилась Софья Андреевна.—И вы говорите, что вы его страстно любите!

Катерина Александровна улыбнулась.

— Да, страстно люблю и не тороплюсь свадьбой. Я буду служить, покуда можно служить... Теперь мнѣ еще неудобно выйти изъ пріюта. Я могу еще принести здѣсь пользу и сверхъ того я еще не настолько приготовилась, чтобы приняться за другое дѣло... Досадно, право, что глупыя пріютскія правила не позволяютъ служить здѣсь замужнимъ...

— Ну, я на вашемъ мѣстѣ позабыла бы всѣ расчеты и вышла бы поскорѣе замужъ, — замѣтила Софья Андреевна.— Я не понимаю любви, которая можетъ подчиняться требованіямъ разсудка...

Катерина Александровна усмѣхнулась и промолчала. Ей казалось, что Софья Андреевна не права. Выраженіе ея лица было настолько свѣтло и ясно, что нельзя было сомнѣваться въ томъ, что она не чувствуетъ особенной грусти по случаю необходимости отложить свадьбу. Подобно Софьѣ Андреевнѣ, Марья Дмитріевна также обратилась къ дочери съ подобнымъ же вопросомъ.

— Какъ же, Катюша, со свадьбою-то?—спросила она.—Скоро думаете повѣнчаться?

— Нѣтъ, мама, мы еще объ этомъ не думали,—отвѣтила Катерина Александровна. — Саша покуда будетъ приготовляться къ академіи, и ему нельзя жениться. Мнѣ также нельзя выйти замужъ, покуда я въ пріютѣ...

— Такъ какъ же, голубка? — изумилась и опечалилась Марья Дмитріевна.—Вѣдь теперь онъ не ребенокъ, неловко жить намъ вмѣстѣ, люди станутъ пересуживать...

— Мама, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до толковъ...

— Это такъ, маточка! На всякое чиханье не наздравствуешься... Была бы своя совѣсть чиста... А все же и болтать не запретишь... Ославятъ честную дѣвушку, глаза будетъ стыдно показать на улицу...

— Не бойтесь, мама! Пусть говорятъ, что хотятъ. Я дѣлаю такъ, какъ можно, какъ позволяютъ обстоятельства, а до праздныхъ толковъ, до людскихъ соображеній мнѣ нѣтъ дѣла. Не училъ меня никто прежде, а теперь уже поздно учить...

— И сама-то ты истомишься! Годы-то уходятъ. Теперь бы и пожить въ семейныхъ радостяхъ...

— О, что касается до меня, до моего счастія, то я вполнѣ счастлива и не тороплюсь выйти замужъ...

— Ну, дай Богъ, дай Богъ!—перекрестилась Марья Дмитріевна со вздохомъ.—Конечно, онъ хорошій человѣкъ, не погубитъ тебя... А все же страшно. Онъ моложе тебя, здѣсь народу-то много, влюбиться можетъ въ другую...

Катерина Александровна засмѣялась веселымъ, безпечнымъ смѣхомъ.

— Пусть влюбляется, мама! Лучше пусть теперь влюбится, чѣмъ послѣ свадьбы!

— Ну, ты этого не говори! Женится, такъ ужъ тогда—конецъ!

Катерина Александровна усмѣхнулась и не отвѣтила ничего. Она ясно видѣла, что ей будетъ трудно объяснить матери свои мысли. Она просто поспѣшила успокоить Марью Дмитріевну насчетъ того, что Александръ ни въ кого не влюбится, не броситъ ее до свадьбы, не погубитъ ее. Старуха повздыхала и согласилась съ дочерью, говоря, что «одна надежда на Защитника сиротъ, что Онъ не оставитъ бѣдныхъ». Этимъ объясненіемъ прекратились дальнѣйшіе разспросы Марьи Дмитріевны, и она снова занялась своимъ хозяйствомъ, шитьемъ и мелочными заботами.

не обращая вниманія на отношенія дочери и молодого Прохорова. Иногда она даже съ умиленіемъ говорила, что они «ровно братъ и сестра», что они, «какъ голубки, воркуютъ», что они, «какъ дѣти малыя, дружны». Дѣйствительно, дружба молодыхъ людей была искренняя и прочная. Не было ни одного плана, ни одной надежды, ни одного желанія, которые не обсуждались бы ими вмѣстѣ. Мелкія различія во взглядахъ на вещи, мало-по-малу, сглаживались; свѣдѣнія, недостающія одной единицѣ этой пары, пополнялись другою единицею; нерѣшенные однимъ умомъ вопросы рѣшались общими силами. Никакіе уроки не могли быть такъ полезны этимъ молодымъ людямъ, какъ и дружба, и они имѣли право сказать, что они узнали по опыту, что умъ—хорошо, а два—лучше того. Иногда Катерина Александровна шутя говорила Александру:

— Знаешь ли, мнѣ кажется, что мы теперь только знакомимся другъ съ другомъ. Прежде ты поклонялся мнѣ, я позволяла обожать себя, а теперь мы начнемъ всматриваться другъ въ друга.

— Смотри, не найди какихъ-нибудь недостатковъ во мнѣ и не отвернись,—шутилъ онъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ кажешься еще лучше, когда я подошла къ тебѣ поближе.

Порою онъ дѣлалъ серьезное лицо и говорилъ ей:

— Ну, не угодно ли приниматься за уроки, время уходитъ, а вамъ пора доучиться.

— Ты, пожалуйста, не важничай, я и безъ тебя могу учиться; не даромъ же я сама наставница дѣтей,—смѣялась она, принимаясь за книгу.

Бывали дни, когда молодые люди вмѣстѣ съ Антономъ, Леонидомъ и Лидіей дурачились, какъ дѣти, бѣгали по комнатамъ, играли въ жмурки. Эта смѣсь шутокъ и искренней веселости съ серьезнымъ трудомъ и нешуточными заботами имѣли много очаровательной прелести. Молодымъ здоровьемъ и бодростью вѣяло отъ этихъ свѣжихъ и веселыхъ лицъ. Они не дѣлались безнадежно унылыми и апатичными даже въ тѣ минуты, когда молодымъ людямъ вспоминалось грустная исторія убитаго брата Ивана, когда они толковали о медленно сходящемъ въ могилу отцѣ. Въ эти минуты выраженіе серьезности, легкій слѣдъ задумчивости дѣлалъ только еще прекраснѣе эти юношескія лица. Задумываясь о смерти, эти люди сознавали еще яснѣе, что нужно ловить минуты жизни, что нужно скорѣе и скорѣе стремиться къ дости-

женію своихъ цѣлей. И дѣйствительно, они быстро шли впередъ и не замѣчали, какъ летятъ дни.

— Что это васъ совсѣмъ не видать, — говорила Софья Андреевна, пожимая руку Александра Прохорова, который уже вошелъ въ ея кружокъ.

— Да развѣ мы такъ давно не видались?—изумлялся онъ.

— Вотъ вѣжливо! Вы должны были томиться въ разлукѣ со мною, а вы говорите, что вы не видали, какъ пролетѣло это время,—шутила она.

— Я постоянно справлялся о васъ въ разлукѣ, и это сокращало время,—смѣялся Александръ Прохоровъ.

Онъ очень скоро и очень близко сошелся съ кружкомъ Софьи Андреевны. Молодежь сразу полюбила его. Сначала онъ заинтересовалъ всѣхъ, какъ свидѣтель минувшей войны, принесшій съ собою множество разсказовъ; потомъ онъ сдѣлался душою кружка, какъ умный и серьезный собесѣдникъ, умѣвшій дать живое направленіе разговору. Онъ слѣдилъ за газетами и журналами, онъ интересовался каждою общественною новостью и потому постоянно направлялъ разговоры кружка къ болѣе серьезнымъ темамъ, чѣмъ толки о семейныхъ исторіяхъ и мелкихъ увеселеніяхъ. Его загорѣлое, значительно похудѣвшее лицо оживлялось во время толковъ и споровъ; его здоровый и звучный голосъ принималъ какой-то глубокій, грудной, металлическій, если можно такъ выразиться, тонъ и слышался среди десятка другихъ голосовъ. Слушая его, можно было сразу сказать, что это говоритъ здоровый и сильный человѣкъ съ широкою грудью. Катерина Александровна особенно любила его въ эти минуты оживленныхъ споровъ. Подобно ей, онъ умолкалъ, когда въ кружкѣ начинались толки объ оперѣ, о балахъ, собраніяхъ и тому подобныхъ удовольствіяхъ, доступныхъ богатымъ людямъ. Это дѣлалось неумышленно, не вслѣдствіе желанія показать, что онъ не интересуется пустыми свѣтскими удовольствіями, но просто вслѣдствіе того, что эти удовольствія были незнакомы и чужды ему. Это не могло ускользнуть отъ зоркой Софьи Андреевны. Она не могла понять, какъ могутъ такіе молодые люди, какъ Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ, не интересоваться удовольствіями, и ей казалось, что ихъ молчаніе во время толковъ объ этихъ удовольствіяхъ искусственное, напускное. Однажды въ кружкѣ шелъ шумный разговоръ о старой оперѣ, которою наслаждались члены кружка еще въ дѣтствѣ, потомъ общество начало вспоминать о разныхъ балахъ и пирахъ, происходив-

не обращая вниманія на отношенія дочери и молодого Прохорова. Иногда она даже съ умиленіемъ говорила, что они «ровно братъ и сестра», что они, «какъ голубки, воркуютъ», что они, «какъ дѣти малыя, дружны». Дѣйствительно, дружба молодыхъ людей была искренняя и прочная. Не было ни одного плана, ни одной надежды, ни одного желанія, которые не обсуждались бы ими вмѣстѣ. Мелкія различія во взглядахъ на вещи, мало-по-малу, сглаживались; свѣдѣнія, недостающія одной единицѣ этой пары, пополнялись другою единицею; нерѣшенные однимъ умомъ вопросы рѣшались общими силами. Никакіе уроки не могли быть такъ полезны этимъ молодымъ людямъ, какъ и дружба, и они имѣли право сказать, что они узнали по опыту, что умъ—хорошо, а два—лучше того. Иногда Катерина Александровна шутя говорила Александру:

— Знаешь ли, мнѣ кажется, что мы теперь только знакомимся другъ съ другомъ. Прежде ты поклонялся мнѣ, я позволяла обожать себя, а теперь мы начнемъ всматриваться другъ въ друга.

— Смотри, не найди какихъ-нибудь недостатковъ во мнѣ и не отвернись,—шутилъ онъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ кажешься еще лучше, когда я подошла къ тебѣ поближе.

Порою онъ дѣлалъ серьезное лицо и говорилъ ей:

— Ну, не угодно ли приниматься за уроки, время уходитъ, а вамъ пора доучиться.

— Ты, пожалуйста, не важничай, я и безъ тебя могу учиться; не даромъ же я сама наставница дѣтей,—смѣялась она, принимаясь за книгу.

Бывали дни, когда молодые люди вмѣстѣ съ Антономъ, Леонидомъ и Лидіей дурачились, какъ дѣти, бѣгали по комнатамъ, играли въ жмурки. Эта смѣсь шутокъ и искренней веселости съ серьезнымъ трудомъ и нешуточными заботами имѣли много очаровательной прелести. Молодымъ здоровьемъ и бодростью вѣяло отъ этихъ свѣжихъ и веселыхъ лицъ. Они не дѣлались безнадежно унылыми и апатичными даже въ тѣ минуты, когда молодымъ людямъ вспоминалось грустная исторія убитаго брата Ивана, когда они толковали о медленно сходящемъ въ могилу отцѣ. Въ эти минуты выраженіе серьезности, легкій слѣдъ задумчивости дѣлалъ только еще прекраснѣе эти юношескія лица. Задумываясь о смерти, эти люди сознавали еще яснѣе, что нужно ловить минуты жизни, что нужно скорѣе и скорѣе стремиться къ дости-

женію своихъ цѣлей. И дѣйствительно, они быстро шли впередъ и не замѣчали, какъ летятъ дни.

— Что это васъ совсѣмъ не видать, — говорила Софья Андреевна, пожимая руку Александра Прохорова, который уже вошелъ въ ея кружокъ.

— Да развѣ мы такъ давно не видались?—изумлялся онъ.

— Вотъ вѣжливо! Вы должны были томиться въ разлукѣ со мною, а вы говорите, что вы не видали, какъ пролетѣло это время,—шутила она.

— Я постоянно справлялся о васъ въ разлукѣ, и это сокращало время,—смѣялся Александръ Прохоровъ.

Онъ очень скоро и очень близко сошелся съ кружкомъ Софьи Андреевны. Молодежь сразу полюбила его. Сначала онъ заинтересовалъ всѣхъ, какъ свидѣтель минувшей войны, принесшій съ собою множество разсказовъ; потомъ онъ сдѣлался душою кружка, какъ умный и серьезный собесѣдникъ, умѣвшій дать живое направленіе разговору. Онъ слѣдилъ за газетами и журналами, онъ интересовался каждою общественною новостью и потому постоянно направлялъ разговоры кружка къ болѣе серьезнымъ темамъ, чѣмъ толки о семейныхъ исторіяхъ и мелкихъ увеселеніяхъ. Его загорѣлое, значительно похудѣвшее лицо оживлялось во время толковъ и споровъ; его здоровый и звучный голосъ принималъ какой-то глубокій, грудной, металлическій, если можно такъ выразиться, тонъ и слышался среди десятка другихъ голосовъ. Слушая его, можно было сразу сказать, что это говоритъ здоровый и сильный человѣкъ съ широкою грудью. Катерина Александровна особенно любила его въ эти минуты оживленныхъ споровъ. Подобно ей, онъ умолкалъ, когда въ кружкѣ начинались толки объ оперѣ, о балахъ, собраніяхъ и тому подобныхъ удовольствіяхъ, доступныхъ богатымъ людямъ. Это дѣлалось неумышленно, не вслѣдствіе желанія показать, что онъ не интересуется пустыми свѣтскими удовольствіями, но просто вслѣдствіе того, что эти удовольствія были незнакомы и чужды ему. Это не могло ускользнуть отъ зоркой Софьи Андреевны. Она не могла понять, какъ могутъ такіе молодые люди, какъ Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ, не интересоваться удовольствіями, и ей казалось, что ихъ молчаніе во время толковъ объ этихъ удовольствіяхъ искусственное, напускное. Однажды въ кружкѣ шелъ шумный разговоръ о старой оперѣ, которою наслаждались члены кружка еще въ дѣтствѣ, потомъ общество начало вспоминать о разныхъ балахъ и пирахъ, происходив-

шихъ въ помѣстьяхъ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ, по обыкновенію, слушали молча эти оживленныя воспоминанія. Софья Андреевна не выдержала и замѣтила, обращаясь къ своимъ молчаливымъ слушателямъ:

— А знаете, меня удивляетъ, что у васъ совсѣмъ нѣтъ прошлаго.

— Какъ нѣтъ прошлаго? — разсмѣялась Катерина Александровна. — Неужели вы думаете, что мы сейчасъ только явились на свѣтъ?

— Не то,—отвѣтила Софья Андреевна.—Но вотъ мы всѣ цѣлый часъ толкуемъ о Віардо, о Маріо, о балахъ у бабушки, объ именинныхъ пирахъ у дѣдушки, а вы молчите, точно вся прошлая жизнь не существуетъ для васъ.

— Она и не существуетъ для насъ,—отвѣтила Катерина Александровна.— Всѣ эти Маріо и бабушкины именины не извѣстны намъ даже по слухамъ.

— Ну да, значитъ, я права, что у васъ нѣтъ того прошлаго, которое есть у общества.

— У общества? — вмѣшался въ разговоръ Александръ Прохоровъ и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ.—Вы ошибаетесь. У насъ есть именно то прошлое, которое есть у общества: мы пережили голодъ и холодъ, мы толкались по чердакамъ и подваламъ, мы работали изо всѣхъ силъ, чтобы выбиться изъ нужды, мы пережили все то, что пережило общество. А то прошлое, о которомъ говорите вы—эти Віардо, эти Маріо, эти Марлинскіе, эти петергофскія гулянья и бабушкины именинные пиры,—дѣйствительно чуждо намъ. Иногда мы даже не знаемъ тѣхъ именъ, которыя будятъ сладкія воспоминанія въ васъ. Но развѣ это прошлое принадлежитъ русскому обществу? Развѣ оно не принадлежитъ просто маленькой кучкѣ людей, наслаждавшейся разными пирами при помощи наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго богатства?

— Не отзывайтесь съ такимъ пренебреженіемъ объ этой кучкѣ людей, она все-таки гораздо важнѣе массы. Дѣло не въ количествѣ людей, а въ силѣ ихъ развитія. Ведутъ общество не массы дикарей, а развитыя единицы,—загорячилась Софья Андреевна.

— Я и не отзываюсь съ пренебреженіемъ о развитыхъ единицахъ, я только говорю, что то прошлое, о которомъ вы говорите, не есть прошлое русскаго общества,—серьезно отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Это часть прошлаго бо-

гатаго меньшинства,—но, замѣтьте, только часть, самая ничтожная, самая жалкая часть. Если это меньшинство можетъ хранить и лелѣять память о своемъ прошломъ, то ужъ никакъ не объ этомъ безумномъ прошломъ. Пусть гордится оно тѣмъ, что и оно работало вмѣстѣ съ народомъ, что и оно несло разныя тяготы вмѣстѣ съ народомъ, но пусть оно изгладитъ навсегда изъ своей памяти, какъ позорное пятно, воспоминаніе о томъ, что оно порой скакало по баламъ, объѣдалось на бабушкиныхъ пирахъ, разорялось въ балетѣ и итальянской оперѣ, зачитывалось Марлинскими и Жуковскими, когда другіе люди не находили куска хлѣба за свой неустанный трудъ. Это именно та часть вашего прошлаго, которой нужно стыдится и у которой, къ счастью, нѣтъ будущаго.

— Какъ? Не думаете ли вы, что наслажденія развитого меньшинства должны погибнуть, что искусство должно пасть?—съ изумленіемъ воскликнула Софья Андреевна.

— Думаю,—спокойно отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.— Я думаю, что безсмысленные пиры сдѣлаются со временемъ принадлежностью самой плохой части развитого меньшинства, что будутъ кутить только выскочки, награбившіе капиталъ и одурѣвшіе отъ богатства, что человѣчество перестанетъ безсмысленно сжигать тысячи на фейерверки, когда около него будутъ голодные, что искусство съ одной стороны перейдетъ окончательно въ омерзительный развратъ въ родѣ такого балета, гдѣ будутъ привлекать уже не коротенькія юбочки, а просто совсѣмъ обнаженныя женщины, а съ другой стороны, оно превратится въ помощника науки, будетъ однимъ изъ средствъ для развитія и образованія массъ.

— Богъ мой, я и не знала, что вы такой противникъ искусства и наслажденій!—воскликнула Софья Андреевна.— Это немножко фатовство!

— Напротивъ того, я благоговѣю передъ искусствомъ больше васъ и люблю наслажденія уже просто потому, что иногда слишкомъ много работаю. Только вамъ кажется, что искусство должно быть безцѣльной потѣхой, должно работать для украшенія будуаровъ хорошенькими картинками и статуэтками, а мнѣ кажется, что оно должно служить на пользу человѣчества и быть такою же святыней, какъ наука,—святыней, которую нельзя бы было смѣшать съ площаднымъ паясничествомъ или такою язвою-разорительницею, какъ пьянство... Я думаю, что искусство будетъ имѣть серьезное значеніе только тогда, когда оно будетъ приносить пользу

шихъ въ помѣстьяхъ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ, по обыкновенію, слушали молча эти оживленныя воспоминанія. Софья Андреевна не выдержала и замѣтила, обращаясь къ своимъ молчаливымъ слушателямъ:

— А знаете, меня удивляетъ, что у васъ совсѣмъ нѣтъ прошлаго.

— Какъ нѣтъ прошлаго? — разсмѣялась Катерина Александровна.— Неужели вы думаете, что мы сейчасъ только явились на свѣтъ?

— Не то,—отвѣтила Софья Андреевна.—Но вотъ мы всѣ цѣлый часъ толкуемъ о Віардо, о Маріо, о балахъ у бабушки, объ именинныхъ пирахъ у дѣдушки, а вы молчите, точно вся прошлая жизнь не существуетъ для васъ.

— Она и не существуетъ для насъ,—отвѣтила Катерина Александровна.—Всѣ эти Маріо и бабушкины именины не извѣстны намъ даже по слухамъ.

— Ну да, значитъ, я права, что у васъ нѣтъ того прошлаго, которое есть у общества.

— У общества? — вмѣшался въ разговоръ Александръ Прохоровъ и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ.—Вы ошибаетесь. У насъ есть именно то прошлое, которое есть у общества: мы пережили голодъ и холодъ, мы толкались по чердакамъ и подваламъ, мы работали изо всѣхъ силъ, чтобы выбиться изъ нужды, мы пережили все то, что пережило общество. А то прошлое, о которомъ говорите вы—эти Віардо, эти Маріо, эти Мариинскіе, эти петергофскія гулянья и бабушкины именинные пиры,—дѣйствительно чуждо намъ. Иногда мы даже не знаемъ тѣхъ именъ, которыя будятъ сладкія воспоминанія въ васъ. Но развѣ это прошлое принадлежитъ русскому обществу? Развѣ оно не принадлежитъ просто маленькой кучкѣ людей, наслаждавшейся разными пирами при помощи наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго богатства?

— Не отзывайтесь съ такимъ пренебреженіемъ объ этой кучкѣ людей, она все-таки гораздо важнѣе массы. Дѣло не въ количествѣ людей, а въ силѣ ихъ развитія. Ведутъ общество не массы дикарей, а развитыя единицы,—загорячилась Софья Андреевна.

— Я и не отзываюсь съ пренебреженіемъ о развитыхъ единицахъ, я только говорю, что то прошлое, о которомъ вы говорите, не есть прошлое русскаго общества,—серьезно отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Это часть прошлаго бо-

гатаго меньшинства,—но, замѣтьте, только часть, самая ничтожная, самая жалкая часть. Если это меньшинство можетъ хранить и лелѣять память о своемъ прошломъ, то ужъ никакъ не объ этомъ безумномъ прошломъ. Пусть гордится оно тѣмъ, что и оно работало вмѣстѣ съ народомъ, что и оно несло разныя тяготы вмѣстѣ съ народомъ, но пусть оно изгладитъ навсегда изъ своей памяти, какъ позорное пятно, воспоминаніе о томъ, что оно порой скакало по баламъ, объѣдалось на бабушкиныхъ пирахъ, разорялось въ балетѣ и итальянской оперѣ, зачитывалось Марлинскими и Жуковскими, когда другіе люди не находили куска хлѣба за свой неустанный трудъ. Это именно та часть вашего прошлаго, которой нужно стыдится и у которой, къ счастью, нѣтъ будущаго.

— Какъ? Не думаете ли вы, что наслажденія развитого меньшинства должны погибнуть, что искусство должно пасть?—съ изумленіемъ воскликнула Софья Андреевна.

— Думаю,—спокойно отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.— Я думаю, что безсмысленные пиры сдѣлаются со временемъ принадлежностью самой плохой части развитого меньшинства, что будутъ кутить только выскочки, награбившіе капиталъ и одурѣвшіе отъ богатства, что человѣчество перестанетъ безсмысленно сжигать тысячи на фейерверки, когда около него будутъ голодные, что искусство съ одной стороны перейдетъ окончательно въ омерзительный развратъ въ родѣ такого балета, гдѣ будутъ привлекать уже не коротенькія юбочки, а просто совсѣмъ обнаженныя женщины, а съ другой стороны, оно превратится въ помощника науки, будетъ однимъ изъ средствъ для развитія и образованія массъ.

— Богъ мой, я и не знала, что вы такой противникъ искусства и наслажденій!—воскликнула Софья Андреевна.— Это немножко фатовство!

— Напротивъ того, я благоговѣю передъ искусствомъ больше васъ и люблю наслажденія уже просто потому, что иногда слишкомъ много работаю. Только вамъ кажется, что искусство должно быть безцѣльной потѣхой, должно работать для украшенія будуаровъ хорошенькими картинками и статуэтками, а мнѣ кажется, что оно должно служить на пользу человѣчества и быть такою же святыней, какъ наука,— святыней, которую нельзя бы было смѣшать съ площаднымъ паясничествомъ или такою язвою-разорительницею, какъ пьянство... Я думаю, что искусство будетъ имѣть серьезное значеніе только тогда, когда оно будетъ приносить пользу

человѣчеству и не будетъ разорять человѣчества. Если же оно будетъ только предметомъ роскоши и прихоти, если на него будутъ затрачиваться сотни тысячъ въ то время, когда тысячи людей сидятъ безъ хлѣба, то не надо его! Въ этомъ случаѣ противъ него надо воевать, какъ противъ всякой роскоши, какъ противъ пьянства. То же самое я скажу объ удовольствіяхъ: они необходимы для трудящагося человѣка, но покуда удовольствія будутъ являться въ видѣ тысячныхъ фейерверковъ, въ видѣ ослѣпительныхъ выставокъ безумно роскошныхъ нарядовъ на балахъ, въ видѣ развращающихъ и дорогихъ балетовъ,—я буду возставать противъ нихъ.

Александръ Прохоровъ на минуту замолчалъ и, кажется, ждалъ возраженій, но ихъ никто не дѣлалъ.

— Вы, кажется, соглашаетесь со мной?—спросилъ онъ задумавшуюся Софью Андреевну.

— Я? Нѣтъ!—быстро отвѣтила она, встряхнувъ головой.— Вамъ легко все это говорить, потому что у васъ не было этого прошлаго, а мнѣ и всѣмъ другимъ, у кого оно было, не легко разстаться съ нимъ.

— А все-таки разстанутся,—отвѣтилъ Александръ Прохоровъ. Обстоятельства заставятъ разстаться. Безполезное искусство и дорогія наслажденія поддерживаются только рабствомъ, крѣпостничествомъ, крайнимъ перевѣсомъ богатства однихъ надъ богатствомъ другихъ.

— Ну, это еще не скоро кончится!

— Очень жаль, но все же можно твердо вѣрить, что это кончится когда-нибудь. Въ противномъ случаѣ не стоило бы честно жить, честно работать.

Въ комнатѣ на нѣсколько минутъ настало молчаніе. Вдругъ Софья Андреевна подняла голову и обратилась къ Александру Прохорову.

— А знаете ли, какія мысли бродили въ моей головѣ теперь?—проговорила она.

— Вамъ хотѣлось бы теперь потанцовать на какомъ-нибудь шумномъ балу?—улыбнулся Александръ Прохоровъ.

— Ну, вотъ выдумали!—засмѣялась она.—Будто ужъ я только о балахъ и думаю!.. Нѣтъ! Мнѣ пришла въ голову странная мысль: мнѣ показалось, что если бы въ нашихъ рукахъ была власть, если бы мы были общественными дѣятелями, то вы и Катерина Александровна, прежде всего, истребили бы все то, чѣмъ жили, чѣмъ дорожимъ мы. Вы разбили бы нашихъ кумировъ, вы сорвали бы наши дорогія украшенія, вы обратили бы наши залы въ рабочія комнаты.

въ лазареты, въ пріюты, въ школы и засадили бы насъ за ткацкіе станки. Мою бабушку сдѣлали бы надзирательницей въ мастерской, а меня ткачихой...

— О, да у васъ очень живая фантазія!—засмѣялся Александръ Прохоровъ.

— Вы похожи на пришельцевъ въ цвѣтущій уголокъ земли изъ другого конца свѣта,—продолжала Софья Андревна: — пришельцевъ, которые не знаютъ ни радостей, ни священныхъ преданій, ни теплыхъ воспоминаній этой страны и которые не трогаютъ въ ней ничего, безпечно бесѣдуютъ съ ея обитателями только потому, что у нихъ еще нѣтъ силы, что ихъ еще мало. Но какъ только явится у нихъ сила, какъ только увеличится ихъ число—они бросятся на все и сотрутъ съ лица земли все, что было дорого кореннымъ обитателямъ страны...

— Картина красивая,—усмѣхнулся Александръ Прохоровъ:—только, къ сожалѣнію, невѣрная. Мы, дѣйствительно, должны казаться вамъ какими-то выходцами изъ другого міра. Но это только потому такъ кажется вамъ, что вы за шумомъ баловъ, за рукоплесканіями театровъ, за цвѣтами своихъ наслѣдственныхъ гостиныхъ не замѣчали, что мы живемъ рядомъ съ вами, что мы, пожалуй, даже прежде васъ поселились въ этой же странѣ, бросивъ въ нее первое хлѣбное зерно. Мы только жили различною жизнью, не похожею на вашу жизнь. Теперь мы, среди чернаго труда, успѣли кое-какъ образовать себя, поднялись до васъ и столкнулись вмѣстѣ; мы отрицаемъ часть того, чѣмъ дорожите вы, и вамъ кажется, что мы ваши враги, что мы хотимъ разрушить все дорогое вамъ. Вы ошибаетесь: мы просто хотимъ указать вамъ, что въ вашемъ прошломъ есть много дурныхъ привычекъ, опасныхъ стремленій, которыми вы дорожите, какъ дѣти иногда дорожатъ какимъ-нибудь красивымъ, но ядовитымъ цвѣткомъ; мы предлагаемъ вамъ бросить этотъ цвѣтокъ и въ то же время указываемъ вамъ, что и въ вашемъ прошломъ есть прекрасныя стороны жизни, общія съ нашею жизнью, и что именно этимъ сторонамъ принадлежитъ будущее.

— Однако, вы порядочный идеалистъ,—шутливо замѣтилъ кто-то изъ мужчинъ.—Вы все заботитесь о будущемъ, о потомствѣ...

— Ну, въ идеализмѣ-то я не грѣшенъ,—отвѣтилъ Александръ Прохоровъ, взглянувъ на вмѣшавшагося въ разговоръ господина.—Развѣ это идеализмъ, если я считаю не-

лѣпымъ заниматься раздуваніемъ мыльнаго пузыря, который при всѣхъ моихъ усиліяхъ лопнетъ, и считаю разумнымъ уходъ за растеніемъ, которое, въ концѣ концовъ, дастъ хорошіе плоды?

— Которыхъ вы не будете кушать?—вставилъ собесѣдникъ.

— Ну, этого я не знаю. Даромъ пророчества не обладаю. Я знаю только одно, что мыльный пузырь не дастъ ни при какихъ условіяхъ никакихъ плодовъ и лопнетъ непремѣнно, а относительно растенія я знаю, что оно дастъ плоды; кто ихъ будетъ ѣсть, это, конечно, неизвѣстно: оно можетъ вырасти быстро, я могу прожить долго и дожить до появленія плодовъ. Можетъ случиться и иначе, но живой живое и думаетъ. Если бы я зналъ, что я умру завтра, то я, конечно, не сталъ бы заниматься никакими сажаніями цвѣтовъ, а пошелъ бы исповѣдоваться и пріобщаться св. таинъ, написалъ бы духовное завѣщаніе и заказалъ бы себѣ саванъ и гробъ...

— Примѣрный христіанинъ!—засмѣялась Аделаида Николаевна.

— Нѣтъ, я еще не отстану отъ васъ,—промолвила Софья Андреевна.—Покуда вы еще не умерли, скажите, что бы вы сдѣлали, если бы нашли въ рукахъ ребенка ядовитый цвѣтокъ, и если бы ребенокъ не отдалъ вамъ его добровольно?

— Я отнялъ бы этотъ цвѣтокъ силою,—отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Ну, это я такъ и знала!.. А теперь не худо бы насладиться чуждыми вамъ наслажденіями *нашихъ* предковъ,—промолвила Софья Андреевна и обратилась къ Аделандѣ Николаевнѣ:—спой, Адель, что-нибудь.

Аделанда Николаевна встала и направилась къ роялю.

— Это будетъ наказаніе вамъ,—сказала Софья Андреевна.

— Я очень люблю музыку и пѣніе,—отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Любите?—изумилась Софья Андреевна.

— Очень, и жалѣю только объ одномъ, что хорошая музыка и хорошее пѣніе слишкомъ дорого стоятъ массамъ, хотя онѣ и не наслаждаются ни хорошею музыкой, ни хорошимъ пѣніемъ.

Аделаида Николаевна запѣла какой-то романсъ. Всѣ замолчали. Потомъ пѣвицу смѣнилъ кто-то изъ мужчинъ. Софья Андреевна сама сѣла за фортепіано и заиграла увертюру изъ «Вильгельма Телля».

— Это для васъ,—весело крикнула она черезъ залу Александру Прохорову.

Едва замолчали звуки россиніевской музыки, какъ въ гостиной загремѣлъ какой-то бравурный, увлекательный вальсъ.

— Танцуйте же, дѣти!—крикнула Софья Андреевна.

По гостиной понеслись двѣ пары, и гдѣ-то опрокинулся стулъ, задѣтый развѣвающимся платьемъ одной изъ танцующихъ.

— А вы что же не танцуете?—звонко спросила Софья Андреевна у Александра Прохорова.

— Хотите узнать мои способности по этой части?—засмѣялся онъ.—Извольте.

Онъ сдѣлалъ два тура вальса.

— А вы, милочка?—обратилась Софья Андреевна къ Катеринѣ Александровнѣ.

— А меня даже и танцовать не учили,—отвѣтила Катерина Александровна.—Я буду воевать даже и противъ танцевъ, а то, пожалуй, кто-нибудъ похититъ Александра на моей собственной свадьбѣ.

Общество оживилось и отдалось совершенно безпечному молодому веселью. Софья Андреевна, за недостаткомъ танцующихъ дамъ, позвала танцовать трехъ старшихъ изъ оставшихся въ пріютѣ на лѣто воспитанницъ, а остальнымъ позволила смотрѣть на танцы.

— Ну-съ, не привлекательны наслажденія нашего прошлаго?—спросила хозяйка на прощаньи у Александра Прохорова.—Не въ правѣ мы стоять за нихъ?

— Да развѣ наши предки такъ веселились?—засмѣялся Александръ Прохоровъ.—Это слишкомъ дешевый пиръ. Такими пирами наслаждается и масса.

Подобные споры и неожиданныя пирушки стали повторяться въ лѣтнее время все чаще и чаще въ квартирѣ Софьи Андреевны, и молодежь незамѣтно сближалась между собою. У Александра Прохорова тоже началъ расширяться кругъ знакомыхъ офицеровъ и студентовъ.

Поселившись въ Петербургѣ, Александръ Прохоровъ ясно видѣлъ, что ему недостанетъ одного жалованья для содержанія отца и для поддержки Прилежаевыхъ. Для увеличенія своихъ матеріальныхъ средствъ онъ рѣшился заняться приготовленіемъ дѣтей къ поступленію въ военно-учебныя заведенія. Осенью онъ публиковалъ въ газетахъ, что онъ берется обучать дѣтей, желающихъ поступить въ корпуса, и

человѣчеству и не будетъ разорять человѣчества. Если же оно будетъ только предметомъ роскоши и прихоти, если на него будутъ затрачиваться сотни тысячъ въ то время, когда тысячи людей сидятъ безъ хлѣба, то не надо его! Въ этомъ случаѣ противъ него надо воевать, какъ противъ всякой роскоши, какъ противъ пьянства. То же самое я скажу объ удовольствіяхъ: они необходимы для трудящагося человѣка, но покуда удовольствія будутъ являться въ видѣ тысячныхъ фейерверковъ, въ видѣ ослѣпительныхъ выставокъ безумно роскошныхъ нарядовъ на балахъ, въ видѣ развращающихъ и дорогихъ балетовъ,—я буду возставать противъ нихъ.

Александръ Прохоровъ на минуту замолчалъ и, кажется, ждалъ возраженій, но ихъ никто не дѣлалъ.

— Вы, кажется, соглашаетесь со мной?—спросилъ онъ задумавшуюся Софью Андреевну.

— Я? Нѣтъ!—быстро отвѣтила она, встряхнувъ головой.— Вамъ легко все это говорить, потому что у васъ не было этого прошлаго, а мнѣ и всѣмъ другимъ, у кого оно было, не легко разстаться съ нимъ.

— А все-таки разстанутся,—отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.— Обстоятельства заставятъ разстаться. Безполезное искусство и дорогія наслажденія поддерживаются только рабствомъ, крѣпостничествомъ, крайнимъ перевѣсомъ богатства однихъ надъ богатствомъ другихъ.

— Ну, это еще не скоро кончится!

— Очень жаль, но все же можно твердо вѣрить, что это кончится когда-нибудь. Въ противномъ случаѣ не стоило бы честно жить, честно работать.

Въ комнатѣ на нѣсколько минутъ настало молчаніе. Вдругъ Софья Андреевна подняла голову и обратилась къ Александру Прохорову.

— А знаете ли, какія мысли бродили въ моей головѣ теперь?—проговорила она.

— Вамъ хотѣлось бы теперь потанцовать на какомъ-нибудь шумномъ балу?—улыбнулся Александръ Прохоровъ.

— Ну, вотъ выдумали!—засмѣялась она.—Будто ужъ я только о балахъ и думаю!.. Нѣтъ! Мнѣ пришла въ голову странная мысль: мнѣ показалось, что если бы въ нашихъ рукахъ была власть, если бы мы были общественными дѣятелями, то вы и Катерина Александровна, прежде всего, истребили бы все то, чѣмъ жили, чѣмъ дорожимъ мы. Вы разбили бы нашихъ кумировъ, вы сорвали бы наши дорогія украшенія, вы обратили бы наши залы въ рабочія комнаты.

въ лазареты, въ пріюты, въ школы и засадили бы насъ за ткацкіе станки. Мою бабушку сдѣлали бы надзирательницей въ мастерской, а меня ткачихой...

— О, да у васъ очень живая фантазія!—засмѣялся Александръ Прохоровъ.

— Вы похожи на пришельцевъ въ цвѣтущій уголокъ земли изъ другого конца свѣта,—продолжала Софья Андревна: — пришельцевъ, которые не знаютъ ни радостей, ни священныхъ преданій, ни теплыхъ воспоминаній этой страны и которые не трогаютъ въ ней ничего, безпечно бесѣдуютъ съ ея обитателями только потому, что у нихъ еще нѣтъ силы, что ихъ еще мало. Но какъ только явится у нихъ сила, какъ только увеличится ихъ число—они бросятся на все и сотрутъ съ лица земли все, что было дорого кореннымъ обитателямъ страны...

— Картина красивая,—усмѣхнулся Александръ Прохоровъ:—только, къ сожалѣнію, невѣрная. Мы, дѣйствительно, должны казаться вамъ какими-то выходцами изъ другого міра. Но это только потому такъ кажется вамъ, что вы за шумомъ баловъ, за рукоплесканіями театровъ, за цвѣтами своихъ наслѣдственныхъ гостиныхъ не замѣчали, что мы живемъ рядомъ съ вами, что мы, пожалуй, даже прежде васъ поселились въ этой же странѣ, бросивъ въ нее первое хлѣбное зерно. Мы только жили различною жизнью, не похожею на вашу жизнь. Теперь мы, среди чернаго труда, успѣли кое-какъ образовать себя, поднялись до васъ и столкнулись вмѣстѣ; мы отрицаемъ часть того, чѣмъ дорожите вы, и вамъ кажется, что мы ваши враги, что мы хотимъ разрушить все дорогое вамъ. Вы ошибаетесь: мы просто хотимъ указать вамъ, что въ вашемъ прошломъ есть много дурныхъ привычекъ, опасныхъ стремленій, которыми вы дорожите, какъ дѣти иногда дорожатъ какимъ-нибудь красивымъ, но ядовитымъ цвѣткомъ; мы предлагаемъ вамъ бросить этотъ цвѣтокъ и въ то же время указываемъ вамъ, что и въ вашемъ прошломъ есть прекрасныя стороны жизни, общія съ нашею жизнью, и что именно этимъ сторонамъ принадлежитъ будущее.

— Однако, вы порядочный идеалистъ,—шутливо замѣтилъ кто-то изъ мужчинъ.—Вы все заботитесь о будущемъ, о потомствѣ...

— Ну, въ идеализмѣ-то я не грѣшенъ,—отвѣтилъ Александръ Прохоровъ, взглянувъ на вмѣшавшагося въ разговоръ господина.—Развѣ это идеализмъ, если я считаю не-

при помощи Левашова получилъ мѣсто учителя математики въ одномъ изъ приготовительныхъ пансіоновъ. Кромѣ того, онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ спеціальныхъ замѣтокъ въ «Военный Сборникъ» и сразу обзавелся довольно широкимъ кружкомъ знакомыхъ, большею частью изъ артиллеристовъ, прежнихъ его товарищей или знакомыхъ Левашова. Рядомъ съ этими стремленіями увеличить свои доходы, у Прохорова шли заботы о расширеніи своихъ познаній. Всматриваясь въ его будничную жизнь, можно было удивиться его практическому смыслу и его энергичной дѣятельности. Съ семи часовъ утра до семи, до восьми часовъ вечера этотъ человѣкъ то работалъ лично для своего образованія, то исполнялъ принятыя на себя обязанности для добыванія хлѣба. И послѣ рабочаго дня онъ снова готовъ былъ работать или являлся въ кругу своихъ разнообразныхъ знакомыхъ говорливымъ и оживленнымъ собесѣдникомъ. Казалось, эта натура не знаетъ усталости, не знаетъ покоя. Можно бы было бояться за его здоровье, если бы его лицо не выглядѣло такъ бодро, такъ свѣжо, и если бы онъ самъ не говорилъ, что онъ никогда не чувствуетъ усталости. Всматриваясь поближе въ образъ его жизни, можно было замѣтить, что его бодрость и выносливость не были слѣдствіемъ одной молодости и здоровой натуры. Нѣтъ, онъ самъ говорилъ, что нужны только умѣнье и средства, и человѣкъ можетъ поддержать себя и увеличить свои силы. Это умѣнье поддержать себя было у Прохорова. Онъ постоянно смѣнялъ свои занятія: послѣ долгаго сидѣнья ходилъ пѣшкомъ на уроки; обѣдалъ въ опредѣленное время; вставалъ рано, ложился не очень поздно; по непривычкѣ къ кутежамъ велъ довольно трезвую жизнь и самъ со смѣхомъ говорилъ, что «онъ спитъ въ сущности за троихъ, такъ какъ онъ спитъ мертвымъ сномъ, тогда какъ другіе только дремлютъ». Онъ иногда замѣчалъ, что «корпусъ имѣлъ то благодѣтельное значеніе для него, что пріучилъ его дѣлать все въ опредѣленное время и не валяться на постели». Военное время, по его мнѣнію, также имѣло для него отчасти хорошее значеніе, пріучивъ его къ выносливости и хотя нѣсколько познакомивъ съ образомъ жизни европейцевъ. «Они дѣйствительно живутъ всѣмъ организмомъ и являются членами своей родины,—говаривалъ онъ.—Мы же или ходимъ въ дремотѣ или лежимъ на постели тоже въ дремотѣ и иногда не только не интересуемся, что дѣлается въ глубинѣ Россіи, но не знаемъ, что происходитъ въ нашемъ родномъ городѣ».

Если бы можно было судить о человѣкѣ по одной сторонѣ его жизни, то, можно бы подумать, что изъ Прохорова выработается аккуратный и расчетливый нѣмецъ или стремящійся превратиться въ машину англичанинъ. Но рядомъ съ этою аккуратностью и расчетливостью появлялись и другія черты, быть-можетъ, менѣе полезныя въ грубомъ, чисто-матеріальномъ значеніи для самого Прохорова, но зато болѣе привлекательныя для близкихъ къ нему лицъ,—черты, чисто русскія, дышащія первобытною наивностью и добродушіемъ, за которыя мы такъ часто привязываемся всею душой къ человѣку даже въ томъ случаѣ, когда видимъ въ немъ множество ошибокъ: Прохоровъ былъ добрякомъ, подобно своему отцу, и отличнымъ товарищемъ. У него всегда могъ переночевать безпріютный; его кошелекъ была открытъ для тѣхъ, у кого не было денегъ; онъ готовъ былъ бѣжать ночью въ аптеку или за докторомъ для больного; онъ въ пріятельскомъ кружкѣ забывалъ за спорами и живыми бесѣдами свои урочные часы сна и обѣда и съ наслажденіемъ выпивалъ стаканъ, другой вина. Желѣзная кровать съ бѣлымъ одѣяломъ; турецкій диванъ, обитый клеенкой; ломберный столъ, игравшій роль письменнаго стола и заваленный книгами, бумагами и папиросами; нѣсколько легкихъ стульевъ; шкапъ съ небогатымъ гардеробомъ,—вотъ почти все, что имѣлъ Прохоровъ, хотя въ его старомъ замшевомъ кошелькѣ иногда водились не малыя деньги. Онъ почти постоянно ходилъ въ потертомъ пальто, которое носилось весной, зимой и осенью; онъ мало обращалъ вниманія на тонкость сукна на своихъ сюртукахъ, и если чѣмъ-нибудь могъ щегольнуть, такъ развѣ только тонкостью и чистотою бѣлья. Этого аккуратнаго, расчетливаго и не имѣвшаго никакихъ претензій человѣка нерѣдко обирали и надували пріятели; иногда это вызывало довольно комичныя сцены, но онъ очень добродушно выносилъ пріятельскія продѣлки и говорилъ, что «нужно же платить за уроки».

— Нужно узнать какъ можно больше людей, чтобы выбрать себѣ дѣйствительно хорошихъ друзей.

— Да зачѣмъ же, голубчикъ вы мой, всякую-то дрянь—прости Господи!—къ себѣ въ домъ впускать,—говорила ему Марья Дмитріевна.

— Да какъ же узнать-то: дрянь это или нѣтъ, если не впустишь ее къ себѣ въ домъ?

— Да вѣдь этакъ васъ и оберутъ совсѣмъ...

— Ну, тогда и узнаю, что они дрянь. Попробуйте-ка

замки вездѣ навѣшать, да стражу приставить, такъ, пожалуй, вы и весь вѣкъ не узнаете, есть ли на свѣтѣ воры...

— А! пусто бы имъ было!.. Дай Богъ, и весь вѣкъ про нихъ не знать,—открещивалась Марья Дмитріевна.

— Ну, а вотъ меня интересуетъ, какіе такіе бываютъ воры,—смѣялся Александръ Прохоровъ.

— А вотъ погодите, какъ оберутъ васъ до-гола, тогда и узнаете. По-міру пустятъ!

— Не пустятъ, Марья Дмитріевна. У меня вѣдь свои крестьяне есть: сегодня меня обокрадутъ, завтра они оброкъ принесутъ,—добродушно шутилъ Александръ Прохоровъ, показывая на своихъ крестьянъ—на свои руки и голову.

Марья Дмитріевна только головой покачивала.

— Самъ не кутитъ, въ карты не играетъ, такъ другіе шаромыжники изъ него деньги вытягиваютъ,—жаловалась она на Прохорова Катеринѣ Александровнѣ.

— Ну, мама, всего онъ не отдастъ, а если что пропадетъ, такъ стоитъ ли объ этомъ говорить,—вѣдь ему не для дѣтей копить.

— Какъ не для дѣтей? Ты думаешь, что такъ вы и весь вѣкъ проживете? Выйдешь, голубка, замужъ,—будутъ и дѣти.

— Ну, когда еще будутъ, а теперь будемъ жить, какъ хочется...

Съ каждымъ днемъ Катерина Александровна все болѣе и болѣе сближалась съ Александромъ Прохоровымъ и все сильнѣе и сильнѣе любила его. Мирныя бесѣды молодыхъ людей въ обществѣ Антона и Леонида; веселыя вечеринки въ кружкѣ Софьи Андреевны; уроки въ пріютѣ и подготовка къ слушанію лекцій акушерства; посѣщеніе дяди и заботы о его судьбѣ; хлопоты съ Софьей Андреевной объ улучшеніи положенія пріюта, все это отходило на задній планъ, все это на время забывалось въ тѣ минуты, когда молодые люди оставались одни.

— Иногда мнѣ дѣлается досадно и больно, что до нашей свадьбы еще нужно такъ долго ждать,—говорилъ Александръ Прохоровъ.

Катерина Александровна молча и задумчиво склонялась ему на плечо.

— Ты знаешь, что теперь мнѣ еще нельзя оставить пріютъ,—тихо говорила она.—Тамъ еще не все устроено по-моему, и сама я еще не вполнѣ приготовилась къ новому труду...

— Знаю, знаю... причинъ-то много, но вѣдь это тяжело...

Александръ тихо цѣловалъ ея руки. Катерина Александровна молча любовалась его молодымъ, энергичнымъ и страстнымъ лицомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ она начала замѣчать, что на это лицо набѣгаютъ какія-то тучки, что Александръ Прохоровъ какъ будто избѣгаетъ оставаться съ нею наединѣ. Порою, оставшись съ нею вдвоемъ, онъ спѣшитъ приняться за чтеніе какой-нибудь книги... Въ его ласкахъ явилось что-то порывистое... Катерина Александровна стала серьезно задумываться о своемъ положеніи и о положеніи своего друга. Ей и самой становилось тяжело. Иногда она долго ходила по комнатѣ, не принимаясь ни за что; иногда она не слышала, что ей говорятъ. Выраженіе ея лица было то разсѣяннымъ, то какимъ-то сосредоточеннымъ. Она замѣтно поблѣднѣла, хотя порой ея щеки вспыхивали яркимъ румянцемъ. Видно было, что въ ея душѣ происходитъ какая-то новая тяжелая борьба. Черезъ нѣсколько времени она сама какъ будто стала сторониться отъ Александра Прохорова. Это въ свою очередь не ускользнуло отъ его вниманія.

— Я, кажется, слишкомъ поторопился пріѣхать,—замѣтилъ онъ однажды какимъ-то нервнымъ раздражительнымъ тономъ.

— Ты раскаиваешься? — спросила Катерина Александровна, прямо взглянувъ ему въ глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ! — быстро произнесъ онъ и горячо прижался губами къ ея рукѣ.

А потомъ опять на его лицо набѣжали тучки...

Однажды въ обществѣ Софьи Андреевны, среди множества другихъ споровъ, зашелъ споръ о любви.

— Не понимаю я этихъ платоническихъ вздыхателей и вздыхательницъ, которые описываются въ романахъ,—горячо замѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Это или идіоты, или лжецы, или просто куклы, созданныя разстроеннымъ воображеніемъ.

Софья Андреевна мелькомъ вопросительно взглянула на Александра Прохорова и на Катерину Александровну. Этотъ взглядъ не ускользнулъ отъ Катерины Александровны, и она покраснѣла. Александръ Прохоровъ ничего не замѣтилъ въ пылу спора.

— Впрочемъ, въ жизни, къ счастію, платоническая любовь оканчивается законнымъ бракомъ или приводитъ вздыхателей къ тому сознанію, что они никогда не любили другъ друга. Люди по большей части все-таки обладаютъ настолько здравымъ смысломъ, что не могутъ довольствоваться вздохами.

— Можетъ-быть, нынче,—возразилъ кто-то:—но вѣдь были вѣка романтизма, когда иной рыцарь былъ счастливъ однимъ благосклоннымъ взглядомъ обожаемой женщины.

— Во-первыхъ, тутъ многое присочинено пылкими воссоздателями среднихъ вѣковъ, а во-вторыхъ, господа рыцари были настолько развращенный, пресытившійся въ развратѣ со своими крѣпостными народъ, что у нихъ могла явиться потребность платонической любви и обожанія. Ненормальныя отношенія къ однѣмъ женщинамъ вызвали такія же ненормальныя отношенія къ другимъ женщинамъ. Съ одной стороны былъ развратъ, съ другой игра въ сентиментальные вздохи.

Катеринѣ Александровнѣ было тяжело. Она видѣла по волненію Александра Прохорова, что онъ говорилъ о чемъ-то близкомъ для него. Ей было неловко выносить испытующіе взгляды Софьи Андреевны, и она поспѣшила тихо шепнуть Софьѣ Андреевнѣ:

— Я согласна съ Александромъ, я не могу себѣ представить, чтобы можно было любить и вѣчно жить, напримѣръ, такъ, какъ мы. Конечно, мы разошлись бы, если бы мы не знали, что черезъ годъ намъ можно будетъ отпировать свадьбу.

Она говорила это тихо, въ волненіи и въ душѣ сознавала, что и ей, и Александру покажется очень долгимъ этотъ годъ.

Наступила весна. У Катерины Александровны прошли экзамены въ пріютѣ, и настало свободное время. Она бывала чаще дома, чаще видѣлась съ Александромъ Прохоровымъ, у котораго также кончилась большая часть уроковъ. Иногда молодые люди, въ сопровожденіи Лидіи, Леонида и Антона, предпринимали дальнія прогулки, иногда они просиживали вечера гдѣ-нибудь за городомъ въ саду. Почти всегда Лидія, Леонидъ и Антонъ являлись ихъ неизмѣнными собесѣдниками.

— У насъ нынче свои адъютанты завелись, — замѣтилъ какъ-то Прохоровъ насмѣшливымъ тономъ.

Катерина Александровна промолчала.

— А ты, Катя, не думаешь и теперь проститься съ пріютомъ?

— Нѣтъ, ты знаешь, что многое еще требуетъ измѣненія,—отвѣтила она.—Софья Андреевна отличная женщина, но мотылекъ... Она способна перестраивать все, покуда ее подталкиваютъ, а перестанутъ подталкивать — она и помирится на своихъ вечеринкахъ...

— Да, это правда!—вздохнулъ Александръ Прохоровъ.

— Притомъ же окружающіе ее люди еще менѣе серьезны, чѣмъ она... Мнѣ нуженъ еще годъ...

Александръ Прохоровъ промолчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Но по его лицу было видно, что ему тяжело. Не легче было и молодой дѣвушѣ, знавшей, что съ ея свадьбой должна кончиться ея пріютская дѣятельность. Прошло еще нѣсколько дней. Онъ между разговоромъ сказалъ Катеринѣ Александровнѣ, что онъ хочетъ взять отпускъ на двадцать восемь дней.

— Отдохнуть хочется, — закончилъ онъ. — Поѣду куда-нибудь провѣтриться.

— Уѣдешь?!—почти воскликнула Катерина Александровна и поблѣднѣла.

— Да, не надолго, недѣли на двѣ,—отвѣтилъ онъ.—Тяжело какъ-то, приросъ я къ мѣсту...

Катерина Александровна задумалась... «Нѣтъ, онъ не уѣдетъ,—мелькало въ ея головѣ.—Я не хочу быть причиной его бѣгства изъ родного дома». Она вся раскраснѣлась и взволновалась. Черезъ минуту она встала и положила руку на плечо Александра Прохорова.

— Милый, не лучше ли взять небольшую дачу... Это было бы полезно и твоему отцу, и Антону...

— А ты здѣсь останешься?— спросилъ онъ, поднявъ къ ней глаза.

— Я возьму отпускъ на мѣсяцъ,—тихо отвѣтила она.

Онъ не спускалъ глазъ съ ея раскраснѣвшагося прекраснаго лица; она смотрѣла въ окно на заходящее солнце и избѣгала встрѣтиться глазами съ взглядомъ Александра Прохорова.

— Глядите, глядите, она точно золотая вся! — крикнулъ Антонъ, вбѣжавъ въ комнату и взглянувъ на сестру, облитую съ головы до ногъ лучами заходящаго солнца.

— Да, да, золотая! — задушевно произнесъ Александръ Прохоровъ, горячо прижимая къ губамъ ея руку.

Она ласково гладила его волосы и задумчиво улыбалась.

Черезъ три дня семья перебралась въ небольшую дачу въ Лѣсной. Катерина Александровна должна была пріѣхать туда черезъ недѣлю.

КНИГА IV.

I.

Добрый родственникъ.

Стояли теплые, долгіе лѣтніе дни. Солнце золотило каждую травку, его лучи прокрадывались въ каждую щелку. Все въ природѣ расцвѣтало, распускалась каждая цвѣточная почка, щебетала въ лѣсу каждая птица. Въ эту пору и людямъ живется лучше и привольнѣе, чѣмъ зимой. Но, можетъ-быть, никому не жилось такъ хорошо въ это лѣто, какъ Катеринѣ Александровнѣ и Александру Прохорову. Они ловили дни отдыха и дни любви. Оба эти человѣка не считали отдыха и любви цѣлью своей жизни, но, какъ рабочій народъ, наработавшись до поту лица изъ-за куска хлѣба, они сознавали, что и отдыхъ, и любовь были лучшею наградой за дни труда, за дни будничныхъ столкновеній съ чужими людьми, за дни мелкихъ жизненныхъ дрязгъ. Послѣ мѣсяца полной, беззаботной свободы, молодые люди готовились снова приняться за свои обычныя занятія съ новыми силами, съ новой энергіей и спокойною душой. Даже Марья Дмитріевна, хлопотавшая по хозяйству и не безъ сердечнаго удовольствія, хотя и жалобнымъ тономъ, учившая «свою кухарку», какъ нужно служить «благороднымъ господамъ», была, повидимому, спокойнѣе обыкновеннаго и, казалось, не мучилась никакими мрачными предчувствіями. Ее веселило присутствіе всѣхъ ея дѣтей и дѣтей Данилы Захаровича въ ея домѣ, и если какая-нибудь забота волновала ее, такъ это забота о какихъ-нибудь пирожкахъ для дѣтей. За дѣтьми Данилы Захаровича она ухаживала почти больше, чѣмъ за своими дѣтьми, постоянно говоря имъ: «Не взыщите, кушайте, дѣточки, что Богъ послалъ. Вѣдь вы къ сладенькому

куску привыкли у папаши!» И дѣти любили добрую и простенькую «тетю» гораздо болѣе, чѣмъ свою мать. Они были очень рады, что Катерина Александровна рѣшилась сойтись съ Павлой Абрамовной. Первый шагъ къ сближенію съ Павлой Абрамовной Катерина Александровна сдѣлала черезъ силу, и сдѣлала его только ради Леонида и Лидіи. Она боялась, что Павла Абрамовна не станетъ отпускать дѣтей гостить къ ней. Но, противъ ея ожиданія, Павла Абрамовна очень обрадовалась возможности «освободиться» отъ дѣтей и очень откровенно замѣтила, что они «надоѣли ей, какъ горькая рѣдька». Павла Абрамовна была женщина откровенная. Изъ вѣжливости Катерина Александровна пригласила къ себѣ и Павлу Абрамовну, но та сказала, что она никуда не выѣзжаетъ и, конечно, только обрадовала этимъ племянницу своего мужа. Дѣла, такимъ образомъ, устроились къ общему удовольствію: Леонидъ и Лидія пріѣзжали на дачу на три, на четыре дня; Павла Абрамовна разъѣзжала куда-то съ Карломъ Карловичемъ; Антонъ и Миша радовались присутствію въ ихъ домѣ двоюродныхъ брата и сестры, а взрослые члены семьи могли не опасаться за внезапное появленіе въ ихъ домѣ никѣмъ не любимой матери этихъ дѣтей. Попрежнему печально влачилъ свою жизнь только Данила Захаровичъ, все еще содержавшійся подъ арестомъ. Но и у него уже явились кое-какія надежды на освобожденіе, хотя онъ и не могъ сказать навѣрное, когда онѣ осуществятся.

Такъ жилось кружку нашихъ героевъ въ это лѣто, и нечего говорить, что все-таки счастливѣе всѣхъ его членовъ были Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ. Она попрежнему читала и училась; онъ напечаталъ и подговлялъ рядъ статей о воспитаніи вообще и о воспитаніи въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ въ особенности. И ея ученье, и его литературные труды шли довольно удачно подъ вліяніемъ полнаго душевнаго спокойствія и свѣтлаго счастія. Онъ уже сдѣлалъ себѣ имя въ литературѣ, хотя не очень громкое, но честное и вполнѣ достойное уваженія. Катерина Александровна гордилась его успѣхами на этомъ поприщѣ. Ни одна черная мысль, ни одно робкое опасеніе за будущее не смутили въ это время ихъ счастія.

— Милая, какъ это ты рѣшаешься теперь входить въ мою комнату безъ тѣлохранителей?—шутилъ однажды Александръ Прохоровъ, встрѣчая Катерину Александровну въ своей комнатѣ въ мезонинѣ дачи.

— Хочешь, я ихъ позову сейчасъ? Антонъ, Ми...—начала Катерина Александровна звать братьевъ.

— Тсъ! — зажалъ ей рукой ротъ Александръ. — Теперь поздно! Не извольте распоряжаться въ моей комнатѣ.

— Ага, испугался!—засмѣялась она.—Да вѣдь ихъ и не докличешься, они въ лѣсъ ушли... Вотъ развѣ маму позвать?..

— Ну, полно, полно, намъ хорошо и однимъ...

— Да, хорошо!—прижалась къ нему Катерина Александровна. — Знаешь ли, что мнѣ иногда думается? Мнѣ кажется, что я лучшей жизни не желала бы. Пусть бы всегда всегда такъ жилось...

— Вѣчно бы было лѣто, вѣчно были бы мы вдвоемъ, какъ Павелъ и Виргинія?—смѣялся Александръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то!—поторопилась возразить Катерина Александровна. — Я хотѣла бы работать, много работать, жить въ шумномъ обществѣ, среди тревогъ, волненій и, пожалуй, непріятностей, жить такъ до усталости, до того, чтобы душа запросила отдыха и любви, твоей любви, твоихъ ласкъ, не смущаемыхъ ничѣмъ.

— А, такъ ты вотъ какъ! Ты меня считаешь чѣмъ-то вродѣ сладкаго третьяго блюда въ праздникъ, — смѣялся Александръ.

— А развѣ ты не считаешь нашей любви, нашего отдыха тѣмъ же? Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не хочешь ли ты самъ увезти меня куда-нибудь на необитаемый островъ Тихаго океана, чтобы вѣчно, вѣчно отдыхать и наслаждаться одной любовью?..

— Нѣтъ, нѣтъ, одно сладкое вредно...

— И наскучитъ, перестанетъ казаться сладкимъ... Помнишь пословицу: не узнаешь горькаго, не узнаешь и сладкаго...

— Оттого-то намъ и живется такъ хорошо теперь, что мы уже вкусили очень много горькаго.

— Да, милый, милый, сколько пережито... Порой все прошлое мнѣ кажется сновидѣніемъ... Иногда я сама не знаю, какъ я могла пережить все это, когда начну вспоминать день за днемъ прошлую жизнь... Подвалъ, голодъ, глупая школа, пьяный отецъ, безпомощная мать, вымаливанье куска хлѣба, поиски за мѣстомъ, оскорбленія со стороны разныхъ Зубовыхъ, скорбь за бѣдныхъ дѣтей, разлука съ тобою... А та минута, когда я думала, что ты убитъ... Одной ея довольно, чтобы сойти съ ума... Вѣдь я уже тогда вѣ-

рила въ твою любовь, знала, что только съ тобою я дойду до цѣли...

Александръ молча цѣловалъ ея руки. Катерина Александровна сидѣла около него неподвижно, въ раздумьи о быломъ.

— Мнѣ вспомнилось,—тихо заговорила она:—что я гдѣ-то читала, будто все, «что пройдетъ, то будетъ мило». Это неправда, это, вѣроятно, написалъ человѣкъ, не испытавшій того горя, которое губитъ безвозвратно голодныхъ и холодныхъ людей... Какъ можетъ быть мило мнѣ мое прошлое, тебѣ твое прошлое?.. Мило намъ теперь въ немъ то, что было мило и тогда. Но могутъ ли быть милы тѣ страданья, которыя губили здоровье, которыя отнимали безъ пользы лучшіе годы жизни?.. Я понимаю, что и тяжелый трудъ, и непріятности прошлаго могутъ быть милы, если мы сами для какой-нибудь благой цѣли взяли на себя крестъ, и вынли, несмотря на его тяжесть, побѣдителями изъ борьбы. Но вѣдь эти страданья милы намъ не потому, что они прошли... Своего же прошлаго, если бы на мнѣ даже не осталось не единаго грустнаго слѣда отъ него, я все-таки не полюблю уже просто потому, что въ его тьмѣ я вижу нѣсколько могилъ, разрытыхъ его гнетущею рукой... Отецъ, Даша, твой братъ—этихъ именъ вѣдь не вычеркнешь изъ памяти...

Катерина Александровна на минуту умолкла.

— Вотъ тоже на-дняхъ я встрѣтила въ городѣ Скворцову,—начала Катерина Александровна.—Совсѣмъ погибла! Ѣдетъ на дрожкахъ съ какимъ-то старикашкой. Похудѣла, лицо какое-то помятое... Пошла по мытарствамъ!.. Вѣдь это тоже одна изъ тѣней прошлаго.

Молодая дѣвушка встала и заходила по комнатѣ. Ея лицо было взволновано и горѣло яркимъ румянцемъ.

— Полно, Катя!—ласково промолвилъ Александръ.—Скажи еще спасибо, что это прошлое не убило и насъ ни физически, ни нравственно. Много людей гибнетъ отъ подобной жизни: одни сходятъ въ могилу, другіе черствѣютъ, гибнутъ нравственно, становятся врагами даже тѣхъ, которые выносятъ равную съ ними долю... А намъ счастливый случай помогъ и уцѣлѣть, и сохранить въ себѣ любовь ко всѣмъ, кто слабъ, кто страдаетъ...

— Да, кстати о страдающихъ,—замѣтила Катерина Александровна.—Меня не на шутку безпокоитъ участь дѣтей дяди. Что съ ними будетъ? Ихъ совершенно загубитъ ихъ семья. Я, кажется, все сдѣлала бы, чтобы спасти ихъ; но

если дядю сошлютъ, то Павла Абрамовна никакъ не согласится отдать ихъ на мое попеченіе и не пуститъ ихъ съ нимъ. Если же они останутся съ нею, то нечего ждать хорошаго.

— Кажется, дѣло обойдется. Я слышалъ мелькомъ, что Данилу Захаровича только отставляютъ отъ службы,—промолвилъ Александръ.—Впрочемъ, и это будетъ не особеннымъ счастьемъ для дѣтей... Примѣръ-то все-таки будетъ передъ глазами печальный. Вотъ Леонидъ и теперь не уважаетъ ни отца, ни мать. Правда, отца онъ еще жалѣетъ, а къ ней относится ужъ совсѣмъ враждебно.

— Хорошо еще, что онъ насъ такъ полюбилъ, а то съ его характеромъ ему не избѣжать бы постоянныхъ семейныхъ сценъ, которыя кончились бы не добромъ... Павла Абрамовна и то жалуется, что онъ ей ни слова не уступаетъ... «Что это за дѣти нынче растутъ,—жаловалась она мнѣ недавно: — совсѣмъ отъ рукъ отбились! Умнѣе старшихъ хотятъ быть...» Я ничего не могла ей отвѣтить. Вѣдь не объяснять же, что дѣти-то тутъ не при чемъ, что она сама виновата... Но ты не повѣришь, какъ тяжело смотрѣть на этотъ внутренній семейный разладъ: жить въ подобныхъ отношеніяхъ со своею семьею—это просто пытка.

— И хуже всего то, что эта пытка губитъ именно тѣ неокрѣпшія молодыя силы, предъ которыми стоитъ еще цѣлая жизнь... А между тѣмъ, теперь все чаще и чаще будутъ появляться эти семейныя драмы. Мы переживаемъ именно тотъ періодъ нашей жизни, когда люди разныхъ убѣжденій, люди разныхъ поколѣній должны столкнуться на практической почвѣ. Сколько бы ни было и теперь пустого фразерства, но такъ или иначе рядомъ съ нимъ кипитъ и новая практическая дѣятельность. Столкновенія на этой почвѣ неизбѣжны, неизбѣжно и критическое отношеніе однихъ членовъ общества къ дѣятельности другихъ. Вотъ вѣдь при старыхъ порядкахъ Боголюбовъ возвратился бы домой тѣмъ же зоркимъ и строгимъ главой семейства и сумѣлъ бы внушить повиновеніе Леониду и силой заставилъ бы его молчать и покоряться матери. Теперь же Леонидъ, разъ увидавъ, что за женщина его мать, уже не покорится ей подъ вліяніемъ насилія, потому что и самъ безапелляціонный его повелитель упалъ въ его глазахъ и явился тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, то-есть жалкимъ слабымъ существомъ, умѣвшимъ только удить рыбу въ мутной водѣ. Чѣмъ большее число подобныхъ Боголю-

бовыхъ будетъ падать, чѣмъ больше гласности получитъ ихъ паденіе, тѣмъ сильнѣе подорвется ихъ авторитетъ и гѣмъ болѣе рѣзокъ будетъ разладъ...

— Но чѣмъ это все кончится, чѣмъ кончится!—вздохнула Катерина Александровна.

— Конечно, хорошимъ! Одной крестьянской реформы довольно, чтобы назвать наше время—хорошимъ временемъ. Разумѣется, много будетъ увлеченій, много промаховъ, но потерпятъ отдѣльныя единицы, отдѣльныя личности, общее же дѣло все-таки сдѣлаетъ поворотъ къ лучшему.

Катерина Александровна задумалась. Слова о гибели отдѣльныхъ личностей опять воскресили въ ея воспоминаніи тѣни любимыхъ ею погибшихъ людей, и ей стало тяжело. Ей почему-то невольно вспомнились чудныя слова поэта про «бѣдныхъ матерей»:

Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

И она невольно вздрогнула.

— О, если бы нашимъ дѣтямъ удалось подрастать въ ту пору, когда совершится все, начинаемое теперь, и когда всѣ люди братски протянутъ другъ другу руки!—промолвила она.—Мнѣ кажется, что въ такую пору, какую переживаемъ мы, нельзя вполнѣ развиться, нельзя основательно чему-нибудь научиться... Тутъ хватаешься за все, вездѣ видишь прорѣхи, все хочешь передѣлать, учишься урывками... Мнѣ кажется, что теперь положеніе многихъ людей похоже на мое: я должна была и добывать хлѣбъ, и устраивать семью, и приготовлять себя для обезпеченія своего будущаго, и пріютъ волновалъ и безпокоилъ меня своими неурядицами... Поневолѣ приходилось дѣлать промахи, подготовляться кое-какъ, улаживать дѣло на живую нитку и иногда мучиться, что не было силъ предусмотрѣть то или другое... Наша жизнь—жизнь благихъ стремленій и жалкихъ ошибокъ...

Александръ Прохоровъ ласково привлекъ ее къ себѣ и горячо поцѣловалъ ея раскраснѣвшееся личико.

— Добрая моя, тебѣ все хочется побѣды, безъ ошибокъ и безъ падшихъ людей,—нѣжно промолвилъ онъ.—Этого или не бываетъ, или бываетъ очень рѣдко.

Въ эту минуту дверь въ его комнату незамѣтно отворилась, и на порогѣ показалась Марья Дмитріевна. Она въ недоумѣніи остановилась въ дверяхъ и смотрѣла нѣсколько

испуганными глазами на дочь и на Прохорова. Видя, что ее не замѣчаютъ, она кашлянула. Молодые люди обернулись.

— Обѣдъ поданъ,—проговорила она.—Я тебя искала, искала...

— Сейчасъ идемъ, мама,—отвѣтила Катерина Александровна.

Марья Дмитріевна какъ-то подозрительно смотрѣла на молодыхъ людей.

— Тамъ гость у насъ,—произнесла она.

— Кто, мама?

— Данила Захаровичъ.

— Какъ? На свободѣ?—радостно воскликнула Катерина Александровна и хотѣла выбѣжать изъ комнаты.

— Постой, постой!—удержала ее Марья Дмитріевна и тихо шепнула ей на ухо:—ты освѣжись немного... лицо-то вонъ у тебя какъ горитъ...

— Жарко, мама,—простодушно отвѣтила Катерина Александровна.

Марья Дмитріевна покачала головой.

— Не хорошо, Катюша! Мало ли что подумать могутъ!

Катерина Александровна съ удивленіемъ посмотрѣла на мать.

— Вѣдь вотъ спросятъ: гдѣ была?.. Не скроешь...

— Мама, да я и не желаю ничего скрывать. Мнѣ нечего скрывать!—съ особеннымъ удареніемъ отвѣтила Катерина Александровна, нахмуривъ брови.

Марья Дмитріевна какъ будто испугалась чего-то и поспѣшно проговорила пониженнымъ тономъ:

— Знаю, знаю, Катюша, что нечего. Ты у меня умница!.. Да вѣдь на чужой ротокъ не накинешь платокъ... Людито что...

— Подите вы съ вашими людьми!—рѣзко отвѣтила Катерина Александровна.—У меня своя голова!

Она быстро вышла изъ комнаты и спустилась внизъ. Марья Дмитріевна, вздыхая и крестясь, поплелась за нею. Александръ Прохоровъ обогналъ ее на лѣстницѣ, она отстранилась отъ него и посмотрѣла ему вслѣдъ какимъ-то недобрымъ взглядомъ.

Катерина Александровна сошла внизъ и равнодушно протянула руку Данилѣ Захаровичу. Онъ и штабсъ-капитанъ сидѣли на террасѣ и смотрѣли въ разныя стороны. Лицо Данилы Захаровича обрюзгло и пожелтѣло, въ глазахъ было какое-то недоброе выраженіе.

— Какъ я рада, что вижу васъ на свободѣ,—проговорила Катерина Александровна.—Надѣюсь, что ваше дѣло кончилось счастливо.

Данила Захаровичъ вздохнулъ.

— Отставленъ безъ пенсіи,—проговорилъ онъ.—Нищимъ остался... Конечно, я долженъ благодарить моего благодѣтеля Александра Николаевича Свищова. Не забылъ, похлопоталъ... Безъ него могло бы хуже кончиться... Что-жъ, стану теперь работать, куда-нибудь въ переписчики, въ конторщики пойду... Мы, люди маленькіе, ни на что негодные, должны изъ-за куска хлѣба работать... Проживемъ какъ-нибудь!

— Не унывайте, дядя! Зачѣмъ падать духомъ? Все еще уладится.

— Нѣтъ, племянница, не уладится!—еще разъ вздохнулъ Данила Захаровичъ.—Что я теперь? Нуль, червякъ пресмыкающійся. Меня въ моемъ собственномъ домѣ никто не уважаетъ... Жена, дѣти,—всѣ отъ рукъ отбились... Дома адъ какой-то; не ласку я тамъ встрѣтилъ, а попреки... Конечно, я молчать долженъ, я на женины деньги долженъ жить...

Данила Захаровичъ говорилъ со вздохами, приниженнымъ тономъ, скорбно покачивая головой, но въ его лицѣ, въ его голосѣ, въ его рѣчахъ слышалась не одна скорбь, не одна приниженность, въ нихъ замѣчалась и частичка желчи и злобы, той шипящей злобы, которая нерѣдко прикрывается слабодушными людьми маской смиренія и покорности, но въ глубинѣ души подталкиваютъ ихъ на разныя интриги и ковы. Катеринѣ Александровнѣ было тяжело слушать дядю.

— Какъ же вы думаете устроить дѣтей?—спросила она.

— Благодѣтель нашъ, Александръ Николаевичъ Свищовъ, обѣщался платить за Леню; Лидію обѣщали въ институтъ устроить... Я теперь не могу самъ своихъ дѣтей поднять на ноги... Я отецъ и не могу ихъ поднять на ноги!.. Обидно!.. Если добрые люди не помогутъ, то придется имъ неучами расти... Конечно, дѣти это понимаютъ, знаютъ, что имъ отецъ ничего дать не можетъ, ну и плюютъ на отца. Что онъ для нихъ? Ненужный старикашка, пустой ворчунъ...

— Полноте, дядя! Леонидъ и Лидія такъ любятъ васъ!

— Любятъ!—съ горечью усмѣхнулся Данила Захаровичъ.—Знаю я эту любовь! Конечно, я не могу пожаловаться на нихъ. Ласкаются они!.. Да вѣдь не изъ любви

это дѣлается. Ласкаются изъ жалости къ убитому старикашкѣ. Ласкаются потому, что имъ стыдно вдругъ отвернуться отъ меня... Ласкаются потому, что не хотятъ, чтобы я ворчалъ на нихъ... Малы еще покуда, а подрастутъ, такъ и совсѣмъ отвернутся отъ меня!

Штабсъ-капитанъ, хранившій глубокое молчаніе, началъ нетерпѣливо постукивать костылемъ.

— Грѣхъ вамъ, дядя, такъ думать!—сказала Катерина Александровна.—Вы глубоко ошибаетесь въ нихъ...

— Да, племянница, можетъ-быть, и ошибаюсь!.. Я вѣдь теперь во всемъ ошибаюсь, во всемъ виноватъ... Вотъ Павла Абрамовна съ утра и до ночи только считаетъ мои провинности... Самъ Александръ Николаевичъ Свищовъ попрекнулъ меня, что я не познакомилъ его съ вами, что я не хотѣлъ васъ знать... Конечно, вы могли ему сказать это, жаловаться на меня...

— Я, дядя, не жаловалась ему и не пожалуюсь. Напрасно вы меня упрекаете!

— Я упрекаю! Сохрани меня Богъ! Да развѣ я не знаю, что я кругомъ виноватъ?.. Прошу объ одномъ, племянница, не говорите Александру Николаевичу Свищову, что я проболтался объ этомъ... Я вѣдь знаю, онъ въ васъ души не слышитъ, онъ готовъ все по вашему слову сдѣлать...

Катерина Александровна усмѣхнулась.

— Напрасно вы опасаетесь, дядя, я совсѣмъ не вижусь съ Александромъ Николаевичемъ.

— Какъ же не видитесь? Мнѣ Архипушка говорилъ...

— Архипушка?—спросила Катерина Александровна, услышавъ незнакомое ей имя.

— Да, камердинеръ его... Онъ говорилъ, что вы иногда по два раза въ недѣлю къ Александру Николаевичу ѣздите. Вотъ я и хотѣлъ васъ просить замолвить ему словечко за моихъ дѣтей, напомнить... Моя стариковская просьба меньше, конечно, значитъ...

Штабсъ-капитанъ началъ еще усиленнѣе стучать костылемъ и издавалъ какіе-то сердитые звуки.

Катерина Александровна вся раскраснѣлась.

— Если я ѣздила, дядя, къ Свищову, то ѣздила только по пріютскимъ, да по вашимъ дѣламъ,—внушительнымъ тономъ произнесла она.—Но теперь, когда въ пріютѣ дѣла перемѣнились, когда вы на свободѣ, мнѣ не для чего ѣздить къ этому господину. О дѣтяхъ вы можете просить сами, и онъ исполнитъ вашу просьбу.

Данила Захаровичъ глубоко вздохнулъ.

— Такъ-то всѣ теперь говорятъ: кланяйтесь сами, а мы за васъ хлопотать не хотимъ.

Штабсъ-капитанъ, повидимому, окончательно потерялъ терпѣніе и раздражительно и торопливо забормоталъ что-то.

— Мнѣ, кажется, изволите говорить?—спросилъ Данила Захаровичъ, обращаясь къ нему.

— Нѣтъ, Флегонтъ Матвѣевичъ со мною говоритъ,— сухо отвѣтила Катерина Александровна, очень хорошо понимая, что старикъ безцеремонно ругаетъ гостя. Ея лобъ нахмурился, но она удержалась отъ рѣзкаго возраженія, вспомнивъ, что ссора съ дядей можетъ отнять у нея возможность видѣться съ его дѣтьми. Она очень обрадовалась появленію Марьи Дмитріевны, возвѣстившей съ поклонами, что давно подано кушать. Всѣ пошли въ комнату.

— Какъ хорошо вы обставились,—со вздохомъ произнесъ Данила Захаровичъ, осматривая комнату.—Кто могъ думать, что судьба-то такъ перемѣнится. Не дожилъ братъ до этого счастья.

— Все имъ обязаны, батюшка, имъ однимъ!—своимъ заискивающимъ тономъ произнесла Марья Дмитріевна, указывая на Александра Прохорова, стоявшаго съ Антономъ и Мишей у стола.

Данила Захаровичъ вопросительно взглянулъ на Прохорова.

— Да, я и забыла отрекомендовать его,—поспѣшила сказать Катерина Александрова.—Это мой женихъ, Александръ Флегонтовичъ Прохоровъ.

— Же-нихъ,—протянулъ Данила Захаровичъ и подалъ руку молодому Прохорову.—Очень пріятно познакомиться... очень пріятно... Дай Богъ, дай Богъ...

Онъ не кончилъ и только вздохнулъ.

Всѣ сѣли за столъ.

— Скоро думаете свадебку сыграть?—спросилъ Боголюбовъ.

— Не знаю еще,—просто отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

— Какія же обстоятельства? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Это такой праздникъ, котораго молодые люди не любятъ откладывать.

— Вотъ, батюшка, въ одно слово со мною?—произнесла Марья Дмитріевна, обрадованная новымъ союзникомъ.

— Намъ спѣшить некуда,—холодно замѣтила Катерина

Александровна.—Чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ серьезнѣе нужно его обдумать...

— Такъ, такъ,—промолвилъ Данила Захаровичъ.—Только какъ же это ждать-то? Нѣтъ, Марья Дмитріевна, какъ посмотрю я на нашу молодежь, такъ и вижу, что совсѣмъ она измѣнилась. Свадьба, видите ли, у нихъ дѣло, да еще такое дѣло, которое серьезно обдумать надо!.. Да кровь-то, батюшка,—обратился онъ къ Александру Прохорову:— кровь-то развѣ не говоритъ? Въ наше время ждали, не дождались дня свадьбы! Бывало, родители на день отложатъ свадьбу, такъ женихъ и невѣста ночь не спятъ, мучатся... А вы говорите: торопиться некуда! Нѣтъ-съ, тутъ-то и торопиться, сегодня любите, а завтра, можетъ-быть, остынете...

Александръ Прохоровъ и Катерина Александровна не могли удержаться отъ улыбки.

— Времена другія, другіе и взгляды!—уклончиво отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Какіе, батюшка, тутъ взгляды! Тутъ страсть, понимаете: страсть, огонь!—промолвилъ Данила Захаровичъ.

— Огонь огню рознь,—засмѣялся Александръ Прохоровъ.—Одинъ горитъ минуту, другой не погасаетъ въ теченіе долгихъ лѣтъ.

— Можетъ-быть-съ, можетъ-быть, — вздохнулъ Данила Захаровичъ.—Только я въ старые годы, право, и недѣли не прожилъ бы съ невѣстой подъ одной кровлей, не повѣнчавшись. Нѣтъ-съ. Видно, нашъ-то огонь, можетъ-быть, и скорѣе сгоралъ, только горѣлъ-то сильнѣе.

— Можетъ-быть,—холодно согласился Александръ Прохоровъ, очевидно не желая спорить и убѣждать противника.

Разговоръ оборвался. Данила Захаровичъ былъ обиженъ, что съ нимъ не хотятъ спорить. Всѣ были какъ будто недовольны чѣмъ-то и совершенно притихли. Въ комнатѣ слышалось только, какъ гремѣли вилкой и ножомъ вышедшія изъ повиновенія руки штабсъ-капитана, да раздавался заунывный голосъ Марьи Дмитріевны, угощавшей «дорогого гостя» такимъ тономъ, какъ будто она, оплакивая, откармливала идущаго на смерть человѣка. Вообще Марья Дмитріевна въ большинствѣ случаевъ говорила такимъ тономъ, что какой-нибудь иностранецъ, не знающій русскаго языка, непремѣнно заподозрилъ бы, что эта женщина повторяетъ одну и ту же фразу: «всѣ мы смертны и всѣ мы помремъ». Общество было очень радо и вздохнуло свободно, когда кон-

чился обѣдъ, и всѣ собесѣдники получили право хотя на нѣсколько шаговъ отойти другъ отъ друга.

— Батюшка, отдохнуть не хотите ли въ моей комнаткѣ,— промолвила Марья Дмитріевна, обращаясь къ Данилѣ Захаровичу.

— Не до отдыховъ намъ теперь! — вздохнулъ онъ. — И ночей-то не спишь, а ужъ не то, что днемъ валяться...

— Да вы немножко...

— Я, пожалуй, готовъ удалиться... Только спать я не буду... Не до сна мнѣ... Гдѣ же вы помѣщаетесь? — спросилъ Данила Захаровичъ.—Покажите, пожалуй, свою келью... Какъ-то васъ дѣточки пріютили...

Марья Дмитріевна засуетилась.

— Я вотъ тутъ, съ Мишурой вдвоемъ, батюшка, вдвоемъ,—заговорила она, указывая протянутою рукою дорогому родственнику на дверь въ свою спаленку и спѣша за нимъ.

Такимъ образомъ, руководимый и въ то же время провожаемый Марьей Дмитріевной, Данила Захаровичъ прошелъ въ ея комнату.

— Вотъ, батюшка, вотъ здѣсь,—говорила Прилежаева.— Дочка покоитъ, на ея счетъ живу...

— Недурно, недурно,—одобрилъ Данила Захаровичъ чувствовавшій, что даже и теперь, во время своего паденія, онъ стоитъ все-таки выше Марьи Дмитріевны.—Хорошо бы, Марья Дмитріевна, если бы только это все поскорѣе сдѣлалось дѣйствительно вашимъ.

— То-есть какъ это, батюшка?—растерялась Марья Дмитріевна.—Извините, въ толкъ не возьму...

— Я говорю о томъ, что хорошо бы было, если бы племянница поскорѣе замужъ вышла, — пояснилъ Данила Захаровичъ.—Вѣдь это на его деньги все...

— На его, батюшка, на его...

— Ну, а знаете, нынче не такія времена, чтобы кто-нибудь даромъ давалъ.

— Что вы, батюшка! Моя Катюша...

— Не такія времена, Марья Дмитріевна, — перебилъ ее Данила Захаровичъ внушительнымъ тономъ.—Не такія времена! Я нынѣшнюю молодежь знаю! Не въ деревнѣ жилъ, слава Богу! Насмотрѣлся и на родственниковъ Гиреевой, и Бѣлокопытова молодого знаю. Да что о нихъ говорить! Я самъ, самъ-съ отогрѣлъ на своей груди одного проходимца. А чѣмъ онъ мнѣ отплатилъ? Э-эхъ! Говорить-то

тошно! Нынче каждый старается яму другому вырыть, ногу подставить. Вы думаете, кто-нибудь станетъ даромъ благодѣтельствовать! Какъ же! Нѣтъ-съ, отплаты потребуетъ, проценты сдереть! Вотъ какая теперь молодежь!

Марья Дмитріевна совсѣмъ растерялась.

— Да вѣдь мы, батюшка, за «ихъ» папенькой ходили, ровно родные,—начала она.

— Родные! Да родные теперь хуже чужихъ, — перебилъ ее Данила Захаровичъ. — Вѣдь у меня тоже дѣти. А чего я отъ нихъ жду? Только горя, одного горя!.. Нѣтъ, нынче никому довѣрять нельзя!.. Погубятъ, погубятъ отца родного, ни за грошъ, ни за денежку... А послѣ что? Люди-то что станутъ толковать?.. Вотъ вы сидите тутъ, въ своей коморкѣ, посадили васъ въ нее, заставили хозяйничать, чтобы вы людей-то не видали, а люди-то васъ видятъ, толкуютъ про васъ: «какая, моль, она мать, если не видитъ, что дочь дѣлаетъ!» Вѣдь отъ людей ничего не скроешь...

— Да, батюшка, что же мнѣ дѣлать? Вѣдь они женихъ съ невѣстой, они повѣнчаются вотъ,—почти плакала Марья Дмитріевна.

— Торопите свадьбу! Не зѣвайте! Не то, помяните мое слово, поздно будетъ!

Данила Захаровичъ еще долго давалъ наставленія Марьѣ Дмитріевнѣ и успѣлъ растрогать ее до слезъ. Благодаря добраго родственника за хорошіе совѣты, она побѣжала, наконецъ, распорядиться насчетъ кофе и оставила его «соснуть» на полчаса. Отъ вниманія Катерины Александровны, Александра Прохорова и Флегонта Матвѣевича не ускользнуло плаксивое выраженіе лица Марьи Дмитріевны, и они, словно сговорившись, замѣтили:

— Вотъ ужъ правда, что непрошенный гость хуже татарина!

Флегонтъ Матвѣевичъ, по своей старой привычкѣ, не ограничился этой фразой и сказалъ какую-то страстную и длинную рѣчь противъ Боголюбова; всѣ слушатели, конечно, не поняли и половины этой рѣчи и потому были глубоко потрясены ею и безусловно согласились съ мнѣніемъ оратора. Наконецъ, подали и кофе, въ столовую комнату снова появился Данила Захаровичъ; его изъ приличія спросили, хорошо ли онъ отдохнулъ; онъ, согласно съ своимъ положеніемъ «удрученнаго горемъ человѣка», объявилъ, что «ужъ гдѣ ему отдыхать», что «ложится онъ теперь въ постель, какъ въ могилу, чтобы на минуту забыться», что

«напрасно всѣ и на цыпочкахъ ходили и шопотомъ говорили, такъ какъ на него теперь нечего обращать вниманія, такъ какъ долженъ онъ привыкать и при шумѣ спать», и прочее, и прочее, все въ томъ же родѣ. Въ концѣ концовъ, слушатели поняли только одно, что онъ горько упрекалъ ихъ за то, что они его уложили спать и сохраняли тишину, такъ какъ его, бѣднаго и угнетеннаго человѣка, теперь нужно отучать отъ сна и пріучать ко всевозможнымъ неудобствамъ.

— Вѣдь если я спать буду, такъ хлѣбъ-то самъ ко мнѣ не придетъ! За меня работать никто не станетъ. Здѣсь вотъ вы говорить не смѣли, пока я лежалъ, а въ другомъ мѣстѣ, можетъ-быть, царочно молотками стучать станутъ, когда я лягу,—говорилъ онъ и даже пробудилъ въ душѣ Марьи Дмитріевны нѣчто въ родѣ угрызеній совѣсти за то, что она не сумѣла угодить, какъ слѣдуетъ, дорогому родственнику.

Все общество выглядѣло такъ уныло и тоскливо, какъ будто въ теченіе цѣлаго дня его угощали только чѣмъ-то очень кислымъ. Наконецъ, Данила Захаровичъ сталъ собираться, всѣ съ особенной радостью поспѣшили предложить ему себя въ проводники до дилижанса.

«Хороши родственники, такъ и обрадовались, что я ухожу»,— съ горечью подумалъ Данила Захаровичъ и отказался наотрѣзъ отъ предложенія, объявивъ, что ему теперь нужно привыкать самому отыскивать дороги. Всѣ, также радуясь въ душѣ, хотя и съ печальными лицами, согласились и на это. Наступила минута прощанія, наступила минута разлуки,—всѣ вздохнули свободно.

— Скатертью дорога! — махнулъ рукою Антонъ, когда фигура дяди скрылась за первымъ поворотомъ.

— Точно гора съ плечъ свалилась! — промолвилъ Александръ Прохоровъ. — Вѣдь уродятся же такіе несносные люди.

— Ахъ, батюшка, да когда же бываютъ не несносными бѣдные люди! — вздохнула Марья Дмитріевна. — Ужъ ихъ участь такая, что всѣ ими гнушаются.

— Помилуйте, Марья Дмитріевна, — началъ Александръ Прохоровъ и умолкъ, въ изумленіи увидавъ передъ собою слонообразную фигуру Данилы Захаровича.

— Нѣтъ, видно еще не привыкъ гранить мостовую, — жалобно произнесъ Данила Захаровичъ. — Шелъ, шелъ и заплутался... Голова-то, видно, не о томъ думала!.. Ну, ужъ и дачу наняли!.. И людей-то здѣсь нѣтъ, никого не встрѣ-

тишь, спросить не у кого, только изъ-за палисадниковъ собаки лаютъ... Все противъ бѣднаго человѣка защитныя, чтобы онъ и къ воротамъ подойти не смѣлъ!.. Ужъ я попрошу кого-нибудь проводить меня...

Всѣ снова изъявили готовность проводить Даниду Захаровича. Онъ отказался отъ услугъ *всѣхъ;* тогда ему предложили въ проводники Антона, но онъ выразилъ сомнѣніе въ знаніи Антономъ дороги; это заставило Марью Дмитріевну вызваться съ предложеніемъ своихъ услугъ, но Данила Захаровичъ опять уперся, такъ какъ онъ не могъ допустить, чтобы въ этакой глуши Марья Дмитріевна возвращалась домой одна; оставался на очереди Александръ Прохоровъ, но Данилу Захаровичу «было совѣстно безпокоить совсѣмъ еще незнакомаго ему человѣка». Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы всѣ не рѣшились идти провожать гостя насильно, что заставило его стѣсняться и жаловаться всю дорогу.

Только усадивъ его въ дилижансъ и дождавшись отъѣзда дилижанса, семья Прилежаевыхъ повѣрила, что дорогой родственникъ, наконецъ, уѣхалъ и не вернется болѣе, по крайней мѣрѣ, въ этотъ день, хотя Антонъ, возвратившись въ садикъ прилежаевской дачи, и увѣрялъ, что «подъ этимъ слономъ рессоры лопнутъ и его приведутъ къ нему обратно». Молодежь, какъ это всегда бываетъ послѣ долгаго стѣсненія, развеселилась, шутила и дурачилась. Кто-то, кажется Миша, предложилъ играть «въ пятнашки» и «запятналъ» Катерину Александровну. Она погналась за Антономъ, и игра началась. Въ саду раздавались крики и хохотъ. Флегонтъ Матвѣевичъ, сидя на террасѣ, гдѣ былъ по условію играющихъ «домъ», стучалъ костылемъ, прогоняя играющихъ, пробовавшихъ забѣжать въ «домъ» и укрыться отъ преслѣдованій «пятнашки». Игра была въ полномъ разгарѣ, когда Марья Дмитріевна позвала изъ комнаты Катерину Александровну.

— Что вамъ, мама?—спросила раскраснѣвшаяся молодая дѣвушка, вбѣгая въ комнату.

— Ты бы, Катюша, не играла, — посовѣтовала Марья Дмитріевна.—Вотъ сосѣдскія барышни гуляютъ у себя въ саду. Я зашла прибрать въ комнатѣ Александра Флегонтовича, а сверху-то мнѣ ихъ и видно... Осудятъ еще...

— Вотъ выдумали! — засмѣялась Катерина Александровна. — Развѣ мы въ первый разъ играемъ?.. Да и что мнѣ до нихъ за дѣло. Впрочемъ, онѣ и сами часто играютъ...

Катерина Александровна хотѣла выйти.

— Да вѣдь онѣ между собою играютъ, — проговорила Марья Дмитріевна.—А ты вотъ съ чужимъ мужчиной... Не хорошо...

Катерина Александровна пожала плечами и вышла въ садъ. Ее тотчасъ же «запятнали», и волей-неволей ей пришлось бѣгать. Но ея искренняя веселость пропала, и она поспѣшила отговориться отъ игры подъ предлогомъ усталости. Она присѣла на ступеньку къ костылямъ Флегонта Матвѣевича и задумалась. Играющіе побѣгали еще немного и тоже усѣлись на ступени. Минутъ черезъ десять всѣхъ позвали къ чаю, и день окончился мирно и тихо, какъ обыкновенно кончались дни въ этой семьѣ. Катерина Александровна почти уже забыла о словахъ матери и спокойно легла спать, но она еще не успѣла заснуть, когда въ ея комнату появилась Марья Дмитріевна. Она подошла къ постели дочери и спросила, спитъ ли та. Катерина Александровна отвѣчала: «не сплю!».

— Мнѣ поговорить съ тобою, Катюша, надо,—замѣтила Марья Дмитріевна и присѣла на постель. — Не губи ты себя, Катюша. Отъ людей-то вѣдь ни чего не скроешь,—слезливо начала она объясненіе.

— Я, мама, ничего и не скрываю,—отвѣтила Катерина Александровна, изумленная этимъ вступленіемъ.

— Ты вотъ невѣстой Александра Флегонтовича слывешь, а люди-то развѣ повѣрятъ, что ты невѣста?.. Любовницей его назовутъ.

— Да пусть называютъ; мнѣ-то что до этого за дѣло!

— Ай, Катюша, какъ тебѣ не стыдно! Честное-то имя должно быть для дѣвушки дороже всего... Потеряешь его разъ, такъ ужъ никогда не воротишь... И какіе люди-то нынче? Каждый обмануть норовитъ, насмѣяться хочетъ надъ бѣднымъ человѣкомъ... Вертопрахи нынче молодые-то люди, поиграютъ и бросятъ...

— Это вы кого же, мама, вертопрахомъ-то считаете? Не Александра ли?—спросила Катерина Александровна, смотря прямо въ глаза матери.—И не стыдно вамъ, и не грѣшно вамъ? Вѣрите ли вы сами въ то, о чемъ говорите? Стыдитесь!

Марья Дмитріевна смутилась: въ глубинѣ души она все еще любила Александра Прохорова и вѣрила въ его доброе сердце. Она хотѣла что-то сказать въ свое оправданіе, но Катерина Александровна предупредила ее.

— Вы, мама,—начала она:—не отъ себя это говорите, вы чужія слова говорите!

Марья Дмитріевна обидѣлась.

— Ужъ извѣстно, что у меня и своихъ словъ нѣтъ! Глупая я! Гдѣ мнѣ что-нибудь свое выдумать!.. Я...

— Не то, мама, совсѣмъ не то! — перебила ее дочь. — Есть у васъ и свой умъ, и свое сердце, только характеръ у васъ слабый. Не подумаете и не сдѣлаете вы дурно, когда по своему разуму поступаете, а какъ настроятъ васъ другіе, вы и кажетесь и не доброю, и не разсудительною... Поступайте, лучше, какъ Богъ на душу положитъ, да людей поменьше слушайте, вотъ и будетъ хорошо, и не станете вы вертопрахами называть такихъ людей, какъ Александръ.

Катерина Александровна говорила ласковымъ, мягкимъ тономъ, не раздражаясь и не сердясь на мать. Марья Дмитріевна въ душѣ уже почти согласилась съ дочерью, но изъ ея ума еще не вышли слова Данилы Захаровича о ея слабости, и она рѣшилась быть твердою и продолжать разговоръ.

— Ужъ ты такъ и думаешь, что я ничего не вижу сама-то,—покачала она головой.—Вонъ и сегодня вошла я къ нему въ комнату, цѣлуетъ онъ тебя... До чего дошли! Не поженились, а цѣлуетесь!.. Развѣ это хорошо?

Катерина Александровна вспыхнула.

— Хорошо или нѣтъ—это мое дѣло,—рѣзко отвѣтила она.

— Да вѣдь ты пойми: я мать! — внушала Марья Дмитріевна. Ты еще дитя, неопытная ты. Тебѣ кажется, что все ничего, а я-то знаю, куда эти поцѣлуи ведутъ.

— Мама, — серьезно и отчетливо заговорила Катерина Александровна, приподнявшись на локтѣ въ своей постели:— опять вы не свои слова говорите. Не дитя я и не неопытная. Было время, когда я, точно, была довѣрчивою и неопытною дѣвочкой, и именно въ эти-то годы вы не слѣдили и не могли слѣдить за мною. Одна я ходила по городу, приносила вамъ кусокъ хлѣба, приносила одежду и деньги, — вы не спрашивали, откуда, вы не знали, правду ли я говорила, когда разсказывала, гдѣ я взяла все это. Въ тѣ годы, мама, я могла погибнуть и не разъ представлялся мнѣ случай добыть кусокъ хлѣба цѣною своей чести. Вы взяли бы этотъ кусокъ и даже не подумали бы, какъ онъ добытъ... Но я не погибла тогда, а теперь-то, когда я старше стала, и на жизнь насмотрѣлась, ужъ вѣрно сумѣю спасти себя отъ гибели. Можетъ-быть, и дѣйствительно было бы лучше,

если бы дѣла сложились иначе,—но если они не могли сложиться иначе, то тутъ и толковать нечего. Я хорошо знаю и себя, и Сашу, и не боюсь ничего. Предоставьте же мнѣ право жить своимъ умомъ, какъ я жила въ дѣтствѣ.

— Такъ что-жъ ты, Катюша, мать-то ужъ ни за что считаешь?—жалобно и съ упрекомъ произнесла Марья Дмитріевна.—Ты думаешь, что матери такъ и должны махнуть рукой на дѣтей; пусть, молъ, хоть на головѣ ходятъ?

— И матери матерямъ рознь, и дѣти не одинаковы бываютъ, — отвѣтила Катерина Александровна. — Однѣхъ матерей нужно на помочахъ водить, а другихъ дѣтей нужно самимъ себѣ предоставить. Одно говорю вамъ: не смотрѣли за мной прежде, такъ теперь поздно смотрѣть...

— Ну, спасибо, Катюша, спасибо, дочка!—прослезилась Марья Дмитріевна.—Мать-то, значитъ, для тебя все равно, что служанка. Не смѣетъ она въ твои дѣла вмѣшиваться, не смѣетъ совѣта дочери дать... Богъ съ тобой! Сама когда-нибудь будешь матерью, узнаешь, какъ материнское-то сердце болитъ за дѣтей...

— Мама, что вы это все жалкія слова-то говорите! — раздражилась Катерина Александровна. — О чемъ вы плачете, о чемъ болитъ ваше сердце? Болѣло развѣ оно вчера, третьяго дня, годъ тому назадъ отъ того, что я любила Александра? Вѣдь вы знали это—я ни отъ кого не скрывала этого. Что же вы дѣлали? Вы только радовались, только старались оставить насъ вдвоемъ, говорили, что мы, какъ голубки, воркуемъ. Откуда же вдругъ явилась эта печаль? Дядя нашепталъ?

— Безъ него я говорила тебѣ, Катюша, безъ него говорила, что надо торопиться свадьбой, что не хорошо...

— И сами потомъ согласились, что у меня есть причины отложить свадьбу, — перебила ее Катерина Александровна.—Поймите вы, что я должна еще пробыть въ пріютѣ, пока тамъ все устроится окончательно; должна я еще послужить, чтобы не сидѣть этотъ годъ совсѣмъ на шеѣ Александра. Дайте ему самому встать на ноги, дайте мнѣ время подготовиться къ новому труду. Мы и безъ того на его счетъ живемъ.

— Не сладко, Катюша, не сладко жить на его счетъ, какъ знаешь, за что онъ даетъ эти деньги...

— А тогда сладко бы было, если бы онъ женился и, какъ батракъ, одинъ работалъ бы на насъ?

— Вы, мама,—начала она:—не отъ себя это говорите, вы чужія слова говорите!

Марья Дмитріевна обидѣлась.

— Ужъ извѣстно, что у меня и своихъ словъ нѣтъ! Глупая я! Гдѣ мнѣ что-нибудь свое выдумать!.. Я...

— Не то, мама, совсѣмъ не то! — перебила ее дочь.— Есть у васъ и свой умъ, и свое сердце, только характеръ у васъ слабый. Не подумаете и не сдѣлаете вы дурно, когда по своему разуму поступаете, а какъ настроятъ васъ другіе, вы и кажетесь и не доброю, и не разсудительною... Поступайте, лучше, какъ Богъ на душу положитъ, да людей поменьше слушайте, вотъ и будетъ хорошо, и не станете вы вертопрахами называть такихъ людей, какъ Александръ.

Катерина Александровна говорила ласковымъ, мягкимъ тономъ. не раздражаясь и не сердясь на мать. Марья Дмитріевна въ душѣ уже почти согласилась съ дочерью, но изъ ея ума еще не вышли слова Данилы Захаровича о ея слабости, и она рѣшилась быть твердою и продолжать разговоръ.

— Ужъ ты такъ и думаешь, что я ничего не вижу самато,—покачала она головой.—Вонъ и сегодня вошла я къ нему въ комнату, цѣлуетъ онъ тебя... До чего дошли! Не поженились, а цѣлуетесь!.. Развѣ это хорошо?

Катерина Александровна вспыхнула.

— Хорошо или нѣтъ—это мое дѣло,—рѣзко отвѣтила она.

— Да вѣдь ты пойми: я мать! - внушала Марья Дмитріевна. Ты еще дитя, неопытная ты. Тебѣ кажется, что все ничего, а я-то знаю, куда эти поцѣлуи ведутъ.

— Мама, — серьезно и отчетливо заговорила Катерина Александровна, приподнявшись на локтѣ въ своей постели:— опять вы не свои слова говорите. Не дитя я и не неопытная. Было время, когда я, точно, была довѣрчивою и неопытною дѣвочкой, и именно въ эти-то годы вы не слѣдили и не могли слѣдить за мною. Одна я ходила по городу, приносила вамъ кусокъ хлѣба, приносила одежду и деньги, — вы не спрашивали, откуда, вы не знали, правду ли я говорила, когда разсказывала, гдѣ я взяла все это. Въ тѣ годы, мама, я могла погибнуть и не разъ представлялся мнѣ случай добыть кусокъ хлѣба цѣною своей чести. Вы взяли бы этотъ кусокъ и даже не подумали бы, какъ онъ добытъ... Но я не погибла тогда, а теперь-то, когда я старше стала. и на жизнь насмотрѣлась, ужъ вѣрно сумѣю спасти себя отъ гибели. Можетъ-быть, и дѣйствительно было бы лучше,

если бы дѣла сложились иначе,—но если они не могли сложиться иначе, то тутъ и толковать нечего. Я хорошо знаю и себя, и Сашу, и не боюсь ничего. Предоставьте же мнѣ право жить своимъ умомъ, какъ я жила въ дѣтствѣ.

— Такъ что-жъ ты, Катюша, мать-то ужъ ни за что считаешь?—жалобно и съ упрекомъ произнесла Марья Дмитріевна.—Ты думаешь, что матери такъ и должны махнуть рукой на дѣтей; пусть, молъ, хоть на головѣ ходятъ?

— И матери матерямъ рознь, и дѣти не одинаковы бываютъ, — отвѣтила Катерина Александровна. — Однѣхъ матерей нужно на помочахъ водить, а другихъ дѣтей нужно самимъ себѣ предоставить. Одно говорю вамъ: не смотрѣли за мной прежде, такъ теперь поздно смотрѣть...

— Ну, спасибо, Катюша, спасибо, дочка!—прослезилась Марья Дмитріевна.—Мать-то, значитъ, для тебя все равно, что служанка. Не смѣетъ она въ твои дѣла вмѣшиваться, не смѣетъ совѣта дочери дать... Богъ съ тобой! Сама когда-нибудь будешь матерью, узнаешь, какъ материнское-то сердце болитъ за дѣтей...

— Мама, что вы это все жалкія слова-то говорите! — раздражилась Катерина Александровна. — О чемъ вы плачете, о чемъ болитъ ваше сердце? Болѣло развѣ оно вчера, третьяго дня, годъ тому назадъ отъ того, что я любила Александра? Вѣдь вы знали это—я ни отъ кого не скрывала этого. Что же вы дѣлали? Вы только радовались, только старались оставить насъ вдвоемъ, говорили, что мы, какъ голубки, воркуемъ. Откуда же вдругъ явилась эта печаль? Дядя нашепталъ?

— Безъ него я говорила тебѣ, Катюша, безъ него говорила, что надо торопиться свадьбой, что не хорошо...

— И сами потомъ согласились, что у меня есть причины отложить свадьбу, — перебила ее Катерина Александровна.—Поймите вы, что я должна еще пробыть въ пріютѣ, пока тамъ все устроится окончательно; должна я еще послужить, чтобы не сидѣть этотъ годъ совсѣмъ на шеѣ Александра. Дайте ему самому встать на ноги, дайте мнѣ время подготовиться къ новому труду. Мы и безъ того на его счетъ живемъ.

— Не сладко, Катюша, не сладко жить на его счетъ, какъ знаешь, за что онъ даетъ эти деньги...

— А тогда сладко бы было, если бы онъ женился и, какъ батракъ, одинъ работалъ бы на насъ?

— Кто же, матушка, и долженъ работать, какъ не мужъ? И твой отецъ, когда былъ молодъ, работалъ на семью...

— Ну, вы знаете, до чего отецъ-то доработался, а я хочу, чтобы мой мужъ не одинъ работалъ... Впрочемъ, это мое дѣло... Васъ же я попрошу только никого не слушать, ничьихъ совѣтовъ не принимать... Вотъ вы мнѣ цѣлую ночь отравили, вы у меня сонъ и спокойствіе сегодня отняли, а изъ-за кого, подъ вліяніемъ чьихъ совѣтовъ? Это вамъ дядя нашепталъ, — тотъ самый дядя, который знать насъ не хотѣлъ, который жилъ воровствомъ и подлостью, который не могъ сдѣлать своей собственной жены честною женщиной, котораго не уважаютъ даже его дѣти, который былъ бы радъ, если бы я продалась Свищову и благодѣтельствовала бы изъ денегъ этого старика своей роднѣ? И ради этого-то человѣка вы встревожили меня. Его-то словамъ вы придаете болѣе значенія, чѣмъ моимъ. Стыдитесь, мама! Или не любите вы меня, или не умѣете вы любить... Богъ вамъ судья!..

Катерина Александровна отвернулась къ стѣнѣ.

— Катюша, Катюша, голубушка! — заговорила испуганная и взволнованная Марья Дмитріевна.—Не сердись ты на меня, на глупую!.. Ну, не буду, не буду... Вѣдь мать я, мать!..

— Ступайте, — тихо проговорила Катерина Александровна.— Ступайте!

— Да ты хоть поцѣлуй меня, родная!—хныкала Марья Дмитріевна.

Катерина Александровна пожала плечами и холодно поцѣловала мать. Она понимала, что между ею и матерью лежала непроходимая пропасть взаимнаго непониманія. Мать не понимала «умныхъ», какъ она выражалась, словъ дочери; дочь не трогали «жалкія» слова матери. Мать думала, что каждое примиреніе выражается поцѣлуями и чувствительными сценами; дочь ненавидѣла эти сцены и сознавала, что примиреніе только тогда дѣйствительно, когда мы убѣдимъ противника въ справедливости своихъ убѣжденій. А пропасть, лежавшая теперь между этими двумя женщинами, должна была дѣлаться все шире и шире. Если явятся очевидные признаки тѣсной связи Катерины Александровны и Александра Прохорова, — что скажетъ мать? Если придется вести борьбу съ дядей за его дѣтей, — на чьей сторонѣ станетъ мать? Если нужно будетъ рѣшиться на какое-нибудь опасное дѣло, — какъ отнесется къ этому

мать? Не будетъ ли она всегда и вездѣ тормозомъ для семьи? И гдѣ же тѣ слова, гдѣ тѣ убѣжденія, гдѣ тѣ силы, которыя заставили бы Марью Дмитріевну согласиться съ мнѣніемъ дочери? Катерина Александровна невольно вспомнила утренній разговоръ съ Александромъ Прохоровымъ о неизбѣжности разлада между людьми разныхъ поколѣній, разныхъ сословій, разныхъ степеней развитія. «Неужели же мнѣ когда-нибудь придется пожертвовать матерью ради того или другого убѣжденія?—думалось Катеринѣ Александровнѣ.—Нѣтъ, я слишкомъ сильно люблю ее, слабую, безпомощную, жалкую. Развѣ она виновата, что она не понимаетъ меня? Развѣ я могу быть причиной ея мученій? Гдѣ у меня эти силы? Мое сердце облилось бы кровью, если бы мнѣ пришлось купить хоть что-нибудь цѣною ея счастія... Но если нельзя будетъ иначе сдѣлать? Если придется поставить на карту ея счастіе и хорошее дѣло? Что тогда? Отступить или перешагнуть черезъ преграду?—Катерина Александровна взялась за голову.—Боже мой, Боже мой! зачѣмъ это вѣчно приходится или ломать себя, или шагать къ своей цѣли черезъ людей!.. Не оттого ли такъ трудно идти къ цѣли, что на дорогѣ иногда являются преградою дорогія намъ личности!.. Я, не смущаясь, боролась съ Зубовой и Постниковой, а сама вырывала имъ яму, и моя совѣсть спокойна... Но мать, мать, которая лелѣяла меня въ дѣтствѣ, которая, по своему разумѣнію, положила за меня свою душу... Нѣтъ, никогда не хватитъ у меня силъ перешагнуть черезъ нее. Я буду ее убѣждать, буду ее просить, но больше ничего не могу я сдѣлать»..

Катерина Александровна заснула только подъ утро тяжелымъ и тревожнымъ сномъ. Что-то недоброе чуяло ея сердце.

II.

Семейный разладъ.

Быстро пролетѣлъ свободный мѣсяцъ Катерины Александровны: пролетѣло и лѣто. Опять начался трудъ послѣ отдыха, начались будни послѣ праздниковъ. Сталъ ходить въ гимназію Антонъ, уѣхалъ въ училище Миша, все вошло въ старую колею, и, повидимому, новый учебный и трудовой годъ долженъ былъ походить, какъ двѣ капли воды, на старый.

Въ пріютѣ шла дѣятельная новая жизнь: почти всѣ проекты Софьи Андреевны были приняты и приводились

въ исполненіе. Осенью назначалась выставка дѣтскихъ работъ, зимой предполагался балъ въ пользу пріюта и устраивалась лотерея. Всѣ спѣшили приготовлять работы къ выставкѣ, всѣ торопились шить новые наряды для невѣсты молодого графа Бѣлокопытова. Софья Андреевна и Катерина Александровна носились изъ конца въ конецъ по пріюту, поощряли дѣтей и хотѣли блеснуть успѣхами дѣвочекъ и доказать пользу нововведеній, чтобы эти нововведенія, наконецъ, вошли въ уставъ пріюта. Катерина Александровна сознавала, что послѣднее важнѣе всего, что самая малѣйшая неудача нововведеній опасна именно теперь, покуда эти нововведенія существуютъ, такъ сказать, незаконнымъ образомъ, что успокоиться можно будетъ только тогда, когда новый уставъ утвердится, и когда все, дѣлающееся теперь какъ бы на пробу, войдетъ въ законную силу и приметъ характеръ разъ навсегда заведенной машины. Порой Катерина Александровна уже начинала поговаривать, что можно бы еще болѣе усилить образованіе дѣтей, чтобы дать имъ возможность быть конторщицами, корректорщами, учительницами въ мелкихъ народныхъ школахъ, превратить пріютъ въ семинарію и дать, такимъ образомъ, обществу возможность имѣть народныхъ учительницъ. Она давно забыла приказаніе старой графини Бѣлокопытовой не учить дѣтей ничему, кромѣ русской грамоты и Закона Божьяго, и все сильнѣе и сильнѣе хлопотала о расширеніи курса ариѳметики, исторіи и географіи. Въ собраніяхъ Софьи Андреевны, подъ вліяніемъ Катерины Александровны и Александра Прохорова, планы о расширеніи подготовки дѣтей и о женскомъ трудѣ росли не по днямъ, а по часамъ. Только иногда забѣгали слишкомъ далеко впередъ: кружокъ толковалъ уже о народныхъ школахъ, которыя, вѣроятно, станутъ быстро распространяться послѣ освобожденія крестьянъ; онъ говорилъ о возможности устроить артельныя швейныя и прачечныя мастерскія; нѣкоторые члены кружка предлагали учить дѣтей и башмачному мастерству, такъ какъ оно довольно выгодно при возрастающихъ цѣнахъ на женскую обувь. Но покуда распространять дѣятельность пріюта было еще очень трудно, такъ какъ графы Бѣлокопытовы и комитетъ не давали ни одного лишняго гроша противъ стараго бюджета. Софья Андреевна не имѣла въ запасѣ такихъ средствъ, чтобы поддержать пріютъ на свой счетъ, и потому нужно было, какъ она выражалась, «изобрѣтать средства». Она дѣ-

ствительно «изобрѣтала» средства и иногда довольно эксцентричнымъ образомъ: такъ, ей удалось побудить одного богатаго купца пожертвовать денегъ на пріютъ ради того, что за это пожертвованіе онъ будетъ приглашенъ въ домъ Бѣлокопытовыхъ и сдѣлается почетнымъ членомъ бѣлокопытовскихъ благотворительныхъ заведеній. Пожертвованіе, открывшее добродѣтельному коммерсанту доступъ въ графскія палаты, было настолько крупно, что помогло не только пріюту, но отчасти и самому Дмитрію Васильевичу, все еще не успѣвшему привести окончательно въ порядокъ свои денежныя дѣла. Дмитрій Васильевичъ былъ въ восторгѣ отъ ловкости Софьи Андреевны и называлъ ее «геніальною женщиной». Она смѣялась и увѣряла графа, что ея изобрѣтательность пойдетъ и дальше. Дѣйствительно, она не лгала. Въ одномъ изъ собраній ея молодого кружка было рѣшено устроить спектакль съ благотворительною цѣлью и употребить вырученныя деньги на пріютъ. Спектакли съ благотворительною цѣлью были тогда въ полномъ ходу. Молодежь обрадовалась предстоящему удовольствію, и начались пренія насчетъ выбора пьесъ, насчетъ выбора актеровъ. Залу рѣшились просить у графа Дмитрія Васильевича. Онъ былъ готовъ сдѣлать все, что просила Софья Андреевна. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ принимали самое дѣятельное участіе въ хлопотахъ, и послѣдній даже долженъ былъ играть довольно видную комическую роль въ спектаклѣ, несмотря на всѣ его протесты. Онъ ѣздилъ въ домъ графа Бѣлокопытова, распоряжался насчетъ устройства сцены и въ одинъ изъ подобныхъ хлопотливыхъ дней встрѣтился съ Дмитріемъ Васильевичемъ. Графъ перекинулся съ нимъ нѣсколькими словами и пожелалъ полной удачи спектаклю. На спектакль собралось много народу, по большей части изъ аристократіи. Въ числѣ зрителей была и Денисова, пріѣхавшая со своими дѣтьми. Пьесы сошли довольно удачно, и публика благосклонно вызвала нѣсколько разъ актеровъ-любителей. При послѣднемъ вызовѣ Александръ Прохоровъ вышелъ безъ парика.

— Мама, да это нашъ учитель математики, — замѣтилъ одинъ изъ сыновей Денисовой.

— О, да онъ, значитъ, на всѣ руки молодецъ, — засмѣялся графъ Дмитрій Васильевичъ.—Я на-дняхъ видѣлъ его здѣсь хозяйничавшаго и устраивавшаго сцену.

— Онъ, говорятъ, писатель,—замѣтилъ сынъ Денисовой.

— Вотъ какъ!... Какъ его фамилія?

Сынъ сказалъ. Оказалось, что и Денисова, и графъ Дмитрій Васильевичъ знали эту фамилію и читали послѣднія статьи Прохорова, возбудившія толки въ обществѣ.

— Надо бы познакомиться съ нимъ, — сказала Денисова. — Сережа будетъ весной держать экзаменъ, такъ не худо бы попросить этого господина получше заняться съ нимъ... Онъ у меня плохой счетчикъ!..

Когда кончился спектакль, и публика стала разъѣзжаться, Александръ Прохоровъ вышелъ въ залу и остановился поговорить съ Левашовымъ, бывшимъ въ числѣ зрителей. Графъ Дмитрій Васильевичъ подошелъ къ нимъ. Онъ зналъ Левашова, какъ полковника генеральнаго штаба и какъ довольно видную личность въ литературѣ; съ Александромъ Прохоровымъ его личное знакомство ограничивалось покуда одною встрѣчей. Съ любезностью свѣтскаго человѣка и барина стараго закала, графъ высказалъ мелькомъ похвалу игрѣ Александра Прохорова, сказалъ вскользь, что онъ давно знакомъ съ его литературною дѣятельностью, и кстати замѣтилъ, что съ нимъ желаетъ познакомиться Денисова.

— Я надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь и останетесь у меня на чашку чаю, — прибавилъ онъ, слегка пожимая руки собесѣдниковъ. — Я очень радъ, что этотъ спектакль далъ мнѣ случай видѣть васъ у себя въ домѣ...

Все это было высказано безъ заискиванія, но въ то же время и безъ высокомѣрія,—спокойно и просто. Отказаться отъ радушнаго предложенія было невозможно, и графъ повелъ своихъ гостей въ свои комнаты, гдѣ уже собралось нѣсколько человѣкъ его знакомыхъ.

— Веду военнопѣшихъ, — пошутилъ онъ, представляя гостямъ своихъ новыхъ знакомыхъ.

Слѣдомъ за рекомендаціей послышалось нѣсколько комплиментовъ Александру Прохорову; особенно разсыпался въ любезностяхъ Алексѣй Дмитріевичъ, желавшій показать, что и онъ не отстаетъ отъ вѣка и вполнѣ сочувствуетъ передовой части литературы. Онъ съ ловкостью свѣтскаго либерала замѣтилъ, что у него есть много «общихъ знакомыхъ» съ Александромъ Флегонтовичемъ и выразилъ надежду видѣть послѣдняго у себя. Алексѣй Дмитріевичъ въ эту пору избралъ своимъ конькомъ «сліяніе сословій». Эта идея имѣла для него то же значеніе, какъ и всякая другая модная затѣя. Потомъ кто-то заговорилъ объ одной

изъ ученыхъ работъ Левашова, и уже черезъ пять минутъ Левашовъ ораторствовалъ, по своему обыкновенію, какъ будто онъ былъ среди своихъ учениковъ на профессорской каѳедрѣ. Александромъ Прохоровымъ, между тѣмъ, завладѣла Денисова.

— У меня до васъ есть большая просьба, — заговорила она. — Я вѣдь отчасти знакома съ вами: вы учите моего сына въ пансіонѣ Давыдова. Но тамъ у васъ столько учениковъ, что вамъ невозможно обращать вниманіе на каждаго отдѣльно. Вотъ почему я обращаюсь къ вамъ.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ Александръ Прохоровъ.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы давали уроки моему Сережѣ у меня на дому...

— Мнѣ очень жаль, что я почти не имѣю возможности исполнить ваше желаніе, — отвѣтилъ Александръ Прохоровъ. — У меня такъ мало времени... Я занятъ службой, уроками и разными другими работами...

— Знаю, знаю! Вѣдь вы пишете... Я читала вашу статью о воспитаніи, — замѣтила Денисова. — Вы очень мѣтко, хотя и слишкомъ зло, напали въ ней на насъ, бѣдныхъ родителей... Дѣйствительно, мы такъ часто сами вредимъ дѣтямъ своею безтактностью, своими неумѣстными ласками и своими еще болѣе неумѣстными вспышками... Но что же дѣлать? Жизнь такъ портитъ характеры, дѣлаетъ насъ раздражительными, нервными... Иногда видишь, что поступаешь не такъ, какъ слѣдуетъ, а поправить ошибки не можешь... Я на васъ даже посердилась немного, — ласково и дружески промолвила Денисова. — Вы нападаете на насъ такъ, какъ будто думаете, что мы имѣли возможность быть своего рода совершенствомъ. Это ошибка! Вѣдь старое поколѣніе, мы отцы и матери подрастающихъ дѣтей, росли при еще болѣе дурныхъ условіяхъ. Какъ же требовать отъ насъ невозможнаго? Это несправедливо.

— Я и не требовалъ невозможнаго, — улыбнулся Александръ Прохоровъ.—Я только указывалъ, что нужно измѣнить, въ чемъ нужно исправиться.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сознайтесь, что вы нападали слишкомъ жестоко! — засмѣялась Денисова беззвучнымъ смѣхомъ. — Капельки яду, капельки желчи влиты у васъ въ каждую фразу.

— Есть вещи, о которыхъ нельзя говорить спокойно,— пожалъ плечами Александръ Прохоровъ.

— Согласна, согласна! Но вотъ вы казните насъ и говорите о необходимости исправленія. Исправляйте же насъ, помогайте намъ! Вы безупречны, вы безошибочны, ну, и ведите насъ на свою дорогу... А то вы пишете статьи, громите насъ, а сами прячетесь отъ насъ на какія-то недосягаемыя высоты.

— Это еще вопросъ, кто изъ насъ удалился на недосягаемыя высоты: вы или мы,—улыбнулся Александръ Прохоровъ.

— Вы, вы!

— Не думаю. Мнѣ кажется, вамъ не стоило никакого труда проникнуть въ наши бѣдные углы; вы могли просто призвать насъ, и мы явились бы къ вамъ на помощь. Мы же...

— Ловлю васъ на словѣ, — весело перебила его Денисова.—Вы говорите, что вы явились бы на нашъ зовъ, а вотъ теперь я зову васъ, и вы отвѣчаете отказомъ на первый же мой призывъ...

Александръ Прохоровъ засмѣялся.

— У меня находится только одно оправданіе, что это случайность, а не недостатокъ доброй воли, — отвѣчалъ онъ.—Если бы была возможность,.

— О, не говорите, не говорите этого. Чего мы хотимъ, то возможно! — произнесла Денисова. — Откажитесь отъ какого-нибудь урока, я не пожалѣю ничего, чтобы пріобрѣсти васъ.

— Подкупить хотите? — засмѣялся Прохоровъ. — Но я хотя и цѣню не дешево свой трудъ, а все-таки не продаю его съ аукціоннаго торга.

— Вы меня не поняли! Я не ясно выразилась! — поспѣшно возразила Денисова.—Я хотѣла сказать, что я готова сама ѣхать, къ кому вы скажете, и просить, чтобы мнѣ уступили васъ.

— Вамъ, право, трудно отказать въ просьбѣ,—замѣтилъ Прохоровъ.—И если бы была возможность, то я...

— Графъ, уговорите этого упрямца, — обратилась Денисова къ подошедшему Дмитрію Васильевичу, не слушая новыхъ возраженій. — Не хочетъ давать уроки моему Сережѣ. Я, право, начинаю думать, что онъ имѣетъ что-нибудь противъ меня лично...

Дмитрій Васильевичъ очень любезно началъ уговаривать Прохорова. Атака была сильна, и Прохорову пришлось согласиться. Съ одной стороны, онъ очень хорошо понималъ то, что его приглашали въ учителя не ради какихъ-нибудь

разумныхъ основаній, а просто потому, что онъ началъ входить въ моду, съ другой стороны, онъ не имѣлъ особенныхъ причинъ отказываться отъ уроковъ у Денисовой, которые хотя и не могли принести какихъ-нибудь благихъ результатовъ, но имѣли значеніе просто выгодныхъ для него лично уроковъ. Денисова торжествовала. Эта свѣтская барыня имѣла довольно темное прошлое. Она, при помощи своихъ денегъ, покупала себѣ графскій титулъ съ разорившимся мужемъ въ видѣ приданаго; теперь она, опять-таки при помощи своихъ денегъ, пріобрѣла въ учителя «литератора», «новаго писателя», человѣка, вращавшагося въ кругу ученыхъ и литературныхъ знаменитостей. Блестѣть богатствомъ, блестѣть громкимъ титуломъ, окружить себя въ салонѣ лучшими картинами, лучшими статуями, извѣстными дипломатами, учеными, музыкантами и пѣвцами, — вотъ все, къ чему стремилась Денисова. За этою внѣшнею жизнью скрывалась у нея и другая, внутренняя жизнь: холодное, пренебрежительное, иногда возмутительно черствое и грубое отношеніе къ безыменнымъ массамъ, ко всѣмъ, кто ничѣмъ не выдавался впередъ; очень недвусмысленное стремленіе полюбезничать, войти въ мимолетныя связи съ тѣми или другими извѣстными личностями; умѣнье поиграть и насладиться вѣтреною любовью и остаться «другомъ» тѣхъ, кому за недѣлю давались клятвы вѣчной любви; мелочное раздраженіе и мстительное чувство противъ тѣхъ, которые осмѣлились уклониться отъ разставленныхъ имъ сѣтей изъ розъ; полнѣйшее отсутствіе серьезныхъ убѣжденій и взглядовъ на жизнь и умѣнье болтать обо всемъ, — вотъ все, что составляло внутреннюю жизнь Денисовой. Если бы оставить ее безъ денегъ, безъ титуловъ, безъ всякихъ внѣшнихъ украшеній, она явилась бы одною изъ самыхъ ничтожныхъ и безцвѣтныхъ личностей, которую не замѣтилъ бы никто, которая не могла бы добыть куска хлѣба не только трудомъ, но даже развратомъ, такъ какъ она была даже не хороша собою. Но теперь она являлась свѣтиломъ въ обществѣ; ей поклонялись, около нея вертѣлись сотни людей, ея вѣтреною любовью дорожили даже неглупые и далеко не ничтожные люди. По обыкновенію, никто не думалъ разоблачить мысленно этотъ кумиръ и потому не могъ понять, что это пустой манекенъ, передъ которымъ склоняются люди, ослѣпленные его внѣшними украшеніями. Если кто-нибудь не уважалъ и презиралъ ее, то развѣ только ея женихъ.

Прохоровъ впервые попалъ въ домъ этой барыни именно въ то время, когда она только-что вышла замужъ за графа Бѣлокопытова и окружила себя «сливками» общества. Ея салонъ сдѣлался не только пристанищемъ болѣе или менѣе извѣстныхъ людей, но и явился центромъ, гдѣ вожаки петербургскаго общества обсуждали самый животрепещущій вопросъ того времени — вопросъ о крестьянской реформѣ. Великая реформа была «злобой дня» и не могла не вызывать особенно въ этой средѣ самыхъ горячихъ споровъ. Общество дѣлилось на кружки: одни стояли за безусловное освобожденіе крестьянъ; другіе выражали мнѣніе, что освобожденіе преждевременно; третьи стояли за то, что нельзя освободить крестьянъ даромъ, что уступка извѣстныхъ правъ непремѣнно должна повлечь за собою извѣстное вознагражденіе въ видѣ полученія новыхъ правъ. Къ числу людей послѣдней партіи принадлежалъ и Алексѣй Дмитріевичъ, бывшій ярымъ поклонникомъ Англіи. Онъ стоялъ за свободу печати, за гласный судъ, за самоуправленіе и считался въ кругу своихъ противниковъ опаснымъ человѣкомъ, крайнимъ. Онъ горячился, говорилъ рѣзкія рѣчи, приводилъ своею смѣлостью въ смущеніе боязливыхъ людей и составлялъ въ этомъ случаѣ полнѣйшій контрастъ со своимъ отцомъ. Послѣдній не гонялся за молодыми идеями, считалъ, повидимому, себя выше ихъ и спокойнымъ тономъ говорилъ:

— Я консерваторъ. Я не понимаю, какъ можетъ быть не консерваторомъ человѣкъ изъ нашего круга.

Алексѣй Дмитріевичъ гонялся за писателями передовой партіи, Дмитрій же Васильевичъ прямо говорилъ имъ:

— Я, господа, не раздѣляю вашихъ убѣжденій... Но я люблю, когда человѣкъ страстно стоитъ за свою идею... Я врагъ всякихъ ложныхъ положеній и колебаній...

Алексѣй Дмитріевичъ жилъ всѣми интересами дня, Дмитрій же Васильевичъ попрежнему велъ широкую жизнь и чаще бывалъ у Матильды, чѣмъ на разныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ.

Попавъ въ этотъ кружокъ, гдѣ кипѣла дѣйствительная борьба и дѣлалось настоящее дѣло, Александръ Прохоровъ воспользовался своимъ положеніемъ. Онъ спорилъ рѣдко, сознавая, что его споры принесутъ мало пользы, такъ какъ въ глазахъ этихъ людей онъ все-таки могъ явиться только теоретикомъ, человѣкомъ, который стоитъ за извѣстныя идеи, можетъ-быть, только потому, что осуществленіе этихъ

идей не принесетъ ему лично ни вреда, ни пользы. Но въ то же время онъ сознавалъ, что ему очень выгодно выслушивать всѣ эти пренія и давать на нихъ отвѣты путемъ печати. Здѣсь онъ могъ узнать многое, что дѣлалось и готовилось за кулисами, и ему было очень удобно слѣдить за этимъ. За это дѣло онъ взялся со всею энергію, со всѣмъ жаромъ человѣка, преданнаго извѣстной идеѣ. Ему было не трудно найти мѣсто для своихъ замѣтокъ и статей въ газетахъ и журналахъ; Левашовъ имѣлъ обширный кругъ знакомства въ литературномъ мірѣ, да и самъ Александръ Прохоровъ уже успѣлъ завести знакомыхъ между журналистами; его статьи «о тѣлесныхъ наказаніяхъ» и «воспитаніи въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ», несмотря на то, что онѣ появились не вполнѣ, успѣли доставить ему извѣстность, и потому онъ былъ желаннымъ гостемъ въ различныхъ редакціяхъ. Но чѣмъ сильнѣе шла словесная борьба, тѣмъ рѣзче дѣлались статьи Александра Прохорова. и нерѣдко имъ было суждено оставаться въ портфелѣ автора, Когда дѣло шло о высказываніи извѣстныхъ убѣжденій, Александръ Прохоровъ ухитрялся быть мудрымъ, какъ змій и кроткимъ, какъ голубь, и, при помощи этого умѣнья, вы, сказывать между строками тѣ мысли, которыя въ ту пору не могли быть выражены въ строкахъ. Но онъ терпѣлъ полнѣйшее фіаско, когда дѣло шло о различныхъ «обличеніяхъ», гдѣ уже приходилось волей-неволей говорить прямо и ставить точки на і, какъ говорятъ французы. Двѣ, три статейки, напечатанныя имъ и носившія, такъ сказать, локальный запахъ салона новобрачной графини Бѣлокопытовой, были замѣчены петербуржцами и возбудили ожесточенные споры въ бѣлокопытовскихъ салонахъ. Молодой графъ Бѣлокопытовъ потиралъ руки отъ удовольствія, такъ какъ статейки были направлены противъ его противниковъ.

— Поздравляю васъ съ полнымъ успѣхомъ, — дружески замѣтилъ онъ однажды Александру Прохорову, взявъ его подъ руку и ходя съ нимъ въ сторонѣ отъ гостей.

— Съ какимъ? Я васъ не понимаю, — наивно спросилъ Александръ Прохоровъ, дѣлая удивленное лицо.

— Ну, между нами можно безъ таинственности,—улыбнулся графъ.—Вы высказали именно то, что не сумѣлъ бы сказать я, хотя подъ вашими статьями я охотно подписалъ бы свое имя.

— Подъ какими статьями?—изумился Александръ Флегонтовичъ.

Графа задѣла за живое эта недовѣрчивость. Онъ назвалъ статьи.

— Вы думаете, что ихъ писалъ я?—спросилъ Александръ Прохоровъ.

— Я увѣренъ.

Александръ Прохоровъ пожалъ плечами.

— Я вижу, что вы мнѣ отчасти не довѣряете, — замѣтилъ Бѣлокопытовъ.— Между нами есть маленькая разница: я раздѣляю всѣ ваши взгляды на крестьянскую реформу и на многое другое, но вы не раздѣляете моихъ взглядовъ на дворянскую реформу. Мнѣ очень грустно это разногласіе, тѣмъ болѣе, что я знаю, что ошибаюсь не я, а вы. Говоря откровенно, ваша партія стоитъ на ложной дорогѣ, нападая на такихъ людей, какъ, напримѣръ, Монталамберъ или Кавуръ, и притомъ нападая на нихъ именно въ то время, когда они являются горячими защитниками англійскаго строя жизни.

— Признаюсь откровенно, я не вижу тутъ никакой ошибки и, право, думаю, что на насъ не лежитъ обязанности возжигать любовь къ этимъ публичнымъ болтунамъ. Всѣ ихъ словоизверженія съ трибуны не только не помогаютъ дѣлу, но скорѣе служатъ къ убаюкиванію людей, къ усыпленію и примиренію на золотой серединѣ...

— А, батюшка, поступательное движеніе неизбѣжно! Вотъ вы всѣ, господа теоретики, нападаете теперь на неполноту нашей гласности, глумитесь надъ ней, глумитесь надъ разными борзописцами, въ родѣ Розенгеймовъ и Бенедиктовыхъ, восхваляющихъ наше время...

— Вы, кажется, сами презираете ихъ? — перебилъ со смѣхомъ Александръ Прохоровъ.

— Ну-да, ну-да!—засмѣялся графъ Бѣлокопытовъ.—Но это между нами. А въ обществѣ, въ печати надо стоять за нихъ. Это тѣ ласковые телята, которые двухъ матокъ сосутъ, которые подготовляютъ лучшій путь; они говорятъ: все обстоитъ благополучно, дерзайте же и идите дальше.

— Здѣсь, дѣйствительно, наши взгляды расходятся,— замѣтилъ Прохоровъ. — Я думаю, что они говорятъ: все обстоитъ благополучно, и потому не о чемъ больше заботиться и можно спать.

— Ошибаетесь, ошибаетесь! Общество не можетъ заснуть, какъ бы его ни баюкали.

— Однако, спало же оно столько лѣтъ.

— Оно не спало, оно шло только другою дорогою, не тою,

которой слѣдовало идти. А почему оно пошло на нее? Не потому, что его убаюкали сладкорѣчивые одописатели, а потому, что люди вашего закала испугали его, указавъ ему вдругъ на тотъ скачокъ, который еще должно сдѣлать для своего благополучія. Вы показываете крайнія цѣли, и общество пугается трудностей и невзгодъ этого тяжелаго и длиннаго пути, который ему предлагаютъ пройти безъ отдыха. Покажите станціи, покажите возможность отдыха, и общество пойдетъ за вами. Я вамъ смѣло пророчу, что вы ничего не сдѣлаете со своею системою дѣйствія.

— Я не пророкъ и потому не стану говорить, сдѣлаете ли что-нибудь вы,—улыбнулся Александръ Прохоровъ.—Но я знаю только одно, что правительство сдѣлаетъ крестьянскую реформу, а всѣ благомыслящіе люди постараются внести и свою лепту труда для скорѣйшаго разрѣшенія этой реформы.

— На этомъ поприщѣ, конечно, вы считаете меня своимъ союзникомъ?

— Разумѣется,—улыбнулся Прохоровъ.

И онъ, и графъ Бѣлокопытовъ какъ бы ощупывали другъ друга и старались заглянуть другъ къ другу поглубже въ душу. Александръ Прохоровъ велъ себя сдержанно и не высказывался, чувствуя невольную антипатію къ либеральничающему англоману; но въ то же время онъ старался не раздражать его, чтобы пользоваться черезъ него и его кружокъ тѣми свѣдѣніями и новостями, которыя были ему нужны. Графъ не долюбливалъ его въ душѣ, рѣшивъ, что это опасный человѣкъ, «одинъ изъ тѣхъ, которые рѣшаются на все, потому что имъ самимъ нечѣмъ жертвовать», но въ то же время графъ считалъ полезнымъ и не лишнимъ проводить черезъ него, какъ и черезъ другихъ журналистовъ, въ литературу извѣстные слухи, онъ считалъ не лишнимъ «натравливать» его на извѣстныхъ людей и, главное, считалъ не лишнимъ вывѣдать хотя отчасти мнѣнія «этихъ головорѣзовъ», какъ онъ выражался въ душѣ про Прохорова и его близкихъ. Иногда графа бѣсила сдержанность Прохорова, но, съ ловкостью закаленнаго въ интригахъ человѣка, онъ сдерживалъ себя и велъ атаку неожиданными набѣгами, нападалъ врасплохъ, разгорячалъ врага до того, что тотъ дѣлалъ промахи и высказывался случайно. Но борьба была не легка. Александръ Прохоровъ горячился рѣдко, врасплохъ его было трудно застать. Онъ очень ясно видѣлъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и держался насторожѣ.

Въ его манерѣ отвѣчать явилась тонкая иронія, насмѣшливая усмѣшечка, неопредѣленная шутливость.

— Право, порой можно подумать, что вы на все смотрите чрезвычайно легко, — говорилъ графъ, блѣднѣя отъ злости.— У васъ все шуточки, да улыбочки.

— Нравъ такой веселый, — шутилъ Александръ Прохоровъ.

— Нѣтъ-съ, это не то!—говорилъ графъ.— Подъ этими усмѣшечками кроется презрѣніе къ человѣчеству, жалкое недовѣріе ко всему и ко всѣмъ. Это теперь не въ васъ однихъ. это общая черта во всѣхъ вашихъ. Для васъ нѣтъ ничего святого...

— Графъ, зачѣмъ же такія страшныя слова употреблять, — смѣялся Александръ Прохоровъ.

— Да-съ, для васъ нѣтъ ничего святого! Вы не вѣрите ни во что и ни въ кого. Но знаете ли, къ чему это ведетъ? Къ полнѣйшему внутреннему разъединенію. И въ какую эпоху является это разъединеніе? Когда не только люди одной партіи, но и люди различныхъ оттѣнковъ должны сойтись вмѣстѣ. Намъ сліяніе нужно. А вы сторонитесь отъ насъ, враждебно смотрите на насъ...

— Такъ вы, значитъ, убѣждены, что я вамъ врагъ?— засмѣялся Прохоровъ.

— Ну, нѣтъ, нѣтъ!—опомнился графъ.—Я этого не говорю! Я просто упрекаю васъ въ недостаткѣ искренности. У васъ какой-то камень есть всегда за пазухой.

— Его, графъ, велитъ держать народная мудрость.

Графъ злился въ душѣ и старался весело улыбаться. Но если онъ гонялся за Александромъ Прохоровымъ и ему подобными людьми для своихъ цѣлей, ради рекогносцировки во враждебномъ лагерѣ, ради высказыванья подъ чужой фирмой, за чужой отвѣтственностью извѣстныхъ идей, то графиня, съ своей стороны, тоже не упускала случая и пріударяла за Александромъ Прохоровымъ. Ей нравилось это молодое, свѣжее лицо, ее интересовалъ этотъ молодой человѣкъ, постоянно оживленно говорившій о серьезныхъ вещахъ, повидимому, очень страстный и очень увлекающійся. Ей хотѣлось создать маленькій романъ, устраивать которые она такъ любила. Но любезности графини пропадали даромъ, и Александръ Прохоровъ постоянно отшучивался, какъ только разговоръ заходилъ за черту простой болтовни и начиналъ принимать нѣсколько сентиментальный или интимный характеръ. Подобный образъ дѣйствія

начиналъ раздражать эту женщину, привыкшую къ легкимъ побѣдамъ надъ толпою тѣхъ праздныхъ мужчинъ, которые считаютъ выгоднымъ пользоваться первымъ намекомъ на маленькую интрижку. Александръ Прохоровъ менѣе чѣмъ когда-нибудь нуждался въ это время въ подобныхъ легонькихъ интрижкахъ, да, можетъ-быть, и въ другое время не увлекся бы румянами и блестящими тряпками отцвѣтшаго и вовсе неинтереснаго созданія. Онъ, можетъ-быть, сразу оборвалъ бы всякія сношенія съ графиней и рѣзко положилъ бы конецъ этимъ заигрываніямъ, если бы этотъ домъ не былъ ему нуженъ для его цѣлей. Онъ сознавалъ, что ему выгодно занимать наблюдательный постъ въ чужомъ лагерѣ и извлекать выгоды изъ своего положенія. Нѣсколько свѣдѣній, нѣсколько новостей, которыхъ онъ не могъ напечатать въ Россіи, были отосланы имъ за границу. Разъ вступивъ на этотъ скользкій путь, онъ уже не могъ сойти съ него: ему писали изъ-за границы, что его корреспонденціи о нашихъ закулисныхъ дѣлахъ будутъ всегда приняты съ благодарностью. Кажется, и это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія Алексѣя Дмитріевича, и онъ одобрилъ въ душѣ образъ дѣйствія своего союзника-врага. Куда ведетъ этотъ путь вступившаго на него человѣка, — этотъ, можетъ-быть, вполнѣ естественный въ настоящее время спокойствія вопросъ, тогда не приходилъ и въ голову никому. Дѣло кипѣло, страсти были сильно возбуждены, всѣ спѣшили дѣлать то или другое и менѣе всего думали о томъ, что выйдетъ изъ ихъ образа дѣйствій лично для нихъ.

Зимній сезонъ, между тѣмъ, приходилъ къ концу. Въ пріютѣ все шло уже по новому, и комитетъ окончательно рѣшился ввести въ уставъ всѣ нововведенія, придуманныя Катериной Александровной и Софьею Андреевной: образцовыя прачечная и кухня, шитье модныхъ нарядовъ, обученіе парикмахерскому искусству, расширеніе курса наукъ, все это вошло теперь въ законную силу. Только постройка церкви, начатая графиней Дарьей Федоровной, туго подвигалась къ концу за недостаткомъ средствъ. Сама графиня Дарья Федоровна давно была подъ опекой, и въ качествѣ сумасшедшей сидѣла въ четырехъ стѣнахъ подъ надзоромъ сидѣлки, получившей строжайшее предписаніе не допускать къ больной никого.

Въ эту пору въ домѣ Прилежаевыхъ начали разыгрываться все чаще и чаще разныя сцены довольно грустнаго

свойства. Дорогой дядюшка Катерины Александровны, все еще находившійся безъ мѣста и фигурировавшій въ качествѣ угнетеннаго судьбою и людьми старца, игралъ не малую роль въ семейныхъ дѣлахъ Прилежаевыхъ. Лишившись мѣста и значенія, онъ, такъ сказать, потерялъ точку опоры, выбился изъ обычной колеи и совершенно не зналъ, какъ теперь вести себя. Времени было много, дѣла было мало; старая привычка быть строгимъ и зоркимъ осталась, а предметовъ для строгаго и зоркаго наблюденія, субъектовъ для строгаго и зоркаго распеканія почти не осталось. Отсюда происходила ожесточенная скука, и являлись приливы желчи. Попробовалъ Данила Захаровичъ придираться за каждую мелочь къ дѣтямъ, началъ онъ усчитывать и пилить жену за каждый грошъ, сталъ носить при себѣ ключи отъ всѣхъ ящиковъ и комодовъ, напоминалъ поминутно чадамъ и домочадцамъ, что «онъ глава въ домѣ», что «онъ ихъ въ смирительный домъ упрятать можетъ», что «они напрасно радовались, ожидая его ссылки», и прочее, и прочее. все въ томъ же родѣ. Это блажное состояніе лишеннаго занятій чиновника было такъ сильно, что гнало изъ дому дѣтей и совершенно «сокрушило» Павлу Абрамовну, превратившуюся въ нѣчто въ родѣ слезной урны и не осушавшую глазъ съ утра до вечера. Она не могла даже «отвести душу» съ Карломъ Карловичемъ, который не являлся въ домъ Боголюбовыхъ, отчасти боясь свирѣпаго хозяина дома, отчасти понимая, что съ Павлы Абрамовны теперь нечего взять. Положеніе Павлы Абрамовны сдѣлалось еще хуже, когда Даниłѣ Захаровичу удалось примириться со своею теткою и перетащить старуху отъ «добрыхъ людей» въ свою квартиру, гдѣ тотчасъ же послѣ ея переѣзда затеплились во всѣхъ углахъ лампады и ввелось постное кушанье по средамъ и пятницамъ. Тетушка помогала Даниłѣ Захаровичу «пилить» его домочадцевъ и ежедневно распространялась о томъ, что «семью потому и Богъ забылъ, что она его забыла».

Но самому Даниłѣ Захаровичу легче отъ этого не дѣлалось: онъ все-таки сознавалъ, что онъ теперь ни болѣе, ни менѣе, какъ выкинутое изъ общественной машины колесо. Тяжелѣе всего было Данилу Захаровичу видѣть, что машина все работаетъ и работаетъ, повидимому, не нуждаясь въ немъ, не замѣчая его отсутствія. Сначала онъ еще ехидно подмигивалъ глазами, говоря: «посмотримъ!» и слабо надѣялся въ душѣ, что вотъ-вотъ машина остановится и рух-

нетъ безъ него. Но дни шли за днями, а машина работала попрежнему; онъ всматривался въ лица — всѣ веселы, спокойны. Свищовъ при встрѣчѣ похлапываетъ его по плечу и говоритъ: «Что, братъ, на подножномъ корму прозябаешь! А вотъ мы работать должны, кипитъ все!» И какія истинно трагическія минуты приходилось переживать въ это время Данилу Захаровичу! Какъ-то шелъ онъ задумчиво по улицѣ, глядитъ: его обгоняетъ мелкой трусцой съ портфелемъ подъ мышкой одинъ изъ его бывшихъ подчиненныхъ. Раскланялись:

— Прогуливаться изволите,—спросилъ чиновникъ.

— Да. Что намъ больше дѣлать!—вздохнулъ Данила Захаровичъ.—Ну, а какъ тамъ у васъ все идетъ?

— Ничего-съ, отлично! Работы только много, преобразованія, знаете, идутъ...

— Преобразованія! Ну-ка, разскажите, какія тамъ такія у васъ преобразованія...

— Извините, я спѣшу, Данила Захаровичъ! Докладъ несу... Мы вѣдь люди служащіе. Сами знаете, и при васъ бывало опоздаешь на четверть часа, такъ косятся...

Чиновникъ раскланялся и поспѣшно пошелъ впередъ.

Данила Захаровичъ нахмурился. «Щенокъ, молокососъ, а туда же: дѣла, дѣла!»—пробормоталъ онъ и растерянно оглянулся кругомъ, забывъ, куда и зачѣмъ онъ шелъ.

Чѣмъ болѣе накипала горечь на душѣ, чѣмъ яснѣе сознавалъ Данила Захаровичъ свою ненужность, чѣмъ чаще убѣгали дѣти отъ его распеканій и чѣмъ покорнѣе становилась жена, тѣмъ скучнѣе становилось ему, тѣмъ сильнѣе тянуло его къ расширенію круга своихъ занятій, то-есть распеканій и зоркаго и строгаго надзора.

Дворникъ, попавшійся ему на тротуарѣ съ метлой, вызывалъ его замѣчаніе.

— Не вѳ-время, братецъ, не вѳ-время мести началъ,—говорилъ Данила Захаровичъ.—Это утромъ, утромъ до свѣту надо дѣлать, когда народу нѣтъ. А ты когда вздумалъ? Ноги, что ли, добрымъ людямъ обломать хочешь? Полиція-то за вами не смотритъ! Распустили всѣхъ. Оберъ-полиціймейстеру бы на васъ жалобу подать!

Проходя мимо мясной лавки и почуявъ не совсѣмъ хорошій запахъ, Данила Захаровичъ заходилъ въ лавку.

— Чѣмъ это, любезный, у тебя пахнетъ?—обнюхивалъ онъ воздухъ.

— Говядиной-съ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ мясникъ.

— Знаю, братецъ, знаю, что не одеколономъ, да только говядина-то у тебя какая? Протухлая? Вѣдь это протухлой воняетъ? Народъ морить, что ли, хотите? А? Въ полиціи-то еще не бывали?

— Зачѣмъ-же-съ намъ въ полиціи бывать! — ухмылялся мясникъ.

— Э, да ты еще грубить, братецъ, вздумалъ! Нѣтъ, ты погоди!

— Что вамъ угодно-съ, сударь?—хмуро спрашивалъ хозяинъ лавки, заслышавъ крупный разговоръ. — Покупать пришли, такъ и покупайте. А это-съ не ваше дѣло. У насъ торговля-съ, такъ намъ некогда разговоры разводить со всякимъ.

— Со всякимъ! со всякимъ! Да ты взгляни, съ кѣмъ ты говоришь!—свирѣпѣлъ Данила Захаровичъ, показывая на свои ордена.

— Что смотрѣть-съ! Извѣстно, если бы хорошій баринъ были, такъ не стали бы ходить лавки обнюхивать...

— Да я тебя, да я тебя!—сжималъ кулаки Данила Захаровичъ.

— Потише-съ, потише-съ! Тоже за безчестье заплатите!

Послѣ подобной бесѣды Данилу Захаровичу становилось еще тошнѣе. Но долго-долго не могъ онъ привыкнуть къ своему положенію. Облегчилось немного его сердце тогда, когда онъ нашелъ покорную рабу въ лицѣ Марьи Дмитріевны и отыскалъ занятіе въ надзорѣ за дѣлами семьи своихъ родныхъ. Марья Дмитріевна сразу безотговорочно и покорно изъявила готовность сдѣлаться подчиненной Данилы Захаровича. Ни одинъ канцелярскій служитель не признавалъ въ былыя времена Данилы Захаровича своимъ начальникомъ съ такою покорностью, какъ Марья Дмитріевна. Она выслушивала его наставленія, она выносила его выговоры, она жаловалась и доносила ему. Онъ благоволилъ и относился къ ней такимъ тономъ, какъ будто обѣщалъ ей повышеніе и награду къ празднику. Прежде всего онъ началъ возставать противъ отношеній Катерины Александровны и Александра Прохорова. Потомъ, выслушавъ жалобу Марьи Дмитріевны на то, что у Александра Прохорова разъ въ недѣлю собирается множество молодежи и «бунтуетъ», т. е. споритъ и шумитъ до трехъ часовъ ночи, онъ объявилъ, что это «фармазоны», «волтерьянцы», «декабристы» и

«петрашевцы», и объяснилъ, что всѣхъ ихъ сошлютъ на каторгу, а Марью Дмитріевну поселятъ въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири за пристанодержательство бунтовщиковъ и безпаспортныхъ. Марья Дмитріевна струсила и «покаялась какъ передъ Богомъ», что она дѣйствительно позволяетъ иногда ночевать у себя въ домѣ то тому, то другому изъ знакомыхъ Александра Прохорова и что, можетъ-быть, «это-то дѣйствительно и есть безпаспортные».

— Разбойники, сейчасъ видно, что разбойники! А то для чего же бы имъ и сходиться по ночамъ?—рѣшилъ Данила Захаровичъ и давалъ инструкціи Марьѣ Дмитріевнѣ, какъ поступать.

Но покорность Марьи Дмитріевны была сильнѣе ея рѣшительности, и потому бѣдная женщина только «обиняками» рѣшалась замѣчать Александру Прохорову, что «онъ погубитъ себя». Когда же Александръ Прохоровъ спрашивалъ: «да чѣмъ же я себя погублю?», то Марья Дмитріевна приходила въ смущеніе и только говорила: «да ужъ такъ, погубите!» Но страхъ за дочь и непріязнь къ Александру Прохорову все росли и росли въ этой слабой душѣ и въ этомъ запуганномъ умѣ.

Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ, занятые своими планами и работами, все меньше и меньше придавали значенія мелкимъ семейнымъ сценамъ и не обращали вниманія на то, что они болѣе и болѣе расходятся съ Марьей Дмитріевной. Этотъ внутренній разладъ впервые далъ себя сильно почувствовать на Рождествѣ. Миша былъ взятъ на праздники домой. Этотъ маленькій красавецъ и любимецъ матери и всѣхъ знавшихъ его сталъ уже лѣтомъ пробуждать опасенія въ умѣ Катерины Александровны и Александра Прохорова своими наклонностями. Онъ былъ капризенъ, любилъ, чтобы всѣ слушались его, дѣлалъ дерзости всѣмъ и за все и вообще сразу давалъ знать, что его избаловали за его красоту. Дѣйствительно, онъ былъ прекрасенъ: рѣдко можно было встрѣтить болѣе правильное лицо, болѣе красивыя формы. Но въ этомъ лицѣ было что-то заносчивое, въ этихъ формахъ было что-то слишкомъ женственное, кокетливое. Мальчуганъ заботился, чтобы на его платьѣ не было лишней складки, чтобы ни одинъ волосокъ не былъ растрепанъ на его головѣ. Вслушиваясь въ его разговоръ, можно было сразу замѣтить сильную наклонность острить насчетъ ближняго и главнымъ образомъ насчетъ внѣшности ближняго. Это остроуміе вызывало смѣхъ

и поощренія Марьи Дмитріевны, но въ сущности оно было жалкое, пошлое: такъ острили юнкера, кадеты, армейскіе офицеры стараго времени. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ задумались не на шутку, когда Миша пріѣхалъ на праздники и разсказалъ, что у него была одна «стычка» съ гувернеромъ.

- Семинаристъ какой-то съ изрытою рожей, а туда же вздумалъ носъ поднимать!— замѣтилъ Миша про гувернера.

Александръ Прохоровъ, говоря о мальчуганѣ съ Катериной Александровной, замѣтилъ, что теперь, вѣроятно, начнутъ часто повторяться эти «стычки».

— Мишу избаловали дома, какъ меньшого въ семьѣ,— говорилъ онъ.—Потомъ разныя бабы и товарищи баловали его за смазливое личико, а теперь начнется не баловство, а столкновеніе съ учителями. На него слишкомъ долго смотрѣли сквозь пальцы, и ему будетъ тяжело, когда его заберутъ въ руки. И это казарменное остроуміе развили въ немъ, поощряя всѣ выходки милаго малютки! Отъ этого его надо отучить. Онъ вѣдь лѣнтяй, а право нѣтъ ничего хуже остроумнаго лѣнтяя: изъ него можетъ выработаться пошлякъ, невѣжда, съ гордостью несущій на показъ свою пошлость.

— Что же дѣлать, что дѣлать?—волнуясь, говорила Катерина Александровна.—Я сама знаю, что онъ можетъ погибнуть. Съ одной стороны, черствая и сухая грубость, съ другой — распущенность и потаканье его ошибкамъ испортятъ его совершенно... И вообще это воспитаніе вдали отъ семьи мнѣ не по сердцу... Но что же мы-то можемъ сдѣлать?

— Надо взять его домой. Я стану платить за него въ гимназію. Потомъ похлопочемъ, чтобъ его приняли на казенный счетъ. Хлѣба на него достанетъ. Ты знаешь, у меня кое-что остается отъ заработковъ...

— Еще лишній человѣкъ на твою шею...

— Что объ этомъ толковать. Лучше намъ стѣсниться, чѣмъ видѣть, какъ онъ сдѣлается негодяемъ. Ты лучше о томъ скажи, какъ мы растолкуемъ это Марьѣ Дмитріевнѣ.

Катерина Александровна задумалась; она понимала, что это дѣйствительно самая трудная сторона задачи. Но покуда она еще надѣялась справиться съ матерью и выбрала первую удобную минуту для объясненія. Марья Дмитріевна замахала руками, несмотря на то, что ей очень хотѣлось видѣть Мишу постоянно около себя; она сразу остановилась

на своей обычной мысли, что будетъ, если Александръ Прохоровъ броситъ Катерину Александровну, а съ нею и всю семью." Сколько ни старалась Катерина Александровна доказать неосновательность этой мысли, Марья Дмитріевна и слушать не хотѣла.

— Другое дѣло, Катюша, если бы онъ былъ твой мужъ,— говорила она:—а то вѣдь всѣ они такъ-то обѣщаютъ золотыя горы, да ничего не дѣлаютъ. Возьметъ да броситъ, вотъ тебѣ и будемъ у праздника!

— Да поймите, что онъ не такой... Впрочемъ, если только это васъ останавливаетъ, то этой помѣхи скоро не будетъ... Я скоро повѣнчаюсь съ Сашей...

— Ну, тогда дѣло другое.

Разговоръ кончился, Катерина Александровна передала его содержаніе Александру Прохорову. Онъ замѣтилъ, что дѣло, значитъ, обстоитъ благополучно, такъ какъ Мишу ранѣе весны нечего брать изъ училища на праздную жизнь дома; весной же можно будетъ взять его и, подготовивъ лѣтомъ, отдать въ гимназію въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. Весной предполагалось сыграть и свадьбу, такъ какъ въ пріютѣ «машина была въ полномъ ходу», какъ выражалась Катерина Александровна, сама Катерина Александровна настолько подготовилась, что могла сдать и экзаменъ на званіе домашней учительницы, и экзаменъ для слушанія лекцій повивальнаго искусства. Молодые люди успокоились насчетъ будущности Миши и замѣтили, что имъ не придется быть такими же безучастными свидѣтелями гибели этого ребенка, какими они были при постепенной гибели Скворцовой. Но покуда они работали и учились, покуда они жили, отдаваясь всѣмъ тревогамъ дня, за ихъ спинами, за ширмами спальни Марьи Дмитріевны шли толки о нихъ, готовившіе отпоръ исполненіямъ ихъ плановъ. Марья Дмитріевна отрапортовала своему высшему начальству, что «самъ-то» хочетъ взять ея Мишу изъ казеннаго училища. Высшее начальство неодобрительно нахмурило брови.

— Что же, такого же разбойника хочетъ приготовить, какъ самъ,—произнесло оставленное въ бездѣйствіи колесо общественной машины.—Мало, видно, ихъ такихъ-то, такъ дѣтей вербовать вздумали... Что же вы согласились?

— Нѣтъ, батюшка Данила Захаровичъ, не согласилась, не согласилась! Говорю, пусть сперва женятся, а сама, знаете, думаю: оттяну дѣло, чтобы съ вами, отецъ родной, посовѣтоваться...

и поощренія Марьи Дмитріевны, но въ сущности оно было жалкое, пошлое: такъ острили юнкера, кадеты, армейскіе офицеры стараго времени. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ задумались не на шутку, когда Миша пріѣхалъ на праздники и разсказалъ, что у него была одна «стычка» съ гувернеромъ.

— Семинаристъ какой-то съ изрытою рожей, а туда же вздумалъ все поднимать!— замѣтилъ Миша про гувернера.

Александръ Прохоровъ, говоря о мальчуганѣ съ Катериной Александровной, замѣтилъ, что теперь, вѣроятно, начнутъ часто повторяться эти «стычки».

— Мишу избаловали дома, какъ меньшого въ семьѣ,— говорилъ онъ.—Потомъ разныя бабы и товарищи баловали его за смазливое личико, а теперь начнется не баловство, а столкновеніе съ учителями. На него слишкомъ долго смотрѣли сквозь пальцы, и ему будетъ тяжело, когда его заберутъ въ руки. И это казарменное остроуміе развили въ немъ, поощряя всѣ выходки милаго малютки! Отъ этого его надо отучить. Онъ вѣдь лѣнтяй, а право нѣтъ ничего хуже остроумнаго лѣнтяя: изъ него можетъ выработаться пошлякъ, невѣжда, съ гордостью несущій на показъ свою пошлость.

— Что же дѣлать, что дѣлать?—волнуясь, говорила Катерина Александровна.—Я сама знаю, что онъ можетъ погибнуть. Съ одной стороны, черствая и сухая грубость, съ другой — распущенность и потаканье его ошибкамъ испортятъ его совершенно... И вообще это воспитаніе вдали отъ семьи мнѣ не по сердцу... Но что же мы-то можемъ сдѣлать?

— Надо взять его домой. Я стану платить за него въ гимназію. Потомъ похлопочемъ, чтобъ его приняли на казенный счетъ. Хлѣба на него достанетъ. Ты знаешь, у меня кое-что остается отъ заработковъ...

— Еще лишній человѣкъ на твою шею...

— Что объ этомъ толковать. Лучше намъ стѣсниться, чѣмъ видѣть, какъ онъ сдѣлается негодяемъ. Ты лучше о томъ скажи, какъ мы растолкуемъ это Марьѣ Дмитріевнѣ.

Катерина Александровна задумалась; она понимала, что это дѣйствительно самая трудная сторона задачи. Но покуда она еще надѣялась справиться съ матерью и выбрала первую удобную минуту для объясненія. Марья Дмитріевна замахала руками, несмотря на то, что ей очень хотѣлось видѣть Мишу постоянно около себя; она сразу остановилась

на своей обычной мысли, что будетъ, если Александръ Прохоровъ броситъ Катерину Александровну, а съ нею и всю семью. Сколько ни старалась Катерина Александровна доказать неосновательность этой мысли, Марья Дмитріевна и слушать не хотѣла.

— Другое дѣло, Катюша, если бы онъ былъ твой мужъ,— говорила она:—а то вѣдь всѣ они такъ-то обѣщаютъ золотыя горы, да ничего не дѣлаютъ. Возьметъ да броситъ, вотъ тебѣ и будемъ у праздника!

— Да поймите, что онъ не такой... Впрочемъ, если только это васъ останавливаетъ, то этой помѣхи скоро не будетъ... Я скоро повѣнчаюсь съ Сашей...

— Ну, тогда дѣло другое.

Разговоръ кончился, Катерина Александровна передала его содержаніе Александру Прохорову. Онъ замѣтилъ, что дѣло, значитъ, обстоитъ благополучно, такъ какъ Мишу ранѣе весны нечего брать изъ училища на праздную жизнь дома; весной же можно будетъ взять его и, подготовивъ лѣтомъ, отдать въ гимназію въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. Весной предполагалось сыграть и свадьбу, такъ какъ въ пріютѣ «машина была въ полномъ ходу», какъ выражалась Катерина Александровна, сама Катерина Александровна настолько подготовилась, что могла сдать и экзаменъ на званіе домашней учительницы, и экзаменъ для слушанія лекцій повивальнаго искусства. Молодые люди успокоились насчетъ будущности Миши и замѣтили, что имъ не придется быть такими же безучастными свидѣтелями гибели этого ребенка, какими они были при постепенной гибели Скворцовой. Но покуда они работали и учились, покуда они жили, отдаваясь всѣмъ тревогамъ дня, за ихъ спинами, за ширмами спальни Марьи Дмитріевны шли толки о нихъ, готовившіе отпоръ исполненіямъ ихъ плановъ. Марья Дмитріевна отрапортовала своему высшему начальству, что «самъ-то» хочетъ взять ея Мишу изъ казеннаго училища. Высшее начальство неодобрительно нахмурило брови.

— Что же, такого же разбойника хочетъ приготовить, какъ самъ,—произнесло оставленное въ бездѣйствіи колесо общественной машины.—Мало, видно, ихъ такихъ-то, такъ дѣтей вербовать вздумали... Что же вы согласились?

— Нѣтъ, батюшка Данила Захаровичъ, не согласилась, не согласилась! Говорю, пусть сперва женятся, а сама, знаете, думаю: оттяну дѣло, чтобы съ вами, отецъ родной, посовѣтоваться...

— Умно сдѣлали! — одобрилъ Данила Захаровичъ.—Сами развратничаютъ и Богъ знаетъ какія дѣла дѣлаютъ, такъ еще мало, хотятъ дѣтей тому же научить... Не только жить нельзя дѣтямъ у нихъ, но пускать дѣтей къ нимъ не слѣдуетъ. Я и своему Ленькѣ запретилъ бы ходить въ этотъ вертепъ, если бы не проклятая математика... Въ институтѣ, когда Лидя туда поступитъ, отдамъ распоряженіе, чтобы не пускали ихъ ни ногой.

Марья Дмитріевна смутилась.

— Они повѣнчаются, батюшка, повѣнчаются, оправдывала она дочь и будущаго зятя.

— Да толку-то что? Въ ихъ головахъ ядъ, каждое ихъ слово отрава... Этого никакимъ вѣнчаніемъ не уничтожишь... Вотъ что страшно! Сами они идутъ въ пропасть и другихъ за собою тащатъ... Что касается до меня, то я самъ ноги не положилъ бы на вашъ порогъ, если бы не вы. Васъ мнѣ жаль...

— Не оставьте ужъ меня, батюшка! На васъ одна надежда! Съ кѣмъ же мнѣ и посовѣтоваться, какъ не съ вами? У нихъ то споры идутъ, то книжки въ рукахъ, — къ нимъ и не подойдешь, а вѣдь тоже душу отвести хочется, разспросить, какъ и что... Вы вотъ все это мнѣ распишете, во все вникнете, а безъ васъ ровно въ туманѣ какомъ хожу... Извѣстно, они — молодой народъ, вѣтеръ у нихъ въ головѣ...

— Не вѣтеръ, а злоба, неуваженіе, презрѣніе къ намъ, старикамъ. Вы бы почитали, что онъ пишетъ... Впрочемъ, вы грамотѣ-то не обучены... Возмутители просто...

— Что же это, батюшка, про меня что-нибудь?—спросила Марья Дмитріевна въ недоумѣніи.—Я, кажется...

— Не про васъ, а вообще про насъ, про стариковъ... Они насъ ни за что считаютъ, они насъ уморить бы хотѣли... Вы думаете, вы имъ не въ тягость?

— Въ тягость, батюшка, въ тягость!—заплакала Марья Дмитріевна. — Да развѣ я виновата, что Богъ смерти не дастъ... Хожу я, какъ сирота какая... Конечно, грѣхъ жаловаться, всего теперь у насъ вдоволь, комнатка у меня, хозяйка я полная, ну и тоже грубостей никакихъ не слышу, ласково обращаются... Тоже это въ шутку самъ-то Александръ-то Флегонтовичъ говоритъ: «куда ни пойдешь, а все къ Марьѣ Дмитріевнѣ подъ крылышко тянетъ пирожковъ ея поѣсть»... Конечно, я ему угождать за это стараюсь... А все же поговорить-то мнѣ не съ кѣмъ... Вѣдь

не съ кухаркой же мнѣ компанію вести, тоже вѣдь помню я, что мы благородные... Ихъ же срамить не хочу. А они что?.. Все шуточками, да шуточками со мною, а у меня сердце ноетъ, грудь давитъ... Вѣдь тоже я мать, чувствую я...

— Да развѣ они это понимаютъ?

— Гдѣ ужъ имъ, батюшка!..

Долго и часто шли бесѣды въ подобномъ родѣ и Марья Дмитріевна все сильнѣе и сильнѣе «чуяла недоброе» въ то время, когда лица Катерины Александровны и Александра Флегонтовича цвѣли полнымъ счастіемъ и спокойствіемъ, когда молодые люди жили полною жизнью, когда у нихъ являлись сожалѣнія только о томъ, что у нихъ недостаетъ силъ и способностей на то или другое дѣло, а не о томъ, что является недостатокъ работы для ума и для рукъ. Катерина Александровна даже не замѣчала, что Свищовъ, зѣхавъ раза два въ пріютъ, особенно пристально взглянулъ на нее и потомъ началъ говорить съ нею болѣе игриво, чѣмъ когда-нибудь. Она поспѣшила оборвать стараго волокиту на первыхъ словахъ. Онъ какъ будто удивился, встрѣтивъ этотъ строгій отпоръ, но не унялся и какъ-то снова заговорилъ въ томъ же тонѣ, намекнувъ, что напрасно Катерина Александровна работаетъ и утомляетъ себя, что съ ея прелестнымъ личикомъ можно бы сдѣлать себѣ карьеру. Катерина Александровна вспыхнула и отвѣтила, что она сумѣетъ сама позаботиться о себѣ и не проситъ ничьихъ совѣтовъ. Старикъ перемѣнилъ тонъ, но въ то же время замѣтилъ, чтобы она помнила, что онъ всегда готовъ къ ея услугамъ. Свищовъ и прежде говорилъ двусмысленныя фразы, но теперь онъ былъ уже черезчуръ развязенъ съ нею, и въ его тонѣ слышалась какая-то твердая увѣренность, что съ Катериной Александровной *можно* говорить этимъ тономъ. Впрочемъ, Катерина Александровна недолго раздумывала объ этомъ явленіи и, вѣроятно, забыла бы о немъ совершенно, если бы Марья Дмитріевна не вздумала снова заговорить съ ней о необходимости ускоренія свадьбы.

Марья Дмитріевна, живя теперь въ довольствѣ, не видя необходимости работать съ утра до ночи, не посѣщая мелочной лавки, не имѣя возможности по цѣлымъ часамъ бесѣдовать съ окружающими, которые почти постоянно были заняты то тѣмъ, то другимъ дѣломъ, вѣчно терзалась тѣмъ, что ей «не съ кѣмъ отвести душу», и потому довольно часто заводила отъ скуки подобные разговоры о судьбѣ до-

чери. Въ настоящее время въ разговоръ была введена новая подробность.

— Вѣдь вонъ, Катюша, всѣ тебя осуждаютъ. Самъ генералъ Свищовъ называетъ дѣвицею легкаго поведенія,—произнесла Марья Дмитріевна.

— Свищовъ?—удивилась Катерина Александровна.—Да вы-то какъ это узнали?

— Ахъ, мать моя! Слухомъ земля полнится. Добрые люди передали...

— Не добрые, а подлые люди!—разгорячилась Катерина Александровна.—Да ужъ не они ли и Свищову-то обо мнѣ наговорили. Это Данила Захаровичъ вамъ говорилъ?

— Ну, хоть бы и онъ! Онъ дядя тебѣ, онъ тебѣ добра желаетъ.

— Знаете ли вы, что этого дядю Александръ спустилъ бы съ лѣстницы, если бы намъ не было жаль его дѣтей,—отвѣтила Катерина Александровна.—Но скажите ему, что и терпѣнію бываетъ конецъ. Если онъ будетъ еще хоть гдѣнибудь говорить про меня, то я не посмотрю ни на что и укажу ему на дверь... Старый мерзавецъ!

— Грѣхъ тебѣ, Катюша, такъ о старыхъ людяхъ отзываться! Ужъ извѣстно, что для васъ, для нынѣшнихъ людей, мы всѣ, старые люди, никуда негодны!..

Катерина Александровна не могла удержаться отъ нервнаго смѣха.

— Опять. мама, вы чужія слова говорите!

— Да вѣдь извѣстно, что у меня и словъ своихъ не можетъ быть. Стара стала—глупа стала.

Катерина Александровна пожала плечами.

— Съ вами, мама, нынче трудно говорить...

— Что-жъ мудренаго; необразованная дура, какъ есть! Гдѣ ужъ со мною ученымъ людямъ разговаривать.

— Ну, кончимте! У меня нѣтъ охоты волноваться изъза пустяковъ.

— У матери сердце все выныло, такъ это пустяки! Спасибо, дочка, спасибо! Много обязана, что еще не выгоняешь на улицу...

Катерина Александровна не дослушала іереміады и вышла. Но ей было тяжело и обидно. Мало того, что ее разстроили, разссорили съ матерью, такъ еще и репутацію ея стали марать. Однако, она твердо рѣшилась дождаться экзаменовъ въ пріютѣ и только тогда выйти замужъ. Она знала, что теперь ей можно было оставить пріютъ, не боясь за его

участь, но въ ея душѣ начало зарождаться желаніе бравировать мнѣнія такихъ людей, какъ ея дядя, Свищовъ и тому подобныя личности. Ей казалось, что нужно имъ показать, что на ихъ мнѣніе плюютъ, что ихъ не замѣчаютъ, какъ шипящихъ, но безвредныхъ гадовъ. Это чувство, имѣвшее въ себѣ что-то болѣзненное, что-то желчное, начинало все сильнѣе и сильнѣе развиваться въ душѣ молодой дѣвушкѣ. Ей даже стало смѣшно, что эти люди такъ пренебрежительно смотрятъ на нее, а въ сущности или пляшутъ по ея дудкѣ, или нуждаются въ ней. Она знала, что Свищовъ ратуетъ за ея проекты въ комитетѣ благотворительныхъ заведеній графовъ Бѣлокопытовыхъ, а дядя не смѣетъ разойтись съ нею, такъ какъ она безплатно занимается съ его Лидіей, а Александръ Флегонтовичъ даетъ даровые уроки его Леониду. Ей вспомнилось, что въ обществѣ начинаютъ ходить разныя сплетни про многихъ изъ близкихъ ей людей, и она невольно подумала, что въ этихъ сплетняхъ столько же лжи и грязной клеветы, сколько и въ сплетняхъ о ней. Но, несмотря на сознаніе своей правоты, несмотря на презрѣніе къ разнымъ Свищовымъ, Катерина Александровна втайнѣ, все-таки, нетерпѣливо ожидала того дня, когда она навсегда распрощается съ пріютомъ и не будетъ видѣть хотя нѣсколькихъ изъ антипатичныхъ ей личностей. Была еще какая-то причина, заставлявшая молодую дѣвушку нетерпѣливо ждать конца учебнаго года...

III.

Продолженіе предыдущей.

Время, между тѣмъ, шло быстро, прошла ранняя весна, наступили экзамены въ пріютѣ, совершившіеся въ этотъ годъ съ особенною торжественностью въ присутствіи всего комитета и окончившіеся большою закуской въ комнатахъ Софьи Андреевны. Въ числѣ гостей были графы Бѣлокопытовы, молодая графиня Бѣлокопытова и Свищовъ. Свищовъ любезничалъ и заигрывалъ двусмысленными словами съ Катериной Александровной, разсыпаясь въ комплиментахъ за ея умѣнье вести дѣтей.

— Вы рождены для того, чтобы быть царицею въ семьѣ!— замѣтилъ онъ, между прочимъ.

— Вотъ я и думаю исполнить свое призваніе,—засмѣялась Катерина Александровна.—Вы вѣдь знаете, что я уже давно невѣста.

— Невѣста!—изумился Свищовъ.

— Да! Неужели дядя не говорилъ вамъ? Не можетъ быть! Дядя сталъ такимъ старымъ болтуномъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопился отвѣтить Свищовъ.

— А я думала напротивъ. Вы были такъ развязны со мною въ послѣднее время, какъ обыкновенно бываютъ развязны мужчины не съ дѣвушками, а... съ молодыми женщинами...

— Ну-у...—началъ Свищовъ.

— Я и думала, что вы позволили себѣ такое обращеніе только потому, что знаете уже о близости моей свадьбы... Конечно, если бы не было этого, то я могла бы...

— Простите, простите,—любезно перебилъ ее Свищовъ.— Я, право, не желалъ... Это наша старая привычка... Скажите, за кого же вы выходите...

— За Прохорова,—отвѣтила Катерина Александровна и замѣтила, что на нее устремились глаза графини Бѣлокопытовой.

— Это артиллеристъ?—спросилъ Свищовъ.

— Да.

— Александръ Флегонтовичъ женится?—мелькомъ спросила графиня.

— Да,—вскользь отвѣтила Прилежаева и продолжала разговоръ съ Свищовымъ, разсыпаясь въ похвалахъ Александру Флегонтовичу.

Графиня осматривала ее съ ногъ до головы и, кажется, осталась не довольна: Катерина Александровна все попрежнему была прекрасна или, лучше сказать, она была прекраснѣе прежняго. Свѣжесть лица, нѣсколько вьющіеся волосы, большіе черные глаза и немного насмѣшливая улыбка, все это было такъ мило, что графиня не могла не понять, за что предпочитаетъ Александръ Прохоровъ эту «дѣвочку» «другимъ женщинамъ». Въ сердцѣ Бѣлокопытовой началась тревога и кипѣла злоба. Она видѣла, что она сдѣлала промахъ, ухаживая за этимъ «скрытнымъ» господиномъ, уже влюбленнымъ въ другую. Она сознавала, что онъ смѣялся надъ нею въ душѣ, когда она заигрывала съ нимъ легонькими любезностями. Она понимала, что онъ умышленно не говорилъ о своей предстоящей женитьбѣ, тѣшась надъ нею. Злоба этой женщины равнялась теперь ея мелочности. Прохоровъ уже получилъ въ ея умѣ названіе «мальчишки», «негодяя», «наглаго выскочки», «avanturier». Ему нужно было «отплатить», его нужно было «проучить», ему нужно было показать, «что играть не со всѣми можно».

Катерина Александровна и не подозрѣвала, какую бурю подняли ея слова въ душѣ Бѣлокопытовой. Она не безъ грусти покидала пріютъ, но въ то же время радовалась, что, наконецъ, она будетъ свободна отъ начальства Свищовыхъ, Бѣлокопытовыхъ и разныхъ членовъ комитета. Она сознавала, что она можетъ впервые пройти мимо этихъ людей, не кланяясь имъ, не замѣчая ихъ и не вредя этимъ ни себѣ, ни пріюту. До сихъ поръ ей приходилось заискивать въ нихъ, чтобы ее оставляли въ покоѣ, чтобы ея совѣты не пропускали безъ вниманія, чтобы не говорили: «ужъ если помощницы такъ дерзки, то что же выйдетъ изъ дѣтей подъ ихъ вліяніемъ?» Да, теперь она была свободна, она шла по дорогѣ къ вѣнцу съ Александромъ Прохоровымъ, и этой свадьбой долженъ былъ, какъ ей казалось, возстановиться миръ въ семьѣ, этой свадьбой должно было купиться спасеніе Миши.

— Милый, теперь я твоя!—горячо и страстно говорила она по возвращеніи домой изъ пріюта, обнимая Александра Прохорова.

— Жена да боится своего мужа!—шутливо промолвилъ онъ, цѣлуя ее.

— Тебя-то?—спросила она, и оба весело засмѣялись.

Ихъ свадьба была для нихъ дѣйствительно торжественнымъ праздничнымъ днемъ. Повидимому, все шло какъ нельзя лучше, и даже Марья Дмитріевна особенно просіяла на время, дождавшись бракосочетанія дочери, хотя ее и огорчало, что свадьба была сыграна слишкомъ просто. «Точно тайно вѣнчаются,—говорила она.—Иной подумаетъ, что скрыть отъ кого-нибудь хотятъ свадьбу». Впрочемъ, передѣлать этого дѣла было нельзя, и потому приходилось помириться съ нимъ. Но свѣтлое настроеніе бѣдной женщины длилось недолго. Первый разговоръ о необходимости перевести Мишу въ гимназію снова возбудилъ ея подозрѣнія и заставилъ ее опять посовѣтоваться съ умнымъ человѣкомъ, съ Данилой Захаровичемъ. Въ душѣ Марья Дмитріевна, какъ мы сказали, была очень рада возможности постоянно видѣть Мишу около себя, но въ то же время ея трусливость пробуждала въ ней какія-то подозрѣнія. «А вдругъ Александръ Флегонтовичъ броситъ насъ,—думалось ей.—Да и достанетъ ли у него денегъ воспитывать Мишу? Ужъ тяжело мнѣ, что Миша не со мной живетъ, а все же лучше, что онъ на казенныхъ хлѣбахъ; тоже чужой-то хлѣбъ не сладокъ. Пойдутъ у нихъ дѣти, насъ тогда и забудутъ».

Данила Захаровичъ еще болѣе развилъ и утвердилъ эти подозрѣнія.

— Да чему научатъ-то здѣсь?—говорилъ онъ.—Вы поймите, что Александръ Флегонтовичъ только возмущать умѣетъ всѣхъ. Вы взгляните, какъ онъ на васъ самихъ смотритъ, какъ онъ на меня смотритъ. Не удостоитъ даже слова. Ему говоришь дѣло, а онъ, улыбаясь, соглашается, хотя такъ и видно по его глазамъ, по его усмѣшечкѣ, что онъ и не думаетъ соглашаться. Онъ, видите ли, презираетъ насъ, стариковъ. Не хочетъ даже въ разговоры съ нами пускаться... Это еще недавно замѣтилъ мнѣ къ слову, что кривую березу не выпрямишь... То-есть, понимаете, это мы-то кривыя березы!..

Марья Дмитріевна поблагодарила дорогого родственника и заступника за совѣты и молила его не оставлять ее, сироту беззащитную.

— Я и сама опасалась, да сердце-то материнское нашептывало, что радостнѣе мнѣ будетъ съ Мишурочкой,—жалобно говорила она.

— Знаю, знаю,—отвѣтилъ Данила Захаровичъ.—Только теперь не о себѣ надо думать, а о немъ. Вамъ, конечно, веселѣе бы было жить съ Мишей, да зато послѣ пришлось бы утирать кулаками слезы... Неуваженіе-то дѣтей каково видѣть? Вы это вспомните... И вы думаете, Мишѣ было бы сладко здѣсь? Вонъ они говорятъ, что онъ испорченъ—въ казенномъ-то училищѣ испорченъ!—Такъ вѣдь они его ломать бы стали, муштровать бы стали, чтобы по-своему передѣлать... Да вѣдь этакъ онъ въ каторгу бы попалъ... Ужъ если намъ, старикамъ, тертымъ калачамъ, тяжело съ ними, то каково же было бы ему?

Марья Дмитріевна соглашалась, чувствуя, что ей дѣйствительно очень тяжело жить въ семьѣ зятя, гдѣ, впрочемъ, она была полною хозяйкой, гдѣ всѣ обращались съ нею ласково и предупредительно, гдѣ просили ее только не утруждать себя лишнею работой. Подъ вліяніемъ совѣтовъ Данилы Захаровича она наотрѣзъ объявила, что она не позволитъ взять Мишу изъ училища. Дѣло дошло до крупной размолвки между Катериной Александровной и Марьей Дмитріевной, но побѣдительницей вышла все-таки послѣдняя; всѣ доводы, всѣ убѣжденія разбились въ прахъ передъ ея жалкими словами и тупымъ упорствомъ. Десятый разъ выслушивала она доказательства Катерины Александровны, повидимому, соглашалась съ ними, и когда Катерина Але-

ксандровна спрашивала: «ну, такъ какъ же?» она отвѣчала:

— Нѣтъ, ужъ, Катюша, я лучше въ разлукѣ съ нимъ буду жить, а не возьму его изъ училища.

Приходилось замолчать или снова доказывать, убѣждать и получать тотъ же отвѣтъ. Катерина Александровна разстроилась не на шутку, а сдѣлать все-таки ничего не могла. Нужно было умыть руки въ виду того, что̀ могло случиться въ будущемъ съ Мишей, если онъ останется въ училищѣ, вдали отъ семьи. Но эти переговоры хотя и не привели ни къ какимъ благимъ результатамъ, а все-таки не прошли безслѣдно: они еще болѣе охладили отношенія матери и дочери и заставили первую въ пылу спора высказать нѣсколько такихъ мнѣній насчетъ Александра Флегонтовича, которыя не могли быть забыты обожавшею его Катериною Александровною. Эти нелестныя мнѣнія отнюдь не были убѣжденіями Марьи Дмитріевны; она просто повторяла ихъ со словъ Данилы Захаровича, но Катерина Александровна, смутно чувствуя это, все-таки не могла простить матери, что та рѣшается выслушивать и даже повторяетъ такія дурныя вещи про человѣка, который не сдѣлалъ ей ничего, кромѣ хорошаго. Къ тому же, Катерина Александровна стала въ послѣднее время очень раздражительною и нервною. Неизвѣстно, было ли это состояніе духа прямымъ слѣдствіемъ прошлыхъ тяжелыхъ лѣтъ, или являлось оно по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, тѣсно связаннымъ съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находилась теперь молодая женщина.

— Грѣхъ вамъ, мама, такъ говорить про Александра,— замѣтила она матери на рѣзкія замѣчанія послѣдней объ Александрѣ Флегонтовичѣ.—Если вы его не любите, то вы хоть вспомнили бы, что онъ поитъ и кормитъ насъ...

— Не сладокъ, не сладокъ, Катюша, чужой хлѣбъ,—безсмысленно произнесла Марья Дмитріевна.

Катерина Александровна пожала плечами и отвернулась. Въ послѣднее время она все болѣе и болѣе избѣгала раздраженій и непріятностей, начавъ особенно сильно дорожить своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, о которыхъ прежде заботилась слишкомъ мало. Она все чаще удалялась одна въ свою комнату и заботливо шила какія-то маленькія принадлежности дѣтскаго бѣлья. Любуясь ими, она думала: «О если бы это былъ мальчикъ. Если бы онъ былъ похожъ на него! Я буду заботиться о немъ, я выращу его честнымъ, хорошимъ человѣкомъ. Я пожертвую всѣмъ для его счастія,

чтобы онъ никогда, никогда не разошелся со мною, не отвернулся отъ меня. Онъ будетъ моею гордостью, моею радостью... Но я такъ часто волнуюсь, такъ тревожусь... Это вредно для него... Онъ долженъ быть здоровымъ... Я должна беречь себя для него. О, какъ я люблю его!» И она старалась быть спокойнѣе, ради того маленькаго созданія, которое должно было родиться на свѣтъ. Она жила теперь только мыслью о немъ. Но ея усилія не увѣнчались успѣхомъ: спокойствія не было. Послѣ послѣднихъ переговоровъ въ семьѣ сдѣлался расколъ: на одной сторонѣ стояли Катерина Александровна, Александръ Флегонтовичъ, Антонъ, Леонидъ и маленькая Лидія; на другой находились Марья Дмитріевна и Данила Захаровичъ, привлекшіе къ себѣ, къ несчастью, и Мишу. Миша ясно видѣлъ, что мать и дядя только балуютъ его и потакаютъ его выходкамъ, а сестра и ея сообщники стараются останавливать его отъ его привычекъ, иногда смѣются и острятъ надъ нимъ. Данила Захаровичъ даже попробовалъ еще болѣе вооружить Мишу противъ сестры, видя, что мальчикъ все-таки началъ отчасти увлекаться обольстительною картиной житья въ семьѣ, на свободѣ.

— Муштровать, братъ, хотятъ тебя!—говорилъ Боголюбовъ, трепля по плечу Мишу.—Каждый командовать станетъ! Кто хлѣбомъ кормитъ, тотъ и бьетъ. Оставайся-ка лучше въ училищѣ, тамъ, по крайней мѣрѣ, свой братъ товарищъ помыкать не будетъ, а тутъ и Антонъ—и тотъ старшимъ будетъ. Смотри, какъ важничаетъ!

— Да ужъ, голубчикъ ты мой, потерпи лучше, въ чужомъ мѣстѣ поживи, послѣ слаще будетъ,—гробовымъ голосомъ совѣтовала Марья Дмитріевна.—И мнѣ не сладко живется здѣсь, а тебѣ будетъ еще того хуже.

Миша хмурился и подозрительно смотрѣлъ на сестру и ея друзей. Среди этого разлада одинъ штабсъ-капитанъ въ младенческомъ невѣдѣніи воображалъ, что все идетъ отлично и говорилъ длинныя рѣчи, которыхъ никто не понималъ и съ которыми потому всѣ безусловно соглашались.

Семья уже собиралась на дачу. Особенно спѣшила отъѣздомъ Катерина Александровна.

— Да, Саша, теперь мнѣ нуженъ чистый воздухъ,—говорила она мужу.—Кажется, скоро...

— Береги себя, милая!—нѣжно говорилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея руки.—Марья Дмитріевна еще ничего не знаетъ?

— Кажется, нѣтъ... Я не хочу говорить ей прежде вре-

мени... Я о *немъ* говорю только съ тобою, думаю о *немъ* только въ своемъ уголкѣ... Это моя святыня...

Марья Дмитріевна дѣйствительно ничего не знала, хотя и подозрѣвала кое-что, но боялась спросить. Однажды, бесѣдуя, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы дочери, съ Данилой Захаровичемъ, она, между прочимъ, замѣтила, что болѣе всего она радуется тому, что Катерина Александровна обвѣнчана.

— Еще бы не обвѣнчаться!—промолвилъ Данила Захаровичъ.—Давно пора было кончить. Катерина Александровна, кажется, находится въ такомъ положеніи, что Александру Флегонтовичу нужно было быть подлецомъ, чтобы не поспѣшить свадьбой...

Марья Дмитріевна смутилась, она сама замѣтила въ послѣднее время, что ея Катя стала немного полнѣть, иногда прихварывала, и несмотря на всѣ усилія, не могла вполнѣ скрыть своего положенія отъ глазъ домашнихъ людей. Но Марья Дмитріевна все еще думала, что посторонніе люди ничего не замѣчаютъ. Теперь ей стало больно, что даже посторонніе знаютъ, какъ вела себя ея дочь до свадьбы. Она ничего не могла сказать Данилѣ Захаровичу въ оправданіе дочери.

— Да, не хорошо, не хорошо!—наставительно замѣтилъ Данила Захаровичъ.—Не ожидалъ я этого отъ нея... Хотя бы то подумала, что около нея растутъ дѣти... Какой примѣръ для нихъ?.. Признаюсь я вамъ откровенно, я только для васъ пускалъ къ вамъ свою Лидю... Конечно, она мала, но и ее могутъ развратить подобные примѣры. Она не видѣла въ родительскомъ домѣ подобныхъ дѣвушекъ...

— Батюшка, да вѣдь Лидичка еще ребенокъ, гдѣ же ей понять,—жалобно успокоила Боголюбова Марья Дмитріевна.

— Сама не пойметъ, такъ скажутъ,—возразилъ Данила Захаровичъ.—Какъ-нибудь могла подслушать, что говорила мнѣ про Катерину Александровну тетушка и жена; отъ кухарки могла услышать... Нѣтъ, Марья Дмитріевна, какъ посмотрю я на нынѣшнюю молодежь, такъ волосъ дыбомъ становится: фанаберія, развратъ, пьянство, сходки по ночамъ, неуваженіе... И куда мы идемъ, куда идемъ?.. А всему виной эти реформы, нововведенія!.. Да въ наше время косу бы по волоску выдергали у дочери, если бы она такъ-то жила, какъ ваша дочь...

Марья Дмитріевна поникла головой. Она сознавала, что мудрый родственникъ говоритъ правду.

— И какое благословеніе можетъ быть на ея ребенкѣ, когда онъ Богъ знаетъ какъ прижитъ?.. Еще чей онъ—это Богъ знаетъ...

Грѣхъ вамъ, батюшка, такъ говорить!—воскликнула не выдержавшая Марья Дмитріевна: — Катюша все-таки честная дѣвушка... Ну, виновата она, согрѣшила... а то она честная...

— Честная!—саркастически улыбнулся Данила Захаровичъ.—У честныхъ не бываетъ незаконнорожденныхъ дѣтей!.. Нѣтъ, Марья Дмитріевна, не такихъ въ наше время называли честными!.. Вѣдь ей теперь ребенка-то скрывать придется, вѣдь она его стыдиться должна, вѣдь это улика будетъ... Теперь еще, можетъ-быть, вотъ только мы замѣтили, а тогда всѣ, всѣ узнаютъ, каждый лавочникъ, каждый дворникъ пальцемъ укажетъ и на нее, и на ея ребенка...

— Ужъ это что говорить, языки-то людямъ не завяжешь, чужому горю всякій радъ,—слезно вздохнула Марья Дмитріевна.—Скрыть-то нельзя...

Да вы думаете, она будетъ скрывать! Нѣтъ-съ она всѣмъ на видъ выставлять будетъ, что вотъ, молъ, смотрите, добрые люди, какая я бойкая: сейчасъ послѣ свадьбы и ребятъ нарожала!

Марья Дмитріевна заплакала.

— Вы, какъ мать, усовѣстите ее, пусть уѣдетъ куда-нибудь на время. Не срамите своей фамиліи. Дѣтямъ примѣра не показывайте... Да чего вы все плачете? Твердости вамъ набраться нужно, твердости! Вы въ домѣ-то послѣдняя спица. Вами всѣ помыкаютъ, какъ старой ветошкой! Вамъ надо власть показать, власть!

Еще долго наставлялъ Данила Захаровичъ Марью Дмитріевну и, наконецъ, успокоился, когда увидалъ, что несчастная женщина окончательно убѣдилась, что несчастнѣе ея нѣтъ никого на свѣтѣ. Довольно долго ходила Марья Дмитріевна съ понурою головой и все не знала, какъ приступить къ объясненію съ дочерью, которая, какъ нарочно, была въ это время, повидимому, вполнѣ счастлива, хотя изрѣдка и прихварывала. Наконецъ, мать выбрала удобную минуту и, подсѣвъ къ сидѣвшей за работой дочери, рѣшилась намеками и стороной замѣтить ей, что не худо бы послѣдней на время уѣхать хоть куда-нибудь въ деревню, на что ей Катерина Александровна отвѣтила, что они и безъ того скоро поѣдутъ на дачу, какъ только пройдутъ экзамены въ пансіонѣ Давыдова.

— Ну, ты одна съ мужемъ поѣзжай, я съ Антошей и Мишенькой здѣсь останусь,—отвѣчала Марья Дмитріевна.

— Что вы, мама! Да дѣтямъ воздухъ болѣе необходимъ, чѣмъ намъ,—замѣтила Катерина Александровна.—Они и безъ того нынче засидѣлись въ городѣ изъ-за насъ... Пусть хотя съ мѣсяцъ отдохнутъ на волѣ...

— Знаю, Катюша, да тутъ не въ воздухѣ дѣло... Ты вотъ теперь замужемъ, такъ тоже дѣтямъ не кстати тутъ быть... Тоже мало ли что... хотя, конечно...

Марья Дмитріевна окончательно запуталась и замолчала, смотря на дочь недоумѣвающими глазами, какъ будто въ ожиданіи, что дочь сама доскажетъ начатую ею рѣчь.

— Я васъ не понимаю,—пожала плечами Катерина Александровна.—Моя свадьба не измѣнила ничего. Какъ жили мы прежде, такъ будемъ жить и теперь.

— То-то и худо, Катюша,—вздохнула Марья Дмитріевна.—Законъ-то не слѣдовало забывать... Кашу-то заварили, а теперь придется расхлебывать.

Катерина Александровна смотрѣла на мать все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ удивленіемъ и уже начинала волноваться.

— Вѣдь вотъ ты думаешь, что никто и ничего не замѣчаетъ, а люди-то ужъ и распустили молву про тебя... И до чего ты довела себя: свое дитя придется скрывать ото всѣхъ...

Катерина Александровна раздражительно отбросила работу въ сторону и хотѣла что-то сказать, но Марья Дмитріевна продолжала ноющимъ тономъ:

— Конечно, младенецъ не виноватъ, а все же ужъ не можетъ быть на немъ благословленія, уликой онъ будетъ.

Катерина Александровна вздрогнула и поблѣднѣла. Ея глаза сверкнули какимъ-то недобрымъ огонькомъ. Мать оскорбляла то, что было свято и дорого ей.

— Мало того, что вы меня мучите, такъ вы еще хотите убить моего ребенка прежде его рожденія!—воскликнула она и оперлась рукой о стулъ.—Когда же вы перестанете? Когда же оставите меня въ покоѣ?

Марья Дмитріевна была вообще плохою наблюдательницей и не замѣтила мучительнаго выраженія лица дочери; ее только поразила рѣзкость упрека.

— Спасибо, Катя, спасибо!—слезливо произнесла она.—Не я тебя мучаю, а ты меня! Бога-то вы забыли, оттого все такъ и идетъ; оттого и благословенія на васъ нѣтъ... Вонъ старикъ-то вашъ нѣмтыремъ ходитъ, а вы и молебна

не отслужите, чтобы Богъ ему разрѣшеніе языка далъ... Такъ вотъ и дитя ваше безъ благословленія родится... И радоваться-то ему грѣшно, потому что извѣстно, какъ оно прижито. Такихъ-то въ воспитательный домъ прячутъ... Ты бы подумала, что я мать тебѣ, что мнѣ все это тяжело видѣть-то... Такъ ли мы жили съ твоимъ отцомъ? Мы честными были, на насъ пальцемъ никто не показывалъ...

— Идите прочь!—почти шопотомъ, какъ-то болѣзненно произнесла Катерина Александровна, указывая на дверь.

— Ну, и на томъ спасибо! Не прикажешь ли, дочка, совсѣмъ переѣхать съ квартиры. Что-жъ, и то сказать, довольно кормили и поили мать, теперь вотъ своя семья будетъ...

Катерина Александровна болѣзненно сжала руки и опустилась на диванъ. Марья Дмитріевна хотѣла было продолжать свои жалобныя рѣчи и вдругъ остановилась: она увидала, что Катерина Александровна лежала безъ чувствъ. Марья Дмитріевна, по обыкновенію, растерялась и забѣгала изъ угла въ уголъ.

— Ай, батюшки, ай, родные! Умираетъ она! Умираетъ!— кричала старуха, бѣгая по квартирѣ то за прислугой, то за водой.

Катерина Александровна была съ трудомъ приведена въ чувство. Но встать она не могла. Ей сдѣлалось очень худо. Александръ Прохоровъ, возвратившись домой и не зная ничего, что случилось, былъ сильно встревоженъ и растерялся, преувеличивая опасность болѣзни, какъ это обыкновенно случается съ молодыми неопытными мужьями. Тяжелый день смѣнился еще болѣе тяжелою ночью. Только дня черезъ три можно было утвердительно сказать, что опасность миновала, но вмѣстѣ съ нею миновала и надежда для молодыхъ супруговъ обнять свое первое дитя. Это было страшнымъ ударомъ для Катерины Александровны.

Она поправлялась довольно медленно, и только дача и чистый воздухъ произвели на нее свое благотворное вліяніе. Черезъ мѣсяцъ, блѣдная и худая, съ обстриженными во время болѣзни волосами, она едва стала подниматься съ постели. Марья Дмитріевна ходила за дочерью и хныкала, во всемъ обвиняя себя. Она даже попробовала просить прощенія у дочери, но та какъ-то безстрастно и холодно отвѣтила ей:

— Вы ни въ чемъ не виноваты.

— Нѣтъ, Катюша, я знаю, знаю, что не слѣдовало мнѣ

говорить. Да вѣдь не предвидѣла я, что это могло случиться. Прости ты меня, дуру старую!

— Я вамъ говорю, что вы не виноваты. Чего же вамъ еще нужно?—холодно отвѣчала Катерина Александровна.

— Да вотъ ты сердишься и не приласкаешь меня, старую,—плакала Марья Дмитріевна.

— Что ласки? Не ими выражается любовь,—сухо произносила дочь и холодно принимала поцѣлуи матери, не отвѣчая на нихъ.

Александръ Флегонтовичъ былъ тоже изумленъ этимъ холоднымъ спокойствіемъ жены. Онъ ясно понималъ, что подъ этимъ видимымъ равнодушіемъ таится страшное горе, которое тѣмъ тяжелѣе, что оно не можетъ облегчиться словами и слезами. Съ тактомъ и заботливостью любящаго человѣка онъ старался не говорить съ женой о недавнемъ прошломъ и только былъ съ нею еще нѣжнѣе, еще ласковѣе, чѣмъ прежде. Но онъ не понималъ, почему она такъ холодна и суха въ обращеніи съ матерью; онъ подмѣтилъ даже что-то суровое въ отношеніяхъ своей жены къ Марьѣ Дмитріевнѣ. Онъ попробовалъ какъ-то замолвить женѣ доброе слово за мать, но Катерина Александровна сухо отвѣтила:

— Мы, Саша, договорились съ нею до послѣдняго слова...

— Ну, другъ мой, съ нею мы должны быть снисходительными,—мягко промолвилъ онъ.—Она не можетъ мыслить такъ, какъ мы. Она не можетъ понять то, что понимаемъ мы... Убѣждать ее, ломать ея взгляды — безполезно. Будемъ жить по-своему и оставимъ ее жить такъ, какъ хочетъ она...

— Я такъ и дѣлаю...

— Но ты, кажется, раздражаешься за то, что она не понимаетъ тебя? Вѣдь ты пойми, что и она можетъ обвинять насъ за то, что мы не понимаемъ ея, а значитъ, можетъ тоже, въ свою очередь, раздражаться на насъ. Изъ этого можетъ начаться безконечная борьба, вражда... Тутъ уступить должны мы, какъ болѣе развитые люди, должны уступить по внѣшности, наружно, то-есть терпѣливо выслушивать нелѣпости и соглашаться на словахъ, а поступать по-своему.

— Я такъ и буду дѣлать. Если я дѣлала не такъ, то это потому, что иначе было нельзя поступать... Ты все-таки дальше стоишь отъ нея и не знаешь всего, изъ-за чего могутъ выходить столкновенія... Впрочемъ, теперь, кажется, ихъ не будетъ...

— Но ты слишкомъ холодна съ ней, — замѣтилъ Александръ Флегонтовичъ.

Катерина Александровна ничего не отвѣтила, только по ея лицу пробѣжала какая-то тѣнь.

Нужно иногда приласкать ее, старухѣ это нужно,— мягко заговорилъ онъ.

Катерина Александровна нахмурила брови.

— Что же дѣлать, если я не могу?—отвѣтила та.—Еще недавно я могла быть нѣжною съ нею... Можетъ-быть, послѣ я буду ласкова съ нею... Но теперь...

Катерина Александровна отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Нѣтъ, Александръ, ты не знаешь всего, и я не стану тебѣ разсказывать, отрывисто заговорила она.—Да ты и не понялъ бы меня... Меня поняла бы только женщина, если бы я разсказала, почему я не могу теперь ласкаться къ матери...

Она замолчала.

— Знаешь ли,—продолжала она черезъ минуту,—какъ-то я думала, что если бы мнѣ пришлось поставить на карту спокойствіе матери и какое-нибудь хорошее дѣло, то я пожертвовала бы послѣднимъ... Я тогда клялась, что никогда я не принесу ничему въ жертву ея спокойствія... Я такъ горячо ее любила, бѣдную!.. Теперь же, теперь мы вдругъ стали чужими, вдругъ разошлись, между нами легла непроходимая пропасть... вотъ какъ между тобою и всѣмъ старымъ легла могила твоего брата... даже больше...

Александръ Флегонтовичъ задумался и ничего не возразилъ женѣ. Она была взволнована. Она дѣйствительно сознавала, что между ея матерью и ею легла преградой могила ея ребенка, и черезъ эту преграду она уже не могла, по крайней мѣрѣ, теперь протянуть горячія объятія своей матери. Она, можетъ-быть, была права, думая, что этихъ чувствъ не пойметъ ея мужъ, что ихъ можетъ понять только женщина. Онъ не просиживалъ въ одиночествѣ тѣхъ сладкихъ минутъ въ мечтахъ о ребенкѣ, которыя просиживала его жена. Для него это дитя еще не жило, но оно жило для нея, она слышала, чувствовала трепетъ этой жизни. Для него это была просто обманутая надежда, для нея это была смерть горячо любимаго существа.

IV.

Вслѣдъ за теченіемъ.

Настала осень. Александру Флегонтовичу попрежнему

пришлось давать уроки, принимать дѣятельное участіе въ журналистикѣ, вращаться въ передовыхъ кружкахъ, посѣщать лекціи и дѣятельно трудиться надъ разработкою вопросовъ по части воспитанія. Онъ надѣялся, что, въ концѣ концовъ, ему будетъ поручено съѣздить за границу для осмотра военно-учебныхъ заведеній. Не менѣе усердно хлопоталъ онъ съ нѣсколькими изъ близко стоявшихъ къ нему людей объ устройствѣ воскресныхъ школъ для взрослыхъ. Школа, поставленная имъ на ноги въ одной изъ близкихъ къ городу, населенныхъ бѣднымъ и рабочимъ людомъ мѣстностей, шла отлично. Ее посѣщали не только юноши и молодые рабочіе, но и старики. Въ учителяхъ недостатка не было: въ дѣлѣ принимали горячее участіе и офицеры, и студенты, и кончавшіе курсъ гимназисты, и даже правовѣды. Всѣ эти люди сходились нерѣдко у Александра Флегонтовича для обсужденія лучшихъ системъ преподаванія, для начертанія плановъ и программъ обученія. Александръ Флегонтовичъ настаивалъ главнымъ образомъ на расширеніи круга преподаваемыхъ предметовъ и говорилъ о необходимости составить популярныя книжки для ознакомленія учениковъ съ первыми основаніями естественныхъ наукъ. Онъ предлагалъ назначить конкурсъ для тѣхъ, кто пожелаетъ представить на обсужденіе нѣсколько подобныхъ работъ, и говорилъ о необходимости собрать на этотъ предметъ деньги. Кромѣ этихъ сходокъ, собиравшихся у него для толковъ о дѣлахъ школы, въ его квартирѣ иногда собирались студенты для обсужденія дѣлъ, касавшихся исключительно ихъ. Всѣ эти хлопоты, труды и проекты заставляли его сталкиваться съ сотнями самыхъ разнообразныхъ личностей, начиная съ семинаристовъ и двухъ священниковъ, принимавшихъ участіе въ хлопотахъ о воскресныхъ школахъ, и кончая молодымъ Бѣлокопытовымъ, порой просившимъ Прохорова составить то ту, то другую докладную записку по дѣлу объ устройствѣ крестьянскаго быта, порой же стремившагося черезъ Александра Флегонтовича предать гласности нѣкоторые факты по крестьянскому дѣлу. Во всѣхъ кружкахъ Александръ Флегонтовичъ стяжалъ себѣ репутацію даровитаго человѣка, горячей головы и неутомимаго работника. Дѣйствительно, жизнь била въ немъ ключомъ: дни казались ему слишкомъ короткими, и умъ стремился обнять все бо̀льшую и бо̀льшую сферу дѣятельности. Долгіе годы прозябанія на школьной скамьѣ и въ мирномъ углу бѣднаго и отчужденнаго отъ свѣта родительскаго дома, прозябанія вдали отъ всякихъ

общественныхъ событій и интересовъ,—сказались теперь вполнѣ. Молодой человѣкъ, живой, увлекающійся и страстный по натурѣ, не могъ не поддаться всей массѣ новыхъ впечатлѣній и положить себѣ границы для дѣятельности или заставить свой умъ интересоваться исключительно какимъ-нибудь однимъ предметомъ. Онъ былъ похожъ на наивнаго и полнаго силъ юношу, перенесеннаго изъ деревни въ роскошный музей или на блестящую выставку лучшихъ произведеній промышленности и искусства. На чемъ остановить вниманіе? Которое самое лучшее произведеніе? Что нужнѣе всего изучить? Кому протянуть руку и сказать: васъ я избираю своимъ учителемъ, руководителемъ, другомъ? На это было трудно отвѣтить. Кругомъ все блестѣло и сверкало прелестью новизны, все казалось необходимымъ, все казалось «лучшимъ». Повидимому, нельзя было заняться чѣмъ-нибудь однимъ, такъ какъ все связывалось и сплеталось вмѣстѣ въ одну неразрывную и тѣсную связь: жгучій интересъ крестьянскаго вопроса требовалъ вниманія; мысль о необходимости усиленнаго развитія знаній въ освобождавшемся народѣ являлась при этомъ сама собою, она прямо наталкивала на необходимость заинтересовать этимъ дѣломъ многихъ лицъ и выработать поскорѣе систему преподаванія, подготовить учителей для народа; но та среда, въ которой могли вербоваться учителя, требовала сама или полнаго развитія, или лучшаго устройства матеріальныхъ средствъ. Тутъ могла закружиться голова даже у опытнаго, коротко знакомаго со всѣми разнообразными интересами жизни человѣка, а не только что у неопытнаго юноши, чувствовавшаго, что онъ уже успѣлъ отсидѣть ноги въ своемъ углу, что онъ утомилъ свой умъ бездѣйствіемъ многихъ лѣтъ. Нужно было расправить ноги, нужно было расшевелить умъ.

И какое время переживалось тогда: многое, что теперь нисколько не удивляетъ насъ и является совершившимся фактомъ, въ ту пору было только блестящею цѣлью, къ которой стремились люди, иногда не вѣря даже, что ее можно достигнуть. Крестьянскій вопросъ, отмѣна откуповъ, воскресныя школы, литературный фондъ, начало различныхъ компаній и желѣзнодорожнаго дѣла, развитіе прессы и толки объ измѣненіи условій печати, вопросы о реформахъ въ воспитаніи, толки о женской эмансипаціи и развитіи женскаго образованія, судебная реформа и множество другихъ явленій, иногда мелкихъ, касавшихся только Петербурга и извѣстнаго кружка людей, извѣстнаго сословія, извѣст-

ной корпораціи; иногда крупныхъ, охватывавшихъ всю русскую жизнь, перестраивавшихъ окончательно старое зданіе,—все это не могло не интересовать живого человѣка. Нужно было затвориться въ своемъ углу, не читать газетъ и журналовъ, не видаться ни съ кѣмъ, чтобы не принять хотя словеснаго участія во всей этой хлопотливой перестройкѣ зданія, въ противномъ же случаѣ, нельзя было не увлекаться, не спорить, не волноваться. Александръ Флегонтовичъ даже если бы и хотѣлъ отстраниться отъ всего, то по необходимости долженъ былъ сходиться съ самыми разнообразными личностями: мѣсто службы и литературный трудъ заставляли его сталкиваться съ артиллеристами и представителями литературы; еще разнообразнѣе были его знакомства въ качествѣ учителя. Тутъ приходилось бесѣдовать и съ какимъ-нибудь заскорузлымъ степнякомъ, привозившимъ сына для приготовленія въ корпусъ, и съ такимъ европейски-образованнымъ либераломъ, какъ графъ Алексѣй Дмитріевичъ Бѣлокопытовъ. Слушать разнообразные толки всѣхъ этихъ господъ объ ихъ больныхъ мѣстахъ и молчать—это значило выставлять себя дуракомъ; соглашаться съ тѣми, которые говорили нелѣпости,— это значило являться чѣмъ-то въ родѣ Молчалина или Чичикова, предупредительно говорящаго: «мой дядя дуракъ, дуракъ, ваше превосходительство»; спорить и волноваться—это было вполнѣ естественно, но это заставляло наживать себѣ двухъ-трехъ друзей и сотни враговъ.

Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Гдѣ начинается какое-нибудь новое дѣло, тамъ неизбѣжны и недоразумѣнія, и непріятности, и враждебныя столкновенія, и ошибки. И чѣмъ крупнѣе дѣло, тѣмъ болѣе является и недоразумѣній, и враждебныхъ столкновеній. Наше общество въ то время занималось рубкою лѣса старыхъ порядковъ, старыхъ заблужденій, и потому немудрено, что разныхъ недоразумѣній было множество. Приверженцы застоя шипѣли противъ нововведеній, новаторы иногда увлекались и хватали черезъ край или дѣлали свое дѣло неловко, неумѣло, такъ какъ это дѣло было и ново, и непривычно. Иногда самые незначительные случаи подавали поводъ къ шипѣнію одной стороны противъ другой; иногда дѣло принимало простой комическій видъ, этотъ комизмъ подхватывался прессой и раздражалъ еще болѣе тѣхъ, которые явились достойными смѣха. Серьезно начатый споръ о происхожденіи Руси, окончившійся объясненіемъ Погодина, что онъ устроилъ диспутъ

для потѣхи рыцарей свистопляски; судъ въ Пассажѣ, окончившійся знаменитою фразою о томъ, что «мы не дозрѣли»; собраніе акціонеровъ погибавшаго тогда стараго правленія общества водопроводовъ, гдѣ объявили, что одинъ очень свѣдующій техникъ не имѣетъ права судить о дѣлахъ, «потому что онъ молодъ»: литературные толки о корреспонденціи о волжско-донской дорогѣ, гдѣ отучали людей отъ пищи; горячія разсужденія о томъ, слѣдуетъ ли сѣчь или не слѣдуетъ, слѣдуетъ ли сѣчь мужиковъ и дѣтей или только дѣтей, слѣдуетъ ли сѣчь послѣднихъ административнымъ порядкомъ или по суду; глубокомысленные толки о грамотности, вырабатывающей мошенниковъ, и сотни тому подобныхъ явленій того времени, начиная съ серьезныхъ споровъ объ общинѣ и кончая смѣшнымъ протестомъ за евреевъ, названныхъ жидами въ Иллюстраціи, обличали то внутреннее броженіе, которое началось въ нашемъ обществѣ. Одни нападали на гласность за то, что она заглядывала въ самые потаенные углы частной жизни человѣка; другіе доказывали очень основательно, что она даже и общественныхъ явленій не выставляетъ на свѣтъ, говоря постоянно о происшествіяхъ въ N-скій губерніи въ городѣ X съ господами Y и Z. Слѣды этихъ враждебныхъ отношеній замѣчались и въ частной жизни: какіе-нибудь Боголюбовы не могли слышать, напримѣръ, о нападеніяхъ на взяточничество и говорили, что это все молокососы выдумываютъ. Въ пылу негодованія они не могли понять, что молокососы снова начали говорить громко о взяточничествѣ только тогда, когда правительство начало преслѣдовать взяточниковъ и назначать разныя ревизіи, что нападенія эти сами по себѣ не являются знаменіемъ новаго времени, а очень стары. Униженныя и оскорбленныя личности прошлаго времени, конечно, старались всѣми силами отыскать слабыя или дурныя стороны въ тѣхъ людяхъ, которыхъ они считали своими противниками, и сѣяли вражду среди той массы безличныхъ созданій, которыя, подобно Марьѣ Дмитріевнѣ, живутъ чужимъ умомъ. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что неподготовка къ новому дѣлу и совершенно понятныя увлеченія ихъ противниковъ всегда давали поводъ придраться къ мелочамъ и раздуть эти мелочи до крупныхъ явленій. Шипящіе, отставленные правительствомъ отъ должностей взяточники, старые крѣпостники, видѣвшіе неизбѣжность новой реформы, отживавшіе крючкотворы, слышавшіе о новомъ судѣ, всѣ эти люди негодовали и вымещали свою

злобу на томъ, что отыскивали ошибки, пороки и всякія мерзости въ «новыхъ людяхъ». Но эти наивные люди не понимали, что «новыхъ-то людей» въ сущности не было и не могло быть, если не считать нѣсколькихъ исключительныхъ личностей. Правда, на сценѣ являлся благонамѣренный чиновникъ Надимовъ, предлагавшій всѣмъ честнымъ людямъ идти въ становые. Но покуда все этимъ и ограничивалось. Въ обществѣ были честные литераторы, молодыя, горячія головы, ищущіе работы и дѣятельности люди, видящіе, напримѣръ, необходимость образованія и труда женщины, но когда же ихъ не было? Но практиковъ, вполнѣ подготовленныхъ къ дѣлу людей, которые могли бы неуклонно, съ полнымъ знаніемъ, съ стойкостью вести новое дѣло, соглашать безъ колебаній и промаховъ слово и дѣло, не было или было такъ же мало, какъ прежде. Тутъ не было ничего необыкновеннаго, ничего непонятнаго, это было повтореніе того же, что происходило въ петровскія времена, что происходило въ первые годы царствованія Александра I, что происходитъ при введеніи въ жизнь всякаго новаго дѣла: въ нашей жизни осуществлялись идеи, которыя уже давно были выработаны человѣчествомъ и были знакомы намъ по книгамъ, но мы-то сами были похожи на тѣхъ неопытныхъ работниковъ, которые попали изъ глухой родной деревни, отъ своего нехитраго плуга домашняго издѣлія въ шумный городъ, на подавляющую своими размѣрами фабрику, къ колесу сложной, состоящей изъ сотни колесъ, тысячи винтиковъ и клапановъ машины. Работникъ не умѣетъ обращаться съ нею, онъ иногда не довернетъ, иногда перевернетъ то тотъ, то другой винтикъ, онъ, можетъ-быть, испортитъ то или другое произведеніе, онъ, можетъ-быть, повредитъ свою собственную руку, — но что же изъ этого? Нужно ли кричать старымъ работникамъ, имѣвшимъ дѣло съ ручными старыми станками, «вотъ каковы они, новые-то работники!» Вѣдь сами они, эти старые работники, надѣлали бы такихъ же ошибокъ на мѣстѣ новыхъ. Работники и не станутъ дѣлать подобныхъ упрековъ новымъ товарищамъ, если эти новые товарищи не вытѣсняютъ ихъ, а пребываютъ на мѣста умирающихъ стариковъ. Но старые работники стали бы непремѣнно глумиться надъ ногими и бранить ихъ, если бы вступленіе этихъ новыхъ тружениковъ на путь дѣятельности непремѣнно должно было обусловить отставку старыхъ. Именно въ такомъ положеніи находилось наше общество: Боголюбовы, уличенные во взя-

точничествѣ, должны были сойти со сцены, и они негодовали на «новыхъ людей», ловя ихъ промахи и ошибки, происходившіе отчасти вслѣдствіе того, что ихъ воспитаніе шло все-таки подъ вліяніемъ тѣхъ же Боголюбовыхъ. Теорія и практика были еще крайне далеки другъ отъ друга. Молодой человѣкъ, научившійся по книгамъ любить новыя идеи, но пріученный къ роскоши и праздности въ домѣ разжившагося откупами или оброками съ крестьянъ отца, быть-можетъ, могъ свернуть съ прямой дороги или неумѣло сдѣлать взятое на себя дѣло и испортить его. Молодая барышня, понявшая изъ книгъ необходимость женскаго труда, но сидѣвшая въ четырехъ стѣнахъ, державшаяся въ ежовыхъ рукавицахъ, не подготовленная ни къ чему, могла, можетъ-быть, очень скверно переводить, портить взятую швейную работу, небрежно преподавать дѣтямъ науки и поддаться на какую-нибудь связь, которую она считала прочною и которая въ сущности была тѣмъ же, чѣмъ бывали и всѣ другія любовныя связи въ старое время между довѣрчивыми дѣвушками и между разнузданными мужчинами. Но все это являлось не потому, что и этотъ молодой человѣкъ и эта молодая дѣвушка были «новые люди», а потому, что они были дѣтьми стараго времени, такими же бѣлоручками, какъ ихъ отцы. Если бы жили въ Китаѣ, то эти молодые люди продолжали бы ту же самую жизнь, какую вели ихъ отцы и матери. Но такъ какъ имъ пришлось жить въ ту пору, когда выработанныя человѣчествомъ идеи стали примѣняться къ практикѣ у насъ, то они и толковали объ этихъ теоріяхъ, пробовали освоиться съ ними, осуществить ихъ—и очень часто, проповѣдуя новое, поступали по старому.

Александръ Флегонтовичъ, какъ простая дюжинная личность, тоже не былъ исключеніемъ изъ общаго правила, тоже не былъ «новымъ человѣкомъ», то-есть, такимъ человѣкомъ, который твердо шелъ бы по одной избранной дорогѣ, къ одной извѣстной цѣли, подобно какому-нибудь опытному работнику, знающему, которое колесо и какъ долженъ онъ вертѣть. Нѣтъ, какъ мы уже говорили, онъ учился самъ и писалъ поучающія статьи; дѣятельно занимался вопросомъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ и принималъ участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса; давалъ уроки у разныхъ господъ и хлопоталъ объ устройствѣ воскресныхъ школъ. Что было для него главною, что было для него второстепенною дѣятельностью—этого онъ, пожалуй, не опредѣлилъ бы самъ.

Такъ мчалась эта жизнь, унося своимъ теченіемъ все впередъ и впередъ Александра Флегонтовича и подобныхъ ему людей. Катерина Александровна тоже не отставала отъ своего мужа, и если кругъ ея дѣятельности былъ менѣе широкъ, то все-таки нельзя сказать, чтобы ея интересы были болѣе сосредоточены исключительно на чемъ-нибудь одномъ. Слушаніе лекцій повивальнаго искусства, посѣщеніе нѣкорыхъ лекцій въ университетѣ, занятія въ воскресной школѣ, столкновеніе и сближеніе съ молодежью, толки о женской эмансипаціи и стремленіе пополнить пробѣлы въ своемъ образованіи и въ образованіи подобныхъ ей молодыхъ женщинъ, все это не могло не увлечь, не могло не заставить молодую женщину забыть и мелкія дрязги будничной жизни, и тѣ рытвины и ухабы, которые такъ часто встрѣчаются на жизненномъ пути. Уже въ половинѣ зимы Катерина Александровна подтолкнула нѣсколькихъ дѣвушекъ изъ кружка Софьи Андреевны заняться серьезно математикою и естественными науками, и въ комнатахъ Софьи Андреевны нѣсколько пріятелей Александра Флегонтовича начали читать лекціи математики, физики, физіологіи. Это былъ первый шагъ къ систематическому изученію наукъ, и здѣсь Катерина Александровна впервые вполнѣ ясно увидала, что и ей, и другимъ подобнымъ ей женщинамъ приходится начинать съ азбуки. Это отчасти опечалило ее, отчасти заставило болѣе серьезно взглянуть на подобныя лекціи: сперва она думала, что эти лекціи только «пополнятъ» образованіе ея кружка, теперь она видѣла, что онѣ должны создать это образованіе, такъ какъ его въ сущности не было, хотя и она, и ея подруги офиціально выдержали экзамены и знали, повидимому, много. На первыхъ же порахъ приходилось отказаться и отъ физики, и отъ химіи, и посвятить свои силы осмысленному и толковому изученію простой ариѳметики. Катерина Александровна не сробѣла, видя, что ей опять приходится пройти довольно тяжелый и большой путь для пріобрѣтенія болѣе точныхъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, которыми она запаслась безъ чужой помощи, самоучкой, урывками. Она начинала уже чувствовать, что необходимо сузить кругъ интересовъ, кругъ занятій, что нужно сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ, что постоянная гоньба за множествомъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ не можетъ продолжаться вѣчно и, въ концѣ концовъ, приведетъ къ полнѣйшей безсодержательности, пустотѣ и фразерству.

«У насъ почвы твердой нѣтъ подъ ногами; мы хотимъ что-то строить, не заложивъ фундамента», — говорила она въ своемъ кружкѣ.

Но, несмотря на это сознаніе, несмотря на разстроившееся за послѣднее время здоровье, покуда она еще не могла оторваться отъ тѣхъ разнообразныхъ интересовъ, которые назойливо требовали ея вниманія. Иногда, чувствуя и физическое, и нравственное утомленіе, она шутливо говорила мужу:

- Мы всѣ слишкомъ разбросались, Саша!

— Что-жъ, кто мѣшаетъ сузить кругъ интересовъ, — смѣялся онъ.—Не ходи въ воскресную школу, не посѣщай лекцій въ университетѣ или откажись отъ знакомства съ молодежью, не волнуйся, когда у тебя просятъ совѣта, когда тебѣ жалуются на свое положеніе, не мучься вопросами, почему не удаются то швейныя мастерскія, то стремленія женщинъ поступить въ наборщицы или въ переводчицы, и не хлопочи о помощи тѣмъ, которые просятъ тебя о ней... Скажи всѣмъ: вотъ погодите, я доучусь, тогда и буду давать мудрые совѣты и интересоваться вопросами дня...

— Что ты, что ты!—перебивала его Катерина Александровна съ яркой краской на лицѣ.—Развѣ я на то жалуюсь, что мы живемъ слишкомъ быстро? Иначе мы жить не можемъ теперь! Мнѣ просто иногда досадно, что мы всѣ были слишкомъ не подготовлены къ такой жизни, что намъ пришлось и учиться дѣлу, и дѣлать дѣло въ одно и то же время... Теперь мнѣ иногда досадно и скучно слушать дѣтскіе споры и толки о тѣхъ предметахъ, до которыхъ уже кое-какъ додумались мы, но я терпѣливо выслушиваю ихъ. Вѣдь не виноваты же эти люди, что они еще позже насъ узнали то, что, вѣроятно, давно извѣстно въ западной Европѣ каждому школьнику... Вѣдь какъ недавно и мы съ тобою не знали многаго изъ самыхъ простыхъ вещей, а сколько еще не знаемъ мы изъ того, что знаютъ образованные люди Запада? Я думаю, европейцу было бы очень скучно на нашихъ вечерахъ: онъ услышалъ бы, что здѣсь говорятъ и спорятъ о томъ, о чемъ уже не спорятъ у нихъ, что просто проводятъ тамъ въ жизнь. Онъ, вѣроятно, посмѣялся бы надъ нами, надъ нашими циническими фразами.

— Ну, не думаю,—отвѣтилъ Александръ Флегонтовичъ.— Это скорѣе грустно, чѣмъ смѣшно! Правда, мы споримъ объ ассоціаціяхъ, о женскомъ образованіи и трудѣ, о воскрес-

ныхъ школахъ и тому подобныхъ предметахъ, какъ о чемъ-то новомъ, но насъ можно только пожалѣть за то, что это ново для насъ, что мы только споримъ объ этомъ... Если бы эти вещи не были для насъ чѣмъ-то съ неба упавшимъ, мы, вѣрно, не разбрасывались бы такъ, какъ теперь, а шли бы спокойно по разъ избранному, давно извѣстному пути...

Эти тоскливыя минуты недовольства собою и окружающимъ, сознаніе, что дѣла могли бы идти лучше, что нужно болѣе сосредоточиться, стали все чаще и чаще повторяться въ жизни Катерины Александровны. А выбиться изъ колеи, по которой она шла, по которой несло ее теченіемъ, у нея не было силы. Въ обществѣ же начали все сильнѣе и сильнѣе носиться какіе-то темные слухи, и чувствовалось, что люди различныхъ убѣжденій все болѣе и болѣе расходятся другъ съ другомъ. Иногда рѣчи близкихъ Прохоровымъ людей стали слишкомъ желчны, вслѣдствіе неудачъ, вслѣдствіе мелкихъ столкновеній на практической почвѣ съ противниками. Самъ Александръ Флегонтовичъ началъ нерѣдко говорить, что общество договорилось до послѣдняго слова.

— Мы съ нашимъ скромнымъ чернорабочимъ трудомъ стоимъ въ сторонѣ,—говорилъ онъ женѣ,—но очень можетъ быть, что и на насъ отзовутся послѣдствія того движенія, которое происходитъ теперь. Вѣдь со всѣми этими людьми намъ приходилось и приходится сталкиваться...

— Среди всѣхъ этихъ слуховъ и ожиданій чего-то я хожу какъ бы въ туманѣ,—говорила она.—Я чувствую какое-то лихорадочное состояніе... Порой я боюсь за будущее... Кажется, если бы я сама участвовала въ какомъ-нибудь очень рискованномъ дѣлѣ, — я была бы спокойнѣе. Мучительнѣе всего неизвѣстность, смутность предчувствій чего-то неопредѣленнаго...

— Да вѣдь и чортъ потому страшенъ людямъ, что они его не видали,—пошутилъ Александръ Флегонтовичъ. — Но ты будь тверже, теперь нужно беречь свое здоровье, свои силы, а не мучиться безполезными сомнѣніями. Дѣла не передѣлаешь, начатаго не остановишь, значитъ, нужно думать только о томъ, чтобы спокойно и твердо пережить то, что можетъ случиться...

Онъ говорилъ, повидимому, спокойно, но и въ его душѣ порой пробуждались опасенія за будущее. Въ литературѣ начали проскальзывать грязныя выходки противъ всего новаго, молодого. Прохоровъ началъ чувствовать, что въ домѣ

Бѣлокопытовыхъ все холоднѣе и враждебнѣе относились къ нему и къ любимымъ имъ людямъ.

— Ваши, кажется, начинаютъ опасную игру,—небрежно говорилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Куда вы насъ ведете...

— Я лично никуда и никого не веду, — шутливо отвѣчалъ Александръ Флегонтовичъ. — Дѣтей веду, правда, въ корпуса и высшія учебныя заведенія, вотъ и все...

— Да-съ, можетъ-быть... Но ваши-то что дѣлаютъ?

Я думаю, графъ, что каждый можетъ отвѣчать только за себя.

— Ну, тутъ трудно сказать, что у васъ личное, что общее со всѣми людьми, которыхъ убѣжденія вы раздѣляете...

— Моя жизнь, графъ, проходитъ на виду у всѣхъ, знающихъ меня, — отвѣтилъ Александръ Флегонтовичъ и перемѣнилъ разговоръ.

Но этимъ не кончилось. Алексѣй Дмитріевичъ началъ все сильнѣе и сильнѣе отставать отъ передовой партіи и усиленно старался дать понять всѣмъ и каждому, что его нельзя смѣшивать съ нею. Въ его поведеніи стала замѣчаться какая-то трусливая осторожность. Онъ вдругъ пересталъ говорить громкія фразы и нападалъ уже не на старую, а на молодую партію, стараясь выгородить себя изъ ея кружка. Это былъ недобрый знакъ. Жена Алексѣя Дмитріевича дѣйствовала прямѣе и не ограничилась одними предостереженіями и намеками. Она не изъ какихъ-нибудь глубокихъ соображеній, а просто изъ личной мелочной ненависти рѣшилась проучить Александра Флегонтовича и стала толковать о томъ, что такихъ людей не слѣдуетъ пускать въ домъ, что они могутъ оказаться замѣшанными въ какое-нибудь дѣло, могутъ навлечь непріятности на тѣхъ, къ кому они были вхожи въ дома, что во всякомъ случаѣ они ставятъ своихъ знакомыхъ въ двусмысленное положеніе.

— Но ты же сама пригласила его въ учителя? — замѣтилъ мужъ.

— Пригласила, значитъ, могу и отказать. Ты понимаешь, что теперь не такое время, чтобы терпѣть у себя въ домѣ подобныхъ людей...

— Онъ можетъ повредить Сережѣ.

Жена пожала плечами.

— Онъ? Повредить? Его можно устранить,—замѣтила она.

Алексѣй Дмитріевичъ посмотрѣлъ вопросительно.

— Я никакъ не думала, что онъ такой зловредный человѣкъ, — проговорила она. — Я удивляюсь Давыдову, что

онъ держитъ подобныхъ учителей. Черезъ нихъ онъ можетъ потерять всѣхъ учениковъ изъ нашего круга...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора она написала Александру Флегонтовичу, что, къ сожалѣнію, она не можетъ болѣе ввѣрять ему образованіе своего сына. Александръ Флегонтовичъ пожалъ плечами и бросилъ записку. У него не было недостатка въ урокахъ, и потому онъ не особенно печалился потерею нѣсколькихъ рублей.

Прошло недѣли двѣ, какъ онъ уже не являлся въ домъ молодыхъ Бѣлокопытовыхъ. Его отсутствіе замѣтилъ только Дмитрій Васильевичъ, спросившій у сына и невѣстки, почему такъ давно не появляется у нихъ Прохоровъ.

— Неловко впускать къ себѣ этихъ людей,—холодно отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Они тамъ, Богъ знаетъ, что замышляютъ.

— Да намъ-то какое дѣло до этого?—спокойно отвѣтилъ старикъ.

— Мы можемъ быть компрометированы,—замѣтила графиня.

— Мы? Компрометированы? — усмѣхнулся Дмитрій Васильевичъ, пожимая плечами.—Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что есть люди, которые стоятъ выше всякихъ подозрѣній, и къ числу такихъ людей я, кажется, имѣю право причислить, напримѣръ, себя...

Онъ насмѣшливо обратился къ сыну.

— Въ тебѣ-то ужъ я никакъ не предполагалъ такой боязливости, ты всегда такъ громко высказывалъ свои убѣжденія...

— Я думаю, что осторожность и трусость — двѣ вещи разныя,—замѣтилъ сынъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, — усмѣхнулся отецъ. — А вотъ мы, старики, живемъ себѣ безъ всякихъ осторожностей и все-таки спокойны за себя...

— Вы почти устранились отъ дѣлъ, отъ общественныхъ интересовъ, такъ потому и спокойны,—пояснилъ сынъ.

— Не то, совсѣмъ не то, мой другъ,—снисходительнымъ тономъ замѣтилъ отецъ.—Играемъ мы въ открытую игру — вотъ въ чемъ дѣло!

Но дѣло этимъ не кончилось. Появившись въ одинъ прекрасный день въ пансіонѣ Давыдова, Прохоровъ засталъ содержателя пансіона въ тревожномъ состояніи.

— Что вы, батенька, тамъ надѣлали? — спросилъ Давыдовъ, маленькій юркій человѣчекъ съ хитрыми глазами и кошачьими ухватками.

Гдѣ тамъ?

— Вверху-съ, вверху-съ,—скороговоркой произнесъ Давыдовъ. Вами недовольны, васъ въ чемъ-то подозрѣваютъ.

— Да кто?

— Графиня Бѣлокопытова, ея близкіе... У меня чуть не опустѣлъ весь пансіонъ... Такъ нельзя-съ... Это что же... Вы тамъ, Богъ знаетъ, что замышляете, а это отзывается на насъ... Дѣло воспитанія должно быть серьезнымъ дѣломъ, батенька. Учитель долженъ стоять внѣ всякихъ общественныхъ волненій, движенія партій, минутныхъ увлеченій. Учитель долженъ не знать ничего, кромѣ своей науки, стоящей выше настроеній минуты.

— Да вы мнѣ растолкуйте прямо, чего вы хотите, — усмѣхнулся Александръ Флегонтовичъ.

— Да какъ вамъ объяснить. — задумался Давыдовъ. — Ничего я не хочу. Дѣло сдѣлано-съ, такъ чего же мнѣ хотѣть. Я не могу оставить васъ у себя учителемъ... Вы понимаете, я, батенька, вами дорожу, я васъ уважаю, я цѣню ваши познанія, вашъ методъ... Такихъ бы учителей намъ побольше, давайте ихъ, и мы доставимъ вполнѣ образованныхъ людей, мы покажемъ, какъ можно развить положительныя знанія въ ребенкѣ...

Александръ Флегонтовичъ терялъ терпѣніе.

— Ну-съ, и потому этихъ учителей нужно гнать?—спросилъ онъ.

— Не то, не то, заговорилъ Давыдовъ.—Но, видите ли, наше дѣло совсѣмъ особенное дѣло... Вы, батенька, кофе не выпьете ли у меня?

Александръ Флегонтовичъ отказался.

— Ей-Богу выпейте, — упрашивалъ Давыдовъ.—Я велю подать?..

Александръ Флегонтовичъ еще разъ отказался.

— Сигару не возьмете ли?

Послѣдовалъ новый отказъ.

— Ну, какъ хотите. А, право, хорошо бы за стаканомъ кофе потолковать... Да, такъ о чемъ, бишь, я говорилъ?..

— Вы говорили, что ваше дѣло особенное дѣло.

— Да, да! Вотъ видите ли. Тутъ нужна своего рода политика... Хе-хе-хе!.. Мы, съ одной стороны, выбираемъ учителей-съ... Мы ищемъ въ нихъ положительныхъ достоинствъ, серьезныхъ знаній, дорожимъ ими. Такимъ учителемъ съ реальными знаніями являетесь вы. Я, батенька, васъ цѣню, я уважаю васъ... Хе-хе-хе, вы думали, что я не слѣдилъ,

какъ вы преподаете? Нѣтъ-съ. Я все видѣлъ! Вы перлъ, перлъ!.. Да-съ!.. Но съ другой стороны, мы должны платить этимъ учителямъ, мы должны имѣть средства на содержаніе ихъ... Вы знаете, батенька, мы не богачи, не филантропы, мы не изъ своего кармана платимъ. Мы платимъ изъ денегъ ввѣренныхъ намъ родителями учениковъ. Мы въ сущности посредники между родителями и учениками... Да, батенька, посредники и больше ничего! Теперь является вопросъ: не должны ли мы соглашать двойные интересы — интересы науки и прихоти родителей? Наука требуетъ хорошихъ учителей, родители требуютъ тоже хорошихъ учителей. Но понятія науки и понятія родителей различны. У родителей понятія измѣнчивы, на нихъ вліяютъ разныя обстоятельства, они...

Александръ Флегонтовичъ потерялъ терпѣніе.

— Вы хотите, вѣроятно, сказать, что я не нравлюсь родителямъ?—спросилъ онъ рѣзко.

— Графиня Бѣлокопытова — а вы знаете ея вліяніе — недовольна вами,—вздохнулъ Давыдовъ.—Очень недовольна! Я вамъ, батенька, дамъ дружескій совѣтъ. Вы уладьте съ нею; это легко; она, знаете...

Давыдовъ засмѣялся циничнымъ смѣхомъ и что-то шепнулъ Александру Флегонтовичу.

— Ей-Богу! Этимъ ее можно успокоить, — проговорилъ онъ.—Нужно, батенька, хитрить въ этихъ случаяхъ... Безъ политики нельзя... Хе-хе-хе! Я въ этомъ случаѣ, батенька, набилъ руку, тертый калачъ... Уладьте это... Тогда, знаете, и волки будутъ...

— Ну-съ, значитъ, объясненіе кончено,—произнесъ Александръ Флегонтовичъ и взялся за фуражку.

— Да куда же вы торопитесь? Ахъ, горячка, горячка! Выдержки у васъ нѣтъ!.. Вы не сердитесь... Я вѣдь вамъ въ отцы гожусь, меня можно послушать... Вы понимаете...— заговорилъ Давыдовъ.

— Да вы чего же такъ распинаетесь? или думаете, что времена перемѣнятся, и мы будемъ въ модѣ? — разсмѣялся Александръ Флегонтовичъ. — Нѣтъ, мы ужъ не будемъ въ модѣ, не будемъ приманкой...

Онъ раскланялся и вышелъ. Ему было скверно. Онъ зналъ, какъ либеральничалъ еще такъ недавно Давыдовъ, стремившійся привлечь въ свой пансіонъ людей съ литературными именами; онъ зналъ, что еще черезъ нѣсколько лѣтъ Давыдовъ снова будетъ либеральничать, и ему гадки

показались именно эти руководители юношества и общества, ведущіе его не по своему пути, а по той дорогѣ, по которой идетъ большинство.

Не желая безплодно тревожить жену разсказами о непоправимой непріятности, Александръ Флегонтовичъ промолчалъ дома о всей этой исторіи. Но симптомы недовольства въ средѣ Бѣлокопытовыхъ новыми идеями продолжали сказываться. Въ одинъ прекрасный день къ Прохоровымъ явилась Софья Андреевна. Ея лицо было озабочено и тревожно.

Вообразите, насъ притѣсняютъ!—воскликнула она, здороваясь съ Александромъ Флегонтовичемъ и Катериною Александровною. — Графиня откуда-то узнала, что на моей половинѣ читаются лекціи математики, и запретила ихъ. «Я не желаю, говоритъ, чтобы пріютъ былъ притономъ для грязныхъ сходокъ разныхъ вольнодумцевъ». Грязныя сходки! Каково вамъ покажется! Каково вамъ покажется! Я не выдержала и вспылила...

— И только хуже разсердили ее? — покачалъ головой Александръ Флегонтовичъ.—Гдѣ же вашъ тактъ?

— Ахъ, подите вы съ вашимъ тактомъ! — разсердилась Софья Андреевна. — Тутъ дѣлаешь хорошее дѣло, а его называютъ грязнымъ! Тутъ нужно быть холодной, какъ рыба, чтобы помнить о тактѣ въ такія минуты!

— А все же приходится быть хладнокровнѣе и приготовиться къ подобнымъ случаямъ,—замѣтилъ Александръ Флегонтовичъ. — Дѣло, впрочемъ, не такъ важно... Перенесемъ лекціи въ мою квартиру...

Да меня не то сердитъ, что лекцій негдѣ читать, — мѣсто найдется, — а то досадно, что это дѣло называютъ грязнымъ... Это возмутительно!

Софья Андреевна очень сильно горячилась, какъ женщина, не терпѣвшая до сихъ поръ никакихъ неудачъ и видѣвшая, что всѣ повиновались ей и плясали по ея дудкѣ. Александръ Флегонтовичъ и Катерина Александровна сразу поняли, какъ легко могутъ подобныя неудачи оттолкнуть эту самолюбивую и избалованную женщину отъ серьезнаго дѣла, и старались успокоить ее, хотя сами были далеко не спокойны. Когда она уѣхала, рѣшивъ, что лекціи будутъ продолжаться въ квартирѣ Прохоровыхъ, Катерина Александровна задумчиво сказала мужу:

— Дѣло, кажется, принимаетъ серьезный оборотъ?

— Да, нужно быть осторожнѣе,—отвѣтилъ онъ.

Прошло еще нѣсколько дней; донеслось еще нѣсколько

слуховъ о непріятныхъ событіяхъ. Кто-то изъ близкихъ людей намекнулъ, наконецъ, Александру Флегонтовичу, что нужно быть осторожнѣе, что нужно быть тише воды, ниже травы, что самого Александра Флегонтовича заподозрѣваютъ въ какомъ-то серьезномъ дѣлѣ. Онъ пришелъ домой въ тревожномъ состояніи духа и засталъ жену въ своемъ кабинетѣ. Онъ передалъ ей слухи.

— Знаешь ли, Саша, — задумчиво заговорила она: — во мнѣ является болѣзненное, мучительное желаніе убѣжать куда-нибудь, далеко, въ глухое, совершенно глухое мѣсто и тамъ пробыть года два-три, занявшись исключительно своимъ собственнымъ образованіемъ, своимъ развитіемъ. Мнѣ хочется не видѣть, не слышать всего того, что волнуетъ меня теперь, ни матери, ни братьевъ, ни подругъ...

— И что же?—спросилъ мужъ.

— Что? — въ раздумьи повторила Катерина Александровна.—Я чувствую, что если бы это даже было возможно, то въ рѣшительную минуту я все-таки осталась бы здѣсь... Я знаю, что послѣ двухъ-трехъ лѣтъ строгихъ занятій я принесла бы больше пользы, чѣмъ теперь... Но оторваться отъ всего, что вошло въ кровь и плоть, отдалиться отъ любимыхъ людей, не слышать ихъ тревогъ, стремленій и порывовъ, и знать, чувствовать, что эти тревоги и порывы, эти мучительныя порыванія къ лучшему все-таки мучатъ ихъ, хотя я и не слышу ихъ жалобъ, ихъ споровъ, ихъ вопросовъ,—нѣтъ, этого я не могла бы сдѣлать...

— Значитъ, нужно жить такъ, какъ живется, — разсмѣялся Александръ Флегонтовичъ.

— Да, плыть по теченію. Урывками развивать себя, коекакъ приносить пользу, помогать ближнимъ грошовыми совѣтами, можетъ-быть, подъ конецъ жизни сказать, что желаній было много, что стремленіямъ не было числа и что не было сдѣлано ничего основательнаго...

— Можетъ-быть, можетъ-быть,—печально согласился Александръ Флегонтовичъ.

— Порою мнѣ вспоминается наше дитя... Если бы оно было живо, я отдалась бы его воспитанію, я воспитала бы изъ него болѣе цѣльнаго человѣка, чѣмъ мы. Я не скрыла бы отъ него ничего, что́ долженъ знать человѣкъ, и онъ, вступая на жизненный путь, избралъ бы безъ колебаній ту дѣятельность, которая казалась бы ему самою полезною, самою разумною... Онъ, можетъ-быть, волновался бы страданіями ближнихъ еще болѣе, чѣмъ мы, но зато онъ шелъ

бы по одному опредѣленному пути и все постороннее считалъ бы второстепенною дѣятельностью, изъ-за которой онъ не упускалъ бы изъ виду главной цѣли... Мы же не можемъ сказать, въ чемъ состоитъ наша главная дѣятельность, гдѣ наша главная цѣль... Мы идемъ къ общему благу, но въ стремленіи къ этой широкой цѣли нужно раздѣленіе труда, нужно, чтобы извѣстная часть людей шла по одному пути, другая по другому, только тогда всѣ эти группы сдѣлаютъ хорошо свое будничное, простое дѣло и по разнымъ дорогамъ дойдутъ до одной цѣли, до общаго развитія, чтобы протянуть другъ другу руки и съ полнымъ правомъ сказать: побѣда!

— Да, этого слова наше поколѣніе не скажетъ,—въ раздумьи промолвилъ Александръ Флегонтовичъ. — Намъ уже не удастся наверстать въ своемъ развитіи все потерянное въ пору долгаго сна время, не удастся помочь и другимъ вполнѣ развиться. Впрочемъ, что невозможно, то невозможно. Повторяю тебѣ, что нужно жить, какъ живется!

Катерина Александровна разсмѣялась, хотя въ ея смѣхѣ слышалась грустная нота.

— Мы такъ и живемъ, — проговорила она, обнимая мужа. — Вотъ договорились до того, что мнѣ пора идти на урокъ...

Она встала и пошла. Александръ Флегонтовичъ взглянулъ на нее и впервые замѣтилъ, что на ея щекахъ игралъ неестественный, лихорадочный румянецъ.

— Катя, прежде всего не забывай, что нужно беречь свое здоровье,—сказалъ онъ ей вслѣдъ.

Она обернулась къ нему съ порога.

— Что это тебѣ пришло въ голову?—спросила она.—Я здорова.

Онъ покачалъ головою.

— Ты слишкомъ близко принимаешь все къ сердцу.

— Ну, недостаетъ еще того, чтобы мы были не только неумѣлыми, но и черствыми истуканами,—засмѣялась она.

— Все же о себѣ-то прежде всего нужно заботиться...

— Докторъ, вылѣчи прежде самого себя,—засмѣялась Катерина Александровна и скрылась за дверью.

Александръ Флегонтовичъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Послѣднія слова жены вдругъ напомнили ему, что онъ во все это время менѣе всего думалъ о себѣ, о своихъ личныхъ выгодахъ, что онъ шелъ по довольно скользкому и небезопасному пути. Онъ мелькомъ бросилъ взглядъ на

какую-то пачку книгъ и бумагъ, лежавшихъ на столѣ, и почти вслухъ проговорилъ: «Въ самомъ дѣлѣ, какая вѣтреность, какая неосторожность! И для чего я ихъ берегу? И гдѣ держу? На самомъ видномъ мѣстѣ!»

Черезъ нѣсколько минутъ онъ завернулъ эти книги и бумяги въ газетный листъ и попросилъ Марью Дмитріевну спрятать ихъ подальше, а часть бросить въ огонь.

Потомъ онъ снова заходилъ по своему кабинету и о чемъ-то размышлялъ. «Надо будетъ передать отцу деньги,— промелькнуло въ его головѣ.—На всякій случай надо позаботиться, чтобы онъ не остался безъ копейки. Мало ли, что можетъ случиться. Я ни въ чемъ не замѣшанъ, но вѣдь это трудно доказать».

Онъ сталъ рыться въ столѣ и вдругъ остановился. «Да съ чего это я волнуюсь?—вдругъ прошепталъ онъ.—Какія глупости! Развѣ есть какія-нибудь причины опасаться...»

Онъ закрылъ ящикъ стола и снова заходилъ по комнатѣ. «Нѣтъ, предосторожность все-таки не мѣшаетъ!»—рѣшительно произнесъ онъ и вынулъ деньги. Онъ прошелъ въ комнату отца и отдалъ старику билеты.

Старикъ въ изумленіи что-то забормоталъ. Александръ Флегонтовичъ сказалъ ему, что онъ, быть-можетъ, лѣтомъ или осенью уѣдетъ въ путешествіе по Россіи, то эти деньги пригодятся отцу на это время.

— Трать ихъ, когда будетъ нужно,—прибавилъ сынъ.— Я не хочу, чтобы ты нуждался, если я уѣду на время...

Онъ сталъ спокойнѣе и возвратился въ свою комнату. Часовъ въ десять вечера возвратилась Катерина Александровна. Она застала мужа за работою.

— Саша, ты знаешь, что уже по всему городу не на шутку ходятъ тѣ темные слухи, о которыхъ ты говорилъ мнѣ вскользь?—сказала она.

— Вотъ какъ, — коротко отвѣтилъ онъ.—Ну, что же, этого нужно было ожидать.

V.

У стараго корыта.

Молодые Прохоровы, какъ мы сказали, не были серьезно замѣшаны ни въ какое темное рискованное дѣло. Они просто работали, стараясь пріобрѣсти кусокъ хлѣба и принося посильную пользу ближнимъ; но, тѣмъ не менѣе, они начинали чувствовать, что имъ нужно быть все болѣе и болѣе осторожными. Въ обществѣ чувствовалось какое-то заку-

лисное волненіе, неизбѣжное слѣдствіе усиленной новой дѣятельности предыдущихъ лѣтъ. Люди разныхъ партій, разныхъ поколѣній договорились до послѣдняго слова; нѣкоторые зашли, можетъ-быть, слишкомъ далеко въ своихъ стремленіяхъ, нѣкоторые, можетъ-быть, хватили черезъ край въ своей ненависти: столкновеніе было неизбѣжно. Этому столкновенію нельзя было рукоплескать, его нельзя было безусловно предавать проклятію. Оно было просто неизбѣжнымъ историческимъ фактомъ. Можно было навѣрно сказать, что крайнія увлеченія остынутъ со временемъ, что безграничная ненависть угомонится и что, въ концѣ концовъ, останутся только тѣ нововведенія, которымъ уже не могли повредить, которыхъ не могли остановить никакія случайности, никакія увлеченія, никакая злоба. Общество вступило на новый путь и должно было идти по этому пути, не возвращаясь на старую дорогу. Все это ясно понимало большинство, все это понимали и наши молодые герои, но въ то же время они понимали, что имъ въ эту пору, болѣе чѣмъ когда-нибудь, нужно было быть осмотрительными. Они вращались именно въ томъ молодомъ кружкѣ, гдѣ было очень сильно броженіе, они сами съ увлеченіемъ старались добиться всего вдругъ и какъ будто поставили своимъ девизомъ: «теперь или никогда, сдѣлать все вдругъ и не останавливаться на чемъ-нибудь одномъ». Они чувствовали, что у нихъ явились кругомъ враги, что самымъ хладнокровнымъ судьямъ въ данную минуту будетъ трудно рѣшить, насколько они опасны, насколько они являются активными членами той партіи, въ которой происходило броженіе. Дружескія связи съ людьми той партіи, образъ и характеръ занятій, совпадавшіе съ образомъ и характеромъ занятій этой партіи, высказываніе тѣхъ же идей, которыя высказывала она, все это должно было заставить каждаго увидѣть самую близкую связь нашихъ героевъ съ этою партіею. Они впрочемъ, и не думали отрекаться отъ нея, хотя и могли сказать въ свое оправданіе, что они покуда не успѣли зайти такъ далеко, какъ зашли ея главные члены. Но послѣднее нужно еще было доказать, объяснить; на первыхъ же порахъ приходилось подчиняться всему, что выпадетъ на долю этой партіи. При первыхъ же смутныхъ слухахъ о закулисномъ броженіи въ домѣ Прилежаевыхъ появился Боголюбовъ и ядовито спросилъ у Катерины Александровны:

— А что, вашъ муженекъ погуливаетъ еще?

— Я васъ не понимаю; онъ на службѣ,—отвѣтила Катерина Александровна.

— Держать еще!—разсмѣялся Боголюбовъ.—Это насъ только разомъ порѣшаютъ... А нечего сказать, хороши ваши!

— Я не знаю, про кого вы говорите,—холодно отвѣтила Катерина Александровна.

— Про вашихъ молокососовъ, про вашихъ друзей,—отвѣтилъ Данила Захаровичъ.—Проповѣдуютъ Богъ знаетъ что, а сами-то каковы.

Онъ началъ передавать Марьѣ Дмитріевнѣ какую-то грязную сплетню про нѣсколькихъ молодыхъ людей. Марья Дмитріевна охала, качала головой и всплескивала руками отъ удивленія. Катерина Александровна не выдержала.

— Вы нынче особенно дѣятельно занимаетесь собираніемъ сплетенъ,—замѣтила она.—А мнѣ кажется, что было бы лучше смотрѣть за своей семьей, сводить расчеты со своей совѣстью и не заботиться о другихъ. Вѣдь если бы дѣло пошло на разоблаченіе всѣхъ промаховъ и темныхъ дѣлъ въ жизни каждаго изъ насъ, то я думаю, что и вамъ, и вашей женѣ это было бы не очень-то выгодно.

— Вотъ-съ какъ вы нынче поете!— злобно прошипѣлъ Данила Захаровичъ.—Не желаете ли выгнать меня изъ своего дома?

— Мнѣ совершенно все равно, будете ли вы къ намъ ходить или нѣтъ. Могу сказать вамъ только одно: не я шла къ вамъ, а вы шли ко мнѣ съ просьбами... Вы ненавидѣли и меня, и Александра, но не гнушались ни моими, ни его услугами. Вы марали и меня, и его на каждомъ перекресткѣ, и я и Александръ знали это и молчали, продолжая дѣлать для васъ, что было въ нашихъ силахъ.

— На грошъ сдѣлаютъ, а на рубль попрекнутъ!

— Тутъ дѣло не въ попрекахъ! Я вамъ ничего не говорила, покуда могла пропускать мимо ушей ваши сплетни. Но теперь вы бросаете мнѣ перчатку прямо въ лицо, и я ее поднимаю,—вотъ и все. Если вамъ кажутся такими гадкими наши друзья и мы сами, то зачѣмъ же вы ходите къ намъ? Кто васъ проситъ? Пора покончить эту игру въ лицемѣріе. Вамъ она дешево обходится, а намъ дорого платить за ваши сплетни и выдумки.

— Да развѣ я для васъ хожу сюда! что вы выдумали! Я для вашей несчастной матери сюда хожу, мнѣ ее жаль!

— Я, батюшка, очень благодарна,—начала Марья Дмитріевна.

— Вы сами не знаете, что говорите! строптиво произнесла Катерина Александровна, взглянувъ на мать.—Моя мать если несчастна, такъ только потому, что у нея явился такой совѣтникъ, какъ вы, сказала она дядѣ.

Хорошо обращаются съ матерью, со старшими!—качая головой, произнесъ Данила Захаровичъ.

Я васъ попрошу выйти вонъ!- указала Катерина Александровна на дверь.

Данила Захаровичъ никакъ не ожидалъ такого конца. Марья Дмитріевна испугалась и обратилась къ дорогому родственнику.

— Извините ее, батюшка!—заговорила она. — Катюша вспыльчива...

— Потрудитесь объясняться, гдѣ угодно, а не здѣсь,— промолвила Катерина Александровна.—Я не желаю видѣть у себя дольше этого господина. Довольно церемоній! Насъ безсастѣнчиво ругаютъ, а мы улыбаемся, пора это кончить. Не нравимся- ну, и прощайте!

Данила Захаровичъ что-то говорилъ, но его рѣчь выходила безсвязною; онъ былъ зеленъ отъ безсильной злости и почти задыхался. Можно было только разслышать, какъ онъ двадцать разъ повторилъ на всѣ лады:

— Ну, хорошо! Хорошо-съ! Хорошо-о-же!

Катерина Александровна, несмотря на раздраженіе, не могла не разсмѣяться и почти весело замѣтила:

- Ну, если хорошо, такъ и желать больше нечего!

- Шутите!.. Хорошо-о!—мотнулъ головою Данила Захаровичъ и хлопнулъ дверью.

Марья Дмитріевна побѣжала его провожать и извинялась передъ нимъ за дочь. Раздраженный мужъ накинулся въ передней на слабую женщину и выместилъ на ней всю злобу, которая кипѣла въ немъ подъ вліяніемъ рѣчей Катерины Александровны.

- Погибнете, на порогъ не пущу!—кричалъ онъ.—Выгнала! Дѣвчонка смѣла выгнать! Да какая вы мать? Развѣ вы мать? Вы—тряпка, половая тряпка! Да вы думаете, что я это стерплю? Я этого не забуду! Я имъ покажу! Я имъ покажу!

Марья Дмитріевна все кланялась, плакала и просила простить ея «глупую» дочь. Данила Захаровичъ не прощалъ.

Катерина Александровна между тѣмъ волновалась, быть-можетъ, не менѣе матери, но вслѣдствіе совсѣмъ другихъ причинъ. Она впервые услыхала отъ дяди одну изъ тѣхъ

грязныхъ исторій, которыя разносились по городу праздными болтунами про близкихъ ей людей. Она знала, что большая часть ихъ разсказовъ чистѣйшая ложь, но въ то же время она понимала, что здѣсь есть и извѣстная доля правды, что близкіе ей люди вели себя не достаточно осторожно, не достаточно безупречно и были отчасти виновны въ томъ, что они сами не могли на практикѣ подняться на недосягаемую высоту надъ тою грязью, въ которой купались разные Павлы Абрамовны и Данилы Захаровичи. Она сознавала, что эти ошибки были прямымъ слѣдствіемъ прошлой практики, что онѣ не имѣли ничего общаго съ новыми идеями, но все же ей было больно, что господа, въ родѣ Боголюбова, имѣютъ хотя частицу, хотя призракъ права иронически сказать: «хороши и ваши!»

— Самовоспитаніе, безупречность, полнѣйшая нравственная чистота, вотъ чего недостаетъ многимъ изъ насъ,— говорила она вечеромъ мужу, разсказавъ утреннюю исторію съ дядей.—Мы все еще тѣ же старые люди; мы только усвоили извѣстныя понятія, но не сумѣли вполнѣ освободиться отъ старыхъ привычекъ, отъ старой распущенности... Мы не всегда можемъ съ спокойною совѣстью бросить перчатку въ лицо старому обществу...

Александръ Флегонтовичъ покачалъ головой.

— Дитя!—ласково проговорилъ онъ.—Да въ чемъ же могутъ упрекнуть тебя и меня?

— Ахъ, что ты говоришь!—промолвила она.—Насъ не въ чемъ упрекнуть, многихъ не въ чемъ упрекнуть, но вѣдь это потому, что мы-то простые работники, потому что мы родились и выросли работниками. Мы не потому взялись за трудъ, что онъ былъ въ модѣ, а потому, что мы были голодны. Мы не потому полюбили новыя идеи, что ими можно было кокетничать или щеголять, какъ румянами и красивыми тряпками, а потому что только при помощи развитія этихъ идей обезпечивалось наше существованіе, наша мирная жизнь. Мы не дурили, потому что намъ было некогда, не изъ чего дурить, потому, что мы не привыкли наслаждаться разнузданностью своихъ страстишекъ...

— А знаешь ли, Катя,—тихо проговорилъ Александръ Флегонтовичъ:—что, можетъ-быть, скоро намъ представится необходимость еще болѣе тяжелой трудовой жизни?..

Катерина Александровна вопросительно посмотрѣла на него.

— Я сегодня лишился уроковъ и въ пансіонѣ Добровольскаго,—промолвилъ онъ.

— А! — отозвалась она. — Ну, что же? Развѣ намъ много нужно? Ты самъ говорилъ не разъ, что ты радъ бы оставить нѣкоторые уроки...

— Да. Но ты знаешь причины, по которымъ мнѣ отказали?

Полагаю, что знаю.

Эти же причины могутъ повлечь за собою болѣе серьезныя послѣдствія...

— Ты знаешь, что я не боюсь ничего...

Александръ Флегонтовичъ обнялъ ее за талію и сталъ ходить съ нею по комнатѣ.

— Я не опасаюсь никакихъ слишкомъ серьезныхъ послѣдствій всѣхъ этихъ тревогъ,—говорилъ онъ.—Но, можетъ-быть, намъ придется уѣхать отсюда. У меня есть средства прожить первое время...

— Да, да, вѣдь мы капиталисты,—улыбнулась она.

— Можно бы больше скопить на черный день, да копить-то не умѣемъ мы съ тобою,—ласково произнесъ онъ.—Впрочемъ, руки и голова есть— не пропадемъ!.. Только, если что случится, не волнуйся... Всему есть конецъ...

Она посмотрѣла на него свѣтлымъ взоромъ.

— Ты помнишь, мы какъ-то говорили: не узнаешь горькаго, не узнаешь и сладкаго,—тихо произнесла она.—Возьмемъ же у жизни и частичку горечи...

— Побереги отца, если что-нибудь произойдетъ дурное... Жаль, что Марья Дмитріевна будетъ мучить тебя оханьями и вздохами...

— Саша, думай о себѣ и не заботься обо мнѣ... Я вѣдь крѣпче и сильнѣе, чѣмъ ты думаешь... Я многое перенесла, чего не зналъ и не знаешь ты... Вы, мужчины, живете внѣ дома, внѣ тѣхъ мелкихъ дрязгъ и сценъ, которыя переносимъ мы... Если бы я разсказала все, что иногда мучило и волновало меня, ты не боялся бы теперь меня...

— Зачѣмъ же ты скрывала?— почти съ упрекомъ произнесъ онъ.—Развѣ мы сошлись за тѣмъ, чтобы вмѣстѣ дѣлить каждую радость и нести порознь каждое горе.

Она припала головой къ его плечу и ласково заговорила:

— Милый, мы сошлись потому, что мы могли быть счастливѣе вмѣстѣ, чѣмъ порознь... Мы дѣлились радостью потому, что она дѣлалась еще больше, когда мы наслаждались ею вдвоемъ... Мы дѣлили горе, потому что въ этомъ случаѣ мы могли помочь другъ другу. Но есть въ жизни непріятности и скорби, которыхъ исправить не могутъ ни-

какія человѣческія силы. Передавать эти непріятности другому, любящему человѣку, значитъ безплодно волновать его, отравлять его жизнь тѣми впечатлѣніями, которыя уже отравляютъ нашу собственную жизнь. Дѣлать такъ—значитъ не любить человѣка... Вѣрь мнѣ, что я никогда не скрыла отъ тебя никакого горя, въ которомъ ты могъ, хотя сколько-нибудь, помочь мнѣ. Но никогда, никогда я не говорила тебѣ о томъ, что волновало и мучило меня, но было неисправимо. Толковать объ этихъ вещахъ, чтобы ныть и охать вмѣстѣ,—нѣтъ, на это я не способна... Мы надоѣли бы другъ другу и отравили бы такимъ нытьемъ самые лучшіе дни нашей жизни... Теперь же, несмотря на свое прошлое, мы можемъ сказать, что оно было свѣтло.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и крѣпче прижалъ къ себѣ.

— Ты не будешь волноваться за меня? Не будешь трусить, что я не перенесу тяжелыхъ дней?—спрашивала она.

— Милая, милая, какъ ты прекрасна въ своей спокойной увѣренности!—прошепталъ онъ.—Я никогда не любилъ тебя болѣе, чѣмъ теперь.

Въ эту минуту раздался рѣзкій звонокъ. Александръ Флегонтовичъ вздрогнулъ. Катерина Александровна поблѣднѣла, сдѣлала шагъ къ дверямъ, потомъ быстро воротилась назадъ, взяла мужа обѣими руками за голову и горячо нѣсколько разъ поцѣловала его.

— Нужно быть твердыми... безъ сценъ!..—проговорила она, подавляя волненіе, и бодро пошла въ переднюю.

Послышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

— Катюша, что это... Господи!—заохала Марья Дмитріевна, выглянувъ изъ своей комнаты.

— Ступайте въ свою комнату и не выходите,—сухо и рѣзко произнесла Катерина Александровна.

— Господи, срамъ какой! Что люди-то скажутъ!

Катерина Александровна почти силой ввела мать въ спальню послѣдней и заперла двери на ключъ.

Она воротилась въ кабинетъ мужа и спокойно раскланялась съ посѣтителями, вѣжливо сдѣлавшими ей нѣсколько незначительныхъ вопросовъ. Александръ Флегонтовичъ долженъ былъ ѣхать. Онъ наскоро одѣлся и протянулъ руку женѣ. Его рука дрожала, но ея рука была только холодна, какъ ледъ.

— До свиданія, Саша!—проговорила Катерина Александровна и раскланялась съ посѣтителями.

Всѣ вышли; закрылись двери кабинета, отворились и за-

крылись двери передней; Катерина Александровна все это слышала и стояла на срединѣ комнаты своего мужа. Она смотрѣла какъ-то безсмысленно на книжный шкапъ, гдѣ книги были спутаны и лежали въ безпорядкѣ, какъ ненужный хламъ; она взглянула на этажерку, гдѣ постоянно лежали груды бумагъ, — эта этажерка была пуста и стояла, какъ ненужная принадлежность, предназначенная къ продажѣ; на полу валялся какой-то пустой конвертъ и лежало нѣсколько лоскутковъ чистой бумаги. Вся комната имѣла какой-то странный видъ: отъ нея вѣяло пустотой. Наконецъ, молодая женщина, почти шатаясь, подошла къ письменному столу и сѣла. На немъ тоже не было ни книгъ, ни бумагъ. Здѣсь лежала только забытая перчатка Александра Флегонтовича. Катерина Александровна схватила ее и горячо прижала къ губамъ, приникнувъ головой на столъ. Въ комнатѣ не слышалось ни звука, ни стоновъ, ни рыданій, только по конвульсивной дрожи, пробѣгавшей по тѣлу Катерины Александровны, можно было замѣтить, что она горько плачетъ. Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ она очнулась и успокоилась. Она встала и торопливо спрятала на груди перчатку мужа, какъ будто это была драгоцѣнность, завѣщанная ей на память. Потомъ она вспомнила, что у нея находится въ карманѣ ключъ отъ комнаты матери, и пошла отпереть двери.

— Катюша, да скажи ты мнѣ, что это стряслось? Проворовался онъ... или за долги, что ли?—охала Марья Дмитріевна.

— Не проворовался и не за долги,—отвѣтила Катерина Александровна.—Просто ему нужно быть свидѣтелемъ по чужому дѣлу, потомъ пріѣдетъ назадъ. Это по службѣ...

— Ну, ужъ, мать моя, не по службѣ, видно! Да что я теперь сосѣдямъ скажу...

— А вы ничего не говорите,—хмуро произнесла Катерина Александровна.—Да и вообще говорите поменьше съ людьми.

— А срамъ-то, срамъ-то какой! Вотъ ужъ пилъ покойный твой отецъ, а этакой морали не было... Что дядя-то теперь скажетъ? Все его корили, что воръ, воръ, а сами-то что... Съ нами-то что будетъ?

— Ничего не будетъ. Ложитесь спать.

Катерина Александровна говорила отрывисто и рѣзко, едва сдерживая себя.

— Что ты, мать моя, да я ни за что не останусь одна... Мнѣ Богъ-знаетъ что мерещиться будетъ...

— Положите въ свою комнату кухарку... Я устала и иду спать.

Катерина Александровна вышла изъ комнаты матери и въ передней столкнулась съ Антономъ. Онъ былъ одѣтъ въ домашнюю холщевую блузу и, повидимому, еще не ложился спать.

— Ты слышалъ?—спросила Катерина Александровна.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Ты за себя спокойна?

Катерина Александровна отвѣчала утвердительно.

— Надо устроить такъ, чтобы Флегонтъ Матвѣевичъ ничего не зналъ,—проговорилъ Антонъ. — Надо сказать, что Александръ отправился неожиданно въ командировку по службѣ. Ты мать успокоила?

— Она охаетъ и жалуется на то, что мы осрамились на весь домъ.

— А ты, конечно, разгорячилась?

— Не могу я...—начала Катерина Александровна.

Антонъ покачалъ головой.

— Пора бы привыкнуть,—холодно и серьезно промолвилъ онъ.

Катерину Александровну поразилъ этотъ тонъ. До сихъ поръ Антонъ велъ себя сдержанно, больше слушалъ, чѣмъ говорилъ. Онъ, казалось, оставался здоровымъ и сильнымъ ребенкомъ, заботившимся больше о ѣдѣ, о физическихъ занятіяхъ, объ урокахъ, чѣмъ о той дѣятельности, о тѣхъ идеяхъ, которыя развивались вокругъ него. Онъ почти не занимался въ воскресныхъ школахъ, не присутствовалъ на разныхъ лекціяхъ, литературныхъ чтеніяхъ и вечерахъ кружка. Онъ не дичился знакомыхъ, но рѣдко являлся въ ихъ кружкѣ по недостатку времени, которое почти все уходило на учебныя занятія. Гимназическая наука давалась юношѣ сначала не особенно легко, а онъ, какъ всѣ самолюбивые бѣдняки, болѣе всего боялся замѣчаній и выговоровъ и настойчиво старался быть первымъ—это значило завоевать уваженіе и учителей, и товарищей, стоять выше даже тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые щеголяли своими тонкими и изящными нарядами и своими экипажами. Онъ не былъ юркимъ пролазомъ и хитрымъ пройдохой, онъ не могъ подкупить ближнихъ своими матеріальными средствами и щедротами, но онъ успѣлъ сдѣлаться любимцемъ всѣхъ при помощи своего неусыпнаго трудолюбія и прямого, откровеннаго характера. Товарищи не смѣялись даже надъ его грубоватою неловкостью, не сердились на его иногда рѣзкую

откровенность. Онъ стоялъ какъ будто особнякомъ, какъ будто сторонился отъ всѣхъ, но онъ очень хорошо зналъ, что во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ товарищи обратятся именно къ нему за совѣтомъ или за помощью. Его домашніе видѣли, какимъ трудомъ покупались его успѣхи, видѣли, что онъ охотнѣе занимается въ свободные часы струганьемъ досокъ, колоньемъ дровъ, столярною работой, чѣмъ бесѣдами на ихъ собраніяхъ, и любили его, но считали все-таки ребенкомъ, мальчикомъ, который, быть-можетъ, даже не вполнѣ понимаетъ серьезность всего происходящаго вокругъ него. Теперь впервые Катерина Александровна какъ бы угадала, что онъ зналъ и понималъ происходившее лучше и яснѣе, чѣмъ казалось. Ее удивило даже его лицо, точно она впервые видѣла эти черты. Передъ нею стоялъ уже не ребенокъ, а юноша, здоровый, сильный, съ открытымъ и смѣлымъ выраженіемъ въ большихъ голубыхъ глазахъ. Крупныя черты этого лица выражали спокойствіе и прямодушіе, отъ нихъ вѣяло какою-то деревенскою свѣжестью и неиспорченностью. Это лицо съ перваго взгляда казалось не только спокойнымъ, но почти холоднымъ, и только въ глазахъ, въ большихъ, откровенныхъ синихъ глазахъ свѣтились добродушіе и мягкость. Даже юношеская неуклюжесть была полна своеобразной прелести. Она являлась скорѣе слѣдствіемъ неумѣнья нѣжничать, непривычки быть въ обществѣ, отсутствія хитрости, чѣмъ слѣдствіемъ грубости и черствости натуры. Сестра невольно протянула руку брату. Онъ крѣпко пожалъ ее своею широкою рукою.

— Ты ложись, — проговорилъ онъ.—Устала, я думаю. Съ матерью-то я переговорю.

— Ты ничего не подѣлаешь.

— Да тутъ и дѣлать нечего. Скажу, что нужно молчать, если не хочетъ себѣ повредить. Ну, и будетъ молчать. Вы все препираетесь, доказываете, волнуетесь, а тутъ нужно поступать проще. Соврать, что насъ всѣхъ съ лица земли сотрутъ, если мы хоть одно слово скажемъ, ну, и будетъ безмолвствовать.

Братъ простился съ сестрою и прошелъ къ матери. Она бросилась къ нему съ жалобами.

— Знаю, знаю!—отрывисто произнесъ онъ.—Только теперь не слѣдуетъ объ этомъ говорить. Какъ только скажете хоть кому-нибудь, что случилось, сейчасъ самихъ же притянутъ, сообщницей сочтутъ. Вы лучше дѣлайте видъ, что ничего не знаете. Спросятъ: какъ? что? А вы отвѣчайте:

уѣхалъ куда-то по дѣламъ. Спросятъ: кто пріѣзжалъ? Отвѣчайте, что спали, что не знаете. Наша изба съ краю—ничего не знаю, вотъ и весь отвѣтъ.

— Да какъ же, батюшка, Антоша, — заохала Марья Дмитріевна.

— Да такъ же, маменька! Что ни спросятъ сосѣди, говорите: не знаю. На нѣтъ и суда нѣтъ! Чего намъ въ чужомъ пиру похмелье терпѣть?

— Боюсь я...—начала Марья Дмитріевна.

— Трусиха вы у меня, какъ посмотрю я на васъ,— добродушно разсмѣялся сынъ.—Ложитесь-ка лучше спать; утро вечера мудренѣе. Будьте молодцомъ!

Онъ приласкалъ мать, какъ-то неумѣло и неуклюже, но въ то же время задушевно погладивъ ее по головѣ, какъ ребенка. Старуха даже разсмѣялась.

— Ишь, ты меня, какъ ребенка, ублажаешь, — замѣтила она.

— Да развѣ мы всѣ не дѣти? Вонъ Маѳусаилъ больше девятисотъ лѣтъ жилъ, такъ мы передъ нимъ совсѣмъ ребята,—пошутилъ сынъ.

— Истинно ребята, ничего-то не знаемъ, ровно впотьмахъ ходимъ,—вздохнула Марья Дмитріевна.

— Вотъ погодите, все послѣ узнаемъ. А теперь отдохните.

Поговоривъ еще минутъ пять съ матерью, Антонъ ушелъ въ свою комнату, убѣдившись, что мать совершенно успокоилась. Довольно долго ходилъ онъ по комнатѣ съ нахмуреннымъ лбомъ и озабоченнымъ видомъ. Онъ думалъ, что будетъ съ семьею. Потомъ вдругъ передернулъ плечами и усмѣхнулся. «Ну, что-жъ, опять будемъ у стараго корыта!»— промолвилъ онъ почти вслухъ и легъ на постель. Ему припомнились строки изъ сказки Пушкина «Золотая рыбка», и по его губамъ скользнула улыбка. «Этого нужно было ждать,—думалось ему.—Это ничего. Сестрѣ нужно сосредоточиться, отдохнуть... Да, отдохнуть... Только бы эти тревоги не слишкомъ потрясли ее... Лучше бы было, если бы обошлось безъ нихъ, если бы мирно удалось перейти на болѣе опредѣленный путь»... Ему вспомнились строфы любимаго поэта, посвященныя «памяти пріятеля», гдѣ говорится, какъ эта «наивная и страстная душа, упорствуя, волнуясь и спѣша», шла быстрыми шагами къ высокой цѣли подъ вліяніемъ своихъ страстныхъ стемленій. «Да, сестра, Александръ, всѣ они принадлежали именно къ числу такихъ людей,—думалось Антону.—Имъ нужно отдалиться на время

отъ всего, что мучитъ и волнуетъ ихъ теперь. Такъ идти дальше невозможно. Тутъ слишкомъ много увлеченій и слишкомъ мало расчетливости... Но когда же расчетливо и безъ увлеченій совершается что-нибудь новое?.. Мы, можетъ-быть, пойдемъ спокойнѣе къ одной какой-нибудь цѣли, но вѣдь мы освоились съ новымъ, мы развились подъ вліяніемъ этого новаго»...

Онъ поднялся съ постели и прошелся по комнатѣ. «Только бы пережили они все это!—мелькнуло въ его умѣ.—Пусть уѣдутъ, пусть отдохнутъ. Я съ матерью проживу какъ-нибудь... Старухѣ тяжело будетъ очутиться опять у стараго корыта... Надо будетъ работать, чтобы она не нуждалась»...

Онъ подошелъ къ окну—на дворѣ было совсѣмъ свѣтло. Онъ отворилъ окно и полною грудью дышалъ свѣжимъ утреннимъ воздухомъ, слегка шевелившимъ его густыя, русыя кудри.

Въ выраженіи его лица не было и тѣни аффектаціи; въ его головѣ не промелькнуло ни одной мысли о томъ, что ему предстоитъ «тернистый путь», что онъ долженъ будетъ «геройски выносить всѣ невзгоды для спасенія спокойствія старой матери», что «онъ беретъ на себя тяжелый крестъ»; въ его сердцѣ не было озлобленія на то, что все такъ случилось, что «на ихъ семью обрушились страшныя бѣдствія». Онъ просто, безъ всякаго драматизма, очень прозаично думалъ, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія и за что приняться на первыхъ порахъ, чтобы вѣрнѣе добыть копейку.

Семьѣ пришлось пережить нѣсколько тяжелыхъ мѣсяцевъ неизвѣстности. Наконецъ, все разъяснилось: Прохоровымъ пришлось выѣхать изъ Петербурга...

VI.

Эпилогъ.

Неслись дни за днями и уносили за собою и жгучія скорби, и бурныя радости прошлаго, смѣняя ихъ менѣе страстными тревогами и надеждами. Крайности сгладились, затушевались. Все болѣе или менѣе, такъ или иначе входило или вошло въ обычную колею и прилаживалось къ новымъ порядкамъ, безповоротно вошедшимъ въ жизнь, и только исподтишка негодовало или радовалось по поводу того, что еще не вошло въ жизнь. Даже литература, это вѣчное отраженіе направленія образованнаго меньшинства, приняла болѣе спокойный тонъ. Въ ней появилось много людей, которые помѣщали свои произведенія то въ консерва-

тивныхъ, то въ прогрессивныхъ журнальныхъ органахъ, и, повидимому, ни они, ни журнальныя редакціи не удивлялись этой способности работать въ пользу двухъ различныхъ направленій, этому стремленію поддерживать своими трудами въ одно и то же время и успѣхъ консерваторовъ, и успѣхъ прогрессистовъ. Это не были перебѣжчики — это были либералы. Либерализмъ сдѣлался господствующимъ оттѣнкомъ. Тѣ безыменныя личности, которыя ѣдко смѣялись надъ прогрессомъ съ плясками, пѣніемъ и свистомъ, стали такими же безыменными защитниками либеральныхъ идей, тѣ люди, которые подъ псевдонимною подписью ожесточенно бранили какого-нибудь молодого дѣятеля шестидесятыхъ годовъ, стали хвалить его послѣ смерти, перемѣнивъ для бо́льшаго удобства свой псевдонимъ, и бранили уже только тѣхъ, кто пережилъ его; кто подъ вліяніемъ минутнаго страха прочелъ оду въ какомъ-нибудь клубѣ, тотъ, успокоившись за свою участь, сталъ писать сатиры на тотъ же клубъ; жгучая литературная полемика, бывшая выраженіемъ мнѣній извѣстныхъ партій, перестала имѣть значеніе неизбѣжнаго, изо дня въ день повторяющагося явленія и стала повторяться только періодически «передъ подпискою», въ теченіе трехъ-четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ, замолкая на остальные восемь-девять мѣсяцевъ; и главную роль стала играть въ ней не идея, а личность; общество, слѣдившее прежде за свистомъ полемическихъ статей съ напряженнымъ и тревожнымъ вниманіемъ, стало теперь смотрѣть на полемическіе полексизмы съ улыбкой благодушествующаго послѣ обѣда человѣка, которому любопытно посмотрѣть, какъ «отдѣлаютъ другъ друга временно-обязанные враги». Хуже ли, лучше ли стало этимъ людямъ отъ этихъ полюбовныхъ сдѣлокъ — не знаемъ, но они думаютъ, что имъ такъ живется спокойнѣе. И благо имъ!

Стало житься спокойнѣе и дѣйствующимъ лицамъ нашего романа. Мы мелькомъ скажемъ о ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Уступимъ первое мѣсто почетному гостю на жизненномъ пиру, Алексѣю Дмитріевичу Бѣлокопытову.

Въ его жизни былъ одинъ неясный, странный поступокъ: хорошо зная этого господина, трудно было понять, почему онъ согласился допустить признать сумасшедшею свою мать и дозволить отцу распоряжаться имѣніемъ. Мать во всякомъ случаѣ не могла столько тратить на своихъ бѣдныхъ, сколько тратилъ отецъ на разныхъ Матильдъ, Алексѣю

Дмитріевичу было выгоднѣе видѣть имѣніе въ рукахъ матери, чѣмъ въ рукахъ отца. Проникнуть въ тайныя соображенія юнаго либерала было не легко и можно было съ перваго раза сказать, что онъ сдѣлалъ промахъ, что онъ упустилъ изъ виду свои собственные интересы. Но онъ былъ вовсе не такъ простъ, не такъ глупъ. Онъ тайно задумалъ убить разомъ двухъ зайцевъ, и это удалось ему какъ нельзя лучше. Надо отдать ему справедливость: онъ умѣлъ обдѣлывать дѣла. Онъ очень хорошо зналъ скупость и недовѣрчивость матери, очень хорошо зналъ, что Дарья Федоровна никогда не откажется отъ кормленія своихъ бѣдныхъ, что она косо смотритъ на него самого, что нужно вызвать какими-нибудь экстренными и энергическими мѣрами ея довѣріе и прибрать ее къ рукамъ. Онъ смѣло подтолкнулъ отца на признаніе Дарьи Федоровны за сумасшедшую; онъ допустилъ засадить ее въ одну комнату; онъ дозволилъ отцу пожуировать нѣкоторое время. Но, дѣлая все это, онъ замышлялъ свой coup-d'état. Видя, что его тайные планы насчетъ дворянской реформы должны потерпѣть фіаско, видя, что ему надо разойтись съ крайнею партіею, онъ поспѣшилъ тотчасъ же заняться своими личными дѣлами и мысленно рѣшилъ, что теперь настала минута для семейнаго переворота. Посѣщая довольно часто мать, онъ сначала съ чувствомъ выслушивалъ ея жалобы и жаловался ей, что дѣла по имѣнію все больше и больше запутываются Дмитріемъ Васильевичемъ; иногда онъ замѣчалъ, что онъ охотно бы взялъ управленіе этими дѣлами, если бы у него не было такого множества занятій, и вообще умѣлъ выставить себя въ глазахъ матери совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. Она увидѣла, что онъ одинъ любитъ и цѣнитъ ее, забытую всѣми. Но это были только подготовительныя работы, самый же переворотъ откладывался покуда до болѣе благопріятнаго случая.

Этотъ случай представился въ то время, когда молодая графиня Бѣлокопытова заставила Софью Андреевну отказаться отъ лекцій, читавшихся на половинѣ послѣдней. Въ первое же засѣданіе комитета, послѣдовавшее за этимъ запрещеніемъ, молодая Бѣлокопытова, подъ вліяніемъ мужа, заявила членамъ комитета, что ей кажется подозрительною личность Софьи Андреевны, что эта женщина сближается въ неблагонадежными людьми, что она подъ видомъ разныхъ невинныхъ нововведеній проводитъ вредныя идеи, что пріютъ можетъ обратить на себя вниманіе, какъ раз-

садникъ подобныхъ идей. Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти замѣчанія встрѣтили рыцарскую оппозицію со стороны Дмитрія Васильевича и Свищова. Первый стоялъ за Софью Андреевну, какъ за «изобрѣтательницу средствъ», второй отстаивалъ ее по молодости и нѣжности своего впечатлительнаго сердца, склоннаго защищать каждое смазливое личико. Пренія начались очень оживленныя.

— Эти всѣ нововведенія пахнутъ идеями объ эмансипаціи женщинъ,—говорилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—А намъ нужно прежде всего не какихъ-нибудь полуобразованныхъ проповѣдницъ женскаго труда, а хорошихъ служанокъ. Члены комитета въ послѣднее время сдѣлались игрушками въ рукахъ этой авантюристки и ея кружка, они уклонились отъ прямой цѣли, къ которой долженъ идти пріютъ... Къ счастію, всѣ эти модныя бредни начинаютъ проходить, и мы должны трезво взглянуть на дѣло. Мы должны взять въ руки пріютъ, должны показать, что мы руководимъ имъ, а не нами руководитъ какая-то эмансипированная барыня сомнительнаго поведенія.

— Позвольте, позвольте, графъ! — заговорилъ вѣрный рыцарь всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, Свищовъ.— Мы, какъ мужчины, какъ развитые люди, не имѣемъ права оскорблять и чернить за глаза женщину!.. Я думаю, что на насъ лежитъ обязанность...

— Прежде всего думать о пріютѣ, а не о защитѣ той или другой личности, не имѣющей для насъ никакого значенія,—холодно перебилъ его Алексѣй Дмитріевичъ.—Мы уклонились отъ устава пріюта, отъ устава, написаннаго учредителями пріюта. Мы дѣйствовали незаконно, приступая къ различнымъ нововведеніямъ, прежде чѣмъ было испрошено на это формальное разрѣшеніе. Конечно, это прошло, къ нашему счастію, незамѣченнымъ, такъ какъ наше положеніе отчасти спасаетъ насъ отъ подозрѣній. Но мы-то, кажется, должны сами знать, что не намъ подавать примѣръ неисполненія законныхъ обязанностей, законныхъ требованій... Я не знаю, какіе планы имѣлъ комитетъ, покровительствуя развитію въ пріютѣ этихъ разныхъ вредныхъ—да, вредныхъ,— идей, но я думаю, что господа члены комитета допускали разныя нововведенія только потому, что они недостаточно серьезно смотрѣли на дѣло и очень плохо знали, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло... Обстоятельства заставили меня столкнуться довольно близко съ людьми, вращавшимися въ кругу этой... какъ ее зовутъ?..

да, въ кругу этой Вунчъ, и я могу сказать, что ихъ близость можетъ набросить тѣнь на самую свѣтлую и безупречную личность...

— Какъ жаль, что твоя жена поручала даже воспитаніе своего сына одному изъ членовъ этого кружка,—иронически замѣтилъ Дмитрій Васильевичъ.

— Да, это очень грустно, но я познакомился съ этимъ господиномъ черезъ васъ, — мелькомъ отвѣтилъ сынъ.— Итакъ, господа, если мы желаемъ сохранить за пріютомъ прежній характеръ, если мы не желаемъ его закрытія помимо нашей воли, то мы должны очистить его отъ настоящаго начальства.

— Я думаю, что члены комитета должны дорожить госпожей Вунчъ уже потому, что она улучшила матеріальное положеніе пріюта, не требуя отъ комитета никакихъ прибавокъ,—возразилъ Дмитрій Васильевичъ.

— Не знаю, насколько улучшила она положеніе пріюта, но я знаю, что до сихъ поръ по недостатку средствъ при пріютѣ не кончена постройка церкви, — замѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ. — Мнѣ кажется, что объ этомъ мы должны были прежде позаботиться, чѣмъ о наймѣ разныхъ учительницъ для этихъ дѣвочекъ, изъ которыхъ нужно приготовить нравственныхъ и религіозныхъ служанокъ, а не какихъ-нибудь полуобразованныхъ искательницъ приключеній и поклонницъ новыхъ идей. Мнѣ кажется, что эта недостроенная церковь одна могла дурно повліять на дѣтей, которыя видѣли, что у насъ достаетъ средствъ на все и не находится только ни гроша на то, чтобы достроить храмъ. Я не знаю, чѣмъ руководствовались господа члены комитета, оставляя безъ вниманія это обстоятельство, котораго не упустили бы изъ виду благотворители гдѣ-нибудь въ Англіи,—но могу увѣрить ихъ, что если бы между нами продолжала засѣдать моя мать, то этого не могло бы случиться. Она, можетъ-быть, во многомъ ошибалась, но она очень хорошо знала значеніе религіи для бѣднаго и малообразованнаго класса народа. Религія—это то утѣшеніе бѣдняковъ, котораго мы не смѣемъ, не должны отнимать,— это все, что осталось неприкосновеннаго у бѣдныхъ людей.

— Ты забываешь, что церковь строилась не на комитетскія суммы,—замѣтилъ Дмитрій Васильевичъ.—Мать начала ее строить изъ своихъ денегъ... Дѣла были такъ запутаны, что нужно было подождать...

— Если дѣла такъ запутаны, то комитетъ долженъ

оылъ принять на себя эту постройку, — отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ.

Нѣкоторые члены испугались предстоящихъ затратъ. Другіе замѣтили Алексѣю Дмитріевичу, что, обвиняя членовъ комитета, онъ обвиняетъ въ томъ числѣ и себя.

— Я, господа, вообще мало принималъ участія въ дѣлахъ пріюта. Я зналъ, что въ немъ все будетъ идти отлично, покуда имъ завѣдуетъ моя несчастная мать. Когда ея дѣятельность кончилась, я былъ, къ сожалѣнію, отвлеченъ отъ занятій въ нашемъ комитетѣ болѣе важными, болѣе высокими дѣлами, которыя не терпѣли отлагательства,—скромно и грустно отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ.— Если бы этого не было, то, конечно, не случилось бы многихъ прискорбныхъ, прискорбныхъ лично для меня, фактовъ, которые вообще совершились въ это время... Конечно, и пріютская церковь была бы достроена безъ помощи комитета, была бы достроена моею бѣдною матерью...

Алексѣй Дмитріевичъ вздохнулъ. Дмитрій Васильевичъ нахмурился. Нѣкоторые члены комитета стали перешептываться о томъ, что Алексѣй Дмитріевичъ совершенно правъ, что Дарья Федоровна непремѣнно нашла бы средства достроить церковь, не требуя помощи у членовъ комитета, что теперь члены стоятъ въ очень непріятномъ положеніи, видя необходимость окончанія не ими начатой постройки, а, значитъ, и выдачи изъ своего кармана большихъ денежныхъ суммъ. Засѣданіе получило какое-то странное направленіе. Алексѣй Дмитріевичъ упрекалъ и запугивалъ членовъ комитета и въ то же время возбуждалъ въ нихъ сожалѣніе объ отсутствіи Дарьи Федоровны. Покуда никто не могъ опредѣлить, куда ихъ ведетъ и чего добивается юный Бѣлокопытовъ. Только одинъ Ермолинскій, зорко слѣдившій за каждымъ словомъ Алексѣя Дмитріевича, повидимому, понялъ дѣло лучше всѣхъ и мелькомъ тихо замѣтилъ кому-то изъ членовъ, что онъ слышалъ, будто бы Дарья Федоровна «поправляется» и даже совершенно «поправилась». По окончаніи засѣданія, къ Алексѣю Дмитріевичу подошелъ членъ комитета, услыхавшій эту отрадную новость отъ Ермолинскаго, и спросилъ:

— Я слышалъ, что ваша матушка поправилась?

Алексѣй Дмитріевичъ тяжело вздохнулъ.

— Я, по крайней мѣрѣ, нахожу, что это такъ... Я молчалъ покуда, не желая вмѣшиваться въ дѣла отца, боясь ошибиться. Это одна изъ тѣхъ ранъ, до которыхъ страшно

дотронуться: онѣ, можетъ-быть, и зажили, залѣчились, а между тѣмъ, все-таки, боишься разбередить, растравить ихъ снова... А вы отъ кого объ этомъ узнали?

— Да это всѣ начинаютъ говорить, — отвѣтилъ членъ комитета.—Вотъ и Ермолинскій...

Ермолинскій съ улыбочкой на лицѣ выросъ, какъ изъ-подъ земли, выставивъ впередъ свое сахарное личико. Алексѣй Дмитріевичъ зорко взглянулъ на него и крѣпко пожалъ ему руку.

— Постарайтесь не говорить объ этомъ,— замѣтилъ онъ грустно.—Я не хочу, чтобы эта семейная драма надѣлала шуму... Я какъ-нибудь постараюсь переговорить съ отцомъ...

Онъ еще разъ пожалъ руку Ермолинскому и члену комитета. Въ этомъ рукопожатіи было столько благодарности, что оба собесѣдника поняли, какъ дорого для Алексѣя Дмитріевича «нераспространеніе» неожиданно возникшихъ слуховъ и, давъ обѣщаніе молчать, поспѣшили разнести повсюду молву о выздоровленіи Дарьи Федоровны.

Черезъ недѣлю Алексѣй Дмитріевичъ уже не зналъ, какъ отдѣлаться отъ вопросовъ о выздоровленіи его матери, эти слухи доходили и до Дмитрія Васильевича, и старикъ былъ встревоженъ не на шутку.

— Мы начинаемъ дѣлаться сказкой города, — говорилъ онъ сыну.

— Удивляюсь, кто это распространяетъ слухи,—пожалъ плечами сынъ. — Чужія дѣла заботятъ! Я старался, старался заглушить толки, но, наконецъ, силъ не хватаетъ, терпѣніе лопается... Вездѣ только объ этомъ и трезвонятъ. Надо бы принять мѣры...

— Да какія, какія мѣры можно тутъ принять?—волновался Дмитрій Васильевичъ, потирая лобъ.

— Нужно снова сдѣлать медицинское изслѣдованіе,—замѣтилъ сынъ, пожимая плечами. — Хотя это, право, очень гяжело...

Дмитрій Васильевичъ нахмурилъ брови и заходилъ по комнатѣ.

— Я, кажется, самъ скоро сойду съ ума!

— Я, право, не понимаю, почему ты такъ волнуешься,— небрежно замѣтилъ сынъ. — Я на твоемъ мѣстѣ назначилъ бы самымъ торжественнымъ, самымъ публичнымъ образомъ медицинскій осмотръ. Это непріятно, но это сразу прекратило бы всѣ толки, всѣ подозрѣнія.

Дмитрій Васильевичъ былъ мраченъ.

— Да, а если окажется, что она здорова?—глухо спросилъ онъ.

— Тѣмъ лучше, если она поправилась. Ея положеніе очень непріятно, и, конечно, мы первые должны радоваться ея выздоровленію, — замѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ. — Но, къ сожалѣнію, ты больше всѣхъ другихъ долженъ быть убѣжденъ, что она не здорова, что ее нельзя признать за здоровую.

— А если я не убѣжденъ въ этомъ?—отрывисто проговорилъ отецъ.

— Не понимаю, что за охота тебѣ шутить такими вещами,—пожалъ плечами Алексѣй Дмитріевичъ. — Кажется, самый фактъ признанія ее сумасшедшею достаточно доказываетъ, что ты убѣжденъ въ этомъ.

Дмитрій Васильевичъ широко открылъ глаза. Онъ не понималъ, что говоритъ сынъ.

— Но вѣдь ты самъ настаивалъ на этомъ, — замѣтилъ онъ.

— Мой другъ, я и теперь настаиваю на этомъ, — отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ. — Я никогда не считалъ возможнымъ, чтобы имѣнія, особенно такія имѣнія, какъ имѣніе матери, находились въ рукахъ человѣка съ ненормальнымъ состояніемъ разсудка... Допускать подобныя вещи вообще нелѣпо, но теперь, въ настоящее время, когда дворянство должно начать новое, болѣе дѣятельное хозяйство, это просто преступленіе... Россія страна земледѣльческая, и мы, крупные землевладѣльцы, должны поднять земледѣліе, должны подражать Англіи... Для этого нужны практическіе, здоровые умы... Но, конечно, если будетъ доказано, что мать находится въ здравомъ умѣ, то, разумѣется, я буду радъ не менѣе тебя тому, что ее освободятъ отъ того печальнаго положенія, въ которомъ находится она теперь...

— Такъ ты былъ убѣжденъ, что она находится не въ здравомъ умѣ?—почти воскликнулъ Дмитрій Васильевичъ.

— Я думаю, этотъ вопросъ совершенно лишній,—заносчиво отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ. — Мы можемъ съ тобой расходиться въ убѣжденіяхъ, но мы все-таки считаемъ, должны считать другъ друга честными и благородными людьми...

Дмитрій Васильевичъ потеръ лобъ. Его мысли путались, кровь бросалась въ голову. Онъ ходилъ по комнатѣ и что-то бормоталъ про себя.

— Я знаю, какъ тяжело тебѣ начинать опять это меди-

цинское изслѣдованіе, растравлять опять это больное мѣсто нашей семьи, — съ участіемъ замѣтилъ сынъ.— Но все же нужно рѣшиться, чтобы прекратить слухи и чтобы не вызвать какой-нибудь непріятности. Вѣдь можетъ случиться такъ, что насъ «заставятъ» сдѣлать подобное изслѣдованіе. Тогда будетъ гораздо непріятнѣе...

Отецъ и сынъ на прощанье дружески пожали другъ другу руки. Ни тотъ, ни другой не выдалъ ни однимъ словомъ, какія чувства они питали другъ къ другу. Какая неизмѣримая пропасть лежала между обращеніемъ этихъ людей другъ съ другомъ и обращеніемъ, напримѣръ, Катерины Александровны съ Марьей Дмитріевной или обращеніемъ Леонида съ Павлой Абрамовной!

Прошло нѣсколько тяжелыхъ дней и недѣль, наконецъ, къ Дарьѣ Федоровнѣ были призваны снова доктора... Этотъ день былъ торжественнымъ днемъ для всей семьи. Дарья Федоровна снова была признана здоровою, Алексѣй Дмитріевичъ ликовалъ и даже обнялъ отца, горячо пожавъ его руки. Дмитрій Васильевичъ не изъявлялъ особенной радости, но отвѣчалъ безсознательно и на объятія, и на рукопожатія сына и улыбался, какъ-то горько, безсмысленно улыбался. Дня черезъ два разнесся слухъ о его болѣзни, потомъ нашли необходимымъ отправить его за границу. Алексѣй Дмитріевичъ получилъ отъ матери право управлять имѣніемъ и приступилъ къ исполненію новыхъ обязанностей очень энергично, испросивъ концессію на желѣзную дорогу, которая должна была пройти черезъ имѣніе Бѣлокопытовыхъ. Дарья Федоровна оставила за собою только право ѣздить въ пріютъ и хлопотать объ окончаніи постройки пріютской церкви.

Въ первые же дни своего вступленія въ управленіе пріютскими дѣлами Дарья Федоровна сочла нужнымъ все измѣнить въ пріютѣ и учредить въ немъ старые порядки. Старый уставъ вошелъ въ силу такъ же легко, какъ онъ былъ отмѣненъ нѣсколько времени тому назадъ. Этотъ фактъ былъ очевиднымъ доказательствомъ того, что уставы можно мѣнять по прихоти, какъ старыя платья. Софья Андреевна получила отставку, а вмѣстѣ съ нею вышли и новыя помощницы. Въ начальницы была взята престарѣлая барыня. Наконецъ, кончилась и постройка церкви; Дарья Федоровна сама мыла полы въ новомъ храмѣ, окруженная воспитанницами пріюта, подававшими ей воду и полотенца и выслушивавшими ея наставленія.

— Молитесь, молитесь!.. Бога забыли!—отрывисто твердила графиня.

Въ день освященія церкви въ пріютѣ появилась въ числѣ новыхъ помощницъ и Ольга Никофоровна Зубова, высоко поднявшая голову.

— Здравствуйте, Ольга Никифоровна,—сказала ей одна изъ старыхъ воспитанницъ.

— Ладно! — мотнула головой Зубова съ такимъ видомъ, какъ будто она хотѣла пригрозить.

Это былъ новый способъ здороваться, вошедшій теперь у Зубовой въ привычку.

— Ну, теперь я могу умереть спокойно,—говорила Дарья Федоровна, широко осѣняясь крестомъ. — Я все, все сдѣлала... Ты видишь, Создатель мой!

Такимъ образомъ, обратились въ прахъ всѣ стремленія, всѣ хлопоты Софьи Андреевны и Катерины Александровны.

Софья Андреевна писала Катеринѣ Александровнѣ обо всемъ и замѣтила между прочимъ: «Теперь я вижу, что мы строили зданіе на пескѣ. Всѣ эти частныя благотворительныя учрежденія зависятъ отъ прихоти двухъ-трехъ лицъ. Общество и общественное мнѣніе не вліяютъ на нихъ и не заставляютъ учредителей сдерживать свой произволъ. Эти господа, эти благотворители могутъ дѣлать, что угодно, и никто не имѣетъ права остановить ихъ. Они за свои деньги иногда могутъ портить и губить цѣлыя поколѣнія людей, а общество будетъ молчать. Но должно ли оно молчать? Не должно ли оно вмѣшиваться самымъ серьезнымъ, самымъ радикальнымъ образомъ въ дѣла этихъ благотворителей? Вѣдь за свои деньги они могутъ губить и портить дѣтей, которыя будутъ слугами и членами общества. Мы въ наивномъ увлеченіи взялись осушить и воздѣлать это болото, но мы разсчитывали безъ хозяевъ этого болота. Хозяевамъ нужно было не его осушеніе, имъ нужна была не его плодоносность, — имъ нуженъ былъ просто, какъ игрушка, этотъ клочокъ земли, освобожденный отъ контроля общества, это государство въ государствѣ, гдѣ каждый сумасшедшій считаетъ себя въ правѣ дѣлать, что угодно. Измѣненіе уставовъ, уклоненіе отъ нихъ, полнѣйшая безконтрольность, сосредоточеніе наблюденія въ рукахъ тѣхъ же членовъ распорядительнаго комитета, полнѣйшая замкнутость, возможность не публиковать подробныхъ отчетовъ—вотъ права этихъ господъ. Сегодня здѣсь

учатъ хоть грамотѣ и кормятъ хотя четыре раза въ недѣлю плохой говядиной, — завтра здѣсь могутъ не учить ничему и кормить только постнымъ; сегодня здѣсь даютъ плохое бѣлье и жидкій чай, — завтра могутъ не давать никакого бѣлья и не поить никакимъ чаемъ; сегодня здѣсь учатъ шить только бѣлье и обращаются просто грубо,— завтра могутъ начать учить шитью только одного солдатскаго бѣлья и обращаться не просто грубо, но по-звѣрски,— все это можетъ дѣлаться, и общество будетъ молчать, потому что пріютъ существуетъ на частныя средства. Ну, а если бы на частныя средства устроить дома, гдѣ съ колыбели приготовлялись бы проститутки, воры, убійцы? Тогда что же? Тоже должно молчать общество? Или нѣтъ, въ этомъ случаѣ оно будетъ имѣть право вмѣшаться въ дѣла благотворителей? Но гдѣ же граница между правомъ вмѣшательства и правомъ невмѣшательства? И какъ опредѣлить, является ли гибель этихъ дѣтей слѣдствіемъ сознательно составленныхъ зловредныхъ плановъ или слѣдствіемъ простого неумѣнья, педагогической несостоятельности? Да если бы и было возможно подобное опредѣленіе, то не все ли равно для общества, вслѣдствіе какихъ причинъ губятъ его членовъ. Результатъ одинъ».

Софья Андреевна была сильно взволнована паденіемъ заведенныхъ ею порядковъ, но съ свойственною ей подвижностью характера она быстро подняла голову, и затягиваясь пахитосой, говорила въ своемъ кругу:

— Впрочемъ, что тужить! Не удалось жить самостоятельнымъ трудомъ — уѣду къ бабушкѣ въ деревню зѣвать, хозяйничать и смотрѣть, какъ она раскладываетъ пасьянсы...

— Вамъ бы лучше за границу уѣхать, кузина. Къ бабушкѣ еще успѣете переселиться,—замѣтилъ одинъ изъ кузеновъ Софьи Андреевны.

— Я и сама объ этомъ думала,—въ раздумьи произнесла Софья Андреевна.—У меня есть случай...

— Такъ ловите его! Годы летятъ...

— А-ба!—встряхнула головой Софья Андреевна.—Какъ это, кузенъ, у Лермонтова-то говорится о томъ, что уходятъ лучшіе годы?

Кузенъ прочелъ стихотвореніе Лермонтова: «И скучно и грустно».

— «И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!»

повторила Софья Андреевна и кокетливо выпустила струйку дыма.

— Значитъ, мы встрѣтимся гдѣ-нибудь на водахъ или въ Италіи,—рѣшилъ кузенъ.

— Да, да, тамъ небо лучше, тамъ дни свѣтлѣе...

— Можетъ-быть, кузина, и ваше сердце сдѣлается тамъ мягче,—игриво шепнулъ кузенъ.

— По-смо-тримъ, по-смо-тримъ! — протяжно проговорила Софья Андреевна съ лукавой улыбкой.

— Ѣхать, кузина? Искать съ вами встрѣчи? — смѣялся кузенъ.

— Отчего же нѣтъ?.. По-смо-тримъ! — звонко смѣялась Софья Андреевна.—А покуда не дѣлайте умильныхъ глазъ!

Черезъ мѣсяцъ она уже неслась за границу, сидя въ отдѣльномъ купэ съ Свищовымъ и поминутно заставляя старика поправить то подушку, то скамейку. Старикъ былъ ея покорнымъ рабомъ, а она смѣялась и шутила, какъ ребенокъ, и вѣтрено думала о томъ, гдѣ она встрѣтитъ своего кузена, при какой обстановкѣ, подъ какимъ небомъ. Въ ея головѣ вихремъ роились какіе-то отрывки воспоминаній, какіе-то клочки и кончики серьезныхъ идей, какія-то строки стиховъ о небесахъ Италіи, о дальнемъ Средиземномъ морѣ. Все это путалось и мѣшалось въ ея умѣ. Она тихо напѣвала: «Лови, лови часы любви!» и то смѣялась, то задумывалась. Это было какое-то вакхическое настроеніе, какое-то болѣзненное стремленіе въ послѣдній разъ отпировать, безумно отпировать на праздникѣ жизни, чтобы потомъ навсегда поселится въ глухой деревнѣ у бабушки, коротать вѣкъ за пасьянсами, за скучнымъ хозяйствомъ, быть-можетъ, иногда вспоминать о бурныхъ дняхъ безумно проведенной жизни, порой молиться, поститься, каяться, и, мало-по-малу, превратиться въ богомольную старуху, боящуюся смерти, угрюмо и строго глядящую на веселье молодежи и иногда съ особеннымъ чувствомъ цѣлующую въ щеку какого-нибудь раскраснѣвшагося шестнадцатилѣтняго мальчугана изъ дальнихъ родственниковъ...

Въ то время, когда такъ хорошо устроились дѣла Бѣлокопытовыхъ и Софьи Андреевны, семействамъ Боголюбовыхъ и Прилежаевыхъ жилось далеко не такъ хорошо.

Данила Захаровичъ былъ очень радъ, злобно радъ, что Прохоровы, наконецъ, «попались». Онъ пробовалъ растравить сердечныя раны Марьи Дмитріевны, но былъ позорно

учать хоть грамотѣ и кормять хотя четыре раза въ недѣлю плохой говядиной, завтра здѣсь могутъ не учить ничему и кормить только постнымъ; сегодня здѣсь даютъ плохое бѣлье и жидкій чай, - завтра могутъ не давать никакого бѣлья и не поить никакимъ чаемъ; сегодня здѣсь учатъ шить только бѣлье и обращаются просто грубо,— завтра могутъ начать учить шитью только одного солдатскаго бѣлья и обращаться не просто грубо, но по-звѣрски,— все это можетъ дѣлаться, и общество будетъ молчать, потому что пріютъ существуетъ на частныя средства. Ну, а если бы на частныя средства устроить дома, гдѣ съ колыбели приготовлялись бы проститутки, воры, убійцы? Тогда что же? Тоже должно молчать общество? Или нѣтъ, въ этомъ случаѣ оно будетъ имѣть право вмѣшаться въ дѣла благотворителей? Но гдѣ же граница между правомъ вмѣшательства и правомъ невмѣшательства? И какъ опредѣлить, является ли гибель этихъ дѣтей слѣдствіемъ сознательно составленныхъ зловредныхъ плановъ или слѣдствіемъ простого неумѣнья, педагогической несостоятельности? Да если бы и было возможно подобное опредѣленіе, то не все ли равно для общества, вслѣдствіе какихъ причинъ губятъ его членовъ. Результатъ одинъ».

Софья Андреевна была сильно взволнована паденіемъ заведенныхъ ею порядковъ, но съ свойственною ей подвижностью характера она быстро подняла голову, и затягиваясь пахитосой, говорила въ своемъ кругу:

— Впрочемъ, что тужить! Не удалось жить самостоятельнымъ трудомъ — уѣду къ бабушкѣ въ деревню зѣвать, хозяйничать и смотрѣть, какъ она раскладываетъ пасьянсы...

— Вамъ бы лучше за границу уѣхать, кузина. Къ бабушкѣ еще успѣете переселиться,—замѣтилъ одинъ изъ кузеновъ Софьи Андреевны.

— Я и сама объ этомъ думала,—въ раздумьи произнесла Софья Андреевна. —У меня есть случай...

— Такъ ловите его! Годы летятъ...

— А-ба!—встряхнула головой Софья Андреевна.—Какъ это, кузенъ, у Лермонтова-то говорится о томъ, что уходятъ лучшіе годы?

Кузенъ прочелъ стихотвореніе Лермонтова: «И скучно и грустно».

— «И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!»

повторила Софья Андреевна и кокетливо выпустила струйку дыма.

— Значитъ, мы встрѣтимся гдѣ-нибудь на водахъ или въ Италіи,—рѣшилъ кузенъ.

— Да, да, тамъ небо лучше, тамъ дни свѣтлѣе...

— Можетъ-быть, кузина, и ваше сердце сдѣлается тамъ мягче,—игриво шепнулъ кузенъ.

— По-смо-тримъ, по-смо-тримъ! — протяжно проговорила Софья Андреевна съ лукавой улыбкой.

— Ѣхать, кузина? Искать съ вами встрѣчи? — смѣялся кузенъ.

— Отчего же нѣтъ?.. По-смо-тримъ! — звонко смѣялась Софья Андреевна.—А покуда не дѣлайте умильныхъ глазъ!

Черезъ мѣсяцъ она уже неслась за границу, сидя въ отдѣльномъ купэ съ Свищовымъ и поминутно заставляя старика поправить то подушку, то скамейку. Старикъ былъ ея покорнымъ рабомъ, а она смѣялась и шутила, какъ ребенокъ, и вѣтрено думала о томъ, гдѣ она встрѣтитъ своего кузена, при какой обстановкѣ, подъ какимъ небомъ. Въ ея головѣ вихремъ роились какіе-то отрывки воспоминаній, какіе-то клочки и кончики серьезныхъ идей, какія-то строки стиховъ о небесахъ Италіи, о дальнемъ Средиземномъ морѣ. Все это путалось и мѣшалось въ ея умѣ. Она тихо напѣвала: «Лови, лови часы любви!» и то смѣялась, то задумывалась. Это было какое-то вакхическое настроеніе, какое-то болѣзненное стремленіе въ послѣдній разъ отпировать, безумно отпировать на праздникѣ жизни, чтобы потомъ навсегда поселится въ глухой деревнѣ у бабушки, коротать вѣкъ за пасьянсами, за скучнымъ хозяйствомъ, быть-можетъ, иногда вспоминать о бурныхъ дняхъ безумно проведенной жизни, порой молиться, поститься, каяться, и, мало-по-малу, превратиться въ богомольную старуху, боящуюся смерти, угрюмо и строго глядящую на веселье молодежи и иногда съ особеннымъ чувствомъ цѣлующую въ щеку какого-нибудь раскраснѣвшагося шестнадцатилѣтняго мальчугана изъ дальнихъ родственниковъ...

Въ то время, когда такъ хорошо устроились дѣла Бѣлокопытовыхъ и Софьи Андреевны, семействамъ Боголюбовыхъ и Прилежаевыхъ жилось далеко не такъ хорошо.

Данила Захаровичъ былъ очень радъ, злобно радъ, что Прохоровы, наконецъ, «попались». Онъ пробовалъ растравить сердечныя раны Марьи Дмитріевны, но былъ позорно

изгнанъ изъ ея квартиры Антономъ, изгнанъ безъ объясненій, безъ препирательствъ.

— Вотъ Богъ, а вотъ и порогъ, — спокойно произнесъ Антонъ при появленіи Данилы Захаровича и этимъ разъ навсегда покончилъ всѣ счеты съ дядей.

Данила Захаровичъ позеленѣлъ, озлобился еще болѣе, но сдѣлать ничего не могъ. Свою злобу онъ выместилъ на домашнихъ, но, къ сожалѣнію, и здѣсь его злоба производила мало эффекта. Лидія была уже въ институтѣ. Леонидъ кончилъ курсъ и, поступивъ въ университетъ, переѣхалъ отъ отца. Дѣло не обошлось безъ борьбы. Главною причиною ссоры было желаніе Леонида поступить въ университетъ, тогда какъ Данила Захаровичъ хотѣлъ опредѣлить его на службу, говоря, что онъ долженъ теперь кормить и содержать свою «бѣдную» семью. Леонидъ выдержалъ характеръ и былъ выгнанъ изъ отцовскаго дома. Оставалась одна Павла Абрамовна, какъ козлище очищенія, но и она очень тупо, очень безчувственно стала относиться къ брани и злобѣ мужа: она начала пить. Вино явилось единственнымъ утѣшеніемъ этой глупой, неразвитой и животной натуры. Носились слухи, что Данила Захаровичъ началъ даже пускать въ дѣло физическую силу для того, чтобы образумить жену. Но и это не помогало. Онъ сталъ запирать деньги,— она стала продавать свои тряпки. Онъ сталъ запирать и ихъ, она выходила подъ вечеръ на улицу и просила у прохожихъ «трехъ копеекъ на перевозъ», «гривенника на машину». Она возвращалась домой «не въ своемъ видѣ», ее «пилила» тетка мужа, ее билъ супругъ,—но она глупо улыбалась или такъ же глупо плакала— и толстѣла. Семья жила по-нищенски, въ жалкомъ домишкѣ на Пескахъ, хотя у Данилы Захаровича и у его тетки лежали довольно крупные капиталы. Песочные жители очень хорошо знали и хмурую слонообразную фигуру Боголюбова, и сморщенную злую физіономію черносалопницы-тетки Боголюбова, и толстое оплывшее и обрюзгшее лицо Павлы Абрамовны и находили немалое удовольствіе въ толкахъ объ этой семьѣ, разсказывая чудеса о ея сказочныхъ богатствахъ и ужасы о ея «домашнемъ адѣ». Разсказывали, что Данила Захаровичъ пускаетъ деньги въ оборотъ, отдавая ихъ за большіе проценты разнымъ «матушкинымъ сынкамъ». Каждую заутреню, каждую обѣдню можно было встрѣтить племянника и тетку въ церкви Рождества Богородицы; племянникъ становился здѣсь впереди всѣхъ и пугалъ шалившихъ или плохо молившихся

ребятишекъ; тетка становилась въ концѣ храма около нищихъ и черносалопницъ и собирала или передавала мѣстныя и домашнія сплетни; каждый вечеръ можно было увидѣть, какъ пробиралась тайкомъ около заборовъ домой Павла Абрамовна, нетвердо переплетавшая распухшими ногами, иногда окружаемая подсмѣивавшимися надъ нею мальчишками. Съ Леонидомъ семья не встрѣчалась и не справлялась, какъ онъ жилъ, гдѣ онъ бралъ деньги. Впрочемъ, если бы Данила Захаровичъ и взглянулъ на тяжелую жизнь, на жалкую каморку Леонида, то онъ не расчувствовался бы: вѣдь онъ и самъ жилъ не лучше, хотя, конечно, могъ бы жить безъ нужды, безъ грязи. Впрочемъ, Данила Захаровичъ въ послѣднее время сталъ менѣе негодовать на судьбу: онъ записался членомъ какого-то благотворительнаго общества и за свой «кровный» рубль серебромъ въ мѣсяцъ получилъ право распекать нищихъ и командовать ими. Такимъ образомъ, онъ снова сдѣлался почетнымъ лицомъ...

Леонидъ же тотчасъ по переѣздѣ изъ дома отца поселился у Марьи Дмитріевны. Марья Дмитріевна уже жила въ глухой части города, жила только съ Антономъ. Первое время новой жизни Марьи Дмитріевны и Антона было тяжелымъ временемъ.

Кто не видѣлъ хоть мелькомъ жизни трудящейся и учащейся бѣдной молодежи? Что она дѣлаетъ? Чѣмъ добываетъ гроши? Корректура, переписка, переводы, раскраска географическихъ картъ, уроки, однимъ словомъ, все, что попадетъ подъ руку, не упускается ею изъ виду и даетъ иногда возможность кое-какъ свести концы съ концами, не доѣдая, не допивая, тѣснясь въ холодномъ углу. Эта жизнь выпала на долю Антона, а потомъ и Леонида. Они общими силами завоевывали съ бою каждый кусокъ хлѣба и содержали Марью Дмитріевну. Только лѣтомъ, когда имъ обоимъ удалось заполучить выгодныя учительскія мѣста въ отъѣздъ, они немного отдохнули и, такъ сказать, стали на ноги, скопивъ кое-какія крохи. Только черезъ три года они окончательно завоевали себѣ болѣе твердое положеніе, заручившись репутаціей порядочныхъ работниковъ и обширнымъ знакомствомъ въ кругу людей, дающихъ работу. Улучшеніе матеріальнаго положенія ознаменовалось только тѣмъ, что молодые люди перестали жаться съ матерью въ сыромъ подвалѣ, а наняли болѣе чистую, болѣе удобную квартиру, состоявшую изъ двухъ комнатъ и кухни. Они такъ сблизились между собою, такъ дружно жили вмѣстѣ, что ихъ

изгнанъ изъ ея квартиры Антономъ, изгнанъ безъ объясненій, безъ препирательствъ.

Вотъ Богъ, а вотъ и порогъ, — спокойно произнесъ Антонъ при появленіи Данилы Захаровича и этимъ разъ навсегда покончилъ всѣ счеты съ дядей.

Данила Захаровичъ позеленѣлъ, озлобился еще болѣе, но сдѣлать ничего не могъ. Свою злобу онъ выместилъ на домашнихъ, но, къ сожалѣнію, и здѣсь его злоба производила мало эффекта. Лидія была уже въ институтѣ. Леонидъ кончилъ курсъ и, поступивъ въ университетъ, переѣхалъ отъ отца. Дѣло не обошлось безъ борьбы. Главною причиною ссоры было желаніе Леонида поступить въ университетъ, тогда какъ Данила Захаровичъ хотѣлъ опредѣлить его на службу, говоря, что онъ долженъ теперь кормить и содержать свою «бѣдную» семью. Леонидъ выдержалъ характеръ и былъ выгнанъ изъ отцовскаго дома. Оставалась одна Павла Абрамовна, какъ козлище очищенія, но и она очень тупо, очень безчувственно стала относиться къ брани и злобѣ мужа: она начала пить. Вино явилось единственнымъ утѣшеніемъ этой глупой, неразвитой и животной натуры. Поползли слухи, что Данила Захаровичъ началъ даже пускать въ дѣло физическую силу для того, чтобы образумить жену. Но и это не помогало. Онъ сталъ запирать деньги,— она стала продавать свои тряпки. Онъ сталъ запирать и ихъ, она выходила подъ вечеръ на улицу и просила у прохожихъ «трехъ копеекъ на перевозъ», «гривенника на машину». Она возвращалась домой «не въ своемъ видѣ», ее «пилила» тетка мужа, ее билъ супругъ,—но она глупо улыбалась или такъ же глупо плакала—и толстѣла. Семья жила по-нищенски, въ жалкомъ домишкѣ на Пескахъ, хотя у Данилы Захаровича и у его тетки лежали довольно крупные капиталы. Песочные жители очень хорошо знали и хмурую слонообразную фигуру Боголюбова, и сморщенную злую физіономію черносалопницы-тетки Боголюбова, и толстое оплывшее и обрюзгшее лицо Павлы Абрамовны и находили немалое удовольствіе въ толкахъ объ этой семьѣ, разсказывая чудеса о ея сказочныхъ богатствахъ и ужасы о ея «домашнемъ адѣ». Разсказывали, что Данила Захаровичъ пускаетъ деньги въ оборотъ, отдавая ихъ за большіе проценты разнымъ «матушкинымъ сынкамъ». Каждую заутреню, каждую обѣдню можно было встрѣтить племянника и тетку въ церкви Рождества Богородицы; племянникъ становился здѣсь впереди всѣхъ и пугалъ шалившихъ или плохо молившихся

ребятишекъ; тетка становилась въ концѣ храма около нищихъ и черносалопницъ и собирала или передавала мѣстныя и домашнія сплетни; каждый вечеръ можно было увидѣть, какъ пробиралась тайкомъ около заборовъ домой Павла Абрамовна, нетвердо переплетавшая распухшими ногами, иногда окружаемая подсмѣивавшимися надъ нею мальчишками. Съ Леонидомъ семья не встрѣчалась и не справлялась, какъ онъ жилъ, гдѣ онъ бралъ деньги. Впрочемъ, если бы Данила Захаровичъ и взглянулъ на тяжелую жизнь, на жалкую каморку Леонида, то онъ не расчувствовался бы: вѣдь онъ и самъ жилъ не лучше, хотя, конечно, могъ бы жить безъ нужды, безъ грязи. Впрочемъ, Данила Захаровичъ въ послѣднее время сталъ менѣе негодовать на судьбу: онъ записался членомъ какого-то благотворительнаго общества и за свой «кровный» рубль серебромъ въ мѣсяцъ получилъ право распекать нищихъ и командовать ими. Такимъ образомъ, онъ снова сдѣлался почетнымъ лицомъ...

Леонидъ же тотчасъ по переѣздѣ изъ дома отца поселился у Марьи Дмитріевны. Марья Дмитріевна уже жила въ глухой части города, жила только съ Антономъ. Первое время новой жизни Марьи Дмитріевны и Антона было тяжелымъ временемъ.

Кто не видѣлъ хоть мелькомъ жизни трудящейся и учащейся бѣдной молодежи? Что она дѣлаетъ? Чѣмъ добываетъ гроши? Корректура, переписка, переводы, раскраска географическихъ картъ, уроки, однимъ словомъ, все, что попадетъ подъ руку, не упускается ею изъ виду и даетъ иногда возможность кое-какъ свести концы съ концами, не доѣдая, не допивая, тѣснясь въ холодномъ углу. Эта жизнь выпала на долю Антона, а потомъ и Леонида. Они общими силами завоевывали съ бою каждый кусокъ хлѣба и содержали Марью Дмитріевну. Только лѣтомъ, когда имъ обоимъ удалось заполучить выгодныя учительскія мѣста въ отъѣздъ, они немного отдохнули и, такъ сказать, стали на ноги, скопивъ кое-какія крохи. Только черезъ три года они окончательно завоевали себѣ болѣе твердое положеніе, заручившись репутаціей порядочныхъ работниковъ и обширнымъ знакомствомъ въ кругу людей, дающихъ работу. Улучшеніе матеріальнаго положенія ознаменовалось только тѣмъ, что молодые люди перестали жаться съ матерью въ сыромъ подвалѣ, а наняли болѣе чистую, болѣе удобную квартиру, состоявшую изъ двухъ комнатъ и кухни. Они такъ сблизились между собою, такъ дружно жили вмѣстѣ, что ихъ

считали родными братьями. Ихъ было даже трудно различить по одеждѣ: у обоихъ одинаковые высокіе сапоги, низенькія клеенчатыя фуражки, черная суконная одежда, не отличающаяся особенно красивымъ фасономъ, но прочная и недорогая: лѣтомъ она смѣнялась иногда сѣрыми блузами или нанковыми пиджаками, походившими на коротенькія пальто. Оба молодые человѣка занимались естественными науками: одинъ въ университетѣ, другой въ технологическомъ институтѣ. У нихъ выработалась мало-по-малу особая программа занятій: естественныя науки и политическая экономія стояли на первомъ планѣ: первыя три лѣта были проведены ими безъ пользы въ различныхъ деревняхъ; на четвертое лѣто, когда дѣла пошли уже совершенно хорошо, оба брата отправились въ Москву, а оттуда то пѣшкомъ, то на пароходахъ по Россіи. Они хотѣли на мѣстѣ изучить народный бытъ, положеніе заводскаго дѣла, развитіе народнаго образованія. Останавливаясь у разныхъ товарищей и пріятелей, большею частью изъ духовнаго званія, изъ семинаристовъ, они близко сходились съ простымъ народомъ, съ народными учителями, съ рабочими. Иногда эти путешествія не только окупались, но даже приносили молодымъ людямъ матеріальную пользу, такъ какъ давали возможность посылать то въ ту, то въ другую газету корреспонденціи. Этимъ работамъ оба брата не придавали особеннаго значенія, хотя и сознавали, что обществу не дурно напоминать о нѣкоторыхъ вещахъ. Въ матеріальномъ отношеніи, конечно, подобныя мелкія работы были не безвыгодны. Эти долгія путешествія возстанавливали физическое здоровье молодыхъ людей, тратившееся очень сильно зимой среди трудовой и бѣдной жизни въ столицѣ, гдѣ приходилось сидѣть и работать по двѣнадцати часовъ въ сутки, иногда дрогнуть отъ холода и не всегда насыщаться вполнѣ даже кониной. Столкновенія съ народомъ, съ фабричными, съ провинціею наложили на нихъ какой-то особый отпечатокъ простоты, свѣжести и трезвости взглядовъ на жизнь. Вглядываясь попристальнѣе въ нихъ, можно было замѣтить значительную разницу въ характерахъ обоихъ братьевъ: Антонъ былъ откровеннѣе Леонида, онъ былъ болѣе простъ, его манеры были нѣсколько угловаты, онъ смотрѣлъ на жизненныя невзгоды болѣе выносливо, болѣе спокойно, въ немъ почти не было озлобленія, онъ нерѣдко бывалъ веселъ, какъ ребенокъ. Но онъ не умѣлъ держать себя свободно на полированныхъ паркетахъ блестящихъ залъ, куда по-

палъ въ качествѣ учителя, въ качествѣ «интереснаго экземпляра новой молодежи». Онъ угрюмо смотрѣлъ на потемнѣвшія картины древнихъ мастеровъ, стоящія тысячъ и не занимающія уже никого и прежде всего своего владѣльца, погруженнаго въ думы о денежныхъ оборотахъ и, можетъ-быть, тайно раздражающагося при видѣ этого мертваго капитала, завѣщаннаго ему предками; онъ неуклюже сторонился отъ длинныхъ бархатныхъ шлейфовъ, покрытыхъ брюссельскимъ кружевомъ и подметающихъ пыль; онъ неловко сгибался подъ тяжелыми шелковыми портьерами, заслоняющими доступъ свѣту и чистому воздуху. Онъ самъ понималъ, что онъ непріятный собесѣдникъ этихъ либеральничавшихъ людей, когда однажды, слушая ихъ толки о бѣдныхъ, онъ замѣтилъ: «У васъ на стѣнахъ виситъ счастіе десятка этихъ бѣдныхъ семействъ». Онъ видѣлъ, что при этихъ словахъ лица присутствующихъ стали такъ же мрачны, какъ лица изображенныхъ на картинахъ людей, на тѣхъ древнихъ картинахъ, на которыя указывалъ онъ. Въ Леонидѣ, напротивъ того, сразу замѣчалось привычка бывать въ болѣе избранномъ обществѣ, умѣнье ловко и осторожно спорить; прибѣгая къ разнымъ софизмамъ и пуская въ ходъ тонкую вкрадчивость; но онъ легко раздражался отъ всякихъ неудачъ и было замѣтно, что на немъ тяжело отозвались скорбные дни голода и холода, наступившіе для него послѣ привольной жизни въ богатой семьѣ. Оканчивая курсъ, онъ съ радостью принялъ предложеніе ѣхать за границу для пополненія своего научнаго образованія. Антонъ же отказался отъ предложенія поступить на довольно выгодное мѣсто и поступилъ въ медико-хирургическую академію. Ему хотѣлось быть не только техникомъ, способнымъ управлять фабрикой или заводомъ, но и медикомъ.

— Я покуда знаю, какъ слѣдуетъ устроить заводъ, чтобы въ немъ были и не портились хорошія машины,—говорилъ онъ.—Теперь надо узнать, какъ устроить заводъ, чтобы въ немъ были здоровые рабочіе, чтобы они не погибали, какъ мухи, въ случаѣ болѣзни. Времени впереди много — еще успѣю сдѣлаться практикомъ...

Рабочій вопросъ начиналъ интересовать его все сильнѣе и сильнѣе. Въ то же время онъ не безъ цѣли началъ все болѣе и болѣе сближаться съ семинаристами въ провинціи.

Въ кругу Антона и Леонида появилось нѣсколько пріятелей, вышедшихъ изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества.

Среди этихъ людей особенно замѣчателенъ былъ одинъ юристъ, сынъ крестьянина, получившій въ университетѣ золотую медаль, сдѣлавшійся довольно извѣстною личностью послѣ напечатанія своей диссертаціи и уѣхавшій за границу въ одно время съ Леонидомъ. Эта личность, подававшая особенно блестящія надежды, была очень дорога Антону, такъ какъ она вышла изъ народа, и оставалась близкою къ народу, продолжая находиться въ самыхъ теплыхъ, въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ со своею семьею, со своими односельцами.

— Это черноземныя силы на свѣтъ выходятъ,—говаривалъ Антонъ и горячо, со всѣмъ увлеченіемъ молодости, толковалъ о томъ, что теперь настаетъ пора, когда будутъ захватывать все большее и большее мѣсто въ области мысли эти свѣжія силы, выходящія изъ народа, прошедшія тяжелую школу, закаленныя и твердыя.

Непремѣннымъ и главнымъ условіемъ для хорошаго направленія этихъ силъ онъ считалъ то, что онѣ должны оставаться близкими къ народу, должны не обрывать связей съ своею непросвященною и темною семьей, деревней, провинціей. Онъ безнадежно махалъ рукой на каждаго развитого и подающаго надежды юношу, который отрывался, отворачивался отъ своей непросвященной семьи или высокомѣрно глумился надъ тѣми людьми, изъ среды которыхъ онъ вышелъ.

— Это будутъ не друзья народа, а тѣ же кулаки,—говорилъ онъ:—какіе вырабатывались изъ разныхъ откупщиковъ и Титовъ Титычей, вышедшихъ изъ народа и потомъ прижимавшихъ народъ.

Онъ самъ жилъ въ тѣсной дружбѣ со своею матерью и практически доказывалъ возможность той терпимости развитого человѣка въ отношеніи къ неразвитымъ людямъ, о которой горячо проповѣдовалъ въ своемъ кружкѣ. Марья Дмитріевна видѣла, какъ неусыпно работаетъ сынъ, она понимала, что онъ старается насколько возможно облегчить ея положеніе, она встрѣчала съ его стороны и ласку, и готовность выслушать всѣ ея жалобы, всѣ ея иногда смѣшныя и нелѣпыя тревоги, она слышала отъ него успокоительныя слова, и этого было довольно, чтобы она покорилась ему. Она сознавала, что она не чужая сыну, что онъ на нее не смотритъ, какъ на недалекую женщину, что у него находится всегда свободная минута и для бесѣдъ съ нею, и жила съ нимъ душа въ душу. Онъ не только терпѣливо

выслушивалъ всѣ ея жалобы, всѣ ея сѣтованія, всѣ ея толки о сосѣдяхъ и мѣстныхъ новостяхъ или разсказы о снахъ, но даже самъ иногда спрашивалъ за чаемъ:

— Ну, что новенькаго? Разскажите.

Онъ говорилъ Леониду, что онъ любитъ послѣ рабочаго дня, послѣ умственнаго труда слышать эту простую болтовню.

— Не стоитъ портить глаза и читать романы, когда можно убаюкать и разсѣять себя на ночь этими простодушными сказками,—добродушно шутилъ онъ.—Она, какъ дитя. Выслушай ея наивные разсказы и тревоги, приласкай ее, когда ей нужна ласка, погорюй съ ней, когда у нея является горе—и она всею душой прилѣпится къ тебѣ.

Онъ особенно цѣнилъ и въ Леонидѣ эту же способность стоять въ тѣсной дружеской связи съ Марьей Дмитріевной.

Но не всегда были въ семьѣ только ясные дни. Было у нея и великое горе, и въ эту минуту особенно сильно высказалась любовь Антона къ матери и его умѣнье охранять эту женщину отъ излишнихъ тревогъ и волненій.

Миша, оставшійся въ училищѣ, портился все сильнѣе: съ годами его заносчивость росла все болѣе и болѣе, росли въ то же время и пороки, тѣ пороки, которые такъ легко развиваются въ «молодыхъ красавчикахъ» при всеобщей разнузданности окружающаго общества; онъ сталъ покучивать, сталъ заводить интрижки и въ то же время, стоя очень не высоко во мнѣніи начальства, постоянно являлся дерзкимъ. Въ немъ недоставало ни нравственныхъ достоинствъ, которыя могли бы оправдать его заносчивость, ни той двоедушности и хитрости, за которыя иногда сходятъ съ рукъ самые безнравственные поступки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ испорченныхъ людей, про которыхъ говорятъ, что у нихъ «душа нараспашку» и отъ которыхъ потому нельзя отвернуться съ отвращеніемъ. Ихъ можно только жалѣть. Они симпатичны, несмотря на все свое паденіе. Они являются какъ бы ходячими упреками обществу за то, что оно не умѣло направить на хорошій путь эти откровенныя и прямыя личности, съ мягкимъ сердцемъ, съ впечатлительнымъ умомъ, съ страстною натурой. Миша, все чаще и чаще сталкиваясь съ начальствомъ, наконецъ, дошелъ до того, что ему пришлось выйти въ юнкера. Это случилось во время одной изъ училищныхъ исторій, надѣлавшей шуму въ обществѣ. Юноша очень шумно и высокомѣрно толковалъ о томъ, что «теперь

не такія времена, чтобы позволять командовать» и вышелъ изъ исторіи съ поднятою головой.

— Ну, ты-то ужъ не толкуй о томъ, какія нынче времена, замѣтилъ ему Антонъ. Всякую пакость на духъ времени тоже не приходится сваливать. Ты вонъ лучше побереги мать, да не разсказывай ей, что тебя исключили, а скажи, что васъ теперь всѣхъ выпускаютъ въ юнкера по закону.

Антонъ говорилъ сухо и внушительно, и Мишѣ пришлось присмирѣть. Явившись домой, онъ сказалъ Марьѣ Дмитріевнѣ, что онъ ѣдетъ въ полкъ, что теперь всѣхъ выпускаютъ въ военную службу изъ ихъ училища. Марья Дмитріевна поплакала, потужила, выразила опасеніе, что Мишу могутъ убить на войнѣ «съ туркой или французомъ», потомъ выслушала самые убѣдительные доводы Антона насчетъ того, что войны не будетъ, и нѣсколько успокоилась. Далеко не былъ спокоенъ Антонъ. Онъ видѣлъ, что Миша далеко не пойдетъ, что гдѣ-нибудь въ глуши, въ жалкой средѣ юнкеровъ, юноша можетъ испортиться еще болѣе. Но поправить дѣло было невозможно. Онъ говорилъ брату о необходимости наверстать потерянное для развитія время и самъ сознавалъ, что его слова останутся словами. Юноша смотрѣлъ слишкомъ легко на жизнь и уже заботился гораздо болѣе о своей новой формѣ, чѣмъ о своемъ новомъ положеніи. Провожая его въ полкъ, Антонъ дружески просилъ его быть откровеннымъ, писать обо всемъ, обѣщалъ помочь ему въ случаѣ надобности и совѣтомъ, и матеріальными средствами.

— Что это ты смотришь на меня, какъ на отпѣтаго,— заносчиво говорилъ Миша.— Служатъ же сотни людей въ военной службѣ, — отчего же мнѣ не служить?

— Да просто потому, что заносчивости у тебя много, а достоинствъ нѣтъ никакихъ, —замѣтилъ Антонъ.—Съ этими качествами люди далеко не уходятъ.

Миша нетерпѣливо пожалъ плечами и довольно холодно простился съ братомъ.

Мѣсяца два отъ него не было писемъ. Наконецъ, онъ написалъ брату длинное письмо, гдѣ разсказывалъ, что его полюбили и товарищи, и начальники, что за нимъ ухаживаютъ разныя барыни, что онъ катается, какъ сыръ въ маслѣ. Тонъ письма былъ довольно фривольный, и оно блестѣло дешевенькимъ остроуміемъ, плоскими насмѣшками надъ всѣмъ кружкомъ, среди котораго пришлось вращаться

юношѣ. Прочитавъ это письмо, Антонъ замѣтилъ Леониду, что братъ произвелъ эффектъ своею наружностью, своими казарменными остротами, что онъ, быть-можетъ, даже прикинулся «пострадавшею» личностью и потому дѣйствительно катается, какъ сыръ въ маслѣ.

— Но я увѣренъ, что слѣдующее письмо будетъ полно ругательствъ на всѣхъ окружающихъ... Онъ не сдержитъ своего языка, заведетъ какую-нибудь интрижку, поссорится съ кѣмъ-нибудь за карты и вооружитъ противъ себя всѣхъ.

Антонъ не ошибся: слѣдующее письмо дѣйствительно состояло изъ негодованія на всѣхъ окружающихъ, которые назывались въ немъ и тупыми и неразвитыми бурбонами, барышнями легкаго поведенія, отъявленными картежниками и т. п. Антонъ написалъ брату довольно рѣзкое письмо, гдѣ объяснялъ юношѣ причины его разочарованій и совѣтовалъ болѣе зорко слѣдить за самимъ собою и болѣе хладнокровно и снисходительно смотрѣть на другихъ. «Ужъ если хочешь клеймить неразвитую среду,—писалъ онъ, между прочимъ:—то хотя постарайся клеймить ее, не дѣлая грамматическихъ ошибокъ. А то отъ твоихъ писемъ вѣетъ либеральничающимъ гимназистомъ второго класса». Антонъ вполнѣ понималъ всю безплодность своихъ проповѣдей и въ то же время сознавалъ, что сдѣлать что-нибудь болѣе существенное для блага брата онъ не могъ. Миша, какъ и слѣдовало ожидать, надулся на брата за проповѣдь и пересталъ писать. Марья Дмитріевна волновалась и плакала, что отъ сына не приходитъ вѣсточки, и Антонъ рѣшился читать ей письма своего собственнаго издѣлія, выдавая ихъ за письма Миши. Старуха успокоилась. Но не успокоился Антонъ. Онъ написалъ еще разъ Мишѣ письмо, гдѣ прямо и рѣзко замѣтилъ, что Миша можетъ сердиться на него сколько угодно, но что онъ не долженъ забывать о матери, которой дорога каждая строка сына. Несмотря на рѣзкость письма, въ немъ проглядывало самое теплое, самое живое участіе къ судьбѣ брата. Отвѣтъ получился очень быстро. Миша изливался въ извиненіяхъ, въ оправданіяхъ, жаловался на судьбу, на «гоненія рока» и, въ концѣ концовъ, просилъ денегъ. Тонъ письма дышалъ аффектаціей, ходульностью, театральнымъ ломаньемъ.

Антонъ послалъ денегъ...

Съ этой поры все чаще и чаще получались письма отъ Миши, исполненныя драматическихъ фразъ, грамматическихъ ошибокъ и моленій о присылкѣ денегъ. Наконецъ,

явился и самъ Миша «въ отпускъ». Его лицо было помято, отъ его рѣчей вѣяло казармой, въ его тонѣ не было прежней искренности, но слышалась нотка поддѣльнаго драматизма. Когда онъ говорилъ о своей судьбѣ—его можно было счесть за плохого провинціальнаго актера и посмѣяться надъ его монологами. Но вглядываясь въ него, можно было придти къ самымъ грустнымъ мыслямъ насчетъ тѣхъ печальныхъ сторонъ его положенія, о которыхъ онъ, кажется, и не помышлялъ. Онъ былъ недоволенъ всѣмъ и всѣми, но былъ вполнѣ доволенъ собой. Это былъ вѣрный признакъ того, что человѣкъ умеръ для развитія. Надъ человѣкомъ, ругающимъ всѣхъ и все и вполнѣ довольнымъ собою, всегда можно заживо спѣть панихиду. Онъ прожилъ въ Петербургѣ съ мѣсяцъ. Наконецъ, Антонъ замѣтилъ ему, что не пора ли ему ѣхать въ полкъ. Миша какъ-то сконфузился и объявилъ, что на-дняхъ онъ ѣдетъ, что ему нужно получить только какія-то бумаги. Однако, дни шли за днями, а бумагъ не получалось... Иногда юнопа приходилъ домой подкутивши и небрежнымъ тономъ говорилъ брату:

— Что мнѣ эта служба! Я не для нея созданъ... Я плевать на нее хочу... У меня голова есть!..

— Такъ выходи въ отставку, здѣсь подготовимъ тебя куда-нибудь, замѣчалъ Антонъ.

— Чего меня подготовлять?— горячился Миша.—Я, можетъ-быть, просиживалъ ночи за книгой... Меня, братъ, учить нечего, я пожилъ, я знаю людей!

Антонъ замѣчалъ, что братъ начинаетъ терять сознаніе, и умолкалъ. Отрезвившись же, Миша терялъ свой заносчивый тонъ и аффектированно говорилъ уже не о своей учености, а о томъ, «что для него загубили золотое время ученья, что заставятъ его весь вѣкъ тупо маршировать, заниматься выправкой носковъ, мѣрять матушку Россію изъ конца въ конецъ, покуда онъ, ненужный никому, не сложитъ усталую голову подъ какою-нибудь шальною пулей». Это было не столько трогательно, сколько пошло. Всѣ усилія Антона свести брата на новую дорогу оказались тщетными; послѣ каждаго задушевнаго объясненія являлся одинъ результатъ: Миша, нѣжно говорилъ брату:

— Дай, голубчикъ Антонъ, мнѣ три рубля. Мнѣ ей-Богу очень, очень нужны деньги! Больше я не стану просить у тебя!..

Эти деньги нужны были для того, чтобы прокатиться на «лихачѣ», сыграть на бильярдѣ, поплясать съ посѣтительницами Эльдорадо.

Антонъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе и рѣшился на крутыя мѣры. Онъ объявилъ брату, что послѣднему нечего и думать о продолженіи военной службы, что онъ, Антонъ, самъ отправится въ штабъ и выхлопочетъ отставку брату, что потомъ онъ его присадитъ за книгу. Миша какъ будто испугался и, краснѣя, объявилъ, что онъ бумаги получитъ черезъ два дня, что брату не зачѣмъ ходить въ штабъ, что онъ уѣзжаетъ дня черезъ три, что онъ довольно покутилъ и намѣренъ честно служить, что, наконецъ, черезъ мѣсяцъ онъ будетъ произведенъ въ офицеры. Антонъ сомнительно покачалъ головой и замѣтилъ брату, что онъ, кажется, прибѣгаетъ къ обману. Миша загорячился и началъ театрально говорить о томъ, что у него только и осталась одна честность и искренность, что онъ не позволитъ никому коснуться этой святыни, что никто не смѣетъ подозрѣвать его во лжи. Онъ даже расплакался, говоря, что отъ брата-то онъ никакъ не ожидалъ такого оскорбленія. Приходилось замолчать. Черезъ два дня дѣйствительно онъ объявилъ, что получилъ бумаги, и началъ собираться въ путь.

Прощаніе было скорбно.

Марья Дмитріевна уговаривала сына служить «вѣрой и правдой», Антонъ уговаривалъ брата выйти въ отставку и переѣхать къ нимъ. Миша очень бойко утѣшалъ ихъ и говорилъ, что онъ не пропадетъ...

Наступила новая весна. Антонъ кончилъ экзаменъ и уѣхалъ путешествовать по Россіи. Марья Дмитріевна осталась одна. Прошло мѣсяца два, когда въ одномъ изъ захолустій Россіи Антонъ прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что въ петербургскомъ судѣ разбирается дѣло Михаила Прилежаева, пойманнаго въ воровствѣ.

Антонъ поблѣднѣлъ и тотчасъ же сталъ собираться въ дорогу. Онъ въ волненіи спѣшилъ домой. Сотни самыхъ тяжелыхъ мыслей осаждали его мозгъ. Что будетъ съ братомъ? Какъ перенесетъ мать этотъ ударъ? Не сообщилъ ли кто-нибудь ей о несчастіи? Молодому человѣку казалось, что и пароходы, и желѣзныя дороги движутся слишкомъ медленно, что онъ сбился съ дороги и ѣдетъ не прямымъ путемъ. Вся любовь, привязывавшая его къ семьѣ, вся нѣжность его натуры, скрывавшаяся подъ грубою внѣшностью, проснулись теперь. Онъ былъ какъ разбитый, онъ не спалъ ночей, не могъ спокойно провести ни одной минуты; всѣ другіе интересы, всѣ другія мысли вышли изъ

головы и только образы матери и брата носились передъ его глазами. Онъ читалъ всѣ газеты, искалъ вездѣ имени брата, наконецъ, въ Москвѣ въ одной изъ петербургскихъ газетъ онъ прочелъ неполный отчетъ о дѣлѣ Михаила Прилежаева.

Оказалось, что Миша получилъ уже отставку «безъ наименованія воинскаго званія», когда онъ еще носилъ юнкерскую форму и увѣрялъ брата и мать, что онъ служитъ. Въ то время, когда онъ увѣрялъ ихъ, что уѣзжаетъ въ полкъ,— онъ не уѣзжалъ никуда. Онъ зимой шатался по Петербургу изъ угла въ уголъ, изъ дома въ домъ, иногда ночуя на улицѣ, иногда голодая по цѣлымъ днямъ. При слѣдствіи Миша показалъ, что у него нѣтъ никого родныхъ, что онъ сирота. Его адвокатъ очень долго и много говорилъ о его предыдущей судьбѣ, указывая на то, что онъ росъ безъ благотворнаго вліянія семьи, что онъ, неразвитый и неокрѣпшій, попалъ въ жалкую среду юнкеровъ, что отъ него трудно требовать какой-нибудь стойкости при встрѣчѣ съ голодомъ и холодомъ. Этою рѣчью адвокатъ дѣлалъ себѣ имя. Товарищъ прокурора, съ своей стороны, очень слабо поддерживалъ обвиненіе, все-таки указывалъ на испорченность и черствость сердца юнаго вора, не заслуживающаго снисхожденія уже потому, что онъ получилъ даромъ образованіе, что самое пребываніе въ юнкерахъ должно было послужить ему урокомъ и заставить его взглянуть серьезно на свои ошибки и исправиться.

Антонъ читалъ эти отрывки рѣчей адвоката и прокурора; онъ съ мучительной тоской слѣдилъ за всѣми изгибами процесса и готовъ былъ плакать, какъ дитя, читая послѣднія слова адвоката, гдѣ защитникъ называлъ своего кліента душевно-больнымъ человѣкомъ, однимъ изъ дикарей, которые живутъ среди нашего цивилизованнаго общества, которые являются ходячимъ упрекомъ этому обществу. Защитникъ заключилъ рѣчь словами о томъ, что тутъ нужно не наказаніе, а исправленіе ошибки, совершенной обществомъ. Приговоръ былъ вынесенъ, какъ и слѣдовало ожидать, оправдательный. Въ газетахъ говорилось, что «присутствующія въ засѣданіи дамы рыдали», что подсудимый, «прелестный мальчикъ», сидѣлъ съ поникшею головой, не поднимая глазъ, съ краской стыда на добродушномъ лицѣ, что «рѣчь защитника была блестяща и талантлива», что, вѣроятно, «онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ представителей нашей адвокатуры...»

— Если бы поспѣть во-время!—говорилъ нетерпѣливо Антонъ, предчувствуя что-то недоброе, и считалъ станціи и версты.

Онъ пріѣхалъ домой до того измѣнившимся, что Марья Дмитріевна всплеснула руками.

— Антоша, что съ тобой, родной мой!—воскликнула она, обнимая его.

— Ничего, ничего, голубчикъ!—говорилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея руки.—Какъ вамъ живется? Здоровы ли? Все ли хорошо?

— Да что мнѣ, старухѣ, дѣлается. Живу себѣ, хожу въ церковь, за воротами посижу,—вотъ и все... Извѣстно, день да ночь—и сутки прочь!

— Ну, и слава Богу, слава Богу,—радостно говорилъ Антонъ, видя, что мать ничего не знаетъ.—А я соскучился о васъ... какъ-то взгрустнулось, вотъ и прикатилъ... Что отъ Миши не получали писемъ?—боязливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, батюшка... Знаешь, вѣдь я грамотѣ-то не знаю... Вчера пришло какое-то письмо на твое имя... Вотъ оно...

Антонъ взглянулъ на почеркъ адреса и поблѣднѣлъ: это было письмо отъ Миши.

— Матушка, вы приготовьте чайку,—промолвилъ онъ.—Я пойду въ свою комнату, отдохну съ дороги...

Дрожащими руками распечаталъ онъ письмо Миши и сталъ читать. Оно было написано карандашомъ, отрывочно, на скорую руку... Вотъ что писалъ Миша:

«Братъ мой, другъ мой, Антонъ! Ты, вѣроятно, уже знаешь все, что случилось со мной. Это знаетъ вся читающая Россія. Я укралъ, я содержался въ тюрьмѣ, я былъ судимъ, я былъ оправданъ. Меня оправдали не потому, что я невиненъ, но потому, что я укралъ отъ голода... Въ мою пользу собрали пятнадцать рублей; когда эти деньги будутъ проѣдены мною, мнѣ придется снова воровать. Другого исхода нѣтъ... Ты вѣрно читалъ уже, что говорилъ обо мнѣ товарищъ прокурора, что говорилъ обо мнѣ адвокатъ. Одинъ, обвиняя меня, разоблачилъ всю ту пропасть, въ какую упалъ я; онъ указалъ, какъ я испорченъ, какъ я негоденъ, какъ я гадокъ; другой, защищая меня, указалъ, какъ загубили меня люди съ колыбели, какъ онѣ убили во мнѣ силу воли, какъ они сдѣлали меня дикаремъ, рѣшающимся на всякую мерзость ради добычи куска хлѣба. Когда они говорили это, когда они залѣзали въ мою душу, я все ниже и ниже склонялъ свою голову, я, съ жгучею краской

стыда, сознавалъ, что мнѣ невозможно подняться, что во мнѣ убито все, что можетъ спасти человѣка отъ преступленія и заставить его честно бороться съ нуждой... Я сознавалъ, что всѣ присутствовавшіе на засѣданіи думали то же самое, видѣли во мнѣ безнадежно погибшаго... Я ждалъ приговора, ждалъ тяжелаго наказанія... Мнѣ вынесли оправдательный приговоръ... Въ первую минуту я былъ радъ, я готовъ былъ дать клятвенное обѣщаніе исправиться, когда мнѣ давали совѣтъ быть честнымъ... Въ какомъ-то чаду прошелъ этотъ день освобожденія, я ничего не могъ обдумать, ни на что не могъ рѣшиться, въ моей головѣ бродила одна мысль о необходимости жить честно... Но когда прошло первое волненіе, первая радость, когда на слѣдующій день я пошелъ искать работы, меня поразилъ вопросъ: какую работу могу я принять на себя? Что я умѣю дѣлать? Гдѣ подготовка къ труду?.. Я шелъ безцѣльно по Садовой, когда на углу Невскаго проспекта меня кто-то окликнулъ по фамиліи. Я остановился: передо мной стоялъ мальчишка съ кипой газетъ.

«— Купите-съ газету. Интересное дѣло Прилежаева!— выкрикивалъ онъ передъ прохожими.

«Краска бросилась мнѣ въ лицо.

«— Дѣло Прилежаева. Оправданный преступникъ Прилежаевъ!—продолжали выкрикивать продавцы газетъ, окруживъ меня...

«Я бросился въ сторону. Впервые мнѣ пришло въ голову, что если бы я и умѣлъ работать, то кто же меня возьметъ къ себѣ теперь, когда всему городу извѣстно, какъ я испорченъ, какъ я не подготовленъ къ честной жизни, какъ я неспособенъ къ труду?.. Ты перечитай это дѣло, вникни въ каждое слово товарища прокурора и моего защитника, и ты увидишь, что они оба доказали вполнѣ, что я ни къ чему не годенъ, что я испорченъ до мозга костей. Съ подобнымъ человѣкомъ не безопасно пробыть день, подобнаго человѣка не безопасно впустить къ себѣ на порогъ... Они раскопали каждое событіе моего прошлаго, они проникли въ самые откровенные уголки моей души, они не упустили ничего изъ виду, чтобы создать изъ меня типъ окончательно загубленнаго и падшаго человѣка. Теперь это знаютъ всѣ, обо мнѣ кричатъ на улицахъ, на площадяхъ!.. А я думалъ искать работы!.. Кто меня возьметъ? Кому нужно подобное отребье человѣчества?.. О, что они со мною сдѣлали, что они со мною сдѣлали!.. Вѣдь этакъ можно погубить кого угодно.

Позволь мнѣ публично раскопать все прошлое, освѣтить душу перваго встрѣчнаго, и я докажу, что онъ ни на что не способенъ, что онъ испорченъ, что онъ опасенъ... Позволь мнѣ сдѣлать это, и повѣрь, что самый честный человѣкъ не найдетъ себѣ мѣста, возбудитъ подозрѣніе... А вѣдь я и безъ того доказалъ, что я не честный человѣкъ... Они мнѣ сказали: теперь старайтесь исправиться, ведите честную жизнь... Но вѣдь они же сами отняли у меня возможность вести честную жизнь! Сперва я былъ просто воромъ, укравшимъ отъ голода. Теперь я являюсь ни на что не способнымъ, въ конецъ испорченнымъ человѣкомъ, являюсь не передъ двумя, тремя лицами, а передъ всѣми, кто только умѣетъ читать... Мой защитникъ говорилъ, что меня испортило общество, что оно должно и исправить меня, дать мнѣ возродиться къ новой жизни. Но какъ я обращусь къ этому обществу? Развѣ купецъ, боящійся, что я обворую его лавку, нанявшись къ нему,—общество?.. Развѣ желѣзная дорога, гдѣ я могъ бы быть кондукторомъ и куда меня не примутъ,—общество? Развѣ тѣ родители, у которыхъ я могъ бы учить дѣтей и которые не возьмутъ въ учителя полуграмотнаго вора,—общество? Что можетъ заставить ихъ испортить свои дѣла, поручивъ ихъ неумѣлому человѣку? Они скорѣе подадутъ мнѣ грошъ Христа-ради, чѣмъ дадутъ мнѣ работу... Что-жъ, они правы! Они могутъ жалѣть меня, но ради чего они станутъ губить себя?.. Они неповинны въ моей испорченности... Хоть бы компанію какую-нибудь устроили для спасенія оправданныхъ воровъ... Вѣдь такихъ много, и всѣ они или идутъ снова въ остроги, или умираютъ съ голоду, отъ самоубійства... Развѣ нельзя устроить такой компаніи, такого общества?.. Или лучше распложать самоубійцъ, негодяевъ и нищихъ?.. У меня нѣтъ силы ходить съ протянутой рукою... Да и возможно ли нищенствовать, имѣя восемнадцать лѣтъ отъ роду, будучи здоровымъ, и не попасться въ руки перваго полицейскаго солдата, который уведетъ меня, какъ бродягу, въ часть, представитъ въ мировой судъ... Мнѣ осталась одна участь: смерть... Когда я написалъ это роковое слово, у меня что-то оборвалось. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело умирать!.. Вѣдь я молодъ, здоровъ, я жить хочу... И это лѣто, блестящее, ясное, душистое, такъ и манитъ къ жизни, къ счастію... Если бы ты зналъ, какъ часто мнѣ приходила сегодня мысль опять украсть и этою цѣной купить жизнь... Не вини меня, умирать такъ не легко, а купить жизнь иною цѣной нельзя...

Господи, хоть бы этотъ день кончался поскорѣй, хоть бы ночь наступила... Я былъ бы радъ, если бы была дождливая, хмурая погода... Пожалѣй меня, я такой слабый, такой ничтожный человѣкъ... Не вини меня за то, что обманывалъ тебя, мать... Я васъ любилъ, я васъ люблю, но во мнѣ такъ все перепуталось и ложь, и искренность, и умъ, и глупость... Да, меня лѣчить бы надо... Няньку, ласковую няньку мнѣ нужно... Впрочемъ, ты узнаешь, какъ я дошелъ до этого состоянія, узнаешь изъ моихъ замѣтокъ... Я вырвалъ ихъ изъ своей записной книжки и пошлю къ тебѣ съ этимъ письмомъ... Мнѣ хочется, чтобы ты не обвинялъ меня, чтобы поплакалъ обо мнѣ... Ты вѣдь добрый, очень добрый и хорошій человѣкъ... Я не знаю, что бы я былъ готовъ сдѣлать, чтобы мнѣ дали возможность хотя одинъ часъ побыть съ тобою... Мнѣ хочется хоть одного слова участія, хотя одной ласки... Я сижу въ бесѣдкѣ Александровскаго парка, кругомъ снуютъ какіе-то полупьяные солдаты и растрепанныя женщины; стѣны, скамьи бесѣдки исписаны циничными, грязными надписями... Это все тѣ люди, среди которыхъ я убилъ свою жизнь. Они, быть-можетъ, дойдутъ до того же, до чего дошелъ я... Какое горькое окончаніе горькой жизни... Любимый, дорогой, пожалѣй своего *красавчика* Мишу, какъ всѣ называли!.. Завтра отъ него не останется никакого слѣда... И зачѣмъ это я жилъ, зачѣмъ я не умеръ вмѣстѣ съ отцомъ, съ Даней?.. Вотъ уже и вечеръ... Скоро я уложу это письмо въ конвертъ... Когда онъ будетъ заклеенъ и спущенъ въ ящикъ, я пойду кончать съ собою... Почтальонъ вынетъ изъ ящика письмо уже не живого человѣка, а мертвеца, о которомъ, можетъ-быть, никогда и никто не вспомнитъ... И для чего вспоминать? Развѣ кто-нибудь вспоминаетъ о нашемъ отцѣ? Я помню, какъ ты разсказывалъ, что его испотрошили... Со мною будетъ то же, если найдутъ мое тѣло... Этотъ листъ исписывается, мнѣ остается мало мѣста, но, впрочемъ, не для чего и писать болѣе; день кончился, въ паркѣ становится холодно и темно; я пишу наобумъ: небо совсѣмъ черное... Мнѣ кажется, что я писалъ для того, чтобы не думать, чтобы не измѣнить своего рѣшенія... Теперь довольно, теперь мнѣ осталось жить не болѣе четверти часа... Я съ Тучкова моста... Ну, прощай же, Антонъ... Не брани своего Мишу».

Антонъ читалъ и перечитывалъ это письмо и листки изъ записной книжки Миши. Это были отрывки изъ дневника, который велся юношей отрывочно на крошечныхъ листкахъ

записной книжки между копеечными счетами, чьими-то адресами, грязными куплетами барковскихъ пѣсенъ... Это была какая-то смѣсь отчаянья, громкихъ фразъ и истиннаго страданія. Юноша не шелъ къ «своимъ», потому что ему было «стыдно», потому что онъ не «могъ» начать трудовую жизнь; онъ не искалъ работы, потому что онъ «не умѣлъ работать», онъ не убивалъ себя, потому что «ему очень хотѣлось жить».

Порой и въ этихъ отрывочныхъ фразахъ видѣлся до мозга костей испорченный негодяй; порой въ нихъ видѣлось наивное, откровенное дитя, легко смотрѣвшее на жизнь и не умѣвшее выйти изъ тяжелаго положенія. Иногда въ дневникѣ видна была одна декламація, иногда въ немъ замѣчались истинныя слезы. Это было что-то болѣзненное. Этого человѣка нужно было отправить въ больницу, подъ надзоръ нѣжной и любящей женщины, матери, сестры. Въ этомъ дневникѣ описывались горькія минуты холода и голода, тутъ выражалась радость по поводу того, что нашъ герой, напримѣръ, нашелъ ночью шелковый платокъ съ пѣсколькими завернутыми въ немъ пряниками. Въ другомъ мѣстѣ описывалось, какъ онъ провелъ морозную ночь на улицѣ, потому что его не оставилъ ночевать у себя товарищъ, «брезгливо сказавшій ему, что отъ его одежды казармой пахнетъ». Въ третьемъ мѣстѣ толковалось о «Даннлѣ», котораго слѣдовало бы ограбить... И вездѣ была та же жалкая, смѣшная безграмотность...

Мучительное, болѣзненное чувство охватило Антона при чтеніи этихъ страницъ, гдѣ такъ тѣсно перемѣшались и истинныя чувства, и театральныя фразы. Довольно долго Антонъ не могъ овладѣть собою, побѣдить свое волненіе, удержать катившіяся по щекамъ слезы. Въ его головѣ былъ какой-то туманъ: то давила его тоска о братѣ, то вспоминались слова брата о томъ, что подобная горькая участь ждетъ всѣхъ этихъ безсознательныхъ преступниковъ, которымъ выносятъ оправдательный приговоръ и даютъ Христа-ради десять, пятнадцать рублей, то носилась въ его головѣ мысль о необходимости все скрыть отъ матери, чтобы не отравлять ея послѣдніе годы.

Вотъ и она постучала въ дверь. Нужно было отереть слезы, освѣжить лицо, выйти съ спокойнымъ видомъ.

Она спрашиваетъ, не отъ Мишуры ли это письмо.

— Да,—отвѣчаетъ сынъ.

— Здоровъ ли онъ, мой голубчикъ, спокоенъ ли, какъ ему живется?—забрасываетъ вопросами мать.

— Онъ теперь спокоенъ, ему хорошо,—отвѣчаетъ сынъ и почему-то нѣжно цѣлуетъ мать.

— Ты, батюшка, прочти мнѣ его письмецо послѣ,—проситъ мать.

— Да, да, прочту,—говоритъ сынъ и старается овладѣть собою.

Настаетъ вечеръ.

Мать снова проситъ прочесть письмо Миши. Сынъ читаетъ это свѣтлыя, спокойныя строки, полныя любви къ матери... Мать смѣется и плачетъ отъ радости и набожно осѣняетъ себя крестомъ. Она молитъ Бога, чтобы онъ помиловалъ ея Мишу, ея любимаго сына.

— Ну, спасибо, спасибо!—говоритъ она Антону.—Утѣшилъ ты меня, старуху. Радость ты моя, единственное мое утѣшеніе... Покуда ты со мною, не знаю я горя, не болитъ мое сердце...

Сынъ тихо цѣлуетъ старуху и уходитъ въ свою комнату.

Быть-можетъ, онъ проведетъ безсонную ночь, быть-можетъ, онъ будетъ рыдать, какъ ребенокъ, быть-можетъ, его сердце изноетъ отъ безпомощной тоски,—она этого не узнаетъ. «Развѣ и безъ того у нея было мало горя?—думается ему.—Развѣ мы созданы для того, чтобы вѣчно терзать другихъ? Развѣ мы не обязаны по возможности скрывать и устранять отъ ближнихъ все горькое, все печальное? Будемъ беречь другъ друга, будемъ дѣлиться съ ближними радостью и счастіемъ, будемъ переносить одиноко каждое непоправимое горе, будемъ дѣлиться съ друзьми только тѣми невзгодами, которыя можно устранять общими силами. Жизнь не сладка и мы не имѣемъ права отравлять ее еще болѣе, выносл напоказъ каждую неисцѣлимую язву, каждое непоправимое страданіе».

А что же подѣлывали въ это время Прохоровы?

Давнымъ-давно прошли тяжелые дни Катерины Александровны и Александра Флегонтовича. Молодые люди, какъ мы сказали, должны были уѣхать изъ Петербурга. Они уѣхали въ одинъ изъ глухихъ городовъ. Они захватили съ собою Флегонта Матвѣевича, вполнѣ довольнаго тѣмъ, что его сынъ получилъ «повышеніе по службѣ», какъ объясняли старику его близкіе, сказавъ ему о необходимости отъѣзда. Прошло около года, получилось извѣстіе о смерти Флегонта Матвѣевича, которому оказался вреднымъ климатъ новаго его мѣстожительства. Александръ Флегонтовичъ

занялся исключительно литературымъ трудомъ. Заняться другимъ дѣломъ у него не было возможности, хотя и достало бы на это силъ. Катерина Александровна шила бѣлье и платья и занималась акушерствомъ. Довольно скоро молодые люди сдѣлались довольно извѣстными личностями въ городѣ и были званными гостями на каждомъ пиру. Это было тихое, мирное время ихъ жизни; они отдыхали отъ волненій, работали въ четырехъ стѣнахъ, начали усердно заниматься изученіемъ англійскаго языка. «Этотъ языкъ намъ скоро пригодится», писалъ Александръ Флегонтовичъ Антону, описывая свои занятія. Года два-три прошли въ этомъ затишьѣ. Прохоровы поправились въ физическомъ отношеніи, Александръ Флегонтовичъ даже немного потолстѣлъ; они радовались тишинѣ новой жизни, но помириться навсегда съ провинціальною жизнью они не могли. Каждая весна, каждый яркій день, каждое извѣстіе о кипучей европейской жизни манили и звали ихъ куда-то, гдѣ меньше тишины, спокойствія и сна, гдѣ, можетъ-быть, человѣкъ сгораетъ быстрѣе, гдѣ живется тревожнѣе, гдѣ порой сонъ бѣжитъ отъ глазъ, но гдѣ въ то же время больше интересовъ у человѣка, гдѣ его дѣятельность осмысленнѣе, гдѣ его цѣль ярче и блестящѣе. Эта тоска, это стремленіе dahin все росли и росли, наконецъ, сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ idée fixe. Иногда молодые люди, гуляя, выходили изъ города и шли по большой проѣзжей дорогѣ безмолвно, безцѣльно, до усталости. Казалось, они были готовы уйти пѣшкомъ на край свѣта, только бы вырваться изъ этого мирнаго, соннаго города. Остаться въ провинціи, вращаться въ кругу узкихъ интересовъ становилось невыносимо...

Въ одинъ прекрасный день получилось черезъ одного знакомаго письмо на имя Антона, гдѣ просили юношу похлопотать о напечатаніи нѣсколькихъ статей Александра Флегонтовича и о немедленномъ сборѣ всѣхъ денегъ за работы и отъ тѣхъ лицъ, которыя оставались должниками Прохорова еще съ давнихъ поръ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ полученія этого письма въ маленькую квартиру Прилежаевыхъ явились какіе-то неизвѣстные люди: дама подъ густымъ вуалемъ и господинъ съ окладистою бородою. Антонъ не сразу узналъ ихъ, но черезъ минуту уже горячо пожималъ ихъ руки. Марья Дмитріевна бросилась къ нимъ въ объятія и, плача, причитала надъ ними:

— Голубчики мои, родные мои! Какъ это вы, какими судьбами?

— Тише, тише! — проговорилъ Антонъ и замкнулъ дверь.— Я сейчасъ схожу къ одному товарищу. Вамъ здѣсь нельзя оставаться...

— Что ты, батюшка, отъ своего-то дома уходить!—воскликнула Марья Дмитріевна. — Хоть и не богато мы живемъ, а все же свой уголъ.

— Имъ нельзя быть здѣсь, — коротко сказалъ Антонъ.

Марья Дмитріевна замолчала. Она привыкла безусловно подчиняться односложнымъ рѣшеніямъ сына.

Черезъ минуту, оставивъ сестру и ея мужа въ своей квартирѣ, онъ вышелъ изъ дому и довольно быстро возвратился обратно.

— Можете идти,—сказалъ онъ, бросая на столъ клеенчатую фуражку.—Вотъ адресъ.

— Ты все обдѣлалъ?—спросилъ Александръ Флегонтовичъ.

— Все.

— Ну, до свиданія.

— Голубчики вы мои, да какъ же, хоть бы пообѣдали,— заохала Марья Дмитріевна.

— Не надо, мама!—рѣшилъ Антонъ.—Да вы не плачьте... Вечеромъ я свожу васъ къ нимъ...

Гости вышли. Антонъ не пошелъ ихъ провожать и удержалъ мать отъ поползновенія идти за ними.

— Мама, станемте-ка лучше обѣдать,—ласково сказалъ онъ старухѣ.

Они сѣли за столъ.

— Мама, вы никому не говорите, что они были,—замѣтилъ онъ.—Никому,—понимаете?

— Батюшка, въ толкъ я не возьму: какъ они пріѣхали?

— По машинѣ, мама, по желѣзной дорогѣ...

— Надолго, Антошенька?

— Нѣтъ, до завтра. Имъ на насъ взглянуть хотѣлось, вотъ и прогулялись. Станете разсказывать, тогда, пожалуй, имъ и не удастся во второй разъ къ намъ заѣхать...

— А они еще пріѣдутъ?

— Еще бы. Если будемъ молчать, такъ пріѣдутъ...

Онъ очень хорошо зналъ, что они не пріѣдутъ снова. Его отчасти раздражала мысль о томъ, что они сами хотятъ сжечь за собою корабли. Онъ долго настаивалъ, чтобы они хлопотали о какомъ-нибудь другомъ исходѣ. Но они упорно стояли на своемъ.

— Ужъ ты меня знаешь, я не проговорюсь...

— Вы у меня молодецъ!

Антонъ всталъ изъ-за стола и поцѣловалъ старуху. Онъ былъ необычайно ласковъ. Онъ даже не сердился на сестру и ея мужа за то, что тѣ пріѣхали прямо къ нему въ домъ, а не остановились въ гостиницѣ, что, по его мнѣнію, было бы благоразумнѣе. Вечеромъ Марья Дмитріевна просидѣла въ обществѣ зятя и дочери и была безконечно счастлива. Она давно забыла мелкія столкновенія съ этими, все-таки дорогими ей людьми и помнила изъ прошлаго только однѣ свѣтлыя минуты. На другой день мать еще разъ видѣла своихъ дорогихъ «дѣтей» и простилась съ ними въ полной увѣренности, что дождется новой встрѣчи съ ними.

— Жизни мнѣ на десять лѣтъ прибавилось,—говорила Марья Дмитріевна:—какъ я посмотрѣла на нихъ. И Катюша-то какъ похорошѣла. Розанчикъ точно какой. А самъ-то сановитый сталъ... Барономъ такимъ выглядитъ...

А Катерина Александровна и Александръ Флегонтовичъ между тѣмъ уже ѣхали по желѣзной дорогѣ. Катерина Александровна была объявлена опасно больною, Александръ Флегонтовичъ игралъ роль озабоченнаго ея болѣзнью мужа. Онъ почему-то сбрилъ бороду. Въ квартирѣ Прилежаевыхъ все было спокойно и мирно, только Антонъ не спалъ всю ночь и все ходилъ по комнатѣ.

— Что съ тобой, Антоша?—спрашивала Марья Дмитріевна.

— Голова что-то болитъ, такъ не спится,—отвѣчалъ онъ.

На третій день къ Прилежаевымъ пришелъ одинъ изъ друзей Антона. Антонъ, повидимому, ждалъ его и бросился ему навстрѣчу.

— Что?—спросилъ онъ въ волненіи.

— Господинъ Софоновъ пріѣхалъ со своею женою въ Берлинъ,—отвѣчалъ пріятель.

Антонъ вздохнулъ полною грудью.

— Обѣдать, обѣдать, мама!—кричалъ онъ весело.

— А я вина притащилъ,—смѣясь промолвилъ пріятель, показывая изъ кармана горлышко бутылки.

— О, кутила!—воскликнулъ Антонъ и обнялъ друга, обнялъ мать.

— Да что съ тобой, голубчикъ, сдѣлалось?—качала головой мать, видя необычайную веселость сына.

— Ничего, ничего, мама! Просто весело, безконечно весело на душѣ!

— А меня-то, господа, вы и забыли!—послышался чей-то шутливый голосъ и въ комнату явился молодой человѣкъ,

похожій нѣсколько на самого Антона по своей фигурѣ и одеждѣ.—Вѣдь тутъ и моего меду капля есть, значитъ, выпивку надо учинить вмѣстѣ.

Антонъ пожалъ руку пріятеля. Марья Дмитріевна особенно радушно приняла этого гостя, потому что она могла поговорить съ нимъ о Катеринѣ Александровнѣ и Александрѣ Флегонтовичѣ, не стѣсняясь ничѣмъ: они останавливались въ его квартирѣ и, значитъ, ихъ пріѣздъ не былъ тайной для него.

Всѣ усѣлись за столъ и весело распили бутылку вина за новую жизнь.

Конечно, Софоновы могли бы жить и въ Петербургѣ,— замѣтилъ Антонъ.—Стоило бы только похлопотать. Но, признаюсь откровенно, я теперь радъ, что они будутъ жить не здѣсь... Они тамъ устроятся разумнѣе, здѣсь опять началось бы метаніе изъ стороны въ сторону, стремленіе положить вездѣ заплаты. Тамъ жизнь сложилась вполнѣ и они приглядятся къ ней, научатся болѣе трезвой, болѣе практической дѣятельности... Здѣсь же они разъ выбились изъ колеи и попасть на нее снова имъ было трудно.

Марья Дмитріевна слушала совершенно безучастно толки о незнакомыхъ ей Софоновыхъ и все думала о своей дочери и зятѣ.

Они уже были гораздо дальше, чѣмъ она полагала. Они уѣхали надолго, можетъ-быть, навсегда. Имъ было грустно, что дѣла сложились такъ, но они не обвиняли никого. Въ одномъ изъ писемъ, полученныхъ отъ нихъ, Александръ Флегонтовичъ писалъ:

«Мы вышли въ жизнь въ то время, когда въ нашей частной и общественной жизни рубился лѣсъ старыхъ злоупотребленій и предразсудковъ. Это великое время реформъ и нововведеній застало многихъ изъ насъ врасплохъ. Нѣкоторые изъ насъ были не подготовлены, нѣкоторые хватали черезъ край, нѣкоторые мучились, видя свои промахи и ошибки, нѣкоторые должны были сойти со сцены. Все это было въ порядкѣ вещей, все это было историческимъ фактомъ. Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ, тамъ очень часто дровосѣки наносятъ себѣ раны, царапины получаютъ, занозы; иногда обрушившееся дерево всею своею массой придавитъ кого-нибудь дровосѣка ли, простого ли прохожаго— это зависитъ отъ случая. Но можно ли негодовать на это, можно ли удивляться этому? Можно, пожалуй, пожалѣть тѣхъ, кому не удалось выйти мирно и спокойно

изъ рубки лѣса, но самый фактъ существуетъ не для того, чтобы праздно восхищаться имъ или такъ же праздно бранить его заднимъ числомъ. Историческіе факты важны только какъ уроки для будущихъ поколѣній. Исторія неумолима, но человѣкъ можетъ дѣлать исторію. Мы сошли со сцены, сошли для того, чтобы начать мирную, быть-можетъ, буржуазную жизнь съ трудомъ изъ-за куска хлѣба. Нѣкоторыхъ изъ насъ, быть-можетъ, назовутъ жертвами, въ другихъ бросятъ камень осужденія; однихъ, быть-можетъ, возведутъ на пьедесталъ, другихъ смѣшаютъ съ грязью. Но мнѣ кажется, что теперь настало время, когда нужно заниматься не осужденіями и похвалами, расточаемыми тѣмъ или другимъ лицамъ, а стараться избѣгать тѣхъ промаховъ, которые были кѣмъ бы то ни были сдѣланы въ прошломъ, заниматься развитіемъ самихъ себя, неустанно работать въ пользу того, что уже начато. Обществу приходится теперь, такъ или иначе, жить при новыхъ лучшихъ порядкахъ и нужно, чтобы люди стояли выше своего положенія, а не ниже его. Чѣмъ болѣе развитъ работникъ, тѣмъ выше стоитъ онъ надъ принятою имъ на себя задачею, тѣмъ лучше, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ дѣло. Ваше поколѣніе должно заботиться именно о томъ, чтобы каждое взятое имъ на себя дѣло не было для него чѣмъ-нибудь только тогда, когда вы будете убѣждены, что вы вполнѣ владѣете всѣми знаніями, необходимыми для того дѣла, за которое беретесь. Лучше быть какимъ-нибудь сельскимъ учителемъ съ подготовкой гимназическаго учителя, чѣмъ быть профессоромъ, зная не больше учителя уѣзднаго училища. У насъ не всегда доставало развитія, мы иногда оказывались ниже принятыхъ на себя задачъ,—но въ этомъ были виноваты не мы. Конечно, ты понимаешь, что я говорю о себѣ, о Катѣ, о такихъ же, какъ мы, второстепенныхъ дюжинныхъ личностяхъ, какъ изъ молодежи, такъ и изъ стариковъ. Да, недостатокъ подготовки, недостатокъ серьезнаго знанія и строгой опредѣленности въ выборѣ дѣятельности не былъ принадлежностью одной молодежи—это былъ общій недостатокъ. Мы являлись плохими учителями, плохими переводчиками, корректорами, служаками, но это все было и прежде. Одно изъ несчастій нашей родины всегда состояло въ томъ, что въ ней большинство дѣятелей стояло ниже своего положенія. На это указывалъ еще Александръ I, когда онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что онъ не желалъ бы имѣть своими лакеями тѣхъ лицъ, среди которыхъ ему приходилось вра-

щаться до своего восшествія на престолъ. Насколько же ниже своего положенія стояли эти лица! Правда, прежде эти факты не такъ сильно бросались въ глаза, потому что въ обществѣ при старыхъ порядкахъ, при старыхъ идеяхъ являлось больше лицъ, бѣжавшихъ отъ труда, чѣмъ лицъ, бѣжавшихъ за работою. Новыя идеи и новые порядки произвели наплывъ множества лицъ, почувствовавшихъ необходимость труда. Всю эту массу полуразвитыхъ, шедшихъ къ развитію и въ то же время трудившихся изъ-за куска хлѣба пролетаріевъ стали упрекать за неумѣнье хорошо исполнить взятый ею на себя трудъ и за шатанье изъ стороны въ сторону, отъ одной работы къ другой. Но тутъ, конечно, виновата не эта масса и не новыя идеи. Неумѣнье трудиться завѣщано ей прошлымъ; вѣчное хватанье за множество дѣлъ было слѣдствіемъ этого же неумѣнья. Если бы нашелся въ ней опытный сапожникъ, повѣрь мнѣ, что онъ не сталъ бы хвататься за печенье булокъ или писанье книгъ; если бы въ ней былъ опытный переплетчикъ, то, повѣрь мнѣ, онъ не взялся бы за трудъ наборщика или не сталъ бы заниматься переводами. Но такихъ подготовленныхъ къ труду людей было мало. Насъ не учили никакому ремеслу и давали намъ только отрывки научныхъ свѣдѣній, и мы выходили негодными ни къ чему. Если въ насъ и было что-нибудь хорошее, то это было куплено самовоспитаніемъ. Вотъ почему и работа исполнялась по-старому, кое-какъ и на авось, вотъ почему и не могли устроиться какія-нибудь мастерскія на прочныхъ началахъ; вотъ почему даже на учительскомъ поприщѣ мы умѣли лучше проводить либеральныя идеи, чѣмъ закладывать въ мозгу учениковъ прочныя основанія знанія. Но кто въ старыя времена не былъ грѣшенъ въ стремленіи отбыть только официально взятыя на себя служебныя обязанности, кто не исполнялъ кое-какъ своего труда, заботясь больше о матеріальныхъ выгодахъ, о чинахъ, о своемъ значеніи, чѣмъ о добросовѣстности, кто училъ юношество безъ всякаго шарлатанства, кто вообще безошибочно и честно отмежевалъ себѣ скромный и небольшой уголокъ, разсчитавъ напередъ свои склонности, силы и способности, и воздѣлалъ этотъ клокъ земли до высшаго совершенства,— тотъ пусть бросаетъ въ насъ камень... Конечно, я не говорю о передовыхъ личностяхъ, о коноводахъ общества. Говорить о передовыхъ личностяхъ того или другого лагеря — не для чего, память о нихъ сохранится исторіей, и, конечно, ихъ если и упрекнутъ за что-нибудь, то не за не-

достатокъ развитія, не за недостатокъ опредѣленности въ цѣляхъ и стремленіяхъ. Это были герои исторіи; мы же герои повѣсти, романа, не болѣе. Они дѣлали исторію, мы же только подчинялись ея ходу и, такъ или иначе, исполнили выпавшую намъ на долю роль. Если бы историческія событія шли иначе, если бы они продолжали быть такими же, какими были въ дни нашего дѣтства,—мы, можетъ-быть, мирно и полусонно провели бы спокойную жизнь, жирѣя и множась, безъ всякихъ высшихъ стремленій, безъ всякихъ треволненій. Не думай, что я жалѣю о томъ, что намъ не удалось прожить этою болотною жизнью до могилы,—нѣтъ, я просто утверждаю фактъ и благословляю въ то же время всѣ великія событія, которыя, несмотря ни на что, ни на какія нападенія, ни на какія непріятности отдѣльныхъ лицъ, вошли въ жизнь».

Отъ всего письма Александра Флегонтовича вѣяло незлобивымъ спокойствіемъ и какою-то мужественною трезвостью мысли. Это уже былъ не прежній порывистый юноша, но возмужавшій человѣкъ, взявшій отъ жизни и свою долю радостей, и свою долю горя, и не озлобившійся, не опустившій рукъ. Катерина Александровна приписала въ письмѣ мужа, что она поступила въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ на медицинскій факультетъ, «хотя,—писала она,—я буду посвящать наукѣ не все свое время, которое теперь необходимо для моего маленькаго Тони, твоего заочнаго крестника».

— Пристроились,—промолвилъ Антонъ.—Что-то мы сдѣлаемъ и какъ пройдемъ путь?

На этотъ громко произнесенный вопросъ не могло быть отвѣта: жизнь Антона была вся впереди.

ТИНА.

ПОВѢСТЬ.

I.

Петербургъ только что проснулся. По озареннымъ свѣтомъ весенняго солнца улицамъ спѣшили въ школы, въ гимназіи и въ корпуса дѣвочки и мальчики съ связками книгъ, рабочими мѣшочками и ранцами. Кухарки, лакеи, мальчуганы-мастеровые сновали съ корзинками съ провизіей, чайниками съ кипяткомъ и бутылками съ молокомъ. Дворники въ однѣхъ рубахахъ и передникахъ мели улицы, поднимая облака пыли и спугивая воробьевъ и голубей, бродившихъ по мостовой. У подъѣздовъ швейцары безъ парадныхъ сюртуковъ, въ однихъ панталонахъ и жилетахъ чистили ручки входныхъ дверей, вытрясали ковры и половики. То тутъ, то тамъ шмыгали, переваливаясь подъ тяжестью нелегкой ноши, охтянки, разнося молоко и сливки, и тянулись возы огородниковъ, развозившихъ по зеленнымъ лавкамъ свой товаръ. Околоточные съ портфелями подъ мышкой обходили свои участки, останавливаясь на минуту около городовыхъ и давая имъ приказанія. Всѣ лица казались особенно свѣжими послѣ сна и въ то же время имѣли дѣловое озабоченное выраженіе...

На Бассейной у подъѣзда одного изъ большихъ каменныхъ домовъ десятки изъ этого проходящаго по улицѣ люда считали долгомъ остановиться—одни останавливались на нѣсколько минутъ, другіе такъ и застывали тутъ, забывъ о своихъ спѣшныхъ дѣлахъ. Интересовало всѣхъ зрѣлище—приготовленія къ довольно богатымъ похоронамъ. Въ дроги, украшенныя на четырехъ углахъ пучками бѣлыхъ перьевъ, впрягали лошадей, надѣвали на этихъ клячъ черныя попоны. Траурные лакеи натягивали бѣлыя вязаныя перчатки на грязныя руки и осматривали фонари. Какіе-то два мѣщанина спорили, какъ и до котораго мѣста посыпать дорогу ельникомъ, которымъ были набиты два рогожденные мѣшка,

лежавшіе на мостовой. Нѣчіе въ парадныхъ длинополыхъ кафтанахъ съ откинутыми за спину длинными рукавами, въ ожиданіи духовенства, толпились около подъѣзда; старшіе съ серьезнымъ видомъ курили папиросы, толкуя о своихъ дѣлахъ; младшіе шаловливо и весело боролись между собою, бѣгая по улицѣ наперегонку. Приказчикъ гробовщика въ черномъ длинополомъ сюртукѣ суетился больше всѣхъ, какъ муха около воска: онъ и оправлялъ перья на дрогахъ, и бросался къ лошадямъ, поправляя попоны, и прикрикивалъ то на людей, разбрасывавшихъ ельникъ, то на траурныхъ лакеевъ, поминутно отирая потъ съ лица грязнымъ клѣтчатымъ платкомъ.

— Да они изъ какихъ будутъ? Купцы?— неторопливо разспрашивалъ своего сосѣда пожилой и толстый купецъ, стоявшій въ толпѣ.

Какъ вамъ сказать, почтеннѣйшій,—послышался степенный отвѣтъ стоявшаго рядомъ съ ними долговязаго, худощаваго мѣщанина:—по роду изъ купцовъ самъ-то, только не по коммерческой части пошелъ, а въ чиновникахъ по министерству числится. Изъ богатой семьи, хотя покуда своего состоянія большого и нѣтъ. Ну, да послѣ матери все ему останется. А мать богачка, свой капиталъ имѣетъ, мужъ ей по смерть все предоставилъ, чтобы, значитъ, дѣти уважали. Сестра тоже свои деньги имѣла отъ дѣдушки, за графа вышла. А что до нея, такъ она-то, покойница-то, институтскаго воспитанія, изъ дворянокъ, значитъ какъ бы...

Тоже выдумаютъ люди,—задорно проворчала какая-то кухарка среднихъ лѣтъ, обращаясь къ своей сосѣдкѣ.—Лыкомъ шитые дворяне. Мой тятенька хорошо помнитъ, какъ ся-то покойницынъ родитель писарькомъ по генеральскимъ передникъ трепыхался.

До коллежскаго ассесора дослужился отецъ-то ейной,— продолжалъ тотъ же степенный голосъ мѣщанина, не обратившаго, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на слова бабенки,—ну, значитъ, и вышли какъ бы дворяне.

— Дворяне бы были—въ свахи не пошли бы,— опять впуталась въ разговоръ задорная бабенка.—Мать-то покойницы, какъ въ писаряхъ свахой была, такъ и въ чиновницахъ не лучше стала. Тоже старыя барскія платья перепродавать—первѣющее это дѣло для нея было всегда, хлѣбомъ ее не корми, а только это дѣло поручи...

— Мать-то свонная, Воронилова-то, мужа-то покойницы,— продолжалъ степенно разсказывать мѣщанинъ: — никакъ

своего согласія не хотѣла давать на бракосочетаніе, потому, значитъ, что по его положенію, могъ онъ съ деньгами невѣсту найти. Изъ себя только покойница-то очень красива была...

Къ подъѣзду, между тѣмъ, то и дѣло съ грохотомъ подъѣзжали дрожки, наемныя кареты и собственные экипажи. Пріѣзжала все больше молодежь, безусые, краснощекіе, щеголеватые юноши. Нѣкоторые бережно и съ торжественнымъ видомъ несли дорогіе пестрые вѣнки съ широкими шелковыми лентами. Наконецъ, пара вороныхъ лошадей, ровно стуча копытами, подкатила къ подъѣзду щегольское лондо на резинахъ. Лакей, соскочивъ съ козелъ, отворилъ дверцу, и изъ экипажа вышли двѣ дамы въ траурѣ. Одна среднихъ лѣтъ, довольно полная, другая еще молодая и стройная, нѣсколько худощавая и слишкомъ прямая.

— Мать, мать евонная!—не удержалась отъ восклицанія все знающая бабенка.—Пожаловала тоже! Въ травурѣ по первой модѣ! Охъ, солоно приходилось отъ нея покойницѣ! Ишь, какъ расфуфырилась, уваль улицу мететъ. На все мода, травуръ, а и то по модному сошьютъ! А молодая-то ейная дочь! Аршинъ проглотила. Палка палкой. За графа выскочила. Нѣмецъ голоштанный, а все же сіятельство...

— И удивительно, какъ этого ехидства самаго въ людяхъ много, — степенно философствовалъ мѣщанинъ: — свои грызутся—кость между собою дѣлятъ, такъ и того мало: чужіе, со стороны на нихъ глядя, лаютъ.

— Собаки это лаютъ, а не люди,—огрызнулась бабенка, метнувъ въ его сторону злобный взглядъ: — а кто лаетъ, тотъ самъ собака и есть.

Ссора, однако, не пошла дальше.

— Священники, священники ѣдутъ! — вдругъ раздался возгласъ въ толпѣ.

Всѣ заволновались. Шѣвчіе кучкой повалили въ подъѣздъ. Траурные лакеи начали выстраиваться по мѣстамъ. Дроги тронулись къ подъѣзду. Толпа сдвинулась тѣснѣе.

Въ квартирѣ покойницы въ это время становилось уже совсѣмъ тѣсно и душно. Всѣ нетерпѣливо ожидали, когда начнется выносъ, не зная, что дѣлать, о чемъ говорить. Молодой мужъ покойницы, хорошенькій, какъ вербный херувимъ, блондинъ, ея мать, полная женщина съ обрюзгшимъ вульгарнымъ лицомъ немолодого вышивающаго человѣка, ея старшая сестра, длинная, какъ жердь, съ измятымъ, но пикантнымъ лицомъ, съ синими кругами около глазъ, стояли

у бѣлаго глазетоваго гроба, покрытаго такимъ же бѣлымъ глазетовымъ покровомъ, и смотрѣли на покойницу. Сперва они горько плакали, когда начать набираться народъ, потомъ стали охорашивать усопшую, поправляя дорогой вышитый тюль, роскошные цвѣты живыхъ розъ, сирени и ландышей. По время тянулось, слезы высохли, поправлять было уже нечего, и они, не знающіе, что дѣлать, стали съ тревогой посматривать на двери, ожидая духовенства. Пріѣздъ матери молодого вдовца произвелъ въ ихъ группѣ нѣкоторое волненіе. Мать покойницы обратилась къ зятю и нѣсколько шипящимъ тономъ произнесла:

— Наталья Платоновна и Ольга Сергѣевна пожаловали!

Онъ не то обрадовался, не то испугался, не зная, что дѣлать, остаться ли у гроба или идти навстрѣчу къ матери. Онъ всегда чувствовалъ себя провинившимся мальчишкою передъ нею и старался напустить на себя храбрость. Послѣ минутнаго колебанія, онъ рѣшилъ, что надо идти навстрѣчу къ матери. Сестра покойницы проводила его холоднымъ, насмѣшливымъ взглядомъ.

— Я думалъ, ты не пріѣдешь!—пробормоталъ онъ, подходя къ матери.

— Ахъ, Сережъ, какъ плохо ты меня знаешь!—вздохнула мать и подставила къ его губамъ свою полную руку.—Я же вчера велѣла Ольгѣ сказать тебѣ, мой бѣдный мальчикъ, что я буду, несмотря на то, что я совсѣмъ, совсѣмъ больна. Первый все!

Онъ дружески протянулъ руку своей сестрѣ. Она крѣпко пожала его руку. На минуту въ его и въ ея глазахъ сверкнули слезы. Братъ и сестра были похожи чертами лицъ другъ на друга, хотя онъ смотрѣлъ мальчикомъ, а она казалась старше своихъ лѣтъ; оба они были теперь грустны, но его грусть походила на выраженіе огорченнаго ребенка, смотрящаго на сломанную игрушку, а ея грусть имѣла оттѣнокъ серьезной горечи подавляемаго въ душѣ горя. Наталья Платоновна неторопливо и плавно направилась къ гробу. Она подошла къ его изголовью и томнымъ взглядомъ стала всматриваться въ лицо покойницы, навинчивая себя на грустный ладъ.

— Исхудала бѣдняжка, но точно живая!—съ чувствомъ говорила она элегическимъ нѣвучимъ тономъ.—Вѣдное дитя!

Ольга Сергѣевна, не говоря ни слова, поднялась на ступеньки покрытаго бѣлымъ глазетомъ катафалка и припала

губами къ сложеннымъ на груди рукамъ покойницы. Слезы такъ и катились ручьями изъ ея глазъ.

На эту сцену съ другой стороны гроба смотрѣли двѣ женщины. Одна изъ нихъ, сестра покойницы, съ холодной ироніей, почти нагло разсматривала мать и сестру молодого вдовца. Эта печать наглости, почти цинизма, часто застывала на ея изношенномъ, хотя все еще пикантномъ лицѣ, вѣчно сохранявшемъ выраженіе вызова, протеста, ироніи. Другая женщина, мать покойницы, съ вульгарной физіономіей жирной кухарки или торговки, не могла задушить въ груди злобы и шипящимъ тономъ шепнула дочери:

— Ишь, комедію какую ломаютъ!

Дочь очнулась отъ думъ, и ея тонкія сухія губы исказились гримасой.

— Сіятельная-то не комедію ломаетъ, сама бы рада была лежать вмѣсто Маріанны,—проговорила она равнодушнымъ гономъ.

Ея слова были сказаны тихо и не могли долетѣть до слуха графини. Тѣмъ не менѣе, точно по инстинкту, та подняла голову и взглянула на эту худую, высокую женщину; что-то похожее на страхъ отразилось на ея лицѣ, когда ея взглядъ встрѣтился съ холоднымъ ироническимъ взглядомъ этихъ свинцовыхъ наглыхъ глазъ. Она въ смущеніи поспѣшила спуститься съ катафалка и уйти въ уголъ залы, какъ бы спрятаться отъ всѣхъ.

Въ залѣ послышалось движеніе, шарканіе ногъ, откашливаніе духовенства, громкое, какъ звукъ трубы, сморканіе дороднаго гиганта-дьякона въ конецъ большого пестраго платка. Началась служба, раздалось пѣніе. Гдѣ-то стали тихо всхлипывать, сморкаться. Молодой вдовецъ заплакалъ. Мать покойницы начала довольно громко рыдать. Готовилась обычная сцена стоновъ и воплей, повторяющаяся вездѣ передъ выносомъ покойника изъ квартиры. Вдругъ гдѣ-то въ углу тихимъ шепотомъ пронеслось:

— Воды! нѣтъ ли воды?

Всѣ невольно обернулись туда, гдѣ раздался этотъ шепотъ, и увидали, что кого-то почти выносятъ изъ залы. Это была Ольга Сергѣевна.

— Вѣрно отъ сладкой жизни!—пробормотала сестра покойницы, и ея лицо опять передернула ироническая гримаса.

Панихида кончилась. Стали прощаться съ покойницей. Молодой вдовецъ забился и началъ громко называть покой-

нницу ласкательными именами. Ея мать заголосила немного по-мѣщански, нараспѣвъ:

На кого ты меня оставила, горе-горькую! Мнѣ бы во гробу лежать, а не тебѣ, цвѣтикъ мой бѣлый!

Ахъ, не могу я, не могу выносить этихъ сценъ! — шептала Наталья Платоновна, взявъ подъ руку какую-то даму и выходя съ нею въ другую комнату.

— Позвольте! позвольте! — слышался голосъ человѣка, пробиравшагося среди толпы съ крышей гроба.

Посѣтители нѣсколько пугливо сторонились отъ него, смотря съ суевѣрнымъ страхомъ на крышу гроба.

Мужчины уже брались за ручки гроба, другіе спѣшили захватить вѣнки, всѣ смотрѣли серьезно и нѣсколько торжественно, точно исполняя важныя служебныя обязанности; начался выносъ подъ звуки пѣнія пѣвчихъ и истерическихъ рыданій...

Всѣ вздохнули широкимъ вздохомъ, очутившись на улицѣ. Пѣніе пѣвчихъ, плачъ, запахъ ладана, копоть горящихъ свѣчей, духота въ комнатѣ, все это стѣсняло грудь тамъ, въ квартирѣ; здѣсь, на улицѣ, все дышало весной, блестѣло на солнцѣ, говорило о жизни и этотъ бѣлый глазетовый гробъ, среди массы пестрыхъ благоухающихъ цвѣтовъ, казался дорогой серебряной игрушкой, сверкая при малѣйшемъ колебаніи подъ лучами солнца. Густая толпа молодыхъ мужчинъ двигалась за дрогами, говоря уже не шопотомъ, точно жужжа, обсуждая будничныя дѣла. Впереди этой толпы, держа подъ руку молодого вдовца, шла мать покойницы, уже безъ криковъ, безъ слезъ, но еще продолжая въ отчаяніи мотать головой. Сестра покойницы замѣшалась въ толпу молодежи и холодно, глядя какъ-то сверху внизъ, съ насмѣшкой на этихъ юнцовъ, говорила съ ними:

— Твердости нѣтъ, характеровъ нѣтъ, потому и гибнуть! Нужно жить зубъ за зубъ, око за око!

За этой толпой ѣхало ландо; далѣе тянулся рядъ каретъ, колясокъ и дрожекъ. Въ ландо сидѣли Наталья Платоновна, Ольга Сергѣевна и та дама, съ которой вышла изъ залы Наталья Платоновна. Ольга Сергѣевна была блѣдна и молчалива. Наталья Платоновна, напротивъ того, говорила не умолкая съ жеманствомъ молодящейся старухи, съ напускной сентиментальностью безсердечной притворщицы. Пожилая дама, скромная, искательная и вкрадчивая, слушала ее, почти не прерывая ея рѣчей, съ тѣмъ натянутымъ вниманіемъ, съ которымъ слушаютъ не особенно богатые и

значительные люди людей очень богатыхъ и значительныхъ. Разсказывала Наталья Платоновна все о покойницѣ.

— Ахъ, ma chère, не о такой партіи я мечтала для Сержа,—сообщала она грустнымъ пѣвучимъ тономъ.—Онъ могъ бы взять жену изъ хорошаго круга, съ положеніемъ въ обществѣ, со связями, и вдругъ женился на дочери какого-то мелкаго чиновника! Я не спорю, она была недурно образована, говорила по-французски, пѣла, играла на фортепіано. Она могла бы быть отличной гувернанткой. Я сама взяла бы ее къ себѣ, пожалуй, для компаніи. Но жениться на ней!

Она пожала плечами, подняла глаза къ небу, сдѣлала презрительную гримасу.

— Да женитьба великое дѣло!—подтвердила почтительная слушательница.

Ворошилова продолжала:

— Я ей говорила: «Другъ мой, не думайте, что Сержъ богатъ. Богата я, а его средства, пока я жива, очень ограничены для нашего круга. Подумайте, какую роль вы будете играть при недостаткѣ средствъ въ этомъ кругу, гдѣ деньги—все!» «Я, говоритъ, люблю его». «Ахъ, Богъ мой, да кто же изъ знающихъ его дѣвушекъ не любитъ его?—Молодъ, хорошъ собою, образованъ, добръ, наслѣдникъ всего моего состоянія. Его всѣ любятъ». «Но, говоритъ, и онъ меня любитъ». «Любитъ!—говорю я ей.—Это не любовь, а увлеченіе! Онъ мальчикъ и хочетъ только капризно поставить на своемъ. Это пройдетъ съ медовымъ мѣсяцемъ». Такъ и вышло.

Она вздохнула. Слушательница, не зная, что сказать, только проговорила:

— Ахъ, дѣти, дѣти!

— Что-жъ мнѣ было дѣлать, ma chère?—продолжала Ворошилова. — Не позволить сыну жениться? Но развѣ мы живемъ въ такое время, въ такихъ принципахъ? Теперь уже прошло время всякаго крѣпостничества и деспотизма. Теперь всѣ свободны! Наконецъ, я никогда не была деспоткой. Нѣтъ, это не въ моемъ характерѣ.

Слушательница замѣтила:

— Вы говорите, Наталья Платоновна, что онъ разлюбилъ ее?

— Не то, ma chère, что разлюбилъ, но почувствовалъ недовольство своимъ положеніемъ, сталъ покучивать, кажется, даже увлекся какой-то цыганкой... Еще бы! Ему

волей-неволей пришлось рѣже бывать въ нашемъ кругу, даже не ради недостатка средствъ, а ради родныхъ жены. Это ужасныя родныя. Мать — торговка, сестра—это... это что-то такое, чему нѣтъ названія, тигрица, вампиръ... Представьте себѣ, ma chère, ея мать поселилась у Сержа въ домѣ. Сержъ такъ мягокъ и добръ, даже скажу откровенно, такъ безхарактеренъ, что не могъ выгнать эту женщину. Ахъ, что это за женщина! Мнѣ стыдно вспомнить, что она была belle-mère моего сына. Необразована, вульгарна, циинична и...

Она съ омерзеніемъ остановилась на минуту и потомъ таинственно замѣтила:

— Она пьетъ, ma chère!

И съ особеннымъ оживленіемъ, почти со злобой заговорила:

— Но она еще ничто въ сравненіи съ сестрой покойной Маріанны. Я вамъ говорю, ma chère, что это что-то такое, чему нѣтъ и названія. Это не кокотка, не просто падшая женщина, нѣтъ, это какой-то демонъ цинизма, безнравственности, холоднаго разгула.

Ея лицо даже разгорѣлось при воспоминаніи объ этой личности, точно она говорила о личномъ врагѣ.

— Я почти не видалась съ Сержемъ въ эти два года именно ради этихъ личностей. Я мать, ma chère, я не могла этого видѣть; у меня сердце обливалось кровью. Это ужасно!

Она взглянула въ окно и задумалась. Казалось, въ ея головѣ проходили теперь картины того, что развело ее съ сыномъ, что заставило ее почти не видать его два года. Она рѣшила, что ей непремѣнно нужно ѣхать за границу, чтобы поддержать расшатанное огорченіями здоровье.

II.

Два года тому назадъ въ такой же весенній день, только не въ смѣющееся румяное утро, а въ страстную бѣлую ночь по той же лѣстницѣ, по которой теперь снесли гробъ, весело поднималась молодая пара — цвѣтущая женщина-ребенокъ вся въ бѣломъ, въ гирляндахъ изъ флеръ д'оранжа и въ волнахъ бѣлаго газа, и румяный курчавый молодой человѣкъ, почти мальчикъ, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, старавшійся казаться серьезнымъ. За этой прелестной парой съ шумомъ и смѣхомъ слѣдовала кучка безусой молодежи, только-что соскочившихъ со школьныхъ скамеекъ юнцовъ, провожавшая «молодыхъ» въ ихъ квартиру, отдѣланную,

какъ дорогая бонбоньерка. Здѣсь молодежь выпила еще по бокалу шампанскаго и распрощалась съ «молодыми», шумя, смѣясь, искренно радуясь и благодушно завидуя счастью товарища. «Молодые» остались одни въ своемъ нарядномъ гнѣздышкѣ. Еще двери не заперлись за послѣднимъ изъ пріятелей новобрачныхъ, какъ онъ, молодой мужъ, счастливый и сіяющій, бросился съ широко открытыми объятіями къ своей женѣ.

— Моя? моя? Да?—страстно шепталъ онъ, покрывая ее поцѣлуями.

— Твоя! твоя навѣки! — отвѣчала она, довѣрчиво отдаваясь его ласкамъ.

Ему казалось мало этихъ ласкъ, онъ опустился передъ нею на колѣни и прильнулъ губами къ ея платью. Какое-то безуміе страсти охватывало, туманило его голову, кружившуюся отъ любви, счастія, шампанскаго. Она, раскраснѣвшаяся, стыдливая, смущенная отъ избытка блаженства, только шептала:

— Милый, милый, какъ я тебя люблю!

— А я, а я,—восклицалъ онъ:—да я, кажется, съ ума сойду отъ любви!

По виду они походили на дѣтей, бѣлокуренькихъ, краснощекихъ, прелестныхъ. Они и были дѣтьми: она только что вышла изъ института, не дождавшись окончанія курса; онъ еще недавно отпраздновалъ свое совершеннолѣтіе. Дѣтскія замашки еще не прошли ни у нея, ни у него. Имъ обоимъ хотѣлось дурачиться, бѣгать въ горѣлки, играть въ прятки. Это сказалось на другой день свадьбы: молодые мужъ и жена бѣгали по комнатамъ, ловили другъ друга, танцовали, аукались, призвали молоденькую горничную и затянули ее въ игру въ прятки. Въ минуты отдыха отъ этой возни и школьничествъ они вспоминали о старшихъ.

— Maman теперь вздыхаетъ, закатываетъ глаза и нюхаетъ спиртъ, терзаясь мыслью, что не могла помѣшать нашей свадьбѣ,—болталъ весело онъ и изображалъ томное выраженіе на румяномъ лицѣ, передразнивая свою мать.

— А все же мнѣ грустно, что мы огорчили ее, — замѣчала она.

— Огорчили! — со смѣхомъ произнесъ онъ. — Ты ея не знаешь. Никакихъ огорченій, если акціи не падаютъ, у нея нѣтъ; всѣ ея вздохи и охи напускныя сентиментальности. Ужъ если бы ей можно было огорчаться чѣмъ-нибудь, такъ это судьбой сестры Ольги. Ея нѣмецкій графчикъ оказался

волей-неволей пришлось рѣже бывать въ нашемъ кругу, даже не ради недостатка средствъ, а ради родныхъ жены. Это ужасныя родныя. Мать — торговка, сестра—это... это что-то такое, чему нѣтъ названія, тигрица, вампиръ... Представьте себѣ, ma chère, ея мать поселилась у Сержа въ домѣ. Сержъ такъ мягокъ и добръ, даже скажу откровенно, такъ безхарактеренъ, что не могъ выгнать эту женщину. Ахъ, что это за женщина! Мнѣ стыдно вспомнить, что она была belle-mère моего сына. Необразована, вульгарна, циинична и...

Она съ омерзеніемъ остановилась на минуту и потомъ таинственно замѣтила:

— Она пьетъ, ma chère!

И съ особеннымъ оживленіемъ, почти со злобой заговорила:

— Но она еще ничто въ сравненіи съ сестрой покойной Маріанны. Я вамъ говорю, ma chère, что это что-то такое, чему нѣтъ и названія. Это не кокотка, не просто падшая женщина, нѣтъ, это какой-то демонъ цинизма, безнравственности, холоднаго разгула.

Ея лицо даже разгорѣлось при воспоминаніи объ этой личности, точно она говорила о личномъ врагѣ.

— Я почти не видалась съ Сержемъ въ эти два года именно ради этихъ личностей. Я мать, ma chère, я не могла этого видѣть: у меня сердце обливалось кровью. Это ужасно!

Она взглянула въ окно и задумалась. Казалось, въ ея головѣ проходили теперь картины того, что развело ее съ сыномъ, что заставило ее почти не видать его два года. Она рѣшила, что ей непремѣнно нужно ѣхать за границу, чтобы поддержать расшатанное огорченіями здоровье.

II.

Два года тому назадъ въ такой же весенній день, только не въ смѣющееся румяное утро, а въ страстную бѣлую ночь по той же лѣстницѣ, по которой теперь снесли гробъ, весело поднималась молодая пара — цвѣтущая женщина-ребенокъ вся въ бѣломъ, въ гирляндахъ изъ флеръ д'оранжа и въ волнахъ бѣлаго газа, и румяный курчавый молодой человѣкъ, почти мальчикъ, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, старавшійся казаться серьезнымъ. За этой прелестной парой съ шумомъ и смѣхомъ слѣдовала кучка безусой молодежи, только-что соскочившихъ со школьныхъ скамеекъ юнцовъ, провожавшая «молодыхъ» въ ихъ квартиру, отдѣланную,

какъ дорогая бонбоньерка. Здѣсь молодежь выпила еще по бокалу шампанскаго и распрощалась съ «молодыми», шумя, смѣясь, искренно радуясь и благодушно завидуя счастью товарища. «Молодые» остались одни въ своемъ нарядномъ гнѣздышкѣ. Еще двери не заперлись за послѣднимъ изъ пріятелей новобрачныхъ, какъ онъ, молодой мужъ, счастливый и сіяющій, бросился съ широко открытыми объятіями къ своей женѣ.

— Моя? моя? Да?—страстно шепталъ онъ, покрывая ее поцѣлуями.

— Твоя! твоя навѣки! — отвѣчала она, довѣрчиво отдаваясь его ласкамъ.

Ему казалось мало этихъ ласкъ, онъ опустился передъ нею на колѣни и прильнулъ губами къ ея платью. Какое-то безуміе страсти охватывало, туманило его голову, кружившуюся отъ любви, счастія, шампанскаго. Она, раскраснѣвшаяся, стыдливая, смущенная отъ избытка блаженства, только шептала:

— Милый, милый, какъ я тебя люблю!

— А я, а я,—восклицалъ онъ:—да я, кажется, съ ума сойду отъ любви!

По виду они походили на дѣтей, бѣлокуренькихъ, краснощекихъ, прелестныхъ. Они и были дѣтьми: она только что вышла изъ института, не дождавшись окончанія курса; онъ еще недавно отпраздновалъ свое совершеннолѣтіе. Дѣтскія замашки еще не прошли ни у нея, ни у него. Имъ обоимъ хотѣлось дурачиться, бѣгать въ горѣлки, играть въ прятки. Это сказалось на другой день свадьбы: молодые мужъ и жена бѣгали по комнатамъ, ловили другъ друга, танцовали, аукались, призвали молоденькую горничную и затянули ее въ игру въ прятки. Въ минуты отдыха отъ этой возни и школьничествъ они вспоминали о старшихъ.

— Maman теперь вздыхаетъ, закатываетъ глаза и нюхаетъ спиртъ, терзаясь мыслью, что не могла помѣшать нашей свадьбѣ,—болталъ весело онъ и изображалъ томное выраженіе на румяномъ лицѣ, передразнивая свою мать.

— А все же мнѣ грустно, что мы огорчили ее, — замѣчала она.

— Огорчили! — со смѣхомъ произнесъ онъ. — Ты ея не знаешь. Никакихъ огорченій, если акціи не падаютъ, у нея нѣтъ; всѣ ея вздохи и охи напускныя сентиментальности. Ужъ если бы ей можно было огорчаться чѣмъ-нибудь, такъ это судьбой сестры Ольги. Ея нѣмецкій графчикъ оказался

совершеннымъ прохвостомъ. А maman и тутъ находитъ только одно — говоритъ, что участь женщины покоряться! Сама, небось, не покорялась, а держала pара въ ежовыхъ рукавицахъ. Да и легко сказать: покориться! Ты обратила вниманіе во время нашей свадьбы на Ольгу? Она точно восковая, и въ глазахъ стоятъ слезы. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ разрыдается.

— Я никого тогда не видала, кромѣ тебя! -сказала она.

Да? Никого? никого? воскликнулъ онъ и, точно обрадованный какой-то необычайной новостью, бросился опять цѣловать ее.

Потомъ, вспомнивъ событія знаменательнаго для него дня, онъ засмѣялся.

И какъ мы удрали ото всѣхъ! Отъ моей maman, отъ твоей матери, отъ Серафимы и Жоржика...

Маму Сима не пустила ѣхать къ намъ,—замѣтила она.

— Да, да,—согласился онъ.—Твоя сестра понимаетъ суть всего. Ты знаешь, Жоржикъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Сима думаетъ, что лучше не пускать къ вамъ сегодня Дарью Никоповну». Я говорю: «Конечно, конечно! Расцѣлуй свою жену за эту идею».

Я удивляюсь Симѣ, — сказала она: — сколько у нея самостоятельности, рѣшимости, характера. Иногда мнѣ даже жутко въ ея присутствіи.

Командиръ-женщина! Она своего Жоржика въ рукахъ держитъ, - проговорилъ онъ.—Ты, Маріанна, будешь тоже меня въ рукахъ держать?

Развѣ я умѣю, Сережа?—прошептала она.

Дитя, малютка, и не надо умѣть, и не надо! Я и такъ твой рабъ, твой пескикъ!—восторженно воскликнулъ онъ, и опять начались поцѣлуи.

Потомъ они снова заговорили серьезно. Онъ сталъ ей разсказывать о Жоржикѣ или, иначе, Егоръ Егоровичѣ Ивановѣ, мужѣ ея сестры.

— Я удивляюсь, какъ она сумѣла его забрать въ руки: «Егоръ, иди туда! Егоръ сдѣлай это! Егоръ принеси то-то». Она командуетъ—онъ повинуется. А вѣдь онъ въ сущности самъ всѣхъ насъ, товарищей, пріятелей и друзей, въ рукахъ держалъ.

Жоржикъ? -удивилась она.—Да онъ овечка!

О, ты его не знаешь! Это лисица съ волчьими зубами въ овечьей шкуркѣ.

Онъ сталъ разсказывать женѣ о Жоржикѣ. Онъ, Сергѣй

Сергѣевичъ Ворошиловъ, познакомился съ Жоржикомъ лѣтъ пять тому назадъ, мальчишкой; сразу сталъ его пріятелемъ и началъ его называть Жоржикомъ. Всѣ его такъ звали—и тѣ, съ которыми онъ былъ на «ты», и тѣ, которые не допускали его до этой фамильярности. Ему всѣ давали порученія: «Жоржикъ, достань билетъ въ театръ». «Жоржикъ, закажи букетъ къ бенефису такой-то!» «Жоржикъ, познакомь какъ-нибудь съ такой-то». У него всегда и видъ усердной охотничьей собаки съ поджарыми боками и осунувшейся мордой.

— Ты его очень не любишь?—спросила Маріанна у Сергѣя съ нѣкоторой грустью, сознавая, что все же Жоржикъ мужъ ея сестры.

— Я? съ чего ты взяла? Мы всѣ его не только любимъ, но даже всегда плясали по его дудкѣ, надо откровенно сознаться. Онъ не глупъ.

Сергѣй Сергѣевичъ началъ разсказывать женѣ о Жоржикѣ. Они, богатая или титулованная молодежь, дѣлали очень часто все то, чего хотѣлъ Жоржикъ. Ему захочется видѣть новый балетъ—онъ подобьетъ кого-нибудь изъ нихъ взять ложу. Ему хочется кутнуть, онъ ихъ втянетъ въ попойку. Именины свои онъ придумалъ справлять и всегда дѣлалъ такъ, что ему каждый дарилъ то, что ему надо. Разъ его уличили: онъ въ одинъ годъ справилъ два раза свои именины—и на весенняго Егорья, и на осенняго. Это всѣхъ разсмѣшило, и ему надарили всего, чего могли, въ награду за эту ловкую продѣлку. Безъ него со скуки они померли бы. Всѣ его друзья были или богачи, или титулованные, или со связями; черезъ нихъ онъ и мѣсто досталъ тотчасъ по выходѣ изъ университета.

— Я никакъ не думала, что онъ такой дурной человѣкъ, — не безъ грусти замѣтила Маріанна, и ей стало стыдно, что этотъ дурной человѣкъ мужъ ея сестры.

— Дурной? Почему же? Просто бѣднякъ, а аппетитъ такой же, какъ у богатыхъ,—спокойно и почти съ удивленіемъ сказалъ онъ.—Мало ли на свѣтѣ такихъ Ивановыхъ! Около каждаго богача они вертятся. Мы даже дорожили имъ за его услуги. Да вотъ, не будь его, я и съ тобой не познакомился бы!

— Ну, при чемъ тутъ онъ?—горячо запротестовала она.— Это просто судьба, что мы встрѣтились. Нѣтъ, нѣтъ, этому суждено было сдѣлаться. Онъ тутъ не при чемъ!

Ее точно суевѣрный страхъ охватилъ при мысли, что она обязана Жоржику своимъ счастіемъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—согласился онъ со смѣхомъ.— Жоржикъ тутъ не при чемъ, а судьба.

— Да, да, судьба, Богъ, но не Жоржикъ,—серьезно сказала она.

— Такъ и запишемъ!

Въ эти свѣтлые дни, когда «молодымъ» казалось, что они живутъ на необитаемомъ островѣ одни, вдвоемъ, безъ старшихъ, были и темненькія облачка — необходимость дѣлать визиты къ матери и сестрѣ Сергѣя Сергѣевича, къ Жоржику и знакомымъ. Отправляясь къ Натальѣ Платоновнѣ Воронцовой въ каретѣ, молодые волновались, ожидая головомойки.

— Если мать вздумаетъ гримасничать, я разругаюсь,— говорилъ сильно трусившій Сергѣй Сергѣевичъ, напуская на себя храбрость.

— Нѣтъ, ради Бога, сдержись! —уговаривала Маріанна.

Но они застали Наталью Платоновну въ элегическомъ настроеніи. Она томнымъ голосомъ привѣтствовала ихъ:

— Дѣти, я не могу смотрѣть на васъ серьезно, такъ и хочется дать вамъ по куклѣ.

Маріанна почтительно, точно извиняясь, поцѣловала ея руку. Воронцова вздохнула, милостиво потрепавъ ее по щекѣ.

— Дай только Богъ, чтобы вы были счастливы!

— О, я вполнѣ, вполнѣ счастлива! — воскликнула Маріанна.

— Дитя, ты еще не знаешь жизни!—мечтательно сказала Воронцова. — Конечно, любовь высшее благо. Но, Боже мой, какъ легко ломается эта игрушка.

Она томно вздохнула. Молодые торопились уѣхать. Прощаясь, мать подарила Маріаннѣ дорогой браслетъ.

— Фу! обошлось безъ сценъ! — широко, съ нѣкоторымъ школьничествомъ, вздохнулъ Сергѣй Сергѣевичъ, выбравшись отъ матери и чувствуя, что у него отлегло отъ сердца. —Сегодня мы въ элегическомъ настроеніи, вѣроятно, провели вчера чудный вечеръ въ обществѣ monsieur Адольфа.

— Какого Адольфа? спросила Маріанна.

— А! у насъ есть такой мальчикъ на пружинахъ, — со смѣхомъ отвѣтилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—Секретарь. Стоитъ сказать: «разъ, два, три, появись передо мной» — сейчасъ Адольфъ и явится.

Она не поняла ничего.

— Хорошо еще, что скроменъ въ требованіяхъ и немного

высасываетъ денегъ,—замѣтилъ мужъ.—Впрочемъ, maman скупа: сталъ бы больше требовать—сейчасъ бы въ чистую отставку.

И, не распространяясь далѣе, онъ заговорилъ не безъ полудѣтской тревоги, маскируемой задорнымъ тономъ, о мужѣ своей сестры.

— Если графъ Леонидъ Валеріановичъ вздумаетъ гримасничать—я его оборву такъ, что онъ свѣту не взвидитъ. Вотъ ужъ кого ненавижу я, такъ это этого купленнаго мужа.

— Онъ, кажется, очень надменный?—спросила Маріанна.

— Надменный!—съ презрѣніемъ повторилъ онъ.—Чѣмъ только гордиться-то? Ради титула выдала maman за него Ольгу дѣвчонкой. Долги даже заплатила за него. Кажется, тутъ гордиться нечѣмъ. И какая Ольга графиня? Ольгѣ женой какого-нибудь скромнаго учителя нужно бы быть. Тиха, добра, домосѣдка, а главное все въ серьезъ принимаетъ, ничѣмъ не шутитъ,—гдѣ ей быть графиней! Я вотъ подшучивалъ надъ maman, а она плачетъ, терзается, видя разныхъ Адольфовъ: «Развѣ можно жить? Развѣ это честно? Гдѣ же Богъ и совѣсть?»—легкомысленно передразнилъ онъ тонъ сестры.—Ищи вѣтра въ полѣ!

— Она милая, зачѣмъ ты смѣешься надъ нею! — ласковымъ тономъ упрекнула его Маріанна.

— Да отчего же не смѣяться? Я ее люблю, и она меня любитъ, а все же нельзя серьезничать съ жизнью. Съ ума сойдешь, если все въ серьезъ будешь принимать. Совѣсть, правда, справедливость — станешь ихъ искать въ жизни, крючокъ поскорѣй вбивай въ стѣну, чтобы повѣситься.

— Сережа! — испуганно остановила она его. — Не шути такъ! Этими вещами нельзя шутить!

— Дитя, испугалась?

Онъ сталъ ее цѣловалъ, измялъ ей накидку, бантъ у шляпы.

— Сумасшедшій, прохожіе видятъ!—засмѣялась она.

— А пусть ихъ! Мы мужъ и жена!

Они поднялись по лѣстницѣ къ квартирѣ графа Леонида Валеріановича Нолькте. Графа не было дома. Ольга Сергѣевна, заслышавъ ихъ молодые голоса, выбѣжала къ нимъ навстрѣчу. Она забыла, что въ передней находится лакей, и выбѣжала, не успѣвъ осушить слезъ и освѣжить лицо.

— Оля,—заботливо и тревожно шепнула Маріанна:—ты плакала?

Такъ, вздрогнулось, -уклончиво отвѣтила Ольга Сергѣевна.

Они всѣ трое перецѣловались, пошли вмѣстѣ въ будуаръ Ольги Сергѣевны.

А его сіятельства нѣтъ? - спросилъ Сергѣй, радуясь въ душѣ, что графа нѣтъ дома.

По обыкновенію, сухо отвѣтила Ольга.—Онъ то въ полку, то въ манежѣ, то гдѣ-то у пріятелей.

И ты все одна, бѣдняжка? со вздохомъ сказала Маріанна.

- Я не тяготлюсь одиночествомъ, — отвѣтила Ольга. — Книги, музыка - это вѣрные друзья. Кромѣ того, у меня есть серьезное дѣло...

- - Ахъ, нѣтъ, я бы умерла отъ тоски, если бы по цѣлымъ днямъ не видала Сережи,- замѣтила Маріанна.

- Еще бы! вы любите другъ друга,—спокойно проговорила Ольга.

Это было сказано невозмутимо холоднымъ тономъ, но Маріанну испугала эта фраза.

- - А ты?.. а онъ?.. пробормотала она.

- Мы не любимъ другъ друга,—коротко и рѣзко отвѣтила Ольга.

Ея лицо приняло сосредоточенное серьезное выраженіе. Ея большіе голубые глаза устремились въ пространство. Между темными бровями залегла складочка.

Но какъ же такъ жить?- робко спросила Маріанна.

Ольга вздрогнула, очнулась отъ думъ и коротко, рѣшительно отвѣтила:

- - Да, такъ нельзя жить!

Въ головѣ Маріанны мелькнула страшная мысль, что Ольга рѣшится на самоубійство. Вѣдь если нельзя такъ жить, нужно умереть. Она прошептала:

- Не говори такъ!

— Ты все принимаешь слишкомъ близко къ сердцу,— замѣтилъ сестрѣ Сергѣй Сергѣевичъ. — Это не любовь, а просто...

Ольга не дала ему окончить и проговорила:

- - Сережа, не станемъ говорить пустыя фразы. Мы не любимъ съ мужемъ другъ друга; никогда не любили другъ друга. Жить безъ любви нельзя вмѣстѣ, и это надо будетъ кончить. Какъ? Я еще не выяснила этого себѣ. Значитъ, объ этомъ нечего говорить покуда.

Сергѣй Сергѣевичъ вѣтрено и легкомысленно замѣтилъ:

— Не умѣла ты его забрать въ руки!

— Я никогда не была способна унижаться!— горячо отвѣтила она.

— Да развѣ это униженіе держать мужа подъ башмакомъ?— сказалъ онъ, смѣясь.

— Не любить, не быть любимой и заставлять его быть мужемъ? Да развѣ есть большее-то униженіе для женщины.

Она даже вздрогнула отъ чувства отвращенія, гадливости.

— Но до чего нужно пасть мужчинѣ, чтобы ухаживать за дѣвушкой, лгать ей о любви, разыгрывать въ первые дни послѣ свадьбы роль влюбленнаго, не чувствуя никакой любви и только желая пріобрѣсти деньги!—раздумчиво произнесла она.—Ниже этого нельзя пасть.

Братъ спросилъ ее, говорила ли она матери о своемъ положеніи, о своихъ планахъ.

— Я этого не скрываю ни отъ кого,—отвѣтила она спокойно.—Но никто не понимаетъ меня, и всѣ воображаютъ, что я все еще прежняя дѣвочка, и думаютъ, что я «капризничаю».

Она усмѣхнулась.

— Впрочемъ, одинъ человѣкъ понимаетъ меня; это онъ, мужъ, и...

Она засмѣялась короткимъ, сухимъ смѣхомъ:

— Пробуетъ опять разыграть комедію влюбленнаго... Боится лишиться комфорта... Ахъ, какъ онъ мнѣ гадокъ, какъ гадокъ!..

Она поспѣшно перемѣнила тему разговора, стала разспрашивать молодыхъ, когда они ѣдутъ на дачу, сказала, что она ѣдетъ съ матерью за границу...

Маріанна и Сергѣй Сергѣевичъ уѣхали отъ Ольги въ грустномъ настроеніи. Онъ удивлялся, какъ выросла и созрѣла его сестра; смотритъ не дѣвочкой по характеру. Но на что она рѣшилась? На разводъ? Какъ же это устроить? Это невозможно. Разъѣдется съ мужемъ такъ, безъ развода? Мужъ ея не отпуститъ. Неопытна она въ практическомъ, дѣловомъ смыслѣ и не знаетъ нашихъ законовъ.

— А я на ея мѣстѣ плюнулъ бы на графа, — легкомысленно замѣтилъ Ворошиловъ. — Пусть не любитъ и въ то же время пресмыкается изъ-за денегъ.

— Нѣтъ, что же за супружество безъ любви!—воскликнула Маріанна.—Она права: это униженіе!

— Сотни и тысячи такъ живутъ!—проговорилъ онъ.

— Но я не разошлась бы на ея мѣстѣ, а умерла бы,— сказала она въ раздумьи:—умерла бы съ горя!

Такъ, вздрогнулось, уклончиво отвѣтила Ольга Сергѣевна.

Они всѣ трое перецѣловались, пошли вмѣстѣ въ будуаръ Ольги Сергѣевны.

А его сіятельства нѣтъ? спросилъ Сергѣй, радуясь въ душѣ, что графа нѣтъ дома.

По обыкновенію, сухо отвѣтила Ольга.—Онъ то въ клубу, то въ манежѣ, то гдѣ-то у пріятелей.

И ты все одна, бѣдняжка? со вздохомъ сказала Маріанна.

— Я не тяготлюсь одиночествомъ, — отвѣтила Ольга. — Книги, музыка — это вѣрные друзья. Кромѣ того, у меня есть серьезное дѣло...

— Ахъ, нѣтъ, я бы умерла отъ тоски, если бы по цѣлымъ днямъ не видала Сережи, — замѣтила Маріанна.

Еще бы! вы любите другъ друга, — спокойно проговорила Ольга.

Это было сказано невозмутимо холоднымъ тономъ, но Маріанну испугала эта фраза.

— А ты?.. а онъ?.. пробормотала она.

Мы не любимъ другъ друга, —коротко и рѣзко отвѣтила Ольга.

Ея лицо приняло сосредоточенное серьезное выраженіе. Ея большіе голубые глаза устремились въ пространство. Между темными бровями залегла складочка.

Но какъ же такъ жить? робко спросила Маріанна.

Ольга вздрогнула, очнулась отъ думъ и коротко, рѣшительно отвѣтила:

Да, такъ нельзя жить!

Въ головѣ Маріанны мелькнула страшная мысль, что Ольга рѣшится на самоубійство. Вѣдь если нельзя такъ жить, нужно умереть. Она прошептала:

Не говори такъ!

— Ты все принимаешь слишкомъ близко къ сердцу,— замѣтилъ сестрѣ Сергѣй Сергѣевичъ. — Это не любовь, а просто...

Ольга не дала ему окончить и проговорила:

— Сережа, не станемъ говорить пустыя фразы. Мы не любимъ съ мужемъ другъ друга; никогда не любили другъ друга. Жить безъ любви нельзя вмѣстѣ, и это надо будетъ кончить. Какъ? Я еще не выяснила этого себѣ. Значитъ, объ этомъ нечего говорить покуда.

Сергѣй Сергѣевичъ вѣтрено и легкомысленно замѣтилъ:

— Не умѣла ты его забрать въ руки!

— Я никогда не была способна унижаться!— горячо отвѣтила она.

— Да развѣ это униженіе держать мужа подъ башмакомъ? — сказалъ онъ, смѣясь.

— Не любить, не быть любимой и заставлять его быть мужемъ? Да развѣ есть большее-то униженіе для женщины.

Она даже вздрогнула отъ чувства отвращенія, гадливости.

— Но до чего нужно пасть мужчинѣ, чтобы ухаживать за дѣвушкой, лгать ей о любви, разыгрывать въ первые дни послѣ свадьбы роль влюбленнаго, не чувствуя никакой любви и только желая пріобрѣсти деньги!—раздумчиво произнесла она.—Ниже этого нельзя пасть.

Братъ спросилъ ее, говорила ли она матери о своемъ положеніи, о своихъ планахъ.

— Я этого не скрываю ни отъ кого,—отвѣтила она спокойно.—Но никто не понимаетъ меня, и всѣ воображаютъ, что я все еще прежняя дѣвочка, и думаютъ, что я «капризничаю».

Она усмѣхнулась.

— Впрочемъ, одинъ человѣкъ понимаетъ меня; это онъ, мужъ, и...

Она засмѣялась короткимъ, сухимъ смѣхомъ:

— Пробуетъ опять разыграть комедію влюбленнаго... Боится лишиться комфорта... Ахъ, какъ онъ мнѣ гадокъ, какъ гадокъ!..

Она поспѣшно перемѣнила тему разговора, стала разспрашивать молодыхъ, когда они ѣдутъ на дачу, сказала, что она ѣдетъ съ матерью за границу...

Маріанна и Сергѣй Сергѣевичъ уѣхали отъ Ольги въ грустномъ настроеніи. Онъ удивлялся, какъ выросла и созрѣла его сестра; смотритъ не дѣвочкой по характеру. Но на что она рѣшилась? На разводъ? Какъ же это устроить? Это невозможно. Разъѣдется съ мужемъ такъ, безъ развода? Мужъ ея не отпуститъ. Неопытна она въ практическомъ, дѣловомъ смыслѣ и не знаетъ нашихъ законовъ.

— А я на ея мѣстѣ плюнулъ бы на графа, — легкомысленно замѣтилъ Ворошиловъ. — Пусть не любитъ и въ то же время пресмыкается изъ-за денегъ.

— Нѣтъ, что же за супружество безъ любви!—воскликнула Маріанна.—Она права: это униженіе!

— Сотни и тысячи такъ живутъ!—проговорилъ онъ.

— Но я не разошлась бы на ея мѣстѣ, а умерла бы,— сказала она въ раздумьи:—умерла бы съ горя!

— А вотъ я возьму и разлюблю тебя, тогда...

— Не шути такъ, Сережа!—со слезами въ голосѣ остановила она его.

— Маріанночка, дитя, да что съ тобой! — воскликнулъ онъ, почувствовавъ, что она огорчена. — Развѣ я-то могу разлюбить тебя! Вѣдь этотъ честный нѣмецъ никогда не любилъ, а я...

Онъ опять сталъ цѣловать ее. Она не протестовала, не говорила о прохожихъ и только прижималась къ нему, все еще ощущая страхъ отъ мысли о томъ, что онъ «возьметъ и разлюбитъ ее».

Они сдѣлали еще нѣсколько визитовъ и поѣхали къ обѣду къ Ивановымъ. Жоржикъ и Серафима Григорьевна ждали ихъ. Странная была эта пара. Онъ былъ малъ ростомъ, она была очень высока. И онъ, и она были очень худощавы, но его худоба напоминала объ отощавшемъ голодномъ человѣкѣ, а смотря на ея лицо, можно было подумать, что она не спала ночь и осунулась послѣ бурно проведеннаго пира. Оба эти лица были сѣры, безкровны. Его глаза, сѣрые, хитрые, постоянно бѣгали; ея большіе темные глаза глядѣли пристально, въ упоръ, почти нагло. Они жили въ небольшой квартирѣ, убранной очень пестро, точно это былъ складъ разныхъ вещей. Купленнаго тутъ не было ничего: все было подарено, начиная съ нѣсколькихъ картинъ извѣстныхъ художниковъ и кончая книгами съ надписями «отъ автора». Эти книги были удивительны по разнохарактерности: рядомъ съ романами и стихами лежали брошюрки «объ орошеніи киргизскихъ степей», «о прицѣлахъ новыхъ ружей», «объ аурбаховскихъ узлахъ», «о чадородіи въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ», «о новомъ типѣ броненосныхъ судовъ». На одномъ изъ столовъ, на японской тарелкѣ, лежали визитныя карточки; наверху этой кучки карточекъ лежали карточки съ княжескими и графскими коронами. При появленіи молодыхъ, Жоржикъ очень обрадовался—у него была замѣчательная способность радоваться при каждой встрѣчѣ съ людьми—и засуетился, а Серафима спокойно пожала своимъ родственникамъ руки и замѣтила съ усмѣшкой:

— А я думала, что и сегодня все еще цѣлуетесь и не пріѣдете.

Потомъ она обернулась къ мужу и рѣзкимъ тономъ сказала:

— Егоръ, вели подавать обѣдать!

Онъ поспѣшилъ исполнить ея приказаніе.

Всѣ вошли въ столовую. Здѣсь были трое изъ пріятелей Жоржика и Ворошилова. Они встрѣтили молодыхъ шумно.

— А, отшельники! Три дня не показывались! Ну, теперь, Маріанна Григорьевна, мы похитимъ его у васъ... Вы его у насъ отняли, мы его у васъ отобьемъ!

Она засмѣялась.

— А я не отдамъ!

— Силой возьмемъ!

Серафима Григорьевна обратилась къ мужу:

— Егоръ, проси же къ закускѣ!

Только она, Серафима Григорьевна, называла Жоржика Егоромъ, и это било по уху; казалось, что она обращается не къ мужу, а къ слугѣ.

— Что же, приступимъ!—сказалъ одинъ изъ гостей.

Начали закусывать и пить, потомъ сѣли за столъ. Всѣ были говорливы, веселы. Обѣдъ прошелъ среди анекдотовъ, двусмысленностей, шутокъ. Маріанна краснѣла и немного досадовала, чувствуя, что эти люди подсмѣиваются надъ тѣмъ блаженствомъ, которымъ наслаждается она и ея Сережа. Послѣ обѣда мужчины перешли въ кабинетъ хозяина, сестры помѣстились въ гостиной.

— А гдѣ мама?—спросила Маріанна.

— Я ее сегодня отправила въ гости, чтобы не мозолила глазъ гостямъ,—равнодушно отвѣтила Серафима.—Она собирается къ тебѣ гостить. Я, впрочемъ, не пущу ее до осени. Вѣдь вы медовые мѣсяцы будете переживать лѣтомъ, и третье лицо будетъ лишнимъ. А осенью она тебѣ пригодится. Ты, Маріанна, я думаю, какъ дитя, не умѣешь хозяйничать.

— У насъ отличная кухарка,—отвѣтила Маріанна.

— Отлично воровать умѣетъ? — равнодушно сказала Серафима и спросила:—Ну, что же, счастлива ты?

— О, еще бы!

— Я такъ и знала, что ты будешь счастлива, когда устраивала этотъ бракъ, — проговорила Серафима, откидываясь всѣмъ тѣломъ къ спинкѣ дивана и вытянувъ далеко впередъ ноги. — Съ перваго раза, какъ я увидала твоего Сережу, я рѣшила, что онъ будетъ твоимъ мужемъ.

Маріанна съ удивленіемъ и тревогой посмотрѣла на нее.

— Ты, кажется, удивлена? — спросила Серафима. — Это такъ просто. Сережа совсѣмъ мальчикъ, глупенькій совсѣмъ, ты тоже неопытный ребенокъ, я и сказала Егору, чтобы онъ указалъ на тебя Сережѣ, когда ты на Рождество пріѣзжала изъ института.

— Я думаю, онъ и такъ обратилъ бы на меня вниманіе, если было суждено, —начала, уже сильно волнуясь, Маріанна.

— Никогда не обратилъ бы, — коротко отвѣтила Иванова. Ты не умѣла кокетничать, конфузилась, а онъ привыкъ, чтобы дѣвушки вѣшались ему на шею, какъ выгодному жениху.

Она усмѣхнулась небрежной улыбкой.

— Дѣтей всегда приходится сводить взрослымъ.

Маріанна не выдержала и упрекнула сестру:

— Зачѣмъ ты мнѣ говоришь это! Мнѣ такъ отрадно было думать, что никто не сводилъ насъ, что самъ Богъ...

Она растерялась отъ пристальнаго, ироническаго взгляда сестры.

— Къ тебѣ очень идетъ наивность!—сказала Серафима, разсматривая ее, какъ вещь.—Ты держись этого тона!

Маріанна совсѣмъ смутилась, точно ее глубоко оскорбили. Серафима продолжала невозмутимымъ тономъ:

— Женщина всегда должна знать, что къ ней идетъ. Въ этомъ вся ея сила. Ты мила и долго будешь милой въ роляхъ наивной дѣвочки. Вонъ Лангранжъ Бельклуръ до старости наивничала. Савина тоже изъ такихъ типовъ. Перестанетъ такая женщина наивничать — грошъ не будетъ стоить.

Въ глазахъ Маріанны стояли крупныя дѣтскія слезы.

III.

Лѣтомъ отчасти утихаетъ петербургская сутолока, и болѣе или менѣе обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи люди разъѣзжаются изъ столицы на дачи.

Молодые Воронцовы выбрали для своего дачнаго мѣстопребыванія Павловскъ, и этотъ выборъ оказался очень удачнымъ.

Въ сущности это довольно скучный уголокъ: здѣсь нѣтъ деревенской простоты и въ то же время нѣтъ никакихъ разнообразныхъ увеселеній; дачники вертятся тутъ, какъ въ бѣличьемъ колесѣ, направляясь со своихъ дачъ къ вокзалу и обратно для встрѣчи поѣздовъ и для слушанія музыки, надоѣвшей всѣмъ своими вѣчными: «Marches miniatures», «Danses macabres», «Toreadores et andalouses», «Чардашами» и тому подобными, можетъ-быть, и прекрасными, но заигранными и опошленными пьесами. Золотая молодежь, привыкнувшіе къ оперетѣ и шансонеткамъ люди, прожигатели жизни безъ особенныхъ экстренныхъ побужденій ѣздятъ сюда неохотно. Именно это-то и сдѣлало Па-

вловскѣ для Ворошиловыхъ какимъ-то земнымъ раемъ. Они знали, что здѣсь никто не смутитъ ихъ медовыхъ мѣсяцевъ. Къ ихъ счастью, Наталья Платоновна уѣхала съ Ольгой Сергѣевной за границу. Жоржикъ остался съ женой и ея матерью въ городѣ, предпочитая жизни на дачѣ посѣщеніе разныхъ Аркадій, Ливадій, Акваріумовъ, Зоологій, Демидроновъ и тому подобныхъ заведеній, гдѣ всегда можно было и быть даромъ въ ложѣ пріятеля, и безплатно поужинать. Такимъ образомъ молодые Ворошиловы не боялись никакихъ нашествій гостей и наслаждались своимъ уединеніемъ. Ихъ жизнь сложилась такъ, что, казалось, можно бы было умереть отъ тоски и скуки, но они не испытывали ни той, ни другой, влюбленные другъ въ друга и все еще не сытые ласками и поцѣлуями. Быть постоянно вмѣстѣ, вдвоемъ, однимъ, говорить о своей любви, наслаждаться ею и только ею, — вотъ все, чего они желали. Въ канцеляріи, гдѣ служилъ Ворошиловъ, съ мая по сентябрь прерывались всякія занятія, и онъ могъ все лѣто жить неразлучно съ женою. Когда наступили темные вечера, и нужно было уже собираться въ Петербургъ, спасаясь отъ сырости Павловска, мужъ и жена говорили:

— Милый Павловскъ, неужели уже пора съ тобой разстаться?

Они ходили по парку и вспоминали мелочи своей лѣтней, немного слащавой, немного приторной, но еще дорогой имъ идилліи. Вотъ тутъ онъ, Сережа, переносилъ ее, Маріанну, однажды послѣ дождя, черезъ лужу на рукахъ. Вотъ тамъ, въ глухой аллеѣ лабиринта, они разъ просидѣли цѣлый часъ, обнявшись, въ блаженной полудремотѣ, спрягая на всѣ лады глаголъ «любить», и страшно смутились, какъ пойманные въ шалости школьники, когда изъ-за куста выдѣлился какой-то господинъ, взглянувшій на нихъ подозрительнымъ взглядомъ любопытнаго соглядатая. Въ третьемъ мѣстѣ ихъ засталъ дождь—они укрылись въ бесѣдкѣ подъ навѣсомъ и были счастливы, какъ никогда, зная, что теперь никто ихъ не застанетъ врасплохъ. Все то, что кажется такимъ приторнымъ, такимъ глупымъ, такимъ ребяческимъ для постороннихъ, еще не испытавшихъ прелестей первой любви или уже забывшихъ о ея эгоистическомъ блаженствѣ, пережилось ими здѣсь, наполняло ихъ душу, заставляло ихъ забыть весь міръ.

— Нѣтъ, ты не знаешь, какъ я тебя люблю!—страстно говорилъ онъ.

— А ты знаешь, какъ я люблю тебя?—говорила она.— Нѣтъ, нѣтъ, этого ты не знаешь!

— Отчего это нѣтъ словъ, чтобы сказать все, все...

— Да развѣ тутъ значатъ что-нибудь слова?

— Я не знаю, что бы такое сдѣлать, чтобы доказать тебѣ на дѣлѣ свою любовь! шепталъ онъ.

— Я бы жизнь отдала за тебя!—шептала она.

И обоимъ все казалось, что они недостаточно высказали свою любовь, недостаточно доказали ее.

Они повторяли одинъ и тѣ же фразы, одни и тѣ же ласкательные эпитеты и восклицали:

— Сережа, иногда мнѣ просто мучительна наша любовь, точно нужно еще чего-то...

— Да, мучительна и въ то же время сладка.

— О, да, да, ненаглядный!

— Дитя!

Иногда подъ конецъ лѣта она чувствовала легкое нездоровье, тошноту, головныя боли.

— Ты очень будешь плакать, если я умру? — спрашивала она.

— Да развѣ я останусь жить безъ тебя?—говорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты долженъ жить!

— Безъ тебя-то?

Онъ припадалъ къ ея колѣнямъ, цѣловалъ ея платье и восторженно говорилъ:

— Золото мое! Божество мое! Все, все! Покуда жива ты—до той поры живъ и твой Сережа!

Уѣзжая изъ Павловска, они прощались съ нимъ, какъ съ другомъ.

— Прощай, прощай, милый Павловскъ, до будущаго года! Весной опять вернемся къ тебѣ!

— И прежде всего побѣжимъ въ Красную долину.

— А къ Никсу?

— И туда, и туда, всюду!..

Тѣмъ не менѣе, счастье ихъ ждало и дома, въ Петербургѣ, гдѣ каждый уголокъ напоминалъ о ихъ первыхъ ласкахъ. Ихъ гнѣздышко было имъ попрежнему мило, и они говорили, входя въ него:

— Мы точно тогда входимъ сюда. Помнишь? Здѣсь все по-старому, и мы тѣ же!

Еще бы имъ не помнить эту недѣлю послѣ свадьбы!..

Жизнь Ворошиловыхъ должна была сложиться теперь по-новому: сидѣть вдвоемъ, запершись, было уже нельзя;

всѣ родные и знакомые вернулись съ дачъ, изъ-за границы, и волей-неволей надо принимать ихъ, ѣздить къ нимъ. Первыми посѣтителями молодыхъ были Жоржикъ и его жена. Они пріѣхали послѣ обѣда, нарядные, съ праздничными лицами.

— Ну, слава Богу, отшельники проявились въ міру! — сказалъ Жоржикъ, дружески здороваясь съ Ворошиловымъ и его женою.—Мы ужъ думали, что вы никогда не вернетесь въ Питеръ. Въ Аркадіи и въ Ливадіи, братъ, по тебѣ плачутъ. Еще недѣля, и все закроется.

— Да, да, надо взглянуть, что тамъ дѣлается!—разсѣянно сказалъ Ворошиловъ и почувствовалъ, что ему дѣйствительно непремѣнно надо заглянуть туда, посмѣяться: нельзя же вѣчно сторониться отъ всѣхъ.

— Ты, вѣдь, никогда этого не видала? — замѣтила апатично Серафима, обращаясь къ сестрѣ. — Балаганы, а ничего, смѣшно! Разумѣется, когда каждый день бывать — надоѣстъ!

Она зѣвнула, сѣла на диванъ, тяжело облокотилась локтями на столъ и опустила голову на руки.

— Тебѣ нездоровится?—заботливо спросила Маріанна.

Сестра тупымъ взглядомъ взглянула на нее и усмѣхнулась.

— Нѣтъ, здорова! — медленно отвѣтила она. — Устала! Вчера легла въ пять, третьяго дня въ шесть.

Она далеко выдвинула по столу локти и совсѣмъ охватила голову руками.

— Она у меня молодецъ!—похвалилъ ее Жоржикъ.—Отъ нашего брата ни въ чемъ не отстаетъ.

Маріанна смотрѣла въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ на позу сестры: такъ у нихъ въ институтѣ считали неприличнымъ сидѣть, да никто такъ и не садился тамъ. Смущало ее и лицо сестры: измятое, съ глазами, окруженными темными кругами, съ оловяннымъ взглядомъ, оно производило непріятное впечатлѣніе. Она мелькомъ замѣтила:

— Зачѣмъ ты такъ утомляешь себя?

— Ничего ты въ этомъ не понимаешь! — коротко отвѣтила Сима, сжась и зѣвая.

— Такъ что же, ѣдешь сегодня?— спросилъ Жоржикъ у Ворошилова.

— Да, да, — отвѣтилъ Сергѣй. — А ты, Маріанна? Поѣдемъ.

— Мнѣ нездоровится,—отвѣтила Маріанна.

Онъ встревожился.

— Такъ и я не поѣду!

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Поѣзжай! Я не то что нездорова, а боюсь, — она замялась немного, краснѣя: — утомиться боюсь...

Она взглянула на него такимъ взглядомъ, какъ бы говоря ему: «ты знаешь, въ какомъ я положеніи...»

— Ну, такъ и я не поѣду, дитя. Что мнѣ тамъ безъ тебя дѣлать?—рѣшилъ Воронцовъ.

Серафима усмѣхнулась.

— И вы еще не надоѣли другъ другу? — пробормотала она небрежно.—Вотъ-то скука!

Она зѣвнула. Въ передней раздался звонокъ. Серафима, не перемѣняя позы, устремила глаза на входную дверь. Въ дверяхъ появилась Ольга Сергѣевна. Маріанна и Сергѣй поспѣшили къ ней навстрѣчу. Она поцѣловалась съ ними и поклонилась Жоржику и Серафимѣ. Серафима уже сидѣла выпрямившись, тѣмъ не менѣе, Ольга Сергѣевна замѣтила, какъ она сидѣла до этого, и сдѣлала гримасу.

— Надѣюсь, ты не на минуту къ намъ?—спросила Маріанна.

— Нѣтъ, если никуда не собираетесь,—отвѣтила Ольга:— то я пробуду у васъ весь вечеръ.

— То-есть, Сережа собирался ѣхать, а я остаюсь дома,— отвѣтила Маріанна и обратилась къ мужу: — видишь, мнѣ даже не будетъ скучно.

Да? Ты правду говоришь? Правду?—приставъ онъ къ ней, заглядывая ей любовно въ глаза. — Я не поѣду, если не хочешь?

Милый! Поѣзжай! съ улыбкой отвѣтила она, цѣлуя его.

Серафима лѣниво встала и, зѣвая, проговорила:

— Если ѣхать, такъ пора!

Она, Жоржикъ и Воронцовъ простились съ Ольгой и Маріанной.

— Куда они поѣхали? — спросила Ольга, оставшись вдвоемъ съ Маріанной.

— Не знаю, куда-то за городъ, въ Ливадію или въ Аркадію. Они меня звали, но мнѣ не по себѣ сегодня.

— Какое безуміе! Развѣ можно порядочной женщинѣ твоихъ лѣтъ, чуть не дѣвочкѣ, ѣздить туда!

Маріанна съ удивленіемъ взглянула на Ольгу Сергѣевну.

— Но вотъ сестра ѣздитъ,—сказала Маріанна.

— Это ея дѣло, она и старше тебя на десятокъ лѣтъ,— уклончиво отвѣтила Ольга Сергѣевна:—а ты не ѣзди.

— Развѣ это дурно?—спросила Маріанна.

— Эти удовольствія ничего порядочнаго не вносятъ въ душу. Кромѣ того, тамъ собирается всякій кутящій сбродъ. Приходится быть бокъ о бокъ Богъ вѣсть съ кѣмъ, видѣть скандалы.

— Но какъ же сестра ѣздитъ туда такъ часто?—проговорила Маріанна. — Она говоритъ, что она почти каждый день бываетъ тамъ.

— Окунулась въ эту жизнь, вотъ и все. Это затягивающая тина.

Ольга Сергѣевна сухимъ тономъ перемѣнила разговоръ и, увидавъ, что Маріанна принялась шить маленькій дѣтскій чепчикъ, коротко спросила:

— Ждешь?

Маріанна покраснѣла и тихо отвѣтила:

— Да!

Ольга Сергѣевна съ лаской взглянула на нее:

— Счастливица! Если бы я тебя не такъ любила, я тебѣ позавидовала бы.

— Да, это большое счастье!

— Еще бы! Будь у меня ребенокъ, мнѣ не пришлось бы изобрѣтать дѣятельности. А теперь волей-неволей придумываешь, что дѣлать, начинаешь играть въ благотворительность.

Она стала разсказывать о томъ, что она основала ясли и небольшой пріютъ. Это ее теперь сильно занимаетъ, такъ какъ дѣло идетъ успѣшно. Иначе ужъ было бы очень плохо— не сидѣть же вѣчно за книгами, за роялемъ, не убивать же время на одни выѣзды съ визитами, въ театры. Все это нагоняетъ только тоску и скуку. Въ душѣ остается сознаніе ненужности и пустоты жизни. Человѣку нужны серьезные интересы, нужно жить сердцемъ. Можетъ-быть, дѣятельность филантропки мелка, но все же хочется вѣрить, что сумѣешь что-нибудь сдѣлать для ближнихъ, услышать теплое слово благодарности, увидѣть выраженіе счастья на чужомъ лицѣ. Она оживилась, ея обыкновенно блѣдное лицо, съ нѣсколько строгимъ дѣланнымъ выраженіемъ, теперь разгорѣлось, когда она разъясняла, какъ она изучала свое дѣло за границей, какъ поставила здѣсь, какія надежды возлагаетъ она на него. Маріанна слушала ее съ любопытствомъ неопытной дѣвочки и думала о томъ, что до этой

минуты никто не говорилъ ей ничего подобнаго. Какъ же это сестра Сима никогда не жалуется на безцѣльность и скуку безцѣльной жизни? Какъ она мирится съ этимъ верченьемъ въ бѣличьемъ колесѣ пустыхъ и безцѣльныхъ удовольствій, не дѣлая ничего, даже не читая книгъ?

— Такъ вонъ какъ ты смотришь на жизнь, — сказала она: а моя сестра та ни о чемъ не думаетъ, кромѣ легкихъ удовольствій.

По лицу Ольги скользнула легкая тѣнь неудовольствія, брезгливости.

— Различные характеры, — уклончиво сказала она.

— Я ея совсѣмъ не понимаю, — замѣтила Маріанна. — Странная она...

— Самое лучшее и не вдумываться въ это, — коротко отвѣтила Ольга Сергѣевна.

— Ты осуждаешь ее за что-нибудь? Ты знаешь про нее что-нибудь, — спросила Маріанна, взглянувъ на нее съ любопытствомъ ребенка, интересующагося секретами взрослыхъ.

— Оставимъ разговоръ о ней,—проговорила Ольга Сергѣевна.—Я тебѣ не могу сказать о ней почти ничего. Ее я мало знаю. Слышала о ней только отъ мужа, но ты знаешь, что я не уважаю этого человѣка и мало вѣрю ему. Скажу только одно: старайся сторониться отъ нея.

Она снова перемѣнила разговоръ, избѣгая всякихъ объясненій. Впервые Маріаннѣ пришлось провести съ нею съ глазу на глазъ нѣсколько часовъ. До этого дня она любила Ольгу Сергѣевну за то, что та приласкала ее съ перваго дня ихъ знакомства. Теперь она удивлялась этой женщинѣ, умѣющей владѣть собою, много пережившей, много передумавшей, много читавшей. Въ дѣтскомъ восторгѣ Маріанна, можетъ-быть, преувеличивая достоинства графини, между прочимъ, воскликнула:

— Господи, ты, Ольга, все знаешь, все читала!

— Надо же было пополнить чѣмъ-нибудь свой душевный міръ, — отвѣтила Ольга Сергѣевна. — Когда меня выдали замужъ, — я была почти такимъ же ребенкомъ, какъ ты, а черезъ три года я уже вполнѣ сформировалась въ женщину. Много нужно было для этого перенести разочарованій, обидъ, оскорбленій, даже...

Она сдвинула брови, перевела духъ и закончила:

— Онъ два раза чуть не избилъ меня.

— Господи, бѣдная моя!—воскликнула Маріанна, смотря на нее сквозь слезы.

— Это не худшее въ жизни женщины, Маріанна,—проговорила Ольга Сергѣевна. — Хуже всего знать, что мужъ не любитъ, и продолжать играть унизительную роль жены. Это хуже положенія падшей женщины. Это нужно испытать, чтобы понять это.

Она въ общихъ чертахъ передала Маріаннѣ свою исторію. Ее выдала замужъ мать, когда ей было семнадцать лѣтъ. Она никого еще не любила и вышла замужъ охотно, потому что женихъ былъ недуренъ собою, не глупъ, ухаживалъ за нею. Можетъ-быть, играло роль и маленькое дѣтское честолюбіе «мѣщаночки»: хотѣлось быть графиней. Съ первыхъ же дней она начала убѣждаться, что мужу нужны только ея деньги и деньги. Онъ былъ человѣкъ, по-своему, надменный и гордый, съ твердымъ характеромъ, съ жесткимъ сердцемъ, сдержанный, аккуратный и строгій на видъ. Онъ, не будучи увлекающимся и страстнымъ по натурѣ, втянулся, ради своего положенія въ свѣтѣ, ради своего титула, въ шумную свѣтскую жизнь, въ швыряньe денегъ, въ развратъ безъ увлеченія и незамѣтно запутался въ долгахъ, сохраняя въ душѣ твердую увѣренность, что его титулъ и свѣтскія связи помогутъ ему выпутаться изъ стѣсненнаго положенія. Онъ не ошибся, и въ лицѣ Ольги Ворошиловой нашелъ богатую невѣсту.

— Къ несчастью или къ счастью, я была дочь своего отца и своей матери, съ коммерческой жилкой въ натурѣ, съ кулачествомъ въ крови, — съ горькой усмѣшкой прибавила она.—Я не была скупа, но уже съ дѣтства наслушалась того, что съ деньгами — мы все, безъ денегъ — мы ничто. Если бы не было этого, или если бы я страстно любила его, я бы сразу отдала ему все свое состояніе и только потомъ узнала бы, что онъ меня вовсе не любилъ никогда. Но я, слѣдуя совѣтамъ матери и какому-то инстинкту, не отдала ему всего, и онъ, въ минуту раздраженія и ссоры изъ-за денегъ, прямо раскрылъ передо мною свои карты и высказалъ, что не будь у меня денегъ—онъ никогда бы не женился на мнѣ. Онъ, графъ Нольтке, и какая-то Ворошилова—развѣ это пара? Это доставило мнѣ въ первый же годъ супружества много испытаній, но спасло меня отъ нищеты и заставило рано задуматься о страшной роли жены, которой прямо говорятъ, что ея не любятъ, и которую, надругаясь, заставляютъ, все-таки, быть женою.

Три года для нея продолжалась эта тяжелая жизнь, но она не пала духомъ: не имѣя дѣтей, не любимая мужемъ,

минуты никто не говорилъ ей ничего подобнаго. Какъ же это сестра Сима никогда не жалуется на безцѣльность и скуку безцѣятельной жизни? Какъ она мирится съ этимъ верченьемъ въ бѣличьемъ колесѣ пустыхъ и безцѣльныхъ удовольствій, не дѣлая ничего, даже не читая книгъ?

- Такъ вонъ какъ ты смотришь на жизнь, — сказала она: а моя сестра та ни о чемъ не думаетъ, кромѣ легкихъ удовольствій.

По лицу Ольги скользнула легкая тѣнь неудовольствія, брезгливости.

— Различные характеры, - уклончиво сказала она.

— Я ея совсѣмъ не понимаю, — замѣтила Маріанна. — Странная она...

— Самое лучшее и не вдумываться въ это, — коротко отвѣтила Ольга Сергѣевна.

— Ты осуждаешь ее за что-нибудь? Ты знаешь про нее что-нибудь, - спросила Маріанна, взглянувъ на нее съ любопытствомъ ребенка, интересующагося секретами взрослыхъ.

- Оставимъ разговоръ о ней,—проговорила Ольга Сергѣевна.—Я тебѣ не могу сказать о ней почти ничего. Ее я мало знаю. Слышала о ней только отъ мужа, но ты знаешь, что я не уважаю этого человѣка и мало вѣрю ему. Скажу только одно: старайся сторониться отъ нея.

Она снова перемѣнила разговоръ, избѣгая всякихъ объясненій. Впервые Маріаннѣ пришлось провести съ нею съ глазу на глазъ нѣсколько часовъ. До этого дня она любила Ольгу Сергѣевну за то, что та приласкала ее съ перваго дня ихъ знакомства. Теперь она удивлялась этой женщинѣ, умѣющей владѣть собою, много пережившей, много передумавшей, много читавшей. Въ дѣтскомъ восторгѣ Маріанна, можетъ-быть, преувеличивая достоинства графини, между прочимъ, воскликнула:

- Господи, ты, Ольга, все знаешь, все читала!

- - Надо же было пополнить чѣмъ-нибудь свой душевный міръ, — отвѣтила Ольга Сергѣевна. — Когда меня выдали замужъ, — я была почти такимъ же ребенкомъ, какъ ты, а черезъ три года я уже вполнѣ сформировалась въ женщину. Много нужно было для этого перенести разочарованій, обидъ, оскорбленій, даже...

Она сдвинула брови, перевела духъ и закончила:

— Онъ два раза чуть не избилъ меня.

— Господи, бѣдная моя!—воскликнула Маріанна, смотря на нее сквозь слезы.

— Это не худшее въ жизни женщины, Маріанна,—проговорила Ольга Сергѣевна. — Хуже всего знать, что мужъ не любитъ, и продолжать играть унизительную роль жены. Это хуже положенія падшей женщины. Это нужно испытать, чтобы понять это.

Она въ общихъ чертахъ передала Маріаннѣ свою исторію. Ее выдала замужъ мать, когда ей было семнадцать лѣтъ. Она никого еще не любила и вышла замужъ охотно, потому что женихъ былъ недуренъ собою, не глупъ, ухаживалъ за нею. Можетъ-быть, играло роль и маленькое дѣтское честолюбіе «мѣщаночки»: хотѣлось быть графиней. Съ первыхъ же дней она начала убѣждаться, что мужу нужны только ея деньги и деньги. Онъ былъ человѣкъ, по-своему, надменный и гордый, съ твердымъ характеромъ, съ жесткимъ сердцемъ, сдержанный, аккуратный и строгій на видъ. Онъ, не будучи увлекающимся и страстнымъ по натурѣ, втянулся, ради своего положенія въ свѣтѣ, ради своего титула, въ шумную свѣтскую жизнь, въ швыряньe денегъ, въ развратъ безъ увлеченія и незамѣтно запутался въ долгахъ, сохраняя въ душѣ твердую увѣренность, что его титулъ и свѣтскія связи помогутъ ему выпутаться изъ стѣсненнаго положенія. Онъ не ошибся, и въ лицѣ Ольги Ворошиловой нашелъ богатую невѣсту.

— Къ несчастью или къ счастью, я была дочь своего отца и своей матери, съ коммерческой жилкой въ натурѣ, съ кулачествомъ въ крови, — съ горькой усмѣшкой прибавила она.—Я не была скупа, но уже съ дѣтства наслушалась того, что съ деньгами — мы все, безъ денегъ — мы ничто. Если бы не было этого, или если бы я страстно любила его, я бы сразу отдала ему все свое состояніе и только потомъ узнала бы, что онъ меня вовсе не любилъ никогда. Но я, слѣдуя совѣтамъ матери и какому-то инстинкту, не отдала ему всего, и онъ, въ минуту раздраженія и ссоры изъ-за денегъ, прямо раскрылъ передо мною свои карты и высказалъ, что не будь у меня денегъ—онъ никогда бы не женился на мнѣ. Онъ, графъ Нольтке, и какая-то Ворошилова—развѣ это пара? Это доставило мнѣ въ первый же годъ супружества много испытаній, но спасло меня отъ нищеты и заставило рано задуматься о страшной роли жены, которой прямо говорятъ, что ея не любятъ, и которую, надругаясь, заставляютъ, все-таки, быть женою.

Три года для нея продолжалась эта тяжелая жизнь, но она не пала духомъ: не имѣя дѣтей, не любимая мужемъ,

встрѣчая его грубости, она почувствовала пустоту жизни и стала стремиться наполнять ее хотя чѣмъ-нибудь. Чтеніе, музыка, развлеченія, все это не могло наполнить этой пустоты. Дочь практическихъ дѣятелей, она сама стремилась къ дѣятельной жизни. Она, наконецъ, принялась за благотворительность, выбравъ исключительно обязанность помогать бѣднымъ дѣтямъ. Въ послѣдніе годы ей живется гораздо легче, жизнь кажется наполненною, не пустою. Даже къ своему семейному положенію она относится равнодушнѣе. Формально она еще не развелась съ мужемъ, но онъ теперь дѣлается для нея просто чужимъ человѣкомъ, только живущимъ подъ одной кровлей съ нею, боящимся, что она его выгонитъ...

Правда, теперь начинаются новыя испытанія, — замѣтила она. — Онъ изъ трусости прикидывается кающимся и старается казаться безумно влюбленнымъ въ меня... Онъ даже не понимаетъ, что въ этой роли онъ еще гаже въ моихъ глазахъ, чѣмъ въ роли деспота...

Было уже около двѣнадцати часовъ, когда уѣхала Ольга Сергѣевна. Молодая Ворошилова прошла въ спальню, раздѣлась при помощи горничной и легла, загасивъ свѣчу. Но ей не спалось. Горькая участь Ольги Сергѣевны заставила ее впервые серьезно призадуматься вообще объ участи женщинъ. Какое несчастіе обмануться въ мужѣ! Но почему Ольга съ такою ненавистью отнеслась къ разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ, куда поѣхалъ Сережа? Почему она такъ презрительно говорила о Симѣ? Мысль о сестрѣ поглотила все вниманіе Маріанны. Дѣйствительно, Сима какъ-то странно себя держитъ. Всегда она была странною. Маріаннѣ вспомнилось далекое прошлое, ея дѣтство, жизнь въ родной семьѣ.

Это была странная жизнь.

Григорій Тарасовичъ и Дарья Никоновна Морденко жили въ большомъ казенномъ домѣ старинной постройки съ толстыми стѣнами, съ широкими лѣстницами, съ большими площадками, съ полутемными широкими и длинными коридорами. Все, и пролеты на лѣстницахъ, и площадки на лѣстницахъ, и толщина стѣнъ, говорило здѣсь о томъ времени столичной жизни, когда не выгадывали, какъ съэкономить въ мѣстѣ и въ деньгахъ при постройкѣ дома. Населеніе дома было очень многочисленно. Это былъ цѣлый городокъ, гдѣ всѣ перероднились, перекумились, знали всю подноготную каждаго изъ сосѣдей. Хорошо знала эту под-

ноготную Дарья Никоновна Морденко: она и занималась ролью свахи, и промышляла продажей старыхъ платьевъ, взятыхъ на комиссію у разныхъ фрейлинскихъ камеръюнгферъ, и обдѣлывала неизвѣстныя денежныя и сердечныя дѣла разныхъ юнцовъ, служившихъ въ министерствѣ. Высокая и коренастая, съ походкой вышколеннаго солдата, съ рѣчью видавшей виды маркитантки, съ нравственнымъ девизомъ «все изъ-за рубля и все ради рубля», она обдѣлывала свои дѣла бойко и смѣло, не стыдясь таскать огромные узлы съ продаваемымъ старымъ платьемъ и, поднимая чванно голову на крестинахъ и на свадьбахъ, нацѣпивъ на голову бѣлый чепецъ съ большими пестрыми бантами и распустивъ по плечамъ свою неизмѣнную шаль съ четырехцвѣтной, красной, желтой, синей и бѣлой серединой. Она была слишкомъ общественнымъ и общежительнымъ человѣкомъ, чтобы сидѣть дома, тѣмъ не менѣе дома ее всѣ боялись, начиная съ мужа и кончая деревенской служанкой: она, вспыльчивая и отходчивая, съ девизомъ «брань на вороту не виснетъ», налетала въ семью, какъ вихрь, поднимала цѣлую бурю и потомъ, охваченная коммерческими соображеніями, опять скрывалась по дѣламъ. Мужъ ея, Григорій Тарасовичъ, былъ маленькій, плюгавенькій человѣчекъ съ задатками сентиментальности и хитрости, лѣнивый по натурѣ, но вѣчно пришпориваемый женою: «ходи, обивай пороги, кланяйся!» Онъ докланялся отъ званія писца до чина коллежскаго асессора, отъ подвальной кануры до просторнаго жилища въ верхнемъ этажѣ министерства. Дѣтей было у Морденко двое: Серафима и потомъ Маріанна, родившаяся черезъ десять лѣтъ послѣ сестры. И Сима, и Маріанна родились въ большомъ домѣ. Симочка родилась дочерью писца въ подвалѣ этого дома и вышла замужъ дочерью коллежскаго асессора въ четвертомъ этажѣ этого дома, проживъ двадцать три года на глазахъ у всѣхъ сосѣдей. Ребенкомъ она узнала всѣ лѣстницы, всѣ коридоры, всѣ выходы и входы этого дома и пятилѣтней дѣвочкой съ важнымъ и серьзнымъ видомъ уже входила въ чужія квартиры и, съ любопытствомъ озираясь кругомъ, говорила:

— Я къ вамъ въ гости чай съ булочками пришла пить!

Всѣ ее цѣловали, хотя иногда и выпроваживали отъ себя, когда булочекъ не хватало и на свои рты. Сидѣть дома было скучно: отецъ вѣчно гнулъ спину въ должности или заунывно пѣлъ подъ гитару малороссійскія пѣсни у

встрѣчая его грубости, она почувствовала пустоту жизни и стала стремиться наполнять ее хотя чѣмъ-нибудь. Чтеніе, музыка, развлеченія, все это не могло наполнить этой пустоты. Дочь практическихъ дѣятелей, она сама стремилась къ дѣятельной жизни. Она, наконецъ, принялась за благотворительность, выбравъ исключительно обязанность помогать бѣднымъ дѣтямъ. Въ послѣдніе годы ей живется гораздо легче, жизнь кажется наполненною, не пустою. Даже къ своему семейному положенію она относится равнодушнѣе. Формально она еще не развелась съ мужемъ, но онъ теперь дѣлается для нея просто чужимъ человѣкомъ, только живущимъ подъ одной кровлей съ нею, боящимся, что она его выгонитъ...

Правда, теперь начинаются новыя испытанія, — замѣтила она. — Онъ изъ трусости прикидывается кающимся и старается казаться безумно влюбленнымъ въ меня... Онъ даже не понимаетъ, что въ этой роли онъ еще гаже въ моихъ глазахъ, чѣмъ въ роли деспота...

Было уже около двѣнадцати часовъ, когда уѣхала Ольга Сергѣевна. Молодая Воронилова прошла въ спальню, раздѣлась при помощи горничной и легла, загасивъ свѣчу. Но ей не спалось. Горькая участь Ольги Сергѣевны заставила ее впервые серьезно призадуматься вообще объ участи женщинъ. Какое несчастіе обмануться въ мужѣ! Но почему Ольга съ такою ненавистью отнеслась къ разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ, куда поѣхалъ Сережа? Почему она такъ презрительно говорила о Симѣ? Мысль о сестрѣ поглотила все вниманіе Маріанны. Дѣйствительно, Сима какъ-то странно себя держитъ. Всегда она была странною. Маріаннѣ вспомнилось далекое прошлое, ея дѣтство, жизнь въ родной семьѣ.

Это была странная жизнь.

Григорій Тарасовичъ и Дарья Никоновна Морденко жили въ большомъ казенномъ домѣ старинной постройки съ толстыми стѣнами, съ широкими лѣстницами, съ большими площадками, съ полутемными широкими и длинными коридорами. Все, и пролеты на лѣстницахъ, и площадки на лѣстницахъ, и толщина стѣнъ, говорило здѣсь о томъ времени столичной жизни, когда не выгадывали, какъ съэкономить въ мѣстѣ и въ деньгахъ при постройкѣ дома. Населеніе дома было очень многочисленно. Это былъ цѣлый городокъ, гдѣ всѣ перероднились, перекумились, знали всю подноготную каждаго изъ сосѣдей. Хорошо знала эту под-

ноготную Дарья Никоновна Морденко: она и занималась ролью свахи, и промышляла продажей старыхъ платьевъ, взятыхъ на комиссію у разныхъ фрейлинскихъ камеръюнгферъ, и обдѣлывала неизвѣстныя денежныя и сердечныя дѣла разныхъ юнцовъ, служившихъ въ министерствѣ. Высокая и коренастая, съ походкой вышколеннаго солдата, съ рѣчью видавшей виды маркитантки, съ нравственнымъ девизомъ «все изъ-за рубля и все ради рубля», она обдѣлывала свои дѣла бойко и смѣло, не стыдясь таскать огромные узлы съ продаваемымъ старымъ платьемъ и, поднимая чванно голову на крестинахъ и на свадьбахъ, нацѣпивъ на голову бѣлый чепецъ съ большими пестрыми бантами и распустивъ по плечамъ свою неизмѣнную шаль съ четырехцвѣтной, красной, желтой, синей и бѣлой серединой. Она была слишкомъ общественнымъ и общежительнымъ человѣкомъ, чтобы сидѣть дома, тѣмъ не менѣе дома ее всѣ боялись, начиная съ мужа и кончая деревенской служанкой: она, вспыльчивая и отходчивая, съ девизомъ «брань на вороту не виснетъ», налетала въ семью, какъ вихрь, поднимала цѣлую бурю и потомъ, охваченная коммерческими соображеніями, опять скрывалась по дѣламъ. Мужъ ея, Григорій Тарасовичъ, былъ маленькій, плюгавенькій человѣчекъ съ задатками сентиментальности и хитрости, лѣнивый по натурѣ, но вѣчно пришпориваемый женою: «ходи, обивай пороги, кланяйся!» Онъ докланялся отъ званія писца до чина коллежскаго асессора, отъ подвальной кануры до просторнаго жилища въ верхнемъ этажѣ министерства. Дѣтей было у Морденко двое: Серафима и потомъ Маріанна, родившаяся черезъ десять лѣтъ послѣ сестры. И Сима, и Маріанна родились въ большомъ домѣ. Симочка родилась дочерью писца въ подвалѣ этого дома и вышла замужъ дочерью коллежскаго асессора въ четвертомъ этажѣ этого дома, проживъ двадцать три года на глазахъ у всѣхъ сосѣдей. Ребенкомъ она узнала всѣ лѣстницы, всѣ коридоры, всѣ выходы и входы этого дома и пятилѣтней дѣвочкой съ важнымъ и серьзнымъ видомъ уже входила въ чужія квартиры и, съ любопытствомъ озираясь кругомъ, говорила:

— Я къ вамъ въ гости чай съ булочками пришла пить!

Всѣ ее цѣловали, хотя иногда и выпроваживали отъ себя, когда булочекъ не хватало и на свои рты. Сидѣть дома было скучно: отецъ вѣчно гнулъ спину въ должности или заунывно пѣлъ подъ гитару малороссійскія пѣсни у

пріятелей, мать бѣгала по прихожимъ, по людскимъ и по рынку по дѣламъ, кухарка уходила посудачить «про своихъ выжить» на чужія кухни. Поневолѣ дѣвочку манило вонъ изъ жилища на лѣстницу, на дворъ, на улицу. Какъ тамъ живутъ? что дѣлаютъ люди? Въ рѣдкіе же часы, когда вся семья сходилась вмѣстѣ, мать только и разсказывала, что о чужихъ дѣлахъ, объ улицѣ. Того-то заставили жениться; ту-то окрутили за старика; такой-то влопался въ исторіи съ дѣвочкой; такая-то догулялась до того, что теперь и косы не прикрыть. Серафима вслушивалась, вдумывалась, бѣжала къ людямъ подсмотрѣть, подслушать, какъ живутъ эти тотъ-то и та-то. Потомъ ее стали посылать въ пансіонъ, и бродить по сосѣдямъ приходилось рѣже. Тѣмъ не менѣе, она проводила цѣлые вечера въ коридорахъ, на лѣстницахъ, на площадкахъ лѣстницъ, прислушиваясь, подсматривая, карауля и накрывая людей въ ихъ интимныхъ продѣлкахъ. Болѣе всего она любила стоять на площадкѣ лѣстницы, смотрѣть черезъ перила внизъ, какъ сновали по этимъ лѣстницамъ живущіе въ домѣ и служащіе въ министерствѣ люди. Проходившіе, увидавъ ее, кричали:

— А, Сима!

И на ходу цѣловали ее, кто въ щеку, кто въ губы, кто въ шейку. Иногда ей давались гостинцы. Какъ-то разъ мать увидала, что какой-то писарекъ поцѣловалъ ея дочь-ребенка и сунулъ ей конфетку. Мать раскричалась на нее:

— Ты это что повѣсничаешь? Тебѣ двѣнадцать лѣтъ, вытянулась, какъ жердь, а съ писарями цѣлуешься. Соблюдать себя не умѣешь. Выдеру косу, тогда и узнаешь, какъ амурничать.

Съ этой поры уже никто не видалъ, чтобы Симу кто-нибудь цѣловалъ. Ее перестали считать ребенкомъ. Тѣмъ не менѣе, она продолжала еще упорнѣе смотрѣть въ пролетъ лѣстницы или, лѣтомъ, изъ окна своего жилища въ четвертомъ этажѣ. У нея было вѣчно одно желаніе — спуститься внизъ на улицу, на площадь, туда, гдѣ идетъ эта сутолока жизни, гдѣ шныряютъ люди, гдѣ идетъ какое-то иное существованіе, чѣмъ у нихъ въ квартирѣ. Разъ—это помнила хорошо Маріанна—Сима позвала ее, свою шестилѣтнюю сестру, и сказала ей:

— Сторожи, когда мать пойдетъ по двору. Какъ увидишь, такъ бѣги въ коридоръ за мною.

Маріанна осталась сторожить, увидала идущую по двору

мать и бросилась звать сестру. Она не успѣла подойти къ ней, какъ кто-то шмыгнулъ мимо нея, крикнувъ на ходу Симѣ:

— Не обмани же!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого въ квартирѣ Морденко была страшная буря. Мать во все горло кричала на Серафиму и даже пустила въ ходъ кулаки. Изо всѣхъ криковъ Маріанна помнила только отрывочныя фразы:

— Кого нашла? Мальчишку. Усовъ нѣтъ. Отецъ-то выгонитъ его, что будете дѣлать? По-міру ходить, что ли, будете? Да и нашему-то отцу въ шею накладутъ изъ-за твоего молокососа. Духу чтобы его не было.

Серафима упорно молчала, даже не вскрикнула отъ побоевъ. Она была только страшно блѣдна и смотрѣла сурово. Потомъ мать ее увезла куда-то погостить и недѣли черезъ двѣ Серафима вернулась домой похудѣвшею, блѣдною, точно послѣ болѣзни. Мать опять кричала:

— Попробуй у меня еще! Мать-то не всегда сумѣетъ все обдѣлать. Не все сходитъ, какъ съ гуся вода.

Потомъ помнила Маріанна, какъ иногда мать уходила на свадьбы, а Серафима съ лихорадочною поспѣшностью одѣвалась въ лучшіе наряды, тоже уходила изъ дому, наказавъ кухаркѣ и Маріаннѣ не говорить матери, что она уходила. Къ ночи она возвращалась домой, раздѣвалась и въ одной юбкѣ и кофтѣ, распустивъ роскошные волосы, присаживалась у окна, утомленная, задумчивая, съ устремленными въ одну точку глазами. Иногда въ эти минуты она нервно вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ, иногда начинала шумно смѣяться, очевидно, вспоминая что-то.

Затѣмъ Маріанну пристроили въ одинъ изъ институтовъ. Серафима почти не навѣщала ея. Мать во время посѣщеній института на вопросы Маріанны о сестрѣ съ неудовольствіемъ отвѣчала тономъ рыночной торговки короткой фразой:

— Ничего, что ей дѣлается, путается!

Но разъ пріѣхала Серафима въ институтъ утромъ въ пріемные часы и изумила сестру и смутила всѣхъ классныхъ дамъ своимъ нарядомъ. На ней было голубое платье, голубое съ лебяжьимъ пухомъ sortie de bal, голубой вѣеръ съ бѣлымъ же пухомъ. Когда она сбросила sortie de bal, всѣ увидали до-нельзя декольтированную фигуру молодой женщины, у которой не было даже рукавовъ, а были какія-то узенькія ленточки, связанныя бантами на плечахъ.

пріятелей, мать бѣгала по прихожимъ, по людскимъ и по рынку по дѣламъ, кухарка уходила посудачить «про своихъ выжить» на чужія кухни. Поневолѣ дѣвочку манило вонъ изъ жилища на лѣстницу, на дворъ, на улицу. Какъ тамъ живутъ? что дѣлаютъ люди? Въ рѣдкіе же часы, когда вся семья сходилась вмѣстѣ, мать только и разсказывала, что о чужихъ дѣлахъ, объ улицѣ. Того-то заставили жениться; ту-то окрутили за старика; такой-то влопался въ исторіи съ дѣвочкой; такая-то догулялась до того, что теперь и косы не прикрыть. Серафима вслушивалась, вдумывалась, бѣжала къ людямъ подсмотрѣть, подслушать, какъ живутъ эти тотъ-то и та-то. Потомъ ее стали посылать въ пансіонъ, и бродить по сосѣдямъ приходилось рѣже. Тѣмъ не менѣе, она проводила цѣлые вечера въ коридорахъ, на лѣстницахъ, на площадкахъ лѣстницъ, прислушиваясь, подсматривая, карауля и накрывая людей въ ихъ интимныхъ продѣлкахъ. Болѣе всего она любила стоять на площадкѣ лѣстницы, смотрѣть черезъ перила внизъ, какъ сновали по этимъ лѣстницамъ живущіе въ домѣ и служащіе въ министерствѣ люди. Проходившіе, увидавъ ее, кричали:

— А, Сима!

И на ходу цѣловали ее, кто въ щеку, кто въ губы, кто въ шейку. Иногда ей давались гостинцы. Какъ-то разъ мать увидала, что какой-то писарекъ поцѣловалъ ея дочь-ребенка и сунулъ ей конфетку. Мать раскричалась на нее:

— Ты это что повѣсничаешь? Тебѣ двѣнадцать лѣтъ, вытянулась, какъ жердь, а съ писарями цѣлуешься. Соблюдать себя не умѣешь. Выдеру косу, тогда и узнаешь, какъ амурничать.

Съ этой поры уже никто не видалъ, чтобы Симу кто-нибудь цѣловалъ. Ее перестали считать ребенкомъ. Тѣмъ не менѣе, она продолжала еще упорнѣе смотрѣть въ пролетъ лѣстницы или, лѣтомъ, изъ окна своего жилища въ четвертомъ этажѣ. У нея было вѣчно одно желаніе — спуститься внизъ на улицу, на площадь, туда, гдѣ идетъ эта сутолока жизни, гдѣ шныряютъ люди, гдѣ идетъ какое-то иное существованіе, чѣмъ у нихъ въ квартирѣ. Разъ—это помнила хорошо Маріанна—Сима позвала ее, свою шестилѣтнюю сестру, и сказала ей:

— Сторожи, когда мать пойдетъ по двору. Какъ увидишь, такъ бѣги въ коридоръ за мною.

Маріанна осталась сторожить, увидала идущую по двору

мать и бросилась звать сестру. Она не успѣла подойти къ ней, какъ кто-то шмыгнулъ мимо нея, крикнувъ на ходу Симѣ:

— Не обмани же!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого въ квартирѣ Морденко была страшная буря. Мать во все горло кричала на Серафиму и даже пустила въ ходъ кулаки. Изо всѣхъ криковъ Маріанна помнила только отрывочныя фразы:

— Кого нашла? Мальчишку. Усовъ нѣтъ. Отецъ-то выгонитъ его, что будете дѣлать? По-міру ходить, что ли, будете? Да и нашему-то отцу въ шею накладутъ изъ-за твоего молокососа. Духу чтобы его не было.

Серафима упорно молчала, даже не вскрикнула отъ побоевъ. Она была только страшно блѣдна и смотрѣла сурово. Потомъ мать ее увезла куда-то погостить и недѣли черезъ двѣ Серафима вернулась домой похудѣвшею, блѣдною, точно послѣ болѣзни. Мать опять кричала:

— Попробуй у меня еще! Мать-то не всегда сумѣетъ все обдѣлать. Не все сходитъ, какъ съ гуся вода.

Потомъ помнила Маріанна, какъ иногда мать уходила на свадьбы, а Серафима съ лихорадочною поспѣшностью одѣвалась въ лучшіе наряды, тоже уходила изъ дому, наказавъ кухаркѣ и Маріаннѣ не говорить матери, что она уходила. Къ ночи она возвращалась домой, раздѣвалась и въ одной юбкѣ и кофтѣ, распустивъ роскошные волосы, присаживалась у окна, утомленная, задумчивая, съ устремленными въ одну точку глазами. Иногда въ эти минуты она нервно вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ, иногда начинала шумно смѣяться, очевидно, вспоминая что-то.

Затѣмъ Маріанну пристроили въ одинъ изъ институтовъ. Серафима почти не навѣщала ея. Мать во время посѣщеній института на вопросы Маріанны о сестрѣ съ неудовольствіемъ отвѣчала тономъ рыночной торговки короткой фразой:

— Ничего, что ей дѣлается, путается!

Но разъ пріѣхала Серафима въ институтъ утромъ въ пріемные часы и изумила сестру и смутила всѣхъ классныхъ дамъ своимъ нарядомъ. На ней было голубое платье, голубое съ лебяжьимъ пухомъ sortie de bal, голубой вѣеръ съ бѣлымъ же пухомъ. Когда она сбросила sortie de bal, всѣ увидали до-нельзя декольтированную фигуру молодой женщины, у которой не было даже рукавовъ, а были какія-то узенькія ленточки, связанныя бантами на плечахъ.

Посѣтительницы, а главнымъ образомъ посѣтители института, впились въ нее глазами, обратили въ ея сторону лорнеты и, казалось, мысленно разоблачали ее еще болѣе. Она торжествовала и сіяла отъ этого вниманія, обращеннаго на нее, не замѣчая даже того, что классныя весталки мечутся, какъ угорѣлыя, возмущенныя скандаломъ. Три года тому назадъ, мать пріѣхала въ институтъ и сообщила Маріаннѣ:

— Слава тебѣ Господи, Симка подцѣпила мужа. Ужъ и натерпѣлась я за нее страху. Думала, вѣкъ въ дѣвкахъ останется.

Мужъ Серафимы не пріѣзжалъ въ институтъ и съ нимъ познакомилась Маріанна только передъ выходомъ изъ института, на Рождествѣ и на Святой. Сестра взяла ее къ себѣ въ эти праздники, и здѣсь-то увидалъ ее Сергѣй Сергѣевичъ. Онъ влюбился въ нее сразу и, наперекоръ своей матери и графу Польтке, женился на ней въ ту же весну. Съ перваго же раза Маріанну въ домѣ сестры поразило одно: Серафима третировала мужа, какъ лакея, а мать, какъ кухарку, приказывала имъ, командовала ими. Они безпрекословно повиновались ей, точно поджимали хвосты передъ нею. Несообщительной она была попрежнему, и что-то загадочное было во всемъ ея существѣ. Казалось, она иногда насмѣхалась надъ всѣмъ и всѣми, и ея глаза дѣлались холодно-злыми. Порой она впадала въ сладкое сонливое забытье, потягивалась, какъ кошка на мартовскомъ солнцѣ, безмолвно усмѣхаясь, и ея глаза заволакивались и подергивались какъ бы масломъ, щурясь и сливаясь...

Въ думахъ объ этой жизни Маріанна забылась сномъ. Было, должно-быть, около двухъ часовъ, когда она сквозь сонъ услышала, что кто-то прикоснулся губами къ ея лицу. Она полуоткрыла сонные глаза и увидала мужа.

— Разбудилъ? Спи, спи, дитя!—тихо шепнулъ онъ, еще разъ поцѣловавъ ее.

— Милый,—сквозь дремоту прошептала она и опять закрыла съ улыбкой глаза, счастливая, какъ ребенокъ.

IV.

По утру Сергѣй Сергѣевичъ разсказывалъ женѣ о вчерашнемъ вечерѣ и много смѣялся. Она смѣялась тоже, слушая его веселые разсказы. Онъ умѣлъ хорошо разсказывать все смѣшное, обезьянничая и передразнивая людей.

— Нѣтъ, ты должна хоть разъ съѣздить туда, — говорилъ онъ:—и всего-то осталось три представленія, а тамъ и конецъ.

— Почему же Оля говоритъ, что ѣздить туда неприлично?—спросила Маріанна.

— Это она отъ своего нѣмецкаго графа наслушалась,— пояснилъ Сергѣй. — Да и сама она пуританка! У нея все неприлично. А графъ ея только потому и не возилъ ее никуда, что у него вездѣ были шашни и интрижки. Ну, и надо было отстранить жену, натолковавъ ей, что и то, и это неприлично.

— Да, это ужасный человѣкъ, Оля мнѣ разсказала все,— откровенно замѣтила Маріанна.

— Ну, ужъ и ужасный! Самый обыкновенный смертный. Женился на деньгахъ, взялъ дѣвочку и думалъ, что она все отдастъ ему. Но коса нашла на камень. Ольга умна и расчетлива, не поддалась, ну, и пошли ссоры.

— Сережа, можно ли такъ равнодушно толковать объ этомъ!—воскликнула Маріанна съ упрекомъ.

— А можно ли жить на свѣтѣ, если ставить каждое лыко въ строку? — сказалъ Сергѣй Сергѣевичъ. — Ахъ, ты ребенокъ мой неопытный! Въ жизни со всѣмъ надо примиряться. Грязь, такъ грязь, сволочь, такъ сволочь. Всѣхъ не переучишь, не передѣлаешь.

Онъ поцѣловалъ ее и заторопился въ должность.

— А сегодня, значитъ, ѣдемъ!—сказалъ онъ, прощаясь.

— Хорошо, я поѣду, если ты говоришь, что это ничего...

Вечеромъ опять заѣхали Жоржикъ и Серафима, и вмѣстѣ съ Ворошиловыми поѣхали въ Аркадію. Маріанна, сама ее зная отчего, немного трусила, вступая въ садъ Аркадіи, и жалась къ мужу, точно боясь людей. Въ то же время пестрая иллюминація, масса народа, звуки военной музыки, все занимало ее новизною, хотя ей и было жутко среди этого громко разговаривавшаго, особенно оживленнаго, безцеремонно толкавшагося народа. Въ театрѣ они помѣстились вчетверомъ въ ложѣ, и тотчасъ же къ нимъ начали подходить разные молодые люди. Одни останавливались у ложи снаружи, другіе входили въ ложу. Кругомъ все шумѣло и двигалось, какъ въ ульѣ. Серафима держала себя здѣсь развязно, какъ дома; она то склонялась черезъ барьеръ ложи, бесѣдуя съ молодыми людьми, то, откидываясь на спинку стула и черезъ плечо, говорила съ посѣтителями. Эти господа разсказывали ей какія-то закулио-

ныя исторіи, и она съ жаднымъ любопытствомъ выспрашивала подробности. Когда поднялся занавѣсъ, Серафима откинулась назадъ и стала смотрѣть на сцену съ разсѣяннымъ видомъ. Когда же на сцену вышелъ молодой теноръ, она быстро подняла бинокль и съ улыбкой стала разсматривать красиваго пѣвца. Маріаннѣ показалось, что онъ глядитъ именно на ихъ ложу, она обернулась въ сторону сестры и уловила на ея лицѣ какую-то особенную улыбку, точно отвѣчавшую на взглядъ пѣвца.

— Что залюбовалась? — раздался тихій вопросъ Сергѣя Сергѣевича.

Серафима опустила бинокль, обернулась къ Ворошилову и замѣтила:

— Онъ сегодня особенно хорошъ въ костюмѣ рыбака.

— То-есть, почти совсѣмъ безъ костюма,—съ усмѣшкой сказалъ Ворошиловъ:—грудь, руки, все открыто.

— Да, но на ногахъ же у него трико,—сказала Серафима.

— Еще бы и безъ трико захотѣла!

Она усмѣхнулась.

— Вотъ это мужчина!

Когда кончилось первое дѣйствіе, Ворошиловъ спросилъ жену, понравилось ли оно ей.

— Да, но я несовсѣмъ поняла содержаніе. Путаница какая-то.

— Содержаніе! — сказала съ усмѣшкой Серафима.—На что тутъ содержаніе? Развѣ сюда для этого ѣздятъ?

— А для чего же?—спросила Маріанна.

Серафима взглянула на нее пренебрежительно и насмѣшливо и отвѣтила неопредѣленно:

— Мало ли для чего!

Они вышли въ садъ и сѣли. Какой-то молодой человѣкъ подошелъ къ нимъ и перекинулся нѣсколькими словами съ Жоржикомъ. Серафима стала концами полусапожекъ захватывать сзади подолъ пальто мужа и тянуть его внизъ, такъ что Жоржикъ невольно присѣдалъ; она смѣялась, довольная своей выдумкой. Маріанна тихо замѣтила ей:

— Полно! на насъ смотрятъ!

— Ну, и пускай смотрятъ!—отвѣтила Серафима.—Это меня смѣшитъ!

Наконецъ, Жоржикъ обернулся къ женѣ и что-то сказалъ ей. Она встала и пошла съ нимъ и съ молодымъ человѣкомъ.

— А ты не освѣжишься!—крикнулъ Жоржикъ Ворошилову, поворачивая на ходу къ нему голову.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Сергѣй Сергѣевичъ.

Онъ остался вдвоемъ съ женой. Въ темныхъ аллеяхъ уже уединялись парочки, вездѣ хихикали и шептались. Цыганки съ старообразными физіономіями, съ хищническимъ выраженіемъ на лицахъ, въ кружевныхъ косынкахъ на головахъ, какъ ищейки, бродили по саду и ожидали приглашеній, смотря на публику, какъ коршуны на добычу. Кое-гдѣ слышались взвизгиванія, отдѣльныя фразы: «Ахъ, вы совсѣмъ наоборотъ понимаете!» «Что ужинать, — лучше просто выпить!» «Вотъ звонарь!» «Кукарекнемъ съ горя еще по скляночкѣ!» У открытой сцены тѣснился народъ, слушая двусмысленныя шансонетки и глупыя передразниванія жидовъ, громко смѣясь и шумно аплодируя пошлостямъ. Наконецъ, раздался звонокъ. Всѣ спѣшили въ театръ. Ворошиловы вошли туда же. Серафимы и Жоржика тамъ не было. Они явились послѣ поднятія занавѣса. У Серафимы былъ въ рукахъ букетъ цвѣтовъ.

— Какой прекрасный букетъ,—шепнула Маріанна и наклонилась, чтобы понюхать цвѣты.

— Дубасовъ поднесъ, — отвѣтила Серафима, и отъ нея пахнуло шампанскимъ.

— Развѣ онъ въ Петербургѣ,—спросилъ Ворошиловъ.

— Вчера пріѣхалъ! — отвѣтила она и съ иронической усмѣшкой прибавила:—И все такой же дуракъ.

На сцену вышелъ опять теноръ. Серафима теперь смотрѣла на него безъ бинокля и, забывшись въ сладкихъ мечтахъ, стала чуть слышно подпѣвать его арію. Въ сосѣдней ложѣ глаза всѣхъ обратились въ ея сторону. Маріанна вспыхнула до ушей и шепнула ей:

— Перестань, на тебя смотрятъ!

Серафима удивленно взглянула на нее и небрежно отвѣтила:

— А мнѣ-то что?

И, обернувшись, нагло смѣрила глазами своихъ сосѣдей. Потомъ отвернулась отъ нихъ и засмѣялась.

— Дураки, серьезно слѣдятъ за этой ерундой! — почти вслухъ проговорила она.

Она черезъ плечо обернулась къ Ворошилову.

— Зачѣмъ ѣздятъ, если не понимаютъ, что здѣсь тогда только и весело, когда ни на кого не обращаешь вниманія, ничѣмъ не стѣсняешься. Это не итальянская, не русская опера, а увеселительное заведеніе.

На нее уже обратило вниманіе нѣсколько человѣкъ изъ партера и Маріанна сидѣла, какъ на иголкахъ. Ей казалось,

что сейчасъ произойдетъ какой-то скандалъ. Ей было досадно, что она пріѣхала сюда. Но вниманіе публики было отвлечено отъ Серафимы шумной компаніей, вошедшей въ противоположную ложу. Впереди молодежи вошла туда сильно подкрашенная, но все еще прекрасная и стройная женщина въ нарядѣ послѣдней моды. Она съ шумомъ опустилась на стулъ и продолжала довольно громко говорить съ сопровождавшею ее молодежью.

— Камилка! — сказала Серафима, направляя на нее бинокль.

Вниманіе всѣхъ зрителей было поглощено теперь этой особой.

— А и постарѣла же она, — говорила Серафима, — и ея лицо оживилось. — Подбородокъ и щеки обрюзгли. И для чего волосы перекрасила. Это ей не къ лицу быть рыжей. А одѣта все попрежнему съ шикомъ. Отъ Ворта все, вѣроятно. Кого теперь разоряетъ?

Второй актъ, между тѣмъ, кончился. Маріанна обрадовалась. Ей было какъ-то жутко и стыдно.

— А мы, кажется, третьяго акта не дождемся. Дубасовъ зоветъ ужинать,—суетливо заговорилъ Жоржикъ.—Не хочетъ ждать конца.

Маріанна обратилась къ мужу вопросительнымъ взглядомъ. Онъ понялъ ее и сказалъ:

— Мы тоже уѣдемъ. Ты, дитя, я думаю, устала.

— Да, немного,—отвѣтила Маріанна.

Они простились съ Ивановыми и направились къ выходу вдвоемъ, рука объ руку, молча.

Когда они сѣли въ экипажъ, Сергѣй Сергѣевичъ заговорилъ первый:

— Ты недовольна? Точно, Сима сегодня ужасно держала себя.

Маріанна подняла голову и взглянула на мужа грустными глазами.

— Сережа,—начала она нерѣшительно.—Вчера Оля отозвалась о Серафимѣ такъ, что мнѣ стало обидно... сегодня...

Она перевела духъ и спросила:

— Почему она такъ вела себя въ театрѣ?

— Легкомысленная бабенка, вотъ и все, — уклончиво отвѣтилъ Ворошиловъ.

— Что же Жоржикъ не скажетъ ей, что это неприлично?

— Жоржикъ? — почти съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй Сергѣевичъ и пожалъ плечами: — какое же право имѣетъ

онъ въ чемъ-нибудь останавливать ее? Мужъ—ширма! Онъ зналъ, на что онъ идетъ, когда женился.

Маріанна ничего не поняла, но тѣмъ не менѣе чутьемъ угадала, что мужъ не договариваетъ чего-то, и это что-то показалось ей возмутительнымъ. Она подавленнымъ голосомъ спросила мужа:

— Серёжа, она очень дурная женщина?

— Ну, вотъ еще! Просто свихнулась еще до замужества. Нужно было какъ-нибудь поправить дѣло. Ея Дубасовъ или, вѣрнѣе, отецъ ея Дубасова и нашелъ Жоржика.

Маріанна широко открыла глаза: Серафима свихнулась до замужества? Дубасовъ нашелъ Жоржика? Ничего она не понимала. Ни о чемъ подобномъ она не слыхала въ стѣнахъ института. Но ей хотѣлось все знать, все выяснить. Вѣдь Серафима ей сестра. Жоржикъ мужъ Серафимы. Какъ же ей не знать, что за люди ея родные. Въ то же время ей было мучительно стыдно слышать о нихъ дурное, позорное.

Они доѣхали до дому, поднялись по лѣстницѣ.

— Чаю прикажете?—спросила горничная, открывъ предъ ними двери и пропуская ихъ въ переднюю.

— Да, да, я немного озябла, — сказала Маріанна и вздрогнула.—Какъ хорошо, что у насъ такъ тепло.

— Да, дитя, — отозвался Сергѣй Сергѣевичъ. — Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

Онъ обнялъ и поцѣловалъ ее.

За чаемъ опять заговорили о Серафимѣ. Ворошиловъ опять назвалъ Жоржика ширмой.

— Сережа, что ты говоришь?—воскликнула Маріанна.— Это что-то возмутительное. Нѣтъ, этого не можетъ быть!

— Дитя, чего ты волнуешься? Мало ли что бываетъ на свѣтѣ!—ласково проговорилъ Ворошиловъ.—Нельзя же, повторяю тебѣ, въ жизни всякое лыко въ строку ставить. Каждый живетъ такъ, какъ можетъ и какъ хочетъ.

— Ахъ, не говори такъ! Я не хочу, чтобы ты такъ говорилъ!—воскликнула она горячо, почти строптиво.—Они дурные люди, и мнѣ больно, что они мои родные; мнѣ стыдно, что мои родные такіе. Теперь я понимаю, почему твоя мать не хотѣла, чтобы ты вступилъ въ нашу семью...

— Ну, мать сама иногда легкомысленничаетъ, недаромъ при себѣ своего Адольфа секретаремъ держитъ. Конечно, на эти вещи нельзя смотрѣть такъ, какъ ты смотришь или какъ смотритъ Ольга. У той тоже все великіе вопросы и строгія осужденія.

что сейчасъ произойдетъ какой-то скандалъ. Ей было досадно, что она пріѣхала сюда. Но вниманіе публики было отвлечено отъ Серафимы шумной компаніей, вошедшей въ противоположную ложу. Впереди молодежи вошла туда сильно подкрашенная, но все еще прекрасная и стройная женщина въ нарядѣ послѣдней моды. Она съ шумомъ опустилась на стулъ и продолжала довольно громко говорить съ сопровождавшею ее молодежью.

— Камилка! — сказала Серафима, направляя на нее бинокль.

Вниманіе всѣхъ зрителей было поглощено теперь этой особой.

— А и постарѣла же она, — говорила Серафима, — и ея лицо оживилось. — Подбородокъ и щеки обрюзгли. И для чего волосы перекрасила. Это ей не къ лицу быть рыжей. А одѣта все попрежнему съ шикомъ. Отъ Ворта все, вѣроятно. Кого теперь разоряетъ?

Второй актъ, между тѣмъ, кончился. Маріанна обрадовалась. Ей было какъ-то жутко и стыдно.

— А мы, кажется, третьяго акта не дождемся. Дубасовъ зоветъ ужинать,—суетливо заговорилъ Жоржикъ.—Не хочетъ ждать конца.

Маріанна обратилась къ мужу вопросительнымъ взглядомъ. Онъ понялъ ее и сказалъ:

— Мы тоже уѣдемъ. Ты, дитя, я думаю, устала.

— Да, немного,—отвѣтила Маріанна.

Они простились съ Ивановыми и направились къ выходу вдвоемъ, рука объ руку, молча.

Когда они сѣли въ экипажъ, Сергѣй Сергѣевичъ заговорилъ первый:

— Ты недовольна? Точно, Сима сегодня ужасно держала себя.

Маріанна подняла голову и взглянула на мужа грустными глазами.

— Сережа,—начала она нерѣшительно.—Вчера Оля отозвалась о Серафимѣ такъ, что мнѣ стало обидно... сегодня...

Она перевела духъ и спросила:

— Почему она такъ вела себя въ театрѣ?

— Легкомысленная бабенка, вотъ и все, — уклончиво отвѣтилъ Ворошиловъ.

— Что же Жоржикъ не скажетъ ей, что это неприлично?

— Жоржикъ? — почти съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй Сергѣевичъ и пожалъ плечами: — какое же право имѣетъ

онъ въ чемъ-нибудь останавливать ее? Мужъ—ширма! Онъ зналъ, на что онъ идетъ, когда женился.

Маріанна ничего не поняла, но тѣмъ не менѣе чутьемъ угадала, что мужъ не договариваетъ чего-то, и это что-то показалось ей возмутительнымъ. Она подавленнымъ голосомъ спросила мужа:

— Серёжа, она очень дурная женщина?

— Ну, вотъ еще! Просто свихнулась еще до замужества. Нужно было какъ-нибудь поправить дѣло. Ея Дубасовъ или, вѣрнѣе, отецъ ея Дубасова и нашелъ Жоржика.

Маріанна широко открыла глаза: Серафима свихнулась до замужества? Дубасовъ нашелъ Жоржика? Ничего она не понимала. Ни о чемъ подобномъ она не слыхала въ стѣнахъ института. Но ей хотѣлось все знать, все выяснить. Вѣдь Серафима ей сестра. Жоржикъ мужъ Серафимы. Какъ же ей не знать, что за люди ея родные. Въ то же время ей было мучительно стыдно слышать о нихъ дурное, позорное.

Они доѣхали до дому, поднялись по лѣстницѣ.

— Чаю прикажете?—спросила горничная, открывъ предъ ними двери и пропуская ихъ въ переднюю.

— Да, да, я немного озябла, — сказала Маріанна и вздрогнула.—Какъ хорошо, что у насъ такъ тепло.

— Да, дитя, — отозвался Сергѣй Сергѣевичъ. — Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

Онъ обнялъ и поцѣловалъ ее.

За чаемъ опять заговорили о Серафимѣ. Ворошиловъ опять назвалъ Жоржика ширмой.

— Сережа, что ты говоришь?—воскликнула Маріанна.—Это что-то возмутительное. Нѣтъ, этого не можетъ быть!

— Дитя, чего ты волнуешься? Мало ли что бываетъ на свѣтѣ!—ласково проговорилъ Ворошиловъ.—Нельзя же, повторяю тебѣ, въ жизни всякое лыко въ строку ставить. Каждый живетъ такъ, какъ можетъ и какъ хочетъ.

— Ахъ, не говори такъ! Я не хочу, чтобы ты такъ говорилъ!—воскликнула она горячо, почти строптиво.—Они дурные люди, и мнѣ больно, что они мои родные; мнѣ стыдно, что мои родные такіе. Теперь я понимаю, почему твоя мать не хотѣла, чтобы ты вступилъ въ нашу семью...

— Ну, мать сама иногда легкомысленничаетъ, недаромъ при себѣ своего Адольфа секретаремъ держитъ. Конечно, на эти вещи нельзя смотрѣть такъ, какъ ты смотришь или какъ смотритъ Ольга. У той тоже все великіе вопросы и строгія осужденія.

Она съ удивленіемъ, словно съ испугомъ, взглянула на мужа.

— А ты? Тебѣ все равно, что дѣлается вокругъ тебя?

— Да вѣдь я же не отвѣчаю за другихъ? Я не Адольфъ, я не Жоржикъ — и слава Богу. Они же сами отвѣтятъ за себя. Люди не боги. Одинъ здѣсь, другой тамъ оступился, у кого нога кривая, у кого глазъ косой. Только Богъ безъ грѣха, а мы... «Мы всѣ невинны отъ рожденья...»

— Нѣтъ, нѣтъ, не шути такими вещами!—перебила она его страстно, возмущаясь.—Мнѣ вотъ теперь стыдно будетъ смотрѣть на Симу, а ты...

И, перемѣнивъ тонъ, она сказала:

— Ты знаешь, конечно, всѣ подробности? Да? Разскажи мнѣ все. Я хочу знать правду, всю правду!

Онъ попробовалъ отговориться.

— Да на что тебѣ знать? Пустяки все. Ничего особеннаго.

— Какъ: на что? Она моя сестра! Мнѣ надо все знать, весь этотъ позоръ. Лучше ужъ разомъ все узнать, отъ тебя узнать, чѣмъ потомъ отъ чужихъ, отъ постороннихъ.

Онъ покачалъ головой.

— Ахъ, ты горячая моя головка! Ну, хорошо, я тебѣ разскажу все, хотя и разсказывать-то нечего; повторяю, ничего нѣтъ особеннаго. Обыкновенная исторія изъ самыхъ скучныхъ. Въ сущности, житейская слякоть.

То, что казалось ему обыкновеннымъ, ей показалось чудовищнымъ, непонятнымъ.

Серафима еще дѣвушкой сбилась съ пути. Виновникомъ былъ юноша Дубасовъ, еще учившійся въ аристократическомъ частномъ пансіонѣ. Отецъ Дубасова былъ важнымъ сановникомъ и жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ росла Сима. Молодой Дубасовъ еще мальчикомъ встрѣчался съ нею въ коридорахъ, на лѣстницахъ, видалъ ее въ окнѣ, когда она смотрѣла сверху на сутолоку улицы. Сперва онъ шалилъ, заигрывая съ нею, потомъ дѣло приняло серьезный оборотъ, когда онъ подросъ и сталъ покучивать. Дубасовъ даже, въ порывѣ увлеченія, хотѣлъ на ней жениться по окончаніи курса ученія. Но отецъ отправилъ его надолго за границу, и въ это время прінскали Жоржика. Жоржикъ зналъ всю исторію и женился, сознавая, что это выгодно. Жоржикъ хотя и легкомысленъ по виду, но онъ расчетливъ. Молодой Дубасовъ самъ быстро сдѣлалъ карьеру, и Жоржика тянетъ за уши. Правда, Симочка не вполнѣ осталась вѣрна своей первой любви. Кажется, она легкомысленничаетъ. Но не-

льзя же на нее сердиться особенно за это. Темпераментъ такой. Одалиска по натурѣ. Все это Сергѣй Сергѣевичъ разсказывалъ такъ небрежно, такъ мимоходомъ, какъ будто рѣчь шла о самыхъ простыхъ явленіяхъ. Онъ даже не замѣтилъ, что на лицѣ Маріанны то разливалась блѣдность, то оно вспыхивало краской стыда.

— Да какъ же мама-то?—почти стономъ вырвалось изъ ея груди.

— Ну, не станемъ говорить о твоей матери, — коротко сказалъ Сергѣй Сергѣевичъ.

Она взглянула на него, поняла, что если начать говорить о матери, то она узнаетъ еще худшее.

Она упавшимъ голосомъ спросила:

— И твои мать и сестра все это знали?

— Мать—едва ли; Ольга знала все отъ мужа; онъ знаетъ Жоржика, какъ вся наша компанія. Онъ даже вздумалъ передъ нашей свадьбой вмѣшаться въ мое дѣло, ну, да я не очень-то это люблю.

Она молчала. Тысячи думъ, мучительныхъ, болѣзненныхъ, роились въ ея головѣ. Ужъ не потому ли ей не дали курса кончить, чтобы не упустить изъ рукъ выгоднаго жениха? Можетъ-быть, если бы упустили еще мѣсяцъ,— ей никогда не быть бы женою Сережи. Совершенно неожиданно она схватила руку мужа и припала къ ней губами.

— И ты все-таки женился на мнѣ! — въ слезахъ воскликнула она.

Онъ растерялся и испугался, и ничего не понялъ.

— Да вѣдь ты мнѣ нравилась, влюбленъ я былъ, — началъ онъ и сталъ ее уговаривать: — Полно, полно, дитя, о чемъ это ты? Я, право, не понимаю!

— Такая позорная родня,—шептала она.—Мнѣ теперь самой стыдно глядѣть на людей, на твою мать, на Ольгу, на ея мужа, на твоихъ родныхъ и знакомыхъ.

Онъ опять обнялъ ее, уже смѣясь неудержимымъ смѣхомъ легкомысленнаго мальчугана.

— Мать! Графъ? знакомые и родные! Ха-ха-ха! Нашла передъ кѣмъ стѣсняться! Да они, можетъ-быть, еще хуже! Въ раю они живутъ, что ли? Развѣ они безплотные ангелы, а не люди?

И, шутя, онъ началъ объяснять ей, что это за люди, какъ они живутъ, какъ поступаютъ. Для него это былъ рядъ смѣшныхъ анекдотовъ, воспоминаній о комическихъ сценахъ, о критическихъ положеніяхъ въ жизни тѣхъ или

другихъ лицъ. Безъ смѣха объ этомъ было трудно говорить. Она не смѣялась и слушала мужа съ широко открытыми, по-дѣтски удивленными глазами. Наконецъ, она проговорила:

— Не смѣйся, Сережа! Это вѣдь позорно, гадко!

— Смѣшно, дитя, смѣшно и только!—сказалъ онъ.—Нельзя же требовать, чтобы люди были безгрѣшными ангелами. Этого можетъ требовать только Ольга, нѣсколько педантичная и сухая отъ природы, да развѣ еще ты, моя наивная институтка.

Ей показалось, что онъ подшучиваетъ надъ ней, и она почти со страхомъ спросила:

— Ты этимъ не доволенъ, что я такая?

— О, нѣтъ, нѣтъ! — горячо воскликнулъ онъ.—Я именно о такой женѣ и мечталъ, только такую дѣвушку и могъ полюбить, наивную, чистую, ничего не испытавшую. Какая же любовь, если не боготворишь, не уважаешь женщину? Съ такими играютъ въ любовь, но не любятъ ихъ.

И, нѣжно обнявъ ее, онъ добавилъ:

— Но все же, дитя, не надо дѣлать изъ всего этого ни драмъ, ни трагедій, какъ дѣлаетъ Ольга. Все это человѣческая комедія и только комедія. На нее надо смотрѣть и смѣяться.

Она молча слушала его, чувствуя съ горечью, что у нея нѣтъ силъ смѣяться теперь. Онъ заглянулъ въ ея большіе сѣрые глаза, въ которыхъ стояли слезы.

— Вотъ я осушу эти глазки! Это мои глазки? Да?

— Да, да, твои, милый, — разсѣянно отвѣтила она, въ страхѣ прижимаясь къ нему.—Мы вѣдь никогда не будемъ такими, какъ они?

— Что за мысль? Конечно, нѣтъ!

V.

— А я къ тебѣ погостить!

Съ этой фразой въ одинъ изъ осеннихъ дней вошла въ комнату Маріанны Дарья Никоновна. Маріанна, сидѣвшая за работой и безпечно напѣвавшая что-то, чуть не вскрикнула отъ испуга, такъ какъ она не слышала ни звонка въ передней, ни шаговъ матери.

— Испугалась, не слыхала, какъ вы звонили,—въ замѣшательствѣ объяснила Маріанна, здороваясь съ матерью.

— Да я и не звонила вовсе, — отвѣчала та, цѣлуясь съ дочерью.—Чего трезвонъ поднимать. Черезъ кухню прошла. Не важная барыня... А и раскормили же вы свою Аку-

лину. Точно опара, разлѣзлась во всѣ стороны. Воруетъ, должно-быть, за троихъ.

— Нѣтъ, Акулина прекрасная женщина, — сказала Маріанна.

— Всѣ онѣ прекрасныя, пока спятъ,—проговорила Дарья Никоновна и присѣла противъ дочери. бросивъ на стулъ старомодную шляпу съ пестрыми бантами. — А я съ Симкой сегодня разругалась не на животъ, а на смерть. Вотъ бѣсъто! Придралась и пошла, и пошла, зубъ за зубъ... Давно она меня сплавить хотѣла. Мѣшаю.

Она быстро заговорила о Серафимѣ и Жоржикѣ, жалуясь на нихъ и описывая ихъ домашній бытъ. Кутятъ они и ведутъ безалаберную жизнь. Въ сущности, добываютъ много, но все уходитъ на тряпки, на обстановку, а копить не умѣютъ. Думаютъ, что всегда такъ будетъ, а того не соображаютъ, что могутъ придти и черные дни. Не для тряпокъ и не для обстановки надо наживать деньги, а чтобы копейка была на черный день. Черный день не за горами, а за плечами стоитъ. Его бояться нужно. Безъ денегъ человѣкъ останется—ложись и умирай. Люди подлецы; покуда есть деньги, до той поры они и хвостами передъ тобой виляютъ...

Она говорила быстро, сильно жестикулируя, съ бойкостью рыночной торговки, привыкшей «лаяться» зубъ за зубъ съ людьми. Ея массивная, опустившаяся фигура, ея широкое, обрюзгшее лицо, ея пестрый, но неряшливый нарядъ,—все было вульгарно.

— А что твоему-то благовѣрному мать помогаетъ?—спросила неожиданно она, перемѣняя тонъ.

— Нѣтъ, мы не нуждаемся ни въ чьей помощи,—отвѣтила Маріанна.— На скромную жизнь и своихъ денегъ хватитъ у Сережи.

— Кто въ деньгахъ не нуждается!—воскликнула Дарья Никоновна.—Штиглицу дай, и тотъ отъ денегъ не откажется. Скажи просто, что жидоморка мать-то твоего Сергѣя Сергѣевича—это такъ. Дрожитъ надъ своими капиталами. Мужа на смертномъ одрѣ подбила все ей оставить. Дѣтей ограбила. Сквалыга! Торговка торговкой всегда и останется, въ какіе шелки ее ни одѣнь, изъ-за гроша задавится. А Ольга Сергѣевна, графиня-то, все, поди, отъ бездѣлья со своимъ пріютомъ возится?

— Да, она очень дѣятельно заботится о пріютѣ.

— Съ жиру бѣсится, отъ бездѣлья! Охъ, ужъ эти барыни. Поработали бы, какъ наша сестра, въ потѣ лица—никакихъ

такихъ пріютовъ не стали бы заводить. И какъ посмотрѣла я на нее — не диво, что и мужъ бросилъ: никакого форса нѣтъ, держится, какъ истуканъ, ровно лимоновъ наглоталась...

И, опять перемѣняя тему, она стала разсказывать, какія дѣла она дѣлаетъ теперь: свадьбу одной купчихи устраиваетъ.

— Подмоченный товаръ-то, ну, и надо спихнуть его съ рукъ. Хорошія деньги обѣщали, коли оболтаю дѣвчонку съ кѣмъ ни на есть. Люди вѣрные, даромъ что изъ сермяжниковъ. Что обѣщали, то и дадутъ. Вотъ люди — такъ люди...

Она стала распространяться объ этихъ сермяжникахъ и воодушевилась, разсказывая, какъ нажился отецъ невѣсты: простой половой былъ въ трактирѣ, а сумѣлъ выбиться на дорогу, «чаями» наспиралъ, на проценты молодежи деньги давалъ, теперь собственные свои трактиры имѣетъ, купцомъ числится, недавно орденъ получилъ. Пожертвовалъ деньги на пріютъ и получилъ за это орденъ. Кажется, на что бы ему этотъ орденъ, а ужъ какъ хлопоталъ, какъ хлопоталъ о немъ, просто изъ кожи лѣзъ, спалъ и во снѣ видѣлъ этотъ самый орденъ. Медали имѣетъ, такъ нѣтъ, мало, подавай орденъ. Амбиція все. Нѣтъ человѣка, у котораго не было бы своей амбиціи.

Она разсказывала это, захлебываясь отъ удивленія, попрежнему скороговоркой, вульгарно, попловатымъ тономъ, размахивая руками. Въ ея крупной фигурѣ, въ ея энергичныхъ движеніяхъ, въ ея рѣзкихъ фразахъ было теперь нѣчто солдатское, грубое, властное. Это была расходившаяся петербургская писарша съ головы до пятокъ. Маріанна совсѣмъ присмирѣла, какъ бы съежилась передъ нею. Въ институтѣ она отвыкла отъ всего этого.

Мужъ-то въ которомъ часу приходитъ изъ должности? — спросила Дарья Никоновна, кончивъ разсказъ о восхищавшихъ ее «сермяжникахъ».

— Въ четыре, — отвѣтила Маріанна тихо.

— Сейчасъ и обѣдаете?

— Да.

Дарья Никоновна взглянула на столовые часы.

— Теперь половина четвертаго. Обѣдъ-то готовъ?

— Вѣроятно.

— Такъ что-жъ ты не заглянешь въ кухню?

— Люди знаютъ, когда должно быть все готово.

— А все же самой надо заглянуть. Свой глазъ вездѣ нуженъ. Не хозяйка ты, какъ я вижу. Многому тебя учить

еще надо. Охъ, ужъ этотъ институтъ! Ничему-то васъ тамъ не научили!..

Она встала и пошла въ кухню.

Маріанна почувствовала, что мать отнынѣ будетъ вмѣшиваться во все. Хорошо еще, что она пріѣхала только погостить, а не жить. Съ ней жить не сладко. Маріанна помнила, какія бури поднимала Дарья Никоновна въ былыя времена дома. Неужели и здѣсь будетъ то же? Вотъ она говоритъ, что разругалась съ Симой. Здѣсь тоже, пожалуй, разругается. Только бы не при Сережѣ. Онъ не любитъ никакихъ дрязгъ и говоритъ о нихъ съ брезгливостью. Непріятно ему будетъ, что ея мать пришла къ нимъ гостить.

Въ четыре часа вернулся изъ должности Сергѣй Сергѣевичъ и, увидавъ Дарью Никоновну, шутливо, немного насмѣшливо поздоровался съ ней:

— А, мамахенъ, добро пожаловать!

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой мой, — униженнымъ тономъ заговорила она. — Соскучилась по васъ, по Маріаннѣ, вотъ погостить къ вамъ собралась, голубки мои бѣлые!

— Что-жъ, милости просимъ,— сказалъ онъ, не обращая особеннаго вниманія не нее, и, поцѣловавъ жену, заговорилъ о разныхъ новостяхъ дня.

Визитъ Дарьи Никоновны и ея желаніе погостить у Ворошиловыхъ не произвели никакого особеннаго впечатлѣнія на Сергѣя Сергѣевича. Ему было совершенно все равно, день или два останется у нихъ въ квартирѣ мать его жены: онъ не придавалъ этому никакого значенія. Эта женщина была для него совершенно чужой, не интересовавшей его личностью. Маріанна замѣтила, что онъ не сдѣлалъ даже гримасы, услышавъ, что ея мать будетъ гостить у нихъ, и подумала: «Господи, какой онъ добрый. Мнѣ вотъ непріятно, что мама поселяется у насъ, а онъ смотритъ на это такъ добродушно. Его это не стѣсняетъ»...

Обѣдъ кончился, когда къ Ворошиловымъ заѣхала Ольга Сергѣевна, навѣдывавшаяся теперь все чаще и чаще въ домъ брата. Дарья Никоновна какъ-то незамѣтно исчезла при ея появленіи изъ столовой. Ольга Сергѣевна просидѣла съ часъ и уѣхала. Уѣхалъ и Сергѣй Сергѣевичъ куда-то по дѣлу. Тогда неожиданно появилась мать.

— Ну, что, зачѣмъ пріѣзжала графиня-то? — спросила она у дочери, съ любопытствомъ ожидая отвѣта.

Маріанна удивленно взглянула на нее, точно спрашивая,

такихъ пріютовъ не стали бы заводить. И какъ посмотрѣла я на нее—не диво, что и мужъ бросилъ: никакого форса нѣтъ, держится, какъ истуканъ, ровно лимоновъ наглоталась...

И, опять перемѣняя тему, она стала разсказывать, какія дѣла она дѣлаетъ теперь: свадьбу одной купчихи устраиваетъ.

— Подмоченный товаръ-то, ну, и надо спихнуть его съ рукъ. Хорошія деньги обѣщали, коли оболтаю дѣвчонку съ кѣмъ ни на есть. Люди вѣрные, даромъ что изъ сермяжниковъ. Что обѣщали, то и дадутъ. Вотъ люди—такъ люди...

Она стала распространяться объ этихъ сермяжникахъ и воодушевилась, разсказывая, какъ нажился отецъ невѣсты: простой половой былъ въ трактирѣ, а сумѣлъ выбиться на дорогу, «чаями» насбиралъ, на проценты молодежи деньги давалъ, теперь собственные свои трактиры имѣетъ, купцомъ числится, недавно орденъ получилъ. Пожертвовалъ деньги на пріютъ и получилъ за это орденъ. Кажется, на что бы ему этотъ орденъ, а ужъ какъ хлопоталъ, какъ хлопоталъ о немъ, просто изъ кожи лѣзъ, спалъ и во снѣ видѣлъ этотъ самый орденъ. Медали имѣетъ, такъ нѣтъ, мало, подавай орденъ. Амбиція все. Нѣтъ человѣка, у котораго не было бы своей амбиціи.

Она разсказывала это, захлебываясь отъ удивленія, попрежнему скороговоркой, вульгарно, пошловатымъ тономъ, размахивая руками. Въ ея крупной фигурѣ, въ ея энергичныхъ движеніяхъ, въ ея рѣзкихъ фразахъ было теперь нѣчто солдатское, грубое, властное. Это была расходившаяся петербургская писарша съ головы до пятокъ. Маріанна совсѣмъ присмирѣла, какъ бы съежилась передъ нею. Въ институтѣ она отвыкла отъ всего этого.

Мужъ-то въ которомъ часу приходитъ изъ должности?—спросила Дарья Никоновна, кончивъ разсказъ о восхищавшихъ ее «сермяжникахъ».

— Въ четыре,—отвѣтила Маріанна тихо.

— Сейчасъ и обѣдаете?

— Да.

Дарья Никоновна взглянула на столовые часы.

— Теперь половина четвертаго. Обѣдъ-то готовъ?

— Вѣроятно.

— Такъ что-жъ ты не заглянешь въ кухню?

— Люди знаютъ, когда должно быть все готово.

— А все же самой надо заглянуть. Свой глазъ вездѣ нуженъ. Не хозяйка ты, какъ я вижу. Многому тебя учить

еще надо. Охъ, ужъ этотъ институтъ! Ничему-то васъ тамъ не научили!..

Она встала и пошла въ кухню.

Маріанна почувствовала, что мать отнынѣ будетъ вмѣшиваться во все. Хорошо еще, что она пріѣхала только погостить, а не жить. Съ ней жить не сладко. Маріанна помнила, какія бури поднимала Дарья Никоновна въ былыя времена дома. Неужели и здѣсь будетъ то же? Вотъ она говоритъ, что разругалась съ Симой. Здѣсь тоже, пожалуй, разругается. Только бы не при Сережѣ. Онъ не любитъ никакихъ дрязгъ и говоритъ о нихъ съ брезгливостью. Непріятно ему будетъ, что ея мать пришла къ нимъ гостить.

Въ четыре часа вернулся изъ должности Сергѣй Сергѣевичъ и, увидавъ Дарью Никоновну, шутливо, немного насмѣшливо поздоровался съ ней:

— А, мамахенъ, добро пожаловать!

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой мой, — униженнымъ тономъ заговорила она. — Соскучилась по васъ, по Маріаннѣ, вотъ погостить къ вамъ собралась, голубки мои бѣлые!

— Что-жъ, милости просимъ,— сказалъ онъ, не обращая особеннаго вниманія не нее, и, поцѣловавъ жену, заговорилъ о разныхъ новостяхъ дня.

Визитъ Дарьи Никоновны и ея желаніе погостить у Ворошиловыхъ не произвели никакого особеннаго впечатлѣнія на Сергѣя Сергѣевича. Ему было совершенно все равно, день или два останется у нихъ въ квартирѣ мать его жены: онъ не придавалъ этому никакого значенія. Эта женщина была для него совершенно чужой, не интересовавшей его личностью. Маріанна замѣтила, что онъ не сдѣлалъ даже гримасы, услышавъ, что ея мать будетъ гостить у нихъ, и подумала: «Господи, какой онъ добрый. Мнѣ вотъ непріятно, что мама поселяется у насъ, а онъ смотритъ на это такъ добродушно. Его это не стѣсняетъ»...

Обѣдъ кончился, когда къ Ворошиловымъ заѣхала Ольга Сергѣевна, навѣдывавшаяся теперь все чаще и чаще въ домъ брата. Дарья Никоновна какъ-то незамѣтно исчезла при ея появленіи изъ столовой. Ольга Сергѣевна просидѣла съ часъ и уѣхала. Уѣхалъ и Сергѣй Сергѣевичъ куда-то по дѣлу. Тогда неожиданно появилась мать.

— Ну, что, зачѣмъ пріѣзжала графиня-то? — спросила она у дочери, съ любопытствомъ ожидая отвѣта.

Маріанна удивленно взглянула на нее, точно спрашивая,

откуда внезапно появилась мать: только теперь она вспомнила, что мать гостит у нея и что при пріѣздѣ Ольги Сергѣевны она куда-то неожиданно исчезла. Не отвѣчая на ея вопросъ, она спросила:

— Да гдѣ же вы были все это время?

— А я у Саши въ комнатѣ сидѣла! — отвѣтила Дарья Никоновна.

— У Саши? — въ недоумѣніи спросила Ворошилова. — Зачѣмъ это?

— Ну, вотъ еще! Чего я буду мозолить глаза вашимъ сіятельнымъ гостямъ? Я свое мѣсто знаю. Нечего мнѣ лѣзть на глаза вашимъ графиням. Мы люди простые, съ князьями, да съ графьями намъ не якшаться. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

Маріанна немного нахмурилась.

— Да, но и у прислуги, и у горничной въ комнатѣ сидѣть вамъ не приходится, серьезно замѣтила она.—Вы моя мать.

Да я осмотрѣла у васъ всѣ комнаты — негдѣ пріютиться, а у горничной твоей просторно. Барышней тоже держите холопку...

Только тутъ вспомнила Маріанна, что надо отвести помѣщеніе для матери. До этой минуты ей это и въ голову не приходило, а между тѣмъ объ этомъ надо было подумать. Гдѣ-нибудь должна же помѣститься старуха. Но гдѣ?

— Надо будетъ освободить для васъ какую-нибудь комнату, — озабоченно сказала Ворошилова. — Нельзя ли убрать шкапы изъ гардеробной.

— А ты бы комнату Саши очистила для меня, а ее въ ванной можно пристроить. Не важная птица!

Ну, нѣтъ, какъ же можно у нея отнимать помѣщеніе!—воскликнула Маріанна. —За что же ее обижать? Гардеробная просторна, и въ ней вамъ будетъ хорошо, если убрать шкапы въ коридоръ и въ ванную комнату.

— Что жъ, дѣлай, какъ знаешь! А только прислугу не слѣдъ баловать. Зазнается, на шею сядетъ...

Началась перестановка мебели при помощи дворниковъ. Въ душѣ Маріанны, когда началась эта возня, поднялось странное чувство тревоги, смутнаго недовольства, непонятной боязни передъ чѣмъ-то. Ей казалось помимо воли, что уже теперь у нихъ будетъ не по-старому, что въ ихъ жизни будетъ что-то новое, что нарушитъ прежній порядокъ ихъ жизни. Ей смутно казалось, что ихъ гнѣздышко ломается, передѣлывается, разоряется. Ее, когда мебель передвинули,

стало безпокоить даже то, что гардеробная находится подлѣ спальни, гдѣ спали она и ея мужъ. Рѣшившись помѣстить мать въ гардеробной, она не сообразила сразу этого обстоятельства, а теперь оно безпокоило ее: мать будетъ слышать все, что они говорятъ вдвоемъ, станетъ подслушивать. О, она, Маріанна, хорошо помнила привычки Дарьи Никоновны! Она въ то же время мысленно упрекала себя за эгоизмъ, за недостатокъ любви къ матери; Сережа вотъ добродушно отнесся къ пріѣзду матери, а она волнуется, безпокоиться, боится чего-то. Еще нѣтъ никакой бѣды, а она уже волнуется и чуть не плачетъ. О чемъ? О томъ, что въ ихъ квартирѣ прогоститъ двѣ-три недѣли ея мать? Ну да, объ этомъ, потому что третье лицо будетъ мѣшать полнотѣ ихъ счастья. Ей самой стало странно, какъ она любитъ Сережу: быть съ нимъ вдвоемъ — вотъ все, чего она желаетъ. Каждое постороннее существо, даже мать, тяготитъ ее, какъ бы мѣшаетъ ей быть съ Сережей, точно отдаляетъ его отъ нея. Немного успокоившись, она улыбнулась, подумавъ: «Нельзя же на необитаемомъ островѣ жить!»

Вечеромъ за чаемъ возвратившійся Сергѣй Сергѣевичъ спросилъ у жены:

— Дарья Никоновна развѣ уже ушла?

Маріанна растерялась и покраснѣла:

— Я, Сережа, и забыла о ней! — пробормотала она и позвала горничную.—Саша, скажите мамѣ, что чай поданъ.

Горничная замялась и отвѣтила:

— Онѣ-съ легли спать!

— Какъ же такъ, безъ чаю? — сказалъ Ворошиловъ и обратился къ женѣ. — Она, вѣрно, привыкла раньше пить чай. Ты распорядись, чтобы давали ей чай раньше, когда она привыкла пить его.

Горничная опять въ смущеніи замѣтила:

— Онѣ сказали, что не пьютъ по вечерамъ чаю.

— Какъ не пьютъ?—спросилъ Сергѣй Сергѣевичъ.

— Имъ, говорили онѣ, пиво докторъ приказалъ пить для здоровья,—пояснила горничная.

Маріанна вспыхнула до ушей. Ей показалось, что по лицу Саши скользнула лукавая усмѣшка.

— Пиво?—спросилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—Ну, такъ надо распорядиться...

— Онѣ-съ посылали за пивомъ,—сказала горничная.

— Хорошо, идите,—прошептала растерянно Маріанна и, когда горничная ушла, обратилась къ мужу жалующимся

тономъ: Ахъ, Сережа, совѣмъ она испортила мнѣ сегодняшній день.

— Полно, дитя! — ласково проговорилъ онъ. — Чего ты волнуешься? Что тутъ такого особеннаго?

Я не знаю, но мнѣ такъ тяжело, такъ тяжело... И зачѣмъ она пріѣхала къ намъ гостить?.. Намъ такъ хорошо было вдвоемъ...

— Да мы и теперь вдвоемъ, — шутливо сказалъ онъ, обнимая ее. Она, кажется, стѣснять насъ и не будетъ.

Онъ былъ правъ. Дарья Никоновна не стѣсняла ихъ. При гостяхъ она уходила въ свою комнату. Тамъ же сидѣла она, когда мужъ и жена были вдвоемъ. Только когда Маріанна оставалась одна, Дарья Никоновна являлась къ ней, разсказывала про свои дѣла, жаловалась на прислугу, передавала подробно, какъ живутъ Симка и Егорка, разспрашивала, что говорили гости, что дѣлаютъ старуха Ворошилова и Ольга Сергѣевна, сѣтовала, что старуха Ворошилова рѣдко ѣздитъ къ сыну, почти не приглашаетъ Маріанну къ себѣ, а у самой пиры да банкеты. Дарья Никоновна знала все и про всѣхъ, была ходячей газетой. Не было человѣка, котораго не осуцила бы она, раскапывая вездѣ грязь и грязь. Маріанна пропускала мимо ушей разсказы и жалобы матери, а на разспросы ея отвѣчала коротко и сухо. Ее инстинктивно пугали всякія дрязги, и она уклонялась отъ нихъ. Тревожило ее только то, что мать все яснѣе и яснѣе доказывала дочери, что дочь не хозяйка, что она живетъ спустя рукава, что такъ у нихъ все разворуютъ, что нужно подумать и о карманѣ мужа, чтобы онъ не разлѣзся. Молодая женщина начинала сознавать, что дѣйствительно въ институтѣ ее не научили ни хозяйничать, ни экономизировать, что, можетъ-быть, мать и права, пророча имъ близкое разореніе, чуть ни нищету. Смутная тревога пробуждалась въ душѣ молодой женщины. Впервые пришлось ей испытать и мелочныя дрязги съ прислугой.

Несмотря на эти мелочи, жизнь молодыхъ супруговъ текла попрежнему мирно и тихо. Разнообразили ее только воскресныя посѣщенія гостей: какъ-то само собой сложилось такъ, что въ воскресные вечера къ Ворошиловымъ стали собираться друзья и пріятели; обыкновенно собиралось человѣкъ десять, пятнадцать съ Жоржикомъ и Серафимой во главѣ. Проводились вечера въ разговорахъ, по большей части, среди разсказыванья двусмысленныхъ и пикантныхъ анекдотовъ, иногда кто-нибудь игралъ на фортепіано или пѣлъ, подчасъ

даже танцовали подъ фортепіано или заѣвали petits jeux, порой послѣ ужина, когда начинался зимній путь, немного подкутившая компанія гостей уѣзжала на тройкахъ прокатиться за городъ, пріятели подзывали и хозяевъ, но Маріанна уже сильно заботилась о своемъ здоровьѣ, а Сергѣй Сергѣевичъ никакъ не соглашался оставить ее одну, однако, раза два согласился и онъ проѣхаться за городъ.

Мать Ворошилова, изрѣдка видѣвшаяся съ сыномъ и его женою, ни разу не была на этихъ вечерахъ и съ свойственною безцеремонностью замѣтила Маріаннѣ:

— Не люблю я этихъ мѣщанскихъ вечеринокъ, мой другъ. Очень ужъ это убого и жалко. Я удивляюсь даже Сержу, какъ онъ могъ свыкнуться съ этой жизнью. Онъ вѣдь привыкъ не такъ жить...

И она разсказывала Маріаннѣ, какъ живутъ въ ихъ кругу, какъ жилъ Сержъ, будучи еще мальчишкой. Въ ихъ кругу балы и пиры обходятся въ десятки тысячъ рублей; всѣ стараются перещеголять другъ друга. Если кто кутитъ, то кутитъ широко, размашисто, не на гроши. Недавно еще въ одномъ изъ домовъ на Калашниковскомъ проспектѣ давался балъ и спектакль, такъ тутъ однихъ брильянтовъ чуть не на милліонъ было; платья дамъ дѣлались въ Парижѣ у Ворта; для гостей были выписаны фіалки и розы изъ-за границы, меню были разрисованы лучшимъ акварелистомъ. Разумѣется, послѣ этой роскоши и блеска какъ-то странно бывать на вечеринкахъ, гдѣ людямъ «тѣсно, какъ сельдямъ въ бочонкѣ». Маріанна слушала, нисколько не увлекаясь этими разсказами о блестящихъ балахъ и домашнихъ спектакляхъ, и еще яснѣе сознавала только одно то, что Сережа дѣйствительно ее любитъ, такъ какъ онъ вполнѣ примиряется со своей настоящей скромной жизнью, не скучая о шумныхъ развлеченіяхъ среди милліонеровъ купеческой и биржевой аристократіи. Для нея онъ отказался отъ той шумной и разнообразной жизни, которою живетъ богатая молодежь, и которою онъ жилъ самъ, какъ говорила его мать...

Иначе отозвалось на Маріаннѣ замѣчаніе объ этихъ jours fixes со стороны Ольги Сергѣевны. Какъ-то Маріанна замѣтила ей, почему она не бываетъ у нихъ въ воскресенья вечеромъ. Ольга Сергѣевна вполнѣ откровенно высказала ей:

— Не люблю я этой пустой болтовни назначенныхъ вечеровъ. Это просто предлоги для легкихъ попоекъ и больше ничего.

До этой минуты Маріанна ни разу не задумывалась о характерѣ ихъ воскресныхъ вечеровъ, относилась къ нимъ такъ же безразлично, какъ мы относимся къ своимъ ежедневнымъ завтракамъ, обѣдамъ, ужинамъ. Теперь она задумалась объ этихъ собраніяхъ, стала наблюдать и увидала, что дѣйствительно разговоры на вечерахъ были пустыми и вялыми съ начала вечера, потомъ за ужиномъ начиналось оживленіе, сыпались анекдоты и двусмысленности, такъ какъ гости оживлялись водкой, виномъ и пивомъ. Ничто никого здѣсь не задѣвало за живое: театры, концерты, книги, если иногда заходила о нихъ рѣчь, разсматривались съ одной точки зрѣнія, какъ увеселенія, и вызывали короткіе приговоры: «ничего, забавно», или «скучища страшная». Порой, когда истощались всѣ анекдоты и исчерпывались всѣ несложныя темы для разговоровъ, начинались вышучиванія Жоржика безъ стѣсненій, въ глаза, и Жоржикъ превосходно разыгрывалъ роль хитраго шута, тѣшa общество циничною откровенностью и разсказывая о своихъ продѣлкахъ. Маріанна оскорблялась за него, не понимала, какъ онъ можетъ играть унизительную роль мишени для шутокъ, возмущалась тѣмъ, что окружающіе не могутъ найти лучшей забавы. Она даже обидѣлась впервые серьезно на мужа, когда тотъ сталъ утверждать, что въ шуткахъ надъ Жоржикомъ нѣтъ ничего возмутительнаго, что Жоржикъ для того и созданъ, чтобы потѣшать общество. Подмѣтила Маріанна еще одну непріятную сторону этихъ вечеровъ: когда послѣ ужина гости перебирались въ залу, Дарья Никоновна, прятавшаяся въ своей комнатѣ къ теченіе вечера, проникала, какъ тѣнь, въ столовую подъ предлогомъ уборки со стола хрусталя и серебра. Разъ Маріанна застала ее во время этой уборки: Дарья Никоновна сливала оставшееся въ рюмкахъ вино въ одну рюмку и выпивала эти остатки, то же дѣлалось и съ пивомъ, оставшимся въ стаканахъ. Маріанна вспыхнула и чуть не расплакалась. Только теперь поняла она, почему мать, ложившаяся обыкновенно спать очень рано, ждала въ воскресные дни конца ужина. Маріанна съ этого вечера начала какъ-то конфузиться передъ прислугой, когда рѣчь заходила о Дарьѣ Никоновнѣ. Ей казалось, что вотъ-вотъ служанки скажутъ ей, что ея мать пьетъ.

Чѣмъ далѣе подвигалась впередъ зима, тѣмъ тяжелѣе были для Маріанны воскресные вечера, такъ какъ ея беременность уже ясно сказывалась и приходила къ концу.

Разъ она замѣтила мужу, что ее тяготятъ эти вечера. Онъ сказалъ:

— Да ты, дитя, не церемонься, если тебѣ тяжело, и ложись спать. У насъ же бываютъ все свои, и никто не осудитъ тебя въ твоемъ положеніи. Я не хотѣлъ бы прекращать этихъ вечеровъ совсѣмъ, такъ какъ надо же видѣться иногда съ пріятелями и развлечься. Я вѣдь и такъ сталъ совсѣмъ отшельникомъ...

— Тебя это тяготитъ?—съ тревогой спросила она.

— Ну, вотъ еще! Я очень радъ, что отсталъ отъ кутящихъ саврасовъ. Это мнѣ было не по карману. Но нельзя же жить вовсе безъ знакомыхъ...

Она вздохнула и не протестовала. Нельзя же лишать его удовольствія, если онъ любитъ видѣть у себя пріятелей и друзей. Она только замѣтила:

— Но какъ я счастлива, когда мы проводимъ вечера съ тобой вдвоемъ или втроемъ съ Ольгой.

— Дитя, у всего есть своя прелесть!—сказалъ онъ.—Я самъ люблю эти вечера вдвоемъ или втроемъ. Но нужно же и посмѣяться.

Онъ улыбнулся и прибавилъ шутливо:

— Съ Ольгой шутить нельзя. У нея все великіе вопросы. Ей бы писательницей быть. Настоящая эмансипированная барыня.

— Она очень умная,—вступилась за Ольгу Сергѣевну Маріанна.

— Не спорю, но... очень ужъ серьезничать она любитъ. И все-то у нея литература, политика, общественные вопросы. Кому отъ этого тепло или холодно? Одна тоска.

Маріанна промолчала, но не могла согласиться съ мужемъ. Ей были интересны бесѣды съ Ольгой Сергѣевной.

Вдвоемъ и втроемъ Ворошиловы проводили вечера за чтеніемъ книгъ, въ болѣе или менѣе серьезныхъ бесѣдахъ. Эти вечера Маріанна очень любила. Какой-то новый міръ началъ открываться передъ нею въ эти часы. Она стала понимать, что въ жизни есть болѣе крупные интересы, чѣмъ разсказыванье анекдотовъ и вышучиванье Жоржика, чѣмъ игра въ фанты и пѣніе цыганскихъ пѣсенъ. Въ ея головѣ начали слагаться извѣстные взгляды на окружающихъ и она стала относиться критически къ этимъ личностямъ, видя ихъ мелочность, пошлость, порочность. Дѣвочка-институтка начинала превращаться въ серьезную женщину и съ каждымъ днемъ развивалась и росла все болѣе и болѣе. Покуда

Сергѣй Сергѣевичъ толкался въ должности, баклушничая и болтая по-холостому съ товарищами, она читала, читала и читала. Потомъ пріѣзжала Ольга Сергѣевна, и разговоръ сводился на серьезные вопросы, на толки о прочитанномъ.

Маріанна даже забывала въ эти часы чтеній или бесѣдъ съ Ольгой о своемъ положеніи, которое начинало вызывать въ ея душѣ и радужныя надежды, и непреодолимый страхъ. Призванные къ ней акушерка и акушеръ опредѣлили срокъ, когда она сдѣлается матерью, и въ то же время предписали ей нѣкоторыя правила осторожности. Двѣ-три случайно брошенныя фразы акушерки испугали мнительную молодую женщину. Она наивно спросила:

— Вы не боитесь, что я умру?

Ее успокоили, даже посмѣялись надъ ней, но все же сказали ей:

— А все-таки будьте осторожны. Опасности никакой нѣтъ, но играть здоровьемъ въ вашемъ положеніи нельзя.

Оставшись съ мужемъ вдвоемъ, она замѣтила ему:

— Сережа, я очень боюсь... Мнѣ кажется, я умру.

— Дитя, полно!— воскликнулъ онъ тревожно.—Развѣ тебѣ что-нибудь сказали такое...

— Нѣтъ, нѣтъ.—отвѣтила Маріанна:—но они такъ серьезно посмотрѣли другъ на друга и потомъ... я, Сережа, ровно ничего не поняла изъ ихъ разговоровъ, но я слышала, какъ акушеръ отвѣтилъ акушеркѣ: «Нѣтъ, субъектъ здоровый, питаніе хорошее»... Мнѣ показалось, что она высказала ему какія-то сомнѣнія...

Онъ сталъ успокаивать ее, а самого его охватывалъ теперь страхъ. Что если она умретъ? Онъ не переживетъ этой потери! Что будетъ съ ребенкомъ? О, пусть лучше онъ вовсе не родится! Только бы она была жива. Дѣти еще будутъ, а она— она у него одна, она для него все.

— Ты ребенка нашего Олѣ отдай, если я умру,—сказала она.

Онъ испуганно взглянулъ на нее. Она припала головой къ его плечу.

— Да, да, непремѣнно ей отдай,—повторила она, какъ бы угадывая его мысли.

— Господь съ тобой, дитя!—воскликнулъ онъ, лаская ее.—Съ чего тебѣ умирать! Ты должна жить и долго жить, для меня!

Онъ цѣловалъ ея руки, ея колѣни, чувствуя, что онъ еще никогда не любилъ ее такъ, какъ теперь.

VI.

— Она спасена и нѣтъ основаній бояться за ближайшее будущее!—говорилъ акушеръ Сергѣю Сергѣевичу, стоя надъ нимъ въ его кабинетѣ.

Сначала Ворошиловъ, блѣдный, взъерошенный, съ воспаленными глазами, сидя за письменнымъ столомъ, съ опущенной на ладони рукъ головой, ничего не понялъ и дико, почти враждебно, взглянулъ на доктора, точно тотъ былъ виноватъ въ томъ, что чуть не сутки продолжались страшныя мукн Маріанны. Это враждебное чувство къ доктору росло въ теченіе этихъ сутокъ въ душѣ Ворошилова, и онъ двадцать разъ повторялъ мысленно: «этотъ подлецъ ничего не смыслитъ, и дернуло же меня пригласить этого олуха; задушу я его, если что случится!»

Увидавъ передъ собой теперь доктора, онъ такъ взглянулъ на него, точно хотѣлъ крикнуть ему: «какъ ты смѣешь быть здѣсь, когда твое мѣсто тамъ?»... Потомъ онъ понялъ,—не разслушалъ, а просто чутьемъ угадалъ, что докторъ принесъ ему радостную вѣсть, и, какъ безумный, бросился душить доктора въ объятіяхъ, осыпая его благодарностями, какъ спасителя.

— Охъ, ужъ эти молодые мужья!—проговорилъ докторъ, отстраняясь отъ него.—То чуть не дерзости дѣлаютъ, а то въ объятіяхъ задушить готовы...

— Простите, докторъ, я былъ такъ взволнованъ, такъ страдалъ!—оправдывался Ворошиловъ.

— Малодушіе одно,—рѣшилъ врачъ и съ усмѣшкой указалъ на столъ:—А это что? Ужъ не для самоубійства ли револьверъ вынули? Умную штуку придумали!

Ворошиловъ засмѣялся, и изъ глазъ его градомъ хлынули слезы. Почти сутки онъ слышалъ стоны жены, заходилъ къ ней, цѣловалъ ее и чувствовалъ тупое отчаяніе. Его охватывала какая-то бѣшеная злоба отъ сознанія своего безсилія помочь ей, избавить ее отъ мукъ, спасти отъ смерти. «Не выживетъ она—застрѣлюсь»,—повторялъ онъ мысленно, точно думая этимъ испугать судьбу и заставить ее окончить все благополучно. Это было отчасти отчаяніе избалованнаго мальчика, видящаго, что у него хотятъ отнять его любимую игрушку, и сознающаго, что онъ будетъ принужденъ покориться врагу, не имѣя силъ для борьбы. Но какъ бы ни было велико это отчаяніе, слезъ до этой минуты у него не было, что и дѣлало его состояніе еще болѣе мучительнымъ.

Теперь онѣ перешли чуть не въ истерику. Онъ плакалъ, какъ женщина, не умѣя овладѣть собою, принудить себя быть мужественнымъ. Докторъ, пожимая плечами, съ нѣкоторымъ пренебрежительнымъ состраданіемъ къ этому мужчинѣ-тряпкѣ, мужчинѣ-бабѣ, далъ ему воды. Ворошиловъ съ жадностью осушилъ стаканъ большими глотками, откинулъ со лба мокрыя отъ пота пряди бѣлокурыхъ кудрей, отеръ лицо батистовымъ платкомъ и, наконецъ, какъ-то несмѣло спросилъ:

— А ребенокъ?

Докторъ пожалъ плечами, какъ бы говоря: «что-жъ было дѣлать», и прибавилъ вслухъ:

— Слава Богу, что хоть ее спасли!

Ворошиловъ понялъ уклончивый отвѣтъ доктора и не разспрашивалъ его болѣе ни о чемъ.

Тотъ заговорилъ интимнымъ тономъ:

— Вообще побеpегите ее теперь. Ей нуженъ отдыхъ. Съ теченіемъ времени она, вѣроятно, совсѣмъ окрѣпнетъ, разовьется физически. Но теперь — она такъ молода, почти ребенокъ; было бы не безопасно подвергать ее еще подобнымъ мукамъ.

Онъ фамильярно похлопалъ Ворошилова по плечу и отечески упрекнулъ его:

— Все бутоны срывать хотите, не дадите развиться цвѣтку. Надо было не торопиться женитьбой на дѣвочкѣ.

И болѣе серьезнымъ тономъ прибавилъ:

— А вы можете гордиться своею женою. Другая на ея мѣстѣ, въ ея годы и сотой доли не вынесла бы того, что вынесла она молча, боясь огорчить васъ. Все время она только о томъ и думала, чтобы вы были покойны!

— Дитя! дитя милая! воскликнулъ Сергѣй Сергѣевичъ восторженно. Вы, докторъ, и вообразить не можете, что это за женщина.

— Нѣтъ, воображаю.—серьезно отвѣтилъ докторъ:—и потому-то и совѣтую беречь ее.

— Могу я ее видѣть теперь?

— Да, но будьте спокойны, не волнуйтесь...

Ворошиловъ готовъ былъ поклясться, что онъ не будетъ волноваться, лишь бы его допустили къ женѣ. Она, ослабѣвшая, блѣдная, встрѣтила его съ легкой улыбкой. Что-то материнское было теперь въ ея отношеніи къ мужу. Она, вчерашній ребенокъ, стала теперь вполнѣ женщиной, перенесшей всѣ муки материнства и уже вкусившей горечь по-

тери ребенка. Это сразу превращаетъ ребенка въ женщину. Ворошиловъ, радуясь спасенію жены, почти забылъ, какой цѣной купилось это спасеніе, и вовсе не думалъ о томъ невѣдомомъ ему существѣ, которое погибло, не живя. Она, напротивъ того, была глубоко огорчена этой потерей: она давно знала этого ребенка, ясно чувствовала біеніе его пульса, вполнѣ сознавала, что на вѣсы были положены ея жизнь и его жизнь, что имъ пожертвовали для нея, для матери. Эта жестокая жертва не можетъ не отозваться на той, для которой она принесена. Грусть отражалась во всемъ ея существѣ—въ ея улыбкѣ, въ ея ласкахъ, въ ея рѣчахъ. Ничего этого не пережилъ, не перечувствовалъ, не понялъ онъ...

Но молодость взяла свое: выздоровленіе пошло довольно быстро, и уже черезъ мѣсяцъ лицо молодой женщины имѣло снова почти здоровый видъ. Къ веснѣ никто бы не сказалъ, что она перенесла страшную болѣзнь, и только докторъ повторялъ Сергѣю Сергѣевичу, что онъ долженъ «беречь жену».

Какъ только начались лѣтнія вакаціи въ должности у Сергѣя Сергѣевича, такъ тотчасъ же онъ собрался съ женою за границу. Они проѣхали въ Швейцарію и поселились здѣсь на лѣто на берегу Женевскаго озера. Здоровый воздухъ Швейцаріи, тихое лазурное озеро, сады, съ душистыми бѣлыми акаціями и кустами махровыхъ розъ, хожденіе по горамъ, тихая жизнь вдвоемъ, все это совершенно воскресило молодую женщину, и она стала еще прекраснѣе, чѣмъ была прежде. Ворошиловъ и она казались теперь молодыми влюбленными, ихъ отношенія приняли какой-то новый оттѣнокъ: онъ заботился о женѣ, какъ о святынѣ, и смотрѣлъ ея платоническимъ любовникомъ, готовымъ молиться на свою возлюбленную, которую онъ едва не утратилъ навсегда. Въ ея отношеніяхъ къ нему было что-то материнское, снисходительное; казалось, что она вдругъ переросла его и физически, и нравственно, и смотритъ на него, какъ на милаго ребенка, которому она готова простить все,—и шалости, и капризы. Повидимому, ничто не смущало этой идилліи, но Ольга Сергѣевна, встрѣтившаяся въ половинѣ лѣта за границей по условію съ Ворошиловыми, съ чисто женской чуткостью угадала, что и въ этой идилліи есть облачка. Эти облачка начали скапливаться, сгущаться едва замѣтно и грозили разрости въ будущемъ въ черную тучу...

Иногда, оставшись наединѣ съ Ольгой Сергѣевной, Маріанна тревожно говорила:

— Неужели я обречена навсегда не быть матерью?

Ольга Сергѣевна успокаивала ее, увѣряла ее, что докторъ вовсе не говорилъ этого, что только теперь было бы не безопасно для нея сдѣлаться матерью, но что пройдетъ немного времени, и ея организмъ укрѣпится совсѣмъ. Маріанна вздыхала и говорила:

— Это было бы ужасно. У меня не было бы цѣли въ жизни.

Ей было мало быть только женою любимаго человѣка.

Ольга Сергѣевна понимала это.

Порой Маріанна возмущалась противъ приговора доктора и говорила:

— Ахъ, доктора ничего не понимаютъ! Я совсѣмъ здорова—здорова, какъ никогда!

Дѣйствительно, она смотрѣла цвѣтущей, здоровой женщиной, и мужъ былъ влюбленъ въ нее болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Любуясь ею, онъ шепталъ ей:

— Знаешь, мнѣ все кажется, что мы женихъ и невѣста. До свадьбы мы не были женихомъ и невѣстой, а прямо повѣнчались послѣ твоего выхода изъ института, а теперь мы переживаемъ именно это время влюбленныхъ.

И онъ нѣжно цѣловалъ ея руки, садился у ея ногъ, припадалъ губами къ ея платью.

Она была безконечно счастлива въ эти минуты.

Но бывали дни, когда и жену, и мужа охватывало какое-то новое, неизвѣстное имъ дотолѣ настроеніе.

Маріанна начинала задумываться о Петербургѣ и, сидя вдвоемъ съ Ольгой Сергѣевной на террасѣ дачи, говорила:

— Меня все болѣе и болѣе пугаетъ мысль о томъ, что будетъ въ Петербургѣ.

Ольга Сергѣевна, отрываясь отъ работы, вопросительно взглядывала на нее.

— Въ прошлую зиму я мечтала о ребенкѣ, жила мыслью о немъ, видѣла въ немъ все свое, все наше будущее! А теперь? Неужели жить только той праздной и пустой жизнью, которою живутъ наши близкіе и знакомые?

И немного раздраженно она прибавила:

— Знаешь, иногда становится немного досадно, что мы не такъ богаты, чтобы я могла, подобно тебѣ, заняться хотя филантропіей, и не настолько бѣдны, чтобы мнѣ было необходимо нужно убирать комнаты, стряпать, шить бѣлье и платья...

Ольга Сергѣевна молчала, боясь сказать молодой женщинѣ,

что она понимаетъ, что ту пугаютъ пустота и безсодержательность ихъ жизни. Ольга Сергѣевна любила брата, но знала его очень хорошо,—знала, что его трудно пріучить къ болѣе серьезной жизни, втянуть въ какіе-нибудь интересы, что его умъ безсодержателенъ и пустъ...

Сергѣй Сергѣевичъ, въ свою очередь, иногда началъ ощущать смутную потребность уѣхать вечеромъ съ дачи въ Женеву, замѣшаться въ праздную толпу, наполнявшую курзалъ или кафе, гдѣ распѣвались на улицѣ шансонетки, гдѣ ломались чревовѣщатели, гдѣ давались оперетки. Оживленная, смѣющаяся и рукоплещущая толпа, яркіе огни иллюминаціи, звонъ стакановъ и говоръ народа, звуки музыки и пѣнія манили его къ себѣ неотразимою силой. Порой онъ опьянялся этой сутолокой праздной жизни, подчасъ ему казалась она недостаточно широкою, «швейцарски приличною», какъ выражался онъ. Хотѣлось ухарства цыганъ, русской попойки, родной безшабашной удали. Онъ привередливо начиналъ жаловаться на горы.

— Тѣснятъ, давятъ онѣ, перевалитъ за нихъ хочется,— говорилъ онъ, капризничая.—И это озеро—вѣчно оно точно спитъ. Хотя бы буря поднялась, что ли.

Но бури не было, и безмятежная лазурь блестѣла, какъ зеркало, пригрѣтая солнцемъ.

Онъ придирался къ швейцарцамъ, какъ къ личнымъ своимъ врагамъ:

— Вахлаки они всѣ, опустились, отяжелѣли. Изъ нихъ-то Вильгельмовъ Телей уже не выйдетъ. Да и ничего изъ нихъ вообще не выйдетъ: ни великихъ гражданъ, ни великихъ полководцевъ, ни великихъ артистовъ. Все стерлось среди этой безмятежно мѣщанской жизни, какъ стираются въ десятки лѣтъ ихъ неспускаемые съ тѣла полосатые плисовые куртки и штаны.

Онъ критиковалъ памятники Женевы: двѣ полногрудыя и неуклюжія фигуры, олицетворявшія Женеву и Швейцарію, громоздкій мавзолей герцога Брауншвейгскаго съ игрушечнымъ конькомъ и всадникомъ на вершинѣ, смѣшную конскую статую генерала Дюфура въ некрасивой треуголкѣ, «старую бабушку въ креслѣ», какъ онъ называлъ памятникъ Жанъ-Жака Руссо. Швейцарскія бездѣлушки — деревянные домики съ вставленными вмѣсто оконъ зеркальцами, палки, ручки для перьевъ и ножи для разрѣзыванья бумаги въ видѣ козьихъ роговъ и лапъ, написанные масляными красками на дощечкахъ виды Шильона, женевскихъ барокъ,

Монблана Юнгфрау, записныя книжки, портмоне, портсигара, мѣшочки съ изображеніемъ бѣлыхъ звѣздообразныхъ горныхъ цвѣтовъ, все это намозолило, какъ онъ выражался, ему глаза.

Куда ни пріѣдешь—вездѣ одно и то же, и въ Монтре, и въ Лозаннѣ, и на вершинѣ Гіона, и въ Женевѣ, и все это было такимъ же сто лѣтъ назадъ и все это будетъ такимъ же сто лѣтъ послѣ. Замороженная фантазія у нихъ какая-то.

Слушая эти привередливыя выходки. Маріанна иногда улыбалась, когда онѣ были остроумны, но, оставшись одна, она задумывалась о нихъ: неужели Сережа скучаетъ? Не скучалъ же онъ съ нею прежде, въ прошлое лѣто, хотя ихъ жизнь была еще однообразнѣе, чѣмъ теперь? Она начинала вспоминать прошлое лѣто. Да, Сережа не скучалъ, кажется. Точно ли не скучалъ? Начинали вспоминаться мелочи, оставлявшіяся прежде безъ вниманія. Уже въ іюлѣ въ прошломъ году онъ иногда по вечерамъ начиналъ говорить о томъ, что-то подѣлываютъ въ Петербургѣ. Потомъ, онъ первый заговорилъ о томъ, что скоро пора и ѣхать въ Петербургъ. Затѣмъ какъ-то незамѣтно для нихъ самихъ по вечерамъ они только и говорили, что о Петербургѣ. Въ первыя же дни пріѣзда въ Петербургъ онъ поѣхалъ съ родными въ Аркадію, на другой день тоже. Неужели и это все было явными признаками не сознававшейся тогда, но уже гнѣздившейся въ душѣ скуки? Можетъ-быть; но тогда ни она, ни онъ не понимали этого, думали, что имъ достаточно быть вдвоемъ, однимъ. А теперь это сказывалось ярче, понятнѣе, сознательнѣе. Мало того. Она сама теперь хотя и не скучаетъ съ нимъ, но уже чувствуетъ, что ей нужно что-то кромѣ его: нужны заботы о ребенкѣ, или какая-нибудь дѣятельность. Прежде, кромѣ Сережи, ей ничего не нужно было. Что же это такое? Конецъ любви? Она улыбалась при этой мысли, вполнѣ увѣренная, что ея Сережа обожаетъ ее, какъ прежде, что она живетъ его жизнью. Нѣтъ, это не конецъ любви, не охлажденіе, но просто «нельзя же жить одной любовью», какъ говоритъ Ольга. Нужны и другіе интересы, нужна и дѣятельность. Она, Маріанна, теперь уже не дѣвочка, и это стало ей ясно. Сережа не додумался до этого, но инстинктивно и онъ стремится къ болѣе широкой жизни... Но какіе же могутъ явиться интересы у Сережи? какая можетъ быть у него дѣятельность? Въ головѣ замѣтно выраставшей и разви-

вавшейся женщины начинали бродить серьезныя мысли, и ей становилось какъ-то не по себѣ отъ сознанія, что ни у нея, ни у ея мужа покуда нѣтъ ни серьезныхъ интересовъ, ни серьезной дѣятельности...

А дни шли своимъ чередомъ, и наставало время переѣзда въ Петербургъ. Опять Ворошиловы очутились въ своей квартирѣ на Бассейной. Здѣсь все было по-старому: та же обстановка, та же прислуга и, какъ годъ тому назадъ, первыми посѣтителями Ворошиловыхъ были Жоржикъ и Серафима, заѣхавшіе къ нимъ по дорогѣ въ Аркадію...

VII.

— Я никогда болѣе не поѣду на ихъ jours fixes,—съ негодованіемъ говорила Маріанна мужу, возвращаясь съ нимъ отъ Ивановыхъ.

— Что такое? Тебя обидѣли чѣмъ-нибудь?—встревожился Сергѣй Сергѣевичъ и загорячился:—Кто? Какой подлецъ?

Она почувствовала, что ея мужъ сейчасъ расправится съ ея обидчикомъ, что онъ не позволитъ никому затронуть ее. Но дѣло было вовсе не въ обидѣ.

— Кто же меня могъ обидѣть,—отвѣтила она.—Но пошло все это, оскорбительно пошло!

Онъ посмотрѣлъ на нее, недоумѣвая. Ничего оскорбительно пошлаго онъ не замѣтилъ. Все на вечерѣ шло своимъ порядкомъ. Онъ даже хохоталъ въ этотъ вечеръ, какъ никогда. И было надъ чѣмъ хохотать...

Жоржикъ встрѣчалъ всегда всѣхъ людей съ распростертыми объятіями и радовался при встрѣчѣ съ каждымъ человѣкомъ, какъ при встрѣчѣ съ роднымъ братомъ, вернувшимся послѣ долгой разлуки. Такова была его манера относиться къ людямъ, кто бы они ни были. Онъ пожималъ съ чувствомъ руки старикамъ и молодымъ, мужчинамъ и женщинамъ, даже тѣмъ, которые были вовсе не нужны ему въ данную минуту, или которые играли по отношенію къ нему такую роль, какъ Дубасовъ. Таково ужъ было его любвеобильное сердце, и быть ласковымъ теленкомъ сдѣлалось его второй натурой. Въ послѣднее время онъ столкнулся съ однимъ старикомъ-профессоромъ, Прозоровымъ, когда-то покровительствовавшимъ его отцу и бывшимъ теперь по старости давно не у дѣлъ. Прозорову было лѣтъ восемьдесятъ. Когда-то, въ сороковыхъ годахъ, онъ, по своему богатству, по своимъ крупнымъ связямъ, по своему положенію въ обществѣ, игралъ выдающуюся и значительную роль,

оставивъ замѣтный слѣдъ и въ наукѣ, и въ общественной жизни. Теперь это была ходячая развалина, но въ этой развалинѣ было нѣчто, заставлявшее уважать ее. Это былъ едва передвигавшій ноги, на половину потерявшій зрѣніе, глуховатый старикъ. тѣмъ не менѣе, его осанка хранила слѣды благородства. въ манерахъ было что-то истинно барское, аристократизмъ умственнаго развитія, тихая рѣчь была мягка, деликатна и снисходительна. Плохо видя и плохо слыша, онъ какъ бы конфузился этихъ недостатковъ и, казалось, застѣнчиво просилъ себѣ снисхожденія за нихъ. Вся новая жизнь была ему давно чужда, и весь онъ жилъ воспоминаніями о прошломъ. Иногда, вспоминая объ этомъ блестящемъ прошломъ и разсказывая о немъ, онъ вдругъ смущался и умолкалъ, печально замѣтивъ:

— Я, кажется, повторяюсь.

Старчество видимо стѣсняло, тяготило его. и онъ чувствовалъ, что онъ, чужой всѣмъ, терявшій память, могъ казаться смѣшнымъ. Этого онъ боялся и старался сторониться отъ общества, бывая только въ музеяхъ, въ театрахъ, въ концертахъ. Чѣмъ-то грустнымъ и въ то же время трогательнымъ вѣяло отъ всего его существа. Глядя на него, невольно думалось о томъ, что самое тяжелое въ жизни каждаго — это переживанье своего времени, своихъ сверстниковъ, одинокое и никому ненужное старчество. Жоржикъ, встрѣтивъ Прозорова случайно, чуть не бросился цѣловать его руки, напомнивъ ему, сколько онъ сдѣлалъ для его, Жоржинькина, отца. Старикъ былъ глубоко тронутъ нѣжностью и признательностью молодого человѣка и, наконецъ, зашелъ къ нему по его настоятельной просьбѣ. Жоржикъ отрекомендовалъ ему свою жену и свою тещу. Старикъ, вѣрный привычкамъ стараго времени, вѣжливо подошелъ къ нимъ «къ рукѣ», и кто-то изъ молодежи назвалъ его тутъ же «галантерейнымъ мышинымъ жеребчикомъ». Всѣмъ понравилось это замѣчаніе, и старикъ сразу сдѣлался предметомъ для насмѣшекъ. Затѣмъ его представили Маріаннѣ, и она заинтересовалась этой развалиной прекраснаго прошлаго. Онъ много видѣлъ, много зналъ, много работалъ и былъ живою лѣтописью иного времени, иного круга общества. Она стала съ любопытствомъ разспрашивать его о прошломъ, онъ оживился и съ мягкой улыбкой заговорилъ о давно сошедшихъ въ могилу людяхъ: онъ зналъ лично Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Бѣлинскаго, Герцена; въ его пору доживали свой вѣкъ дѣйствующія лица отечественной

войны и декабристы Орловы и Ермоловы. Разсказать было о чемъ.

— Смотри, смотри, какъ онъ за твоей женой пріударяетъ!—замѣтилъ кто-то со смѣхомъ Сергѣю Сергѣевичу.— Отобьетъ еще ее у тебя.

— А тоже, должно-быть, пожилъ въ свое время, недаромъ сахаромъ медовичемъ смотритъ,—сказалъ другой изъ гостей, подтрунивая надъ старикомъ.

— И теперь, поди, какую-нибудь экономку изъ нѣмокъ держитъ,—сообразилъ еще какой-то гость.—Эти старые ловеласы не скоро уходятся! Видишь, манеры какія изысканныя, такъ и видно, что въ салонахъ около женскихъ юбокъ терся.

Всѣхъ охватило веселое настроеніе. Они, не стѣсняясь, смѣялись, благо онъ плохо слышалъ.

— Люблю я, когда молодежь веселится,—проговорилъ старикъ, мелькомъ замѣтивъ, что молодые гости Жоржика хохочутъ, и не зная причины ихъ веселости.

— Не всякое веселье хорошо,—отвѣтила Маріанна, стыдливо раскраснѣвшаяся до ушей.

Она ужъ уловила нѣсколько фразъ, касавшихся старика, и была возмущена ими.

— О, конечно, конечно!—согласился старикъ.—Но здѣсь, какъ я вижу, все друзья, собираются вмѣстѣ, въ семейномъ домѣ. Это хорошо. Мы тоже собирались въ тѣсномъ кружкѣ въ наши молодые годы. Было о чемъ поговорить, поспорить. Иногда поднимались цѣлыя бури изъ-за философскихъ вопросовъ, изъ-за эстетическихъ воззрѣній. Политикой тогда было не совсѣмъ удобно заниматься, и о ней говорили только въ самыхъ интимныхъ кружкахъ. Зато въ ту пору была въ модѣ философія, Гегель...

Кто-то замѣтилъ Ворошилову:

— Да онъ заговоритъ до смерти твою жену. Надо ее выручить.

— А вотъ я его позову чай пить,—рѣзко сказала Серафима и отправилась къ старику.

Что-то холодно-насмѣшливое, жестоко-безпощадное и непреклонно-рѣшительное было въ выраженіи ея лица. Казалось, она хотѣла на потѣху всему обществу вышутить этого «слюняваго старикашку», какъ она называла его. Для чего онъ затесался въ ихъ домъ? Егоръ его пригласилъ? Такъ мало ли кого Егоръ приглашаетъ. Надо разомъ отвадить эту мумію отъ шлянья въ ихъ домъ. Нечего ему тутъ дѣ-

лать. Пригласивъ гостя въ столовую, она сразу заговорила съ нимъ объ оперсткахъ и цыганкахъ. Въ ея тонѣ было что-то наглое, оскорбительное, вызывающее. Старикъ растерялся и, какъ школьникъ, пояснилъ:

— Я не ѣзжу... въ мои лѣта...

— Что-жъ, вы вѣдь холостой,—сказала она, нагло глядя на него.

— Въ мои годы не можетъ имѣть значенія вопросъ о томъ, холостъ человѣкъ или женатъ, — тихо пояснилъ старикъ.

— Толкуйте! съ иронической усмѣшкой проговорила Серафима. — Иные старики такія колѣнца откалываютъ, что молодыхъ за поясъ заткнутъ.

— Да... всевозможные типы бываютъ; жизнь такъ сложна и разнообразна, совсѣмъ растерянно произнесъ старикъ и хотѣлъ обратиться къ присѣвшей къ столу Маріаннѣ съ какимъ-то вопросомъ.

Но Серафима не унималась и, видимо рѣшившись «извести» его, спросила его въ упоръ:

А вы одни живете?

— Я?.. Одинъ... То-есть слуга у меня и кухарка.

— Молоденькая? Старики вѣдь любятъ молодыхъ служанокъ. Мои люди живутъ у меня тридцать лѣтъ.

— О, у васъ постоянные вкусы!—разсмѣялась Серафима.

Маріанна, охваченная стыдомъ, взглянула на сестру негодующимъ взглядомъ и торопливо заговорила со старикомъ, стараясь отвлечь его вниманіе отъ сестры.

— Я его выгравлю отсюда,— почти вслухъ сказала Серафима сидѣвшему около нея Дубасову. — Ненавижу я этихъ непохороненныхъ покойниковъ.

Она встала, шумно отодвинувъ стулъ, и развязно подошла къ фортепіано.

— Господа, кто запѣвалой? — крикнула она громко гостямъ. — Хоровую?

Она заиграла «Конфетку». Жоржикъ началъ пѣть; изобрѣтая новые и новые куплеты, поражавшіе нелѣпостью и безцеремонною сальностью. Хоръ подхватывалъ припѣвъ и визжалъ на всю квартиру:

Конфетка моя,
Леденистая,
Полюбила я милова,
Румянистаго!

Старикъ въ недоумѣніи захлопалъ глазами, видимо, не

понимая, что творится вокругъ него, что поется и что говорится въ этой нелѣпой пѣснѣ. Маріанна приподнялась съ мѣста и ласково обратилась къ старику:

— Я уѣзжаю,—сказала она. — Вы, вѣроятно, тоже привыкли теперь рано ложиться спать?

— О, да, да,—заторопился онъ и сбивчиво прибавилъ:— И что-жъ мѣшать... Они—молодежь... Я только потому, что Жоржикъ упрашивалъ заѣхать, а то... я не ѣзжу по гостямъ... Чужой, лишній... Ахъ, какъ тяжело пережить всѣхъ близкихъ, пережить свое время.

Старикъ, Маріанна и Сергѣй Сергѣевичъ уѣхали, когда въ залѣ раздавались уже дикіе звуки трепака и пляски. Серафима играла на фортепіано, Жоржикъ подыгрывалъ ей на гитарѣ, кто-то изъ гостей терзалъ слухъ гармоникой. Непривычный человѣкъ, попавъ сюда въ эту минуту, могъ бы подумать, что онъ попалъ на кабацкую оргію. Но здѣсь это никого не удивляло. Этимъ часто кончались jours fixes Ивановыхъ.

— Это возмутительно! Зазвали почтеннаго старика и хотѣли обратить его въ шута!—волнуясь, говорила Маріанна.

— Ну, самъ виноватъ,—замѣтилъ Ворошиловъ: — очень нужно было тащить старыя кости въ гости. Его забыли похоронить, а онъ думаетъ, что ему и по гостямъ разъѣзжать можно.

— Да его же Жоржикъ умолялъ пріѣхать,—загорячилась Маріанна.—Онъ за уши вытянулъ въ люди отца Жоржика. Онъ надѣялся встрѣтить родственный пріемъ въ ихъ домѣ, а между тѣмъ...

— Да не волнуйся ты, дитя!—остановилъ ее мужъ.—Экая важность, что подшутили надъ старикомъ! Онъ, я думаю, и не понялъ ничего. Отупѣлъ и выжилъ изъ ума отъ старости. И глухъ онъ.

— Какъ тебѣ не грѣхъ такъ говорить, Сережа!—упрекнула она его.—Право, можно подумать, что у тебя сердца нѣтъ, что ты такой же, какъ они, пустые и пошлые, безъ ума, безъ сердца!

— Ахъ, ты порохъ мой!—со смѣхомъ сказалъ онъ и притянулъ ее къ себѣ. — Дитя, ты еще очаровательнѣе, когда бунтуешь!

Она, волнующаяся и негодующая, хотѣла освободиться отъ его объятій, но онъ еще крѣпче обнялъ ее.

— Нѣтъ, сегодня я тебя на минуту не выпущу изъ

свѣжихъ рукъ. Съ ума ты сводишь меня, когда кинятишься! Прелесть ты моя!

Они вышли изъ кареты, поднялись по лѣстницѣ въ свою квартиру и едва затворилась за ними дверь, какъ Ворошиловъ снова обнялъ жену.

— Сережа, поговоримъ серьезно, — произнесла она.

— Говори, говори, а я буду слушать и цѣловать тебя,— весело проговорилъ онъ. — Пусть тамъ, кто хочетъ, тотъ и вышучиваетъ кого ему угодно. Пусть безобразничаютъ, какъ имъ хочется. Мнѣ нужна только моя Маріанночка, мнѣ нужны только ея ласки. Божество мое...

А поговорить серьезно ты такъ и не хочешь? — тихо спросила она упавшимъ голосомъ, и какое-то тяжкое чувство стѣснило ея сердце.

— Что разговоры!— безпечно засмѣялся онъ.—И не пойму я ихъ теперь. Я пьянъ отъ вина и любви.

Какъ-то странно повліяли на Маріанну эти слова. Она вдругъ почувствовала, что отъ мужа пахнуло коньякомъ. Прежде ее никогда не смущало это, теперь смутило. Не играетъ ли значительной роли и вино въ томъ, что онъ страстенъ съ нею? Зачѣмъ и онъ, и вся эта молодежь такъ много, такъ часто пьетъ, въ сущности живетъ только для того, чтобы имѣть возможность напиться въ концѣ концовъ. Впервые его страстныя ласки не принесли ей удовольствія, были почти тяжелы.

— Любовь не нуждается ни въ какихъ разговорахъ,— продолжалъ онъ безпечно.—Помнишь, поэтъ сказалъ: «люби безъ думъ, безъ размышленій». Кто началъ думать и размышлять, тотъ уже не любитъ. А ты вѣдь любишь? Да? правда? любишь?

Она почти испуганно прижалась къ нему. Ее вдругъ поразила мысль, что она перестаетъ любить мужа,—начинаетъ думать и размышлять и перестаетъ любить. Что же останется у нея въ жизни, если не будетъ любви къ нему? Тогда смерть!

Сергѣй Сергѣевичъ уже давно спалъ, а Маріанна все еще не смыкала глазъ, смотря пристально въ полутьму. Ее охватили тяжелыя думы. Нужно вырвать мужа изъ этой тины, засасывающей, губящей, убивающей все человѣческое въ человѣкѣ. Не Аркадіи и Ливадіи тина, какъ говорила Ольга, а весь этотъ строй пустой, безцѣльной, пошлой жизни—вотъ тина. Жоржикъ, Серафима, Дарья Никоновна, Дубасовъ, весь ихъ кружокъ—вотъ тина! У этихъ людей

нѣтъ никакихъ интересовъ, никакихъ задачъ, никакихъ стремленій къ лучшему. Они отбываютъ кое-какъ, спустя рукава, скучныя для нихъ, не имѣющія для нихъ интереса, служебныя обязанности, если это нужно для куска хлѣба, и затѣмъ сходятся, не связанные между собой никакой нравственной и умственной связью, сходятся, чтобы кутить, мелко, пошло, безобразно. Они одинаково жмутъ руки и идіотамъ, и не глупымъ людямъ, и честнымъ, и подлецамъ, любятъ даже болѣе идіотовъ и подлецовъ, чѣмъ умныхъ и честныхъ. У нихъ нѣтъ ничего завѣтнаго, ничего святого, ни Бога, ни родины, ни дѣла. Гулять и высыпаться послѣ гульбы для новой гульбы—вотъ вся ихъ жизненная задача. Имъ скучно другъ съ другомъ до одуренія, пока они не выпили. Выпивъ, они начинаютъ кричать, горячиться и спорить. О чемъ? О пустякахъ, о пошлостяхъ, о томъ, отъ чего ни тепло, ни холодно ни имъ самимъ, ни другимъ. Это не проявленіе мысли, а броженье винныхъ паровъ. Нѣкоторые изъ нихъ являются порой озабоченными и таинственно шепчутся съ ея мужемъ или съ Жоржикомъ. О чемъ? Хотѣлось бы ей узнать это. Мелькомъ она слышала, что говорятъ о деньгахъ, о долгахъ, о векселяхъ, о какихъ-то учетахъ. Ея Сережа при этомъ дѣлаетъ презрительныя гримасы, а Жоржикъ суетится и потираетъ руки, видимо чѣмъ-то довольный... Но какъ же жить? Что дать взамѣнъ этой жизни? Молодую женщину охватилъ ужасъ. Она такъ молода и неопытна, она ничего не можетъ придумать, чѣмъ бы замѣнить этотъ образъ жизни. Она понимаетъ только, что такъ нельзя, не слѣдуетъ жить, а какъ надо жить—этого она не можетъ ясно сказать... Она остановила взглядъ на озаренномъ трепетнымъ свѣтомъ лампады ликѣ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и, всматриваясь въ него, какъ бы ища въ выраженіи этого страдальческаго лица какого-то отвѣта, тихо прошептала:

— Господи, научи меня.

VIII.

Скука! Это слово сдѣлалось какимъ-то пугаломъ для Маріанны. Раза три послѣ пріѣзда изъ-за границы она упросила мужа ѣхать съ нею въ театръ вмѣсто посѣщенія Ивановыхъ, и Сергѣй Сергѣевичъ прозѣвалъ цѣлые часы «отъ скуки», браня и «раздирательныя» драмы, и оперы. Раза два Ольга Сергѣевна провела вечера у Ворошиловыхъ, читая съ Маріанной новыя литературныя произведенія въ

своихъ рукъ. Съ ума ты сводишь меня, когда кинятишься! Прелесть ты моя?

Они вышли изъ кареты, поднялись по лѣстницѣ въ свою квартиру и едва затворилась за ними дверь, какъ Воронилов снова обнялъ жену.

— Сережа, поговоримъ серьезно, — произнесла она.

— Говори, говори, а я буду слушать и цѣловать тебя,— весело проговорилъ онъ. — Пусть тамъ, кто хочетъ, тотъ и вышучиваетъ кого ему угодно. Пусть безобразничаютъ, какъ имъ хочется. Мнѣ нужна только моя Маріанночка, мнѣ нужны только ея ласки. Божество мое...

А поговорить серьезно ты такъ и не хочешь? — тихо спросила она упавшимъ голосомъ, и какое-то тяжкое чувство стѣснило ея сердце.

— Что разговоры!—безпечно засмѣялся онъ.—И не пойму я ихъ теперь. Я пьянъ отъ вина и любви.

Какъ-то странно повліяли на Маріанну эти слова. Она вдругъ почувствовала, что отъ мужа пахнуло коньякомъ. Прежде ее никогда не смущало это, теперь смутило. Не играетъ ли значительной роли и вино въ томъ, что онъ страстенъ съ нею? Зачѣмъ и онъ, и вся эта молодежь такъ много, такъ часто пьетъ, въ сущности живетъ только для того, чтобы имѣть возможность напиться въ концѣ концовъ. Впервые его страстныя ласки не принесли ей удовольствія, были почти тяжелы.

— Любовь не нуждается ни въ какихъ разговорахъ,— продолжалъ онъ безпечно.—Помнишь, поэтъ сказалъ: «люби безъ думъ, безъ размышленій». Кто началъ думать и размышлять, тотъ уже не любитъ. А ты вѣдь любишь? Да? правда? любишь?

Она почти испуганно прижалась къ нему. Ее вдругъ поразила мысль, что она перестаетъ любить мужа,—начинаетъ думать и размышлять и перестаетъ любить. Что же останется у нея въ жизни, если не будетъ любви къ нему? Тогда смерть!

Сергѣй Сергѣевичъ уже давно спалъ, а Маріанна все еще не смыкала глазъ, смотря пристально въ полутьму. Ее охватили тяжелыя думы. Нужно вырвать мужа изъ этой тины, засасывающей, губящей, убивающей все человѣческое въ человѣкѣ. Не Аркадіи и Ливадіи тина, какъ говорила Ольга, а весь этотъ строй пустой, безцѣльной, пошлой жизни—вотъ тина. Жоржикъ, Серафима, Дарья Никоновна, Дубасовъ, весь ихъ кружокъ—вотъ тина! У этихъ людей

нѣтъ никакихъ интересовъ, никакихъ задачъ, никакихъ стремленій къ лучшему. Они отбываютъ кое-какъ, спустя рукава, скучныя для нихъ, не имѣющія для нихъ интереса, служебныя обязанности, если это нужно для куска хлѣба, и затѣмъ сходятся, не связанные между собой никакой нравственной и умственной связью, сходятся, чтобы кутить, мелко, пошло, безобразно. Они одинаково жмутъ руки и идіотамъ, и не глупымъ людямъ, и честнымъ, и подлецамъ, любятъ даже болѣе идіотовъ и подлецовъ, чѣмъ умныхъ и честныхъ. У нихъ нѣтъ ничего завѣтнаго, ничего святого, ни Бога, ни родины, ни дѣла. Гулять и высыпаться послѣ гульбы для новой гульбы—вотъ вся ихъ жизненная задача. Имъ скучно другъ съ другомъ до одуренія, пока они не выпили. Выпивъ, они начинаютъ кричать, горячиться и спорить. О чемъ? О пустякахъ, о пошлостяхъ, о томъ, отъ чего ни тепло, ни холодно ни имъ самимъ, ни другимъ. Это не проявленіе мысли, а броженье винныхъ паровъ. Нѣкоторые изъ нихъ являются порой озабоченными и таинственно шепчутся съ ея мужемъ или съ Жоржикомъ. О чемъ? Хотѣлось бы ей узнать это. Мелькомъ она слышала, что говорятъ о деньгахъ, о долгахъ, о векселяхъ, о какихъ-то учетахъ. Ея Сережа при этомъ дѣлаетъ презрительныя гримасы, а Жоржикъ суетится и потираетъ руки, видимо чѣмъ-то довольный... Но какъ же жить? Что дать взамѣнъ этой жизни? Молодую женщину охватилъ ужасъ. Она такъ молода и неопытна, она ничего не можетъ придумать, чѣмъ бы замѣнить этотъ образъ жизни. Она понимаетъ только, что такъ нельзя, не слѣдуетъ жить, а какъ надо жить—этого она не можетъ ясно сказать... Она остановила взглядъ на озаренномъ трепетнымъ свѣтомъ лампады ликѣ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и, всматриваясь въ него, какъ бы ища въ выраженіи этого страдальческаго лица какого-то отвѣта, тихо прошептала:

— Господи, научи меня.

VIII.

Скука! Это слово сдѣлалось какимъ-то пугаломъ для Маріанны. Раза три послѣ пріѣзда изъ-за границы она упросила мужа ѣхать съ нею въ театръ вмѣсто посѣщенія Ивановыхъ, и Сергѣй Сергѣевичъ прозѣвалъ цѣлые часы «отъ скуки», браня и «раздирательныя» драмы, и оперы. Раза два Ольга Сергѣевна провела вечера у Ворошиловыхъ, читая съ Маріанной новыя литературныя произведенія въ

толстыхъ журналахъ и толкуя о новостяхъ дня, и Сергѣй Сергѣевичъ оба раза вздремнулъ «отъ скуки», находя прочитанное «тошнымъ» и называя толки объ общественныхъ дѣлахъ «переливаньемъ изъ пустого въ порожнее». Не скучалъ онъ обнимаясь только съ женой или присутствуя послѣ выпивки въ обществѣ Коржика, Серафимы и ихъ друзей. Маріанна пробовала нѣсколько разъ выяснить мужу, что это общество и пошло, и глупо, и грязно. Онъ только засмѣялся и отвѣтилъ:

— Зато мертваго распотѣшатъ.

И, принимая видъ серьезнаго человѣка, наставительно замѣтилъ женѣ:

Ты говоришь: пошло, глупо и грязно. Да вѣдь и все въ жизни, если вглядѣться, или пошло, или глупо, или грязно.

— Позволь, однако,— начала Маріанна.

Но онъ не далъ ей договорить и тѣмъ же тономъ, точно учитель, дающій наставленіе дѣвочкѣ, прибавилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не возражай. Это вѣрно. А ты возстаешь противъ всѣхъ нашихъ только потому, что Ольга тебѣ наголовала разныхъ премудростей. Не знаю я только, къ чему ведутъ всѣ ея благоглупости? Ужъ, право, лучше безпечно смѣяться отъ души надъ глупостями, чѣмъ фарисейски скрывать зѣвоту надъ чтеніемъ премудрыхъ книгъ или за слушаніемъ Тангейзеровъ и Лоэнгриновъ.

Если ты не любишь музыки Вагнера, то все же ты не можешь не согласиться, что много есть лучшаго, чѣмъ «Конфетка» и трепакъ.

Вообрази, что нѣтъ. Многое можетъ быть лучше да скучнѣе, а всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго. Это одинъ изъ вашихъ же мудрецовъ изрекъ. А ваши книги—на что мнѣ онѣ? Это на школьной скамьѣ можетъ еще интересовать, а насъ взрослыхъ это увлекать уже не можетъ. Такъ, читаешь иногда на сонъ грядущій, когда дѣваться некуда. И что читать-то? Дребедень все пишутъ.

— Такъ значитъ, такъ ничѣмъ серьезнымъ и не заниматься?

— Жить надо, пока молоды. Вотъ что надо.

— Да развѣ это жизнь, всѣ эти собранія для попоекъ и шутовства?

— Вредимъ мы кому-нибудь этимъ, что ли? Мы молоды и хотимъ веселиться, вотъ и все.

Онъ обнялъ ее и шутливо проговорилъ:

— Дитя, не философствуй, а живи, пока живется!

Въ его тонѣ послышалась покровительственная нотка человѣка, вразумляющаго ребенка.

«Да вѣдь не дуракъ же онъ»,—мелькнуло въ головѣ Маріанны, и она сама испугалась этой мысли. Никогда еще она не задумывалась надъ вопросомъ: «уменъ или не уменъ Сергѣй». Теперь эта мысль засѣла въ ея головѣ и пугала, мучила ее. Она двадцать разъ повторяла себѣ, что онъ не глупъ, что онъ даже уменъ, но не развитъ, мало думаетъ, мало отдаетъ отчета въ томъ, что дѣлаетъ самъ и что дѣлаютъ другіе. О, да, это такъ! Потому онъ и смотритъ такъ равнодушно на всякія мерзости и, будучи самъ нравственнымъ, не возмущается безнравственностью другихъ. Да, да, это не глупость и не тупость, а недостатокъ развитія, недостатокъ серьезнаго взгляда на окружающее. Со временемъ это пройдетъ, непремѣнно должно пройти. Она успокаивала себя и чувствовала смутно, что эти разсужденія нисколько не успокаиваютъ ея. Въ ней точно поселился какой-то злой духъ, подталкивавшій ее вслушиваться въ рѣчи мужа, вдумываться въ его поведеніе, критиковать его. Началось нѣчто странное въ отношеніяхъ мужа и жены.

Разъ онъ пріѣхалъ отъ Ивановыхъ, куда она теперь почти не ѣздила, и засталъ ее за чтеніемъ книги.

— А, будущій профессоръ въ юбкѣ, все еще читаешь!—проговорилъ онъ.—У, совсѣмъ философомъ сдѣлалась! Недостаетъ только очковъ, колпака, халата и туфлей.

Она немного обидѣлась его насмѣшливымъ, пошловатымъ тономъ, но промолчала.

— Весело было?—спросила она, чтобы навести рѣчь на другую тему.

— Такъ весело, какъ ты никогда и не веселилась,—отвѣтилъ онъ.—И гдѣ тебѣ съ твоими книгами. Брось ихъ! Ну, съ твоимъ ли личишкомъ идти въ синіе чулки? Уроды только для этой роли годятся, съ длинными ногами, съ полуплѣшивыми головами, въ синихъ очкахъ, а не такія мордочки.

Онъ началъ нѣжничать. Отъ него сильно пахло водкой, пивомъ, виномъ. Въ ней пробудилось брезгливое чувство. Она осторожно высвободилась изъ объятій мужа и коротко сказала:

— Спать пора, Сережа.

— Ну, вотъ еще!

— Мнѣ немного не по себѣ,—солгала она.

Онъ серьезно испугался.

— Нездорова? Голубка, что съ тобой? Ужъ ты опять...

Она пугливо оборвала рѣчь. Она поняла, о чемъ онъ хотѣлъ спросить, и уклончиво отвѣтила:

— Не знаю... можетъ-быть...

— Эхъ!— безнадежно сказалъ онъ, махнувъ рукою.—Не умѣлъ я беречь тебя, и ты...

— Ну, не будемъ толковать теперь. Пора спать.

Она хотѣла поскорѣй освободиться отъ него. Сначала ей показались непріятны ласки захмелѣвшаго мужа, теперь въ душѣ поднимались упреки за то, что она начинаетъ его меньше любить, тогда какъ онъ, и трезвый, и пьяный, живетъ только ею. Одинъ намекъ на то, что она снова въ интересномъ положеніи сразу отрезвилъ его, взволновалъ, вызвавъ опасенія за ея здоровье. Да, онъ беззавѣтно любитъ ее. А она? О, она тоже любитъ его попрежнему, но... если бы онъ велъ другой образъ жизни!

Не успѣло еще изгладиться впечатлѣніе этой сцены, какъ произошла другая. Маріанна сидѣла одна, когда къ ней въ комнату зашла Дарья Никоновна. Она заговорила о Симѣ, какъ та кутитъ, какъ Егорка радъ, что его поятъ и кормятъ ради жены. Темныя дѣлишки онъ подъ рукой обдѣлываетъ. Вексельныя сдѣлки черезъ него дѣлаютъ. Тоже маклеръ нашелся. Какъ бы только не сорвалось. Разные его графчики, князьки да тятинкины сынки ради кутежей на все пойдутъ. Одно дѣльце по честности, а на другомъ такъ покривятъ, что Богъ вѣсть, какъ завареную кашу расхлебаешь. Старуха говорила много, высказывала разныя предположенія, но было видно, что она бродитъ впотьмахъ относительно «дѣлъ» Жоржика, несмотря на страстное желаніе узнать всю сущность этихъ «дѣлъ». Маріанна слушала ее разсѣянно, зная, что у матери есть всегда неисчерпаемый запасъ сплетенъ и неутомимая жажда впутаться въ чужія дѣла.

— Да пусть бы мы сами кутили, а другихъ-то на что затягивать,—продолжала Дарья Никоновна.—Ты вотъ сидишь за книжками, а твоего мужа къ цыганкамъ возятъ.

Маріанна даже не подняла головы. Она знала, что компанія Ивановыхъ и ея мужъ нерѣдко ѣздятъ въ четверги и въ воскресенья за городъ послушать цыганъ.

— Вчера-то онъ тебѣ сказалъ, что отъ цыганокъ домой вернулся?—спросила Дарья Никоновна.

— Я не спрашивала,—отвѣчала Маріанна.

— А надо было спросить,— сказала мать и пустилась въ разсужденія.—И что нынче за жены: мужъ по городу рыщетъ, мужъ Богъ вѣсть съ кѣмъ хороводится, а онѣ въ книжку читаютъ, премудрости набираются да въ дурахъ и остаются. За мужьями, пока они не перебѣсились, во всѣ глаза смотрѣть надо, надежныхъ людей къ нимъ приставлять надо, чтобы каждый ихъ шагъ знать, а ты: «Я не спрашивала, гдѣ онъ былъ». Погоди, матушка, спросишь, да поздно будетъ! Ты бы не только спросить должна была, а и въ карманахъ-то пошарить, бумажники осмотрѣть у благовѣрнаго...

Маріанна съ негодованіемъ подняла голову.

— Чему вы меня учите!

— А тому, что жена должна знать, сколько у мужа денегъ было, когда онъ ушелъ изъ дому, и сколько осталось, когда онъ вернулся. Его-то деньги—твои деньги. Что же такъ и позволять ихъ зря швырять? Вотъ если бы ты была хорошей женой, то и знала бы, что Сергѣй Сергѣевичъ вчера во хмелю не одну сотню выбросилъ одной цыганкѣ.

— Замолчите!—рѣзко произнесла Маріанна, совершенно безсознательно охраняя себя отъ дальнѣйшихъ сообщеній матери, могущихъ окончательно разрушить ея спокойствіе.— Я не хочу, чтобы вы мнѣ клеветали на мужа. Слышите?

— Да ты потише! потише!—прикрикнула Дарья Никоновна.

Но Маріанна повторила съ негодованіемъ:

— Молчите! И чтобы я никогда никакихъ сплетенъ не слыхала отъ васъ!

Она пошла изъ комнаты, точно спасаясь отъ матери.

— Дура ты, дура!—раздалось ей вслѣдъ.—Сама кланяться будешь: «узнайте, разскажите, какъ и что?» Форсъто еще поспадетъ. Тогда и мать нужна будетъ.

Маріанна уже не слыхала ея словъ. Ей было все равно, что говоритъ мать. Ей вдругъ вспомнилось, какъ нѣженъ былъ вчера съ нею мужъ, и ей стали смѣшны намеки матери на какую-то цыганку. Въ то же время она припомнила, что она почти прогнала мужа, и это ее стало мучить. Онъ страстно любитъ ее, она стала холоднѣе къ нему. Съ чего? Ужъ не потому ли, что онъ кажется ей не геніемъ, не идеаломъ добродѣтели. «Книгъ мало читаетъ! Музыки Вагнера не одобряетъ!—насмѣшливо проговорила она, глумясь сама надъ собой.—За это нужно и любить меньше?» О нѣтъ, нѣтъ, онъ дороже ей всѣхъ геніевъ,

всѣхъ безупречныхъ людей. Да и можно ли ей не любить его, когда онъ самъ такъ безумно любитъ ее?

Когда Сергѣй Сергѣевичъ пріѣхалъ къ обѣду, она чуть не повисла у него на шеѣ. Онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и смотрѣлъ смущеннымъ, цѣлуя ее. Во время обѣда онъ говорилъ разсѣянно и видимо спѣшилъ его кончить.

— Что съ тобой, Сережа? спросила испуганно Маріанна, когда онъ и она остались одни.

— Такъ, пустяки,— отвѣтилъ онъ:—просто нѣкоторыя денежныя затрудненія вышли. Немного зарвались мы и придется взять у матери проценты раньше срока. Досадно иногда, что капиталъ, согласно волѣ отца, находится въ ея рукахъ. Точно мальчишкѣ, приходится каждый разъ краснѣть передъ нею, когда деньги нужны раньше срока.

Маріанна вспомнила разсказы матери и поблѣднѣла; оказывается, что мать не сочинила всей исторіи. Сергѣй Сергѣевичъ это замѣтилъ и успокоилъ жену:

— Это пустяки, голубка, сущіе пустяки! Надо жить намъ потише, вотъ и все! Молоды мы, нерасчетливы. Это такъ естественно при нашей неопытности!

«Мы! Мы!» Это поразило и обидѣло ее. При чемъ тутъ она? Она живетъ затворницей. Она ничего не тратитъ на себя. Ее-то онъ не можетъ упрекнуть въ мотовствѣ.

— Не люблю я только спрашивать у матери,—задумчиво продолжалъ онъ, видимо боясь объясненій съ матерью.— Сейчасъ начнутся глубокія соображенія, куда уходятъ деньги, намеки, что жить мы не умѣемъ, что ты не хозяйка...

Маріанна вспыхнула и обиженно начала:

— Я, кажется, стараюсь, насколько возможно...

— Ахъ, да развѣ я тебя обвиняю за что-нибудь?— воскликнулъ онъ, перебивая ее.— Я говорю только о томъ, что скажетъ мать. Сама тратитъ деньги зря, а другихъ за каждый грошъ осудить готова. Рада будетъ возможности придраться къ тебѣ...

Маріанна нахмурилась и съ горечью подумала: «Недоставало еще того, чтобы меня обвиняли за него въ нерасчетливости, въ бросаньи денегъ, въ неумѣньи жить».

— Нельзя ли перехватить у Ольги?—замѣтила она.

— Ну, ужъ отъ этого я отказываюсь!—быстро сказалъ онъ.

— Отчего?

— Эта просто станетъ мылить мнѣ самому голову за мою жизнь.

— Ольга упрекнетъ тебя, а мать будетъ упрекать меня?— съ горечью пояснила Маріанна.—Конечно, второе для тебя легче.

И прежде чѣмъ онъ, немного сконфуженный, что-нибудь возразилъ, она рѣшительно проговорила:

— Я сама спрошу у Ольги, такъ какъ я вовсе не желаю быть безъ вины виноватой передъ твоей матерью.

— Да развѣ я позволю,—началъ онъ.

Она сухо перебила его:

— О, конечно, позволишь, лишь бы защитить себя.

И коротко спросила:

— Сколько и на какой срокъ надо взять у Ольги?

Онъ немного оторопѣлъ, какъ пойманный въ скверной продѣлкѣ школьникъ, и растерянно сказалъ необходимую ему сумму денегъ.

Дальнѣйшій разговоръ между мужемъ и женою не клеился. Сергѣю Сергѣевичу вдругъ понадобилось идти куда-то по дѣламъ. Маріанна не удерживала, но даже не разспрашивала, куда онъ ѣдетъ. Какія-то мрачныя думы лѣзли въ ея голову. Мать мужа обвинила бы ее за мотовство, а онъ даже не сталъ бы защищать ее, лишь бы упрекали не его. Трусъ... Маріанна незамѣтно для самой себя подошла къ роялю, взяла ноты и начала пѣть. Она даже не сознавала, что она дѣлаетъ это ради того, чтобъ не думать. Эти думы нагоняли на нее непреодолимый страхъ. Казалось, кто-то шепталъ ей, что она совсѣмъ перестаетъ уважать мужа.

— Не сталъ ли онъ играть?—коротко спросила Ольга Сергѣевна, когда Маріанна попросила у нея взаймы денегъ.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила Маріанна.—Просто потратился.

Ольга Сергѣевна пристально взглянула на нее.

— Ты чего-то не договариваешь?

Маріанна покраснѣла.

— На цыганокъ бросилъ,—прошептала она.

— А!

Ольга Сергѣевна поспѣшно заговорила о другихъ предметахъ. Эта поспѣшность не ускользнула отъ вниманія Маріанны. Разговоръ шелъ вяло. Вдругъ Маріанна оборвала ее и спросила:

— Я надѣюсь, ты этому не придаешь серьезнаго значенія?

— Чему?—спросила въ свою очередь Ольга Сергѣевна.

— Этой... этой цыганкѣ,—краснѣя пояснила Маріанна.— Было бы смѣшно ревновать.

Ольга Сергѣевна пожала плечами и съ сильной трёвогой заговорила:

— Не это страшно. Вся эта тина страшна. Страшно то, что Сергѣй не выбьется, не захочетъ выбиться изъ этой тины. Я тебѣ никогда не говорила объ этомъ, боялась смущать тебя, но... нужно же тебѣ открыть глаза на то, чего ты сама не видишь и противъ чего вслѣдствіе этого не протестуешь, не борешься.

Маріанна почти вскрикнула:

— Не борюсь? О!..

Она поднялась въ сильномъ волненіи съ мѣста и, ходя по комнатѣ, не имѣя силы сдержать себя, съ мучительнымъ видомъ заговорила:

— Ты думаешь, я все попрежнему остаюсь дѣвочкой, ничего не вижу, не понимаю? Ты страшно ошибаешься. Надо быть слѣпой, чтобы не видать этихъ попоекъ сегодня, попоекъ завтра, этой вѣчной ѣзды на тройкахъ Богъ вѣсть зачѣмъ, Богъ вѣсть куда, чтобы только выпить, выпить и выпить. Да если бы я была даже такъ слѣпа, такъ непонятлива, то у меня есть мать, которая все знаетъ, все развѣдаетъ, все передастъ, хоть бы отъ этого разорвалось мое сердце!

Она закрыла лицо руками и горько расплакалась, присѣвъ къ столу.

Ольга Сергѣевна склонилась къ ней и, лаская ее, проговорила:

— У тебя есть великое оружіе для спасенія: онъ обажаетъ тебя.

Маріанна зарыдала еще сильнѣе.

— Что съ тобой? Ты сомнѣваешься въ его любви?

— Нѣтъ, нѣтъ, не то,—отвѣтила Маріанна, продолжая рыдать.- Онъ не умѣетъ любить, не способенъ любить... онъ умѣетъ только ласкать...

Въ этомъ восклицаніи высказался результатъ всего, до чего додумалась Маріанна, вглядываясь въ своего мужа. Сладострастіе, а не страсть, чувственность, а не любовь, вотъ что было въ немъ. Ему была нужна не подруга жизни, а любовница, и онъ, какъ большинство людей его кружка, не умѣлъ иначе смотрѣть на жену. Онъ дорожилъ ея здоровьемъ, ея жизнью, но только потому, что въ данную минуту она представлялась ему лучшею изъ всѣхъ любовницъ. Ольга Сергѣевна, пораженная словами Маріанны, испуганно воскликнула:

— Не говори этого, не думай этого. Разъ ты убѣдишься въ этомъ—это смерть.

— А ты думаешь, я хочу теперь жить?—спросила Маріанна, опустивъ руки и смотря на Ольгу Сергѣевну.

— Полно, полно! Это нервы. Ты опять вѣдь въ такомъ положеніи? Да?

Маріанна кивнула утвердительно головой.

— Ну, вотъ видишь ли, я угадала! Понятно, что нервы разстроены, недомогается, все и кажется въ мрачномъ освѣщеніи. Сережа еще мальчикъ, его можно сдѣлать хорошимъ человѣкомъ. Онъ добрый малый. Любовью изъ него все можно сдѣлать.

Маріанна молчала. Отчасти она угадывала, что Ольга Сергѣевна сама плохо вѣритъ въ свои слова и говоритъ ихъ, чтобы только ободрить ее. Отчасти ей было стыдно сказать даже Ольгѣ Сергѣевнѣ, что она понимаетъ, что изъ мужа ничего нельзя сдѣлать, что съ нимъ нельзя даже серьезно говорить, что его внутреннюю пустоту и безсодержательность могла вполнѣ понять только она, жена, то-есть человѣкъ, передъ которымъ не надѣвалось никакой маски, съ которымъ уже вовсе не для чего хитрить и стѣсняться, который могъ узнать самые сокровенные изгибы этого пустого сердца. Такія пустыя сердца похожи на тѣ пустыя страницы, на которыхъ ничего не написано не потому, что на нихъ еще не пробовали писать, а потому, что на нихъ нельзя ничего написать: все протечетъ, расплывется, размажется въ грязь...

Тѣмъ не менѣе, когда Ольга Сергѣевна ушла, Маріанна задумалась. Точно ли она убѣждена, что Сергѣй не способенъ любить, а умѣетъ только ласкать? Точно ли у нея потеряна всякая надежда сдѣлать изъ него хорошаго и болѣе серьезнаго человѣка? Вѣдь онъ молодъ, онъ поддастся искушеніямъ, онъ мало серьезенъ, потому что они покуда все еще только играли въ любовь, не видали серьезныхъ обязанностей. Обнимались и цѣловались и никогда не говорили: начало разговоровъ было предлогомъ для объятій и поцѣлуевъ, прекращавшихъ неоконченный разговоръ. Вотъ родится у нихъ дитя, Сережа станетъ отцомъ, онъ поймете, что имъ надо жить тихо и степенно, чтобы хватило средствъ и на ребенка. Она дѣйствительно многое преувеличила подъ вліяніемъ нервнаго раздраженія, подъ вліяніемъ болѣзни, подъ вліяніемъ послѣднихъ разговоровъ съ матерью, съ мужемъ, съ Ольгой... Въ ея головѣ совершился мало-по-малу

желанный поворотъ мыслей въ другую сторону. Вспомнились заботы Сергѣя Сергѣевича о ней во время ея прошлогодней болѣзни, вспомнилось, какъ онъ испугался нынче при мысли о ея положеніи. Да, онъ любитъ ее, а не только ласкаетъ. Любовью она все изъ него сдѣлаетъ: и честнаго человѣка, и хорошаго отца, и серьезнаго дѣятеля.

Милый мой, если бы ты зналъ, какъ я тебя люблю,— шептала она вечеромъ мужу, припадая къ его плечу.

— Любишь? Да? Дитя мое!—воскликнулъ онъ, обнимая ее.—А я ужъ думалъ, что ты со вчерашняго дня меня разлюбила.

— Со вчерашняго?

— Ну да, кутнулъ я черезъ край. Да это пустяки. Когда же и кутить, какъ не въ молодости.

— А ты не кути.

— Да вотъ теперь и не думаю о кутежѣ, когда здѣсь, около тебя. Теперь никого и ничего не надо, кромѣ тебя и твоихъ поцѣлуевъ...

Она подавила вздохъ. Кромѣ поцѣлуевъ ему ничего не надо.

IX.

Въ воскресенье, по обыкновенію, вся знакомая ворошиловская компанія собралась вечеромъ у Сергѣя Сергѣевича. Вечеръ шелъ обычнымъ порядкомъ: играли въ фанты, танцовали, разсказывали анекдоты, сыпали двусмысленностями, слонялись безцѣльно изъ угла въ уголъ, изъ комнаты въ комнату, видимо не зная, что начать, чтобы убить время, наконецъ, дождались желаннаго ужина, и началась та незамѣтно одуряющая попойка, отъ скуки и бездѣлья, которая въ концѣ концовъ дѣлала всѣхъ невмѣняемыми. Она, и только она, была цѣлью этихъ сборищъ, и послѣ нея всѣмъ начинало казаться, что имъ весело, такъ какъ всѣ кричали, хохотали, пѣли, не понимая ни самихъ себя, ни другихъ. Уже за ужиномъ возникъ вопросъ о поѣздкѣ на тройкахъ. Маріанна, сидѣвшая за ужиномъ въ тяжелыхъ думахъ, вздрогнула и взволновалась. Въ головѣ мелькнула мысль, что мужъ опять поѣдетъ куда-нибудь за городъ, къ цыганамъ, къ цыганкамъ, къ той...

«Такъ, случайно онъ швырнулъ ей деньги или... понравилась она ему?—пронеслось въ головѣ Маріанны.—Какъ знать! Эти женщины умѣютъ увлекать, спаивать, возбуждать, тогда какъ она начинаетъ надоѣдать ему «серьезностями». Если онъ еще и не увлекся «тою», то можетъ легко «увлечься».

Какъ-то безсознательно она встала изъ-за стола и пошла въ гостиную.

— Куда ты, дитя?—крикнулъ Сергѣй Сергѣевичъ.

— Спѣть хочу что-нибудь,—отвѣтила она, улыбаясь ему.

— Ну, и отлично!

— Да, да, спойте!—раздались голоса, хотя никого не занимало теперь ея пѣніе.

Жоржикъ предупредительно вскочилъ съ мѣста.

— Я буду аккомпанировать!

Маріанна встала около рояля и запѣла:

«То было раннею весной»...

Она пѣла хорошо, прекрасно фразируя, выказывая много вкуса, умѣло владѣя небольшимъ, но очень пріятнымъ голосомъ, за который ее «обожали» въ институтѣ. Когда романсъ былъ конченъ—раздались аплодисменты.

— Чудо ты мое, сокровище!—восторженно воскликнулъ Сергѣй Сергѣевичъ, цѣлуя жену.

Она раскраснѣлась и весело заглянула въ его глаза.

— Любишь?

Въ этомъ вопросѣ было теперь, помимо ея воли, что-то кокетливое, заискивающее, напрашивающееся на ласку.

— Божество мое!—воскликнулъ онъ.

Она запѣла новый романсъ, и привычный человѣкъ могъ бы подмѣтить, что никогда она не пѣла еще съ такимъ чувствомъ, какъ сегодня. Казалось, она старалась щегольнуть передъ кѣмъ-то, увлечь кого-то. Снова раздались аплодисменты, снова Сергѣй Сергѣевичъ восторженно цѣловалъ жену. Она не отстранялась, хотя въ другое время она стѣснялась ласкъ мужа при другихъ. Теперь, напротивъ того, она, кажется, сама просила ихъ, старалась вызвать ихъ. Вдругъ раздался рѣзкій голосъ Серафимы:

— Ну, довольно сладостей! Играй, Егоръ, «Барыню».

Жоржикъ повиновался, хихикая и ерзая на табуретѣ. Серафима, сидя на диванѣ, откинувшись на его спинку и далеко передъ собою вытянувъ ноги, запѣла «Барыню», крикнувъ окружающимъ:

— Подтягивайте!

Запѣлъ хоръ. Началось выдумыванье невозможныхъ по нелѣпости куплетовъ. Сергѣй Сергѣевичъ, уже оставивъ жену, подсѣлъ къ Серафимѣ и хохоталъ, какъ сумасшедшій. Онъ наклонился къ уху Серафимы:

— А вы знаете этотъ куплетъ?

Онъ проговорилъ ей на ухо скабрезный куплетъ.

— И не такіе еще знаемъ!—отвѣтила она, дѣлая ироническую гримасу.

Комната огласилась хохотомъ...

Маріанна стояла съ поникшей головой у рояля и перебирала ноты, безмолвная, сконфуженная, оскорбленная. Въ ея головѣ былъ хаосъ. Случайно ея взглядъ упалъ на двери, ведущія въ столовую. На тѣни она увидала очертаніе женской фигуры, поднимавшей рюмки и стаканы, смотря на нихъ противъ свѣта лампы, и подносившей ихъ ко рту. Это была мать, «прибиравшая хрусталь и серебро»...

Молодая женщина почувствовала, что у нея темнѣетъ въ глазахъ. Нѣсколько минутъ она провела въ полномъ оцѣпенѣніи, ничего не видя, ничего не слыша. Что дѣлалось вокругъ, она почти не понимала. А кругомъ шло волненіе, всѣ поднялись съ мѣстъ. Теперь уже не въ залѣ, а въ передней былъ невообразимый гамъ. Гости разбирали шубы, мѣховыя шапки, калоши, толкались, говорили всѣ за разъ и безпричинно смѣялись. Было рѣшено ѣхать на тройкахъ, и всѣ собирались, торопились. Маріанна отошла отъ рояля и стояла въ дверяхъ залы, какъ статуя, безмолвно смотря на эту суетовку. Ее вывелъ изъ оцѣпенѣнія голосъ мужа:

— Ну, прощай!—весело и любовно проговорилъ онъ.— Ложись раньше. Я часа черезъ два пріѣду.

Онъ поцѣловалъ ее въ полоходѣвшій лобъ. Она почувствовала, что вотъ-вотъ она заплачетъ, и собрала всѣ свои силы, чтобы не разрыдаться. Дверь на лѣстницу уже распахнулась, и оттуда повѣяло свѣжимъ воздухомъ.

— Ступай, ступай, дитя! Простудишься!—заботливо сказалъ ей мужъ и, еще разъ поцѣловавъ ее, поспѣшилъ за гостями.

Передняя опустѣла. Саша обратилась къ барынѣ.

— Тушить лампы?—спросила она.

— Да, да.—отвѣтила Маріанна, какъ бы въ полуснѣ.— Тушите. Въ залѣ я сама потушу.

Она повернулась, прошла снова къ роялю, присѣла за него, стала перебирать клавиши. Совершенно безсознательно она играла романсъ Бородина:

Была пора, я молодость и силы
Въ своей груди, счастливый, ощущалъ.
Какъ праздникъ, жизнь торжественно манила,
И я на міръ съ надеждою взиралъ.
Но мало жизнь дала мнѣ утѣшеній,
Проснулась желчь въ моей груди.
Вѣдь кромѣ лжи, обмановъ, оскорбленій

Я ничего не встрѣтилъ на пути.
Все потерявъ, что дорого мнѣ было...

— А ты пускай его одного рыскать, такъ и не то еще будетъ,—раздался хриплый голосъ позади Маріанны.

Она быстро обернулась, вскрикнувъ отъ испуга. Передъ нею стояла мать. У старухи посоловѣли глаза, углы рта отвисли, лицо было красно и точно вдругъ обрюзгло. Безпорядокъ въ одеждѣ, всклоченные волосы какъ бы говорили о томъ, что она только сейчасъ валялась на постели. Отъ нея слегка пахло пивомъ и водкой.

— Вы еще не спите?—проговорила Маріанна и слегка закусила нижнюю губу.

Опять что-то болѣзненное защемило ея сердце.

— Уснешь тутъ, когда ты на всю квартиру поешь,— отвѣтила мать.—Не этими романсами, мать моя, можешь при себѣ удержать мужа.

— Да я вовсе и не хотѣла его удерживать, если ему хотѣлось прокатиться,—отвѣтила Маріанна и почувствовала, что она краснѣетъ.

Да, мать угадала. Ей хотѣлось удержать мужа, когда она пѣла и безсознательно кокетничала съ нимъ при гостяхъ. Ей хотѣлось, чтобы онъ, ея милый Сережа, остался съ ней. Теперь ей казалось унизительнымъ ея собственное поведеніе. Впервые она какъ бы вымаливала его ласки и старалась, чтобы онъ не бросалъ ее, не мѣнялъ. На кого? На какую-то цыганку!

— Что ты мнѣ разсказываешь!—воскликнула мать и грубо засмѣялась.—Не хотѣла удерживать. Сегодня не удержишь, завтра не удержишь—совсѣмъ сбѣжитъ. Тамъ у него...

Маріанна встала со страхомъ, чувствуя, что мать скажетъ что-нибудь такое, отчего она всю ночь не сомкнетъ глазъ.

— Вы легли бы спать! Пора!—сухо сказала она, стараясь быть сдержанной, и стала тушить свѣчи, стоявшія на роялѣ.

— Не слушай, не слушай мать, такъ не то еще будетъ,— съ угрозой проговорила мать.—Не люблю я Симку, а всегда скажу: молодецъ бабенка. Она вотъ если рога приставитъ, такъ онъ все же у ея ногъ валяться будетъ. Симка знаетъ, какъ мужа обойти надо...

Маріанна молча подошла къ лампѣ, стоявшей на каминѣ, загасила ее и, взявъ послѣднюю свѣчу, еще горѣвшую на столѣ передъ диваномъ, пошла изъ залы.

— Ты носъ-то повыше еще задирай передъ матерью—

Онъ проговорилъ ей на ухо скабрезный куплетъ.

— И не такіе еще знаемъ!—отвѣтила она, дѣлая ироническую гримасу.

Комната огласилась хохотомъ...

Маріанна стояла съ поникшей головой у рояля и перебирала ноты, безмолвная, сконфуженная, оскорбленная. Въ ея головѣ былъ хаосъ. Случайно ея взглядъ упалъ на двери, ведущія въ столовую. На тѣни она увидала очертаніе женской фигуры, поднимавшей рюмки и стаканы, смотря на нихъ противъ свѣта лампы, и подносившей ихъ ко рту. Это была мать, «прибиравшая хрусталь и серебро»...

Молодая женщина почувствовала, что у нея темнѣетъ въ глазахъ. Нѣсколько минутъ она провела въ полномъ оцѣпенѣніи, ничего не видя, ничего не слыша. Что дѣлалось вокругъ, она почти не понимала. А кругомъ шло волненіе, всѣ поднялись съ мѣстъ. Теперь уже не въ залѣ, а въ передней былъ невообразимый гамъ. Гости разбирали шубы, мѣховыя шапки, калоши, толкались, говорили всѣ за разъ и безпричинно смѣялись. Было рѣшено ѣхать на тройкахъ, и всѣ собирались, торопились. Маріанна отошла отъ рояля и стояла въ дверяхъ залы, какъ статуя, безмолвно смотря на эту суетовку. Ее вывелъ изъ оцѣпенѣнія голосъ мужа:

— Ну, прощай!—весело и любовно проговорилъ онъ.—Ложись раньше. Я часа черезъ два пріѣду.

Онъ поцѣловалъ ее въ холоходѣвшій лобъ. Она почувствовала, что вотъ-вотъ она заплачетъ, и собрала всѣ свои силы, чтобы не разрыдаться. Дверь на лѣстницу уже распахнулась, и оттуда повѣяло свѣжимъ воздухомъ.

— Ступай, ступай, дитя! Простудишься!—заботливо сказалъ ей мужъ и, еще разъ поцѣловавъ ее, поспѣшилъ за гостями.

Передняя опустѣла. Саша обратилась къ барынѣ.

— Тушить лампы?—спросила она.

— Да, да.—отвѣтила Маріанна, какъ бы въ полуснѣ.—Тушите. Въ залѣ я сама потушу.

Она повернулась, прошла снова къ роялю, присѣла за него, стала перебирать клавиши. Совершенно безсознательно она играла романсъ Бородина:

Была пора, я молодость и силы
Въ своей груди, счастливый, ощущалъ.
Какъ праздникъ, жизнь торжественно манила,
И я на міръ съ надеждою взиралъ.
Но мало жизнь дала мнѣ утѣшеній,
Проснулась желчь въ моей груди.
Вѣдь кромѣ лжи, обмановъ, оскорбленій

Я ничего не встрѣтилъ на пути.
Все потерявъ, что дорого мнѣ было...

— А ты пускай его одного рыскать, такъ и не то еще будетъ,—раздался хриплый голосъ позади Маріанны.

Она быстро обернулась, вскрикнувъ отъ испуга. Передъ нею стояла мать. У старухи посоловѣли глаза, углы рта отвисли, лицо было красно и точно вдругъ обрюзгло. Безпорядокъ въ одеждѣ, всклоченные волосы какъ бы говорили о томъ, что она только сейчасъ валялась на постели. Отъ нея слегка пахло пивомъ и водкой.

— Вы еще не спите?—проговорила Маріанна и слегка закусила нижнюю губу.

Опять что-то болѣзненное защемило ея сердце.

— Уснешь тутъ, когда ты на всю квартиру поешь,— отвѣтила мать.—Не этими романсами, мать моя, можешь при себѣ удержать мужа.

— Да я вовсе и не хотѣла его удерживать, если ему хотѣлось прокатиться,—отвѣтила Маріанна и почувствовала, что она краснѣетъ.

Да, мать угадала. Ей хотѣлось удержать мужа, когда она пѣла и безсознательно кокетничала съ нимъ при гостяхъ. Ей хотѣлось, чтобы онъ, ея милый Сережа, остался съ ней. Теперь ей казалось унизительнымъ ея собственное поведеніе. Впервые она какъ бы вымаливала его ласки и старалась, чтобы онъ не бросалъ ее, не мѣнялъ. На кого? На какую-то цыганку!

— Что ты мнѣ разсказываешь!—воскликнула мать и грубо засмѣялась.—Не хотѣла удерживать. Сегодня не удержишь, завтра не удержишь—совсѣмъ сбѣжитъ. Тамъ у него...

Маріанна встала со страхомъ, чувствуя, что мать скажетъ что-нибудь такое, отчего она всю ночь не сомкнетъ глазъ.

— Вы легли бы спать! Пора!—сухо сказала она, стараясь быть сдержанной, и стала тушить свѣчи, стоявшія на роялѣ.

— Не слушай, не слушай мать, такъ не то еще будетъ,— съ угрозой проговорила мать.—Не люблю я Симку, а всегда скажу: молодецъ бабенка. Она вотъ если рога приставитъ, такъ онъ все же у ея ногъ валяться будетъ. Симка знаетъ, какъ мужа обойти надо...

Маріанна молча подошла къ лампѣ, стоявшей на каминѣ, загасила ее и, взявъ послѣднюю свѣчу, еще горѣвшую на столѣ передъ диваномъ, пошла изъ залы.

— Ты носъ-то повыше еще задирай передъ матерью—

лучше будетъ, проговорила мать.—Цыганка-то ужъ забрала его, ослобонитъ и вовсе...

Маріанна уже направилась къ спальнѣ. Ей было страшно тяжело. Отъѣздъ мужа, полупьяная мать, намеки матери на то, что мужъ ее броситъ, все это угнетало ее. Она прошла въ свою спальню, раздѣлась, затушила свѣчу, легла, но заснуть не могла. При свѣтѣ лампады она смотрѣла въ пространство, на противоположную бѣлѣвшуюся въ полумракѣ постель мужа. Гдѣ онъ теперь? Что дѣлаетъ? Зачѣмъ уѣхалъ? Почему ему недостаточно повеселиться дома, а надо еще куда-то ѣхать? Часы пробили уже четыре, когда она начала дремать. Но ее тотчасъ же разбудилъ звонокъ. Она полуоткрыла глаза; въ передней послышалось, что кто-то вошелъ. Прошло минуты двѣ, и въ спальню отворилась дверь. Сергѣй Сергѣевичъ, стараясь идти на цыпочкахъ, вошелъ въ спальню. На ходу онъ зацѣпился за коверъ, пошатнулся и придержался за платяной зеркальный шкапъ. Держась за него, онъ сталъ торопливо раздѣваться, сбросивъ кое-какъ одежду и въ одномъ бѣльѣ, торопливо, невѣрной походкой, добрелъ до своей кровати. Онъ свалился на нее поверхъ одѣяла, видимо не имѣя силъ улечься, какъ слѣдуетъ. Въ ту же минуту раздался его тяжелый пьяный храпъ...

X.

Трусливыя дѣти, чувствуя, что они набѣдокурили, дѣлаются иногда особенно ласковыми, какъ бы стараясь заранѣе обезоружить старшихъ, могущихъ узнать ихъ проказы. Эту заискивающую ласковость легко было подмѣтить на слѣдующій день послѣ кутежа въ обращеніи Сергѣя Сергѣевича съ женою. Она подмѣтила это и въ душѣ обрадовалась этому. Впервые онъ признаетъ себя виноватымъ, не хорошо поступившимъ, думалось ей, а раскаяніе въ своемъ проступкѣ — первый шагъ къ исправленію. Во всякомъ случаѣ важно уже то, что онъ сознаетъ дурную сторону своего поведенія. Ей стало даже немножко смѣшно глядѣть на него, усердно цѣловавшаго ей руки, заботливымъ тономъ разспрашивавшаго ее о здоровьѣ и избѣгавшаго въ то же время всякаго намека на вчерашній день. Онъ спрашивалъ ее, не хочетъ ли она ѣхать въ театръ, чтобы развлечься; озабоченно говорилъ о томъ, что было бы хорошо, если бы вечеромъ заѣхала Ольга провести съ ними нѣсколько часовъ. Маріанна улыбалась счастливою улыбкою и думала: «Онъ совсѣмъ еще ребенокъ». Ей было въ то же

время странно, какъ это она сама успѣла такъ перерасти его въ эти полтора года, что онъ представлялся ей уже мальчикомъ, а не взрослымъ человѣкомъ. Что-жъ, это и хорошо, что онъ еще мальчикъ, его можно исправить, все его будущее еще впереди, и это будущее будетъ хорошимъ, счастливымъ. Она точно расцвѣла въ эти дни, и смотрѣла такъ весело, что ея настроеніе бросилось даже въ глаза Ольгѣ Сергѣевнѣ, заѣхавшей къ ней въ среду утромъ. Ольга Сергѣевна, напротивъ того, была какъ-то особенно озабочена и серьезна. Державшаяся всегда прямо и холодно, натянуто и сухо, она казалась теперь еще прямѣе и неприступнѣе, была какъ бы насторожѣ, точно ожидая какого-то нападенія. Въ то же время она говорила разсѣянно, какъ человѣкъ, говорящій не о томъ, что у него на душѣ, а обо всякомъ, вовсе безразличномъ для него, вздорѣ.

— Ты сегодня какъ-то особенно празднично смотришь,— разсѣянно замѣтила она Маріаннѣ.—Что-нибудь случилось?

— Да,—отвѣтила Маріанна и откровенно разсказала все, весело улыбаясь. — Ты не можешь представить, какъ милъ въ эти дни Сережа. Мнѣ такъ и хочется расцѣловать его, но я воздерживаюсь и стараюсь казаться строгой. Пресмѣшно все это.

Ольга Сергѣевна пожала слегка плечами.

— Какое странное совпаденіе,—проговорила она въ раздумьи и прибавила. — Одинаковыя явленія и разные результаты.

— Что ты хочешь сказать?—спросила Маріанна.

— Вообрази, что и меня постигло особенно сильное проявленіе нѣжныхъ чувствъ и раскаяній со стороны моего мужа. Только у тебя это начало счастья, а у меня это причина для открытія положительной войны противъ него.

Она вздохнула.

— Да, я тебѣ говорила, что изъ Сережи еще можно сдѣлать человѣка, потому что вы оба любите другъ друга. Ему вотъ достаточно было сильно подкутить, чтобы почувствовать себя виноватымъ передъ тобою. Это хорошій знакъ.

— О да, да, я теперь понимаю, что изъ Сережи все можно сдѣлать!—горячо согласилась Маріанна.—Онъ добръ, честенъ, понимаетъ все хорошее. Если онъ и вращается среди этихъ пошлыхъ людей, такъ просто дѣлается это потому, что онъ еще молодъ и хочетъ повеселиться, посмѣяться.

Она засмѣялась.

— Знаешь, мнѣ такъ и хочется ему сказать: «Да полно, Сережа, играть роль кающагося грѣшника. Развѣ это преступленіе, что ты вернулся домой, подкутивши ночью. Это пустяки. Это со всякимъ можетъ случиться». Но я не говорю ему этого, чтобы не поощрять его. Пусть считаетъ это преступленіемъ и кается.

Она была дѣтски мила въ эту минуту. Ольга Сергѣевна при другомъ настроеніи непремѣнно посмѣялась бы снисходительно надъ этимъ милымъ ребенкомъ, но теперь ей было не до смѣха. Сама она была озабочена, поглощена мыслью о своихъ дѣлахъ.

— Но что случилось у тебя?— спросила ее Маріанна съ участіемъ.

— Въ сущности не случилось ничего новаго, но продолженіе того, что было, показало мнѣ ясно, что надо принять экстренныя мѣры,—отвѣтила Ольга Сергѣевна.

Ея лицо приняло выраженіе горечи.

— Тоже покаяніе произошло!—пояснила она.

— Твой мужъ, ты говорила, давно уже кается, — замѣтила Маріанна.

— Да, кается и снова разыгрываетъ пошлую комедію влюбленнаго,—сказала Ольга Сергѣевна.

Но почему же «комедію»?—осторожно проговорила Маріанна.—Можетъ-быть, онъ и точно опомнился, отрезвился.

— Ахъ, что ты мнѣ говоришь!—строптиво воскликнула Ольга Сергѣевна.—Онъ вѣчно лгалъ, онъ и теперь лжетъ! Да если бы онъ даже не лгалъ, то я никогда не прощу, не забуду того, что онъ сказалъ мнѣ когда-то, что онъ, графъ Нолькте, могъ жениться на какой-то Ворошиловой только ради денегъ. О, это никогда не забудется!

И, возбужденная, взволнованная, она опять заговорила о томъ, что она пережила. Мужъ, женившійся на ней ради денегъ и обманувшійся въ своихъ расчетахъ, заставилъ ее пережить страшныя униженія. Онъ нагло и цинично сознался ей когда-то, что онъ вовсе не любилъ ея, а только искалъ денегъ. Онъ и послѣ этого признанія требовалъ, чтобы она жила съ нимъ, какъ съ мужемъ. Иногда онъ доходилъ чуть не до драки, желая этимъ заставить ее, нелюбимую, продолжать быть его женой. Въ послѣдніе же годы, когда она рѣшительно отстранилась отъ него, онъ прибѣгнулъ къ другой тактикѣ, прикинулся влюбленнымъ въ нее, сталъ преслѣдовать ее своимъ вниманіемъ, своей покорностью, своей предупредительностью. Мало того, онъ

избралъ орудіемъ для своихъ цѣлей разныхъ престарѣлыхъ и сентиментальныхъ тетушекъ-дѣвственницъ, разныхъ выжившихъ изъ ума и благочестивыхъ бабушекъ изъ своей родни, обратился, наконецъ, къ содѣйствію ея матери. Весь этотъ кагалъ кающихся Магдалинъ, вышедшихъ въ тиражъ камеръ-фрейлинъ, глупыхъ и недальновидныхъ старухъ сталъ внушать ей, что «бѣдный Леонидъ» остепенился, раскаивается, страдаетъ по ней, жаждетъ ея любви.

— Однѣ изъ этихъ глупыхъ старухъ искренне вѣрятъ ему, другія сентиментально мечтаютъ устроить романическую сцену примиренія, третьи просто боятся, что я, съ безстыдствомъ мѣщанки во дворянствѣ, пойду на публичный скандалъ, и всѣ, вмѣстѣ и порознь, осаждаютъ меня своими письмами, ламентаціями, совѣтами, богобоязненными указаніями на то, что скажетъ le bon Dieu,—горячо закончила она.—Все, что я говорю имъ, вызываетъ одинъ отвѣтъ: «Онъ все же мужъ! Нельзя же быть такой жестокосердной, худой миръ лучше доброй ссоры!» И всѣ говорятъ, что у меня нѣтъ сердца, что во мнѣ нѣтъ женственности, что я суха и мстительна. Ну да, да, онѣ правы, во мнѣ убито все, все растоптано, все умерло, и душа, и сердце, и женственность!

— Но,—начала несмѣло Маріанна.

— Теперь онъ рѣшился на экстренныя мѣры,—продолжала въ волненіи Ольга Сергѣевна, не слушая ея.—Третьяго дня онъ ползалъ передо мною на колѣняхъ, въ слезахъ, уже не просто прося прощенія, но угрожая, что онъ сойдетъ съ ума, если я не отзовусь на его любовь, что онъ въ отчаяніи пуститъ себѣ пулю въ лобъ...

— О!—воскликнула Маріанна.—И ты...

— Я была бы очень рада этому концу. Это избавило бы меня отъ необходимости вести бракоразводный процессъ, поднимать всю эту грязь, выносить въ общество то, что дѣлалось за кулисами этой гнусной семейной жизни, за кулисами этого разврата на законномъ основаніи.

— Но почему же ты не хочешь вѣрить,— опять начала Маріанна.

— Во что?—запальчиво спросила Ольга Сергѣевна.—Въ его искренность, въ его любовь? Я вѣрю только въ то, что онъ снова надавалъ векселей и боится, что представятъ ко взысканію! Въ это я вѣрю, потому что это я знаю навѣрное.

Она поднялась съ мѣста и въ необычайномъ волненіи заходила по комнатѣ.

— Но если бы ты знала, сколько гадостей необходимо

— Знаешь, мнѣ такъ и хочется ему сказать: «Да полно, Сережа, играть роль кающагося грѣшника. Развѣ это преступленіе, что ты вернулся домой, подкутивши ночью. Это пустяки. Это со всякимъ можетъ случиться». Но я не говорю ему этого, чтобы не поощрять его. Пусть считаетъ это преступленіемъ и кается.

Она была дѣтски мила въ эту минуту. Ольга Сергѣевна при другомъ настроеніи непремѣнно посмѣялась бы снисходительно надъ этимъ милымъ ребенкомъ, но теперь ей было не до смѣха. Сама она была озабочена, поглощена мыслью о своихъ дѣлахъ.

— Но что случилось у тебя?—спросила ее Маріанна съ участіемъ.

— Въ сущности не случилось ничего новаго, но продолженіе того, что было, показало мнѣ ясно, что надо принять экстренныя мѣры,—отвѣтила Ольга Сергѣевна.

Ея лицо приняло выраженіе горечи.

— Тоже покаяніе произошло!—пояснила она.

— Твой мужъ, ты говорила, давно уже кается, — замѣтила Маріанна.

— Да, кается и снова разыгрываетъ пошлую комедію влюбленнаго,—сказала Ольга Сергѣевна.

Но почему же «комедію»?—осторожно проговорила Маріанна.—Можетъ-быть, онъ и точно опомнился, отрезвился.

— Ахъ, что ты мнѣ говоришь!—строптиво воскликнула Ольга Сергѣевна.—Онъ вѣчно лгалъ, онъ и теперь лжетъ! Да если бы онъ даже не лгалъ, то я никогда не прощу, не забуду того, что онъ сказалъ мнѣ когда-то, что онъ, графъ Нолькте, могъ жениться на какой-то Ворошиловой только ради денегъ. О, это никогда не забудется!

И, возбужденная, взволнованная, она опять заговорила о томъ, что она пережила. Мужъ, женившійся на ней ради денегъ и обманувшійся въ своихъ расчетахъ, заставилъ ее пережить страшныя униженія. Онъ нагло и цинично сознался ей когда-то, что онъ вовсе не любилъ ея, а только искалъ денегъ. Онъ и послѣ этого признанія требовалъ, чтобы она жила съ нимъ, какъ съ мужемъ. Иногда онъ доходилъ чуть не до драки, желая этимъ заставить ее, нелюбимую, продолжать быть его женой. Въ послѣдніе же годы, когда она рѣшительно отстранилась отъ него, онъ прибѣгнулъ къ другой тактикѣ, прикинулся влюбленнымъ въ нее, сталъ преслѣдовать ее своимъ вниманіемъ, своей покорностью, своей предупредительностью. Мало того, онъ

избралъ орудіемъ для своихъ цѣлей разныхъ престарѣлыхъ и сентиментальныхъ тетушекъ-дѣвственницъ, разныхъ выжившихъ изъ ума и благочестивыхъ бабушекъ изъ своей родни, обратился, наконецъ, къ содѣйствію ея матери. Весь этотъ кагалъ кающихся Магдалинъ, вышедшихъ въ тиражъ камеръ-фрейлинъ, глупыхъ и недальновидныхъ старухъ сталъ внушать ей, что «бѣдный Леонидъ» остепенился, раскаивается, страдаетъ по ней, жаждетъ ея любви.

— Однѣ изъ этихъ глупыхъ старухъ искренне вѣрятъ ему, другія сентиментально мечтаютъ устроить романическую сцену примиренія, третьи просто боятся, что я, съ безстыдствомъ мѣщанки во дворянствѣ, пойду на публичный скандалъ, и всѣ, вмѣстѣ и порознь, осаждаютъ меня своими письмами, ламентаціями, совѣтами, богобоязненными указаніями на то, что скажетъ le bon Dieu,—горячо закончила она.—Все, что я говорю имъ, вызываетъ одинъ отвѣтъ: «Онъ все же мужъ! Нельзя же быть такой жестокосердной, худой міръ лучше доброй ссоры!» И всѣ говорятъ, что у меня нѣтъ сердца, что во мнѣ нѣтъ женственности, что я суха и мстительна. Ну да, да, онѣ правы, во мнѣ убито все, все растоптано, все умерло, и душа, и сердце, и женственность!

— Но,—начала несмѣло Маріанна.

— Теперь онъ рѣшился на экстренныя мѣры,—продолжала въ волненіи Ольга Сергѣевна, не слушая ея.—Третьяго дня онъ ползалъ передо мною на колѣняхъ, въ слезахъ, уже не просто прося прощенія, но угрожая, что онъ сойдетъ съ ума, если я не отзовусь на его любовь, что онъ въ отчаяніи пуститъ себѣ пулю въ лобъ...

— О!—воскликнула Маріанна.—И ты...

— Я была бы очень рада этому концу. Это избавило бы меня отъ необходимости вести бракоразводный процессъ, поднимать всю эту грязь, выносить въ общество то, что дѣлалось за кулисами этой гнусной семейной жизни, за кулисами этого разврата на законномъ основаніи.

— Но почему же ты не хочешь вѣрить,— опять начала Маріанна.

— Во что?—запальчиво спросила Ольга Сергѣевна.—Въ его искренность, въ его любовь? Я вѣрю только въ то, что онъ снова надавалъ векселей и боится, что представятъ ко взысканію! Въ это я вѣрю, потому что это я знаю навѣрное.

Она поднялась съ мѣста и въ необычайномъ волненіи заходила по комнатѣ.

— Но если бы ты знала, сколько гадостей необходимо

пережить. какія мѣры надо предпринять, чтобы добиться развода! — съ омерзеніемъ проговорила она. — Я говорила уже съ адвокатами. Они мнѣ все разъяснили, передавъ всѣ подробности. Тѣмъ не менѣе, я пойду на все, хотя бы это было еще омерзительнѣе, хотя бы это стоило половины моего состоянія. Я пойду на все, и этотъ человѣкъ узнаетъ, что и у Ворошиловыхъ можетъ быть своя честь, надъ которой нельзя издѣваться никакимъ промотавшимся графчикамъ. Я вынесу все, поплачусь дорогой цѣной, но добьюсь того, что онъ останется опозореннымъ и, что для него главное, нищимъ.

— Ольга!—молящимъ тономъ произнесла Маріанна.

— О,—съ невыразимой горечью воскликнула Ольга Сергѣевна:—вѣдь онъ когда-то довелъ меня до того, что я начала его любить первою любовью, и именно въ это время онъ, какъ пощечину, бросилъ мнѣ въ лицо оскорбленіе, сказавъ, что онъ-то никогда, никогда не любилъ меня. Да развѣ это можетъ простить женщина? Онъ не только заставилъ меня быть своей любовницей, не любя меня, нѣтъ, онъ еще насмѣялся въ душѣ надо мною, когда я начала шептать ему робкія слова любви; онъ убилъ во мнѣ способность вѣрить въ чью бы то ни было любовь, и, можетъ-быть, въ то время, когда я страдала, смѣялся съ какими-нибудь кокотками надъ глупой купеческой дочкой, воображавшей, что ее можетъ любить графъ Нолькте!

Маріанна притихла, почти испугалась этого страстнаго и бурнаго порыва. Она понимала, что тутъ нельзя было ни утѣшать, ни возражать... Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія. Прервала его Ольга Сергѣевна. Немного успокоившись, она заговорила о предстоящемъ процессѣ. Ее, конечно, назовутъ сумасбродной, родня графа найдетъ, что она поступаетъ, какъ «мѣщанка», которой не страшны скандалы, такъ какъ у нея нѣтъ «имени», разныя легкомысленныя барыни вовсе не поймутъ, почему она не пошла на примиреніе, когда мужъ самъ просилъ у нея прощенія.

— А бабушки и тетушки графа непремѣнно скажутъ, что все это вслѣдствіе безбожія и распущенности съ моей стороны,—съ ироніей закончила она:—и начнутъ вздыхать: «въ какое время мы живемъ, какіе нравы господствуютъ въ обществѣ, все отъ просвѣщенія, отъ учености, лягушекъ рѣжутъ». Но я приготовилась ко всему и не отступлю ни на шагъ отъ своего рѣшенія.

— Если онъ точно застрѣлится?—робко спросила Маріанна.

— Я тебѣ уже сказала, что, по-моему, это самый лучшій исходъ какъ для него, такъ и для меня, — отвѣтила Ольга Сергѣевна, и опять въ ея фигурѣ, въ выраженіи ея лица появилось что-то сухое, жестокое.

Маріанна только вздохнула. Она никогда бы не могла такъ относиться къ кому бы то ни было. Она могла бы сама умереть, но довести до самоубійства другого — нѣтъ, это терзало бы и мучило бы ее всю жизнь.

Едва ушла отъ нея Ольга Сергѣевна, какъ въ ея комнату вошла Дарья Никоновна.

— Ишь какъ раскудахталась!— насмѣшливо сказала Дарья Никоновна, присаживаясь на стулъ.

— Вы развѣ слышали? — съ удивленіемъ спросила Маріанна.

— Еще бы, рядомъ въ комнатѣ была,—коротко пояснила мать.—Да ужъ и пѣтушилась она больно, глухой могъ бы услышать. Да, нечего сказать, свелъ Богъ парочку. Графъ-то извѣстный кутила, форсу вездѣ задаетъ, такъ и швыряетъ деньги.

— Да развѣ вы знаете его?

— Я-то? Да кого же я не знаю. Слава Богу, родилась въ Петербургѣ и до старости въ немъ дожила. Какъ же не знать такихъ-то людей.

Она засмѣялась.

— Въ кумовствѣ даже съ его камердинеромъ пришлось быть. Писарекъ тутъ одинъ просилъ кумой быть по старой памяти. Я спервоначалу не хотѣла съ камердинеромъ-то крестить, все же чиновница. Ну, а потомъ подумала, мало ли какія лица у простыхъ людей и съ простыми людьми крестятъ. Пошла. Такъ камердинеръ-то графа мнѣ все и разсказалъ. Я и прежде много знала. Прачка одна и та же на графа и на нашего Егорку стираетъ, такъ разсказывала. Ну, а камердинеръ и всю суть подноготную выложилъ. Нечего сказать—жизнь!

Она начала распространяться о графѣ. Онъ бы не кутилъ, пожалуй, потому ни къ вину, ни къ картамъ, ни къ женщинамъ страсти у него нѣтъ, а вотъ форсу много. Въ этомъ вся и бѣда его. Для форсу онъ на все пойдетъ. Скупъ, а для форсу готовъ тысячи расшвырять, только задѣнь его амбицію. Извѣстно, дуракъ набитый. Вотъ теперь валяется передъ женой въ ногахъ, а все потому, что форсу потерять боится. Для него это ножъ острый. Да онъ и обломалъ бы другую, а эта ужъ больно суха. Ее ничѣмъ не проймешь.

Ни слезами, ни мольбами, ни угрозами. Онъ ужъ одно время думалъ ее понять, полагалъ, что она влюбится въ кого-нибудь, свихнется и тогда веревки изъ нея можно будетъ вить. Подсылалъ къ ней самъ разныхъ шематоновъ съ амурами. Такъ нѣтъ, одно слово — палка, торчитъ столбомъ и ни къ боку, ни на сторону. А кто виноватъ въ ея бѣдѣ? Сама. Не успѣла во-время мужа въ руки взять.

— Ты вотъ тоже смотри,—обратилась неожиданно Дарья Никоновна къ Маріаннѣ.—Не давай своему Сергѣю-то Сергѣевичу потачки.

Маріанна невольно усмѣхнулась. Она мысленно только что благословляла судьбу за то, что ея Сережа не таковъ, какъ графъ Мольтке.

Тоже сталъ хороводиться съ цыганками,—продолжала мать:—на прошлой недѣлѣ бросилъ на цыганку деньги. Въ воскресенье опять все расшвырялъ на нее же.

— Не лгите! —горячо воскликнула Маріанна.

— Чего ты, матушка, кричишь на мать-то? Манеру тоже взяла! У Симки, что ли, научилась? Я для твоей же пользы тебя предупреждаю. Была ты всегда дура-дурой, дурой и осталась. Не научи тебя — по-міру пойдешь. Были бы у васъ золотыя горы, такъ пусть бы благовѣрный бросалъ деньги, а то какъ пойдутъ векселя...

— Какіе векселя? —упавшимъ голосомъ спросила Маріанна.

— Обыкновенные векселя. И этого не знаешь! Раскидалъ онъ деньги, и пришлось занимать.

Маріанна вспомнила о займѣ у Ольги Сергѣевны и поняла, что мать говоритъ объ этихъ деньгахъ, вѣроятно, какъ-нибудь подслушавъ объ этомъ займѣ. Эта мысль ее успокоила немного. Но Дарья Никоновна продолжала:

— Черезъ Егорку занялъ, а ужъ черезъ Егорку нѣтъ хуже брать; онъ и ростовщику дастъ нажиться, и самъ наживется. Я, какъ все это разузнала, не вытерпѣла и отчитала Егоркѣ: «Ты это что, говорю, своего-то въ кутежи втягиваешь? Кажись бы, Маріанна-то твоей женѣ сестрой доводится. Изъ ихъ кармана въ чужіе нечего деньги выгребать».

Маріанна, ошеломленная этой новостью, глухо спросила:

— Что это за цыганка?

— А ну ее! Цыганка какъ цыганка! Два глаза во лбу и на двухъ ногахъ ходитъ, какъ всѣ люди-человѣки! Не въ ней дѣло, а въ деньгахъ.

— Что мнѣ деньги!

— Какъ что? Да деньги все! Или ты, мать моя, ревновать его вздумала къ какой-то цыганкѣ? Да это курамъ на смѣхъ. Мало ли съ кѣмъ мужчины отъ женъ путаются. На здоровье имъ! Онъ тебѣ законный мужъ, а не возлюбленный; подуритъ-подуритъ на сторонѣ, да къ тебѣ же придетъ. А вотъ деньги...

Дарья Никоновна начала распространяться о значеніи денегъ и о томъ, что ни на какихъ цыганокъ женѣ не слѣдуетъ обращать вниманіе, лишь бы онѣ не поглощали денегъ. Станутъ деньги тянуть, тогда другое дѣло, нужно мужа за рога, да на веревочку. Это, молъ, не дѣло изъ дома деньги таскать. Тутъ же она не безъ самодовольства объявила, что она за каждымъ шагомъ Сергѣя Сергѣевича слѣдитъ, что онъ изъ ея рукъ не уйдетъ. Маріанна плохо понимала ее, пораженная, какъ громомъ. Въ ея головѣ вертѣлась только одна мысль о томъ, что мужъ ее обманываетъ, что онъ ласковостью скрывалъ свой проступокъ, что, можетъ-быть, лаская ее, онъ уѣзжалъ въ эти дни къ той... Но что же дѣлать? Сказать ему, что она все знаетъ? Высказать ему, что за нимъ шпіонятъ? Сдѣлать ему сцену ревности изъ-за какой-то цыганки, поставивъ себя такимъ образомъ на одну доску съ нею? Или молча улыбаться въ отвѣтъ на его ласки, сознавая, что онъ лжетъ, и лжетъ именно потому, что хочетъ скрыть то, что онъ ласкалъ наканунѣ другую женщину? Ей вспомнились эти выкидыши общества, эти достойныя позора и поруганія женщины-хищницы, вѣчно праздныя, не имѣющія ни стыда, ни совѣсти, разнаряженныя и въ то же время омерзительно грязныя, бродящія, какъ голодные шакалы, по разнымъ садамъ въ родѣ Аркадіи для отысканія себѣ добычи, не гнушающіяся никѣмъ, готовыя на всякую низость, лишь бы имъ давали денегъ, денегъ и денегъ. Въ ней пробудилось чувство брезгливости, чувство отвращенія къ нимъ, къ мужу...

XI.

— Дитя, ты нездорова!—ласково разспрашивалъ Сергѣй Сергѣевичъ Маріанну, видя ея блѣдность, грустное выраженіе лица и красноту заплаканныхъ глазъ.

— Да, нездоровится!—отвѣчала она не безъ усилія, стараясь удержать слезы.—Ты же знаешь мое положеніе.

— Да, да! не позвать ли доктора! Я такъ боюсь за тебя, золото мое!

— Боишься за меня?—вырвалось у нея восклицаніе, и къ тонѣ ея голоса послышался горькій упрекъ.

— Да развѣ ты сама этого не знаешь?

Онъ хотѣлъ взять ея руку, чтобы поцѣловать. Она невольно отдернула ее.

— Не надо! Не одними же поцѣлуями доказывается любовь,—сказала она.

— Голубка, нервы у тебя расходились,—ласково сказалъ онъ.—Ты бы полежала, отдохнула бы...

Она коротко спросила его:

— А ты поѣдешь къ Жоржику?

— Къ Жоржику?—почти съ удивленіемъ спросилъ онъ, точно забылъ, что по четвергамъ собираются у Жоржика, и прибавилъ съ разсѣяннымъ видомъ:—Ахъ, да, сегодня четвергъ? Не знаю, право, поѣду ли. Тебѣ будетъ скучно одной.

Она промолчала.

Онъ съ озабоченнымъ видомъ прошелся по комнатѣ, точно не зная, на что рѣшиться, что дѣлать. Въ ея головѣ мелькали назойливыя мысли о томъ, что ему очень хочется ѣхать къ Жоржику и къ той, къ цыганкѣ, и въ то же время онъ чувствовалъ неловкость оставить ее, Маріанну, когда она не такъ здорова. Пусть бы ужъ не кривилъ душой, пусть бы ѣхалъ, куда угодно, ей было бы легче теперь не видать его, чѣмъ видѣть, что онъ волнуется, томится скукой и старается переломить себя. Вотъ уже нѣсколько дней какъ онъ ходитъ словно въ воду опущенный, видимо чѣмъ-то озабоченный, серьезный, какъ никогда. Вѣрно изобрѣтаетъ, гдѣ бы еще добыть денегъ для этой женщины. Ну, и шелъ бы къ ней! Маріанна поднялась съ мѣста, прошла въ спальню и прилегла на кушетку. Сергѣй Сергѣевичъ продолжалъ ходить по залу, озабоченный, разстроенный, покусывая свои усики. Наконецъ, онъ осторожно вошелъ въ спальню жены и взглянулъ, спитъ ли Маріанна. Она закрыла глаза, притворясь спящей. Онъ посмотрѣлъ на нее и такъ же тихо на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. «Теперь уѣдетъ сейчасъ», мелькнуло въ ея головѣ. Дѣйствительно въ квартирѣ воцарилась тишина. «Уѣхалъ или нѣтъ?» вертѣлся въ головѣ Маріанны вопросъ. Она позвонила. Вошла Саша.

— Баринъ уѣхалъ?—спросила Маріанна.

— Уѣхали-съ.—отвѣтила горничная.—Приказали сказать, когда вы проснетесь, что сейчасъ вернутся къ чаю.

— Хорошо!—сказала Маріанна.—Ступайте, Саша!

Она осталась снова одна, но ея лицу скользила горькая усмѣшка. «Сейчасъ пріѣдетъ! Зачѣмъ онъ лжетъ? Опять всю ночь проведетъ тамъ», думалось ей. Потомъ явилась злая мысль: «Или поѣхалъ предупредить, что никакъ не можетъ оставить сегодня больную жену? А, можетъ-быть, на самомъ дѣлѣ не можетъ ѣхать просто потому, что истратилъ тѣ деньги, которыя занялъ черезъ Жоржика. Кто проникнетъ въ эти мелкія души?» Ее теперь не смутило даже то, что она мысленно назвала мужа «мелкой душой». Еще недавно она испугалась бы подобной мысли, теперь было не то. Все хорошее, что находила она прежде въ Серѣѣ Сергѣевичѣ, теперь вдругъ какъ будто испарилось и исчезло въ ея памяти, и возставали въ ней только его недостатки, ничтожные, мелкіе, жалкіе: умственная спячка, нравственное безразличіе, мелкая трусость, мальчишеская лживость. Ей вспоминались его пошленькія выходки, его слова: «Да на что мнѣ ученость? что я съ нею стану дѣлать? Узнаю, сколько звѣздъ на небѣ? Да мнѣ-то до этого что за дѣло? Или изучать, какъ люди жили при царѣ Горохѣ I или при Горохѣ II? Какъ ни жили, мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно. Читать книжки для времяпрепровожденія? Скука одна, занятнаго тутъ ничего нѣтъ. Тоже толки о политикѣ, объ общественныхъ дѣлахъ. Да развѣ я что-нибудь передѣлаю своими толками? Англія монхъ рѣчей испугается, что ли, или министерство финансовъ введетъ новую систему финансовыхъ операцій изъ-за моихъ затѣй? Все это одна скучища или кукишъ въ карманѣ. Жить значитъ веселиться, а то и жить не стоитъ». Ей вспомнилось и то, что называлъ онъ весельемъ. Трезвый человѣкъ могъ бы задохнуться, умереть съ тоски, смотря на это «веселье». Весельемъ эта жизнь могла казаться только полупьянымъ или совсѣмъ пьянымъ людямъ, которые уже не понимаютъ сами, ради чего они кричатъ, хохочутъ, спорятъ, пляшутъ, поютъ, цѣлуются. Ей вспомнились эти вечера, когда орали во все горло всѣ эти люди, не понимая ни другъ друга, ни самихъ себя. Это они называютъ весельемъ. О, если это веселье и если въ этомъ весельи смыслъ жизни, то остается только повѣситься. Самый отъявленный пессимистъ не могъ бы такъ уронить значеніе жизни, какъ роняли эти люди. Но ихъ жизнь сносна только въ полномъ бреду. «Но за что же я его любила?—пронесся въ ея головѣ мучительный вопросъ.—Какъ могла я его полюбить?» Да что же она понимала тогда, когда она отдалась ему? Онъ молодъ, красивъ собой, смѣшить умѣлъ, умѣлъ ласкать.

Развѣ всего этого не достаточно, чтобы увлечь дѣвочку, не успѣвшую даже кончить институтскаго образованія? Оборотную сторону медали она увидала только послѣ, живя съ нимъ въ одной квартирѣ, изо дня въ день, и увидала-то только потому, что какъ-то случайно натолкнулась на книги, пристрастилась къ нимъ, сошлась съ женщиной, много пережившей и на многое открывшей ей глаза, внезапно узнала, что этотъ человѣкъ не только стоитъ ниже ея, но еще обманываетъ ее, мѣняетъ ее на какую-то цыганку. Не будь всего этого, она, можетъ-быть, и сама втянулась бы въ этотъ образъ жизни, сдѣлалась бы не лучше Серафимы, продолжала бы вѣрить въ своего мужа, любить его... Но теперь— теперь въ ней нѣтъ ни капли любви къ нему, она презираетъ его, онъ ей сталъ совершенно чужимъ!.. Юная, неопытная, горячая, она была вполнѣ убѣждена теперь въ томъ, что она точно не любитъ его, а ея сердце такъ и билось отъ мысли, что ея Сережа тамъ, у той, у цыганки...

Раздался осторожный звонокъ. Маріанна встрепенулась и стала прислушиваться. Послышались по залу осторожные шаги. Въ спальню вошелъ Сергѣй Сергѣевичъ и, увидавъ, что Маріанна не спитъ, проговорилъ:

— Не спишь? Не я разбудилъ, дитя?

— Нѣтъ, я и не спала... такъ лежала,—отвѣтила Маріанна.

Онъ поцѣловалъ ея руку, пощупалъ ея лобъ и опять заботливо напомнилъ о докторѣ. Она отвѣтила, что покуда не нужно, что она просто немного утомлена.

— Смотри, береги себя, милая... Будетъ худо, не запускай,—посовѣтовалъ онъ и сталъ крутить папиросу.

Крученье папиросы ему не удавалось, и онъ раза два досадливо разорвалъ неудавшуюся крученку. Его лицо смотрѣло озабоченнымъ, сосредоточеннымъ. Иногда онъ пощипывалъ свои мягкіе усики и курчавившуюся бородку.

Вглядываясь теперь въ мужа, Маріанна старалась угадать, гдѣ онъ былъ, зачѣмъ ѣздилъ, почему смотритъ такимъ озабоченнымъ. Досадуетъ, что не могъ остаться дольше у Жоржика и ѣхать къ той? О, да кто же его держитъ? Не она ли, не Маріанна ли? Нѣтъ, теперь ей все равно, гдѣ онъ будетъ пропадать. Можетъ-быть, его бѣситъ, что у него денегъ нѣтъ, а къ той, къ цыганкѣ, безъ денегъ нельзя ѣхать. Тамъ вѣдь не людей цѣнятъ, а только деньги этихъ людей. Какъ онъ жалокъ и смѣшонъ...

— Что же ты такъ недолго побылъ у Жоржика?—неожиданно спросила она Сергѣя Сергѣевича.

Онъ вздрогнулъ, точно отъ сна его разбудили, смѣшался, повторилъ въ видѣ вопроса:

— У Жоржика?

И, опомнившись, отвѣтилъ:

— А! да, у Жоржика! Да они отмѣнили сегодня четвергъ.

— Отмѣнили? Что-нибудь случилось?—быстро спросила она.

— Нѣтъ... что же могло случиться?—спросилъ онъ, пытливо взглянувъ на нее, точно желая угадать, не подозрѣваетъ ли она чего-нибудь.

— Захворалъ кто-нибудь?—поясняла Маріанна.

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты не волнуйся.

Она видѣла, что онъ самъ волнуется, и не могла уже успокоиться.

— Такъ почему же?—начала она.

— Ахъ, ну, просто пора уже прекратить эти jours fixes... весна наступаетъ. Вездѣ теперь прекращаются эти назначенные дни.

Онъ видимо искалъ объясненій и не могъ ихъ найти.

Въ передней раздался звонокъ, Сергѣй Сергѣевичъ торопливо вышелъ изъ комнаты. Маріанна стала прислушиваться. У нея сильно билось сердце, точно отъ предчувствія какой-то бѣды. Она ясно слышала, что кто-то вошелъ, что Сергѣй Сергѣевичъ прошелъ съ посѣтителемъ въ свой кабинетъ. Маріанна не могла болѣе оставаться въ неизвѣстности. Она встала и прошла въ кухню.

— Саша, пришелъ кто-нибудь?—спросила она у горничной.

— Егоръ Егоровичъ пришли,—отвѣтила служанка.

— Гдѣ же онъ?

— Въ кабинетѣ у барина.

Маріанна на минуту задумалась, потомъ рѣшилась пройти къ мужу. Надо же все разузнать, они что-то скрываютъ, бѣду какую-то. Когда она вошла, разговоръ въ кабинетѣ оборвался разомъ. Она замѣтила только, что и мужъ, и Жоржикъ были сильно возбуждены.

— Это ты, Жоржикъ,—спросила она, протягивая Егору Егоровичу руку и стараясь казаться спокойною.—Что, Серафима здорова?

— Здорова, здорова,—заторопился Жоржикъ.—Всѣ здоровы. А ты? Сережа говорилъ, что прихварываешь? Не хорошо, не хорошо!

Онъ суетился и волновался, какъ мышь въ мышеловкѣ. Его тощая физіономія, казалось, вытянулась и осунулась

болѣе обыкновеннаго и была комична, жалка. Сергѣй Сергѣевичъ сказалъ женѣ:

— Маріанночка, ты бы распорядилась, угостила бы насъ чаемъ.

— Да, да, я бы съ удовольствіемъ,—затараторилъ Жоржикъ.

Она поняла, что ее хотятъ выпроводить, и отвѣтивъ: «сейчасъ», вышла.

— Зачѣмъ Егорка-то прибѣжалъ?—раздалось около нея въ столовой.

Она обернулась и увидала мать.

— Ахъ, ничего я не знаю!—безнадежно отвѣтила Маріанна. Что вы меня спрашиваете.

— Да гдѣ тебѣ и знать!—пренебрежительно сказала Дарья Никоновна и, успокаивая дочь, прибавила таинственно:— Вотъ погоди, я все вывѣдаю.

Маріанна обрадовалась.

— Да, да, скорѣе, разузнайте. Покойна я не могу быть,— торопливо произнесла она.

То-то, все на мать нападаете, а какъ нужда, такъ мать выручай, попрекнула ее мать и прибавила:—мелкія есть? На извозчика надо.

Маріанна торопливо порылась въ карманѣ, достала денегъ и повторила:

— Поскорѣй... все разузнайте...

Учи еще! Мать-то всѣ норы обшаритъ, а все узнаетъ...

У Маріанны подкашивались ноги. Она, однако, старалась успокоить себя. Пустяки какіе-нибудь. Стоитъ ли волноваться, ничего не зная. Это все разстроенные нервы виноваты. Изъ мухи слона дѣлаешь. Въ столовую вошли Сергѣй Сергѣевичъ и Жоржикъ. Они сѣли пить чай, но Жоржикъ торопился и обжигалъ губы.

— Я, вѣдь, на минуточку, по дѣлу,—пояснилъ онъ, дуя на чай и спѣша глотать его.

По дѣлу? — спросила Маріанна.

— Ахъ, пустяки все,—торопился отвѣтить Сергѣй Сергѣевичъ.- Какое дѣло? Просто пришелъ разсказать про разныя пакости и сплетни.

- Про какія сплетни?—спросила Маріанна.

— Тамъ у нихъ!.. свиньи разныя напакостили, Дубасовъ, Рубцовъ, князь Езерскій... все старыя исторіи...

И, замяная разговоръ, онъ началъ говорить о первомъ попавшемся на языкъ вздорѣ. Жоржикъ отвѣтилъ невпопадъ

и, наконецъ, поднялся съ мѣста. У него со лба лилъ потъ. Онъ, видимо, сидѣлъ какъ на иголкахъ и радъ былъ удрать.

— Сережа, что же такое случилось?—спросила Маріанна послѣ ухода Жоржика.

— Ахъ, дитя, говорю тебѣ, что все пустяки,—отвѣтилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—Подлецы разныхъ пакостей надѣлали—вотъ и все. Злость просто начинаетъ разбирать, когда подумаешь, какимъ негодяямъ жмешь руки, съ какимъ сбродомъ якшаешься, со всѣми на «ты», со всѣми въ амикошонствѣ состоишь... Сами на всякія подлыя продѣлки готовы, да и другихъ готовы заставить наглотаться всякой грязи.

Онъ ходилъ по столовой, кипятясь и жалуясь на кого-то. Маріанна слушала его и понемногу успокаивалась, начала почти радоваться. Что случилось—она не знала, но во всякомъ случаѣ происшедшее вооружало ея мужа противъ знакомыхъ Жоржика, противъ тѣхъ людей, которые бывали и у нихъ и которыхъ она отъ всей души ненавидѣла. Сережа, очевидно, отшатнется теперь отъ этого кружка, если онъ увидалъ всю его грязь, а ей только этого и хотѣлось. Если его возмутили продѣлки этихъ людей, значитъ онъ самъ-то честенъ и благороденъ...

Еще сегодня вечеромъ она увѣряла себя, что она перестала его любить, что онъ пустъ и мелоченъ, а теперь...

— Милый, не волнуйся,—ласково сказала она ему, поднявшись съ мѣста. — Слава Богу, что мы-то не такіе, какъ они...

Она нѣжно обвила его шею руками, заглянула въ его свѣтлые глаза. О, если бы теперь онъ навсегда, навсегда бросилъ всю эту компанію и остался при ней, при Маріаннѣ. Да это такъ и будетъ. Вотъ родится у нихъ ребенокъ...

Опять ее охватили надежды на счастье, на тихую семейную жизнь. Она даже не обратила вниманія на то, что, лаская ее, мужъ все-таки былъ и тревоженъ, и огорченъ. Она приписывала это только тому, что мужа слишкомъ сильно потрясло разочарованіе въ пріятеляхъ. Чѣмъ сильнѣе, тѣмъ лучше.

XII.

Сергѣй Сергѣевичъ ушелъ утромъ въ должность. Маріанна чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, но бодрилась. Вчерашній разговоръ съ мужемъ подѣйствовалъ благотворно на

болѣе обыкновеннаго и была комична, жалка. Сергѣй Сергѣевичъ сказалъ женѣ:

— Маріанночка, ты бы распорядилась, угостила бы насъ чаемъ.

— Да, да, я бы съ удовольствіемъ,—затараторилъ Жоржикъ.

Она поняла, что ее хотятъ выпроводить, и отвѣтивъ: «сейчасъ», вышла.

— Зачѣмъ Егорка-то прибѣжалъ?—раздалось около нея въ столовой.

Она обернулась и увидала мать.

— Ахъ, ничего я не знаю!—безнадежно отвѣтила Маріанна. Что вы меня спрашиваете.

— Да гдѣ тебѣ и знать!—пренебрежительно сказала Дарья Никоновна и, успокаивая дочь, прибавила таинственно:— Вотъ погоди, я все вывѣдаю.

Маріанна обрадовалась.

— Да, да, скорѣе, разузнайте. Покойна я не могу быть,— торопливо произнесла она.

То-то, все на мать нападаете, а какъ нужда, такъ мать выручай, попрекнула ее мать и прибавила:—мелкія есть? На извозчика надо.

Маріанна торопливо порылась въ карманѣ, достала денегъ и повторила:

— Поскорѣй... все разузнайте...

Учи еще! Мать-то всѣ норы обшаритъ, а все узнаетъ...

У Маріанны подкашивались ноги. Она, однако, старалась успокоить себя. Пустяки какіе-нибудь. Стоитъ ли волноваться, ничего не зная. Это все разстроенные нервы виноваты. Изъ мухи слона дѣлаешь. Въ столовую вошли Сергѣй Сергѣевичъ и Жоржикъ. Они сѣли пить чай, но Жоржикъ торопился и обжигалъ губы.

— Я, вѣдь, на минуточку, по дѣлу,—пояснилъ онъ, дуя на чай и спѣша глотать его.

— По дѣлу?—спросила Маріанна.

— Ахъ, пустяки все.—торопился отвѣтить Сергѣй Сергѣевичъ.- Какое дѣло? Просто пришелъ разсказать про разныя пакости и сплетни.

— Про какія сплетни?—спросила Маріанна.

— Тамъ у нихъ!.. свиньи разныя напакостили, Дубасовъ, Рубцовъ, князь Езерскій... все старыя исторіи...

И, заминая разговоръ, онъ началъ говорить о первомъ попавшемся на языкъ вздорѣ. Жоржикъ отвѣтилъ невпопадъ

и, наконецъ, поднялся съ мѣста. У него со лба лилъ потъ. Онъ, видимо, сидѣлъ какъ на иголкахъ и радъ былъ удрать.

— Сережа, что же такое случилось?—спросила Маріанна послѣ ухода Жоржика.

— Ахъ, дитя, говорю тебѣ, что все пустяки,—отвѣтилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—Подлецы разныхъ пакостей надѣлали—вотъ и все. Злость просто начинаетъ разбирать, когда подумаешь, какимъ негодяямъ жмешь руки, съ какимъ сбродомъ якшаешься, со всѣми на «ты», со всѣми въ амикошонствѣ состоишь... Сами на всякія подлыя продѣлки готовы, да и другихъ готовы заставить наглотаться всякой грязи.

Онъ ходилъ по столовой, кипятясь и жалуясь на кого-то. Маріанна слушала его и понемногу успокаивалась, начала почти радоваться. Что случилось—она не знала, но во всякомъ случаѣ происшедшее вооружало ея мужа противъ знакомыхъ Жоржика, противъ тѣхъ людей, которые бывали и у нихъ и которыхъ она отъ всей души ненавидѣла. Сережа, очевидно, отшатнется теперь отъ этого кружка, если онъ увидалъ всю его грязь, а ей только этого и хотѣлось. Если его возмутили продѣлки этихъ людей, значитъ онъ самъ-то честенъ и благороденъ...

Еще сегодня вечеромъ она увѣряла себя, что она перестала его любить, что онъ пустъ и мелоченъ, а теперь...

— Милый, не волнуйся,—ласково сказала она ему, поднявшись съ мѣста. — Слава Богу, что мы-то не такіе, какъ они...

Она нѣжно обвила его шею руками, заглянула въ его свѣтлые глаза. О, если бы теперь онъ навсегда, навсегда бросилъ всю эту компанію и остался при ней, при Маріаннѣ. Да это такъ и будетъ. Вотъ родится у нихъ ребенокъ...

Опять ее охватили надежды на счастье, на тихую семейную жизнь. Она даже не обратила вниманія на то, что, лаская ее, мужъ все-таки былъ и тревоженъ, и огорченъ. Она приписывала это только тому, что мужа слишкомъ сильно потрясло разочарованіе въ пріятеляхъ. Чѣмъ сильнѣе, тѣмъ лучше.

XII.

Сергѣй Сергѣевичъ ушелъ утромъ въ должность. Маріанна чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, но бодрилась. Вчерашній разговоръ съ мужемъ подѣйствовалъ благотворно на

болѣе обыкновеннаго и была комична, жалка. Сергѣй Сергѣевичъ сказалъ женѣ:

— Маріанночка, ты бы распорядилась, угостила бы насъ чаемъ.

— Да, да, я бы съ удовольствіемъ,—затараторилъ Жоржикъ.

Она поняла, что ее хотятъ выпроводить, и отвѣтивъ: «сейчасъ», вышла.

— Зачѣмъ Егорка-то прибѣжалъ?—раздалось около нея въ столовой.

Она обернулась и увидала мать.

— Ахъ, ничего я не знаю!—безнадежно отвѣтила Маріанна. Что вы меня спрашиваете.

— Да гдѣ тебѣ и знать!—пренебрежительно сказала Дарья Никоновна и, успокаивая дочь, прибавила таинственно:— Вотъ погоди, я все вывѣдаю.

Маріанна обрадовалась.

— Да, да, скорѣе, разузнайте. Покойна я не могу быть,— торопливо произнесла она.

— То-то, все на мать нападаете, а какъ нужда, такъ мать выручай, попрекнула ее мать и прибавила:—мелкія есть? На извозчика надо.

Маріанна торопливо порылась въ карманѣ, достала денегъ и повторила:

— Поскорѣй... все разузнайте...

Учи еще! Мать-то всѣ норы обшаритъ, а все узнаетъ...

У Маріанны подкашивались ноги. Она, однако, старалась успокоить себя. Пустяки какіе-нибудь. Стоитъ ли волноваться, ничего не зная. Это все разстроенные нервы виноваты. Изъ мухи слона дѣлаешь. Въ столовую вошли Сергѣй Сергѣевичъ и Жоржикъ. Они сѣли пить чай, но Жоржикъ торопился и обжигалъ губы.

— Я, вѣдь, на минуточку, по дѣлу,—пояснилъ онъ, дуя на чай и спѣша глотать его.

— По дѣлу?—спросила Маріанна.

— Ахъ, пустяки все,—торопился отвѣтить Сергѣй Сергѣевичъ.—Какое дѣло? Просто пришелъ разсказать про разныя пакости и сплетни.

— Про какія сплетни?—спросила Маріанна.

— Тамъ у нихъ!.. свиньи разныя напакостили, Дубасовъ, Рубцовъ, князь Езерскій... все старыя исторіи...

И, заминая разговоръ, онъ началъ говорить о первомъ попавшемся на языкъ вздорѣ. Жоржикъ отвѣтилъ невпопадъ

и, наконецъ, поднялся съ мѣста. У него со лба лилъ потъ. Онъ, видимо, сидѣлъ какъ на иголкахъ и радъ былъ удрать.

— Сережа, что же такое случилось?—спросила Маріанна послѣ ухода Жоржика.

— Ахъ, дитя, говорю тебѣ, что все пустяки,—отвѣтилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—Подлецы разныхъ пакостей надѣлали—вотъ и все. Злость просто начинаетъ разбирать, когда подумаешь, какимъ негодяямъ жмешь руки, съ какимъ сбродомъ якшаешься, со всѣми на «ты», со всѣми въ амикошонствѣ состоишь... Сами на всякія подлыя продѣлки готовы, да и другихъ готовы заставить наглотаться всякой грязи.

Онъ ходилъ по столовой, кипятясь и жалуясь на кого-то. Маріанна слушала его и понемногу успокаивалась, начала почти радоваться. Что случилось—она не знала, но во всякомъ случаѣ происшедшее вооружало ея мужа противъ знакомыхъ Жоржика, противъ тѣхъ людей, которые бывали и у нихъ и которыхъ она отъ всей души ненавидѣла. Сережа, очевидно, отшатнется теперь отъ этого кружка, если онъ увидалъ всю его грязь, а ей только этого и хотѣлось. Если его возмутили продѣлки этихъ людей, значитъ онъ самъ-то честенъ и благороденъ...

Еще сегодня вечеромъ она увѣряла себя, что она перестала его любить, что онъ пустъ и мелоченъ, а теперь...

— Милый, не волнуйся,—ласково сказала она ему, поднявшись съ мѣста. — Слава Богу, что мы-то не такіе, какъ они...

Она нѣжно обвила его шею руками, заглянула въ его свѣтлые глаза. О, если бы теперь онъ навсегда, навсегда бросилъ всю эту компанію и остался при ней, при Маріаннѣ. Да это такъ и будетъ. Вотъ родится у нихъ ребенокъ...

Опять ее охватили надежды на счастье, на тихую семейную жизнь. Она даже не обратила вниманія на то, что, лаская ее, мужъ все-таки былъ и тревоженъ, и огорченъ. Она приписывала это только тому, что мужа слишкомъ сильно потрясло разочарованіе въ пріятеляхъ. Чѣмъ сильнѣе, тѣмъ лучше.

XII.

Сергѣй Сергѣевичъ ушелъ утромъ въ должность. Маріанна чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, но бодрилась. Вчерашній разговоръ съ мужемъ подѣйствовалъ благотворно на

расположеніе ея духа. Она прилегла на кушетку и взяла книгу, намѣреваясь читать, какъ вдругъ передъ нею явилась мать. Дарья Никоновна не ночевала дома и пришла только теперь. Поздоровавшись съ дочерью, она развязала ленту у шляпки и бросила ее на стулъ, тяжело переводя духъ.

Фу, притомгала ноги! проговорила она, спѣша отдышаться.—Узнала зато все. Теперь они у меня, какъ на блюдечкѣ. Нечего сказать, хороши. Дотанцовались наши молодчики.

— Да, да, я знаю.—замѣтила спокойно Маріанна.

— Что знаешь? съ озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ спросила Дарья Никоновна.

— Пакостей какихъ-то надѣлалъ Дубасовъ,—начала Маріанна.

Мать горячо перебила ее:

— Да какихъ же такихъ пакостей Дубасовъ-то надѣлалъ? Опалѣла ты, мать моя, что ли? Свое ему терять тоже не сладко! Нѣтъ, ужъ извини, на мѣстѣ Дубасова каждый бы это сдѣлалъ. А вотъ тѣ-то молодчики, что среди бѣла дня людей грабятъ, да безъ ножа рѣжутъ вотъ эти ужъ истинно напакостили. Ну, да теперь одни въ тепломъ мѣстѣ въ тюрьмѣ сидятъ, а другіе хоть и на волѣ, да тоже недолго попразднуютъ.

Маріанна съ широко открытыми глазами поднялась съ мѣста и присѣла тутъ же на кушеткѣ, чувствуя, что она вся похолодѣла при словахъ о тюрьмѣ.

— Говорите, говорите все, - въ волненіи заговорила она.— Скорѣе говорите.

— Постой, я по порядку,—перебила ее мать.—Вчера я къ Симкѣ отсюда отправилась. Застала ее дома. Лежитъ на кушеткѣ, задравъ руки на голову, и въ потолокъ смотритъ. Спрашиваю: «что стряслось?» Завиляла хвостомъ сначала, отлынивать начала, «да», да «нѣтъ» тянетъ и позѣвываетъ. Ну, да я выдавлю хоть изъ кого все, что захочу. Прижала ее къ стѣнѣ. Ты, молъ, голубушка, зѣвотой-то не прикрывайся, выкинься и послѣ, а теперь матери правду выкладывай. Одолѣла ее... А потомъ, прискакалъ Дубасовъ. Я и его къ отвѣту. «Извините, говорю, а такъ какъ я мать, то...» Ну, все, какъ слѣдуетъ, прочитала... Егорка тоже отъ васъ явился, на него ужъ мы всѣ кагаломъ накинулись, потому какъ никакъ, а онъ проштрафился, съ него и шкуру драть.

— Господи! — мучительно воскликнула Маріанна.—Да скажете ли вы толкомъ, въ чемъ дѣло!

— Не каплетъ надъ нами, погоди, по порядку все надо, — отвѣтила Дарья Никоновна. — Дѣло, видишь ли ты въ чемъ. Рубцовъ,—знаешь его?—черномазый-то, вахластый,—и князекъ Езерскій деньги черезъ Егорку занимали разъ, либо два съ поручительствомъ Дубасова. Съ этого и началась катавасія. Векселя они выдавали, а Дубасовъ бланки ставилъ. Тамъ, когда время прошло, эти долги были заплачены, и забыли всѣ о томъ дѣлѣ. Вдругъ, намедни, извѣщаютъ Дубасова, что на него подадутъ ко взысканію векселя. Какіе такіе векселя? Никакихъ такихъ векселей онъ не выдавалъ. Бабка у него въ послѣднее время умерла, такъ ему не только занимать не приходилось, а и прожить-то не знаетъ онъ какъ эти деньги, что вѣдьма старая для него накопила. А тутъ векселя предъявляютъ. Сейчасъ это онъ: «покажите!» Показали. Глядитъ—ровно и его подпись, а ровно и не его. «Кто, говоритъ, учиталъ.» Рубцовъ и князь Езерскій. Съ этого и началось.

Она перевела духъ и отерла со лба и верхней губы потъ рукою. Маріанна сидѣла неподвижно съ опущенной головой и тяжело дышала.

— Князя Езерскаго и Рубцова притянули, Егорку тоже потребовали въ судъ, къ слѣдователю тамъ, что ли. «Черезъ васъ, говорятъ, учитали князь Езерскій и Рубцовъ векселя съ бланками господина Дубасова?» «Учитали,— говоритъ Егорка:—и уплатили потомъ по этимъ векселямъ»... «А эти, говорятъ, векселя вы знаете?»—Показываютъ векселя-то Егоркѣ. «Этихъ, говоритъ, не видалъ». «А подпись, говорятъ, признаете?» Посмотрѣлъ онъ, посмотрѣлъ, да и говоритъ: «поддѣльная подпись». Каша и заварилась. А тутъ и еще, и еще векселя посыпались, а тамъ...

Она усмѣхнулась:

— Разворотни яму, грязи не оберешься. Стали рыться, да доискиваться, и открылось такое, чего и не ждали. И князь Езерскій, и Рубцовъ, и Шитиковъ, и Сыромятскій-Долгинъ, да почитай что вся компанія Егора Егоровича мошенники и прохвосты. Тутъ векселя съ фальшивыми подписями, тамъ на ломбардныхъ билетахъ поддѣланныя цифры выставлены, здѣсь... Ты не знаешь, что это за шантажъ такой! Не поняла я. А? шантажъ?

— Не знаю, — глухо отвѣтила Маріанна, точно въ дремотѣ, не шевелясь на мѣстѣ.

— Новое, вѣрно, слово. Всякія пакости на своемъ вѣку

слышала, а этого не слыхала. Вѣрно, новое что-нибудь придумали. Шантажъ?.. Ну, такъ вотъ какъ дорылись до всего этого и накрыли всю компанію. Ты понимаешь, наши-то журъ-фиксы устраивали съ плясками, да съ танцами, да вышивками, а умные-то люди въ мутной водѣ у нихъ рыбу ловили, благо у Егорки всякіе люди бываютъ, и Дубасовы, и Сергѣи Сергѣевичи, и другіе матушкины сынки. Спрятать концовъ только не успѣли—вотъ бѣда! Влопались преждевременно и сцапали ихъ. Сцапать-то сцапали, да обратились и къ нашему Егору Егоровичу... «Вы, говорятъ, учетомъ векселей занимались и въ какихъ прикосновеніяхъ состояли съ этими господами?» Завертѣлся, завертѣлся нашъ Егоръ Егоровичъ, какъ угорь на сковородкѣ; знаешь его подлую натуришку, подлизнется ко всякому, подѣзетъ со всякой стороны, а чуть что, и труса празднуетъ. Залепоталъ: «Я, дескать, ничего не знаю, моя хата съ краю, я бѣдный человѣкъ, у меня жена». Мастеръ тоже .Лазаря пѣть! Однако, и его сцапать хотѣли, Дубасовъ, спасибо ему, вступился. «Если, говоритъ, что, такъ я на поруки», и такъ, и такъ. У меня бабка умерла, и денегъ по этой причинѣ много. Ну, пустили Егорку покуда, гуляй молъ на свободѣ, а тамъ посмотримъ. И посмотрятъ, какъ еще посмотрятъ. Можетъ, и сцапаютъ дурака, да и не его одного... Да кстати, одинъ векселъ и подъ руку твоего Сергѣя Сергѣевича подсѣлали. Его также призывали вчера...

Послышался какой-то чуть слышный, надрывающій душу стонъ. Дарья Никоновна прервала разсказъ, взглянула на дочь. Маріанна лежала съ помертвѣвшимъ лицомъ, свернувшись на кушеткѣ, съ мучительнымъ выраженіемъ, безсознательно хватаясь за грудь.

— Маріанна! Маріанна! что съ тобой?—вскричала Дарья Никоновна, растерявшись.—Ахъ, ты, Господи, роды, что ли, приспѣли... Саша! Сашка!.. Ахъ, черти, оглохли.

Старуха бросилась въ кухню за горничной...

Началась хлопотливая бѣготня, пріѣхали акушерка и акушеръ. Роды были преждевременные и мучительные. Больная была, по большей части, безъ сознанія, когда же оно возвращалось къ ней, она требовала къ себѣ мужа. Одна мысль только и вертѣлась въ ея головѣ, что его взяли и посадили въ тюрьму! Изъ всего разсказа матери у нея только и уцѣлѣло въ головѣ одно то, что нѣсколько пріятелей ея мужа сидятъ уже въ тюрьмѣ, а его призы-

вали? Зачѣмъ призывали? Какое значеніе имѣла для него поддѣланная кѣмъ-то подъ его руку подпись на векселѣ? За что его могли посадить? Ничего этого она не понимала и не могла понять, и въ ея головѣ вертѣлась одна фраза о томъ, что «и его уже призывали». Сергѣй Сергѣевичъ во всѣ дни ея болѣзни походилъ на безпомощнаго ребенка, приставалъ къ доктору съ вопросами о ходѣ болѣзни, бился, и плакалъ, и проклиналъ въ то же время начавшееся слѣдствіе по дѣлу Рубцова, князя Езерскаго, Шитикова и ихъ товарищей, такъ какъ его то и дѣло призывали разъяснять разныя мелочи. Онъ совсѣмъ изнервничался за эти дни и почти кричалъ на доктора, который объяснялъ, что у больной очень сильное кровоизліяніе.

— Если можно будетъ остановить дальнѣйшую потерю крови, то надежда еще не потеряна...

— Такъ употребите всѣ средства! — волнуясь, кричалъ Сергѣй Сергѣевичъ. — Чего же вы думаете? Вы докторъ! Вы должны!

— Я дѣлаю все возможное,—отвѣчалъ докторъ, пожимая плечами. — При крайне большой потерѣ крови можно еще прибѣгнуть къ переливанію крови...

— Такъ дѣлайте, дѣлайте все, что надо!—выходилъ изъ себя Ворошиловъ.— Чего вы мнѣ все это разсказываете, а дѣлать ничего не дѣлаете!..

Докторъ опять пожималъ плечами, видимо извиняя грубости этого человѣка, какъ «невмѣняемаго».

А потеря крови все продолжалась и, взглянувъ на Маріанну, можно было прямо сказать, что она уже не жилецъ на свѣтѣ. Ее уже ничто не интересовало, ничто не волновало, и ея почти стеклянные глаза теперь смотрѣли тупо и на мать, и на Ольгу Сергѣевну, и на мужа. Она тихо истекала кровью и была живымъ трупомъ.

Въ одно чудное весеннее утро Сергѣй Сергѣевичъ пробрался въ спальню жены, гдѣ вѣчно безшумно двигались люди, безплодно возясь съ окровавленнымъ бѣльемъ, полотенцами, простынями, и удивлялся странному затишью, воцарившемуся здѣсь. Онъ оглядѣлся въ полутьмѣ, увидалъ акушерку. Она стояла, склонившись надъ больной, и не останавливала Сергѣя Сергѣевича, какъ это дѣлала она обыкновенно, словами:

— Тише! тише!

Онъ приблизился къ постели, Маріанна лежала по обыкновенію неподвижно, какъ-то особенно плоско, точно не

человѣкъ, а тряпка; но теперь она лежала не съ полуоткрытыми, а съ совершенно закрытыми глазами. Акушерка, черезъ кровать, прошептала Сергѣю Сергѣевичу:

— Сейчасъ скончалась!

— Маріанна! дѣти! дѣти! — закричалъ онъ неистовымъ голосомъ и упалъ передъ постелью, опустивъ голову на трупъ.—Умерла! умерла! что же я-то буду дѣлать! Господи! Господи!

Онъ бился и метался около этого уже остывшаго и бездыханнаго тѣла...

XIII.

Похоронная процессія медленно подвигалась къ Александро-Невской лаврѣ. Провожающая гробъ молодежь раздѣлилась на маленькія группы, нѣкоторые изъ уставшихъ идти за гробомъ усѣлись въ экипажи, всѣ уже оживленно болтали о посторонникъ похоронамъ предметахъ, о новостяхъ и скандалахъ дня, о судѣ надъ Рубцовымъ, княземъ Езерскимъ, Шитиковымъ и компаніею, о предстоящемъ лѣтнемъ сезонѣ. Чудесная весенняя погода и ярко сіявшее солнце приводили всѣхъ въ жизнерадостное настроеніе. Только когда дроги стали въѣзжать въ ворота лавры, среди провожатыхъ произошла нѣкоторая тревога: всѣ вспомнили о покойницѣ, объ обстановкѣ торжественнаго взноса гроба въ церковь, о томъ, кто понесетъ гробъ, кто возьметъ вѣнки. Дроги остановились у церкви, и тотчасъ же десятки рукъ потянулись и къ гробу, и къ вѣнкамъ. Ихъ понесли впереди, держа высоко и расправивъ ленты съ трогательными надписями. За ними понесли гробъ. Кучка людей, собравшаяся посмотрѣть на богатыя похороны, перешептывались:

— Вѣнковъ-то, вѣнковъ-то сколько. Бѣлый гробъ, видно, молодую хоронятъ. Кто такая? Актерка, что ли, что столько вѣнковъ? Нѣтъ, такъ просто госпожа. Нынче это въ модѣ, вѣнки-то. Теперь что ни шагъ—цвѣтами торгуютъ. А и хорошо хоронятъ, и все молодежь. Это-то, бѣлокурый-то, вѣрно, мужъ. Плачетъ.

Дѣйствительно, церемонія вышла торжественной и красивой, точно сцена изъ обстановочной пьесы. Гробъ внесли въ церковь, поставили на высокій катафалкъ, вѣнки тщательно разложили на ступеняхъ катафалка. Началась служба. Гости разбрелись изъ церкви бродить по кладбищу, курить, продолжать начатые разговоры. У гроба осталась только

кучка близкихъ: мать покойницы, Серафима, Сергѣй Сергѣевичъ, Ольга Сергѣевна, старуха Ворошилова, присѣвшая съ утомленнымъ видомъ на поданный ей стулъ къ окну, и предупредительная дама, пріѣхавшая вмѣстѣ съ ней въ экипажѣ, да еще пять-шесть человѣкъ изъ провожатыхъ.

— Вы бы присѣли, — совѣтовала своей знакомой Ворошилова: — здѣсь такъ тянутъ всегда обѣдни.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не заботьтесь обо мнѣ, я и постою,— успокаивала ее предупредительная дама.

Но Ворошилова, не слушая ея, громко позвала.

— Сторожъ!

Сторожъ подошелъ.

— Дай же стулъ. Почему у васъ тутъ нѣтъ стульевъ? Знаете, что похороны, дурно можетъ съ кѣмъ-нибудь сдѣлаться, а стульевъ нѣтъ.

Онъ побѣжалъ за стуломъ.

— Удивительно непредупредительный народъ, — съ гримасой сказала Ворошилова. — Вообще это ужасно, что у насъ не сидятъ въ церкви. Я, ma chère, каюсь, потому рѣдко и бываю въ церкви. Стоять долго не могу, сейчасъ постороннія мысли приходятъ въ голову, ну, чтобы не грѣшить, и не ѣзжу.

— Законъ ужъ такой у насъ, — со вздохомъ сказала спутница Ворошиловой, какъ бы извиняясь за церковь.

Сторожъ принесъ стулъ, и она усѣлась рядомъ съ Настасьей Платоновной.

— Ахъ, не то, ma chère! — возразила Ворошилова.— Вотъ за границей, хоть бы въ Женевѣ, напримѣръ, у каждаго свой стулъ, даже отмѣтки есть на стульяхъ, а вѣдь тоже русская церковь. Да это и вездѣ тамъ такъ за границей, гдѣ исключительно порядочное общество посѣщаетъ церковь, а здѣсь это потому, что всѣ ходятъ.

Она вздохнула.

— Ахъ, заграничная жизнь! Если бы не дѣти, никогда я не осталась бы здѣсь жить. Сергѣя и Ольгу жаль здѣсь бросить, особенно теперь. Сережа въ горѣ, тяжелый урокъ вынесъ, а Ольга...

Она на минуту остановилась, не зная, продолжать ли разсказывать или замолчать. Страсть къ выбалтыванью всѣхъ тайнъ одержала верхъ, и она таинственно сообщила:

— Дуритъ она у меня, сладить не могу. Вообразите, рѣшилась окончательно развестись съ мужемъ. Положимъ,

онъ порядочная дрянь, между нами будь сказано, но вѣдь разводъ—это скандалъ...

— Иже Херувимы,— стройно запѣли пѣвчіе на клиросѣ.

— Что это, ma chère, херувимская уже?—спросила Ворошилова и, не ожидая отвѣта, поднялась съ мѣста, сдѣлала набожное лицо и въ полголоса съ чувствомъ забормотала, крестясь и поднимая глаза къ небу:—Тайно образующе... животворящей Троице... трисвятую пѣснь... отлагаемъ всякое житейское попеченіе...

Ея спутница уже стояла на колѣняхъ и тоже съ умиленіемъ молилась.

— Я выйду,— рѣзко сказала Серафима матери:—тошно отъ ладана и проголодалась я, просфору надо купить и съѣсть. Я пришлю Егора, онъ дастъ мнѣ знать, когда кончится обѣдня.

Она повернулась и пошла къ выходу.

— Нѣтъ, вы взгляните на эту фигуру, на это выраженіе лица, на эту походку,— проговорила старуха Ворошилова, обращаясь къ своей слушательницѣ и указывая ей глазами на Серафиму. Это, это что-то такое, чему и названія нѣтъ. И бѣдный Сержъ долженъ былъ жить въ подобномъ обществѣ.

Она набожно подняла глаза къ небу.

— Господи, прости мое согрѣшеніе, но я не могу скрыть этого: я почти рада, что все такъ случилось. Онъ вѣдь мнѣ сынъ, я о его спасеніи забочусь...

Она тяжело вздохнула.

— Бѣдное, бѣдное дитя, она была не виновата, но все же она косвенно была причиной его гибели: не женись онъ на ней, онъ не вращался бы въ этомъ пошломъ кругу писарскихъ женъ и дочерей...

Священникъ возгласилъ:

— Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы...

Ворошилова снова смолкла и начала набожно креститься, съ чувствомъ нараспѣвъ повторяя за пѣвчими:

— Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную.

И, обернувшись опять къ своей собесѣдницѣ, она мелькомъ спросила:

— Вы не знаете, ma chère, это преображенскіе пѣвчіе?

Предупредительная дама растерялась, глубоко сожалѣя, что не можетъ отвѣтить положительно на предложенный ей вопросъ и пробормотала:

— Право, не знаю... кажется...

— Прекрасные голоса... особенно этотъ басъ... могучее что-то... Люблю я церковное пѣніе!..

Ея взглядъ случайно упалъ на Сергѣя Сергѣевича.

— Ахъ, взгляните, на немъ лица нѣтъ,—проговорила она, указывая глазами на сына.—Позовите его, ma chère, ко мнѣ.

Предупредительная дама на цыпочкахъ направилась къ Ворошилову. Онъ подошелъ къ матери.

— Сережа, тебѣ дурно, мой мальчикъ? — съ чувствомъ сказала ему мать и приложила руку къ его лбу. —Головка разболѣлась? Ты бы вышелъ на воздухъ, освѣжился бы! Бѣдный мой!

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтилъ онъ въ замѣшательствѣ.

Ему все время хотѣлось выйти, освѣжиться и казалось въ то же время, что это неловко. Какъ же такъ, онъ мужъ—и вдругъ выйдетъ изъ церкви?

— Обѣдня сейчасъ кончится,—успокоила и мать, и сына предупредительная дама.

— Да, они очень затянули обѣдню,—сказала Ворошилова и обратилась опять къ сыну:—Береги себя, милый!

Она подставила къ его губамъ руку и погладила его по головѣ. Онъ вернулся опять къ изголовью гроба. Жоржикъ, уже давно стоявшій около него, спросилъ:

— Зачѣмъ мать звала?

— Усталъ я, думаетъ.

— Да и точно, на тебѣ лица нѣтъ!

— А ты думаешь, мнѣ легко! — раздражительно сказалъ Сергѣй Сергѣевичъ и почувствовалъ вдругъ, что ему точно тяжело.

Утомленіе послѣднихъ дней, горе о потерѣ жены, затекшія во время стоянія за обѣдней ноги, неожиданная нѣжность матери, обошедшейся съ нимъ, какъ съ больнымъ ребенкомъ, головокруженіе отъ запаха ладана и восковыхъ свѣчей, стройное пѣніе пѣвчихъ, вліяющее на нервы, все это теперь какъ-то вдругъ отразилось на немъ.

Въ церкви, между тѣмъ, началось движеніе, она стала наполняться народомъ. Это кончилась обѣдня, и начиналось отпѣваніе. Во всѣхъ рукахъ замигали зажженыя свѣчи. Раздались грустные звуки погребальнаго пѣнія. Сергѣй Сергѣевичъ началъ слегка вздрагивать, чувствуя, что его душитъ рыданіе.

— Дитя мое, дитя! — срывалось у него съ языка сквозь всхлипыванія.

онъ порядочная дрянь, между нами будь сказано, но вѣдь разводъ—это скандалъ...

«Иже Херувимы», стройно запѣли пѣвчіе на клиросѣ.

— Что это, ma chère, херувимская уже?—спросила Ворошилова и, не дожидаясь отвѣта, поднялась съ мѣста, сдѣлала набожное лицо и въ полголоса съ чувствомъ забормотала, крестясь и поднимая глаза къ небу: — Тайно образующіе... животворящей Троице... трисвятую пѣснь... отложимъ всякое житейское попеченіе...

Ея спутница уже стояла на колѣняхъ и тоже съ умиленіемъ молилась.

— Я выйду, — рѣзко сказала Серафима матери:—тошно отъ ладана и проголодалась я, просфору надо купить и съѣсть. Я пришлю Егора, онъ дастъ мнѣ знать, когда кончится обѣдня.

Она повернулась и пошла къ выходу.

— Нѣтъ, вы взгляните на эту фигуру, на это выраженіе лица, на эту походку, — проговорила старуха Ворошилова, обращаясь къ своей слушательницѣ и указывая ей глазами на Серафиму. Это, это что-то такое, чему и названія нѣтъ. И бѣдный Сержъ долженъ былъ жить въ подобномъ обществѣ.

Она набожно подняла глаза къ небу.

— Господи, прости мое согрѣшеніе, но я не могу скрыть этого: я почти рада, что все такъ случилось. Онъ вѣдь мнѣ сынъ, я о его спасеніи забочусь...

Она тяжело вздохнула.

— Бѣдное погибшее дитя, она была не виновата, но все же она косвенно была причиной его гибели: не женись онъ на ней онъ не вращался бы въ этомъ пошломъ кругу писарскихъ женъ и дочерей...

Священникъ возгласилъ:

— Возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы...

Ворошилова снова смолкла и начала набожно креститься, съ чувствомъ нараспѣвъ повторяя за пѣвчими:

— Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную.

И, обернувшись опять къ своей собесѣдницѣ, она мелькомъ спросила:

— Вы не знаете, ma chère, это преображенскіе пѣвчіе?

Предупредительная дама растерялась, глубоко сожалѣя, что не можетъ отвѣтить положительно на предложенный ей вопросъ и пробормотала:

— Право, не знаю... кажется...

— Прекрасные голоса... особенно этотъ басъ... могучее что-то... Люблю я церковное пѣніе!..

Ея взглядъ случайно упалъ на Сергѣя Сергѣевича.

— Ахъ, взгляните, на немъ лица нѣтъ,—проговорила она, указывая глазами на сына.—Позовите его, ma chère, ко мнѣ.

Предупредительная дама на цыпочкахъ направилась къ Ворошилову. Онъ подошелъ къ матери.

— Сережа, тебѣ дурно, мой мальчикъ? — съ чувствомъ сказала ему мать и приложила руку къ его лбу. —Головка разболѣлась? Ты бы вышелъ на воздухъ, освѣжился бы! Бѣдный мой!

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтилъ онъ въ замѣшательствѣ.

Ему все время хотѣлось выйти, освѣжиться и казалось въ то же время, что это неловко. Какъ же такъ, онъ мужъ—и вдругъ выйдетъ изъ церкви?

— Обѣдня сейчасъ кончится,—успокоила и мать, и сына предупредительная дама.

— Да, они очень затянули обѣдню,—сказала Ворошилова и обратилась опять къ сыну:—Береги себя, милый!

Она подставила къ его губамъ руку и погладила его по головѣ. Онъ вернулся опять къ изголовью гроба. Жоржикъ, уже давно стоявшій около него, спросилъ:

— Зачѣмъ мать звала?

— Усталъ я, думаетъ.

— Да и точно, на тебѣ лица нѣтъ!

— А ты думаешь, мнѣ легко! — раздражительно сказалъ Сергѣй Сергѣевичъ и почувствовалъ вдругъ, что ему точно тяжело.

Утомленіе послѣднихъ дней, горе о потерѣ жены, затекшія во время стоянія за обѣдней ноги, неожиданная нѣжность матери, обошедшейся съ нимъ, какъ съ больнымъ ребенкомъ, головокруженіе отъ запаха ладана и восковыхъ свѣчей, стройное пѣніе пѣвчихъ, вліяющее на нервы, все это теперь какъ-то вдругъ отразилось на немъ.

Въ церкви, между тѣмъ, началось движеніе, она стала наполняться народомъ. Это кончилась обѣдня, и начиналось отпѣваніе. Во всѣхъ рукахъ замигали зажженыя свѣчи. Раздались грустные звуки погребальнаго пѣнія. Сергѣй Сергѣевичъ началъ слегка вздрагивать, чувствуя, что его душитъ рыданіе.

— Дитя мое, дитя! — срывалось у него съ языка сквозь всхлипыванія.

— О блаженномъ успеніи.— началъ басовито дьяконъ.

Сергѣй Сергѣевичъ уже рыдалъ на всю церковь дѣтскими слезами. Мать Маріанны голосила, какъ ограбленная торговка на базарѣ. Съ Ольгой Сергѣевной опять сдѣлалось дурно. Ея давно расшатанные нервы въ этотъ день окончательно измѣнили ей, и эта почти всегда холодная и сдержанная женщина была теперь слаба, какъ больной ребенокъ. Быть-можетъ, она плакала не о Маріаннѣ, а о себѣ, вспоминая, что именно сегодня или завтра «сожгутся за ней корабли», формально начнется ея дѣло.

— Ахъ, выведите меня, ma chère, выведите!—простонала старуха Воронилова.—Я слабая женщина, я не могу переносить этихъ сценъ.

Ея спутница взяла ее бережно подъ руку и повела изъ церкви. Въ это время около гроба уже хлопотали и суетились молодые люди, готовясь опять торжественно нести вѣнки, поднявъ ихъ высоко въ воздухѣ; другіе же прилаживались, какъ удобнѣе взяться за ручки гроба...

Весело смотритъ въ ясные дни новое кладбище Александро-Невской лавры. Это какой-то фантастическій садъ, разубранный живыми и искусственными цвѣтами, съ рѣчкой посрединѣ, съ островкомъ, потонувшимъ въ зеленыхъ кустахъ, съ сотнями изящныхъ и затѣйливыхъ памятниковъ и часовенокъ, иногда пестрыхъ и причудливыхъ, какъ китайскія бесѣдки или нарядъ арлекина, съ красивой церковью, возвышающейся на пригоркѣ. Мысль о смерти здѣсь почти не приходитъ въ голову, такъ все блеститъ и сверкаетъ бронзой, бѣлымъ мраморомъ, лабрадаромъ, вѣнками изъ искусственныхъ и живыхъ цвѣтовъ, а въ рѣчкѣ весело плещутся, кувыркаются и кричатъ десятки утокъ, добывая мелкихъ червячковъ. Особенно свѣтло и весело здѣсь въ тихіе весенніе дни, какой стоялъ тогда, когда хоронили Маріанну. И сама похоронная процессія имѣла видъ чего-то веселаго: впереди гроба несли благоухающіе вѣнки съ развѣвавшимися шелковыми лентами, несла ихъ румяная безпечная молодежь, пѣвчіе въ нарядныхъ кафтанахъ, духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ, бѣлый глазетовый гробъ, засыпанный цвѣтами, все было празднично и не говорило о скорби. Въ воздухѣ неслись торжественные звуки: «Христосъ воскресе!» и слышалось немолчное стрекотаніе, чириканіе птицъ, хлопотливо устраивавшихъ себѣ новыя гнѣзда въ ожиданіи нарожденія новаго поколѣнія. А надо всѣмъ этимъ высоко поднявшееся солнце разливало свой свѣтъ,

играя лучами въ каждой каплѣ воды въ чашечкахъ цвѣтовъ, съ каждой блесткой глазета и серебра на гробѣ. Оно заронило эти веселые лучи даже въ разрытую могилу и тамъ, въ этомъ выложенномъ бѣлыми камнями склепѣ, засыпанномъ цвѣтами, казалось теперь свѣтло и весело. Накричавшіеся и нарыдавшіеся въ церкви мать и мужъ покойницы теперь точно обезсилѣли и, поддерживаемые подъ руки окружающими, только понуро и тупо смотрѣли, какъ опускали гробъ въ могилу, какъ изъ большого ярко блестѣвшаго мѣднаго таза посыпали на него маленькимъ, усердно вычищеннымъ мѣднымъ совкомъ мелкій-мелкій песокъ...

— Пойдемъ, Сережа! Полно, не воротишь, голубчикъ!

Эти слова, ласково и нѣжно сказанныя Жоржикомъ, заставили Сергѣя Сергѣевича очнуться. Онъ тряхнулъ волосами, перекрестился, вздохнулъ глубокимъ вздохомъ и позволилъ себя свести съ насыпи около могилы. Его торопили ѣхать. Онъ спросилъ, безсознательно глядя на окружающихъ:

— Гдѣ же мама?

— Наталья Платоновна уѣхала съ Ольгой Сергѣевной,— пояснили ему.—Просила тебя извинить, что не будетъ на поминкахъ. Ей нездоровится.

— Бѣдная!—безсмысленно пожалѣлъ онъ ее.

Его повели къ экипажамъ, стали суетливо разсаживаться въ кареты и коляски, кто-то крикнулъ:

— Трогай!

Копыта лошадей застучали о мостовую...

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, надо священниковъ подождать! Безъ нихъ нельзя начинать!—суетливо распоряжалась мать Серафимы, видя, что кто-то хочетъ приступить къ закускѣ.

И проворчала:

— И выдумали, гдѣ поминки дѣлать: у татарья этого, вмѣсто кухмистерской. Ничего эти бритыя головы не знаютъ, никакихъ порядковъ. Безъ поповъ просятъ къ закускѣ...

Духовенство, однако, не заставило себя долго ждать, и богато убранная просторная зала огласилась звуками пѣнія. Послѣ этого стали обносить кутью. Всѣ брали какъ можно поменьше холоднаго засахарившагося и осклизлаго рису.

— Теперь можно и по водочкѣ:—засуетился Жоржикъ и сталъ тащить всѣхъ къ закускѣ.

— Эге, чего тутъ не наставлено!—пробасилъ кто-то.—Я по балычку и по икоркѣ. Свѣжая? Въ цѣнѣ теперь! Надняхъ самъ покупалъ.

— Кто желудочной со мною! пронесся возгласъ дьякона, и крышки всѣ голоса, и въ воздухѣ поднялась гигантская красная рука съ графиномъ желудочной водки.

- Ну, это ты оставь про себя, посовѣтовалъ сосѣдъ гиганта, лысый священникъ. -Мы по вдовицѣ Поповой пройдемся.

— Да она, говорятъ, теперь жидамъ продалася. Только одна фирма осталась!

А коли и такъ, то мы и по жидамъ пройдемся. Намъ все равно.

— Блины, блины, господа! вскрикнулъ Жоржикъ.— Прошу за столъ.

Задвигались стулья, зазвенѣли приборы.

— А я желудочную къ себѣ приспособлю!—пояснилъ на весь залъ гигантъ-дьяконъ съ красными руками, и потрясая въ воздухѣ графинъ съ желудочной.

— Вотъ такъ икра-съ, доложу вамъ! — возгласилъ басъ.— Въ цѣнѣ она, а люблю я ее, каюсь, люблю!

Бритые татары во фракахъ, съ салфетками подъ мышками, сновали вокругъ стола, разнося вороха блиновъ, вазы со свѣжей икрой и со сметаной. Всѣ ѣли плотно, проголодавшись съ самаго ранняго утра. Звонъ ножей и вилокъ, рюмокъ и бутылокъ, немолчное чавканье и говоръ сосѣдей съ сосѣдями, собесѣдниковъ одного конца стола съ сидящими на другомъ концѣ стола, гортанныя отрывистыя фразы татаръ между собою, походившія на мелкія перебранки, все это сливалось въ одинъ рѣзкій гулъ. Среди хаоса звуковъ выдѣлялись только отрывочныя фразы:

А тонко, бестія, готовитъ. Французъ вѣрно?

— А ты держись только желудочной, тогда все едино, французъ или турокъ.

- Да, помяните мое слово, нѣмецкая опера провалится, а французская продержится. Нѣмцы намъ не ко двору, цирлихъ-манирлихъ, ну, и, значитъ, геенъ зи вонъ!

- Голоса, говорятъ, хорошіе есть.

— Да тутъ не въ голосахъ дѣло, а въ шикѣ. Какой шикъ у нѣмцевъ? Колбасники одно слово. «Аугустинъ, Аугустинъ»,- это ихъ дѣло, а дальше ничего они не смыслятъ.

Вдругъ Дарья Никоновна всполошилась:

— Подожди, татарва поганый! Никакихъ порядковъ вы не знаете. Передъ киселемъ пить будутъ, а ты съ нимъ суешься.

— Это, мамаша, не кисель, а бламанже,— пояснилъ Жоржикъ.

- Да хоть бы и бламанже, а все же на мѣсто киселя идетъ.

Она поднялась съ мѣста, обратившись къ одному изъ священниковъ со словами:

— Кисель, батюшка!

— А! — проговорилъ многозначительно священникъ и всталъ.

Раздалось пѣніе. Теперь подтягивали уже всѣ нестройно и невѣрно. Пропѣли и снова грузно опустились на мѣста.

— Ну, хоть распоясывайся!—раздался голосъ гиганта, поклонника желудочной.

Обѣдъ кончился, всѣ допивали вино, осматривая бутылки. Начали обносить фруктами, чаемъ и кофе, на подносахъ были бутылки съ ликерами и ликерныя рюмки. Всѣ повставали изъ-за стола, перешли въ нарядную смежную гостиную съ мягкою мебелью, сытые, пьяные, отяжелѣвшіе.

— Вотъ и помянули... и конецъ... всему конецъ,—проговорилъ безсвязно Сергѣй Сергѣевичъ, и на его глаза навернулись слезы.

— Священники уѣзжаютъ, простись!—шепнулъ ему Жоржикъ.

— Пусть уѣзжаютъ, пусть всѣ уѣзжаютъ, я одинъ, одинъ!—пробормоталъ онъ плаксиво.

— Полно, пріободрись!—уговаривалъ Жоржикъ.

Духовенство торопилось уѣхать, наскоро благодаря хозяина за угощеніе.

— Пусть ѣдутъ, пусть ѣдутъ,—говорилъ онъ, махая рукой.—Я одинъ.

— А я-то, я-то, горемычная!—воскликнула Дарья Никоновна и бросилась къ Сергѣю Сергѣевичу.—Родной мой, голубчикъ мой, не покинь ты меня, сироту горемычную!

— Мамахенъ, мамахенъ... я никогда... никогда я... Одни мы съ вами,—заговорилъ онъ и припалъ къ ней на грудь головой, горько плача.—Мой домъ—вашъ, вашъ... Одни мы, сироты съ вами...

— Поѣдемъ домой,—сказалъ Жоржикъ.

— Нѣтъ у меня дома, нѣтъ дома,—застоналъ Ворошиловъ.

— Да ты къ намъ, мы всѣ туда поѣдемъ,—сказалъ Жоржикъ.—Такъ, господа?

— Да, да, къ вамъ!—раздались голоса.

— И вы, мамахенъ,—обратился Жоржикъ къ Дарьѣ Никоновнѣ.

Она махнула ему рукой и потомъ отвела его за рукавъ въ сторону.

— Чего дурака валяешь? Чего я поѣду къ вамъ. У меня

и такъ сердце изныло, что тамъ у насъ, дома. Прислуга, поди, всѣ комоды обшарила.

— А ключи развѣ не у васъ,—озабоченно спросилъ Жоржикъ.

— Одинъ забыла, главный, отъ шифоньерки.

— Ну, такъ поѣзжайте, поѣзжайте!—заторопилъ онъ ее.

Оба они, хотя и подвыпившіе, смотрѣли дѣловито и серьезно.

Всѣ тронулись въ путь, кто по домамъ, кто къ Жоржику. Тамъ уже были готовы и фрукты, и кофе, и ликеры. Сергѣй Сергѣевичъ продолжалъ плакать и жаловаться на судьбу.

Не поѣду я домой, никогда не поѣду!—говорилъ онъ.—Видѣть я не могу дома своего, руки наложу на себя.

— Полно! полно!—уговаривали его.—Все пройдетъ, успокоишься, забудется...

— Провѣтрить его надо,—рѣшительно сказала Серафима.—Погода чудесная. Пусть уснетъ, а потомъ можно проѣхаться по островамъ. Мнѣ самой не по себѣ. Тошно до сихъ поръ отъ ладана.

Сергѣя Сергѣевича уложили, онъ вздремнулъ. Часовъ въ восемь онъ проснулся, точно разбитый, съ угаромъ въ головѣ, съ тоской на сердцѣ. Ему сказали, что надо освѣжиться. Онъ не противорѣчилъ, повторяя, что ему теперь все равно, что онъ готовъ хоть въ могилу. Хмель еще не вполнѣ вышелъ изъ головы, и Сергѣй Сергѣевичъ то говорилъ, что онъ руки на себя наложитъ, то тупо спрашивалъ, куда его везутъ. Его успокаивали и объясняли, «вотъ Каменный островъ», «на Стрѣлку мы ѣдемъ», «это Елагинъ островъ». Онъ безсмысленно повторялъ: «Каменный островъ», «Стрѣлка», «Елагинъ островъ» и тотчасъ же спрашивалъ снова: «Куда вы меня везете?» Присматриваясь къ нему поближе, можно было замѣтить, что онъ начинаетъ ломаться и привередничать, какъ это часто бываетъ съ полупьяными людьми, желающими казаться болѣе пьяными, чѣмъ они пьяны на самомъ дѣлѣ. Внезапно онъ крикнулъ:

— Музыка! музыка! Везите меня на музыку! Зачѣмъ здѣсь нѣтъ музыки?

Сидѣвшіе съ нимъ въ коляскѣ переглянулись, какъ бы стѣсняясь рѣшеніемъ, что дѣлать.

— Что-жъ, можно заѣхать въ Аркадію, взять отдѣльный кабинетъ,—рѣшила Серафима.—Я, кстати, озябла! Весна, весна, а вечеромъ все же холодно.

Они свернули отъ Стрѣлки по направленію къ Старой и Новой Деревнямъ.

— Его надо непремѣнно развлечь!—толковалъ Жоржикъ,

видя, что Ворошиловъ дремлетъ.—Онъ вѣдь теперь готовъ точно руки на себя наложить...

Серафима нетерпѣливо перебила его.

— Глупости порешь! Хмелемъ все пройдетъ!

Жоржикъ поспѣшилъ согласиться.

— Конечно, конечно, а все же...

— Музыка!—пробормоталъ Сергѣй Сергѣевичъ въ полуснѣ.

— Сейчасъ заиграетъ!—отвѣтилъ ему Жоржикъ. — Не волнуйся, Сережа, сейчасъ будетъ музыка...

Они подъѣзжали къ Аркадіи и прошли прямо въ отдѣльный кабинетъ.

Была уже ночь, бѣловатая, весенняя, петербургская ночь. Въ Аркадіи уже кончились и оперное представленіе въ закрытомъ театрѣ, и всякія кривлянья на открытой сценѣ. Продолжалъ играть только оркестръ пожарныхъ. Большинство публики разошлось, но нѣсколько группъ статскихъ и офицеровъ съ дамами двусмысленнаго поведенія, да цыганками сидѣли еще за бѣлыми столами и продолжали пить. Вечерній холодокъ поспалъ, и прозрачная бѣлая ночь была удивительно тепла и тиха. Шума въ саду не было, говорили всѣ тихо, точно всѣ притомились и погрузились въ сладкую полудремоту. Среди этого затишья внезапно на верхней галлереѣ раздался пьяный возгласъ:

— Музыка!

Этотъ крикъ, точно крикъ сумасшедшаго, уже нѣсколько разъ прорывался наверху, потомъ слышалось, какъ кого-то со смѣхомъ уводили съ балкона въ комнату и на нѣкоторое время тамъ снова водворялась тишина. Выкрикивавшему это слово, повидимому, доставляла большое удовольствіе возможность покуралесить и заставить окружающихъ успокаивать и ублажать его. Окружающіе его, тоже сильно подвыпившіе, забавлялись со своей стороны этими выходками и хохотали, когда пьяный вырывался изъ отдѣльнаго кабинета, выбѣгалъ на галлерею и кричалъ:

— Музыка!

Они ловили и уводили его, точно играли съ нимъ въ горѣлки, при чемъ слово «горю» замѣнялось словомъ «музыка».

— Кто это тамъ скандалитъ?—послышался презрительный вопросъ за однимъ изъ столиковъ на террасѣ, гдѣ сидѣло нѣсколько гусаровъ.—Неужели Сергѣй Ворошиловъ продолжаетъ куралесить?

— Да, онъ!—раздался отвѣтъ.

— Этотъ ужъ, вѣрно, не застрѣлится никогда съ горя,

что потерялъ жену, насмѣшливо замѣтилъ спрашивавшій, и по его сильно измятому и обрюзгшему лицу скользнуло выраженіе брезгливости.

Онъ обернулся къ своимъ собесѣдникамъ и спросилъ, произнося слова немного въ носъ и картавя.

— А вы слышали, что изъ-за его сестрицы сегодня застрѣлился графъ Нольтке?

— Нѣтъ! Да неужели! Не можетъ-быть!—раздались восклицанія.

Я же вамъ говорю, что застрѣлился... Эта пошлая женщина должна была завтра начать съ нимъ бракоразводный процессъ. Какихъ-то людей подкупила, лжесвидѣтелей, падшую женщину.

Послышались отдѣльныя замѣчанія:

Вотъ новость! Кто могъ ожидать!

— Я его видѣлъ чуть не вчера!

— Конечно, графъ не могъ вынести скандала. Его связи, его фамилія, его положеніе въ обществѣ...

— Наконецъ, у него большіе долги были, вѣдь ему поміру пришлось бы идти,—торопливо вставилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Это былъ совсѣмъ юный, еще безусый, бѣлобрысенькій и женоподобный юнецъ.

Разсказчикъ сдѣлалъ презрительную гримасу и, не отвѣчая юношѣ, заговорилъ:

— Вы, господа, все не то говорите. Имя, фамилія, связи, долги, все это тутъ ни при чемъ. Ошибка лежитъ въ корнѣ дѣла. Просто порядочному человѣку нашего круга невозможно тягаться съ этими торгашами. Они пойдутъ на все то, на что никогда не пойдетъ человѣкъ изъ порядочной семьи, съ родовитымъ именемъ. Это серьезный урокъ всѣмъ намъ не вступать въ разныя мезальянсы...

Безусый юноша, совсѣмъ теперь красный, какъ піонъ, несмѣло и почти пугливо забормоталъ:

— Да... но долги... большіе долги... Какъ же...

Но его никто не слушалъ. Разсказывавшій новость поднялся съ мѣста со словомъ «пора!» и его примѣру послѣдовала вся компанія.

Садъ опустѣлъ, и только нѣсколько цыганокъ походкою шакаловъ еще бродили по верхи Йгаллереѣ, чутко прислушиваясь къ говору въ отдѣльномъ кабинетѣ, гдѣ бурлилъ Ворошиловъ, и словно чего-то ожидая...

Оглавленіе

VI ТОМА.

стр.

Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ.

Часть первая.

Книга I.

I. Драма въ подвалѣ 5
II. Темное пятно въ свѣтлой жизни статскаго совѣтника Боголюбова 22
III. Просящіе помощи 44
IV. Катерина Александровна Прилежаева 68
V. Лицомъ къ лицу съ ближними 77
VI. Послѣдній вечеръ въ родномъ углу 100

Книга II.

I. Дѣтскій пріютъ графовъ Бѣлокопытовыхъ 113
II. «Передайте сосѣду»—старая игра въ ея примѣненіи къ управленію 129
III. Затишье 144
IV. Непріятное событіе въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ 168
V. Старая барыня и старая раба 193
VI. Мелкія чувства его превосходительства 208
VII. Тяжелые дни 226

Часть вторая.

Книга III.

I. Ощупью 245
II. Тревожные вопросы 259
III. «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ» 281

что потерялъ жену, насмѣшливо замѣтилъ спрашивавшій, и по его сильно помятому и обрюзгшему лицу скользнуло выраженіе брезгливости.

Онъ обернулся къ своимъ собесѣдникамъ и спросилъ, произнося слова немного въ носъ и картавя.

— А вы слышали, что изъ-за его сестрицы сегодня застрѣлился графъ Ольтке?

— Нѣтъ! Да неужели! Не можетъ-быть!—раздались восклицанія.

— Я же вамъ говорю, что застрѣлился... Эта пошлая женщина должна была завтра начать съ нимъ бракоразводный процессъ. Какихъ-то людей подкупила, лжесвидѣтелей, падшую женщину.

Послышались отдѣльныя замѣчанія:

— Вотъ новость! Кто могъ ожидать!

— Я его видѣлъ чуть не вчера!

— Конечно, графъ не могъ вынести скандала. Его связи, его фамилія, его положеніе въ обществѣ...

— Наконецъ, у него большіе долги были, вѣдь ему поміру пришлось бы идти,—торопливо вставилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Это былъ совсѣмъ юный, еще безусый, бѣлобрысенькій и женоподобный юнецъ.

Разсказчикъ сдѣлалъ презрительную гримасу и, не отвѣчая юношѣ, заговорилъ:

— Вы, господа, все не то говорите. Имя, фамилія, связи, долги, все это тутъ ни при чемъ. Ошибка лежитъ въ корнѣ дѣла. Просто порядочному человѣку нашего круга невозможно тягаться съ этими торгашами. Они пойдутъ на все то, на что никогда не пойдетъ человѣкъ изъ порядочной семьи, съ родовитымъ именемъ. Это серьезный урокъ всѣмъ намъ не вступать въ разныя мезальянсы...

Безусый юноша, совсѣмъ теперь красный, какъ піонъ, несмѣло и почти пугливо забормоталъ:

— Да... но долги... большіе долги... Какъ же...

Но его никто не слушалъ. Разсказывавшій новость поднялся съ мѣста со словомъ «пора!» и его примѣру послѣдовала вся компанія.

Садъ опустѣлъ, и только нѣсколько цыганокъ походкою шакаловъ еще бродили по верхи йгаллереѣ, чутко прислушиваясь къ говору въ отдѣльномъ кабинетѣ, гдѣ бурлилъ Ворошиловъ, и словно чего-то ожидая...

Оглавленіе

VI ТОМА.

стр.

Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ.

Часть первая.

Книга I.

I. Драма въ подвалѣ 5
II. Темное пятно въ свѣтлой жизни статскаго совѣтника Боголюбова 22
III. Просящіе помощи 44
IV. Катерина Александровна Прилежаева 68
V. Лицомъ къ лицу съ ближними 77
VI. Послѣдній вечеръ въ родномъ углу 100

Книга II.

I. Дѣтскій пріютъ графовъ Бѣлокопытовыхъ 113
II. «Передайте сосѣду»—старая игра въ ея примѣненіи къ управленію 129
III. Затишье 144
IV. Непріятное событіе въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ 168
V. Старая барыня и старая раба 193
VI. Мелкія чувства его превосходительства 208
VII. Тяжелые дни 226

Часть вторая.

Книга III.

I. Ощупью 245
II. Тревожные вопросы 259
III. «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ» 2

что потерялъ жену, насмѣшливо замѣтилъ спрашивавшій, и по его сильно измятому и обрюзгшему лицу скользнуло выраженіе брезгливости.

Онъ обернулся къ своимъ собесѣдникамъ и спросилъ, произнося слова немного въ носъ и картавя.

— А вы слышали, что изъ-за его сестрицы сегодня застрѣлился графъ Нольтке?

— Ньтъ! Да неужели! Не можетъ-быть!—раздались восклицанія.

— Я же вамъ говорю, что застрѣлился... Эта пошлая женщина должна была завтра начать съ нимъ бракоразводный процессъ. Какихъ-то людей подкупила, лжесвидѣтелей, падшую женщину.

Послышались отдѣльныя замѣчанія:

— Вотъ новость! Кто могъ ожидать!

— Я его видѣлъ чуть не вчера!

— Конечно, графъ не могъ вынести скандала. Его связи, его фамилія, его положеніе въ обществѣ...

— Наконецъ, у него большіе долги были, вѣдь ему поміру пришлось бы идти,—торопливо вставилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Это былъ совсѣмъ юный, еще безусый, бѣлобрысенькій и женоподобный юнецъ.

Разсказчикъ сдѣлалъ презрительную гримасу и, не отвѣчая юношѣ, заговорилъ:

— Вы, господа, все не то говорите. Имя, фамилія, связи, долги, все это тутъ ни при чемъ. Ошибка лежитъ въ корнѣ дѣла. Просто порядочному человѣку нашего круга невозможно тягаться съ этими торгашами. Они пойдутъ на все то, на что никогда не пойдетъ человѣкъ изъ порядочной семьи, съ родовитымъ именемъ. Это серьезный урокъ всѣмъ намъ не вступать въ разныя мезальянсы...

Безусый юноша, совсѣмъ теперь красный, какъ піонъ, несмѣло и почти пугливо забормоталъ:

— Да... но долги... большіе долги... Какъ же...

Но его никто не слушалъ. Разсказывавшій новость поднялся съ мѣста со словомъ «пора!» и его примѣру послѣдовала вся компанія.

Садъ опустѣлъ, и только нѣсколько цыганокъ походкою шакаловъ еще бродили по верхнй галлереѣ, чутко прислушиваясь къ говору въ отдѣльномъ кабинетѣ, гдѣ бурлилъ Ворошиловъ, и словно чего-то ожидая...

Оглавленіе

VI ТОМА.

стр.

Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ.

Часть первая.

Книга I.

I. Драма въ подвалѣ 5
II. Темное пятно въ свѣтлой жизни статскаго совѣтника Боголюбова 22
III. Просящіе помощи 44
IV. Катерина Александровна Прилежаева 68
V. Лицомъ къ лицу съ ближними 77
VI. Послѣдній вечеръ въ родномъ углу 100

Книга II.

I. Дѣтскій пріютъ графовъ Бѣлокопытовыхъ 113
II. «Передайте сосѣду»—старая игра въ ея примѣненіи къ управленію 129
III. Затишье 144
IV. Непріятное событіе въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ 168
V. Старая барыня и старая раба 193
VI. Мелкія чувства его превосходительства 208
VII. Тяжелые дни 226

Часть вторая.

Книга III.

I. Ощупью 245
II. Тревожные вопросы 259
III. «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ» 281

IV. Продолженіе предыдущей. 293
V. Начало конца 305
VI. Новыя событія 327
VII. Катерина Александровна идетъ къ своей цѣли 343
VIII. Измѣненія въ судьбѣ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа. 365
IX. Продолженіе предыдущей. 385

Книга IV.

I. Добрый родственникъ 404
II. Семейный разладъ 423
III. Продолженіе предыдущей 445
IV. Вслѣдъ за теченіемъ 456
V. У стараго корыта 473
VI. Эпилогъ 484
Тина 521